

А. Ф. Гильфердинг о истории балтийских славян

А. Ф. Гильфердинг

ИСТОРИЯ
БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН

*Возвращенное
наследие:
памятники
исторической
мысли*

Возвращенное наследие: памятники исторической мысли

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИСТОРИЯ ВАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Д. Е. Кожанчикова.

1874.

Серия основана в 2001 г.

Институт российской истории Российской Академии наук

А. Ф. Гильфердинг

ИСТОРИЯ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН

В ТРЕХ ЧАСТЯХ
С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

*Возвращенное
наследие:
памятники
исторической
мысли*

Москва
Издательский дом
«РУССКАЯ ПАНОРАМА»
2013

Санкт-Петербург
Русско-Балтийский
информационный центр
«БЛИЦ» • 2013

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России»*

Предисловие, комментарии – д. и. н. проф. В. В. Фомин;
комментарии – **С. В. Цветков**

Рецензенты: чл.-кор. РАН, д. и. н., проф. А. Н. Сахаров;
д. и. н., проф. С. В. Перевезенцев

Гильфердинг А. Ф.

Г47 **История балтийских славян.** В 3-х ч. / Биогр. очерк К. Н. Бестужева-Рюмина, вступ. статья и комм. В. В. Фомина, комм. С. В. Цветкова. – М.: «Русская панорама»; СПб.: РБИЦ «Блиц», 2013. – 704 с., ил. – (Возвращенное наследие: памятники исторической мысли).

ISBN 978-5-93165-227-6

ISBN 978-5-86789-427-6

Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872), дипломат, крупный государственный и общественный деятель, выдающийся ученый-славист, историк и филолог, фольклорист, оставил богатейшее научное наследие по истории, лингвистике, фольклору западных и южных славян. Но особое место в его творчестве занимала история исчезнувших южнобалтийских славян, с которыми отечественная, западноевропейская и арабская традиции связывают летописных варягов и русь. В настоящее издание включены фундаментальные исследования ученого, положившие в науку начало изучению южнобалтийской славянской цивилизации, вызывавшей восхищение у современных ей германцев и сыгравшей огромную роль в истории Северной и Восточной Европы: «История балтийских славян», «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» и незавершенные очерки об истории Южной Балтики X – первой половины XI века. Издание снабжено научным аппаратом. Переиздается впервые после издания в составе собрания сочинений 1874 г. Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-93165-227-6

ISBN 978-5-86789-427-6

- © В. В. Фомин, вступительная статья, комментарии. 2013
- © С. В. Цветков, комментарии. 2013
- © Оформление, макет. SPSL, 2013
- © Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2013
- © НП ИД «Русская панорама», 2013

Оглавление

	<i>К.Н.Бестужев-Рюмин. Александр Федорович Гильфердинг как историк</i> _____	11
	<i>В.В. Фомин. Варяги Южной Балтики А.Ф.Гильфердинга</i> _____	17
	ИСТОРИЯ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН _____	61
Часть 1.	[История балтийских славян] _____	61
I.	Географический обзор _____	62
II.	Положение балтийских славян между соседними народами. Родство с поляками. Ляшское племя _____	66
III.	Имя ляхов и славян _____	68
IV.	Имя вендов. Первые известия о прибалтийских вендах. Распространение славов на Поморье _____	69
V.	Образ жизни германских дружин на балтийском Поморье _____	
VI.	Дружина готская _____	73
VII.	Гражданское устройство германских дружин на балтийском Поморье _____	74
VIII.	Движение славян в Придунайских землях _____	76
IX.	Усиление славян на балтийском Поморье во II в. _____	77
X.	Указание Иорнанда на прибалтийских славян во II в. _____	78
XI.	Дальнейшее движение славян. Готское царство Эрманарика _____	81
XII.	Освобождение балтийского Поморья от немецких дружин Аттилой _____	82
XIII.	Остатки германских пришельцев на балтийском Поморье. Известие о видивариях _____	82
XIV.	Известие о прибалтийских славянах в VI в. _____	83
XV.	Утверждение славян на правом берегу Лабы. Поход герулов. Власть германцев на Нижней Лабе _____	84
XVI.	Причины борьбы в Нордалбингии. Запустение на границе славян и саксов _____	85
XVII.	Столкновения балтийских славян с датчанами _____	88
XVIII.	Морские разбои балтийских славян _____	89
XIX.	Влияние постоянной борьбы с соседями на характер балтийских славян. Их воинственность и храбрость _____	91
XX.	Сносливость и упорство в характере балтийских славян. Их честность _____	93
XXI.	Крепость семейного союза _____	95
XXII.	Суровость в отношении к невольникам _____	97
XXIII.	Добродушие, гостеприимство и человеколюбие балтийских славян _____	100
XXIV.	Общее заключение о характере балтийских славян. Их ха-	

	раκτηр в истории. Значение у них некоторых племенных названий _____	104
XXV.	Первые известия о борьбе балтийских славян и саксов. Возвышение и падение вагров между V и VIII вв. _____	105
XXVI.	Показания датских саг о столкновениях датчан с балтийскими славянами _____	107
XXVII.	Саги о Гаральде Гильдстанде. Королевство Рейдготское _____	110
XXVIII.	Битва при Бравалле. Торжество славян над датчанами _____	112
XXIX.	Славянское сказание о великом походе против датчан _____	114
XXX.	Следы славянских поселений на Ютландском полуострове _____	115
XXXI.	Славянские поселения в Нидерландах и Англии _____	116
XXXII.	Поселения балтийских славян в Западной и Южной Германии _____	118
XXXIII.	Торговая деятельность балтийских славян. Торговля вагров и бодричей _____	120
XXXIV.	Торговля поморян. Город Волын или Юлин _____	122
XXXV.	Торговля Щетина и прочих городов поморских _____	124
XXXVI.	Остальные торговые места на славянском Поморье: Рана, Колобрег, Гданьск _____	126
XXXVII.	Направление торговли балтийских славян. Сношения с северными и восточными прибалтийскими народами _____	128
XXXVIII.	Сношения с западными странами, Данией, Германией и прочими _____	129
XXXIX.	Торговля с Польшей и Востоком _____	131
XL.	Последствия борьбы и торговых связей балтийских славян с соседними народами: влияние чужих стихий _____	132
XLI.	Древний семейный быт германцев и славян и его противоположные начала _____	133
XLII.	Быт балтийских славян. Их племенные князья. Древнейший быт велетов (лютичей) _____	136
XLIII.	Древнейший быт бодричей и стодорян _____	140
XLIV.	Позднейший быт велетов (лютичей) _____	141
XLV.	Общий сейм лютичей _____	143
XLVI.	Искаженный характер общинного правления у лютичей и причины его господства _____	144
XLVII.	Позднейший быт бодричей _____	146
XLVIII.	Быт поморян (в начале XII в.). Княжеская власть _____	148
XLIX.	Княжеская власть у ран _____	151
L.	Сословие знатных людей на Поморье и на о. Рана _____	152
LI.	Общественное значение и преимущества поморской знати _____	155
LII.	Совещательное собрание и сходки у поморян _____	157
LIII.	Черты поморского быта при путешествии Оттона Бамбергского _____	160
LIV.	Общие выводы об устройстве поморян _____	163
LV.	Гражданское устройство на о. Рана _____	166
LVI.	Основание общественного порядка у балтийских славян: си-	

	стема дробления земли на волости (жупы); их связь с городами. Дробление Стодорской земли (Бранденбургии) в X в.	
	Дробление земли Бодрицкой _____	167
LVII.	Значение жуп у бодричей, лютичей и поморян _____	176
LVIII.	Значение «городов» у балтийских славян; их отношение к обществу или жуп(е) _____	185
LIX.	Религиозная и административная самостоятельность жуп. Значение и власть жупанов _____	188
LX.	Суд у балтийских славян. Их юридические понятия _____	197
LXI.	Военное значение «городов». Оборонительная система войны у балтийских славян. Пограничные оборонительные линии _____	204
LXII.	Застой и распад в общественной жизни балтийских славян. Причины его _____	218
LXIII.	Религиозное развитие балтийских славян. Влияние германской мифологии _____	223
LXIV.	Древнейшее поклонение славян _____	226
LXV.	Характер религиозного развития у балтийских славян. Вера в единого небесного бога _____	231
LXVI.	Святовит; поклонение ему на о. Ране _____	235
LXVII.	Поклонение Триглаву; его тождество со Святовитом _____	239
LXVIII.	Святовит, как сын неба, Сварожич. Объяснение имени Святовита _____	243
LXIX.	Общее значение Святовита. Его различие от Перуна и от Одина. Дуализм в мифологии балтийских славян: Святовит-Белбог и Чернобог _____	247
LXX.	Жива. Радигость. Яровит _____	254
LXXI.	Частные, местные божества у балтийских славян. Боги Кореницкие и др. Священное копье волынское _____	260
LXXII.	Остатки стихийного поклонения у балтийских славян. Сжигание и погребение мертвых _____	266
LXXIII.	Отношение у балтийских славян стихийного поклонения к антропоморфической мифологии. Многосложность и разнообразие их языческой религии _____	275
LXXIV.	Общественное и политическое значение религии у балтийских славян. Образование теократии. Жрецы. Религиозное развитие ран и святыня арконская _____	278
LXXV.	Общественное значение арконской святыни в ранском народе _____	283
LXXVI.	Всенародное у балтийских славян значение Арконы: общий религиозный их союз _____	286
LXXVII.	Священный город Радигощ в земле лютичей _____	292
LXXVIII.	Общественное и историческое значение Радигоща _____	295
LXXIX.	Общественное значение религии у отдельных племен и волостей (жуп) балтийских _____	299
LXXX.	Общие последствия религиозного развития балтийских славян; их упорство в язычестве _____	303

LXXXI.	Отношение современного христианства к балтийским славянам. Исключительность и светское значение средневековой Римско-католической церкви _____	307
LXXXII.	Неблагоприятное отношение средневековой Римско-католической церкви к балтийским славянам _____	309
LXXXIII.	Исключительность средневековой Римской церкви в отношении к языку: отвращение к языку славянскому _____	311
LXXXIV.	Народная исключительность римского духовенства в отношении к балтийским славянам. Последствия для них вступления в Западную церковь _____	313
LXXXV.	Значение обращения славян для средневековой Германии _____	317
LXXXVI.	Общие последствия религиозного развития балтийских славян и католическо-германского Запада. Борьба их _____	320
LXXXVII.	Общий взгляд на предыдущее изложение. Известия о балтийских славянах в первой половине VIII века: Стурми и Бонифаций _____	321
LXXXVIII.	Первые сношения балтийских славян с франками. Союз бодричей с Пипином и Карлом В[еликим] против саксов _____	324
Часть 2.	Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века _____	327
I.	Введение _____	328
II.	Первоначальное отношение франков к балтийским славянам _____	340
III.	Поход Карла Великого на славянское Поморье _____	342
IV.	Плоды союза бодричей с Франкской державой. Уступка бодричам Западной Голштинии _____	347
V.	Удары датчан и франков на бодричей. Основание немецкой крепости на правом берегу Эльбы _____	352
VI.	Последние войны Карла Великого с балтийскими славянами. Немецкая военная линия на правом берегу Эльбы _____	362
VII.	Последние годы мирной зависимости балтийских славян от Каролингской империи. Славомир и Чадраг _____	369
VIII.	Освобождение балтийских славян от империи Каролингов. Первая попытка христианской проповеди на балтийском Поморье _____	376
IX.	Действия балтийских славян в союзе с норманнами _____	381
X.	События на славянском Поморье до совершенного уничтожения власти Германии над северо-западными славянами, начало проповеди Кирилла и Мефодия у северо-западных славян; ее пресечение _____	387
XI.	Балтийские славяне во время полного упадка Германии в конце IX и начале X веков; их вторжения и переселение в немецкие земли _____	395
XII.	Дополнение к предыдущей главе: обзор поселений балтийских славян, образовавшихся преимущественно в конце IX и начале X веков на западном берегу Эльбы _____	401

Часть 3.	[Продолжение истории балтийских славян]	433
I.	Генрих Птицелов	434
II.	Деятельность Генриха в борьбе со славянами	437
[III.]	Оттон I; его войны со славянами, с вассалами и братьями	443
[IV.]	Основание немецких епископств на земле Славянской	449
[V.]	Война с бодричами и ратарями. Битва при Доше	455
[VI.]	Усмирение славян. Архиепископство Магдебургское	459
[VII.]	Мечислав Польский	464
[VIII.]	Положение славян балтийских в конце X в.	470
[IX.]	Повесть о датских витезях в Йомбурге и о великом витезе Паленатоки	474
[X.]	Значение Йомбурга	481
[XI.]	Местивой князь бодричей	483
[XII.]	Войтех (Адалберт)	492
[XIII.]	Ссора поляков с чехами; союз поляков с немцами. Кицо, князь лютичей	496
[XIV.]	Болеслав Храбрый, Польский	506
[XV.]	Переворот у бодричей	509
[XVI.]	Война Генриха II с Болеславом	514
[XVII.]	Состояние церкви у славян балтийских в начале XI в.	527
[XVIII.]	Повесть о йомских витезях и о великой битве Норвежской	530
[XIX.]	Утверждение власти датской и норвежской на балтийском Поморье	545
[XX.]	История Годескалька, Прибыгнева сына, короля славянского	550
[XXI.]	Адальберт, архиепископ Гамбургский и его планы	560
[XXII.]	Падение власти Польской на Поморье	565
	ПРИЛОЖЕНИЯ	567
	<i>В.В.Фомин. Комментарии к книге А.Ф.Гильфердинга</i>	568
	<i>С.В.Цветков. Комментарии к книге А.Ф.Гильфердинга</i>	585
	<i>И.А.Настенко. Вместо послесловия</i>	667
	Карты	671
	Указатели	675
I.	Имена личные	675
II.	Имена племенные и местные	689

А. Буржуа

К.Н.Бестужев-Рюмин

Александр Федорович Гильфердинг как историк¹

Мы привыкли жаловаться на то, что у нас вообще мало устойчивости в наших предприятиях, наших действиях, что мы быстро переходим от одного дела к другому, от одной цели к другой. В этих жалобах много правды (более, понятно, относительно образованного класса); тем поучительнее для нас примеры людей, посвятивших всю жизнь свою служению одной цели, проводивших через всю жизнь одну идею. Таким человеком был покойный наш председатель А.Ф.Гильфердинг. Не касаясь всех сторон его многообразной деятельности, которые, как лучи, все сходятся к одному общему центру, не касаясь потому, что в этом собрании другие, более меня компетентные и красноречивые судьи, представят вашему вниманию оценку этих сторон, я позволю себе остановиться на одной из них и постараюсь указать связь ее с главной идеей, легшей в основание всей умственной деятельности покойного. Сторона эта — исторические исследования.

Идеей, определившей всю деятельность Гильфердинга, было поднятие нашего народного самосознания; но это самосознание не ограничивалось для него географическими пределами русского государства, ни даже этнографическими гранями русского племени: оно простиралось на весь славянский мир, который являлся ему одним целым, несмотря на разнообразие судеб народов, его составляющих. Единство славянского мира не являлось ему механическим единством: все механическое, внешнее находило в нем строгое осуждение; так, в «Истории сербов и болгар» мы находим красноречивое осуждение единства симеонова царства², как единства внешнего,

¹ Речь произнесена 14 февраля 1873 г. на торжественном заседании Петербургского отделения славянского благотворительного комитета, председателем которого Гильфердинг являлся с 1867 года. Печатается по изданию: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). — М., 1997. Комментарии к тексту статьи — В.В.Фомина.

насилованного, завоевательного. В этой внешности он видел главную причину падения симеоновой державы, несмотря на ее блеск.

Единство это являлось Гильфердингу коренным единством взглядов, понятий. «Народный характер, читаем мы в одной из записных его книжек, составляют не какие бы то ни было нравственные качества, а понятия, на которых он основывает свой общественный и частный быт. Изменяемость нравственных качеств (влияние просвещения и проч.); неизменность этих понятий. Эти понятия – плод первоначальной жизни народа (сравнить с образованием человеческого характера)». Далее, опровергая мнение одного немца, основывавшего родство народов на сходстве нравственных качеств, он говорит: «Это то же самое, что если б я, для доказательства моего родства с таким-то (которого наследство, положим, хотел бы получить), сказал, что он был такой же, как я, неуживчивый человек, так же предпочитал охоту и разбой мирному промыслу, так же был храбр, такой же был пьяница, так же женился из-за денег, любил песни и одевался одинаково. Родство народа с народом, как и человека с человеком, доказывается совсем иначе». Проникнутый этими мыслями, он не оберегает древних славян от обвинений, например в пиратстве, и тем избавляет от свойственной многим историкам слабости находить у одного народа все добродетели, а у другого – все пороки; зато за понятиями он следит внимательно и их-то старается выставить на первый план. Припомним подробный анализ учреждений общественных и семейного быта у славян балтийских под влиянием большего или меньшего искажения, приносимого немцами; припомним краткий, но блистательный очерк истории Чехии, доказывающий то же самое. Крайним выражением той же самой мысли служит характеристика главнейших племен арийских в «Древнейшей истории славян», где, как вам известно, три пары народов, чередовавшихся в челе народов арийских, индусы и персы, греки и римляне, германцы и славяне разделены на две группы: в одной отличное свойство – индивидуализм с его блестящим умственным и художественным развитием; в другой – общность с неизбежно соединенной с нею способностью к политической организации. Эта характеристика, возбудившая против себя толки, быть может, требует значительных смягчений, но тем не менее она не только блистательно-остроумна, но и в высшей степени важна, как указание на то, чего должен преимущественно добиваться историк в изучении жизни народов, в чем он должен полагать свою главную задачу. Дей-

² Симеон (ум. 927), болгарский князь с 893, царь с 919 года. При нем высшего могущества достигло Первое Болгарское царство (681–1018 гг.).

ствительно, с течением времени все изменяется: и обычаи, и нравы, и экономические отношения, а все-таки остается что-то такое, что составляет сущность народной жизни, и это что-то есть понятие выражающееся, так или иначе, среди всех изменений судеб народа. Ясно, что, поставив себе подобную задачу, Гильфердинг не мог довольствоваться частными историческими исследованиями, медленно подготовляющими материалы для будущего здания и долго, и с сомнением осматривающими каждый камень, годен ли он для предполагаемого здания; не мог он также довольствоваться изложением того, что уже принято в науке, имеющем в виду подготовить новых тружеников на этом поле, указать им, что сделано и чего еще не сделано. Поставив целью истории вообще, а следовательно, и своих собственных исторических трудов – не только изображать прошлое, т. е. выражать, насколько народ проявил себя в своей истории, но и будить народное сознание в настоящем, он не мог ограничиться ни той, ни другой деятельностью. Он даже с некоторой недоверчивостью относился к различным мнениям, многие из которых казались ему просто ученой прихотью; а следовательно, занятие ими было бы только отвлечением от главной цели. Оттого в его сочинениях так мало полемического элемента, что им придает особую занимательность. Что бы мы ни думали по этому поводу, нельзя не согласиться, что со своей точки зрения он был совершенно прав: он прокладывает новые пути, ведет по ним; до того ли ему, чтоб доказывать, что старые никуда не годятся, или годятся только вполовину!

При таком настроении, при таком характере деятельности, ясно, что автор не мог ограничиться даже историей одного народа. Широкое поприще общей славянской истории манило его к себе очень рано. В бумагах его лежит красиво переплетенная тетрадка под заглавием: «Краткий очерк истории славянских народов в IX и X столетии». Тетрадка эта писана им, по всем признакам, внутренним и внешним, еще в то время, когда он был в Варшаве (т. е. до 1847 года³). Здесь рассказывается расселение славян, основание первых государств, проповедь Кирилла и Мефодия, падение государств болгарского и моравского, основание польского. Словом, мы встречаемся с теми же самыми задачами, которые занимали его всю его жизнь и, что всего интереснее, с теми же свойствами изложения, которые дают покойному такое высокое место в рядах русских писателей: умение отделить существенное от несущественного, поставить событие в правильной исторической перспективе, изло-

³ А. Ф. Гильфердинг детские и юношеские годы провел в Варшаве, где служил его отец. В 1848 г. он поступил в Московский университет.

жить ясно, просто и положительно. Почти первыми его печатными произведениями были два исторические сочинения: «Письма об истории сербов и болгар» (часть 1-я в «Московских ведомостях» 1854 года, а 2-я в «Русской беседе» 1857 года) и «История балтийских славян» (в «Москвитянине» 1854 года и в «Архиве Калачева» 1861 года⁴). Оба, к сожалению, остались неоконченными (впрочем, в бумагах найдено продолжение истории балтийских славян до смерти императора Генриха III⁵). Сочинения эти, мало известные у нас вначале, обратили на себя внимание в славянских землях («История сербов» переведена на немецкий язык). В нашей тогдашней историографии они были положительной новостью: историей славян занимались, большей частью, люди с преобладанием фантазии (Венелин, Савельев)⁶, профессора же славянских наречий отдавались почти исключительно филологии и отчасти археологии; существовал только перевод великого творения Шафарика⁷, но он был положительно не доступен большинству читающих. Таким образом, для многих из тех, кто случайно прочел эти сочинения, они были бы решительной новостью; но тогда их читали весьма немногие. Вспомним, что это было время господства в образованном обществе крайнего западничества. Сочинения эти, в которых порою проглядывает юношеская неумелость (следы ее, впрочем, сглажены в новом издании: уничтожены формы писем, уничтожены некоторые обращения), явление в высшей степени замечательное. Это история не только событий и даже смены учреждений и бытовых особенностей; нет, это история понятий и воззрений: перед нами сплывается из различных стихий царство болгарское и рядом с ним образуется сербское.

⁴ «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», издаваемый Н. В. Калачевым в Петербурге в 1859–1861 гг, где была опубликована монография А. Ф. Гильфердинга «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» (в 1861 г. вышла отдельным изданием).

⁵ В настоящем издании представлены «История балтийских славян», «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» и та неоконченная работа А. Ф. Гильфердинга, о которой говорит К. Н. Бестужев-Рюмин.

⁶ Совершенно неоправданное скептическое отношение К. Н. Бестужева-Рюмина к трудам Ю. И. Венелина и Н. В. Савельева-Ростиславича приоткрывало прежде всего из того, что они в варяго-русском вопросе занимали твердые антинорманистские позиции.

⁷ Шафарик П. И. (1795–1861), выдающийся словацкий историк, автор знаменитых «Славянских древностей» (*Safarik P. J. Slovanske starozitnosti*. Т. 1–2. – Praha, 1837; русское издание, осуществленное антинорманистом О. М. Бодянским: Т. 1. Кн. 1. – М., 1837; Т. 1. Кн. 2. – М., 1837; Т. 1. Кн. 3. – М., 1838; Т. 2. Кн. 1. – М., 1848; Т. 2. Кн. 2. – М., 1848; Т. 2. Кн. 3. – М., 1848.

Болгарское принимает христианство – здесь мы видим значение христианской проповеди; блистательный век Симеона, его отношения к Византии, причины падения его разностихийного царства, причины неудачи попытки Самуила и характеристические преступления в его роде. Картина выходит замечательно полная и округленная без всякого желания блистать внешней картинностью рассказа и бить на эффект; отсутствие эффекта при замечательной стройности изложения – более всего поражает непредубежденного читателя. Строгий критик может остановиться на том, почему принято одно показание или оставлено другое; все это может быть, и пусть об этом судят специалисты; но такую картину нарисует не всякий специалист. «История балтийских славян» представляет те же достоинства, но с той разницей, что здесь в значительной доле повествование о внешних событиях (известия о которых скудны) оттеснено на задний план изложением особенности быта, представляющего такое разнообразие в этом уголке славянщины, где нашли себе место все формы устройства, которые только встречаются у древних славян (княжеская власть у одних, аристократия – у других, демократия – у третьих), где есть и попытки федерации, формы, как очень основательно доказывал Гильфердинг, никогда не имевшей полного успеха на почве славянской. Ряд публицистических статей Гильфердинга (Сочинения, т. II-й) тесно примыкает к его историческим трудам: все это небольшие исторические этюды, вызванные тем или другим общественным или политическим вопросом, возникавшим у нас или в землях других славян. Эти мелкие статьи, все зрело обдуманные и превосходно написанные, служат лучшим ключом к важнейшему труду его жизни – «Истории славян», которому не суждено было кончиться. Цель и значение этого труда автор объясняет в приготовленном им предисловии к задуманному изданию первых глав этого труда, которые напечатаны в «Вестнике Европы» и к которым должны были присоединиться еще две главы: о предполагаемых древнейших колониях славян, преимущественно о вендах в Галлии и о скифах, сохранившиеся в черновом наброске и, к сожалению, обе неоконченные. Вот то предисловие, о котором я говорил:

«Я давно мечтал о том, чтоб написать общую историю славянских народов. Я сознавал всю отважность такого предприятия; сознавал, что удовлетворительное исполнение подобной задачи не под силу не только мне, но, вероятно, никому из людей нашего поколения. Когда история каждого славянского народа в отдельности еще мало уяснена, а у некоторых даже вовсе не разработана; когда у каждого целые эпохи остаются еще загадочными и важные стороны жизни необъясненными, когда везде только еще собираются мате-

риалы и беспрестанно наводят на новые нетронутые вопросы: в такое время рано думать об общей истории славян, сколько-нибудь полной, но и теперь общая история славян нам нужна; я считаю такую историю даже настоятельною необходимостью для нашего образования. Мы учимся истории России, как отдельному предмету; а история болгар, сербов, чехов, поляков приурочена ко всемирной истории и представляется в совокупности с историей европейского Запада. Мы узнаем из нее имена Святополка Моравского и Душана, Гуса и Жижки, Болеслава и Казимира Великого; но получаем ли мы хоть самое поверхностное понятие о ходе исторического развития у славянских народов, которых эти лица были представителями, о значении, какое Святополк и Жижка, Болеслав и Казимир имели у себя дома, а не только перед лицом своих западных соседей. Поляки и чехи, сербы и болгары должны теряться на картине, изображающей их вместе с более могущественными и счастливыми народами Запада, вместе с Германией и Францией, с Англией и Италией; а когда эта картина, как у нас привыкли, бывает списана с произведений немецкой или французской кисти, то Чехии и Сербии, Болгарии и Польше отводится на ней даже меньше места и угол темнее, нежели какой им принадлежал на самом деле. Нет, нам нужно соединить историю славянских народов в одно целое; иначе мы всегда, как теперь, будем знать прошедшее ближайших соплеменников меньше, чем историю других народов. На первый раз, для практической цели, было бы, может быть, достаточно компиляции, сборника, где изложена была бы отдельно история каждого славянского народа, и я уверен, что тот, кто исполнит такой труд, окажет большую услугу читающему обществу. Но эта не есть та общая история славян, о которой я мечтал. Мне хотелось не только сопоставить историю славянских народов; но и связать ее. Попытаюсь это сделать, уверенный, что первая и поневоле весьма неудачная попытка такого рода, тем не менее, окажется полезною».

Долго и много готовился он к этому важному труду; много перечитал для него: масса выписок, расположенных по предметам и заимствованных из самых разнообразных писателей древности; масса хронологических указаний, занесенных в особые книги – свидетельствуют об упорном труде. Изложение книги доведено до высшей степени искусства, до художественной простоты. Просматривая это так широко задуманное, но, к сожалению, остановившееся в самом начале сочинение, как-то сильнее чувствуешь утрату человека, так много сделавшего, так много обещавшего и так рано сошедшего с поприща.

В.В.Фомин

Варяги Южной Балтики А.Ф. Гильфердинга

В 1878 г. А.А. Куник напомнил, что «скептик» М.Т. Каченовский около 1830 г. «указывал своим слушателям на исчезнувших балтийских славян, как на родичей варяго-русов, несмотря на то, что история последних была в то время еще мало разработана и являлась Каченовскому с его последователями совершеннейшею «terra incognita»¹. Эти слова крупнейшего норманиста XIX в. нуждаются в некотором уточнении, поскольку на южнобалтийских славян и на их важнейшее участие в истории славян восточноевропейских задолго до «скептиков» указывали принципиально важные источники и исследования, прекрасно известные европейскому и российскому научному миру до 30-х гг. XIX столетия. И среди них прежде всего надлежит назвать «Космографию» С. Мюнстера и «Записки о Московии» С. Герберштейна, вышедшие соответственно в 1544 и 1549 гг., и которые в XVI–XVII вв. не только неоднократно переиздавались в крупнейших европейских центрах (Вене, Венеции, Базеле, Антверпене, Праге, Франкфурте-на-Майне и др.), т. е. массово расходились по всей Европе, но и во многих своих положениях повторялись авторами, бравшимися за написание истории России. Эти уникальные сочинения бесценны еще потому, что в них впервые за столетия полнейшего забвения прозвучала информация о южнобалтийских славянах и южнобалтийской Вагрии. Так, Мюнстер подчеркивал, что Рюрик, приглашенный на княжение на Русь, был из народа «вагров» или «варягов», главным городом которых являлся Любек. А Герберштейн говорил, что Вагрия – это город и область «вандалов» («вандалами» и «венедами» германские памятники именуют балтийских и полабских славян²), заселенная

¹ Замечания А. Куника (По поводу критики г. Фортинского). – СПб., 1878. С. 5.

² Гельмольд. Славянская хроника. – М., 1963. С. 36; Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. – М., 2003. С. 206, 236–237, 240;

славянами, которые «не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком». Вел дипломат и речь об остатках славян, «живущих кое-где на севере Германии за Эльбой»³.

Вместе с тем интерес к южнобалтийским славянам поддерживали с XVI в. в Германии генеалогические разыскания, выявившие славянские корни немецких княжеств: «ободритские» в Мекленбурге и «сорбские» в Бранденбурге⁴, а также ввод в научный оборот западноевропейских источников (хроник Видукинда Корвейского, Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Гельмольда, Саксона Грамматика, жития Оттона Бамбергского и др.), дающих богатый материал по истории этих славян до завоевания их германцами. Занятия генеалогией постепенно перерастают у немецких ученых в весьма устойчивое и целенаправленное внимание к прошлому южнобалтийских славян, результатом чего стало установление их теснейшей связи со славянами Восточной Европы. Так, Б.Латом (1560–1613 гг.) и Ф.Хемниц (1611–1687 гг.) констатировали, что Рюрик, с которым летописная традиция связывает начало династии Рюриковичей на Руси, жил около 840 г. и был сыном ободритского князя Годлиба (по другим вариантам, приведенным позже, Годелайва, Годелейба), убитого датчанами в 808 г. при взятии их главного города Рарога⁵, расположенного у Висмарского залива, и который датчане именовали Рериком⁶ (ободриты-бодричи-рериги – одно из самых могущественнейших славянских племен Южной Балтики). В 1688 г. прусский историк М.Преторий специально заострил внимание на том обстоятельстве, что русские призвали себе князей «от

Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. Кн. 1. – М., 1986. С. 11; там же. Кн. 2. – М., 1986. С. 687, примеч. к с. 595.

³ *Münster S. Cosmographia*. Т. IV. – Basel, 1628. S. 1420; *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М., 1988. С. 58, 60.

⁴ *Ротин В.К.* Славяне к западу от Одера в немецких памятниках XIV–XV вв. // *Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы (Сборник тезисов)*. – М., 1990. С. 34.

⁵ *Bayer G.S. De Varagis* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. IV. – Petropoli, 1735. P. 278–279.

⁶ *Гельмольд*. Указ. соч. С. 37; *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян // *Его же. Собрание сочинений*. Т. 4. – СПб., 1874. С. 57, 271–272; *Перволюф И.И.* Германизация балтийских славян. – СПб., 1876. С. 30, 146–147.

народа своей крови» «из Пруссии и с ними сообщенных народов», но только не из Дании или Швеции⁷.

В 1708 г. вышел первый том знаменитых «Генеалогических таблиц» И. Хюбнера, неоднократно затем переиздаваемых. Династия русских князей Хюбнер начинает с Рюрика, потомка вендо-ободритских королей, пришедшего, отмечает исследователь, около 840 г. с братьями Синаусом и Трувором в Северо-Западную Русь⁸. В 1710 г. великий Г.В. Лейбниц, занимаясь в силу возложенных на него с 1685 г. обязанностей придворного историографа, древностями герцогства Брауншвейг-Люнебургского и Ганноверского, включавшего в себя земли, на которые когда-то распространялась власть ободритов, в том числе земли вагров, и параллельно с тем (с начала 1690-х гг.) изучая историю России, сказал, что родиной варягов могла быть только «Вагрия, область, в которой находится город Любек, и которая прежде вся была населена славянами, ваграми, оботритами и проч.». Поясняя, что «Вагрия всегда была страной с обширною торговлею, даже еще до основания Любека», он заключил: «Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произнести звук *gr*, сделали из Вагрии варяг». И, согласно Лейбницу, Рюрик «был датского происхождения, но пришел из Вагрии или из окрестных областей»⁹. Разговоры об этнической принадлежности Рюрика в 1717 г. вылились в настоящую дискуссию между учеными северонемецкого г. Гюстрова (кстати сказать, расположенного в бывших владениях славян-варнов, входивших в состав ободритского союза племен) Ф. Томасом и Г.Ф. Штибером, в ходе которой Томас, оспорив мнение о скандинавском происхождении Рюрика, вывел его из славянской Вагрии¹⁰ (сегодня норманист В.Я. Петрухин почему-то связывает факт отождествления вагров и

⁷ *Praethorius M.* Orbis Gothicus. – Oliva, 1688. Liber II. Caput 2. § VI. P. 17.

⁸ *Hübner J.* Genealogische Tabellen, nebst denen darzu Gehörigen genealogischen Fragen. Bd. I. – Leipzig, 1725. S. 281. Die 112 Tab.

⁹ *Герье В.И.* Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. – СПб., 1871. С. 102; *Latvakangas A.* Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. – Turku, 1995. S. 195–196; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. – М., 2005. С. 432–433.

¹⁰ *Thomas F.* Avitae Russorum atque Meklenburgensium principum propinquitatis seu consangvinitatis monstrata ac demonstrata vestica. – Anno, 1717. S. 9–14; *Мыльников А.С.* Славянская этническая общность в немецкой науке

варягов с именем Томаса и видит в том «заказной характер»¹¹. Но о ваграх как варягах говорили еще в 1540-х гг. немцы С.Мюнстер и С.Герберштейн. И если использовать выражение Петрухина, то «заказной характер» носит норманская теория; созданная в XVII в. шведскими «рикс-историографами» – П.Петреем, Ю.Видекинди и др. – с целью обоснования давних притязаний – с середины XII столетия – своих правителей на Восточную Прибалтику и части северо-западных и северных областей России¹²).

В 1728 г. профессором Г.Г.Клювером в истории Мекленбургского герцогства (вскоре переизданной) было отмечено ободритское происхождение русского князя Рюрика. В 1741 г. М.И. Бэр в вышедшей на латинском языке «Мекленбургской истории» (через 18 лет был опубликован ее немецкий перевод) вслед за Томасом утверждал, что у «короля рутенов и ободритов» Витислава (Витислава, ум. в 795 г.) был сын Годелайв (Godeleibus), сыновьями которого были Рюрик (Rurik), Синао (Sinao) и Трувор (Truwor), и что первый из них со временем «основал Новгород и стал великим князем русов». При этом он отверг мнение шведа Петрея, высказанное в 1614–1615 гг., о выходе летописных варягов из Швеции¹³. В 1753 г. С. Бухгольц, проведя тщательную проверку имеющегося у него материала, привел в своем «Опыте по истории герцогства Мекленбург» генеалогию вендо-ободритских королей и князей, чьей ветвью являются сыновья Годлиба Рюрик, Сивар и Трувар, ставшие, как при этом было подчеркнуто, «основателями русского правящего

начала XVIII в. (Из истории славянских изучений в Мекленбурге) // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США. – М., 1989. С. 5–25; *его же*. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. – СПб., 1996. С. 131–133; Меркулов В.И. Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Автореф... дис... канд. наук. – М., 2003. С. 5–6, 11–12; *его же*. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 8 (156). Антинорманизм. – М., 2003. С. 137; *его же*. Откуда родом варяжские гости? – М., 2005. С. 54–55.

¹¹ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). – М., 2000. С. 84, примеч. 13.

¹² См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 8–57; *его же*. Начальная история Руси. – М., 2008. С. 10–16.

¹³ Klüver H.H. Vielfältig vermehrte Beschreibung des Herzogtums Mecklenburg. Dritten Teils erstes Stück. – Hamburg, 1739. S. 32; Beer M.I. Rerum Meckleburgicarum. – Lipsiae, 1741. P. 30–35; Меркулов В.И. Немецкие генеалогии... С. 137–138, 144–145; *его же*. Откуда родом варяжские гости? С. 55, 58.

дома»¹⁴. В целом, как подытоживал в 1998 г. А.Г. Кузьмин, имея в виду работы названных немецких историков и предания, очень долго слышимые на Южной Балтике, что в пределах последней вплоть до XVIII в. «не сомневались в южнобалтийском происхождении варягов и рода Рюрика. При этом, однако, не было уверенности в его племенной принадлежности»¹⁵.

Показательно, что тему южнобалтийские славяне и их связи с восточноевропейскими сородичами сразу же попыталась вычеркнуть из науки та ее часть, которая отличается ярко выраженным предубеждением в варяжском вопросе и отсюда допускающая неприкрытую тенденциозность в подборе источников и их толковании, – норманисты, в данном случае жившие в России немецкие ученые Г.З. Байер и Г.Ф. Миллер. В 1735 г. Байер в статье «De Varagis» («О варягах») утверждал, во-первых, что «Преторий пруссов древних с поколениями славенских народов смешал. И то он сие весьма коварно учинил, дабы поляком прислужиться...». Во-вторых, что Герберштейн сыскал «Вагрию и вагров... Имел он сходство имени, дело весьма легкое, токмо бы оное крепкими доводами утверждено было. Однако ж Бернард Латом, Фридерик Хемниций и последователи их сие первое от всех как подлинное положили. И понеже они сыскали, что Рурик жил около 840 года по рождестве Христовом, то потому и принцов, процветавших у вагров и абартритов, сыскивали. И понеже у Витислава короля два сына были, один Тразик, которого дети ведомы были, другой Годелейб, которого дети неизвестны, то оному Рюрика, Трувора и Синава причли. Что же опричь имени в сем догаде Герберштейну понравилось, что вагры славенского народа с россиянами родственники были»¹⁶.

Во время дискуссии 1749–1750 гг., вызванной его диссертацией «О происхождении имени и народа российского», Миллер убеждал, что если он опирается «на историческую справедливость из древних летописей», то «Ломоносов выдумывает, будто варяги по прозва-

¹⁴ *Buchholtz S. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. Rostock, 1753. II Stammtafel.* Подобные изыскания немецкие ученые будут проводить и в XIX веке. Так, в 1860 г. Ф. Виггер систематизировал в своих «Мекленбургских анналах» показания «немецких и датских источников, которые называют Годлиба (Годелейба) князем племени варягов в составе союза ободритов» (*Меркулов В.И. Немецкие генеалогии... С. 145, примеч. 16*).

¹⁵ Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. – М., 1998. С. 214.

¹⁶ *Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. – М., 2006. С. 344, 346.*

нию русь были особым славянским племенем на южном берегу Балтийского моря...», ибо не может подкрепить свои выдумки «свидетельствами историй». При этом историк категорично уверял, вопреки вышеприведенному материалу, который хорошо знал, ибо в основу своей диссертации положил упомянутую статью Байера, что «ни у кого из писателей в уме никогда не было, кроме автора киевского «Синописа», варягов признавать за славян»¹⁷.

Дискуссия во многом благотворно подействовала на Миллера, так что позже он уже не позволял себе игнорировать ни известия о выходе варягов из Вагрии, ни показания «мекленбургских писателей», выведивших Рюрика от ободритских князей¹⁸. Наш исторический гений М.В. Ломоносов, блестяще продемонстрировав в 1749–1750 гг. ошибочность норманистских позиций Миллера¹⁹, отметил (а этот факт лишь более чем столетие спустя вынуждены были признать норманисты в 1877 г. в лице своего крупнейшего представителя датского лингвиста В. Томсена²⁰), «что имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано», в связи с чем заключил, «что варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах, между реками Вислою и Двиною». Тогда же он, обратив внимание на название устья Немана Руса, пришел к выводу о существовании в прошлом Неманской Руси, откуда, по его мнению, только и могли явиться к восточным славянам варяжские князья²¹ (идею ученого о Неманской Руси поддержали затем, следует подчеркнуть этот принципиально важный факт, его научные оппоненты и критики – норманисты Г.Ф. Миллер, Н.М. Карамзин, И. Боричевский, М.П. Погодин²²).

¹⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 199. Оп. 1. 48. № 2. Л. 59–60; *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. – М.–Л., 1952. С. 55.

¹⁸ *Миллер Г.Ф.* Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Ч. 2. Июль. – СПб., 1761. С. 10; *его же.* О народах издревле в России обитавших. – СПб., 1788. С. 118–119, 121 (впервые была опубликована в 1773 г.).

¹⁹ См. подробнее о Ломоносове-историке и его выдающемся вкладе в разработку отечественной истории и прежде всего варяго-русского вопроса, о конкретном содержании дискуссии между ним и Миллером: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 58–119; *его же.* Ломоносов.

²⁰ *Томсен В.* Начало Русского государства. – М., 1891. С. 80, 82.

²¹ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 33–34, 36, 65–66.

Свои мысли по поводу этноса и родины варяжской руси Ломоносов развернул в «Древней Российской истории», при этом дополнительно ведя речь о руси-ругах на о. Рюгене и связывая с русскими Роталу-Русию (о ней повествует датский хронист XII–XIII вв. Саксон Грамматик), которая «от устья полуденной Двины недалече. Близ Пернова, на берегу против острова Езеля, деревня, называемая Ротала, подает причину думать о старом месте помянутого города, затем что видны там старинные развалины». В «Древней Российской истории», а также в «Кратком Российском летописце» Ломоносов дал первый, хотя и краткий, но вместе с тем довольно емкий очерк истории южнобалтийских славян, сказав о их частых и кровавых войнах «с северными, а особливо с датскими королями, весьма славны», о том, что они «издревле к купечеству прилежали. В доказательство великого торгу служит разоренный великий город славенский Виннета, от венетов созданный и проименованный». После чего он привел слова западноевропейского хрониста Гельмольда (XII в.), что этот город «все европейские города превосходил величеством. ... Купечествовал товарами разного рода с разными народами пребогатый город и все имел, что бывает редко и приятно». Ломоносов также сказал о занятии этих славян «морским разбойничеством» и довольно подробно остановился на характеристике их нравов и религии. В 1758 г. В.К. Тредиаковский говорил, что «померанские руги» и есть варяжская русь, славянская по происхождению и «вещавшая» на языке славянском, и что именно она была призвана в 862 г. к своим восточноевропейским соплеменникам. При этом он заметил, что, во-первых, князья, прибывшие на Русь «державствовать», есть «царские сыновья», т. к. они были рода «вагрского царя» Витслава (в подтверждение своей правоты Тредиаковский сослался на изыскания Латома и Хемница). Во-вторых, что «каждый народ охотнее подчиняется подобородному государю, нежели иноплеменному»²³.

Но с наступившим в нашей науке в начале XIX в. под влиянием А.Л. Шлецера торжеством норманизма тема южнобалтийских сла-

²² Миллер Г.Ф. Краткое известие... С. 9; *его же*. О народах... С. 107–111; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. – М., 1799. С. 58, примеч. 111; Боричевский И. Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк. Т. 7. – СПб., 1840. С. 174–182; Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. – М., 1874. С. 389–390.

²³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 175, 184–187, 205–216, 295; Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. – СПб., 1773. С. 200–203, 222–224.

вян, по понятным причинам, была закрыта (Н.М. Карамзин ограничился лишь небольшим описанием их богов²⁴). И ее заново, по сути, открыли в 1830-х гг. М.Т. Каченовский и его ученики (прежде всего О.М. Бодянский и М. Перемышлевский), указавшие, приведя значительно число источников, на славянскую Южную Балтику, на наличие теснейших связей между данным районом балтийского Поморья и Новгородской землей, и утверждавшие о существовании в последней колонии южнобалтийских славян-варягов, из-за притеснения прибывших, по мнению Бодянского, вначале из Вагрии, а затем пополненных выходцами из племен ободритов и ругиян. Причем «скептики», отмечая занятие южнобалтийских славян мореплаванием, торговлей, пиратством, наличие у них многочисленных городов, славившихся «населением, богатством и промышленностью», констатировали, что они имели «очевидные признаки гражданственности». Каченовский, развивая и укрепляя у своих слушателей тягу к прошлому и настоящему славян, первым в России ввел в учебный план историю славянских литератур, которую преподавал в 1835–1842 гг., возглавляя кафедру истории и литературы славянских наречий Московского университета²⁵. В середине 30-х – начале 50-х гг. XIX в. в отечественной литературе о южнобалтийских славянах продолжали настойчиво напоминать антинорманисты, в той или иной мере ставя в связь с ними варяго-русский вопрос (Ю.И. Венелин, Ф.Л. Морошкин, М.А. Максимович, Н.В. Савельев-Ростиславич и др.)²⁶.

Интерес к изучению прошлого, как тогда говорили, «германских славян» подогревали вместе с тем исследования, в центре внимания которых была судьба самой южной их части – лужицких сербов, представлявших собой единственный и весьма незначительный

²⁴ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 83–87.

²⁵ Каченовский М.Т. О баснословном времени в Российской империи // Ученые записки Московского университета. Ч. 1. № 2. М., 1833. С. 273–298; № 3. С. 674–689; *его же*. Из рассуждения о Русской Правде // Там же. Ч. 3. № 9. М., 1835. С. 352–388; Бодянский О.М. О пользе изучения российской истории в связи с всеобщей // Там же. Ч. 2. № 4. М., 1833. С. 17–45; № 5. С. 219–259; № 6. С. 435–483; Ч. 3. № 7. М., 1834. С. 62–93; *его же*. О мнениях касательно происхождения Руси // Сын Отечества. Т. LI. Ч. 173. СПб., 1835. С. 73, 81–82, 117–119, 173–174; Перемышлевский М. О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова // Ученые записки Московского университета. Ч. 3. № 9. М., 1834. С. 415–465; Липтева Л.П. Изучение славянских литератур в университетах России в XIX – начале XX в. // Зарубежные славяне в прошлом и настоящем. – М., 1999. С. 103–104.

²⁶ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 135–137.

остаток (на период середины XIX в. порядка 150 000–160 000 человек²⁷) многочисленного народа, некогда занимавшего обширные пространства Центральной Европы (лужицкие сербы жили в Саксонии и Пруссии, были почти онемечены, исповедовали католицизм и протестантизм, преимущественно последнее). В 1783 г. вышла работа лужичанина К.Г. Антона «Первые наброски опыта о происхождении, нравах и обычаях, мнениях и знаниях древних славян», изданная в Лейпциге и написанная на основе показаний «древних писателей». В 1832 г. в Гамбурге увидело свет сочинение Г.А. Чоппе и Г.А. Штенцеля «Собрание источников по истории происхождения городов и введения немецких колонистов и прав в Силезии и Верхней Лужице» (в 1845 г. русский ученый К.Д. Кавелин положил ее в основу статьи «Юридический быт Силезии и Лужиц и введение немецких колонистов»). В 1839–1842 гг. И.И. Срезневский, будучи командированным Министерством народного просвещения в славянские земли для подготовки к званию профессора славянской филологии, побывал в Верхней и Нижней Лужицах, пройдя их пешком и посетив почти все серболужицкие города и села, и осмотрев древние городища и захоронения. Итогом обращения Срезневского к истории этого самого небольшого славянского народа стали две статьи: «Исторический обзор серболужицкой литературы» (1844 г., в ней вместе с тем даны историко-этнографические сведения о лужичанах, рассказывается о их связях с другими славянами), с которой специалисты по праву связывают начало разработки темы «о лужицких сербах не только в Лужицах, но и за ее пределами», и «О городищах в землях славянских, преимущественно западных» (1850 г.), а также лекция, прочитанная в 1842 г. в Харьковском университете²⁸. Материал, собранный ученым за время его пребывания во многих славянских землях (Чехии, Моравии, Силезии, Крайне, Штирии, Далмации, Черногории, Хорватии, Сербии, Галиции и др.), в том числе лужицких сербов, был использован им в «Исследованиях об языческом богослужении древних славян» (1847 г.).

С 30-х гг. XIX в. тема славян вообще и, в частности, южнобалтийских прочно закрепляется в историографии, чему способствовали

²⁷ *Микуцкий С.П.* Остатки языка полабских славян. – Варшава, 1873. С. 2; *Лантева Л.П.* История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в. – М., 1974. С. 383, примеч. 82; *ее же.* История славяноведения в России в XIX веке. – М., 2005. С. 276.

²⁸ *Лантева Л.П.* История и этнография лужицких сербов... С. 365–369, 371–372, 375, 378–379.

работы выдающихся ученых той поры – основателя сравнительного языкознания немецкого лингвиста Ф. Боппа и словацкого историка П. И. Шафарика. В 1833 г. Бопп в своей знаменитой «Сравнительной грамматике» доказал, что славянский язык, наряду с армянским, греческим, кельтским, итальянским, германским, иллирийским, литовским, индо-иранскими и другими (в том числе «мертвыми» языками), входит в индоевропейскую языковую семью, имеющую единую первооснову (недавно В. В. Седов напомнил, что еще в конце XVI в. Ф. Сосети указал «на несомненную связь отдельных европейских языков с санскритом...»). Во второй половине XVIII в., когда европейские ученые ближе познакомились с последним, то тогда родилась мысль «о родстве славянского языка с латинским, греческим, немецким, персидским и санскритом. П. Х. Левек, И. Леванда, Ф. П. Аделунг и некоторые другие высказывали догадки о происхождении латинян, греков, германцев и славян от единого древнего народа, о возникновении их языков из единого праязыка»²⁹. Труд Боппа, а вместе с ним труды середины и второй половины XIX в. видных лингвистов того времени, например, словенца Ф. Миклошича и немца А. Шлейхера, которые сыграли весьма значительную роль в сравнительно-историческом изучении славянских языков³⁰, самым серьезным образом подпитывали внимание научной общественности Европы и России к разработке древней истории славян.

В «Славянских древностях» (1837 г.), на которых выросло не одно поколение европейских и российских исследователей, Шафарик, опираясь на показания всех известных к тому времени античных и средневековых авторов, на лингвистические и этнографические

²⁹ Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslawischen, Gotischen und Deutschen. – Berlin, 1833; Седов В. В. Славяне в древности. – М., 1994. С. 18–19.

³⁰ Miklosich F. Altslovenische Lautlehre. Vienna, 1850; *idem*. Formenlehre der altslovenischen Sprache. Vienna, 1850 (второе издание 1854 г.); *idem*. Lexicon palaeoslovenicum. Vienna, 1850 (второе издание 1865 г.); *idem*. Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen. Bd. I–IV. – Vienna, 1852–1875 (первое и второе издания); *idem*. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. Vienna, 1874; *idem*. Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. – Vienna, 1886; Schleicher A. Formenlehre der kirchenslawische Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. – Bonn, 1852; *idem*. Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache. – Leipzig, 1858; Шлейхер А. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков // Записки Академии наук. Т. VIII. Кн. 1. – СПб., 1865. С 1858 г. Шлейхер совместно с А. Куном издавал «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen».

данные, во-первых, опроверг «классические» положения немецкой историографии, согласно которым славяне либо пришли в Европу из Азии вместе с гуннами в IV–V вв., либо обитали до своего расселения на небольшом острове в Пинских болотах, и доказал, что «народ славенский уже в отдаленнейшую эпоху был велик и многочислен, и жил с незапамятной поры в Европе оседлым, т. е. со времен той глубокой древности, в которую стали обитать в Европе родственные ему народы: фракийский, греколатинский, кельтский, немецкий и литовский», и тем самым поставил, по справедливому замечанию А.Г. Кузьмина, «проблему происхождения славян на научную основу...»³¹. Во-вторых, южнобалтийским и полабским славянам, чья история была либо окутана мраком неизвестности, либо очень плотно закрыта историей германцев-завоевателей, Шафарик посвятил специальный раздел своего труда, изданный в России в 1848 г. в виде отдельной книги³².

В 1839 г. в Варшаве вышли «Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian» известного польского историка В.А. Мацеевского, увидевшие свет на русском языке в двух томах (1840 и 1846 гг.): «История первобытной христианской церкви у славян» и «Очерк истории письменности и просвещения славянских народов до XIV в.». Мацеевский, позиция которого очень импонировала А.Ф. Гильфердингу, отстаивал идею общеславянского единения и доказывал, что в древней Польше существовало славянское богослужение, в силу политических причин вытесненное затем католическим. В 1843 г. появилось трехтомное сочинение крупного немецкого ученого Л. Гизебрехта «Вендские истории с 780 по 1182 год»³³, имевшее важное значение в истории разработки данного вопроса, но вместе с тем отчетливо носящее отпечаток того, что была написана потомком поработителей этих славян, смотревшим на все немецким взглядом (у немецких и скандинавских исследователей, предшественников Гизебрехта, в той или иной мере обращавшихся к истории южнобалтийских славян, и чьими трудами он, как многозначительно заметил А.А. Куник, «с осмотрительностью пользовался», нельзя,

³¹ Цит. по: Славяне и Русь. С. 5.

³² Шафарик П.И. Славянские древности. Т. III. Кн. III. – М., 1848.

³³ Giesebrecht L. Wendische Geschichten aus den Jahren 780 bis 1182. Bd. 1–3. – Berlin, 1843. До Гизебрехта и параллельно с ним в 30-х – 40-х гг. изучением истории южнобалтийских славян занимались Г.Х. Лиш («Meklenburg Urkunden»), Ф.В. Бартольд («Geschichte von Rugen und Pommern»), Г. Вайц («Jahrbücher des deutschen Reichs unter könig Heinrich I»), чьи исследования были прекрасно знакомы А.Ф. Гильфердингу.

по его же мнению, отнять «всякую заслугу, но им недоставало знания славянского языка и общей славянской истории»³⁴). В 1845 г. была опубликована небольшая по объему магистерская диссертация Т.Н. Грановского, посвященная истории самого крупнейшего города балтийского Поморья вообще – южнобалтийскому славянскому Волину (Йомсбургу, Винете). И в которой ученый, невольно руша норманистскую «классику», констатировал, что «очень деятельная торговля» между «магометанским востоком» и балтийскими народами «шла до Скандинавии, куда ее проводили поморяне и преимущественно волинцы...»³⁵.

Но все же подлинное открытие южнобалтийских и полабских славян связано с именем нашего замечательного историка А.Ф. Гильфердинга, который в юном для науки возрасте – в 23 года – создал капитальную «Историю балтийских славян», увидевшую свет на страницах журнала «Москвитянин» в 1854–1855 гг. (вышла отдельным изданием в 1855 г.), и над которой автор продолжал работать в последующие годы. И научный подвиг Гильфердинга состоит в том, что в его время вести разговор о практически исчезнувшей ветви славянства было необычайно трудно по нескольким причинам. Во-первых, как отметил в открывающей эту книгу статье К.Н. Бестужев-Рюмин, «это было время господства в образованном обществе крайнего западничества», отсюда более чем скептически (а часто и вовсе пренебрежительно) относящемся к работам, посвященным истории славян, что создавало далеко неблагоприятную обстановку для занятия ею. Во-вторых, это приходилось делать, по сути, с чистого листа, в-третьих, во многом заново (и на полном на то основании) переписывая историю значительной части Европы и ломая привычные стереотипы, прочно вошедшие в историографию с легкой руки германских специалистов, действовавших по принципу «кто *храбр*, тот вероятно был *немец* (курсив автора. – *В.Ф.*)»³⁶. Как эту очень непростую для науки ситуацию охарактеризовал в 1876 г. И.А. Лебедев, славяне «возделывали эти страны (имеются в виду

³⁴ Куник А.А. Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века. А. Гильфердинга. СПб., 1861. Рецензия // Отчет о пятом присуждении наград графа Уварова. – СПб., 1862. С. 37.

³⁵ Грановский Т.Н. Волин, Йомсбург и Винета. Историческое исследование. – М., 1845. С. 8.

³⁶ Цит. по: Александров А.В. Современные исторические труды в России: М.Т. Каченовского, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, Н.А. Полевого, Ф.В. Булгарина, Ф.Л. Морошкина, М.Н. Макарова, А.Ф. Вельтмана, В.В. Игнатовича, П.Г. Буткова, Н.В. Савельева и А.Д. Черткова. – СПб., 1845. С. 24 (письмо 2).

Прусское королевство, великое герцогство Мекленбург-Шверинское, Дания, в титулах глав которых читалось соответственно «герцог вендов», «князя Вендской земли», «король вендов». – В.Ф.), обрабатывали их, открыли богатства, развили торговлю, положили начала вполне правильной жизни, пришли насильники, воспользовались плодами их труда и мало того, что уничтожили славян, они говорят, что принесли высокую культуру в эти земли и все заслуги предшественников присваивают себе»³⁷.

Пятью годами ранее польский историк А.И. Павинский в своей работе, которую представил как продолжение трудов Гильфердинга (а данный факт – одно из лучших признаний высочайших заслуг Александра Федоровича перед наукой), правомерно заметил, что историей южнобалтийских и полабских славян «занились писатели, прадеды которых способствовали главным образом истреблению этой ветви западных славян, наводнили славянскую землю своими поселениями и, внесши в славянские края свой язык, свои обычаи, основали на славянской почве новые государства, пропитанные и в настоящую пору по отношению к славянам тем же духом, которому они обязаны своим возникновением, развитием и могуществом. Вследствие сего труды немецких писателей по этому предмету являются как бы только историческим оправданием совершенного завоевания. Несмотря на всю добросовестность и *объективность* (курсив автора. – В.Ф.) немецких писателей, история западных славян выходит из-под их пера вовсе не такую беспристрастную, как они воображают; они представляют ее только с одной стороны, а именно со стороны постепенного водворения в славянских землях немецкого государства». Они, завершал свою мысль ученый, смотрят на земли этих славян «как на поле, на котором, по их мнению, так блистательно обнаружилось превосходство немецкой цивилизации над славянскою. Эта односторонность мешает правильному взгляду, она мешает раскрыть настоящий смысл истории этой славянской ветви»³⁸.

Тому мешало еще одно «классическое» убеждение германской историографии XIX в. (а оно в той или иной степени будет проявляться и позже, в том числе в наше время), во многом вызванное рассуждениями немецких философов Фихте и Гегеля об «исторических» и «неисторических» народах, способных и неспособных создавать государства, и относивших к первым германцев, ко вторым

³⁷ Лебедев И.А. Последняя борьба балтийских славян против онемечения. Ч. 1. – М., 1876. С. 2.

³⁸ Павинский А.И. Полабские славяне. – СПб., 1871. С. I–II.

славян (на почве данного тезиса пышным цветом расцвел, надо заметить, норманизм, обретая при этом еще большую политическую направленность). Так, Гегель в «Философии истории», представлявшей собой курс лекций по философии всемирной истории, читаемый в Берлинском университете в 1822–1831 гг. и дважды изданный в Германии в 1837 и 1840 гг., был непреклонен в своем заключении, что «Польша, Россия, славянские государства... лишь поздно вступают в ряд исторических государств и постоянно поддерживают связь с Азией», что «в Восточной Европе мы находим огромную *славянскую* (курсив автора. – В.Ф.) нацию, обитавшую на западе вдоль Эльбы до Дуная... Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире» (по словам Кузьмина, в «известной мере» такое представление о славянах было вызвано судьбой их южнобалтийских и полабских сородичей, так и не создавших своей государственности и покоренных германцами)³⁹.

* * *

Александр Федорович Гильфердинг, дипломат, крупный государственный и общественный деятель, выдающийся ученый-славист, благодаря которому история южнобалтийских славян была буквально вырвана из многовекового и цепкого «немецкого плена», имел немецкие корни (у истории много затейливых способов вершить свою справедливость): его предки, выходцы из Саксонии, переселились в Россию в начале XVIII века. Родился он 2 июля 1831 г.⁴⁰ в Варшаве, где провел детские и юношеские годы. Рано потеряв мать, Гильфердинг был окружен трепетной любовью своего отца Федора Ивановича, занимавшего высокий пост директора дипломатической канцелярии при наместнике в Царстве Польском графе И. Ф. Паскевиче (позднее он был управляющим архивом Министерства иностранных дел в Петербурге). Щедро одаренный от природы юноша получил прекрасное домашнее образование и воспитание (довольно рано и в совершенстве он овладел многими языками: славянскими, древнегреческим, латинским, французским, немецким, английским, позже изучал санскрит). Становление Гильфердинга как гражданина и ученого было обусловлено влиянием отца, выпускника Московского университета, искреннего и просвещенного патриота, и, в особенности, воздействием польского слависта

³⁹ Гегель. Философия истории // *Его же. Сочинения*. Т. VIII. М., Л., 1935. С. 97, 330; Славяне и Русь. С. 3.

⁴⁰ Все даты даны по старому стилю.

И.И. Паплонского, которому было вверено воспитание малолетнего Александра. Федор Иванович, будучи католиком по вероисповеданию, вначале крестил сына «по образцу латинской веры», но, видя его горячую и все более возрастающую любовь к славянам и ко всему русскому, разрешил ему в пятнадцатилетнем возрасте перейти в лоно православной церкви.

В 1848 г. Гильфердинг становится студентом историко-филологического факультета Московского университета, развившего его незаурядные наклонности. В Москве он сблизился со славянофилами, что не только еще больше укрепило его в мысли посвятить себя изучению славянских древностей, но и сказалось на мировоззрении будущего ученого. Как отмечал его товарищ по университету историк К.Н. Бестужев-Рюмин, «московская жизнь имела решительное влияние на А.Ф.: он попал в круг А.С. Хомякова, и таким образом рано вошел в соприкосновение с людьми, тогда еще стоявшими, казалось, в стороне от движения общественной мысли, но влияние которых на ее развитие теперь никто отрицать не будет. Много ненужных колебаний избавился он этим счастливым путем». Славистике Гильфердинг обучался у О.М. Бодянского, после смерти М.Т. Каченовского в 1842 г. возглавлявшего кафедру истории и литературы славянских наречий. Очень большое влияние на него оказал известный славист В.И. Григорович, в 1849 г. переведенный из Казанского университета в Московский на место Бодянского (вскоре он вернулся в Казань). В 1852 г. Александр Федорович «блистательно кончил курс кандидатом» (т. е. со степенью кандидата): его имя стоит первым в списке выпускников того года, и поступил на службу в Министерство иностранных дел, при этом несколько не прерывая своих обширных и глубоких научных изысканий.

В 1853 г. он защитил диссертацию на степень магистра славянских наречий «Об отношении языка славянского к языкам родственным». Тогда же на страницах «Известий Академии наук» было опубликовано сочинение Гильфердинга «О сродстве языка славянского с санскритским». Как при жизни ученого, так и долгое время после смерти его лингвистические заключения, утверждавшие о большей, по сравнению с языками западноевропейскими, близости славянского языка и санскрита, абсолютно не принимал научный мир, и их очень резко раскритиковал такой крупнейший специалист в области славянской филологии, как академик И.В. Ягич («...теории Гильфердинга как славянофила, обособлявшего всю культурную жизнь славян от Западной Европы, льстил такой вывод, что ближайшее, частное родство между языками санскритским, литовским и славянским, произошло от более продолжительного «доис-

торического единства и общения»). Но в своем главном содержании мысль Гильфердинга намного опередила время: в науке теперь твердо установлено, что славянский язык представляет собой более архаичный индоевропейский язык, нежели языки Западной Европы. И «архаизмы» индоевропейского происхождения отмечали в славянских языках многие языковеды – зарубежные, например, бельгиец А. Мейе и отечественные, например, выдающийся лингвист современности О.Н. Трубачев, который, основываясь на этом факте, пришел к выводу о совпадении области зарождения индоевропейцев и славян⁴¹ (в 1868 г. Гильфердинг, проводя ту же самую идею, опровергал теорию А. Шлейхера о славяно-германском языке, в последствии «забракованной» наукой. В целом, его возможности как лингвиста были огромны, что и было отмечено в 1910 г. тем же Ягичем: «Можно жалеть, что молодой человек забросил филологию, в которой он на первых же шагах добился столь блестящих общих выводов...»).

Очень скоро Гильфердинг приступил к главному делу своей жизни – к изучению прошлого балтийских, полабских и южных славян, и обнаружил в данной области, по словам П.А. Лаврова, «блестящий талант построения истории того или другого народа при ясном, точном и привлекательном изложении» (но при этом продолжая заниматься и чисто лингвистическими вопросами). Как уже говорилось, в 1854–1855 гг. вышла «История балтийских славян» молодого ученого (ей предшествовало путешествие по Северной Германии, в древности заселенной славянами, и в ходе которого автор почерпнул много важного для будущей книги). В 1854 и 1857 гг. в «Московских ведомостях» и «Русской беседе» публикуются его «Письма об истории сербов и болгар» (в 1857 и 1860 гг. М. Миличевич издал их на сербском языке в двух книгах). В 1869 г. И.И. Срезневский констатировал, что «другого такого сочинения, как эти «Письма», для древней истории сербов и болгар пока еще нет».

Наша современница Л.П. Лаптева подчеркивает, что они содержат «новые для того времени сведения, основанные на изучении источников, в значительной мере обнаруженных самим автором, на личном знакомстве с жизнью и бытом южных славянских народов», представляют «собой новое явление в литературе того времени», дают достаточно полную картину средневековой истории болгар и сербов (например, заселение ими Балканского полуострова, создания государств, принятия христианства, связи с Византией). Осе-

⁴¹ См. напр.: *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М., 1991 (изд. 2-е, доп. – М., 2002).

нию 1855 г. Гильфердинг посетил Люнебургский Вендланд («славянское» левобережье нижней Эльбы) и побывал в Лужицах, где в 1856–1857 гг. были напечатаны на немецком языке его исследования о славянах: «История балтийских славян», «История сербов и болгар» (переработка «Писем», была переиздана в 1864 г.), «Памятники наречия залабских древлян и глинян Люнебургского Вендланда», «Поездка по Боснии и Герцеговине». В 1856 г. он опубликовал на страницах «Русской беседы» актуальную статью «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» (тогда же отдельный оттиск), где речь вел не только о современном состоянии этого народа, но и его прошлом. Научный авторитет вчерашнего студента стремительно рос, и 29 декабря 1856 г. – в 25 лет! – он был избран член-корреспондентом Российской Академии наук.

По заключению Парижского мира в 1856 г. Гильфердинг принял место российского консула в Боснии и Герцеговине. За три года нахождения на этом посту Александр Федорович не только усердно занимался своими прямыми обязанностями, всемерно отстаивая интересы поработанного народа (что было далеко не просто после проигранной Крымской войны), он еще плодотворно работал в научном направлении: всесторонне изучил жизнь южных славян, начал собирание очень ценных славянских рукописей (некоторые он издал в собственном переводе на русский язык, например, «Старинный сборник сербских пословиц», «Летопись Герцеговины 1831–1857 гг.», а впоследствии значительную их часть передал в дар Публичной – ныне Российской национальной – библиотеке в Санкт-Петербурге), «изъездил край во всех направлениях и результаты своих наблюдений передал в обширном труде «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859 г.). По отзыву Бестужева-Рюмина, «этот труд, рядом с живыми очерками местностей, заключает в себе много археологических и историко-литературных сведений. Сочинение это обратило на себя внимание всей русской литературы без различия лагерей». Лаптева дополняет, что в нем «впервые описаны многие исторические памятники, центры образованности, монастыри и т. д., приведены экономические, статистические и прочие сведения о жизни в указанных землях», охарактеризованы нравы и обряды южных славян, приведены данные о их притеснениях – экономическом, политическом, религиозном – со стороны Турции (в 1972 г. «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» вновь была переиздана на сербском языке). В целом, как резюмировал в 1860 г. Срезневский, представляя эту книгу на присуждение Демидовской премии, она «не может быть заменена никакою другою и всегда останется источником для исследователя».

В 1858 г. в Париже без указания имени Гильфердинга увидел свет его обзор новейших движений западных славян – «Les slaves occidentaux», написанный специально для Западной Европы на основе личных наблюдений автора, сделанных им во время поездок 1855–1857 гг. по славянским землям (в том же году был напечатан на русском языке в «Русской беседе»), и в котором автор указывал на обособленность Польши от всех других славян, резко осудил поэта А. Мицкевича за его антирусскую позицию, весьма доброжелательно отозвался об историке В.А. Мацеевском, сожалел о розни между чехами и словаками, сербами и хорватами, критиковал их интеллигенцию за забвение «органических начал своего племени» и утверждал, что настоящей религией славян является православие. По мнению А.Н. Пыпина, этот очерк написан «с большим талантом и знанием...», а по словам П.А. Лаврова, исполнен «справедливых наблюдений и глубокого понимания слабых сторон в положении австрийского славянства» (но хорват И.В. Ягич непременно подчеркнул, что Гильфердинг, «подчиняясь теориям славянофильского учения... написал анонимно тенденциозное рассуждение... наделавшее много шума в рядах западных католических славян, выражавших недовольство по поводу такого одностороннего понимания славянского вопроса»). На следующий год вышла также наполненная актуального политического звучания статья Гильфердинга «Венгрия и славяне», где он, коснувшись европейской истории венгров, предостерегал их «от союза с поляками против остальных славян... призывает их к единению с славянами, с которыми они связаны исторической судьбой», т. е. словаками, сербами, хорватами.

По возвращению из Боснии и Герцеговины в 1859 г. Гильфердинг был назначен столоначальником Азиатского департамента Министерства иностранных дел. В 1861 г. по настоятельной просьбе государственного секретаря В.П. Буткова он перешел в Государственную канцелярию, где трудился в департаменте государственной экономии, вначале занимая должность экспедитора, а с февраля 1863 г. – помощника статс-секретаря Государственного Совета (как отмечает М.И. Семевский, очень близко знавший в ту пору Александра Федоровича, «обширная память, быстрота соображения, поразительное умение схватить сущность дела и изложить его ясно, возможно кратко и в то же время полно», весьма скоро выдвинули его на служебном поприще). Несмотря на свою, иначе не скажешь, сверхзанятость (деятельность департамента государственной экономики всегда была значительной и весьма сложной, а в названное время к тому же разрабатывалась совершенно новая документация составления смет, государственного бюджета, контроля по их ис-

полнению, легшая в основу перестройки финансового управления государством; к тому же Гильфердинг в 60-х–70-х гг. был еще цензором в Петербургском почтамте), он не оставлял научных изысканий и почти каждое лето предпринимал, вспоминал Семеvский, «поездки, то к турецким славянам, то к австрийским, то, наконец, по России...». А еженедельно по четвергам у него собирался небольшой круг друзей и знакомых, «и веселая, дружеская беседа и чтение новейших произведений литературы протягивались далеко за полночь». В 1863 г. над Россией грянула, по словам того же автора, «давно скоплявшаяся туча: восстала шляхетская Польша, двинулась дипломатическим походом вся Западная Европа», и Гильфердинг, как знаток Польши и ее проблем, был приглашен Н.А. Миллютиным, которому было поручено проведение реформ в этой части Российской империи, в Комитет по делам Царства Польского, в работе которого он принимал самое деятельное участие до своей кончины.

Свою работу в Комитете Александр Федорович свел к двум направлениям. Во-первых, он объяснял российской и европейской общественности историю, сущность и пути разрешения польского вопроса. И делал это посредством своих ярких газетных статей (например, «Письмо к г. Ригеру в Прагу о русско-польских делах», «За что борются русские с поляками?», «В чем искать разрешения польскому вопросу?», «Положение и задача России в Царстве Польском». Той же цели была посвящена его анонимная брошюра на английском языке «The Polish Question»). Как писал Гильфердинг в декабре 1863 г., «польский вопрос будет упразднен, когда, с одной стороны, польская народность утратит господство, не только материальное, но и нравственное, над народностью русскою и литовскою в нашем западном крае, и когда, с другой стороны, устойчивая сила крестьянских общин в Царстве Польском переработает своим влиянием старые идеи польского обывательства» (ученый разделял польский народ на поляка-обывателя – шляхтича и горожанина, спесивого и воинственного, убежденного, что ему предначертано командовать Россией, и на поляка-крестьянина). Поэтому, заключал он, необходимо «и для нашей собственной пользы, и для блага польской нации, – доставить самостоятельность польскому крестьянину и употребить все усилия для распространения в Польше серьезного, научного образования. Эти вопросы несравненно важнее всяких вопросов о политическом устройстве царства. ... Польский вопрос... неразрешим никакими политическими мерами; польский вопрос может быть только упразднен, и упразднить его могут только социальные средства...», способные, по его твердому убеждению, духовно сблизить Польшу с Россией (Гильфердинг не причислял поляков

к собственно славянскому миру по той причине, что они приняли католицизм – религию латино-германского мира, что искажило предначертанную им, как славянам, линию исторического развития и противопоставило их не только России, но и всем славянам вообще).

Во-вторых, при поддержке Милютина Гильфердинг реализовывал свои идеи на практике, и многие его проекты (современники особенно выделяли проект преобразования ведомства народного просвещения) легли в основу глубоких реформ, проводимых в Польше. Так, 19 февраля 1864 г. на крестьян Привислянского края было распространено действие ряда положений Манифеста 19 февраля 1861 г., в 1864–1866 гг. была проведена коренная перестройка образовательной системы: народные школы выводились из-под ведения ксендзов и шляхты (для наблюдения над ними учреждались десять дирекций), основывались народные училища, которыми ведали сельские гмины, в средних школах вводилось преподавание некоторых предметов на русском языке, в Варшаве открылись университет и русские учебные заведения – мужские и женские гимназии, начальное училище. Было упразднено большое число монастырей, духовенство лишено земель и содержалось теперь за счет казны. Успешно была проведена административная реформа: с учреждением губерний и уездов появились губернские и уездные правления с четко определенными функциями и штатами. Была создана земская стража, что благотворно сказалось на жизни местного населения. В 1871–1872 гг. Гильфердинг принимал активное участие и в законодательных работах по устройству судебной части в польских землях, «долженствующих довершить преобразования в этой стране...» (в декабре 1865 г. Александр Федорович получил чин действительного статского советника, что во многом было признанием его заслуг в решении польских дел).

Служебная деятельность Гильфердинга в Государственной канцелярии и Комитете по делам Царства Польского не могла, конечно, удовлетворить его пытливый и жадный до деятельности ум. Его предначертанием была наука, и ею он занимался все свободные минуты. В 1859–1860 гг. на страницах «Известий Академии наук» увидела свет статья ученого «О наречии померанских словинцев и кашубов» (А.А. Куник заметил, «что имя словинцев, которое придает себе слабый остаток померанских славян, было вовсе неизвестно до г. Гильфердинга»). В 1861 г. была издана его монография на совершенно новую в отечественной историографии тему – «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» (автор представил ее в качестве продолжения «Истории балтийских славян»). Как констатировал в 1862 г. Куник, рекомендуя этот труд к

Уваровской премии, что им, а также «Историей балтийских славян», «конечно, еще не завершена разработка этого предмета, но они во всяком случае имеют для русской литературы неотъемлемое достоинство. Ныне не только молодым историкам облегчено знакомство с историей этих славян, но и более опытным ученым дано средство легко обозреть темные и спорные в ней предметы для дальнейшего их разрешения» (в 1862 г. вышла книга Гильфердинга «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря», представлявшая «собой очерк путешествия автора по кашубским землям» в 1856 г.; была переведена на немецкий язык). В 1862 г. Гильфердинг выступил с серией статей, посвященных истории создания кириллицы, и которые, как говорит П.А.Лавров, «написаны с присущим их автору талантом и имели значение в истории вопроса». В том же году вышел его «Очерк истории Чехии». В 1862–1865 гг. на немецком языке посредством лужичанина Я.А.Смолера были опубликованы «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века», «Босния в начале 1858 года», «Неизданное свидетельство современника о Владимире Святии и Болеславе Храбром» (русское издание 1856 г.).

В последние годы жизни Александр Федорович много работал над фундаментальным исследованием «История славян» (осталось неоконченным), первые две главы которого – «Славяне в ряду других племен арийских» и «Венеты» – напечатал в 1868 г. «Вестник Европы» под названием «Древнейший период истории славян». По словам Лаврова, данный труд представлял собой после П.И.Шафарика первую попытку «объяснения древнейшей истории славян при помощи выводов сравнительного языковедения». В 1870 г. в журнале «Заря» увидело свет сочинение ученого «Гус. Его отношение к православной церкви» (отдельный оттиск 1871 г.; в 1871 г. вышло на чешском языке. В работах, посвященных истории Чехии, автор, проводя идею об исконности православия для всех славян, нашел его явные следы в религиозной жизни чехов и видел в нем один из факторов гуситского движения). В 1871 г. была опубликована его «Общеславянская азбука» (таковой он считал кириллицу).

Был Александр Федорович профессором Петербургского университета, председателем Петербургского отделения славянского благотворительного комитета (с 1867 г.), председателем этнографического отделения Русского географического общества (с 1870 г.), деятельность которых под его руководством заметно оживилась (также был активным членом Общества истории и древностей российских, Общества любителей российской словесности, Общества любителей духовного просвещения). Благодаря прежде всего его неустанным трудам в Праге была открыта первая православная

церковь (ее освящение состоялось вскоре после кончины Гильфердинга – 28 сентября 1872 г.). 5 декабря 1869 г. Гильфердинг баллотировался в действительные члены Академии наук (его единогласно выдвинуло Отделение русского языка и словесности, а представление подготовил академик И.И. Срезневский), но был провален, как объясняется в литературе, немецкими академиками «единственно вследствие служения его славянству и антинемецким интересам» (они «не могли простить выходцу из немецкой среды славянофильских взглядов и его деятельности в Славянском комитете»).

Появление знаменитого сборника былин П.Н. Рыбникова (4 тома, 1861–1867 гг.), открывшего доселе неизвестное и поражавшее собой сокровище народного эпоса, сохранившегося на русском Севере, вызвало серьезное сомнение у многих представителей науки. И Гильфердинг решил, как пишет К.Н. Бестужев-Рюмин, «проверить сборник», т. е. доказать подлинность былин, представленных Рыбниковым. Летом 1871 г. (30 июня – 27 августа) он побывал в Олонецкой губернии, где совершил, если использовать давно уже данную оценку этому факту, «очередной многоценный вклад» в русскую науку и «настоящий подвиг»: им было прослушано, проверено и записано 318 былин (значительно больше, чем это было сделано Рыбниковым за несколько лет). Во время поездки, в ходе которой «он с немалыми трудностями, нередко верхом, по самым непроездным тропинкам, объездил самые дальние глухие захолустья Олонецкой губернии и смежных с нею уездов других губерний...», Гильфердинг работал «до полного физического утомления; им собственноручно записано было более 2000 страниц в размере полулиста». И бесценный материал, собранный им, вошел в 3-томник «Онежские былины» (1873 г., неоднократно затем переиздавались).

По словам Бестужева-Рюмина, тщательная запись отличает данное издание от всех других. А.Н. Пыпин подчеркивал, что «короткость времени и масса собранного материала делают сборник Гильфердинга истинно необычайным явлением в области этнографических исследований; освещенный любопытной картиной местного быта, записанный с гораздо большей точностью, сборник Гильфердинга производил еще более сильное впечатление, нежели книга Рыбникова». Результатом этой поездки стала также статья в «Вестнике Европы» за 1872 г. «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», где ярко описан этот край, быт народа, охарактеризованы приемы певцов. Драгоценный пласт народной культуры, к которому прикоснулся выдающийся ученый-подвижник и который буквально пленил его, вновь позвал его в 1872 году. Но в самом начале своего путешествия Гильфердинг заразился брюшным тифом и 20 июня

скончался в Каргополе, не дожив нескольких дней до своего 41 дня рождения, а 23 июня был погребен на местном кладбище. По настоянию супруги Варвары Францевны (Гильфердинг женился в конце 1858 г.) гроб с телом мужа был перевезен Санкт-Петербург и 4 июля при большом стечении народа был предан земле на кладбище Новодевичьего монастыря⁴².

Внезапная кончина в расцвете сил неугомимого труженика науки и одного из самых верных сыновей России, так тонко чувствовавшего прошлое славян и всемерно радевшего за их настоящее и будущее, искренне мечтавшего о их национальном единстве, буквально потрясла его современников и единомышленников. Как сказал 24 июня в Карлсбаде протоиерей К.Л. Кустодиев, объявив после литургии в русской церкви присутствующим: «Ныне дошло сюда горестное известие о смерти известного нашего литературного, общественного и даже церковного деятеля Александра Федоровича Гильфердинга. Известие это до того меня поразило, что я чувствую по-

⁴² *Срезневский И.И.* Разбор сочинения г. Гильфердинга Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии // Двадцать девятое присуждение учрежденных П.Н.Демидовым наград. – СПб., 1860. С. 136; *Куник А.А.* Указ. соч. С. 38, 41–42; [*Семевский М.И.*] Александр Федорович Гильфердинг. – СПб., 1872. С. 4–17, 19; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Гильфердинг // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. VIII^a. – СПб., 1893. С. 685; *Солнышкова А.* Памяти Гильфердинга. – Петрозаводск, 1903. С. 1–2; *Ягич И.В.* Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. История славянской филологии. – СПб., 1910. С. 769–774; *Лавров П.А.* Гильфердинг Александр Федорович // Русский биографический словарь. Т. 5. – М., 1916. С. 195–204; *Погодин А.Л.* Гильфердинг Александр Федорович // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К». Т. 14. Стб. 552–553; *Лантева Л.П.* Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. – М., 1966. С. 172–173; *ее же.* История и этнография лужицких сербов... С. 366–367, 369–370, 372–376; *ее же.* К истории русско-славянских отношений 50–70-х годов XIX в. (А.Ф. Гильфердинг и его письма М.Ф. Раевскому) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 2. М., 1976. С. 34–38, 41, 44; *ее же.* Гильфердинг Александр Федорович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М., 1979. С. 121–125; *ее же.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года). – М., 1993. С. 164–188; *ее же.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. – М., 1997. С. 30–35; *ее же.* Гильфердинг Александр Федорович // Историки России. Биографии. – М., 2001. С. 245–251; *ее же.* История славяноведения в России в XIX веке. С. 256–299.

требность сообщить его вам, и сообщить именно здесь, в храме. ...Александр Федорович умирает еще молодым, когда, по нашим человеческим расчетам, нужно бы было еще надеяться на долгую его жизнь, и умирает... жертвой своих ученых трудов на нашем дальнем севере, куда он благополучно отправлялся и в прошлом году для своих ученых изысканий. Мысль его многоплодно простиралась и на север, но она более утверждалась на юге в той великой задаче, к решению которой он стремился со свойственно ему настойчивостью и благоразумием. Вот что сердечно жаль: молодым он оставил эту жизнь! Что-то есть странное и страшное в том, замеченном уже явлении, что у нас добрые и энергические деятели, почти на всех поприщах деятельности, умирают преждевременно. Впрочем, беру назад слово преждевременно по отношению к усопшему нашему собрату: не в храме, не перед Богом произносить это слово. Господь делает все в свое время, а жизнь наша в руках Господа. Мы потеряли в усопшем, что особенно нужно заметить и чего особенно недостает в нашей общественной и церковной деятельности, деятеля с энергией и последовательностью в тех задачах, которые он преследовал. Будем помнить это, примем к сердцу эту потерю. Помолимся об усопшем, да Господь Бог из его смерти, как из семени, воздвигнет тысячи подобных деятелей».

4 июля ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, архимандрит Хрисанф при погребении Гильфердинга очень глубоко и выразительно обрисовал его заслуги перед Родиной и славянским миром (а наше время еще больше актуализировало эти слова): «Не часто и не во множестве являются среди нас лица, подобные умершему, с которым так неожиданно расстаемся мы ныне на веки... Его смерть есть потеря не для близких только его сердцу, не для друзей его только. Это потеря общественная. ... Это был служитель науки, знания. Всякое знание есть нравственная сила, движущая человека по пути к совершенству. ... Но наука, которой служил почивший, имеет для нас особенное нравственно жизненное значение. Она касается самого близкого к нам вопроса – вопроса о нас самих, о нашей родной стране с ее заветными верованиями и преданиями, о нашем народе и его сродстве с другими единоплеменными народами, о нашем внутреннем духовном складе, о нашем народном характере. ...Первый признак нравственного развития народа, как и отдельного человека – это чувство самосознания, самоуважения. Где нет этого самосознания, там нет и разумного стремления к лучшему, совершеннейшему. Там младенчество, детство народной мысли. Где нет любви к своему родному, ближайшему, там нет любви ни к кому, ни к чему – там апатия, нравственное усыпление. ...Нет, народ, незнаю-

щий себя, непривязанный к своей родной земле, бесплодная ветвь на дереве человечества, ничего не внесет он из себя и в общее достояние народов мира... Только нынче начинает развиваться в нас чувство народного самоуважения, только недавно вспомнили мы и о наших единокровных братьях, некогда близких к нам, а теперь удаленных от нас и пространством, и своими историческими судьбами. В продолжение целого столетия мыслью и чувством мы тяготели к жизни других народов, забывая о своей родной стране, мы знали ее менее, чем страны от нас далекие, мы отчуждались и от веры наших отцов и от народного быта. От нас исходили ревнители и ревнительницы чуждых нам религий, поборники чуждых нам интересов.

Хвала тебе, почивший поборник национальных стремлений, за то, что своим словом будил нашу народную мысль; хвала и всем еще прежде него почившим братьям, среди которых воспитался умерший и которые были первыми, еще мало признанными проповедниками народной идеи. Но почивший собрат наш служил своему делу и призванию не одним научным трудом. Много значит его литературная деятельность, но далеко не все. Он любил свое призвание, говоря словами писания: «Не словом, ниже языком, но делом и истиною». Это была одна из тех живых, энергических натур, которые стремятся воплотить слово в дело и факт, для которого мало было отозваться на современную потребность одним словом сочувствия. Это был деятель в полном и широком смысле слова... Не напрасно и не по имени только здесь, у нас он был центром всех живых, деятельных стремлений наших во имя славянства. Все мы знаем это, знают об этом и там – среди самих славянских племен. В самой государственной службе он является, как ревностный помощник одного, также недавно умершего поборника русского дела, русских интересов в борьбе с одноплеменным, но неприязненным нам народом⁴³. Словом, вся жизнь его была одним нераздельным, цельным служением одному делу – одной национальной идее. ... Итак, нам, живым, и нашим грядущим родам предстоит развить, докончить начатое им и его предшественниками. Да не оскудеет же в нас вера в правоту общего – их и нашего – дела. Верою жили они, только верою и умирали, не приемше обетований. ... Пред его гробом дадим обет навсегда быть верными нашему общему родному делу, нашей отечественной стране...»⁴⁴.

Многие в России и славянских землях оплакивали кончину Гильфердинга, прервавшую так еще много обещавшую творческую

⁴³ Имеется в виду Н.А.Милютин, скончавшийся 26 января 1872 года.

⁴⁴ [Семевский М.И.] Указ. соч. С. 18–21.

и общественную деятельность этого выдающегося человека. К.Н. Бестужев-Рюмин, со студенческих лет близко знавший Александра Федоровича, говорил, что «личности, более изящной, каким был покойный А.Ф. Гильфердинг, как в умственном, так и в нравственном отношениях, мне, по крайней мере, не случалось видеть... Будем надеяться, что такие лица являются в обществе не даром, что они своим примером и воспоминанием о себе приносят существенную пользу», и что задушевная его мысль состояла в том, чтобы будить сознание в русском обществе и во всем славянстве. Подобного взгляда на Гильфердинга придерживались и позже. Так, в 1910 г. И.В. Ягич констатировал, что «с преждевременной кончиной Гильфердинга славяноведение потеряло очень много. ... Во всяком случае мы вправе причислить его к самым блестящим представителям первого поколения ученых, воспитанных в русских университетах, после водворения славяноведения». В 1916 г. П.А. Лавров отметил в своем прекрасном очерке о нем, что в его лице «русская наука имела выдающегося и блестящего ученого славяноведа, филолога-этнографа, историка и политика. Глубина мысли, оригинальность взглядов, обширная эрудиция, ясность, логичность и изящество изложения отличают все его труды. Верность началам, которых он держался, правдивость и искренность отличают его как политического деятеля. Привлекательные черты характера в единодушных отзывах близких ему людей воскрешают его образ как человека»⁴⁵.

Вместе с тем в дореволюционной историографии о Гильфердинге-ученом присутствовало мнение, которое затем безраздельно звучало в советское время до начала 50-х годов. И это мнение было порождено в среде той значительной части русского образованного общества, в котором торжествовало, по словам Бестужева-Рюмина, «крайнее западничество». По этой причине многим тогда казалось совершенно очевидным, если привести, например, слова А.А. Куника по поводу «Истории балтийских славян», что хотя Гильфердинг «с большим тщанием собрал все сведения» об их язычестве «и нельзя не признать, что у него замечен успех в обработке этого предмета в сравнении с немецкими его предшественниками», но у автора «нередко заметно усилие идеализировать жизнь древних славян». В отношении его «Борьбы славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» он также подчеркнул, что автор силиться «представить балтийских славян того времени в выгодном свете...» и «переносит в средневековую историю слишком много современ-

⁴⁵ [Семевский М.И.] Указ. соч. С. 16; Бестужев-Рюмин К.Н. Гильфердинг. С. 685; Ягич И.В. Указ. соч. С. 774; Лавров П.А. Указ. соч. С. 203.

ных воззрений. Национальные антагонизмы в том виде, как мы их нередко встречаем в нынешней Европе, еще были чужды эпохе Каролингов»⁴⁶. Апофеозом отношения этой части русского общества к трудам Гильфердинга стал отзыв Н.Г. Чернышевского на «Историю балтийских славян». Не вдаваясь в суть сложнейших вопросов, которые поднимал и посильно старался решить Александр Федорович, и которые имели самое прямое отношение к настоящему и будущему России, славянского мира и всей Европы, критик сразу же после выхода монографии разразился довольно некорректной (в научном и личном плане) рецензией, во многом компрометирующей автора и его идеи, способствовавшие росту национального самосознания славян (особенно тех, кто находился под австрийским и турецким гнетом).

Начав с лингвистических работ Гильфердинга, по словам Чернышевского, отличающихся «более странностью тенденции, нежели основательностью изыскания», он, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (окончил его «кандидатом») и ученик И.И. Срезневского, либо путаясь в элементарных – после «Сравнительной грамматики» Ф. Боппа – вещах, либо пытаясь преднамеренно запутать доверчивого читателя, внушал ему, что ученому «вздумалось, что ближайшее родство с индийцами есть почетнейший титул, каким только может украшаться какой бы то ни было народ, и он решился доставить нам эту честь, – намерение доброе, но противоречащее положительным выводам науки. Г. Гильфердинг отверг все правила, которые в деле филологических исследований необходимы, чтобы не сбиться с прямого пути, и написал две книги в доказательство того, что славянский язык не европейский, а азиатский язык; чтобы Европа, лишаясь одного из лучших своих языков, не осталась в убытке, он доказывал в то же время, что она должна отнять у Азии персидский язык». Перейдя затем к заявленному предмету разговора, Чернышевский иронизировал, что Гильфердинг, немец по происхождению, но которого мы считаем «вполне русским», «хочет запугать нас немцами, хочет научить нас, что от немцев следует держать себя подальше, а то – долго ли до беды! – как раз они погубят нашу славянскую народность, онемечат нас. Он представляет тому поразительный пример в судьбе балтийских славян», полюбивших немецкие нравы и искаживших свою народность. Советуя автору «оставить вражду к немцам...» и снисходительно хваля его за то, что ныне он «соблюдает правила науки, которым не подчинялся прежде», рецензент подыто-

⁴⁶ Куник А.А. Указ. соч. С. 37–40.

живает: «Важных ученых открытий в истории балтийских славян до IX века... мы не заметили в его книге; но некоторые частные догадки его справедливы. Надобно надеяться, что мы будем иметь в нем хорошего и деятельного славяниста»⁴⁷.

Индикатором отношения представителей советской науки к Гильфердингу служат прежде всего издания «Большой советской энциклопедии». Так, в соответствующем томе ее первого издания (1929 г.) категорично сказано, что его работы по лингвистике «довольно слабы и тенденциозны», а многочисленные статьи и книги «по истории славянства, при всей ясности и живости изложения и обилии фактического материала, сильно окрашены славянофильскими и даже русификаторскими тенденциями; они не оставили длительного следа в науке», и что «прочное и почетное научное имя» Гильфердинга приобрел благодаря работам в области фольклора. В 1941 г. историк В.И. Пичета охарактеризовал ученого как «идеолога панславизма», прямо поддерживавшего «политику царизма в Польше», и вместе с тем отмечал, что его исследования «по истории южного славянства становились идеологическим обоснованием для проникновения царизма на Балканский полуостров под предлогом защиты угнетенного славянства». И, согласно заключению Пичеты, «несмотря на явную тенденциозность трудов А.Ф. Гильфердинга, нельзя отрицать полезность и ценность отдельных его работ... из истории южного славянства». Тем самым из науки были вычеркнуты, как совершенно ненужные, сочинения Гильфердинга по южнобалтийским славянам. Точно также поступил в 1947 г. специалист в области славяноведения В.Д. Королук, назвав труды Гильфердинга по истории балтийских славян сильно устаревшими, и сохраняющими «значение главным образом благодаря добросовестному и внимательному изучению источников...»⁴⁸.

Во 2-м издании «Большой советской энциклопедии» (1952 г.) тональность разговора о Гильфердинге уже серьезно изменилась, и в статье, посвященной ему, говорится, что его исторические исследования, как и филологические, «пронизаны славянофильскими воззрениями, но по своему научному уровню они выше филологических», и что не утратили своего значения «История балтийских славян» и «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в сред-

⁴⁷ Чернышевский Н.Г. История балтийских славян А.Гильфердинга // *Его же*. Полн. собр. соч. Т. III. – М., 1947. С. 543–545.

⁴⁸ БСЭ. Т. 16. – М., 1929. Стб. 835–836; Пичета В.И. К истории славяноведения в СССР // *Историк-марксист*. – М., 1941. № 3. С. 43; Королук В.Д. Государство Готшалка (XI в.) // *Славянский сборник*. – М., 1947. С. 336.

ние века», в которых впервые в науке предпринята попытка «проследить взаимоотношения прибалтийских славян и немецких феодальных колонизаторов». Третье издание энциклопедии, упрочивая именно этот взгляд на историческое наследие Гильфердинга, дополнительно сообщало, что ему принадлежат значительные работы по истории, и что его взгляды на характер взаимоотношений славян и немецких захватчиков и колонизаторов противостояли националистической традиции германской историографии о культуртрегерской роли немцев среди славян⁴⁹.

Особо надлежит отметить, что очень большую роль в возвращении Гильфердинга и его исторических трудов в современную науку сыграли работы известного слависта Л.П. Лаптевой, с 60-х гг. рассказывающей о жизни и творчестве ученого, и в настоящий момент по праву утверждающей, что ему русская наука обязана «возникновением в ней новой области знаний – истории славян»⁵⁰. Но при этом, к сожалению, во-первых, привычно сводящей его позицию в славянском вопросе к славянофильству («он – главный творец славянофильской теории исторического развития зарубежного славянства», «теории искусственной, романтической и утопичной»)⁵¹, что, конечно, не позволяло в условиях господства идеологии над наукой по достоинству оценить творческое наследие ученого, вникнуть в его принципиальные положения и детали (так, со славянофильскими позициями никак не согласовываются предложения Гильфердинга учредить литовские кафедры в университетах, предоставить литовцам преподавание в школах на родном языке, призывы к соотечественникам к изучению этого языка, приветствие им введения в Финляндии финского языка, ибо видел в том первый шаг к ее освобождению «от владычества шведского элемента»⁵², его утверждение, что одно из решений польского вопроса заключается, о чем уже речь шла, в распространении «в Польше серьезного, научного образования»). И отрицательное воздействие подобных клише, так легко «объясняющих» многие сложнейшие проблемы об-

⁴⁹ БСЭ. Т. 11. – М., 1952. С. 377; там же. Т. 6. – М., 1971. Стб. 1554–1555.

⁵⁰ *Лаптева Л.П.* Гильфердинг Александр Федорович // *Историки России*. С. 250; *ее же*. История славяноведения в России в XIX веке. С. 260, 299.

⁵¹ *Лаптева Л.П.* Проблема германизации... С. 172; *ее же*. История и этнография лужицких сербов... С. 366; *ее же*. Русско-серболужицкие научные... С. 165; *ее же*. Российская сорабистика... С. 31; *ее же*. Гильфердинг Александр Федорович // *Историки России*. С. 246–247; *ее же*. История славяноведения в России в XIX веке. С. 256, 259–261, 265–268, 270, 280, 299.

⁵² *Лавров П.А.* Указ. соч. С. 202–203.

щественной и научной жизни России середины XIX в., сказывается и ныне.

Во-вторых, по сути, словами А. А. Куника Лаптева говорила в недавнем прошлом, что «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» была для 60-х гг. XIX в. серьезным достижением, хотя сегодня она «не выдерживает критики ввиду идеализации жизни и быта балтийских славян и общей славянофильской концепции...», и что славяно-германские отношения Гильфердинг изображал, исходя из славянофильского тезиса о непримиримой противоположности между славянскими и германскими «стихиями». И сейчас ею все также проводится мысль, что в работах о балтийских славянах автор «многое идеализировал»⁵³. Вместе с тем исследовательница всегда отмечала, что по фактическому материалу, особенно связанному с верованиями балтийских славян и прочно вошедшему в науку, они «превосходили работы его предшественников», были первыми подробными сочинениями о этих славянах, «представляют собой существенное достижение русской, да и всей славянской историографии»⁵⁴. Но при этом Лаптева твердо убеждена, что самым ценным вкладом в славяноведение являются сочинения Гильфердинга по истории южных славян (хотя и здесь, по ее мнению, видны «славянофильские издержки»)⁵⁵. И данный вывод объясняется как научными интересами ученого, не распространяющимися на южнобалтийских славян, так и практическим отсутствием у советской и современной историографии интереса к истории этой части славянского мира, в связи с чем она до сих пор представляет собой действительную «terra incognita».

«История балтийских славян» и «Борьба славян балтийского Поморья с немцами в средние века» А. Ф. Гильфердинга, несмотря на недостатки, продиктованные уровнем развития исторической науки и славистики того времени, а также своим новаторским характером, не только самые лучшие его произведения, они еще самые

⁵³ Лаптева Л. П. К истории русско-славянских отношений... С. 36; *ее же*. Гильфердинг Александр Федорович // Славяноведение... С. 122; *ее же*. Гильфердинг Александр Федорович // Историки России. С. 247; *ее же*. История славяноведения в России в XIX веке. С. 256, 261, 264–265.

⁵⁴ Лаптева Л. П. К истории русско-славянских отношений... С. 36; *ее же*. Гильфердинг Александр Федорович // Славяноведение... С. 122; *ее же*. Гильфердинг Александр Федорович // Историки России. С. 246–247; *ее же*. История славяноведения в России в XIX веке. С. 264–265.

⁵⁵ Лаптева Л. П. Гильфердинг Александр Федорович // Славяноведение... С. 123; *ее же*. Гильфердинг Александр Федорович // Историки России. С. 248; *ее же*. История славяноведения в России в XIX веке. С. 256, 270, 273.

актуальные что для того, что для сегодняшнего времени. Если об истории болгар, сербов, боснийцев, чехов, лужицких сербов будут, начиная со второй трети XIX в., все сильнее и сильнее говорить нарождавшиеся национальные историографии этих славянских народов, то в сфере изучения прошлого южнобалтийских славян, полностью уничтоженных германцами (как физически, так в ходе целенаправленной и насильственной политики онемечивания), такой процесс, естественно, наблюдаться не мог. И вслед за исчезнувшими славянами Южной Балтики, сыгравшими огромную роль в истории Северной и Восточной Европы, должна была бы либо исчезнуть сама память о них, либо предстать в желательном для немецких исследователей духе. Если бы, конечно, не монографии Гильфердинга, которые вызвали цепную реакцию, вылившуюся в появление значительного числа работ российских, польских и чешских ученых дореволюционной поры, при жизни Александра Федоровича и после его смерти шаг за шагом восстанавливавших прошлое давно позабытой и тем самым совершенно вычеркнутой из европейской истории высокоразвитой цивилизации южнобалтийских и полабских славян. Это, прежде всего, труды А.И. Павинского, Ф.Я. Фортинского, А.А. Котляревского, И.А. Лебедева, И.И. Первольфа, М.В. Бречкевича, Д.Н. Егорова, вышедшие в 1871–1877 и 1912–1915 годах⁵⁶.

В советские годы внимание к южнобалтийским славянам, на протяжении почти четырех столетий героически боровшихся с превосходящими силами германских захватчиков, за которыми стояла мощная сила в лице католической церкви, пробудила лишь Великая Отечественная война. Но внимание это, к сожалению, так и не переросло в постоянный и глубокий интерес и до сей поры ограничивается эпизодическими и небольшими работами⁵⁷, не способными,

⁵⁶ Павинский А.И. Указ. соч.; Фортинский Ф.Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. – СПб., 1872; *его же*. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года. – Киев, 1877; Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Т. I. – Прага, 1874; *его же*. Книга о древностях и истории поморских славян в XII веке; Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. – Прага, 1874; Лебедев И.А. Указ. соч.; *его же*. Обзор источников по истории балтийских славян с 1131 по 1170 г. Ч. 2. – М., 1876; Первольф И.И. Указ. соч.; Бречкевич М.В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Исследование по истории прибалтийских поморян за первые полтора века со времени принятия ими христианства (1128–1278 г.). – Юрьев, 1912; Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I–II. – М., 1915.

понятно, дать всеобъемлющей картины существования удивительно яркого славянского мира на южных берегах Балтийского моря, да к тому же во многом повторяющими сказанное представителями дореволюционной историографии. И такая ситуация проистекает из того, что на южнобалтийских славян советские и современные российские ученые смотрят, по причине господства в нашей науке норманской теории, далеко со стороны и без связи с историей Рос-

⁵⁷ *Грацианский Н.П.* Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X–XII вв. // «Исторический журнал». М., 1942. № 8; *его же.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. – М., 1943; *его же.* Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. – М., 1944; *его же.* Карл Великий и славяне // «Исторический журнал». 1945. № 3; *его же.* Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты // «Вопросы истории» (ВИ). 1946. № 1; *Бинкевич Е.Р.* Лужичане (материал к библиографии). Пояснительная заметка // «Советская этнография». 1947. № 6–7; *Державин Н.С.* Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. – М., 1945; *Рыськин Б.* Смерды в областях немецкой колонизации XI–XIII веков // ВИ. 1948. № 3; *Королюк В.Д.* Государство Готшалка.; *его же.* Государство бодричей в правление князя Готшалка (1031–1066) // *Slavia Occidentalis (SO)*. Т. 22. Poznań, 1962; *его же.* К вопросу о раннефеодальной государственности у полабско-прибалтийских славян // Славяно-германские исследования. – М., 1963; *Григорьев С.Г.* Полабские славяне и их борьба против немецкой агрессии в IX–XI вв. М., 1953; *его же.* Ободритское государство и восстание славян против немецко-католического ига в 1066 г. // Ученые записки Владивостокского государственного университета. Серия общественно-политических наук. Владивосток, 1958; *Зинчук Я.П.* Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на Южное побережье Балтийского моря в X–XII вв. Автореф... дис... канд. наук. – М., 1955; *Черниловский З.М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. – М., 1959; вышеуказанные работы *Л.П. Лаптевой*; *Савчук В.С.* Некоторые вопросы экономического развития полабских славян в работах историков ГДР // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. – М., 1973; *Саливон А.Н.* К вопросу об образовании народности ободритов // «Советское славяноведение». 1976. № 3; *Санчук Г.Э.* Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI–X вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. – М., 1982; *Ронин В.К.* Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII – начале IX в. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987; *Мыльников А.С.* Славянская этническая общность.; *Ронин В.К., Флоря Б.Н.* Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). – М., 1991; и др.

сии. Как с сожалением констатировал в 1946 г. В.В.Мавродин, в советской науке оказалось забытым то, на что обращали внимание М.В.Ломоносов и С.А.Геодеонов, – связь поморско-славянского мира с восточными славянами⁵⁸. Хотя на эту теснейшую связь, итогом которой и стало призвание варяжских князей на Русь, еще в первой половине XVI в. указали немцы С. Мюнстер и С. Герберштейн, а затем о ней говорили многие зарубежные и отечественные ученые XVIII–XIX веков. А из современных исследователей лишь только самая малая часть вела, начиная с 60-х гг. прошлого века, разговор о южнобалтийских славянах, из числа которых вышли в пределы Восточной Европы варяги и варяжская русь – В.Б.Вилинбахов⁵⁹, О.М. Рапов⁶⁰, А.Г. Кузьмин⁶¹, Н.С. Трухачев⁶², В.В. Фомин⁶³.

⁵⁸ Мавродин В.В. Академик Н.С.Державин. «Славяне в древности». Культурно-исторический очерк. Академия наук Союза ССР. Научно-популярная серия // «Вестник древней истории». 1946. № 4. С. 112.

⁵⁹ Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // SO. Т. 22. Poznan, 1962; *его же*. Балтийско-Волжский путь // «Советская археология» (СА). 1963. № 3; *его же*. Несколько замечаний о легендах Великого Новгорода и древнейших межславянских связях // «Вестник Ленинградского государственного университета». Л., 1963. № 14; *его же*. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // Скандинавский сборник. – Вып. VI. Таллин, 1963; *его же*. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Там же. Вып. VII. – Таллин, 1963; *его же*. Существующие теории и проблема происхождения Старой Ладоги // Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. – Тарту, 1963; *его же*. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // SO. Т. 25. – Poznan, 1965; *его же*. Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора // Русский фольклор. Исторические связи в славянском фольклоре. Материалы и исследования. Т. XI. – М.–Л., 1968; *его же*. Современная историография по проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. М., 1980. № 1; *Vilinbachov V.B. Stara Ladoga (Kilka uwag z powodu neonormanistycznej teorii prof. dr A.Stender-Petersena)* // Materiały Zachodnio-Pomorskie. 1964. Т. 10; *idem*. Kilka słów o migracji słowian bałtyckich na wschód // Zapiski Historyczne. Т. XXXII. Rok 1967. Zeszyt 3; и др.

⁶⁰ Рапов О.М. Знак Рюриковичей и символ сокола // СА. 1968. № 3. Статья перепечатана в издании: Сб. РИО. Т. 8 (156).

⁶¹ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10; *его же*. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // ВИ. 1974. № 11; *его же*. Заметки историка об одной лингвистической монографии // «Вопросы языкознания». 1980. № 4; *его же*. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2; *его же*. Русь в современной исторической науке // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21–28 июля 1986

С. Мюнстер и С. Герберштейн, выводя варяжских князей из числа южнобалтийских славян, отразили мнение, имевшее широкое хождение в западноевропейском мире. Хотя Герберштейн и знал «Космографию» Мюнстера, т. к. пользовался ею «при окончательной доработке книги»⁶⁴, но информацию о родине и этносе варягов получил независимо от него. В январе–апреле 1516 г. он, посетив в качестве посла Священной Римской империи германской нации Данию, значительную часть пути по ней проделал по Вагрии⁶⁵, с 1460 г. входившей в состав датского королевства⁶⁶. Как следует из его рассказа, он беседовал с ваграми, которых затем сблизил с русскими, отметив общность их языка и обычаев. От них же Герберштейн почерпнул сведения о прошлом их земли. Так, он привел чье-

года. Материалы. – М., 1988; *его же*. Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических очерков и статей. Кн. 1. – М., 1987; *его же*. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). – М., 1988; *его же*. Кто в Прибалтике «коренной»? – М., 1993; *его же*. Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы отечественной истории. – Арзамас, 1994; *его же*. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. – СПб., 1996; *его же*. От моря до моря // «Мир истории». М., 2002. № 4/5; *его же*. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сб. РИО. Т. 8 (156); *его же*. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. – М., 2003; *его же*. Начало Руси; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1; то же. Кн. 2; «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Авт. вступ. ст. А.Г. Кузьмин; Сост., авт. примеч. и указат. А.Г. Кузьмин, В.И. Вышегородцев, В.В. Фомин. – М., 1988; Славяне и Русь.

⁶² *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. – М., 1981.

⁶³ *Фомин В.В.* Русские летописи и варяжская легенда. – Липецк, 1999; *его же*. Российская историческая наука и С.А. Геденов // *Геденов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. – М., 2004; *его же*. Комментарии // Там же; *его же*. Южнобалтийское происхождение варяжской руси // ВИ. 2004. № 8; *его же*. Варяги и варяжская русь; *его же*. Ломоносов; *его же*. Начальная история Руси.

⁶⁴ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 42, 55.

⁶⁵ *Adelung F.* Siegmund Freiherr von Herberstein. – SPb., 1818. S. 30–32, 36; *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. I. – М., 1864. С. 107.

⁶⁶ Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. V. – СПб., 1891. С. 354; там же. Т. IX. – СПб., 1893. С. 125–126; *Рогинский В.В.* Дания // Монархи Европы (Судьбы династий). – М., 1996. С. 126–127.

то мнение, «что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии»⁶⁷ (т.е. Варяжское море, под таким именем оно выступает, как известно, и в наших летописях). Тогда же прозвучал какой-то материал, увязывающий древнюю историю Южной Балтики и Руси. Полученную информацию Герберштейн, специально задавшись еще в России (а в ней он был в 1517 и 1526 гг.) решением вопроса этноса варягов, соотнес с известиями русских источников и поставил знак равенства между варягами и южно-балтийскими ваграми.

То, что Мюнстер и Герберштейн отразили еще живую традицию, подтвердил через 300 лет француз К. Мармье. Посетив Мекленбург, расположенный на землях славян-ободритов и граничащий на западе с Вагрией, он записал легенду, что у короля ободритов-реригов Годлава были три сына – Рюрик Миролюбивый (*paisible*), Сивар Победоносный (*victorieux*) и Трувор Верный (*fidèle*), которые, идя на восток, освободили народ Руси «от долгой тирании», свергнув «власть угнетателей». Собравшись затем «вернуться к своему старому отцу», они должны были уступить просьбе благодарного народа занять место их прежних королей и сели княжить соответственно в Новгороде, Пскове и на Белоозере. По смерти братьев Рюрик присоединил их владения к своему и стал основателем династии, царствующей до 1598 года⁶⁸. В данном случае нельзя не сослаться на слова Л.П. Грот, что «устный канон» обладает способностью хранить информацию с самых древнейших времен в отличие от письменной традиции, которая более подвержена влиянию различных течений и идейных экспериментов...»⁶⁹.

Поразительно, как южнобалтийский материал (исторические предания дальних потомков южнобалтийских славян и средневековые немецкие генеалогии, в один голос говорящие о выходе Рюрика и варягов из Южной Балтики) практически в деталях совпадает с рассказом Сказания о призвании варягов нашей древнейшей летописи Повести временных лет (причем, что важно подчеркнуть, мекленбургские генеалогии совершенно независимы «от генеалогии Рюриковичей на Руси»⁷⁰). К тому же в летописи (в недатированной

⁶⁷ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 60.

⁶⁸ *Marmier X.* Lettres sur le Nord. T. I. – Paris, 1840. P. 30–31.

⁶⁹ *Грот Л.П.* Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки: историографический вестник. 2006. – М., 2007. С. 77.

⁷⁰ Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 653; *Акашев Ю.Д.* Историко-этнические корни русского народа. – М., 2000. С. 200.

ее части) очень четко указана граница расселения варягов на западе: они сидят, по словам одного из летописцев, по Варяжскому морю «к западу до земле Агнянски...». Земля «Агнянска» – это не Англия, как принято утверждать в науке (собственно Англия именуется в летописи «Вротанией», «Вретанией», «Вританией» – Британией⁷¹), а южная часть Ютландского полуострова, на что впервые указали в XIX в. антинорманисты Н.В.Савельев-Ростиславич и И.Е.Забелин⁷². И в юго-восточной части Ютландского полуострова обитали до своего переселения в Британию англо-саксы (отсюда «земля Агнянска» летописи, сохранившаяся в названии нынешней провинция Angeln земли Шлезвиг-Гольштейн ФРГ), с которыми на Балтике долго ассоциировались датчане: даже во времена английского короля Эдуарда Исповедника (1042–1066 гг.) названия «англы» и «даны» смешивались, считались чуть ли не тождественными⁷³. С англо-саксами на востоке соседнили «варины», «вары», «вагры», населявшие Вагрию, т. е. собственно варяги⁷⁴. Названия городов, «срубленных» варягами по своему прибытию в Северо-Западную Русь, согласно летописной хронологии, в 862 г., и звучащих исключительно по-славянски – Новгород, Изборск, Белоозеро, прямо показывают, на каком языке говорили их основатели.

Археологический, нумизматический, антропологический и лингвистический материал, введенный в научный оборот зарубежными и отечественными учеными во второй половине XX в., полностью подтверждает истинность двух независимых друг от друга давних историографических традиций: русской и западноевропейской, видевших в Южной Балтике родину варягов и варяжской руси, говорящих на славянском языке (с ними совпадает, кстати, и арабская традиция⁷⁵). Так, в древнейших горизонтах культурного слоя

⁷¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1897. С. 3, 15.

⁷² Славянский сборник Н.В.Савельева-Ростиславича. – СПб., 1845. С. LX, LXXXIX, примеч. 170; *Савельев-Ростиславич Н.В.* Варяжская русь по Нестору и чужеземным писателям. – СПб., 1845. С. 5–6, 10, 12, 25, 34, 51–52; *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. – М., 1876. С. 135–136, 142–143, 189, 193.

⁷³ *Сугорский И.Н.* В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в давние века. – СПб., 1907. С. 29, примеч.* и примеч.**.

⁷⁴ О постепенном превращении этого термина в обозначение западноевропейцев, в равное по смыслу со словом «немцы» см.: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 336–376.

⁷⁵ Ад-Димашки (1256–1327 гг.), ведя речь о «море Варенгском» (Варяжском), посчитал нужным пояснить, что варяги «есть непонятно говорящий народ и не понимающий ни слова, если им говорят другие... Они суть славяне

многих памятников Северо-Западной Руси (Старой Ладogi, Изборска, Рюрикова городища, Новгорода, Пскова, Белоозера и многих других) массово представлена керамика южнобалтийского облика (фельдбергская и фрезендорфская). Исходя из этого факта ряд археологов говорит о переселении в северо-западные земли Руси жителей Южной Балтики (В.Д. Белецкий, В.В. Седов, Г.П. Смирнова, В.М. Горюнова, С.В. Белецкий, К.М. Плоткин). Антропологи Т.И. Алексеева и Н.Н. Гончарова выявили генетическое родство балтийских славян с новгородскими словенами и считают последних выходцами с южного побережья Балтийского моря. Данные выводы приобретают еще больший вес в свете установления близости языка южнобалтийских и новгородских славян (Н.М. Петровский, Д.К. Зеленин, А.А. Зализняк)⁷⁶.

Как заключил в 2003 г. академик В.Л. Янин, «поиски аналогов особенностям древнего новгородского диалекта привели к пониманию того, что импульс передвижения основной массы славян на земли русского Северо-Запада исходил с южного побережья Балтики, откуда славяне были потеснены немецкой экспансией». Эти наблюдения, обращал внимание выдающийся археолог, «совпали с выводами, полученными разными исследователями на материале курганных древностей, антропологии, истории древнерусских денежно-весовых систем и т. д.». А в 2007 г. он прямо сказал, что «наши пращуры» призвали Рюрика из пределов Южной Балтики, «откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам»⁷⁷. Остается добавить, что только на южных и юго-восточных берегах балтийского Поморья источники локализуют пять Русий – Любек с окрестностями, о. Рюген (Русия, Ругия, Рутения, Руйяна), район устья Немана, побережье Рижского залива (устье Западной Двины) и западная часть Эстонии (Роталия-Руссия) с островами Эзель и Даго⁷⁸.

славян...» (Венелин Ю.И. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. – М., 1871. С. 10).

⁷⁶ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 451–455; *его же*. Ломоносов. С. 305–306.

⁷⁷ Янин В.Л. 70 лет Новгородской археологии. Итоги и перспективы // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Материалы Международной научно-практической конференции. Старая Ладога, 30 июня – 2 июля 2003 г. – СПб., 2003. С. 80; «Итоги». 2007. № 38 (588). С. 24; «Русский Newsweek». 2007. № 52 – 2008. № 2 (176). С. 58.

⁷⁸ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 376–380, 439–461.

Что из себя представляла Южная Балтика до времени, во время и после призвания, видно из показаний германских хронистов, работ А. Ф. Гильфердинга и других славистов, а также данных археологии и нумизматики. Так, согласно исследованиям немецких археологов, примерно с VIII в. южный берег Балтики выходит на первый план в экономическом развитии Поморья в целом, в связи с чем не случайно, замечает А. Г. Кузьмин, что именно через южнобалтийские города с конца этого столетия поступает с востока арабское серебро (дирхемы). И поступает благодаря процветавшей торговли, ибо море открывало южнобалтийским славянам свободный доступ к рынкам многих стран (и не только балтийских). Ее масштабы и объемы вызвали раннее и интенсивное развитие на Южной Балтике большого числа городов (а такого их числа не знал никакой другой район Поморья), располагавшихся на торговых путях и ставших в будущем, нелишне будет заметить, ядром Ганзейского союза. Своими размерами и численностью населения эти торговые города поражали воображение иностранцев. Так, Рарог-Рерик немцы именовали Микилинбургом (Великим городом, Велигардом). А «знаменитейший», по словам хронистов, Волин, лежащий в юго-восточной части одноименного острова, что против устья Одры, уже в IX в. занимал площадь в 50 гектаров, и его население в X в. состояло порядка 5–10 тысяч человек (для сравнения, шведская Бирка, которую норманисты обычно характеризуют не только как крупнейший торговый центр Швеции, но и всего балтийского Поморья, в середине IX в. была расположена на территории 12 га, а датский Хедебю в пору своего расцвета – X в. – занимал площадь 24 га⁷⁹). Поэтому, неудивительно, что его европейцы называли самым большим городом «из всех имевшихся в Европе городов...» и сравнивали с Константинополем (по словам Адама Бременского и Гельмольда, Волин, «богатый товарами различных народов, обладал всеми без исключения развлечениями и редкостями»).

Южнобалтийские славяне, будучи прекрасными мореходами, зарекомендовали себя отчаянными пиратами, с огромной выгодой для себя грабя прибрежные земли (и проникая далеко в глубь их) и разбойничая на море (особенно этим славилась вагры и руяны). Проложив в VII–IX вв. морские торговые пути по Балтийскому морю и за его пределы, они задавали тон в северо- и восточноевропейской торговле (о том говорит, например, факт заимствования скандинавами славянских слов, связанных с этой деятельностью:

⁷⁹ Гуревич А. Я. Походы викингов. – М., 1966. С. 48, 51, 53; История Швеции. – М., 1974. С. 69.

«torg» – торг, рынок, торговая площадь, «besman» – безмен, «so-bel» – соболь, «silki» – шелк, «lodhia» – ладья, «loka» – лука, хомут, «soðull» – седло, «tolk» – объяснение, перевод, переводчик, толковин, «pitschaft» – печать и др. Известный зарубежный исследователь Г. Фальк констатировал в 1912 г., что от южнобалтийских славян скандинавы заимствовали ряд морских терминов⁸⁰). И прежде всего, конечно, южнобалтийские славяне вели торговлю со своими восточноевропейскими сородичами, результатом чего стало открытие Балто-Волжского и Балто-Днепровского торговых путей (о первых попытках проникновения славян Южной Балтики в район Северо-Западной Руси говорит уникальная каменно-земляная крепость в устье Любши, в 2 км севернее Старой Ладogi, возведение которой археологи связывают с появлением здесь в конце VII – первой половине VIII в. нового населения⁸¹). И эта торговля характеризуется не только ранним временем, но и своей масштабностью: до середины IX в. основная группа кладов арабского серебра найдена на землях именно балтийских славян. Причем там обнаружены самые древние из них – конец VIII в. (на Готланде и в Швеции соответственно начало и середина IX столетия. И это притом, что начало дирхемной торговли сейчас относят к 50–60-м гг. VIII в., т. е. почти сто лет эта торговля не затрагивала собственно шведов).

Западноевропейцы смотрели на землю южнобалтийских славян, как на «землю обетованную», в которой всего было вдоволь. По свидетельству Адама Бременского (ум. после 1080 г.) и магдебургского епископа Адельгота (ум. ок. 1110 г.), эти земли густо заселены и чрезвычайно обильны продуктами питания. В житиях Оттона Бамбергского говорится о Поморье, которое предстало перед проповедником в 20-х гг. XII в. в состоянии невиданного им доселе довольства и богатства, бывших причиной поразившей его и его спутников дешевизны жизни поморян по сравнению с остальными европейцами: «Нет страны обильнее медом и плодоноснее пастбищами и лугами», что «изобилие рыбы в море, реках, озерах и прудах настолько велико, что кажется прямо невероятным. На один денарий⁸²

⁸⁰ Falk H.S. Altnordisches Seewesen // Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für sprach- und sachforschung. Bd. IV. – Heidelberg, 1912. S. 88–89, 94.

⁸¹ У истоков Северной Руси. Новые открытия. – СПб., 2003. С. 17.

⁸² Серебряная монета весом в 3,4 гр. Для сравнения: за провоз соли «на Русь» или «из Руси» через территорию Австрии «в том же XII в. взималось 16 денариев таможенных сборов, русская гривна превосходила денарий в 20 раз», т. е. автор Жития специально отмечает «исключительную дешевизну продуктов у поморян» (Хрестоматия по истории России с древнейших вре-

можно купить целый воз свежих сельдей, которые настолько хороши, что если бы я стал рассказывать все, что знаю о их запахе и толщине, то рисковал бы быть обвиненным в чревоугодии. По всей стране множество оленей и ланей, диких лошадей, медведей, свиней и кабанов и разной другой дичи. В избытке имеется коровье масло, овечье молоко, баранье и козье сало, мед, пшеница, конопля, мак, всякого рода овощи и фруктовые деревья, и будь там еще виноградные лозы, оливковые деревья и смоковницы, можно было бы принять эту страну за обетованную, до того в ней много плодовых деревьев». По приведенной цитате можно судить не только о некоторых сферах занятий южнобалтийских славян (земледелии, рыболовстве, скотоводстве, пчеловодстве, охоте на диких животных, огородничестве, садоводстве), но и о их высочайшем уровне развития, который авторы житий выражают словами «обильный», «невероятный», «множество», «избыток». Показательно сопоставление уровня жизни датчан и южнобалтийских славян, сделанное спутниками Оттона Бамбергского. Во время второй проповеди миссионера на Южной Балтике (1127 г.) один из его приближенных побывал в Дании у датского архиепископа. И сразу же яркие краски, присущие в описании жизни и экономического быта балтийскими славян, исчезают из жития святого (у датчан церкви и дома знатных людей очень бедны и убоги на вид; основное занятие жителей скотоводство, занимаются рыболовством и охотой; земледелие развито слабо, в образе и одежде у датчан не было ни роскоши, ни изыска)⁸³.

мен до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. – М., 2004. С. 157, примеч. 1).

⁸³ Гельмольд. Указ. соч. С. 36, 247, примеч. 10; Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 26–29, 53, 57–58, 62, 64–67, 271–273, 379; Котляревский А.А. Древности юридического быта... С. 16, 18, 37, 44–50, 54–55, 72, 163; *его же*. Книга о древностях и истории... С. 22, 28, 40, 54, 56–58, 63, 90, 97, 106–113; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 152–156; там же. Ч. 2. – М., 1912. С. 31, 47, 78; Лебедев И.А. Указ. соч. С. 51, 173, 175, 273; Первольф И.И. Указ. соч. С. 30, 146–147; Грацианский Н.П. Борьба славян... С. 26, 30, 32; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948. С. 479; Зинчук Я.П. Указ. соч. С. 5; Потин В.М. Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным // «Вестник истории мировой культуры». Л., 1961. № 4. С. 69, 71–78; *его же*. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. – Л., 1968. С. 61–64, 66, 71, примеч. 42; *его же*. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (X–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. – Л., 1970. С. 68–69, 155; Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь. С. 271–272; *его же*. Балтийско-Волжский путь. С. 128–129; *его же*. Несколько замечаний... С. 324–325; *его же*. Балтийские славяне в русском эпо-

И «только имея в виду природные богатства края, – совершенно справедливо говорил в 1874 г. А.А. Котляревский, – можно объяснить себе, почему так долго и упорно стремились немцы к обладанию славянским побережьем Балтийского моря...». Как уточнял в 1955 г. Я.П. Зинчук, наступление на славян было вызвано не только стремлением захватить их земли и приобрести крепостных крестьян, но и желанием завоевать славянские торговые города на Балтике, обосноваться на Балтийском торговом пути и захватить в свои руки всю торговлю между Западом и Востоком⁸⁴. Причины поражения балтийских славян лежат, по мнению А.А. Котляревского, в беззаботности существования, умственной малоподвижности и беспечности о будущем, по словам И.И. Первольфа, в раздробленности и усобицах между собой. Л. Нидерле объяснял, что «большому объединенному германскому государству, пользовавшемуся полной поддержкой католической церкви, противостояли славяне, раздробленные на ряд *небольших племен и племенных объединений* (курсив автора. – В.Ф.)», не только не создавшим против немцев единый союз, но и часто объединявшимся с немцами в борьбе друг с другом. А.Г. Кузьмин заключал, что «распри поляков и лютичей в конечном счете явились одной из главных причин общего поражения балтийских славян в борьбе против наступления немецких феодалов»⁸⁵.

се... С. 165; *Фомин А.В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // Краткие сообщения Института археологии Академии наук. Вып. 171. – М., 1982. С. 19; *Мельникова Е.А.* Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 год. – М., 1984. С. 68–74; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. – М., 1986. С. 280; *Кузьмин А.Г.* Кто в Прибалтике «коренной»? С. 4; *его же.* Начало Руси. С. 303–304; *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. – СПб., 1998. С. 51; *его же.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». Казань, 28–29 августа 2000 г. – Казань, 2001. С. 23; *его же.* Великий Волжский путь // «Родина». 2002. № 11–12. С. 63; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 28, 585; Хрестоматия по истории России... С. 157; и др.

⁸⁴ *Котляревский А.А.* Древности юридического быта... С. 18, 47; *Зинчук Я.П.* Указ. соч. С. 15.

⁸⁵ *Котляревский А.А.* Древности юридического быта... С. 59; *Первольф И.И.* Указ. соч. С. 3; *Нидерле Л.* Славянские древности. – М., 2000. С. 126; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 651.

У А. Ф. Гильфердинга было иное видение данной проблемы. Как отмечает Л. П. Лаптева, основой его методологии была теория «стихий» – германской и славянской, каждой из которых «присущ свой особый, искони ей предопределенный путь развития». Первую, по мнению ученого, отличают католицизм, твердая феодальная организация, отсутствие демократизма. Вторая же характеризуется неприятием католичества и широкой демократией. И он не сомневался, что борьба германцев и славян была столкновением «христианско-теократической империи романо-германской и языческо-теократического племенного союза балтийских славян». Причины гибели последних Гильфердинг видел в том, что они, во-первых, не создали собственного государства и не приняли христианства на славянской основе, во-вторых, что к своей стихии они изначально (с момента своего поселения на ранее принадлежавших германцам землях) примешали чужеродные элементы (главным образом, немецкие), искажившие коренные начала их жизни⁸⁶.

* * *

«История балтийских славян» Гильфердинга посвящена детальному и всестороннему анализу внутреннего состояния общества южнобалтийских и полабских славян, и, по словам автора, «тех общих начал и отношений, от которых зависела их историческая судьба» (прежде всего народный характер и религия), и доведена до времени начала против них германской агрессии (вместе с тем в ней подробно характеризуются особенности политики германского мира и католической церкви в отношении славян вообще и южнобалтийских, в частности, и которым автор дает весьма жесткую, но взвешенную оценку).

«Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» охватывает период с 748 по 919 год. В качестве третьей части его эпопеи о славянах Южной Балтики идет материал в виде незавершенных очерков о времени X – первой половине XI века. В своих ярких работах Гильфердинг несколько раз цитирует Видукинда Корвейского (X в.), что если саксы воевали «ради славы, за великую и обширную державу», то прибалтийские славяне, как подчеркнул

⁸⁶ *Лаптева Л. П.* Проблема германизации полабских... С. 172–174, 181; *ее же.* История и этнография лужицких сербов... С. 365, 380–381; *ее же.* К истории русско-славянских отношений... С. 36; *ее же.* Гильфердинг Александр Федорович // Славяноведение... С. 122; *ее же.* Гильфердинг Александр Федорович // Историки России. С. 246–247, 249; *ее же.* История славяноведения в России в XIX веке. С. 260–261, 263–264.

сам же немецкий хронист, «за свободу, против угрозы величайшего рабства»⁸⁷. Симпатии Гильфердинга находятся, конечно, на стороне славян, но весь разговор о них он ведет исключительно в русле строгой науки, с широким привлечением источников и исследований зарубежных ученых.

А приписываемая ему с середины XIX в. идеализация их истории – это не более чем реакция российского читателя, выросшего на представлениях, с одной стороны, о величии германского духа, якобы в одиночку преобразовавшего Западную Европу (германцы, уверен он был после А.Л. Шлецера, «назначены были судьбою рассеять в обширном северозападном мире первые семена просвещения»), а с другой, как заметил И.Е. Забелин по поводу содержания работ М.П. Погодина и «скептиков», «об историческом ничтожестве русского бытия»⁸⁸, следовательно, ничтожестве славянского бытия вообще, и вдруг с недоумением и огромным недоверием узнающего, что этот дух целенаправленно уничтожал и поработал высокоорганизованное и наиболее экономически развитое в Северной Европе общество, в полной мере затем воспользовавшись богатыми плодами деятельности славян, выдавая их за свои. И вряд ли, конечно, Гильфердинг, идеализируя историю балтийских славян, вел бы речь о «бесплодности» их жизни, о «застое» и «раннем бессилии», о «свирепости против неприятеля» и «жестокости в обращении с невольниками», об «ожесточенном фанатизме», с которым они защищали язычество. И при этом характеризуя, например, короля Генриха Птицелова «благородным и бескорыстным противником» славян: «Его дело было правое: он сражался честно с неприятелем своего отечества... никогда не позволял он себе ужаснейшего зла и святотатства, которое погубило балтийских славян и обесчестило стольких из немецких воителей и священников: не принуждал их принимать христианство, как знак рабства, и вообще щадил побежденных, собирая с них дань, но не обращая их в рабов. Он предоставлял позднему времени перенести к славянам христианство мирной проповедью. Его преемники в этом отступили от него; но он непричастен к их жестокости и осквернению святыни» (хотя и говорит, что именно его приход к власти имел «для балтийских славян роковое последствие», т. к. он, как саксонец, придавал борьбе с ними тот характер, который она имела для его родного племени – «характер национальной ненависти»).

⁸⁷ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. – М., 1975. С. 96, 163.

⁸⁸ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. II. – СПб., 1816. С. 178; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 116.

За сравнительно короткий срок – всего лишь двадцать лет (1852–1872 гг.) – А.Ф. Гильфердинг написал очень большое число научных и публицистических трудов, увидевших свет на страницах многих изданий: в «Известиях второго отделения Академии наук», «Записках Географического общества», «Русской беседе», «Дне», «Русском инвалиде», «Русском вестнике», «Вестнике Европы», «Отечественных записках», «Русском слове», «Москвитянине», «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России», «Московских ведомостях», «Голосе», «Заре», «Энциклопедическом словаре», «Русской старине» (лишь только часть их была включена в четырехтомное «Собрание сочинений» историка 1868–1874 гг.; в него, например, не вошли лингвистические исследования). И в них перед нами предстает истинный служитель науки, жизнь и творчество которого – пример беззаветного служения Родине, и работы которого пережили своего создателя (даже его публицистические статьи, написанные на тогдашние злобы дня, дают богатую пищу для размышлений в начале XXI в.).

Наше время очень благоприятно для свершения того, что было высказано в год смерти Гильфердинга: «Помолимся об усопшем, да Господь Бог из его смерти, как из семени, воздвигнет тысячи подобных деятелей»⁸⁹, в которых так остро сейчас нуждается Россия.

⁸⁹ [Семевский М.И.] Указ. соч. С. 18.

ИСТОРІЯ
БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[1]*

I

Географический обзор

Простирающаяся по южному берегу Балтийского моря между реками Эльбой и Вислой равнина, усеянная песками, болотами и озерами, но обильная также плодородными полями и богатыми пастбищами, – равнина, где теперь стоят Берлин и Бранденбург, Любек, Штральзунд и Шверин, Штетин, Франкфурт-на-Одере и Данциг и где сосредоточены самые деятельные силы немецкого народа, – в прежнее время населена была славянами. Славян, которые занимали эту страну, заключающую в себе нынешние области Лауенбург и часть Голштинии, Мекленбург-Шверин и Стрелиц, Бранденбургию и Померанию, принято обозначать общим именем **славян балтийских**.

Балтийские славяне, подобно всем прочим славянским народам, в начале их истории делились на несколько племен или колен. Имена и место жительства этих племен мы знаем определенно из исторических свидетельств VIII и последующих столетий. Главнейшие из них были:

вагры, на крайнем северо-западе, в восточной половине нынешней Голштинии и на острове Фембре или Фемерне¹;

полабцы, на юге от них по берегу Эльбы, в нынешнем Лауенбургском герцогстве;

[2] *глиняне* и *смольняне*, южнее полабцев, близ Эльбы, последние, кажется, на берегу ее, в юго-западной части нынешней Мекленбургии и северо-западном углу Бранденбургии;

* В квадратных скобках указаны номера страниц в пагинации оригинала (издания 1874 г.), верхними индексными цифрами нумерованы примечания А.Ф. Гильфердинга, верхними индексными цифрами в квадратных скобках – комментарии В.В. Фомина, верхними индексными цифрами в круглых скобках – примечания С.В. Цветкова, звездочками – вып. редактора.

¹ Ad. Brem. II, 18. Populi Sclavorum multi, quorum primi sunt ab occidente... Waigri, eorum civitas Aldinburg maritima. Deinde secuntur Obodriti, qui nunc altero nomine Reregi vocantur, et civitas eorum Magnopolis. Item versus nos Polabingi, quorum civitas Razispurg. Ultra illos sunt Lingones (глиняне) et Warnabi. – Helm I, 2. sunt et insulae Baltici maris, quae incoluntur a Slavis, quarum una Vemere vocatur. Haec opposita est Wagiris... Подробности об этих ветвях и о разных формах их имен см. у *Шафарика*. Славянские древности (перевод Бодянского): В 2 т., 1837. Т. II. § 44.

пароги, иначе *бодричи*², по берегу Балтийского моря, на востоке от исчисленных племен, от реки Травны (Trave) до Висмарского залива, в западной, приморской половине нынешнего великого герцогства Мекленбург-Шверинского;

варны, тоже на берегу моря, у реки Варновы (Warnow), в восточной части Мекленбург-Шверинского в[еликого] герцогства.

Все эти племена составляли обыкновенно союз и являлись в истории под общим наименованием *бодричей*.

Другой союз племен, живший на востоке от бодричей, от р. Рокитницы (Reckenitz) до Одры, обозначался общим именем *велетов* или *лутичей*³; к ним принадлежали:

кичане, около реки Рокитницы, в северо-восточной, приморской части Мекленбург-Шверинского в[еликого] герцогства;

² В немецких источниках они именуются *абодритами* или *ободритами*, (Nort) *abtrezi. apdrede* и т. д. Настоящая славянская форма этого имени в точности неизвестна. Не зная лучшего, мы принимаем предположение Шафарика П.И., что этот народ собственно именовался *бодричами*. Оно оправдывается многими местными названиями (приведенными у Шафарика. II. § 44, 7) и аналогией по значению с другими племенными именами балтийских славян (см.: ниже XXIV). Настоящая форма была, вероятно, *бьдричи* (звук, соответствующий древнему ъ-ру, существовал у балтийских славян, и неопределенностью произношения этого ъ-ра можно, кажется, объяснить приставку гласной перед *б* в германских формах *abotriti, apdrede* и т. п. Все эти формы исчислены у Шафарика. I. с.

³ Adam Brem. III, 21. Cum multi sunt Winularum (т. е. славян) populi fortitudine celebres, soli quatuor sunt qui ab illis Wilzi, a nobis dicuntur Leutici, inter quos de nobilitate potentiaque contenditur. Hi sunt scilicet Chizzini et Circipani qui habitant citra Panim fluvium, Tholosantes et Retheri qui ultra Panim degunt. — Helm I, 2. Kyzini ei Circipani cis Panim, Tholenzi et Redari trans Panim habitant. Hi quatuor populi a fortitudine Wilzi sive Lutici appellantur. Нельзя, однако, принять безусловно известие, что только кичане, черепняне, доленчане и ратары именовались лутичами, или вилетами. Адам и Гельмольд сами говорят, что велеты (вильцы) отделялись Одрой от поморян (Adam. II, 19. Helm. I, 2) и, значит, причисляют к ним и украин. Что также вопреки словам Адама, название *лутичи* было славянское, а не немецкое, доказывается его употреблением у Нестора и у летописцев польских и чешских. Другое имя этого народа представляет две формы, славянскую: *велеты* (или вельты) и измененную по законам немецкого выговора *вильцы*; в том удостоверяет нас и свидетельство Эйнгарда (Annales, у Пертца в 1 томе) а. 779: Sclavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione, Weletabi (т. е. велетове, форма именит. падежа множеств. числа) dicuntur. — Впрочем, о различных формах всех этих названий в древних источниках см.: Шафарик П.И. Слав. древности, II. § 44, 3, 6.

черезпеняне, на востоке от кичан, между морским берегом и течением р. Пены (Peene): это северо-западный угол нынешней Померании;

[3] *доленчане*, на юге от р. Пены, до р. Доленицы (Tollense), на пограничной черте Мекленбургии и Померании;

ратаре, или *радгощане*, на юг от р. Пены за Доленицей, в нынешнем Мекленбург-Стрелицком в[еликом] герцогстве;

моричане, на юг от долечан и запад от ратарей, около озера Морьца (Müritz-see), в юго-западном краю Мекленбург-Шверинского в. герцогства;

укряне и *речане*, на восток от ратарей, по р. Укре (Ucker) и до Одры.

На севере от земли лютичей лежал остров *Руя* (Рюген), населенный также славянами: они составляли особое племя, называвшееся *руянами* или *ранами*⁴;

За Одрой⁵ примыкало к лютичам большое племя *поморян* (в нынешней Померании и части западной Пруссии). Они простирались по берегу Балтийского моря до низовьев Вислы; к югу они граничили, по черте реки Нотеци (Netze), с польскими славянами⁶. К поморянам принадлежали также *волынцы*, жители острова *Волыня* (Wollin)⁷, лежащего насупротив устья р. Одры; восточная же

⁴ Первоначальная форма имени этого острова была, вероятно, *Руя*; на это указывает название древнего народа *Rugii* (Tac. Germ. 43). Форма *Рана* и *Ране* есть славянская (epistola Wibaldi abbatis Stabulensis et Corbeiensis в «Codex Pomeraniae dipl. herausg v. Hasselbach, Kosegarten und Medem» 45: «regione quadam, quae a Teutonicis Ruiana, a Sclavis autem Rane dicitur») и, без сомнения, сокращена из *руяна*, *руяне*, как *нас*, *батисе* во многих славянских наречиях из *пояс*, *боятися* и т. п. У Гельмольда часто читаем: Rani qui et Rugiani (I, 2, II, 12), Rani sive Rugiani (I, 6, I, 37, II, 12). О всех формах этого имени в древних памятниках см.: *Fabricius. Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen*. I, 66.

⁵ *Adam Bremens. Gesta Hammenburgensis ecclesiae Pontificum* (у Петерца. Mon Germ. hist. IX) II, 19: «Oddara... ..Pomeranos dividit a Wilsis». Helmoldz Chronica Slavor. (ed. Bangerti Lubecae 1659) I, 2. Odora... dividens Pomeranos a Wilzis.

⁶ Крепости *Волин* (Filehne), *Чарников* и *Накло*, все три на Нотеци, лежали на границе поморян и поляков.

⁷ Я пишу *Волин*, а не *Волин*, потому что на *ы* в этом слове указывают многие родственные названия, как-то Velun (теперь по-польски Wielen, по-немецки Filehne), древняя поморская крепость на Нотеци (Mart. Gall. II, 48) (*у* есть звук самый близкий к *ы*) и русская *Волинь*; притом же имя маленькой ветви гаволян, называвшейся также *волынцами* или *волынянами* (Vulini,

часть поморян, ближайшая к р. Висле, носила впоследствии особое имя *кашубов*.

Мы проследили таким образом все ветви балтийских славян, ближайших к морю: за Вислой начиналась уже чужая земля, земля литовского поколения: непосредственными соседями балтийских славян были тут прусы; западная ветвь литвы.

Но к югу от бодричей и лютичей находился союз славянских племен, хотя отдаленных от морского берега, однако состоящих по языку, быту и историческим судьбам в нераздельной связи с племенами прибалтийскими. [4] Эти племена известны были под общим именем *стодорян* и занимали нынешнюю Бранденбургия (кроме той части ее, которая лежит на западе от Эльбы). Между ними важнейшие были:

брежане, на берегу Эльбы, южнее *глинян*, где ныне край, называемый *Priegnitz*, т. е. Брегница, или Брежница⁸;

гаволяне, или *стодоряне*, в собственном смысле жили по течению р. Гаволы (Havel), в середине нынешней Бранденбургии⁹;

спревяне занимали нижнее течение Спревы (Spree), близ впадения ее в Гаволу; наконец,

лобушане жили восточнее спревян по берегу р. Одры (где теперь город Лебус)*.

Vilini, где теперь Windisch Willinsdorf). Видукинд пишет Vuloini: сочетанием *oi* он очевидно хотел передать славянское *yl*.

⁸ Впрочем, имя *брежан* было, кажется, общим для обозначения всех прибрежных к Лабе ветвей стодорских: оно, по-видимому, обнимало несколько мелких племен (перечисляю с севера на юг) нелетичей, лешичей, земчичей и даже морачан.

⁹ Thitmari Chron. (у Пептуа T. V) IV, 20: Stoderania, quae Hevellun dicitur; Chron. Quedlinb. (a 997) Ztdoranium, quam vulgo Heveldum vocant; Adam Brem. II, 18. Sunt et alii Sclaviniae populi qui inter Albiam et Oddoram degunt, sicut Heveldi qui juxta Habolam fluvium sunt, et Doxani, Leubuzzi, Wilini et Stoderani cnm multis aliis. Helm. I, 37. Brizanorum et Stoderanorum populi, hi videlicet qui Havelberg et Brandenburg habitant. 88 terram Brizanorum, Stoderanorum. Упоминаемые Адамом Бременским *Doxani* (т. е., вероятно, *дошане*) и *Wilini* (имя, которого точное произношение по-славянски трудно определить) были небольшие племена, жившие также в нынешней Бранденбургии. Первые жили по реке *Dosse*, где у них был город Высока, ныне Wittstock; последние находились, как полагают, несколько южнее дошан, в окрестностях нынешнего города Fehrbillin, в старину носившего название *Bellin*, с которым отождествляется и само имя племени *Wilini*.

* Большую часть перечисленных географических названий, а также расселения указанных племен можно увидеть на картах в Приложениях.

II

*Положение балтийских славян между соседними народами. –
Родство с поляками. – Ляшское племя*

На севере балтийские славяне, в нынешней Голштинии, соприкасались с датчанами; по всей западной границе, которую составляла река Эльба почти до ее впадения в море, их соседи были немцы; на востоке низовье Вислы отделяло их тоже от чужого народа, именно от прусов, ветви литовского поколения; с юга же и юго-востока балтийские славяне примыкали непосредственно к другим славянским народам, простиравшимся сплошной массой на огромные пространства, за Дунай и Днепр: на юге примыкали они к племенам сербо-лужицким; на юго-восток к полякам. Если читатель взглянет на карту, то он увидит, что река Эльба, от выхода ее из-за гор, ограждающих с севера Чешскую землю, до нынешнего города Магдебурга, течет с юго-востока на северо-запад, а у Магдебурга поворачивает почти прямо к северу, приняв в себя р. Салу, которая тоже течет прямо с юга на север. Река Сала от своего истока у крайней западной оконечности Чехии до ее впадения в Эльбу, и Эльба, от впадения Салы до нового поворота на запад ниже устья Гаволы, образует почти прямую черту по направлению от юга к северу, и на этой-то черте остановились, как видно, славяне в своем расселении¹⁰. От впадения Салы до поворота последней на запад ниже устья Гаволы жили племена стодорян, о которых мы сказали выше; от истока Салы до впадения ее в Эльбу была земля сербов, занимавших пространство между стодорянами и чехами и по рекам Бобру и Одре, граничивших с польскими племенами: бобрян, дедошан и других в нынешней Силезии.

Эти сербы, которые для различия от сербов дунайских, называются сербами полабскими, дробились на несколько отдельных племен: *сербов* в собственном смысле слова, занимавших ближайшие к немцам края по берегу реки *Салы*, или *Солявы*, как ее называли по-славянски; *гломачей* (известных у немцев под именем *далеминцев*) в позднейшей Миснии (Meissen), т. е. средней части нынешнего королевства Саксонии; *мильчан* в нынешней Верхней и *лужичан* в нынешней Нижней Лузании.

Полабские сербы⁽¹⁾, по близкому соседству с племенами балтийских славян, имели с ними некоторую связь и часто разделяли их судьбу; но они составляли отдельную от них ветвь славянского

¹⁰ Кроме отдельных колоний, о которых говорено будет в своем месте.

поколения, находившуюся в ближайшем родстве с чехами¹¹. Балтийские же славяне были ближайшие соплеменники той ветви, из которой образовался польский народ, или, вернее, славяне польские и балтийские составляли две части одного и того же народа, который обозначался именем *ляхов*. Ясно указывает на это древнейший русский летописец: «Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашеся ляхове, а от тех ляхов прозвашеся поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне»¹². Значит, в понятиях нашего летописца, название ляхов обнимало как польских славян, так и ветви балтийские, поморян и лютичей. В другом месте Нестор говорит еще: «Ляхове же, и пруси, чюдь приседят к морю Варяжьскому» (т. е. Балтийскому)¹³. Собствен[6]ные поляки, как известно, не жили на берегу Балтийского моря, стало быть, под именем ляхов разумеются здесь ближайшие их соплеменники, лютичи и поморяне. К последним действительно примыкали прусы, как и говорит Нестор.

Русская летопись упоминает из балтийских славян о поморянах и лютичах; бодричи и стодоряне, более отдаленные, ей неизвестны; но остатки языка, которых сохранилось немало в названиях лиц и мест и в разных выражениях, записанных в старинных грамотах, показывают, что язык у всех этих племен был один и тот же и что он притом наиболее приближался к польской речи⁽²⁾.

Таким образом, одна ветвь славянского корня раскинулась по всей пространной равнине от Эльбы и берега Балтийского моря до Карпатских гор и Западного Буга. Подобно ляхам и восточные отрасли славянские составляли другое еще обширнейшее племя, которое населяло всю страну от Новгорода до днепровских порогов, и потом получило название русского народа. В начале истории являются, таким образом, два великих, почти равных по объему отдела славянского поколения, один на востоке, другой – на северо-западе. Но потом один из них сплотился крепко в цельный народ и возрастал постоянно; другой же, никогда не достигнув единства и внутренней крепости, постоянно уменьшался.

¹¹ Это видно из признаков языка (носовые звуки не существовали уже у полабских сербов в весьма древнее время, а у балтийских славян сохранились до конца), из имени *сербов* (сами чехи помнили долго, что они происходили от сербов) и, наконец, из проявлявшегося неоднократно в истории, с самых древних времен, стремления полабских сербов составить с чехами политическое единство.

¹² Полн[ое] собр[ание] русск[их] летописей. I, 3.

¹³ Там же, 2.

III

Имя ляхов и славян

Северо-западные славяне, составлявшие ляшское племя, т. е. ветви польские и балтийские, сами себя никогда не называли ляхами. Видно, они не ощущали себя единым племенем. Ляхами звали их восточные соседи, литва и русские славяне, выражая этим словом местность, в какой они жили. Лях, без сомнения, значило *житель низменности*, луговой земли. Так, по-литовски *lenkas* – лях, а *lenke* – луг, низменное место; польское (*łąg, łąka*) луг, русское (в Архангельской губернии) *ляга* – лужа и др. относятся к этому же корню⁽³⁾.

Не имея племенного названия, ляхи обозначали себя лишь одним самым общим именем всего поколения⁽⁴⁾, *славянами*, и затем знали только частные прозвища отдельных ветвей, взятых, как и у других славян, большей частью от местности: «прозваша имены своими, где седше на котором месте», говорит Нестор¹⁴. Таковы имена: поморяне, волынцы, черзпеняне, ране, [7]укряне, полабцы, гаволяне, спреване, морачане и мн. др.⁽³⁾ Только немногие прозвища выражали не место жительства, а свойство отрасли¹⁵.

У одних славянских племен местное прозвище со временем исчезло (например, у русских); у других стало употребляться исключительно. Весьма рано сделалось оно господствующим у восточной половины ляхов: они составили народ, который, по месту жительства, получил название полян или поляков. Уже с X века начинают реже относить к ним общее имя славян. Зато ляхи балтийские по преимуществу называли себя славянами, землю свою славянской: поморяне даже в XIII и XIV в.¹⁶ В XVII столетии еще жило (а может быть, и теперь еще нашлось бы) в Люнебургском крае несколько крестьян, жалких остатков древян, отрасли знаменитых бодричей, и те называли свой исковерканный язык не иначе, как речью славянскою¹⁷.

¹⁴ П[олное] С[обрание] Р[усских] Лет[описей] I, 3.

¹⁵ О них см. ниже, XXIV.

¹⁶ Напр[имер], в поморских грамотах этого времени.

¹⁷ Dobrowsky Slowanka. Sliwinski junsik (После издания этой книги покойный автор ее напечатал в «Изв[ествиях] II отд[еления] Акад[емии] наук» статью: «Пам[ятники] наречия залабских древлян и глинян» (V, 433–480)).

IV

Имя вендов. – Первые известия о прибалтийских вендах. – Распространение свезов на Поморье

Западные и северные соседи балтийских славян, народы германские, обозначили их тем же именем, каким и всех вообще славян, т. е. вендами, или виндами.

Под этим именем балтийские славяне являются в первых исторических известиях, какие сохранялись о них, у греческих и римских писателей: сами греки и римляне, конечно, не имели с балтийскими славянами прямых сношений, и получали о них сведения лишь от соседних народов, преимущественно же от германцев: понятно, что они и прилагали к ним то имя, каким их обозначали германцы. Янтарь, искони добываемый на берегах Балтийского моря и дорого ценившийся древними, направил торговлю на дальний север и обратил на него внимание греков. Уже за несколько веков до Р. Х. носилось у них смутное сказание, что янтарь отыскивается в стране венетов (т. е., без сомнения, венедов, или славян)^{18, (4)}. Однако сведения их об этом так темны и перепутаны, что ничего из них нельзя заключить.

Известие о балтийских виндах возобновляется в половине I в. до Р.Х., но в странном, можно сказать, диком виде: Квинт Метелл Целер, бывший (около 58 г. до Р.[8]Х.) проконсулом Галлии, получил – так рассказывает Корнелий Непот – в подарок от одного германского князя нескольких индов, расспросил об их происхождении и узнал, что они, путешествуя для торговли, загнаны были бурею из индийских вод на берег Германии. Очевидно, эти инды были просто винды (славяне), которых занесло из Балтийского моря (оно действительно называлось в древности Венедским) в Немецкое¹⁹. Видно, что проконсул Целер никогда не слышал о виндах и принял их за индейцев, о которых, без сомнения, читал; ошибка понятная: ибо тогда географы не знали, что из Индии нельзя с востока приплыть в Германию.

Стало быть, в то время были винды на балтийском Поморье⁽⁵⁾. Сто лет спустя, Плиний говорит определеннее, что венеды жили, вместе с другими народами, на восток от Вислы, а на запад от сарматов²⁰.

¹⁸ См. об этом подробные сведения у Шафарика. Слав. др. I, § 8. 1.

¹⁹ См. там же. § 8. С. 3.

²⁰ Hist. Natur. IV, 13... hæc habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hiris tradunt.

У Тацита венеды являются на огромном пространстве между певками (жившими, сколько известно, близ Черного моря, около Днепра) и финнами²¹, значит, там же, где помещает их Плиний, в землях, лежащих от Вислы на восток¹¹.

Однако и тогда славяне, вероятно, простирались гораздо далее на запад, но там, подпавши власти немецких дружин, которые в это время постоянно выходили на чужбину искать добычи и земель, скрылись за своими покорителями от внимания иностранных историков.

Уже в I в. до Р. Х. между немцами резко обозначалось раздвоение, которое всегда сопровождало их в истории: уже тогда делились они на собственных германцев (нижних немцев) и свевов (верхних немцев): первые жили ближе к Северному морю, вторые к Дунаю²². Собственные германцы имели постоянные жилища и личную поземельную собственность; они отличались большим миролюбием и склонностью к земледельческой жизни; свевы, предпочитавшие пастушеский быт хлебопашеству, во время Цезаря признавали землю общинным владением; ежегодно, на сходке, старшины отводили землю для каждой семьи, и владение ежегодно менялось; не все сидели дома, а ежегодно отправлялось на чужую сторону несколько тысяч вооруженных свевов, за которых остальные работали, и так они чередовались, то работая, то воюя. Они считали похвальным искать себе военной добычи: часто на сходке кто-нибудь из князей говорил, что хочет вести дружину, пусть объявляет, кто с ним пойдет, и тотчас находились охотники, и народ хвалил их; а [9] того, кто бы раз вызвавшись, потом отказался, навсегда корил, как беглеца и бесчестного труса²³. Долго хранили свевы этот быт: 150 лет после Цезаря Тацит находил у них ту же мену земель, и при нем еще был там во всей силе обычай молодым людям идти за князьями на чужбину искать счастья²⁴.

Не может быть, чтобы постоянный, более полутора века продолжавшийся выход вооруженных дружин, которые шли воевать вне родины и, конечно, не все возвращались домой, а оставались, где им было выгоднее, не произвел важного переворота в соседних странах. И действительно, свевское племя, первоначальные жилища которого были в южной Германии, у верхнего Рейна и Дуная, распро-

²¹ Tacit. de Germ. 46. Venedi... quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrocinii perrerant.

²² Об этом см.: Pfister. Geschichte der Teutschen, I, 57 и в др. местах. Тацит резко отделяет в Германии *свевов* и *не-свевов*.

²³ Caesar, de Bello Gallico. IV, 1. VI, 22, 23.

²⁴ Tac. Germ. 13, 14.

странилось непомерно на восток и север. Около Р. Х. свевская отрасль²⁵, маркоманны (что значита *пограничные люди*), покорили Богемию. Во время Страбона (в начале первого века) и другие ветви свевов, гермундуры и ланкосарги²⁶, находились уже на восточном берегу Эльбы²⁷, а в конце этого столетия, при Таците, владения свевов от Богемии простирались до Балтийского моря и до самой Вислы²⁸. Что эти земли не принадлежали свевам искони, а были завоеваны, и то не целым, выселившимся народом, а бродячими дружинами, которые покорили тамошних славян, на это есть много указаний. Не без основания добросовестный Плиний, при исчислении немецких народов, соединяя в один особенный разряд племена германские, которые занимали балтийское Поморье (бургундов, варнов, карингов и гутонгов), обозначает их всех именем виндилов (иначе вандилов, вандиликов)²⁹. Этим именем германцы на балтийском Поморье были прозваны, очевидно, потому, что жили на Виндской земле, между виндским населением. Потом имя виндилов, или вандалов, присвоено было по преимуществу одной из прибалтийских отраслей свевов, родственной бургундам и готам, которая прославила его в истории. Но во все продолжение средних веков хранилось предание о каком-то родстве вандалов со славянами, и это название принималось часто в смысле вендов или славян⁽⁶⁾.

На север от гор, ограничивающих Богемию, древние писатели помещают обширный народ лугиев, делившийся на разные колена. И лугии были, без сомнения, немцы, поселившиеся на славянской земле; это имя объясняется не иначе как из славянского языка (жители лугов, то же что ляхи), да к тому на древней римской карте прямо поставлены друг подле друга лугии-[10]сарматы³⁰ и венды-сарматы: сарматами же римляне называли все вообще негерманские народы в восточной Европе⁽⁷⁾. Тоже, что о лугиях, можно сказать и о варнах, или варианах, которых древние писатели, Тацит и др., помещают между прибалтийскими германцами: и это имя находит объяснение только в славянском языке, именно поговору славян балтийских, где *варн* произносилось вместо *вран*, *ворон*⁽⁸⁾. Одна из ветвей балтийских славян называлась также варнами, и река Варнова (die Warnow) сохраняет до сих пор о них память. Не может быть, ка-

²⁵ Там же. С. 42.

²⁶ Вероятно, вместо *ланкосарии* следует у Страбона читать *лангобарды*.

²⁷ Strabo. VII, 1.

²⁸ Tac. Germ. 38, 44.

²⁹ Plin. Hist. Nat. IV, 14.

³⁰ Так наз. Peutingeriana tabula.

жется, сомнения, что тацитовские варны была германская дружина, которая, овладев землей настоящих, славянских варнов, прозвалась по имени покоренного ею народа.

Подле лугиев, на север от Богемии, Страбон³¹ вычисляет следующие племена: колдуев, зумов, бутонов, мугилонов, сибинов и семнонов. Из них семноны составляли знаменитую ветвь свевов, которой первоначальные жилища были близ верхнего Рейна: вот как далеко заходили в то время свевские дружины; бутоны, кажется, описка вместо гутоны³², которые действительно славились между прибалтийскими немцами; имена колдуев и мугилонов явно славянские и сохранились до позднейших времен в названии коледичей (ветви лабских сербов, где теперь Colditz), и Могильна (города лужичан, теперь Mügeln); наконец и название зумов не соответствует ли прилабской ветви стодорян, земщикам, и сибины не искажение ли слова сирбины, т. е. сербы?^{33, (11)}

V

Образ жизни германских дружин на балтийском Поморье

Но яснее и убедительнее запутанных и искаженных названий самый образ жизни и быт прибалтийских германцев показывает, что они не были постоянные жители тех мест, а завладели ими силою. Совершенно отличались они образом жизни от тех германцев, которые обитали на коренной немецкой земле между Рейном, Эльбою и Дунаем. Здесь, на своих землях, немцы были оседлы и никогда не передвигались всем народом с места на место, несмотря ни на какие перевороты³⁴: где Тацит находил [11]фризов, хаттов (что ныне хессы), свевов (что ныне швабы), там они жили при Карле Великом и живут еще теперь; иногда только менялось название, но народ оставался один и тот же; так восточная часть свевов прозвалась баварцами, а западная долго была известна под именем алеманнов; так хавки, хамавы, ангриварии и др. северные немцы уже в III в. соединились под общим именем саксов, получившим в следующие века громкую славу.

³¹ Опискою вместо *Lugiones* поставлено *Lupiones*, см.: Шафарика. I. § 18. 3, где и подробное исследование о лугиях.

³² VII, 1.

³³ *Guttones* у Плиния, *Gotones* у Тацита тоже, что готы.

³⁴ У свевов члены общин, как мы видели, менялись землями, но в совокупности свевский народ имел постоянные жилища.

Таким образом, вся собственная Германия, принадлежавшая немцам искони, была населена народами оседлыми, которые дорожили землей, ими вспаханной, и не оставляли ее никогда⁽⁹⁾. Совершенно противоположна оседлому быту коренных германцев жизнь тех племен немецких, которые поселились на восток от Лабы; то были народы бродячие. Вечно находились они в походе и передвижении. В I веке лугии жили на балтийском Поморье, в начале II в. часть их была уже на нижнем Дунае; во II веке вандалы там же сражались с римлянами, а в III в. толпы вандалов и лугиев воевали на Рейне. Потом вандалы ходили, как известно, по Галлии, Испании, Африке; эта свирепая дружина с балтийского Поморья оставила свое имя прекрасной области в южной Испании. И говорить нечего о знаменитых переселениях готов, гепидов, ругов, бургундов и др. Такая бродячая жизнь, такие быстрые передвижения и дальние походы невозможны для целого народа; они возможны только для кочевников или для военной дружины. Кочевниками, какими являются в древности сарматы, а теперь еще киргизы, германцы никогда не были, сколько знает их история. Потому все эти прибалтийские немцы, лугии, вандалы, готы, бургунды, руги и т. д., составляли, без сомнения, военные дружины. Образуюсь, как описывают Цезарь и Тацит, в коренных немецких землях, иные, вероятно, и в Скандинавии, из молодых людей, которым не нравилась домашняя жизнь и полевая работа, они выходили, видно, мало-помалу в соседние области вендов (славян), подчинили себе туземцев и жили между ними пришельцами и господами; не дорожа землей не своей, они охотно ее покидали и шли налегке всюду, где можно было пожить.

VI

Дружина готская

Между этими прибалтийскими германцами знатнейшие и славнейшие были готы. О готах мы знаем подробнее, нежели о других подобных им немецких ветвях, потому что собственные их предания об их старинных подвигах сохранились, и здесь-то с особенною ясностью выказываются [12] в готах все свойства дружины. Хорошо помнили они, что не жили первоначально на балтийском Поморье, а прибыли туда из-за моря, из Скандинавии; готское предание именно рассказывало, что они из древней своей родины выселились на трех кораблях³⁵. Замечательно такое сказание о малом числе их, при

появлении на Поморье: народ бывает многочислен, а дружина состоит из малого числа удальцов, и только дружина могла пуститься в далекое переселение на трех кораблях.

Переплывши море, так говорит далее готское предание³⁶, они пристали к земле улмеругов, победили их и прогнали, а потом покорили и соседей их, вандалов. Нельзя по этому преданию догадаться, жили ли улмеруги на острове Ругии (Rügen), или на материке, и, покоренные готами, вандалы настоящие ли (немецкие) вандалы, или венды, т. е. славяне; как бы то ни было, все же готы помнили, что, прибыв на балтийское Поморье, заняли там свои жилища силой⁽¹⁰⁾.

VII

Гражданское устройство германских дружин на балтийском Поморье

Такое же различие, какое заметно в образе жизни, было и в гражданском устройстве коренных, оседлых германских племен и тех пришельцев, которые водворялись на балтийском Поморье.

Во время Цезаря и Тацита первые еще не имели настоящей государственной власти и жили по преимуществу общинами, связанными семейным союзом³⁷. У них, правда, и тогда уже проглядывал аристократический дух, отличительное свойство германского племени: и тогда уже среди народа, не имевшего ни городов, ни даже деревень, а жившего в дрянных избушках, выстроенных врозь, где попало³⁸, не раз выбирался в старшины и предводители войска испытанный юноша, по заслугам отца или по знатности рода³⁹, и лишь потомкам знатных родов был доступен почетный сан [13]королевский⁴⁰. Но еще не образовалось ни настоящей аристократии, ни

³⁵ Jornandis de Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ Cæs. de B. G. VI, 23. In pace nullus est communis magistratus. Tac. Germ. 7. Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt. Nec Regibus infinita aut libera potestas; et duces exemplo potius quam imperio. Cæs. l. c. 22. magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum... quantum et quo loco visum est, agri adtribuunt. Tac. l. c. familiæ et propinquitates.

³⁸ Tac. Germ. 16.

³⁹ Там же. C. 13. Insignis nobilitas, aut magna patrum merita, Principis dignationem etiam adolescentulis adsignant.

⁴⁰ Там же, 7.

постоянной власти. Только маловажные дела предоставлялись суду старшин, назначавшихся народом; важные решались на общей сходке; вообще, власть старшин (князей) и королей (*duces, reges*) была самая незначительная⁴¹.

Но когда какой-нибудь знатный юноша, удалой и богатый, вызывал охотников быть ему товарищами и идти воевать на чужбину, и составлялась дружина⁴², то отношения переменялись: между князем и дружиной тотчас возникал неразрывный союз на жизнь и на смерть; священным долгом дружинника было защищать князя и стоять с ним за одно; он терял личную самостоятельность и сражался уже не за себя, а за своего князя, а князь тем самым принимал на себя обязанность вести дружину к победе: он должен был подавать пример храбрости, дружина — не отставать. Пережить князя, павшего в битве, было для дружинника посрамлением на весь век⁴³. Разумеется, этот обоюдный союз, это подчинение дружины князю и нравственная ответственность князя за дружину увеличивались еще более, когда они воевали далеко от родины, подвергаясь непрерывно опасности. Тут еще нужнее становилось единство крепкой власти, и оно непременно являлось. И, действительно, тот самый Тацит, который рассказывает о незначительности княжеской власти в Германии, говорит совершенно противное о тех германских племенах, которые жили на балтийском Поморье: именно он свидетельствует, что «готы строже, нежели другие германцы, подчинены были власти», и что «ругии и лемовии и все вообще тамошние германские народы отличались своею покорностью королям»⁴⁴.⁽¹¹⁾

Такое преобладание крепкой власти у прибалтийских германцев в то время, когда вся Германия еще жила независимыми семьями, указывает, кажется, прямо на господство у них дружинного устройства.

При всех этих свидетельствах имен, образа жизни и быта мы можем с полной почти уверенностью признать, что германские пле-

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, 13, 14. *Cæsar de B. G. VI, 23.*

⁴³ *Tac. Germ. 14. Cum ventum in aciem, turpe principi virtute vinci, turpe comitatus virtutem principis non adæquare. Jam vero infame in omnem vitam et probrosum, superstitem principi suo ex acie recessisse. Illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriæ ejus adsignare, præcipuum sacramentum est. Principes pro victoria pugnant; comites pro principe.*

⁴⁴ Там же, 43. *Trans Lygios Gotones regnantur, paulo jam adductius, quam ceteræ Germanorum gentes, nondum tamen supra libertatem Protinus deinde ab Oceano Rugii et Lemovii; omniumque harum gentium insigne, rotunda scuta, breves gladii, et erga Reges obsequium.*

мена на балтийском Поморье были пришлые дружины, покорившие там древних жителей, вендов, т. е. славян.

[14] Таким образом, движение беспокойных сил в коренной Германии, особенно между свевами, а также в Скандинавии, впервые перенесло историческую деятельность на балтийское Поморье и в незапамятное время привело тамошних вендов (славян) в зависимость от военных дружин германских.

VIII

Движение славян в Придунайских землях

Но пока эти дружины, лугии, вандалы, руги, готы, бургунды и проч., господствовали на вендском Поморье, южные соплеменники подвластных им славян со своей стороны задвигались, и их движение отдалось и здесь. Вот что об этом говорит древняя русская летопись^{45, 121}: «По мнозех же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска... Волхом (иначе «Волохом») ... нашедшем на словени на дунайския, седшем в них и насилиащем им, словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне». Кто такие были волхи или волохи, прогнавшие славян из Дунайской страны, объясняет та же летопись. Рассказывая о покорении этой страны венграми (в конце IX века), она говорит, что венгры, пришедшие с востока, устремились «через горы великия» (в нынешней Седмиградии) и начали воевать с волхами и славянами, которые тут жили: «седаху бо ту преже словени, а волъхве (иначе «волохове») прияша землю Словеньску; по семь же угри прогнаша волъхи и наследиша землю и седоша со словены...»⁴⁶. Следовательно, Нестор под именем волхов разумеет валахов, которые именно вместе со славянами обитали в Дунайской стране при нашествии венгров, были ими частью прогнаны, частью покорены, и удержались в тех местах донныне. А эти валахи – потомки римлян, которые при Траяне завоевали Дакию и поселились в ней военными колониями. В самом деле, волохи, валахи, Welsche и т. п. есть общее название, которым многие славянские народы и немцы обозначают и теперь еще итальянцев⁽¹²⁾.

Нельзя однако же принимать Несторова известия в буквальном

⁴⁵ П. С. Р. Летоп. I, 3.

⁴⁶ Там же, 10.

смысле, будто славяне, уходя из Дакии от Траяновых войск, пришли и заселили балтийское Поморье: неверность сказания тем яснее, что Нестор оттуда вы[15]водит не одних ляхов, но и всех русских славян. Даже если бы целая Дакия принадлежала славянам (а в ней были народы и неславянские), то и тогда из нее не могли бы выйти все славянские племена, расселившиеся от Карпатских гор и Эльбы до Финского залива и Волги. При том же переход целого народа из нынешней Венгрии на балтийское Поморье, прямо через Карпатские горы, весьма невероятен.

Но и совершенно отвергать этого сказания нельзя также: оно все проникнуто каким-то правдивым духом старины; к тому же значение Траяна в судьбе славян доказывается преданием, которое столько веков о нем хранила народная память Южной Руси⁽¹³⁾.

Слова киевской летописи, вероятно, заключают в себе воспоминание о том, что славяне, теснимые на Дунае римлянами, пришли в движение и стали повсюду распространяться и усиливаться, и в земле Ляшской, на балтийском Поморье, и в восточных странах, где потом возникла Русь⁽¹⁴⁾.

IX

Усиление славян на балтийском Поморье во II веке

Действительно, во II веке по Р. Х., вскоре после Траяна, германцы начинают уходить с балтийского Поморья, и на их место выступают племена славянские. В начале царствования Траяна, когда писал Тацит о Германии, готы жили на Поморье; во II веке они отправились на восток и потом, поворотив на юго-восток, в конце этого века находились уже на Черном море. О странствии их по Скифии подробно говорит Иорнанд^{47, 131}, но, рассказывая по их народным песням и преданиям, разумеется, не подозревает, чтобы усиление враждебных народов, а не добрая воля, побудило их покинуть Балтийскую страну.

Вслед за готами удалились и другие немецкие дружины, лугии, вандалы, бургунды, руги и пр., кто на юго-восток, к Черному морю, кто через Богемию к Дунаю, некоторые даже в собственную Германию, к Рейну.

С тем вместе все более и более усиливались славяне на балтийском Поморье. В последней половине II-го века, когда Птолемей

⁴⁷ Jörn. 4 и след.

составлял свою знаменитую географию, балтийские венеды совсем уж не то, что при Таците. Тацит помещает их за Вислой, как-то совершенно в тени за германскими народами. У Птолемея Балтийское море, или по крайней мере южная [16] часть его, называется Венедским заливом⁴⁸; веледы являются у него в числе великих народов Сарматии и живут по всему Венедскому заливу⁴⁹; о готах, которые при Таците находились в соседстве лугиев, значит далеко на запад от Вислы, вот что говорит Птолемей: «Меньшие народы, населяющие Сарматию, суть: готы, близ реки Вислы, под венедями, а за ними финны и т. д.»⁵⁰. Стало быть, со времени Тацита их отодвинуло уже далеко на восток. Варины, при Таците жившие в самой западной части балтийского Поморья, в соседстве с лангобардами и англами⁵¹, помещаются Птолемеем близ истоков Вислы⁵². Наконец, у него являются на балтийском Поморье уже и племена с чисто славянскими названиями: поляне (Βούλανες), пеняне (Πενηγέται), вельты (Ουίλται). Наиболее определительно говорит он о вельтах и отводит им жилища на южном берегу Балтийского моря, на запад от племен литовских (осиев, т. е. литвы⁵³, и карвонов и кареотов, т. е. куронов, или корси, жители нын. Курляндии). Таким образом, уже во II в. славянское племя велетов (которые иначе прозывались лютичами) обитало на балтийском Поморье, там же почти, где оно потом славно подвизалось и храбро погибло 1000 лет спустя: может быть, только оно с течением времени несколько отодвинулось на запад⁽¹⁵⁾.

X

Указание Иорнанда на прибалтийских славян во II в.

Есть другое, восходящее до этого же времени, хотя записанное позже, известие о пребывании во II в. славянских народов на балтийском Поморье. Иорнанд, писавший древнюю историю готов по их песням и сказаниям, исчисляет в одном месте народы, которые жили в соседстве с готами. Только он, вероятно, не поняв в точности

⁴⁸ Ptolomæi Geographia, III, 5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Tac. Germ. 40.

⁵² Ptol. 1. c.

⁵³ См. *Шафарика*. I. § 18, 2.

готского предания, заключавшего такое исчисление, а может быть, имея и предание, уже искаженное от времени, перенес все эти народы в ту страну, откуда готы первоначально вышли в Скандинавию. Таким образом, Скандинавия, в которой, сколько известно, никогда не было много разных народов, у него наполнилась бесчисленным [17] их множеством. Но он приводит между ними такие названия, по которым тотчас можно заключить, что это исчисление обнимает не одну Скандинавию, но и все земли около Балтийского моря. Так упоминаются между соседями готов, будто бы населявшими Скандинавию, датчане (Dani), жители Борнгольма (Bergio), Голландии (Hallin), Ютландии (в скандинавских памятниках Jothungar, у Иорнанда (Othingi), благородные руги (Ethelrugi), финны (Finnaithæ, Finni). Вместе с этими прибалтийскими народами Иорнанд перенес туда и прибалтийских славян: вагров (Evageræ), виндо-велетов (Vinoviloth) и лютичей (Liothida). «Эвагеры, — он говорит, — смешанные с отингами» (т. е. ютами); славянские вагры действительно жили с ютами в соседстве и непрерывном столкновении. О лютичах Иорнанд также выражается весьма справедливо, что они обитали в местах равнинных и плодородных, и поэтому подвергались вторжениям других племен: картина неверная в отношении к Скандинавии, но соответствующая именно балтийскому Поморью. При этом нельзя не заметить, что Иорнандово исчисление подчёркнуто из двух сказаний, сплоченных в одно, так что два раза приводятся названия одних и тех же народов: шведов (Suethans и Suethidi) и финнов (Finnaithæ и Finni)⁵⁴. Этим объясняется, что он упоминает два раза также об одном и том же славянском народе, под двумя разными названиями: велетов и лютичей.

Так как в конце II в. по Р. Х. готы жили уже далеко от прежних своих жилищ на балтийском Поморье и в начале III-го были на Черном море, то не может быть сомнения, что их сказания о прибалтийских народах изображали положение того края не позже II-го в[ека], и готское предание о ваграх, виндо-велетах и лютичах подтверждает и дополняет слова Птолемея о венедах и вельтах⁽¹⁶⁾.

⁵⁴ Iorn. C. 3. Scanzia... insula... in cuius parte arctoa gens Adoget consistit... Alia vero ibi gentes tres Crefennæ... alia gens... Suthans... Sequuntur deinde diversarum turba nationum, Theustes, Vagoth, Bergio, Hallin, Liothida, quorum omnium sedes sub humo plana ac fertili, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestantur. Post hos Athelnil, Finnaithæ, Fervir, Gautigoth... Dehinc mixti Evageræ Othingis... Sunt ex his exteriores Ostrogothæ, Raumaricæ, Raugaricii, Finni... nec non... Vinoviloth, Suethidi, Cogeni... Dani... Grannii, Aganzia, Unixæ, Ethelrugi, Arochiranni...

Дальнейшее движение славян. – Готское царство Эрманарика

В III-м веке славяне все напирали на немецкие дружины и гнали их с Балтийского моря во все стороны, и на восток, и к римской границе. Страшно потрясли в то время приходящую в упадок римскую империю все эти немцы, которые, как говорит Юлий Капитолин⁵⁵, бежали от верхних варваров (*a superioribus barbaris*), т. е. от народов, давивших на них с севера и востока. Между тем готы, бродя по Скифии, покорили себе племена, которые позже составили Русское государство. Замечательно, что тогда на Днепре произошло то же самое, что прежде было на балтийском Поморье. Как там лугии и вандалы были немецкие дружины, которые получили свои названия от подвластных славян, так и на Днепре готы, поселившись между полянами и древлянами, прозвались, по своим подданным, грютунгами (*Greuthungi*), от *griot* песок, песчаное место, и тервингами (*Thervingi*), от *triu* дерево⁵⁶. Вот как легко дробились немецкие дружины на чужой земле и, подчиняясь влиянию покоренных славян, даже отступали от коренного германского обычая, не допускавшего народных названий по месту жительства⁽¹⁷⁾.

Власть готов на восток быстро росла. Король Эрманарик покорил себе огромное пространство земель, властвовал над чудью, Новгородом, мерею, мордвою^{57, (18)} и др., воевал со славянами и покорил их. Иорнанд говорит об этом следующее: «Разбив эрулов, Эрманарик поднял оружие на венетов, которые, неопытные в военном деле, но сильные числом, сначала было сопротивлялись. Но ни к чему не служит на войне многочисленность, особенно против Божьей помощи и хорошо вооруженного войска. Эти венеты... происходя от одного корня, теперь разделены на три ветви, именно: на венетов, антов и славян (*Veneti, Antes, Sclavi*), и хотя они теперь, за грехи наши, везде свирепствуют, однако тогда все повиновались власти Эрманарика»⁵⁸.

Таковое сказание Иорнанда о великом готском короле. Трудно только по нем судить, покорены ли были Эрманариком и ляшские славяне в Балтийской стране, или одни только русские, и с какими именно славянами он вел войну⁽¹⁹⁾.

⁵⁵ См. *Шафарика*, § 18, 4.

⁵⁶ Замечание А.С. Хомякова.

⁵⁷ Iorn. 23. Scythas, Thuidos... Merens, Mordens (imnis)... Novego...

⁵⁸ Там же.

Освобождение балтийского Поморья от немецких дружин Атиллой

Но гунны разрушили царство Эрманариково, и явился на земле бич небесный в кару германским дружинам, попиравшим другие народы. Какое бы ни было происхождение гуннов и откуда бы они ни вышли, но, во всяком случае, очевидно, что они действовали в союзе со славянами и имели в виду истребить дружины, которые так долго угнетали славян и на балтийском Поморье, и далее на восток. Атиллы, когда вел свое страшное войско в Галлию, говорил именно, что идет только для того, чтобы настигнуть и погубить одну из этих дружин, вестготов, которые убежали от гуннов к римлянам и поселились за Луарой. Добровольно подчинились ему славянские племена, между прочими вероятно и балтийские, силой покорил он германцев. Великие у него были замыслы: соединить в одно государство всю независимую от римлян Европу и ею сломить силу Римской империи. Когда он умер, государство его распалось в прах; но одно дело исполнил он до конца, и оно пережило его век: изгнал окончательно немецкие дружины, которые властвовали в Восточной Европе и освободил от чужих народов славянские земли. После его смерти не было ни одного немецкого племени на всем балтийском Поморье до самых Карпатских гор, и во всей стране, которая потом назвалась Русью. Готы, гепиды, вандалы, бургунды, лангобарды, руги, все эти храбрые дружинники скрылись перед грозой в далекие страны, или сосредоточены были под властью гуннов в опустелой Дакии и Паннонии. Балтийское Поморье было очищено для деятельности славян⁽²⁰⁾.

XIII

*Остатки германских пришельцев на балтийском Поморье. –
Известие о видивариях*

Но многовековое подчинение Поморья и тамошних славян германцам, постоянное пребывание в этой земле, в продолжение столького времени, чужих дружин, приходивших туда отовсюду, и, наконец, сама борьба с ними и их истребление, все это не могло не иметь сильного действия на балтийских славян, на их нравы, устройство и быт; они должны были непременно, ранее и более всех других славянских народов, подвергнуться чужому влиянию и чу-

жой примеси. В самом деле Иорнанд расска[20]зывает, что *видиварии*, занявшие близ устьев Вислы жилища, покинутые гепидами, были сбродом разных племен, из которых составилс один народ⁵⁹. Видиварии есть древняя германская, в особенности скандинавская, форма имени виндов или славян: *vindvarg* значит житель Виндской земли, точно так же, как *Bojovarii* – жители Бойской земли, *Cantvarii* жители Кента и т. п.; производное отсюда слово *Vindverskr* часто употребляется в древних скандинавских памятниках и значит: виндский, славянский.

Стало быть, видиварии, заступившие место гепидов, когда те удалились (в III в.) с Балтийского моря к Черному (а вернее, заставившие их удалиться), были славяне. Говоря, что видиварии живут близ устьев Вислы, Иорнанд тут же рассказывает, что восточными соседями их были эсты, а эстами германцы называли в древности народы литовского племени, по преимуществу прусов: из всего этого можно заключить, что под именем видивариев разумелись собственные поморяне.

Конечно, известие, что эти видиварии составились из сброда разных племен, преувеличено; но оно имеет, бесспорно, некоторое основание. Прожив несколько столетий под властью разнородных дружинников, немцев и скандинавов⁶⁰, балтийские славяне не могли с ними не смешаться; притом же нельзя предполагать, чтобы при освобождении славян, начавшемся во II в. и оконченном только Атилою, все эти пришельцы были до последнего изгнаны или истреблены; естественно, многие из них, основавшись в Славянской земле, остались там навсегда и слились с преобладающим народом. Наконец, вероятно и то, что в восточной части Поморья, ближе к Висле, славяне приняли также немалую примесь литовского племени.

Вот почему Иорнанд и мог назвать поморских славян-видивариев сбродом разных народов, и вот в каком смысле понятно его сказание⁽²¹⁾.

Слова Иорнанда о видивариях имеют особенно важное значение: слышно в них ясное и достоверное свидетельство современ-

⁵⁹ Там же, 5. *Ad litus Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati; post quos ripam Oceani item Esti tenent. Там же, 17. (Gepidae)... commanebant in insula Visculae amnis vadis circumatca... Nunc eam, ut fertur, insulam gens Vividaria (исправь Vidivaria) incolit, ipsis ad meliores terras meantibus. Qui Vividarii ex diversis nationibus acsi in unum asyllum collecti sunt et gentem fecisse noscuntur.*

⁶⁰ Есть даже основание предполагать, что между ними скитались и некоторые кельтские дружины, см. *Шафарика*. I, § 17, 8, 9.

ника, что славяне на балтийском Поморье были проникнуты чужими влияниями и примесью чужих народов уже с той самой поры, как они, избавившись от германских дружин, начали жить независимой жизнью.

[21]

XIV

Известие о прибалтийских славянах в VI в.

Об этих поморских славянах сохранилось от конца VI в. любопытное известие. Византийские летописцы рассказывают, что в 590 г. привели к императору Маврикию, собиравшемуся выступить из Фракии в поход против аваров, трех пленников, безоружных, с одними лишь гуслями; они были родом славяне, обитали у предела западного Океана (очевидно, Балтийского моря); к их князьям аварский хан прислал посольство с дарами и просил помощи против греков; князья отправили их к нему послами, извиниться, что по дальности и трудности пути не могут оказать ему этой помощи; в дороге они провели 15 месяцев, были задержаны ханом, который не хотел отпустить их на родину, и наконец бежали к грекам; ходят же они с гуслями потому, что не владеют оружием, так как их земля не производит железа^{61, (22)}.

Чрезвычайно важно это свидетельство (в истине его сомневаться нельзя, потому что славянские послы имели с греками прямые сношения и даже отправлены были на житье в греческий город Ираклию, а их показания были внесены в летопись современником). Из него мы видим, что славянское Поморье в VI в. было независимо, под управлением своих князей, и что оно еще хранило связь с отдаленной Дакией, где жили авары; не была ли эта связь остатком того древнего общения между Дунайской страной и Балтийской, которое должно было существовать, когда Аттила из Дунайской своей столичной деревни повелевал северными германцами и славянами? Во всяком случае, приведенный рассказ византийских историков свидетельствует, что поморские славяне, несмотря на безоружность их послов и отсутствие в их земле железных руд, уже в VI в. были народом сильным и воинственным: иначе с какой стати было бы аварскому хану звать их в такую даль на помощь против греков? Послы же, вероятно, были люди вешние, какие-нибудь жрецы или кудесники, и потому шли не с оружием в руках, а с гуслями⁽²³⁾.

⁶¹ Theophylactes, VI, 2.

*Утверждение славян на правом берегу Лабы. – Поход герулов. –
Власть германцев на Нижней Лабе*

Власть Атилы, мы сказали, дала славянам решительный перевес в Восточной Европе. После грозы, которую он поднял на германцев, их притеснителей, славяне распространились далеко на запад. Чехи заняли Богемию, сербы заселили страну за Лабой (Эльбой) до Салы. Балтийские славяне, ветви бодричей и стодорян, тогда же, без сомнения, окончательно утвердились по правому берегу Лабы, которая с тех пор стала их постоянной, твердой границей. Те из прежних германских дружин, которые не ушли с балтийского Поморья на восток или в Римскую империю, были отодвинуты далеко на запад. Так варны, которых Тацит помещал на восток от лонгобардов и англов, значит где-нибудь между Лабой и Одрой, а Птолемей еще далее, на Висле, в VI в. жили не у Балтийского моря, а у Немецкого, гранича с англами на востоке, а на западе простираясь до франков (значит, в нынешней западной Голштинии и далее, по берегу моря)⁶². Варны были тогда непосредственными соседями славян, передовым отрядом германцев в этой стороне. Между обоими племенами легла границей широкая полоса пустопорожней земли. Так бывало в старину даже между отдельными немецкими народами; они гордились и хвастались пространством окружавшей их пустыни: чем она была шире, тем более, значило, боялись их соседи⁶³. Мало-помалу, однако, немецкие народы сблизились между собой общением и возраставшей потребностью в землях, и пустынные границы, их разделявшие, заселились. У славян же, людей нрава более общительного, никогда, сколько известно, не было подобного обычая. И только между двумя великими соперничествовавшими племенами, германским и славянским, лежала широкая пустыня; как будто они, после нашествия гуннов, приведшего современную Европу в равновесие и указавшего германцам свои жилища и славянам свою землю, боялись соседства и столкновения.

Рассказ историка Прокопия указывает приблизительно на место, где находился этот безлюдный край, разделявший германцев от славян. «Герулы, – говорит он⁶⁴, – разбитые лонгобардами (в нынешней северо-западной Венгрии), частью поселились в Иллирии,

⁶² Procop. de B. Gotth. IV, 20.

⁶³ Caes. de B. G. IV, 3. VI, 23.

⁶⁴ Procop. de B. Gotth. II, 15.

частью же, не захотев переходить Дуная, удалились к крайним пределам вселенной. Под предводительством [23] многих начальников из царского рода они прошли через все по очереди славянские народы (лежавшие у них на пути), а за ними через обширную пустыню, и достигли до так называемых варнов. За варнами прошли они народы данов (датчан), не терпя никакой обиды от тамошних варваров. Затем, достигнув Океана, они сели в корабли, приплыли в остров Туле (Норвегию или Скандинавию, которую древние считали островом), и там остались»⁽²⁴⁾.

Стало быть, славяне в VI в. не овладели всем течением Лабы до ее устья, потому что по дороге от них к датчанам (идя с юго-востока, как шли герулы), надобно было встретить немецкое племя варнов. Действительно, на Нижней Лабе немцы стояли крепко: они жили здесь не бродячей дружиной, а оседлым народом. Эта Немецкая земля за Лабой, граничившая со славянами и датчанами⁶⁵ (западная половина нынешней Голштинии с Гамбургом), называлась Нордалбингией; жители ее принадлежали к великой германской отрасли саксов.

XVI

Причины борьбы в Нордалбингии. – Запустение на границе славян и саксов

Даже во время христианства и большего просвещения, и кротости между людьми, народы редко бывали дружественно расположены к своим соседям; а в те века, когда язычник, поклонявшийся богам воинственным, считал войну им угодной и грабеж делом правым, не могло не быть нескончаемой вражды между разноплеменными соседями. Но там горела эта вражда еще сильнее и упорнее, где народы не разделялись друг от друга резким, естественным пределом, где был открытый доступ в жилища соседа. Так было в Нордалбингии, этом узком пространстве земли между устьем Лабы и Балтийским морем. Какая-то роковая сила не допускала, чтобы балтийским сла-

⁶⁵ Мы распространяем на ютов и англов, жителей нын. Ютландии и Шлезвига, название датчан, потому что они рано утратили свою независимость и составили с датчанами одно политическое целое; собственно же юты и англы принадлежали вместе с саксами и фризами к нижненемецкому поколению, а настоящие датчане, ветвь скандинавского племени, занимали только датские острова (Зеландию, Фионию и проч.).

вянам достался весь берег Лабы до ее впадения в море: видно так угодно было судьбе, чтобы их история совершилась не в мирном развитии, а в борьбе и насилии. Где Лаба отделяла их от немцев, там был мир и только, когда Германия, сделавшись государством, стала стремиться к рас[24]пространению своих границ, эта широкая река была перейдена и мир нарушен. Но в Нордалбингии, где между жилищами немцев, датчан и славян, которые тут сходились, не было другой границы, как лес или речка, славяне не знали и часа спокойного. Война была для обеих сторон необходима. Славяне естественно стремились все далее на запад занять весь берег Лабы, течение которой было для них как бы указанной гранью. Для саксов, тут обитавших, дело шло о сохранении своих домов и полей. Притом же с самого начала точно какое сознание политической необходимости побуждало немцев отстаивать всеми силами этот угол земли за Лабой, владея которым славяне основались бы на Немецком море и окончательно бы отрезали их от Балтийской страны и сообщения с Данией⁽²⁵⁾.

Зато какое было разорение по всей пограничной черте, где соприкасались вагры, передовое славянское племя на западе, с немцами и датчанами! Мы видели в рассказе Прокопия о бегстве герулов, что и тогда уже (в VI в.) тут лежала пустыня между германцами и славянами; и так этот край оставался в запустении до исхода XII столетия, т. е. до того времени, как борьба славян с германцами в Нордалбингии пришла к концу, совершенным истреблением славян. В XI в. Адам Бременский описывает дремучий лес, ограничивавший с севера и запада землю вагров, «глубокий лес язычников»⁶⁶, как он его называет: лес этот шел от истоков Эгдоры (Eider) (на запад от Плунского озера) вдоль берега моря до Шлей, а на юг простирался до Травны⁶⁷. В старину же здесь, на месте лесной чащи, были жилища человеческие. «Во время Оттона I, – рассказывает Гельмольд⁶⁸, – Шлезвиг с прилегающей страной, которая идет от Шлейского лимана до р. Эгдоры, принадлежал Римской империи: земля эта, обширная и плодородная, была вся почти пустынна, потому что, находясь между Океаном и Балтийским морем, разорялась частыми набегами разбойников. Когда же милостью Божиею и доблестью великого Оттона был здесь водворен всеобщий мир, то начали заселяться пустынные места Вагрии и Шлезвигской страны, и не оставалось уже ни единого угла земли, в котором бы не было

⁶⁶ Ad. IV, 1. in profundissimo saltu paganorum Isarnho.

⁶⁷ Ad. IV, 1 и к нему Schol. 95.

⁶⁸ I, 12.

городов, сел, и даже монастырей. До сих пор, – продолжает он, – есть многие следы этого заселения, особенно в лесу, который от города Лютиленбурга тянется на огромные пространства до Шлезвига, и где в глуши глубочайшего запустения, в местах едва проходимых, между огромными деревьями замечаются рвы, некогда разделявшие пашни, видны бывають очертания городов, по устройству оставшихся валов; а равно в речках плотины, служившие для остановки вод при мельницах, показывают, что этот лес был некогда заселен саксами». Свидетельство весьма замечательное; но очевидно, что [25]древнее заселение этого края не могло принадлежать, как думает Гельмольд, ко времени Оттона; сам он говорит, что до Оттона I земля Шлезвигская и предел Вагорский были пустыней, вследствие беспрестанного разорения, и что после Оттона II они опять совершенно запустели: невозможно, чтобы такая обширная полоса земли вдруг заселилась и наполнилась городами и селами в течение 28-летнего в ней владычества саксонских императоров (955–983 гг.), не говоря уже о том, что с тех пор она не могла бы опять вся зарости тем дремучим лесом, какой покрывал ее при Адаме Бременском (во 2-й половине XI в.). Ясно, что следы давнего заселения этой страны, какие видел Гельмольд, относятся к поре гораздо древнейшей. Такое заселение могло быть только тогда, когда германцы властвовали над поморскими славянами, и когда, следовательно, Нордалбингия не была их спорным пределом, всегдашним поприщем их борьбы; там действительно, где потом лежала пустыня, древние писатели помещают англов, варнов и др. германцев; но в V в. англы и варны удалились, славяне освободились от германских дружин, и верно уже тогда начался в Нордалбингии бой между славянами и немцами; с этого-то времени, без сомнения, – еще прежде прохода герулов, – и запустел пограничный их край, и на семь веков водворилась в нем безлюдная глушь, где в древности процветали села, возделывались поля, работали мельницы.

«Война питает войну», эта истина, искони справедливая на земле, оправдалась и на балтийских славянах. Были, мы знаем, многие естественные причины, которые вели к войне славян и саксов в Нордалбингии; но эта война, вынужденная обстоятельствами, наконец так сроднилась с их нравом и бытом, что из необходимости сделалась для них склонностью и забавой. Вот слова немецкого летописца, всегда более или менее пристрастного к своим соотечественникам. «Нордалбингцы (т. е. немцы в Нордалбингии) делятся на три племени: стурмаров, голзатов (голландцев) и дитмарсов; они мало разнятся между собою образом жизни и языком, держат законы саксов и именуются христианами, но по соседству с варварами (т. е. сла-

вянами) привыкли предаваться грабежу и разбою. Они гостеприимны. Грабежом и щедростью – вот чем хвастают голзаты; кто не умеет ходить на разбой, тот считается у них человеком глупым и бесславным»⁶⁹. Не иначе подействовала война и на смежных с нордалбингцами славянских вагров. Послушаем того же рассказчика: «Город Альденбург, тот самый, который по-славянски называется Старыгард, т. е. старый город, лежит в стране Вагров, на западном берегу Балтийского моря, и составляет крайний предел Славии (т. е. Славянской земли). Этот город и вся страна вагрская в старину населены были *самыми храбрыми людьми*, потому что, стоя впереди [26] всех славянских народов и гранича с датчанами и саксами, вагры всегда первые и направляли военное движение на соседей, и принимали на себя их удары»⁷⁰. Вот какое влияние имели местные обстоятельства на славян и саксов, живших друг подле друга в Нордалбингии, и как они приобрели наследственную склонность к войне⁽²⁶⁾.

XVII

Столкновения балтийских славян с датчанами

С другой стороны, беспрестанно сталкивались славяне в Нордалбингии с датчанами. Не только соприкасались они непосредственно жилищами, но непрерывно встречались на море в бесчисленных заливах, проливах и гаванях балтийских. Владея огромным протяжением берега и разными островами, большими и малыми, и те и другие самым положением своим были назначены к мореходству. Свыкшись по необходимости с волнами и бурями, они получили к морю и отважному плаванью какую-то особенную охоту. Уже с древнейшего времени датский материк и острова беспрерывно высылали на море удалцов-викингов (морских витязей, т. е. пиратов) или королей морских. То были дружины, составлявшиеся, как сухопутные дружины древней Германии, из буйной молодежи, которой не сиделось дома и которая собиралась около витязя познатнее и побогаче, могшего снарядить корабль, и шла за ним всюду на бой и добычу. Эти морские разбойники (разумеется, раз навсегда, что понятие разбойника в те века не имело в себе ничего позорного) ездили по всему Балтийскому морю, приставали врасплох к прибрежным жилищам и грабили, что попадалось им под руку, в случае нужды храб-

⁶⁹ Helm. I, 47.

⁷⁰ Helm. I, 12.

ро защищая оружием захваченное добро. Мало значения имела у датчан торговля, как вообще в древнее время у всех германских народов. Славяне же балтийские ходили по морю и торговцами, и разбойниками. Морская торговля их славилась повсюду и достигла огромного развития⁽²⁷⁾. Но они и не отставали от датчан подвигами морского удалства, и только не доставало их витязям сказаний, подобных скандинавским, чтобы сделаться знаменитыми в потомстве. Главными притоками этих славянских витязей были два острова, Фембра, принадлежавшая ваграм, и Рана⁷¹; но, кроме того, они гнездились и по всему юго-западному берегу Балтийского моря, дат[27]скому и славянскому. В X в. у них были убежища даже на берегу Скании (южной оконечности Швеции⁷²; в XII в. они имели приют у вагров, в стране Сусельской⁷³; «послали туда священника, – говорит Гельмольд⁷⁴, – и он пришел в вертеп разбойничий, к славянам, которые обитают у реки Кремпины⁷⁵; тут был привычный притон морских разбойников»; но не известно с какого времени.

Таким образом, не только как соседи на твердой земле, но и как мореплаватели, торговцы и разбойники, балтийские славяне должны были беспрестанно сталкиваться с датчанами: как торговцы – потому, что те их грабили, как морские разбойники – потому, что люди из двух разных, часто враждебных народов, ходившие на одинаковый промысел и в одних и тех же местах, встречаясь, едва ли спускали друг другу⁽²⁸⁾.

XVIII

Морские разбои балтийских славян

Изо всех балтийских племен вагры, передовые бойцы на суше против немцев, были первыми удалцами и на море. Имея землю, вдавшуюся углом в море и остров Фембру, они сами собой приучились к морской жизни, так что современники называли их страну морской областью славян⁷⁶. С другой стороны, их положение впереди

⁷¹ Ad. IV, 18. Ambæ hae insulae pyratibus et cruentissimis latronibus plenae sunt et qui nemini parcant ex transeuntibus.

⁷² Gunnlaugs Saga Olafs konungs Tryggvasonar (в Scrip. hist. Island). C. 18. Vendicorum militum latebras ad Skaneyae litus.

⁷³ Где теперь местечко *Susel*, в вост[очной] части Голштинии.

⁷⁴ I, 83.

⁷⁵ У нын[ешней] деревни *Altencrempe*.

всех славянских народов, среди врагов, саксов и датчан, развивая в них любовь к бранной жизни, отнимало возможность мирного, торгового судоходства, которое у других балтийских славян имело великое значение. Таким образом, главным занятием вагров сделалась война на море с датчанами, как на суше с немцами, главным их промыслом – морские разбои.

Вот как описывает вечную эту войну историк Гельмольд – картина нарисована в XII в., но идет и к древнейшему времени: «Дания, состоя по большей части из островов и окруженная водами, не легко может уберечься от нападения морских разбойников, потому что в изгибах ее берегов необыкновенно удобно скрываться славянам; выходя тайком из засады, они наносят ей внезапные удары. Вообще же славяне на войне успевают наи[28]более своими засадами. И оттого даже в недавнее время разбойническая жизнь между ними так усилилась, что, пренебрегая всеми выгодами хлебопашества, они вечно были готовы к морским походам и наездам, надеясь на свои корабли, как на единственное средство к обогащению. Они не заботятся о постройке своих домов, а обыкновенно сплетают себе избушки из хвороста, лишь бы укрыться от дождя и непогоды. Едва раздастся клик военной тревоги, они поскорее заберут весь хлеб, спрячут его с золотом, серебром и всеми дорогими вещами в ямы; уведут жен и детей в надежные убежища, в укрепления, а не то в леса, и не останется на расхищение неприятелю ничего, кроме одних изб, о которых они не жалеют ни мало. На нападения датчан они не обращают внимания и даже считают особенным наслаждением с ними биться»⁷⁷.

Таковы были вагры. Но и другие племена балтийских славян немного уступали им отвагой на море, хотя, имея больше простора и менее теснимые враждебными соседями, не предавались морскому разбою как главному промыслу. После вагров ране были между славянами первые морские витези. Адам Бременский ставит их по жестокости наравне с фемборскими ваграми: «...оба эти острова (Фембра и Рана), – он пишет⁷⁸, – наполнены пиратами и кровавыми разбойниками, не дающими никому ни проезду, ни пощады. Пленных, которых другие продают, они убивают». Бодричи и лютичи также были славные мореходцы; в особенности лютичи любили дальние плаванья; не раз ходили они в Англию, уже в самое древнее время, в VIII столетии, и еще в XI они однажды снарядили корабли и поплыли туда воевать⁷⁹. Они подобно ранам славилась морскими раз-

⁷⁶ Helm. 37, percussit Aldenburg et omnem maritimam Slavorum provinciam.

⁷⁷ Helm. II, 13.

⁷⁸ IV, 18.

боями; но вообще можно сказать, что все эти славянские витязи, более или менее, щадили своих и грабили по преимуществу немцев и датчан: однажды (в X в.) бодричи стали опустошать церковные имения в своей земле и на жалобы епископа отвечали: «...это, должно быть, делается разбойниками, которые приходят от ран и велетов (лютичей) и, *может быть, даже своих не щадят*⁸⁰». Последние слова показывают, что обыкновенно они щадили их. Но зато Дании сильно доставалось от лютичей; им легко было, спустившись по р. Пене в море, бросаться на датские берега, так что при договорах с поморянами датчане именно требовали от жителей Волегоща (*Wolgast*) крепости, закрывавшей устье Пены, чтобы они не пропускали к ним разбойников⁸¹. Наконец, и сами по[29]моряне из всех балтийских славян наиболее отдаленные от германцев, миролюбивые, постоянно высылали корабли и смелых людей грабить окрестные берега, в особенности датские, и между ними и датчанами не прекращалась, даже в XII в., малая морская война: поморские жители беспрестанно нападали на Данию, датские – на Поморье⁸². И стало быть, оправдывается общий приговор Гельмольда, который, исчислив все племена и ветви балтийских славян, заключает о них так: «...всё это народ, преданный служению идолов, всегда буйный и беспокойный, ищущий добычи в морском разбое, вечный враг датчанам и саксам»⁸³.

XIX

Влияние постоянной борьбы с соседями на характер балтийских славян. – Их воинственность и храбрость

Этот бесконечный бой с немцами и датчанами, который выпал на долю балтийским славянам, не мог с самого начала не подействовать

⁷⁹ Orderici Vitalis eccles. historiæ в Duchesnii hist. Normann. scriptores, IV, 513. a. 1068.

⁸⁰ Helm. I, 14. si quod autem factum fuisset, latronum hoc insidiis contigisse, qui de Ranis sive Wilzis commeantes, forte nec suis parcerent.

⁸¹ Saxonis Grammatici Historia Danica ed. Müller et Velschow. p. 783. 800: piratis prædam Danicam appetere solitis, Peni fluminis ostia clauderentur.

⁸² Sefr. 105, 106. Ebbo (vita s. Ottonis, anctore. si non fallimur, Ebbone monacho, в Acta Sanctorum m. Julii, t. I) 66.

⁸³ Helm. I, 2. Omne hoc genus hominum, idololatriæ cultui deditum, vagum semper et mobile, piraticas exercentes prædas, ex una patre Danis, ex altera Saxonibus infestum.

глубоко на их нравы и не придать их славянской природе особенно-го оттенка; преимущественно же это влияние запечатлелось на тех ветвях, которые по соседству более других терпели на суше от немцев, на море от датчан, именно на ваграх, бодричах, лютичах и ранах; менее, кажется, подверглись ему стодоряне, которых Лаба отделяла от германской земли, и поморяне, которые жили далее на востоке.

Всегда бывает особенно трудно обрисовывать общими чертами характер того бесчисленного множества лиц, имеющих всякое свою особенность, из коего составляется народ; но еще труднее становится определить характер народа угасшего, когда он себя не высказал в памятниках мысли и слова, и когда все, что о нем известно, хранится в скудных показаниях его же врагов и губителей. А по таким только показаниям мы судим о балтийских славянах? По ним с трудом только и отрывочно, можно составить кое-какую картину их народного характера, и то более его наружных свойств, нежели внутренней сущности.

[30] После всего, что было сказано о враждебном положении балтийских славян между соседними народами, не может быть сомнения, что главной чертой в их характере была воинственность. Действительно, все писавшие о них иностранцы представляют их народом самым воинственным и храбрым, нередко изображая их свирепыми и лютыми. В этом отношении все, и свои, и чужие, отдавали почет и преимущество лютичам (велетам). Все балтийские славяне признавали их между собою сильнейшим племенем; своим мужеством они были известны чехам и полякам⁸⁴; в IX в. Эйнгард⁸⁵ пишет: «на южном берегу Балтийского моря живут славяне и эсты (т. е. прусы, литва) и разные другие народы, и между ними первое место принадлежит велетам». Постоянно называют их немецкие летописцы храбрыми, жестокими, лютыми; слава их носилась в далеких странах. В XI в. англичанин упоминает о них, как о народе самом воинственном на суше и на море⁸⁶, а итальянец говорит, что они из всех народов Германии самый жестокий, «свирепее всякой свирепости»⁸⁷. И долго после их истребления предание о лютичах,

⁸⁴ Ad. III, 21. – Helm. I, 2. Hi quatuor populi a fortitudine etc. – Cosm. I, 15. – *Chronica Polonorum* (обыкновенно приписываемая Мартину Галлу) у Пептца, т. XI, proem.

⁸⁵ Vita Karoli M., у Пептца, II, 449.

⁸⁶ Orderic. Vital. 1. c. Leutecia... haec gens terra marique proeliari perita erat.

⁸⁷ Rodulfi Glabri historia (у Пептца, т. IX) p. 68. a. 1034. Germania... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior... gens Leuticorum barbara, omni crudelitate ferocior.

как о народе свирепейшем и о злых людоедах, жило в немецких сказках и пугало воображение народа⁸⁸.

Другие балтийские славяне, впрочем, немногие, кажется, уступали лютичам в воинской доблести, как и в жестокости. Земля Вагрская, по приведенному уже свидетельству Гельмольда⁸⁹, была в старину населена народом храбрейшим, воспитанным в борьбе с саксами и датчанами. Бодричи в своем четырехвековом бою с Германией и Данией показали себя не хуже вагров, ран называют народом жестоким и кровожадным⁹⁰. Наконец, поморяне, по словам немецкого писателя, были люди «опытные в войне на суше и на море, привыкшие жить грабежом и добычею, неукротимые по врожденной свирепости»⁹¹. Почти теми же словами описывал Гельмольд всех вообще балтийских славян, но в особенности, разумеется, вагров и бодричей, с которыми он был наиболее знаком. «Славянам, – он говорит⁹², – была врождена свирепость, ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестным народам, на суше и на море».

[31] Вот какое действие могут на народ иметь обстоятельства! Славянское племя, вообще такое миролюбивое и кроткое, занесенное на балтийское Поморье, между враждебных ему воинственных немцев и датчан, сделалось само чуть ли не воинственнее и свирепее своих противников.

XX

*Сносливость и упорство в характере балтийских славян. –
Их честность*

Привившись к славянскому характеру, который терпелив и снослив, этот воинственный быт балтийских славян придал им, кажется, нечто из тех свойств, которые и на наших глазах получают старые воины, ходившие с оружием по разным землям, выдавшие всяких бед и опасностей. То были люди крепкие, упорные, честные. В отношении к телу славянская сносливость усилилась в них до высшей степени. Саксы, которые между всеми германскими племенами признавались самыми крепкими и храбрыми, и те дивились балтийским сла-

⁸⁸ См. *Шафарика*. II. § 44, 4, прим. 79.

⁸⁹ I, 12.

⁹⁰ Ad. IV, 18. Helm. I, 37.

⁹¹ Sefr. 46.

⁹² I, 52.

вянам. Вот слова саксонского монаха X в., который писал историю своей родины: «Эти славяне народ крепкий и сносливый на труд, привыкший к самому скудному образу жизни, и что нашим приходится в тягость, то славянам кажется еще роскошью»⁹³. Простота славянского быта у немцев даже вошла в поговорку⁹⁴, хотя жизнь, которую вели в средние века сами немцы, была как нельзя более проста.

Как люди, натерпевшиеся на своем веку всяких лишений и бед и закалившиеся в борьбе делаются склонны к упорству, так и балтийские славяне; едва ли был на свете народ упорнее. Изю всех народов Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старый языческий быт: упорная защита старины, вот первое свойство всех этих передовых племен славянских, вагров, бодричей, лютичей, возросших в бою с германцами. Правда, в непреклонном упорстве балтийских славян, которое их и погубило, много виновна, даже виновнее их самих, была, как покажется ясно в сей истории, корыстолюбивая исключительность враждебных им соседей; но [32] и природный их характер был ему не последней причиной, и не раз случалось, что просвещенная ревность их брата славянина предлагала им отказаться от языческой старины свободной волей и вступить в семью европейских народов, а они упорствовали в старине и убивали своего благодетеля.

Крепкие, закаленные бойцы, славяне балтийские отличались честностью и верностью. Немецкие летописцы часто, правда, жалуются на то, что, принужденные неудачею на войне обещать покорность немцам, они при первом удобном случае переступали свою клятву, и за это называют их вероломными и непостоянными; но по тогдашним понятиям возобновить войну с неприятелем, которому поддались на время после какого-нибудь поражения, не считалось бесчестным, и сами немцы не раз, собравшись с силами, нарушали мир, который прежде должны были просить у славян, и не видели в том позора. Но те же самые немцы, которые укоряют балтийских славян в несоблюдении политических договоров, громко свидетельствуют, несмотря на взаимную вражду, о превосходной их честности, даже во время крайнего их упадка. Особенно замечателен рассказ одного монаха, жившего в конце XII в. (когда вагры начинали уже совершенно исчезать), о каком-то славянине из племени вагров Трибуте Бакаровиче с пятью сыновьями, который, прови-

⁹³ Widukindi, res gestæ Saxonicae (у Пептца, т. V.) II, 20. Est namque huiusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu levissimo assuetum, et quod nobis gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate ducunt.

⁹⁴ Seifr. 180. Archiepiscopus Danorum erat in exterioribus Sclavicae rusticitatis.

нившись в разбое и боясь смертной казни, скрылся и стал грабить страну, и даже ограбил самый монастырь, где жил повествователь (так называемый Новый Монастырь в земле Вагорской): «тамошний поселянин Годескалк сын Дазонов уже прежде, чтобы оградить себя, заключил с ним дружеское условие, и те славяне-разбойники, так говорит пострадавший от них монах, все время хранили это условие верно, *как обычно славянам*»⁹⁵. Не менее выразителен рассказ другого писателя о честности славян поморских: «Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обман, не запирают своих сундуков и ящиков. Не видать у них нигде замка или ключа, и они весьма удивились, что вьючные ящики и сундуки епископа (Оттона Бамберика, который к ним приехал) запирались на замок. Платье, деньги и всякия драгоценности они прячут в короба и сундуки, просто прикрывая их крышкою, и не боятся воровства, потому что его не испытывали»⁹⁶.

Замечательно, что при этой честности и верности балтийские славяне не любили произносить клятвы; только договоры с другими народами она утверждали (да всегда напрасно) под присягой, следуя в этих случаях, без сомнения, иностранному обычаю. Вообще же они допускали клятву чрезвычайно ред[33]ко и неохотно, считая ее для богов не менее оскорбительной, чем самое клятвопреступление⁹⁷. В особенности, кажется, боялись они клясться своими главными божествами, и если клялись, то не богами, а священными источниками, камнями и деревьями⁹⁸.

XXI

Крепость семейного союза

С верностью данному слову и честностью соединялась крепость супружеского союза и семейного быта. Вот свидетельство древнее (VIII века) и непреложное знаменитого Бонифация, великого крес-

⁹⁵ Excerpta e visionibus Godeschalci Novimonasteriansis, ap. Langebek, scr. r. Dan. V, 362 и след.: «Dasonidæ vero fidem integram, ut mos est Slavis, conservantes».

⁹⁶ Seft. 119; ср. также Sax. 796.

⁹⁷ Helm. I, 83. Iurationes difficillime admittuntur. Nam jurare apud Slavos quasi perjurare est., ob invicem Deorum iram.

⁹⁸ Там же. Et inhibiti sunt Slavi de cætero jurare in arboribus, fontibus et lapidibus.

тителя Германии; слышен в нем голос, преданный немцам, но и этот голос должен был отдать справедливость славянской верности: «Винеды (т. е. славяне), – так пишет Бонифаций, – народ мерзейший и самый дурной, хранят, однако же, с такою верностию в супружеском союзе взаимную любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрывается от жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьет себя, чтобы сгореть с мужем на одном костре»⁹⁹.

Правда, в позднейшее время этот обычай вывелся, по крайней мере не упоминается, и у славян допускалось даже многоженство¹⁰⁰, но они всегда признавали только одну жену законной¹⁰¹ и, по всему видно, более допускали многоженство *de jure*, нежели пользовались им *de facto*. Достоверные примеры многоженства у них чрезвычайно редки, и то встречаются только между поморянами: поморский князь Вратислав (в начале XII в.) держал несколько жен, и при этом случае повествователь говорит, что многие другие поморяне делали также¹⁰²; но почти всегда в доме у балтийского славянина, не только бедного¹⁰³, но и самого знатного и богатого, даже у первых людей на Поморье, во время Вратиславова княжения¹⁰⁴, является одна жена, с высо[34]ким значением в семье и в обществе¹⁰⁵. Она ведет хозяйство¹⁰⁶, принимает гостей¹⁰⁷, воспитывает детей¹⁰⁸, вдовой по смерти мужа управляет всем домом, имением и челядью¹⁰⁹; вообще супруга балтийского славянина была не раба, а равноправная мужу госпожа в доме¹¹⁰. В противоположность многоженству Вратислава можно привести в пример сильного князя бодричей

⁹⁹ S. Bonifacii epistolæ. LXXII (см. *Шафар.* II, § 43, 3, прим. 28).

¹⁰⁰ Sefr. Vos qui... fidem uni thoro non servastis, sed, *qui voluistis*, plures habuistis uxores.

¹⁰¹ Sefr. 83. Dux... 24 concubinas... ritu gentili, *suæ legitimæ uxori* superduerat.

¹⁰² Sefr. 83.

¹⁰³ См. Ebbo 72.

¹⁰⁴ Sefr. 95–97. Ebbo 51, S. Cruc. (Vita Ottonis, Babenbergensis episcopi, exscripta e passionali (sec. XIV) monasterii S. Crucis, в Neue Pommersche Provinzialblätter, IV, 2) II, 9.

¹⁰⁵ Sefr. 97. Mater. Vero illorum... erat... magnæ honestatis et potentiae in civitate illa. – Законная жена поморского князя Вратислава сама, своими поучениями, уговорила народ в г. Пырице принять христианскую веру (Sefr. 99).

¹⁰⁶ Sefr. 131, 132.

¹⁰⁷ Sefr. 131.

¹⁰⁸ Sefr. 97.

¹⁰⁹ Sefr. 84.

¹¹⁰ См. Sefr. 97. Ebbo 51.

Крука¹¹¹, родом из Раны (в XI в.): у него, первого между славянами ревнителя их старины и языческого быта, могущественного государя всех почти балтийских племен, была одна жена, которую немецкий летописец, как бы из уважения, называет госпожой Славиную (domina Slavina uxor Cruconis)¹¹².

Совершенно не похожие в этом отношении на большую часть языческих народов, балтийские славяне считали целомудрие угодным богам, и кто его нарушал в месте, посвященном божеству, тот, они твердо верили, подвергался мгновенной и ужаснейшей каре¹¹³.

Отношения родителей к детям были также суровы, даже жестоки; родители у балтийских славян полновластно располагали жизнью своих детей и могли, если не захотят воспитывать, убить младенца, особенно дочь, что и случалось весьма часто¹¹⁴. Обязанности детей к родителям кончались только с жизнью; балтийский славянин считал первым и главным долгом человека заботиться о своих родителях, кормить и покоем их на старости¹¹⁵. Семейный союз был для него важнейшим; тот и пользовался наибольшим уважением, кто имел наибольшую семью и родню¹¹⁶.

[35]

XXII

Суровость в отношении к невольникам

С рабами было обращение жестокое: природных рабов у балтийских славян не было, как вообще у всех древних славян, но рабами становились военнопленные, и таких было множество. При всяком удачном походе, при всяком ловко исполненном набеге балтийские славяне приводили к себе в рабство большее или меньшее число захваченных в плен неприятелей: они их делили между ратниками¹¹⁷ или продавали на рынке¹¹⁸. Кроме того, были еще по всему славянскому

¹¹¹ Или Крута.

¹¹² Helm. I, 34.

¹¹³ Sax. 844. Knytlinga-Saga (в Script. hist. Island.) с. 122.

¹¹⁴ Sefr. 108. Послание Отгона Бамбергского (в Ekkehardi Chronicon, у Пептца VIII. 263): injunxit, ne filios suos necarent, quod nefas maxime inter eos vigeat.

¹¹⁵ Helm. II.

¹¹⁶ Ebbo 51.

¹¹⁷ Sefr. 122.

¹¹⁸ Helm. II, 13.

Поморью, у вагров, у бодричей, у лютичей, у ран и поморцев, удалы-цы-разбойники, для которых увод невольников составлял настоящий промысел¹¹⁹. От них страдала Нордалбингия¹²⁰, но еще более Дания, куда был всем, даже отдаленнейшим поморянам, открытый доступ с моря. Оттого-то и было у балтийских славян всего более рабов из датчан: часто удавалось христианам, при взятии какого-нибудь славянского города, освобождать целые толпы их¹²¹. Покоренные в конце XII в. вагры и бодричи не могли уже грабить Данию; но однажды случилось их повелителю, саксонскому герцогу Генриху Льву, рассориться с датским королем, и он дал им волю: в словах летописца¹²² слышится, с какой свирепой жадностью эти славяне бросились на прежнюю свою добычу.

«Кликнули князей славянских, и те сказали: “мы здесь, готовы”, и с радостью послушались. Пустил он их (т. е. Генрих), и пали плотины, сдерживавшие море, и прорвалась волна, подымаясь и разливаясь и нанося гибель многим датским островам и прибрежным землям. Исправлены были вновь корабли разбойников, и они заняли у датчан богатые острова, пресытились славяне, после долгого лишения, богатствами датчан, упитались ими, говорю, утучнились, разжирели. Я слышал по рассказам, что в Меклинбурге, в день торго-га, считалось до 700 душ пленных датчан, выставленных на продажу, только бы нашлись покупатели».

Но не одних чужеземных пленников обращали славяне в рабство; в беспрестанных междоусобных войнах своих лютичи уводили в неволю бодричей, поморяне – лютичей, и т. д.; забирали целые семьи и располагали ими, как добычей, разлучая немилосердно жену от мужа, дитя от родителей, [36]не внимая никаким жалобам и воплям¹²³. Вообще тут бывали случаи ужасной жестокости; когда бодричи, которых немцы систематически истребляли и выживали из их земли, доведенные до отчаянья всем этим гонением и посетившим страну их голодом, бежали толпами к поморянам и датчанам, но и свои братья, поморяне, без пощады стали их продавать полякам, лужицким сербам и чехам, как невольников¹²⁴.

Одинаковая с военнопленными была участь неоплатных должников: они становились рабами заимодавца. Иногда у богатого чело-

¹¹⁹ Helm. I, 55, 26, 15. Sefr. 156. Ebbo 66.

¹²⁰ Helm. I, 26.

¹²¹ Helm. I, 65, 92. Sax. 838.

¹²² Helm. II, 13.

¹²³ Sefr. 122.

¹²⁴ Helm. II, 5.

века было множество таких рабов¹²⁵. Замечательно, что, судя по рассказу жизнеописателя св. Оттона (в нач. XII в.), существовало в этом отношении нечто вроде международного права между Поморьем и Данией: у одного знатного поморянина, Моислава, было в рабстве несколько датчан, должников его, и в том числе знатный юноша, сын датского вельможи, которого отец, будучи должен Моиславу 500 фунтов (серебра), дал в заложники; его держали в погребе, в колодке и цепях, чтобы принудить отца к уплате¹²⁶.

Уже из этого видно, что обращение с невольниками было немягкое. Одних употребляли в работу¹²⁷; других держали для выкупа, и этих страшно мучили¹²⁸. «Священники Христовы в (вагрском городе) Любице¹²⁹ (в нач. XII в.) были, – говорит Гельмольд¹³⁰, – в ужасном бедствии: кроме нищеты и ежедневной опасности смерти, им приходилось еще смотреть на цепи и разного рода муки, которые были уделом христиан, приводимых в плен разбойниками». Вот что рассказывает в другом месте тот же писатель, как очевидец¹³¹: «Мы (с епископом) остановились в гостях у Тешимира (знатного славянина-вагра), который принял нас с большою пышностью. Но не показались нам сладкими и приятными славянские пиры, потому что мы видели кандалы и разнообразные мучения, которым подвергались привозимые из Дании христиане. Мы нашли там священников Господних, изнеможенных долгим заключением, и епископ ничем не мог им помочь, ни силою, ни просьбами».

У передовых племен балтийских славян, особенно в последний век их существования, когда они со всех сторон только и видели беду и погибель, жестокость с неприятелями, которые попадались им в руки, доходила до иступления: неистово вымещали они на христианах гнет, который сами [37] так долго от них терпели, насильственное обращение в христианство, истребление, и мы поймем возможность и правдивость следующей картины, нарисованной тем же Гельмольдом: «Народу славянскому врождена была ненасытная свирепость... Какими многообразными родами смерти славяне губили христиан, рассказать трудно: одним они вытягивали кишки, наматывая их на кол, других распинали на кресте, ругаясь над зна-

¹²⁵ Ebbo 83.

¹²⁶ Sefr. 139.

¹²⁷ Helm. I. 65. Sax. 834.

¹²⁸ Helm. I, 32.

¹²⁹ Lübeck.

¹³⁰ I, 55.

¹³¹ Helm. I, 83.

мением нашего искупления... а кого они сажают под стражу ради денежного выкупа, тех мучают столькими пытками и сковывают столькими цепями, что незнающему и не поверить»¹³².

XXIII

Добродушие, гостеприимство и человеколюбие балтийских славян

Все это показывает балтийских славян народом, воспитанным в воинственной жизни, суровым с чужими, строгим у себя, в своей семье. Но у них сохранились и черты мягкого нрава, остатки быта кроткого и мирного. Только иностранные писатели меньше говорят об этой стороне их характера, за тем, что она не так бросалась им в глаза, как их военная доблесть и жестокость их к несчастным невольникам. Можно, однако же, по немногим их указаниям угадать, что и в груди балтийского славянина, упорного воителя, билось сердце доброе, и что все же в основании его нрава, хоть и ожесточенного, оставалась славянская общительность, славянское добродушие. Доброта души ставила его, конечно, выше в нравственном отношении средневекового немца или датчанина; разумеется, мы говорим о *природном* характере балтийских славян и их соперников, независимо от влияния религии, и не сравниваем, например, язычника, князя поморского, который считал позволительным иметь кроме жены 24 наложницы, с германцем, которому христианская заповедь повелевала хранить верность своей законной супруге: но вне этих влияний мы найдем в тогдашних немцах и датчанах менее общительности и добродушия и, бесспорно, столько же, если не больше, свирепости и бесчеловечия, как в балтийских славянах. В особенности их поведение со славянами превосходило в жестокости всё то, чем славяне старались им отплатить. Что значит захват немецких и [38]датских невольников славянами, что значат все их грабежи, правда, ужасные, против многовекового порабощения целых племен, так что для немцев и датчан «славянин» стало синонимом раба, и несчастная участь славян, подпадавших их власти, у самих немцев сделалась поговоркою («всё, что прежде принадле-

¹³² Helm. I, 52. Quanta mortium genera Christicolis intulerint, relatu difficile est; cum his quidem viscera extorserint, palo circumdantes, hos cruci affixerint, irridentes signum redemptionis nostræ. Sceleratissimos enim cruci affigendos autumant; eos autem quos custodiæ mancipant pecunia redimendos, tantis torturis et vinculorum nodis plectunt, ut ignoranti vix opinabile sit.

жало нашей Мерзебургской церкви, – говорит Титмар¹³³, – было тогда распродано, *подобно славянской семье, которая, подвергшись обвинению, распродается и рассеивается*¹³⁴)? Что значит ненависть славян к своим германским соседям против многовековой кровавой обиды, которую они от этих соседей терпели, ибо саксы называли, по словам немецкого историка, славян собаками¹³⁵, и не признавали их, даже когда они исповедовали христианскую веру, равноправными с собой людьми¹³⁶? Что значат те, правда, страшные мучения, коим славяне подвергали некоторых пленных (особенно немецких священников, которые их насильно обращали), против систематического истребления всего народа славянского на балтийском Поморье? А с другой стороны, в балтийских славянах выказываются черты такого высокого добродушия и человеколюбия, каких напрасно стали бы искать в средневековых немцах и датчанах; и черты эти тем драгоценнее и достовернее, что их сохранило свидетельство враждебных писателей.

Адам Бременский громко выхваляет приветливую кротость и общительность волынцев (жителей славного на славянском Поморье острова и города Волина, против устьев Одры): они принимали к себе всякого приезжего иностранца и без ограничения давали ему все права туземных жителей; «доныне, – говорит он, – волынцы преданы заблуждению языческих обрядов, но, впрочем, не найдется, относительно нравов и гостеприимства, народа честнее и добродушнее»¹³⁷.

Как хорошо подтверждается это свидетельство рассказом другого немецкого писателя¹³⁸ о поступке волынцев с католическим монахом, который пришел склонить их к принятию христианства. Испанец родом, долго живший в Риме и назначенный епископом какой-то епархии на место другого [39]епископа, отставленного, Бернارد, выжитый происками своего совместника, решился идти

¹³³ III, 9.

¹³⁴ *Sclavonicae ritu familiae quæ accusata venundando dispergitur*. Забавно толкование новейших немецких писателей (даже самого Пертца в примечании к этому месту Титмара), которые, чтобы смягчить это свидетельство и сказать, что славянские семьи продавались в рабство не по одному просто обвинению, а по настоящему судебному приговору, уверяют, будто слово *accusata* значить здесь не «обвиненная», а «уличенная в преступлении».

¹³⁵ Helm. I, 16. *intimavit eis illatam sibi contumeliam et quia Saxonum voce Slavi canes vocentur*.

¹³⁶ Helm. I, 83. Об этом будут впоследствии приведены подробности, см. § LXXXI и след.

¹³⁷ Ad. II, 19.

¹³⁸ Ebbo. 36–38.

обращать язычников и, не зная ни слова по-славянски, отправился на Поморье. В нищенском рубище явился он в Волын и через переводчика начал проповедовать народу. Жрецы и старшины волынские, долго толкував об этом странном для них человеке и о неслыханных словах его, решили, что он сумасшедший и определили дать ему корабль и выслать его из своей земли. Но Бернард и слушать не хотел, и в пылу восторженной ревности с топором в руке принялся рубить священный столб, принадлежавший божеству волынцев и с которым сопряжено было, по их верованию, благосостояние города и победа над врагами. Народ бросился на него, повалил на землю и, сильно избив его, отошел; жрецы выручили несчастного из толпы, посадили на корабль и отправили обратно, по Одре, в Польшу, провозжая насмешливыми словами: «если такая у тебя охота проповедывать, то ступай, проповедай рыбам и птицам, а нас оставь в покое». Может ли быть больше добродушия? Человек, которого никто не понимает, приходит к язычникам, оскорбляет их величайшую святыню, и его берут и выпроваживают миром.

О свирепых морских разбойниках, закоренелых язычниках, ранах, летописец Гельмольд¹³⁹ сознается, что им были врождены многие добрые качества, в особенности почитание родителей и гостеприимство. В этом последнем качестве самым видным образом проявлялась для иностранца славянская общительность, и действительно, немецкие писатели не надивятся гостеприимству балтийских славян. Послушаем рассказ двух свидетелей, как они изображают, на противоположных концах балтийского Поморья, один у вагров, другой у поморян, гостеприимство славянского народа. Гельмольд, повествуя о своем путешествии с одним немецким епископом по земле Вагрской (около 1155 г.), говорит следующее¹⁴⁰: «Прибыслав (князь бодричей и вагров, которого немцы ужасно притесняли) попросил нас завернуть к себе в дом, несколько в сторону от дороги, по которой мы ехали; он принял нас с великою заботливостью и радушием и приготовил богатое угощение. Перед нами поместили стол, уставленный двадцатью кушаньями. Тут-то я узнал на опыте, о чем прежде слышал по рассказам, что нет народа приветливее славян своим гостеприимством. В приглашении гостя они все как бы нарочно соревнуют друг другу, так что никогда не приходится страннику самому просить у них приема. Что ни приобретет славянин своим трудом, хлеб ли, рыбу ли, дичь ли, он все израсходует на угощение и считает того лучшим человеком, кто щедрее.

¹³⁹ II, 12. *pollebant tamen multis naturalibus bonis.*

¹⁴⁰ I, 82.

Случается даже, что эта страсть показаться пышным и расточительным ведет к воровству и [40]грабежам. На эти вины смотрят снисходительно, извиняя их долгом гостеприимства; у славян законом поговорка: «что ночью украдешь, завтра раздавай гостям»¹⁴¹. Если же случится (впрочем это бывает чрезвычайно редко), чтобы кто-нибудь отверг странника и не принял его, то считают делом правым сжечь его дом и имущество, и все единогласно называют такого человека бесчестным, подлым и стоящим всякого поругания, который бы отказался уделить гостю часть своего достатка».

А вот что говорится о поморянах¹⁴²: «Удивительное дело, у поморян не снимается никогда со стола кушанье; у каждого хозяина есть отдельная изба, чистая и нарядная, которая служит только для стола и угощения: в ней стоит стол со всякою едою и питьем, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несут другое; от мышей покрывают блюда скатертью самую чистою¹⁴³, и так кушанье всегда готово и ждет гостей, и во всякий час, когда захотят поест, гости ли придут, или одни домашние, то, вошедши в столовую избу, найдут все готовым».

С такой общительностью и таким гостеприимством соединялась у балтийских славян большая сострадательность к ближнему. Они не допускали, чтобы кто-нибудь у них впал в нищету или просил милостыни; если кто от болезни или старости становился немощен, то отдавали его на руки родным, и те ходили за ним весьма заботливо¹⁴⁴. Таким образом, не было у ран и поморцев, о которых немецкие писатели рассказывают эти подробности, людей бедных и нищих, и если приходил к ним нищий из чужой земли, то они его гнали с презрением, как бродягу, который за что-то недоброе оставил свою родину¹⁴⁵.

Были ли балтийские славяне, подобно своим соплеменникам, склонны к песням и веселью, об этом нет известия; но оно вероятно при всей их воинственной суровости. По крайней мере, когда было где-нибудь празднество в честь богов, то собиралось из всех окрестных мест множество народа, часто несколько тысяч, и тут пели песни, играли игры, плясали, кричали¹⁴⁶.

¹⁴¹ *Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties.*

¹⁴² Sefr. 119.

¹⁴³ *Non sorrex, non sorilegus admittitur, sed de mappa mundissima fercula teuntur.*

¹⁴⁴ Helm. II, 12.

¹⁴⁵ Sefr. 54. Ebbo 36, 37.

¹⁴⁶ Sefr. 60. Ebbo 62. Andr. (*Andreæ abbatis de vita S. Ottonis libri quatuor, ed a Valerio Iaschio*) p. 162.

Общее заключение о характере балтийских славян. – Их характер в истории. – Значение у них некоторых племенных названий

Таков был характер этих людей: основание доброе, общительность и любовь к ближнему; но на этом основании вызванная обстоятельствами воинственность, породившая быт строгий и суровый, воинственность, часто переходившая в склонность к разбою, в жестокость и свирепство; одним словом, народ в сущности добрый и не жестокий, но ожесточенный.

В истории же балтийские славяне выступают и действуют не в полноте своей природы, вместе добродушной и суровой: о кротости, об общительности нет и помину, и является только война за войной, жестокость за жестокостью. Так их поставила судьба: окруженные постоянной опасностью, теснимые отовсюду врагами, разьединенные между собою, они не могли не жить односторонней жизнью народа, который только и думал о войне и защите, который вечно был в бою.

Балтийские славяне как бы чувствовали сами, что военная доблесть была их первым долгом, их существенной необходимостью, особенно те, положение которых на западном краю Поморья было наиболее тревожно, и это чувство долга и необходимости даже выразилось в их племенных названиях.

Обыкновенно славяне (это было уже замечено) принимали племенные свои названия по месту жительства, как бы выражая тем свою привязанность к родине. Между славянами балтийскими этот обычай сохранили ветви восточные и южные, которые менее соприкасались с чужими народами. Несколько названий такого рода уже приведены в другом месте, и их огромное количество. Напротив, западные ветви, вагры, бодричи или рароги, велеты или лютичи, ратары, себя называли не по месту жительства, а по тому племенному свойству, которым, видно, наиболее дорожили, и это свойство, выраженное во всех этих различных именах, все одно и то же: *храбрость*. Слово *вагор* объясняется санскритским *vāgara* храбрый, удалой, немецким *wacker* мужественный, и сохранилось, с небольшим изменением начальных звуков, в русском областном (костромском) выражении *угар* удалец¹⁴⁷; *бодричи* очевидно значит люди *бодрые*, *лютичи* люди *лютые*, *ратары* происходит от слова *рать*, — *ратники*; что

¹⁴⁷ Замечание С. П. Микуцкого. Корень — *ваг* сила, сохранившийся в этом смысле в русском областном выражении *вага* (см. Областной Словарь изд.

велеты, другое название лютичей, также означало храбрость, о том свидетельствует даже древний историк: «четыре племени, [42]кичане, черезпеняне, доленчане и ратаре, – говорит Гельмольд, – *прозываются по храбрости* вильцами (немецкая форма слова велеты) или лютичами»¹⁴⁸: и действительно, велет то же, что русское областное и белорусское слово *волот*, т. е. богатырь, и сравнивается с санскритским *валита* сильный¹⁴⁹. Замечательно это обилие воинственных прозвищ у передовых балтийских славян, так что одно и то же племя имело два таких прозвища, а ветвь ратарей даже три, одно частное (*ратаре*) и два общих, племенных (*велеты* и *лютичи*). Наконец, и другое имя бодричей, *рароги*, объясняется польским и чешским словом *рарог* (сокол)¹⁵⁰, и быть может даже, по аналогии с рарогами, что имя варнов не взято от реки, на которой они жили, а значит *вбронь* (балтийские славяне вместо *вран* произносили *варн*): по крайней мере название их реки, *Варнова*, своим окончанием, кажется, намекает на то, что она прослыла по варнам, а не варны по ней⁽²⁹⁾.

XXV

*Первые известия о борьбе балтийских славян и саксов. –
Возвышение и падение вагров между V и VIII в.*

Первые войны балтийских славян с саксами и датчанами известны только в самых общих чертах. Они древнее всех исторических сказаний северной Европы. Саксы, у которых не было тех полуисторических, полумифических преданий или саг, коими так богато скандинавское племя, сохранили одно лишь воспоминание, что им искони были враждебны балтийские славяне и воевали с ними с древнейших времен¹⁵¹.

Сперва война между саксами и славянами в Нордалбингии, без сомнения, велась мелкая, пограничная, какая естественно происходит между враждебными народами, когда они еще живут в своей племенной независимости, без единства и государственной власти.

Акад.) в русск. *от-вага*, в санскритском (ведическом) *ваджа* сила и во мн. др. отраслях.

¹⁴⁸ Helm. I, 2. Hi quatuor populi a fortitudine Wilzi sive Lutici appellantur.

¹⁴⁹ Замечание С.П. Микуцкого.

¹⁵⁰ Особый род сокола, называемый *рарогом*, отличается жестокостью, разрывает добычу в клочки (замеч. С.П. Микуцкого).

¹⁵¹ Helm. I, 12.

Такая война (пример ее представлял и в новое время Кавказ, до пришествия русских) не порождает великих, общих предприятий, но ведется беспрерывно, и, делая из каждого человека самостоятельного воина, необыкновенно способствует развитию личной доблести. Какое-то темное, можно бы даже сказать, символическое известие [43] об этой древней борьбе славян с саксами сохранил Адам Бременский. Описывая восточную черту, разграничивающую Нордалбингию от Славянской земли, он, между прочим, указывает на маленькое озеро Агримесвидиль (теперь Stocksee, на запад от Плунского озера): «Агримесвидиль, – говорит он, – где и сражался Бурвидо в единоборстве с бойцом славянским, и убил его, и камень на том месте положен на память». Эти слова как бы намекают на какое-то давнишнее предание о бое славянина с саксом; но ничего верного, разумеется, предположить нельзя¹⁵².

На славянской стороне всю тяжесть борьбы в Нордалбингии приходилось тогда, по необходимости, нести племени, пограничному ваграм. Прочие отрасли балтийских славян, не соприкасаясь непосредственно с саксами, могли с тех пор, как немцы были прогнаны с балтийского Поморья, оставаться более или менее в покое, и подвергались разве наездам морских витязей из Дании. Было время, и о нем смутно помнит летописец, когда первым самым воинственным народом на балтийском Поморье были вагры. Свое значение и свою силу они получили от беспрерывной войны с соседями¹⁵³: война их воспитала и укрепила; война породила у них вместо племенной раздельности народное единство, какого требует постоянная оборона от неприятелей, и выдвинула между ними сильных князей. Тогда они возобладали и над всеми соседними славянскими племенами: князья вагров подчинили себе бодричей, кичан (от-

¹⁵² Ad. II, 15. (limes) vadit usque in Travena silvam (Travenhorst) sursumque per ipsam (т. е. silvam) in Bulilunkin (Blunk), mox in Agrimeshov (Tensebeck) et recto ad vadum quod dicitur Agrimeswidil ascendit. Ubi et Burwido fecit duellum contra campionem Sclavorum interfecitque eum, et lapis in eodem loco positus est in memoriam. – Странно, что *Бурвид* более похоже на славянское имя, чем на немецкое. Быть может, Агрим есть имя убитого врага: этим Бурвидом врага его характер чисто германский (ср. Аргрим скандинавских саг); не переименовано ли сказание народным самолюбием саксов, и не исчезло ли оттого имя павшего витязя?

¹⁵³ Helm. I, 12. Est autem Aldenburg, ea quæ Slavica lingua Starigard... dicitur sita in terra Wagirorum... Haec autem civitas sive provincia fortissimis quondam incoledatur viris, eo quod in fronte totius Slaviæ posita, contiguos haberet Danorum sive (т. е. et, по средневековому употреблению) Saxonum populos, et omnes bellorum motus aut ipsi primum inferrent, aut alii inferentibus exciperent.

расль лютичей) и даже распространили свою власть на ветви гораздо отдаленнейшие¹⁵⁴.

Когда было это и чем кончилось? Оно было очень давно, конечно, после совершенного освобождения балтийских славян от немецких дружин, т. е. после V века, но и не позже VIII; ибо в VIII веке вагры уже не имели того значения, и соседние бодричи не только от них не зависели, но даже сами господствовали над ними. Когда произошел этот переворот, сломивший силу вагров и возвысивший бодричей? Было ли против вагров [44]восстание и междоусобная война, в которой их низложили? – этого уже история не помнит. Едва ли обошлось без насилия: это тем вероятнее, что в VIII и IX в. вагры совершенно исчезают, так что бодричи даже распоряжаются их землей, одни ведут войну в Норадлбингии и берут для себя страну покоренных на время саксов; о ваграх же нет и помину, и только в следующее время, мало-помалу, опять выступают они и получают между балтийскими племенами некоторое значение. Но никогда уж не могли вагры воротить прежней своей власти и все примыкали к бодричам, как второстепенная ветвь, действуя с ними заодно и разделяя их судьбу.

Во всяком случае, возвышение вагров, их господство и падение важно в истории балтийских славян. Это было первое событие в их жизни с тех пор, как они свергли с себя власть немцев и сделались вполне независимы. Это была первая их попытка установить у себя единство и государственное устройство. Как у других славян, у чехов, у руси, так и у них, внешняя причина, война и нужда в обороне, породила стремление к государственной жизни. Подвергаясь наибольшей опасности от чужих народов, балтийские славяне ощутили такое стремление в самую раннюю пору, первая попытка их не удалась, и такова была вся их история, с самого начала до последнего времени: все разрушение да неудачи.

XXVI

Показания датских саг о столкновениях датчан с балтийскими славянами

О непрерывных столкновениях балтийских славян с датчанами, которые бывали с древнейших времен, сохранилось много известий в сказаниях или сагах, которыми скандинавские народы увековечи-

¹⁵⁴ Ibid: Tales autem in eis quandoque reguli fuisse probantur, qui omni Obotritorum sive Kycinorum et eorum qui longe remotiores sunt, dominio fuerint potiti.

вали своих героев и их великие подвиги. Разумеется, эти поэтические предания не могут быть приняты за чистую историческую быль. К тому же еще древние датские саги дошли до нас не в своем первоначальном, простом виде, а в латинском сочинении знаменитого стилиста XII в. Саксона Грамматика, переделанные на исторический лад, сплоченные в одно целое и испещренные риторическими прикрасами. Рассказы саг тем более не надежны, что не только искажают в происшествиях подробности, смешивают имена и местности, спутывают порядок и последовательность, но не дают даже верно общего очерчения событий. Нет ничего одностороннее и пристрастнее народной памяти и народной поэзии: она рада бы помнить только то, что для народа приятно и лестно, и готова даже переделать жестокое поражение в блистательную победу; [45] и из таких-то односторонних сказаний соткана вся древняя часть датской истории Саксона.

Но все же, очевидно, эти сказания не были чистой выдумкой народных поэтов или Саксона Грамматика: без сомнения, в них хранились какие-нибудь смутные воспоминания о действительных событиях самых отдаленных веков. Так, например, доказано, что даже приход Одина и асов в Скандинавию, принявший в сагах совершенно образ мифа, имеет некоторое историческое основание и случился около II века по Р. Х.^{[4]. (30)}

Почти современником Оди́ну выходит у Саксона князь (гех) славянский Скалк (так он его называет); когда еще жив был Балдер, знаменитый в скандинавской мифологии сын Оди́нов, этот Скалк, по рассказу Саксона, воевал с морским королем, датчанином Гельгоном (Helgo), который будто бы победил его на море и наложил дань на Славянскую землю^{155, (31)}.

О другой войне славян с датчанами, также в мифическое время, говорится у Саксона обстоятельнее: «Когда после смерти датского короля Готера (Hotherus), сильного властителя, шведы и корсь (curetes), платившие ему дань, освободились, то и славяне решились отпасть от датчан. Новый король Рорик собрал ратников своего государства, и, выхваляя перед ними дела предков, подстрекал их к соревнованию и мужеству. Славяне, зная, что не следует вести войну без предводителя, поставили себе короля, который дал бы единство их действиями. Выстроив на видном месте часть войска, они скрыли в засаде два отряда вооруженных людей. Но им не удалось обмануть противника, а напротив – они попались сами. Сидевшие в засаде люди были окружены датчанами и побиты. Товарищи их

¹⁵⁵ Sax. 80.

ничего не знали об их смерти. Они долго ждали сражения, и, наконец, один из них, соскучившись, вышел вперед и, чтобы покончить дело, предложил датчанам поединок. То был жрец (или гадатель: *magus*); он отличался ростом и стройностью тела. Условие поединка было (вот тут-то явно, что об этом деле пел народный датский певец: условие очевидно не равное): за победу – свобода от дани, которая прежде платилась датчанам, за поражение – прежняя дань. Славянина на встречу выскочил юноша, храбрый, но не так-то крепкий; с первого удара славянин убил его. Велико было ликование на славянской стороне, но условия, видно, не исполнили, и на другой день победитель опять явился с вызовом. Он был полон надежды, а Рорик – страха и смущения: он замечал, что славяне смотрели уже с презрением на тех, кому прежде повиновались, и что между датчанами не находилось равного славянскому бойцу. Наконец выступил Уббо, сильный мышцами и знанием чар. На берегу, в виду короля, который сидел на корабле, отмерили поприще; стена зрителей его окружила; при глухом гуле голосов, при страстном вни[46]мании толпы двинулись бойцы в рукопашный бой, сильные оба, нанесли друг другу смертельные удары и тут же оба пали мертвые. Это побудило славян – так оканчивается предание – примириться с Рориком и согласиться на прежнюю дань»¹⁵⁶.

Спустя много времени один из храбрейших королей, о котором говорят древние датские саги, Фрото (III) собрался на славян войной, и разразилась над ними ужасная невзгода. Никогда еще датчане не снаряжали такого флота, никогда не собирали такого войска. Флоту не было места в гаванях; а войско было так велико, что для сокращения пути срывало горы, засыпало болота, строило исполинские мосты. Князь славянский Струнико (имя звучит как-то по-славянски, но сильно искажено) испугался и просил перемирия. Ему отказали. Началось великое сражение, и в нем Струнико пал с храбрейшими воинами. Славяне были побеждены и признали верховную власть датчан. Тогда Фрото велел вестнику собрать славян на сходку и провозгласил, что всякий, кто грабил и разбойничал, получит от него награду. Множество народу выступило вперед. Тогда король сказал славянам, что следует им от этой чумы очистить свою землю, и велел им самим тут же при нем казнить своих соплеменников. Таким образом Фрото, заключает датское сказание, истребил большую часть славянского народа. Остальные же помогали ему в войнах его^{157. (32)}.

¹⁵⁶ Sax. 132, и след.

¹⁵⁷ Sax. 223.

О славянах упоминается и в преданиях о Старкатере, знаменитом у скандинавов витязе, который совершал подвиги не хуже Геркулеса или русского Ильи Муромца. Замечательно, между прочим, одно предание, указывающее на междоусобные войны балтийских славян, какие действительно часто у них бывали, особенно между бодричами и лютичами; это предание запечатлено тем древнейшим мифическим характером, который олицетворяет целый народ в общем имени одного исполина: Вин (т. е. очевидно, винд, славянин) помогал Старкату в войне с разными племенами; сражаясь вместе против корси, сембов (т. е. прусов) и других восточных народов, они одерживали знаменитые победы. Потом Старкату, возвратясь из дальних стран к Балтийскому морю и прибыв в землю Польскую (т. е. вероятно, вообще к ляхам), победил в единоборстве бойца, «котораго (так говорит Саксон) датчане называют Валце (Walce), а немцы с небольшим изменением звука, Вильце (Wilzce)»¹⁵⁸. Такое сказание о различном у датчан и немцев произношении этого имени [47]ни свидетельствует, что противник Старкатера был не один человек, а скорее олицетворенный народ, и действительно, велеты назывались у немцев вильтами или вильцами, а у скандинавов вальцами¹⁵⁹. Предание это ходило по всему северу: оно приводится не только Саксоном Грамматиком, но и старинными руническими исчислениями древних датских королей¹⁶⁰.

Таким образом, уже в самой глубокой древности являются у балтийских славян признаки внутренних несогласий между отдельными племенами: одни стоят за датчан, другие с ними воюют.

XXVII

Саги о Гаральде Гильдетанде. Королевство Рейдготское

Более историческим лицом представляется Гаральд Гильдетанд, датский король, который по приблизительному исчислению жил в конце VII века. Рассказывают¹⁶¹, что он ходил на славян, победил их,

¹⁵⁸ Sax. 281. Poloniae partes aggressus, athletam, quem nostri Walce (так следует читать: в изданиях Wasce – (Wafce вм. Walce; см. *Шафарика*. Сл. др. II, § 44, прим. 8) Teutones vero diverso literarum schemate Wilzce nominant, duelli certamine superavit.

¹⁵⁹ См. *Шафарика*. Там же, прим. 20, о Вальцборге.

¹⁶⁰ У Лангебека, Script. r. Danic. I.

¹⁶¹ Sax. 366.

и такое оказал уважение к храбрости князей славянских, Дука и Даля, что не захотел их убивать, а велел увести в плен и потом принял в свою дружину. Во все последующее время славяне являются союзниками датчан в разных войнах.

Главным средоточием датского государства в эту древнейшую пору, как и после, были датские острова. Ютландия была более или менее независима, и только впоследствии стала постепенно сливаться с Данией. О Гаральде можно сказать с некоторой достоверностью, что он первый распространил свою власть из датских островов на ближайшую часть материка. Здесь он основал загадочное государство Рейдготию, о котором только в сагах и говорится. Впрочем, саги не определяют положительно, что за страна была Рейдготия: одни утверждают, что это Ютландия и что там обитала ветвь готов¹⁶²; другие относят Рейдготию далее на восток и заставляют граничить с землей гуннов, которая помещается в юго-восточной Германии, да и Рейдготию причисляют к Германии (Thydhskaland)¹⁶³. [48] Имя Германии скандинавы распространяли на всю среднюю Европу, но отнюдь не на Ютланию, которая была им хорошо известна. Тут же говорится, что подле Рейдготии лежала Виндландия, т. е. земля балтийских славян, по преимуществу Поморье, и что Виндландия как-то от нее зависела¹⁶⁴. По таким указаниям нет возможности определить точного значения Рейдготского королевства. Только общепринятое мнение, что Рейдготия есть Ютландия и прозвана по готам, кажется невероятным, потому что, сколько известно, готы сюда никогда не заходили, и притом Ютландия была так близко знакома скандинавским народам, что едва ли бы могла на время двух-трех поколений получить и потом без следа утратить имя, для самих скандинавов непонятное. Позволим себе другую догадку. Главный древний город лютичей, уважавшийся на всем балтийском Поморье, назывался Радигощем¹⁶⁵. Не подпал ли он с окрестной страной как-нибудь власти датских удальцов, как, например, позже Новгород варягам, и не основалось ли здесь кратковременное скандинавское государство, которое с небольшим изменением звуков в духе скандинавской речи, по Радигощу, прозвалось Рейдготией? Этим объяснилось бы и подчинение Виндландии (Славянской земли) Рейдготскому государству, его помещение в соседстве гуннов и причисление его к Германии. Впоследствии же, когда забылось нас-

¹⁶² Extrait de Skalda, в Antiquités Russes, т. I, 64; ср. там же, 48.

¹⁶³ Hervarsaga ok Heidreks konungs, там же, 208.

¹⁶⁴ См. Hervarsaga.

¹⁶⁵ См. о Радигоще подробности ниже, § LXXVII.

тоящее значение Рейдготии, а между тем знали, что так называлась часть материка, принадлежавшая одному из датских королей, легко могли подумать, что дело шло об Ютландии, а из самого слова Рейдготия заключить, что эта земля была готская. Если бы это предположение оказалось верным, то можно бы было из саг о Рейдготии вывести несколько любопытных известий о древнейшей истории балтийских славян. Но как оно, при неопределенности скандинавских преданий, только гадательное, то нельзя основать на нем никаких исторических заключений. Надобно ограничиться простым изложением саг⁽³³⁾.

Есть целый круг сказаний, в которых Гаральд потерял свое значение могущественного датского государя, властвовавшего над соседними славянскими племенами, и является только королем рейдготским. Весь этот круг сосредоточен около чудного меча Тирвинга, кованного карлами-волшебниками для Скаврлама, Одинова внука, меча, клинок которого сиял лучами, как светило, и который, вынутый, не входил в ножны иначе, как смоченный свежей человеческой кровью. Две целых саги¹⁶⁶ рассказывают об его происхождении, о гибели каждого его владельца, о том, как он был зарыт в могилу с Ангантиром, третьим владельцем, и страшными заклятиями вызван [49] из земли дивной девой Герварой, как она им сражалась и потом, вышед замуж, дала его Гейдреку, любимому сыну, как Гейдрек, прибыв в Рейдготию к королю Гаральду, уже старому и слабому, помощью чудного меча доставил ему победу над врагами, а там убил его и сделался сам королем рейдготским. Далее рассказываются победы Гейдрека над гуннами, поездка его в Русь^[5], где ему дана была в супружество дочь королевская, получившая в приданое Виндландию, и смерть его от меча губителя. Гейдрек объезжал однажды свое государство и устраивал дани, как вдруг ночью рабы ворвались в его палатку, схватили Тирвинг и убили великого воителя.

XXVIII

Битва при Бравалле. Торжество славян над датчанами

Более похожи на историческую быль те сказания, в которых Гаральд является сильным властителем, подчинившим Дании некоторые из славянских племен. Особенно прославилась на всем севе-

¹⁶⁶ Hervararsaga ok Heidreks konungs, u Saga Heidreks konungs ens vitra, обе в Antiquités Russes, т. I.

ре и много воспевалась последняя его битва при Бравалле¹⁶⁷, где впервые счастье изменило ему, уже престарелому и слепому. Битва была ужасная. На одной стороне сражались датчане и славяне, их союзники, на другой шведы и норвежцы. Между славянами первая была Висна (у исландцев Висма), дева суровая и привычная к войне. У древних скандинавов было много таких женщин и дев, которые брались за оружие и ходили морскими царицами на отважные разбои; может быть, предание перенесло на славян черту скандинавских нравов, но может быть также, что и у балтийских славян, столько же отважных и не менее чтивших женщину, являлись охотницы до смелых подвигов витязя. Висна вела в бой целый полк славянский⁽³⁴⁾. Славяне эти отличались от прочего войска своим вооружением. У всех были маленькие щиты медного цвета и чрезвычайно длинные мечи⁽³⁵⁾: при рукопашном бое славянин перебрасывал щиток за спину или передавал слуге, несшему выюк, и с открытой грудью, выставя все тело на раны, с мечом в руке бросался на врага¹⁶⁸. [50]Было много славян в этой битве при Бравалле, и они сражались упорно; Висна несла знамя датского войска. Но неприятель победил, и Гаральд был убит¹⁶¹.

Сила датчан была надолго сломлена. Тогда, вероятно, и славяне захотели воспользоваться их слабостью, и началась долголетняя война. По рассказу Саксона¹⁶⁹, славяне после многих незначительных действий решились, наконец, на великое предприятие и с огромными силами проникли в Ютландию. Но и на чужой земле они не догадались поставить себе начальника и, действуя розно, были поражены. Беда, видно, вразумила их, и они избрали себе вожда. Затем успехи их были огромные. Через Малый Бельт они переплыли в Фионию и победили там датчан. В Ютландии было также несколько сражений, и славяне одолевали везде; за несчастным

¹⁶⁷ См.: Sax. 378–386; Sögubrot af fornkonúngum í Dana ok Svía veldi, в Antiq. Russes, т. I. Саксон (376) сам ссылается на сказания об этой битве, хранившиеся в памяти народа: их составление приписывалось богатырю Старкату, о котором мы упоминали, и которого народное поверье скандинавов заставляет прожить несколько веков человеческих.

¹⁶⁸ Sax. 379. corpus clypeolis tecti, prælongis ensibus ærique coloris parmulis utebantur, quas belli tempore aut in tergum repellentes, aut impedimentorum gerulis dantes, abjectis pectorum munimentis expositisque ad discrimen omne corporibus, districtis Martem mucronibus intenderunt. – Sögubrot, I, 79. Amazonem Vismam magna Vendorum multitudo sequebatur, qui facile ab aliis dignoscebantur; gestabant enim longos gladios et parmas (buklara), non longa scuta (langa skjöldu), ut alii homines.

¹⁶⁹ Sax. 396, 407 и след.

королем датским Сивардом осталась одна Зеландия; все прочие части его королевства, Ютландия, Фиония и, разумеется, нынешний Шлезвиг, были в руках славян. Сын Сиварда Ярмерик и две дочери попались к ним в плен; дочери были проданы, одна в Норвегию, другая в Германию, где они нашли супругов, которые их купили, а Ярмерик достался королю славянскому Исмару (Весмиру?). На датчан была наложена славянами дань в отплату за ту, которую сами некогда брали со славян. Потом, однако, Ярмерик, убив хитростью Исмара и убежав из плена, освободил свое отечество, а через несколько времени знаменитый витязь и король датский Рагнар Лодброк (в половине VIII в.) опять подчинил себе, по словам саг, славян и властвовал над Рейдготией и Винландией, которые по его смерти будто бы достались в удел одному из его сыновей. Впрочем, саги говорят об этом так коротко и отрывочно, что весь их рассказ о Рагнаровой Рейдготии более похож на повторение истории Гаральда Гильдетанда, нежели на настоящее народное предание¹⁷⁰.

[51]

XXIX

Славянское сказание о великом походе против датчан

О великом предприятии балтийских славян на Ютландию после Бравалльской битвы, которое у Саксона представлено с таким редким беспристрастием, долго помнили, должно быть, все ляхские ветви, как об общем торжестве. К нему, вероятно, относится предание, о котором рассказывает польский летописец Кадлубек, приписывая этот подвиг полякам, или ляхам в тесном смысле. «Заморские страны, — он говорит, — были также свидетельницами их побед. Они покорили не только все народы по сю сторону моря, но и даномалхийские (т. е. даномаркские, датские) острова: одолев сильные их войска в морском сражении, они проникли до крайних пределов этих островов и подчинили себе весь тамошний народ. Короля Канута¹⁷¹ они сковали, а датчанам дали на выбор, или платить дань, или одеться в женское платье и зачесывать волосы по-женски, в знак “бабьяго” бессилия. Но пока те спорили о выборе, их заставили при-

¹⁷⁰ Саги собственно о Рагнаре не знают об этом: только краткие перечни древних королей датских (у Лангебека) и Gunnlaugs Saga Olafs Tryggv. (63) в числе Рагнаровых областей приводят Рейдготию и Виндландию.

¹⁷¹ Предание, как видно, забыло настоящее имя датского короля, плененного славянами, и заменило его славным именем Канута Великого.

нять и то и другое». В этом замечательном предании, несмотря на сказочный его вид, очевидно, сохранилась народная память о великом поражении датчан славянами, и о временном покорении ими Ютландии и близлежащих островов. Только оно, разумеется, должно быть отнесено не к полякам, которые не могли иметь столкновения с датчанами и никогда не ходили по морю, а к ближайшим их родичам, ляхам прибалтийским.

XXX

Следы славянских поселений на Ютландском полуострове

Таковы свидетельства народных преданий о давнишних столкновениях балтийских славян с их соседями, немцами и скандинавами. Трудно решить, до какой степени достоверны рассказы Саксона и скандинавских саг о завоеваниях датских королей на славянском Поморье, но, несомненно, свидетельство датчан и поляков о бывшем когда-то необыкновенном распространении балтийских славян на западе: оно подтверждается многочисленными их поселениями в самых отдаленных краях, в западной Германии, в Голландии, даже в Англии.

[52] После того как балтийские славяне одолели пришлые дружины, которые их так долго угнетали, и приобрели себе на Поморье полную свободу, не могло не быть для них поры сильнейшей предприимчивости и расширения. Может быть, она и настала вскоре после Атиллы, когда везде еще продолжалось наступательное движение славянских племен, сообщенное им гуннским завоеванием, может быть, и позже, в VII в., когда южные соседи балтийских славян, чехи, уже образовав могущественную державу под властью Сама, первого государя славянского, сломили силу аварскую и отбились от франков⁽³⁶⁾, и когда напор славянского племени на юг и запад возобновился пуще прежнего. Как бы то ни было, главные поселения балтийских славян в западных землях уже существовали достоверно в VIII в.⁽³⁷⁾

Значительнейшие из этих поселений шли, очевидно, с моря. Их основали велеты (лютичи), первые мореходцы в славянской семье. Близ восточной оконечности нынешней Голштинии, в земле Вагорской, первая их стоянка в морских походах на запад обозначается именем города *Лютикенбурга*¹⁷² (теперь Lütjenborg)⁽³⁸⁾. Когда-то,

¹⁷² Кроме *Лютикенбурга* встречается и форма *Лютиленбург*.

видно, лютичи заняли это место у вагров, своих соплеменников, мирной ли колонизацией, или силой оружия.

Далее мы встречаем весьма древние поселения славян на северо-западной оконечности Ютландии, на берегу Скагеррака; но нельзя сказать утвердительно, какому племени они принадлежали, велетам или бодричам с ваграми, были ли они заняты с моря или сухопутным нашествием, и находились ли в связи с мимоходным покорением Ютландии, о котором только что было говорено. Мы знаем об этом славянском поселении только по названиям местностей: северо-западная часть Ютландии называлась в старину *Wændle-sysæl*, теперь *Wændsysel*, т. е. селение вендов, и заключала в себе волости *Wændlefolkhæret* и *Winæbiærghæret*¹⁷³; жители назывались *Wændelboer*, у латинских писателей *Vandali*¹⁷⁴; до сих пор там существуют города *Wester-Wandel*, *Oster-Wandel*, *Winabiorg* (т. е. виндский город).

[53]

XXXI

Славянские поселения в Нидерландах и Англии

Гораздо определеннее известия о колониях велетов в Голландии. Важно о них свидетельство знаменитого англо-саксонского писателя (начала VIII в.) Беда Преподобного, который говорит¹⁷⁵, что (около 700 г.) майор-дом Пипин назначил св. Виллиброрду местом для епископского престола новообращенной им страны фризов, «свою славную крепость, которая называется у тех народов древним именем *Вильтабург*, т. е. *городом вильтов*, а на языке галлов *Trajectum* (Утрехт)»¹⁷⁶. Кроме того, есть голландская летопись, которая очень часто упоминает о поселениях славян вильтов (т. е. велетов) между фризами и нижними саксами в северной Голландии и Гельдерии, и о построении подле Утрехта (*Ultrajectum*, *Trajectum*) славянской крепости *Вильтенбург*. Эта летопись¹⁷⁷, правда, составлена в XV в. и исполнена всяких баснословных рассказов; но, без сомне-

¹⁷³ См. Waldemari II liber census Danici, 1231 года, у Лангебека, т. VII.

¹⁷⁴ Это наименование много раз встречается у Саксона.

¹⁷⁵ Hist. ecclesiast. V, 12.

¹⁷⁶ In castello suo illustri, quod antiquo gentium illarum vocabulo Wiltaburg, id est oppidum Wiltorum, lingua autem Gallica Trajectum vocatur.

¹⁷⁷ Chronica de Trajecto et ejus episcopatu, в Matthæi, Veteris ævi analecta,

ния, основанием для нее послужили народные предания и поверья, и отчасти древние памятники; притом же в XV в. велетов давно не было на свете, и далеко уже было то время, когда славянские ветви жили в западных краях Европы; значит, утрехтский летописец не мог бы прийти к мысли о поселениях велетов близ устьев Рейна, если бы не знал о них по народным преданиям Голландии. Замечательно в его рассказе¹⁷⁸, что голландские славяне обитают там с самых древних времен, и хотя воинственны, но живут в ладу с окружающими фризами и саксами: эти три народа избирают себе общих вождей, и славянский город Вильгенбург является у них как бы столицей. К несчастью, из бестолкового повествования утрехтского летописца нельзя вывести никаких заключений о делах и судьбе тамошних славян. Он сообщает нам определенно только два-три события, и то самых бесцветных, именно, что король франкский Дагоберт (в начале VII в.) покорил фризов и славян-вильтов, разрушил Вильгенбург и укрепил подле город *Trajectum* (Утрехт); что Пипин Геристальский, совершенно подчинив своей власти Славонию (т. е. Фризскую) и Голландию, превратил их в область, которая получила название восточной Франции; что св. Виллиброрд (тот самый, о котором приведено выше свидетельство преподобного Беды), освятил церковь «у древняго *Славенбурга*, что теперь *Vlærdingen* (apud antiquam Slavenburch, quæ nunc Vlærdingen est)»; наконец, он уверяет, будто бы св. Бонифаций, знаменитый проповедник христианства в запад[54]ной Германии, послал (в 752 г.) 30 священников и диаконов в Славию (т. е. землю славян во Фризии) обращать язычников, и потом сам пришел туда, убедил некоторых, но вскоре погиб с товарищами мученической смертью от тамошнего народа. Другие сказания приписывают его убийство собственно фризам; мы не беремся решать, ошибся ли утрехтский летописец, или прочие источники смешали славян, обитавших во Фризии, с настоящими германскими фризами.

Какое бы, впрочем, суждение ни было произнесено над отдельными сказаниями утрехтского летописца, все же остается несомненным, что в VII и VIII вв. были в нынешней Голландии между фризами и другими тамошними германцами славянские поселения, принадлежавшие именно к храброй ветви велетов⁽³⁹⁾. Очевидно, эти славяне, маленький островок, со всех сторон окруженный сплошной массой германцев, должны были совершенно с ними слиться; но доныне еще названия местностей гласят об этой отрасли славянского племени, занесенной в такую даль и заглохшей среди чуждых

¹⁷⁸ Ibid. 303 и след.

народов запада. Таковы: местечко *Вильтенбург* близ Утрехта, *Вильта*, *Видениц* (т. е. *Воденец*), *Камень*, *Свята* (*Sueta*) и другие¹⁷⁹.

Несомненную связь с поселениями велетов в Голландии имели велеты (вильты) английские. Может быть, даже часть славян, приехавших в Голландию, по какому-либо случаю выселилась потом в Англию. Утрехтский летописец повествует, что в века глубокой древности славяне-вильты, изгнанные из Англии, прибыли в Голландию и там основались. Этот рассказ, кажется, намекает на связь велетов голландских с английскими, хотя, очевидно, велеты перешли не из Англии в Голландию, а обратно. Тот же писатель говорит, что с англами и саксами, которых Генгист и Горса привели в Британию, были также славяне⁽⁴⁰⁾. Это известие довольно вероятно по соседству западных славянских ветвей с англами и саксами, но нельзя сказать, до какой степени оно достоверно. Во всяком случае, о значительном поселении славян велетского племени на юго-запад от Бристольского канала свидетельствуют имена, как-то: страна *Вильтс*, в старину *Wiltsæten*, т. е. селение вильтов, город *Вильтон*, графство *Вильтшир* и т. д.¹⁸⁰ Впрочем, эти вильты, как и голландские, не имели своей собственной истории: рано утратив славянскую народность, они во всем разделяли судьбу англо-саксонского племени.

[55]

XXXII

Поселения балтийских славян в западной и южной Германии

Таковы важнейшие поселения балтийских славян за морем. С другой стороны, они переправлялись через Лабу и выбирали себе жилища в Германии не только по близости своих коренных земель, но даже в самых отдаленных местах. Трудно только определить, какие именно племена высылали эти колонии. Северные, вероятно, про-

¹⁷⁹ *Шафарик*. Слав. др. (перевод Бодянского), II, кн. 3, стр. 120. Следовало бы тщательно рассмотреть топографические карты Нидерланд, и непременно бы нашлось там множество местных названий славянского происхождения.

¹⁸⁰ См. там же, стр. 121. Подробному разъяснению вопроса о поселениях велетов в Голландии и Англии, и судьбе их могла бы быть посвящена любопытная монография. Но такое исследование отвлекло бы нас слишком далеко от главного нашего предмета, истории славян на балтийском Поморье, и мы предоставляем его другим разыскателям.

исходили от балтийских ветвей; но те, которые основались поужнее, не знаешь кому приписать стодорянам ли, или лабским сербам, чехам или даже хорутанам. Переселения славян в Германию восходят до весьма древнего времени и производились, сколько известно, мирным образом: славяне двигались большими толпами по торговым дорогам¹⁸¹ и занимали в пустынных краях Германии привольные места⁽⁴¹⁾. Часто даже сами немцы приглашали их селиться на необработанных полях под условием известной платы¹⁸² и находили в том выгоду, потому что вообще славяне были отличные земледельцы. По достоверному известию, уже в 736 году были целые толпы славян (вероятно, стодорян или сербов) на берегах реки Фульды, одного из источников Везера¹⁸³. Тут же и южнее, около Вирцбурга¹⁸⁴, в половине VIII в. селил их св. Бонифаций, раздавая им пустошные земли, отведенные церквям в новообращенной Германии. Таким образом, в северо-западной части нынешнего Баварского королевства, между Вирцбургом, Нюрнбергом и Бамбергом, около Майна и по всему течению реки Раданицы (теперь Rednitz) в VIII и IX в. образовались целые края славянские. В грамоте 846 г. страна эта называется землей «славян, которые живут между Майном и Раданицей и именуются *майнскими* и *раданицкими винидами*»¹⁸⁵. Эти славянские поселения были так значительны, что еще в XII в. не успели вполне онемечиться¹⁸⁶. Для [56] нас весьма любопытно то, что славяне, проникшие так далеко на юго-запад Германии, принадлежали отчасти к ветвям балтийским: и в этой стране являются опять велеты (вильты); на юг от истоков Раданицы, между Нюрнбергом и Донаувёртом, был город *Вильтенбург* (теперь *Вильцбург*). Какова была предприимчивость маленького племени, которое, обитая вблизи Рюгена, основывало поселения и строило города в Англии, Голландии, Баварии!

¹⁸¹ Vita S. Sturm, c. 7; у Пептца, т. II, 369; подробности см. ниже, LXXXVII.

¹⁸² S. Bonifatii epist. LXXXVII, и Willibaldi Vita S. Bonif. C. 24; у *Шафарика*, I, с. 22.

¹⁸³ Vita S. Sturm, 1. c.

¹⁸⁴ Willibaldi, V. S. Bonif; у Пептца. Т. II, 348: Burghardo in loco, qui vocatur Wirzaburg, dignitatis officium delegavit et ecclesias in confiniis Francorum et Saxonum atque Sclavorum suo officio deputavit. Ср. *Шафарик*, там же.

¹⁸⁵ In terra Sclavorum, qui sedent inter Moinum et Radantiam fluvios, qui vocantur Moinwinidi et Ratanzwinidi. См. *Шафарик*, стр. 178, где приведены и некоторые другие свидетельства об этих славянах.

¹⁸⁶ *Шафарик*, там же. Гальберштадский епископ пишет вирцбургскому около 1111 г.: totam illam terram pæne silvam esse, Sclavos ibi habitare. Есть даже известия еще позднейшие.

XXXIII

*Торговая деятельность балтийских славян. —
Торговля вагров и бодричей*

Мы обозрели одну сторону тех отношений, в которые судьба поставила балтийских славян. Естественные условия положения и характера вели их к нескончаемой вражде и борьбе с соседними народами; возбужденная в них до высшей степени удаль вызвала отважные их переселения на дальний запад. Но те же самые обстоятельства, которые были причиной враждебных столкновений балтийских славян с германскими племенами, искони также заставляли их входить со своими соседями в мирные связи путем торговли. Народ приморский, сделавшийся мореходным по нужде и охоте, соприкасавшийся так близко и общавшийся так легко с другими народами, балтийские славяне не могли не полюбить торговой жизни. Действительно, мы знаем, что еще задолго до Р. Х. вены на балтийском Поморье вели торговлю янтарем. На время, может быть, поморская торговля пострадала от немецких дружин, которые, наверное, предпочитали войну и добычу мирной и трудовой деятельности. Но с независимостью торговля возникла вновь у балтийских славян и вскоре достигла такого развития, что удивляла современников своей обширностью.

Географический вид юго-западного славянского берега Балтийского моря указывает на четыре места, самые выгодные для торговли: у крайнего на юго-западе изгиба, в земле вагров; у нынешнего Висмарского залива, в земле бодричей; у обширного лимана, где сходятся три устья Одры с устьем Пены, в земле поморян; и у впадения Вислы в море, на границе поморян и прусов. В этих-то местах и сосредоточилась торговля балтийских славян, и основались лучшие их города. [z]

Только ваграм, непрестанно теснимым соседними народами, некогда было торговать, разве, может быть, во времена самой отдаленной древности. Однако и при всех невыгодах пограничного положения древний город их Старыгард был весьма значителен; гавань его находилась в сообщении с Гамбургом и с Волином, главным торго[57]вым городом приодерским¹⁸⁷. Но в XII в., когда вагры совершенно изнемогли, когда их страна перешла в руки немцев и кончилась вековая в ней война, местные выгоды взяли свое, и новый вагрский город Любича (Lübeck), лежавший несколько южнее по-

кинутого Старого-града, слишком близкого к Дании, сделался одним из знатнейших торговых мест Германии.

В начале IX в., а вероятно, и гораздо прежде, у Висмарского залива процветала торговля в Рароге¹⁸⁸, главном городе бодричей, которые сами назывались рарогами. Она имела в это время такое значение, что пошлины, которые взимались с купцов, торговавших в Рароге, были одним из важных доходов датских королей¹⁸⁹. Однако уже в IX в. война коснулась Рарога и пресекла его деятельность. Разрушенный датчанами, он опять отстроился, но никогда уже не получал прежнего торгового значения. Даже славянское имя его вскоре исчезло, по крайней мере в летописях более не встречается, и заменилось немецким названием *Микилинбурга* (т. е. Большой город). Хотя нет на то прямых свидетельств, но можно, кажется, принять за верное, что Рарог и Микилинбург один и тот же город: ибо 1) и тот и другой именуются главным городом бодричей; 2) бодричи носят прозвище рарогов в то самое время, когда летописцы называют главный город их Микилинбургом¹⁹⁰: поэтому, если мы предположим, что Микилинбург имел свое славянское название (а это, кажется, несомненно), то едва ли найдем другое, как *Рарог*, которое именно совпадало бы с общим названием бодричьего народа; по крайней мере в современных свидетельствах нет решительно следа другого славянского имени для Микилинбурга. Как бы то ни было, впрочем, торговое значение разрушенного Рарога не воскресло в обновленном Микилинбурге: война не позволяла. Но опять и здесь, когда бодричи были истреблены, и земля их обращена в немецкое поселение, вместе с миром снова водворилась торговля. Однако и Микилинбург, который как многие города того времени, лежал в некотором удалении от морского берега, чтобы безопасность от разбойничьих кораблей соединялась с выгодой приморской пристани, был покинут подобно Старому-граду и стал деревушкой, а в нескольких верстах от него в новом городе, по-славянски Весмире¹⁹¹, по-немецки Висмар, закипела торговая жизнь⁽⁴²⁾.

¹⁸⁸ У датчан назывался он *Reric*: Einh. annal. a. 808, Pertz, I, 195.

¹⁸⁹ Einh. 1 c.

¹⁹⁰ Ad. II, 18. Obodriti, qui nunc altero nomine Reregi vocantur, et civitas eorum Magnopolis (Magnopolis, Megalopolis, любимый перевод немецкого Mikilinburg, по средневековой моде).

¹⁹¹ Cod. Pomer. (Codex Pomeraniae diplomaticus, herausgegeben von Hasselbach, Kosegarten und Medem) N 32 (около 1194 г.): in portu qui Wissemere dicitur.

Торговля поморян. Город Волын или Юлин

Только вдали от поприща войны с немцами и датчанами процвела славянская торговля на балтийском Поморье после IX в. Она сосредоточилась близ устьев Одры и тут достигла высшего своего развития. Здесь было несколько торговых городов славянских: Шетин, при разделении Одры на рукава, прочие все по правому рукаву ее, так наз. *Dievenow*: на южном крае острова Волына – Волын; насупротив этого острова на материке, Камень и Клодно.

В самое блистательное время Поморья, когда ничто еще не тревожило там славянского народа, главнейшим из этих городов был *Волын* (у немцев *Воллин* или *Юлин*, у датчан *Юмне*, вероятно, искажение вместо *Юмне* у исландцев также *Иом*, вместо *Юм*)⁽⁴³⁾.

«У впадения Одры в море, – говорит в XI в. Адам Бременский¹⁹², – находится великолепный город Юлин (по другим спискам, Юмне), знаменитая пристань, где съезжаются окрестные народы, варвары (т. е. славянские и другие язычники) и греки (т. е. православные, русские)¹⁹³. О величии этого города, про который ходят чрезвычайные и дивные рассказы, надобно сообщить несколько известий, заслуживающих внимания. Юлин самый большой из всех городов Европы¹⁹⁴; в нем обитают славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Даже и саксы, приезжающие туда, получают равные права с тамошними жителями, лишь бы во время своего пребывания в Юлине не исповедывали явно христианства. Весь народ там еще предан заблуждению языческих обрядов, но, впрочем, относительно нравов и гостеприимства не найти людей честнее и добродушнее. В этом городе, богатом товарами всех северных народов, есть все, чего ни спросишь дорогого и редкого... Из него кратковременным плаванием (на гребном судне: *brevi remigio*) сообщаются, с одной стороны, с Дымином (теперь *Demmin*), городом, лежащим недалеко от устья реки Пены, где живут и руяне; с другой – с областью Семландиею, принадлежащею прусам. Расстояние такое, что от Гамбурга или от реки Эльбы на седьмой день

¹⁹² II, 19.

¹⁹³ Сравни ниже: *Chivz* (т. е. Киев)... *clarissimum decus Græciæ*. *Ibid*.

¹⁹⁴ Под именем Европы средневековые писатели времени Адама Бременского и предшествующих столетий разумели по преимуществу языческую часть этой страны света, в противоположность римской; см.: *Giesebrecht. Wendische Geschichten*, I, 28, выноска 3.

достигнешь до Юмне, путешествуя сухим путем; чтобы ехать морем, надобно сесть в корабль в Шлезвиге или Альдинбурге (Старом-граде вагров), и [59]также можно прибыть в Юмне. Из Юмне же, пустившись на парусах, на четырнадцатый день¹⁹⁵ выйдешь на берег в Острогарде, в Русской земле¹⁹⁶, где столица Киев, соперница константинопольского скипетра, краса и слава Греции»¹⁹⁷. Последние слова показывают, что Адам Бременский имел особенно в виду связь Руси с Грецией (и действительно, для западного человека того времени христианская земля вне римского единства была явлением удивительным), и греки, которые по его словам, торговали в Волыне, были, очевидно, просто православные, т. е. русские. Все известие Адама о Волыне чрезвычайно важно. Вот какое развитие имела торговая деятельность на славянском Поморье, и как обширен был круг ее сообщений. Невозможно, чтобы такой город и такая деятельность возникли в короткое время. Волын стал процветать, без сомнения, гораздо прежде XI столетия, к которому относится свидетельство Адама Бременского, – может быть, с той поры, как удары немцев и датчан обрушились на западные города славянского Поморья и убили их торговлю. Как ярко выставляется также в словах летописца характер волынской торговли и волынского народа! Естественно купцам богатого торговлей города составить касту и добиваться монополии: вспомним Финикию и Карфаген, Венецию и города ганзейские. Но нет: славянская общительность одолела торговую жадность, и не только волынские славяне не стремились к монополии, но даже всякому приезжему давали (употребим выражение, которое для них самих было бы, верно, непонятно) полные права гражданства: запрещение саксам в Волыне исповедывать явно христианскую веру, очевидно, было постановлено, уже когда они насильно налагали свое исповедание на балтийских славян и тем сделали его для них ненавистным. Но

¹⁹⁵ В другом списке, на 43-й: переписчик изменил XIII в XLIII.

¹⁹⁶ Острогард есть древнее скандинавское название Руси.

¹⁹⁷ Вместо *Jumne*, датской формы, которую Адам Бременский употребляет одинаково с немецко-латинской *Julinum*, в некоторых списках его летописи начертано *Vimne*, *Uimne*; из этой формы сделали потом имя *Vinneta*, которое уже Гельмольд, выписывая из Адама свидетельство об Юлине, ставит вместо *Jumne*, *Julinum* (Chron. I, 2, 15). Об этой Виннете, которая есть не что иное, как искажение датского наименования города Волына, позднейшие писатели выдумали разные чудовищные сказки, распространяя по-своему единственное достоверное свидетельство Адама Бременского и прибавляя каждый раз к прежним новые вымыслы.

слова Адама именно показывают, что для этих саксов, при всей их вражде к славянам, не было в Волине другого ограничения, что прочим народам позволялось там свободно исполнять обряды своей веры и что даже христианство, как его исповедовали народы православные, могло оглашать языческий Волин своей кроткой молитвой.

[60]

XXXV

Торговля Щетина и прочих городов поморских

Против Волина на материке лежал, на берегу Одры, большой и старинный город *Щетин* (Stettin)¹⁹⁸. Он также процветал торговлей и бесспорно, находится в постоянном сообщении с Волином. Но, по-видимому, Щетин имел другое значение, нежели Волин. Волин был чисто торговый город, а Щетин имел также значение племенное и государственное. Щетин был старший город на Поморье, мать и глава всех городов поморских^{199, [7]}. Ему отдавали почет и те города, которые могли бы с ним соперничать торговлей и могуществом. Даже волинцы говорили, что у них старинный закон предков ничего не постановлять важного без совета и согласия щетинцев: «Щетинцы глава всего поморского народа, многочисленнее и сильнее прочих городов; Волин всегда будет следовать их примеру и решению»²⁰⁰. Новая черта общительности славянского быта. – В начале XII в. Щетин получил перевес даже в торговом отношении, после нападения датчан на Волин около 1115 года. Он находился в постоянных и правильных сношениях с ранами²⁰¹. Ежегодно плыло за море великое множество щетинцев²⁰², и можно было в Щетине найти много таких бывалых людей, которые, по выражению немецкого писателя, знали в точности положение, все местности и

¹⁹⁸ Что этот город назывался по-славянски *Щетин*, а не *Щитно* (как думают некоторые польские писатели, смешивая его с *Щитненской* областью (Scitene) на Поморье, областью, которая к нему вовсе не принадлежала), на это указывает имя, придаваемое ему исландскими сагами, *Borstaborg*: ясно, что в основании лежал корень *щеть*, *щет-ка*, *щети-на*.

¹⁹⁹ Sefr. 92 antiquissimam et nobilissimam in terra Pomeranorum matremque civitatum. – Sax. 866.

²⁰⁰ Cruc. II, 7. Ebbo 54.

²⁰¹ Sefr. 178.

²⁰² Sefr. 117.

нравы всякого народа²⁰³. Самый город был тогда больше Волына²⁰⁴, он казался современникам отличным²⁰⁵ и огромным, заключал в своей окружности 3 холма и около 1120 года имел, по исчислению, 900 отцов семейства; женщины, дети, челядь и люди бесхозяйственные не считались^{206, (44)}. Но и Волын в то время, хотя был уж не то, что лет за 50, оставался, однако, большим и сильным городом, вел обширную торговлю и высылал за море не менее [61]купцов, нежели Щетин²⁰⁷. Волынцы все еще крепко стояли за свою независимость и казались немцам народом упорным и неукротимым²⁰⁸. Выгодное положение Волына его отчасти поддерживало: Одрой он легко сообщался с материком, а с другой стороны властвовал над островами, которые прикрывают устье этой реки, и которые, как видно из старинных сказаний, имели в то время, сравнительно с твердой землей Поморской, большее значение, нежели теперь. Поэтому-то, когда дело шло об избрании средоточия для епархии на Поморье, князь и знатные люди страны назначили епископскому престолу быть в Вольне²⁰⁹.

Кроме Волына и Щетина было около устьев Одры еще много других торговых городов более или менее значительных. На реке Пене находился Дымин, важный и как пограничная крепость поморская, и как складочное место в торговле с Германией. Из Германии товары везлись сухим путем до Дымина, где нагружались на суда и сплавлялись по Пене до крепости Узноима (теперь Usedom), до Волына, Щетина и т. д. Также вдоль по берегу Пены от Дымина до ее устья шла проезжая дорога²¹⁰. Впрочем, неизвестно, велась ли дыминцами также самостоятельная торговля.

На восточной стороне треугольника, образуемого устьем Одры, было два торговых города: *Камень* и *Клодно*²¹¹. Камень (теперь Cammin) лежал у самой Дивеновы, недалеко от ее устья: то был город весьма значительный уже в начале XII века, а в конце этого столетия он сделался наследником волинской торговли и стал первым горо-

²⁰³ Sefr. 179. Gnari locorum, provinciarum et morum cujusque gentis.

²⁰⁴ Ebbo. 64.

²⁰⁵ Ebbo. 51.

²⁰⁶ Sefr. 109.

²⁰⁷ Sefr. 117.

²⁰⁸ Sefr. 87.

²⁰⁹ Sefr. 114: quia civitas hæc in meditullio sita est Pomeraniæ civesque Julinenses fortes et duræ cervicis sunt.

²¹⁰ Sefr. 121, 123.

²¹¹ Sefr. 80. Cod. Pomer. N 16.

дом Поморья. Положение Клодна²¹² (русская форма была бы *Колодно*) в точности неизвестно; но из повествований о путешествии Оттона Бамбергского по Поморью видно, что город этот находился в близком расстоянии от Волина и Камена, на восток, по дороге к Колобрегу: «Клодно очень большой город, – говорят эти повествования, – и лежит в глубине леса²¹³; ежегодно отправляется оттуда в чужие страны множество [62]народа для торговли²¹⁴. За рекою же, которая течет мимо Клодна (вероятно, *Реза*), Оттон нашел безлюдную окружность обширного города, недавно разрушенного и выжженного поляками»²¹⁵.

XXXVI

Остальные торговые места на славянском Поморье:

Рана, Колобрег, Гданьск

Такова была торговля на Поморье, что на этом маленьком пространстве земли около устьев Одры могло существовать четыре больших торговых средоточия (даже пять или шесть, если считать Дымин и тот древний город в соседстве Клодна, который уже в XII в. лежал в развалинах). Здесь был центр славянской торговли; но она основалась и в других местах. Остров Рана, несмотря на недостаток удобных пристаней и на воинственность жителей, вел также значительную торговлю. О постоянных сношениях Раны с Щетином²¹⁶ было уже упомянуто. По словам Саксона Грамматика²¹⁷, многие из ран ездили на чужую сторону по разным торговым делам, а у главного,

²¹² Такова, кажется, настоящая, самая верная славянским звукам, форма имени этого города, происходящая, очевидно, от слова *клада*, *колода* (польск. *клода*). Житие Оттона, известное под названием Anonymus Sanctuarii, сохранило нам ее (*Cloden*, II, 19). Бартольд (*Geschichte von Rügen und Pommern*, II, 60) приводит еще из Канизия чтение *Clonoda* (вместо *Clodona*). Готическое начертание букв Cl легко могло быть принято за D, и образовалось чтение *Dodona*, *Dodina*: первое привлекло средневековых монахов своим классическим звуком и сделалось господствующим почти во всех списках Оттоновых житий.

²¹³ S. Cruc. II, 19.

²¹⁴ Sefr. 117.

²¹⁵ Sefr. 115.

²¹⁶ Sefr. 178.

²¹⁷ 827.

священного их города Арконы в особенном, кажется, торговом предместье²¹⁸, жило много иностранных купцов. Ране, впрочем, не были к ним так благосклонны, как волынцы. Рассказывают, что когда им пришлось отречься от язычества и нужно было вытащить из капища уважаемый идол Святовита и разбить его, то они, не вполне еще разуверившись в его силе и боясь его гнева, сами не покусились на это дело, а заставили подвергнуться мщению Святовитову рабов и иностранных торговцев, проживавших [63] в Арконе²¹⁹. Но монополии не искали и ране. Около их острова в ноябре месяце, когда подымались сильные ветры, производилась обильная ловля сельдей, и они позволяли всякому приезжать и ловить эту рыбу, источник столького богатства: и действительно, ежегодно она привлекала множество промышленников, немцев и др.²²⁰

При торговой деятельности было как у ран, так и у поморцев весьма много кораблей²²¹; кораблям своим балтийские славяне умели придавать большие для того времени размеры. Балтийские славяне прежде датчан выучились строить военные суда, поднимавшие лошадей. О ранском флоте, перевезшем конницу, упоминается уже в 1112 г.²²², а только в 1136 г. датчане в первый раз попытались придать своим судам нужный для этого объем: они поставили тогда на каждый корабль по четыре лошади²²³.

²¹⁸ В самой Арконе, крепости, построенной на высокой скале и в которой не было зданий, кроме храма, очевидно, не могло быть настоящей торговли; но подле арконской скалы, в 1100 шагах от оконечности юго-восточного вала, в ложине, где теперь лежит деревня *Bumme, Witte* (славянское имя вероятно, было *Vuma*: отсюда, кажется, и весь северный полуостров Рюгена, на котором находилась Аркона, назывался в древности Витовым (*Withova* теперь *Wítow*); в этой ложине, говорю, представлялись все удобства для торгового селения, необходимого при таком важном религиозном и политическом средоточии, как Аркона, куда стекался народ со всего славянского Поморья. Исландская Кинтлинга-сага (120) говорит, что датский король Вальдемар I однажды, высадивши войско на Ране, дошел до Вика (теперь *Wieck*, на западной стороне Витова: название, кажется, германское) и отсюда опустошил землю до торгового селения (*tíl torgspeirra*): не было ли сие последнее именно торговая слобода близ Арконы^{(45)?} См. Fabric. (*Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen, von Fabricius*) I, 79.

²¹⁹ Sax. 838. *exteris quæstum in urbe petentibus.*

²²⁰ Helm. II, 12. *multum ibi halec capitur et patet mercatoribus liber accessus.*

²²¹ Helm. I, 36. Sax. 739. О поморских кораблях беспрестанно упоминается в житиях Оттона. Ср. также Sax. 865, 974, и в др. местах.

²²² Helm. I, 36. Ср. также Sax. 705.

²²³ Sax. 661. Из этого видно, что тогдашние военные корабли соответство-

На восток от одерского лимана был также богатый торговлей город *Колобрег* (теперь Colberg), один из значительнейших городов поморских²²⁴, лежавший близ устья Персанты, но по старинному обычаю в небольшом расстоянии от моря. Он процветал особенно своими соловарнями, которые уже славились в Германии, когда земля Поморская была там почти совершенно неизвестна²²⁵. Кроме соляного промысла Колобрег обогащался также сплавом леса по Персанте²²⁶ и обширной морской торговлей. Случалось, в удобное для плавания время года, что большая часть колобрежцев находилась в отлучке в разных землях и островах балтийских, так что остававшиеся дома не решались в эту пору постановлять никаких нововведений²²⁷.

Далее на восток от Колобрега не было уже ни той деятельности, ни того благосостояния. С X века поляки беспрестанно опустошали и завоевывали эту часть Поморья. Что там было прежде, об этом нет никаких известий. – [64] Однако на устье Вислы возник город *Гданьск* (*Danzig*), упоминаемый уже в X столетии: в XII в. говорится о кораблях, плативших в Гданьске известную пошлину²²⁸; но нельзя сказать, шли ли они из Польши и здесь только останавливались, или занимались в Гданьске постоянной торговлей.

XXXVII

Направление торговли балтийских славян. Сношения с северными и восточными прибалтийскими народами

О направлении торговли славянского Поморья мы знаем мало. По древнейшим свидетельствам известно о значительных сношениях со Швецией. В VI в. Иорнанд рассказывает, что драгоценные черные меха, которые он называет *pelles saphirinæ* (вероятно, *собольи*), вывозились от шведов и, проходя через руки многих народов, на-

вали по величине нынешним баркам: но зато число их было очень велико. Первый датский флот, везший кавалерию, снаряженный королем Эриком III, состоял из 1100 судов. Можно по этому судить и о многочисленности кораблей у ран и поморцев, ибо их флоты не уступали морским силам датчан, а часто превосходили их.

²²⁴ Mart. Gall. (*Chronicæ Polonorum*. Пертц. Т. XI) II, 28.

²²⁵ Thietm. (*Thietmari Chronicon* у Пертца, т. V) IV, 28; VII, 52: *salsa Cholbergensis ecclesia*. Титмар жил в начале XI века.

²²⁶ Dreger, *Codex diplomaticus*. N 3 и др.

²²⁷ Sefr. 116.

²²⁸ Cod. Pomer. N 17, 1148 года.

конец доставлялись в Италию²²⁹. Без сомнения, одним из участвующих в этой торговле народов были балтийские славяне. Уже в IX в. славилась в Швеции и процветала еще в XI в. большая гавань Бирка^{230, (46)}, недалеко от Упсалы, куда приезжали корабли всех балтийских народов: датские, норвежские, прусские и вероятно также русские, и корабли балтийских славян, о которых именно упоминает Адам Бременский^[8].

На торговлю балтийских славян с Русью намекает приведенное уже повествование этого же летописца о том, что из Волына было 14 дней пути к русскому берегу и что в Волыне жили приезжие люди греческие, т. е. православные. Других свидетельств нет. Были тоже, наверное, сношения с соседними прусами. Уже в IX в. прусы имели значительную гавань *Трусо* (близ озера *Drausen*, где теперь *Elbing*), куда ездили корабли даже из Норвегии²³¹, и не может быть, чтобы славяне, которых отделяло от прусов лишь низовое течение Вислы, ее не посещали⁽⁴⁷⁾.

[65]

XXXVIII

Сношения с западными странами, Данией, Германией и прочими

Известнее для нас сношения балтийских славян с западными землями, датской и германской. В торговле с Данией главным посредником был город *Шлезвиг* (иначе *Гедеби*)⁽⁴⁸⁾, упоминаемый уже в IX в. и находившийся, кажется, в сношениях с Рарогом²³². После разрушения Рарога Шлезвиг все оставался важнейшим средоточием в сношениях Дании с балтийскими славянами, а также и с другими прибалтийскими землями, Швецией, Пруссией, Русью²³³. Вообще города датские, а в особенности ютландские, должны были участвовать в торговле славян, как посредники с западными странами. Напротив Шлезвига, на берегу Немецкого моря, лежала большая гавань *Puna*²³⁴ (теперь *Рибе*): как в Шлезвиг съезжались корабли из балтийских стран, так Рипа была сборным местом для кораблей

²²⁹ Jorn. с. 3

²³⁰ Ad. II, 62.

²³¹ Periplus Otturi et Wulstani. ap. Langebek, II, 115.

²³² Einh. a. 808; Pertz. I, 195.

²³³ Ad. IV, 1. Из этой гавани, говорит он, высылаются корабли в Славянию (землю балтийских славян), Швецию, Семландию, даже в Грецию.

²³⁴ Ad. IV, 1.

западных народов, саксов, фризов и англичан. Нет сомнения, что при обширной торговле своей и склонности ездить за море балтийские славяне пользовались этим удобным путем через Шлезвиг и Рипу для сношений с западными краями Европы⁽⁴⁹⁾.

В торговле с Германией товары отчасти шли через Гамбург на Шлезвиг и оттуда морем к славянам, но большей частью сношения производились сухим путем, в пограничных местах⁽⁵⁰⁾. В конце VIII в. она была уже довольно значительна, так что Карл Великий счел за нужное подчинить ее особенным узаконениям. Он старался, вероятно, из политических целей, ее ограничить, запретил немецким купцам ездить в Славянскую землю и назначить только три пограничных города, куда могли приходить славянские купцы для сделок с немцами. По-видимому, торговля с Германией велась преимущественно у полабцев и вообще у бодричей, так что из трех городов, избранных Карлом для сношений немцев с балтийскими славянами, два лежали на границе этих племен, в весьма близком один от другого расстоянии, именно – *Бардевик* и *Шезель* (у нынешнего Люнебурга). Третий был *Магдебург*, гораздо южнее, против земли стодорян²³⁵. Из этих городов Бардевик и Магдебург оставались во все последующее время важными торговыми местами; запрещение ездить к славянам пало само собой, и магдебургские купцы в особенности получили с 975 г. большие преимущества и льготы. В земле вагров был постоянный пограничный торг в [66]городе Плуне (Plön): каждое воскресенье сходились здесь для торговых сделок славяне и соседи их, залабские саксы. Об этом говорит писатель XII века²³⁶: неизвестно, велась ли в Плуне такая торговля и в древнейшее время.

Кроме того в *Галле* (нын. Halle), на р. Сале (по-слав. Соляве), сосредоточилась большая торговля. Есть известия, что в XII в. там бывала ежегодно ярмарка, которую посещали купцы поморские и на которую привозились всякие товары, а в особенности ткани, главный предмет германского сбыта²³⁷. Из Галлы ехали на судах по Соляве и по Лабе мимо Магдебурга до устья Гаволы, потом несколько верст вверх по Гаволе до Гавельберга; здесь товары выгружались и везлись выюками через землю стодорян, морачан и лютичей до Дымина, пограничной крепости поморской. В Дымине они нагружались снова и сплавлялись по реке Пене и взморью до Волына, Щетина и т. д.²³⁸

²³⁵ Karoli M. Capitular a. 805; Pertz. II, 133.

²³⁶ Helm. I, 94.

²³⁷ Sefr. 121. 187, 188.

²³⁸ Sefr. 121.

XXXIX

Торговля с Польшей и Востоком

Сношения балтийских славян с Польшей были самые незначительные, особенно с западной или Великой Польшей. Мы сказали, что эта страна не имела никаких сообщений с стодорянами и лютичами: из городов великопольских Гнезна и Познани были дороги только на приодерские города в Силезии, принадлежавшие Польше как то: Кросно, Глогов и др., и оттуда в землю лужичан и лабских сербов²³⁹, а на севере от этих дорог, между Польшей и Стодорянией, тянулась страна глухая и непроходимая²⁴⁰. Мы знаем также, что не было сообщения между Великой Польшей и прилежащей к ней западной частью Поморья и что их разделял еще в XII веке дремучий лес²⁴¹. Восточные сообщения Польши с Поморьем были легче, и между Наклом на Нотеци, пограничной польской крепостью, и Белградом на Персанте, срединным городом поморским, не встречалось, кажется, больших естественных преград²⁴², а по Висле удобно ходили из [67]Польши в Поморье всякие суда. Но при всем том между Польшей и Поморьем не было торговли сколько-нибудь замечательной. Древнейший польский летописец (Мартин Галл) в самом начале своей Истории говорит, что «Польша стоит вне торговых путей и разве только посещается проездом теми немногими купцами, которые отправляются в Русь»²⁴³.

Из этих слов можно заключить с некоторой вероятностью, что между торговцами, посещавшими Русскую землю, бывали и балтийские славяне. Действительно, они издревле сообщались даже с азиатскими народами и, значит, также с Русью. Об их торговле с отдаленным востоком свидетельствуют монеты арабских халифов, Омиадов и Аббасидов, в большом количестве находимые на балтийском Поморье. Они преимущественно относятся к VIII и IX столетиям и прекращаются в XI-м: последняя из восточных монет, доселе там отысканная, принадлежит к 1012 г.²⁴⁴ Видно, что борьба с нем-

²³⁹ Это видно из древней польской истории, в особенности из походов Болеслава Храброго против немцев.

²⁴⁰ Thietm. VI, 16.

²⁴¹ Ebbo 45, 47. Sefr. 57, 58.

²⁴² Mart. Gall. II, 39, 47; III, 1.

²⁴³ Procm: Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Rusiam pro mercimoniis paucis nota...

²⁴⁴ См. Giesebrecht, Wend. Geschichten, I, 23.

цами, которая все усиливалась, а может быть и упадок Арабского халифата в это время, прекратили эти отдаленные сношения.

XL

Последствие борьбы и торговых связей балтийских славян с соседними народами: влияние чужих стихий

Таким образом, у балтийских славян существовала издревле обширная торговая деятельность, достигавшая, где благоприятствовали обстоятельства, необыкновенных по времени размеров и служившая основанием и жизненным средством для многих цветущих городов. Она, конечно, была плодом той склонности к торговому промыслу и к странствованиям, которая, кажется, врождена славянскому племени, а также особенной предприимчивости и отваги, лежавшей — мы знаем отчего — в характере балтийских славян; и все эти побуждения соединились здесь, как мы видели, с необыкновенными выгодами местности. Здесь славяне имели прекрасный морской берег, богатый хорошими пристанями, много деятельных народов их окружало, были все удобства к сообщениям и к размену товаров: понятно, что они могли полюбить торговую жизнь и предпочесть ее всякому другому промыслу⁽⁵¹⁾.

Известно нам, как те же самые условия местности и те же обстоятельства породили бесконечную борьбу балтийских славян с их соседями [68] немцами и скандинавами. Такая была их судьба, чтобы они вечно и всеми путями, миром и войной, сталкивались с чужими народами, подвергались чужим влияниям. Первым событием их истории было покорение германскими дружинами, и когда они впоследствии освободились, то все-таки германское влияние не прекращалось. Мы знаем о смещении балтийских славян с остатками этих дружин, которые так долго владели Поморьем (вспомним, что говорит Иорнанд про видивариев); мы видели глубокое действие борьбы с немцами и датчанами на нравы и характер балтийских славян. А с другой стороны, могли ли быть менее значительны для них последствия непрерывных и столь обширных сношений с окрестными народами через торговлю и мореходство, когда славянские города на балтийском Поморье только и существовали этой торговлей и мореходством, когда многие, а нередко даже почти все жители оных большую часть года проводили за морем, в чужих землях, и когда в первом между этими городами, в Волине, всякие иностранцы жили наравне с туземцами? Немудрено при таких условиях, что чужие влияния, а в особен-

ности германское, привились искони ко всему существу балтийских славян, что оно было поражено ими до глубины. В гражданском устройстве этого народа совершенно преобразовались коренные славянские стихии: уже с древнейшего времени выработался и вполне определился у него быт полуславянский, полужужой, тот неестественный быт, который своими противоречиями и помешал историческому развитию балтийских славян, и так много способствовал их падению.

XLI

Древний семейный быт германцев и славян и его противоположные начала

История еще застаёт и германцев, и славян в семейном быте, без народного единства и государственной власти, в одной лишь родовой связи, и тогда уже какое было между ними глубокое различие в началах! Славянская семья жила особо, каждая на своем месте²⁴⁵, разрастаясь в деревню²⁴⁶, [69] и владела сообща землей, которая ей принадлежала²⁴⁷. Когда умирал отец, то дети также сообща владели его имуществом²⁴⁸, или делились поровну²⁴⁹. Для общего дела собиралась сходка; все в ней участвовали на равных правах и постановляли решение единогласием²⁵⁰. Потом необходимость защиты от

²⁴⁵ П. С. Р. Лет. I, 4. Поляном же живущем особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху кождо с своим родом на и своим местех, владеюще кождо родом своим. Быша три братья... седяше Кий на горе, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица...

²⁴⁶ Это видно из того, что почти все названия чешских, балтийских и др. славянских деревень суть *отчественные* (patronymica) и образованы окончанием *ици, ичи* и т. д. от имени какого-нибудь человека (См.: Palacky. Geschichte von Böhmen, I, 169).

²⁴⁷ П. С. Р. Лет. I, 4. «владеюще роды своими... владеюще кождо родом своим»... (доказано, что здесь *родами, родом* употреблено в смысле *по родам, каждым родом особо*, и что самое слово *род* соответствует нынешнему понятию *семьи*: 3 брата могли составить три рода, как видно из вышеприведенного места Нестора, прим. 245).

²⁴⁸ Любушин Суд, ст. 3. I umre li glava čeledina, – děti všě tu zbožiem v jedno vládú.

²⁴⁹ Ibid. 69. Po zákonu věkožiznych bogóv – budeta im (т. е. наследством, dědinam) v jedno vlásti – či se rozdělita rovnú měřú?

²⁵⁰ Procop. de B. Gotth. 14. Σπλαθνοι καὶ Ἄνται οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς

врагов или другая какая-нибудь причина заставляла народ искать себе некоторого единства и средоточия, и подчиняться власти князя; князь мог окружить себя боярами (кметами), людьми опытными, которые были ему советниками и исполнителями его воли, и дружиной (гридями или лехами), которая всюду его сопровождала, как военная сила; но сам народ не изменял своего устройства, оставался по-прежнему при общей сходке и общем владении землей, и только когда область князя становилась обширной и нельзя было собираться на сходку всему народу, то посылался к князю на сейм выборный (владыка)²⁵¹. Аристократии у славян не было⁽⁵²⁾.

В древних германцах, как их описывает Тацит, видно много сходного с этим славянским бытом, по той причине, что и они жили тогда семьями, чуждые государственного строя²⁵²; но в своих основаниях семейный быт германский был совсем не тот, что славянский. Славянская деревня, разрастаясь большей частью из одной семьи, стояла вместе²⁵³; герман[70]ские избы строились вразброс, далеко друг от друга²⁵⁴. Славянин пахал землю сам, а жене препору-

ἐνὸς, ἀλλ' ἐν δημοκρατία ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι, καὶ διὰ τοῦτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων αἰεὶ τὰ τε εὐφωρα καὶ τὰ δύσκολα ἐς κοινόν ἄγεται.

²⁵¹ См.: Любушин Суд.

²⁵² Tac. Germ 7. non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates. — Caes. de B. G. VI, 22. Magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum, et quo loco visum est, agri attribuunt. См. выноску 43.

²⁵³ Это такое коренное свойство славянского быта, что, конечно, существовало искони: место Прокопия (de B. G. III, 14), на котором обыкновенно основывают суждение, будто древние славяне селились в разбросанных избах, я понимаю иначе, согласно с точным смыслом его слов: οἰκοῦσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκτραῖς διεσκηνημένοι πολλῶ μὲν ἀπ' ἀλλήλων, ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικίσεως ἑκάστοι κῶρον. «они (славяне) живут в жалких избах, раскиданные (т. е. славяне, а не отдельные избы) далеко друг от друга, меняя часто место своего жительства». Прокопий описывает славян, занимавших огромные пространства на север от Дуная, где они беспрестанно подвергались нападениям хищнических народов: понятно, что они не заботились о тщательном устройстве своих жилищ, легко переходили с места на место (вспомним известие Гельмольда о ваграх, см. выше XVIII) и представляли в своих бесконечных равнинах редкие, далеко друг от друга отстоящие поселения, и вот именно, что говорит Прокопий; но чтобы в каждой деревне у них избы стояли врозь, как напр. у финнов, этого мы не видим в словах его и никак не можем допустить; напротив, причастие διεσκηνημένοι, буквально: *расположенные шатрами*, доказывает, что Прокопий, рисуя славянский быт, имел перед собой образ военного стана, который передвигается, но именно всегда держится вместе.

чал домашние работы²⁵⁵; германец презирал хлебопашество, любил лишь войну и охоту, а не то лежал в бездействии дома, предоставляя земледелие женщинам и челяди²⁵⁶. У славян земля принадлежала общине и наследство отца было общее детям, и это устройство осталось до позднейших времен; у германцев оно первоначально существовало также, но со временем отменилось: при Цезаре у свевов землей владели общины, и при Таците она еще не вполне была в личном владении²⁵⁷, а в следующее за тем время крепко установилась личная поземельная собственность²⁵⁸; при Таците отцу наследовали все дети²⁵⁹, а потом мало-помалу стал возникать майорат, т. е. неделимость имения, переходящего к старшему сыну, и сделался законом у германских племен. В общественных делах славяне довольствовались сходкой, на которой все имели равный голос; германцы предоставляли сходке только важнейшие дела и кроме ее имели еще другую власть, выборных князей, которые решали дела второстепенные, были судьями и даже на сходке имели особенное значение: дело предлагалось сходке не иначе, как по обсуждении князьями, и один из них (или король) должен был докладывать о нем народу²⁶⁰. Кроме сходки и князей была у германцев (впрочем, по-видимому, не у всех племен) еще третья власть, король²⁶¹; но он, кажется, имел первоначально, в собственных германских землях самое ограниченное значение и был не более как глава существовавшего у германцев искони сословия знатных людей²⁶². Славянин не признавал различия знатных и незнатных родов и даже, уводя пленного в рабство, по истечении известного времени не только предоставлял ему свободу, но открывал ему доступ в свою общину без всякого унижения [71] или ограничения в правах²⁶³; германец

²⁵⁴ Tac. Germ. 16. Colunt discreti ac diversi... Vicos locant, non in nostrum morem connexis et coegaerentibus aedificiis; suam quisque domum spatio circumdat.

²⁵⁵ См.: Любушин Суд, 2. Mužie pašù, ženy ruby strojá.

²⁵⁶ Tac. Germ. 15.

²⁵⁷ Ibid. 26.

²⁵⁸ Известно, какое огромное значение поземельная собственность получила в средние века сколько в чисто германских землях, столько и в тех, которые покорены были германцами, и как самая личность человека пришла в зависимость от его поземельной собственности.

²⁵⁹ Tac. Germ. 20.

²⁶⁰ Там же. 20.

²⁶¹ Там же. 11, 12.

²⁶² Там же. 7.

²⁶³ Mauric. Strategicum, XI, 5.

искони отдавал у себя почет и преимущество некоторым знатым родам²⁶⁴, чтит их нередко как потомков божества²⁶⁵, только из их среды избирал королей и часто даже при выборе князя или военачальника останавливался на юноше, представителе знатного рода: а преклоняясь перед знатностью рода, он, с другой стороны, никогда не ставил наравне со свободным человеком раба, отпущенного на волю, и ни за что не принимал его в свою общину²⁶⁶. Таким образом, аристократическая стихия коренилась искони в духе германцев и еще в первоначальном семейном быте образовала у них определенную власть²⁶⁷. Но зато у славян, которые на ступени простого семейного быта не имели другой власти, кроме общины²⁶⁸, легко и добровольно устанавливалась власть, когда наступала потребность в большем единстве: у каждого из мелких поколений, на которые в старину делилось все славянское племя, являлся князь сначала еще с малым и неопределенным значением, а затем какое-нибудь из этих поколений избирало такого князя, который владел бы как государь, как верховных глава и судья, и разрозненные славяне соединялись в народ, и возникало государство. Между тем над германцами тяготела их старая аристократическая власть и неодолимо противилась единству: оно могло у них образоваться только на чужой, покоренной земле, среди дружины, а на коренной германской почве устанавливалось не иначе, как насилием и завоеванием. Итак, общинный быт славянский был доступен единству государственной власти, а германский, аристократический – ей противен.

XLII

Быт балтийских славян. – Их племенные князья. – Древнейший быт велетов (лютичей)

Эти противоположные начала, германские и славянские, смешались в быте балтийских славян. В основании его лежала славянская община; но к ней в сильной степени привились германские влияния.

²⁶⁴ Там же. Reges ex nobilitate etc.

²⁶⁵ Тас. Germ. 7, 11, 13.

²⁶⁶ Амалинги и балтинги у готов, и множество других родов, как у собственных германцев, так и у скандинавов.

²⁶⁷ Тас. Germ. 25. Libertini non multum supra servos sunt; raro aliquod momentum in domo, numquam in civitate.

²⁶⁸ Там же. 7, 11, 12.

Эти ли влияния или что-нибудь другое задержало у них естественный ход славянской жизни, но, выйдя еще в доисторическое время за пределы первоначального семейного [72]быта (их положение среди враждебных народов и непрестанные заботы о защите служат тому полным объяснением), они до позднейших времен чуждались настоящего единства народного и государственного, пребывая в каком-то посредствующем, шатком и неопределенном состоянии, через которое прочие славяне только прошли, и которое можно назвать племенным бытом. Каждое племя имело свою власть, своего князя, но, мелкое и завистливое, не признавало себя членом единого народа (разве перед неприятелем, в случае крайней опасности), а напротив – враждовало и дралось с соседним племенем. Власть князя была не прочна, слаба, и возникала, можно сказать, сама собой, без особенного гласного признания или переворота в старинном быте. Князем становился, сколько видно, кто-нибудь посильнее, поумнее и побогаче, кому удавалось приобрести чем-либо в народе особенное уважение и влияние; и по естественному, врожденному славянам чувству, вовсе не аристократическому, но чисто семейному, примеры которого постоянно у них являются, это уважение и влияние переходило, опять-таки само собой, без гласного утверждения, от отца к детям: славянин говорит себе: «кому быть ближе по достоинствам к отцу, как не детям?» – готов перенести на детей общественное значение отца; а между детьми он часто также, по тому же естественному чувству, предпочтет старшего прочим братьям, ни мало не признавая однако же, как германец, в знатности крови или в первородстве существенной стихии человеческого общества. – Весьма выразительно изображено появление князей у древних славян в рассказе первого чешского летописца, почерпнутом, очевидно, из народного предания: «Мало-помалу усиливалось в народе зло, – говорит Косма Пражский, описав водворение чехов в Богемии, – всяк должен был терпеть от других обиды все хуже и хуже, и не было судьи, ни князя, к кому бы обращаться с жалобами; потом без *чьего-либо требования или распоряжения, по собственному произволу* (sine exactore, sine sigillo, spontanea voluntate) стали стекаться к тому, кто в своем племени (можно перевести также: в своей общине) или роде (in sua tribu vel generatione) считался лучшим нравственными свойствами и почетнейшим по богатству, и при нем однако же, без ущерба своей свободе, разбирали спорные дела и нанесенные друг другу обиды. Между ними (т. е. чехами) был некий муж, Крок, по имени которого и назван, как известно, город (castrum, т. е. укрепление), теперь заросший лесом, в Стибенском округе (Краков близ Ракониц в Чехии); был он муж между своими современниками совершенней-

ший, мудрый в суждении тяжёб, и к нему, точно пчелы к улью, соби-
рался народ для суда, как от племен (или общин) в его собственной
родине, так и изо всей страны (*tam de propriis tribubus, quam ex totius
provinciae plebibus*). Он оставил по себе трех дочерей, одаренных
мудростью»²⁶⁹. И к этим до[73]черям, далее рассказывается Космой,
перешло значение отца. Как мы видим, пражский летописец ясно
сознавал это незаметное, почти и негласное образование княжеской
власти у мелких племен чешских, и два главных источника ее, муд-
рость и богатство; замечательно и то, что самого Крока, сделавше-
гося как бы общим главой чехов, он еще князем не называет; титул
княжеский выступает лишь при дочерях его: старшую Каси Косма
именует госпожой чехов (*domina*), меньшая, знаменитая Любуша,
является *княжной*, правительницей своего народа и у летописца, и
в народной песне, и она уже передает княжение своему супругу. –
Иногда, кажется, образованию княжеской власти способствовало
построение города, т. е. огороженного, укрепленного места, каким-
нибудь богатым, предприимчивым человеком: понятно, какое зна-
чение во всей окрестности «город» мог придать своему владельцу;
Косма Пражский, мы могли заметить, связывает с Кроком древний
«город» (*castrum*) Краков; Нестор говорит именно, что когда поляне
жили еще особо, родами, Кий с братьями построили у них город, и
род их стал княжить. Также и древние князья польские, предше-
ственники Пястов, соединены в предании с именем города; первые же
слова летописца Мартина Галла, кажется, выражают это: «был в
городе Гнезне князь именем Попел»²⁷⁰.

Между тем как настоящие, призванные народом государи, кото-
рым подчинялись племена славянские, уже сознавши свое народное
единство, каковы были Рюрик у руси, Семовит сын Пястов у поля-
ков, Сам и Премысл у чехов, новой своей властью быстро создавали
государства, эти старинные князья, которых было бесчисленное
множество²⁷¹, никак не могли сделаться основателями прочного
государственного строя; если и бывали попытки, то все неудачные:
оттого, очевидно, что они именно представляли и сосредоточивали
в себе племенную особенность, которая противилась государственно-
му единству и которую единство это должно было уничтожить.

²⁶⁹ Mauric. XI, 5. Τὰ ἐθνη τῶν Εκλάβων καὶ Αὐτῶν... ἐλύθηρα (εἰσι),
μηδαμῶς δουλοῦσθαι ἢ ἀρχεσθαι πειθόμενα... Ἦ Αναρχα καὶ μισαλλήλα ὄντα
οὐδὲ τὰξιν γινώσκουσιν. – Proc. I. c.

²⁷⁰ Mart. Gall. I, 1.

²⁷¹ Mauric. 1. c. πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν καὶ ἀσυμφόρως ἐχόντων πρὸς
ἀλλήλους.

Такие-то были князья у славян балтийских.

Когда велеты (иначе лютичи) выступают на поприще исторической деятельности, мы встречаем у них множество князей и знатных людей (*primores*), независимых и из разных родов. Трудно только решить, были ли то предводители отдельных племен, на которые велеты действительно делились, или владельцы тех многочисленных городов (т. е. укреплений), которыми славянское Поморье было усеяно. Во всяком случае, у некоторых из них с княжеским саном связывалось и владение городом, а также какая-то дружина²⁷².

[74] Все это не представляет еще в велетах ничего несообразного со старым племенным бытом славянским; только существование знати (*primores*) подле князей что-то ему не свойственно. Но затем являются в рассказах летописцев известия, которые прямо обличают влияние германских начал. Между князьями и знатными людьми у велетов, по словам Эйнгарда, один был главный по *знатности рода* и старости²⁷³; он был князь над князьями велетов²⁷⁴; когда он преклонился перед властью Карла Великого, то все прочие князья ему последовали, и франки признали его правителем всей страны Велетской²⁷⁵. Это уж очень похоже на быт германский; один старший князь *из знатнейшего рода*, под ним много мелких князей и знатных людей в зависимости, но не в подданстве⁽⁵³⁾.

Лет 30 спустя после похода Карла Великого на велетов рассказывается следующее происшествие, которое бросает свет на другую сторону их быта. У велетов (по-видимому, только у западной их части) княжил Любый с братьями: страна была между ними разделена, но, будучи старшим, Любый имел верховную власть. Он погиб, и осталось от него два сына Милогость и Целодраг. Народ поставил князем Милогостя, потому что он был старший брат; но потом, найдя его недостойным, свергнул и вручил власть второму сыну²⁷⁶. Мы видим здесь, с одной стороны, господство общины и деление княжеской власти между Любым и братьями, с другой –

²⁷² Einh. a. 789, Pertz. I, 75. Cum primum civitatem Dragawiti ventum est, – nam is ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe prominebat, – extemplo cum omnibus suis ad regem (Карлу В.) de civitate processit... fidem... promisit. Quem ceteri Sclavorum primores ac reguli omnes secuti; se regis ditioni subdiderunt.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Ann. Laureshamenses, a. 789; у Пептца I, 34. et venerunt reges terræ illius cum rege eorum Tragwito.

²⁷⁵ Ann. Nazar. a. 789; у Пептца I, 44.

²⁷⁶ Ein. a. 823, p. I, 210.

предпочтение старшего брата младшему, предпочтение естественное и свойственное, как было замечено, славянскому быту, но из которого у балтийских славян, под влиянием аристократических стихий, легко образовалось потом начало майората.

XLIII

Древнейший быт бодричей и стодорян

Таким образом, у велетов в древнейшее историческое время община властвует и ставит князей, князья многочисленны и мелки, по-видимому, владеют городами (т. е. укреплениями), есть знать, или по крайней мере знатные [75]роды, братья делятся областями, но признается старшинство, а иногда даже наследство переходит в целости к старшему брату. Устройство это было общее всем балтийским славянам при их появлении в истории. У поморян оно сохранилось до позднейших времен с большой определительностью, как будет вскоре подробно показано. У бодричей и стодорян мы его вначале также находим. Подобно велетам бодричи имели нескольких князей²⁷⁷; один из них был главный²⁷⁸, но когда думал об единовластии, то встречал неодолимое препятствие в других князьях и в народе²⁷⁹. Между князем и народом стояла знать, о которой летописцы говорят еще яснее, чем о той, которая была у велетов: часто упоминают они о *знатных людях* бодрицких²⁸⁰. Особенно важно следующее известие²⁸¹: к императору Людовику Благочестивому пришли некоторые знатные бодричи (по другому списку князья, *principes*) и стали возводить разные вины на своего князя Чедрага, отец которого постоянно служил Карлу Великому и который сам был сделан князем через франкское влияние; Людовик вытребовал его к своему двору и, удержав у себя, отправил послов к бодричам узнать, хочет ли у них народ, чтобы Чедраг продолжал княжить; послы, воротясь, доложили, что мнения бодрицкого народа на этот счет различны, но что *все лучшие и знатнейшие* люди единодушно желают Чедрага, и Чедраг был утвержден в княжении. Значит, также у бодричей княжеская власть зависела от общины (иначе к чему бы служило по-

²⁷⁷ Ein. a. 804, 808, P. I, 191, 195.

²⁷⁸ Ein. a. 804, I с. а. 809, P. I, 196.

²⁷⁹ Einh. a. 808, I, с.

²⁸⁰ Einh. a. 823, 826, P. I, 210, 211, 214.

²⁸¹ Einh. a. 826, P. I, 214.

сольство Людовиково?), но была и знать, единодушная в своих мнениях, в противоположность остальному народу и благоприятная князю, которого поставили немцы.

Наконец, при всей недостаточности сведений об их быте, мы знаем, что и у стодорян власть была раздроблена между многими князьями (в 939 г. было их тридцать, по словам летописца)²⁸², и что княжение было наследственное, но зависело от народного согласия. Случилось так, что эти 30 князей были все вместе вероломно избиты, и остался один бранденбургский князь, который, однако, властвовал только потому, что законный наследник, его дядя, находился в плену у немцев: когда тот воротился, то был тотчас признан народом за князя, а племянник отставлен²⁸³.

[76]

XLIV

Позднейший быт велетов (лутичей)

По всему видно, что у разных ветвей балтийских славян был вначале племенной быт более или менее одинаковый. Но потом, от того ли, что смешение стихий славянской и германской произошло не в равной мере и породило несходные отношения, или по иным причинам развилась между велетами (лутичами) и бодричами самая полная и резкая противоположность, которая и совпадала, замечательным образом, с их исконной, непримиримой враждой, известной западным народам еще при Карле Великом²⁸⁴.

Княжеская власть у лутичей была, как мы видели, самая дробная и слабая. Со временем она исчезла совершенно; когда именно и каким образом, неизвестно. В X веке у них уже не было князей, и властвовала одна община, как в старом семейном быте славянском: всем распоряжалась сходка, и не было другой общественной власти, кроме единогласного решения сходки. Никогда ни у одного славянского племени сходка и закон единогласия не имели такого значения, и никогда, может быть, во всей истории начало семейного быта не было с такой исключительностью приложено к общему устройству. Единогласие, которое требовалось на славянской сходке для решения, очевидно проистекало из быта семейного, будучи основано на любви, начале семейного союза, ибо оно предполагало, что все собрав-

²⁸² Widuk. II, 20.

²⁸³ Там же. II, 21.

²⁸⁴ Einh. Vita Karoli M. 12, P. II, 449. Ср. его же Ann. a. 789, P. I, 175.

шиеся на сходку любят друг друга и любят истину; что истина, будучи всегда одна, как только появится, найдет согласное признание, и что ни в ком не будет ни страсти, ни ненависти, могущих возбудить противоречие. Взгляд на человеческое общество простодушный и высокий; но какая возможность принимать его в обширном круге народа, вышедшего за пределы семейного быта и подверженного бесчисленным страстям самолюбия и корысти? А между тем у лютичей до позднейших времен все общественное устройство сосредотачивалось в сходке, и одно только единогласие собравшегося народа решало и постановляло во всяком деле: но зато какие злоупотребления, какие несообразности, чтобы восполнить начало добродушия и любви, которого не стало, как скоро исчезла первобытная простота!

Вот какими словами описывается в начале XI века это гражданское устройство лютичей:

«У всех тех (славянских племен), – говорит Титмар, – которые обыкновенно называются Лютичами, нет никакого особенного властителя. Общим советом рассуждая на сходке о своих нуждах, они решают дела единогласием. Если же кто из них на сходке противоречит решению, то бывает [77]бит батажьем (fustibus), а если и впоследствии (forinsecus) станет явно противиться, то либо от поджогов и беспрестанного разграбления лишится всего своего имущества, либо должен будет пред народом заплатить определенное количество денег, сообразно своему значению (или состоянию: pro qualitate suae). Сами будучи вероломны и изменчивы, от других они требуют постоянства и большой верности... К нарушению мира их склонить легко даже и деньгами»²⁸⁵.

Такова была буйная и нестройная община лютицкая в начале XI века и еще прежде, и такова она осталась до самого уничтожения этого народа, до исхода XII века. Она управляла у лютичей даже военными предприятиями. С отсутствием князя не могло быть у них и дружины, т. е. людей, посвящавших себя совершенно войне, и все их войско было не что иное, как народ, вооружившийся на время: как в продолжение мира, так на войне народ лютицкий решал все дела на общей сходке²⁸⁶. Замечательно, что во множестве исторических известий, даже довольно подробных, начиная с XI века ни разу не приводится имя предводителя или военного начальника у лютичей, словом сказать, не упоминается с этого времени ни о какой у них личности, тогда как средневековые летописи повторяют беспрестанно: «толпа вооруженных лютичей бросилась на такой-то город»; «лютичи пошли

²⁸⁵ Thietm. VI, 18.

²⁸⁶ Thietm. VII, 44; IV, 9.

туда-то войной»; «*лютичи* сделали то-то», и т. п.: как будто у лютичей в самом деле и на войне не было другой власти, кроме общины.

XLV

Общий сейм лютичей

Титмарово описание лютицкой общины относится, очевидно, к сходкам отдельных племен лютицких, которые, действительно, по своей дробности могли собираться и решать дела всем народом. Когда и где собирались эти мелкие сходки, об этом не сохранилось никакого сведения; но по известиям о других балтийских славянах можно заключить, что они происходили в положенные торговые дни и на местах, назначенных для рынка, под открытым небом. Кроме того, однако, было у лютичей, без сомнения, особенное собрание, на котором обсуждались дела всего Лютицкого союза; ибо как уже было сказано, четыре мелких племени – кичане, черезпеняне, доленчане и ратаре – составляли союз лютичей или велетов, а впоследствии к нему примкнули и другие ветви, укряне – на северо-западе, стодоряне – на юго-[78]востоке. Для всего этого народа общая сходка была уже невозможна, и образовался сейм, состоявший, вероятно, из выборных или владык, как их называли древние чехи. Он собирался в городе Радигоше, общей святыне лютицкой, и, без сомнения, поставлен был под покровительство божества, которому поклонялось здесь все славянское Поморье. Когда нужно было о каком-нибудь общественном деле доложить лютицкому народу, то шли в Радигош, созывали сейм, и сейм выслушивал и решал²⁸⁷.

Свое общинное устройство лютичи старались распространять и на своих соседей славян. У бодричей и вагров они помогали той стороне, которая противилась княжеской власти и которая, по выражению летописца, «с известным своим вероломством добивалась свободы по лютицкому обычаю»²⁸⁸. Стодорян им действительно и

²⁸⁷ Helm. I, 16. (Mistiwoi)... transivit in civitatem Rethre (т. е. Радигош см. § LXXVII) quæ est in terra Lutitiorum, convocatisque omnibus Slavis, qui ad orientem habitant, intimavit eis illatam sibi contumeliam... At illi, merito hæc, inquit, pateris... Iura ergo nobis, quod deseras eos (Saxones), et stabimus tecum. Iuravitque eis.

²⁸⁸ Thietm. VIII, 4. cultus idolorum erigitur et mens populi istius qui Abotriti et Wari vocantur... ad hæc induratur. Libertatem sibi more Luticio nota fraude vendicabant.

удалось привлечь к себе: в конце X века они помогли им освободить Сгорелец (Бранденбург) и свою землю от немецкой власти, и с тех пор стодоряне уже не имели, как прежде, князей, управлялись общиной и совершенно слились с лютичами.

XLVI

Искаженный характер общинного правления у лютичей и причины его господства

Что могло быть в лютицком общинном правлении источником его невероятного упорства, его удивительной власти над народом? Как могло оно при всем своем губительном действии, при страшных кровопролитиях, которые оно так часто порождало, при разъединении, через которое предавало народ славянский в руки завоевателей, удержаться у лютичей целые столетия и укорениться так сильно, что это племя погибло, а со своим правлением не рассталось?

Хотя и основанная на древних славянских началах лютицкая община не была, однако, чистым и беспримесным их порождением: мы знаем, что она произошла не прямо из того быта, в котором все славяне жили в доисторическую эпоху, а напротив, образовалась только в позднейшее время, заменив собой власть старых племенных князей. Власть эта, посред[79]ствующая ступень между простым господством общины и государством, в правильном развитии, — и так было в других славянских землях, — уступала место более обширной и сознательной власти государей, представителей народного единства; а вместо того лютичи возвратились от нее опять к простой общине. Явно, что в образовании общинного правления лютичей было что-то неестественное: оно имело в полном смысле характер *противодействия* прежнему порядку вещей и явилось, несомненно, вследствие какого-то глубокого преобразования, которым, если не вдруг, то мало-помалу уничтожена была власть княжеская и возвышено другое начало, и начало это, видно, было крепкое, что оно столько времени властвовало над лютицким народом, и упорное до неподвижности, что оно противилось у него всякому развитию, всякому нововведению.

Какое же было это начало, под влиянием которого совершился такой переход в лютицком быту, и кому этот переход принес пользу? Современные писатели не говорят о том ни слова, но дело объяснится нам, если мы перенесемся мыслью во времена гораздо позднейшие, к народу, имевшему с лютичами ближайшее родство. И в Польше

властвовала в последние века ее существования, также упорно и кроваво, община со своим славянским единогласием, со своим знаменитым *liberum veto*. Начала ее были также древние славянские; но по своему смыслу община там оказывалась учреждением чисто аристократическим, орудием своекорыстной шляхты, которая ради того, чтобы властвовать, а не повиноваться правильной власти, погубила государство великое и славное. Так и у лютичей, нет сомнения, что исключительное господство общины было делом знати, уничтожившей прежних князей из опасения единовластия и боявшейся всего, что угрожало ее значению. В одном замечательном событии это выказывается весьма ясно. Было уже сказано о вражде балтийских славян к немцам; вражда эта в лютичах как бы воплотилась и достигла невероятного озлобления²⁸⁹; но однажды лютичи ее отложили и стали ревностно помогать немецкой политике и немецким войскам, именно, когда стало приближаться к ним владычество польских князей. Разумеется, лютичам единственное спасение от Германии было соединиться с поляками в одно государство; но для того нужно было отказаться от племенной особности и всяких личных интересов, с нею связанных, и рассчитав все это, лютичи заблагорассудили помогать немцам против польского князя Болеслава. Но тут случились разные знамения, которые, по языческим суевериям, пророчили беду; многие стали говорить, что не следует служить немцу, и лютичи собрались было совсем отказаться от союза, но «потом на общей сходке были, – так выражается летописец, – уговорены *первенствующими между ними людьми* не отставать от немцев»²⁹⁰. [80] Явно влияние знати, которая именно противилась польскому князю, потому что от него могла прийти к лютичам государственная власть и единство, и которая из страха и зависти готова была предать свой народ врагам.

Случается часто, что какое-нибудь учреждение, подвергаясь чужим влияниям, до того изменяется в своем существе и искажается, что получает смысл совершенно противоположный первоначальному. Такова стала община в племени ляхском: у поляков на их сеймах, у лютичей на их сходках. Ненавидя немцев, они от немцев переняли и внесли в славянскую общину сущность их быта, аристократию: и аристократия, которая на германской почве породила много величия и добра, пересаженная на славянскую, повлекла за собой застой и падение.

²⁸⁹ Thietm. IV, 9.

²⁹⁰ Thietm. VII, 44. Liutici... cum juxta civitatem Mildam... transire voluissent, deam... perdidere. Tam malo omine residui domum venientes, a servicio Cesaris malorum instinctu se abalienare nituntur, sed habito post communi suimet placito, a prioribus suis convertuntur.

XLVII

Позднейший быт бодричей

Итак, у лютичей князья исчезли, и правила община, а в ней властвовала знать. Напротив, у бодричей с течением времени исчезла община, и направление сосредоточилось в руках князей, но при князьях этих опять-таки господствовала аристократия.

Мы расскажем впоследствии, как бодричи в VIII веке уже завели дружбу с немцами и как они постоянно вращались в кругу немецкой политики. Князья их еще при Карле Великом стали опираться на Германию для усиления своей власти, и такой образ действия, к которому, кажется, вело отчасти и соперничество с лютичами, заклятыми врагами немцев, продолжался до конечной гибели бодрицкого племени. Под влиянием этим, без сомнения, и вывелся обычай созывать народ для общественных дел; по крайней мере, с 828 года, когда император Людовик спрашивал у бодричей, кого они хотят князем, ни разу уже не является у них община (а надобно сказать, что о бодричах в летописях известия самые многочисленные и подробные). Зато государь получил у них гораздо большее значение, чем в других краях славянского Поморья, и хотя народ называл его просто *князем*, что значило только «господин»²⁹¹, однако власть этого князя сравнивалась нем[81]цами с властью королевской²⁹². Ему кланялись в ноги²⁹³; у него была дружина²⁹⁴, которая служила ему лично: так, рассказывается (около 1010 г.), что князь бодрицкий Местивой, чтобы заслужить руку одной знатной немки, с 1000 вооруженных всадников отправился в Италию на помощь германскому императору²⁹⁵. Но, принимая за образец немецкие учреждения и опираясь на покровительство Германии, бодрицкие князья никогда не могли достигнуть полной государственной власти, которой, впрочем, и в самой Германии тогда не было. С уничтожением общины и усилением дружинного начала немецкое влияние соединяло непременно развитие аристократии: ибо аристократия была в то время в Германии сильнее самих королей и императоров. У бодричей также были свои знатные рода, которые даже у немцев

²⁹¹ Anonymi hist. S. Canutí, у Лангебека, IV, 241. Nec Slavi me regem appellant sed usuali vocabulo Chnesæ, id est dominum seu herum, vocant.

²⁹² Helm. I, 36.

²⁹³ Там же. I, 38.

²⁹⁴ Там же. I, 19, 25, 26.

²⁹⁵ Там же. I, 16.

признавались благородными, при всем презрении немцев к славянам: «Саксы называют славян собаками», – сказано у Гельмольда²⁹⁶; но вот что мы читаем в Титмаровой летописи: «в 954 г. назначен архиепископом Магдебургским Вильгельм, рожденный *хотя* от пленницы *и славянки, но благородной*, и короля Оттона»²⁹⁷.

Знать бодрицкая окружала князя и сопровождала его, когда он ездил на свидание с епископом для обсуждения общественных дел²⁹⁸. При подобном свидании однажды было совершенно преобразовано все устройство церковных сборов у бодричей: взнос податей духовенству был отменен, а вместо того князь дал епископу в каждом округе земли Бодрицкой деревни с обширными поместьями, предоставив ему и выбор их²⁹⁹. В таком важном деле, как передача немецкому духовенству множества деревень бодрицких, не видно никакого участия общины; но нет сомнения, что князь постановил эту передачу с неперменного совета и согласия знатных людей, о которых именно говорится, что они тогда сопровождали его на совещание с епископом.

Знать эта, разумеется, была по своему существу враждебна государственной власти. Всякая попытка основать у бодричей крепкое государственное единство кончалось неудачей, и хотя летописцы не означают тому причины, но причина была очевидно та же, что везде на славянском Поморье: упорство народа, которого чужие начала сделали неспособным к внутреннему развитию, и влияние знати, которая поддерживала это упорство для своей выгоды. Явился однажды у бодричей человек с великим умом, с крепкой волей, с глубоким [82] пониманием христианства и своего народа, да с твердым решением создать государство самостоятельное и сильное, и он его создал. Но приверженцы старины сговорились, убили Годескалка Прибыславича и, убив его, взбунтовали народ; князем не был поставлен законный наследник, и не было также сделано выбора общим советом, а заговорщики просто провозгласили тотчас же князем иностранца, который им полюбился (ранина Крука)³⁰⁰, и народ его признал беспрекословно. По этому видно, в какой мере развились у бодричей под непрерывным, вековым влиянием германской жизни стихии враждебные государственному единству и строю, и до какой степени в них изгладилась память о древней славянской общине.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Thietm. II, 22.

²⁹⁸ Helm. I, 14.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Helm. I, 25 ii qui (Godescalculum)... interfecerant, concitaverunt tumultum in populo... Statimque conspirata manu statuerunt Cruconem in principatum.

XLVIII

Быт поморян (в начале XII в.). – Княжеская власть

Таким образом, древний племенной быт балтийских славян, где князь был только главой отдельного племени, а не властелином целого народа и государства, где община решала дела на сходке, и где между князем и общиной стояла знать, – этот племенной быт у передовых ветвей славянских с течением времени раздвоился и испытал глубокое изменение: у лютичей княжеская власть исчезла, а у бодричей заглушено было начало общинное; лютичами правила община, бодричами князь, а знать удержалась и при общине, и при князьях. Старинный же быт во всей целости, с его коренными славянскими стихиями и германским наплывом, вполне развился и определился только вдали от тревоги и насилия пограничных стран, на Поморье и на острове Ране. Ране, которых исторические события связывали с лютичами, в отношении к быту являли совершенное сходство с поморянами.

Земля Поморская была относительно весьма обширна, простираясь на восток до Вислы, на запад за Одру, на юг до Нотечи. Она одна почти равнялась всем остальным областям балтийских славян, вместе взятым. Было где образоваться государству довольно значительному, а между тем государства не образовалось; деления на мелкие ветви, как у других славян, не было также, напротив, все Поморье составляло одно целое и признавало одного князя; но князь этот не был государь, а тот бессильный племенной глава, какого мы находим у всех славян до начала государственной жизни, какой был в старину и у лютичей, и у бодричей, и у всех других славян. И здесь-то, на [83]Поморье, при большей определенности отношений и большем обилии исторических известий, значение его выдается вполне. Поморский князь, можно сказать, не правил своим народом и не имел подданных; он просто княжил, т. е. признавался общим главой поморян, и имел свою дружину, как мог ее иметь всякий знатный поморянин, если позволяли средства³⁰¹. У князя был, кажется, свой город (т. е. крепость), Белград на Персанте³⁰², и, может быть, также свои поместья³⁰³; прочие же города и укрепления и округа их управлялись от него совершенно независимо: не только во внутренний распорядок, даже в самые важные, общие дела он не вмешивался. Го-

³⁰¹ Sefr. 84.

³⁰² Mart. Gall. II, 22. ad urbem *regiam*... Albam nomine.

³⁰³ Sefr. 83.

рода сами вели войну и сносились с чужими странами. Когда напал неприятель, то не князь распоряжался защитой, а каждый город, каждое укрепление заботилось о себе³⁰⁴; но особенно замечательны в начале XII века отношения главного города поморского Шетина к князю Вратиславу, который, однако, как человек, вовсе не был слаб, ни бездействен: город и князь находились в совершенном разладе; и летописец говорит, что это так было издавна³⁰⁵, а между тем все обходилось тихо и мирно, и мы не видим никакого насильственного поступка ни с той, ни с другой стороны. С польским государем щетинцы сносились и переписывались мимо Вратислава, который при всем том жил в постоянной дружбе с Польшей. Князя польского они боялись, а своего собственного нимало: при появлении христианской проповеди они вдруг решили креститься, приняв в расчет единственно угрозы и требования Болеслава Польского, а на долговременное настояние и на личный пример князя земли своей не обращали внимания³⁰⁶. Потом Шетин и другие города поморские поссорились с Польшей, и польский князь даже грозил им войной, оставаясь все-таки в хороших отношениях с Вратиславом³⁰⁷. Такова была независимость поморских городов от княжеской власти. А между тем эта власть признавалась, и никто ее не оспаривал. Внешним знаком ее был двор княжий, находившийся в каждом городе по всей стране. На этом дворе стоял дом для князя и разные строения, так что с князем могла поместиться и дружина, которая всюду его сопровождала. Двор княжий был местом священным; кто на него ступил, становился неприкосновенным; какое бы ни совершил он преступление, пока он там был, не смели его тронуть без предварительного соизволения князя. Закон этот существовал исстари³⁰⁸. [84] Таким образом, власть князя, хотя и бессильная, была везде освящена древним законом и, без сомнения, поставлена была под покровительство божества. В Шетине княжий двор стоял на холме бога Триглава³⁰⁹.

Притом все Поморье платило князю подать. Каждая деревня вносила ему известную плату за землю; кроме того взималась подать с рынков и корчем и с соловарен, бралась пошлина с перевозимых товаров, и народ был обязан к некоторым общественным работам,

³⁰⁴ См.: Sax. (lib. XIV, XV) и Mart. Gall. в повествовании о войнах поморян с датчанами и поляками.

³⁰⁵ Ebbo. 101. discordia inter (Stetinenses) et ducem inveterata.

³⁰⁶ Sefr. 94.

³⁰⁷ Sefr. 145.

³⁰⁸ S. Cruc. II, 5. Sefr. 87, 90. Ebbo 93.

³⁰⁹ Ebbo. 93.

коиими распоряжался князь, например к строению укреплений, положению дорог и т. п. Наконец, в распоряжении князя находились пустопорожные земли³¹⁰. Доходы свои князь получал, без сомнения, на общественные издержки, на дружину, на содержание системы укреплений для защиты страны и т. д.; но понятие государства так мало сознавалось поморянами, что легко стало князю, в последующее за введением христианства время, когда разрушились все старые славянские учреждения, распоряжаться и доходами, и самими деревнями, которые их платили, как личной собственностью, и даже отчуждать их. Этот глубокий переворот в общественном устройстве Поморья будет обстоятельно описан в свое время и тогда же будут рассмотрены подати и пошлины поморские. Здесь же достаточно привести отрывок из одной грамоты 1159 г.³¹¹, где исчисляются доходы, назначенные монастырю в Гробне, этот отрывок даст некоторое понятие о том, какого рода доходы были у князя поморского: ибо доходы гробненского монастыря были княжеские, отчужденные вследствие упомянутого обстоятельства. «Имения, которые господин Ратибор (князь Поморский) с благочестивою супругою своею Прибыславою дали церкви св. Марии и св. Годегарда в Гробне... суть следующие: в области Ванцлавской самая деревня Гробно с принадлежностями и корчмою, и в середине той области рынок и корчма; также сбор с судов, которые проходят у крепости Узноима. В области Щитненской две деревни, Роховицы и Корино и третья часть деревни Славоборицы, и в этой же области рынок и корчма. У крепости Щетина на Одре одна деревня Челехова, и при крепости Выдухове, лежащей на Одре же, третья часть сбора со всех судов, тут проходящих, и рыбная ловля в реке Текменице и половина ловли в потоке Крепенице, что принадлежит к деревне Дамбьягоре. В области Сливинской, которая принадлежит к крепости Камену, одна деревня у моря Пустихова. В Коленбрге сбор соли с (соловаренных) сковород за воскресные дни и у означенной крепости (Колобрега) корчма, а также в Колобрежской области две деревни, Поблоте и Свелюбе, и сбор на мосту, а именно: с каждой телеги, проезжающей через оный, два гроша польской монеты и один хлеб, и с каждого человека, варящего [85] там соль и переходящего через тот мост, грош³¹², и у того моста корчма, а равно

³¹⁰ Подробное исследование об этих отношениях будет предложено впоследствии.

³¹¹ Cod. Pomer. № 24, стр. 55.

³¹² denarius cromatorum: точного значения этого выражения не умеем объяснить.

такой же сбор на другом мосту на р. Радове и половина пошлины с дерева, сплавляемого по р. Персанте. Также в крепости Белграде одна корчма и третий грош сбора с телег, там проезжающих».

Стало быть, в общем выводе поморский князь не имел значения и власти настоящего государя, он не управлял страной и богатыми городами поморскими; но он почитался священным главой всего поморского племени и распоряжался общественными доходами довольно значительными. При отсутствии у поморян, как у всех балтийских славян, внутреннего сознания народного единства лицо князя составляло для них внешнюю связь: в каждом своем городе поморянин видел священный двор, принадлежавший одному человеку, и в наружном образе явилось ему единство его земли⁽⁵⁴⁾.

XLIX

Княжеская власть у ран

От поморян и других соплеменников своих ране отличались преобладанием религиозной стихии во всем общественном строе: все их учреждения основывались на поклонении божествам и вся мысль, вся воля народа была в руках жреца. Сам князь ранский получил религиозное значение и, осененный покровительством богов, возвысился над всеми прочими князьями балтийскими. Он, может быть, даже и не назывался князем, а носил высший титул. «Ране одни между славянами имеют царя», – говорит летописец Гельмольд и несколько раз³¹³ обращает на это внимание своих читателей. Мы переводим латинское слово *rex* словом *царь*, потому что настоящий титул ранского властителя неизвестен, а название *король* соединено с представлением о государях западных, германо-романских, которое вовсе не сообразно с характером ранского быта. Однако же тот самый летописец беспрестанно упоминает о князьях у балтийских славян и часто даже величает могущественных бодричских князей тем же титулом *rex*. Стало быть, говоря, что у ран одних между балтийскими славянами есть царь (*гех*), он очевидно имел в виду какое-то особенное значение их государя. И действительно, как ранский Святovit по всему славянскому Поморью главным божеством, ранский храм в Арконе – первым храмом и сами ране – старшим племенем, так и царь их пользовался у балтийских славян особенным [86]уважением. Вот любопытное свидетельство Саксона

³¹³ I, 2, 35; II, 12.

Грамматика³¹⁴. При нападении датского войска, которому помогали ране, на поморскую область Острожну (Wusterhusen) «двое славян бросились в лодку и искали спасения от неприятеля; за ними пустился в погоню Яромир, государь (Саксон в этом месте называет его князем) ранский и пронзил одного из них копьем; другой обернулся и хотел отомстить за товарища; но увидав, что подымает руку на Ранского царя, благоговейно отбросил копье в сторону и пал ниц. Столь велико, – прибавляет Саксон, – уважение этого народа к людям, облеченным высоким саном».

Такого необычайного уважения балтийские славяне вообще не имели и к своим собственным князьям, не говоря уже о чужих и враждебных им. Очевидно, поэтому, что именно ранский князь, о котором и рассказывается это происшествие, возбуждал в славянском народе такое благоговение, – благоговение религиозное и потому независимое от всяких временных отношений, от политического разрыва и войны.

Но религиозному уважению не соответствовала вещественная власть. Царь ранский находился в том же положении, в каком и князь поморский, может быть в еще менее выгодном. С одной стороны, он вполне зависел от жреца, который объявлял волю богов: царь был только исполнителем этой воли³¹⁵, и даже на войне вел войско, куда жрец, погадав, приказывал³¹⁶. Самые важные политические сношения возлагались даже прямо на жреца, а не на царя³¹⁷. А с другой стороны, власть царя была точно так же, как на Поморье, ограничена общиной: войну и мир, союз и разрыв решала община³¹⁸, и царь лишь исполнял приговор ее⁽⁵⁵⁾.

L

Сословие знатных людей на Поморье и на о. Ране

Община обсуждала и решала общественные дела на Поморье и Ране, но не так просто, как бывало в древнейшее время у всех славян и впоследствии еще у лютичей, не на одной только безразличной сходке народа. У славян поморских и ранских народ резко делился

³¹⁴ Sax. 927.

³¹⁵ Helm. II, 12.

³¹⁶ Там же. I, 36.

³¹⁷ Там же. I, 37.

³¹⁸ Sax. 796.

на два сословия, на знать и на простых людей. Аристократическая стихия, которая, мы видели, [87]вкралась издавна в быт балтийских славян и не перевелась даже у буйных лютичей, а у бодричей упорствовала против самых сильных князей, — здесь достигла полного определения. Все современные свидетельства исторических сказаний и грамот ярко обозначают раздвоение народа на Поморье и Ране: «знатные люди и народ ранский»³¹⁹, «знать ранская»³²⁰, «все первенствующие в ранской знати»³²¹, «знать и народ щетинский»³²², «знать и народ волынский»³²³, «знать и народ в Пырице» (поморском укреплении)³²⁴ — такие выражения встречаются в них беспрестанно.

Знатность рода чрезвычайно уважалась на Поморье и Ране³²⁵, и влияние знатных людей было совершенно независимо от всяких отношений к князю ли, или к народу. Знать была там сословие самостоятельное, а не служебное, аристократия, а не дружина. Князь не имел над ней прямой власти, не только в городах, но даже в укреплениях, которые гораздо более от него зависели³²⁶. Князь не мог приказывать знатым людям страны своей, а посылал им лишь предложения с поклоном от своего имени³²⁷, и те, обсудив княжеское слово, принимали оное, или отвергали³²⁸. Оттого-то строго отличается в современных памятниках самостоятельное сословие знатных людей (*barones, primates, principes, nobiles*) от тех лиц (также принадлежавших к знатым родам), которые поступали к князю на службу и получали от него начальство над укреплением и округом, к укреплению приписанным, или над частью войска (первых называли *жупанами*, по-латыни — *castellani, praefecti*, последних — *capitanei*)³²⁹: они становились, разумеется, слугами княжескими и исполняли княжеские повеления⁽⁵⁶⁾.

Во всякой крепости, во всяком торговом городе поморском были люди, принадлежавшие к знатному сословию. Их кажется было весь-

³¹⁹ Cod. Pomer. N 27.

³²⁰ Helm. II, 13.

³²¹ Sax. 839.

³²² Sefr. 102.

³²³ Sefr. 92.

³²⁴ Sefr. 63.

³²⁵ Sax. 774; Ebbo 51.

³²⁶ Sefr. 63.

³²⁷ Sefr. 61... salutatis majoribus (castri Pirissae) nomine ducis.

³²⁸ Sefr. 63.

³²⁹ Об этих служилых людях поморских будет говорено подробно в другом месте.

ма много: так, в одной грамоте 1175 года исчисляются свидетелями: «Держко, Будовой, Ярогнев, Мунк, Бодец, Радослав, Спол и *прочие знатные люди* крепости Дымина»³³⁰. На одном острове Ране, по грамотам, писанным до 1260 года, можно определить около 37 знатных родов³³¹: так как число дошедших до нас [88]древних ранских грамот невелико, то, конечно, это число гораздо меньше истинного.

Как в Германии, так и на Поморье и Ране были между знатью некоторые первенствующие лица: такими является в конце XI века Мажко на Ране³³², в начале XII Домослав и Вичак (или Вирчак) в Щетине³³³, Недамир в Волине³³⁴, Моислав в Госткове³³⁵ и др. Значение они имели великое: иностранцы иногда называют их князьями этих городов и говорят о каждом из них, что он первенствовал между своими согражданами знатностью рода, богатством, всеобщим уважением и т. п.³³⁶, но о какой-либо особенной власти, порученной от князя ли от народа, нигде не сказано ни слова: то были, надобно повторить, люди, имевшие вес сами по себе, по своей знатности, а отнюдь не по службе.

Родовые отношения поморской и ранской знати были не совсем славянские, а скорее германские. Знатный род имел своего главу и представителя точно так, как в Германии⁽⁵⁷⁾: часто огромное число родичей, разумеется уже и в дальних степенях родства, признавали общего главу. Вот какими словами древний свидетель описывает положение такого поморянина, главы знатного рода. «Некто Домослав, первенствовавший между жителями Щетина качествами тела и души и множеством богатства, а равно знатностью рода, пользовался от всех такою честью и таким уважением, что и сам князь поморский Вратислав без его совета и согласия ничего не делал, и от его слова зависели как общественные, так и частные дела. Ибо Щетин, сей отличный город, который, заключая в своей окружности три холма, первенствует между всеми городами Поморья, был наполнен его родственниками, рабами и друзьями. А также в других окрестных странах было у него такое множество родни, что не легко бы стало кому-либо ему противиться... Он решился принять христианскую веру, и тотчас весь его дом с челядью (*omnis familia ejus*) радостно оросились купелью возродения, а именно душ слишком

³³⁰ Cod. Pomer. N 41.

³³¹ Это исчисление сделал Фабрициус (Urkunden) и пр. II, 99.

³³² Sax. 774.

³³³ Ebbo. 51, 92. Sefr. 156.

³³⁴ Ebbo. 50.

³³⁵ Sefr. 139.

³³⁶ Sax. 774; Ebbo 51; Sefr. 139.

пятьсот. Равно же и ближние его и друзья, побужденные его примером, приняли веру Христову»³³⁷.

Такой человек, как Домослав, могущественный глава огромного рода был бы совершенно у места в средневековой Германии или в другой аристократической земле; быт чисто славянский не допускал ничего подобного. Видно, аристократическое начало, внесенное у поморян в славянский быт выказывалось тотчас же и внутри самих знатных родов, и совершенно естественно: ибо это начало, основанное на предпочтении одного рода другому, ло[89]гическим ходом вело и к предпочтению в роде одного члена другим, по старшинству. Множество примеров такого предпочтения представляют старые поморские грамоты; часто читаем мы в них подобного рода слова: «свидетели... Гостислав жупан (castellanus) узноимский, Держко жупан дыминский и Будовой родственник его»³³⁸; «свидетель: Мироград и братья его Моник и Котомир»³³⁹; «свидетель: господин Гремислав Гнезота и Мартин брат его»³⁴⁰; «свидетели (в ранской грамоте)... Повет и братья его»³⁴¹; «свидетели... сыновья Доброгостя Николай, Викентий, Томислав и Доброгост родственник их»³⁴² (без сомнения, из младшей линии); и т. п. Ясно в этих выражениях аристократическое преимущество одного члена или одной линии знатного рода перед другими братьями или родственниками. При таких началах нетрудно стало знати на Поморье и Ране потом совершенно отбросить все стихии славянской жизни и поддаться полному господству германского быта, майорату, феодальному праву и проч.; мы увидим впоследствии, когда дойдем в нашем рассказе до введения христианства в этих странах, как легко это совершилось, при первом их знакомстве с Германией.

II

Общественное значение и преимущества поморской знати

Признаваемая самостоятельным сословием знать поморская пользовалась большими преимуществами. Знатный человек имел свою дружину, часто даже многочисленную. «Не далеко от города Каме-

³³⁷ Ebbo. 51.

³³⁸ Cod. Pomer. № 26.

³³⁹ Там же. 36.

³⁴⁰ Там же. 46.

³⁴¹ Там же. 71.

³⁴² Там же. 75.

на, – рассказывается в жизнеописании св. Оттона (нач. XII в.), – жила в деревне вдова, богатая и знатная чрезвычайно. У нее была многочисленная челядь, и была она женщина с большим влиянием и весом⁽⁵⁸⁾, с твердостью управлявшая домом своим, и, что в той стране почиталось чем-то великим, муж ее, пока был жив, содержал у себя тридцать коней со всадниками, как дружину (*in usum satellitii sui triginta equos cum ascensoribus suis habere consueverat*). Ибо там силе и могуществу знатных людей и военачальников (*capitaneorum*) мерилом принимается число коней. Силен, говорят, и богат, и могуществен тот, кто может содержать столько-то и столько-то коней, и таким образом, услышав число коней, знают о числе дружинников (*militum*), потому что на Поморье дружинник [90] не имеет никогда более одного коня. А в этой стране лошади велики и крепки, и всадник идет на войну без оруженосца (щитоносца, *scutifer*), неся сам весьма ловко свой плащ (*manticam*) и щит, и неумоимо исполняет, таким образом, всю военную службу. Лишь знатные люди (*principes*) и военачальники (*capitanei*) имеют одного, много двух спутников (*clientes*), и тем довольствуются»³⁴³. Под именем спутников (*clientes*) историк очевидно разумеет оруженосцев, которых в Германии имел каждый воин, даже дружинник, а у славян поморских, как видим, только знатнейшие; этих личных слуг он отличает от дружины, которая могла быть многочисленна, доходя иногда до тридцати человек, и эта-то дружина, как явствует из приведенного свидетельства, составляла для знатного поморянина почет и силу, была мерилом его могущества. И только человек, принадлежавший к знати, мог на Поморье иметь дружину: это следует, несомненно, из слов, уже написанных: «там силе и могуществу *знатных людей и военачальников* (*nobilium et capitaneorum*) мерилом принимается» и проч.

Высокое место занимала знать поморская в гражданском строе земли своей. Знаком того было почетное преимущество, связанное с богослужебными обрядами. В большом щетинском храме хранились золотые и серебряные кубки и сосуды, которые в праздники выносились из святилища, и из них тогда, говорит современный писатель, «делали гадательные возлияния (*augurari*), ели и пили знатные и могущественные люди страны»³⁴⁴. Знать составляла бессменное совещательное собрание, как при князе, так и при народной сходке. Князь поморский, как мы видели, не имел власти решать общественные дела, особенно в древнее время, до введения христианства. Но и те меры, которые постановлялись князем, за исклю-

³⁴³ Sefr. 84.

³⁴⁴ Sefr. 105.

чением распоряжения общественными доходами, сделавшимися в эпоху христианства, как было сказано, личной собственностью князя, принимались им только с совета и согласия знатных людей. Вот что говорит одна бамберская грамота 1189 года³⁴⁵: «Господин Марквард, преподобный священник, посетил Славянскую землю, именуюмую Поморьем... и склонил князя той земли, господина Богослава, и епископа господина Конрада, и преемника его, господина Сифрида, на то, чтобы князя этой земли в общем собрании и сейме, с согласия всех почти знатных людей (*baronum*) и общим приговором жупанов своих (*suppanorum suorum universali decreto*), повелели с каждой корчмы той страны вносить ежегодно известное количество воску св. Оттону епископу, коего мощи почивают в нашей (Бамбергской) церкви». Стало быть, такого рода меру, в принятии которой народ не участвовал, предлагал князь, знать ее обсуждала и одобряла, и жупаны, начальники областей, назначавшиеся князем, составляли о ней при[91]говор или указ. С другой стороны, знать поморская являлась совещательным собранием при народной общине и в совокупности с народом правила общественными делами. И знать, и народная сходка имела каждая свое определенное значение и свои права: связь их в гражданском устройстве была крепкая, обоюдная. Обсуждение дела принадлежало преимущественно знати, окончательное решение – народу, так что при всем могуществе и почете знатного сословия главная, последняя власть была все-таки у народной общины: ибо начало общественное лежало в основании древнего быта поморян и стало исчезать у них только после принятия из Германии христианской веры вместе с славянской народностью.

ЛП

Совещательное собрание и сходка у поморян

Общественное устройство на Поморье было, как сказано, вполне определенное. По всему Поморью, по всем городам и укреплениям установлены были в известные дни народные сходки, в положенное время собирались также совещательные собрания знати. У щетинцев было четыре общественных здания, называвшихся *континами* (т. е. *кутинами*, от *кут*, польск. *kąt*, уголь, русск. *кут*; сравни церк. слав. *кжита*, серб. *кутя* дом); одна, главная, удивительно разукра-

³⁴⁵ Cod. Pomer. 64.

шенная, была храмом бога Триглава; прочие три не имели богослужебного значения и были попроще: внутри были только поставлены кругом скамьи, и стояли столы, «потому что здесь, – говорит очевидец³⁴⁶, – бывали их совещания и собрания, и сюда они приходили пить ли или серьезно толковать о своих делах в положенные дни и часы»^[9]. Народная же сходка собиралась в торговые дни, на рыночной площади города³⁴⁷. В Щетине посреди площади стоял деревянный помост со ступенями³⁴⁸, высокий, к низу шире, кверху уже, с которого старшины³⁴⁹ и глашатаи говорили перед народом. Торг и [92]затем сходка бывали там в неделю два раза³⁵⁰: один из этих дней совпадал с воскресеньем³⁵¹. Тогда собирался в Щетине народ из всех окрестных деревень и, кончив торг, оставался на площади, толкуя о чем приходилось³⁵². Было совершенное равенство народа сельского с горожанами, и, как бы в знак этого равенства, каждый поморянин приходил на сходку с копьем в руке³⁵³ (известно, что у немцев только знатные имели право носить оружие). Такая сходка производилась не только в больших торговых городах, но даже в укреплениях, где постоянных жителей в обыкновенное время было весьма мало, и сюда собирался также народ из околотка³⁵⁴. Подъезжая к одному из поморских укреплений, Дымину, епископ Оттон встретил перед воротами народную сходку³⁵⁵.

На сходке решались все местные общественные дела. Могло случиться, что она прямо, своей властью, постановляла о каком-нибудь деле, даже самом важном, не дожидаясь, чтобы знать, по обыкновению, предварительно его обсудила. Так, в Щетине вскоре

³⁴⁶ Sefr. 106.

³⁴⁷ Sefr. 159. – Ср.: Ebbo 65, Andr. 173 «conventus forenses»: *forum* в средние века принималось в смысле рынка, торгового, а не в частном значении Римского форума.

³⁴⁸ Sefr. 160. Erant ibi gradus lignei, de quibus præcones et magistratus ad populum concionari solebant. – Ebbo 90. Erant autem illic pyramides magnae et in altum more paganico muratae.

³⁴⁹ Значение этих старшин, к которым жизнеописатель Оттона не совсем верно приложил название magistratus (чиновников в собственном смысле у поморян не было), тотчас определится: то были знатные люди и выборные от народа старцы.

³⁵⁰ Sefr. 94.

³⁵¹ Sefr. 159.

³⁵² Sefr. 94.

³⁵³ Sefr. 161. S. Cruc. III, 10.

³⁵⁴ Sefr. 63.

³⁵⁵ Ebbo. 74. Andr. 173.

после введения христианства открылся мор, и щетинский народ (plebs) спросил у прежних жрецов своих, какая тому причина; те, разумеется, отвечали, что разгневанные боги наслали беду за отречение от язычества. «По этому слову, – продолжает современный писатель³⁵⁶, – тотчас собираются на площади сходки, при первом призыве, и общим решением восстанавливается нечестивый обряд языческих жертв». Но этот случай был, сколько нам известно, единственным примером такого самовластия народной сходки на Поморье, и он имеет уже вид возмущения. Обыкновенно же сходка решала дело, предварительно рассмотренное в совещательном собрании.

Совещательное собрание у поморян состояло из знатных людей и из старших летами. Так, они всегда именуются вместе в современных сказаниях: *principes et natu majores*³⁵⁷. Знать и старики собирались в определенные дни: по смыслу всех древних свидетельств о поморских учреждениях несомненно, что люди, сходявшиеся на совете в щетинские *кутины*, были именно знать и старики³⁵⁸; когда являлся чрезвычайный случай, то они, знать и ста[93]рики, созывались для совета; нужно ли было обсудить общее дело всей страны Поморской, князь приглашал на сейм тех же знатных людей и стариков. Знать участвовала во всех этих собраниях сама по себе, как особое сословие: старики же были, без сомнения, представители народа, выборные.

Иначе их значение было бы непонятно; а участие старцев на сеймах и совещаниях, как представителей народа, совершенно в духе славянского быта; ибо глубоко коренится у славян мысль, что старики дело лучше знают и обсудят. Старость чрезвычайно уважалась (на это есть много древних свидетельств)³⁵⁹ и у славян балтийских, у поморцев и ран, и когда выходило дело, которое внимательно обсудить всем народом казалось неудобно, то как было не поручить оно старцам, умнейшим и опытейшим людям? При появлении первого христианского проповедника в Волине, еще прежде Оттона Бамбергского (в первых годах XII в.), когда народ не знал, что и

³⁵⁶ Ebbo. 65.

³⁵⁷ Ebbo. 57, 76, 93; ср.: Sefr. 169.

³⁵⁸ Ebbo. 93. (в Щетине) indicitur generale colloquium... Statuta ergo die antistes montem Trigelai in media civitate, ubi aedes erat ducis (ср.: Sefr. 106) ascendit, magnamque domum huic colloquio opportunam (из сравнения с Сефридом, 106, оказывается, что это была именно одна из тех трех *кутин*, служивших для общественных совещаний, о которых Сефрид говорит), intravit: *assunt principes cum sacerdotibus natuque majoribus*.

³⁵⁹ S. Cruc. III, 7. Sax. 774 и др.; см. выше.

думать о нем, то собрались, – говорит Эббо³⁶⁰, – *старшие из народа* и стали много рассуждать, и толковать с жрецами о неслыханных словах и поступках иностранца. Что же иное могли быть старцы, заседавшие у поморян в каждом общественном совещании вместе со знатью, как не те же самые старшие из народа, представители его, когда он сам всем собором не мог в совещании участвовать? Оттого-то эти собрания знати и стариков являются с двояким характером. Собственное значение они имели только совещательное, и приговор их нуждался в утверждении народа; но естественно было народу иметь доверие к решению его же избранных советников, «старейших и умнейших людей»³⁶¹, и случалось иногда так, что приговор, ими произнесенный, прямо становился законом, без дальнейшего утверждения.

III

Черты поморского быта при путешествии Оттона Бамбергского

В двукратном своем путешествии по земле Поморской (1124 и 1128 гг.) проповедник христианства Оттон Бамбергский много раз имел дело и с совещательным собранием поморян, и с народной сходкой, и с советом отдельного города, и с сеймом всей земли.

[94] Как только въехал он в Поморье у пограничной крепости Пырицы, спутники, приставленные к нему князем, тотчас отправились вперед к старшинам³⁶² того места (под словом *старшины* разумеются, бесспорно, знать и старцы, как покажется из сравнения с другими подобными известиями); поклонившись им от имени князя, они изложили свое поручение и цель Оттонова путешествия. Те сначала обсудили дело у себя в совете (*apud se in conclavi*)³⁶³, а потом вышли к народу, который в этот день ради языческого праздника собрался в огромном множестве из всей окрестной страны, «и по Божьему промыслу, – говорит древнее сказание³⁶⁴, – против обык-

³⁶⁰ 37.

³⁶¹ Sefr. Majores natu et sapientiores quique, de rebus istis altius inter se tractaturi, consederant, et a mane usque ad medium noctis huic deliberationi vacantes de salute propria et totius populi, de statu civitatis et conservacione patriæ... diligenter disputabant...

³⁶² Sefr. 61. «majores».

³⁶³ Sefr. 63.

³⁶⁴ Там же.

новения не разошелся еще по деревням»: видно, он ждал, что скажут старшины о пришельце из Немецкой земли. И долго говорили старшины перед народом, «сладкою речью» склоняя его в пользу Оттона; «и удивительное дело (я продолжаю выписывать из того же Сефридова сказания), как мгновенно, как легко и единодушно (*quam facili consensu*), все это множество народа, вняв речи старшин, изъявило с ними согласие (*in eundem sese consensum inclinaverunt*)». Тогда некоторые из жителей крепости с княжескими послами вышли к Оттону и, почтительно к нему обращаясь, пригласили его к себе в Пырицу, принося ему поклон от знатных людей и всего народа. Из Пырицы Оттон поехал в Волын, но был там побит и выгнан из города; произошло великое смятение. Знатные люди волынские приходили к проповеднику, сидевшему за городом, и извинялись, слагая вину на безрассудство простого народа; Оттон грозил им местью польского князя, своего покровителя. «Те, – говорит современник³⁶⁵, – воротясь к своим в город (т. е. очевидно, к собранному народу), стали тщательно обдумывать и переобдумывать все дело; наконец, единогласно решили таким приговором: стать на том слове, что скажут щетинцы». Епископ поехал в Щетин. Послы князя, его спутники, тотчас пошли к знатым людям щетинским известить их и просить о принятии христианской проповеди. Они наотрез отказали; но через несколько времени пришло в Щетин грозное письмо от польского князя. Собрана была сходка, письмо было прочтено перед знатью и народом³⁶⁶, и, услышав требования поляков, щетинцы созвали «бесчисленное множество народа из сел и деревень»³⁶⁷, и, долго толковав, единогласным приговором положили: принять крещение³⁶⁸. Тогда и весь Волын, как сказал, что по[95]следует Щетину, так и сделал³⁶⁹. Когда окрещен был в Волыне народ, то по зову Оттона собрались знатные люди и старики (*principibus et natu maioribus*) и дали ему клятву не кланяться богам языческим³⁷⁰.

Вскоре потом Оттон оставил Поморье и на четвертый год посетил его вторично. Язычество почти везде было восстановлено. По приезде Оттона в крепость Узноим, князь Вратислав с его совета

³⁶⁵ Sefr. 92.

³⁶⁶ Sefr. 102.

³⁶⁷ S. Cruc. II, 10.

³⁶⁸ Sefr. 102 *remota omni controversia, Evangelicis traditionibus se submisserunt...* 109. *iis qui ante universalem populi consensum fidem privatim acceperunt, fiunt catechismi...*

³⁶⁹ Sefr. 114.

³⁷⁰ Ebbo. 57.

созвал туда сейм всей страны, объявляя наперед, что обсуждаться будет дело о принятии христианской веры: сейм состоял из знати с жупанами и начальниками городов, и из старцев; присутствовали и жрецы. Князь открыл сейм речью; восхвалив христианство и епископа, он предоставил дело суду сейма: «единодушным советом обсуждая между собою ваше благо, – сказал он, – решите общим приговором, примете ли вы слово Божие и его провозвестника». Выслушав княжескую речь, знать и старцы просили, чтобы назначено было удобное для совещания время, и тогда, собравшись, долго говорили, кто за новую веру, кто против нее. Жрецы в особенности злобились; но противное мнение превозмогло, и наконец все единоголосным решением отреклись от язычества³⁷¹. Из этих слов историка следует, кажется, вывести, что жрецы не имели в сейме голоса, и были приглашены только на этот именно случай для совета, потому что дело до них касалось: они не могли быть участниками в *единоголосном* приговоре сейма и до конца противились христианству.

Дальнейший рассказ приведенного здесь источника любопытен, потому что показывает, какое уважение имела земля Поморская к совету своих стариков и знати. Приняв решение, благоприятное христианству, и крещение от Оттона, сейм разошелся: известие о приговоре стариков и знати, собравшихся в Узноиме, разнеслось по всей стране и возбудило толки и разноречия, особенно в знатном сословии; жрецы мучили народ; но князь, оставаясь с епископом в Узноиме, уверял его, что все это ничего не значит, что теперь дело его верное: «будь покоен, отец мой и господин, – говорил он, – никто не станет тебе противиться, коль скоро старцы и знатные (*majoribus natu et principibus*) приняли христианскую веру»³⁷². При всем том, однако же, решение старцев и знати не было для народа обязательным, и Отгон должен был [96]ехать к шетинцам, которые, несмотря на приговор сейма, упорствовали в своем отступничестве.

Во время отлучки Оттона, как было уже упомянуто, в Щетине случился мор: по воле народа жрецы тотчас принялись разрушать

³⁷¹ Sefr. 124. *Dux terræ Vrotizlaus... baronibus ac capitaneis totius provinciæ ac præfectis civitatum... conventum indixit, causam simul... mandans Evangelium.* (Andr. 175. *Statimque (dux)... generale principum regni sui colloquium... indixit. Ubi convenientibus Timinensis civitatis (т. е. Дымина) aliarumque urbium primoribus...).* Ebbo 76. *His (verbis ducis) auditis, principes et natu majores opportunum huic colloquio locum petentes, diu multumque ancipiti sententia mutabundi oberrabant, præsertim sacerdotibus... contradicentibus. Sed pars sanior consilii affirmabat etc. Tandem... unanimiter cultum idolorum abdicarunt.*

³⁷² Sefr. 131.

новопостроенную церковь, и вскоре за тем народная сходка торжественно решила восстановить языческое поклонение³⁷³. Когда Оттон приехал из Узноима в Щетин, то никто не хотел и слушать его, и чуть его не убили. Но тогда один из знатных людей щетинских, Вичак (или Вирчак), стал непрестанно проповедовать христианство, на сходке ли народной, на улице ли, или в домах, где случалось, подкрепляя увещания свои рассказом о чуде, которое над ним самим совершил Бог христиан³⁷⁴. Его слова начинали действовать. Тогда Оттон в воскресенье пришел на торговую площадь (в воскресенье был торг и сходка) и, продираясь сквозь густые толпы собравшегося народа, взошел на деревянный помост, с которого говорили народу об общественных делах старшины, и докладывали вестники; Оттон стал с него увещевать толпившийся на площади народ³⁷⁵. После великого волнения положено было через 14 дней собрать общий совет и покончить дело принятием ли христианской веры, или решительным отказом. В положенный день епископ взошел на холм Триглава, в середине города, и вступил в большой дом совета (т. е. одну из *кутин*, вышеописанных): тут уже сидели собором знатные люди со жрецами и стариками (*natu majoribus*). При входе Оттона все замолчали, и он обратился к ним с увещанием. Единогласно решили принять его учение: противоречили только жрецы, но их оставили одних в доме совета, а потом выгнали из города³⁷⁶.

LIV

Общие выводы о гражданском устройстве поморян

Такова живая картина поморского быта в начале XII века, писанная современниками и очевидцами.

Чтобы показать разные общественные отношения поморян, особенно же отношения между их совещательным собранием и народной сходкой, нужно было, – чего прежде, касательно других балтийских славян, мы не могли [97]сделать по недостатку известий, – нужно было представить в связи сами события, в которых эти отношения проявлялись. Таков действительно общий характер славянского племени (удержавшийся отчасти и у балтийских ветвей

³⁷³ Sefr. 158. Ebbo. 65.

³⁷⁴ Sefr. 159 и след. Ebbo. 66 и след.

³⁷⁵ Sefr. 160 и след. Ebbo. 90 и след.

³⁷⁶ Sefr. 165. Ebbo. 93, 94. S. Cruc. III, 10.

при всем наплыве чужеземных влияний), что он не любит формальных правил и постановлений: если бы мы захотели подвести под такие правила явления общественной жизни поморян, то пришлось бы на каждый случай придумывать особое правило; а в живой действительности все эти явления представляются верными главным началам поморского быта и, в смысле этих начал, правильными и законными.

Но приведенные черты из поморского быта относятся только, как нам известно, к началу XII века. Что было у поморян прежде того, и давно ли образовались отношения, существовавшие во время Оттона Бамбергского, об этом нет верного свидетельства. Правда, еще к концу X века относится рассказ одного датского историка, жившего в XII-м, что тогда взят был в плен и привезен в Волын Свен, король датский, то народ волинский возмутился было и хотел мучить и казнить его, что «люди избранные, знать, были благоразумнее» и наконец уговорили народ пощадить его³⁷⁷. Не придавая большого веса этому сказанию, в котором картина поморского общества в X веке могла быть списана с позднейшего образца, мы, однако же, не усомнимся признать быт, в котором застал поморян Оттон, весьма древним, существовавшим неизменно на одних и тех же основаниях с той поры, как поморяне стали особым племенем: ибо по началам своим он совершенно сходен со старинным племенным бытом, в VIII и IX веках господствовавшим у западных ветвей балтийских славян, у бодричей и лютичей, и в котором мы также нашли три власти: племенного князя, столь же слабого как на Поморье, знать с важным, самостоятельным значением, и народную сходку. В основании же всего общественного строя поморян в XII веке лежал тот старый славянский закон единогласия, который в VI столетии изображен Прокопием у дунайских славян, а в XI-м так ярко описан Титмаром у лютичей: единогласно решила община в Пырице принять крещение от Оттона Бамбергского³⁷⁸; единогласно приговорили волинцы сделать так, как делает Щетин³⁷⁹; единогласно народ щетинский и окрестных деревень принял христианство³⁸⁰; единогласно решил он за христианство воевать с ранами, упорными язычниками³⁸¹; единогласно сейм всей Поморской земли, созданный в

³⁷⁷ Sven. (Svenonis Aggonis filii regum Daniae historia), у Лангебека (Scr. r. Danic) I, 53.

³⁷⁸ Sefr. 63.

³⁷⁹ Sefr. 92.

³⁸⁰ Sefr. 182.

³⁸¹ Sefr. 109.

Узноиме, постановил быть по княжескому слову [98]христианской вере на Поморье³⁸²; единогласно в Щетине после отступничества совет знатных людей и стариков определил вторично покориться Оттону епископу³⁸³...

И сколько поморяне дорожили единогласием, столько боялись они при общем согласии всего народа даже одного противоречащего голоса и всячески старались уговорить или отстранить того, кто не соглашался бы с общим решением. Вот, например, что рассказывает жизнеописатель св. Оттона: «В таком огромном городе, как Щетин, не нашлось ни единого человека, который бы после общего согласия народа на принятие крещения, думал укрыться от евангельской истины, кроме одного жреца... но к нему однажды приступили все и стали его *темного упрасивать*...»³⁸⁴. Зато другой раз, как мы видели, щетинцы обошлись не так вежливо со жрецами, противившимися народному приговору: оставили их одних в доме совета, где они заседали со знатью и стариками³⁸⁵, а потом выгнали из города³⁸⁶.

Удивительное дело, сколько в племенном быте поморян, которой есть, конечно, самое полное и стройное проявление в славянском мире этой скудной формы общественного устройства, сколько в нем сходного с древнейшим бытом германцев, описанным у Тацита: тот же был у поморян в XII-м, что у германцев в I веке, безвластный племенной глава, так же высокочтимая знать, та же народная община, те же два совещания, — одно, в котором заседали знатные люди, другое, в котором участвовал весь народ, — то же производство общественных дел, по которому дело сперва обсуждалось в совете знатных, а потом предлагалось ими на окончательное решение народной сходки: словом сказать, тот же совершенно гражданский строй⁽⁵⁹⁾.

Так быт славянский, приняв в себя стихию аристократии, но удерживая еще древнюю общинность, мог совпасть с первоначальным бытом германским, в котором, при коренном господстве аристократической стихии, простота семейной жизни еще хранила начало общинное. Но быт германский, изображенный Тацитом, был плодотворным зародышем всей германской жизни: его начала легли в основание великого и векового развития немецкого племени; быт поморский, описанный биографами Оттона, является бесплодным

³⁸² Ebbo. 76.

³⁸³ Ebbo. 94.

³⁸⁴ Sefr. 109.

³⁸⁵ Ebbo. 94.

³⁸⁶ Ebbo. 94, 95.

искажением, лишь с виду крепким и стройным, жизни славянской, и он был преддверием к гибели и мирному исчезновению поморского народа. Потому, видно, и развился древний быт германского племени, что он был чист и целен и соответствовал всем потребностям германцев, а поморский быт разрушился потому, что этой чистоты, этой цельности и своеобразности в нем [99] не было. И действительно, через аристократию, ту именно стихию, которую балтийские славяне внесли к себе от чужеземцев, вошла гибель к народу поморскому. При водворении христианства и немецкого влияния на Поморье, знать тотчас же онемечилась и, приняв все условия германской жизни, получила такую же власть, какую она имела тогда в Германии: тогда и князь, не находя против нее опоры у себя, в обессиленной народной общине, должен был со своей стороны приглашать в города своих немецких горожан (бюргеров) и водворять на Поморье их немецкий быт. И при таком переходе к немецкой жизни, – добровольном со стороны знати, вынужденном знатью со стороны князя, – в скором времени Поморье из Славянской земли сделалось Немецкою.

LV

Гражданское устройство на о. Ране

У ранских славян, как мы видели, князь (или царь), знатное сословие имели такое же точно значение, как на Поморье; и все прочие общественные учреждения были у них такие же. Правда, наши сведения о них весьма скудны; но мы знаем, однако, что и у ран господствовал закон единогласия³⁸⁷ и собиралась народная сходка. Сходку созывал верховный жрец Святovitов, глава всего ранского общества. Когда случалось что-нибудь важное, то он объявлял о том царю и народу ранскому: собиралась сходка, жрец излагал волю богов, узнанную им посредством разных знамений, и царь с народом решали, что по этому делать³⁸⁸. Так, производились общественные дела у ран, по свидетельству Гельмольда. Тут не видно, чтобы знатное сословие имело на сходке какое-нибудь особенное значение, как у поморян; но это значение несомненно, ибо вообще у ран знать, по достоверным известиям³⁸⁹, занимала важное в обществе место (так

³⁸⁷ Sefr. 178.

³⁸⁸ Helm. II, 12.

³⁸⁹ Helm. II, 13. Cod. Pomer. 27. Sax. 774, 839.

что Рана сделалась, как скоро введение христианства уничтожило власть верховного жреца и водворило германское влияние, – вполне аристократической землей); на особенное преимущество знатных людей в народных собраниях ран намекает, кажется, следующий рассказ Саксона Грамматика. Однажды, когда датчанам понадобилась помощь ранских славян, датский архиепископ, знаменитый воитель Абсалон, отправился к ним, вступил в их народное собрание, где [100]присутствовал и царь Тетислав, и, *быв усажен на самое почетное место*, стал говорить народу через толмача о своем поручении³⁹⁰. Были значит, почетные седалища там, где собиралась сходка ранская, и довольно вероятно, что они отведены были для знатных людей. Подобно лютичам, ране даже на войне созывали войсковую сходку³⁹¹. По всему видно, что и у них, подле племенного главы, царя и знати, существовало начало общинное. Одним словом, все общественное устройство их было точно такое же как поморское, да и судьба их постигла такая же: и их онемечило, стремясь по внутренней склонности к немецкому быту, аристократическое сословие.

LVI

Основание общественного порядка у балтийских славян: система дробления земли на волости (жупы); их связь с городами. – Дробление Стодорской земли (Бранденбургии) в X в. – Дробление земли Бодрицкой

Мы изучили в главных чертах, насколько позволяли указания современных памятников, состав гражданского общества у балтийских славян. Мы нашли в основании его начала того быта, который является в истории преддверием жизни народной и государственной, где семейные общины, деревни уже соединены в общества, в племена, и каждое такое общество уже имеет своего князя, но где еще не создано и не осуществилось внутреннее единство народа и государства. В самом начале своего исторического развития другие славянские народы, более или менее скоро, прожили это переходное состояние: славяне балтийские в нем остались.

Также и весь внешний порядок общества, все общественное управление у балтийских славян сохранилось в том виде, в каком мы находим его в древнейшую эпоху славянской жизни, предшество-

³⁹⁰ Sax. 796.

³⁹¹ Sax. 773.

вавшую образованию государств: мелкие союзы деревень, волости (или *жуны*, как они назывались у западных славян, *верви*, как они назывались на Руси³⁹²), которые, подчи[101]няясь князю, как общему главе племени, составляли, однако, каждая отдельное общество, имевшее средоточием укрепленное место или «город»: вот в чем заключался общественный порядок, и на чем основывалось общественное управление у славян на ступени племенного быта, и таким мы видим его у славян балтийских во все продолжение их истории.

Все древние памятники представляют нам славянское Поморье раздробленным на множество мелких частей. Каждое племя здесь подразделялось на волости (*provinciae, pagi, terrae*), т. е. на *жуны*³⁹³: так, без сомнения, называли их балтийские славяне, подобно полякам, чехам, моравцам, словакам, хорватам, сербам и др.³⁹⁴ В летописях IX века часто упоминается о многочисленных князьях и начальниках у бодричей и велетов: весьма вероятно, что в этом числе были не одни князья в собственном смысле, т. е. вожди отдельных племен, но также и *жупаны*, подвластные князьям начальники волостей. То же самое можно сказать и о 30 «князьях» Стодорской земли, которые, по словам летописца, были в один день избиты на пиру у немецкого маркграфа Герона.

Ясно свидетельствуют о дроблении Стодорской земли на волости грамоты короля Оттона I 946 и 949 годов. Завоевав эту страну (нынеш-

³⁹² Считаю себя в праве повторить объяснение слова *жуна*, предложенное нами в другом месте («Письма об истории сербов и болгар», II в 79 № «Московских ведомостей» 1854 года): *жуна*, по нашему мнению, значит собственно *связь, союз*, и находится в родстве со словацким *жуп* (связка соломы) и с санскритским корнем *guph* (связывать, соединять). Что же касается до древнего русского слова *вервь*, то мы приводим остроумную догадку С. П. Микуцкого, который отождествляет его с санскритским словом *urvi* (земля), также как немецкое *gowe, gau* (волость) происходит очевидно от одного начала с санскритским *gô* земля.

³⁹³ Helm II, 12. De omni natione Slavorum (он говорит о славянах балтийских), *quæ dividitur in provincias et principatus*. Очевидно, что здесь *principatus*, «княжества», означает племена, которые действительно имели каждого своего князя (за исключением только лютичей) и составляли самостоятельные политические тела, а *provinciae*, «волости», относится к *жупам*, подразделениям племен, не имевшим полной политической независимости, что и выражается в этом латинском слове.

³⁹⁴ Славянского слова *жуна* не приводят у балтийских славян дошедшие до нас источники, но его существование, несомненно, утверждается производным *жупан*, которое сохранила нам одна поморская грамота (около 1189 г., Cod. Pomer. № 64).

нию Бранденбургию), немецкий король в 946 году учреждает в ней епископство Гавельбергское и определяет область его епархии³⁹⁵. «Мы даем ему, – пишет Оттон, – половину крепости и города Гавельберга и половину всех деревень, к нему принадлежащих, а крепость и город тот находится в области (*provincia*, т. е. *жупе*) Нелетичи³⁹⁶. Даем ему также в этой же волости город Nizem (Низов?) со всеми его доходами³⁹⁷. В области Земчичи две деревни в Маленской земле (*Malinga?*), Бани и Дрогавицы³⁹⁸, ... в обла[102]сти Лешичи крепость Мариенбург (Кобылицу)³⁹⁹ с сими прилегающими деревнями: Прощипины (*Priescipini*), Розмок (*Rozmoc*), Котины (*Cotini*), Вершкрайцы (*Virskroiz*), Некурины (*Niecurini*), Мелкуны (*Milcuni*), Малицы (*Malizi*), Рабуны (*Rabbuni*), Прецепины (*Priescipini*), Подесал, Людины (*Ludinj*)⁴⁰⁰; в области Моричи весь город Плот с принадлежностью⁴⁰¹; в области Дошаре город Высоку со всею принадлежностью, город Похлустины (*Pochlustim* вместо *Pochlustini*) со всею принадлежностью⁴⁰². Кроме того, мы назначили для вышесказанной епархии

³⁹⁵ Cod. Pomer. № 6.

³⁹⁶ *Medietatem castri et civitatis Havelberg, et medietatem omnium villarum illuc attinentium, et castrum et civitas sita est in provincia Nielétizi.*

³⁹⁷ *Nizem civitatem cum omnibus utiliitatibus suis.* В других памятниках встречается форма *Nizowe*, теперь деревня *Nitzow*, близ устья Гаволы: в форме *Nizem* верно описка.

³⁹⁸ *Malinga*, где теперь *Mellingen*, у Эльбы. Вместо *Бани* и *Дрогавицы* в грамоте написано *Buni*, *Orogaviz*: нынешние названия, *Bähne* и *Drogentz*, указывают на подлинные славянские формы.

³⁹⁹ *In provincia Liezizi Marienborch castrum cum his adiacentibus villis.* Сравни. «*de Burcwardo Kobelitz, que et Marienburgk dicitur*» (*Raumer, Regesta*, №. 1273); теперь *Kabelitz*.

⁴⁰⁰ Из этих деревень остались только Вершкрайцы (*Vieritz*), Мелкуны (*Melkow*) и Малицы (*Mahlitz*). См. *Leutsch*, Gero 178 и *Raumer, Historische Charten und Stammtafeln*, стр. 11.

⁴⁰¹ *In provincia Chorize* (так, по ошибке, вм. *Morize*, как написано в другом месте, в той же грамоте) *Plot civitatem totam cum burcwardo*. – «*Burgwardus*», «*Burgwardium*» у Дюканжа: *castellania, burgi territorum, ager*; – *villa et munitio*, scilicet quæ burgis adjacet... unde et ipsi oppido et agro circumjacenti nomen postea attributum. – Волость Моричи лежала у большого Морского озера (*Müritz-See*) на запад, север и северо-восток (см. статью Лиша (*Lisch*): «*das Land Turpe*» в *Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde*, II, 86–107); но положение города Плота в точности теперь неизвестно.

⁴⁰² *Высока* – город *Wittstock* на Доше (*Dosse*), *Похлустины* (в других памятн. читаем также *Potlustin*) – *Puttlitz* на Степнице: последний город причисляется иногда к области Глинской (см. *Wedekind, Noten zu einigen Geschichtschreibern des deutschen Mittelalters*, 6, 164).

десятину следующих областей, состоящих каждая в своих пределах (*decimas istarum provinciarum infra suos limites consistentium*): Земичи, Лешичи, Нелетичи, Дошаре, Глинская волость, Моричи»⁴⁰³.

Потом, в 949 году, учреждает Оттон⁴⁰⁴ епископство Бранденбургское, «в земле славян, в волости (*pago*, т. е. жупе) Гаволян, в городе Бренденбург», дает ему «половину всего северного острова, на коем этот город построен, и половину всех деревень, к нему принадлежащих, да сверх того два целых города со всеми их принадлежностями, именно *Pricervi* и *Езеры* (*Ezeri*)»⁴⁰⁵, и кроме областей (*provincias*) дошар и земчичей, взятых [103]у гавельбергского епископа, подчиняет ему еще следующие области в земле Стодорской, о которых прежде не было упомянуто: морачане, ... плони, спревяне, гаволяне...⁴⁰⁶: «со всех сих областей передаем мы десятину (бранденбургской) церкви за исключением нижепоименованных городов: Бодричи, Гонтимиры, Пехово, Мокряницы, Бург, Грабово, Чертово, и деревень, к сим городам по праву принадлежащих»⁴⁰⁷, кои даны нами монастырю свв. Маврикия и Иннокентия в Магдебурге».

⁴⁰³ *Zemzici*, *Liezizi*, *Nielitizi*, *Desseri*, *Linagga* (это немецкая форма, с приставкой слова *ga*, т. е. *gô*, *Gau*, волость), *Murizzi* (о других областях, вслед за сим исчисляемых и принадлежавших к лютичам, будет сказано ниже). – В этом перечне Оттон идет с юга, начиная от р. Струмны, теперь *Stremme* (впадает в р. *Navel*), отделявшей жупу морачан от земчичей: земчичи и лешичи занимали угол между Струмной, Гаволой и Лабой; нелетичи жили у впадения Гаволы в Лабу; глиняне и дошане простирались от них на север, первые ближе к Лабе, вторые по р. Доше (*Dosse*), моричи находились на север от Дошан, около Морисского озера.

⁴⁰⁴ *Cod. Pomer.* № 7.

⁴⁰⁵ *Pricervi* теперь город *Pritzerbe* на Гаволе, а *Езеры* (в грамоте Оттона вместо *Ezeri* по ошибке *Ereri*) потом встречается обыкновенно под названием *Verchesar* (т. е. Верхъезерье), теперь деревня *Ferchesar* близ *Pritzerbe*.

⁴⁰⁶ *Moraciani* *Ciervisti* (т. е. Сербичи, около г. *Zerbst*, волость лабских сербов), *Ploni*, *Zpriawani*, *Hevelduni*: дальнейшие области принадлежат к земле Лютицкой. – Морачане занимали край между Лабой и Гаволой от р. Струмны (*Stremme*) до Нути, впадающей в Лабу, плоняне – юго-западный угол нынешней Бранденбургской маркии, на юг от Гаволы (Белцигский и Ютербогский округа), спревяне – край у нижней Спревы (*Spree*), гаволяне – край на север от средней Гаволы.

⁴⁰⁷ *Excepta civitatum subtus nominatarum: Bidrizi, Guntmiri, Pechovi, Mocriani, Burg, Grabo, Ciertuvi et villarum ad has civitates iure pertinentium.* Города эти лежали в области морачан: *Bidrizi* (т. е. по-славянски собственно бодричи) теперь дер. *Biederitz*, *Guntmiri* – г. *Gommern*, *Pechovi* – дер. *Pechow*, *Mocriani* – г. *Möckern*, *Burg* (вероятно, по-славянски Град или Градец) – г. *Burg*, *Grabo* – дер. *Grabau*, *Ciertuvi* (сравн. *Czartowo*, в Польше) – е. *Schartau*.

Две грамоты, из которых представлены выписки, показывают в каком виде немецкое завоевание застало Стодорскую землю: она дробилась на мелкие части, имевшие, однако, каждая свои определенные, твердые границы («*provinciarum infra suos limites consistentium*», — пишет Оттон). Некоторые из них составляли, без сомнения, отдельные племена и княжества (как то гаволяне или стодоряне в собственном смысле, дошане, глиняне), другие были простые *жу́ты*: так, например, в областях Плонской⁴⁰⁸ и Спревлянской всегда столь явно обличается второстепенное значение их подле области Стодорской, что мы не можем не признать простыми *жу́тами* стодорян, подвластными их племенному князю, пребывавшему в Сгорельце (Бранденбурге); так и морачан Титмар называет не племенем, не народом, а только волостью (*pagus*)⁴⁰⁹, т. е. *жу́пой*; наконец, нелетичи, лешичи и земчичи занимали такие маленькие клочки земли в углу между Лабой и низовьем Гаволы, что, очевидно, были не что иное, как *жу́ты* одного племени. Гельмольд называет славян, обитавших в Гавельберге, брежанами⁴¹⁰, между тем как грамота Оттона I не упоминает о брежанах, а пишет, напротив, что «крепость и город Гавельберг лежит в области нелетичей». Нельзя ли поэтому предполагать, что брежане есть именно то общее племенное название, которое носили эти четыре мелкие жу́пы на берегу Лабы, нелетичи, лешичи, земчичи и морачане?

[104] Кроме свидетельств о дроблении земли Стодорской, в грамотах Оттона важны еще показания о значении, какое имели в ней города. Мы видели, сколько было городов уже в X веке у славян стодорских, и как около каждого такого укрепления или города соединялось известное число деревень, составлявших как бы его принадлежность и поддерживавших его, как свое общее средоточие (это именно выражает и немецкое слово *burgward*, употребленное Оттоном: оно встречается в средневековых памятниках почти исключительно там, где дело идет о землях славянских⁴¹¹, ибо, действительно, понятие города, как средоточия известного круга деревень, которые строили и поддерживали его, принадлежало преимущест-

⁴⁰⁸ Эта область впоследствии делилась обыкновенно на две, на собств. Плоню и на землю Ютробожскую (*terra, provincia Juterbock*).

⁴⁰⁹ Thietm. VI, 24. *Pagum Morezini... juxta Magadaburch*.

⁴¹⁰ Helm. I, 37.

⁴¹¹ См. Словарь Дюканжа. Все представляемые им примеры употребления слова *burgward* в приведенных выше (сноска 401) значениях относятся к землям славянским; в западных странах смысл этого слова был другой: оно означало самое укрепление, которым охранялся город, как видно из французского *boulevard*, которое произошло от средневекового *burgward*.

венно быту славянскому). Замечательно еще неравное распределение «городов» в земле Стордорской. Города служили славянам для обороны от неприятеля, и на них опиралась вся их военная система: понятно, почему племена и жупы, отдаленные от Германии, довольствовались одним или двумя городами, часто на огромном пространстве, а в краях при Лабе настроено было множество городов друг возле друга, например, Гавельберг, Низов и еще третий город Преслава, о которой грамота Оттона не упоминает⁴¹², при устье Гаволы, там где теперь остался только один город Гавельберг. Особенно опасно было положение жупы морачанской, напротив Магдебурга, главного военного средоточия Германии на Лабе, и в одном этом уголке морачан немецкий король дарил Магдебургской церкви семь покоренных славянских городов. Трудно сказать, составлял ли здесь каждый город с примыкавшими деревнями отдельное целое, и дробилась ли таким образом жупа морачанская на семь маленьких жуп, или, напротив, один из городов был общественным средоточием всей жупы, а другие служили только военными пристанищами для окрестного народонаселения в случае нападения врагов. И то и другое предположение возможно. Приведенные нами слова грамоты 946 года о городах Гавельберге и Низове в жупе нелетичей как бы указывают на некоторую зависимость последнего от первого, и подобные отношения могли быть и у морачан; а с другой стороны, мы найдем у балтийских славян много случаев, где *жуна* подразделялась на несколько мелких частей, которые сами получали уже значение особых *жуп*.

Положительные сведения о *жунах* земли Бодрицкой, северо-западного края [105]балтийского Поморья, относятся только к XII веку; но в историческом повествовании о событиях X века Гельмольд намекает на них весьма замечательным образом. При временном тогда водворении христианства у бодричей зашел однажды толк между князем и епископом о церковных доходах, и князь, не желая, чтобы бодричи платили епископу десятину, сделал ему, так рассказывает Гельмольд⁴¹³, другого рода предложение: «к твоему имуществу прибавляю я, – сказал он, – *в каждом из городов земли Бодрицкой, деревни, какие ты сам выберешь* (adjicio possessioni tuæ in singulis urbibus, quæ sunt in terra Obotritorum, villas, quas ipse ele-

⁴¹² Ann. Saxo, у Paymera (Regesta, № 550): njn procul a castro, quod Prizlava dicitur, quod situm est in littore Albis fluminis in ostio, ubi ipse recepit Habolam fluvium. Paymer (Historische Charten 5): «Prizlava... ein wüstes Schloss am Suhrgraben, Werben gegenüber, grade wo die Havel in die Elbe fällt».

⁴¹³ Helm. I, 13.

geris)». Что это значит, «в городах земли Бодрицкой – деревни»? Город в быте балтийских славян являлся необходимой принадлежностью *жупы*, в нем она осуществлялась: ибо в нем только народонаселение, рассеянное по деревням, находило ту общественную связь, которая составляла жупу; для балтийских славян в городе как бы подразумевалась *жуна*, без которой город, не имевший у них почти никогда собственных средств и постоянных жителей, не мог существовать, также как *жуна* без города, и вот почему князь Бодрицкий говорил епископу, чтобы он выбрал *в городах земли его деревни*, какие захочет. Слова эти, так странно звучащие у Гельмольда, живьем схвачены, можно сказать, в быте балтийских славян; они-то свидетельствуют о дроблении Бодрицкой земли на *жупы* в X веке.

Сколько было тогда этих волостей у бодричей и какие они были, неизвестно. Есть только у Гельмольда одно место, которое как будто указывает на то, что в X веке западный край бодричей, прилегавший к ваграм и полабцам, состоял из трех *жуп*, с городами Деричевом, Мотицей и Куцином⁴¹⁴. Но это указание так неопределенно, что нельзя на нем основываться, а с тех пор западный край Бодрицкой земли был беспрестанно разоряем в войнах с немцами, и уже в XII веке не оставалось в нем следа прежнего [106]устройства⁴¹⁵. Также мы не

⁴¹⁴ Helm. I, 18. *prædia, quæ fuerant in remotiori Slavia, quæ olim ad Aldenburgense episcopium pertinuisse antiquitas commemorat, ut est Derithsewe, Metize, Cuzin, cum attinentiis suis*; дальнейшие слова Гельмольда указывают на то, что эти «*prædia cum attinentiis*» были не какие-нибудь отдельные имения, а целые жупы, подвластные Старогардскому епископству, но не принадлежавшие ему как собственности: *interrogati principes Slavorum de possessionibus ad jus episcopi pertinentibus, recognoverunt, memoratas urbes cum suburbiis earum, ecclesiæ et pontifici (Aldenburgensi) debere pertinere*. Замечательное здесь выражение *suburbia*, употребленное Гельмольдом в смысле целого края, принадлежавшего к городу: это опять указывает на связь городов с землей у балтийских славян. Разумеется, все это место Гельмольда так темно и сбивчиво, и собственные его сведения об этом «древнем» времени, очевидно, так неопределенны, что положительного вывода сделать нельзя. Из поименованных городов *Деричево* лежало на восточной стороне травненского лимана и часто упоминается в любекских грамотах (Dartsowe, Dartchowe и т. п., теперь Dassow), *Мотица* нам неизвестна, а *Куцин* – теперь Kützin, деревня в юго-западном, Виттенбургском округе Мекленбург-Шверина.

⁴¹⁵ При учреждении после немецкого завоевания Ратцебургского епископства западный край бодричей, который приписан был к этой епархии, делился на две главные области (*provinciæ*), Годибожскую (Годибож? Godebuz, теперь Gadebusch) – на севере, и Виттенбургскую на юге (см. грамоту Генриха Льва, 1154 г., in Westphalen, Monumenta inedita, II, 2003); но неиз-

имеем сведений о том, были ли и какие были *жупы* у маленького племени полабцев; о ваграх сохранилось более известий: в XII веке Гельмольд изображает вагров разделенными на шесть *жуп*: Лютикенбургскую и Старогардскую по северному берегу Вагрской земли, Сусельскую на восточном берегу, Плунскую и Даргунскую по западной границе, Утинскую внутри земли⁴¹⁶; это деление так укоренилось, что после покорения Вагрской страны немцы на первых порах придерживались его в распоряжениях своих, хотя оно, по устарелости, едва ли могло быть удобно. Действительно, распределение *жуп*, сколько видно, не менялось с постройкой новых военных и торговых городов, с упадком старых: две из вагрских *жуп* имели центрами места совершенно ничтожные, старую крепостцу *Сусле*⁴¹⁷ и *Даргунь*, о котором вовсе нет упоминования в истории⁴¹⁸, между тем как важный для войны и в торговле приморский город *Любица*, возникший в начале XII века, не был принят за средоточие *жупы*, также как Буково, крепость, которую в конце XI века славяне построили на превосходном месте, при слиянии Травны и Бокницы, куда немцы перенесли потом поселение Любицы или Любека. Ясно, что система *жуп* была стародавняя, освященная временем и не зависела просто от административных выгод.

В течение многовековой борьбы с Германией бодричи мало-помалу выходили из старинной разрозненности племенного быта и приближались к политическому единству: так часто проходили враги землю их вдоль и поперек и опустошали в ней целые области, что поневоле сглаживались в ней старые разграничения, и народ привыкал к общей обороне, а в то же время старинный славянский быт ослаблялся влиянием немецких учреждений. Не раз племена, прежде самостоятельные, собственные бодричи (или ра-

вестно, было ли это деление старинное славянское, или вновь введенное немцами. Упоминаются так же, как подразделения этих областей, другие, меньшие, напр., область Деричевская и область Брежан на севере, у моря, и это, кажется, остатки древних славянских *жуп*.

⁴¹⁶ Helm. I, 57. Dargunensem pagum... Utinensem... Susle... Plunensis... Aldenburg... et Lutilenburg et cæteras terras mari contiguas I, 63. pagum qui Dargune dicitur. I, 64. pagum Susle. I, 83 in pago qui dicitur Susle (сравн. также I, 56. terram Plunensem, Luthilenburgensem, Aldenburgensem).

⁴¹⁷ Munitiuncula. Helm. I, 64.

⁴¹⁸ Положение Даргуны и Даргуньской жупы на западном краю Вагрской земли, на юг от Плунской жупы, около нын. Зегеберга, определяется грамотой императора Конрада III, 1139 г. (Urkundenbuch der Stadt Lübeck. № 1): «in gente Slavorum, in pago Dargune iuxta montem, qui antiquitus Alberch, sed a modernis Sigeberch nuncupatus est».

роги), вагры, [107]полабцы, глиняне, варны, подчинялись одному князю⁴¹⁹, и соединение собственных бодричей с варнами в одно политическое целое совершенно укоренилось, кажется, еще в XI веке. Но это единство Бодрицкой земли не было, можно сказать, плодом внутреннего развития и сознания в народе, а скорее делом случая, внешней необходимости. Система дробления ослабла, но не была уничтожена, не заменилась народным единством. До последних времен своего существования, до конца XII века, вагры, полабцы, глиняне, собственные бодричи и варны еще не утратили совершенно своей особенности, и сохранялось старое устройство *жуп* не только у вагров, где народная стихия не переставала господствовать, но и у собственных бодричей и варнов, у которых так сильна была княжеская власть.

В это время мы находим собственных бодричей оттесненными за черту от Весмирского (Висмарского) залива к Зверинскому озеру и далее на юг к пределам глинян. По этой черте, идя с севера к югу, мы встречаем резко определенные жупы, *Мекленбургскую*, *Зверинскую* и *Пархимскую*; за ними лежали на восточной стороне Висмарского залива ж. *Кутинская* или *Куцинская* (город Кутин, – Kutin или Kuzin, – теперь Neukloster) и *Иловская* (Илово, теперь урочище близ Нейбурга), на восточной стороне Зверинского озера ж. *Добинская* (Добино, теперь пустое городище на островке близ деревни Hohen-Vicheln), а далее, к юго-востоку, жупы варнского племени: *Ворленские* (Ворле⁴²⁰, теперь развалины замка Werle, близ г. Швана на р. Варнове); опять *Кутинская* или *Куцинская* (Куцин, теперь Quetsin у Плавского оз.) и *Малаховская* (Малахово, теперь Malchow, на в. от этого озера)⁴²¹.

⁴¹⁹ Справн. Helm. II, 5. Omnis igitur terra Obotritorum et finitimæ regiones, quæ pertinent ad regnum Obotritorum.

⁴²⁰ Имя это, которое в древних памятниках пишется различно (Wurle, Worle, Werle), есть славянское слово *орле* (средний род прилагат. притяж. *орлий*), как бы *орлее* (т. е. место или село): в наречии балтийских славян в почти всегда приставлялось к слову, начинающемуся с гласной. Но в одном древнем латинском синодике (Necrolog. S. Michaëlis) мы читаем еще чистую форму *Orle*: «ob. (т. е. obiit) domina Methildis de Slavia, quæ dedit III partes in decima in Orle» (см. Wedekind, Noten. II, 398). Другое *Ворле* (*Werla, Werle*) лежало на западном берегу Лабы, в Шладенском округе (в нын. Ганновере), в крае, населенном славянами.

⁴²¹ На такое деление указывают свидетельства Гельмольда и грамоты об основании Зверинского епископства: Helm. I, 87. Post hæc intravit dux Henricus terram Slavorum in manu valida... Et videns Niclotus (князь Бодрицкий) virtutem ducis, succendit omnia castra sua, videlicet Ilowe, Mikilinburg, Zverin

Значение жуп у бодричей, лютичей и поморян

Система дробления на жупы была, можно сказать, несовместна ни с большим единством, ни с чрезмерным разъединением; неразрывно связанная с племенным бытом, она требовала непременно присутствия обоих коренных начал этого быта, князя в его старом значении, как такого лица, которое связывало племя в одно целое, но не приносило еще с собой единства государственного, и общины, которая распоряжалась самостоятельно местными делами земли. С перевесом одной стороны над другой устройство жуп приходило в упадок: если усиливалась верховная власть, то она уничтожала самостоятельность и обособленность жуп; если превозмогала община, то с упадком княжеской власти разрушалась связь между жупами, и с прекращением этой власти каждая жупа становилась отдельным политическим телом, превращалась в независимое племя: ибо *жупы* у балтийских славян, надобно повторить, связывались в одно племя не идеей внутреннего единства, а признанием общей княжеской власти.

Дробление на *жупы* могло удержаться у бодричей, конечно, потому только, что княжеская власть у них никогда не получала настоящего государственного значения; но эта власть стала гораздо силь-

et Dobin, ... unum solum castrum sibi retinuit Wurle, situm juxta flumen Warnou, prope terram Kicine... Post hæc (т. е. смерти Неклота и покорения Бодрицкой земли) redierunt filii Nicloti in gratiam ducis, et dedit eis dux Wurle et omnem terram. Porro terram Obotritorum divisit militibus suis possidendam; et collocavit in castro Cuscin Ludolfum... de Brunswick; apud Melicou... Ludolfum de Paina: Zuerin et Ilinburg (т. е. Илово) Guncelino commendavit. Porro Mikilenburg dedit Henrico... de Scaten, qui etiam de Flandria adduxit multitudinem populorum, et collocavit eos Mikilenburg et in omnibus terminis ejus. Сравни также: II, 14. Pribizlavus... ædificavit urbes Mekelenburg, Ilowe et Rozstock (Росток вместо старого города кичан Кицины) et collocavit in terminis eorum Slavorum populos... Teutonicos, qui habitabant Zuerin et in terminis ejus. – Грам. 1170 г. (Mekl. Urk. III, № 1): Termini autem ejus (Зверинского епископства) sunt hii: castrum Magnopolense, Zwerin, Cutin... Parchim quoque, Cutin et Malechowe. При определении местоположения исчисленных городов и жуп мы руководствовались подробными и тщательными изысканиями Лиша, напечатанными в «Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde» («die Burg Dobin und die Döpe» в т. V, также о нем VII, «über die wendische Fürstenburg Werle» в т. VI, «die Burg Ilow» в т. VII, «das Land Kutsin oder Kutin» в т. X, «die Burg Kutsin oder Quetzin», XVII, 23–29).

нее, чем в древнем племенном быте, и вместе с тем жупы бодрикие утратили свою внутреннюю самостоятель[109]ность: в собственно исторической деятельности бодричей дробления почти незаметно, князь во всякой жупе распоряжался полновластным господином.

Большого еще внутреннего единства чем бодричи достигли ране, вследствие религиозного развития: у них воцарилась самая сильная теократическая власть и подчинила себе все общественные стихии; система дробления исчезла перед ней, и *жуп* на Ране не было вовсе. Известный исследователь рюгенских древностей, Фабрициус, встречая в исторических известиях о Ране выражения *terra, provincia*⁴²² и замечая, что природный вид этого острова, разорванного на несколько частей длинными, извилистыми заливами, как бы сам собой вызывал к образованию отдельных областей, удивляется, что при всем том древние свидетельства не придают этим «землям» и «провинциям» Раны никакого общественного значения и употребляют их только в смысле географических определений, между тем как на противоположном Ране берегу материка ясно выказывается дробление на волости, хотя здесь природные условия ему, по-видимому, менее благоприятствовали; Фабрициус уверен, что и на Ране были такие же волости, и что лишь по незнанию ранских учреждений древние писатели не упоминают о них. Но дело ясное: на Ране точно не было *жуп*⁴²³ и не могло быть при том крепком единстве, при той крепкой жреческой власти, которые там господствовали, и Рана может служить доказательством, что не столько требования местности, сколько условия народной жизни вызывали или устранили между балтийскими славянами дробление на *жупы*.

Совсем другое явление представляет земля Лютицкая. На Ране единство власти отстранило начало дробления; у лютичей исключительное господство общины усилило его так, что исчезла всякая связь между *жупами*, и *жупы* получили значение самостоятельных земель. Неоднократно старинные памятники изображают лютичей одним

⁴²² Fabricius Urkunden etc. I, 88. — *Arcon provincia*, Sax. 800, *provincia Asmoda* (теперь *Jasmund*) 803, *Ziudra* 800 (теперь *Zudar*), *Walungia* 764 (теперь *Valung*) и др.

⁴²³ Так и в конце XII в., когда власть Раны распространилась и над ближайшими краями материка, в грамотах, где исчисляются владения ранских князей, сама Рана является всегда одной *жупой*, между тем как область ее на материке раздроблена на множество жуп: Cod. Pomer. № 71, 1193 г.: *Insuper vero... de quolibet aratro contulimus modum frumenti, in hiis scilicet provinciis: in Roia, Ostruzna, Buccua, Muschisza, Goszcowa, Sitne, Tribuses, Barthe Wasitha* (об этих жупах см. ниже, сноска 441).

народом; как один народ действуют лютичи в истории; а в то же время непреложные свидетельства указывают на то, что одни собственные лютичи, не говоря о примыкавших к ним ветвях, составляли четыре особых племени или народа (*quatuor populi*, у Адама Бремен-[110]ского и Гельмольда)⁴²⁴, и что эти четыре «народа», кичане, черепняне, доленчане и ратары, действительно имели полную политическую самобытность и независимость⁴²⁵. Но какие это были народы? Представим себе длинную наклоненную от северо-запада к юго-востоку полосу от Балтийского моря до пределов нынешнего Мекленбург-Стрелицкого владения, с боков ограниченную параллельными чертами, на западе чертой от низовьев Варновы к Мюрицкому озеру и к истокам Гаволы, на востоке от нижней Речницы (*Recknitz*) к Доленице (*Tollense*) и далее мимо Доленицкого озера к озерам и болотам, составляющим северный предел бассейна Гаволы, – и мы получим пространство, в котором они помещались, все четыре рядом, в виде маленьких четырехугольников. Верхний четырехугольник, между морем и изгибистым течением Речницы, составлял землю кичан, второй четырехугольник, от Речницы до верхнего течения Пены, принадлежал черепнянам⁴²⁶, третий, от Пены до течения Доленицы и Доленицкого озера – доленчанам, четвертый, нижний, между Доленицей и верховьями Гаволы, занят был ратарами⁴²⁷. Таким образом, на долю каждого из четырех «народов» лютицких приходился клочок земли чуть ли не меньше любого из наших уездов; и у трех из этих народов, у кичан, у доленчан, и у ратарей, было *по одному городу*, как достоверно показывают древние памятники: у кичан – *Кицин* или *Кицыня* (теперь деревня *Kessin* близ Роштока)⁴²⁸,

⁴²⁴ Ad. II. 18. III, 21. Helm. I, 2. 21.

⁴²⁵ Смотри в особенности рассказ Адама и Гельмольда: Ad. III, 21 и Helm. I, 21.

⁴²⁶ Замечательно это название *черепняне* (*Zerezerani*, *Zerezerani*, *Zciriszpani*, *Zircipani*, *Circipani*, *Circipen* и т. п.), данное племени, обитающему на северо-запад от Пены: стало быть, у славян балтийских, несмотря на то, что большая половина их обитала на запад от Пены, все же восточный край представлялся народному сознанию как бы исходной точкой: в этом балтийские славяне не изменили коренному славянскому воззрению.

⁴²⁷ На такое разграничение ясно указывают многочисленные грамоты конца XII века, в которых исчисляются деревни церковные и монастырские в разных краях новообращенного Поморья. Подробную разработку этих материалов предлагают статьи Лиша в «Jahrbücher» Мекленбургского Исторического Общества («das Kloster Broda», в томе III, «über die Länder Bisdede und Tribedne», XIII, «das Land Kutin oder Kutsin», XIII).

⁴²⁸ Гельмольд (I, 48) называет этот город просто *urbem Kycinorum*; Anp. Saxo (у Пертца VIII, 756) под 1121 г. говорит о взятии лютицкого города

у до[111]ленчан *Востров* (теперь дер. *Wustrow* у Толлензского озера⁴²⁹, у ратарей *Радигощ* (близ деревни *Prillwitz*, древней Прилбичи)⁴³⁰). Ясно, что такие «народы» были не что иное, как прежние *жупы* одного племени, между которыми исчезла общая связь, когда не стало у них княжеской власти. То же самое, конечно, можно сказать о черезпенянах: правда, у них, по словам одного любопытного свидетеля, было «три города с принадлежащими к ним землями, которые отделены и разграничены были между собою, и почитались особыми областями»⁴³¹; но такое дробление нисколько не противоречило характеру *жупы*: мы видели жупу морачан подразделенной

Kizun, «famosior et opulentior ceteris». Замечательно это частое повторение в северо-западном крае славянского Поморья одного и того же имени в разных звуковых видоизменениях: 1) Куцин, теперь *Kützin* в Виттенбургском округе (*Cuzin*, у Гельмольда); 2) Кутин или Куцин, теперь *Neukloster*, на восток от Висмара (*Kutin* в грамоте 1170 г., Cod. Pomer № 28: castrum Magnopolense (т. е. Мекленбург), *Zwerin*, *Kutin*, *Kyssin*; *Kuszin* в грамоте 1210 г. об основании монастыря *Sonnenkamp* или *Neukloster* (Lisch, Mekl. Urk. II, N 1): villa *Kuszin*, ubi locus idem fundatus est, qui nunc Campus Solis vocatur); 3) Кутин или Куцин, теперь *Quetzin*, близ г. Плау (*Kutin*, в той же грамоте 1170 г.: Parchim quoque, *Kutin* et Malechow; – *Cutsin* в грам. 1210 г.: in terra *Cutsin* villa quæ dicitur Techutin; в грам. 1235 г.: in provincia *Cuscyn* Techentyn (*Techentin*, теперь деревня близ г. Гольдберга, на с. в. от Пархима); наконец, 4) Кицин, теперь *Kessin* близ Ростока, в земле лютицких кичан (*Kizun*, см. выше, *Kicine*, у Гельмольда, I, 87: Wurle, situm iuxta flumen Warnou, prope terram Kicine; *Kyssin* в грам. 1170 г., *Kizin* в грам. 1181 г. (Cod. Pomer. N 49: villas in Kizin, que pertinere solebant ad Werle); *Kiszin* в грам. 1210 г.: ecclesia quoque Kisin et villa Rokentin). Все эти имена, очевидно, одного начала: древнейшая форма, вероятно, *Кутин* или *Кутино*, от древнего, чрезвычайно распространенного корня *кут* покрывать (*кутать*): отсюда, по законам славянской фонетики, могло образоваться *Куцин*, *Кучин*, *Кушин*, потом *Кытин* или *Кыцин*, наконец, *Кицин*, *Кишин*. Название это весьма обыкновенно и в польских землях; мы находим *Куцины* в Лентицком повете, *Кучын* в Ломженском, *Кушын* в Калишском, *Кичын* близ Познани.

⁴²⁹ Cod. Pomer. № 30, грам. 1170 г.: Wüstrowe castrum cum villa. См. статью Лиша (Jahrbücher III): «das Kloster Broda und das Land der Rhedarien».

⁴³⁰ См. ту же грамоту и ту же статью. Замечательно, что грамота 1170 в подробном перечне местностей в земле доленчан и ратарей не приводит у ратарей ни одного города: Радигощ уже не существовал, а другого города ратаре, как видно, не имели.

⁴³¹ Annales (Fasti) Corbejenses; у Пептуа, V, 8, под 1114 г.: Heinricum Staudensem, qui contraxerat Scyrcipensium Sclavorum 300 equites, id est centum de unaquaque urbe sua. Nam tres urbes cum suis territoriis tantum possident, quæ determinantes per singula provinciolas esse referunt.

между семью городами, и подобные случаи должны были повторяться всякий раз, когда несколько деревень, не довольствуясь общим «городом», общим убежищем и средоточием всей жупы, хотели иметь свое ближайшее средоточие и убежище, и строили себе новый город: так было, очевидно, и с черзепнянами. Их старинный город Даргунь⁴³² лежал в юго-восточном углу их земли: могли быть нужны города и в других краях, слишком отдаленных от Даргуни, и образовалось два новых центра в земле Черзепнянской⁴³³, но она не [112]утратила через то ни своей цельности, ни того характера простой *жупы* лютицкого племени, который оставался за ней постоянно, так же как за другими подразделениями лютичей, несмотря на их внешнее обособление и самостоятельность. Таково было значение четырех народов лютицких. Их особенность зависела чисто от того, в какой мере сильна была у них община: подчиняясь одному из соседних князей, бодричкому или поморскому, они тотчас входили в ряд других *жуп* славянского Поморья. Так, прежний народ кичан в XII веке стал простой *жупой*, подвластной бодричкому князю. Доленчане, ратары и черзепняне с их тремя ветвями перешли в *жупы* княжества Поморского.

Кроме описанного пространства к лютичам принадлежал еще на юго-запад от доленчан и ратарей край моричан⁴³⁴, на восток от рата-

⁴³² Cod. Pomer. № 35, 1173 г.: veteri castro de Dargon.

⁴³³ В северном углу черзепнянской страны лежал город Любечинец (Lubekinsa, теперь деревня Lübchin), о котором упоминает Саксон (982); вероятно, Даргунь и Любечинец принадлежали именно к числу трех городов черзепнянских, о которых сказано в корбейской летописи; какой был третий город, трудно решить: может быть, остров, теперь Güstrow. В древних грамотах часто говорится о землях *Bisdede* и *Tribeden* или *Tribedne*, как о подразделениях черзепнян; о последней упоминает и Книтлинга сага (129) под именем *Atripiden* и *Tribiden* (или, по ложному чтению, *Tripipen*). Лиш (Jahrbücher, XII, 24–36) показал, что земля *Bisdede* составляла западный край черзепнян, позднейшую землю Гюстровскую, *Tribedne* – восточный, или, лучше сказать, северо-восточный край, позднейшую землю Гноенскую; деревни, принадлежавшие к Даргуню (см. Cod. Pomer. 35 и 110), не причислялись ни к тому, ни к другому из этих отделов и составляли особое целое. Не следует ли поэтому предположить, что три волости черзепнян, о которых мы привели свидетельство Корбейской летописи, были именно земли *Bisdede*, *Tribedne* и Даргуньская. Но какие славянские названия лежали в основании исковерканных слов *Bisdede* и *Tribedne*? – едва ли можно решить.

⁴³⁴ Моричане занимали, как видно из самого имени, края у большого озера Морьца (Müritz); по изысканиям Лиша (Jahrbücher, II, 86–107), им принадлежал именно западный, северный и северо-восточный берег его.

рей край укрян с речанами⁴³⁵, подобно собственным лютичам мы находим их в истории то самостоятельными, как отдельные народы⁴³⁶, то низведенными на степень жуп⁴³⁷. Первоначально, кажется, они составляли особые племена⁴³⁸ и потом уже примкнули к четырем ветвям лютичей, судьбу ко[113]торых должны были разделить. Наконец, к лютичам принадлежал еще угол между Доленицей и нижним течением Пены с Дымином, Плотом, Междуречьем и Грозвином⁴³⁹, а на другой стороне реки Пены вся страна, ограниченная течением Речницы и Балтийским морем, где были следующие города с примыкавши-

⁴³⁵ Речане и укряне жили по течению реки Укры, первые у низовьев ее, вторые по среднему ее течению: город речан был Поздеволк (Pasewalk), город укрян Премислава (Prenzlau); впрочем, имя укрян относилось часто к обеим ветвям славян при Укре: так, жизнеописатели Оттона Бамбергского рассказывают о племени Verani (читай Vcrani, т. е. Ucrani), к которым ездили из Щетина морем, очевидно, разумея под этим именем не только собственных укрян, отделенных от моря, но и речан: так, и поморские грамоты иногда отделяют край или жупу Укрянскую от Речанской или Поздеволкской, иногда же распространяют наименование первой на последнюю (напр. Cod. Pomer. N 106: villam... Sarnotino in provincia Pozdewolk; N 107: in provincia Vccre villam Sarnotino).

⁴³⁶ См.: Andr. 172. Erat etiam illic barbarorum natio, quæ Moriz vocabatur... 193. Erant autem trans mare barbari crudelitatis et sævitia singulares, qui Verani (т. е. Vcrani) dicebantur. Hi... crebris legationibus mandaverant, quod si unquam (Оттон) terras eorum intrare præsumeret, sine mora cum omnibus suis morti acerbissimæ se tradendum sciret.

⁴³⁷ См. Cod. Pomer. 26, 1168 года и множество других грамот.

⁴³⁸ Грамоты Оттона I приводят подле племен и жуп stodорских также и некоторые из ветвей лютичских, равно как моричан, укрян и речан, в числе славянских областей, приписанных к Гавельбергской и Бранденбургской епархиям: 946 г. (Cod. Pomer. № 6) decimas istarum provinciarum intra suos limites consistentium... Desseri, Linagga, Murizzi, Tholenz (доленчане), Ploth, Mizereze, Brotwin (описка вместо Groswin: Плот, Междуречье, Грозвин, см. ниже), Wanzlo (Ванцлавская жупа, см. ниже), Wostze (описка – вместо Wostroze, как видно из повторительной грамоты 1150 г., Cod. Pom. 20; Wostroze – теперь Wusterhusen); 949 г. (Cod. Pom. 7) *provintias*... Heveldun, Vuuceri, Riaciani, Dassia; – 965 г. (Cod. Pom. 8) a subditis nobis Sclavorum *nationibus*, videlicet *Ucranis, Riezani, Riedere* (Патапе), *Tolensane, Zerezepani*.

⁴³⁹ Дымин, теперь Demmin, при впадении Доленицы в Пену, город и жупа (см. Cod. Pom. 16 и мн. др.); Плотская жупа лежала от Дымина на восток, но от самого города Плата не осталось следа; Междуречье занимало край между Пенной и Доленицей от теперешнего местечка Ярмена (Jarmen) до деревни Столпа (Stolpe); г. Грозвин лежал близ нын. Анклама, и жупа, к нему принадлежавшая, простиралась, кажется, по берегу моря, от Пены до устья Укры (см. статью Гизебрехта «Luitizische Landwehre», в «Baltische Studien», XI, 2, 143–153).

ми к ним жупами: на берегу моря: Барт (Barth), Острожна (Wusterhusen), Волегощ (Wolgast), Лешане (Lassan): по Речнице, Требеле и Пене: Требочец (Tribsees), Лошица (Loitz), Гостьков или Хотьков (Gützkow), Щитно (Ziethen)⁴⁴⁰. То была коренная Лютицкая земля⁴⁴¹, и в [114]ней во время политической независимости лютичей каждый город со своей властью составлял особое самостоятельное общество⁴⁴²;

⁴⁴⁰ Cod. Pomer. N 14, 1136 г.: provincias... Crozwine cum Rôchowe (подчиненная городу Грозвину волость Роховская лежала у самого устья Укры, см. Cod. Pomer. 106), *Lesane*, Meserechs et *Sitne* (т. е. Щитно), insuper et *Tribusses*. – N 16, 1140 г.: Castra hec scilicet Dimin, *Treboses*, *Chozcho*, *Wologost*, Huznoim, Groswin... cum villis et eorum appendiciis omnibus; deciman fori quod dicitur *Sithem* – N 20, 1150 г.: cum provinciis... Dolenz, Ploth, Mizerezs, Grozwin, *Cithne*, Wanzlow, *Woztrose*. – N 26, 1168 г.: In provincia *Gozchowe*... In provincia *Scitene*... In provincia quoque Vcra... Rursus in provincia supra memorata *Scitene*... in provincia quoque vicina, que dicitur *Lessan*... Item in castro Pozdewolk... N 28, 1170 г.: eius termini sunt *Dymin* et cum terris et villis, scilicet Tolenze, Plote, *Losize*, *Tribuzes*, Czirzepene, et omnibus villis predictis terris adiacentibus (смысл таков: «пределы, до которых простирается и которыми ограничивается область Зверинского епископа, суть: Дымин с землями и деревнями, и следующие земли, доленчане, Плот, Лошица, Требочец, черзепняне, со всеми деревнями, заключающимися в этих землях»; – эти земли, действительно, были уже прежде причислены к епархии Поморского епископа. – N 71, 1193 г.: in hiis scilicet provinciis: in Roia (Руя, Рана), *Ostruzna*, Виссуа (*Буково*, вероятно, нынешнее селение *Buggow* между Вольгастом и Лассаном; область Буковская во всяком случае была второстепенная и принадлежала к Волегощу, см. Cod. Pomer. N 74), *Muschisza* (второстепенная область, о которой нет больше упоминания), *Goszcoiwa*, *Sithne*, *Tribuses*, *Barth*, Wasitha (местность неизвестная, о которой только в этой грамоте и сказано). Подробный свод известий о городах и жупах Барте, Требочце, Лошице, Острожне, Волегоще, Букове, Лешанах, Щитне и Гостькове, с исчислением всех местностей, которые приводятся древними грамотами в этих жупах, составлен Фабрициусом (Urk. II, 90–97).

⁴⁴¹ Ad. II, 19. Ultra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurrit. IV, 13. Wilzi et Leuticii sedes habent usque ad Oddaram flumen; trans Oddaram autem comperimus degere Pomeranos. – Грамота о проповеди Оттона Бамбергского (Pertz, VIII, 263): (Otto) partes Pomeranorum... cum quibusdam civitatibus *terræ Louitiæ* aggressus est: эти города Лютицкой земли, принадлежавшие, впрочем, уже княжеству Поморскому, которые посетил Оттон, были Дымин, Гостьков и Волегощ. – Epistola Wibaldi, abbatis Stabulensis et Corbeiensis, 1149 года (Cod. Pom. № 18): intraveramus... in terram Leuticiorum... et eramus in obsidione castri Dunin (читай Dimin).

⁴⁴² Так представляется эта страна в историческом рассказе Гельмольда и Саксона; Саксон говорит о Волегоще (773): castellum Walogastum... quod quamquam in Slavica situm foret, a communi tamen ejus ditione secretum, a propriis ducibus (жупанами) regebatur.

но эти общества возвращались к значению простых *жуп*, лишь только они подчинялись, для защиты от немцев или датчан, одному из соседних славянских князей. Во второй половине XII века уже собственно не было независимых лютичей: около 1170 года кичане были жупой бодрицкой, черезпеняне, доленчане, ратары, укряне, щитняне, Волегощ, Гостьков, Лошица, Дымин, Требочец, – жупами поморскими, Барт – жупой ранской, моричане – жупой подвластной немецким завоевателям Бранденбургии. Почти не видно в истории, когда и как это случилось, каким образом вдруг разобран был, так сказать, по кускам этот гордый и славный народ лютичей, перед именем которого благоговели славянские племена на Поморье и трепетали германцы. Вот естественное следствие дробления на *жупы* при тех общественных началах, которые господствовали у лютичей. Из прежнего лютицкого племени образовалась группа совершенно самостоятельных, вольных обществ (республиками мы их не назовем, потому что они чужды были идеи государственного управления, которая заключалась в этом римском слове), и между этими обществами осталась только связь религиозная, общее поклонение в храме радигощском, да другая связь, общая вражда к христианским народам: пока возможны были предприятия против христиан вне пределов родины, пока Радигощ сзывал к себе поклонников из всех городов лютицких и составлялся тут сейм, перед нами является могущественный народ лютичей; как только начал теснить его завоеватель, как только он разрушил старую святыню Радигощ, – лютицкого народа не стало: каждое общество, для своего спасения, подчиняется тому из соседних князей славянских, который ближе и сильнее, и никому как будто и не приходит на мысль, что было бы возможно лютичам соединиться всем вместе и иметь собственного государя; с тех пор как не существует храма радигощского, нет и общего сейма лютичей: ясно, что сознания внутреннего, народного единства в лютичах не было, а была только связь внешняя.

Система жуп, которую мы нашли более или менее сглаженной у бодричей, а у лютичей, напротив, доведенной до крайней степени разъединенности, сохранилась в целости, как и все вообще стихии племенного быта, в земле [115]Поморской. Здесь мы видим еще в XII и даже в XIII веках равновесие между общей племенной властью, представителем которой был князь, и внутренней обособленностью каждой *жупы*: общественное устройство Поморья было полнейшим проявлением старой славянской системы дробления.

По свидетельствам XII века, собственное, так называемое переднее Поморье, состояло из 8 жуп; две жупы были островные, *Ванцлавская* (остров Usedom) с г. Узноимом (Usedom) и *Волынская*

(остр. Wollin); на материке, жупы *Щетинская*, *Каменская* и *Колобрежская* занимали прибрежную полосу от Одры за Персанту; на юг от них, пограничная с Польшей полоса состояла также из трех жуп, *Пырицкой*, *Старогардской* и *Белогардской*⁴⁴³.

Наконец, и восточное, так называемое заднее или верхнее, Поморье между Персантой и Вислой распадалось также на жупы; но мы имеем так мало сведений об этом крае в древнее время, что не можем в точности определить, сколько их было и какие именно. Судя по немногим грамотам конца XII и начала XIII веков, главные укрепления на восточном Поморье, которые служили сосредоточиями жуп, были Дерлово (близ нын. Rügenwalde), Славно (Schlawe), Столп или Слуп (Stolpe), Старгрод на р. Верше (Verse) и Гданск⁴⁴⁴. Но вероятно, что первоначально и городов, и жуп было гораздо больше, пока нашествия поляков не разорили всей этой страны.

⁴⁴³ Cod. Pomer. № 16, 1140 г. (грамота об утверждении Волынского епископства, с определением его области): ...quescunque bona quascunque possessiones eadem ecclesia... possidet... hec propriis duximus exprimenda vocabulis. Videlicet *civitatem ipsam Willin* cum foro et taberna *et suis omnibus appendiciis*. Castra hec scilicet Dimin, Treboses, Chozcho, Wologost, *Huznoim*, Grosxim, *Phiris* (т. е. Пырица, теперь Pyrzyca), *Stargrod* (Stargard на р. Ihna) *cum villis et eorum appendiciis omnibus*, *Stetin*, *Chamim* cum taberna et foro, *villis et omnibus eorum appendiciis*, *Cholberg* cum tugurio salis et theloneo, foro, taberna *et omnibus suis pertinentiis*. Неизвестно, почему не упомянуто о Белгарде (Belgardt на Персанте), который приводится в числе поморских городов, посещенных Оттоном, как в житиях его, так и в известной нам грамоте 1124 г. Pertz, VIII, 263. Nomina civitatum: Pririz, Stetin, Volin, Gamen, Colbrech, Belgardo, Lubin, Gresch (Градище, теперь Garz: о двух последних см. ниже), и который является как средоточие особой жупы во множестве поморских грамот. – Cod. Pomer. N 24, 1150 г. In provincia *Wanzlo*... thelonenem de navibus que transeunt per aquam iuxta castrum Uznam... Juxta castrum *Stetin*... villa una, Zelechoa... In provincia... Sliwin, que pertinet ad castrum *Camin*... In *Coluberch* census salis... et ante ipsum castrum taberna; et in *eadem provincia* due ville, Poblote, Svelube... Item in castro *Belgarde* taberna una... N 26, 1168 г.: ante castrum Uznum decem marce de taberna annuatim et theloneum forense. Theloneum quoque de navibus ante idem castrum in lacu magno transeuntibus. Item in *eadem provinica scilicet Wanzlove*, villa Bresiz, villa Minuchowe (теперь дер. Mönchow на Узедоме) etc. Cod. Pomer. 148, 1224 г.: villas in territorio Cholbergensi... et aliis villis in Piritz... et villam in territorio de Ztaregard... N 90, 1290 г.: *villam in Belegart*, Belzcowo (ср. сноску 414). N 100, 1214 г.: villam unam que Cossalitz vocatur, iuxta Cholin in Choleberngensi territorio. – Andr. 134. tota civitas (Stetin) cum adjacente provincia. Serf. 112. pagum Stetinensem. 94. per medium fori (в Щетине), populo ex omni provincia conveniente.

⁴⁴⁴ См.: Barthold. I, 497.

*Значение «городов» у балтийских славян; их отношение
к обществу или жупе*

Мы видим, таким образом, что, за исключением ран, все племена у балтийских славян были раздроблены на мелкие жупы. Каждая жупа непременно имела свой город; связь между жупой и городом была, мы знаем, такая тесная, что жупа составляла в глазах балтийских славян нераздельную принадлежность города и как бы в нем подразумевалась (вспомним речь бодрицкого князя). Но, собственно говоря, не жупа, не волость принадлежала городу, как бывало в других землях, а город в полном смысле принадлежал жупе, он был ее общественной собственностью, ее представителем и, можно сказать, воплощением.

Славянский город не имел постоянного населения⁽⁶⁰⁾; то было огороженное, укрепленное, но не застроенное жилыми домами⁴⁴⁵ место, в котором народ из окрестных деревень или *жупа* мог собираться для общественных дел и находить убежище в случае неприятельского нашествия⁴⁴⁶, единственные в «городе» строения могли быть храм с какими-нибудь пристройками, да княжий двор и, может быть, двор жупана; даже там, где торговля сосредоточивала в одном месте значительное народонаселение, город сохранял вид незастроенной крепости, а торговый люд размещался около этого собственного «города» в предместьях⁴⁴⁷. Но такие города редкость; не насчитаешь их десятка во всей земле балтийских славян, большей частью и в тех случаях, когда к городу притекали постоянные жите-

⁴⁴⁵ См.: Saxo 742, 822, 841. Thietm. I, 9. M. Gall. II, 28. Ср. также Sefr. 121. *aream* juxta civitatem (Дымин) in veteri castello eorum mansioni designavit, in qua fixis tentoriis etc.

⁴⁴⁶ Sefr. 60. ad castrum... Pirissam... hominum ad 4000 ex omni provincia confluisse... aspexerunt. – 94. populo ex omni provincia conveniente (в Шетине). S. Cruc II. 10. de rure ac de villis plebem... convocantes. Helm. I, 62. convocavit universam gentem suam et coepit aedificare castrum Dobin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis.

⁴⁴⁷ См. выше сноску 217; ср. также Cod. Pomer. 6 medietatem castri et civitatis Havelberg. M. Gall. II, 22. urbem regiam... Albam nomine (т. е. Белград на Персанте)... opulentam et populosam... expugnavit. Dicut... eum primum invasisse, eumque primum *propugnacula* conscendisse... *De civitate autem* praedam innumerabilem asportavit, munitionem vero planicie coequavit. – Thietm. I, 9. (Heinricus) urbem... Liubusum (*Lebus* на Одре)... diu possidens, urbanos in muniunculam infra eandem positam fugere... compulit.

ли, они строили себе подгородную слободу или деревню⁴⁴⁸ и продолжали жить [117]не городской, а сельской жизнью. Таким образом, города у балтийских славян никогда не изменяли своего древнего характера. Была великая разница, – и разницу эту ясно сознавал уже Саксон Грамматик⁴⁴⁹, – между городом славянским и немецким. Славяне были искони градостроители, немцам в древности города были неизвестны, но потом у немцев стала возникать и все более и более развиваться городская жизнь, города явились с постоянным народонаселением, с самостоятельным значением и, усиливаясь мало-помалу, получили решительный перевес и часто даже полную правительственную власть над деревнями; у славян, напротив, города долго удерживали значение простых сборных мест для сельского народа: они не повелевали деревнями, а совершенно зависели от них, – и в этом положении оставались города у балтийских славян в течение всей их истории⁽⁶¹⁾.

Понятно, что такого рода город сам по себе существовать не мог. Его строила и поддерживала вся *жуна*: то была общественная обязанность, и одна из самых важных. Когда учреждались на Поморье монастыри и князья передавали им разные деревни, то они обыкновенно слагали с этих деревень в пользу монастыря прежние повинности их в отношении к мирской власти всегда только с двумя условиями: чтобы монастырские деревни продолжали участвовать в защите страны в случае нападения врагов и чтобы они, *наравне с остальным народонаселением жуны, несли обязанность строить и поддерживать город, в их жупе находящийся*. Такого рода условия мы читаем в огромном множестве поморских грамот⁴⁵⁰, и они вполне выказывают значение и характер «города» у поморян. Таким же общественным делом жуны постройка городов была у бодричей и у

⁴⁴⁸ Cod. Pomer. 60. vicus ante ipsum castrum Lubbin. – 24. ante ipsum castrum (Coluberch) taberna 26 ante castrum Uznum, decem marce de taberna annuatim, et theloneum forense. Ebbo. 74. cives Timinensem *ante portam* concionabantur. Слободы или деревни находились, кажется, при большей части важных по местоположению городов; см. сказанное выше об Арконе.

⁴⁴⁹ Sax. 796. præfectum Swerini oppidi... quod nuper a Saxonibus redactum, *ius et formam civitatis* acceperat.

⁴⁵⁰ Cod. Pomer. N 37. Villam itaque Scalthkoviz ex burgwardio Gozcovensi predictæ ecclesiæ... donavi, quam ad omni meo iure et seculari potestate, *excepta urbis munitione*, liberam emancipavi. – 41. decrevimus, ut villas vel curias eorum (т. е. canonicorum Caminensium) nulla persona secularis nuncia potestatis presumat intrare pro exactione aliqua, vel qualibet causa molestie nominibus ecclesiæ facienda. *Volumus tamen, ut iidem homines castrum ad quod pertinent et pontem*

стодорян, как видно по сви[118]детельствам Гельмольда и грамот Оттона I⁴⁵¹. Напротив, когда случалось славянским князьям водворять или разрешать водворение чужих переселенцев в каких-нибудь деревнях, то они всякий раз освобождали их от этой повинности⁴⁵²: действительно, переселенцы эти по гибельному пристрастию к ним князей знатного сословия и духовенства исключались из общего земского права славянского и по этому самому поставлялись вне славянского общества, вне жупы, которая была проявлением этого общества: понятно, что им не для чего было участвовать в постройке города, принадлежавшего жупе.

edificent generalem. Homines eciam ipsius ecclesie iuri ecclesiastico, non iudicio subiaceant seculari, eosque ab omni exactione, insuper naraz, oszep, gaztitua, vectione vel per terram vel per aquam et domorum nostrarum edificatione, ceterisque serviciis et rebus dandis secundum morem gentis nostre, penitus esse volumus absolutos, ita quod solis canonicis nullique serviant domino seculari; *sed cum necesse fuerit ad defensionem terre sue procedere, sint parati infra ipsam terram, cum eam hostiliter invaserint inimici.* – 43. sancimus, ut canonici Grobensis ecclesie... possessiones suas ab omni iure terreni domini absolutas, etiam *ab omni provinciali exactione, excepta instauratione munitium, ad quas ipse* (т. е. ipsæ, possessiones) *petrinent*, liberas... possideant. – 65. Partem quoque provincie Wanzlove, que Lipa dicitur... totam... libere et absolute ab omni exactione predicti servi Dei possideant, *excepto quod ad instaurandam munitiem, ad quam pertinent, cum poposcerit necessitas rustici eorum sicut quilibet alii comprovinciales sui adiuva-bunt.* – 132 cunctis hominibus eorum de omni exactione concedo, *excepta reedificatione castri in Gdanzc*, ita sane ut si propria negligentia, sive per manus inimicorum fuerit exustum. Excipitur eciam si pagani (т. е. прусы) seu Poloni hanc terram temptaverint intrare, tam monachorum quam aliorum homines *tenentur hostibus resistere et patriam defendere.* 175. Redidimus etiam ipsorum homines liberos a custodia castri, et a prevoth, et a canum recepcione et equorum nostrorum, *sed tantum castrum cum aliis hominibus quelibet villa in suo loco edificabit*, id est in castellania, et non alias; sed (вероятно описка вместо *et*) *ad defensionem terre;* cum hostes intrarent, *ire tenebuntur*, et non alias; см. еще грамоту N 242 и мн. друг.

⁴⁵¹ Helm. I, 62. convocavit universam gentem suam et coepit ædificare etc. Cod. Pomer., 6. Plot civitatem totam *cum burcwardo*; ... Wizoka civitatem *cum omni burcwardo* etc.; см. сказанное выше (выноска 411) о слове *burgward*, и ср. Cod. Pomer. 37. villam Sclathkoniz etc. – Cod. Pom. 7. civitatum subtus nominatarum... et villarum ad has civitates iure pertinentium.

⁴⁵² Cod. Pomer. 39. Et quia prefatus locus spaciosus est, lateque patentes campi qui cultoribus indigeant, colonos quotcunque ibi fratres posuerint, ab omni exactione liberos esse concessit, ne videlicet urbes edificare aut reparare compellantur et ne principi terre censum persolvant cum reliquo populo etc. – 58. Et quia fratres proprias colligere fruges non sufficiunt, colonos quoscunque ibi posuis-

*Религиозная и административная самостоятельность жуп. –
Значение и власть жупанов*

Сосредоточенная в городе жупа составляла особый общественный круг, цельный и замкнутый в себе.

Она имела религиозную самостоятельность; у нее был в городе свой общественный храм, свой жрец, свое общественное богослужение, для которого в известные дни сходилось в городе все население жупы⁴⁵³. Самостоятельность и особенность жупы у балтийских славян хорошо выразил Титмар в замечательном своем свидетельстве, что «*сколько у этих славян волостей (regiones, т. е. жуп), столько существует у них храмов и особых иступканов, которым поклоняется языческий народ*»⁴⁵⁴.

Жрец был духовный глава жупы⁴⁵⁵; светский глава был жупан⁴⁵⁶. Он принадлежать к знатному сословию⁴⁵⁷, иногда даже к княжес-

sent, ab omni exactione secularis iuris liberos esse statuo... ne scilicet edificare aut reparare urbes cogantur vel isti aut alii ipsorum villani. – 156. Homines quos ipsi (монахи даргунские) ibi locaverint, liberos ab advocatia, urbium edificatione, ad expeditione, pontium positione et ab omni servitio dimisit; см. еще N 88, 126, 153, 179, 180 и др.

⁴⁵³ Sefr. 60. ad castrum... Pirissam... hominum ad 4000 milia ex omni provincia confluisse. Andr. 162. ad prædictam idoli celebritatem cunctis provincialibus... concurrentibus. Cp. Helm. I, 52, 88.

⁴⁵⁴ Thietm. VI, 18. Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur, et simulacra dæmonum singula ad infidelibus coluntur. В редких случаях храма не было, но все таки жупа имела свою общественную святыню, как-то священную рощу и т. п.: см. Helm. I, 83.

⁴⁵⁵ Helm. I, 38. populus terræ cum flamine et regulo. I, 69. receptus est a barbaris habitatoribus terræ illius, quorum deus erat Proue. Porro nomen flaminis, qui præerat superstitioni eorum, erat Mike. Sed et princeps terræ vocabatur Rochel. См. о жрецах у балтийских славян ниже, § LXXIV.

⁴⁵⁶ Cod. Pomer. 64. suppanorum.

⁴⁵⁷ Ebbo 51. Domuzlaus... generis nobilitate inter Stetineses eminentissimus etc. Cod. Pomer. 41 (1175 или 1176 г.): ... Zavist castellanus, *Unima ceterique nobiles* de castro Cammyr, и ср. 48, 1181 г.: *Unima castellanus*, Wicezlaus, Cetzlaus et plures alij Caminenses. 24. Acta sunt hec in castro Uznam coram principibus Bûgozlavo et Kazimero fratre eius, et aliis nobilibus terre ipsius, Ostrobodo scilicet castilano predicti castri et Dommizlo fratre eius, ceterisque qeam plurimis tam ipsius provincie quam aliarum. 162.: Rochillus castellanus noster in Dimin vir nobilis etc. Таких примеров можно привести из поморских грамот

кому роду⁴⁵⁸, и назначался, кажется, по крайней мере на Поморье, князем⁴⁵⁹. [120]Выбор падал всегда, без сомнения, на человека богатого, владевшего поместьями⁴⁶⁰, имевшего средства содержать дружину⁴⁶¹. Местопребыванием жупана был «город», почему, при перенесении на Поморье латинского и немецкого языка, его стали называть *бурграфом и кастелланом*⁴⁶².

множество, и вообще все исторические свидетельства указывают на то, что жупаны были члены сословия знатных людей.

⁴⁵⁸ Saxo 867. *Præfectus urbis* (Щетина) Warthyszlavus erat, qui et ipse Bugiszlavo et Kazimaro (князьям поморским) sanguine contiguus habebator. Cod. Pomer. 26. Domino Wartizlavo castellano de Stetin.

⁴⁵⁹ Когда Поморье разделялось между двумя князьями братьями, то в важном и доходном городе Колобреге, которым они владели сообща, является два жупана (см. Cod. Pom. 37 и примечание издателей, стр. 96); если бы жупаны не назначались князьями, то не было бы, конечно, такого достоинства; заметим еще, что при двух жупанах Колобрег имел тогда и две корчмы) (Cod. Pomer. 45): в корчме производился сбор податей, и каждый князь хотел иметь в общем городе свою корчму, как и своего жупана. Что жупаны на Поморье назначались князьями, а не народным выбором, мы предполагаем еще и потому, что они иногда перемещались из одного города, из одной жупы в другую (Cod. Pomer. 136. Thuringo castellano de Colbergh villam Bogutin pro tempore sub ea contuli condicione, quod si ipse locum in quo nunc est, mutaverit... villa ad... ecclesiam revertatur); наконец, мы предполагаем это по аналогии с Польшей и Силезией (ср. также M. Gall. III, 26). Разумеется, у лютичей, в то время, когда княжеской власти не было, выбор жупанов должен был зависеть от общины.

⁴⁶⁰ Andr. 179. ad remotiores villas meas. Cp.: Ebbo 51. – Cod. Pomer. 126, voluntate et consensu domini Wartizlai de Choskove, cui predicta villa more terre attinuit; ср. там же, примеч., стр. 283.

⁴⁶¹ Sefr. 121. urbis (Тиминæ) *præfectus*. 122. *præfectus misso satellite*. Andr. 186. ejusdem loci (Гостькова) princeps Mislaus, ... missis militibus suis.

⁴⁶² Самое обыкновенное название есть *castellanus*, т. е. начальник укрепления, castrî: так точно звали обыкновенно по-латыни жупанов и в Польше; в житиях Оттона употребляется выражение *præfectus civitatis* или *urbis* (Sefr. 121, 131.), также princeps civitatis (Sefr. 139); ср. Sefr. 124.: dux terræ... baronibus ac capitaneis totius provincie ac *præfectis civitatibus*... conventum indixit, и Cod. Pomer. 64: in generali conventu et concilio, consensu omnium fere baronum et *suppanorum suorum universali decreto*. – Выражение *præfectus* употребляет и Саксон: Sax. 867. *præfectus urbis* Warthyszlavus. Cod. Pomer. 26. Wartizlavus *castellanus*. Сравни. Cod. Pomer. 126. Rochillus *præfectus* in Dimin; 140. Rochillus *castellanus*, Andreas tribunus... Diminenses; 163. Dobezaus... Rochilli quondam in Dimin *borgravii filius*. Иногда жупаны называются просто графами, *comites*, напр. Cod. Pomer. 188. *comites, advocati et iudices*, вместо обыкновенной формулы поморских грамот: *castellani, tribuni et iudices*.

Жупан был высшее должностное лицо⁴⁶³, ему принадлежала администрация жупы. Мы знаем, что князь у балтийских славян (эти отношения особенно ясно выражаются на Поморье) не имел в собственном смысле правительственной власти. Каждая жупа управлялась особо, решая дела на сходке народа или советом знатных людей и стариков. Глава сходки и совета был, без сомнения, жупан⁴⁶⁴; и он же был посредник между княжеской властью и жупой. С одной стороны, он был исполнителем княже[121]ской воли в своей жупе⁴⁶⁵, с другой, он являлся представителем жупы перед князем: князь без его совета и согласия не постановлял меры, касавшейся до жупы⁴⁶⁶, а когда мера была постановлена, то жупан объяв-

⁴⁶³ Cod. Pomer. 141 *castellanis*, tribunis, iudicibus et ceteris *officialibus* Colbergensis civitatis.

⁴⁶⁴ Прямого указания нет, но иначе едва ли могло быть; можно впрочем основаться отчасти на рассказе Андрея (179) о жене волегошского жупана, которая говорит: «*magistratus civitatis hujus cum omni plebe dispositum. habet*» etc. Магистраты, которые, по свидетельству Сефрида, говорили на площади народу с деревянного помоста, были, без сомнения, именно жупаны: 160. *erant autem ibi gradus lignei... de quibus praecones et magistratus ad populum concionari solebant.*

⁴⁶⁵ Seifr. 59. *Dux de viris qui secum venerant ductores et ministros reliquit episcopo, mandans in tota Pommorania per loca cuncta possessionis suae, liberalia ei praebere hospitia*: принимали даже епископа именно *praefecti civitatum*, жупаны, как видно из дальнейшего рассказа. Зависимость жупанов от князя следует, несомненно, и из того, что жупаны были главными сборщиками податей для князя, что князь называл их *officiales nostri, fideles nostri* (см. Cod. Pomer. 131, 163 и мн. др.).

⁴⁶⁶ См. свидетельство Эббона (51) о Домославе. – Cod. Pomer. 61. *assensu nostro et optimatum terre nostre*, далее: *voluntario assensu domini Conradi episcopi... et omnium principum terre nostre... Testes horum sunt...* Janic de Timin, Gergnew de Timin, Stephanus et filius eius Pantin de Ukeru, Zuzlyzla de Brenszla, Pribiszla de Pobizwolk, Parso de Colberck, Unim de Camin, Gozizslaus de Zedin, Heinricus dobszla dezlae prefectus de Uzuem et fratres eius: в этих искаженных именах (грамота дошла до нас в списке, сделанном в Бамберге) мы находим именно всех тогдашних жупанов поморских, как оказывается из сличения с другими грамотами этого времени. Ср. еще N 82. Все дарственные грамоты поморских князей носят, во главе светских свидетелей, имя жупана, в чьей жупе находилась даруемая деревня. Согласие жупана в этих случаях не приписывалось и не почиталось нужным, потому что князь, даровал то, что было, по тогдашним понятиям, его личной собственностью, но необходимо было, чтобы жупан принял постановление князя к сведению, он был необходимый свидетель; зато, когда налагалась новая подать, когда даровались права какой-нибудь местности или какому-нибудь сословию, словом, когда

лял ее народу и исполнял ее⁴⁶⁷. О делах всей земли, т. е. совокупности жуп, рассуждали общим советом; этому совету князь предлагал те меры, которые касались всей земли; они не могли быть приняты без общего согласия жупанов⁴⁶⁸, и ими же опять провозглашались и исполнялись они⁴⁶⁹. [122] В случае малолетства князя власть его переходила к совету жупанов⁴⁷⁰.

Значение жупанов было, таким образом, велико, но крайне неопределенно. Жупан зависел и от народа своей жупы, который, собравшись на сходку или поручивши решение общественного дела старикам и знатым людям, предписывал ему свой приговор⁴⁷¹, и от князя, который назначал его и служителем которого он считался; а с другой стороны, опираясь на народ, жупан мог действовать почти независимо от княжеской власти⁴⁷²; опираясь на князя и на дружину,

решение князя относилось не к его собственности (мы знаем, что общественные доходы, шедшие в княжескую казну, почитались собственностью князя), а к делам общественным, то требовалось согласие жупанов и оно всегда обозначалось в грамотах такого рода.

⁴⁶⁷ Cod. Pomer. 64 *suppanorum suorum universali decreto statuerunt*. Далее мы увидим исполнительную власть жупанов.

⁴⁶⁸ См. место из грам. 61. в Cod. Pomer., приведенное в сноске 467, и там же: «*lectis igitur literis coram principibus nostris, equidem post obitum Ducis omnes convenerant tractare de statu terre, communicato consilio, placuit omnibus hoc tam salubre institutum*: что эти *principes* были именно жупаны, об этом см. выше 467. – Cod. Pom. 65. *cunctorum fere totius terre nostre nobilium communi consilio commoniti. 82. unanimi consensu domini Conradi... episcopi et omnium principum terre. 144. Acta sunt hec... coram nobilibus totius Slavie. 211. de communi nobilium nostrorum consilio. Cp. 213, 214, 215–219. nos tam de proprio voluntatis arbitrio, quam de nostrorum nobilium prudenti consilio. Cp. еще Seifr. 124. baronibus ac capitaneis totius provinciae (т. е. Поморья) ac praefectis civitatum... conventum indixit.*

⁴⁶⁹ Cod. Pomer. 64. *suppanorum suorum universali decreto. 26. Acta sunt hec super introitum fluminis Ucrensis, in presentia totius populi terre, convocati illuc ad concilium, istis specialiter vocatis in testimonium: Domino Jaczone, Domino Bogozlavo, Domino Cazimero principibus, Domino Wartizlavo castellano de Stetin, Zavist castellano Caminensi, Venzelavo castellano Juliensis, Gustizlavo castellano Uznomiensi, Dirskone castellano Diminensi et Budowoy cognato eius (Cp. 65).* – 89. *attestatione manuum omnium principum Pomeranice gentis eiusdem cere confirmationem* (т. е. утверждение взноса воска) fecit: это относится к подписям жупанов, находящимся на грамоте 61, о которой сказано выше, в сноске 467.

⁴⁷⁰ Cod. Pomer. 61.

⁴⁷¹ См. рассказ Сефрида, 132, и Андрея, 179.

⁴⁷² См.: Sax. 867–868.

он мог почти безответно править жупой⁴⁷³. Такая неопределенность отношений видна во всем общественном устройстве балтийских славян. Когда нахлынули на Поморье немецкие стихии, когда все стало переходить к немцам, не дано было славянскому народу даже в своих жупанах, – несмотря на то что они, по-видимому, имели такую силу и казались учреждением чисто славянским, чисто народным, – найти помощь и опору в борьбе с чужим наплывом: жупан принадлежал к знати, немецкая жизнь пришлась ему по нраву, ему захотелось жить в своем «городе» не так как прежде, подчиненным князю и народу правителем жупы, а чем-то вроде рыцаря, самоуправным господином и повелителем околотка, связанным только законом вассальства в отношении к князю, и вот мы видим, что поморские жупаны в XII и XIII веках с каким-то особенным рвением переходят на сторону немецкую и спешат подчиниться новым условиям феодального права.

В чем именно состояла администрация у балтийских славян и как проявлялась в ней власть жупана – об этом мы почти не знаем. Администрация была, конечно, самая простая и не нуждалась в особенных учреждениях. Дела внутреннего распорядка в каждой деревне решались, без сомнения, в ней самой с помощью сходки и старосты, который был и у балтийских славян⁴⁷⁴. Военная повинность раскладывалась самим народонаселением деревни по семьям: налагая на побежденных поморян обязанность выставить вспомогательное войско, польский князь требовал (и в этом он, конечно, придерживался народного их обычая), чтобы «девять отцов семейства снаряжали десятого в поход, снабжая его, как следует [123]оружием и всеми нужными вещами (*armis et impensis abunde procurabunt*), а между тем тщательно заботились дома об его семье»⁴⁷⁵. За преступление, совершавшееся в известном месте, отвечал весь околоток. Поморский князь Богослав писал в 1182 году: «Повелеваем всем, находящимся под нашею властью, со всем старанием наблюдать, чтобы любезным нам каноникам (водворенным в Бродском монастыре) не причинялось никакого вреда и ущерба, тайного или явного, так как не только виновный, если будет открыт, подверг-

⁴⁷³ Так было на Поморье со времени утверждения христианства; в грамотах почти не видно уже народной сходки, управление принадлежит князю и жупанам.

⁴⁷⁴ Хотя слово *староста* не встречается в древних памятниках, относящихся к балтийским славянам, но оно хранилось даже в XVI и XVII вв. во многих местах (особенно в Бранденбургии), где еще жили остатки славян.

⁴⁷⁵ Sefr. 102.

нется тяжелой ответственности, но и соседи, вокруг живущие, будут принуждены вознаградить сполна из собственных средств понесенный ими (т. е. канониками) убыток»⁴⁷⁶.

Едва ли, поэтому, административный круг власти жупана мог быть обширен. Главные его обязанности сосредотачивались, кажется, в городе: он распоряжался работами, которые жупа должна была производить, постройкой и исправлением городских укреплений⁴⁷⁷ и общественных зданий, составлявших принадлежность города, т. е. княжьего дома⁴⁷⁸, и, вероятно, храма⁴⁷⁹, а также, где было нужно, мостов, дорог, плотин и т. п.⁴⁸⁰ Он наблюдал, конечно, за торговлей, которая производилась на городском рынке, и за взносом разнообразных податей и пошлин, взимавшихся с судов у известных пристаней, с телег за проезд через некоторые мосты и при въез-

⁴⁷⁶ Cod. Pomer. 50. quia non solum reus, si detectus fuerit, gravi sententie subiacebit, verum etiam vicini circummanentes cogentur damnum eis illatum ad integrum de propriis rebus restituere.

⁴⁷⁷ Cod. Pomer. 36. Ipsos etiam homines, quos vocaverint et posuerint, liberos dimisimus ab omni exactione baronum nostrorum et omnium nobis et eis femulantium, et ab omni servitio nobis et eis more gentis nostre debito, videlicet urbium edificatione, pontium positione et utrorumque resarcinatione et omni expeditione (ср. там же, 128). Очевидно из этих слов, что все исчисленные здесь повинности, постройка и исправление «городов», мостов и т. п., считались принадлежащими князю и баронам, но в каком смысле принадлежали они баронам, и каким баронам? Конечно, не всем баронам, т. е. знатым людям вообще, а баронам должностным, т. е. жупанам, которые в этом отношении были как бы полномочные князя, каждый в своей жупе: ибо если бы бароны имели сами по себе, лично, право на эти повинности, *servitia et exactiones*, то каким образом князь мог отчуждать право не ему принадлежащее? – Ср. еще Cod. Pomer. 43, sancimus, ut canonici Grobensis ecclesie... possessiones suas ab omni iure terreni dominii absolutas, *etiam ab omni provinciali exactione, excepta instauratione munitiorum, ad quas ipsa pertinent*. Постройка укреплений считалась, мы видим, местной повинностью, и ясно, что когда князь называл ее принадлежащей баронам, то он разумел под баронами местных начальников, т. е. жупанов.

⁴⁷⁸ Cod. Pom. 41. domorum nostrarum edificatione.

⁴⁷⁹ Постройка храма гостыковского была произведена на общий счет местных жителей, см. Seifr. 136.

⁴⁸⁰ См. сноску 449. Cod. Pomer. 41. pontem edificent generalem. 46. excepta re-edificatione castri et pontis in Gdancz. 103. pontium positione et ipsorum reparacione, ab expedicionem urbium seu castorum excubiis vel edificacionibus, ab omnibus nostris officialibus, et canum procuracionibus, ab omnibus precariis et exaccionibus.

де в [124]города⁴⁸¹, были особые сборщики, которых, вероятно, назначал жупан; к сборщикам поступала также взимавшаяся для князя, натурой, часть с хлеба (*осыть*), с рогатого скота, со свиней, с овец, с меда и т. п., и чрезвычайные подати, которые по временам налагались князем на народ⁴⁸²; но взнос собственной подати, лежавшей на народонаселении жупы, производился у балтийских славян в корчме: корчма была непременно на каждом рынке, в каждой жу-

⁴⁸¹ Cod. Pomer. 50. ut per totam terram nostram ab omni exactione thelonei liberi existant, tam in terra quam in aqua, in foro videlicet, in pontibus, in urbibus et in navibus. См. N 24 (выше § XLVIII, и сноска. 444) и множество других грамот.

⁴⁸² Cod. Pomer. 41. ab omni exactione, insuper *naras, oszep* etc.; стр. 103, из грамоты 1297 г.: a *naras*, a *bove*, a *vacca*, a *porco*, ab *ove*; 1266 г. a *naras*, a *poradlne*, a *podworowe*, a *stationario*, a *tentorio*, a *falcone*, a *vacca*, a *porco*, a *bove*, a *frumento*. Трудно сказать, какое различие полагалось между податью со свиней (а *porco*) и *наразом*, что также означало подать с свиней: как видно из свидетельства польского короля Казимира, который пишет (1454, Cod. Pomer. стр. 103): in Pomerania exactionen seu daciam quæ porcus, alias *Narzasz*, veteri institutione ducum Polonorum vocabatur tollimus. – 75. cum omni decima castorum Verisse et Vizle, cum decim, omnium salomonum et sturionum et aliorum piscium, cum decima poledrorum, vitulorum, porcellorum et anserum, decimam sarcinam allec de thelonio. – 90. terciam partem thelonej quod datur de panno, quidquit eciam nostre parti vel in equis sive pecunie vel in allis rebus contingerit. 225. ab omni opere secularis exactionis, videlicet advocatie, communis placiti, expeditionis urbani operis, vel qualiscunque servicii nostri, sive successorum nostrorum, a *prowod*, a *canibus*, a *porco*, a *vacca*, ab *urna mellis*, et ab omnibus prorsus exactionibus, quales sunt vel suboriri poterunt in futurum. 175. quinque urnas mellis in Levine et quinque in Scoreve singulis annis. Замечательно, что эти многочисленные и, без сомнения, крайне тяжелые подати встречаются большей частью только в грамотах, относящихся к восточному Поморью: западное было менее угнетено. – О сборщиках свидетельствует Cod. Pomer. 41. Volumus tamen ut iidem homines castrum ad quod pertinent et pontem edificent generalem; et si qua pro bus promovendis in communi fuerint ab eisdem colligenda, ea nullatenus *per secularem exactorem*, sed per nuncium prepositi colligantur; также к сборщикам этим, назначавшимся жупанами, относятся, кажется, слова грамоты N 36: *liberos dimisimus ab omni exactione baronum nostrorum et omnium nobis et eis famulantium*. – Ср. еще Helm. I, 12: unus nummus, precium colligentis.

⁴⁸³ Cod. Pomer. 26. ante castrum Uznum decem marce de taberna annuatim et theloneum forense... In provincia Grozwina... in foro... decem marce de taberna annuatim. In provincie Scitene forense theloneum et taberna... In Coluberch... ante ipsum castrum sex marce de taberne... In castro Belegarde taberna una. Таких свидетельств множество в поморских грамотах. Иногда какое-нибудь важное

пе, и находилась обыкновенно, как и рынок, под самым городом⁴⁸³. Подать, вероятно, быть двоякая: одна, кажется, взималась в корчме [125] за продажу на рынки (так наз. *таргове*, т. е. торговое)⁴⁸⁴, другая поступала туда из каждой деревни в виде поголовной подати цело-

село, в котором сосредоточивалась некоторая торговля, имело корчму, которая становилась тогда сборным местом и финансовым центром для окружающих деревень: см.: Cod. Pomer. 50. villam Brod nominatum cum foro, taberna et omnibus attinentiis suis et has villas... 52. villam Ztulp com taberna et theloneo eius... in Drabowe villa cum taberna et ville Johannis. Корчмы распались, таким образом, на два разряда, на большие и малые; первые, кажется, были городовые, вторые – сельские: Cod. Pomer. 51. decrevimns donandum annuatim de cera pondus, quod vulgo lapis cere dicitur, ex singulis terre nostre tabernis, de maiori bus quidem integrum, de minoribus vero dimidium.

⁴⁸⁴ Мы находим в поморских грамотах постоянное соединение: theloneum forense (т. е. рыночная пошлина) et taberna. Cod. Pomer. 52. villam Ztulp cum taberna et theloneo eius; *tabernam* etiam in provincia Grozwin cum duplici theloneo, scilicet *fori* et aque que Ribeniz appellatur. Название *targowe* приводит из неизданной грамоты Билов, Balt. Stud. VII, 2, 34.

⁴⁸⁵ О самой подати см. Cod. Pomer. 39 ne... ubres edificare aut reparare compellantur et ne principi terra census persolvant cum reliquo populo. 71. Insuper vero illis de quolibet aratro contulimus modium frumenti, in hiis scilicet provinciis: in Roia, Ostrusna, Buccua, etc... unum etiam denarium cum quolibet modio et duos cum duobus; in sola Roia uuum plaustratum cum lignis et dimidium plaustratum feni cum duobus avene manipulis et quinque ova; de illis qui non arant duos denarios. – См. выше: сноска 482: «a poradene, a podworowe». Cod. Pom. 177. ab omni exactione curie mee et beneficiariorum meorum, que in terra mea essa consueverunt, narek, ossep, edificatio castrorum et pontium, et si que emerit alie persolutio... Ср. еще Cod. Pom. 225 в сноске 482. – Что эти подати шли в корчму, несомненно потому, что корчма является на Поморье главной, так сказать, кассой князя в каждой жупе: когда князь учреждал какой-нибудь монастырь, основывал какую-нибудь церковь, то вместо того, чтобы назначать ей содержание из своей казны, он давал ей право получать из корчмы какой-то и такой-то жупы столько-то денег, три, пять, шесть, десять марк серебра: такие распоряжения мы читаем в бесчисленном множестве поморских грамот (См. Cod. Pomer. 24–40: contulimus... abbati Stulpensj ac suo conventui sex marcas denariorum, de taberna in Chuzcov per annos singulos colligendas, и т. д.). Когда Поморье, по воле князя, с совета и согласия сейма, приговором жупанов, положило жертвовать известное количество воска в церковь, где хранились останки св. Оттона Бамбергского, то как собиралась эта подать воска? Воск поступал в каждой жупе в корчму, и оттуда уже свозился в Щетин и отправлялся в Бамберг: Cod. Pomer. 51 (см. выше сноску 483) 64... satuerunt, ut de singulis terre illius tabernis certa quantitas cere per singulos annos sancto Ottoni episcopo, cuius sacrum corpus in ecclesia nostra

го общества (*нарок*)⁴⁸⁵ или подати с дворов и тягов (*подворове* и *порадлие*). Таким образом, корчма составляла у балтийских славян какую-то принадлежность общественного управления и находилась в прямом ведении жупана⁴⁸⁶. Наконец, жупан должен был наблюдать за теми временными повинностями, к кото[126]рым жупа была обязана при личном пребывании или проезде князя, как то: за поставкой подвод (это называлось *проводом*), за угощением князя и его дружины (*гоститва*)⁴⁸⁷, устройством его стана (*становое*), хождением за его охотой, собаками, соколами и т. п.⁴⁸⁸

За свою службу жупан имел от жупы известные доходы *beneficia*⁴⁸⁹, но в чем они состояли, — неизвестно.

requiescit... persolvatur. His ita statutis ea testamento principes et episcoporum, consensu quoque provincialium firmiter roboratis, cum de collectione predictae cere magna nobis difficultas immineret, prefatus sacerdos... obtinuit, ut ecclesiam sancti Jacobi in urba Stetin positam cum adiacente curte, areis quoque et agris plurimis, in proprietatem et iurisdictionem ecclesie nostre conferrent, ut per fratres et homines nostros... collectionem et pensionem prenominate cere singulis annis... thesaurarium nostrum recipiat.

⁴⁸⁶ Такое административное значение корчмы является особенно тогда, когда город (напр., Колобрег, см. сноску 459) становился общим владением двух князей; тогда каждый князь имел в нем свою корчму, как и своего жупана: Cod. Pomer. 45. ante ipsum castrum (Coluberc) de taberna, domni Boguslavi tres marcas, et de taberna domni Casimeri fratris eius tres marcas. Cp. N 73. Такого рода корчма была, кажется, учреждением чисто славянским и отличалась от корчмы немецкой и датской: Cod. Pomer. 36... fratribus de Dargon dedimus liberam potestatem... tabernam habendi (в отданном им владении), sive velint more gentis nostre, sive teutonice et danice. Cp. 88.

⁴⁸⁷ Cod. Pomer. 41. gaztitau, vectione vel per terram vel per aquam etc, грам. 1266 г. (см. сн. 483) a stationario, a tentorio. 225. a prowod, a canibus etc. 175. a custodia castri, et a prevoth, et a canum recepcione et equorum nostrorum. Bilow (Balt. Stud. VII, 2, 35): nec solvant ab eo qui stanonic (т. е. stanownik) dicitur.

⁴⁸⁸ Цитаты из грамот, по большей части еще не изданных, см. в статье Билова (Geschichtliche Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen, в Balt. Stud. VII, 2).

⁴⁸⁹ Вероятно, эти доходы состояли в каком-нибудь проценте с податей, за труд сбора: поэтому князь, слагая с деревень подати, которые платились ему, мог с тем вместе освобождать их от платы жупану: Cod. Pomer. 177: ab omni exactione curie mee et beneficiariorum meorum, que in terra mea esse consueverunt, narek, ossep, edificatio castrorum et pontium, et si que emergerit alia persolutio... remitto. Cp. также Helm. I, 12. unus nummus, precium colligentis.

Суд у балтийских славян не принадлежал жупану, лицу зависимому, а самому князю и народу. Важное свидетельство мы находим у Гельмольда: «в земле вагров, – он говорит, – был лес, посвященный божеству, и в этом лесу по понедельникам (*secunda feria*) собирался народ той страны со своим жрецом и князем для суда»⁴⁹⁰. Стало быть, у вагров не было особых судей и судилищ, а суд, поставленный под покровительство божества, принадлежал народу в совокупности с князем и со жрецом, толкователем воли богов⁽⁶²⁾.

Других известий о судебной власти у западных племен балтийских нет, но мы можем предполагать, что у бодричей она принадлежала по преимуществу князю, у лютичей – общине, на Ране была в руках Святовитова жреца. На Поморье судья был князь. В самых важных случаях дело, вероятно, предлагалось на решение ему непосредственно, и им самим произносился приговор, конечно, по обсуждению в совете жупанов или в сейме знатных людей и стариков. Но в обыкновенных случаях дела, конечно, [127]не могли всегда восходить до князя: их было так много и страна была обширная. Поэтому князь назначал в каждой жупе человека, которому передавал свою судейскую власть; таков характер судей на Поморье: то были уполномоченные князя⁴⁹¹, и таких судей мы находим во всех городах, т. е. жупах Поморья. Судья и суд были непременной принадлежностью «города», и суд производился, без сомнения, на княжьем дворе⁴⁹². Сколько видно из поморских грамот, судебная дела

⁴⁹⁰ Helm. I, 83.

⁴⁹¹ Cod. Pomer. 150. Quod si forte (burgenses de Lubeke) opus iudicio habuerint, statuent indicem ex parte ipsorum, qui cum iudice nostro iudicio presideat... et quicquid questus inde provenerit... mediam partem index noster, reliquam iudex ipsorum percipiat. – 175. in quocunque loco et in quemcunque hominem homo prepositi scelus admiserit, nullus iudicabit, nec nos, nec nostri iudices, sed omnia prepositus et suus iudex indicabit; ... si homo prepositi ad nostrum audientiam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit... 188. dedimus fratribus ejusdem nove abbacie iudiciariam potestatem super universos servientes ipsis, et colonos etc... si qui ex nostris in terminis eorum inter se... excesserint, a iudicibus memoratorum fratrum ad nostrum iudicium iudicandi remittentur... Si... in terminis nostris homines eorum cum nostris... contra ius egerint, nostro per omnia stabunt iudicio.

⁴⁹² Беспрестанно упоминаются в поморских грамотах судьи подле жупанов: *castellani* (иначе *comites*), *tribuni* (или *advocati*) et *iudices*, вот обычная

различались тройкие: малые, большие и наибольшие (*judicia minora, maiora, maxima*); первого рода дела соответствовали, кажется, гражданским искам, второго и третьего рода были уголовные (*дела смерти и крови, iudicium mortis et sanguinis*); в делах *малых* определялись разные взыскания⁴⁹³, в больших виновный подвергался в первой категории лишению члена, в последней смертной казни (в юридической формуле поморских грамот этого рода уголовные дела называлась «судом руки и горла»⁴⁹⁴); но, по-видимому, большей частью и то и другое наказание выкупалось пеней, так что поморяне упрекали немцев за жесто[128]кость их наказаний, за их обычай рубить руки, выкалывать глаза у преступников⁴⁹⁵. У балтийских славян существовала родовая месть⁴⁹⁶, но было стремление заменить ее законным судом над убийцей и денежным выкупом⁴⁹⁷. За суд платилось князю или судье известное количество денег (кажется, в

формула: где жупан (кастеллан), там и судья. Жития Оттона говорят, что в *каждом* городе Поморской земли был двор княжий с правом убежища (*asylum*): очевидно, что в языческой земле, где существовала родовая месть, право убежища было необходимым признаком и принадлежностью того учреждения, которое обезоруживало родовую месть, т. е. суда: где было убежище, там был непременно суд. Доказательством этого соотношения служит и свидетельство Гельмольда, что священная роща вагрская, где производился суд, считалась также недоступным для родовой мести убежищем, *asylum*: I, 83, *Illic inter vetustissimas arbores vidimus sacras quercus... quas ambiebat atrium et sepes, Illic secunda feria etc. Ingressus atrii omnibus, inhibitus, nisi sacerdoti tantum et sacrificare volentibus, vel quos mortis urgebat periculum: his enim minime negabatur asylum.*

⁴⁹³ Cod. Pomer. 171. cum omni iure minore et maiore, tangente manum et collum. – 175. omnes causas et queremonias prepositus et suus iudex iudicabit, et nullam iurisdictionem pro nobis excepimus, sed omnes *culpam* pro se tollet prepositus et suus index... Concedimus eciam dicte ecclesie omnia indicia tam, magna quam maxima in ipsorum villis iudicare et sententias definire et *culpam* recipere... Adiecimus eciam, si homo prepositi ad nostram audientiam vel nostrorum indicum aliquem hominem citare contigerit, prepositus dimidiam *culpam* tollet. – 172. iudicio mortis et sanguinis, ac minoris iusticie, que vulgo quatuor solidorum indicium nuncupatur, liberas conferimus.

⁴⁹⁴ ius tangens manum et collum, Cod. Pomer. 271.

⁴⁹⁵ См. выше, 493. Sefr. 93.

⁴⁹⁶ Helm. I, 83. quos mortis urgebat periculum. Sefr. 87. Cp. Ad, II, 64. (Gotescaulus) multa milia Saxonum prostrasse dicitur in patris vindictam. см. также II, 75. Sax. 545. Helm. I, 19. (Godescaulus) ultor paternæ cædis... magnificus. Arn. VI, 13. (Nicolotus) interfectus est... cujus ruina tota Slavia in mœrorem est versa, ita ut in ultionem ipsius multi perirent.

⁴⁹⁷ Helm. I, 38. «Ranos qui filium tuum occiderunt, pro ducentis marcis in gratiam recipiendos... dicis?» – См. выше 493. *culpam* recipere.

маловажных делах четыре гроша, почему и самый суд такого рода дел назывался судом четырех грошей⁴⁹⁸), и также к князю и к судье поступала известная часть денежной пени, которой выкупалось преступление⁴⁹⁹. Таким образом, суд сделался одним из значительных доходов, как для князя, так и для служителей его, которым он передавал свою судейскую власть, и суд стал приниматься почти в смысле земской повинности, существовавшей в пользу княжеской власти: «суд и повинности» (*iusticia et exactio, iudicium et tributum* и т. п.⁵⁰⁰), вот обыкновенные выражения поморских князей, когда они, учреждая церковь или монастырь, даруют им свои доходы с известного околотка: замечательна в этом отношении грамота поморского князя Гремислава от 1198 года⁵⁰¹: «дарую ордену Гроба Господня мой город (*castrum*) по имени Старгрод⁵⁰², с землями, лесами, водами, озерами, мельницами, бортями (*mellificiis*), со всеми родами судопроизводства, сюда относящимися, с податью и со всеми другими его принадлежностями (*cum omnibus iudiciis ad ea spectantibus et tributo et cum omnibus aliis utilitatibus pertinentibus*): мы видим, какая связь была между городом и судом и как суд сопоставлялся с податью⁵⁰³.

О самом судопроизводстве у балтийских славян мы имеем мало сведений, и то таких, которые не представляют ничего особенно замечательного. В тяжбах гражданских истец обращался к ответчику с позовом явить [129]ся на суд перед князем или князьим судьей⁵⁰⁴; в преступлениях уголовных представляли обвиненного судье (или князю), который отдавал его под стражу, потом произносил приговор, определял меру наказания и брал пеню⁵⁰⁵. В некоторых случаях

⁴⁹⁸ Cod. Pomer. 272, см. выше сн, 501.

⁴⁹⁹ См. выше сн. 493.

⁵⁰⁰ Cod. Pomer. 42 ad omni iustitia et exactione laica. – 17. decimam partem de moneta et de iudiciis totius episcopatus. 172. ab omni exactione, petitione et servicio quod borchwerd dicitur, vectura et aratura, nec non advocatia et iudicio mortis et sanguinis etc.

⁵⁰¹ Cod. Pomer. 75.

⁵⁰² Теперь Stargard в Западной Пруссии.

⁵⁰³ Смещение доходило иногда до того, что понятие судьи принималось в общем смысле сборщика общественных налогов: Cod. Pomer. 33. precipimus ut nullus *secularium iudicum* rusticos eorum in istis vel in aliis eorum (колбачких монахов) villis *ad urbes edificandas* seu aliquas *seculares exactiones compellere* presumat.

⁵⁰⁴ Cod. Pomer. 175, si homo prepositi ad nostram audienciam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit.

⁵⁰⁵ Cod. Pomer. 150. Quod si fur deprehensus fuerit, fur iudici nostro presen-

князь предоставлял себе право запрещать замену личного наказания пеней⁵⁰⁶. По народным понятиям балтийских славян, кажется, и брачные дела подлежали княжескому суду: иначе трудно бы было объяснить, почему поморские князья во время христианства с особенной настойчивостью хотели присвоить себе суждение этих дел вопреки правилам церкви. Вместе с жалобами на такого рода злоупотребление княжеской властью соединялась еще другая жалоба епископов поморских, что князь сажает под стражу и наказывает жен за преступления мужей⁵⁰⁷: и это было, очевидно, старинным, народным правилом суда у балтийских славян.

Немного также известно о юридических отношениях у балтийских славян, о праве собственности и наследства. Вот все, что можно вывести из скудных показаний летописцев и грамот. Земля признавалась собственностью общественной, но отнюдь не личной. У лютичей во время независимости она была, вероятно, чисто общинным владением; у других племен и у самих лютичей, когда они подчинились соседним князьям, она почиталась владением представителя общества, князя. Народ, обрабатывавший землю, имел только право пользования ею (*usufructus*) и в этом качестве давал князю часть ее плодов и вообще доходов с нее⁵⁰⁸; пустыри же леса, воды были прямой собственностью князя⁵⁰⁹. При отсутствии государ[130]ствен-

tabitur, quem servari faciet et ipsum iuste iudicabit. 175. omnia iudicia tam magna quam maxima in ipsorum villis iudicare, et sententias diffinire et culpas recipere.

⁵⁰⁶ Fabric. № XVIII. iudicium etiam colli et manus et omnem iuridicionem nostram... preposito... libere remittimus sub tali forma: Quicquid in villa vel in agris velli contigerit, si reus ad mortem iudicandus est, noster eum advocatus iudicabit, si vero componere voluerit, totaliter preposito componet; in potestate tamen nostra erit et voluntate utrum reus componat vel dampnetur.

⁵⁰⁷ См.: Cod. Pomer. 263. Item causas matrimoniales non indicet, et uxores pro delictis maritorum non puniat, et que tenentur volumus ut in continenti dimittantur.

⁵⁰⁸ Доходы эти были крайне разнообразны и не везде одинаковы. Важнейшие исчислены выше; о других см. известное нам исследование Билова (Balt. Stud. VII, 2).

⁵⁰⁹ Lisch, I, 4: totam adjacetem solitudinem. Cod. Pomer. 29. fratribus ecclesie... in Lun-dis... dedi... undecim villas iuxta Regam fluvium sitas, cum omnibus utilitatibus et appendiciis suis. Nomina vero villarum sunt hec: Gunbin, que sola culta est, Wistrovece etc... Hec decem ville licet inculte, amenitate tamen situs, ubertate glebe, venationis, aucupationis et piscationis copia et pratorum abundantia, cultis circumiacentibus non cedunt. Ipsa enim terra et circa eam maritima loca sunt fertilissima frugum ac pecorum et piscium et silvosa, et sicut scribitur de terra repromissionis lacte et melle manantia. Medietatem etiam portionis

ного сознания и неопределенности общественных отношений понятие князя, как представителя общественных прав собственности, почти не отделялось у балтийских славян от понятия князя, как личного собственника, и князь мог по своему усмотрению передавать свое общественное право владения над всякими населенными и ненаселенными землями: он передавал его своим служителям, дружинникам, обыкновенно знатым людям, а потом и церкви. Иногда предоставлял он себе некоторые из своих доходов и прав, иногда отчуждал их вовсе. Поэтому-то в имениях, отданных во владение частным лицам или церковным учреждениям, права владельцев были те же, какими пользовался сам князь в селах и деревнях им не отчужденных⁵¹⁰. Впрочем, *de jure* полного отчуждения не было: князь как будто только препоручал известному лицу или учреждению свои права на известную часть своей земли, но не отдавал их совершенно, и потому лицо или учреждение это не могло располагать своим имением как полной собственностью: при продаже или передаче нужно было согласие и утверждение князя⁵¹¹, т. е. нужно было, чтобы князь передал свое полномочие лицу, в чью пользу продажа или передача совершалась⁽⁶³⁾.

Такова была поземельная собственность у балтийских славян. Между сельским народонаселением, обрабатывавшим землю, и собственниками, составлявшими, по-видимому, класс землевладельцев, отношение было *правительственное*. Земля не была настоящей личной собственностью. Но есть указания на то, что у балтийских

clausure piscium in fluvio qui Rega dicitur, fratrum refectioni dedimus cum medietate stagni Niflose et villa piscatorum adiacente. – 58. Insuper etiam eis addidi libertatem omnium silvarum que sunt in omni provincia Stargardensi ad domos construendas, ad nutrimenta iumentorum, ad pascua qualiumcunque animalium; ceterosque suos usus ac suorum colonorum. – 188. Contulimus etiam trescentos mansos nemoris exstirpandos.

⁵¹⁰ Такой характер придают своим дарственным записям князья поморские и ранские; см. вышеприведенные сноски: 477 и след., и Fabric. II, 56 и след., Bilow 1. стр. 30–39. – Cod. Pom. 65. Partem quoque provincie Wanzlove que Lipa dicitur integraliter totam, id est villulas et agros, prata et arbusta, loca plana et aspera, rusticos decimarios (об них ниже) et universa *que in ea iuris nostri fuerant*, libere et absolute ab omni exactione, predicti servi dei possideant.

⁵¹¹ Cod. Pomer. № 92, 114, 378, 379. – Fabr. II, 40, где собрано много свидетельств из разных грамот, см. в особенности № XXXI, XXXIX, LV. – Cod. Pomer. 222. notum esse volumus... quod possessionem que Belitz dicitur, cuidam hominum nostrorum, Crisano nomine, hereditario iure donavimus, que eandem hereditatem cum consensu nostro abbati et fratribus de Colbas... pro condigna pecunia... possidendam contradidit.

славян один (впрочем немногочисленный) класс земледельцев составлял личную собственность князя или знатных: эти люди назывались *десятниками* или *десятниками*⁵¹²; они строго различаются [131] в поморских грамотах от прочего сельского народонаселения: обыкновенных хлебопашцев князь не отчуждал непосредственно, а только передавал их в ведение монастыря или частного лица, когда даровал тому или другому свои доходы с известной земли, *десятников* же он мог прямо отдавать и при этом обыкновенно прописывал их в грамоте поименно или по крайней мере числом⁵¹³, чего никогда не делалось при простой передаче деревень, т. е. при отчуждении только поземельных прав князя. *Десятники*, очевидно, лично принадлежали князю; их повинности были больше обыкновенных; название их, кажется, намекает на то, что они давали князю десятую часть своих заработков; но откуда взялось это сословие? Мы ясно увидим, что оно образовалось случайно из злоупотребления законов, ограждавших собственность заимодавца от недобросовестности должника: *десятники* были поселяне, которые, сделавшись неоплатными должниками князя или частного лица, по законам балтийских славян становились к нему в отношения рабства, и которых оставляли на их земле под условием тяжелой платы (называвшейся *подача*) и известных служб⁵¹⁴. Жития Оттона рассказывают, что на Поморье неоплатный должник делался рабом заимодавца⁵¹⁵: еще точнее говорит об этом любопытная грамота папы Григория IX от 1239 года⁵¹⁶, и она-то ясно свидетельствует из

⁵¹² Cod. Pomer. 193 (Грамота Вышеслава князя ранского, 1232 г.) homines insuper que dessitli nominantur liberi contulimus ut eidem clauistro deserviant. В слове *dessitli* конец, очевидно, как-нибудь сокращен и искажен: можно бы было предполагать форму *dessetlici*, *десятлики*, но *десятники* звучит как-то лучше по-славянски.

⁵¹³ Cod. Pomer. 65. ad subsidium prenominate congregationis... donamus villam scilicet Zglattiz cum omnibus terminis et appendiciis suis... et quinque rusticos in ea ex hiis, quos decimarios usitato nomine appellare solemus. Partem quoque provincie Wanzlove que Lipa dicitur integraliter totam, id est vileulas et agros, prata et arbusta. loca plana et aspera, rusticos decimarios, et universa que in ea iuris nostri fuerant... Cp. 73. – 60. mansus unus in villa Szolbino cum decimo rustico Szolbitz... totum desertum quod extenditur a Swina ultra lacum Gardino et ultra villam Charnetiz cum mellificio et venatione decimi rustici Pletsenitz. – Cp. 310. duas villas sub uno nomine Gardis dictas, in quibus sedit Sabic et Rozsuar. См. ниже, 520.

⁵¹⁴ См. ниже, 520.

⁵¹⁵ Sefr. 139 и след.

⁵¹⁶ Cod. Pomer. N 276.

каких условий произошел класс десятников: «Брат наш, епископ роскильдский представил нам, что князь и народ Ранской страны в земле Славянской⁵¹⁷, соблюдая некий дурной обычай, который можно скорее назвать лихоимством, пользуются следующего рода лихою, называемую в просторечии *подачею*⁵¹⁸: именно, заимодавец получает от должника ежегодно известное количество хлеба, льна и других вещей, гораздо более чем вдвое превышающее занятую сумму денег, и, не довольствуясь еще этим, берет с должника за дочь его, если он за[132]хочет выдать ее замуж, пять грошей, без чего ему не было бы позволено выдать дочь замуж. Подобным образом за каждую продаваемую им скотину должник платит заимодавцу известное количество денег. Если же должник до полной уплаты долга ступит на путь всякой плоти (т. е. умрет), то сии мерзкие условия переходят на каждого из его наследников, так что если который-либо из них не явится к уплате, то кладется за него в судебном собрании пучок соломы, после чего он исключается из числа настоящих жителей своей земли (т. е. из полноправных членов общества) и обращается в вечное рабство заимодавца»⁵¹⁹. Такое же учреждение существовало у бодричей: «моих людей, состоящих у меня на *подаче*, т. е. имеющих мои деньги, — сказано в одной дарственной записи Добрянскому (Доберанскому) монастырю⁵²⁰, — я поселил в монастырских деревнях для служения братии и приказал, чтобы деньги и службы должны мне, шли в пользу братии: из этих людей один, по имени Далик, был мне должен две марки, другой, Невар, одну марку»⁵²¹. Что эти неоплатные должники, состоящие на *подаче* у заимодавца, были именно *десятники*, о которых говорят грамоты поморские и ранские, очевидно при тождестве их характера и

⁵¹⁷ princeps... (имя пропущено) maior et populus terre Rugianorum in Sclavia, Roscildensis diocesis etc.

⁵¹⁸ poddas.

⁵¹⁹ Si vero debitor ante mutuate sortis solutionem viam fuerit universe carnis ingressus, talis detestanda conditio transit ad singulos heredes, ita ut si eorum aliquis solvendo non fuerit, supponitur ei in iudiciali foro fasciculus straminis, a quo presentibus habitatoribus terre sue deiicitur et in perpetuam creditoris redigitur servitutum.

⁵²⁰ Diplomatarium Doberanense, у Вестфалена, Mon. cimbr. III, 1469.

⁵²¹ Homines meos habentes podocam meam id est argentum; ad defendendum ipsos (fratres in Dobberan) in villis eorum posui et idem argentum atque servitium quod mihi debebatur, fratribus impendi jussi, inter quos unus nomine Dalic duas marcas, alter Nivar unam debebat. В одной поморской грамоте эти должники названы просто рабами, даруемыми, как принадлежность деревни: Cod. Pommer. 30. cum omnibus, quæ ad villas pertinent, hoc est areis edificiiis, mancipiis etc.

при несомненном показании одной дарственной записи ранского князя Яромира⁵²²: *десятники* были поселяне, за неоплатный долг исключенные, как говорит Григорий IX, «из числа настоящих жителей своей земли».

Наследственное право у балтийских славян, по-видимому, основывалось на идее семейной общности. Права лица на землю почитались принадлежащими не ему только лично, а семье его, как показывает то, что отец не мог отчуждать этих прав без согласия детей⁵²³. Наследство же дели[133]лось между детьми: не только не было майората, но даже дочери признавались с братьями соучастниками в отцовском имении^{524, (64)}.

LXI

Военное значение «городов». – Оборонительная система войны у балтийских славян. – Пограничные оборонительные линии

Военные учреждения балтийских славян основывались на той же системе «городов», которые были средоточием их административного и судебного порядка.

В обыкновенное время, когда народонаселение жупы занималось мирными трудами земледелия или торговли, славянский город стоял, мы знаем, совершенно пустой; оставался в нем, может быть, жрец, которому поручен был городской храм, общественная святы-

⁵²² Cod. Pomer. 85. Golonos et villarum claustralium habitatores, ecclesie podaizam (т. е. *подачу*) habentes, liberos ab omni exactione ac servicio (sc. laico) constituiimis: здесь противоплагаются обыкновенные поселяне и состоящие на *подаче* точно также, как в других грамотах противоплагаются обыкновенные поселяне и *десятники decimarii*.

⁵²³ См. Cod. Pomer. 83. – 188. consensu heredum nostrorum, videlicet Gerizlai, Petri, Jeromari, Wirzlai, Bonizlai (т. е. Borizlai), Nicholai: это именно сыновья дарователя. – 220.

⁵²⁴ Cod. Pomer. 114. abbas in Uznom cum fratribus... de nostro beneplacito agros inter Watkow et Grob, in loco quod Tsirkevist appellatur, ad hiis quivendere poterant, qui heredes agrorum illorum erant, quorum nomina sunt hec: Rados. Golambewic. Tirink. Wonitik... comparaverunt. – 92. filii Ranni, Heinricus et Borts, illustri Luticiorum prosapia ceteros antecellentes... (ecclesiae) villas omnes que per provinciam Tolenze ad eos spectant hereditario, nostra conventia assignaverunt. – Helm. I, 48, «Nonne ego frater sum Zuentepolci, eodem patre Henrico genitus et de jure ditioni paternae cohaeres?» – Cod. Pomer. 80. ego Boguslaus et soror mea Dobroslava de Slavna dedimus has villas beato Johanni etc.

ня жупы, да жупан с несколькими человеками своей личной дружины, и то не всегда: ибо жрецы у балтийских славян занимались мирскими делами, ездили, как простые купцы, за море для торговли⁵²⁵; притом у них были храмовые поместья⁵²⁶, о которых нельзя было им не заботиться; жупан с дружиной, конечно, должен был объезжать жупу и посещать свои собственные имения⁵²⁷; постоянной военной стражи, специально приставленной к городу, нельзя предполагать у балтийских славян (разве только в местах, подверженных непрерыв[134]ным вторжениям неприятеля)⁵²⁸, потому что здесь всякий человек был воин в военное время, и земледелец или промышленник в мирное, а дружина по существу своему принадлежала непременно какому-нибудь определенному лицу, князю ли, жупану или другому знатному человеку⁵²⁹, но никогда не могла принадлежать безличной местности⁵³⁰. Стало быть, нельзя не поверить Саксону Грамматику, когда он рассказывает, что несколько датских смельчаков решили однажды «захватить врасплох и сжечь город Аркону, и перебить всех тех (жителей торговой слободы и окрестных мест), которые (услыхав тревогу и не зная, в чем дело) бросились бы туда искать защиты: *ибо укрепление стояло пустое и безлюдное, охраняемое единственно запорами и замками*»⁵³¹). Есть много других подобных известий: явившись врасплох под Росток⁵³², датчане не нашли в нем никого и выжгли город⁵³³; в другой раз, подплывши к

⁵²⁵ Ebbo. 102. quidam de sacerdotibus Ottoni contrariis cum ad negotia sua cum institoribus forte navigarent.

⁵²⁶ Sax. 834.

⁵²⁷ См.: Sefr. 131. Contigit ergo Udalricum et Albinum... Hologastam intrare, ubi a matrona quadam, uxore videlicet præfecti, sunt hospitio suscepti... Equitaturas... illorum et sarcinas illa per pueros suos... extra civitatem deduci et in præsidio suo collocari jussit. Andr. 179: жена жупана волегощского говорит им: Ascendite in superiora domus meæ ibique latitate, et ego ministros meos cum exuviis vestris atque caballis ad remotiores villas meas dirigam.

⁵²⁸ Напр., в укреплениях пограничных, о которых речь будет ниже.

⁵²⁹ См.: Andr. 186. Sefr. 82, 85. Cod. Pomer. № 175.

⁵³⁰ В Арконе была дружина, но она служила арконскому богу Святовиту и жрецу его, а не была приписана к самому городу. См. Sax. 825.

⁵³¹ Sax. 742. Siquidem Arcon oppidum, vetusto simulacri cujusdam cultu inclytum, ignaris incolis incendio tentare cunctosque ejus præsidium petituos ex improvise opprimere statuerunt; munimentum quidem habitatore vacuum seratumque duntaxat claustris firmatum etc.

⁵³² Росток был город кичан, выстроенный уже после подчинения их бодрицкому князю, подле разоренного Кицыня (см. Helm. II, 14).

⁵³³ Sax. 763.

Волыну, они заняли без боя крепость, которая служила защитой этой богатой торговой пристани: крепость была пустая⁵³⁴.

«Зато как только разносилась весть о приближении неприятеля, вся жупа подымалась и собиралась в город, всяк уводил туда жен и детей и рабов своих, угонял стада, уносил пожитки, которых не успевал зарыть дома⁵³⁵: город, за несколько дней перед тем пустой, вдруг набивался битком. Воюя Рану несколько месяцев, датский король Вольдемар подошел наконец к Коренице: как в мирное время этот город бывал безлюден, — говорит Саксон⁵³⁶, — так теперь был он застроен жилищами. В три яруса были возведены строения, так что на нижнем ярусе держался средний и верхний⁵³⁷. Теснота была такая, что если бы стали бросать в город [135]камни из метательных орудий, то ни один камень не упал бы на голую землю. Вонь была страшная. Ежели бы огонь коснулся одной избы (*tabernaculum*), все бы тотчас вспыхнуло. Не было никакой возможности кореничанам выдержать осаду, и они тотчас сдались»⁵³⁸. При такой тесноте город уже ни к чему не служил; но это был случай необыкновенный: датский король собрал на Рану такие силы, каких Дания еще не вооружала, он предпринял не набег, а долговременный, систематический поход; Аркона пала: все, что оставалось на Ране, стекалось малопомалу в Кореницу, не надеясь, конечно, на возможность обороняться в ней, а скорее рассчитывая на то, что датчане не подойдут к Коренице, окруженной со всех сторон страшными трясиными и болотами. В обыкновенных же случаях, когда неприятель не имел таких сил и средств, как Вольдемар в походе 1168 года, и когда народонаселение могло правильно разместиться, каждая жупа в своем городе, не так легко было брать славянские города, хотя они были

⁵³⁴ Там же, 891.

⁵³⁵ Helm. II, 13. Quotiens bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam paleis excussam, aurum atque argentum et preciosa quæque fossis abdunt, uxore et parvulos munitiōibus vel certe (т.е. «или по крайней мере») sylvis contutant. Sefr. 144. fugere ac res suas ad loca munita deferre... Widuk., I, 36. Inermes urbe egredi jussi: servilis autem conditio et omnis pecunia cum uxoribus et filiis etc.

⁵³⁶ Sax. 841.

⁵³⁷ Sed et hic locus, ut pacis tempore desertus, ita tunc frequentibus habitaculis consertus patebat. Quorum altitudinis tres ordines fuere, infimo mediis supremique ponderibus sustentamentum præbente. Последние слова Саксона показывают, до какой степени необычайны были в то время здания в несколько ярусов, когда нужно было пояснять, что один ярус поддерживал тяжесть другого.

⁵³⁸ Там же, 843.

невелики⁵³⁹ и незатейливо укреплены: валом⁵⁴⁰ да деревянной стеной⁵⁴¹, по большей части, [136]вероятно, вроде забора или частокола⁵⁴². (65). В редких только случаях воздвигали балтийские славяне

⁵³⁹ По всей стране Балтийской видны остатки старинных славянских «городов», о величине и виде которых можно судить по остаткам валов: обыкновенно эти города представляют вид более или менее правильных, чаще продолговатых кругов; иногда являются два или три concentрических вала (напр., в Требочце, см. Cod. Pomer. стр. 33). Самое большое из славянских укреплений в нын. Мекленбургии, судя по остаткам валов и земляных работ, сохранившимся до нашего времени, было Добино на Зверинском озере: вал добинский представляет продолговатый круг, длиной в 350 шагов, шириной в 200 (См.: «Jahrbücher» Мекленб. общества, VII, 174).

⁵⁴⁰ Обыкновенно валы насыпались невысокие: об этом можно судить и по теперешним остаткам, принимая, разумеется, в соображение действие времени, сглаживавшего мало-помалу работу рук человеческих; обыкновенная высота валов в нынешнее время, там где они не распаханы, от 10 до 15 футов: такие городища с низкими валами, по замечанию Лиша (Jahrbücher, VII, 97), лежат всегда посреди болот, которые составляли их главную защиту, а на местах сухих и открытых валы насыпались повыше. Самый высокий вал был, кажется, арконский, остатки которого видны и теперь. По описанию Саксона (822), вал был в 50 локтей вышиной; нижняя часть его состояла из земляной насыпи, верхняя из бревен, сплоченных землей; особые укрепления ограждали дорогу, которая вела, на северной стороне города, к источнику, снабжавшему Аркону водой.

⁵⁴¹ Helm. I, 87. Niclotus... *succendit* omnia castra sua, videlicet Ilowe, Mikilburg, Zuerin et Dobin, præcavens obsidionis periculum. II, 4. *succenso* castro potentissimo (Dimin)... ut deponerent *vallum* et adæquarent solo. II, 2. *succenderunt* castrum (Mikilburg) igne. Sax. 797. Henricus... ad obsidionem Deminæ urbis... contendit. Quam post quam ultro ab incolis *obustam* comperit, ut universa ipsius monimenta subrueret, *reliquias mœnium solo exæquari* præcepit. Et... urbem Gozcovam, simili incolarum trepidatione desertam, *cremandam* curavit... Ornenses (вместо Osnenses, т. е. жители Узнойма) quoque... urbem... desertam *incendunt* etc. – Mart. Gall. II, 28 (о Колобпере). recessit Bolezlavus... extra muros, omni prius ædificio *concremato*. III, 18. Bolezlavus in Pomorania tria castella cepit, quibus *combustis et coæquatis*... Ebbo. 37. (слова волынцев) una domo succensa, totius urbis interitum subsequi necesse est. Ср. там же 63. – Cod. Pomer. № 225, 1235 r. Inhibemus etiam ne coloni ipsorum urbes edificare vel reparare cogantur, excepto solo castro Gdancz, *si per proprium ignem fuerit concrematum*.

⁵⁴² Sax. 822. ligna glebis intersita. 891. Walagostenses, mœnium suorum angustias perosi, contractione urbis spatia propagare cœperunt... Siquidem frequentibus palis circa mœnia defixis... propinqua muris vada claudebant. – Mart. Gall. II, 48. castellani (castris Velun)... propugnacula relevant, destructa reparant, *sudes præoccupatas* et lapides sursum elevant, obstruere portas festinant.

деревянную башню⁵⁴³, там, где приступ был легче, но никогда не строили они каменных стен и вообще не употребляли камня в городах своих⁵⁴⁴, разве иногда наваливали камней позади деревянной ограды, чтобы она держалась крепче, или закладывали ими городские ворота⁵⁴⁵. К тому же укрепления возводились, кажется, на скорую руку: во время нападений датчан на Поморье славяне в одну весну выстроили при устье Свины две новых крепости, заготовив строительный материал в течение зимы⁵⁴⁶. Конечно, при тогдашних военных средствах и эти валы, и деревянные стены могли останавливать надолго целые войска: выстроенные в одну весну у Свины укрепления показали датчанам почти непреодолимыми; но главную силу славянские города получали от мужественного упорства своих защитников, народонаселения целой жупы, которое, укрывшись в городе, обращалось в неутомимое войско и оборонялось до последней крайности, и также от той неприступной местности, которую славяне всегда выбирали для своих городов. Сама природа Балтийской страны с ее бесчисленными озерами, болотистыми реками, глубокими песками и топиями, много этому способствовала; а притом славяне обладали необыкновенным умением пользоваться местностью и строить город всегда именно там, где соединены были наилучшие условия для естественной обороны: верность их взгляда в этом отношении возбуждает удивление исследователей, которые в наше время изучают Балтий[137]скую страну и разбросанные в ней памятники славянской старины. Из городов балтийских славян, наиболее замечательных, Аркона воздвигнута была на высоком утесе, вдавшемся обрывом в море⁵⁴⁷, Кореница лежала в топиях, почти

⁵⁴³ Sax. 803. Arkon... portam unicam habebat... 830. turrim, quæ supra portam sita fuerat. Вероятно, какую-нибудь башню разумел и древний польский летописец, когда писал: nunciatum est, Pomoranos exivisse, eosque contra Zutok, regni custodiam et clavem, castrum oppositum erexisse. Erat enim castrum novum ita altum et ita proximum Christianis, quod ea quæ dicebantur et fiebant in Zutok, et audiri et videri bene poterant a paganis.

⁵⁴⁴ Helm. I, 56. terram Plunensem, Luthilenburgensem, Aldehburgensem etc... vastaverunt, præter urbes, quæ *vallis et seris* munitæ, obsidionis... stadium perquirebant. – Все выписанные выше места показывают, что постройки у балтийских славян были только деревянные и земляные; о каменных нет нигде упоминания, не видно следа их в многочисленных остатках славянских городов на Поморье.

⁵⁴⁵ Mart. II, 48. sudes præoccupatas et lapides sursum elevant, obstruere portas festinant.

⁵⁴⁶ Sax. 953.

⁵⁴⁷ Sax. 822.

непроходимых: к ней вела только одна узенькая тропинка⁵⁴⁸; Плуна, пограничная против саксов твердыня вагрская, самый крепкий из славянских городов в этом крае⁵⁴⁹, построена была на острове, среди большого и глубокого озера, и сообщалась с материком только посредством моста весьма длинного^{550, [10]}; среди озер стояли также Ратибор (Ratzeburg), город полабцев, Зверин, Добино⁵⁵¹, Малахово, крепости бодрицкие, Радигош, знаменитый город лютичей⁵⁵². Сгорелец (Бранденбург), главная твердыня Стодорской земли⁵⁵³, прочие города охранялись почти все реками и болотами. Из городов поморских Щетин, выстроенный на возвышении, имел оплотом Одру и близлежащее озеро; он обнесен был со всех сторон высоким валом

⁵⁴⁸ Sax. 840.

⁵⁴⁹ Helm. I, 56.

⁵⁵⁰ Helm. I. 25. – Другой пограничный город вагров, Утин, также защищен был озерами и болотами: Helm. I, 63. Utinensis civitas adjuta locorum firmitate.

⁵⁵¹ Вот что говорить Лиш в своем исследовании об этом старинном славянском городе (Jahrbücher, V, 123–135): «Географическое и стратегическое положение Добина, как первостепенной крепости, избрано, кажется, с глубоким пониманием дела. Страна Мекленбургская разделена, можно сказать, пополам по направлению с севера к югу длинным Шверинским озером. На юге от него до самой Бранденбургии простирались, на восточной стороне р. Stör (Стыри), огромные леса и топи, замечательный остаток которых виден теперь еще в Левице (Lewitz), самом большом из болотистых лесов Мекленбургии. От Фихельна (Vicheln) до Лудвигслуста нет другого прохода, как только у Шверина и южнее, у деревен Plate и Bantichow, которые в древности, как и теперь, могли служить стратегическими точками обороны для всей этой страны. Главный же путь лежал на севере, между оконечностью Шверинского озера и Висмарским заливом: здесь везде почва твердая, плодородная, и здесь-то, для отпора неприятелю, лежали древний город Мекленбург, у Висмара, и не в дальнем расстоянии (около 2 часов езды от Висмара) крепость Добино. Крепость была построена в этом именно месте, а не далее к северу, вероятно, для того, чтобы войско, на нее опиравшееся, не могло быть обойдено и отрезано с юга, со стороны земли, и оттеснено к морскому берегу. Положение Добина у главных, так сказать, ворот всей страны при большом озере, по которому открывалось сообщение с южными краями, и впереди пространных, плодородных равнин, простиравшихся на восток и доставлявших помощь и возможность отступления, – положение Добина было, конечно, столько же выгодно, сколько положение твердыни зверинской, построенной в подобной местности» (С. 134).

⁵⁵² См. ниже, LXXVII.

⁵⁵³ Widuk. I. 35. castris super glaciem positus. Cod. Pomer. 7 dimidium partem insule totius septentrionalem, in qua civitas eadem (Brendenburg) habetur constructa.

и, огражденный природой и трудами человеческими, казался современникам неприступным: даже в Дании славилась твердыня щетинская, и о тех, которые понапрасну считали себя в безопасности, дат[138]чане говаривали в шутку, что у них для защиты нет щетинской твердыни⁵⁵⁴; Волын находил оплот в окружавших болотах и канавах⁵⁵⁵; Накло, главная защита Поморья со стороны Польши, охранялось также болотами, независимо от важных укреплений⁵⁵⁶. О множестве других городов, менее замечательных, мы не упоминаем.

На эти города опиралась вся военная система балтийских славян. Устройство было самое простое; мы сказали, что у балтийских славян каждый человек, способный идти на войну, был воин, и в случае опасности весь народ тотчас подымался и сходилась вооруженный и готовый к обороне, каждая жупа в свой город⁵⁵⁷. Нельзя не заметить, что такой закон всенародного ополчения соответствовал вполне общему характеру быта балтийских славян и составлял как бы применение к военному делу господствовавшего у них общинного начала; только не было единства и связи в действиях, так как почти всегда каждая жупа оборонялась в своем городе отдельно, не помышляя об общем действии против неприятеля. Таковыми являются почти всегда войны поморян с поляками и с датчанами. Западные племена приобрели в течение вековой борьбы с германцами более опытности: часто снаряжали они большие войска, назначенные для наступательных действий. В таком случае князь возвещал по всей стране о предстоящем походе⁵⁵⁸, в каждой жупе одна часть народа избиралась и шла в поход, а прочие оставались под оружием для охранения страны⁵⁵⁹. Войско сходилась, но и в нем не исчезало начало народного дробления: особо шел отряд каждого племени и

⁵⁵⁴ Sefr. 51. civitatem Stetinensem, quæ stagno et aquis undique cincta, omni hosti inaccessibilis putabatur. Saxo 866. Stitinum, veterrimum Pomeraniæ oppidum... eminentis valli sublimitate conspicuum, insuper natura arteque æqualiter munitum, ut inexpugnabilis pæne existimari possit. Hinc mos proverbii: sumptus, eos qui se tutos inaniter jactant, Stetini præsidio non defendi.

⁵⁵⁵ Serf. 92. stagnum quod cingebat civitatem.

⁵⁵⁶ Mart. Gall. III, 1.

⁵⁵⁷ Cod. Pomer. № 41, грамота поморского князя Казимира, 1175 г. cum necesse fuerit ad defensionem terre sue procedere, sint parati (homines ecclesiæ) infra ipsam terram, cum eam hostiliter invaserint inimici. Вообще все исторические свидетельства указывают на такой способ ведения войны.

⁵⁵⁸ Helm. I, 38. (Henricus, Obotritorum rex) misit nuncios in universas Slavorum provincias, ad contrahenda auxilia, conveneruntque omnes pari voluntate eademque sententia, ut pararent jussionibus regis.

⁵⁵⁹ Thietm. VII, 44 и множество других известий; Sefr. 102. Novem patres

каждой жупы, под своими знаменами, за своим вождем⁵⁶⁰. Целым же войском предводительствовал князь. Другого какого-нибудь пол-[139]ководца мы ни разу не встречаем у западных ветвей балтийских славян; на Поморье обширность границ могла иногда заставить князя послать войско под другим начальником: но и тут, когда собирались против неприятеля значительные силы, князь почти всегда вел их сам. Неизвестно, кому принадлежало начальство над войском у лютичей, которые не имели князя; мы знаем только, и уже сказали, что они и в походе собирались на сходку, как в мирное время: вероятно, войсковая сходка, перед выступлением ли в поход или перед битвой, провозглашала кого-нибудь вождем, не предоставляя ему, однако, определенной и значительной власти. Защитой же городов распоряжались, кажется, жупаны, начальники жуп, и жупаны же, или какие-нибудь особо назначенные воеводы могли быть предводителями отдельных отрядов, из которых составлялось войско⁵⁶¹. У тех балтийских славян, которые имели князей, при князьях состояла и дружина; и на Поморье, мы видели, кроме князя и знатные люди любили окружать себя дружиной⁵⁶². Но вся история балтийских славян показывает, что у них эти дружины не имели в общественном строе никакого особенного значения и влияния⁵⁶³. Понятно,

familiae decimum in expeditionem armis et impensis abunde procurabunt, et ejusdem familiae interim domi fideliter providebunt.

⁵⁶⁰ Helm I, 38. agmina Slavorum de universis provinciis... distincta per vexilla et cuneos, ... omnibus ergo caute et ordinate per singulas acies consistentibus, soli duces egressi sunt ad salutandun regem... Singulis autem ducibus certatim se offerentibus, ... Slavorum agmina suis ordinibus subsecuta sunt.

⁵⁶¹ Вообще эти отношения у балтийских славян чрезвычайно темны. Главная, можно сказать, единственная власть у лютичей была община, но трудно поверить, чтобы отдельные их жупы и города, даже во время совершенной своей особности не признавали никакого вождя, никакого старейшины: Саксон именно говорит об особом начальнике (dux) Волегоща (773), Житие Оттона о жупане (praefectus) дыминском (Sefr. 121) и волегощском (Sefr. 132); но никаких показаний о военной власти этих жупанов мы не находим. Что касается до *воевод*, то мы можем сказать только одно: что балтийским славянам известно было это слово, о том свидетельствует название, которое получила у них дань, платившаяся саксонским герцогам: *воеводиница* (wogewotinza).

⁵⁶² Sefr. 82, 83, 85. Andr. 186.

⁵⁶³ Разумеется, мы говорим здесь только о дружинах славянских: слова наши не относятся к тем колониям скандинавских дружинников, которые в X в. водворились на славянских берегах и приобрели там великое значение: это явление внешнее, совершенно чуждое быту балтийских славян; о чем будет сказано на своем месте^[11].

что там, где весь народ был привычен к войне и всегда готов вооружиться, дружина, т. е. товарищество людей, посвятивших себя исключительно военному ремеслу, не могла приобрести насильственно той власти, какая так легко доставалась ей среди народов невоинственных и изнеженных, охотно вручавших ей свою защиту; а с другой стороны, дружинное начало так мало согласовалось с бытом балтийских славян вообще, с незначительностью у них княжеской власти, с господством поголовного ополчения, что оно у них не могло усилиться естественным путем. Только в бодрицком племени, у которого общинный быт ослабел и средневековые учреждения Германии почти всегда принимались за образец князьями и княжескими приверженцами, дружина получила, кажется, более обширный круг действия и была столь многочисленна, что князь мог воевать с ней вне своих [140] пределов без участия народной рати⁵⁶⁴. Но и у бодричей при всех благоприятных условиях общественное, политическое значение дружины осталось все-таки ничтожным, и все-таки вся военная сила их основывалась на общем ополчении народа⁽⁶⁶⁾.

Общественному быту и строю балтийских славян должна была по преимуществу соответствовать война оборонительная; за исключением пограничных с Германией племен, они были так склонны к земледелию и промышленности, что, конечно, неохотно отрывались от своих обычных трудов и занятий, не имея постоянной военной силы, воевали, разумеется, только в случае крайней нужды. Часто князь освобождал целые деревни от обязанности давать воинов в общее войско и только оставлял на них повинность участвовать в обороне своей *жупы*, если бы неприятель в нее вторгся⁵⁶⁵. Недостаток внутреннего единства в народе, отсутствие государственной власти, дробление на жупы, все это, а более всего система городов и привычка защищаться в них, вот что по необходимости придавало военным предприятиям балтийских славян характер разрозненный и оборонительный. В поле они действовали неопытно, в городах защищались превосходно. Редко выводили они значительные силы за пределы своей страны: их наступательные действия состояли скорее в набегах, чем в правильных походах, а когда на них нападал неприятель и вторгался в их землю, то они также никогда почти не собирались для общего отпора, а разбрасывались по городам и в них запирались⁵⁶⁶.

⁵⁶⁴ Helm. I, 16. – Thietm. VIII, 4. Liutici... Mistizlavum (бодрицкого князя)... semet ipsum intra Zuarinæ civitatis municionem *cum militibus electis* collere cogunt. Cp. Sax. 973. Jarimarus (князь ранский) nec quisquam ex ejus satellitibus.

⁵⁶⁵ См. выше, сноску 450.

⁵⁶⁶ Sefr. 144. civitates (Pomeraniæ)... viribus suis se deinceps tutas fore confi-

неприятель мог грабить и жечь открытые поля и деревни, но чтобы вести настоящую войну против балтийских славян, ему надобно было идти от города к городу, осаждать и брать их⁵⁶⁷; обладание городами влекло за собою обладание всей землей⁵⁶⁸. Этим характером [141]войны объясняется, отчего балтийские славяне с таким упорством противились в продолжение нескольких веков бесчисленным нашествиям враждебных сил, которые окружали их со всех сторон, но никогда также не умели воспользоваться никакой победой, ни обеспечить себя никакими общими мерами. Склонность их к оборонительной системе замечательным образом рисуется в одной черте, которую приводит древний польский летописец: однажды встретившись в поле с Болеславом Смелым, поморское войско чрезвычайно озадачило польского князя неожиданным построением: оно окружило себя рядом копий, воткнутых в землю тупым концом, а острием обращенных к неприятелю⁵⁶⁹: вдруг сделали себе поморяне в поле род крепости⁽⁶⁷⁾; разумеется, не трудно было полякам прорвать эту ограду, но поморяне предпочли такую ненадежную оборону смелому наступлению, которое, быть может, и дало бы им победу.

Балтийские славяне большей частью сражались пехотой; за исключением дружин⁵⁷⁰, конницы у них почти не было⁵⁷¹; и это необходимое следствие оборонительной системы.

derent, munitionibus et castris, quæ belli tempore complanata fuerant, ex magna parte hoc intervallo reparatis; ... fugere ac res suas ad loca munita deferre. Helm. I, 62, Niclotus... convocavit universam gentem suam et cœpit ædificare castrum Dubin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis. Cp. II, 13.

⁵⁶⁷ Helm. I, 56 (см. сноски 464). – M. Gall. II, 48. (Bolezlavus) hostium terram (Поморье)... ingrediens, non prædas sequitur vel armenta, sed castrum Velum obsidens, machinas præparat ac diversi generis instrumenta. II, 15. (Bolezlavus Pomoraniam) subiugare concupiscens, prædas agere prius vel incendia facere non conatur, sed eorum munitiones vel civitates obtinere vel destruere meditatur. II, 30. Scarbimirus, comes Poloniæ... castellorum vel civitatum nominari voluit expugnatorem, quam villarum multarum scilicet vel armentorum deprædator. Jgitur... unum castellum expugnavit, unde quibusdam vero captivatis eductaque præda, totum radicibus concremavit. Cp. еще в особенности рассказ Саксона 891 и мн. др. известий.

⁵⁶⁸ Widuk. I, 35. Cum... illa urbe (Brennaburg) potitus omnem regionem. Helm. I, 25. Slavi... Buthue provincia pepulerunt, diripientes præsidia, in quibus confugium habebat. Videns autem se principatu extorrem etc. I, 34 (Henricus) occupavit munitiones, quas ante habuit Cruto etc.

⁵⁶⁹ M. Gall. III, 1.

⁵⁷⁰ Helm. I, 16. Sefr. 85. Sax. 825.

⁵⁷¹ M. Gall. III, 1, и все вообще исторические известия о войнах балтийских славян показывают это.

Замечательнейшим явлением военного устройства у балтийских славян были пограничные оборонительные линии⁽⁶⁸⁾. Трудно бы было, казалось, ожидать такого учреждения там, где война не сделалась еще предметом правильного искусства и где не существовало государственного порядка. Но пограничные оборонительные линии до такой степени соответствовали общему характеру военного дела у балтийских славян, что возникли у них, можно сказать, сами собой со времен незапамятных. Мы имели уже случай заметить, как велико было в X веке число укреплений на правом (славянском) берегу Лабы в земле Стодорской: нет, кажется, сомнения, что тут была оборонительная цепь против немцев; но раннее завоевание этого края и недостаток известий не позволяют судить о ней подробнее. Далее на север сопредельные с Германией племена глинян, полабцев, вагров были так малы, что не могли, конечно, учредить себе настоящую пограничную цепь и стражу: здесь город племени или жупы был вместе с тем и пограничной точкой обороны (напр., Лончин, город глинян, Ратибор, город полабцев, вагрские города Даргунь, Плуна, Утин со стороны земли, Лютикенбург, Старыгард, Сусле со стороны моря), здесь всякий человек был всегда настороже, как настоящий украинец: вспомним рассказы Гельмольда о воинственной жизни вагров. Другое дело было у поморян: земля Поморская была обшир[142]на, главные ее города лежали далеко от границы, где со стороны поляков грозила непрестанная опасность; и вот Поморье приняло свои меры, учредило по всей сопредельной с Польшей черте цепь укреплений, предназначенных для того, чтобы удерживать вторжения неприятеля и давать народонаселению жуп время вооружаться и собираться в свои города. Пограничные укрепления были средоточиями особых жуп: они зависели от жупы, на границе которой находились, и подчинены были главному ее городу⁵⁷²; кажется, их строила и поддерживала вся жупа или ближайшие к границе деревни, наиболее нуждавшиеся в защите, а не князь, не вся земля⁵⁷³. В них пребывала постоянная военная стра-

⁵⁷² Sefr. 112. duo... castella, Gratitiam et Lubinum, quæ in confinio posita, ad pagum pertinebant Stetinensem.

⁵⁷³ Cod. Pomer. № 175. Redidimus eciam ipsorum homines liberos a custodia castri, ... sed tantum castrum cum aliis hominibus quelibet villa in suo loco edificabit, id est in castellania, et non alias. Там же, 290. Et si fuerit necesse propter timores inimicorum, liceat domino episcopo facere municionem inter predictas villas, vel municiones, de predicti tamen ducis consilio et consensu; et dux convenit et promisit adhibere, si opus fuerit, consilium et consensum. 291. contuli predicto episcopo... quandam terre mee castellaniam, que Goruchino vulgariter

жа⁵⁷⁴, но из кого она состояла, как избиралась, неизвестно: кажется, то была общественная повинность, лежавшая на целом народонаселении жупы⁵⁷⁵. Главным начальником пограничных укреплений был, вероятно, жупан той жупы, к которой они принадлежали⁵⁷⁶; но нет сомнения, что каждое укрепление имело особого военного начальника⁵⁷⁷.

Укрепленная пограничная черта Поморья со стороны Польши (а против нее поляки на своей земле воздвигли другой ряд укреплений) начиналась у Одры: на левом берегу Градище (теперь Garz), на правом Выдухово (Fiddichow) и Чедно (Zehden) оберегали богатые низовья Одры и стояли сторожевыми укреплениями Щетинской жупы, к которой и были, по-видимому, причислены⁵⁷⁸. [143] Далее черта шла по Варте и Нотечи: главная поморская крепость на Варте была, кажется, Междуречье⁵⁷⁹; у слияния Варты и Нотечи, напротив польской твердыни Сантока или Сутока⁵⁸⁰ поморяне старались также иметь свое укрепление⁵⁸¹; далее, на Нотечи, их города

nuncupatur, decem et octo villis utilibus preciosam... Liberum igitur est... epyscopo... municionem contra hostes in quolibet loco dicte castellature construere, meo vel heredum meorum consensu minime requisito; ... tamen... pro terre defensione predictarum villarum incole sub meo debent vixillo militare...

⁵⁷⁴ M. Gall. III, 1. oppidani (castri Nakel)... inducias quæsierunt... audientes autem hæc de sex aliis castellis oppidani, consilium itidem inierunt. III, 26. castellum (Nakel) erat et viris et rebus necessariis sic firmatum, quod non esset armis vel necessitate rei cuiuslibet per annum continuum expugnatum. (Bolezlavus) castellum Wysegrad impetuose capere, castellanis non præmeditantibus nec præmunitis, cogitavit. Cod. Pomer. 175. custodia castri.

⁵⁷⁵ Cod. Pomer. Там же.

⁵⁷⁶ M. Gall. III, 26. castrum Nakel... Bolezlavus cuidam Pomorano... Suatopolc... concesserat cum aliis castellis pluribus etc. Castellani (одной из пограничных крепостей восточного Поморья)... de Suatopolc suo domino nullum auxilium expectabant.

⁵⁷⁷ M. Gall. II, 47. Gnevomir... (dominus) castelli Charncou.

⁵⁷⁸ Sefr. 112, Cod. Pomer. 24, 26. В грамоте 1187 г. (Cod. Pomer. 61) приводится *кастеллан* чедненский (Gozizlaus de Zedin), но о жупе чедненской нет упоминования в многочисленных грамотах этого времени: *кастеллан* чедненский был, без сомнения, только начальник пограничной крепости, как напр., Гневомир Чарниковский, о котором повествует Мартин Галл. Только в позднейшее время, под влиянием немецких учреждений, Чедно, как и многие другие города и замки на Поморье, составило особый округ. Cod. Pomer. N 288, 1240 г.: in territoriis Ceden, Piritz, Princlou, Pinkun et Stetin.

⁵⁷⁹ M. Gall. II, 14; положение Междуречья в точности неизвестно.

⁵⁸⁰ Теперь деревня Zantoch. См. об этом: Balt. Stud. XI, 1, 169.

⁵⁸¹ M. Gall. II, 17.

были Волын или Велынь⁵⁸² (теперь Filehne), Чарников⁵⁸³, Устье (Uscz)⁵⁸⁴ и сильнейший оплот Поморья, неприступная в болотах крепость Накло⁵⁸⁵.

На север от Нотечи тянулась полоса лесов и болот, которая служила как бы второй оградой Поморской земли, а за этими лесами и болотами завоеватель встречал другой ряд укрепленных мест, Пырицу, Старгард, Белгард, и второстепенные крепости, Карбье (на полдороги от Пырицы к Старгарду)⁵⁸⁶, Песек на северо-восток от Старгарда⁵⁸⁷, и много других, которых имена не сохранились, но следы видны и теперь на черте между Пырицей, Старгардом и Белгардом в многочисленных остатках старинных валов⁵⁸⁸.

Эти два ряда укреплений, воздвигнутых для защиты западного Поморья от Польши, составляли главную, самую крепкую из окраин поморских: на ней по преимуществу приходилось поморянам отстаивать свою независимость, и на ней они сосредотачивали наиболее сил; но были, кроме того, и другие укрепленные линии, которые не имели, правда, такого важного исторического значения, но все же свидетельствуют о том, как сильна была у балтийских славян страсть к оборонительной системе войны. Восточное Поморье учредило себе также укрепленную линию против поляков, которая является [144] как бы продолжением линии, проходившей по Нотечи⁵⁸⁹, и шла от Накла к Вышеграду на Висле⁵⁹⁰; на Висле оно имело несколько укреплений против пруссов⁵⁹¹. По обеим сторонам Одры

⁵⁸² Mart. Gall. II, 48.

⁵⁸³ M. Gall. II, 44.

⁵⁸⁴ Andr. 126. castrum quoddam, quod Uzda nominatum est, quod est in confinio utriusque terræ. Sefr. 51. Vadam (описка вместо Vsdam или Vzdam) civitatem munitam et fortem. M. Gall. II, 47. Uscze castrum.

⁵⁸⁵ M. Gall. III, 1. castrum Nakel in confinio Poloniæ ac Pomoraniæ, paludibus et opere firmum; см. еще II, 3. III, 26.

⁵⁸⁶ Карбье (castrum Carbe) лежало у дер. Прилупа, см. Cod. Pomer. 38 и Balt. Stud. XI, 1, 178.

⁵⁸⁷ По новейшим изысканиям, крепость эта находилась между дер. *Kietzig* и *Mulkentin*, см. Balt. Stud. X, 2, 167. и XI, 1, 180.

⁵⁸⁸ См. рассуждение Гизебрехта, «die Landwehr der Pommern und der Polen», в Balt. Stud. XI, 1.

⁵⁸⁹ См.: Balt. Stud. XII, I, 100.

⁵⁹⁰ M. Gall. III, 26. castellum Wysegrad. Вышеград лежал у впадения р. *Braa* в Вислу, близ дер. *Fordon*, см. Balt. Stud. XV, 1, 165. Röpell, Gesch. Polens, I, 671.

⁵⁹¹ См. исследование Квандта, «die Ostgrenzen Pommerns», в Balt. Stud. XV, 1.

находятся многочисленные следы старинных валов и «городов», которые, вероятно, относятся к тому времени, когда Одра разделяла враждебные племена поморян и лютичей, и составляли их обоюдную оборонительную линию⁵⁹². Наконец, и на морском берегу мы находим целый ряд укреплений для защиты Поморья со стороны датчан и скандинавов⁵⁹³. Приморские торговые города Щетин, Волин, Камен, Колобрег состояли каждый из укрепления, «города», окруженного предместьями⁵⁹⁴: в случае неприятельского нашествия народонаселение их, покидая открытые предместья и собираясь в «город», могло выдерживать долгую и упорную осаду: Щетин, Волин, Камен и Колобрег были, таким образом, основные точки в прибрежной оборонительной линии поморян. Замечательно, что в Колобреге, кроме внутреннего «города», была еще крепостца вне городской черты со стороны моря⁵⁹⁵, предназначенная, вероятно, для защиты богатых торговых предместий от внезапного нападения морских разбойников. С включением этих городов прибрежная оборонительная линия Поморского княжества (т. е. собственного Поморья и восточной части лютичей) была следующая; мы идем с запада к востоку: Барт (здесь упоминаются уже в XIII в. две крепости старая и новая)⁵⁹⁶, Перун (теперь Проп, на север от Стральзунда), Крестово (Cristow, теперь Gristow), Гардице (antiquum castrum Gardist, кажется, на север от нын. Грейфсвальда)⁵⁹⁷, Гардчин и Гард на острове Хостне (теперь Koss)⁵⁹⁸, Гутин (antiquum castrum

⁵⁹² См. исследования Гизебрехта «die Landwehre der Luitizer und Pomern auf beiden Seiten der Oder» и «Luitizische Landwehre», в Balt. Stud. XI, 2.

⁵⁹³ См. исследование его же, там же напечатанное, «das Pommersche Landwehr an der Ostsee».

⁵⁹⁴ Andr. 130. extensis ante castrum (Julin) tentoriis. 144. duas illic ecclesias constituit, unam in civitate Julin,.. alteram extra civitatem in campo miræ latitudinis et amœnitatis,.. illicque sedem episcopalem statuit: очевидно, это поле было застроено и заключало в себе главную часть волинского народонаселения, ибо Оттон не поставил бы митрополии в пустынном месте. — О крепости Щетинской см. Sax. 868. Каменской — его же, 892, Колобрежской — M. Gall. II, 28.

⁵⁹⁵ M. Gall. II, 39. cum jam ad urbem Cholbreg declinaret et castrum mari proximum expugnaret.

⁵⁹⁶ См.: грамоты 1255 г. у Фабрициуса, N LXII.

⁵⁹⁷ См.: Fabric. II, 92.

⁵⁹⁸ Cod. Pomer. 83, 1203 г. insula que vocatur Chosten; in Gartsin etc.; 85, 1207 г. in castro Garchen; там же, стр. 200, 1257 г. per circuitum Cuzse versus orientem donec ad finem Cuzsce sive castrum quod Ghart dicitur...

[145]Guttin, близ Грейфсвальда, к югу)⁵⁹⁹, Острожна, Волегощ, Лешане, Узноим и еще два городища на Ванцлавском острове⁶⁰⁰, Любин на острове Волын (теперь Lebbin)⁶⁰¹, Волын; Щетин; Камен; Требетово (castrum Trebetow⁶⁰², теперь Trepow), Белбог близ Требетова⁶⁰³; Колобрег и три городища по дороге от Колобрега к Кослину; Дерлово (у нын. Rugenwalde), Славно, Столп, Белгард на р. Лебе и, наконец, Гданск⁶⁰⁴.

LXII

Застой и распад в общественной жизни балтийских славян, причины его

Мы обозрели, таким образом, общественную жизнь балтийских славян в разных ее проявлениях. Недостаток известий не позволял нам составить себе полную ее картину, но везде мы находили ее верной одним и тем же началам, везде мы видели в ней слияние общинной стихии со стихией аристократической и господство племенного дробления. Наконец, мы могли заметить, что общественные начала балтийских славян были уже вполне выработаны и определены в X, в XI, в XII веках, тогда как у других славянских народов, и даже у немцев и скандинавов, жизнь общественная в это время едва начала развиваться. Но жизнь балтийских славян оказалась бесплодной; далее совершенствоваться она не была в силах; бодричи до своего конечного истребления остались в одном и том же общественном порядке, лютичи также; у поморцев на Ране племенной быт, столь определенный и развитый в XI и начале XII века, явился также слабым, как у бодричей и лютичей, и немедленно распался, а взамен его эти славяне приняли быт немецкий, немецкий язык, немецкую народность.

И во всем у балтийских славян оказывалось такое страшное бесплодие: везде, при раннем развитии, неспособность вести его далее, постепенная утрата, и, наконец, совершенное уничтожение. В VIII и

⁵⁹⁹ Обо всех этих городах см. Fabr. II, 90 и след., и Balt. Stad. XI, 2, 1–30.

⁶⁰⁰ Balt. Stud. XI, 2, 19.

⁶⁰¹ Sax. 868, Cod. Pom. 60. vicus ante ipsum castrum Lubbin.

⁶⁰² Cod. Pomer. 148.

⁶⁰³ См. Balt. Stud. II, 1, 4. Cod. Pomer. 86. locum iuxta Trepetow situm, quondam Belbuc, nunc sancti Petri castrum dictum.

⁶⁰⁴ См. Balt. Stud. XI, 2, 1–30.

IX веках процветала у их западных ветвей обширная торговля, которая потом прекратилась; в это время Поморье имело сношения с отдаленным востоком, а впоследствии о том исчезла и память; в XI веке город Волын вел такую торговлю, какой [146] не было тогда во всей северной Европе, в начале XII он был еще важен и богат, но не так, как прежде, а в конце этого века потерял уже всякое значение; в начале XII столетия поморская торговля была так жива и плодотворна, что поддерживала на маленьком пространстве у одерского лимана четыре больших, цветущих города; в последующее время она стала мало-помалу угасать, и тот самый поморский народ, который во время Оттона Бамбергского так любил торговую деятельность, что часто половина жителей города была в отлучке за морем, этот народ через сто лет уже совсем отказался и от своей торговли, и от городов своих, предоставил и торговлю, и города призванным немцам, а сам зарылся в деревнях. В X и XI веках вагры и бодричи, несмотря на непрерывную войну с датчанами и немцами, жили в довольстве хлебопашеством: в это время при первом обращении их в христианскую веру положено было им платить духовенству вместо десятины с каждого плуга (плугом считалось у балтийских славян пара волов и пара лошадей) по мере (*корцу*) хлеба, 48 связок льну и 12 монет⁶⁰⁵, и они легко несли этот налог; в конце же XII века подобная подать их так разоряла, что, уплативши ее, им нечего было есть и они покидали земледелие, чтобы промышлять разбоем⁶⁰⁶ или просить милостыни на чужбине. Эта плодородная страна Славянская стала глушью и местом запустения⁶⁰⁷. Славяне, по выражению Гельмольда, мало-помалу угасали (*deficeruntque Slavi paulatim in terra*), и «последние остатки, какие от них были, не находя себе

⁶⁰⁵ Helm. I, 87. *Modius autem Slavorum vocatur lingua eorum curitze. Porro Slavicum aratrum perficitur duobus bobus et totidem equis... – I, 12. Dabatur autem pontifici annuum de omni Wagirorum sive Obotritorum terra tributum... de quolibet aratro mensura grani et quadraginta resticuli lini, et duodecim nummi puri argenti. Ad hæc unus nummus, precium colligentis. Slavicum vero aratrum par boum aut unus conficit equus.* Здесь определение славянского плуга очевидно неверно, как оказывается из сравнения с вышеприведенным местом, которое заслуживает более доверия, потому что Гельмольд говорит тут о современных обстоятельствах; также преувеличено показание, что платилось епископу 12 *серебряных* монет: сам Гельмольд (I, 87) указывает на то, что эти монеты были обыкновенные в то время гроши.

⁶⁰⁶ Helm. I, 83.

⁶⁰⁷ Cod. Pomer. 31 (грам. Генриха Льва, 1171 г.): *in terra Sclavorum transalбина, in loco horroris et vaste solitudinis.*

пропитания среди запустелых полей, до того изнемогали от голода, что бежали толпами к поморьянам и датчанам, которые без милосердия продавали их в рабство полякам (лужицким), сербам и чехам»⁶⁰⁸. Какое было также различие в состоянии славянского народа на Ране и Поморье в XI и XII веках, и в следующее время! В XII веке остров Рана, обильный хлебом и стадами⁶⁰⁹, кормил, может быть, даже больше народу, чем теперь, несмотря на кровопролитные войны с [147]датчанами (это видно из того, что в последней роковой борьбе с датским королем Вальдемаром собралось на Ране в одной крепости Коренице 6000 вооруженных людей, и в то же время другая крепость, важнее Кореницы, Аркона, оборонялась не менее значительным войском, а теперь на Рюгене считается людей, способных нести оружие, всего 9300 человек)⁶¹⁰; подобным образом в начале XII века Поморье было так богато и так процветало, что плененный им очевидец приглашал немецких монахов туда жить и писал⁶¹¹: «В этой стране могли бы удобно существовать монастыри особливо для святошей нашего времени, которые, сознавая свою немощь, предпочитают богатую землю голым скалам или мрачной пустыне. Там рыбы невероятное множество, как в море, так и в реках, озерах и прудах; за грош (*denarius*) можно купить воз свежих сельдей. Все Поморье изобилует всякою дичью, как то: оленями, зубрами и дикими конями (т. е. лосями?), медведями и кабанами, а равно свиньями и всяким скотом. Оно богато маслом от стад, молоком от овец, салом ягнячьим и бараньим, да к тому же производит в избытке мёд, всякие хлеба, коноплю, мак и разные овощи». А в конце XII и в XIV веках жалкие остатки поморских и ранских славян, удрученные под властью своих народных государей большими налогами и повинностями, нежели иностранные поселенцы, скрывались в глуши в отдаленных, беднейших деревнях; этот народ, который в XIII веке призывался св. Бонифацием для обработки полей на Везере и Майне, который любил хлебопашество больше всякого другого труда, – считался уже неспособным к хлебопашеству: он одичал и дичала земля его; поля славянские возделывались дурно и не давали плода, деревня славянская была бездоходным имением⁶¹²;

⁶⁰⁸ Helm. II, 5.

⁶⁰⁹ Helm. II, 12. Saxo 746.

⁶¹⁰ См. Fabric. I, 102. – Ср.: Sefr. 46. *Rugiam iusulam parvam sed populosan.*

⁶¹¹ Sefr. 118.

⁶¹² Lisch, Mekl. Urk. III, 15. in multa parte nostre diocesis propter barbariem Slavorum inculta. Cod. Pomer. стр. 313, из грамоты 1210 г.: *notum esse volumus, quod in insula quadam nostre diocesis Pule (Pöl), a Slavis hactenus inhabitata,*

призывались иностранные колонисты, и уже в XIII веке все цветущие села в земле Бодрицкой, Стодорской и Лютицкой, на Ране и на Поморье, словом, по всей стране славян балтийских, находились в руках немцев. В 1285 году зверинский (шверинский) граф писал, при передаче Рейнфельденскому монастырю деревни Лозицы: «Мы хотим и обязуемся выпроводить всех славян, нынешних жителей этой деревни, и так устроить с ними дело, чтобы, оставляя всякую надежду воротиться, они добровольно удалились и публично объявили, что не имеют в деревне сей никаких прав или собственности»⁶¹³.

[148] Отчего такой застой в жизни балтийских славян, отчего такое падение?

У передовых племен балтийского Поморья внешней причиной была борьба с Германией: на эту борьбу они устремили все свои силы, ей пожертвовали всем; борьба кончилась несчастливо, и, павши, они были стерты с лица земли.

Но почему эта борьба была для них столь страшна и пагубна? Почему народ такой храбрый, такой стойкий, поддался завоеванию и истреблению? Были же другие народы, которых осаждало не меньше врагов, и они все-таки отбились и устояли; а восточная ветвь балтийская, поморяне, отдаленные от Германии, ею вовсе не тревожимые, не испытав ни покорения, ни насильственного истребления, однако также, как их собратья, бодричи и лютичи, постигнуты были застоєм и, также как они, исчезли.

Значит, сила немцев была только внешним орудием, но не внутренней причиной гибели балтийских славян; если бы в них самих не было зародыша смерти, то они бы, конечно, соединились и отразили своих противников: для этого нашлось бы довольно народу славянского от Лабы до Вислы, от Голштинии до границ Силезии. А тем более поморяне отстояли бы свою народность от мирного водворения германцев, если бы в них самих была жизненная сила. Но никогда славянский народ между Лабой и Вислой не был в состоянии соединиться, ни внешним союзом государства, ни внутренним единством народной жизни, и нетрудно было немцам истреблять его порознь и оружием, и мирным завоеванием.

cum propter penuriam et paucitatem hominum gentis illius, eam excolere non valentium, princeps de Michelenburg Heinricus Teutonicos colonos colligeret. Cod. Pomer. N 31. quia vero decime Sclavorum tenues sunt.

⁶¹³ См. Cod. Pomer. стр. 314. velimus et debeamus omnes Slavos et cives, eandem nunc villam inhabitantes, eliminare, et sine omni spe reversionis hoc cum eis agere, ut voluntarie recedendo nichil iuris aut proprietatis se habere in villa eadem publice recognoscant.

Великое событие записано в русской летописи под 862 годом:

«Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ варягомъ къ руси... Рѣша руси чюдѣ, словѣни и кривичи: вся земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами»... Так основалось то Славянское государство, которое существует донныне⁽⁶⁹⁾.

И балтийские славяне в глубокую древность покорены были дружинниками, родными братьями варягов; и они потом изгнали их и не дали им дани, и начали сами владеть собой; и у них не было «правды», восставало племя на племя и возникали усобицы, и они воевали друг против друга. Но им не достало внутреннего мужества, чтобы сказать себе, что они все до единого не правы во вражде своей, что надобно пойти поискать князя, который бы владел ими и судил по праву, словом, в них не нашлось великодушия отречься от племенной исключительности для народного единства; и это их [149] предало, разрозненных и слабых, не только вещественной, но и внутренней слабостью, в крепкие руки немецкого народа.

Но неужели обвинять в этом самый характер балтийских славян и сказать, что в нем было больше эгоизма и менее великодушия, чем в русских славянах? Нет: эгоистическая привязанность балтийских славян к племенной раздельности произошла, конечно, не от природного их характера, а от условий их исторической жизни.

Славянам русским легко было отказаться от племенного быта в пользу государственного, потому что племенной быт у них не выработался, не определился, не укоренился в народном сознании и народной жизни. Они тогда только что выходили из ограниченного круга жизни единственно семейной и не были скованы никаким издревле установленным порядком, который бы ниспровергался основанием государства. Напротив, балтийские славяне, уже издавна вышедши за пределы семейного быта, со времен незапамятных, обхвачены были чужими началами; а известно, что ничто не может так ускорить развитие народа, как знакомство и общение с другими народами, торговля, обширные сношения. Таким образом, еще в племенном быте застигло их самое быстрое развитие, и нас, действительно, удивляло раннее их образование и процветание. Но самый быт, которой у них так рано развился и установился, по существу своему был недостаточен, ибо не допускал народного и государственного единства, этих условий, которые придают обществу людей и вещественную силу, и внутреннюю крепость; достигнув

известной высоты (какую мы видим, напр., у поморян: это, повторяем, самое совершенное проявление племенного быта), он останавливался, и начиналось распадение.

Другую причину бесплодия общественной жизни балтийских славян мы уже прежде нашли в глубоком искажении ее начал чужим наплывом; ибо только то способно к истинному, живому развитию, что вытекает из самобытных начал народного духа.

Как это оправдалось на балтийских славянах, мы уже видели: именно *иностранная* стихия в их быте, аристократия, положила начало их гибели.

А между тем слишком трудно было сбросить этот недостаточный и искаженный быт, потому что он, так сказать, всосался в сок и кровь народа, и всю жизнь его настроил на свой лад, потому что, наконец, его оберегало целое сословие знатных людей, которых государственный порядок лишил бы власти.

Стало быть, вот где коренилась гибель балтийских славян: в преждевременном их развитии, которое вызвано было на ступени племенной раздельности влиянием чужих народов, и в котором славянский быт исказился чужими началами⁽⁷⁰⁾.

[150]

LXIII

Религиозное развитие балтийских славян. – Влияние германской мифологии

Ознакомившись с бытом и общественным устройством балтийских славян, мы должны теперь взглянуть на духовную сторону их жизни. Невозможно, чтобы те исторические условия, которыми определились общественные отношения у этого народа, не имели действия на его религиозное развитие. Другие славяне, спокойно проведя свое младенчество в племенном дроблении, могли выступить на историческое поприще уже готовые к народному и государственному единству, и с тем вместе им дано было прожить в младенческой бессознательности пору язычества и ощутить тогда потребность духовного развития, когда перед ними уже стояло христианство: едва только, можно сказать, подняли они глаза к небу с вопросом о Боге, которого прежде бессознательно чтили в окружающей природе, свет христианства озарил их, и они уверовали. Одних между всеми славянскими народами, славян балтийских, мы видели, жизнь политическая застала в племенном быте, и племенной быт сделался окончательной формой их общества; а в одно время с деятельностью

политической вызывалась у них, естественно, и деятельность духовная, в такое еще время, когда со всех сторон их окружали народы языческие: их религиозное развитие должно было совершиться в сфере язычества, как развитие общественное в сфере племенной ограниченности и племенного разъединения, и язычество у них возросло и укоренилось так, что потом уж никакая сила не могла его вырвать; а если, после долгого колебания, после многих переворотов, некоторые ветви наконец и решались отречься от своей языческой святыни, то с ней вместе отрекались они и от всего своего народного существа, по обращении в христианство они как бы переставали уже принадлежать к славянскому миру.

Нам известно, от каких исторических причин произошло у балтийских славян это преждевременное возбуждение жизненной деятельности, источник их раннего бессилия и главное начало их гибели. Мы не будем уже на этом останавливаться; но кроме тех общих причин, действие которых должно было обнаружиться в религиозной жизни балтийских славян так же, как в общественной, в усилении у них именно религиозной стихии в раннюю пору язычества, могли участвовать еще особенные условия. Беспрестанные столкновения и сношения балтийских славян с чужими народами, их окружавшими, война, нашествия, временное завоевание, торговля, все это по необходимости сближало и знакомило их с разными религиозными понятиями и системами, вырабатывавшимися в их соседстве, у скандинавов и немцев на севере и западе, у прусов и других литовских племен на востоке: а все [151]эти народы имели мифологию несравненно более развитую, нежели древняя мифология славянского племени. В особенности о немцах и скандинавах можно сказать почти наверное, что они не только своим постоянным влиянием и общением способствовали религиозной деятельности балтийских славян наравне с гражданской, но относительно религии, в древнейшую пору прямо на них действовали примером⁽⁷¹⁾.

Уже в то время как германцы властвовали на Поморье над славянами, у них была мифология вполне определенная: личности богов резко обозначались⁶¹⁴; приносились человеческие жертвы⁶¹⁵, существовали жрецы с особыми правами и властью⁶¹⁶. А у нагарвалов, ветви лугиев, которые, как мы знаем, жили на Славянской земле, велось какое-то особенное таинственное поклонение. Вот что об этом говорит Тацит: «у нагарвалов показывают рощу, где издревле воз-

⁶¹⁴ Grimm Deutsche Mythologie, стр. 93.

⁶¹⁵ Tac. Germ. 9, 39. Annal. I, 61.

⁶¹⁶ Tac. Germ. 7, 11.

дается поклонение богам. Распорядитель его жрец в женском платье; но обожаются, говорят, существа мужеские, которые по-римски можно назвать Кастором и Поллуксом: таково значение божества; имя – Алкис (Alkis)⁶¹⁷. Нет ни кумира, ни следа иноземного верования; но (как Кастор и Поллукс) обожаются братья и юноши»⁽⁷²⁾.

Другое, не менее таинственное, поклонение существовало на Славянской же земле на острове Балтийского моря (значит, вероятно, Ране). Исчислив ветви прибалтийских германцев (т. е. дружины, владевшие тамошними славянами: Langobardi... Reudigni, Aviones, Angli, Varini, Eudoses, Suardones, Nuithones), Тацит говорит⁶¹⁸: «У них ничего замечательного нет, кроме того, что они воздают общее поклонение Непте (Nerthus), т. е. Матери-Земле⁶¹⁹, и верят, что она вмешивается в человеческие дела, посещает народы. Стоит на острове Океана (т. е. Балтийского моря) нетронутый лес, и в нем хранится священная колесница, покрытая завесой (veste): прикасаться к ней позволено лишь одному жрецу. Он узнает, что богиня присутствует в святилище, и везомую (на колеснице) коровами сопровождает с великим благоговением. Настают радостные дни, пируют места, которые она удостоивает своего проезда и посещения; не предпринимают войны, не дотрогиваются до оружия; все железное заперто; мир и покой тогда только знакомы народу, тогда только любимы им; покуда наконец богиня не пресытится обращением с мертвыми, и жрец не возвратит ее в святилище. Тогда колесница и по[152]кровы, и если угодно верить, то и самое божество, омываются в сокровенном озере; при этом прислуживают рабы, которых тут же поглощает озеро. Оттого таинственный страх и благоговейное неведение предмета, который видят лишь осужденные на смерть»⁽⁷³⁾.

Пруско-литовская мифология была не менее развита, чем германская. К несчастью, вопрос о ней еще темен и требует еще критической проверки и разработки: ибо, очевидно, много примешалось вымышленных позднейшими писателями мифологических существ к тем, которые были действительно признаваемы народом. Мы можем сказать только, что прусы и литва представляли себе нескольких богов в определенных антропоморфических образах, что они

⁶¹⁷ Germ. 43. См.: Grimm, Myth. 57, где показано, что Алкис собственно не имя божества, а святилища.

⁶¹⁸ Germ. 40.

⁶¹⁹ О ней и о соответствии ее, как существа женского, Ниорду, благодатному мужескому богу, столь известному в скандинавской мифологии, см. Grimm, Myth. 197, 231.

чтили их в истуканах, что они имели особых жрецов, пользовавшихся необыкновенной властью и уважением; но когда выработалась эта мифология у прусов и литвы? Образовалась ли она самобытно из внутренней потребности их духа, или стремление к определенным личностям богов возбуждено было чужими влияниями, например германскими? Есть любопытное сказание у древних летописцев Прусской земли: было время, говорят они, когда прусы обожали солнце, луну и звезды, а пришельцы из Скандии, готы, принесли к ним новых богов, Перкуна^[12], Потримпа и Пикула, три высшие существа прусской и литовской мифологии, идолы которых стояли под сенью священного дуба на Ромовском поле⁶²⁰. Конечно, сами божества не пришли к литовскому племени из-за моря: то были народные божества его. Но не была ли новая, человекообразная мифология его, заменившая древнее поклонение небесным светилам, вызвана влиянием скандинавских дружин, которые, достоверно, властвовали над прусами в то же время, как над прибалтийскими славянами? И не таков ли смысл сказания? – Во всяком случае, мифология прусов определилась и достигла антропоморфизма в незапамятную древность, и какие бы ни были начала, способствовавшие ее образованию, она должна была действовать сильно на религиозные понятия соседних славянских племен⁽⁷⁴⁾.

[153]

LXIV

Древнейшее поклонение славян

Между тем как прибалтийские германцы имели уже в I веке по Р. Х. такую развитую мифологию, с человекообразными богами и богинями, с богослужением, связывавшим разрозненные племена (или дружины) общим миром, общим праздником, с определенными обрядами, стоившими жизни стольким людям, в чем состояло древнейшее языческое поклонение славянского племени и какая могла быть, следовательно, первоначальная религия у тех славянских ветвей, среди которых эти германцы водворились? Надобно рассмотреть это с некоторой подробностью, и тогда окажется ясно, что в религии балтийских славян принадлежало им наравне с другими славянами и что вырабатывалось у них отдельно.

Древнейшая религия славян состояла, сколько известно, в обо-
готворении неба и сил природы и в поклонении им. Вот как ее опи-

⁶²⁰ См.: Voigt, Geschichte Pfeussens. I, 574 и след.

сывает в VI веке византиец Прокопий⁶²¹: «Они признают одного бога, создателя молнии, единым господом всего, и приносят ему в жертву быков и всякие дары. Рока они не знают и вообще не верят, чтобы он имел влияние на людей. Но когда им угрожает смерть, в болезни ли, или на войне, они обещают, если ее избегнут, тотчас принести богу жертву за спасение, и, спасшись, исполняют свой обет, думая, что этой жертвою купили себе жизнь. Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам (δαμόνια); всем им они приносят жертвы и при этих жертвоприношениях гадают»^[13].

Прокопий, кажется, здесь смешал в изображении верховного славянского бога, властителя, молнии и мира, два лица: бог молнии, которого называли Перуном, был действительно у славян верховным богом природы и располагал жизнью и смертью людей; но над ним они признавали бога неба, который был выше его, но ему предоставил мир земной; это высшее божество называли просто богом и, вероятно, также Сварогом⁽⁷⁵⁾. В одном из древнейших памятников русского слова (договоре Игоря с греками) ясно выставляется это различие в выражениях: «и елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна»; «да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна»^{622, [14]}. Имя *Сварог* мы постараемся объяснить впоследствии. – Вероятно, однако, что и сами славяне не всегда строго выдерживали различие между бо[154]гом (Сварогом) и Перуном, и видя в Перуне бога, от которого все на земле зависело, охотно признавали его главным божеством и забывали про божество неба. – Подле Перуна, или в зависимости от него, они воображали себе других богов, управлявших разными силами природы. Из них упоминаются некоторые, особенно у русских славян, как-то: Хорс или Дажьбог, сын Сварогов, бог солнца, огонь, также сын Сварогов, Стрибог, бог ветров, Волос, бог стад⁽⁷⁶⁾; Вилы, эти славянские нимфы, о которых говорит Прокопий и др.; иногда простые олицетворенные понятия, как то: Весна и Моряна (т. е. юность и смерть, у чехов), Тряс (т. е. страх, преследующий разбитого врага), являются божествами. Но все эти божества и другие, им подобные, не имели, сколько мы знаем, вполне определенных и установленных личностей, и, кажется, только постепенно возникали в народном веровании. На это ясно указывают и чешские песни Краледворской рукописи^[15] и повествование русского летописца⁽⁷⁷⁾.

⁶²¹ De B. Gotth. III, 14.

⁶²² П. Собр. Р. Летоп. I, 20, 23. См.: Срезневского. Исследования о языч. богослужении древних славян, 3.

Самое живое и верное свидетельство о древнем славянском языке слышится, без сомнения, в чешских песнях, дошедших до нас от времен дохристианских: ибо они по своему происхождению старше всех известий о славянской мифологии (кроме одного Проклоpieва) и возникли среди самой жизни языческой, а не в монастырях, где на все языческое смотрели, более или менее, с презрением. А в этих-то песнях и не является никаких определенных личностей богов, тогда как о *богах вообще* говорится беспрестанно. Если бы боги представились чехам-язычникам в ясно выдавшихся личностях, то личности эти само собой отразились бы в их песнях, ибо поэзии, какая бы она ни была, ближе определенный образ, чем общее, безличное понятие. Где Гомер непременно назвал бы Фемиду, или Зевса, властителя законов, Любуша говорит так перед своим сеймом: «Мои кметы, лехи и владыки (т. е. бояре, дружина и выборные)! вот братьям разрешите правду: ... *по закону векожизненных богов*, будут ли оба сообща владеть наследием, или разделятся поровну?»⁶²³.

Где римлянин или варяг благодарил бы за победу Марса или Тора и ему бы принес жертву, Забой опять славит всех вообще богов:

«Брат! Вот седая вершина: *боги* там нас одарили победою... Туда идем, к вершине, хоронить мертвых и дать пищу *богам*, и там *богам-спасителям* принести множество жертв и возгласить им любимые слова и (посвятить) им оружие убитых врагов»⁶²⁴.

Таких выражений много во всех этих песнях Краледворской рукописи, и везде являются боги безличные. Но эти боги также не были какие-нибудь философские, отвлеченные представления, а существа весьма материальные, кото[155]рые жили в природе и владели ею. Они обитали в лесах, имели священные деревья: туда приходили в сумерки «им давать есть», т. е. приносить жертвы, били перед ними челом, возглашали священные слова⁶²⁵; они располагали судьбой людей, посылали им победу или поражение⁶²⁶. Следующий отрывок из песни о Честмире и Влаславе покажет еще лучше, какое было у древних чехов вещественное представление о богах (они *непременно требовали* жертвы), и в чем состояло тогдашнее славянское богослужение⁶²⁷.

«Вскричал Воймир со скалы голосом, раздававшимся в лесу, из сильного горла воззвал он к богам: “*Не яритесь, боги*, на своего слугу,

⁶²³ Любушин Суд, ст. 60.

⁶²⁴ Забой и Славой, ст. 231–232.

⁶²⁵ Там же, ст. 39–42.

⁶²⁶ Там же, ст. 232. Честмир и Власлав, ст. 126. 144.

⁶²⁷ Честмир и Власлав, ст. 132–168.

что он не жжет вам жертвы при сегодняшнем солнце (т. е. сегодня)". – *"Жертва вещь должная богам*, сказал Честмир; и так мы поспеем теперь на врагов. Садись же ты сейчас на быстрого коня, пролети леса оленьим скоком туда в дубраву: там от дороги в сторону скала, *богами* возлюбленная; на ее вершине жертвуй *богам, богом своим спасителям*, за победу назади, за победу впереди... Прежде чем солнце... ступит над вершинами леса, подойдут и воины туда, где от твоей жертвы повеет столбами дыма, и мимоходом все войско смиренно поклонится". – И сел Воймир на быстрого коня, пролетел леса оленьим скоком, туда в дубраву, к скале; на верху скалы он зажег жертву *богам своим спасителям* за победу назади, за победу впереди. Он им пожертвовал буйную телку: рыжая на ней лоснилась шерсть: телку эту купил он у пастуха, там в долине, где высокая трава, дав за нее коня, и с уздою. – *Пылала жертва, и приближаются воины к долине, из долины идут вверх, в дубраву, воины, окруженные гулом: идут один за одним, неся оружие; каждый, идя кругом жертвы, возглашал богом славу, и никто, заходя, не медлил стукнуть (оружием)*»⁶²⁸.

Чрезвычайно важны последние строки: древнейшее богослужение славян-язычников, о котором история помнит, производилось, значит, в лесу под открытым небом всяким человеком, и состояло в сожжении жертвы и возглашении богам славы; не было ни храмов, ни жрецов, ни идолов.

У русских славян были такие же неопределенные божества, которым поклонялись в лесах древние чехи: упыри и берегини, род и рожаницы; одно любопытное свидетельство называет их именно древнейшими божествами русских⁶²⁹. Более развитой религии, чем прос-

⁶²⁸ Plápoláše oběť, i bližiše se voj-k úvalu, iz úvala vz hóru v dúbravu, – voji ozvučeni hlukem; – idú po jednom oružie nesúce, – Prokni ida kol oběti, bohóm slávu hlásáše, – i zachazeje, zezvuče neměškáše (163–168).

⁶²⁹ См.: Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. II, 33 (место из помещенного в одном древнем сборнике слова св. Григория о том, «какo первое погани суще, языки кланялися и́долом» и проч.): «Оттуду же ізвыкоша елени (эллины) класти требы артемиду і артемиде, рекше род і і рожанице, тациі же егуптяне. Тако і до словен доиде се словіти начаша требы класти роду і рожаницам. преже перуна б(ог)а их, а переже того клали требу упирем и берегиням»... Конечно, это известие не может быть понято в том смысле, что поклонение упи́рям и прочим упомянутым безличным божествам предшествовало существованию Перуна в представлении славянского народа: род и рожаницы, упири и берегини, очевидно, существа второстепенные, вроде Прокопиевых *нимф* или *вил*, которых считалось тридцать сестер, Перун же – бог высший; но первоначально он должен был иметь (в том убеждает нас вся древнейшая славянская мифология) такой же без-

тое жертвоприношение силам природы, русские славяне, без сомнения, в древности не знали. Если бы они [156]поклонялись каким-нибудь определенным личностям богов и кумирам, то Нестор едва ли бы прошел оные молчанием, когда рассказывал о «бесовских игрищах» этих племен. Напротив, обожание лично представляемых мифологических существ является в его повествовании только постепенно, при господстве варяжских князей. Разнообразные мифологии языческих племен имели вообще слишком мало внутренней силы, чтобы язычник, поселясь в чужой земле, мог удержать свое народное верование: варяги забыли на Руси о скандинавских божествах; но они, наверное, принесли с собой потребность в определенной, человекообразной мифологии, которая была у них в Скандинавии, в истуканах, какими так славилась Упсала: этим они, без сомнения, способствовали развитию народной мифологии подчинившихся им славян⁽⁷⁸⁾.

Замечательно выражение Нестора, что при заключении Олегом мира с греками клялись «*по русскому закону* оружием своим и Перуном богом своим и Волосом скотым богом», тогда как в этом именно месте русь, в смысле варягов, противопоставляется славянам: «и рече Олегъ: исшїте прѣ (паруса) паволочиты руси, а словѣномъ кропїиныя» и проч.⁶³⁰ – В первое время русского государства летописец упоминает всего о трех божествах: бога (неба), Перуне и Волосе. Только при Владимире устрояется мифология, боготворятся новые существа, новые кумиры, воздается богам более торжественное поклонение: «и нача Володимерь княжити в Кїевѣ единѣ, и постави кумиры на холму... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ и Хърса Дажбога, и Стрибога, и Симарыгла и Мокошь. Жряху имѣ, наричюще я боги, привожаху сыны своя и дѣщери, и жряху бѣсомѣ, оскверняху землю теребами своими и осквернися кровьюи земля Руска и холмѣ-отѣ... Пришедѣ Добрыня Ноугороду; постави кумира над рѣкою Волховомѣ, и жряху ему людѣ [157]ноугородстїи аки богу»⁶³¹. Таким образом, только при Владимире определилась и разви-

личный характер, как упири и проч.; в этом виде, как боготворимая высшая сила природы, властвующая над человеком, Перун принадлежал, без сомнения, к одной эпохе поклонения с упирами и берегинями, родом и рожаницами; впоследствии же Перун олицетворился в определенном человеческом образе, и так понимал его приведенный свидетель, ставя его наряду с Хорсом и Мокошью, которым Владимир воздвиг идолы в Киеве: в этом смысле он и прав, когда говорит, что обожание упирей и берегинь, рода и рожаниц было древнее обожания Перуна.

⁶³⁰ П. Собр. Р. Летоп. I, 13.

⁶³¹ Там же, 34.

лась мифология русских славян и только при нем возник обряд человеческих жертв⁽⁷⁹⁾: «тогда, – говорит Нестор, – осквернилась кровавыми требами земля Русская»: значит, прежде она не была ими осквернена, да если бы поляне во время племенного быта приносили человеческие жертвы, то, конечно, Нестор не назвал бы их нрава кротким и тихим⁶³².

Образовавшись так поздно и, вероятно, более пришельцами, варягами, нежели самими славянами, русская мифология, очевидно, не могла укорениться в сознании и быте народа: достаточно было приказания Владимирова, чтобы ниспровергнуть кумиры, как его приказание их воздвигло: язычники сетовали («плакахуся»), когда тащили Перуна в Днепр, как естественно им было сетовать при расставании с вещью знакомой для новой, еще неизвестной; но не то было, если бы обожание Владимировых кумиров было народное, увековеченное временем. А в иных местах это поклонение даже надоело народу (очевидный признак его несообразности с народной жизнью), и установленные княжеским повелением жертвы пришлись ему в тягость. Прибыл в Новгород, рассказывает Софийская летопись⁶³³, архиепископ Иоаким, «и требища (языческие алтари) разори и Перуна посѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ. И повязавше ужи (веревками) влечашуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе... и вринуша его въ Волховъ... Иде пидьблянинъ^[16] рано на рѣку, хотя горнеци (горшки) везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви (плотине), и отрину и шестом: ты; рече, Перушице, досыти если ѣль и пиль, а нынеча попллови прочь». Гораздо вероятнее это сказание о нелюбви новгородского мужика к кумиру, поставленному Добрыней, нежели рассказ Иоакимовской летописи, которой и подлинность весьма сомнительна^[17], о насильственном крещении Новгорода «огнемъ и мечемъ»⁽⁸⁰⁾.

LXV

Характер религиозного развития у балтийских славян. – Вера в единого небесного бога

Рассмотренные нами известия о древнем поклонении славян-язычников относятся к гораздо более позднему времени, нежели показания Тацита о богослужении прибалтийских германцев. Но когда мы

⁶³² Там же, 6.

⁶³³ Там же, V, 121.

в VI и следующих столетиях находим религию славян еще так слабо определившейся, еще не отрешен[158]ной от безличного обожания сил природы, то можем судить, как груба она была в I веке, как близка к природе и чужда определенных божеств, тогда как в это время германцы уже имели в полном развитии общественное богослужение Нерте. Мы не предполагаем, однако же, чтобы в эти незапамятные времена религия славян могла отличаться существенно от того поклонения, которое изображено Прокопием и чешскими песнями; мы не думаем, чтобы славянское племя и вообще индоевропейские народы стояли когда-нибудь на низшей еще ступени религии, на ступени африканского фетишизма или монгольского боготворения меча; может быть разве, что первоначально главный предмет обожания составляло небо со своими светилами, а с течением времени более развилось и возобладало поклонение вещественным силам природы, окружающим человека. Как бы то ни было, впрочем, приведенные нами древние свидетельства показали, какую материальную, смутную, неудовлетворительную религию имели славяне в начале своей истории.

Более других племен, однако, славянское всегда жило мыслью о божестве и вере: мало заботясь о внешнем устройстве общества, оно полагало главным стремлением своей жизни познание божества и служение ему. Взгляд на прошлую ли, или на современную жизнь русского народа, или, например, на историю чехов, которые все дивные подвиги свои совершали во имя веры, в этом убедит всякого. Скудость славянского язычества в VI веке и до Владимира в сравнении с мифологией германцев и других народов, может быть, происходила отчасти оттого, что славяне были в то время относительно моложе в истории; но верно и то, что самые начала славянской жизни не могли благоприятствовать развитию мифологии: ибо как мифология всегда шла (мы видим это у всех народов) от безличного обожания природы к поклонению определенным личностям божеств, то большая или меньшая степень ее развития зависела, естественно, от большего или меньшего развития личной стихии вообще в понятиях и жизни народа; сравним религию ассирийцев и пеласгов с эллинской и римской, сравним мифологию славянскую с германской, вывод будет везде один и тот же. Не должна ли была общинная стихия, господствовавшая у славян, положить печать свою и на их религиозную жизнь? Вот, нам кажется, главная причина, которая задержала у них в мифологии развитие личных образов, которая помешала им вступить в соблазнительный круг антропоморфизма и дать своим языческим верованиям крепость определенной системы. Общинная стихия готовила таким образом легкое и бес-

кровное торжество христианства в славянском мире. История свидетельствует, с какой охотой славяне принимали христианство: все народы славянские, и сербы и хорваты, и хорутане, и моравцы, и чехи, и Польша, и Русь, все одинаково легко отказывались от язычества для новой, высшей веры; вся разница между ними в этом отношении была та, что одним христианство передавалось Восточной церковью, вразумительно для всего народа, у других церковь Западная старалась открывать его сознанию тех только людей, которые [159]принимали латинское образование: не от самих славян зависела эта разница. Но по другому пути должны были идти славяне балтийские, и такая же горькая была их участь в религиозной жизни, как в общественной⁽⁸¹⁾. Простое поклонение природе уже не удовлетворяло их мысли, возбужденной воинственной деятельностью, торговыми предприятиями, знакомством с германской мифологией, и прежде чем христианство могло приблизиться к их краю, они успели уже создать себе целую систему языческого мирозерцания и богопоклонения. И здесь опять отступили они от коренных начал славянского духа, как в своем гражданском обществе, где они так естественно сочетали со славянской общиной германское, аристократическое начало личности; и здесь, в сфере религиозной, усвоили себе балтийские славяне это же начало личности и внесли его как в самый мир своих богов, так и в круг отношений человека к этому миру, в область собственно мифологии и в область языческого своего богослужения. Мифологию свою они сделали антропоморфической, богослужение – принадлежностью касты жрецов. – Когда совершилось у балтийских славян это религиозное развитие, при господстве ли еще германцев в их земле, или во время независимости, определить невозможно; но везде, во всех исторических свидетельствах, вера балтийских славян является уже вполне выработанной и установленной издревле; много раз средневековые повествователи именно говорят об ее божествах, обрядах и святынях, что они старинные, давнишние освященные временем^{634, (82)}.

Также можно сказать положительно, что хотя внешние обстоятельства и пример чужих народов могли возбудить в балтийских славянах развитие языческой религии, однако, самое развитие ее совершилось самобытно. Примеси чужих божеств в их верованиях

⁶³⁴ Helm. II. 12. Simulacrum illud antiquissimum Zwantevith. – I, 21. Riaduri sive Tolenti propter antiquissimam urbem et celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant; ср.: I, 84. Saxo 838. purpura... tam putris, ut tactum ferre non posset; см. там же, 842, описание Руевита. – Sefr. 184. in hanc ædem, ex prisca patrum consuetudine etc.

не видно вовсе⁶³⁵, (а это вещь весьма обык[160]новенная в язычестве); своими силами, своим творчеством создали они себе новую религиозную систему.

В основании ее осталась исконная, общая всему славянскому племени, вера в единого бога, владыку мира и других богов. Вот что говорит Гельмольд: «Между многообразными божествами, которым присвоены леса, поля, печали и радости, они (балтийские славяне) признают единого бога, в небесах повелевающего прочими богами, и верят, что он, всемогущий, заботится только о небесном; другие же божества, которым розданы разные должности, подчинены ему, произошли от его крови и тем знатнее, чем ближе родством к этому богу богов»⁶³⁶.

Чрезвычайно замечательно и важно это верование. Никакой языческий народ в Европе не подходил так близко к единобожию, как балтийские славяне: это, конечно, свидетельствует о глубине и ясности их народной мысли. В мифологиях греческой, римской, германской и др. земля составляла средоточие и главную часть творения, а небо от нее зависело; балтийскими славянами, напротив, ясно сознавалась ничтожность земного мира перед бесконечностью небесного; что предполагает также, в языческом народе, большую силу

⁶³⁵ Под 1068 г. англо-норманский летописец Ордерик Виталий (*historia ecclesiastica*, в *Duchesnii historiae Normannorum scriptores*, IV, 513) говорит о лютичах: «Лютичи не знали истинного Бога, но опутанные сетями невежества, поклонялись Гводену, Туру и Фрее [*Guodeuen* (описка вместо *Guodenen*) et *Thurum Freamque*] и другим ложным богам или скорее бесам». Одна из ветвей балтийских славян, значило бы по свидетельству Ордерика, чтит три высшие божества германской мифологии: Водана (форма англосаксонская; известнее скандинавская – Один), Тора и Фрею. Но очевидно, что этого сказания нельзя принять в буквальном смысле: можно ли предполагать, чтобы немецкие писатели, конечно ближе знакомые с балтийскими славянами, нежели нормандийский историк, забыли упомянуть об их поклонении старинным богам Германии, если бы заметили у них следы такого поклонения? Именно о религии лютичей они сообщают много и довольно подробных известий, а между тем не говорят ни слова о существовании в их мифологии, также как и у других соплеменных им ветвей, какого бы то ни было германского божества. Ясно, мне кажется, что когда лютичи, в союзе с Данией, напали в 1068 г. на английские берега, и Ордерик стал расспрашивать кого-нибудь об этом неведомом народе, англосакса ли, датчанина или норманца, то ему перевели славянские имена их богов на соответствующие германские, которые он и принял за собственные их названия: это делалось беспрестанно, как в древности, так и в средние века (множество примеров можно найти у Гримма, *Mythol.* 96–101 et *passim*). Таким образом, Водан мог быть принят за Святовита, Тор за Яровита, Фрея за Живу¹⁸¹.

⁶³⁶ Helm. I, 84.

мысли и чистоту нравственного чувства. Правда, к этому сознанию примешались и весьма материальные представления: поняв, что небесное божество стоит в недостижимой высоте над земным миром, балтийский славянин уже не постигал, чтобы оно могло заботиться об этом ничтожном мире, в котором живет человек: по его рассуждению, оно должно было презреть землю и предоставить ее низшим божествам. Не менее материально и то верование, что эти низшие, земные божества суть дети и внучата небесного бога⁽⁶³⁾.

Удалив единого, небесного бога от земного мира, балтийские славяне и не воздавали ему поклонения: что ему было до поклонения существ, о которых он, по их понятиям, не заботился? Все поклонение и весь круг мифологии сосредоточились в его потомках, божествах земных, человеческих.

[161]

LXVI

Святовит, поклонение ему на острове Ране

Из них первый, главный был Святовит (по произношению балтийских славян, *Свантовит*). Святовит имел полную власть над землей и человеком. Для земного мира он был верховным божеством, ему воздавал человек наивысшие почести. Все славянские племена на балтийском Поморье признавали Святовита первым между богами, «богом богов», могущественнейшим из богов (ибо небесный бог был в стороне), так что все прочие божества, по словам Гельмольда, считались как бы полубогами пред Святовитом; от Святовита исходили знаменитейшие победы, самые непреложные прорицания⁶³⁷. Святовиту в мифологии балтийских славян принадлежал самый обширный круг действия; поклонение ему было самое торжественное и распространенное.

Средоточение этого поклонения было у ран в священном их городе Арконе. Здесь, среди великолепного храма, стоял идол Святовита, огромный, выше человеческого роста, с четырьмя головами на четырех отдельных шеях, смотревшими врознь, с обритыми бородами

⁶³⁷ Helm. I, 53. Inter multiformia Slavorum numina præpollet Zuantevith, deus terræ Rugianorum, utpote efficacior in responsis, cujus intuitu cæteros quasi semideos æstimabant. – I, 6... illi primatum deitatis specialiter attribuentes. – II, 12... Zuantevit deus terræ Rugianorum inter omnia numina Slavorum primatum obtinuit, clarior in victoriis, efficacior in responsis; ... non solum Wagirensis terra, sed et omnes Slavorum provinciæ... illum Deum deorum esse profitentes etc.

и остриженными волосами, по обычаю ранского народа⁽⁸⁴⁾. В правой руке он держал рог, выложенный разными металлами, который ежегодно наполнялся вином; левая изогнута была дугой и опиралась в бок. Одежда спускалась до голеней, которые, будучи сколочены из разных кусков дерева, так плотно соединялись с коленами, что только при весьма тщательном рассмотрении можно было, говорит очевидец, приметить искусственную связь. Пьедестала не было: ноги стояли на полу и утверждены были под полом⁶³⁸. Поблизости находились узда и седло и многие другие, присвоенные ему, предметы: наиболее удивлял посетителей огромный меч, которого ножны и рукоять обделаны были в серебро и отличались прекраснейшей резьбой⁶³⁹.

[162] Седло, узда и меч составляли принадлежности Святовита, как бога-наездника и воителя. В этом качестве ему был посвящен в особенности конь. В Арконе содержался в удивительной чести и холе священный конь Святовитов, белый с длинными, никогда не стриженными, гривой и хвостом: стричь их почиталось незаконным. Один только жрец Святовита имел право кормить коня и на него садиться. На нем, по верованию ран, Святовит выезжал на войну против врагов своей святыни. Не раз, бывало, простоявши всю ночь на конюшне, утром конь являлся весь покрытый потом и забрызганный грязью, как будто проскакал далекий путь: в ту ночь, думал народ, на нем ездил великий бог арконский⁶⁴⁰. Также гадали этим конем. Вознамерившись предпринять войну, приказывали служителям воткнуть в землю перед храмом три пары копий в одинаковом расстоянии: к каждой паре привязывалось третье копьё поперек. Перед самым началом похода жрец, произнеся торжественную молитву, выводил коня за узду из сеней храма (e vestibulo) и вел на скрещенные копы: если конь, перешагивая каждое поперечное копьё, подымал сперва правую ногу, а потом левую, то видели в этом счастливое знамение и были уверены в успехе войны; если же он хоть один раз выступал левой ногой, то отменялось задуманное предприятие. Также морское плавание не иначе почиталось надежным, как если три раза сряду шаги коня предсказывали успех⁶⁴¹.

При этих гаданиях ране, без сомнения, верили, что сам Святовит объявляет волю свою через своего священного коня^[19]. Неизве-

⁶³⁸ Saxo. 823.

⁶³⁹ Saxo. 824. admirationem conspicuæ granditatis ensis augebat, cujus vaginam ac capulum, præter excellentem cælaturæ decorem, exterior argenti species commendabat.

⁶⁴⁰ Там же, 826.

⁶⁴¹ Там же.

стно, Святovit ли тоже, или иной бог руководил другими ранскими гаданиями, о которых тут же говорит Саксон. Вот как он их описывает⁶⁴². «Отправляясь в дорогу по каким бы то ни было делам, ране по первому встретившемуся животному судили об удаче: если предзнаменование было счастливое, то с радостью продолжали начатый путь; если печальное, то возвращались восвояси. Также им было знакомо гаданье по жребию: они кидали себе на колени взамен жребия три щепки с одной стороны⁶⁴³ белые, с другой черные: белая сторона означала удачу, черная – неудачу. Женщины были не менее сведущи в гаданиях: сидя у очага, они без счету чертили по пеплу случайные черты, потом сосчитывали, и если выходил чет, то ожидали счастья, если нечет, то беды».

Кроме коня и меча, Святovit имел еще священное знамя, которое называли *станицей*⁶⁴⁴. Величиной и цветом оно отличалось от всех других [163]ранских знамен. Свою станицу ране чтили необычайно, воздавая ей почти такое же поклонение, как самому божеству. Неся ее перед собой, они считали себя под высшим покровом и на все отваживались, уверенные в полной безопасности⁶⁴⁵.

Все эти принадлежности, очевидно, присвоены были Святovиту, как богу воинственному, наезднику и победоносцу⁶⁴⁶. С другой стороны, балтийские славяне видели в нем дарователя плодов земных. Потому он держал в руке рог с вином⁶⁴⁷, и торжественный праздник его праздновался ранами после уборки хлеба⁶⁴⁸. Тогда стекалось к Арконскому храму все народонаселение острова, приводили на жертву скот, закалывали и приготавливали священный пир. Накануне великого дня богослужения жрец Святovитов, вошед во внутреннее святилище храма⁶⁴⁹, куда один имел доступ, мёл его

⁶⁴² Там же, 827.

⁶⁴³ или «с одного конца»: *tribus ligni particulis, parte altera albis, altera nigris, in gremium sortium loco coniectis, candidis prospera, furvis adversa signabant.*

⁶⁴⁴ Там же, 830. *stanitia*.

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ Helm. II, 12. *clarior in victoriis.*

⁶⁴⁷ Гизебрехт (*Wendische Geschichten*, I, 75), основываясь на известии Сефрида, что поморские славяне «*vinum nec habent, nec quærunt, sed melleis poculis et cerevisia curatissime confecta vina superant Falernica*» (не имеют вина и не ощущают в нем потребности, но имеют такой мёд и так отлично приготовленное пиво, что эти напитки превосходят у них фалернские вина), основываясь на этом известии, предполагает, что в рог Святovитов наливалось не настоящее вино, а пиво или мёд, и что Саксон употребил слово *merit* из желания приблизиться к римским понятиям. Мнение это весьма вероятно.

⁶⁴⁸ *post lectas fruges. Saxo. 824.*

веником дочиста, причем остерегался дохнуть: всякий раз, чтобы дохнуть, выбегал он за двери, дабы присутствие бога не осквернилось дыханием смертного. На другой день перед всем народом, стоявшим у двери храма, он вынимал из руки идола рог с вином и, рассмотрев тщательно количество напитка, предсказывал, быть ли на другой год урожаю или голоду: ежели вина оставалось, сколько прежде, то быть обилию, если убыло, то скудости. При дурном знаменнии жрец привязывал хранить хлеб на будущее время и быть с ним бережливым; если же предвещалось обилие, то он разрешал щедрое употребление настоящей жатвы. Потом он выливал старое вино к ногам кумира в возлияние богу и, наполнив опорожненный рог свежим вином, подносил его к кумиру под видом, что ему почтительно предлагает пить первому⁶⁵⁰; тогда он произносил слова торжественной молитвы, испрашивая себе и родине блага, народу преуспеянья в благоденствии и победах. Помолившись, он приближал рог к своим губам и осушал одним духом и, наливши снова вином, клал опять в руку истукану⁶⁵¹. Затем приносился в жертву Святовиту пирог из сладкого теста, круглый и вышиной почти в человеческий рост. Пирог ставил[164]ся в храме между народом и жрецом, и жрец, спрятавшись за ним, спрашивал у народа, видят ли его. Когда отвечали, что виден лишь пирог, то жрец желал, чтобы и на другой год за пирогом его не было видно⁶⁵². Этим обрядом, по мнению ран, испрашивалось обилие жатвы на будущее время: поверье, распространенное и у других славянских народов⁶⁵³. Наконец, именем Святовита благословляя собранный народ, жрец наказывал и впредь ревностно чтить арконского бога поклонением и жертвами, и предвещал в награду за служение ему верную победу на суше и на море. Тем и кончалось богослужение; остальную часть дня проводили в пиршестве, насыщаясь жертвами, принесенными богу, и напиваясь допьяна: ибо пир этот почитался священным, и умеренность в нем, по словам Саксона, принималась за обиду божеству⁶⁵⁴. (85).

⁶⁴⁹ sacellum.

⁶⁵⁰ Simulato propinandi officio statuam veneratus.

⁶⁵¹ Saxo. 824.

⁶⁵² Слова Саксона (824) довольно темны: (placentam) sacerdos sibi ac populo me-diam interponens, an a Rugianis cerneretur, percontari solebat. Quibus, illam a se videri respondentibus, ne post annum ab iisdem cerni posset, optabat. В слове *illam* я подразумеваю смысл: *illam solam* (т. е. placentam); другие переправляли *illam* в *illum* (т. е. sacerdotem) и толковали: «когда отвечали, что он (жрец) еще виден за пирогом, то он желал, чтобы на другой год его не было видно».

⁶⁵³ См. Срезневск. Исслед. о языч. богослуж. др. славян, 69.

⁶⁵⁴ Saxo. 825.

LXVII

Поклонение Триглаву; его тождество со Святовитом

Гельмольд говорит: «Святовит, бог земли Ранской, первенствует между всеми славянскими божествами; все (балтийские славяне) признают его верховным богом, богом богов»⁶⁵⁵. Саксон свидетельствует, что многие храмы были ему воздвигнуты в разных местах⁶⁵⁶. И действительно, то же вер[165]ховное божество, с тем же значением победоносца и покровителя людей, является по всему славянскому Поморью; но не везде придается ему летописцами одинаковое имя.

Верховного бога поморян, которому в первых городах Поморья, Щетине и Волине, посвящены были главные храмы, жизнеописания св. Оттона Бамбергского называют Триглавом; в самом деле, он изображался, по их словам, и в Щетине и в Волине трехглавыми ис-

⁶⁵⁵ Helm. II, 12.

⁶⁵⁶ Saxo 826. Alia quoque fana compluribus in locis hoc numen habebat. Темное и смутное, но тем не менее любопытное указание на Святовита мы находим в баснословной легенде о святых, избиенных язычниками в Гамбурге (в 880 г.) и покоящихся в Эббекесдорфе (Эбсдорф, в Люнебургском крае): легенда эта составлена довольно поздно, кажется в XIV в., и не имеет исторической достоверности, но в ней слышен отголосок народных толков и монастырских рассказов тогдашней Германии: «народ за Эльбой, – говорит она, – принужденный Карлом В[еликим] принять христианскую веру, после смерти могущественного императора воздвиг опять свои кумиры, своего Аммона, а именно: Святобога, Витолюба, Радигостя (*Suentebueck, Vitelubbe, Radegast*) и прочих; восстановил их на прежних местах их и стал им поклоняться» (Leibniz, scriptores rerum Brunsvicensium, I, 191). Откуда взялись эти имена *Святобог* и *Витолуб*? Очевидно, в славянской мифологии не было ни того, ни другого. Нам кажется очевидным, что тут есть воспоминание о Святовите. Смутно хранило народное предание имя верховного бога балтийских славян, тогда уже почти исчезнувших, и из народного предания заимствовал его монах, составитель легенды; легенда возникла в Люнебургском крае, где именно еще жила кое-где славянская речь, и вот непонятное имя Святовита раздвояется, так сказать, в этом отдаленном отголоске, составные его части осмысливаются и превращаются в особые божества, в Свято-бога и Витолюба: к обоим половинам коренного имени прибавлены, мы видим, слова самые понятные, *Витолуб* имел притом для толкователей ту выгоду, что он представлял самую простую парафразу *Радигостя*: ибо, очевидно, *Витолуб* принималось в смысле *любящего приветствовать*, согласно древнему значению славянского глагола *витать* (по-польски и теперь *witać* значит приветствовать).

туканами⁶⁵⁷. Щетинские жрецы учили, что Триглав – высший их бог и благосклонен к человеческому роду⁶⁵⁸. Уже это одно указание, сведенное с тем, что мы знаем о Святовите, верховном божестве всех балтийских славян по Гельмольду, могущественном покровителе людей по Саксону, дает право заключить о тождестве Триглава со Святовитом. Имя *Триглав* произошло, конечно, лишь от наружного вида идола, а не было собственным названием божества. Такого примера нет ни у какого народа, сколь бы ни были грубы его языческие понятия, чтобы божество называлось единственно по той или другой внешней примете истукана, и *Триглав* могло быть только обиходным прозвищем изображавшегося в известном кумире бога: чаще других слышанное немцами в Щетине и Волине и наиболее для них понятное, оно и попало в их повествование.

[166] Вполне подтверждается тождество Триглава и Святовита одинаковыми их принадлежностями. Поморскому богу был посвящен конь, как и Святовиту. Конь этот стоял в Щетине, необычайный ростом, жирный, бойкий, никогда не знавший работы; за ним ходил один из 4-х жрецов, поставленных при 4-х щетинских *кутинах* или священных храминах; никто не смел на коня садиться⁶⁵⁹. Седло его, изукрашенное золотом и серебром, висело в храме Триглава⁶⁶⁰, как в Арконском храме Святовита. Арконский конь был, правда, белый, а щетинский – вороной⁶⁶¹; но если бы в этом различии было существенное значение, то, конечно, вороная масть Триглавова коня вы-

⁶⁵⁷ Sefr. 106. Ebbo. 64. S. Cruc. II, 12. Истукан щетинский был не очень велик; Сефрид называет его три головы *небольшими* (*capitella*, 106); они были посеребрены (S. Cruc. II, 12); разбив туловище, Оттон Бамбергский взял их с собой, а потом послал в Рим. В Волине Триглав имел также какое-то золотое изображение (*Trigelawi, qui principaliter ad eis colebatur, auream... effigiem* Ebbo 55); вероятно, оно не было главным его идолом, но оно пользовалось большим уважением, и когда христианские проповедники разбивали волинские кумиры, то жрецы сумели скрыть своего золотого Триглава и спрятали его где-то в дупле старого древа; видно, что размеры идола были невелики. Зато об истуканах в поморском городе Гостькове (*Gutzkow*) рассказывается, что они были удивительной величины, так что несколько пар волов едва могли их стащить с места; истуканы эти отличались превосходной резьбой (*Andr. 183: simulacra miræ magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine cæolata, quæ multa boum paria vix movere poterant.*); но неизвестно какие божества были в них изображены.

⁶⁵⁸ Ebbo. 64.

⁶⁵⁹ Sefr. 107. S. Cruc. II, 11.

⁶⁶⁰ S. Cruc. II, 11.

⁶⁶¹ Sefr. 107.

ражала бы в самом боге какое-нибудь темное, злое начало; а мы знаем, что поморский бог точно так же, как Святovit, который ездил на белом коне, был добр и благосклонен к человеку. В Щетине, как и в Арконе, всякий раз, когда думали идти на войну или пуститься в море для разбоя, гадали этим конем⁶⁶² и так же, как там, заставляли его переступить через копыя; даже число копий было одинаковое: 9. Только у щетинцев копыя не связывались по трое, а клались все девять на землю, в расстоянии локтя. Покрыв коня попоной (или, по другому известию, оседлав хранившимся в храме седлом) и взнуздав, жрец выводил его и, держа за узду, вел через лежащие копыя по три раза взад и вперед; если конь не задевал копий ногами, то предвещалась удача и народ шел на задуманное дело; если он на копыя наступал и перемешивал их, то предприятие отменялось⁶⁶³. Несмотря на маленькую разницу в совершении гадания, едва ли возможно сомневаться в тождестве Святovита и трехглавого кумира щетинского, когда очевидно, что название «Триглав» не могло быть настоящим именем самого божества, и когда древние свидетельства представляют такое полное сходство в их значении, принадлежностях и, наконец, в способе, каким и тот и другой объявляли людям свою волю^{664, (86)}.

Был ли конь у Триглава в Волине, как в Щетине, не известно; но во [167]всяком случае и волинский Триглав почитался богом наездником, потому что в его храме также хранилось священное седло; жизнеописатель Оттона говорит, что оно было чрезвычайно ветхо⁶⁶⁵.

Трехглавому идолу поклонялись также славяне в Сгорельце (Бранденбурге)⁶⁶⁶, и, вероятно, это было то же божество, что у поморян; но не сохранилось о нем никаких сведений.

⁶⁶² S. Cruc. II, 11.

⁶⁶³ Так описано это гадание Сефридом (107); в другом житии Оттона (S. Cruc. II, 11) оно изложено не так ясно и точно: «Erat vero auguriorum hujusmodi consuetudo. Hastis pluribus sparsim positis, equum Trigloi per eas transire fecerunt. Qui cum nullam earum deambulando contingeret, valens videbatur augurium, ut equis sedentes pergerent ad praedandum. At si quam earum contigisset incessu, interdictam sibi divinitus facultatem equitandi arbitantes, ad sortes se illico contulerunt, quatenus ex earum consideratione cognoscerent, utrum navigando potius, an ambulando praedatum ire deberent».

⁶⁶⁴ Замечательно, что щетинцы, также как ране, гадали и кусками дерева: Sefr. 108. ligneas calculationes, in quibus navalis pugnae vel praedae considerabant auguria.

⁶⁶⁵ Ebbo. 57.

⁶⁶⁶ Chronicon Pulkavae, в Dobneri Monumenta histor. Boömiæ, III, 167.

Арконский истукан Святовита имел, как мы знаем по описанию Саксона, четыре головы, а кумиры щетинские и волынские – три. Вообще балтийские славяне любили представлять своих богов многоглавыми⁶⁶⁷, вероятно, придавая такому изображению символический смысл. Идол Святовита в Арконе имел две головы спереди, две сзади; в каждой паре одна была обращена вправо, другая – влево. Поставленный на вершине высокой горы, он таким образом как бы смотрел на все четыре стороны, и тем выражалось, без сомнения, его всеведение и власть над целым светом. Щетинцы несколько иначе взглянули на круг власти своего бога и изобразили его господство не над четырьмя концами света, а над всем миром, видимым и невидимым; так именно их жрецы и объясняли три головы своего кумира: «они означают, – говорили они, – что наш бог управляет тремя царствами, небесным, земным и преисподнею»⁶⁶⁸. Понятно такое верование и такой символ: ибо собственный небесный бог предан был балтийскими славянами бездействию и забвению, и они легко могли деятельному богу Святовиту, богу богов, вручить управление небом так же, как землей⁽⁸⁷⁾. Но особенно замечательно это свидетельство по указанию на загробный мир в религии балтийских славян; им утверждается вполне, что они верили в бессмертие души (которое, впрочем, признавалось всеми славянами); оно опровергает, как клевету, слова ненавидевшего язычников и славян немецкого монаха Титмара, что в понятии славянина все кончается с земной жизнью⁶⁶⁹.

В Волыне, мы сказали, стоял также трехглавый идол; вероятно значение трех голов его было такое же, как в соседнем городе Щетине; но возможно также, что здесь принята была в расчет и самая местность. Остров Волын образует, как известно, треугольник; здесь могло казаться естественным, чтобы бог обращен был лицом к каждой из трех сторон своего острова, и поэтому имел 3 головы. Такое толкование передал нам Адам Бременский в своем знаменитом свидетельстве о Волыне в XI веке; по крайней мере, в этом смысле, кажется, будут всего понятнее [168]его слова: «там (в Волыне) можно видеть Нептуна тройственной природы: ибо тремя морями омывается этот остров»⁶⁷⁰. Что до имени Нептуна, то средневековые

⁶⁶⁷ Helm. I, 83. multos et duobus vel tribus vel eo amplius capitibus exsculpunt.

⁶⁶⁸ Ebbo. 64. asserentibus idolorum sacerdotibus, ideo summum eorum deum tria habere capita, quoniam tria procuraret regna, id est cœli, terræ et inferni.

⁶⁶⁹ Thietm. I, 7.

⁶⁷⁰ Ad. II, 19. Ibi est olla Vulcani, quod incolæ Græcum ignem vocant, de quo

писатели, как известно, не имели ясного понятия о классической мифологии и довольно неразборчиво применяли ее названия к божествам других народов; Адам Бременский, вероятно, приложил его к волынскому богу потому, что имел в виду его отношение к морю. Все это, разумеется, только предположения; но во всяком случае мы можем утверждать, что бог арконский и поморский был один и тот же, и что число голов у его истуканов зависало лишь от того, какую сторону его деятельности и власти народ хотел представить в наружном образе.

Убедившись в этом тождестве, мы вправе искать в поморском боге еще одно свойство, которое ясно выказывается в ранском Святковите, именно владычество над обилием и скудостью земных плодов. В поморском городе Волегоще (Wolgast), так рассказывает Житие Оттона⁶⁷¹, жрец, который служил тамошнему кумиру (имя божества не упоминается), вздумал напугать народ перед приездом христианских проповедников, оделся в свое священное белое облачение и на рассвете, спрятавшись в кустарники, стал страшить поселянина, шедшего в город на рынок. «Стой, человек и внемли моему слову! – он сказал ему, – я бог твой, я тот, который облакает поля травой и леса листьями; плоды земли и деревьев и стад и все, что служит человеку, все в моей власти: даю поклонникам моим, отымаю у противников моих. Скажи народу в Волегоще не принимать чужого бога». Не тот ли самый это Святковит, в чьей руке урожай и голод земли, которого чтит в Арконе народ славянский? О другом боге, имевшем такое значение, мы не знаем у балтийских славян.

LXVIII

Святковит как сын неба, Сварожич. – Объяснение имени Святковита

Подобно Арконе у ран, Радигощ в земле лютичей (у ветви ратарей) был общей для балтийских славян святыней. Вот что говорит Титмар⁶⁷² о богах, которым здесь поклонялись: «Внутри (великолепно-го храма [169]Радигощского) стоят рукотворные боги; на каждом

etiam meminit Solinus. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ: tribus enim fretis alluitur illa insula, quorum aiunt unum esse viridissimæ speciei, alterum subalbidæ, tertium motu furibundo perpetuis sævit tempestatibus.

⁶⁷¹ Sefr. 129.

⁶⁷² VI, 17.

нарезано его имя; они свирепым образом облечены в шлемы и латы. Первый из них называется Сварожичем (Zuargasici): все язычники чтут его и поклоняются ему более прочих богов. Знамена этих богов не иначе выносятся из храма, как для похода, и то только пешими. Для тщательного их хранения поставлены народом особые жрецы, которые, когда народ соберется в храм жертвовать кумирам или умилоствовать их гнев, одни имеют право сидеть, а прочие стоят; жрецы поочередно, бормоча что-то про себя, с трепетом раскапывают пальцем (infodiunt) землю (замечательное сходство с гаданием ранских женщин), чтобы по встречающимся приметам узнавать неизвестное. Кончив гадание и покрыв разрытое место свежим дерном, они выводят коня, отличающегося особенно великим ростом и почитаемого у них священным, и с благоговением и молитвою (supplici obsequio) заставляют его переступать через сложенные на крест острия двух воткнутых в землю копий; этим как бы вдохновенным от божества конем перегадывают они то, что найдено было прежним гаданием, и если выйдет одно и то же, то исполняют задуманное дело; в противном случае огорченный народ отказывается от своего предприятия».

В этом сказании, первом по времени обстоятельном известии о мифологии балтийских славян, очевидно, много запутанного и темного. Титмар писал о Радигоще понаслышке. Радигощские жрецы не могли, например, как он говорит, быть поставлены лишь для хранения священных знамен; нет сомнения, что они служили богам вообще; выражение: «когда народ соберется в храм жертвовать кумирам или умилоствовать их гнев», также не точно, ибо, как известно, язычник приносил жертвы богам именно для того, чтобы их умилоствовать; не менее неопределенно изображение гадания и т. д. Но ясно и неопровержимо свидетельство Титмара, что первый между богами радигощан, одетыми в воинские доспехи, был Сварожич, *более прочих богов чтимый всеми язычниками* (т. е. балтийскими славянами). Стало быть, и у лютичей, как на Поморье, мы находим бога по имени несходного, но по значению тождественного со Святovitом; ибо то, что Титмар говорит о Сварожиче, как о первом всеобщем божестве славянском, относится именно к Святовиту по достоверному свидетельству Гельмольда. А равно почитание священного коня⁶⁷³ и предугадывание будущего по тому, как этот конь пе-

⁶⁷³ Об этом коне упоминается и в «Annales Augustani» под 1068 г. (Pertz. III, 128): Burchardus Halbarstetensis episcopus, Liuticiorum provinciam ingressus incendit, vastavit, avectoque equo, quem pro deo in Rheda colebant, super eum sedens in Saxoniam rediit.

решагнет через сложенные копы, не доказательство ли, что и в Радигше, как в Арконе и Щетине, поклонялись одинаково тому же богу наезднику и воителю? И здесь опять, как в Щетине, настоящее имя божества до нас не дошло. [170] *Триглав*, мы видели, есть прозвище идола; *Сварожич* выражает лишь то, что верховный бог ратарей был *сын Сварога*; но, очевидно, кроме отчества, он должен был иметь и свое собственное имя. О Свароге, отце лютицкого бога, говорит Ипатьевская летопись: «бысть по потоупъ и по раздѣленьи языкъ, поча царьствовати (в Египте) первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Феоста (Ἡφαίστος), иже *Соварога нарекоша* егуптяне... Ты же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣючи, а иже прелюбы дѣючи казнити повелѣваше, сего ради *прозваша ѱ богъ Сварогъ*... Феостъ... устави единому мужу едину жену имѣти, а женѣ за единъ мужъ посягати: аще ли кто переступитъ, да ввергнуть въ пещь огнену. Сего ради *прозваша ѱ Сварогомъ и блажиша ѱ* егуптяне. И по семь царствова *сынъ его, именемъ Солнце* (Ἡλιος), *его же наричють Дажьбогъ*... *Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ*... не хотя *отца своего закона* разсыпати *Сварожа*»⁶⁷⁴ и проч. Итак, русский летописец, заменяя славянскими греческие названия первых, боготворенных, царей египетских Ἡφαίστος (Ифест, Вулкан) и Ἡλιος (Солнце), отождествляет Сварога с древнейшим из них, отцом Солнца, он ясно называет Солнце, как под собственным именем, так и под мифологическим прозвищем Дажьбога, сыном Свароговым; другое древнее русское сказание говорить также, по случаю языческих обрядов, хранившихся в народе «и *огневи* молятся, *зовуть его Сварожіцемъ*»⁶⁷⁵. Что другое могло быть отцом солнца и огня, как небо? И это тем более верно, что то же самое слово, *сварга*, существует и в санскритском языке, именно в значении *неба*.

Итак, Сварогом славяне называли боготворимое небо (*бог Сварог*, говорит Ипатьевская летопись), небо, которое они и признавали высшим божеством, творцом всего, прародителем всех богов. От неба рожден был и Святовит, по известному верованию балтийских славян, и хотя Святовит почитался могущественнейшим из богов, однако подчинен был богу небесному и от него получил свою власть; в таком смысле, как главный бог мира после бога небесного, Сварога, Святовит должен был, естественно, представляться славянам сыном его по преимуществу и по преимуществу имел право на название Сварожича. Потому-то мы не сомневаемся принять лютиц-

⁶⁷⁴ П. С. Р. Летоп. II, 5.

⁶⁷⁵ Слово Христолюбца, у Востокова, Оп. Рум. муз. 228.

кого Сварожича, которого Титмар именует верховным богом всех балтийских славян, и ранскаго Святовита, о котором то же самое говорит Гельмольд, за одно и то же божество⁽⁸⁸⁾.

В смысле Сварожича, т. е. сына Неба, понятно становится самое значение имени *Святовит*. Первая часть ясна; вторая, конечно, не может быть объяснена словом *вид*, как бы *Святовид*: у божества, какое бы оно ни было, не [171]вид святой, а самая сущность; притом же чтение *Святовит* утверждается всеми без исключения источниками⁶⁷⁶. Свидетельство старинного памятника наводит на другую мысль. Житие св. Беннона⁶⁷⁷, составленное, правда, в довольно позднее время, но по древним свидетельствам и в земле еще полуславянской (Мейсенской), рассказывая, по Гельмольду, о поклонении славян Святовиту, прибавляет следующее, необыкновенно для нас важное толкование: «est autem Swanthe Sclavica lingua idem quod sanctum, witz vero lumen interpretatur» (*Сванте* значит на славянском языке *святой*, а *вить* переводится словом *свет*). Что это производство не выдуманно составителем Беннонова жития, доказывает этимология: в самом деле, санскритский язык имеет это же самое слово, *вîти*, именно в смысле *свет* (light, lustre. Wilson.), и одно из славянских наречий, чешское, сохранило доселе выражение *витице*, свеча, происшедшее, быть может, от того же корня.

Стало быть, имя верховного бога балтийских славян значит *святой свет*, или вернее, *святой светлый*^{678, (89)}.

⁶⁷⁶ У Саксона *Svantovitus* (826), *Svantovithus* (837, 839), в грамоте Фридриха Барбароссы 1170 г. *Szuentevit* (Cod. Pomer. N 28), у Гельмольда *Zuantevith* (I, 52. II, 12), *Zuantevit* (II, 12); также в древнем Чешском словаре (Mater Verborum, XIII-го в.): *Suatouit*, *Suatouyt*, *Zuatouit*.

⁶⁷⁷ Vita s. Bennonis episcopi Misnensis auctore Hieronymo Emsero в Menckenii scriptores rerum Germ. II, 1857. Эмзер жил в конце XV и начале XVI ст.; он, вероятно, пользовался для своего сочинения разными источниками, теперь неизвестными; он был лужичанин и знал, без сомнения, славянский язык, который был тогда еще весьма распространен в том крае.

⁶⁷⁸ По своему образованию, это слово принадлежит к разряду тех древнейших сложений, где простое окончание *ь* переводит корень существительного имени в категории имен качественных: *Свято-вить* образовалось из корня *вить*, соответствующего санскритскому *вîти* свет, точно также, как, напр., древняя церковно-славянская форма *благо-срьдь* из корня *срьдь*, лежащего в основании слова *срьдце* сердце (ср.: литовск. *ширдис* сердце), или как прилагательное *камень* (каменный) произошло от существительного *камень*.

LXIX

*Общее значение Святовита. – Его различие от Перуна и от
Одина. – Дуализм в мифологии балтийских славян:
Святовит-Белбог и Чернобог*

В этом слове есть важный смысл: оно показывает, как понимали балтийские славяне свое верховное божество, средоточие всей их мифологии. Святовит достиг, можно сказать, крайнего предела духовности, совместной с языческим представлением о божестве: имя его выражает, с одной стороны, чи[172]сто духовное свойство, *святость*; с другой – признак, взятый из вещественной природы, но именно то, что есть в ней наименее вещественного, *свет*. Большая еще духовность божества была народу языческому недоступна: за пределом, на котором стоял Святовит, язычник⁶⁷⁹ не мог себе представить чистого, бестелесного духа; в его мысли отсутствие вещественности сливалось уже почти с отсутствием бытия, невещественное было для него подобно несуществующему. Так, для балтийских славян, образ Святовита не составлял полного, высшего выражения идеи бога, у них жила идея бога, как бесплотного духа; но как понимали они бога бесплотного? Их понятие о нем было почти то же, что отрицание его действительного бытия; бог бесплотный не был для них существо живое и действующее, он покоился, и покой этот представляли они себе чем-то подобным смерти и ничтожеству.

Своей относительной духовностью Святовит и отличается существенно от богов древней славянской мифологии (так можно назвать языческое поклонение всех славянских народов, за исключением балтийских, то поклонение, которое состояло в первобытном обожании сил природы), а равно от богов германских. Как правитель мира, Святовит соответствует славянскому Перуну; но Перун был бог вполне вещественный, подобно Зевсу и Юпитеру, он владел не благотворным светом, а разрушительной молнией; замечательно, что вообще молния не почиталась у балтийских славян, как у прочих язычников, принадлежностью божества, или по крайней мере не составляла такой принадлежности, которая обратила бы на себя внимание современных писателей: писатели эти, особенно же начитанный в Вергилии и других древних поэтах Саксон Грамматик, не пропустили бы в изображении богов балтийско-славян-

⁶⁷⁹ Мы говорим, разумеется, об общенародной вере язычников, а не о тех высоких умозрениях, которые были уделом немногих мыслителей, оставаясь чуждыми народу.

ских черты столь видной и столь сходной с классическим образом Юпитера. Мы найдем в одном уголке славянского Поморья остаток поклонения Перуну, но не увидим в этом Перуне прежнего верховного бога славян, бога молнии. Такая особенность мифологии балтийских славян зависела, бесспорно, от большей духовности их взгляда на божество. – С другой стороны, Святovit, как Сварожич, сын неба и бог света, сходил с солнцем (Дажьбогом или Хорсом) и огнем, которые обожались славянами и были также Сварожичи, дети неба. Но, не говоря о том, что Святovit имел значение гораздо более обширное, потому что ему принадлежал весь мир, а не только солнце и огонь, он существенно разнился от них тем же характером духовности, которая отличала его от Перуна: Святovit был существо, отрешенное от стихий природы, а в Сварожичах солнце и огонь, именно эти стихии обоготворялись древними славянами⁽⁹⁰⁾.

Из всех божеств наиболее близок к Святovиту Один или Водан, [173]верховный бог германской мифологии, которого Гримм определяет следующими словами⁶⁸⁰: «Это божество есть всепроникающая, творящая, и образующая сила; оно дает людям и всем существам вид и красоту, от него исходит искусство певцов, оно правит войною и уделает победу, и оно также располагает плодородием земли и всеми вообще благами и дарами».

Во многом, таким образом, Один (Водан) близок к Святovиту; особенно же совместная власть над войной и плодами земли обличает сходство в их природе. Притом Один так же, как Святovit, был наездником и, как он, ездил на белом коне (впрочем, он и катался на колеснице). Быть может, исконное общение между германцами и балтийскими славянами имело некоторое влияние на это сходство: замечательно, что Один (Водан) наиболее почитался тем именно германским племенем, которое жило подле славян, саксами. Но прямого заимствования не могло быть ни с той, ни с другой стороны; потому что в самой сущности представления об Одине и Святovите, при всем сходстве присвоенной им деятельности, было совершенное различие. По германским мифам, Один произошел вот каким образом⁶⁸¹: в первоначальной пустоте (эта пустота представлялась огромной пропастью или зиянием), в первоначальной пустоте, среди которой стоял лишь колодезь, от действия стихий холода и тепла на потоки, выливавшиеся из колодезя, родился великан Имир и потом корова Аудумбла; корова стала лизать соленые скалы льда, и показались сперва волоса человека, на другой день вышла

⁶⁸⁰ Mythol. 121.

⁶⁸¹ Grimm, Mythol. 525; вообще об Одине см. там же, главы V и XIX.

человеческая голова, на третий день явился весь человек, Бури: у Бури родился сын Бёрр, у Бёрра Один и два других сына. Один с братьями убили великана Имира и из его тела создали небо и землю, а потом из двух деревьев сотворили мужа и жену. – Стало быть, несмотря на то, что Один у германцев почитался высшим божеством, никому не подчиненным (все его предки исчезли), происхождение ему приписывалось, однако же, вовсе небожественное: он был лишь внук того первого человекообразного существа, которое явилось из массы хаотического льда. И сам он имел не только внешний образ человека, но и свойства в полном смысле человеческие: одноголазый старик в просторном плаще и широкополой шляпе, глядящий в окно на восток, он как-то вовсе не казался божеством, а скорее похож был на старого витязя, которому воздавались божественные почести; у скандинавов же он совершенно потерял, как известно, божественный характер и превратился в вождя народа асов, который во времена глубокой древности перешел из восточных земель в Скандинавию.

Святовит, правда, также представлялся, подобно Одину и почти всем языческим богам, в человекообразных кумирах; но между ними было то [174]глубокое различие, что Один являлся человеком во всем своем существе, а Святовит, при наружном образе человека, вполне сохранял характер божества (разумеется в языческом смысле): потому он казался существом несравненно высшим, чем Один, хотя занимал в мире не первое место, как Один, а второе. Его происхождение было гораздо достойнее божества, нежели Одиново: он рожден был небом, первоначальным бытием, творцом всего мира. В своей божественной силе и благодати он стоял над человеком в недостижимой высоте, как свободная стихия света, которая была ему по преимуществу присвоена и которая столь многим народам являлась символом божества: в Одине и этой светлой стороны не было.

Итак, следует признать Святовита существом, самобытно созданным балтийскими славянами. Но какой же был общий смысл этого бога, который является у них с таким обширным и разнообразным значением? Сын неба, Сварожич, бог света, он управляет миром; воинственный наездник, он сражается с врагами своей святыни; мирный властитель, располагает плодами земли; любя людей⁶⁸², своих поклонников, он дарует им обилие жатвы и победу на суше и на море; он, значит, – и вот его сущность, – бог благодетель людей, бог света и добра.

⁶⁸² Эту любовь еще более представит нам свидетельство Оттоновых житий, о котором мы сейчас будем говорить (см. ниже 690).

В таком смысле Святovit был тесно связан в религии балтийских славян с тем страшным вопросом, который искони и везде предстоял уму человеческому, на который всячески отвечали разные религии и философии и который одно христианство разрешило с вопросом о начале зла и отношении его к благодати и всемогуществу Божиим. И балтийские славяне старались по-своему решить его. Видя в природе смену света и тьмы, в делах человеческих смешение добра и зла, они представили себе зло началом коренным и признанным в мире, хотя, может быть, не равноправным добру, но тем не менее божественным, имевшим своего представителя в *Чернобоге*. Таким образом, в их религии явился дуализм, который делает ее с виду похожей на веру древних персов. Но учение Зороастрово было собственно не религия, а философская система, принятая за народную веру; оно имеет характер отрицания прежнего богопоклонения, которое сохранилось в Индии (почему индийские боги превратились в представлении персов в существа демонические), и вероятно, что поводом к этому противодействию и отрицанию был именно вопрос об отношении добра и зла, на который нет в древнем индийском язычестве решительного ответа: по крайней мере, этот вопрос поставлен во главу Зороастровой системы; зло признано в мире равносильным и современным добру, и эта основная мысль проведена с исключительностью наперед построенной теории, так [175] что в религии Зенд-Авесты нет ничего, кроме борьбы двух отвлеченных, но представленных вещественно, начал, «Господа премудрого» и «Злого мыслителя» (Ahuramazdâo и Anhrômainju). Мифология балтийских славян, напротив, образовалась, очевидно, не теоретически, взамен другого, изгнанного верования, а естественным развитием, и дала вопросу о добре и зле важное, конечно, но не исключительное значение; не было введено того систематического равновесия, какое эти начала получили у персов. Добро по-прежнему преобладало в божествах балтийских славян и обнимало всю их религию; небесный бог (творец мира, в этом понятии заключается идея благодати), Святovit, Жива, Радигость, Яровит, Перун, все это были бога добрые. Понятие зла вкралось, можно сказать, эмпирически: не находя в своем представлении о добрых божествах разрешения вопроса о зле в мире и признав существование зла как особого божественного начала, балтийские славяне не воссоздали на этом основании, как древние персы, всей своей религии и только прибавили божество зла к сонму своих богов. Этим-то объясняется странное положение Чернобога в их мифологии. С одной стороны, он стоит один против целой семьи добрых божеств и не имеет ни высоты небесного творца, ни власти Святовита, а с другой – он не второ-

степенное существо, как во многих религиях, не демон, а божество в полном смысле. В одной только мифологии мы находим существо, схожее с Чернобогом, именно Пикула прусов и литвы (по-литовски *Пикулас*, по-древнепрусски *Пикулос*, значит, собственно *гневный*). Он был один из трех первостепенных богов литовского племени, и при Перкуне, могущественном громовержце, властителе мира, при Потримпе, боге благом по преимуществу, жизнедавец, дарователе победы и земных плодов, и всех второстепенных божествах, покровителях человека, один представлял собой злое начало⁶⁸³. Перкун бог чисто стихийный, и этим вполне отличается от верховного, небесного бога балтийских славян; но в двух других главных божествах прусско-литовских сходство со Святовитом и Чернобогом замечательное. Нельзя предполагать тут никакого заимствования, ни с литовской стороны, ни со славянской; но было, очевидно, аналогическое развитие религиозных воззрений. Не происходило ли в одно время, под влиянием умственного движения, возбужденного на балтийском Поморье борьбой с германскими и скандинавскими дружинами и освобождением от них, образование мифологии и у славян и у прусов? Не было ли общей мысли? Не было ли и союза действительного, как в XIII веке, как вновь дружина германская, дружина крестоносцев, нагрянула на прусов, и прусы поставили [176]себе вождем славянского князя, храброго Святополка Поморского? Быть может, когда-нибудь предположения наши будут утверждены наукой.

Хотя Чернобогу, без сомнения, противопоставлялся, как мы сказали, весь сонм добрых богов, однако вероятно, что между этими добрыми богами был один, по преимуществу олицетворявший в себе добро в противность началу зла. Имя его было бы, естественно, *Белбог*; оно, правда, у балтийских славян нигде не упоминается, но сохранилось в некоторых местных названиях, как-то: *Белбог* на Поморье⁶⁸⁴ и две горы, *Чернобог* и *Белбог*, в земле лужицких сербов, близ Будишина (Bautzen)⁶⁸⁵, и притом встречается в древнейшем

⁶⁸³ См. о нем Yoigt, *Gesch. Preussens*, I, 585. Schleicher, *Lithuanica*, 27. Замечательно, что впоследствии *Пикулс* стало у прусов означать дьявола, как *Чернобог* у люнебургских славян.

⁶⁸⁴ Мифологическое значение этого названия видно и из того, что при передаче прежнего Белбога во владение церкви, поморские князья его переименовали; новое название было: «город св. Петра» (*locum juxta Trepetow situm, quondam Belbuc, nunc sancti Petri castrum dictum*. Cod. Pomer. N 86; в грамоте N 178 мы читаем форму *Bealbug*). Впрочем, старое название (*Belbuk*) сохранилось донныне: *Белбук* лежит на р. Рере, близ города Трептова.

⁶⁸⁵ См. Срезневского. Исслед. о языч. богослуж. 13.

чешском словаре, *Mater Verborum*⁶⁸⁶. В сущности, однако, Белбог не мог не совпадать со Святовитом, потому что Святовит является представителем и властелином того именно, что есть в мире противоположного Чернобогу, света и добра. Если бы Белбог был отдельное божество, воплощение добра и противоположность зла, вроде персидского Оромазда, то он бы имел, конечно, в уважении и обожании балтийских славян, если не первое, то одно из первых мест, и писатели, которые так много говорят о Святовите, не могли бы о нем не упомянуть хоть вскользь. Мы предполагаем, что Белбог действительно существовал у балтийских славян (аналогия Чернобога и приведенные местности на это указывают), но не отделялся от настоящего бога света и добра, от Святовита, ни в мифологии, ни в поклонении, так что именно Святовит, как представитель света и добра и противник темного и злого начала, величаем был Белбогом: таким образом название Белбога, по нашему мнению, есть эпитет Святовита⁽⁹¹⁾.

Кто обращал внимание на разные мифологии, тот знает, как сильно господствовал у всех языческих народов обычай придавать важнейшим божествам множество эпитетов, которые потом принимались нередко за названия отдельных богов; а эпитет Белбога тем более близок и свойствен Святовиту, богу святому-светлому, что белое и светлое представлялись в старину (и теперь еще, у многих народов) понятиями самыми сходными: свет русским народом называется *белым* в санскритском же языке *свѣта* значит *белый*, *б'ала* (*бел*) значит *свет*⁶⁸⁷.

[177] На безразличие Святовита и Белбога, по-видимому, указывает сам Гельмольд в своем свидетельстве об обожании балтийскими славянами злого начала. «У славян, — он пишет, — господствует удивительное заблуждение: в своих пирах и попойках они обносят кругом чашу и над нею говорят слова, не скажу благословения, а скорее проклятия, поминая богов доброго и злого; они признают, что все благое происходит от доброго бога, все дурное от злого, а потому и называют на своем языке злого бога *Диаболом*⁶⁸⁸

⁶⁸⁶ *Belboh*, глоссы 32 и 128; у Сковцова на с. 36.

⁶⁸⁷ Именно у балтийских славян слово *белый* имело особенное обширное значение и употреблялось также в смысле светлого и прекрасного; вот слова Титмара (VIII, 3): *beleknegini id est pulchra domina sclavonice dicta*; также читаем мы в житии Оттона (S. Cruc. II, 20.): *ad... civitatem, quæ a pulchro loci illius situ in barbara locutione vocabulum trahens, Belgrod nuncupatur*.

⁶⁸⁸ Очевидно, что это слово перешло к балтийским славянам в позднейшее время от соседних христианских народов и, вероятно, от славян

или *Чернобогом*, т. е. черным богом. Между многообразными же славянскими божествами преобладает Святovit, бог земли Ранской» и проч.⁶⁸⁹ В этом известии, быть может, как полагают некоторые ученые, Гельмольд и забыл упомянуть о Белбоге, коего имя можно бы было ожидать подле Чернобога; но такая невнимательность нам кажется невероятной, и мы скорее думаем, что Гельмольд не выставил Белбога потому, что не видел в нем отдельного божества, а нарочно от Чернобога перешел прямо к Святovиту, как к существу противоположному.

Из слов Гельмольда можно заключить также, что балтийские славяне, как сказано, дали Чернобогу в своей мифологии почетное место: его значение было совершенно независимое относительно доброго божества, и он призывался людьми с таким же уважением как его противник. Но как они с этим значением Чернобога могли согласовать понятие о божией благодати и божием всемогуществе? Не допуская, в вопросе о существовании зла в мире, ни персидской системы равенства добра и зла, ни объяснения ветхозаветного и христианского, что зло есть отклонение от Божия устройства, произведенное свободной волей сотворенного духа, каким образом они его решили? Они пришли к самому странному, но с их точки зрения совершенно последовательному и необходимому заключению. Главный их бог, управлявший мирозданием, небом, землей и преисподней, был всемогущ и благ; но все-таки зло присутствовало в его владении, все-таки Чернобог господствовал: как же было при-[178]мирить всемогущество и благодать мироправителя с существованием зла, как божественного начала? Балтийские славяне сказали себе, что добрый бог не допускает зла и не признает его, но как оно существует, то *он его не видит и не говорит о нем*. В Щетине идол Триглава, изображавший, как было показано, Святovита, имел на глазах и на устах золотые повязки, и, по толкованию жрецов, эти

(поляков или лужичан), а не от германцев, которые изменили слово *diabolus* по законам своих звуков (*tiubil, diuval, diufal, diuwel* и т. д.). Замечательно, что, с другой стороны, *дьявол* назывался *Чернобогом* у славян, находившихся еще в недавнее время в Лüneбургском крае; см. Срезневск., там же.

⁶⁸⁹ Helm. I, 52. Est autem Slavorum mirabilis error: nam in conviviis et com-potationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationis, sed execrationis verba, sub nomine deorum, boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes; ideo etiam malum deum sua lingua Diabol sive Zerneboch, id est nigrum deum, appellant. Inter multiformia autem Slavorum numina præpollet Zuantevith deus terræ Rugianorum etc.

повязки именно означали, что их верховный бог не хочет видеть грехов людских, что он молчит о них, и как бы о них не ведаёт⁶⁹⁰.

Нельзя не признать, что эта попытка примирить благодать Божию с присутствием зла в мире есть явление замечательное в истории человеческой мысли.

Впрочем, верования балтийских славян о происхождении Чернобога, об отношении его к творцу мира и окончательной его судьбе, совершенно неизвестны; мы не знаем также, стоял ли он совершенно одиноким в их мифологии, или имел около себя каких-нибудь второстепенных демонов.

LXX

Жива. Радигость. Яровит

Эти три божества, небесный бог, творец мира, сын его Святovit, мироправитель, и Чернобог, составляли основу мифологии балтийских славян. Остальные божества менее значительны. Между ними важнейшая, без сомнения, была богиня *Жива*. Но о ней мы почти ничего не знаем верного. Гельмольд говорит только, что ей по преимуществу поклонялись полабцы⁶⁹¹; описание же ее Марескалком Турием, компилятором XV века, не может быть принято за надежное свидетельство, и притом не заключает в себе никакого сведения: он говорит только, что ее чтили в Ратиборе (городе полабцев) весельем и невоздержанием, и что идол ее украшен был золотом и серебром и цветами на груди⁶⁹². Но самое имя богини указывает на ее значение: то была богиня жизни; такому существу, конечно, принад-

⁶⁹⁰ Ebbo 64. Stetin... tres montes ambitu suo conclusos habebat, quorum medius, qui et altior, paganorum deo Trigelao dicatus, tricapitum habebat simulacrum, quod aurea cidari oculos et labia contegebat, asserentibus idolorum sacerdotibus, ideo summum eorum deum «tria habere capita, quod tria procuraret regna, id est coeli, terrae et inferni, et faciem cidari operire, *pro eo quod peccata hominum quasi non videns et tacens dissimulare*».

⁶⁹¹ Helm. I, 52. Siva dea Polaborum.

⁶⁹² Nicolai Mareschalci Thurii Chron. Rhythm. в Westphalen, monumenta inedita I, 571. Также ненадежно и неопределительно другое описание идола Живы в Саксонской хронике, составленной в XV веке Ботоном (Botho) (на немецком языке): «богиня, которую называли Живою (Siwee), держала руки за спиной, и в одной руке было у нее золотое яблоко, в другой кисть винограда с зеленым листом, и волоса у нее висели до ног» [Chronicon picturatum auctore Conrado Bothone, напечатано первоначально в Майнце, в 1492 г., пе-

лежало в мифологии одно из первых мест. В древнем чешском словаре начала XIII века, *Mater Verborum*, она сравнивается с Церерой, богиней плодородия, и называется богиней хлеба, а в другой глоссе толкуется словом *богиня* вообще⁶⁹³. Внутренняя вероятность этих объяснений и связь приведенного памятника с мифологией балтийских славян⁶⁹⁴ дают право, мы полагаем, присвоить [180] подобный смысл балтийской Живе; особенно важным кажется нам из этих толкований обширнейшее, т. е. что Жива богиня вообще: в самом де-

репечатано Лейбницом в *Script. rerum Brunsvicensium* (по которому и цитируется): т. III, стр. 339]. Описание славянских кумиров, какие мы читаем у Ботона и Марескалка Турия, могли, конечно, быть ими выдуманы, но возможно также, и даже довольно вероятно, что эти писатели руководствовались какими-нибудь старыми преданиями: в их время еще жива была в северной Германии память о славянах и славянском языке. Во всяком случае, показания этих старых компиляторов никак не могут быть поставлены на ряду с теми описаниями и изображениями славянских идолов, какие предлагают нам Машь, Потоцкий, Арендт и др. писатели нового времени, XVIII и XIX столетия, поклонники так называемых Оботритских древностей, найденных будто бы в Прильвице: древности эти явный и самый невежественный подлог.

⁶⁹³ *Siua*, Dea frumenti, Ceres. – *Siua*, ceres, fruges, frumentum, vel dea frumenti. – *Siua*, diva, dea (изд. Скворцова, 56).

⁶⁹⁴ Замечательный памятник этот, в котором к списку латинских слов, составленному первоначально в конце IX-го и начале X-го вв., не позже 920 г., прибавлены объяснения чешские, и иногда также немецкие, относится к 1202 г. Для толкований мифологических мог ли чешский глоссатор того времени находить всегда готовый запас понятий в области народной старины? Песни Краледворской рукописи показали нам, как мало было в чешском язычестве определенных мифических личностей в пору его полного процветания и господства; и до позднейших времен оставалось оно при том же характере безличного поклонения природе: приводим в свидетельство любопытные слова летописца Космы Пражского, описывающего языческие суеверия чешского простонародья в конце XI-го в., т. е. 200 лет после крещения чехов и 100 лет до оставления чешской *Mater Verborum*: по вступлении на престол чешский (в 1093 г.), говорит Косма, «князь Брячислав, горевший ревностью к христианской вере, выгнал из своего государства всех кудесников, вещунов и гадателей (*magos, ariolos et sortilegos*), а также срубил он и сжег *рощи и деревья, которым во многих местах поклонялся простой народ* (*lucos sive arbores, quas in multis locis colebat vulgus ignobile*), суеверные обычаи, которые поселяне, еще полуязычники, соблюдали на третий и на четвертый день Пятидесятницы, когда они, *делая возлияния над источниками, закалывали жертвы в честь бесов*; похороны, совершавшиеся в лесах и на полях; языческие игрища, производившиеся на перекрестках будто бы для успокоения души; наконец, нечестивые игры, которые исступленные ис-

ле она единственная богиня, о которой у балтийских славян упоминается (за исключением, может быть, совершенно неопределенного существа Подаги), и поэтому мы считаем вероятным, что она была в их мифологии вообще олицетворением женской природы, которая

полняли над покойником, надев на себя личины и призывая каких-то духов (supersticiosas institutiones, quas villani, adhuc semipagani, in pentecosten tertia sive quarta feria observabant, offerentes libamina super fontes mactabant victimas et demonibus immolabant, item sepulturas, quæ fiebant in silvis et in campis, atque scenas, quas in gentili ritu faciebant in biviis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, item et iocos profanos, quos super mortuos suos, inanes cientes manes ac induti faciem larvis, bachando exercebant), – все эти мерзости и другие незаконные выдумки прекратил благой князь и искоренил в Божием народе» (Cosm. III, 1). Таким образом, и в старинном чешском язычестве, как оно выразилось в песнях Краледворской рукописи, и в позднейшем его состоянии, изображенном Космой, не было почти ничего такого, что соответствовало бы божествам классической древности. Безличными и коллективными существами оно изобиловало (мы читаем в Mater Verborum: *besy* daemonibus, *skret* daemon, *skrti* penates, *dii*, *d'as* genius, *setek* genius, *vlkodlaci* incubi, *morusi* incubi, *poludnice* Dryades, *deæ* silvarum); но настоящих мифических личностей оно могло предложить глоссатору не более пяти или шести: *Perun* Jupiter, *Veles* Pan, *Lada* Venus, *Prije* Aphrodite, *Morana* Hecate. Какие же чешские слова поставит Вацерад против других мифологических имен, помещенных в латинском тексте и требовавших также объяснения? Одни станут он осмысливать переделкой их звуков в славянские и, напр., напишет: «*Diana* – *Latone* et Jovis filia», *Děvana Letnicina* i Perunova dcí, в другом месте «*Latone*», «*Letnicina*, *Letnice*», а слово «*Isis*» истолкует непонятными для нас, но подобозвучными словами *Jesen*, *Jasni*; другие станут переводить по-чешски, иногда следуя общему смыслу слова, иногда разлагая его на составные части: так выйдет у него «*Pegasus*» *Kridlatec*, «*Sirenæ*» *Lichopliesy*, «*Eumenis*», в другом месте «*furias, deas infernales*» *Liutice*, «*Proserpina*» *Porvata* (т. е. похищенная), «*Feronia*» *Svoba* (Ферония была богиня свободы, богиня вольноотпущенных), «*Lucifer*» *Svetlonoše*, «*Lucina*» *Svetluše*, «*Saturnus*» *Sytivrat* (об этом слове см. ниже, в сноске 741), «*Picus Saturni filius*» *Stráčec Sytivrato syn* (*straka* по-чешски сорока, *pica*), «*Salacia, dea paganorum quasi maritima*» *Chlipa* (*chlipa* по-чешски значит сладострастие, то же что латинское *salacitas*). Среди этого-то хаоса мифологических имен, из которых не многие только принадлежат древнему общеславянскому и чешскому язычеству, а большая часть произвольно придуманы толкователем, мы находим те божества, которым поклонялись балтийские славяне: Святовита, Радигостя, Живу, Белбога и Триглава. Каким образом зашли они в старый словарь чешский? *Белбог*, *Триглав*, *Жива* имена такие общие, что могли быть известны и чехам; но можно ли полагать, на основании Вацерадовых глосс XIII в., что древние чехи поклонялись Святовиту и Радигостю, когда мы не находим ни малейшего следа этого поклонения ни у них, ни у какого бы то ни было славянского народа

боготворилась как даровательница [181]жизни⁽⁹²⁾. – Святовита Саксон Грамматик представляет нам также богом плодородия: быть может, что Жива была именно соответствующим ему женским существом. По свидетельству Титмара, лютичи также чтили какую-то

(кроме славян балтийских), что найденный в Збруче на Волыни и названный Святовитом каменный истукан не имел ничего общего с арконским богом, доказал проф. Срезневский в своей статье об этой находке, и когда поклонение Святовиту и Радигостю, как мы его знаем у балтийских славян, решительно противоречило характеру язычества и чешского и вообще древнеславянского⁽¹⁰⁸⁾? Не трудно заметить в исследованиях, которые, опираясь на Вацерадова *Mater Verborum*, переносят в общую мифологию славян Святовита и другие божества племен балтийских, какая от этого происходит путаница. Не лучше ли предположить, что Вацераду были известны главные божества, которые в его время почитались на славянском Поморье, так близко от чешских пределов, у народа, говорившего с чехами почти на одном языке? В ту именно пору ходила громкая молва о великой силе язычества у балтийских славян, о крестовых походах, предпринимавшихся для его истребления, о страшном разрушении Святовитова храма на Ране, – и чешский глоссатор весьма естественно захотел воспользоваться в своем словаре именами славянских богов, имевшими тогда, можно сказать, европейскую известность. Так объясняется для нас помещение балтийских Святовита и Радигостя в чешскую *Mater Verborum*, и вот почему мы почитаем себя в праве принимать этот памятник за одно из современных и верных свидетельств о мифологии балтийских славян. Противополагая упадок, или, лучше сказать, забвение, в котором должно было находиться при Вацераде собственно чешское язычество, громкой славе, приобретенной богами балтийскими, мы теперь не поколеблемся признать и остальные божества, Белбога, Триглава и Живу, занесенными в Вацерадов словарь из балтийской страны, тем более, что вообще существование их в других славянских землях (за исключением Белбога у лужичан) весьма сомнительно. Мы выписали уже важное свидетельство Вацерада о Живе; о значении, придаваемом им Радигостю, мы будем вскоре иметь случай говорить; здесь же можем привести сделанные им определения Святовита, Белбога и Триглава. Вацерад пишет: *Svato vit – Ares, bellum: Svato vit – Mavors; Svato vit – Mavortem; – Belboh – Beel – ipse est Baal; Belboh – Baal idolum; – Trihlav – triceps, qui habet capita tria capreae* (правописание здесь, как и в других цитатах, употреблено нами новое). В Святовите, мы видим, толкователь обратил внимание на одну сторону его существа, которая, может быть, и рисовалась в нем самым ярким образом, на Святовита воина и победоносца: определение Вацерадово неполное, но в классической мифологии не было божества, которое бы действительно соответствовало Святовиту; Юпитера громовержца следовало, естественно, отождествить с древнеславянским громовержцем Перуном. Имя *Белбога*, очевидно, выставлено Вацерадом по случайному созвучию со словами *Beel, Baal*, для которых нужна была глосса; толкование *Триглава* чисто этимологическое.

богиню (имени ее он не записал) и, отправляясь в поход, несли впереди знамена, на которых было ее изображение⁶⁹⁵. Если Жива имела то обширное значение, какое мы в ней предполагаем, то она именно была эта лютицкая богиня, охранявшая народ на войне.

[182] Соединенные в Святовите свойства благого бога плододавца и победоносца являются раздельно в младших богах, Радигосте и Яровите: первый был бог мирный, второй – воинственный⁽⁹³⁾.

О Радигосте мы знаем весьма мало. Средоточие его поклонения было в Радигоще, городе лютицкой ветви ратарей, о котором мы уже упоминали и самое имя которого показывает, что он был посвящен Радигостю⁶⁹⁶. В Радигоще, по известному нам свидетельству Титмара, первый бог был *Сварожич*, т. е. Святовит; Адам Бременский⁶⁹⁷, напротив, называет там главного бога Радигостем. Противоречие это объясняется тем, что Титмар означал божество, которое действительно было у балтийских славян первым и главным, а бремен-

⁶⁹⁵ Thietm. VII, 47. Liutici... dedecus deæ suimet illatum queruntur. Nam hæc in vexillis formata, a quodam Hermanni marchionis socio lapide uno trajecta est... Et cum... Mildam... transire voluissent, deam... alteram perdidere. Последние слова относятся, без сомнения, к другому знамени, а не к другой богине, ибо Титмар именно говорит, что *одна* лютицкая богиня изображена была на *знаменах*. Изображение это было, кажется, вышитое или нарисованное на самом знамени, а не изваянное на древке: иначе нельзя бы было пробить в нем дыру камнем. – Вспомним еще приведенное выше известие того же Титмара (VI, 17), что Сварожич и прочие радигощские боги, одетые в шлемы и латы, имели свои знамена, которые выносились из храма не иначе, как в случае похода, и только пешими, и для тщательного хранения которых поставлены были народом особые жрецы (ministri; при знамени лютицкой богини, о котором мы говорили, находились именно такие жрецы, по указанию Титмара: ministri ejus. VII, 47). – И опять в другом месте Титмар пишет, что «лютичи шли в поход, неся перед собой своих богов» (deos suimet præcedentes subsequuti. VI, 16). Речь идет, очевидно, об одних и тех знаменах Сварожича и других радигощских истуканов, и если Титмар мог назвать эти знамена богами, то следует, кажется, заключить, что на них находились изображения самих божеств. Если мы сблизим все четыре показания Титмара о священных знаменах лютичей, то увидим совершенное сходство в значении и характере этих знамен и не усомнимся причислить знамена богини к числу тех знамен, которые с таким благоговением хранились в Радигоще. Нельзя ли по этому предположить, что и сама богиня пользовалась поклонением в Радигоще и стояла там в числе истуканов, окружавших Сварожича?

⁶⁹⁶ О городе Радигоще, о его значении и тождестве его с Ретрой Адама Бременского будет ниже представлено подробное исследование, § LXXVIII.

⁶⁹⁷ Ad. II, 18. Templum ibi magnum constructum est dæmonibus, quorum princeps est Redigast. Simulacrum ejus auro, lectus ostro paratus. Об этом исту-

ский каноник обратил внимание лишь на того бога, которому храм в Радигоще был в особенности посвящен. В описаниях Титмара и Адама между Святовитом-Сварожичем и Радигостем заметна даже наружная разница: первый носил суровое облачение воина; второй украшен был золотом и имел ложе, покрытое багрянницей. В этом видна мирная природа Радигостя, которую необходимо признать уже по его названию, указывающему на радушие и гостеприимство; и то же свойство Радигостя, кажется, имел в виду чешский толкователь латинской *Mater Verborum*, отождествляя его с Меркурием, богом мирных трудов и стяжаний^{698, (94)}.

Толкователь этот именует тут же Радигостя внуком Кръта (*radihost wnukk kirtow*, читай: *Radihost vnuk Krtov*). Что это такое за Крът, неизвестно. По неимению лучшего толкования, позволим себе догадку, не предположить ли в небывалом слове *Kirtow* описку и читать: *radihost wnukk Kirsow*, т. е. Кръсов; в таком случае Радигость был бы внуком известного у русских [183]салавян бога солнца, Хръса или Хорса⁶⁹⁹, которого место у славян балтийских заступил Святовит⁽⁹⁵⁾.

кане упоминает также Гельмольд: I, 21. celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur. I, 23. Caput. desectum... barbari deo suo Radigasto immolaverunt. Нæс in metropoli Slavorum Rethre gesta sunt. – О поклонении славян Радигостю сохранилось воспоминание еще и в легенде об эббекесдорских мучениках, о которой было говорено. Известный нам Ботон, сочинитель Саксонской хроники (Leibn. III, 339), описывает истукан Радигостя следующим образом: «Оботритский идол в Мекленбурге, называвшийся Радигостем (Ridegost), держал на груди щит, на щите была (изображена?) черная буйволя голова (dar inne stod eyn swarte büffelenkop), в руке был у него молот, на голове птица».

⁶⁹⁸ *Mater Verborum*, глосса 447. mercurius, a mercibus, est dictus, Radihost wnukk kirtow (изд. Скворцова, стр. 103).

⁶⁹⁹ Форма *Кръсь* была бы даже древнее, нежели *Хръсь*: из сопоставления в русских памятниках имен *Хорсь-Дажьбогъ* явствует, что *Хорсь* было одно из мифологических наименований солнца (*Дажьбогъ* есть имя бога солнца, это достоверно), и действительно, корень *кърс*, *крес* означает свет, огонь и т. п. [(напр., сербск. *креситисе* сиять, церковно-слав. *крес*, solstitium, русск. областное *кресать* высекать огонь (глагол известный многим слав. народам), *крéseво* огниво, и даже *кресить*, *воскресить*, где отвлеченное понятие возрождения жизни развилось, очевидно, из образа рождающегося на кремне огня; наконец, санскритское слово *кръсâну* огонь]. Что же касается другого имени бога Солнца, *Дажьбог*, то и оно, кажется, заключает в себе понятие горения, огня: мы не сомневаемся в верности производства этого имени, предложенного впервые, сколько нам известно, почтенным С.П. Микуцким, от древнего корня *даг* жечь [санскрит. *dag* (dah), литовск. *degu*, *degti* жгу, жечь, сла-

Богом воинственным по преимуществу, славянским Марсом, был Яровит. Судя по имени, можно предполагать, что символом его был свет или солнце, как начало жгущее, истребительное, ярое. Ему поклонялись, как богу войны, в Волегоще, где один из храмов был посвящен ему. В этом храме висел на стене щит Яровитов, чрезвычайной величины, искусной работы, покрытый золотыми пластинками; он почитался такой святыней, что когда висел в храме, никто не смел до него дотронуться, и только в военное время волегощане снимали его со стены и несли перед войском, уверенные в победе под его покровом⁷⁰⁰. Яровиту поклонялись также гаволяне, в Гавельберге, и чествовали его праздником, в который носились по городу разные знамена⁷⁰¹.

[184]

LXXI

Частные, местные божества балтийских славян. — Боги кореницкие и др. — Священное копье волынское

Таковы были божества, составлявшие, можно сказать, общую мифологическую систему балтийских славян, признаваемые одинаково всеми их ветвями⁷⁰². Но кроме их существовали еще божества *част-*

вянск. *дег-оть* и, с обыкновенным изменением *д* в *ж*, *жъгу*, *дожигаю* и т. д.]: *Дажьбог*, таким образом, значит *жгущий бог*.

⁷⁰⁰ Sefr. 134. (Hologastæ)... fanum... intravit. Erat autem illis clypeus pendens in pariete, miræ magnitudinis, operoso artificio, auri laminis obtectus, quem contingere nulli mortalium liceret, eo quod esset illis nescio quod in hoc sacrosanctum ac paganæ religionis auspiciū, in tantum ut numquam nisi belli tempore a loco suo moveri deberet. Nam ut postea comperi, deo suo Herovito qui lingua Latina Mars dicitur, erat consecratus et in omni proelio victores sese hoc prævio confidebant.

⁷⁰¹ Ebbo. 71. (Otto) Habelbergense episcopium petiit, quod tunc paganorum crebris incursionibus ita destructum erat, ut Christiani nominis vix tenues reliquæ ibi remansissent. Nam ipsa die adventus ejus civitas vexillis undique circumpositis cujusdam idoli Veroviti celebritatem agebat.

⁷⁰² Современные свидетели именно называют общими божествами балтийских славян бога небесного, Святовита и Чернобога; Радигостя одинаково обожали враждебные племена бодричей (Helm. I, 52) и лютичей, и в храм его приходили на поклонение со всех концов славянского Поморья (Thietm. VI, 18); Яровита чтили на Поморье и в Стодорской земле; о Живе прямого известия нет, но само имя ее, указывающее на общность ее мифологического значения, может служить верной порукой, что и признание ее было общее.

ные, которым поклонялись только отдельные племена, отдельные волости (жупы) в городах своих, даже отдельные семьи, *dii privati*, как их называет Саксон Грамматик, противопоставляя их божествам общенародным, *publica numina*⁷⁰³. Мы уже прежде приводили многозначительные слова Титмара, что «сколько у балтийских славян волостей, столько имеется у них храмов и столько обожается язычниками особых бесовских истуканов»⁷⁰⁴. Число волостей или *жуп* у балтийских славян было, мы знаем, большое, и каждое из этих маленьких обществ почитало необходимым иметь свой собственный храм и кумир, чтобы ознаменовать и как бы освятить свое самостоятельное существование⁽⁹⁶⁾. Нельзя поэтому считать преувеличенными известия современников о невероятном множестве языческих кумиров у балтийских славян и, например, отвергать показание бранденбургского епископа Герберта, который в грамоте 1114 года объявляет, что он «для спасения своей души и всех христиан и в надежде распространения церкви, преследуя языческие обряды», «вместе с немногими спутниками своими и с монахом Адалбером истребил, насколько мог, *многие, бесчисленные идолы*», именно, как явствует из сей грамоты, в волости морачанах между Лабой и Гаволой⁷⁰⁵. Нет никакого сомнения, что в этом множестве храмов и кумиров значительное число посвящено было тем главным, общепризнаваемым богам, которые занимали первое место в мифологии балтийских славян: вспомним, как распространено было поклонение Святовиту под разными именами, вспомним и свидетельство о [185]том Саксона Грамматика (где он говорит, что у этого божества, кроме Арконы, были храмы во многих местах, *compluribus in locis*). Но строгого единства веры и богослужения быть не могло у народа языческого, и в особенности мифология человекообразная, какая господствовала у балтийских славян, допускала, или, лучше сказать, вызывала величайшее разнообразие. Таким образом, тот самый писатель, который именно передал нам сведения о всеобщем на славянском Поморье признании небесного бога и всеобщем поклонении Святовиту, Гельмольд, говорит, однако, следующее: «у славян идолопоклонство многообразное, и не все они согласуются в одном и том же виде суеверия. У одних божества стоят в капищах, представляясь в вымышленных изображениях истуканов, как то плунский идол, по имени Подага; другие обитают в лесах или рощах, как

⁷⁰³ Sax. 841.

⁷⁰⁴ VI, 18.

⁷⁰⁵ Gercken. Stiftshistorie von Brandenburg, 342, codex diplomaticus № 5: multa atque innumerabilia destruximus idola.

Перун (*Prone*, об этом смотри ниже), бог старогардский, и эти не имеют видимых изображений»⁷⁰⁶. В этих словах ясно высказано также, что частные божества балтийских славян были двоякого рода: одним присваивались определенные человекообразные личности, и они представлялись в идолах, принадлежали, стало быть, ко времени отдельного у балтийских славян мифологического развития; другие были божества безличные, стихийные, такие точно, каким все славянские народы поклонялись первоначально.

Особенно замечательны и более других известны частные божества ранского племени. Как святыня арконская назначена была для общего всем балтийским славянам поклонения Святовиту, так другая священная крепость ранского народа принадлежала исключительно его собственным, частным, богам. Кореница (у Саксона *Karentia*, у исландцев *Gards*, теперь *Garz*) лежала в южном углу острова Раны; со всех сторон окружали ее трясины и болота, и одна только тропинка, вязкая и опасная, по которой шли точно в брод, вела к городу; кто с нее хоть немного сбивался в сторону, проваливался в глубокую топь. Пройдя тропинку, попадали на дорогу, которая была проложена между болотом и валом, окружавшим город, и выходила к единственному в валу воротам. В Коренице, как в Арконе, не было постоянного населения; она предлагала, мы знаем, народу убежище в случае неприятельского нашествия, а в мирное время привлекала лишь поклонников святыни⁷⁰⁷. Этот город, по словам датского историка, «красовался зданиями трех великолепных храмов, отличавшихся блеском превосходного искусства. Кореницким храмам, — продолжает Саксон Грамматик, — почти столько же уважения снискали *частные боги*, которым здесь поклонялись, сколько уважения доставило Арконе почитание *божества общественного*»⁷⁰⁸.

[186]Послушаем его далее, как он описывает памятники кореницкого идолослужения: «Главное капище окружено было со всех сторон сенями (*vestibulum*); но стен не было: и капище, и сени закрыты были завесами из багряницы, и крыша лежала на одних столбах... Внутри стоял дубовый истукан, который назывался Руевитом (*Rugiaevithus*), страшно безобразный, потому что ласточки, прилепив свои гнезда к чертам его лица, покрыли грудь его калом: божество достойное, чтобы его изображение так омерзительно осквер-

⁷⁰⁶ Helm. I, 38.

⁷⁰⁷ Sax. 840–841.

⁷⁰⁸ Sax. 841. *Insignis hic vicus trium præpollentium fanorum ædificiis erat, ingenuæ artis nitore visendis. Jis tantum pæne venerationis privatorum deorum dignitas conciliaverat, quantum apud Arkonenses publici numinis autoritas possidebat.*

нено было птицами. Голова его имела семь человеческих лиц, которые все находились под одним черепом. Столько же настоящих мечей с ножами, привешенных к одному поясу, прикреплено было искусством ваятеля к бедрам истукана. Восьмой он держал обнаженным в правой руке; меч был крепко прибит к кулаку железным гвоздем, и нельзя было его вынуть, не отбив руки... Толщиною истукан превосходил размеры человеческого тела; вышина его была такая, что Абсалон (архиепископ, предводитель датского войска, человек весьма большого роста), стоя на цыпочках, едва мог дотронуться подбородка его секирою, которую носил в руке. Это божество, по значению сходное с Марсом, почиталось властителем войны. Ничего в его истукане не представлялось приятного для взора; очертания шершавой резьбы были отвратительно безобразны... Вблизи находился другой храм, в котором обожали кумир Поревита (*Porevithus*); он был о 5 головах, но не носил оружия... Третий храм принадлежал Поренуцию (*Porenutius*): этот истукан имел 4 лица; пятое было у него на груди, и он левой рукой касался его лба, а правой подбородка»^{709, (97)}.

Только одну важную вещь сказал нам Саксон о кореницкой святыне: что она принадлежала исключительно частному поклонению ранского племени, и что ране так строго отделяли племенных богов своих от богов общенародных, что не хотели даже помещать их в одной ограде. Но о собственном значении кореницких кумиров почти ничего нельзя заключить из описания Саксона. Дела не уясняет и древняя исландская повесть о подвигах датских королей (*Knytlinga-Saga*⁷¹⁰), которая также упоминает о них. Истукан Руевита (*Ринвита* по саге о Книтлингах), как видно, был чрезвычайно древний, сделанный, когда искусство резьбы находилось на Ране в самом грубом состоянии, и, в сравнении с ним, кумир арконский предполагает большое художественное усовершенствование. Название этого божества, по-видимому, указывает на бога, по преимуществу принадлежащего Руе, ранам: *Руевит* (*Rugævithus* у Саксона), *Рановит* (*Rinvit*, *Knytl.-Saga*). Сак[187]сон изображает его богом войны; но отношение его к другим воинственным божествам балтийских славян, к Святовиту и Яровиту, совершенно неизвестно. Еще менее можем сказать о двух других божествах ранских, мирном боге Поревите и четырехглавом Поренуции; только в имени последнего, мы полагаем, есть несомненная

⁷⁰⁹ Sax. 842, 843.

⁷¹⁰ В *Fornmanna Sögur*, т. XI, латинский перевод в *Scripta historica Islandorum*, XI.

ошибка, Саксона ли, или переписчика: нет, кажется, возможности понять это имя иначе, как читая вместо Porenutius – Porunetius: тогда мы получим по крайней мере слово, звучащее и имеющее смысл по-славянски, *Перунец*; но о самом значении этого божества мы, разумеется, не в состоянии ничего заключить из рассказа датского историка.

Книтлинга-сага, упоминая об этих божествах под именами, еще более искаженными (Rinvit, Turupid, Puruvit), и рассказывая, что в их капищах хранилось множество денег⁷¹¹, золота и серебра, шелку, бумажных тканей красного цвета и тканей пурпуровых, шлемов, мечей, лат и всякого оружия⁷¹², приводит еще два ранских божества: *Pizamarr* (Печимира?), чтимого в Ясмунде (восточном полуострове у Раны), и *Черноглава* или *Чарноглова* (Tiarnaglofi), с серебряным усом, победоносного бога, которого брали с собой в поход⁷¹³. Последнее наименование относится, кажется, подобно Триглаву, к наружному виду истукана, а не к самому божеству⁽⁹⁸⁾.

Частные божества других племен славянского Поморья еще менее известны; но их существование несомненно доказывается вышеприведенными свидетельствами Титмара и Гельмольда. Только по имени знаем мы плунское божество *Подагу*^{714, (99)} и зверинское – *Годрага* (или, может быть, *Гонодрага*: Gudraccus, Genedractus). Летописец Арнольд, продолжатель Гельмольда, сохранил любопытный намек на второстепенное значение последнего: зверинский (шверинский) епископ Берно (в конце XII в.), ревностный истребитель идолослужения, заставляя славян вместо языческой святыни чтить христианскую, велел им заменить в своем поклонении этого Годрага или Гонодрага одним из святых, именно св. Годагардом еписко-

⁷¹¹ Именно, по свидетельству Саксона, было в Коренице семь одинаковой величины сундуков, наполненных деньгами, посвященными ранским богам (845).

⁷¹² Knytl. S. глава 122. Hic idola magna pecunia, auro et argento, serico et bombyce coccinea et purpura, galeis et ensibus, loricis omnique genere armorum spoliarent.

⁷¹³ Там же.

⁷¹⁴ *Podaga*, Helm. I, 83. Судя по грамматической форме имени, Подага была существо женское. Не образовано ли имя это из того же корня *даг*, которое мы находили в названии *Дажьбога*? *Подага* значило бы в таком случай *Пожигающая*, она была бы подруга Святовита, как Сварожича, бога света, или Яровита, и могла бы быть внесена в общую мифологию балтийских славян: но мы, разумеется, не осмеливаемся придать какое бы то ни было значение этим догадкам, основанным на столь сомнительном слово-

пом⁷¹⁵. Мы действительно [188]читаем в одной грамоте 1171 года: «деревня святого Годегарда, что прежде называлась *Goderac*»⁷¹⁶.

В Волине местную святыню составлял знаменитый, необыкновенной величины столб, на котором водружено было копьё. Много столетий, верно, простояло оно в Волине: насквозь проеденное ржавчиной железо его, по словам Оттонова жития, не могло бы ни на что пригодиться. Волинцы почитали это копьё чьим-то божественным, говорили, что оно нетленно, что оно их святыня, защита их родины, знамение победы. К сожалению, нам неизвестно его настоящее значение, составляло ли оно какой-нибудь особенный священный памятник, или принадлежало одному из богов волинских. Средневековые монахи, вообразив по искаженному названию этого города, *Юлин*, что он основан был Юлием Цезарем, твердо верили и все единогласно писали, что столб с копьём был памятник, воздвигнутый римскому завоевателю, и что сам Юлий обожался волинцами^{717, [20]}.

⁷¹⁵ Arn. IV, 24. culturas dæmonum eliminavit, lucos succidit et pro Genedracto (по другому чтению: Gudracco) Godehardum episcopum venerari constituit.

⁷¹⁶ Cod. Pomer. № 31. Об этой местности см. исследование Лиша, в «Jahrbücher», VI. Годрак – теперь *Goorstorf* (сокращение старого названия *Godehardstorf*), близ Росток. Лиш говорит, что на большой Шметтауской карте Мекленбургии у Горсторфа отмечена роща, именуемая доселе *Heidenholz* (т. е. языческая роща).

⁷¹⁷ Ebbo 37. Bernardus... correptam securi columnam miræ magnitudinis, Julio Cæsari, a quo urbs Julin nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est... 62. Julin a Julio Cæsare condita et nominata, in qua etiam lancea ipsius columnæ miræ magnitudinis ob memoriam ejus infixæ... Sefr. 173. (Julinenses) moneo, ut illius calamitatis memores, nec Julium ipsum, nec Julii hastam, nea statuas idolorum vel simulacra ullo modo colatis... S. Cruc. II, 6. ad id temporis Julinensibus... venerabiliter reservata Julii Cæsaris lancea colebatur, quam ita rubigo consumerat, ut ipsa ferri materies nullis jam usibus esset profutura... Pagani (dicebant)... Lanceam diviniore esse naturæ, nihil ei transitorium vel caducum posse conferri... in qua præsidium sui, patriæ munimentum et insigne victoriæ esse constabat. II, 16. continam unam inter alia sacra ædificia, illam Julii Cæsaris, quam colebant lanceam continentem, in manum episcopi tradiderunt. Из последних слов следовало бы заключить, что столб волинский стоял внутри какого-то капища; но это невероятно, по соображению с другими показаниями: когда проповедник Бернгард, едва вошедши в Волин, принялся тотчас рубить священный столб «Юлия Цезаря», то, по-видимому, столб должен был стоять на виду, в открытом месте; притом, если бы столб с копьём находился внутри какого-нибудь здания, мог ли бы он быть таким огромным, каким описывают его очевидцы? Сколько нам известно, балтийские славяне не умели строить высоких храмов и башен. Мы скорее предполагаем ошибку со стороны безымянного составителя 3-го Оттонова жития (Anonymus Sancruciaris), в рас-

Остатки стихийного поклонения у балтийских славян. – Сжигание и погребение мертвых

С другой стороны, балтийскими славянами сохранялось еще во многих местах воспоминание о первоначальном славянском богослужении, в котором божества не отрешались от стихий природы. Наиболее значения удержала эта старинная религия у вагров; потому, быть может, что ваграм, отдаленным от Раны, средоточия балтийского язычества, и занятым всегдашней борьбой с соседями, труднее было участвовать в религиозном развитии своих соплеменников. Как бы то ни было, вот что рассказывают о вагрской святыне⁷¹⁸: недалеко от Старогограда находилась роща, единственная в том крае, голой равнине; в этой роще стояли, между вековыми деревьями, дубы, посвященные богу Вагрской земли, не имевшему никакого видимого образа; их окружала площадка, обнесенная крепко сплоченным деревянным забором, в котором было двое ворот, украшенных отличными фронтонами⁷¹⁹. Вход за ограду был дозволен только жрецу и тем, которые приходили для жертвоприношения, а также убегавшим от кровной (родовой) мести; для последних это святилище было ненарушимым приютом.

Совершенно переносит нас это описание, сделанное Гельмольдом на исходе XII века, в древнейшую пору славянского язычества, к поклонению чешских воинов, воспетых в краледворском памятнике, которые шли в лес под деревьями кланяться и приносить жертвы богам невидимым. Как же назывался вагрский бог, обитавший в дубах? У Гельмольда мы читаем имя его двояко: *Prone* и *Prove* (*Proven*)⁷²⁰; в первом случае представляется искаженное немцем слово *Перун*; во втором имя бога было бы *Прав, право*, что-то вроде литовского *Prowe* (т. е. право и божество права). Но последнее чтение, хотя и чаще попадающееся в текст Гельмольда, мы считаем совершенно ложным. Не говоря уже о том, что на существование у славян бога Права (трудно сказать, как бы он назывался, Прав или Право) нет ни малейшего указания, – невозможно, чтобы такому божеству,

сказе которого мы находим вообще менее точности, чем в житиях, приписываемых Сефриду и Эббону.

⁷¹⁸ Helm. I, 83.

⁷¹⁹ Там же: *insignes portarum frontes*.

⁷²⁰ Helm. I, 52. *Prone* и *Proue*, по разным рукописям; I, 69. *Prove*; I, 83. *Proven*, *Prove*.

представителю отвлеченной идеи, воздавалось язычниками поклонение в роще, под священными деревьями, безо всякого видимого образа и атрибута: он имел бы непре[190]менно и капище, и кумир, и все свойственные его значению принадлежности. Перун же был именно главный *стихийный* бог древней славянской религии; он не нуждался ни в храме, ни в идоле, и, как представителя вещественной силы природы, властвующей над человеком, его присутствие должно было по преимуществу ощущаться язычником в таинственной сени леса. Наконец, вот даже и палеографический довод: компилятор XV века, Марескалк Турий, везде пишет *Prono, Prone*⁷²¹ в своих летописях, которые суть только парафразы Гельмольда, стало быть, в той древнейшей рукописи Гельмольда, которой он пользовался, так читалось имя вагского бога. Подобным образом и брауншвейгский летописец XV же века, Бото, оставивши нам престранное и, вероятно, им самим выдуманное описание идола, которым будто бы изображался этот бог в Старом-граде, называет его не *Prove*, а *Prono*⁷²². Появление формы *Prove*, т. е. *Proue*, вместо *Prone*, объясняется весьма легко сходством готических начертаний *n* и *u* (*-v*)⁽¹⁰⁰⁾.

Других известий о поклонении балтийских славян Перуну мы не находим; но как имя Белбога сохранилось к одной местности на Поморье, так о Перуне гласит старинная крепостца и деревня близ Барта (напротив о. Раны, на твердой земле): крепостца и деревня эта в грамотах XIII века называется именно *Перун, Перон, Пирун*⁷²³, теперь дер. *Прон* (*Prohn*); и такой переход в звуках этого имени не

⁷²¹ Nic. Mareschalci Thurii Annales Herulorum ac Vandalorum; его же Chron. Rhythmicum (Westphalen. Monumenta inedita. III, 191 и 571).

⁷²² У Лейбница, Script. rer. Brunsvicensium, III, 339. Вот Ботоново описание мнимого идола бога *Проно* в Старом-граде: «он стоял на столбе и держал в руках прут железа для (судебных) испытаний (eune rode proveysen) и знамя, и были у него длинные уши, венец на голове, на ногах сапоги, и под одною ногою цепь». Как Гельмольд, сам видевший старогардскую святыню, сам рубивший Перуновы дубы, говорит прямо, что у этого бога не было *никакого видимого изображения*, то все Ботоново сказание должно быть отвергнуто как явная ложь.

⁷²³ См. Fabric. II, 91. VI, 202. Soharz, Geschichte der Pommersche – Rügischen Städte, 47, 353, 598. К этим именам Белбога и Перуна прибавим еще третью местность, получившую также, кажется, имя от одного из богов балтийских славян, деревню *Чарноглово* в жупе Лошицкой (Loitz близ Деммина), теперь *Zarnecla* (в грам. 1242 г. *Zarnegloue*, Cod. Pomer. № 307): мы знаем о ранском кумире Чарноглове. Впрочем, должно заметить, что недалеко от этой деревни лежала еще деревня *Чарневанс* (*Zarnewanz*), т. е. Черноус (см. Cod. Pomer. Стр. 657).

подтверждает ли нашего мнения о значении вагрского бога Прона как Перуна⁷²¹.

В староградском святилище Перуна мы видим замечательнейший у балтийских славян остаток древнего стихийного поклонения; но следы его существовали по всему славянскому Поморью. Главным предметом его, как кажется, были рощи и деревья. До конца XII века сохранялись у бодричей в разных местах священные рощи⁷²⁴, и Гельмольд говорит о почитании рощ, [191] как о всеобщем у славян обычае⁷²⁵; в земле Вагрской, кроме Перуновой рощи под Старым-градом, были и другие, которые тоже уважались язычниками, как святыня⁷²⁶; лютицкий город Радигощ окружен был большим священным, нетронутым лесом⁷²⁷; в начале XI века, в пределах Мерзебургского епископства, в южной части Стодорской земли или в земле лабских сербов, находился *Святой бор*: так называл его народ, и бор этот был чтим, по словам Титмара, как божество (вернее, кажется, было бы сказать: как жилище божества), и никогда испокон века неприкосновенность его не была нарушена⁷²⁸; на маленьком острове Стреле (теперь Dänholm, между Стральзундом и берегом Рюгена) ране чтили, как святыню, *Буковую рощу* (так, кажется, она и называлась)⁷²⁹; в Щетине, близ *кутин* или священных храмин, стоял огромный, развесистый дуб, и под ним был прекрасный родник, который народ признавал жилищем божества и чтил с великим благоговением⁷³⁰; невдалеке от «матери городов поморских» было другое священное дерево, необыкновенной красоты орешник, принадлежавший какому-то идолу⁷³¹.

⁷²⁴ Arn. IV, 24.

⁷²⁵ Helm. I 62. præter lucos atque penates etc.

⁷²⁶ Helm. I, 83. Statim... ut venit Aldenburg... vocavit gentem Slavorum ad regenerationis gratiam, *succidens lucos* et destruens ritus sacrilegos. Заметим, что и у залабских саксов (нордальбингов), ближайших соседей вагров, суеверное поклонение рощам, а также источникам, и другие языческие поверья, существовали еще в XII в., хотя они уже при Карле В. приняли христианство: Helm. I, 47. *lucorum et fontium cæterarumque superstitionum multiplex error apud eos habetur*; он и называет их «народом только по имени христианским» (*nihil de religione nisi nomen tantum Christianitatis habentes*).

⁷²⁷ Thietm. VI, 17.

⁷²⁸ Thietm. VI, 26. *lucum Zutibure dictum ab accolis ut deum in omnibus honoratum et ab ævo antiquo numquam violatum*.

⁷²⁹ Knylt. Saga, 120. Роща названа *Böku*. Из рассказа саги не видно, впрочем, находилась ли она на самом острове Стреле, или напротив его, на материке, около того места, где потом возник Стральзунд.

⁷³⁰ Sefr. 106.

⁷³¹ Sefr. 168.

Кроме того, и другие стихийные вещества обожались балтийскими славянами. Мы только что упомянули о священном роднике щетинском; есть указание на то, что жители Колобrega на Поморье поклонялись морю, как жилищу каких-то богов⁷³². Также чтились и камни. На юго-восточной оконечности Раны, у мыса *Göhren* (*Горно-го*) лежит в море огромный гранитный утес, который до сих пор называется *Buskahm*, т. е. *божий камень*⁷³³. Многие местности на славянском Поморье назывались святыми и, без сомнения, в языческую пору действительно почитались такими, как нам известно о «Святом боре»; на о. Ране была «Святая гора» (*Свантагора*, дерев- [192]ня, теперь *Swantow*); маленький островок на востоке от Раны назывался «Святым островом» (*Сванты востров*, *Svantewostrøe* в грам. 1282 г.⁷³⁴, теперь *Ое*, т. е. остров); устье Дивеновы называлось, кажется, «Святым устьем», и здесь лежала, на остр. Волине, деревня, которая и теперь еще слывет *Swantust*⁷³⁵; на полуострове, образующем юго-восточную оконечность Раны, мы находим урочище⁷³⁶ *Swantegard*: имя это «Сванты гард», т. е. Святой град, есть очевидно остаток древнего славянского язычества. Вообще славяне клялись, по свидетельству Гельмольда⁷³⁷, деревьями, источниками и камнями и, значит, почитали их священными. Только не видно у них следа древнего и столь важного у прочих славян и у литвы стихийного поклонения огню: не оттого ли, может быть, что именно начало света, солнца и с тем вместе, конечно, огня, олицетворенное в Святите, составило главное содержание человекообразной мифологии балтийских славян? Нельзя не заметить при этом, что балтийские славяне, которые в VIII веке, как известно из свидетельства св. Бонифация⁷³⁸, предавали мертвых сожжению, потом устранили этот обряд еще в языческую эпоху; ибо после Бонифация нет уже намека на существование у них такого обычая, который, конечно, не ускользнул бы от внимания Эйнгарда, Видукинда, Титмара, Гельмольда и других историков, коротко знакомых с балтийскими сла-

⁷³² Thietm. VII, 52. Reinbernus, presul salsæ Cholbergiensis (ecclesiæ)... ana idolorum destruens incendit, et mare, demonibus cultum, inmissis quatuor pidibus sacro crismate perunctis et aqua purgans benedicta etc.

⁷³³ См. Barthold. I, 559.

⁷³⁴ Fabric. II, 93.

⁷³⁵ Cod. Pomer. 60: inter Swinam et Swantuntz (вместо Swantustz). – 288. in duabus villis Szwantus.

⁷³⁶ Cod. Pomer. C. 144.

⁷³⁷ I, 83.

⁷³⁸ См. выше сноску 99.

вянами и охотно выставявших то, что они находили у них противного христианским началам⁽¹⁰¹⁾. Искореняя между поморянами все несообразное с христианством, Оттон Бамбергский запрещал им «хоронить мертвых в лесах и на полях и складывать сучья у могил»⁷³⁹; о сжигании нет и помину. Мы даже, может быть, усомнились бы в справедливости Бонифациева показания, если бы за него не говорило непреложное свидетельство урн с пеплом и обожженными костями, в великом числе выкапываемых по всей стране, где жили некогда балтийские славяне; разбросанные среди множества языческих гробниц и курганов с несожженными трупами^{740, (102)}, урны

⁷³⁹ Послание Оттона Бамбергского, в Ekkehardi Chron., Pertz VIII, 263: ne sepeliant mortuos Christianos inter paganos, in silvis aut in campis, sed in cimiteriis, ... ne fustes ad sepulchra eorum ponant. Сравни. Cosm. III, 1: sepulturas, quæ fiebant in silvis et in campis.

⁷⁴⁰ Эти языческие урны и могилы в северной прибалтийской Германии сделались в последнее тридцатипятилетие предметом весьма подробного изучения. Между прочими тамошними антиквариями особенно замечателен трудами по этой части фон Гагенов (von Hagenow), составитель подробной археологической карты Рюгена и части Померании. Мы считаем не излишним привести здесь общие выводы его о могилах древних ран и поморцев, полученные из сличения огромного числа этих памятников. Он разделяет их на 8 видов и описывает следующим образом. «*Первый вид*. Каменные могилы самого обыкновенного (в Померании и Рюгене) устройства: с двух боков могилы поставлено 4 или 5 больших камней, с внутренней стороны большей частью плоских, а на обоих концах стоит по одному такому же камню, так что вся могила обнесена 8-ю либо 10-ю камнями. Нижняя площадь или дно могилы убито камешками и крепким цементом, а в местах, где нет камешков, выложено плоскими кусками песчаника или известняка. Внутреннее пространство всегда разгорожено пластами песчаника на каморки, величиною примерно в фут или полтора квадратных, и в них-то обыкновенно находятся секиры, урны, также разные вещицы, служившие для украшения, но часто также кости людей и животных. Всё это крепко вклеплено в каморках глиною, и потому урны отрываются большей частью уже разбитыми. Часто каморки накрыты сверху плоскими камнями. Слой глины обыкновенно бывает в фут толщины, а на него насыпан слой земли, смешанной с песком и т. п., и с камнями большими и малыми, которые так крепко уколочены, что их вынимать всегда стоит некоторого труда. Слой этот наполняет могилу до верху; над нею обыкновенно лежит несколько больших камней, или непосредственно утвержденных на боковых камнях, или кое-где всажённых между ними. Число сих камней зависит от длины могилы; редко их бывает более четырех. Положение могил обыкновенно в длину с запада на восток, но встречаются и исключения; обыкновенная длина от 16 до 30 футов, ширина от 6 до 10 ф. *Второй вид*. Могилы такие же, как первые, с тем только различием, что они об-

эти доказывают с тем вместе, что сжигание или [193]погребение умерших не было на балтийском Поморье местным обычаем того или другого края, что одно последовало за другим, как особые фази-

несены еще вторым, несколько продолговатым кругом камней, число которых редко превышает 10–20. Камни эти расположены с промежутками от 1½ до 2 футов и значительно меньше камней, образующих самую могилу. Могилы эти гораздо реже предыдущих. *Третий вид.* Могилы такие же, как первого вида, но обыкновенно гораздо больше и сложенные из больших камней. Вместо продолговатого круга, как в могилах 2-го вида, они обнесены двумя параллельными рядами камней, которые всегда, с малыми отклонениями, имеют в длину направление с запада на восток. Самая гробница находится неизменно на западном конце, занимая поперечное пространство между рядами камней. Камни лежат обыкновенно в 2½–3 футах друг от друга, в ряду их бывает штук 20–24, и ряды эти бывают длиною шагов в 50, 60, 70 и даже больше. Внутреннее пространство земли между рядами несколько возвышено, так что верхняя площадь могилы похожа на опрокинутое корыто. На западном конце камни самые большие и высокие, и образуют как бы вход к насыпи. Камни возвышаются часто более чем на 7 ф. над поверхностью земли и бывают толщиною футов в 5–6. Такого рода могил найдено весьма мало. Я назову подразделением этого вида те сооружения, которые, будучи во всем подобны вышеописанным, представляют гробницу не на конце, между параллельными рядами камней, а в самой середине, причем камни не возвышаются над поверхностью земли, а врыты с нею в уровень. И эти могилы тоже редки. *Четвертый вид.* Высокий насыпной курган, вышиною часто в 20–25 футов, имеющий в окружность шагов от 50 до 70. Внутри в самом основании насыпи стоят урны и другие сосуды обыкновенно между плоскими камнями. Такие могилы особенно часто попадают на Рюгене. *Пятый вид.* Курган сложенный из мелкого и крупного булыжника, на который насыпан сверху слой земли толщиною в 2–3 фута. Вышина и объем те же, что в предыдущем разряде, от которого эти могилы снаружи ничем не отличаются. Вероятно, обоих описанных родов курганы были прежде обгорожены у подошвы большими камнями: теперь видны только там и сям следы этого, ибо дождь, смывая насыпную землю, расширял окружность курганов и покрывал камни, а многие из них также увозились для разного употребления. *Шестой вид.* Конусообразные земляные курганы, гораздо меньше предыдущих, ф. в 3–6 вышиною. Окружность бывает весьма различна, от 12 до 40 шагов. Часто, можно даже сказать обыкновенно, эти курганы обгорожены камнями и ссыпаны из земли с камнями. Большею частью их стоит вместе множество. В них редко можно найти что-нибудь замечательное, обыкновенно они заключают в себе только остатки костей, никогда не бывает в них урн, ни черепков от урн, ни оружия. *Седьмой вид.* Такие же земляные курганы, но гораздо меньше и ниже, не больше 3 ф. вышиною; часто они так мало подняты над поверхностью земли, что их с трудом заметишь. Их в особенности на Рюгене великое множество. Они ссыпаны из одной просто земли без камней. *Восьмой вид.*

сы [194] в жизни этого края⁷⁴¹. Быть может, что балтийские славяне дотоле и предавали своих покойников огню, доколе они обожали огонь в его непосред[195]ственном стихийном образе, и что этот

Кроме исчисленных видов могил, находятся по всей стране кладбища, которые, если не случай, наведет на их открытие, может заметить лишь опытный глаз. Кладбища эти заключают в себе целые склады урн, зарытых просто в песок или иногда обложенных небольшими камнями; наружных примет не бывает, разве только некоторые разбросанные черепки. Каждая урна стоит на трех небольших камнях и прикрыта четвертым. Так стоят и лежат они друг подле друга и друг над другом, иногда в порядке, с известными промежутками, иногда в совершенном беспорядке. Урны в этих кладбищах бывают обыкновенно весьма красивой формы, часто с полосками и разными рисунками, часто также с ручками, и большею частью хорошо сохранены. В них редко находят что-либо другое кроме пепла и жженных костей» (Zweiter Jahresbericht der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde, в Neue Pommersche Provinzialblätter II, 232). Приступая к изданию своей археологической карты, фон Гагенов определил на одном острове Рюгене 1526 могил (1-го вида 92, 2-го – 21, 3-го – 65, 4-го – 94, 5-го – 651, 6-го – 16, 7-го – 463, 4-го, 5-го и 6-го, в точности еще не распределенных – 124; кроме того в 5 местах склады урн). (См.: Neue Pomm. Provinzialbl. III, 315). Заметим, что во многих местах Померании народ до сих пор называет эти древние курганы и т. п. памятники «*Mogillen*» или «*Mogrillen*». Обыкновенное немецкое название их – *Hünengräber*. Теперь народ приписывает эти «могилы» каким-то сказочным существам, чудовищам и великанам; но в старых грамотах есть много свидетельств о них, как о могилах прежних языческих поколений; вот несколько таких показаний: грам. 1219 года (Cod. Pomer. N 128): in quosdam tumulos, qui Slavice dicuntur [...]*ri gorki*, antiquorum, videlicet sepulchral; et abinde... in cumulum satis magnum, qui Slavice dicitur *mogila*. 1922 г. (N 137): usque ad tumulos paganorum in monte sitos. 1226 г. (N 156): ad quendam cumulum, sepulcra videlicet antiquorum. 1235 (N 224): tres tumulos paganorum; и др. Но уже с XIII века начинает проявляться сказочное представление об этих «могилах язычников»: первый след виден в грамоте 1234 г. (Cod. Pomer. N 216): de via que ducit de Recow (теперь деревня Reckow близ Колбаца, в Грейфенгагенском округе, в Померании) *in tumulum gigantis*.

⁷⁴¹ Замечательна попытка известного мекленбургского археолога Лиша воссоздать с помощью древних могил исторические эпохи Прибалтийского края. Теорию свою он представил в книжечке, служавшей предведением к «*Friderico Franciscum*», великолепному изданию Мекленбургских древностей. В своих «*Andeutungen über die altgermanischen und slavischen Grabalterthümer Meklenburgs*» Лиш, на основании сличения многочисленных языческих могил Мекленбургии и соседних земель, распределяет их на три эпохи: 1) могилы древнейших времен (*Urgräber*), высокие полукруглые курганы, обставленные большими гранитными камнями, с гробом из каменных плит (4 и 5 вид в описании фон Гагенова), или простые каменные гробы, над

обычай потом постепенно выводился, когда они в своем развитии удалились от древнего поклонения стихиям. [196] В таком случае мы отнесли бы и торжество антропоморфизма в их религии над

которыми положены камни (1, 2 и 3 вид); в могиле грубой работы урны, редко несожженные остоны, и разного рода оружие (острия копий и ножи), выделанное из кремня, иногда и железные молоты и др. вещи; 2) могилы, называемые Лишем германскими, конусообразные, крытые дерном, курганы, ссыпанные из земли, часто вовсе без камней (6, 7 вид), заключающие в себе урны, более усовершенствованные, но все еще чрезвычайно простой работы, а нередко и остоны, иногда так, что в один курган погребенный остов и несколько урн с остатками сожженного трупа, в этих курганах находят разного рода оружие, все из меди, тяжелые, литые из меди острия копий, и коротенькие массивные, также литые, мечи, много золотых вещей, но ни серебряных, ни железных; наконец, 3) могилы, принимаемые Лишем за славянские, т. е. «склады урн», описанные фон Гаеновым (8 вид), урны более тонкой и изящной работы, широкие кверху, на узенькой подставке, с угловатыми узорами, начертанными в глине; оружие, находимое в этих могилах, железное (длинные мечи, копья, стрелы, щиты, секиры и т. д.); мало медных, много серебряных вещей; золотых вовсе не бывает; иногда вещицы с латинскими надписями и фигурами, принадлежащими, по характеру, к XII и XIII веку. Это деление, верность которого несомненна, Лиш старается обратить в пользу любимой мысли своей и всех почти немецких ученых, что первоначальное население балтийского Поморья было германское и что славяне были пришельцы в нем, вытеснившие в V веке германцев и которых поэтому германцы имели в свою очередь право вытеснять и истреблять в XII-м и XIII-м. Могилы первой, доисторической, можно сказать, эпохи, с оружием, тесанным из кремня, Лиш не отваживается приписать прямо германцам, и называет их «германскими или до-германскими», оговариваясь, однако, так, чтобы нельзя было принять это «до-германское» племя за славян; зато могилы второго рода, с медными и золотыми вещами, он исключительно присваивает германцам, «кладбища урн» с серебром и железом – славянам; «а так как германские могилы носят характер древнейший, кладбища же славянские по всем признакам новее, – говорит Лиш, – то коренные жители Балтийской страны были германцы, а славяне пришли туда позднее»: таков его вывод. Сам Лиш показывает, что описанные им могилы первого рода встречаются не только в балтийских землях, в Германии и Скандинавии, но и в Нидерландах, в северной Франции, в Британии: стало быть, они очевидно обозначают не отдельное какое-нибудь племя, а особую эпоху в истории человеческого образования, свойственную одинаково разным племенам; через нее славяне могли, или лучше сказать, должны были пройти точно так же, как кельты и германцы. Подобным образом Лиш принужден сознаться, что могилы, называемые им германскими, распространены, кроме германских земель, и в целой Франции до Пиреней и в Британии до Шотландских гор: поэтому, если бы их присутствие на балтийском Поморье непременно свидетельствовало, как думает

старыми общеславянскими началами опять-таки к VIII или IX веку, к тому именно времени, когда балтийские славяне выступают на поприще исторической деятельности. Но мы не смеем доверять

Лишь, что первоначальное население этого края было германское, то не следовало ли бы признать и всю Галлию и Британию искони населенной германцами? В обоих случаях вывод был бы одинаково верен. Нет; так называемые «германские могилы» или принадлежат не одному племени, а нескольким племенам в известную эпоху развития, или занесены были во все стороны завоевательными дружинами германскими и скандинавскими, на запад в Галлию и Британию, на восток по балтийскому Поморью до Вислы. — Мы не беремся решить вопроса, который требует специального археологического изучения; но нам кажется наиболее вероятным, что на балтийском Поморье конусообразные курганы принадлежат действительно к эпохе германского владычества и покрывают останки знатных воителей-дружинников; зарытое в них медное оружие, в самом деле, вполне соответствует характеру оружия древних германцев, как его описывает Тацит. Очевидно, что только в честь людей знатных и богатых, вождей или знаменитых бойцов ссыпались курганы, зарывалось оружие; находимые на Поморье могилы и урны не представляют сотой и тысячной доли народонаселения, которое там прожило в течение десятков поколений. Покоренные германцами славяне едва ли имели возможность воздвигать своим покойникам памятники, как властители их, дружинники; а если воздвигали их, то почему же они не могли сыпать такие же курганы, как германцы, или почему не должны были уметь устраивать кладбища урн прежде пятого века также хорошо, как в последующее время? Железо употреблялось на балтийском Поморье со времен незапамятных (как доказывают железные вещи в курганах доисторической эпохи), а серебро, конечно, проникало туда посредством торговли гораздо прежде пятого века. Германцы, как известно, не жгли, а хоронили покойников, а иногда в так называемом «германском» кургане находят несожженный остов, окруженный урнами с пеплом: не памятник ли это какого-нибудь знатного дружинника-германца и его славянских спутников или подданных, павших вместе с ним, быть может, в бою? Во всяком случае, исторический факт, что первоначальное население балтийского Поморья было славянское и что это население долго находилось под властью германцев, не только не опровергается свидетельством древних могил, но, напротив, им вполне подкрепляется. Замечательно еще то, как германец и славянин, передавая земле останки умерших братьев, выказывал и в этом свой народный характер: отдельно или в небольшой группе стоящий, высоко поднятый над поверхностью земли курган не соответствует ли чувству личности и аристократизму германского племени? Между тем славянин переносит с собой, можно сказать, и в землю свое обитательное устройство: его пепел и кости почивают на кладбище в кругу сотен других урн, и никакая насыпь, никакая наружная примета не обозначает ни общего кладбища, ни чьей бы то ни было урны. Так, во всех частностях отпечатлевается общее направление народа, общий его характер.

таким шатким предположениям, и не останавливаемся на этой мысли. Какие бы, впрочем, ни были причины, побудившие балтийских славян заменить сжигание трупов погребением, и что бы ни значил у них этот переход, все же он составляет одно из любопытных явлений их внутренней истории⁽¹⁰³⁾.

[197]

LXXIII

Отношение у балтийских славян стихийного поклонения к антропоморфической мифологии. — Многосложность и разнообразие их языческой религии

Мы сказали, что у балтийских славян не осталось никаких следов обожания огня, но что они поклонялись еще в разных местах морю, источникам, камням, и в особенности священным рощам и деревьям. По всем краям славянского Поморья жила, таким образом, память о первоначальном обожании природы; но оно было низведено на степень частного поверья некоторых племен и местностей: даже вагры, которые остались ему более преданны, нежели все другие. Балтийские славяне с древних времен посылали ежегодно в Аркону дань кумиру Святовита, признавая его высшим между богами⁷⁴², уже в X веке имели в одном из городов своих *литой из меди идол* какого-то бога⁷⁴³, а по известиям от XII века, имели в Плуне особый

⁷⁴² Helm. II, 12. nostra *adhus* ætate, non solum *Wagirensis terra*, sed et omnes Slavorum provinciæ, illuc tributa annuatim transmittabant, illum deum deorum esse profitentes.

⁷⁴³ Widuk. III, 68. simulacrum Saturni ex ære fuso. Какого именно из богов балтийских славян Видукинд хотел означить именем Сатурна, угадать невозможно, по неопределенности средневековых понятий о римских и греческих богах. Если бы Видукинд действительно имел в виду собственное значение Сатурна, как сына Урана или неба, как могущественного бога-благодетеля людей, то, конечно, можно бы было сказать, что тут дело идет о Святовите; но как положить на это? Саксонский монах также хорошо мог поставить слово *Сатурн* просто случайно, как первое, пришедшее ему на память из имен классической мифологии, или же иметь об этом боге совсем другое понятие. Некоторые писатели, основываясь на одной глоссе *Mater Verborum*, навязывают славянской мифологии особого бога, соответственного Сатурну, Сытиврата. Но мы видели как ненадежны показания *Mater Verborum*; о Сытиврате, кроме этой глоссы («*Picus Saturni filius*», *Stráč ec Sytivrato syn*), нет и помину, да и самое имя звучит как-то странно: по-видимому, оно сложено из двух понятных славянских слов, а смысла никакого не представляет.

храм с истуканом Подаги. Старые верования славянские не были, мы видим, отвергнуты славянами балтийскими; но сохраняя их, как древнюю основу своей религии, они к ним *прибавили*, надстроили, так сказать, над ними, свою собственную мифологическую систему, – систему, [198]окруженную притом целым сонмом частных богов и божков, племенных и семейных. Трудно себе вообразить, до какой степени развилась у балтийских славян языческая вера, до какой степени умножилась ее святыня: в Арконе главный храм верховного бога Святовита; в Радигоще другой знаменитый храм Святовита и Радигостя; храмы во всех городах Поморья, в больших по несколько, как то: в Щетине, в Волине, в Волегоще, в Гостькове⁷⁴⁴; три храма племенных богов в Коренице; знаменитейший, по выражению Гельмольда⁷⁴⁵, храм в земле кичан, храм в Плуне⁷⁴⁶, в Малахове⁷⁴⁷, в Росток⁷⁴⁸, в Сгорельце⁷⁴⁹, – и это только те, которые поименно приводятся летописцами: а сколько раз говорят они вообще о капищах идолов, об истуканах, о языческих обрядах без точного их обозначения⁷⁵⁰; при этом еще рассеянные во множестве по всему Поморью от Старогарда до Щетина священные рощи и леса, священные деревья, священные источники, жилища божеств, и наконец, кроме стольких кумиров, общенародных и племенных, – по всей земле балтийских славян маленькие идолы, которые почитались частной святыней отдельных семей или домов. Значение последних, хотя подробности

Уже это вселяет сильное подозрение; но посмотрим на глоссу: Вацераду нужно было истолковать по-чешски латинские слова *Picus Saturni filius*; он смело образует от *страка* (сорбка) мужскую форму *Страчец*, по аналогии латинских *pica* и *picus*; одна часть толкования придумана, так отчего не придумать другой? *Saturnus* напоминает глоссатору два слова, *sat* (по-славянски сыти, досыта) и средневековое *turnare* (вертеть), и вот он ставит против *Saturnus* свое диковинное *Сытиврат*: Сытиврат также мало принадлежит славянской мифологии, как *Страчец*, *Хлипа*, *Порвата* и проч.

⁷⁴⁴ Sefr. 136. Andr. 182.

⁷⁴⁵ I, 71.

⁷⁴⁶ Helm. I, 52.

⁷⁴⁷ Chronographus Saxo a. 1148, см. Срезневск. Исслед., 46.

⁷⁴⁸ Саксон (763) говорит об истукане, которому поклонялся народ в Росток^е, и нет сомнения, что он, как все идолы балтийских славян, стоял в храме.

⁷⁴⁹ Chron. Pulkavæ, у Добнера, III, 167.

⁷⁵⁰ Напр. Widuk. III, 68. simulacrum Saturni. Ann. Weisenburgenses; a. 1066 (Pertz. III, 71.) fana cum simulachris. Thietm. VII, 52. fana idolorum. Gercken I. c. multa atque innumerabilia idola; множество мест в житиях Оттона; также запрещение самого св. Оттона, в вышеприведенном послании: domus idolorum non construant и т. д.

о них неизвестны, весьма важное: они свидетельствуют, как глубоко проникла новая система человекообразной мифологии к балтийским славянам даже в домашний быт. Вот что говорится в Житии Оттона: «Когда юлинцы (волынцы) очистились словом веры и купелью крещения, и стоявшие на виду идолы, большие и малые, были сожигаемы, то некоторые безумцы утаивали маленькие статуи божков, украшенные золотом и серебром, и прятали их у себя»⁷⁵¹. Противопоставляя эти маленькие идолы, которые можно было утаить, идолам большим и малым, стоявшим на виду (*in propatulo*), Эббо ясно дает знать, что первые были боги домашние. Их-то, очевидно, Гельмольд [199]разумел под римским названием *пенатов* (которые им действительно соответствовали): он и отличает у балтийских славян троякого рода предметы поклонения: этих пенатов, т. е. домашних богов, священные рощи, т. е. местные святыни стихийных божеств, и идолы, изображения богов нравственных, человекообразных. Пенатами и идолами, говорит он, преисполнены были все города славянские; священными рощами и пенатами, повторяет он в другом месте теми же словами, преисполнены были у славян земли и города, а кроме того они поклонялись еще главным божествам, каковы Перун, бог Старогардской страны, Жива, богиня полабцев, Радигость, бог земли бодричей; и над всеми возвышался верховный бог Святovit, и над Святovitом, в бесконечном покое, царствовал небесный творец всего мира⁷⁵².

⁷⁵¹ Ebbo 62. Cum... idola majora et minora, quæ in propatulo erant, ignibus conflagrari cœpissent, quidam stultorum modicas idolorum statuas, auro et argento decoratas, clam furati, penes se absconderunt... *Clam furati*, очевидно, здесь употреблено в смысле *утаивать*, а не собственно *красть*, ибо относится к тем именно идолам, которые не стояли на виду; после крещения Волына велено было сжечь или разбить все языческие кумиры; те, которые стояли для общественного поклонения, пришлось волынцам отдать на истребление, кроме одного маленького золотого идола Триглава, о котором именно рассказывают, что *жрецы* выкрали его и вывезли вон из земли Волынской (*extra provinciam abduxerant*. Ebbo 55), прятались же преданным еще язычеству народом идолы *домашние*.

⁷⁵² Helm. I, 83. Præter *penates et idola*, quibus singula oppida redundabant... I, 52, præter *lucos et penates*, quibus agri et oppida redundabant, primi et præcipui erant Proue deus Aldenburgensis terræ, Siwa dea Polaborum, Radigast deus terræ Obotritorum... Inter multiformia vero Slavorum numina præpollet Zuantevith deus terræ Rugianorum, ... cujus intuitu cæteros quasi semideos æstimabant... I, 83. Inter multiformia vero deorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluptates attribuant, non diffitentur unum Deum in cœlis cæteris imperitantem, illum præpotentem cœlestia tantum curare.

Общественное и политическое значение религии у балтийских славян. – Образование теократии. – Жрецы. – Религиозное развитие ран и святыня арконская

Таким образом, балтийские славяне, осужденные обстоятельствами совершить свою историческую жизнь в язычестве, показали себя в своем кругу развития верными коренному свойству славянского племени: и у них вера составляла средоточие всей мысли, всех стремлений. Но сколь плодотворна была для других славянских народов, приобщившихся к христианству, эта глубокая преданность вере, столь пагубное действие имела она на языческое племя балтийских славян.

Народ выражает наибольшую преданность своей вере тем, что себя всего, всю жизнь свою ей подчиняет; но когда вера внешняя, то и это подчинение [200] является внешним: низведенное на землю, человекообразное божество признается за высшую мирскую власть, вера становится верховным гражданским учреждением. Действительная власть достается тогда жрецам, как вестникам и толкователям воли богов, и их ближайшим служителям, и образуется правление *теократическое*, самое неподвижное и мертвенное⁷⁵³, самое враждебное живому пониманию божества, живой мысли, живому развитию; так образовалось оно у всех тех языческих народов, которые наиболее преданы были религиозному созерцанию, так оно явилось и у балтийских славян.

Другие славянские племена, как сказано, не имели особых жрецов. Конечно, там существовали волхвы и кудесники, люди, умевшие по гаданиям излагать волю богов: но они не пользовались, сколько видно, ни исключительным правом богослужения, ни общественной властью⁽¹⁰⁴⁾. У балтийских славян, напротив, являются жрецы с резко определенным значением и с великой властью в обществе⁷⁵⁴. Даже у вагров стихийное поклонение, воздававшееся

⁷⁵³ Такой отзыв о языческо-теократическом правлении, очевидно, не может относиться к теократическому правлению израильтян.

⁷⁵⁴ Германцы признавали издавна, как нам известно, особых жрецов; но трудно угадать, имели ли они в этом отношении какое-нибудь влияние на балтийских славян. Во всяком случае, если и было первоначально такое влияние, то вскоре жрецы славянские далеко превзошли значение и силу германских, которые были только хранителями веры и исполнителями богослужбных обрядов, без особенной власти в гражданском обществе.

Перуну в Старогардском лесу, отличалось тем от стихийного поклонения прочих славян, что его совершал жрец, и этот жрец стоял во главе гражданского общества, как бы наряду с князем вагрского племени. Составляли ли жрецы у балтийских славян совершенно замкнутую касту, назначали ли они сами себе преемников, или достоинство их было доступно всякому по народному выбору⁷⁵⁵, неизвестно; но то достоверно, — и это самое важное, существенное обстоятельство, — что жрецы здесь имели значение особого, строго отделенного от народа, сословия. Мы указали уже на соответствие этого явления с другим, также отличающим быт балтийских славян от коренного славянского быта, с развитием аристократии. У балтийских славян жрецы владели исключительным правом приносить богам жертвы⁷⁵⁶ и исполнять другие обряды языческого богослужения⁷⁵⁷; они совершали в святи[201]лицах всенародные моления⁷⁵⁸ и те гадания, которыми узнавалась воля богов, и которые руководствовали народными предприятиями⁷⁵⁹; они могли назначить об-

⁷⁵⁵ Thietm. VI, 17 говорит: «Ad hæc (vexilla deorum) curiose tuenda ministri sunt specialiter *ab indigenis constituti*»; и эти *ministri* совершали жертвоприношения, гадания и проч.; но трудно сказать, значит ли «*ab indigenis constituti*» то, что жрецы *избирались народом*, или просто, что жреческое сословие было установлено в Радигоще для хранения святыни и для богослужения.

⁷⁵⁶ Thietm. VI, 18. quæ placabilis hostia diis offerri a ministris debeat. Helm. I, 52. post cæsam hostiam, sacerdos etc. II, 12. Inter varia autem libamenta sacerdos (в Арконе) nonnumquam hominem christianum litare solebat. Ebbo 64. sacrificia quæ copios apparatu sacerdotibus et fanis idolorum, exhibebantur.

⁷⁵⁷ Sefr. 128 sacerdos qui illic (in Hologasta civitate) idolo ministrabat. Saxo 824. Hujus sacerdos etc. Thietm. VI, 17. sacerdotes... invicem clanculum mussantes.

⁷⁵⁸ Saxo. 824. tum sibi, tum patriæ bona civibusque opum ac victoriarum incrementa *solennium verborum nuncupatione poscebat*.

⁷⁵⁹ Saxo. 827. equus a sacerdote... productus etc. — Sefr. 107. (equum) sacerdos... ducebat etc. Thietm. VI, 17. ministri... terram cum tremore infodiunt, quo sortibus emissis rerum certitudinem dubiarum perquirant. Quibus finitis... equum... ducunt, et præmissis sortibus, quibus id explorare prius... denuo augurantur. Helm. I, 52. sacerdos (у варгов) juxta sortium nutum etc. II, 12. Rex apud eos (Ranos) modicæ æstimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirat, et eventus sortium explorat. Saxo 824. Placentam... sacerdos sibi ac populo mediam interponens etc. Впрочем, кроме этих торжественных гаданий, связанных с богослужением и совершавшихся в храмах, были у балтийских славян и разные частные гадания, которые всякий делал или сам для себя, по приметам (ad varia... negotia profecturi ex primo animalis occurso votorum auspicia capiebant. Sax. 827, о ранах), по жребию (nec sortium eis usus ignotus extitit, там же; ligneas calculationes, Sefr. 108; «sortilogi non sint» в числе запрещений Оттона поморянам, Pertz. VIII, 263) и т. п., или при посредстве

щественные празднества для служения богам⁷⁶⁰; они пророчествовали и говорили народу от имени богов⁷⁶¹, объясняли ему их значение и природу⁷⁶²; они, хранители храмов и святыни⁷⁶³, одни могли вступать во внутреннее святилище кумира⁷⁶⁴ и садиться внутри храмовой ограды⁷⁶⁵, одни прикасались к некоторым предметам особенного благоговения⁷⁶⁶, они пользовались особенным почетом⁷⁶⁷ и богатством, распоряжались и доходами [202] с поместий, принадлежавших храмам, и обильными приношениями поклонников⁷⁶⁸, на-

особых волхвов и ворожей: о ворожеях у балтийских славян именно свидетельствует Оттон Бамбергский в своей грамоте (Р. VIII, 263: «phytonissas non adeant»), и может быть, что их имел в виду и Саксон, говоря о женщинах, которые гадают по золе в очаге (827); о волхвах известий не сохранилось, и нет никакого сомнения, что они, при жрецах, не могли иметь у балтийских славян важного значения; но вероятно, что и у них были какие-нибудь гадалки и вещуны, оставшиеся вне собственного богослужебного сословия.

⁷⁶⁰ Helm. I, 52. sollennitates diis dicandas sacerdos juxta sortium nutum denunciat. Ebbo 100. Major ille pontifex idolorum (в Щетине), convocatis amicis suis, diem festum idolis agi præcepit. Но некоторые праздники были постоянные: в Арконе главное празднество совершалось после уборки хлеба (Saxo 824), в Волыне – при начале лета (Ebbo. 62).

⁷⁶¹ Saxo. 825. sub simulacri nomine præsentem turbam consalutabat etc. (арконский жрец). Helm. I, 52. (у варгов) sacerdos de cruore libat, ut sit efficacior oraculis capessendis II, 12. sacerdos (арконский) accersitis rege et populo, nunciat irata vehementius numina. Сравн. Ebbo 65. sacerdotes... dicebant, ... omnes subito morituros etc.; Sefr. 128 и др.

⁷⁶² Ebbo. 64. asserentibus idolorum sacerdotibus etc.

⁷⁶³ Thietm. VI, 17. Ad hæc curiose tuenda etc. Sefr. 107.

⁷⁶⁴ Saxo 824. sacellum quod ei soli intrandi fas erat.

⁷⁶⁵ Thietm. VI, 17. sedent hi dumtaxat, ceteris asstantibus.

⁷⁶⁶ Saxo. 826. Hunc (equum Svantoviti) soli sacerdoti pascendi insidendique jus erat.

⁷⁶⁷ Helm. II, 13. Rex apud eos (Ranos) modicæ æstimationis est, comparatione flaminis. I, 83. illic (в Старопардской роше)... populus terræ cum flamine et regulo convenire solebant propter judicia. I, 69... visitavit Aldenburg... et receptus est a barbaris habitatoribus terræ illius... Porro nomen flaminis, qui præerat superstitioni eorum, erat Mike. Sed et princeps terræ vocabatur Rochel: таким образом, у ран жрец был выше князя, у варгов он стоит почти наряду с ним; на Поморье значение жрецов не было, кажется, так велико, но и здесь они являлись в общественных совещаниях подле знати и старшин, и, как видно по всему, что рассказывают жизнеописатели Оттона, пользовались в народе большим почетом и влиянием.

⁷⁶⁸ Saxo. 825. Hoc... numen trecentos... satellites... militantes habebat, quorum omne lucrum... sacerdotis custodiæ subdebatur. Ebbo. 64. sacrificia, quæ copioso apparatu sacerdotibus et fanis idolorum exhibebantur... там же: sacerdotes...

конец, они отличались от народа и внешними знаками, например, белой одеждой, как в Волегоще⁷⁶⁹, бородой и длинными волосами, как на Ране, где народ ходил бритым и коротко остриженным^{770, (105)}.

В богослужебном сословии существовала у балтийских славян иерархия: были храмовые прислужники⁷⁷¹, быть может, ученики, готовившиеся к жречеству, были жрецы высшие и низшие: так Саксон Грамматик говорит, что в Арконе находился верховный жрец Святовита и что ему были подчинены, в разных местах, другие храмы этого бога и жрецы, к ним приставленные⁷⁷²: так и Житие Оттона отличает в Щетине одного верховного жреца от других, низших⁷⁷³, и кажется, что верховный жрец был тот, который смотрел за *кутиной* главного кумира Триглава и за конем его⁷⁷⁴. Число жрецов было, по-видимому, соразмерно с числом храмов и особых кумиров. Житие Оттона говорит о четырех *кутинах* или священных зданиях в Щетине и о четырех жрецах, при них находившихся⁷⁷⁵; напротив, в Арконе, где был всего один храм и один кумир Святовитов⁷⁷⁶, мы видим и одного только жреца, но жреца, власть которого превышала все то, до [203]чего доходила теократия в других странах: подобным образом один был жрец и при Староградской роще, посвященной тоже исключительно одному богу⁷⁷⁷, а зато в Радигоще, где в одном

prioris pompæ delicias... sibi decrescere solentes... 65. antiquos deos sacrificiis et solitis placarent muneribus. Sefr. 128. sacerdotes... sua lucra cessatum iri non ignorant etc. О поместьях, принадлежавших храмам, говорит Саксон (834): agros ac latifundia deorum; что доходы их были в руках жрецов, мы заключаем и из того, что вообще жрецы у балтийских славян, по вышеприведенным свидетельствам, распоряжались всем тем, что шло в казну «богов», и из того также, что при введении христианства эти поместья обращены были в пользу священнослужителей (in sacerdotiorum usus, Саксон, там же): а известно, что, по средневековым понятиям, христианское духовенство в новообращенных землях имело право на все те мирские выгоды, которыми пользовались прежде жрецы (ср.: Ebbo. 64).

⁷⁶⁹ Sefr. 129.

⁷⁷⁰ Saxo. 824. сравн. 823.

⁷⁷¹ Saxo. 827. ministrorum opera.

⁷⁷² Saxo. 826.

⁷⁷³ Ebbo. 65. summus idolorum pontifex. 100. major ille pontifex idolorum.

⁷⁷⁴ Мы заключаем так из того, что при введении христианства этот именно жрец оказывал самое важное сопротивление и что на его протест народ обращал наибольшее внимание (Sefr. 109).

⁷⁷⁵ Sefr. 107. unum de quatuor sacerdotibus templorum.

⁷⁷⁶ Saxo. 824. Helm. II, 12.

⁷⁷⁷ Helm. I, 52, 69, 83.

⁷⁷⁸ Thietm. VI, 17.

храме соединено было несколько божеств, находилось несколько жрецов⁷⁷⁸. Не ведет ли все это к заключению, что балтийские славяне для каждого божества, которому поклонялись в известном месте, назначали особого жреца?

Между всеми племенами Поморья ранское племя по преимуществу предалось религиозной жизни: у ран, как выражается Гельмольд⁷⁷⁹, наисильнее разгорелось пламя идолопоклонства, здесь-то, более чем у всех других балтийских славян, развилась общественная власть религии, развилась теократия. Для общественного поклонения ране отвели величественно место, Аркону, о которой не раз уже приходилось говорить. Вот как описывает ее положение очевидец, Саксон Грамматик⁷⁸⁰. На северной оконечности Раны, на небольшом полуострове Витове, который с Раной связывается узеньким перешейком, стояла, вдавшись в море, высокая гора (сажень в 30 вышиной)⁷⁸¹ с севера, востока и юга она ограждалась обрывами, отвесными как стены; до верху их, говорит Саксон, не долетела бы стрела, пущенная из метательного орудия, обрывы омывались морем. С западной стороны гора защищена была крепким валом. На этой-то горе стоял священный город: по своему положению неудобная ни для торговли (мы упоминали, что, по видимому, особая торговая слобода возникла неподалеку, вне укреплений), ни для средоточия гражданской власти (которая, впрочем, была у ран весьма слаба), Аркона принадлежала богослужению. Она или стояла совершенно пустая, даже безо всякой стражи, защищаемая только запором ворот и хранимая, по народному верованию, Святовитом⁷⁸², или же вдруг наполнялась, на время, огромным стечением народа, почти всем населением острова Раны и поклонниками со всего славянского Поморья. На площади, занимавшей середину города, находилась святыня, которая связывала балтийских славян в один народ, храм Святовита. Значение самого бога нам известно. Храм этот был деревянный, но, по словам Саксона, весьма изящно построенный. Он окружен был забором, который

⁷⁷⁹ Helm. II, 12. superstitionum fomes plus omnibus Slavis apud Ranos invault. I, 36. Rani... idololatriæ supra modum debiti.

⁷⁸⁰ Saxo. 822.

⁷⁸¹ Около 200 (прусских) футов: эта цифра определена новейшими измерениями; см. Fabricius, I, 78.

⁷⁸² Saxo. 742. munimentum... habitatore vacuum serarumque duntaxa claustris firmatum, existimantibus indigenis, parum humane tutelae egenum, quod praesentis numinis excubiis esset vallatum.

⁷⁸³ Sax. 822, 823, 838.

привлекал взгляд тщательно отделанными резными изображениями различных предметов, но раскрашенными грубо и неискусно. В заборе [204] были только одни ворота. Самое капище состояло из двух отделов: снаружи ограждали его стены и покрывала красная кровля, внутренняя часть отделялась лишь четырьмя столбами и, вместо стен, прикрыта была завесами из богатых пурпуровых ковров, еще блестящих, но столь ветхих, что нельзя было до них дотронуться: при малейшем прикосновении гнилая ткань разрушалась. С наружными стенами храма это внутреннее святилище, в котором и стоял истукан Святовита, соединялось только кровлей и несколькими поперечными балками. Кроме принадлежностей бога (седла, узды, меча и других, которых Саксон не исчисляет) арконский храм украшен был рогами разных животных, необыкновенными, говорит этот писатель, и удивительными не только по своей природе, но и по отделке⁷⁸³.

Чрезвычайное благоговение питали славяне к этому храму: не легко решались они клясться им, и даже во время военной тревоги, даже когда неприятель осаждал Аркону, с великим тщанием берегли священную ограду от всякого осквернения⁷⁸⁴. По свидетельству Саксона, даже властители соседних народов чествовали Святовита дарами; «между прочими, – он говорит, – датский король Свен (христианин, в половине XII в.), чтобы задобрить его (лучше сказать, чтобы задобрить ранского жреца и народ ранский), почтил его кубком превосходного изделия»⁷⁸⁵.

LXXV

Общественное значение арконской святыни в ранском народе

Общественное значение Арконы было огромное. Здесь было у балтийских славян место исключительного господства религии, и здесь-то проявились во всей полноте и с последними крайностями, те начала, к которым должна была привести их сила религиозных стремлений, развившихся в среде языческого материализма. – Народу, лишенному света христианства, отвергнутому всей христиан-

⁷⁸⁴ Helm. I. 52. Mira autem reverentia circa fani diligentiam affecti sunt: nam neque juramentis facile indulgens, neque ambitum fani vel in hostibus temerari patiuntur.

⁷⁸⁵ Sax. 825.

ской Европой, осужденному на духовное сиротство в язычестве, не будет поставлена в упрек грубая вещественность его религиозных понятий; [205] среди этой тьмы беспристрастная мысль различит и оценит в балтийских славянах глубокое, беспредельное благоговение перед божеством, и святыня арконская предстанет нам как одно из отрадных и прекрасных проявлений славянского духа.

Выше был уже описан способ, каким ране угадывали волю Святовита; от этой воли, выраженной священным конем Святовитовым, зависело всякое их общественное дело, по ее приговору объявлялась война и заключался мир, предпринималось или отлагалось морское плавание⁷⁸⁶. Принадлежавшее Святовиту⁷⁸⁷ знамя, так называемая *станица*, была для ранского народа выше всех властей и учреждений. По словам Саксона, ране, когда несли станицу перед собой, считали себя вправе касаться всего, и божеского и человеческого; — что бы им ни вздумалось, на все они покушались; разорить города, ниспровергнуть алтари, уничтожить всякие законы, разрушить и сжечь все дома на Ране могла бы станица; и до того, говорит датский историк, они предались этому суеверию, что небольшой кусок ткани превышал своей властью силу самого ранского царя⁷⁸⁸.

При всей странности такого явления, оно понятно: присваивая божественную силу Святовита внешнему предмету, который был ему по преимуществу посвящен (это не редкий случай у языческих народов), ране тем самым делали этот предмет представителем той высшей гражданской власти, которой они думали почитать своего бога, и потому знамя Святовитово было у них выше племенного государя, выше всех законов.

Но, собственно, земная власть, принадлежавшая Святовиту, находилась, разумеется, в руках жреца. Жрец был настоящим повелителем и властелином ранского племени. Совершитель гаданий, он объявлял народу волю Святовита. Несколько раз повторяет Гельмольд рассказ о власти ранского жреца, так она его поражала⁷⁸⁹: «жрец почитается у ран более царя», говорит он: «сравнительно

⁷⁸⁶ Saxo 827.

⁷⁸⁷ *Станицу* (stanitia 830) Саксон называет: *singulare simulacri signum* (832), разумея под ранским «*simulacrum*» именно Святовита (см. 823–27).

⁷⁸⁸ Saxo 831. *eum prae se ferentes in humana divinaque grassandi potestatem habebant, nec quicquam eis; quod libitum foret, illicitum habebatur. Popolari urbes, aras demoliri, fas ac nefas in aequo ponere, cunctosque Rugiae penates aut ruinis aut incendiis evertere potuisset; tantumque superstitioni indultum est, ut, exigui panni auctoritas regiae potestatis vires transcenderet.*

⁷⁸⁹ I, 6. I, 36. II, 12.

с жрецом, – пишет он опять в другом месте, – значение царя на Ране ничтожное: ибо жрец узнает и объявляет прорицательные ответы божества, толкует гадания; он зависит от гаданий, а царь и народ от него зависят»⁷⁹⁰. Власть жреца не изменялась ни войной, ни [206]миром: на войне он определял гаданием, куда вести войско⁷⁹¹; в мирное время, когда представлялся какой-нибудь особенный случай, он же призывал царя и народ на сходку, объявлял им волю богов, и те повиновались^{792, [22]}. – У Арконского храма были обширные поместья⁷⁹³. Ему платилась подать, которую ране сами на себя наложили: каждый мужчина и каждая женщина вносили ежегодно по одной монете для устройства служения Святовиту, и эта подать называлась даром⁷⁹⁴. Купцам, приезжавшим в Рану, не позволялось начинать торговли, прежде нежели они не пожертвовали Святовиту часть привезенных вещей, не иначе как что-нибудь весьма ценное: тогда только они могли выставить товары на рынок для продажи⁷⁹⁵. Ловлю сельдей у берегов своих ране предоставляли всякому, но под тем условием, чтобы предварительно уплачена была Святовиту законом положенная подать⁷⁹⁶. Еще замечательное известие сохранил нам Гельмольд; он говорит, что ране делали народы, которые им удавалось покорить, данниками своего храма⁷⁹⁷. Третью часть военной добычи ране отдавали Святовиту⁷⁹⁸; по другому же известию⁷⁹⁹, все золото и серебро, приобретенное ими на войне, шло в казну арконского бога, а прочие вещи они между собой делили. Вообще, драгоценные металлы не допускались у ран в обращение. Деньгами служили у них не меха, как у русских в старину, а полотна, а также медная монета⁸⁰⁰: золото и серебро, приобретенное на войне, или

⁷⁹⁰ Helm. II, 12. Rex apud eos modicae aestimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirat et eventus sortium eplorat. Ille ad nutum sortium et porro rex et populus ad illius nutum pendent.

⁷⁹¹ Helm. I, 36. Major flaminis quam regis veneratio apud ipsos est; qua sors ostenderit, exercitum ducunt.

⁷⁹² Helm. II, 12.

⁷⁹³ Sax. 834. agros et latifundia deorum: это относится, по смыслу всего повествования Саксона, именно к святыне Арконской.

⁷⁹⁴ Sax. 825.

⁷⁹⁵ Helm. I, 6.

⁷⁹⁶ Helm. II, 12.

⁷⁹⁷ Helm. I, 36. Gentes, quas armis subegerint, fano suo censuales faciunt.

⁷⁹⁸ Sax. 825.

⁷⁹⁹ Helm. I, 36.

⁸⁰⁰ Helm 1, 28. Apud Ranos non habetur *moneta*, nec est in comparandis rebus consuetudo nummorum, sed quicquid in foro mercari volueris, panno lineo com-

иными путями, они либо употребляли для женщин на серьги и украшения, либо отдавали в казну Святовита⁸⁰¹. Наконец, дело неслыханное в языческом мире, ране, как бы предупреждая средневековое учреждение римско-католической Европы, введенное папами во время их величайшего могущества, ране установили религиозное воинство, которое исключительно служило храму Святовитову: триста конных воителей [207] принадлежало верховному богу ранскому⁸⁰²; им был список, и содержала их, вероятно, Святовитова казна, а зато вся добыча, полученная ими и в военных походах, и в разбойнических набегах, отдавалась жрецу: часть ее он употреблял на разные принадлежности кумиров и на украшение храма, а часть прятал, за крепкими замками, в сундуки, в которых, по словам Саксона, кроме множества денег, хранился великий запас драгоценных тканей, распадавшихся от ветхости⁸⁰³.

LXXVI

Всенародное у балтийских славян значение Арконы: общий религиозный их союз

Возведенный в честь верховного бога всех балтийских славян, окруженный таким благоговением, одаренный столькими богатствами и такой огромной властью, арконский храм единогласно признан был первенствующим святилищем славянского Поморья и сделался средоточием славянского язычества⁸⁰⁴. Его посещали молеельщики из всех стран Поморья для поклонения Святовиту, для жертвоприношений и гаданий; отовсюду доставлялись ему дары по обетам не только частных лиц, но и целых племен. Существовала, мы знаем, общая между балтийскими славянами вера, что арконский бог дает

parabis. Под *деньгами* Гельмольд разумеет здесь, без сомнения, только золотые и серебряные; употребление медных денег у ран доказывается свидетельством Саксона, что *одна монета* вносилась ежегодно Святовиту каждым жителем Раны.

⁸⁰¹ Helm. I, 38. Aurum et argentum, quod forte per rapinas et captiones hominum vel undecumque adepti sunt, aut uxorum suarum cultibus impendunt, aut in ærarium dei sui conferunt.

⁸⁰² Sax. 825. Hoc quoque numen trecentos equos descriptos totidemque satellites in eis militantes habebat.

⁸⁰³ Sax. 825–826; об этой казне упоминает и Гельмольд: ærarium locuples II, 12.

⁸⁰⁴ Helm. I, 36, 52. II, 12.

самые знаменитые победы, самые действительные прорицания, и за этими прорицаниями, по словам Гельмольда, приходили к нему из всех земель славянских⁸⁰⁵. Тот же летописец говорит, что *весь славянский народ* (т. е. на балтийском Поморье)⁸⁰⁶ питал к ранскому храму Святовита *особенное* благоговение, и подобное свидетельство о всеобщем почитании этого святилища передает нам также история Саксона Грамматика⁸⁰⁷.

[208] Каждое племя балтийских славян посылало арконскому богу ежегодную дань⁸⁰⁸, как бы земному властителю. Даже в конце XII века самое отдаленное от Раны племя, вагры, несмотря на то, что все силы и средства их были посвящены борьбе с Германией, не забывали отправлять дань к Святовиту⁸⁰⁹. С этой данью были, несомненно, связаны жертвоприношения, которые также, по словам Гельмольда, ежегодно совершались в Арконе, от всех земель славянского Поморья, на иждивение и в установленной мере⁸¹⁰. Впоследствии, когда немцы стали страшным насилием вводить на Поморье христианскую веру, и война славян с ними превратилась в религиозную борьбу, понятно, что общественное поклонение Славянской земли в Арконе приняло характер протеста против исповедания, которое налагал на нее завоеватель. Таков был, очевидно, смысл кровавого обряда, которым сопровождалось это поклонение: ежегодно в Арконе приносился Святовиту в жертву христианин, выбранный по жребию⁸¹¹, без сомнения, из пленных. Совершая жертву эту, жрец проповедовал народу, что кровь христианина более всего веселит богов⁸¹². Сами ране, хотя они по отдаленности

⁸⁰⁵ Helm. I, 6 (Rani)... nomine S. Viti gloriantur, cui etiam templum ac simulacrum amplissimo cultu dedicaverunt, illi primatum deitatis specialiter attribuentes. De omnibus quoque provinciis Slavorum illic responsa petuntur et sacrificiorum exhibentur annuæ solutiones. – II, 12. nostra adhuc ætate... omnes Slavorum provinciæ illuc tributa annuatim transmittabant. То же самое повторяет Гельм. I, 52.

⁸⁰⁶ Helm. I, 39. primatum præferentes in omni Slavorum natione.

⁸⁰⁷ Sax. 825. Hanc igitur statuam totius Slaviæ pensionibus cultam...

⁸⁰⁸ Sax. I. c. Helm. II, 12.

⁸⁰⁹ Helm. II, 12.

⁸¹⁰ Helm. II, 52. Quin et de omnibus Slavorum provinciis statutas sacrificiorum impensas illo transmittabant. I, 6. De omnibus quoque provinciis etc.

⁸¹¹ Helm. I, 52. etiam in peculium honoris annuatim hominem Christicolam, quem sors acceptaverit, eidem litare consueverunt.

⁸¹² Helm. II, 12. Inter varia autem libamenta, sacerdos nonnumquam hominem christianum litare solebat, hujuscemodi cruore deos omnino delectari jactantans.

своей, не подвергались, до половины XII века, особенной опасности от христианского оружия, должны были, однако же, как обладатели первенствующего языческого святилища, как ревностнейшие поклонники Святовита, еще более, чем все соплеменники их на Поморье, гореть ненавистью к вере, которая угрожала их кумирам: «ненависть к христианскому имени и сила языческих суеверий преобладала в ранском народе более чем во всех прочих славянах», так говорит Гельмольд⁸¹³, и часто ненависть эта не довольствовалась ежегодной жертвой одного христианина и требовала еще других. Вот что рассказывает Гельмольд⁸¹⁴: однажды собралось у ранского берега для ловли сельдей великое множество промышленников, христиан, и к ним приехал также священник Годескалк из Бардевика для совершения треб. Проведав об этом, жрец созвал сходку и объявил ранскому царю и народу, что гнев богов над ними и может только быть умиловлен кровью иностранного священника, который дерзнул на их земле совершать обряды чужеземного поклонения. Язычники, как громом пораженные этой вестью, говорит Гельмольд, призвали промышленников и велели выдать священника, чтобы принести его в жертву сво[209]ему богу; встретив отказ, они даже соглашались дать за него 100 марк (серебра), а при вторичном отказе хотели уже прибегнуть к силе и на другой день назначили бой; однако христиане ушли ночью со своими кораблями, уже нагруженными добычей ловли, и спасли священника.

Общее уважение славянского Поморья к святыне арконской перешло и на ранский народ, который ее так украсил, так возвеличил, одарил такой властью. Его преданность богам поставила ранский народ выше всех племен балтийских, возбудила к нему какой-то благоговейных страх: «его бояться, — пишет в XII веке Адам Бременский, — за тесную связь его (*familiaritatem*) с богами, или, лучше сказать, демонами, которым ране воздают большее поклонение, нежели другие племена»⁸¹⁵. Гельмольд, который повторяет это свидетельство Адама⁸¹⁶, в другом месте выражается еще обстоятельнее: «Ране, иначе называемые рунами, суть народ жестокий, обитающий *в сердце моря*, чрезмерно преданный кумирслужению, первенствующий во всем славянском племени, имеющий царя и знаменитей-

⁸¹³ II, 12.

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ Ad. IV, 18. *metuuntur propter familiaritatem deorum vel dæmonum, quos majori cultura venerantur, quam ceteri.*

⁸¹⁶ Helm. I, 2.

ший храм. Оттого-то, по причине особенного благоговения к этому храму, они занимают в уважении (балтийских славян) первое место, и сами, на многих налагая иго, ничьего ига не терпят, и в недоступности своих жилищ находят себе защиту»⁸¹⁷.

У славян балтийских религиозное первенство было по тому самому и первенством общественным, и вера славянского Поморья, что ране усерднее других людей чтят богов, что они ближе к ним и ими наиболее возлюблены, должна была с тем вместе сделать народ ранский политическим главой и руководителем всех тех племен, которые признавали одних с ним богов и поклонялись им в его храме. И вот, действительно, Адам Бременский свидетельствует, что «у славян балтийских закон, – в делах общественных (*de publicis rebus*) ничего не решать и не предпринимать наперекор мнению ранского народа»⁸¹⁸; и ясно при этом выставляет бременский летописец основание сего закона: «до такой степени, – прибавляет он здесь, – бояться ран за связь их с богами» и проч. То же говорит и Гельмольд⁸¹⁹. Адам Бременский и Гельмольд между современными писателями о балтийских славянах самые достоверные и ближе всех других с ними знакомые; им хорошо известна была раздробленность этого народа, и [210]много раз говорят они о вражде и войнах между разными его ветвями: тем важнее и знаменательнее вышеприведенное их свидетельство. Стало быть, разрозненные племена балтийских славян испрашивали в общественных делах мнения и согласия ран, и в них могли иметь для своих распрей и междоусобий постоянных судей и посредников; стало быть, ежегодные посольства, отправляемые каждым племенем в Аркону с данью и урочными жертвами Святовиту, с тем вместе несли ранскому богу, жрецу и народу, можно бы сказать, доклад племени о делах его, о задуманных им предприятиях; стало быть, те *ответы* (*responsa*, как говорит Гельмольд), за которыми постоянно стекались в Аркону со всех концов славянского Поморья, не были какие-нибудь темные прорицания оракула, а положительно разрешали общественные вопросы, заключали в себе приговор ранского народа по тому или другому делу.

Таким образом, балтийские славяне, при всей разъединенности своей, составили религиозный союз, основанный на общем благоговении к арконскому Святовиту, и в единодушном преклонении

⁸¹⁷ Helm. I, 36.

⁸¹⁸ Ad. IV, 18. Rani... gens fortissima Slavorum, extra quorum sententiam de publicis rebus nichil agi lex (у Гельмольда *fas*) est, ita metuuntur etc.

⁸¹⁹ Helm. I, 2.

перед волей божества нашли, казалось, то единство, какого не имели в общественном строе.

По-видимому, огромное было значение и огромная власть союза Арконского. Какое сильное и благотворное влияние должна она была, казалось, иметь на все славянское Поморье, которому недоставало только единства и совокупности в действиях, чтобы торжествовать над всеми врагами! А между тем мы влияния его не видим нигде в истории балтийских славян, и Арконский союз для нее как не существует. — Конечно, можно предполагать, что все эти разные племена не всегда соблюдали в точности свой «закон» — спрашивать в общественных делах совета у ран, и даже когда спрашивали их совета, не всегда ему следовали; но нам кажется, что такого рода случайные отступления не могли быть главной причиной этой исторической, так сказать, несостоятельности Арконского союза⁸²⁰. Подобные отступления едва ли могли быть часты: мы знаем, до какой степени балтийские славяне благоговели пред Святовитом, как еще при Гельмольде изнемогающие, [211] почти уже истребленные немцами вагры старались, несмотря ни на какие гонения, непременно всякий год посылать в Аркону своих представителей. Какое племя между балтийскими славянами захотело бы оскорбить Святовита неповиновением воле его, произнесенной в Арконе? Какое племя не побоялось бы его гнева, когда все Поморье твердо верило, что он скачет по ночам на белом коне своем и поражает противников святыни арконской? Нет, невозможно, чтобы политическое бессилие арконского союза происходило только от несоблюдения или нарушения его правил. Но на чем основывался этот союз? Не мысль народного единства Поморья, не мысль племен действовать заодно, под одним руководством, образовало его: он составиля потому, что племена захотели подчинить себя и дела свои воле одного верховного божества, которое, по общему их

⁸²⁰ В Житии Оттона (Andr. 209) мы читаем любопытное известие, что ране, узнав о переходе щетинцев в христианство, страшно вознегодовали за то, что они, «не обратясь к ним и не спрося их совета», отреклись от язычества (*graviter indignati, quod sine respectu et consilio eorum idolis renunciantes etc.*), и тотчас объявили им за это войну. Мы видим, что еще в XII в. ранский народ мог иметь притязание на то, чтобы «мать городов поморских», чтобы богатый и могущественный Щетин спрашивал у них совета и разрешения в своих делах, и что Щетин, пока был языческим городом, действительно соблюдал этот «закон», о котором говорит Адам Бременский: ибо нарушение его, необходимо последовавшее за принятием христианства, было, очевидно, делом новым и необыкновенным, если ране решились тотчас начать по этой причине войну.

убеждению, обитало в арконском святилище. Предполагалось, что волю свою оно объявляло в гаданиях и что гадания непреложно истолковывались жрецом. Жрец был, собственно, лишь простое оружие сообщения между Святовитом и людьми; в самом же деле в нем сосредоточивался, им держался, от него зависел весь союз. Голос Святовита на земле, он повелевал не ранам только, а всему Поморью славянскому. Когда летописцы говорят нам, что «все балтийские славяне считают долгом советоваться с ранами о своих делах», что все племена посылают в Аркону посольства и ждут оттуда ответа, то ведь это значит, что спрашивают совета жреца, что посылают посольства к нему, за его приговором. Но что мог жрец этот сделать для общего блага племен, чья воля была в его руках? Мог ли он вселить в них дух народного единства, оживить их мыслью об их великой Славянской земле и вести на общее дело? Каким бы гением ни был одарен этот человек, ему не достало бы силы к такому подвигу при всей его власти: не потому, что власть эта не была материальная, но потому, что он был связан и опутан своим вечным обманом. При всяком слове ему надлежало помнить, что говорит не он, а Святовит, рассчитывать, чтобы слово его и отгадывало совершившееся, и непременно сбывалось в будущем, и всегда во всяком случае поддерживало веру в его непреложность: можно себе представить, до каких ничтожных мелочей и уловок эта ежедневная забота низводила жреца, как она его одолевала, как он должен был в приговорах своих избегать ответственности, бояться прямых и ясных указаний и ограждать свою непреложность туманностью двусмысленных изречений, как во всех ответах своих разным племенам и лицам он должен был льстить господствующим страстям. Нет, арконский жрец, по-видимому, самовластный и безотчетный владыка всего Поморья славянского, не в силах был произнести пред ним решительного слова, смелой рукой водрузить знамя народного единства и вынудить у завистливых племен отречение от пагубной старины. Теократический союз балтийских славян, возникший в среде жизни племенной, не заключал [212] в себе новой стихии развития; он остался для них бесплодным, и жрец, глава его, был нем в роковой борьбе разъединенных славян-язычников против католической Европы, как нем был самый истукан Святовита, когда, по словам Саксона, народ ждал, что он словом гнева своего сразит датчан, ворвавшихся в его храм⁽¹²³⁾.

LXXVII

Священный город Радигощ в земле лютичей

Неизвестно, в каких отношениях к Арконе находились другие храмы балтийских славян, были ли они все ей подчинены или только некоторые, и какие именно были те, подвластные арконскому жрецу, капища Святовита, о коих говорит Саксон Грамматик. Но во всяком случае все другие храмы на славянском Поморье, если прямо и не зависели от Арконы, то имели второстепенное значение пред этой всенародной святыней Славянской земли⁸²¹. Везде, однако, повторялись, хотя в меньших размерах, те же явления, какие представлялись нам в Арконе, ибо по славянскому Поморью характер языческой религии был одинаков: везде богам присваивалась гражданская власть, и храмы их становились средоточием общественного единства одного или нескольких племен.

После Арконы первое место принадлежало Радигощу.

Мы видели, какие божества по преимуществу почитались в этом великом святилище славян-язычников. Подобно Арконе, Радигощ был непреступной твердыней, посвященной единственно богослужению. Называясь по-славянски несомненно *Радигощем*, т. е. городом Радигостя⁸²² (известного божества), он у немцев чаще обозначался другим именем, *Ретрою*, происшедшим [213] от названия ратарей (Retharii Redarii и т. п.), того племени, в чьей стране он находился. Эти ратары составляли, как мы знаем, одно из 4-х колен лютичьего племени. Радигощ, однако, хотя и на их земле построенный⁸²³, принадлежал им сообща с соседним коленом доленчан⁸²⁴.

⁸²¹ Sax. 826. Alia quoque fana compluribus in locis hoc numen habebat, quæ per supparis dignitatis ac minoris potentiae flamines regebantur.

⁸²² Радигощ есть деревня, по законам славянского языка образованная, форма притяжательного прилагательного от имени *Радигость*: подобные названия городов и деревень встречаются в большом числе и преимущественно у ляхских славян, напр. *Быдгощ* (польское имя г. Бромберга), *Вальгощ*, т. е., конечно, *Волегощ* или *Велегощ*, и так звучало, очевидно, по-славянски имя древнего поморского города Вольгаста (в древних памятниках *Wologost*) и поморской же деревни *Velgast*, Францбургского округа, *Вильгоща* в Олькушском, *Маголощ* в Келецком уезде (в грамоте 1136 г. Malogost, cod. Pomer. N 13), *Залгощ* (Жалигощ?), по-немецки *Salgast*, в Лужинах, и мн. др. (см.: Cod. Pomer. стр. 39); наконец, самое имя Радигоща повторяется в польском *Радогоще* Ленчицкого, и *Радгоще* Остроленского уезда.

⁸²³ Thietm. VI, 17. Est urbs quædam in pago Riedirierun, Riedegost nomine.

⁸²⁴ Ad. II, 18... Retharii, civitas eorum Rethre sedes idolatriæ. Helm. I, 21.

Земля ратарей и доленчан лежала на юг от верхнего течения р. Пены, у реки и озера Tollense (Доленицы). В точности, однако, местоположение Радигоща неизвестно. Он построен был близ озера, но при неопределенности и разногласии двух летописцев, Титмара и Адама Бременского, которые рассказывают про него, оба понаслышке, нельзя угадать, какое именно было это озеро (озер во всей этой стране множество). Обыкновенно принимают Прильвицское, лежащее подле большого озера Tollense (Доленицы); во всяком случае, оно было где-нибудь в нынешнем Стрелицком герцогстве.

Известие о Радигоще наиболее запутал Адам Бременский, который своими неясным показаниями побудил некоторых ученых поставить в маленькой земле ратарей два отдельных, первостепенных средоточия славянского язычества, и назвать один из них Радигощем, другой Ретрой. Обращая излишнее внимание на некоторые разноречия летописцев, они не взяли в рассуждение, что свидетельство Адама Бременского, принятое буквально, не имеет смысла: «самый город ретариев (т. е. ратарей), Ретра, – говорит он, – имеет девять ворот и со всех сторон окружен глубоким озером; в него входят по деревянному мосту, чрез который пропускаются только желающие принести жертву или спросить предсказания»⁸²⁵. Слишком нелепо было бы со стороны ратарей выстроить среди озера город с девятью воротами, в который можно бы было попасть только через один мост, да и то не всякому: или восемь ворот было лишних, или Адам не так выразил то, что хотел сказать. Титмар, писавший за 50 лет до него, гораздо яснее и проще. Вот его слова «Есть в стране ратарей город, по имени Радигощ (Riedegost), трехугольный, с тремя воротами, окруженный со всех сторон большим лесом, нетронутым и почитаемым у туземцев за священный. Двое ворот открыты всякому; третьи на восточной стороне, меньшие, ведут [214]к морю, вблизи лежащему и на вид ужасному, и эти во-

Riaduri sive (в смысле *et*) Tholenzi, propter antiquissimam urbem et celeberrimum fanum, illud, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant etc.

⁸²⁵ Ad. II, 18. Civitas ipsa novem portas habet, undique lacu profundo inclusas, pons ligneus transitum præbet, per quem tantum sacrificantibus aut responsa petentibus via conceditur. Следующие за тем слова: Credo, ea significante causa, quod perditas animas eorum, qui ydolis serviunt, congrue «*novies Styx interfusa cohercet*», – слова эти не идут к делу, и, вероятно, написаны именно для введения в речь Вергилиева стиха: *novies*. (VI, 439), о котором летописец вспоминал, как кажется, по поводу числа *девяти* ворот ретрских: такие отступления весьма обыкновенны у средневековых писателей, любящих выставить свою начитанность, и в особенности охотник до них Адам Бременский.

рота не всякому бывают доступны. В этом городе нет ничего, кроме храма, искусно построенного из дерева»⁸²⁶. (Титмар, не выдавший, как и Адам, этого места, легко мог принять озеро, у которого лежал Радигощ, за море; подобные ошибки нередки; также разногласие в числе ворот не имеет важного значения; кому не изменит память?) Оставив в стороне мелочи, можно сказать следующее о Радигоще, и это согласит разноречия наших источников: Радигощ находился в неприступном месте, огражденный лесом и озером, а также валом или стеной (иначе к чему бы служили ворота?); в нем было несколько ворот открытых всякому; в восточной стороне находился храм, эта святыня окружена была со всех сторон водой, и к ней вела только одна дорога, по направлению к озеру, и один мост, по которому пускался лишь тот, кто шел в храм для жертвоприношения или гадания.

Радигощ был, как сказано, богослужебным городом; весь он сосредоточивался в великом храме Святовита Сварожича и Радигостя; Титмар говорит даже, что в нем не было ничего, кроме храма, но это, конечно, несколько преувеличено, потому что и жрецы, и прислужники, приходившие издалека с дарами или вопросами, должны были где-нибудь помещаться.

Самый храм большой⁸²⁷, выстроенный, по приведенному свидетельству Титмара, с большим искусством из дерева, внизу, у основания, выложен был рогами разных зверей, вделанными так, что они точно поддерживали здание; стены, по словам того же писателя, были снаружи украшены чудесной резьбой, изображавшей разных богов и богинь⁸²⁸.

⁸²⁶ Thietm. VI, 17. Est urbs quædam in pago Riedirierun (без сомнения, ошибка вместо Riediriorum, ошибка, принимавшаяся переписчиками за настоящую форму собственного имени, и поэтому утвердившаяся во всех текстах), Riedegost nomine, tricornis ac tres in se continens portas (unaquæque per singula cornua прибавлено в некоторых pp.), quam undique silva ad incolis intacta et venerabilis circumdat magna. Duæ ejusdem portæ cunctis introeuntibus patent, tertia quæ orientem respicit et minima est, tramitem ad mare juxta positum et visu terribile monstrat (quæ nulli facile patet прибавл. некот. pp.). In eadem est nil nisi fanum de lingo artificiose compositum.

⁸²⁷ Ad. II, 18.

⁸²⁸ Thietm. VI, 17. fanum de artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatus cornibus bestiarum. Hujus parietes variæ deorum dearumque imagines mirifice insculptæ, ut cernentibus videtur, ornant.

Общественное и историческое значение Радигоща

Какие были отношения между Радигощем и Арконой, об этом древние памятники не говорят; но и Радигощ называют они великой, общей святыней славянского Поморья⁸²⁹. Гельмольд в рассказе о событиях XI века называет город ратарей и доленчан весьма древним и храм Радигостя знаменитейшим⁸³⁰. Все племена балтийских славян, по словам Титмара, чтили этот храм, поклонялись его святыне, когда шли на войну, возвращаясь с удачного похода, посвящали ему установленные дары и приносили в нем богам благодарственную жертву; обряд жертвоприношения совершали жрецы; предмет, угодный богам для жертвы, узнавали всякий раз посредством гадания раскапыванием земли и шагами коня: проливалась в честь богов кровь не только животных, но и человеческая⁸³¹. Как в Аркону, так и в Радигощ приходили из разных мест за прорицаниями; ежегодно также отправлялись туда от славянских племен определенные жертвоприношения⁸³². Подобно Святовиту Арконскому, боги радигощские имели свои знамена⁸³³, к которым лютичи питали чрезвычайное благоговение. Они поручены были особым заботам и надзору жрецов; и только в случае похода выносили их из храма: лишь пешком дозволялось нести их, как рассказывает Титмар в известном нам уже описании Радигоща⁸³⁴. Видя перед ратью своей священные знамена, лютичи верили, что идут за своими богами⁸³⁵: знамена были для них в походе представителями оста-

⁸²⁹ Thietm. VI, 18. Helm. I, 21.

⁸³⁰ Helm. I, 21. propter antiquissimam urbem etc.

⁸³¹ Thietm. VI, 18. Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur et simulacra.; inter quæ civitas supramemorata principalem tenet monarchiam. Hanc ad bellum proferantes salutant, illam prospere redeuntes muneribus debitis honorant, et quæ placabilis hostia diis offerri a ministris debeat, per sortes ac per equum, sicut præfatus sum, diligenter inquiritur. Hominum ac sanguine pecudum ineffabilis horum furor mitigatur.

⁸³² Helm. I, 21. Riaduri sive Tolenzi (см. выше, сноски 824) propter... celeberrimum illud fanum... adscribentes sibi singularem nobilitatis honorem, eo quod ad omnibus populis Slavorum frequerantur propter responsa et annuas sacrificiorum impensiones.

⁸³³ Thietm. IV, 17.

⁸³⁴ Там же: Vexilla quoque eorum nisi ad expeditionem necessaria, et tunc per pedites, hinc nullatenus moventur. Ad hæc curiose tuenda ministri sunt specialiter ad indigenis constituti...

вавшихся в Радигоще кумиров, [216] и нет сомнения, что общие знамена богов, скорее чем мысль об общем деле или общее начальство, могли служить связью для лютицких войск, которые составлялись из отдельных отрядов разных племен. Свои знамена сопровождали в поход и жрецы⁸³⁶, и конечно, перед знаменами, как перед изображениями своих богов-покровителей (*dii fautores*, по выражению Титмара), приносило лютицкое войско в жертву знатнейших между пленными врагами⁸³⁷. Титмар рассказывает еще, что отдельные знамена лютицких богов (он не говорит все ли или только некоторые) имели особый конвой (*comitatus*) из отборных воинов⁸³⁸: но мы не знаем, была ли то временная стража, приставлявшаяся к знаменам для сбережения их среди военных опасностей, или такое воинство, которое исключительно посвящало себя служению богам, как арконская рать Святовита.

Средоточие религиозное, Радигощ, как Аркона, должен был получить у балтийских славян и общественную власть: он сделался основанием частного союза двух лютицких колен, ратарей и доленчан⁸³⁹, и общего союза лютицкого. Для ратарей и доленчан обладание общим храмом было, кажется, источником дружбы и крепкого единства; в отношении к этим двум маленьким ветвям (земли их, вместе взятые, едва ли равнялись бы пространству одного нашего уезда) святилище Радигостя, быть может, и восполняло недостаток собственно гражданской государственной связи; но как средоточие обширного народного союза, от которого следовало бы кажется ожидать великого действия в истории, Радигощ оказывал такое же бессилие, как Аркона, далеко уступая ей притом в значении между балтийскими славянами. Нужно ли распространяться о причинах бессилия Радигощского союза, когда мы знаем, что источником его были те же условия жизни религиозной и общественной, которые образовали союз Арконский? Но по крайней мере Аркона пользовалась общим признанием на всем Поморье; Радигощ простирали свою власть собственно только на лютичей, т. е.

⁸³⁵ Thietm. VI, 16. Liuzici (т. е. лютичи)... deos suimet precedentes subsequuti.

⁸³⁶ Thietm. VII, 47. Liutici... dedecus deæ suimet illatum queruntur: nam haec, n vexillis formata, ... a quodam Herimanno... lapide uno traiecta est. Et dum hoc *ministri ejus* imperatori dolenter retulissent, ad emendationem 12 talenta perceperunt.

⁸³⁷ Thietm. IV, 9. Bolizlavus... urbem (Nemzi)... cum domino ejus... acquisivit, eundemque Liuticis ad decollandum dedit. Nec mora, diis fautoribus haec ostia ante urbem offertur.

⁸³⁸ Thietm. VII, 47. deam cum egregio 50 militum comitatu alteram perdidere.

⁸³⁹ Helm. I, 21.

на четыре поколения лютичей в тесном смысле и на те племена, которые впоследствии подчинились их влиянию и стали также носить почетное имя лютичей (как то: укряне, северные морачане, гаволяне и прилегающие мелкие ветви). «В городе Радигоще, что в земле лютичей, – говорит Гельмольд⁸⁴⁰, – созван был сейм [217] всех славян, которые обитают на востоке»: под славянами, *обитающими на востоке*, он разумел, как кажется, эти именно лютицкие племена, противопоставляя их ветвям западным, ближайшим к Голштинии бодричам с ваграми и полабцами и др. Что эти народы не подчинялись Радигощу, в том нет никакого сомнения, при закоренелой их ненависти к лютичам, и Радигость, «бог земли Бодрицкой»⁸⁴¹, так же как бог лютичей, должен был иметь у бодричей особое племенное капище (по преданию, оно находилось именно в Мекленбурге)⁸⁴². Когда Титмар писал, что радигощскому святилищу принадлежит «первенствующая власть» (*singularis monarchia*) над всеми частными храмами волостей славянских, то он, мы уверены, имел в виду преимущественно народ лютицкий, т. е. гаволян и собственных лютичей, с которыми только и мог он ознакомиться в своей Мерзебургской епархии, и вовсе не думал об отдаленных и малоизвестных ему бодричах. Также его рассказ: «У четырех народов, именуемых лютичами и велетами (*Wilzi*)... возгорелся сильный спор о преобладании: ратары и доленчане, которым принадлежал оный древний город и знаменитый храм, где показывают кумир Радигостя, имели притязание на господство, приписывая себе честь особенной знатности на том основании, что к ним приходили от всех славянских народов за ответами (*responsa*) и для ежегодных жертвоприношений; черепняне же и кичане не соглашались подчиниться им и решились оружием защищать свою независимость»... В иную пору Радигощ мог, действительно, иметь то значение, которое Гельмольд ему здесь приписывает: когда насилие германцев заставляло бодричей прибегать к Лютицкому союзу за помощью и действовать с ним заодно против завоевателей, тогда Радигощ и становился, на время, как бы общим средоточием всего западного Поморья⁸⁴³; но такой

⁸⁴⁰ Helm. I, 16. ... transivit in civitatem Rethre, quæ est in terra Lutitiorum, convocatisque omnibus Slavis, qui ad orientem habitant... Ср.: Ad. Brem. schol. 71: Fama est... duos monachos... in civitatem Rethre venisse, ubi dum verbum Dei publice annuntiarent *concilio* paganorum etc.

⁸⁴¹ Helm. I, 52.

⁸⁴² Botho у Лейбница, Scr. r. Brunsv. III. 339.

⁸⁴³ Helm. I, 16. – I, 23. Ioannes episcopus... in... Meckelenburg captus, serva-

союз возникал случайно и не бывал продолжителен, и именно в то время, к которому относится рассказ Гельмольда о междоусобии лютичей, бодричи и ближайшие к ним ветви решительно чуждались общения с Радигощем и его семейством. Ясно, что слова Гельмольда о Радигоще, как о религиозном средоточии *всех* (балтийских) славян, не должны быть приняты буквально; впрочем, когда дело шло об огромных притязаниях обладателей этого святилища, ему и не кстати было вводить, для точности выражений, в свой рассказ разные оговорки и ограничения.

[218] Зато в рассказе этом мы видим другой признак глубокого, характерного различия между Радигощем и Арконой. Аркона была поставлена вне всякой племенной исключительности; частным богам своего племени ране, мы знаем, не только отвели особое святилище, но даже удалили их в другой город, в Арконе же поклонялись они лишь *общему* богу Поморья, наравне со всеми другими племенами; ничье самолюбие не могло быть оскорблено: единогласно и беспрекословно признавалась Аркона всенародным святилищем балтийских славян, и то влияние, которое она давала ранам на все Поморье, не оспаривалось никем. — Своего Радигоща лютичи не умели поставить на такую высоту: быть может от того, что вообще религиозная стихия у них не достигла такого сильного развития, как между ранами. Мы не видим у лютичей настоящей теократии; жрецы имели у них важное значение, но они не были полные властители народа, как на Ране, — а на той степени грубой вещественности, на которой стояли балтийские славяне, большая или меньшая власть жрецов в том или другом племени была, можно сказать, мерилom большей или меньшей преданности племени своему божеству. Как бы то ни было, впрочем, но Радигощ, хотя и призывал поклонников от всей земли Поморской, хотя составлял средоточие лютицких поколений и всех племен, которые к ним присоединились, хотя, подобно Арконе, посещаем был многочисленными посольствами, получал от разных племен установленные приношения и давал им указания и советы от имени богов, при всем том, однако, не мог освободиться от значения *частного* святилища: ратаре и доленчане почитали его своей племенной собственностью, и вот мы видим завысь и соперничество других племен, видим вооруженное восстание против Радигоща.

batur ad triumphum... per singulas civitates Slavorum ductus ad ludibrium... corpus ejus in platea projectum est. Caput vero desectum, quod barbari conto præfigentes in titulum victiriæ deo suo Radigasto immolaverunt. Haec in metropoli Slavorum Rethre gesta sunt...

Некоторые ученые предполагают, что арконская святыня получила общенародное у балтийских славян значение только со времени разрушения Радигоща, который, по мнению их, был прежним религиозным средоточием всего Поморья. Радигощ, действительно, пал лет за сто до Арконы; но Адам Бременский, который еще изображает Радигощ как средоточие, как обиталище славянского язычества (*sedes ydolatriæ*), свидетель тому, что уже в его время балтийские славяне ничего не предпринимали без совета ран, и указывает именно на религиозное начало этого явления; при том же все известия выставляют глубокую древность арконского святилища (*simulacrum illud antiquissimum Zvantevith, quod colebatur abominatione Slavorum. Гельмольд*)⁸⁴⁴. Конечно, падение Радигоща должно было еще более усилить влияние и власть Арконы, умножить число ее посетителей; но мы не сомневаемся, что оба храма существовали совместно и процветали в продолжение многих столетий, [219]каждый со своим особым значением в общественной жизни балтийских славян: Радигощ, как племенное капище ратарей и доленчан, которое от перевеса ли их оружия, или от чего-либо другого, сделалось сначала средоточием всех четырех лютитских ветвей, а потом привлекло к себе и соседние племена, по мере того, как распространялось политическое влияние лютичей; Аркона, — как издревле и всенародно признанная, неприступная «в сердце моря», *in corde maris*, по выражению летописца, общая святыня славянского Поморья, средоточие и блюстительница их веры и языческого общества.

LXXIX

Общественное значение религии у отдельных племен и волостей (жуны) балтийских

Точно также, как общественная связь была для всех балтийских славян в арконском святилище, а для народа лютитского в храме Радигостя, — для каждого племени и для каждой *жуны* на славянском Поморье была она отдельно в капище, где племя или *жуна* поклонялась своему богу: везде грубая преданность язычников-славян делала божество как бы земным властителем, средоточием человеческого общества.

⁸⁴⁴ II, 12. Так же: Saxo. 742: *Arcon oppidum, vetusto simulacri cujusdam cultu inclutum.*

Гельмольд довольно подробно описал племенное поклонение ближайших к Нордалбингии ветвей, вагров, полабцев и бодричей. Вот его слова: «Кроме священных рощ и пенатов, которыми преисполнены земли и города (славянские), первые и главные божества были: Перун, бог Старогардской страны, Жива, богиня полабцев, Радигость, бог земли Бодрицкой. Для них были назначены жрецы и установлены жертвоприношения и многочисленные обряды поклонения. Жрец по указанию гаданий определяет дни празднества в честь богу, и сходятся мужчины и женщины с детьми, и закалывают богам своим в жертву быков и овец, а часто и людей, христиан, уверяя, что кровь их для богов усладительна. Заколов жертву, жрец отведывает крови, чтобы вдохновиться к прорицаниям. Ибо у многих существует мнение, что демоны легче призываются посредством крови»⁸⁴⁵. В другом месте Гельмольд дополняет это известие описанием общественного значения племенной святыни у вагров, Перуновой рощи: «Она была для всей [220]земли (Старогардской) общим святилищем, в честь которого назначен был жрец, определены были праздники и совершались разные обряды жертвоприношений. *Туда на другой день праздников сходилась народ той страны со жрецом и князем для суда*⁸⁴⁶».

Общественное значение племенной святыни особенно ярко выдвигается у поморян. В Щетине, как нам известно, были четыре *кутины*, общественные здания, которые очевидец в Житии Оттона Бамбергского описывает следующим образом: «Одна из этих *кутин*, главная (та, которая служила храмом Святовид-Триглава), построена была с удивительным тщанием и искусством: внутри и снаружи на стенах находились выпуклые изображения людей, птиц и зверей, представленных так верно и так естественно, что, казалось, дышали и жили, и, что особенная редкость – краски наружных изображений ни от каких дождей и снегов не могли потускнеть, ни стереться, таково было искусство живописцев. В этом храме, по старинному обычаю, который велся от предков, слагали захваченные на войне богатства и оружие врагов, и из всей добычи, в морском ли походе или в сухопутном бою приобретенной, законом определенную десятину, а также в нем берегли золотые и серебряные кубки и сосуды, которые в праздники выносились из святилища, и тогда из них делали гадательные возлияния, ели и пили знатные и могущественные люди (страны). Равным образом большие рога диких быков (т. е. зубров), позолоченные и выложенные дорогами камнями,

⁸⁴⁵ Helm. I, 52.

⁸⁴⁶ Helm. I, 83.

служившие для питья, и рога, устроенные для музыкальных звуков, мечи, ножи и многочисленная утварь, драгоценная, редкая и на вид прекрасная, все это там хранилось в честь богов... Три другия *кутины* менее уважались и были менее украшены: внутри были только поставлены кругом скамьи и стояли столы, потому что там бывали совещания и собрания щетинцев, туда они приходили пить ли или серьезно толковать о своих делах в положенные дни и часы»⁸⁴⁷.

Но и эти *кутины*, которые служили для общественных собраний, имели в Щетине значение священное, вероятно, что они находились под покровительством божества, обитавшего в главном храме, вблизи которого они и были построены⁸⁴⁸. При каждой из них, также как при главной кутине Триглава, состоял особый жрец⁸⁴⁹, и в этом-то вполне высказывается религиозный характер общественных щетинских изб. Приняв христианскую веру и истребляя памятники язычества, щетинцы сочли долгом разрушить и эти [221] общественные избы заодно с храмом своего идола. Подобно ранам, щетинцы, по свидетельству древнего писателя⁸⁵⁰, при всяком деле обращались к своему святилищу и спрашивали волю Триглава; по указаниям, которые давал им Триглав при разных гаданиях, они предпринимали, либо откладывали поход или морское плавание⁸⁵¹; и здесь также, мы видим, язычники-славяне сделали из божества как бы своего земного главу и властителя. Вообще, поклонение поморян было такое же, какое у других балтийских ветвей. В честь богов совершались празднества, и тогда в город стекался народ из всей окрестности, из всей *жу-ты*⁸⁵², и предавался шумному веселью, пирам, общественным играм, песням и пляскам⁸⁵³. В Вольте бывал всегда праздник в начале лета,

⁸⁴⁷ Sefr. 105, 106.

⁸⁴⁸ Так наз. Anonymus San-cruciarius, ошибочно приводя в Щетине только две *кутины*, говорит о них: *ingenti cura vel arte constructæ, haud grandia-binvicem intervallo distabant* (II, 11).

⁸⁴⁹ Sefr. 107. *unum de quatuor sacerdotibus templorum.*

⁸⁵⁰ S. Cruc. II, 11. *de quolibet eventu dominum Trigeloum consulturi, præfatas semper continas frequentabant.*

⁸⁵¹ Sefr. 107, 108.

⁸⁵² Sefr. 60... *ex omni provincia.* Andr. 162. *cunctis provincialibus concurrentibus.*

⁸⁵³ Sefr. 60. *ad castrum...* Pirissam... *propinquant, ecce illic hominum ad 4000 ex omni provincia confluisse... aspexerunt: erat enim dies festus paganorum, quem lusu, luxu cantuque gens vesana celebrans, vociferatione alta eos reddidit attonitos.* Ebbo 63. (Julinenses) *ludis et saltationibus paganico more occupati.* S. Cruc. II, 17. *populus civitatis (Julin)... eo usque vecordiæ progressus ej, ut erectis simulacris, quæ dudum ablexerat, profanas sacrorum suorum nundinas celebraret. Vides interea per totam civitatem ludos scenicos agi, clamore ac strepitu omnia commisceri...*

и он привлекал огромное стечение народа⁸⁵⁴; иногда и жрец, по особому какому-либо случаю, назначал праздник и созывал народ⁸⁵⁵. Богов чтили обильными жертвами⁸⁵⁶, состоявшими не только из животных⁸⁵⁷, но даже из денег⁸⁵⁸; были, кажется, по крайней мере в Щетине, установлены какие-то постоянные приношения богам⁸⁵⁹. Но человеческих жертв поморяне не знали: у ран, лютичей и вагров пролитие христианской крови в честь богов объясняется ненавистью против насильственно налагаемого на них немцами исповедания; до Поморья же немецкое завоевание не доходило, и здесь не было для язычников повода к такой злобе и жестокости; из чего, между прочим, видно, что человеческие жертвы вообще у балтийских славян не составляли коренного учреждения, а появились от исторических причин⁸⁶⁰.

⁸⁵⁴ Ebbo. 62. *Julin... cujusdam idoli celebritatem in initio ætatis maximo concursu et tripudio agere solebat. Andr. 162. ad prædictam idoli celebritatem cunctis provincialibus... concurrentibus, ludosque et comessiones multiformi apparatu exhibentibus...*

⁸⁵⁵ Ebbo. 100. *Major ille pontifex idolorum (в Щетине) convocatis amicis suis, diem festum idolis agi præcepit.*

⁸⁵⁶ Ebbo. 64. *Sacrificia, quæ copioso apparatu sacerdotibus et fanis idolorum exhibebantur.*

⁸⁵⁷ Послание Оттона Бамб. (Pertz, VIII, 263: *ne quid... comedant ydolothytum*).

⁸⁵⁸ Ebbo. 55, 57.

⁸⁵⁹ Ebbo. 64.

⁸⁶⁰ Что человеческих жертв у поморян не было, несомненно при молчании о них всех источников: жизнеописатели Оттона Бамбергского, столь охотно выставляющие темные стороны славянского язычества, не преминули бы упомянуть о таком злодейском обряде; также убедительно в этом отношении молчание грамоты 1124 г. (Pertz, VIII, 263), свидетельствующей о подвигах Оттона на Поморье и исчисляющей языческие обряды и суеверия, им запрещенные. Мы не раз уже ссылались на эту любопытную грамоту; считаем не излишним представить в совокупности показания ее, относящиеся к славянскому язычеству: «(Оттон, епископ бамбергский, посетив страну поморян-язычников с некоторыми городами земли Лютицкой, окрестив и обратив их в христианство), запретил им: убивать своих детей, каковое беззаконие весьма сильно у них господствовало; ... жениться на родственнице ближе шестого и седьмого колена и иметь более одной жены; хоронить умерших христиан между язычниками, в лесах или полях, ... класть сучья над их могилами; придерживаться всяких языческих обрядов и мерзостей, строить дома идолов (т. е. языческие капища), посещать ворожей, предаваться гаданиям; есть нечистое, мертвечину, давлению, жертвенное мясо (*ydolotitum* т. е. *idolothytum*), вкушать от крови животных; иметь общение с язычниками, вкушать пищу и питье с ними или из их сосудов; во всем этом (запрещал он) следовать языческому обычаю».

[222] Нельзя не заметить, что у поморян, при тех же богах и обрядах, языческая вера не имела такого ожесточения, как у западных ветвей. В противоположность бодричам, лютичам и стодорянам, которые столько раз поднимали на христиан ужаснейшие гонения и мучили их неслыханными казнями, особенно священников, в противоположность ранам, которые ежегодно багрили христианской кровью святилище своего бога, поморяне являли, относительно христиан, даже когда христиане оскорбляли их верования, удивительную кротость и терпимость.

Вспомним приведенный уже случай с тем католическим епископом, который, не зная ни слова по-славянски, пришел к поморянам в Волин, чтобы обратить народ в христианство, и прямо принялся рубить знаменитый столб, величайшую святыню языческого города: сами жрецы вытащили его из толпы, которая на него бросилась, и выпроводили с миром из земли своей. Это неслыханный в язычниках пример добродушия: как высоко ставит оно воинственных поморян над соседями их прусами, изображаемыми, однако, в летописях народом самым тихим и мирным, над прусами, которые великого проповедника Войтеха, не причинившего им ни малейшего оскорбления и уже покидавшего их землю, предали мученической смерти за то, что он, в неведении, прилег отдохнуть на Ромовском поле, посвященном богам!

Надобно повторить не раз уже представившееся нам заключение: что балтийские славяне, когда только не были ожесточены внешними обстоятельствами, верно хранили коренное свойство славянского племени, добродушную кротость. – Припомним еще то, что в этом же городе Волине свободно проживали греки, т. е. христиане православного исповедания, и только саксы, т. е. католики (угнетавшие балтийских славян), должны были скрывать свою веру.

[223]

LXXX

Общие последствия религиозного развития балтийских славян: их упорство в язычестве

Недостаток известий не позволяет судить об общественном значении племенных святилищ на Ране (в Коренице), в Волини, у стодорян (в Гавельберге и Сгорельце), у разных бодричских ветвей и т. д. Но при свидетельстве Титмара, что «сколько у балтийских славян областей, столько и храмов», при рассказе Гельмольда о Перуновой роше, как о святыне и с тем вместе судилище и общественном средо-

точии Старогардской земли; наконец, при показаниях Сефрида о священном значении общественных щетинских изб, о жрецах, к ним приставленных, при любопытном его известии, что жители Хотькова или Гостькова (Gütkow) соглашались принять христианскую веру под условием, чтобы им оставили их прекрасный, вновь выстроенный языческий храм «для украшения города»⁸⁶¹, т. е., очевидно, как здание общественное, а уже не богослужebное (иначе это требование было бы слишком бессмысленно), – при всем этом не может быть сомнения, что племенные боги имели в языческой религии балтийских славян такую же связь с гражданским обществом, такую же вещественно понятую над ним власть, как их всенародное божество Святovit.

Вот к чему, стало быть, привели балтийских славян исторические обстоятельства, преждевременная деятельность и скороспелое развитие, вызванные в них ранними и постоянными столкновениями с чужими народами: общественная связь народной и государственной жизни была отстранена от них неодолимыми преградами, а ее место заступила религия; религия, обращенная в общественное учреждение, в общественную власть, составила на балтийском Поморье внутреннюю связь отдельных племен и общее единство славянского народа.

Слияние религии с земным обществом, низведение ее на степень гражданского учреждения, есть одно из величайших зол, какие только могут постигнуть народ⁸⁶²: оно не может не убить живой мысли о божестве, живой дея[224]тельности духа. Такова была участь балтийских славян, несмотря на то, что у них общественное значение религии произошло не от холодных мер законодательства (как, напр., в древнем Риме), а от особенного, искаженного, но тем не менее живого развития религиозной жизни в грубой среде языческих понятий. В своей связи с установленным общественным порядком религия балтийских славян была всегдашней помехой всякому в нем нововведению и составляла, может быть, одну из сильнейших препон к водворению государственного строя: об этот неизменный союз языческих верований со старым племенным бытом разбились

⁸⁶¹ Sefr. 136. In hac civitate miræ magnitudinis ac pulchritudinis templum fuit; sed episcopus cum de fide Christinæ religionis eos per interpretem alloquitur, ... illi ad omnia paratos se asserebant, si modo fanum eorum inactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper exstructum fuerat multumque in eo gloriabantur, eo quod videretur magnum totius ciuitatis esse ornamentum.

⁸⁶² Эта мысль, очевидно, не может относиться к израильтянам, как избранному Богом народу.

все попытки единства, и жертвой его пал сам Годескалк Прибыславович, величайший из людей славянского Поморья.

Но гибельнее всего были отношения, в которые развитие язычества и все вообще обстоятельства поставили балтийских славян к христианству. Определяя характер славянского язычества, мы уже могли заметить, до какой степени все славянские народы были доступны евангельскому слову, и как одни только балтийские племена составляли в этом печальное исключение. Пагубное слияние религии с общественным устройством было виной того, что к балтийским славянам христианская вера приходила с враждой не только к идолам и языческим суевериям, но и ко всему установленному их гражданскому порядку. Так смотрел на дело и сам народ, и замечательно в этом отношении указание Жития св. Оттона. Припомним себе, что на Поморье был в каждом городе княжий двор, неприкосновенный приют для всякого, кто, скрывшись в нем, прибегал к княжескому суду, и эту неприкосновенность хранил стародавний, священный закон: но в отношении к проповедникам христианства закон был недействителен: когда Оттон Бамбергский с товарищами укрылись в княжьем дворе в Волыне от насилия народа, то народ и в княжьем дворе преследовал их, стал забрасывать камнями, ворвался в самый двор и под угрозой смерти заставил выйти оттуда; и вот что при этом говорили волынцы «напрасно надеялись вы на убежище в княжьем дворе, когда именно повелением богов изъяты из этого права такие люди, как вы, ниспровергающие нашу страну и наши древние законы»⁸⁶³. Эти слова многозначительны: народ волынский верит, что боги его изъяли христианских проповедников из общего права не только как нарушителей своей святыни, но главным образом как противников общественного строя земли (*subversores patriæ ac legum antiquarum*), – так крепко срослась здесь жизнь религиозная с жизнью общественной! Недаром, стало быть, щетинцы, принимая христианство, вместе с капищем своего языческого бога разрушали дома своих общественных совещаний, и не удивительно, что на славянском [225] Поморье введение христианской веры тотчас так глубоко изменяло все общественные отношения, весь гражданский строй.

Таким образом, у балтийских славян против духовного завоевания христианства стояли, вместе со старой языческой религией, и все общественные условия, весь быт народа, словом, – вся совокупность жизненных его начал; а здесь уже и сама по себе, независимо

⁸⁶³ Andr. 130: *invanum eos ducis mansionem irrepsisse, quasi illic pacem habituri essent; cum subversores patriæ ac legum antiquarum extranei ad hac pacis conditione deorum suorum edicto censerentur.*

от союза с гражданским обществом, языческая религия находила, мы знаем, силу огромную в определенности своих образов и понятий, в своем систематическом развитии. Хранителями ее поставлены были жрецы, и народ облек их властью, осыпал богатствами: понятно, с каким упорством и с какой силой страстей отстаивали они свои кумиры. В прочих славянских землях, где жрецов в собственном смысле не было, христианство водворялось почти беспрепятственно, и только потом кое-где, в случае какого-нибудь общественного бедствия, появлялись частные возмущения, произведенные в народе приверженцами старины, «волхвами» и «кудесниками»; у балтийских славян каждый шаг христианства с систематическим, ожесточенным сопротивлением оспаривался жрецами. Много раз жития св. Оттона свидетельствуют, что в том или другом месте христианство было бы принято или утвердилось бы, если бы не препятствовали жрецы; что, например, в Волине народ отказался от крещения, «развращенный советами своих жрецов»⁸⁶⁴; что когда христианство было признано в разных городах Поморья, то жрецы, «оплакивая уменьшающиеся с каждым днем выгоды и наслаждения, какие имели они от прежнего великолепного богослужения»⁸⁶⁵, стали всячески стараться возвратить народ к язычеству, и в этом действительно успели, что они «прибегали к разным ухищрениям, выдумывали видения, сны, чудеса, стращали народ разными ужасами»⁸⁶⁶, и т. д.: на жрецов своих поморяне в разговорах с епископом Оттоном слагали всю вину народного сопротивления христианским проповедникам, называли жрецов «виновниками всего зла»⁸⁶⁷; оправдание легкое и удобное! Во всяком случае оно свидетельствует, что влияние жрецов было значительное, хотя и ясно для нас, что это сопротивление, это зло имело много других даже важнейших причин.

К числу их нельзя не отнести еще и того, что Балтийская страна была *последним* убежищем славянского язычества. В течение трех столетий подвигалось христианство между славянами, шествуя с юга на север и мало-помалу обхватывая все племя; после крещения Польши и Руси (966, 988), из всех славян оставались в язычестве одни балтийские ветви. Можно бы ска[226]зать, что язычество отступало на Поморье и тут сосредоточивалось и готовило оборону. С упрямой гордостью балтийские славяне должны были сознавать,

⁸⁶⁴ Ebbo. 49. Sacerdotum suorum depravati consilio.

⁸⁶⁵ Ebbo. 64.

⁸⁶⁶ Sefr. 128.

⁸⁶⁷ Ebbo. 94. sacrilegos istos sacerdotes omnium malorum incentores. Смотри еще: Ebbo. 55, 76, 100. Sefr. 158, 161, 169, 170 и множ. других мест.

что они последние защитники веры отцов своих⁸⁶⁸ против завоевательного исповеданья иностранцев, немцев (так они называли христианство⁸⁶⁹); немцы же им особенно попрекали тем, что «когда весь мир, все народы обратились к свету, они одни упорствуют во тьме»⁸⁷⁰, и такие упреки вместо того, чтобы убеждать, конечно, только раздражали народ и укрепляли его в сопротивлении.

LXXXI

*Отношения современного христианства к балтийским славянам. –
Исключительность и светское значение средневековой Римско-
католической церкви*

Тогда как у балтийских славян развивались все эти условия и не только заглушили в них внутреннее влечение к христианству, ощущаемое другими славянами, но даже породили к нему отвращение, само христианство в западной, романо-германской Европе (а к ней именно балтийские славяне были прикованы своим положением и историей) подвергалось таким влияниям, которые одни уже должны были возбудить к нему в этом народе жестокую вражду: в том виде, в каком оно им предлагалось, балтийские славяне не узнавали в нем божественной истины, возвещенной всем народам без различия и обнимающей их братской любовью, а скорее могли считать его орудием немцев, которое служило им для господства над другими народами.

С VII в. начались попытки обращения славян в христианскую веру со стороны обоих патриархов Европы, восточного и западного, пребывавших в единстве Вселенской Церкви. Первый пытался крестить славян на Фракийском полуострове, второй в Паннонии⁽¹⁰⁷⁾. В IX в. совершались настоящее призвание славянского племени в Церковь, когда она великим подвигом Учителей Кирилла и Мефодия возвестила свою истину на славянском языке и показала славянам, что она не исключительное преимущество греков и римлян, а равное достояние всего человечества. Эта струя славянской проповеди [227] и славянского писания, созданных светлой мыслью гре-

⁸⁶⁸ Sefr. 61. «Orbem universum Christianis legibus deditum, se solos universitati resistere non posse»: так говорят польские послы знати и старикам в Пырице на Поморье; но для языческого сознания вывод был противоположный.

⁸⁶⁹ Ebbo. 65. Teutonicus Deus.

⁸⁷⁰ Sefr. 102. Helm. I, 83. Vos... soli ab omnium discrepatis cultura...

ческих братьев, «Философа» и война, разлилась тогда по всем землям славянским. Окрещены были болгаре, сербы утвердились в вере, сами жители установили христианство и Славянскую церковь в Моравском царстве, простиравшемся от границ Болгарии до Кракова, крестился и чешский народ; от болгар христианство перешло к Руси^[23]; от чехов, стоявших уже вне единства Вселенской Церкви, но хранивших еще отчасти самобытность христианской жизни, завещанную Мефодием, от чехов приняла его Польша, и также, судя по многим признакам, земля Лужицкая. Но здесь это славянское благовестие остановилось. Дар Восточной Церкви, оно было сильно общением с ней, и когда для западных славян это общение пресеклось, когда пало Моравское царство и его место заняли языческие венгры, то должна была прекратиться у них и живая проповедь славянская: чехи уступили германо-римскому формализму, и мысль Кириллова была подавлена во всем западном славянском крае, когда она еще не успела коснуться отдаленной страны Балтийской. Таким образом, к балтийским славянам христианство могло проникнуть уже только из западного источника, через Германию.

В начале IX в., который являет в истории человечества такую великую эпоху, совершилось в западном мире соединение и слияние стихий германской и римской. Германский меч восстановил Западную Римскую империю, и венчание Карла на сан римского императора было торжественным признанием того соединения. Западный мир новоевропейский сознал себя единым целым, и следствием внутреннего его самосознания, воспитанного под влиянием римских государственных понятий, было стремление к обособлению духовному, к сознанию в области религии такого же отдельного единства, как в области политической. Известно, что Карловинги, в которых воплотилась сила германского племени, возраставшая на римской почве, по мере своего возвышения все более и более содействовали властительным стремлениям пап, и что церковное отгоржение Запада началось при Карле Великом и с его явной воли. Западная церковь совпала с западным государством, она воскресила и приняла в себя идею римской монархии, и хотя образовалось впоследствии несколько романо-германских государств, но церковь держала их в единстве не только религиозном, но и политическом: как папа был духовным главой всего западного мира, так венчанный папой император был его светским главой. Союз их был таков, что победы меча императорского распространяли область Римской церкви, победы креста распространяли область империи. Таким образом, покорение саксов Карлом В[еликим], временное завоевание Дании Оттоном подчинило их Римской церкви, а обращение Поль-

ши и Венгрии в христианство дало германским императорам право требовать над ними верховной власти, и это требование долго признавалось. Так построилось это государственное здание Римской церкви, плод самосознания и обособления романо-германского мира и подчинения его правительственным идеям старого [228] Рима. Эта церковь соответствовала, конечно, тогдашним потребностям Запада (доказательством служит полное слияние Римской церкви со всей его жизнью в средние века), но она утратила свой всечеловеческий характер и славян, вместо того чтобы привлекать к себе, должна была отталкивать. Приобщаясь к ней, славянин становился не просто членом церкви, исповедником Христовой истины, а подданным государства, которое с церковью совпадало, и народа, на котором было основано здание церковного государства, т. е. подданным империи Германской и народа немецкого, существенно враждебных славянам. Понятно, что славяне не хотели подчиниться христианству, когда оно им предлагалось в таком виде, и вооруженной рукой отбивались от церковного государства германского. Польша, как известно, приняла христианскую веру не от Германии, несмотря на политическую с ней связь, а от чехов, учеников Мефодия; но и Польша и чехи, вступив в общение с западным христианством, должны были покориться верховной власти «священной» империи, и нужна была двадцатипятилетняя жестокая война под предводительством сильнейшего из древних польских государей, Болеслава Храброго, чтобы восстановить политическую независимость Польши. Чехи же никогда не могли избавиться от подданства империи, сколько они ни проливали крови в борьбе с немцами.

LXXXII

Неблагоприятные отношения средневековой Римско-католической церкви к балтийским славянам

Когда церковное государство, построившееся на западе, имело такие последствия для тех западных славян, к которым дошло живое слово Кирилловой проповеди, то сколько эти последствия должны были быть бедственнее для славян балтийских, которым христианство предлагалось прямо от Германии со всей исключительностью, какую придал церкви союз с воинственным и гордым народом немецким и его «священной» империей.

Нигде эта исключительность, столь противная существу христианской веры, не достигала такой крайности, как в отношениях

Германии к балтийским славянам⁸⁷¹. Другие, прилегавшие к «священной» империи страны (не говоря, разумеется, о тех землях, которые участвовали в обособлении западного мира и имели с Германией равные права церковного гражданства), отча[229]сти избегли этих крайних последствий совоплощения церкви с Германским государством или через принятие христианства из другого источника (как то Чехия и Польша), или же вследствие племенного родства с Германией, или отдаленности, отвращавшей столкновения с ней, или политического могущества, делавшего ее притязания менее опасными (напр., Дания, Швеция, Норвегия, Венгрия, также Польша). Балтийским же славянам неоткуда было принять христианство, кроме как из Германии; природные враги немецкого народа, они давали ему наиболее повода употребить христианство против них как орудие завоевания и рабства, а своим действительным упорством в язычестве (причины коего нам известны) доставляли предлог прикрывать жестокость насильственного обращения и даже истребления – личиной христианской ревности; наконец, своей разрозненностью и внутренней слабостью лишали себя возможности вести равную борьбу с силами Германской империи.

Таким образом, именно на балтийских славянах проявились во всей своей наготе плоды богохульного слияния Божией церкви с мирским государством, произведенного западным миром, и той бесчеловечной исключительности, которую он вследствие этого придал у себя христианской вере.

Разумеется, что славянам язычникам при таком светском характере христианской веры, как ее понимали и налагали на них немцы, невозможно было отличать ее существенной истины и кротости от случайной жестокости и лжи, которую к ней примешивали людские страсти; да и ослепление было такое, что немцы сами в отношении к славянам этого различия тоже как будто не сознавали. Когда приехал к щетинцам проповедник Оттон Бамбергский, вестники отправились от него к старшинам города и стали их уговаривать креститься, подкрепляя свои слова обещаниями и угрозами (*promit tunt et terrent*); но те ответствовали: «что нам за дело до вас? мы не оставим законов отцов наших; мы довольны своею верою. У христиан есть воры, есть злодеи, обрубают ноги, выкалывают глаза, всякие злодейства и казни творятся христианином против христианина. Да не будет у нас такой веры! Такими и тому подобными словами воз-

⁸⁷¹ Считаю долгом изъяснить здесь искреннейшую благодарность А.С. Хомякову за указания его, которыми мы пользовались особенно в этой части нашего труда.

ражали они, – прибавляет летописец, – и затыкали уши, дабы не слышать слова»⁸⁷². И католические вестники точно как бы не находили на это ответа, ибо для них вера совоплотилась с государством, и вина государства падала на веру.

[230]

LXXXIII

Исключительность средневековой Римской церкви в отношении к языку: отращение к языку славянскому

Внешним, можно сказать, символом исключительности западного христианства было изгнание народного языка из области религии. Признанный языком церкви, язык латинский лишил народ (особливо в землях не-романских) слова Божия и веры: мы можем представить себе, как трудно казалось балтийским славянам менять старинную свою веру, которую они понимали, на чужую, смысл которой закрывали от них непонятные звуки. Латинская литургия лишь возбуждала в них смех. Замечательно свидетельство древнего летописца: мерзебургский епископ Бозо, наставляя славян в христианстве, просил их, рассказывает Титмар, петь «Kyrîe eleîson» – диковинные для необразованных людей слова, удержанные, как формула, Римской церковью, и славяне, которые, конечно, с благоговением произносили бы родное «Господи, помилуй!», стали издеваться над непонятной формулой и говорили, что их учат петь бессмысленную песнь: «в кри вольша, в кри вольша», т. е. «в кусте ольха». Этот Бозо был еще внимателен к славянам и, стараясь об их наставлении, стал даже, – так говорит Титмар, – писать по-славянски⁸⁷³.

⁸⁷² Sefr. 93. Mane facto Paulitius et legati primates adeunt, ea parte ducum se cum episcopo missos referunt, causam viæ proponunt eis Evangelium, dant consilium, promittunt et terrent. At illi inquit: «Quid nobis et vobis? patrias leges non remitemus, contenti sumus religione, quam habemus. Apud Christianos, ajunt, fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, privantur oculis, et omnia genera scelerum et poenarum Christianus exercet in Christianum. Absit a nobis religio talis!» Hæc et his similia protestantes, obturaverunt aures suas ne audirent verbum. Omnibus igitur obstinatis, per duos menses et plus ibi morantes, nihil pæne profecerunt.

⁸⁷³ Thietm. II, 23 (Boso) ut sibi commissos eo facilius instrueret, Sclavonica scripserat verba, et eos kirieleison cantare rogavit, exponens eis huius utilitatem. Qui vecordes hoc in malum irrisorie mutabant Ukrivolsa, quod nostra lingua dicitur: Aeleri (немецкое слово, теперь и Eller и Erle, ольха) stat in frutectum; dicentes: «Sic locutus est Boso», cum ille aliter dixerit. Что касается слов: *Ukri-*

Какое же отвращение должны были возбуждать те немецкие духовные (и таковы были почти все), которые лишь силой и страхом заставляли славян слушать и лепетать звуки непонятных слов!

О тех священниках, которые употребляли славянский язык для наставления славянской паствы, летописцы упоминают, как о каком-то необыкновенном явлении христианской добродетели, и это только доказывает редкость таких случаев. Надобно еще заметить, что двое из сих благих проповедников Евангелия, Бозо и другой мерзебургский епископ, Вернер⁸⁷⁴, дейст[231]вовали собственно не между балтийскими славянами, а в стране лабских сербов, которые крестились уже в начале X в. (вероятно, под влиянием чехов) и с тех пор не покидали христианства; у балтийских славян упоминается только об одном немецком духовном, старогардском священнике Бруне (Бруно), в середине XII в. который дерзнул, для обучения народа, писать по-славянски^{875. (108)}. Но и в этих, столь редких, явлениях благочестивой ревности, живого слова проповеди не видно: попечительный о благе славян немецкий пастырь запасался книгой поучений на славянском языке, написанных латинскими буквами, и по ней при случае проповедовал народу. Как убедительно должны были действовать на славян эти проповеди, читаемые иностранцем, в котором столько причин им было видеть врага! Вообще германские проповедники, особливо в землях славянских, боялись ли они употреблять народный язык, или презирали его, но всегда являли к нему как будто какое-то отвращение. Так, даже Оттон Бамбергский, даром что жил долго в Польше и хорошо знал польский язык⁸⁷⁶, совершенно понятный поморянам, проповедовал им через толмача (поляка)⁸⁷⁷ и, только в самых редких случаях произносил несколько слов по-славянски⁸⁷⁸.

volša, то их значение ясно: чешский народ и лужичане и теперь говорят *вольша* вм. ольха, а слово *къръ* в значении «куст» известно полякам (*kierz*, родит. *krza*), чехам (*ker*, род. *kre*), словакам (*ker*, род. *kra*) и др.: *кри* (в *кри*) есть правильная форма местного падежа.

⁸⁷⁴ Chron. episc. Merseb. Libros schlavonicae linguæ sibi fieri jussit, ut latinæ linguæ caractere idiomata linguæ Schlavorum explicaret (Шафарик. Слав. др. II, § 43, выноска 188).

⁸⁷⁵ Helm. I, 83. Quibus (Slavis) et sacerdos Dei Bruno juxta creditam sibi legationem sufficienter administravit verbum Dei, habens sermones conscriptos verbis Slavicis, quos populo pronuntiaret opportune.

⁸⁷⁶ Sefr. 2.

⁸⁷⁷ Sefr. 56. См.: Там же. 65; *populum... ore alloquitur interpretis*. 136. *cum de fide Christianæ religionis eos per interpretem alloqueretur*, и др.

⁸⁷⁸ Sefr. 164. *quodam tempore pueros in platea ludentes invenit, quos dum lingua barbara salutasset*.

Народная исключительность римского духовенства в отношении к балтийским славянам. – Последствия для них вступления в Западную церковь

Другим, более пагубным еще плодом исключительности и государственного характера Западной церкви, были враждебные отношения ее духовенства к славянам. Государственное значение Западной церкви делало из средневекового католического иерея и епископа такого же феодального «господина» (*seigneur, Herr*) и воина, каким был барон, его прихожанин: вместе с баронами и вассалами их шли духовные со своими вассалами на войну со славянами, сражались с ними, захватывали у них добычу и пленных, получали в [232]земле их поместья; со своей стороны, славяне поступали с ними точно так же, как со всяким другим вооруженным неприятелем. Вот голословное известие саксонского летописца⁸⁷⁹: «992 год: два раза в этом году сражались наши против славян, сперва 18 июля, и в этой битве пал Титгард (*Thiethardus*), *диакон* верденской церкви, знаменосец, со многими другими; потом 22 августа, и тут убит был Галегред (*Halegred*), знаменосец, *пресвитер* бременский». Затем это же духовенство, которое высылало своих членов на поле битвы со славянами, принимало на себя попечение об их духовном просвещении и спасении: что же могли чувствовать славяне, слушая таких наставников? Часто тот самый архиерей, который как военачальник покорил славян, становился тут же их пастырем. Так датский архиепископ Абсалон, которого одно древнее католическое житие восхваляет следующим образом: «муж великого ума, краса духовенства, утешитель горюющих и страждущих, милостивый кормилец странников и нищих и великий гонитель славян, украшение веры»⁸⁸⁰ и проч., – этот Абсалон совершил завоевание Раны, и Рана была приписана к его епархии; он стал посещать ее для освящения церквей, для наставления и «конфирмации» народа.

⁸⁷⁹ Annalista Saxo, у Пептца; VIII, 638.

⁸⁸⁰ Vita S. Wilhelmi Abbatis Roschildensis, в Acta Sanct. April. I, 630... Absalon, homo magni consilii, clericorum decus, moerentium et afflictorum consolator omniumque religiosorum pius amator, totiusque populi modestus gubernator; advenarum et pauperum clemens sustentator, Sclavorumque maximus persecutor; ornamentum fidei etc.

Все эти впечатления могли бы еще с течением времени изгладиться в умах славян, и поколения, рожденные и воспитанные в христианстве, забыли бы, что духовенство их некогда шло против их народа с мечом в руках завоевателей, если бы оно принимало их в свое сословие. Казалось бы естественным стараться образовать для славянской паствы священников славян; но нет: Западная церковь, сделавшись как бы преимуществом и собственностью германского народа и государства, хотела вручать свои должности лишь членам этого народа и государства. Во всей истории балтийских славян, не только у передовых ветвей, обращенных силой, но и у поморян, крестившихся по собственному согласию, мы не находим *ни одного* епископа, ни даже священника из славян, может быть, разве, в последующие века, когда славянская народность в этих странах исчезла, духовные власти препоручались иногда потомкам славян по крови; но тогда уже это ничего не значило, потому что потомки славян были онемечены. Эта исключительность приносила неисчислимый вред: она поддерживала в христианстве, насажденном на Славянской земле, иностранный характер; она здесь ставила в ряды чужеземного, властительного сословия духовенство, которое в других странах Запада, напротив, покровительствовало народу и защищало его от угнетений [233] аристократии; она лишала духовенство сочувствия к его славянской пастве и живого интереса к ее преуспеянию: земля Славянская казалась священникам-немцам страной изгнания, из которой можно было извлекать только дань да десятину, и когда в этой стране водворялась какая-нибудь немецкая колония, то все духовенство стояло за нее против славянского населения. Мы только что упоминали о священнике Бруне, которому поручена была паства в Старом-граде, у вагров: «лишь только прибыл он в Старыгарт, – говорит Гельмольд⁸⁸¹, – он приступил к благочестивому делу с великою ревностью, и призвал народ славянский к благодати возрождения, вырубая священные рощи и уничтожая бесовские обряды. А как крепость и город (Старыгарт), где была прежде кафедральная церковь и (епископский) престол, находились в запустении», то он «склонил графа (голлштинского) основать колонию саксов, *чтобы был священнику утешением народ, знакомый по языку и образу жизни*»⁸⁸². Так действовал у славян тот благочестивый и

⁸⁸¹ I, 83.

⁸⁸² Obtinuit apud Comitem, ut fieret illic Saxonum colonia, et esset solatium sacerdoti de populo, cujus nosset linguam et consuetudinem. Гельмольд говорит в другом месте (I, 88) о бранденбургском маркграфе Альбрехте Медведе: «призвал он голландцев, зеландцев, фландров, и перевел от них великое

попечительный о своей пастей Бруно, который один между немецкими проповедниками на славянском Поморье решился писать по-славянски! Так и он старался о водворении немцев в своем приходе, *в утешение себе!* Что же делали тогда другие? И нужно ли говорить о том, как вся эта исключительность и неправда, все это лицемерие, с которым проповедовалось Евангелие и в тоже время отвергались самими проповедниками основные его заповеди, как все это оскорбляло и раздражало славян, и какое возбуждало в них чувство гнева и омерзения. Оскорбляло же и раздражало их еще и то, что для них закрыт был исключительностью немецкого духовенства единственный выход, который мог иметь тогда простолюдин на поле деятельности умственной и политической, и что в руках враждебного народа находились, в их же земле, огромные доходы и выгоды, сопряженные с духовным званием. Одним словом, на славянском Поморье католическое духовенство, вместо того чтобы сглаживать (как было в землях романских, покоренных германцами) различие между победителями и побежденными, именно его поддерживало и как бы освящало.

Всем этим и объясняется отчасти ненависть балтийских славян к своим немецким священникам и те истязания и казни, которым славяне их беспрестанно подвергали, пока не были совершенно покорены. Но чужезем[234]ность духовенства не составляла еще основной причины озлобления балтийских славян против христианства: то не было еще главное, ни самое отвратительное из зол, порожденных исключительностью Западной церкви. Главное и самое отвратительное зло было то, что в глазах немцев славянин, принимавший от них веру, становился с тем вместе поданным их, — не то чтобы равноправным с ними членом государства, а данником «священной» империи, которой сами они были гражданами.

Немецкие летописцы жалуются не раз, что христианство не распространяется между балтийскими славянами: добродушные монахи обвиняют в том корыстолюбие саксов, безжалостно угнетавших славян. «Я слышал, — пишет в XI в. Адам Бременский⁸⁸³, — я слышал от правдиваго короля датского, что славянские племена давно уже, без сомнения, могли бы быть обращены в христианскую веру, если бы не препятствовало корыстолюбие саксов, умы кото-

множество народу, и поселил их в городах и деревнях славян; и великим утешением был ввод пришельцев для епископства бранденбургского и гавельбергского (et confortatus est vehementer de introitu advenarum episcopatus Brandenburgensis nec non Havelbergensis)».

⁸⁸³ III, 22.

рых, говорил он (король), склоннее к собиранию дани, нежели к обращению языков. Не хотят видеть несчастные, какую опасность они на себя накликают своею жадностью, сначала поколебав корыстолюбием своим христианство в Славянской земле, а потом жестокостью принудив поданных к восстанию, и теперь отстраняя для людей, которые охотно бы стали веровать, возможность обращения тем, что требуют все денег». Подобным образом Гельмольд говорит⁸⁸⁴: «Одержав победу, славяне вооруженною рукою свергли иго рабства и с таким упорством духа стояли за свою свободу, что скорее решились умереть, нежели принять снова наименование христиан или платить дань начальникам саксов. Поистине, эту беду породило несчастное корыстолюбие саксов, которые, покуда одарены были силою и возвеличивались частыми победами, не хотели признать, что война в руки Божией и что от Него победа, а напротив, такими налогами угнетала народ славянский, который им удалось подчинить себе войною и договорами, что он горькою необходимостью принужден был сопротивляться *Божьему закону и подданству герцогам*».

Дело понятное, и сами Адам и Гельмольд обнажают корень зла: он заключался, конечно, не в корыстолюбии саксов, которое было лишь одним из последствий его, а в самом порядке вещей, который летописцы тут же определяют несколькими словами, вырвавшись, можно сказать, почти бессознательно; «умы саксов склоннее к собиранию дани, нежели *к обращению языков*»; «саксы своею жестокостью принудили славян-христиан, *своих подданных*, к восстанию»; «славяне сопротивлялись *Божьему закону и подданству герцогам*»: здесь ясно, к чему привело церковное государство германцев. На саксов, пограничное и по преимуществу враждебное славянам немецкое племя, [235]внутренней логикой этого порядка вещей возложена была обязанность ограждать и распространять в этой стороне власть империи и крестом, и мечом, обращая славян и покоряя их (сознание этой церковной, так сказать, обязанности саксов видно, между прочим, в приведенном месте Адама Бременского, который влагает в уста своего державного собеседника жалобу, что саксы не довольно склонны *к обращению языков*). Зато они же пользовались всеми выгодами от славян: делаясь христианами и поступая в подданство к «священному» государству, славяне подчинялись представителям оногo в этом крае, саксонским герцогам и графам и дружине их, и они, которые налагали на них дань, и собирали ее.

⁸⁸⁴ I, 25.

Значение обращения славян для средневековой Германии

Впрочем, сами немцы нисколько не скрывали смысла, какой для них имело обращение славян. Вот слова Титмара: «Племена (славянские, по преимуществу стодорские), которые, *приняв христианство, подчинены были как данники* (tributarie serviebant) королям и императорам, озлобленные надменностью герцога Дитриха, единодушно взялись за оружие»⁸⁸⁵. Послушаем также, что говорит Адам Бременский. «Рассказывают о короле Генрихе (Птицелов), что он одною великою битвою нанес такой удар славянским племенам, что остальные (славяне) добровольно обещали *и королю дань, и Богу обращение в христианство*»⁸⁸⁶. «Говорят, что король Оттон покорил своей державе все славянские племена. Он их с такой силою захватил в свою власть, что они охотно предложили победителю *дань и обращение в христианство* лишь бы им оставили жизнь и землю их, и окрещен был весь языческий народ»⁸⁸⁷. Подобных мест во всех немецких летописях множество; но нигде не встречаем мы такого простосердечного выражения, как у любекского священника Арнольда (в конце XII и начале XIII вв.): Арнольд пишет продолжение Гельмольдовой хроники и приступает к [236]своему труду следующим образом: «Так как покойный иерей Гельмольд не закончил, как предполагал, историю *о покорении или призвании* (в церковь) *славян* (de subactione seu vocatione Slavorum)... то мы решились взяться за это дело»⁸⁸⁸. Покорение или призвание славян – это для Арнольда одно и то же, и вот что значила для современников *история обращения славян*, предмет Гельмольда, как он сам говорит в предисловии⁸⁸⁹. Мы не обвиняешь ни Гельмольда, ни Арнольда, ни Адама Бременского, ни кого бы то ни было из средневековых писателей: нет, они почти все проникнуты живым христианским чув-

⁸⁸⁵ Thietm. III, 10.

⁸⁸⁶ Ad. I, 58.

⁸⁸⁷ Ad. II, 5... tanta virtute deinceps constrinxit, ut tributum et christianitatem ro vita simul et patria libenter offerrent victori...

⁸⁸⁸ Arn. I, 1. Quia bonæ memoriæ Helmoldus sacerdos historias de subactione seu vocatione Slavorum, ... debito fine, ut voluit, non consummavit... huic operi... insistere decrevimus.

⁸⁸⁹ Helm. lib. I, præfatio... occurrit animo, ... ut... scribam conversionem Slavice gentis.

ством; а между всеми заслуживают особенного уважения Адам Бременский и Гельмольд, полные сердечной теплоты и благодушия, полные христианской любви и сострадания к славянам; те выражения, которые мы привели и в которых таится такая глубокая, ужасная бесчеловечность, сказаны ими в простоте душевной, безо всякого чувства злобы: это отражение среды, в которой жили летописцы, голос средневекового, католического и германского, Запада. Послушаем теперь голоса славянина, послушаем, как в рассказе Гельмольда⁸⁹⁰ последний славянский князь западных балтийских племен (его преемники стали уже немцами) определяет положение, в какое германский и католический Запад ставил своих духовных чад славян, принимавших от него христианскую веру. В 1155 г. епископ Вагрской земли Герольд, со многими спутниками и между прочими с самим Гельмольдом, предпринял объезд своей славянской паствы и прибыл в Любицу (Любек). «В следующее воскресенье собрался весь народ страны на любичский торг; и пришел господин епископ, и стал держать увещательную речь в народе, чтобы они, оставив идолы, чтили единого Бога, который в небесах, и, приняв благодать крещения, отреклись от злых дел, именно от грабительства и от убийства христиан. И когда он заключил речь свою к собранной толпе, то при одобрительных знаках народа Прибыслав (князь вагров и бодричей, христианин) стал говорить: “Слова твои, о почтенный святитель, суть слова Божии и клонятся к нашему благу. Но как нам ступить на этот путь, окруженным и опутанным столькими бедствиями? И чтобы ты мог понять нашу напасть, выслушай терпеливо мои слова: ведь народ, который ты видишь пред собою, твой народ, и справедливо, чтобы мы раскрывали пред тобою наше горе; твое же дело нам сострадать. Властители наши так жестоко нас угнетают, что при податях и тяжком рабстве, на нас наложенных, нам смерть лучше жизни. [237] Вот в нынешнем году мы, жители этого маленького уголка земли, заплатили 1000 марк герцогу, а графу сверх того еще столько сотен (марк), а все таки мы их не удовлетворили, и всякий день нас давят и выжимают из нас до изнеможения. Когда же нам досуг думать об этой новой вере, как нам строить церкви и принимать крещение, когда нам всякий день приходится помышлять о бегстве? Если бы по крайней мере было куда бежать! Перейти за Травну – и там такая же напасть; удалиться к Пене реке – напасть все та же. Что же остается нам другое, как, покидая землю, бросаться на море и жить среди волн? И разве наша вина, что, изгнанные из родины, мы сделали море небезопасным и

стали брать деньги с датчан и с купцов, которые плавают по морю? Разве это не вина властителей, которые нас выгоняют?»⁸⁹¹ На это господин епископ сказал: «Что властители наши доселе дурно обращались с вашим народом, неудивительно: они не считают этого большим грехом с язычниками, с людьми не имеющими Бога. Тем более вы должны прибегнуть к христианской вере и покориться вашему Творцу, пред коим преклоняются те, которые властвуют над миром. Ведь саксы и прочие народы, носящие имя христиан, не живут ли покойно довольные законным порядком? Вы же одни как от всех отличаетесь верою, так и от всех терпите разграбление». А Прибыслав сказал: «Если господину герцогу (саксонскому) и тебе благоугодно, чтобы у нас был одинаковый с графом (голштинским, пограничным начальником саксов) порядок и строй, *то пусть дадут нам права саксов относительно поземельных владений и доходов, и мы охотно будем христианами*, станем строить церкви и платить должную десятину». После этого уехал наш епископ Герольд...»⁸⁹².

⁸⁹¹ «Verba tua, o venerabilis pontifex, verba Dei sunt et salutis nostrae congrua. Sed qualiter ingrediemur hanc viam, tantis malis irretiti? Ut enim intelligere possis afflictionem nostram, accipe patienter verba mea. Populus enim, quem aspicias, populus tuus est, et justum est nos tibi pandere necessitatem nostram. Porro tui juris erit compati nobis. Principes enim nostri tanta severitate grassantur in nos, ut propter vectigalia et servitutem durissimam, melior sit nobis mors quam vita. Ecce hoc anno, nos habitatores brevissimi anguli hujus, has mille marcas duci persolvimus, porro comiti tot centenaria, et necdum evicimus, sed quotidie emungimur et premimur, usque ad inanitionem. Quomodo ergo vacabimus huic religioni novae, ut aedificemus ecclesias et percipiamus baptismata, quibus quotidiana indicitur fuga? Si tamen locus esset, quo diffugere possimus. Transeuntibus enim Travenam, ecce similis calamitas illic est; venientibus ad Panim fluvium, nihilominus adest. Quid ergo restat, quam ut omissis terris feramur in mare et habitemus cum gurgitibus? Aut quae culpa nostra, si, pulsi patria, turbaverimus mare et acceperimus viaticum a Danis sive institoribus qui mare remigant? Nonne principum erit haec noxa, qui nos propellunt?

⁸⁹² Ad haec dominus Episcopus ait: «Quod principes nostri hactenus abusi sunt gente vestra, non est mirandum: non enim multum se derelinquere arbitrantur in idololatriis, et in his, qui sunt sine Deo. Quin potius recurrunt ad ritum Christianitatis, et subjicite vos Creatori vestro: sub quo curvantur, qui portant orbem. Nonne Saxones et caeterae gentes, quae Christianum nomen habent, degunt cum tranquillitate, contenti legitimis suis? Vos vero soli, sicut ab omnium discrepatis cultura, sic omnium patetis direptioni». Et ait Pribizlavus: «Si Domino Duci et tibi placet, ut nobis cum Comite eadem sit culturae ratio, dentur nobis jura Saxonum in praediis et redditibus, et libenter erimus Christiani, aedificabimus ecclesias et dabimus decimas nostras». Post haec abiit Episcopus noster Geroldus etc.

Общие последствия религиозного развития балтийских славян и католическо-германского Запада. – Борьба их

Эти слова, сказанные славянским князем немецкому епископу, и на которые тот не нашел ответа: «дайте нам права саксов, и мы охотно будем христианами»! – не самое ли страшное обличение и проклятие целым народом того здания, которое воздвигла гордость западного мира и в котором она хотела заключить христианскую веру?

Таким образом, несходные обстоятельства одинаково привели и балтийских славян и немцев к совокуплению веры с гражданским порядком. Борьба между обоими народами должна была произойти ожесточенная. Нам известны причины их давнишней вражды и беспрерывных столкновений; и эта закоренелая, народная ненависть слилась с враждой религиозной, ибо немцы, которых устремляла на балтийских славян необходимость упрочить и расширить свои границы со стороны Лабы, считали в то же время войну с ними священной, а балтийские славяне, отстаивая свои идолы от напора христианства, с тем вместе защищали независимость родины и свою личную свободу. В этой борьбе состоит вся история балтийских славян с IX в. Прежде была у них, по несомненным признакам, пора внутреннего развития и творчества, в которую выработали они свой племенной быт и свою языческую веру: мы видим в истории их плоды этой поры развития, но сами события ее предшествуют исторической памяти. История застаёт балтийских славян только в эпоху застоя и падения, когда они уже принуждены защищать свою старину от Германии и христианства.

Германия, как носительница высших начал, христианского и государственного, хотя искаженных народной исключительностью и феодализмом, сломила языческое упорство и племенную разрозненность балтийских славян. Когда эта борьба ее с передовыми племенами, бодричами, лютичами, стодорянами, приходила к концу, и эти славяне были близки к истреблению, то [239]отдаленнейшая и менее озлобленная ветвь поморян приняла из рук немецкого епископа христианскую веру, а потом к ним примкнули и ране, по разрушению Арконы принужденные креститься. Тут борьба приняла другой вид, оставаясь в сущности все та же, и началось мирное истребление славянской народности влиянием немецкого духовенства и онемеченных знатных людей и князя. Принесенное от германцев христианство действовало так, что Вышеслав, сын того Яромира, который в молодости был еще язычником и сражался за ран-

скую независимость против датчан и немцев, Вышеслав, князь славянского племени ран, в договорном условии со шверинским епископом о десятине с земли Требочецкой, где водворены были немецкие поселения, писал между прочим следующее⁸⁹³: «Из подати славян, известной под названием *бископовница*, третья часть сбора, поступающего с тех, которые удалились от немцев, возделывающих поля у крепости Требочца, и (переселились) по ту сторону ее, уступлена мне господином епископом на феодальном праве; а с тех, которые до сих пор остались жить вместе с немцами, вся десятина будет идти помянутому господину епископу⁸⁹⁴. *Если же случится такое бедствие, – от чего да сохранит Бог! – и вышеозначенная земля возвратится в прежнее состояние, то есть, что с изгнанием немцев славяне снова начнут заселять ее* (*Si vero, sinistro succedente casu, quod Deus avertat, terra pretaxata in pristinum fuerit statum reversa, ita quod, Theutonicis expulsis, recolere terram Sclavi incipiant*), то им (славянам) платить подать, именуемую *бископовница*, сполна епископу, как прежде».

[240]

LXXXVII

Общий взгляд на предыдущее изложение. – Известия о балтийских славянах в первой половине VIII века: Стурми и Бонифаций

Здесь мы останавливаемся, кончив обзор внутреннего состояния балтийских славян и тех общих начал и отношений, от которых зависела их историческая судьба. Мы рассмотрели древнейшую исто-

⁸⁹³ Cod. Pomer. № 134, от 24 ноября 1221.

⁸⁹⁴ Ego Wiszieslavus, Dei gratia Ruianorum princeps... cum pro Theutonicis ageretur colonis, qui terram Tribuzes inhabitarent, in decima que spectabat ad usum episcopi Zwerinensis Theutonico solvenda more. Dominus episcopus et ego convenimus sub hac forma... dominus episcopus de collectura Sclavorum, que Biscopovnzha dicitur, illorum videlicet, qui Theutonicis agros illos colentibus cesserunt ex alia parte castri Tribuzes, tertiam partem decime pheodali iure mihi concessit; illorum autem, qui adhuc cum Theutonicis resident, tota decima in usum cedet domini episcopi memorati. Точный перевод этого места довольно затруднителен по запутанности синтаксиса; приводим объяснение издателей поморского «Codex diplomaticus (стр. 313): «Die Slaven, welche den neu angesiedelten deutschen Bauern ihre Aecker geräumt haben, und in andre Dörfer der Landschaft Tribsee's versetzt worden sind, zahlen nach wie vor den slavischen Zehnten, d. i. die *Biscopniza*, und der Bischof belehnt den Fürsten mit dem dritten Theile dieser *Biscoponiza*».

рию славянских поколений на балтийском Поморье; мы видели, как рано наступила для них пора исторической деятельности, как они прошли через долгую эпоху борьбы и иноплеменного владычества, прежде чем упрочили за собой, в V веке, самостоятельное обладание родным краем между Вислой и Лабой. Мы видели, какое влияние могла оставить в них эта первая эпоха их жизни и какое еще сильнейшее, непрестанное и неизменное влияние должны были иметь естественные условия их географического положения, по какому направлению и во внешней деятельности, и во внутреннем развитии должно было пойти это племя славян, поставленное между двумя великими отраслями германскими, немцами и скандинавами, протянувшееся по открытому скандинавам морскому берегу от Вислы до границ Ютландии, по открытому немцам берегу Лабы от Турингии до болот голштинских, и разобщенное местными преградами от своих славянских братий на юг. Вся внешняя деятельность балтийских славян представилась нам устремленной на запад: бесконечный пограничный бой с саксами и датчанами, отважные переселения во внутренние края Германии, в Голландию, в Англию, обширная торговля с западными народами, вот что мы нашли у них в ту эпоху, когда они, еще не занятые исключительно защитой своего народного существования от ударов Германии, могли свободно располагать своими силами, в эпоху, в которую совершалось внутреннее их развитие, вырабатывались и слагались условия их жизни бытовой и духовной. И мы видели, в чем состояло это развитие, как определился у балтийских славян народный характер, какой образовался у них общественный строй, какая установилась религия; народный характер, в котором воинственность, отвага и упорство составляли существенные черты; общественный строй, происшедший из племенного быта, где соединена была княжеская власть с господством народной общины и с влиянием сословия знатных людей, и где дробление на племена и на волости было основанием всего гражданского порядка; языческая вера, развивавшаяся из поклонения силам природы в определенную систему человекообразной мифологии и поставленная во главу общественного строя; – с этими началами вошли балтийские славяне в круг истории средневековой Европы, в роковую борьбу с германским и католическим Западом, которую начал Карл В[еликий] и которая разыгралась на Эльбе в XII веке, а в стране поморян не раньше XIV.

Мы можем теперь приступить к рассказу об этой борьбе со всеми ее обстоятельствами и превратностями во всех краях и углах, где велась она с таким упорством столько столетий: сей рассказ, который должен начаться от первого перехода соединенных сил Герма-

нии через Лабу при Карле Великом, будет содержанием следующих глав нашего сочинения. Здесь же мы упомянем только еще, для полноты, о двух-трех фактах, которые относятся к скудной летописными известиями истории балтийских славян в предшествующую эпоху: факты эти, принадлежащие к VIII веку, совершенно отрывочные, и не пришлось нам привести их в прежнем изложении. Первый из них довольно замечателен: это первый случай, где средневековый германский памятник упоминает о балтийских славянах, и случай этот, в сущности самый незначительный, однако как бы провозвещает то бесчеловечие, с каким Германия потом отталкивала несчастных балтийских славян от христианской истины. Случай был вот какой (именно в 736 году)⁸⁹⁵.

Ехал Стурми, родом баварец, один из первых проповедников Евангелия в Германии и первый, бросивший семена христианства в Турингии (Германия потом чтит его в числе святых), ехал верхом на осле по торговой дороге, ведущей из Турингии в Майнц. Там, где дорога эта пересекается рекой Фульдой, он встретил великое множество славян, которые купались и плавали в реке: мы знаем о переселениях славян с балтийского Поморья в далекие края средней и даже южной Германии; то была, без сомнения, толпа таких переселенцев. «Перед этим множеством голых людей, — продолжает жизнеописание, — осел, на котором сидел муж божий, задрожал от испуга, и смрад их возбудил отвращение в самом проповеднике. Они же, как язычники, стали насмехаться над рабом господним и вздумали было бить его; но сила Божия удержала их. Один же из них, который был у них толмачом, спросил святого, куда он едет, и он отвечал ему, что отправляется далее, в пустыню. Так он проехал мимо».

Такова была первая записанная в истории встреча балтийских славян с германским проповедником. Встреча не предвещала добра. Стурми был, сколько известно, человек самый ревностный и чистый; но лишь только коснулось дело славян, народная ненависть точно заглушила в нем и завет Спасителя, и пример апостолов, и долг евангельского вестника: где апостол в мирных, купающихся странниках увидел бы братьев, ожидающих истины, и может быть, превратил купание для освежения сил в купание спасения, там германский проповедник отворачивается, потому что оскорблено [242]его обоняние; где апостол бы воспользовался бы толмачом, его понимающим, чтобы по крайней мере навести язычников на размышления о скудности их веры и тем приготовить их к новому слову, там Стурми проходит мимо и отправляется куда же? В пустыню.

⁸⁹⁵ Vita S. Sturmi, у Пептиа. II, 309.

Также и св. Бонифаций, величайший из тружеников христианства в Германии, не был благосклоннее к славянам. Он называл их «мерзейшим» и «самым скверным» поколением людей⁸⁹⁶. Пользуясь их переселенцами для возделывания церковных земель в Германии, он, сколько известно, не старался о распространении между ними Евангелия и заботился лишь о том, чтобы основанные им церкви получали от них выгоду. Он спрашивал у папы, могут ли германские церкви брать подать с них, с язычников, на что Захария писал в ответе: «Ты желаешь знать, брат мой, следует ли взыскивать подать на Славянах, занимающих земли христиан; на этот счет, по правде, не нужно и совета, когда дело очевидное: ибо если они будут сидеть без дани, то когда-нибудь станут присваивать себе и землю, как собственность; а платя дань, будут знать, что и земля имеет владельца»⁸⁹⁷. (Поселения славян Бонифацием начались с 741 года, ответное письмо Захарии относится к 751 году.)

LXXXVIII

Первые сношения балтийских славян с франками. – Союз бодричей с Пипином и Карлом Великим против саксов

Историческими событиями VIII век в отношении к западным славянам вообще необыкновенно беден. Держава, основанная Самом у чехов, к которой примкнули и соседи балтийских славян, лабские сербы, распалась еще в конце VII столетия, и не осталось следа от недолгого могущества Сомова; славянские племена возвратились в прежнюю разъединенность и неизвестность. Между тем племя германское двигалось и росло. Оно развивалось и крепло на почве покоренной Галлии, отражало от Европы силу магометан, [243]вступало в сношения с Италией, в союз с папой. Под покровительством Карловингов христианство распространилось в коренной Германии трудами великих проповедников, и вслед за ним подвигалось кровавым путем франкское владычество и государственное единство.

⁸⁹⁶ S. Bonif. epist. N LXXII. Et Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum. См. Шафар. Слав. древн. II, § 43, выноска 28.

⁸⁹⁷ См. Шафар. там же. Послание папы Захарии: Etenim de Sclavis Christianorum terram inhabitantibus, si oporteat census accipere, interrogasti, Frater. Hoc quidem consilio non indiget, dum rei causa est manifesta. Si enim sine tributo sederint, ipsam quandoque propriam sibi vindicabunt terram; si vero tributum dederint, norunt dominatorem ipsam habere terram.

Ветви алеманнов, фризов, баварцев, турингов, мало-помалу покрываемы были франками, одни саксы оставались в племенной независимости. С ними не замедлили произойти столкновения. С этих пор, вероятно, и начался союз бодричей с франками: ближайшие соседи и постоянные враги саксов, они, конечно, были склонны к дружбе с народом, который на саксов нападал, и сам был еще далек от их пределов, не угрожал им прямой опасностью. В 748 г. шаткая еще власть франков над племенами средней и восточной Германии была в большой опасности: брат знаменитого Пипина Короткого, Грифо, восстал на брата и поднял против него саксов. Пипин призвал славян. Он вступил с сильным войском из Турингии в землю нордсавов или нордшвабов, южной ветви саксов⁸⁹⁸, «и тут, — говорит летописец, — пришли к нему на встречу вожди сурового племени славян, готовые помогать ему против саксов, и их было ратников около ста тысяч»⁸⁹⁹. Мы не сомневаемся признать этих славян за бодричей, соединившихся, вероятно, с племенами стодорян, соседей означенной ветви нордсавов, и также враждебных саксам: ибо во все последующее время бодричи и племена стодорские являются всегда на стороне франков против саксов, тогда как другие славяне, жившие в этих краях, лютичи, сербы и чехи враждовали с франками и дружились с их соперниками.

Во всяком случае, замечательно, что на зов Пипина славяне прилабские могли выставить в поле и перевести на чужую землю такое войско, что оно казалось современникам стотысячным. Испугавшись силы франкской и славянской, саксы просили мира и покорились Пипину. Войска разошлись, и с тех пор до времени Карла Великого о балтийских славянах нет известий. Только летописец Эингард говорит нам, что «бодричи, с тех пор как впервые вступили в общение с франками, были для них постоянными помощниками»⁹⁰⁰, и нетрудно угадать, в чем состояла эта помощь: бодричи, и с ними, без сомнения, опять также прилабские ветви стодорян, продолжали свою пограничную войну с саксами, которую вели испокон века, и разумеется, развлекая силы саксов, уведомляя об их намерениях и движениях, немало содействовали успеху франкского завоевания: не зная сами, что они делали, они помогли Пипину и Карлу Великому низвергнуть в саксах последний оплот [244] племенной

⁸⁹⁸ На левой стороне Салы, близ ее устья, около р. Боды, впадающей в Салу.

⁸⁹⁹ Ann. Mettenses, у Пептца. I, 330.

⁹⁰⁰ Einh. annal. d. 798 (Pertz. I, 185) Abodriti auxiliatores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

независимости в Германии и наложить на нее то государственное единство и устройство, посредством которого она потом покорила и уничтожила их самих и весь народ балтийских славян; и когда Карл В., пройдя вдоль и поперек землю саксов, стал на берегу Лабы, то бодричи со стодорянами пришли к нему с поклоном и указали ему дорогу, через Лабу, на славянское Поморье.

ИСТОРИЯ
БАЛТИЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НЕМЦАМИ НА БАЛТИЙСКОМЪ ПОМОРЬѢ ВЪ СРЕДНЕ ВѢКѢ.

Балтийские славяне принадлежали к той ветви славянского поколения, которая носила древнее имя *ляхов*; ближайшие соплеменники их были славяне, соединившиеся впоследствии под общим именем польского народа, или, вернее, поляки и балтийские славяне составляли две части одного и того же славянского народа. Но вследствие особенных исторических обстоятельств балтийские славяне никогда не могли ни слиться с поляками в одно целое, ни образовать особое народное единство, а остались при племенной раздельности: потому они и не получили народного названия, а назывались только общим именем всего поколения – славянами. Все то, чего они достигли относительно политического единства, были союзы (федерации) мелких племен в известной местности: именно у них составились, как я сказал, союз *бодричей* между низовьями Эльбы и противоположным берегом Балтийского моря, союз *велетов* или *лютичей* между Балтийским морем и низовьем Одры и союз *стодорян* около Гаволы и средней Эльбы.

Утвердившись на правом берегу Эльбы, славяне, однако же, не успели занять всего ее течения до того места, где она впадает в Немецкое море: устье Эльбы и западная половина нынешней Голштинии находилась в руках немцев, именно ветви англов и полабских саксов. Черта, шедшая от верхнего течения р. Эгидоры (Eider) к р. Белине (Bille), составляла, по-видимому, границу между этой отдаленнейшей к востоку ветвью немцев и отдаленнейшей к западу ветвью славян, ваграми. К северу вагры соприкасались с датчанами. Между ваграми, с одной стороны, и немцами и датча[248]нами, с другой, кипел непрерывный пограничный бой. Вследствие этого вагры сделались самыми воинственными между балтийскими славянами; они прославились так же, как отважнейшие мореходцы и морские разбойники. Они получили первенство между своими соплеменниками и им повиновались не только бодричи и кичане, но и более отдаленные племена: это первое историческое известие о самостоятельной деятельности балтийских славян. Вре-

* Начало этой части, напечатанной первоначально в «Арх. ист. и практ. Сведений относящихся до России» 1860–1861, кн. III, отнесено нами по указанию позднейшей рукописи автора к самому началу. – *Издан.*^[24]

мя преобладания вагров на Поморье в точности неизвестно и должно быть отнесено к VI–VIII векам; в конце VIII века вагры потеряли уже свое значение и примыкали к бодричам, как второстепенная ветвь⁽¹²⁷⁾.

Бодричи и лютичи были тоже отважными бойцами и мореплавателями, и древнейшие саги датчан говорят много о столкновениях с ними. Датские витязи часто проникали к славянам и подчиняли их себе; существует в сагах сказание, относящееся, по-видимому, к VII веку, о каком-то королевстве *Рейдготии*, основанном датскими завоевателями на Балтийском море; должно полагать, что этим именем означает *Радигощ*, главный город лютичей, где, таким образом, датчане сосредоточили свою державу между славянами.

Другое сказание говорит о поражении датчан и о страшном нашествии славян на датские земли: это сказание свидетельствует о бывшей между славянами реакции против владычества датских витязей и об освобождении от них славянского Поморья; известие о нашествии славян на Ютландию подтверждается, по-видимому, существованием там древних поселений славянских.

Отвага на море увлекала балтийских славян еще далее: они основали колонии в Нидерландах, и значительное число велетов водворилось в Англии.

Торговая деятельность сопровождала морские походы: в земле бодричей находился славный торговый город *Рарог* (у Висмарского залива): процветание его предшествовало IX веку; позднее упоминаются, как особенно важные торговые центры, Волин и Юлин на острове Волин (Wollin), торговое предместье у балтийских славян, так что общественный быт их достиг полной определенности в ту пору, когда у других славян только зарождалась историческая жизнь. Основанием этого быта составляла племенная раздельность, которая так утвердилась у балтийских славян, так срослась со всеми стихиями их жизни, что им уже недоставало силы освободиться от нее и образовать единство народное и государственное^[25].

Быт балтийских славян, каким он является с IX века, более похож, можно сказать, на древнейший быт германцев, нежели славян, что объясняется как продолжительным господством немецких дружин на славянском Поморье, так и сильным влиянием германской стихии во все последующее время.

Каждое племя имело своего князя и свою аристократию; но независимо [249] от князя, власть которого была, кажется, весьма слаба и преимущественно проявлялась только в военное время и от знатных людей, имевших большую силу у балтийских славян, голос в делах общественных принадлежал и народу: на народной сход-

ке, кажется, требовалось, по старому славянскому обычаю, единогогласие¹.

Племена (кроме, может быть, самых мелких) делились на волости или *жупы*, как их называли эти славяне: в каждой *жупе* был *град*, т. е. огороженное, укрепленное место, служившее для обороны окрестного населения в случае опасности, для общественных сходок, суда, торгового и общественного жертвоприношения в мирное время. Начальником *града* и *жупы* был *жупан*; в каких отношениях он стоял к князю, им ли назначался или народом, неизвестно, но нет, кажется, сомнения в том, что жупаны выбирались из числа знатных людей и что они главным образом ограничивали власть князей.

Кроме *градов*, служивших для сбора народа из околотка, а все прочее время стоявших пустыми, у балтийских славян находились издавна, как я сказал, настоящие торговые города с постоянным городским населением. Таким образом, балтийские славяне не были, как другие славянские народы, в начале их исторического существования, исключительно земледельцами и, в случае нужды, временно воинами. Хотя земледелие осталось и у них главным занятием народа, однако у них существовал издревле, отдельный от остального народа, *торговый класс* и, кроме того (по крайней мере у некоторых племен), *класс военный*: к этому классу должно отнести, с одной стороны, тех немалочисленных людей, для которых морской разбой был если не единственным, то главным промыслом, а с другой стороны – дружинников, служивших князьям и, вероятно также, жупанам. Третье, отдельное от народа, сословие составляли у балтийских славян *жрецы*, тогда как у других славян-язычников не было особенных жрецов, и богослужебные обряды совершались самим народом, преимущественно отцами семейств и старшинами. Наконец, для полноты исчисления сословий должно прибавить, что балтийские славяне имели многочисленных рабов: в рабство обращались военнопленные, взятые как у чужих народов, так и у своих же братьев славян в беспрестанных междоусобных войнах⁽¹²⁸⁾.

Таковы главные черты общественного быта балтийских славян, засвидетельствованные показаниями древних летописцев. В их личном характере мы замечаем также, кроме общих свойств славянского поколения, влияние тех несчастных обстоятельств, которые их окружали с самого начала их исторического бытия. Хотя, с одной

¹ Исторические свидетельства, подтверждающие все, что говорится в этом введении, приведены и разобраны в первой части «Истории балтийских славян».

стороны, иностранцы хвалят их добродушие и гостеприимство, чистоту их нравов, их сносливость во всяких не[250]взгодах, приводят в них черты высокого человеколюбия и выставляют их людьми необыкновенно честными, верными данному слову, не знающими воровства; однако, с другой стороны, воинственность и храбрость, которою они особенно отличались, сопровождалась неслыханною у других славян суровостью², свирепством против неприятеля, жестокостью в обращении с невольниками и необыкновенным упорством. Вообще, их характер носит на себе явный отпечаток ожесточения, произведенного боевою жизнью, в которой эти племена начали и совершили свое историческое поприще.

Но еще важнее было другое последствие исконного общения балтийских славян с германцами и ускоренного развития этой славянской ветви в первую пору ее исторической жизни: именно, установление вполне определенной мифологической системы и слияние ее со всеми стихиями общественной и частной жизни народа.

У всех других славян языческая религия оставалась на степени неопределенного обожания сил природы³, не достигшего антропоморфизма, не связанного с храмами и особою кастою жрецов и заключавшего в себе смутное представление об едином высшем божестве. Вот что и сделало возможным легкое и бескровное распространение христианства между этими народами. Не то было у славян балтийских: в земле их, между немецкими завоевателями, мы видим уже в I веке по Р. Х. вполне развитое богослужение, сопровождаемое таинственными обрядами и человеческими жертвоприношениями и предоставленное особым жрецам; у немцев и еще несравненно более у скандинавов находим мы в древнейшую эпоху определенную систему антропоморфической мифологии, а мы знаем, что балтийские славяне постоянно сообщались с этими народами; наконец, и религия соседних прусов, с ее определенными образами, должна была иметь на них влияние⁽¹²⁹⁾.

² Даже в семье: родитель часто убивал новорожденного младенца, особенно дочь.

³ Так было и у русских славян: сооружение кумиров Владимиром в Киеве и Добрыней в Новгороде было *нововведением*, которое сделано было, может быть, под влиянием варягов (вспомним скандинавскую развитую антропоморфическую религию), и ни в каком случае не успело укорениться в народе: народ только сетовал, расставаясь со знакомым идолом Перуна, чтобы принять веру еще мало знакомую, но не показал никаких признаков усердия к нему, а в Новгороде такой идол был даже противен жителям (рассказ о пидьблянине в Софийской летописи).

Пример скандинавов, немцев, прусов, соединенный с общим развитием жизненной деятельности в самую раннюю историческую пору, был несомненно причиною того, что балтийские славяне выработали себе в язычестве целую религиозную систему, с храмами и человекообразными кумирами, с человеческими жертвоприношениями, с кастою жрецов и с установленным богослужением. Эту религию выработали они из собственных начал, не прини[251]мая самих божеств из чужбины; прежнее общеславянское поклонение силам природы осталось у них, но с второстепенным значением, а собственную свою мифологию они, так сказать, надстроили над ним⁽¹⁰⁹⁾. В основании их религиозной системы лежало представление о едином высшем боге (которого они, кажется, называли и Сварогом): поэтому бог, по их понятиям, жил в недоступной вышине, заботясь только о небесном и не обращая внимания на род человеческий, судьбу которого он предоставил низшим божествам, своим потомкам; потому люди и не воздавали ему поклонения. Высшее же божество земное, человеческое был Сварожич Святovit (он же, по видимому, назывался и Белбогом), бог света и добра, бог, благоволящий к людям, дающий своим поклонникам обилие плодов земных и победу над врагами, которых он поражал, носясь на священном коне, нарочно содержавшемся жрецами при храмах. Его изображали в кумирах выше человеческого роста, иногда с четырьмя или с трех головами (оттого название этого божества «Триглав» в Поморском городе Щетине), в его честь совершалось торжественное служение. Святovиту-Белбогу противопоставлялся Чернобог, божество злое и враждебное человеку. Понятие балтийских славян об его происхождении нам не известно; мы знаем только, что они объясняли себе совместное существование на земле всемогущего и благого божества и злого начала тем представлением, будто добрый бог не хочет видеть зла и молчит о нем, т. е. как бы игнорирует зло, не признает его. Независимо от Святovита у балтийских славян было множество других божеств, благоприятных человеку и представлявшихся также в антропоморфических образах, как то: Жива, богиня плодородия, Радигость (как кажется, бог веселья и мира), Яровит, божество воинственное, и многие другие; к сожалению, сведения о них чрезвычайно скудны. Наконец, уцелели в их религии остатки первобытного поклонения силам природы: так, в земле вагров обожали Перуна в темном лесу, где не было ни храма, ни кумира; поклонялись священным рощам, деревьям, камням, морю и т. д.

Вообще, языческая религия достигла у балтийских славян огромного развития и до такой степени овладела духом народа, что легла в основание всей его жизни, как частной, так в особенности об-

шественной; весь общественный строй у балтийских славян слился с их религиозными понятиями так, что люди, отвергавшие их богов, не пользовались в их земле общественным правом. Понятно при этом, что жрецы составили у них самостоятельную касту и пользовались великим значением общественным; понятно, что они всеми силами поддерживали в народе преданность языческим богам.

Каждый балтийский славянин имел своего домашнего, семейного божка, в каждом *граде*, средоточии волости (*жуны*), был храм бога, покровителя волости и при нем жрец; каждое племя имело свое общее божество, свою общую святыню и своего жреца; два племени лютичей, ратары и долечане, имели свой общий храм в *граде* Радигоще; храм этот сделался потом [252]общей святыней лютичей и, с усилением их значения между соседними славянами, служил и для них общественным средоточием. Наконец, на острове Руге (Рюгене), независимо от племенного храма для ранского племени в Коренице, находилась в неприступной твердыне Арконе общая святыня всего славянского Поморья – храм Святовита Арконского. Поклонение арконскому Святовиту и воля истолкователя его повелений, верховного жреца, составляли связь между разрозненными племенами балтийских славян. Сами ране как хранители арконской святыни, осененные особенной близостью и любовью Святовита, совершенно посвятили себя его служению; жрец Святовитов, именем своего бога, располагал этим племенем как хотел, князь (который имел у ран какое-то особенное, священное значение, вероятно, как главный слуга Святовита) исполнял во время мира и на войне только то, что жрец приказывал. Ране платили Святовиту (т. е. его жрецу) определенную дань, налагали такую дань на иностранцев, приезжавших к ним для торговли, предоставили ему особые земли, посвящали ему значительную часть военной добычи и содержали для него особую священную дружину, находившуюся в распоряжении жреца. Но ране были только ближайшими хранителями арконской святыни, а святыня эта была всенародная: все племена балтийских славян посылали в Аркону ежегодную дань и, сверх того, Святовит Арконский получал из всех краев Поморья богатые дары, как от частных людей, так и от общин и племен по особым случаям. Молельщики стекались в арконский храм для поклонения и узнания воли верховного божества; каждое племя при общественных предприятиях предварительно спрашивало в арконском храме решения у Святовита и по указанию жреца начинало или отлагало задуманное дело.

Таким образом поклонение арконскому богу сделалось для балтийских славян общею связью, и власть верховного жреца Святови-

та заменила у них общую государственную власть. Образовалась у них теократическая федерация и заступила место единства народного. Первенство в этой федерации принадлежало, естественно, племени ранскому, а во главе ее стоял жрец арконского Святовита.

Нельзя определить, была ли эта теократическая федерация у балтийских славян вполне выработана и установлена в ту эпоху, с которой мы начнем теперь наш исторический рассказ. Мы знаем о религиозной власти ранского племени и арконского жреца на славянском Поморье из свидетельств XI и XII веков; известия древнейших западных летописцев (собственных памятников балтийские славяне нам не оставили) не дают никаких указаний, по которым можно бы было отвечать на этот вопрос положительно или отрицательно; но те писатели, которые в XI и XII веках изображают религиозное первенство ран и общее поклонение балтийских славян Святовиту, говорят об этом, как о чем-то давнишнем и арконский истукан Святовита называют чрезвычайно древним. Вот почему должно полагать, что религиозное [253]развитие, которое увенчалось у балтийских славян теократической федерацией, сосредоточенной в арконском Святовите и в руках его жреца, было если не вполне завершено при вступлении их в борьбу с новосозданной Германской империей (около 800 года), то по крайней мере уже близко к завершению^[26].

* * *

Между тем как у славян на балтийском Поморье языческая религия охватывала весь быт народа, остановившийся на ступени племенной раздробленности и в существенных чертах уподобившийся древнейшему племенному быту германскому, между тем как у них развивалась теократия, заменившая собою единство народное и государственное, соседний и враждебный им Германский мир шел также к теократии, но она вырабатывалась у него из других начал, прямо противоположных началам теократии у балтийских славян. Тут теократия возрасла на почве язычества, там, в Германском мире, на почве христианства; у балтийских славян она была вызвана раздробленностью племенного быта, нуждавшегося в ней как в соединительной силе и укоренила этот быт в народе; в Германском мире вызвана она была идеей римского государственного единства, нуждавшегося в теократии для того, чтобы побороть строптивость старого племенного быта, и способствовала к утверждению стихии государственной в германских народах. Столкновение этих двух теократий, столь враждебных по своим жизненным началам, было

неизбежно, и неизбежна была победа той, которая опиралась на высших началах: христианство должно было одержать верх над язычеством, государственное устройство над устройством племенным.

Припомним здесь в общих чертах исторический ход Германского мира в ту эпоху, когда он еще не начинал борьбы с соседними славянами за Эльбой и только иногда, случайно, сталкивался с ними на границах и когда у этих славян мог беспрепятственно развиваться их общественный и религиозный быт, т. е. с половины V до конца VI столетия.

В V веке германцы разрушили Римскую империю. В этом великом подвиге, «величайшем и обильнейшем последствиями подвиге немцев в истории», — как выражается замечательный историк средневековой Германии⁴, участвовали преимущественно те завоевательные дружины, которые прежде расположились на славянском Поморье и в других местах Восточной Европы^[27]; бессвязно, бессознательно, в каком-то слепом порыве разнесли они по клочкам Римский мир: их толкала, одну за другою, на запад пробудившаяся сила славян (*gentes, quae a superioribus barbaris pulsae fugerant*, говорит Юлий Капитолин о немцах, вторгавшихся в Римскую империю), а [254]потом окончательно смела с востока и перекинула на запад эта сила, поддержанная и сосредоточенная гуннами. Между тем зерно немецкого народа, оседлые общины на коренных немецких землях не трогались; они оставались в старинном своем племенном быте, которого не в состоянии была поколебать и повести к единству народному и государственному мимолетная опасность от легионов Августа и Тиберия; в старом племенном быте пережили немцы на своих коренных землях эпоху разрушения соплеменными им дружинами Римской империи и воспользовались этим разрушением только для того, чтобы несколько распространиться на левом берегу Рейна и на южной стороне верхнего Дуная. А дружины, завоевавшие Италию, Испанию, Африку, южную Галлию, подчинились понятиям и потребностям римского государственного устройства; монархическая власть усилилась там до размеров, чуждых племенному быту немцев в собственной Германии; но вера мешала органическому слиянию завоевателей и завоеванных (германские дружины приняли арианство^[28], романское население принадлежало ко Вселенской Церкви), и ни одно из этих новообразовавшихся германских государств не утвердилось: правоверные епископы, а не арианские короли сделались настоящими правителями романских народов. Вследствие этого германские государства, основавшиеся

⁴ Гизебрехт. *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*.

на развалинах Римской империи, не могли воздействовать своими новыми общественными началами на собственную Германию. Такое воздействие было тем менее возможно, что немецкие завоеватели Италии, по малочисленности своей, терялись в массе покоренных римских граждан, а в Испании и Африке должны были, естественно, прервать всякие сношения со своим первоначальным отечеством.

Только в северо-западной Галлии дела приняли другой оборот. Завоеватель Хлодовиг с своею дружиной франков принял крещение из рук романского епископа. При этом крещении произнесены были знаменательные слова, которые должны были потом, в течение многих столетий, отзываться на судьбе балтийских славян. «Преклони шею, Сикамбр, – сказал Хлодовигу епископ Ремигий, – чтить то, что ты преследовал, *преследуй* то, что ты чтил!» А когда он рассказал Хлодовигу о страданиях Спасителя, франкский король воскликнул: «О, если бы я там был с моими франками, я отомстил бы за него!» Так романская церковь призывала франкских завоевателей к ее возвеличению силой, и франкские завоеватели вызывались служить мечом имени Спасителя. – Поддержанный сочувствием романского населения Хлодовиг скоро разрушил арианские державы в Галлии и соединил ее всю под своею властью⁽¹¹⁰⁾.

Франкское завоевание опиралось, с одной стороны, на церковь. С другой стороны, оно находило опору, постоянно обновляющуюся, в сплошной массе немецкого народа, который населял почти треть Галлии на левой стороне Рейна (отчасти водворенный там римлянами, отчасти перешедший туда во время распада империи). Церковь соединила обе народности, и римское госу[255]дарственное начало проникло в дух этих германцев. Слияние этих стихий произошло органически. Германский дух не утратил своей жизни и самобытно принял в себя римское начало. Держава франков основывалась на германском праве, на германском военном устройстве, на германском отношении сословий, и все это было связано и одушевлено римскими понятиями о государстве и правительстве. Таким образом, германское поколение вступило самостоятельно на поприще римской государственной жизни, и это произошло не в южной и западной Галлии, где германский элемент мало-помалу исчез среди романского, а в восточной, прирейнской, немецкой или обнемечившейся части ее. Здесь-то коренилась и деятельность того могущественного рода, которому дано было наложить государственную жизнь на всю Германию и определить дальнейшее развитие европейского запада. Каролинги стали истинными преемниками и исполнителями той идеи, которую предначертал уже первый франкский завоеватель Хлодовиг. Владея романскою Галлиею

с помощью своих прирейнских немцев, а из романской Галлии черпая начала государственности, они умели исполнить то, что предпринимал уже Хлодовиг и первые его наследники: они мало-помалу покорили германские ветви в их коренных жилищах за Рейном и насильно наложили на их племенной быт правительственную власть. Христианство помогло оружию франков.

Первоначальное обращение немцев в христианство (в VI, VII и первой половине VIII века) было делом кельтской церкви⁽¹¹¹⁾ (особенно ирландской). Проповедники ее действовали совершенно самостоятельно, не признавая авторитета Рима, в духе свободного вселенского единства веры, который господствовал в ту пору в кельтской церкви. Даже сама христианская Галлия не признавала тогда еще папской власти, епископы почитали себя равными по духовному значению с римским патриархом и для решения церковных дел прибегали беспрестанно к местным соборам⁽¹¹²⁾. Первый толчок к повороту в духовной жизни Западной Европы дан был папою Григорием Великим. Он послал от себя лично миссию в Англию, и англосаксы, приняв крещение (664 год), вступили в непосредственное подчинение «престолу св. Петра» (быть может для того, чтобы и в христианстве сохранить привилегированное положение относительно ненавистных кельтов). Вскоре из среды новообращенного народа англосаксонского стали отправляться, одушевленные юношеским пылом, проповедники к родственным племенам Германии. Связанные с немцами языком и бытом, они имели бóльший успех, чем кельтские миссионеры, и пожали плоды, посеянные кельтскою церковью. Знаменитейший из англосаксонских проповедников, св. Бонифаций, мог уже установить в Германии полную иерархию, и он связал ее непосредственно с Римом. По его настоянию собор епископов Германии решил (742 год) сохранить с Римскою церковью единство и повиноваться ей, быть подчиненными св. Петру и его преемникам, просить для митрополитов утверждения от престола Петрова и во всем руководствоваться его предписаниями. «Таким образом, – говорит немецкий историк⁵, – римское епископство возвысилось и достигло признания в обширных землях в то самое время, когда франкская держава обновлялась под владычеством Каролингов, и именно те немецкие племена, которые сохранили в наибольшей чистоте свой быт, доставили обеим этим новым и возрастающим силам основание и средства к своему многозначительному развитию».

Скоро эти две силы сблизились. Пипин Короткий, вождь франков, лишил престола последнего преемника Хлодовигова, и папа

⁵ Giesebrecht. Там же, 103

благословил это дело и помазал Пипина королем франков; Пипин же спас папу от притеснений лонгобардов и недоброжелательства греков и даровал ему светское владение. Вся Галлия подчинилась авторитету Рима. При наследнике Пипина, великом Карле, совершилось полное совоплощение церкви и государства на Западе: Германия приняла, как свое наследие, миродержавную идею и исключительность Римского государства, но основала ее на религии⁶.

Носитель этой обновленной церковною и германскою стихией идеи Карл Великий должен был прежде всего сломить остатки немецкой племенной независимости, упорно хранившейся саксами, единственным племенем в Германии, которое не вступило еще в область франкской монархии и Римской церкви. Борьба с саксами была главною задачею первой половины царствования Карла. Он крестил их огнем и мечом, но, как скоро они поддались и крестились, принял их как полноправных граждан в свою державу.

Покорение саксов заключило эту фазу развития в Западной Европе. Все немецкие ветви были соединены под началом римской государственности, но соединены не как слуги Римского мира, а как его граждане и обладатели его наследия. Венчание Карла короной Римских императоров (в праздник Рождества 800 года) довершило воздвигавшееся германским народом на христианской почве здание теократической монархии. «Империя Карла, – прекрасно говорит историк Гизебрехт, – была не только тем политическим идеалом, к которому уже целые века стремились немецкие владетели (т. е. восстановлением древнего Римского государства); религия овладела идеею империи, приняла ее в себя, переработала и выработала особенным образом. Убеждение древних римлян, что их республика предназначена подчинить единому закону все народы до концов земли, не угасло во время христианства, а напротив, почерпнуло новую жизнь в том веровании, что все исповедники Спасителя должны собраться в единое стадо и составить единое великое общество; христианский Рим воспитывал веру не только в единую христианскую церковь, но и в единое христианское государство, и передавал эту веру всем [257] последователям католического исповедания. . . . Не та была цель Карла как римского императора, чтобы восстановить тиранию языческого Рима над вселенной, оживить забытые права древних императоров и основать таким образом для себя неограни-

⁶ Таким образом, римское понятие *orbis terrarum*, весь мир, которое, однако, исключало земли, не подвластные Риму, перешло в средневековое западное понятие *tota christianitas*, которое точно так же исключало земли, хотя христианские, но не подчиненные римскому авторитету.

ченное господство; напротив, его представление о той новой власти, которая подобала ему, как императору, опиралось вполне на религиозно-политической идее империи, как эта идея выработалась в западной церкви. Скорее в ветхозаветной теократии, чем в деспотизме древнего Рима, искал он себе руководящих начал. Таким образом, новая империя основывалась существенно на церковной почве: ее идеалом было не что иное, как царство Божие на земле, в котором император поставлен от самого Бога его наместником, дабы он правил, согласно Божиим предначертаниям, всем родом человеческим, распределенным по порядку на народы, сословия и чинопочаения».

Трудно вернее изобразить характер и смысл той монархии, в которой Германский мир впервые слился органически с Романским и которая ознаменовала его вступление в государственную жизнь.

Перед Греческим, православным миром церковно-государственная монархия германо-романская остановилась как бы в недоумении перед загадкой: что это за мир, христианский, не еретический, а напротив, правоверный, а всё-таки не наш? как это: единоверцы наши⁷, а не члены нашего государства, не подданные нашего императора? Недоумение перед влиянием, которое так очевидно противоречило всем политическо-религиозным понятиям тогдашнего Запада, вот что определяет странные и для теперешних западных писателей непонятные отношения новосоздавшейся Германской империи к миру Греческому: есть, конечно, вражда, бывают и столкновения, хотя слабые, ибо Германская империя еще живо чувствует свое признание – быть хранительницей церкви, а греки суть верные члены церкви, и какие заслуженные! Меч, столько раз поднимаемый Германской империей против Греческого мира, падает у нее из рук, не от страха перед Византией, а от страха перед христианской идеей. Но всё более и более ощущает Романо-германский мир, какая страшная помеха для него Греция, помеха не материальная, а нравственная: пока он с нею в общении, пока он признает ее правоверною, невозможно ему утвердить в принципе свое совоплощение с христианскою церковью, свою идею о себе самом, как о «царстве Божием на земле»; и вот, скоро Романо-германский мир захочет вполне обособиться: он оттолкнет от себя Грецию, разорвет с нею общение веры, решится ее не знать и не ведать, и присвоит он себе звание вселенской церкви, дабы оно соответствовало званию все-

⁷ Я говорю о той эпохе, когда раздвоение церквей не определилось еще догматическим нововведением Запада, а существовало уже в области политической и нравственной: последнее предшествовало первому более чем столетие.

ленской [258]христианской монархии, которое Германский мир принял, как законное наследие римских идей.

Эта «вселенская» христианская монархия, как она определилась при Карле Великом, должна была иметь своих граждан и своих подданных. Гражданами, полноправными членами церковно-государственной семьи, были все племена и народы германской крови, как основатели и главные носители этой монархии, и народы романские, как старшие братья германцев в вере, как их учителя и природные преемники Рима, призвание которого германцы считали себя предназначенными обновить и осуществить. Подданными или, где прямое подданство было еще невозможно, данниками теократической империи должны были сделаться «варвары», т. е., по тогдашним понятиям, славяне и авары; покорить их единой христианской державе и подчинить христианской религии почиталось долгом германского народа и государя. Вследствие римских понятий, так легко принявшихся на почве народной исключительности немецкой, эти «варвары, хотя бы и обратились в христианство, не становились равноправными членами христианского братства, ибо оно ограничивалось миром Романо-германским: «варвары» должны были оставаться его слугами.

Проследив таким образом, до первого их столкновения, развитие двух сил, которые разделяло течение Эльбы, христианско-теократической империи Романо-германской, и языческо-теократического племенного союза балтийских славян, мы можем приступить к рассказу об их многовековой борьбе. Тот человек, который довел западный мир до цели его тогдашних стремлений – до его самоопределения, как вселенского христианского государства, – Карл Великий начал эту борьбу.

II

Первоначальные отношения франков к балтийским славянам. 748–789 гг.

Мы знаем о постоянной пограничной войне, которая велась на неопределенной черте, отделявшей северо-западную часть славянского Поморья от владений саксов на правой стороне низовьев Эльбы, в нынешней Голштинии или, как она тогда называлась, Нордалбингии (т. е. стране на севере от Эльбы). Вся тяжесть этой пограничной войны лежала, разумеется, на непосредственных соседях нордалбингских саксов – ваграх, жителях восточной части Голштинии.

Но в VIII веке имя вагров уже не является в исторических известиях, заменяясь, как было уже замечено мною, именем бодричей, обширнейшего племени, которое жило на востоке от вагров, в нынешней Мекленбургии. Как видно, бодричи успели приобрести первенство над вагра[259]ми и включить их в союз племен, который они образовали около себя на северо-западном краю славянского Поморья. Время и способ образования этого союза неизвестны; впрочем, едва ли может быть сомнение, что он составился главным образом вследствие необходимости противодействовать общими силами соседям-немцам, т. е. саксам. Союз этот существовал уже во второй половине VIII столетия, как видно из тогдашних западных летописей. Племена, входившие в его состав (именно бодричи в собственном смысле, или рароги, вагры, полабцы, смольняне и глиняне, и вероятно, также варны), вообще обозначаются в этих летописях именем первенствующего племени, бодричей⁸.

Ненависть к саксам сделала из бодричей естественных союзников всякого, кто нападал на это немецкое племя; в том же отношении к саксам находились, без сомнения, и стодоряне⁹, тоже непосредственные соседи их (к югу от бодричей), хотя стодорян отделяла от саксов определенная граница, Эльба, и столкновения не могли быть тут так часты и значительны.

С другой стороны, отдаленные от саксов и жившие на востоке от бодричей велеты или лютичи, враждуя со своими непосредственными соседями бодричами, готовы были, для удовлетворения этой ближайшей вражды, забывать общую ненависть к немецкому народу и дружить с саксами против своей славянской братьи.

Таковы были политические отношения этих племен, когда к ним приблизилась завоевательная сила франков.

Пипин Короткий начал войну против саксов, последних защитников язычества и племенного быта в Германии: бодричи и стодоряне вооружились за франков (в 748 году) и сильно помогли им против саксов¹⁰.

⁸ Бодричи являлись саксам как бы представителями всего пограничного, враждебного им славянства; см.: *Translatio s. Alexandri* (auct. Ruodolfo: писал около 860 г., M. G. II. C. 673 seqq.), с. 1 (*Примеч.* Когда я цитирую тома M. G., т. е. *Monumenta Germaniæ*, изд. Пертца, то разумею отдел *Scriptores*; при отделе *Leges*ставляю это специальное обозначение).

⁹ О соседях стодорян, остфалах, т. е. восточной ветви саксов, *Poeta Saxo* (Mon. Germ. I, 228) говорит (под 772 годом, в общем описании Саксонской земли): *Osterliudi, quos nomine quidam-Ostvalos alios vocitant, confinia quorum – Infestat conjuncta suis gens perfida Sclavi*.

¹⁰ См. подр. об этом в I-м томе «Истории балтийских славян», стр. 242.

С этих пор, кажется, начался твердый союз бодричей с франками: они также верно, как Пипину, содействовали и Карлу Великому в его кровопролитной и долговременной борьбе с саксами¹¹.

В 780 году Карл, покорив все волости саксов за Везером, дошел [260]наконец победителем до Эльбы и расположился станом на ее берегу, у впадения в нее Оры¹² (несколько севернее позднейшего г. Магдебурга), напротив земли стодорян. К нему пришли многие тысячи славян с противоположного берега (тут были, вероятно, посланцы и от разных племен бодрицких). Могуущественный завоеватель принял в отношении к ним роль верховного распорядителя. Ему нужно было помирить их со своими новыми подданными, саксами; нет сомнения, что он также воспользовался этим съездом, чтобы еще более скрепить союз прилабских славян (бодричей и стодорян) с Франкскою державою, союз, от которого вскоре произошли такие важные последствия для славянского Поморья¹³. Он *приобрел* их себе, говорит современный летописец¹⁴. Другой летописец уверяет, что многие из этих славян приняли тогда же крещение¹⁵. Быть может, показание его и справедливо; но крещение это не принесло плодов.

III

Поход Карла Великого на славянское Поморье. 789 г.

Несколько лет еще саксы бились против франкской монархии; последние усилия сохранить свободу племенного быта обнаруживались в местных вспышках и восстаниях. Наконец, Карл мог считать дело конченным и все народы Германии соединенными под своей властью. Тогда он решился обратить союз с поморскими славянами в полное их подчинение. Это не было случайное отдельное пред-

¹¹ Эйнгарт, annal. (Mon. Germ. I, 185) под 798 г.: Abodriti auxiliores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

¹² Ohre: славяне называли эту реку Ура или Юра, см. Thietmar. VI, 33.

¹³ Там же, 161, под 780 г.: Profectus inde ad Albiam, castrisque in eo loco, ubi Ora et Albia confluunt, ad habenda stativa conlocatis, tam ad res Saxonum, qui citeriorem, quam et Quibus... dispositis... reversus est (сравни Poëta Saxo, M. G. I, 236; Ann. Fuldenses. Там же, 349).

¹⁴ Annal. Petaviani. Там же, 16 (780 г.): et venerunt ad domnum regem multa milia gentilium Winethorum hominum; ipse autem adquisivit una cum Dei auxilio.

¹⁵ Annal. Laureshamenses. Там же, 31 (780 г.): nec non et Winidorum seu (*seu* в тогдашней латыни значило: *и*) Fresorum paganorum magna multitudo credidit.

приятие. Мысль о покорении славянского Поморья входила в состав обширного плана, задуманного Карлом и к исполнению которого он, тотчас после завоевания саксов, приступил одновременно в разных местах. Он замыслил подчинить своей империи все народы, граничившие к востоку с Германией¹⁶. Балтийские славяне стояли тут наряду с [261]полабскими сербами, с чехами, с аварами, с альпийскими словенцами, с хорватами.

Для покорения славянского Поморья не следовало начинать с непосредственных соседей Германского государства, со старых союзников франкского оружия, бодричей: удар, на них направленный, был бы слишком явным вероломством и заставил бы их искать опоры в своих соплеменниках и отложить междоусобную вражду с ними. Вернее было воспользоваться этой враждой и сперва подчинить славян, живших дальше, за бодричами: тогда и бодричи недолго могли бы сохранить свою независимость. Карл так и рассчитал.

За бодричами, в восточной части нынешней Мекленбургии и западном углу Померании, жили, как мы знаем, племена велетов¹⁷

¹⁶ Что этот план, относительно балтийских славян, созрел в мысли Карла уже за несколько лет до его исполнения, видно из грамоты, данной им в 786 году новоучрежденному в земле восточных саксов верденскому епископству. В пределы этой епархии включена была земля вагров, ограниченная реками Белиной и Травной, и, кроме того, прибавлена еще, в неопределенных выражениях, страна по берегу Балтийского моря (*mare barbarum*) до реки Пены, т. е. весь край бодричей и часть велетской земли. Самая неопределенность этих выражений показывает, как темны еще были в то время сведения франкского государя об отдаленной части славянского Поморья. Вот слова грамоты (*Codex Pomeraniæ diplomaticus, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem. C. 3*): *Terminos autem eius (diocesis)... circumscribi precepimus, id est... Liam fluvium (теперь Lühe), qui absorbetur ab Albia fluvio, dehinc trans Albiam, ubi Bilena mergitur in Albiam, dehinc in ortum Bilene (теперь Bille), inde ubi Trzvena absorbetur a mari, deinde usque duo perveniat ubi Pene fluvius currit in mare barbarum. Inde in ortum eiusdem fluminis. Hinc in Eldam. Dehinc in Albiam. Inde in rivum Alend (теперь Aland, впадающая в Эльбу с левой стороны, близ ганноверского города Шнакенбурга) и т. д.*

¹⁷ Эйнгард (M. G. I, 175) под 789 годом: *Natio quædam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus Oceani, quæ propria lingua Welwtabi (т. е. велетове, форма множественного числа), francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francis semper inimica et vicinos suos qui Francis vel subiecti vel foederati erant, odiis insectari belloque premere aclacessere solebat. Cuius insolentiam rex longius non ferendam ratus, и проч. – Poëta Saxo (там же, 245); (gens Wiltorum)... Francis inimica nimis cum tempore multo – Esset, eis vel subiectos vel foedere iunctos – Sclavorum populos sibimet regione propinquos – Insectans odiis, bello quoque sæpe premebat, и пр.*

(иначе называвшихся лютичами), составляя союз, подобно союзу бодрицких племен.

Карл прислушивался к известиям о «преступлениях» этого народа: велеты издавна ненавидели франков и их союзников; вражда к бодричам повела их, без сомнения, не только к дружбе с саксами, но и с датчанами, у которых те из саксов, кто не хотел покориться Карлу, находили защиту и верное убежище. На самих бодричей велеты беспрестанно нападали вооруженной рукою, и бодричи, конечно, неоднократно жаловались на них могущественному королю Запада. Карл посылал требование, чтобы они прекратили эти нападения, но велеты не хотели слушаться немецкого государя.

В 789 году, когда вся земля саксов казалась спокойной, Карл объявил, что пойдет наказывать высокомерие велетов.

[262] Он созвал огромное войско¹⁸ и перешел в Кёльне через Рейн со своими франками; фризы прибыли к нему из своих низменностей, поднявшись на судах вверх по одному из рукавов Рейна¹⁹. Через землю саксов Карл направился к Эльбе, собирая под свои знамена отряды, которые саксы обязаны были выставить. С юга пришли к нему на помощь полабские сербы (из нынешней Саксонии).

Дойдя до Эльбы, он стал устраивать переправу. Для соединения берегов реки, разделявшей народы, которые теперь, как бы после долгого отдыха, готовились возобновить давнишнюю свою борьбу, Карл построил на Эльбе два моста: вероятно, войско шло на славян двумя дорогами. Один из этих мостов он укрепил на обоих концах валом и срубом и оставил там охранительный отряд. Как видно, поход в Славянскую землю возбуждал немало опасений, тем более что велеты почитались могущественнейшим народом на балтий-

¹⁸ Эйнгарт. Там же: *comparadoque ingenti exercitu*.

¹⁹ Ann. Laurissenses (M. G. I, 174) под 789 г.: *Frisiones autem navigo per Nabola fluvium cum quibusdam Francis ad eum coniunxerunt* (сравни Ann. Fuldenses. Там же, 350). Имя реки, *Nabola*, по которой приехали фризы с частью франкского ополчения (сбранного в старой, приморской Франции, родине Хлодовига), затрудняло историков, так как река Габола (Navel) в земле стодорян (нынешней Бранденбургии) находится в далеком расстоянии как от жилищ фризов, так и от тех мест, через которые проходило войско Карла; но ученый Ледебур (*Kritische Beleuchtung einiger Punkte in den Feldzügen Karls des Grossen gegen die Sachsen und Slaven*, 1829, ст. 115) доказал, что под этим именем летописцы разумели правый рукав Рейна, Иссель, который является в других памятниках IX века под названием *Nabedol*. Фризы и соседние с ними франки въехали по этому рукаву в Рейн и, вероятно, присоединились к Карлу в сборном месте у Кёльна.

ском Поморье²⁰, и казалось нужным иметь, на всякий случай, обеспеченную переправу для возвратного пути. Место переправы в точности не обозначено летописцами; но нет сомнения, что оно находилось где-нибудь у низовьев Эльбы, у земли бодричей, надежнейших союзников и проводников Карла; притом же, через их край пролегал прямой путь к велетам.

Наконец, в первый раз после многих столетий, может быть, в первый раз со времен Аттилы, немецкий завоеватель перешел Эльбу и ступил [263] на славянское Поморье. Бодричи, под начальством своего князя Вилчана²¹, присоединились к Карлу. Силы, которые немецкий государь вел не велетов, были очень велики: славянское Поморье казалось ему нелегкой добычей.

Велеты противостояли немцам и их славянским союзникам с мужеством, которому воздаст похвалу сим жизнеописатель Карла²²; их войска были многочисленны²³; произошли значительные сражения²⁴. Перед превосходящей силой Карла велеты, как видно, отступали в глубь своей земли, к северо-востоку²⁵. Карл, «передавая все огню и мечу», достиг до р. Пены²⁶, которая, как мы знаем, протекала посередине земли велетской. Он подошел к городу главного князя велетов Драговита. Этот князь, по выражению летопис-

²⁰ Эйнгарт, *Vite Karoli Magni* (M. G. II, 449): *Sclavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione Weletabi dicuntur, bellum inlatum est... Causa belli erat, quod Abodritos, qui cum Francis olim foederati erant, assidua incursione lacescebant, nec iussionibus coërceri poterant. Sinus quidam ab occidentali oceano orientem versus perrigitur longitudinis quidem incomptæ, latitudinis vero quæ nusquam centum milli passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multæ circumsedent nationes; Dani siquidem ac Sueones quos Normannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et Aisti et aliæ diversæ incolunt nationes; inter quos vel præcipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi.*

²¹ Wiltzan; почти все западные летописцы пишут Witzan, Wizan, Wizzin (даже в одном месте Widin: *Chron. Moissiacense*, M. G. I, 302); чтение Вилчан, предложенное Шафариком (от *вилк*, т. е. волк) кажется самым вероятным; сравни имя *Волкан* у сербов. — Вилчан был, по-видимому, первенствующим князем у бодричей, т. е. князем главного племени, бодричей в собственном смысле.

²² Эйнгарт. Там же.

²³ Там же.

²⁴ *Annal. Fuldenses* (M. G. I, 350): *magnis eos præliis domuit.*

²⁵ Эйнгарт. Там же.

²⁶ *Fragm. Annal. Chesnii* (M. G. I, 34): *et fuit usque ad Pana fluvium.* Пена — теперь Реене, верховья в Мекленбургии, все остальное течение в западной Померании; впадает у Вольгаста в Балтийское море.

ца²⁷, далеко превышал всех прочих князей велетских и знатностью рода, и уважением, какое внушала его старость. Драговит отказался от продолжения войны: он явился к Карлу со своим сыном и со всеми своими людьми, дал заложников и присягнул в верности немецкому государю и франкам. Было ли это изменой общему делу или последствием общего приговора, нельзя сказать; но, во всяком случае, поступок Драговита решил надолго судьбу славянского Поморья: все прочие князья и жупаны²⁸ просили мира, представили заложников и поддались иноземному завоевателю. Карл утвердил Драговита верховным князем земли Велетской; а сам Драговит сделался его вассалом²⁹. Таким образом, власть Западной империи (хотя еще номинальная) распространилась по всей земле Велетской до берега Балтийского моря³⁰.

Карл победителем возвратился в Германию той же дорогой, какой пришел на славянское Поморье³¹.

²⁷ Эйнгарт. Там же: *is ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe prominebat.*

²⁸ Эйнгарт. Там же: *quem ceteri Sclavorum primores ac reguli omnes secuti.*

²⁹ *Annal. Nazarienses* (M. G. I, 44): *Carolus... regem... Dragoidum apprehendit et iterum ipsi iam praefato regi illam patriam commendavit.*

³⁰ *Annal. Guelferbyt* (там же): *Wiltiam conquesivit in partibus aquilonis usque ad mare.* Ср. *Annal. Lauresham. Fragm. Annal. Chesnii. Einhardi Annal.*, все под 789 годом.

³¹ Смутный отголосок этого похода Карла Великого на славянское Поморье и последующих его столкновений с балтийскими славянами находимы в польском предании, записанном Длугошем (*liber I. C. 65* по франкфуртскому изданию): *Nonnulli asserunt, hunc Leszkonem (Лешек I) in praelio cum Caesare Carolo Magno inito victum et occisum esse: ita enim reperi Martinum Gallum de eo scripsisse. Anno 805 imperator Carolus misit Carolum filium suum in Poloniam, qui depopulatis omnibus, ducem terrae illius Leszkonem occidit, indeque reversus ad patrem, eum in silva Woszego, venatui studentem invenit. Ex quo quidem constat, Polonos et tunc et antea bella cum inperatoribus et regibus finitimis gessisse, sed quo tempore, quove ordine et fortuna, quibusve ducibus, propter literarum et scriptorum, quibus tunc Poloni velut gentiles caruere, penuriam, parum constat. С поляками, в собственном смысле, Карл В., как известно, не имел никакого столкновения; но все польские летописцы знали о ближайшем племенном родстве балтийских славян с поляками и причисляли их непосредственно к польскому народу. Что же касается до похода 805 года и убийства польского князя Лешка, то это и есть не что иное, как неудачно прилаженная к преданию о войнах Карла с ляхами (балтийскими славянами) переделка известия Эйнгарда о вторжении в этом году сына великого императора в Чехию, где погиб какой-то князь чешский по имени Becho.*

[264]Так возобновилась великая борьба немцев со славянами в Балтийском крае. Славянам она добра не предвещала: ибо при Аттиле, почти триста пятьдесят лет перед тем, оба народа, оставив между собою течение Эльбы, разошлись почти равносильными, а когда они сошлись опять, при Карле Великом, то немецкий народ явился на поле битвы вдохновенный христианством, обогащенный наследием римской государственности, направляемый единою волею к общей цели; а балтийские славяне противопоставили ему свои языческие верования, свой старый племенной быт, свои внутренние несогласия и междоусобицу.

Действие, происходившее на балтийском Поморье в 789 году, повторялось с тех пор постоянно, до совершенного искоренения там славянской независимости: постоянно находились в этом злополучном крае племена, готовые помочь немцам против своих братьев, как бодричи помогли тогда Карлу; постоянно находились князья, готовые отстать от общей обороны и мириться отдельно с завоевателем, как сделал тогда старый князь Драговит.

[265]

IV

Плоды союза бодричей с Франкскою державою. – Уступка бодричам западной Голштинии. 790–804 гг.

Неизвестно, чем Карл наградил бодричей за их усердные услуги; но естественно, что как скоро велеты признали над собою верховное владычество Западной державы, то бодричи, поставленные между ними и немцами, вошли в гораздо большую зависимость от Германии; зависимость сделалась такой, что она могла скоро превратиться в прямое подданство.

Саксы, хотя столько раз побежденные франкским завоевателем, хотя помогавшие ему против славян, не были еще укрощены вполне. Ближайшие к Эльбе волости их беспрестанно волновались, а залабские саксы, так называемые *норлюды* или нордалбинги (жители западной половины Голштинии, непосредственные соседи славян) и слышать еще не хотели о покорности франкам.

В 795 году Карл решился наказать упрямое племя и с большими силами вошел в землю саксов, опустошая ее жестоким образом. Он расположился в Бардской волости (Bardengau, в восточной части нынешнего Ганноверского королевства) у селения Бардовика (близ Люнебурга), где вскоре потом возник большой торговый город. Здесь поджидал он прихода славян-бодричей, которые должны были сно-

ва помогать ему в покорении саксов. Франки уже прямо называли тогда бодрицкого князя вассалом своего короля³². Действительно, Вилчан поспешил явиться на зов своего владыки; но при переправе через Эльбу он попал в засаду, приготовленную *нордлюдьми*, и был убит³³. Что случилось с его войском, воротилось ли оно домой, потеряв вождя, или присоединилось к франкам, неизвестно. Князем бодрицким сделался Дражко; мы тоже не знаем, был ли он прямой наследник Вилчана, или по другому случаю выбран был народом.

Умерщвление Вилчана, в котором Карл потерял своего надежнейшего союзника против саксов, раздражило его в высшей степени: по выражению летописца, это прибавило ему новой ярости для отмщения вероломному племени. [266] Но настоящих виновников убийства, нордлюдов он еще не мог наказать: поход в их отдаленный край был слишком опасен, пока земля между Везером и Эльбой еще не была совсем усмирена. Отложив завоевание Нордалбингии (немецкой части Голштинии) до другого времени, Карл бросился на те волости саксов, которые лежали на морском берегу, между низовьями Везера и устьями Эльбы: жители их были в союзе с убийцами Вилчана и одни между предлабскими саксами не явились в Бардевик с покорностью. Три года сряду³⁴ ходил франкский государь на эти волости, жег, грабил, казнил и, наконец, принудил к повиновению. Часть тех саксов он выселил во франкские земли и водворил на место их колонии франков.

Утвердив свою власть в этих краях, Карл отправил послов в Нордалбингию, надеясь склонить нордлюдов теперь к добровольной покорности. Но нордлюды схватили этих послов и убили одних, а других задержали в плену для выкупа; также убили они королевского посла, возвращавшегося из Дании. Карл тотчас собрал большое войско (798 год), но все еще не решался ступить за Эльбу, в болота Голштинии. Он только опустошил, хуже прежнего, землю саксов между Везером и Эльбой (где, вероятно, находились еще соумышленники залабских саксов); наказание же самих нордлюдов предоставил он своим неизменным друзьям бодричам. Побывав у славянской границы на Эльбе и решив своим судом внутренние спо-

³² Annal. Lauresham. (M. G. I, 36): vassum domni regis Wizzin regem Abotridarum.

³³ Эйнгард. Там же. С. 181, под 795 годом. – Annal. Fuldenses (там же, 351) рассказывают, что убийство совершилось за Эльбой, близко от Бардовика, где стоял король, in loco quem vocant Hliupi: это место есть нынешнее Lüne, в восточной части ганноверских владений.

³⁴ 795, 796, 797.

ры славянских племен³⁵, он отправил к бодричам одного из своих полководцев, Эбервина, с другими послами и поручил им поднять на нордлюдов славянскую силу³⁶. Бодричи, которых франкские летописцы называют весьма выразительно *нашими славянами* (*Scilavi nostri*), вступили в немецкую часть Нордалбингии и стали разорять и выжигать ее. Саксы собрали свои войска, и обе рати встретились в местности, называвшейся Свентана (в середине Голштинии, где теперь местечко Bornhövde, на юго-запад от Плунского озера³⁷ на границе немецкой и славянской земли). Произошла кровопролитная сеча, ка[267]ких в то время видали мало³⁸. Бодричей вел Дражко; а над правым их крылом начальствовал Карлов посланец Эбервин. Славяне одержали полную победу. Эбервин, воротившись назад к своему государю, рассказывал, что саксов при первой схватке пало до 4000³⁹, что они обратились в бегство и при преследовании потеряли еще множество народу, и что остатки их разошлись по домам.

Победитель Дражко с другими бодричами явился, после этого подвига, на поклон к Карлу в Турингию, и принят был королем с необыкновенными почестями.

Зависимость бодричей от Франкской державы утверждалась все более и более. На другой год после их победы у Свентаны Карл, стараясь об утверждении своей власти и христианской церкви между покоренными, наконец, саксами, отправил одного из своих сыновей с отрядом войска к Эльбе. Когда молодой королевич (по имени тоже Карл) приблизился к их границе, залабские славяне, бодричи и велеты явились к нему, как к судье, и он разобрал и порешил их взаимные споры и жалобы. Независимо от этого он исполнил дру-

³⁵ Annal. Guelferbytani (M. G. I, 45): под 798 годом... perrexit in antea in Saxonia usque in Partunwish, inde in finem Winidis, et ibi plaidavit sicut ipse voluit, et tulit obsides multos de Saxones et pervenit ad Aquas.

³⁶ Annal. Lauresham. (M. G. I, 37): под 789 г. et interim congregati sunt Scilavi nostri qui dicuntur Abotridi cum missos domni regis ad illos Saxones qui in aquilones parte Albie erant, et commissum est forte proelium inter eis, и пр. Это известие гораздо лучше рисует ход дела, нежели известие Эйнгарда, будто бы нордлюды сами бросились на бодричей: при ежедневной опасности видеть франков в своей земле, это было бы с их стороны слишком безрассудно; и притом, откуда бы взялся франкский полководец в войске бодричей, если бы война произошла от неожиданного на них нападения, и не была подготовлена самими франками?

³⁷ См.: Ledebur, Kritische Beleuchtung, и пр. стр. 124.

³⁸ Эйнгард: ingens caedes.

³⁹ Эйнгард, M. G. I, 185. – Annales Laureshamenses говорят, что саксов пало 2901 человек, Chronicon Moissiac (M. G. I, 303) – 2800.

гое поручение своего отца: он вошел в сношения с нордалбингскими саксами. Не оправившись еще от поражения, нанесенного им бодричами, эти саксы предстали в его стане с повинною и дали ему заложников (799 год)⁴⁰.

Около четырех лет все в этой стороне было спокойно, пока в Риме (в 800 году) совершался союз главы романо-германских народов с главою западной церкви и возобновлялась, под сенью папства, древняя идея Римской империи. Ничего не было слышно в Западной Европе о славянском Поморье; только кое-когда спорили и враждовали между собою мелкие князья балтийских славян – дело обычное. Наконец, в 804 году новый император захотел посетить свои северо-восточные области и, с большим войском прошедши всю землю саксов, расположился станом близ устья Эльбы. Сюда явились к нему, с множеством подарков, князь Дражко и другие князья славянские. Они изложили Карлу свои распри. В чем состояли они, догадаться нетрудно, хотя летописец прямо не объясняет их; бодричи, конечно, продолжали враждовать с велетами, а князья мелких племен бодрицких, верно, не хотели подчиняться Дражке, как старшему князю. Император выслушал их и произнес свое решение; Дражка он велел признавать старшим князем над всеми племенами бодричей или, как мы можем [268] назвать его, великим князем бодрицким, он провозгласил его, по выражению летописца, «королем» славянским⁴¹.

Мало того, что германский император вел таким образом балтийских славян к единодержавию и этим, казалось, приготавливал своими руками спасение от Германии; необходимость опереться на соседние славянские племена для окончательного подчинения саксов побудила Карла Великого к новому делу в пользу этих племен, к такому делу, последствия которого могли быть неизмеримо важны. Когда Карл посетил низовья Эльбы в 804 году, нордалбингские саксы, ослабленные победою бодричей и не находя уже союзников между соплеменниками своими на западной стороне реки, отделились совершенно на произвол завоевателя. Карл велел переселять их с семействами во внутрь Германии и во Францию, а Нордалбингию, т. е. западную часть Голштинии до устья Эльбы и берега Немецкого моря, отдал славянам-бодричам⁴².

⁴⁰ Эйнгард, под 799 г., M.G. I, 187.

⁴¹ Эйнгард, под 804 г. (M.G. I, 191): in quibus castris etiam Sclavorum principes adfuerunt; quorum causis discussis et secundum arbitrium dispositis, regen illis Trasiconem constituit.

⁴² Annal. Lauriss, под 804 г. (M. G. I, 191): Missisque inde exercitibus suis

Конечно, нельзя подозревать в Карле особенного желания покровительствовать славянам и способствовать их политической самостоятельности. Но легко понять, почему он принял тогда эту меру. Он был уверен в том, что бодричи ему не изменят: в этом ручались их отношения к соседям саксам, с одной стороны, веле-там – с другой. Отдать им всю Голштинию казалось Карлу не только выгодным, но и необходимым, чтобы обеспечить себя со стороны третьих, северных, соседей Бодрицкой земли, датчан. Датчане прежде уже находились во враждебном отношении к франкам и всеми силами поддерживали саксов в борьбе с Карлом. Предводитель саксов Видикунд был зятем датского короля Сигфрида; Видикунд и все вообще недовольные франкскою властью саксы находили в Дании всегда готовое убежище; преемник Сигфрида Годофрид все деятельнее и деятельнее выступал против Франкской империи. Именно в этом самом 804 году он собрал на своей границе, в Шлесторне (теперешнем Шлезвиге), все свои [269] корабли и войска, и, несмотря на обещание данное им Карлу вступить с ним в переговоры и приехать к нему на свидание, вдруг отказался от сношений с Франкской империей. Что же могло быть выгоднее для Карла, как уступка бодричам западной Голштинии пресечь непосредственное соприкосновение датчан с их давнишними друзьями саксами и разделить Данию от империи славянским племенем, искони враждебным датчанам?⁽¹¹³⁾

Но тем самым бодричи достигали без труда (хотя, правда, по чужой милости) той цели, к которой они стремились столько веков и для которой их мужественные собратья, вагры, проливали столько крови: они достигали полного обладания правым берегом Эльбы. Этим окончательно утверждалось господство славян над прибалтийскими странами, и немцам уже не было прямого к ним доступа;

per diversas partes Saxoniae, tam perfidos illos ad quos ultra Albiam transierat, quam illos qui in Wigmoti (так называлась волость саксов между устьями Везера и Эльбы) manebant et frequentibus maleficiis populum Saxonum a via veritatis averterant, cum mulieribus et infantibus, Deo auxillante, sapientissima dispositione de Saxonia per diversas vias dirigens, funditus exterminavit; et per Gallias caeterasque regiones regni sui sine ulla laesione exercitus sui dispersit. Pagos transalbianos Abodritis dedit; Annal. Fuldenses (там же, 353): Saxones transalbianos cum mulieribus et natis transtulit in Franciam et pagos transalbianos Abodritis dedit. Рудольф в сказании о перенесении мощей св. Александра в Фульдский монастырь (М. Г. II, 673 seqq. с. 3) говорит, что Карл переселил с обеих сторон Эльбы 10 000 человек саксов с женами и детьми, и рассеял их по Германии и Галлии.

между балтийскими славянами и немцами по всему протяжению их границы ложилась, как крепкий руб еж, широкая река, и повод к народной войне между ними исчезал сам собою. Наконец, славяне получали с устьем Эльбы великолепное для торговли место, где потом построился Гамбург. Владея им, такой предприимчивый и отважный на море народ, каким были балтийские славяне, мог тотчас выйти из тесного круга сношений, в котором его заключали немцы и скандинавы, и вступить в общение с остальными землями Запада. Германская империя приносила к славянам, мы знаем, христианство не как чистое учение веры, а вместе с тем как залог светского подчинения их немецкому государству и народу; но от устья Эльбы близко было до Англии, до Англии Виллибро[r]да и Альфреда Великого, которая так ревностно сеяла христианство в Европе; а в Англию путь был уже знаком балтийским славянам. Кто знает, не пришлось ли бы к ним оттуда просветительное начало христианства, которое их отталкивало в том виде, в каком оно предлагалось им эгоистическою Германией?

Вот какую будущность Карл, следуя своим собственным политическим расчетам, открывал бодричам и их соплеменникам: установление единовластия, прекращение народной войны с саксами на правом берегу Эльбы, сообщение через Немецкое море с Западом, наконец, мирное и свободное обращение в христианство.

[270]

V

Удар датчан и франков на бодричей. — Основание немецкой крепости на правом берегу Эльбы. 804–810 гг.

Дар западного государя не пошел бодричам впрок. Скоро отведали они горьких плодов союза с Германией.

Три года прошли мирно; неизвестно, насколько бодричи успели утвердиться в это время в отданной им Карлом земле, но видно, что на устье Эльбы начинал уже водворяться торговый обмен Германии со славянским Поморьем, когда император Карл в 805 году постановлял закон о торговых сношениях своих подданных с заграничными землями, то из трех мест, где допущена была мена с балтийскими славянами и учреждено нечто вроде таможен, два пункта назначены были близ устья Эльбы (в северо-восточном углу нынешнего Ганноверского королевства), в весьма близком один от другого расстоянии, именно в Бардевице и Шезле, и только один на всем протяжении средней Эльбы, в Магдебурге, где немцы мог-

ли торговать со Стодорской землей⁴³. Меры, принятые Карлом для устройства торговли со славянами на немецкой стороне устья Эльбы, показывают, как важно было для славян приобретение места, где теперь стоит Гамбург. Заметим, кстати, как признак политики Карла в отношении к славянам, даже к верным союзникам его бодричам, что он строго запретил продавать им оружие и брони; он постановил правила, по-видимому, весьма действенные для прекращения запрещенного торгога: у того, кто вез оружие к славянам, весь товар отбирался и половина разделялась поровну между сыщиком и смотрителем торгового пункта; только другая половина поступала в казну.

Еще пока бодричи пользовались милостью западного императора, они могли предвидеть участь, которая их ожидала: 806 год прошел в кровавой [271]войне Германии с ближайшими соседями балтийских славян, полабскими сербами. Война эта, в которой погиб сербский князь Милодух, окончилась тем, что для удержания в покорности подчинившихся Карлу сербских западных племен между Солявой и Лябой (Салой и Эльбой) построена была немецкая крепость (Галла, Halle) на восточном славянском берегу Салы⁴⁴ и основана на границе сербов немецкая марка (или мархия), т. е. ряд военных поселений. Жители *марки*, поставленные под начальство военного начальника, *маркграфа*, обязаны были постоянно быть наготове для сражения с пограничными племенами⁴⁵. Эти учреждения коснулись и южной части балтийских славян: Карл занял в том же 806 году немецкий укрепленный поселением участок на правом же берегу Эльбы, напротив Магдебурга⁴⁶ в земле стодорского племени морочан, которое, вероятно, помогало своим соседям сербам в войне с немцами и этим дало повод к такому распоряжению. Это было

⁴³ Capitulare Caroli Magni 805 рода (M. G. Leges. I, 133). De negotiatoribus, qui partibus Sclavorum et Avarorum pergunt, qua usque procedere cum suis negotiis debeant, id est in partibus Saxonie usque ad Bardaenowic, ubi praevideat Hredi; et ad Schezla, ubi Madalgaudus praevideat; et at Magadoburg, praevideat Aito... Et ut arma et brunias (т. е. loricas, см. словарь Граффа: это древненемецкое слово, не имеющее корня в германских наречиях, очевидно, славянское: *броня*) non ducant ad venundandum. Quod si inventi fuerint portantes, ut omnis substantia eorum auferatur ab eis, dimidia quidem pars partibus palatii, alia vero medietas inter missum et inventorem divitatur.

⁴⁴ Chron. Moissiac (M. G. I, 308) под 806 годом.

⁴⁵ Capitulare Caroli Magni (M. G. Leges. I, 149) 807 года: Si vero circa Surabis patria defendenda necessitas fuerit, tunc omnes generaliter veniant.

⁴⁶ Chron. Moissiac. Там же. Einhardi Annal. M. G. I, 193. Annal. Tilian. Там же, 224.

первым шагом Германии к водворению своего непосредственного владычества на правом берегу Эльбы, на славянской земле.

Скоро очередь дошла и до бодричей, и тут Германской империи помогли враги ее, датчане.

Датчанам и их смелому вождю, королю Годофриду, конечно, горько было видеть, как франкский завоеватель выводил из Нордалбингии их верных друзей саксов, и как в этой пограничной с Данией земле утверждались всегдашние неприятели датчан славяне. После переговоров с Карлом, которые, как видно, не привели ни к чему, Годофрид вдруг решился одним ударом сломить силу бодричей в своем соседстве.

Он снесся с велетами, которые были друзьями датчан, потому что ненавидели бодричей; он сговорился с двумя племенами бодричей, глинянами и смольнянами, которым не по сердцу была власть, дарованная Карлом князю Дражке над всею землею Бодрицкой, и поплыл со своими кораблями к славянскому берегу (808 г.). Велеты со своей стороны вторглись в землю бодричей. Годофрид соединился с ними. Закипела война в прибрежных местах. Несколько бодрицких *градов* (т. е. укреплений, *castella*) взяты были велетами и датчанами; Годофрид овладел и главной торговой пристанью бодричей, которая находилась, кажется, близ нынешнего Висмара и которую датчане называли *Рерик*⁴⁷ (по-видимому, славян[272]ское имя ее было Рарог)⁴⁸. Дражка оставил свою родину, где великокняжеская

⁴⁷ Эйнгард. М. G. I, 195: *emporium, quod in oceani litore comstitutum, linqua Danorum Reric dicebatur.*

⁴⁸ Это имя темно. Подлинность его подтверждается тем, что сами бодричи, по словам двух вернейших свидетелей касательно славянского Поморья, Адама Бременского и Гельмольда, назывались другим именем *Rerigi* (тоже говорит и *Annalista Saxo* под 952 г.). Шафарик, читающий это имя *Рарог, рарожане*, производит его от слова *рарог*, существующего до сих пор в польском языке в значении особой породы соколов, и сравнивает его с названием деревни в Польше, в Плоцком крае, Рарог, и с подобными названиями других славянских городов и замков, Орел, Сокол, Ястреб. Это объяснение мы должны признать несомненно верным, если примем, что название города *Reric* и второе имя племени бодричей, *Rerigi*, были названия действительно славянские, а не данные им иностранцами, и, если мы, таким образом, не придадим особенного веса выражению летописца Эйнгарда: *emporium quod... linqua Danorum Reric vocabatur.* Вопрос затрудняется еще датским летописцем Гамсфортом (у Лангебека. I, 45): «*Dani Gotorici auspiciis* (Готриком скандинавы называли Годофрида, см. *Saxo, Gr. I, 435*) *Rethrum emporium Henetum nobile capiunt*». Смешал ли Гамсфорт бодрицкий город, взятый датчанами, со знаменитым городом лютичей Радигошем, который немцы и

власть, освященная приговором западного императора, окружила его врагами: он бежал, без сомнения, в Германию. Другой бодрицкий князь, Годолуб⁴⁹, попался изменою в руки датского короля и был им повешен^[29]. Но и лишившись одного князя, покинутый другим, бодрицкий народ продолжал защищаться храбро. Годофрид потерял значительную часть своего войска; лучшие и отважнейшие витязи датские пали; племянник короля Регинальд, занимавший после Годофрида первое место в войске, был убит при осаде какого-то бодрицкого укрепления вместе со многими другими вождями. Тем не менее сила бодричей была сломлена в неравной борьбе, и большая часть Бодрицкой земли (две трети ее, по словам немецкого летописца) обязалась платить дань датскому государю. Этому условию, вероятно, принуждены были подчиниться именно ближайшие к Дании бодрицкие волости в Голштинии и около Висмарского залива.

Весть о нападении датчан и велетов на бодричей принесена была императору Карлу в Ахен вскоре после Пасхи. Он тотчас отправил к Эльбе своего сына Карла с сильным войском франков и саксов. За бодричей, за своих верных союзников и слуг на славянском Поморье, он ему не велел заступаться (а прежде, как усердно брал он сторону бодричей против других славян, велетов!); он приказал ему только стать на берегу Эльбы и действовать против датского короля в том случае, если бы Годофрид вздумал напасть на земли саксов.

Годофрид, вследствие ли потерь в своем войске и приближающихся осенних непогод или из опасения перед франками, решил оставить славянское Поморье. Предварительно он захотел нанести еще удар Бодрицкой земле – уничтожением ее торговли. Он разрушил Рарог, несомненно^[273] т.е. на то что торговля этого города была чрезвычайно прибыльна для датской казны, в которую поступало от нее много пошлин⁵⁰. Тамошних купцов он взял на свои корабли и отплыл со своим войском обратно в Шлезторп: тут, как видно, Годофрид поселил захваченных в Рароге купцов, чтобы сосредоточить в своих владениях торговлю южного берега балтийского Поморья, отбив ее у славян⁵¹. Вскоре *Шлейская деревня* (Шлезторп) стала

скандинавы называли Ретрою, – хотя Ретра лежала далеко от Дании и от моря? Сохранила ли нам датская летопись, напротив, более верную форму названия города.

⁴⁹ Godelaihus: Эйнгарт. Там же.

⁵⁰ Эйнгарт. Там же: *magnam regno illius* (т.е. Godofridi) *commoditatem vectigalium persolutione praestabat*.

⁵¹ Эйнгарт прямо не называет места, куда Годофрид перевел купцов из разрушенного славянского торгового города; но таков, несомненно, смысл

именоваться *Шлейским городом* (Шлезвик)^{52, [30]}. Славянская стихия способствовала, таким образом, к водворению торгового мореплавания на датских берегах, которые высылали в эти века столько судов на войну и разбой⁽¹¹⁴⁾.

По отплытии датчан из Бодрицкой земли велеты тоже удалились из нее с захваченной добычей. А затем в Бодрицкую землю вступило войско франков под предводительством Карла младшего. Зачем оно до тех пор стояло за Эльбой и не поспешило на выручку бодричам? И с какою целью вступало к ним теперь, когда опасность для них миновала? Чтобы восстановить их, освободить от дани, наложенной датчанами, утвердить власть изгнанного великого князя? Нет: политика немецкого государя в отношении к бодричам была теперь уже совсем другого рода. Войско франков и саксов, построив мост на Эльбе, вторглось в волости глинян и смольнян, которые жили по правому берегу этой реки, в юго-западной части нынешней Мекленбургии: под предлогом наказать их за измену великому князю Дражке и союз с датчанами молодой Карл принялся разорять их землю. Весьма вероятно (как показывают события, наступившие затем вскоре), что уже тогда намерение императора было утвердиться военной силой в стране недавних союзников своих бодричей. Но поход его сына не удался; молодой Карл потерял много людей и возвратился в Германию. Об этой неудаче рассказывает, правда, только одна летопись⁵³, а императорский историограф и панегирист Эйнгард пишет, что поход франков в землю глинян и смольнян кончился благополучным возвращением Карла и всего его войска за Эльбу; но, разумеется, первое показание, в особенности когда дело идет о войне с варварами-славянами, заслуживает большего доверия⁵⁴.

ero слов: destructo emporio... Reric... translatisque inde negotiatoribus, soluta classe ad portum qui Sliethorp dicitur, cum universo exercitu venit.

⁵² Шлезвик значит Шлейский город: имя происходит от реки Шлеи.

⁵³ Annal. Lauriss. (M. G. I, 121) под 808 годом: *Carlus filius imperatoris Carli perrexit cum exercitu Francorum in Winidos ultra flumen Albia, sed tatem eo tempore non prosperatus est transitus eius, sed de plurimi Francorum occisi sunt.*

⁵⁴ Эйнгард, Annal. (M. G. I, 195) под 808 годом: *Fillius autem imperatoris Karlus Albiam ponte iunxit et exercitum cui praeerat in Linones et Smeldingos, qui et ipsi ad Godofridum regem de fecerant. quanta potuit celeritate transposuit (это было, однако же, по удалении Годофрида из земли бодричей, как видно из предыдущих слов летописца), populatisque circumquaque eorum agris, transito iterum flumine cum incolumi exercitu in Saxoniam se recepit.* – Все остальные известия этого года рассказаны нами по Эйнгарду, с которым согласны прочие современные летописи, опускающие только те или другие подробности.

[274]Мы сказали, что политика западного императора в отношении к балтийским славянам была уже совсем не та, как несколько лет перед тем, в то время, когда он нуждался в их содействии для покорения саксов. Теперь земля саксов окончательно вошла в состав Германской империи и начинала жить общей жизнью Германо-романского мира. Упрочив за империей границу по левому берегу Эльбы, Карл естественно захотел, вследствие самой идеи, руководившей им, как представителем тогдашнего Запада, подчинить империи соседние славянские племена на балтийском Поморье точно так же, как он пытался и отчасти успел сделать это на берегу Адриатики, на среднем Дунае, в Чехии и у полабских сербов.

Пользуясь ослаблением бодричей, он тотчас взял назад у них свой прежний дар, землю нордалбингских саксов за устьем Эльбы (западную Голштинию) и приступил к основанию военной линии на низовьях этой реки, на подобие тех, которые устраивались и по остальной границе империи для подчинения славянских народов. Еще в конце того же 808 года началось первое учреждение постоянной немецкой военной силы, направленной против славянского Поморья⁵⁵. Военная Украина или *марка* в этой стороне делилась на две части. Одна шла по левому берегу Эльбы, напротив земли глинян и смольнян, или полабцев (прибрежных к Эльбе ветвей бодрицкого племени), и сделалась основанием позднейшей, так называемой, *Старой марки* (Altmark), из которой развилось впоследствии завоевательное государство Бранденбургское. В этой марке построена была у берега Эльбы крепость Hochbuoki (близ нынешнего ганноверского местечка Gartow, напротив города славянского племени смольнян, лончина, теперешнего Lenzen)⁵⁶. Другую марку Карл основал на правом берегу Эльбы, в земле нордалбингских саксов, возвращенной от бодричей. Нет никакого сомнения, что несмотря на меры, принятые недавно, чтобы вывести отсюда строптивое саксонское население, значительная часть его укрылась в своих жилищах и уцелела под мимолетным владычеством бодричей. Теперь эти саксы из врагов империи дела[275]лись ее оплотом и, как видно из со-

См. Chron. Moissiac. (M. G. I, 308), Annal. Fuldens. Там же, 354, Chron. Regiponis. Там же, 564.

⁵⁵ Эйнгарт под 808 годом (там же): Imperator, aedificatis per legatos suos super Albim... duobus castellis, praesidioque in eis contra Sclavorum incursiones disposito, Aquisgrani hiemavit.

⁵⁶ См. об этом статью Ведекинда (Noten zu einigen Geschichtschreibern des deutschen Mittelalters. VI, 152): в указанном месте близ Гартова находится приговор, весьма годный для военного поста и называемый до сих пор Нобекк.

бытий, вскоре последовавших, горячо приняли к сердцу общее дело Германии против врагов – славян. Вероятно, император, отличавшийся удивительным духом организации, умел дать им правильное военное устройство и усилил их военными поселенцами, набранными в других волостях саксов: по крайней мере, мы положительно знаем о водворении таких колоний в другой марке, учрежденной против балтийских славян, о которой мы только что упомянули⁵⁷. В Нордалбингской марке тоже построена была крепость: современный летописец не называет ее по имени; но не может быть сомнения, что она стояла на месте нынешнего Гамбурга. На это указывают события и документы ближайшего времени и предание, записанное в XI веке. Карл не мог не понять важности этого места, как лучшей точки опоры для наступательных действий на севере и востоке от Эльбы, и хотел сделать из Гамбурга основную точку для преобладания Германии над прибалтийскими славянами и скандинавами: тут должна была, по его предначертанию, возникнуть немецкая митрополия для северных народов. Потому он при разделении земли саксов на епархии нарочно не причислил Нордалбингию ни к одной из новоучрежденных епископских кафедр на левом берегу Эльбы. В Гамбурге он заложил (кажется, около 810 года) церковь и для посвящения ее вызвал из-за Рейна епископа трирского, чтобы не дать соседним саксонским епископам предлога к притязаниям на Залабский край. Церковь эту он поручил какому-то священнику Геридагу, которого и предназначал к занятию будущей епископской кафедры в Гамбурге; на случай неприятельского нападения он пожаловал ему во Фландрии монастырь, где он мог укрываться во время опасности. Но Геридаг умер, и военные тревоги в Нордалбингии помешали Карлу приступить к учреждению гамбургской митрополии⁵⁸. Его мысль осуществилась в царствование его сына. Покуда нужно бы-

⁵⁷ Эйнгард под 810 г. (M. G. I, 197) *castellum... Hohbuoki, in quo Odo legatus imperatoris et Saxonum orientalium erat praesidium.*

⁵⁸ Rimberti vita S. Anskarii, 12. – Адам Бременск. I, 15. Quo tempore quum Sclavorum quoque gentes Francorum imperio subicerentur, fertur Karolus Hammaburg civitatem Nordalbingorum, extructa ibidem ecclesia, Heridago cuidam sancto viro, quem loci episcopum designavit, ad regendum commendasse. Cui etiam propter infestationem barbaricam, ubi interdum posset consistere, cellam Rodnach (Renaix in Flandria orientali: vide diplom. Hludovici 834. Maii 15, ecclesiae Hammaburgensi: примеч. издателя в Mon. Germ.) donavit, disponens eandem Hammaburgensem ecclesiam cunctis Sclavorum Danorumque gentibus metropolim statuere. In qua re ad perfectum ducenda et mors Heridagi presbyteri et occupatio regni Karolum imperatorem... impodivit.

ло думать еще только о военном утверждении в Нордалбингии. Неразумие бодричей помогло в этом Германии.

Предшествовавшие события еще недостаточно убедили их в опасности со стороны Запада. Они не обратили внимания на то, что Карл, которому они оказали столько услуг, не только не поддержал их во время опасности, но тотчас после нападения на них датчан вступил в мирные переговоры с ко[276]ролем Годофридом. Весь гнев их был направлен на их же братьев, велетов. Как скоро великий князь Дражко, воспользовавшись тишиною, наставшей после отплытия датского короля, возвратился в свое княжество, он стал готовить месть этим домашним врагам бодрицкого племени. Для того он поспешил помириться с главным виновником беды, постигшей его и Бодрицкую землю, с датским государем, и даже дал ему в заложники своего сына, лишь бы Годофрид отказался от содействия велетам. Затем он заключил союз с другим исконным врагом своего народа, саксами, содержащими военную линию на Эльбе, и саксы, действуя уже как подданные императора Карла, обещали бодрицкому князю вспомогательный отряд против прежних друзей своих, велетов (809 год). Замечательная перемена отношений, свидетельствующая о том, что саксы уже забыли свои прежние племенные вражды и связи и сделались представителями интересов Германской империи в славянских делах. Саксы в 809 году играют ту же роль на славянском Поморье, какую в 789-м играли франки под предводительством Карла в противность саксам: они теперь поддерживают ближайшую и слабейшую славянскую ветвь, против которой вели так долго пограничную войну, пока стояли на одинаковой с нею ступени племенного быта, и пользуются союзом с нею для нанесения ударов отдаленнейшей и сильнейшей ветви, главной хранительнице славянской независимости на Поморье.

Поход Дражко с отрядом саксов против велетов был весьма удачен. Они опустошали огнем и мечом Велетскую землю и возвратились оттуда с огромною добычей.

Затем Дражко выпросил себе еще большее подкрепление из саксонской *марки* и пошел войною на смольнян, которые, как мы знаем, отпали от союза бодрицких племен и, заключив дружбу с врагами немцев, велетами и датчанами, нанесли в предыдущем году значительный урон войску Карла Великого. Бодричи и саксы взяли и разрушили главный город смольнян, который немецкая летопись называет *Connburg*⁵⁹. предполагают, что он лежал на том месте, где

⁵⁹ Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) под 809 годом: Karolus... in illa aestate misit scaras suas ad marchias. Et aliquie dillis Saxones venerunt ultra Albiam et

ныне село Kopow, близ городка Dömitz, в южной оконечности Мекленбургии⁶⁰. Немецкое название *Connoburg*, вероятно, переделано из славянского Конёва.

[277] Нет сомнения, что эта война велась не против одних только смольнян, племени слабого, занимавшего, как видно, малое пространство земли. Конечно, смольнянам помогали их соседи и всегдашние союзники глиняне и другие ветви бодричей, не хотевшие повиноваться великокняжеской власти Дражка: иначе трудно было бы понять, почему бы Дражко для борьбы со смольнянами потребовал у Германии больших вспомогательных сил, нежели для похода против могущественных велетов. Важное значение войны, которая велась тогда в крае смольнян, видно из того, что взятие главного их города повлекло за собою усмирение всех бодрицких племен: все они снова покорились Дражке как своему общему князю.

Но это ни к чему уже не вело. Уже не воротить было бодричам устья Эльбы и прежнего своего могущества. Германия более и более утверждалась в Нордалбингии и умножала тут свои военные силы, на пороге балтийского Поморья. Еще в том же 809 году император Карл велел собрать во Франции и Германии людей, годных к военному ремеслу, снабдил их оружием и всем нужным для переселения и отправил их морем из Фрисландии в устье Эльбы. Кажется, их водворение возложено было на верного слугу немцев, бодрицкого князя Дражка. Но судьба избавила его от тяжелой обязанности – готовить Германии новую силу к завоеванию его собственной родины. Он был убит в Рароге (известной нам торговой пристани бодричей) людьми, посланными датским королем Годофридом. Император Карл поручил устройство переселения одному из своих графов, Эгберту. На реке Стыри (*Sturia, Stör*), впадающей в Эльбу у самого ее устья, выбрано было средоточие для военных сил в Нордалбингии. Место это называлось Эзесфельд. Эгберт и другие гра-

fregerunt ibi unam civitatem cum nostris Hwinidis qui appellantur Semeldinc, Connoburg. Эйнград (там же, 196): Thrasco vero dux Abodritorum, postquam filium suum postulanti Godofrido obsidem dederat, collecta popularium manu et auxilio a Saxonibus accepto, vicinos suos Wiltzos aggressus, agros eorum ferro et igni vastat, regressusque domum cum ingenti praeda, accepto iterum a Saxonibus validiori auxilio, Smeldingorum maximam civitatem expugnat, atque his successibus omnes, qui ab eo defecerant, ad suam societatem reverti coëgit. Сравни также: *Annal. Fuldens.* Там же, 354. *Chron. Reginonis.* Там же, 565.

⁶⁰ См.: *Ledebur, Feldzüge* и пр. стр. 185 и след. Что в этом именно крае находилась земля смольнян, подтверждается существованием там местностей *Gross-Schmölen* и *Klein-Schmölen* (*Schmölen* – Смольно).

фы (волостные начальники) саксов привели сюда вооруженных колонистов и в марте 810 года приступили к постройке крепости Эзесфельдобург, которая теперь называется Itzenho (в западной Голштинии, на север от Глюкштадта). Этим Залабская марка получила окончательное утверждение. Она в предположениях Карла основана была столько же против датчан, сколько против славян, и кажется даже, что желание иметь пограничную точку опоры против датчан, которые начинали сильно тревожить Германию и Францию своими нападениями с моря, более всего побудило тогда Карла к военному занятию Нордалбингии⁶¹. Но в своих последствиях эта мера [278]оказалась направленной почти исключительно против славян. С датчанами Германия мало-помалу ужилась: голос кровного родства был сильнее политического соперничества, и Дания вступила в братство западных народов. С балтийскими славянами Германия ужиться не могла; и братства между ними никогда не настало. Для балтийских славян военное занятие Нордалбингии Германией было роковым событием. Немецкий народ, который в 804 году совершенно удалился было за Эльбу, теперь переступил снова эту природную грань и опять основался на пороге славянского Поморья, в соседстве бодричей; но то не были уже независимые саксы, разделенные на мелкие племена и волости, а правильно устроенное военное поселение, сторожевой отряд сильного, завоевательного государства. И с тех пор немцы уже не возвращались за Эльбу, а шли вперед шаг за шагом, захватывая земли соседей своих, пока не овладели, наконец, всем славянским берегом Балтийского моря. И тут не остановились они, и шли всё дальше и дальше, и успокоились и отдохнули только, когда знамя, водруженное Карлом Великим в Гамбурге и на Эзеском поле, развевалось в Ревеле и Нарве. Нельзя сочувствовать этому подвигу, как всякому насилию и истреблению народностей; но нельзя отказать в справедливой

⁶¹ Эйнгард (M. G. I, 196) под 809 годом: Imperator... cum ei multa de iactantia et superbia regis Danorum nuntiarentur, statuit trans Albiam flumen civitatem aedificare, Francorumque in ea ponere praesidium. Cumque ad hoc per Galliam atque Germaniam homines congregasset armisque ac caeteris ad usum necessariis, rebus instructos per Frisiam ad locum destinatum ducere iussisset, Thrasco dux Abodritarum in emporio Reric ab hominibus Godofridi per dolum interfectus est. Sed imperator, postquam locus civitati constituendae fuerat exploratus, Egbertum comitem huic negotio exsequendo praeficiens, Albim traicere et locum iussit occupare. Est autem locus super ripam Sturiae fluminis, vocabulo Essesfelth, et occupatus est ab Egberto et comitibus Saxonicis circa idus Martis et muniri coeptus.

дани удивления железной твердости и настойчивости средневековой Германии: в IX и X веке ни слова не говорилось по-немецки на всем берегу Балтийского моря, а в XIV немецкий язык был господствующим от Голштинии до Финского залива.

VI

*Последние войны Карла Великого с балтийскими славянами. —
Немецкая военная линия на правом берегу Эльбы. 810–814 гг.*

Бодричи не противились утверждению немецкого владычества в отнятой у них Нордалбингии. Они благоговели еще перед западным императором. В 810 году Карл пришел с войском в землю саксов, чтобы открыть военные действия против датчан, разоривших берега Германии; тогда бодричи послали в его стан, расположенный у города Вердена на Везере, своих старшин, чтобы просить императора об утверждении у них великого князя на [279]место убитого Дражка⁶². В этот сан возведен был какой-то Славомир⁶³. Вследствие чего бодричи выбрали его, неизвестно; мы знаем только, что он получил великокняжеское достоинство не по наследству, помимо прав Дражкого сына Чедрага. Утверждая у бодричей великого князя, Карл, конечно, требовал от них помощи для похода в Данию; но война не состоялась. Предприимчивый Годофрид был убит одним из своих слуг, а наследник его заключил мир с императором.

Между тем велеты, всегдашние враги немцев, напали на марку, основанную Карлом на границе их друзей и союзников, глинян и смольнян. Перебравшись через Эльбу, они, без сомнения, с помощью этих племен, осадили крепость *Hochkuobi* (напротив Ленцена), охраняемую гарнизоном саксов, взяли и разрушили ее⁶⁴.

Первым делом Карла, после примирения с новым королем датским Геммингом, было отомстить славянам за этот урон и восстановить полабскую Украину. Он послал войско в землю бодрицких племен, живших в непосредственном соседстве с маркою, именно глинян, о которых мы не раз встречали известие, и каких-то бытенцев,

⁶² Annal. Fuldens. под 810 г. Carolus imperator cum exercitu Francorum perrexit in Saxonia, et ibi placitum habuit in Fereda, et ibi Wenedi venerunt, et dedit illi regem.

⁶³ Эйнгарт под 817 г. (M. G. I, 204): regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat.

⁶⁴ Эйнгарт (там же, 197) под 810 годом; Annal. Fuldens. Там же, 355.

если мы только правильно читаем это имя, которое в современных немецких памятниках пишется *Bethenzr*, *Bethenici*. Племя это было незначительно и вскоре исчезло, вместе с смольнянами, в более общем имени полабцев, которое придавалось славянам, жившим на берегу нижней Эльбы, в нынешнем Лауенбургском крае и близлежащей части Мекленбургии⁶⁵. Земля глинян и бытенцев была

⁶⁵ В IX и X веках имя полабцев вовсе не встречается; в XI, напротив, имена смольнян и бытенцев не упоминаются в исчислении славянских племен на Эльбе, а полабцы являются в тех местах, где мы во время Карла V. находим эти племена. Вероятно, смольняне, бытенцы и, может быть, еще другие мелкие ветви, имена которых не дошли до нас, слились с течением времени в одно племя и приняли тогда название полабцев. О бытенцах упоминает безымянный баварский географ, писавший в конце IX века (Шафарик. Слав. древн. Прилож. ко второму тому, 69): *Linnae* (глиняне) *est populus, qui habet civitates VII. Prope illis resident, quos vocant Bethnici et Smeldingon et Morizani, qui habent civitates XI.* – Chron. Moissiac. (M. G. I, 309): *Misit Karlus imperator exercitum Francorum et Saxonorum ultra Albiam ad illos Sclavos qui nominantur Linai et Bethenzr; et vastaverunt regiones illas et aedificaverunt iterum castellum in loco qui dicitur Abochi* (во второй редакции той же хроники. M. G. II, 259, очевидно по ошибке, написано *Bechelenz*). Шафарик (Слав. древн. II, 3, 151) читает это имя *Bethenici*, *Bethenzr* – ветники – и прибавляет: «Дитмар под именем ветников приводит особый род вооруженной городской стражи, а именно: *In ea parte (Misnae ubris), qua satellites habitant, dicti sclavonice vethenici Cukesburgienses (Kukesburger, иначе по-немецки Burgwachter)*. Название *ветник*, множеств. *ветники*, вернее всего можно производить от корня *вет*, откуда *вета* (*habitaculum*), *повет* (*pagus*), *витати* (*habitare*), или от *ветити*, *заветити*, немецкое *hagen*, как бы охранители, защитники. Следовательно, неизвестно, что такое были эти *ветники*, особенная ли ветвь народа или же только отдельное сословие обитателей. Жилищ их по эту пору нельзя надлежаще определить. Можно согласиться, что мышенские (мейсенские) *ветники* были сословием служилых людей, как и говорит Титмар, и что имя их происходило от указанного Шафариком корня. Но что есть общего между ними и племенем *Bethenici*, *Bethenzr*, с которыми Карл Великий вел войну на нижней Эльбе, кроме сходства имен, и то отличающихся начальными буквами *б* и *в*, которые у немцев редко смешивались. Я сказал, что племя *Bethenici* является в местах, где впоследствии мы встречаем полабцев: именно там была целая волость, называвшаяся *terra Boitin* (в принадлежащем Ольденбургу Любекском герцогстве на северо-востоке от Ратцебурга: см. подробности у Шрёдера. *Papistisches Mecklenburg*, 304 и 1654), и кроме того южнее, в том же крае полабцев, у самой Лабы, находится старинный город Бойценбург, название которого имеет очевидно не немецкое начало, несмотря на приставку *бург*. *Boitin*, *Boitzenburg*, по всей вероятности, звучали по-славянски *Бытно* или *Бытен* (подобные названия распространены в Ляшских землях, напр., Бытон, Бытын в

опу[280]стошена, и после того немецкое войско занялось восстановлением крепости *Hochbuoki* (811 г.).

В следующем году Карл снарядил поход против главных соперников Германии на Поморье, велетов. Три войска были одновременно направлены против них: одно пошло через землю бодричей, вероятно из Нордалбингии, и, конечно, получило от бодричей подкрепление; два других войска двинулись из Полабской марки на север, навстречу первому отряду, шедшему с запада. Велеты просили мира, дали немцам заложников и обещали покорность императору⁶⁶.

Усмирив таким образом ближайшие племена славянские, не опасаясь датчан, которые были заняты в то время внутренними раздорами, и опираясь на укрепления, уже устроенные, Карл довершил начатое дело: распространил и утвердил Залабскую марку. «Семь лет земля Нордалбингская была в плену», – писал потом в одной грамоте его сын, император Людовик: плен этот был славянский; но (в 811 г.) Карл поручил известному нам уже графу Эгберту устроить в ней защиту против язычников. Таким образом, основана была военная линия Северно-саксонская, отделявшая немецкий и славянский край в Нордалбингии. Сюда мало-помалу возвращались люди, недавно выселенные франкским завоевателем, и христианство начинало водворяться в [281]этой стране. Я уже упомянул об основании церкви в Гамбурге и о предначертаниях Карла касательно учреждения там митрополии⁶⁷.

Польше, Бытом в Силезии, Бытов в Померании) и отсюда племя называлось *бытенцы*, у немцев *Bethenzr*, *Bethenici*.

⁶⁶ Chron. Moissiac. под 812 г. (M. G. I, 309). Misit Karolus imperator tres scaras ad illos Sclavos qui dicuntur Wilti. Unus exercitus eius venit cum eis (т. е. ad eos) super Abodritos, et duo venerunt obviam ei ad (чит. ad) illa marchia. Sed et illi Wilti dextras dederunt et obsides obtulerunt, et promiserunt se dare partibus imperatoris Karoli; et postea sic reversus est populus ad propria. Eindardi Ann. Там же, 200. Chron. Regin. Там же, 566.

⁶⁷ Современные летописцы не упоминают об этих распоряжениях Карла; но на них ясно указывает грамота императора Людовика гамбургской митрополии от 15 мая 834 года; со свидетельством этой грамоты сходно предание, записанное Адамом Бременским (жившим во второй половине XI в.) о начале христианства в Нордалбингии. Ни Адам Бременский, ни грамота императора Людовика не определяют года основания нордалбингской военной линии и гамбургской церкви. В грамоте сказано только, что до того времени Нордалбингия семь лет находилась в руках варваров: стало быть, учреждения эти относились бы к 811 году, так как в 804 эта земля отдана была Карлом славянам. К 811 году мы и относим *окончательное* в ней устройство военной крайины немецкой; но из других обстоятельств видно,

Немецкая военная линия в Нордалбингии соответствовала той цепи рвов и укреплений, которую датский король Годофрид еще в 808 году начал строить от Немецкого до Балтийского моря по реке Эгидоре (Eyder) для ограждения с юга своих владений и которая охранялась тоже сторожевыми отрядами⁶⁸. Немецкая линия, как ее, по словам Адама Бременского, установил Карл и его преемники, начиналась у нижней Эльбы, именно от местности Мезенречье (Mescenreiza)⁶⁹, т. е. Междуречье, несколько южнее нынешнего Лау-

что постепенное водворение там власти германского императора началось уже с войны 808 года. Вот слова грамоты, на которые мы ссылались (Cod. Pomer. 5): «Genitor etenim noster gloriose memorie Karolus omnem Saxoniam ecclesiastice religioni subdidit, iugumque Christi adusque terminos Danorum atque Sclavorum, corda ferocia ferro perdomans, ferre docuit. Ubi inter has utrasque gentes Danorum atque sive Winedorum ultimam Saxonie partem sitam er diversis periculis, temporalibus videlicet ac spiritualibus, interiacentem prospiciens, pontificalem ibidem sedem fieri decrevit trans Albiam. Unde postquam terram Nordalbingorum laxata captivitate, quam ob multam perfidiam in ipsis christianitatis initiis patratam per septennium passi sunt, ne locus ille a barbaris invaderetur, Ecberto comiti restituere preceperat, non iam vicinis episcopis locum illum committere voluit, sed ne quisquam eorum hanc sibi deinceps parrochiam vindicaret, ex remotis Gallie partibus quendam episcopum, Amalarium nomine direxit, qui primitivam ecclesiam ibidem consecraret. Sed et eidem ecclesiae sacras reliquias ac plura ecclesiastica munera pia largitate specialiter destinare curavit. Postmodum vero captivis optatam ad patriam undique confluentibus, eandem parrochiam cuidam presbitero Heridac nomine specialiter commendavit, quem universe Nordalbingorum ecclesiae... disposuerat consecrari episcopum... Delegavit etiam eidem presbitero quandam cellam Hrodnace (вероятно, Renaix в восточной Фландрии) vocatam, quatinus eidem loco periculis undique circumdato fieret supplementum. Sed quia consecrationem iam dicti viri velox ex hac luce transitus pii genitoris nostri in diebus eius fieri prohibuit» и пр. Сравни Адама Бременск. I, 15.

⁶⁸ Эйнгард под 817 г. (M. G. I, 204): Gluomi custos Nordmannici (с датской стороны).

⁶⁹ Трудно определить в точности, как звучали у славян эти имена, обезображенные немецко-латинским правописанием. Адам Бременский говорит: «ad Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Slavi Mescenreiza vocant». Что Mescenreiza значит Междуречье – не может быть сомнения; я предполагаю, что первую часть слова (mescen), т. е. *между*, следует читать *мезен* (с носовым *н*), ибо старославянскому *жд*, польскому *дз* в речи балтийских славян, как видно из других примеров и из теперешнего языка померанских словинцев, соответствовало *з*, а присутствие носового звука (*мезен*) законно при существовании в старослав. формы *междж*, в польск. *między* (где носовая перешла неорганически из второго слога в первый). Но убедившись в том, что Mescenreiza есть Мезенречье, мы спросим: каким образом ручей (rivulus) мог

[282]енбурга, и шла на север к реке Delvunda (ныне Delvenau или Steknitz)⁷⁰, потом к источникам р. Белины (у немцев Bilenä, теперь Bille), прямо на север к Виспирку (теперь Везенберг, на Травне, верстах в 10 на запад от Любека), потом на северо-запад, с некоторыми изгибами по речке Борзнику или Борознице (Birznig теперь Bissenitz) и далее к Боле-лонкам (Buli-lunkin, теперь Blunk) и, наконец, по течению реки Свентины к Кильскому заливу⁷¹. При Карле линия эта шла несколько западнее; мы знаем, что она подвинута была до Стекницы в 822 году, прежде, вероятно, р. Белина, впадающая в Эльбу близ Гамбурга, составляла границу. Точно так же и

называться Междуречьем? По всей вероятности, Адам Бременский ошибся и принял за славянское название пограничного ручья названия местности, в которой протекал этот ручей. Местность эта, как видно из дальнейшего направления границы, была, вероятно, островок ниже Лауенбурга, образуемый Эльбой и рекой Delvenau, впадающей в нее тут двумя, довольно широко расходящимися, рукавами, действительное *междуречье*. – В названии *Bulilunkin*, очевидно, вторая половина есть то же слово, что польск *łuka* (луг), очень часто встречаемое в местных названиях на славянском Поморье; первая часть, *buli*, всего лучше подходит к слав. *боле*, хотя такое сочетание довольно необычно.

⁷⁰ Река Delvunda, у Эйнгарда Deldende, теперь Delvenau, впадает, как замечено, у Лауенбурга в Эльбу и составляет ныне границу между Голштейн-Лауенбургским владением датского короля и Мекленбургией. Она соединена каналом с р. Stecknitz, впадающей в Траве у Любека, вследствие чего и на нее переносится теперь название Stecknitz.

⁷¹ Адам Брем. II, 15. Географические данные, им приведенные, подробно разобраны в статье: Ведекинд: «James Saxoniae» (Noten zu einigen Geschichtsschreibern I, 1). Вот полный текст описания Адама Бременского и объяснение названий, которые читатель легко отыщет на подробной карте Голштинии: «Invenimus quoque limitem Saxoniae quae trans Albiam est, praescriptum a Karolo et imperatoribus ceteris, ita se continentem. Hoc est ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Sclavi Mescenrēiza vocant, a quo sursum limes currit per silvam Delvunder usque in fluvium Delvundum (теперь Delvenau) sicque pervenit in Horchenbici (теперь Hornbeck) et Bilenispring (источник реки Bille); inde ad Liudwinestein (неизв.) et Wispircon (теп. Wesenberg) et Birznig (печка Bissenitz, у села Pronsdorf) progreditur. Tunc in Horbinstenon (неизв.) vadit usque Travena silvam (Travenhorst) sursumque per ipsam in Bulilunkin (Blunk), mox in Agrimeshov (теп. Tarsebeck, см.: Helmold. I, 57, 63) et recto ad vadum quod dicitur Agrimeswidil (Stocksee) ascendit. Ubi et Burwido fecit duellum contra campionem Sclavorum interfecitque eum, et lapis in eodem loco positus est in memoriam. Ad eadem igitur aqua sursum procurrens terminus in stagnum Colse (вероятно Plöner-see, см. Ведекинд, там же, 13) vadit, sicque ad orientalem campum venit Zuentifeld (Bornhöved, см. Helmold. I, 94) usque in ipsum flumen Zuentinam (Schwentine), per quem limes Saxoniae uaque in pelagus Scythicum (Балтийское море) et mare quod vocant orientale delabitur».

на северной стороне линию, кажется, подвинули от верхнего течения Эгидоры или Эйдера к параллельной с ним Свентине. На западе от Белины, верхнего течения Эгидоры и черты, между ними проведенной, нет ни одного славянского [283] местного названия; очевидно, что там была искони земля немецкая и что славяне, получив этот край на короткое время от Карла V., не успели основаться в нем. В полосе (верст от 5 до 15 шириной) между этой предполагаемой первоначальной границей немцев и военной линией, описанной Адамом Бременским, мы находим несколько славянских названий среди множества немецких. Славянские названия расположены там, можно сказать, тремя кучками: на юге, близ Эльбы, между Белиной и Стекницей, в середине, близ р. Травны, и на севере близ Кильского залива, между Эгидорой и Свентиной⁷². Очевидно, что тут немцы захватили в свою Украину ближайшие участки Славянской земли. Это произошло вскоре после основания Нордалбингской линии Карлом Великим, как видно из слов летописца, который говорит: «В 822 году саксы по приказанию императора (Людовика) построили за Эльбою крепость на месте, называемом *Delbende* (*Delbende*, у Адама Бременского *Delvunde*, теперь *Delvenau*), выгнав оттуда славян, которые прежде занимали это место, и поставили там, против их набегов, сторожевой отряд (*praesidium*) саксов»⁷³.

Последние два года царствования Карла (813–814 гг.) прошли мирно в этой стороне. Славяне ничего не предпринимали. Биограф великого императора, Эйнгарт, писал с самодовольством, что все варварские народы от Дуная до Вислы и Балтийского моря, «почти сходные по языку, но весьма разнообразные нравами и образом жизни», были «до такой степени укрощены Карлом, что признали себя его данниками; что кроме велетов, (лабских) сербов, бодричей и чехов, с которыми он воевал, все прочие, гораздо многочисленней-

⁷² Вот эти имена, которые мы нашли на подробной карте Голштинии: на севере, между нижним Эйдером и Свентиной: *Preetz* (Поречье), *Barkau* (Борково), *Warnau* (Варново), *Lopin* (Лопатинö), *Stolpe* (Стопп); в середине, по обеим сторонам Травы: *Wensin*, *Rönnau*, *Rissen*, *Mözen*, *Bühlau* (по-славянски мы этих названий не пишем, потому что трудно определить в точности их славянскую форму, хотя происхождение из славянского языка кажется несомненным); *Leezen* (Лешно?), *Tralau*, *Nütschau*; *Vinzier*; *Grabau* (Грабово); *Barnitz* (Барница); *Politz* (Полица); на юге, между Белиной и Стекницей: *Trittau*, *Lanken* (Ланки, т. е. Лаки, луга), *Kankelow* (Кколево), *Rampau* (Пжпово), *Grabau* (Грабово), *Nüssau*, *Pötrau*, *Witzetze* (Высецы: это же имя встречается и в Древанской земле), *Wangelau* (Вглево или Выглово), *Collow*, *Gulzow*, *Krukow* (Круково), *Lüttau* (Лютово), *Basedow* и, быть может, некоторые другие.

⁷³ Эйнгарт, М. G. I, 209.

шие, добровольно поддались ему». В этих хвастливых словах мы слышим отголосок мнений, господствовавших при дворе западного императора. Успех немецкого оружия у пограничных племен славянских, которых не поддерживали их восточные братья, ляхи на Одре и Висле, казался ручательством в покорности остального славянского мира; в Риме и Ахене видели уже осуществление идеальной задачи новосозданной империи, видели уже на деле владычество римско-германского христианства над славянским варварством.

[284] Но в последние годы своей жизни непобедимый Карл чуял что-то недоброе впереди. Не со стороны миролюбивых и разъединенных, хотя несметных числом, славян грозила опасность Западу, а со стороны немногочисленных, но предприимчивых, вечно искавших боя и добычи скандинавов. С первых лет IX столетия какой-то таинственный порыв овладел жителями Дании, Швеции, Норвегии, как будто бы им стало вдруг тесно дома, или они хотели выместить на всем роде человеческом обиду Одина и Тора, покинутых всеми остальными германскими племенами для поклонения кресту Спасителя. Замечательно, что первым признаком приближающейся бури открывается IX столетие в летописях Запада. Вот слова Эйнгарда⁷⁴: «800 г. Когда настала весна, около половины марта, король (Карл Великий), отправившись из Ахена, осмотрел берега Галльского океана (Ламаншского пролива и Атлантики), построил флот на этом море, которое в то время было тревожимо разбойниками норманнами, и распределил сторожевые отряды». Какое впечатление должна была произвести на монархию западного христианства, только что осознавшую себя преемницей миродержавного и непобедимого Рима, гордыня датского короля Годофрида, этого первого представителя норманнской деятельности в Европе⁽¹¹⁵⁾, который, низложив бодрей, возвышенных Карлом, считал уже землю саксов и фризов своей областью и объявлял, что скоро явится с войском в Ахен, столицу грозного императора⁷⁵! Какое впечатление должен был произвести на поколение, исполненное веры в приметы, тот случай (записанный самим придворным биографом Эйнгардом), что когда император шел войной (810 г.) на этого отважного вождя норманнов, и однажды выступил в челе войска, перед восхождением солнца, из своего стана, вдруг перед ним пронесся по небу, справа налево, как бы светоч, и в ту минуту, как все смотрели на диво, лошадь под государем споткнулась на передние ноги и сбросила его с себя⁷⁶! В наро-

⁷⁴ M. G. I, 187

⁷⁵ Einh. vita Karoli M. (M. G. II, 450).

⁷⁶ Там же, 460.

де ходила смутная молва. Один святой муж⁷⁷, как рассказывали также в то время, видел во сне, что солнце взошло как бы с севера и понеслось по небу, гонимое тучами, и скрылось, и тучи заволокли всё небо.

Что сделают балтийские славяне среди грозы, которая подымалась на Германию и весь запад Европы?

[285]

VII

Последние годы мирной зависимости балтийских славян от Каролингской империи. — Славомир и Чедраг. 814–826 гг.

После смерти Карла Великого несколько лет протекло довольно мирно. Нужно было время, чтобы расшатать огромное здание, им воздвигнутое, и в котором семья романо-германская достигла своего давнишнего церковно-политического идеала. Преемник Карла Людовик Благочестивый не искал расширить это здание: сил уже не доставало. Оно держалось еще в том виде, как было, и только набег датчан и других скандинавов, которых Западная Европа привыкала называть общим именем норманнов, тревожили спокойствие немецких и французских берегов. Пограничные славяне продолжали повиноваться западному государю, одни по доброй воле и старой привычке, как бодричи, другие из страха перед державою, над которою царила еще великая тень Карла.

В 815 году император Людовик отправил войско в Данию, чтобы усмирить датчан и посадить на датский престол союзника Германии, Гаральда. В то время Данию оспаривали друг у друга две ветви королевского рода: дети Альфдена и дети Годофрида. Первые склонялись к дружбе с Западною империей и к принятию христианства, вторые были представителями язычества и необузданной отваги викингов. После убийства Годофрида (810 г.) сначала восторжествовали миролюбивые сыновья Альфдена. Старший Гемминг, как мы уже сказали, поспешил прекратить войну с немцами. Он скоро умер. Тогда (813 г.) сыновьям Годофрида, Олаву и Эрику, удалось выгнать из Дании братьев Гемминга, из которых старший был Гаральд. Они бежали сначала к бодричам⁷⁸, а потом явились ко двору германского

⁷⁷ Св. Людгер, первый епископ мюнстерский: см.: Гизебрехт. *Wendische Geschichten*. I, 10.

⁷⁸ Chron. Moissiac. (M. G. II, 259): *venerunt filli Godofredi cum exercitu, expuleruntque Herioldum et Reganfredum et Avingum de regno ipsorum; et illi fugerunt usque ad abdita*: (по другому списку: *usque ad Aberiti*: нет никакого

императора. Людовик возложил поход в Данию на саксов и бодричей; начальником император назначил своего легата Балдрика. Два раза в продолжении зимы войско саксов пыталось перейти через Эльбу, но переправа казалась слишком опасной вследствие оттепелей. Только в половине мая месяца выступили наконец в поход. Все графы (волостные начальники) Саксонской земли и все войска бодричей участвовали в нем, по словам летописца. Перешли [286] через Эгидору (Эйдер), пограничную реку Дании, вступили в Синландию (так называлась южная часть Ютландии) и оттуда, после семидневного перехода, достигли берега Балтийского моря. Славяно-немецкое войско расположилось тут станом. Датские вожди стали напротив его с флотом 200 кораблей у какого-то острова близ берега (вероятно, у острова Альзена). Так они стояли друг против друга, датчане владея морем, саксы и бодричи господствуя на материке: датчане напасть не хотели, немцы и славяне не могли, и удовольствовались опустошением окрестных деревень. Жители дали им 40 человек заложников, обещав, вероятно, признать королем союзника Людовика, Гаральда. С этим ничтожным успехом саксы и бодричи возвратились назад. Гаральд не мог даже остаться в Дании. Он явился к императору, который находился тогда в Падерборне (в земле западных саксов) и держал там общий сейм своего государства; явились также в Падерборн и славяне. Император, которого призывали в Италию возникшие там неожиданные замешательства, поспешил решить дела, предложенные ему славянскими посланцами, оставил Гаральда в Саксонии и уехал⁷⁹.

В следующем году (816 г.) император Людовик вновь принимал в своем Компьенском дворце недалеко от Парижа послов от бодричей⁸⁰. По какому делу они приезжали, об этом летопись не упоминает; но скоро за тем последовало распоряжение, которое взволновало всю Бодрицкую землю. Людовик приказал Славомиру, великому князю или «королю» бодричей, как его называли немцы, разделить свою власть с Чедрагом, сыном прежнего князя Дражка. Никогда еще Германия не позволяла себе такого прямого вмешательства во внутреннее управление соседнего и дружественного славянского племени. Император Людовик обращался тут с бодрицким князем точно так же, как его отец бывало обращался со своими немецкими

сомнения) (как и предполагает издатель Mon. Germ.), что эти слова *Aberiti* и *Abditi* суть испорченное переписчиками имя *Abodriti*.

⁷⁹ Эйнгарт под 815 годом (M. G. I, 202). *Annal. Fuldens.* Там же, 356. *Thegani, Vita Hludowici* (M. G. II, 393). *Vita Hludowici.* Там же, 620.

⁸⁰ Эйнгарт (M. G. I, 203).

или французскими герцогами и графами. Впрочем, Людовик, слабый и чуждый каких-либо новых политических замыслов, едва ли сделал это с обдуманной целью усилить влияние империи в славянских землях: его, вероятно, подбили домашние враги Славомира, и мы к этому делу относим посольство бодричей, приехавшее в Компьень. Как! он, который восемь лет спокойно правил, как верховный князь, всюю землею Бодрицкою, он, которого утвердил сам великий Карл и который столько раз помогал немцам в челе славянской рати⁸¹, вдруг, без причины, будет лишен власти по прихоти [287] чужого государя. «Никогда больше не перееду я через Лабу, – воскликнул он, – нет, меня уже не увидят опять при дворе немецкого цесаря!»⁸² Тотчас отправил он посольство за море, к датским правителям Олаву и Эрику, которые, конечно, были рады случаю пособить новому врагу немецкого императора и отомстить Людовику за помощь, оказанную их совместнику Гаральду. Славомир легко уговорил их послать войско в Нордалбингию. В скором времени датские корабли вошли в устье Эльбы и поднялись вверх по Стыри (Stor); разорив ее берега, они явились под новою немецкою крепостью Элесфельдобургом (Itzenhoe). В то же время подступила к ней пешая рать датчан из их пограничной военной линии; к этому войску присоединились бодричи, которые должны были, таким образом, прорвать сторожевую цепь немцев, отделявшую северную марку от славян, и пройти всю Нордалбингию. Это свидетельствует о значительности сил, с какими бодричи выступили в поход, и о недостаточности средств защиты, которыми Германия располагала тогда в этой стороне. Но крепостей ни славяне, ни датчане в это время брать не умели. Немцы отстояли Эзесфельдобург, так что датчане и бодричи сняли осаду и разошлись по домам⁸³.

Год прошел. Наконец собралось немецкое войско в поход против Славомира. К силам, выставленным саксами и их военной украин-

⁸¹ Немецкие летописцы не упоминают о том, кто предводительствовал бодричам в последних их войнах в пользу Германии; но нет сомнения, что это был старший князь, т. е. Славомир, власть которого до 817 года имела у бодричей общее признание, по свидетельству самого Эйнгарда (M. G. I, 204).

⁸² Эйнгард под 817 г. (M. G. I, 204): *Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat cum Ceadrago filio Thrasconis partiti jubebatur, quae res illum tam graviter exacerbavit, ut adfirmaret, se numquam posthac Albim flumen transiturum neque ad palatium venturum*. Что балтийские славяне называли Немецкого императора цесарем, подобно другим соплеменникам своим, видно из некоторых собственных названий городов, напр., Ziesar в земле морачан, и др.

⁸³ Эйнгард. Там же.

ной, пришло подкрепление из Франконии. У Славомира были враги и завистники между самими бодричами. Они воспользовались нашествием немцев для его низложения; он сам попался в руки немецких начальников, и его привезли пленником в Ахен. С ним же ко двору императора явились, по приказанию немцев, и старшины бодрицкого народа (вероятно, князья мелких племен и жупаны), и явились они обвинителями того человека, который решился слушаться воли немецкого государя и мечтал о единодержавии и независимости земли своей. Над Славомиром был наряжен суд в Ахене: он должен был отвечать на обвинение в измене против немецкого императора, предложенное его соотечественниками, – и западный летописец наивно прибавляет, что он не был в состоянии оправдаться «разумными доводами». Его сослали в одну из областей империи, а великим князем или «королем» бодрицким провозгласили Дражкова сына Чедрага⁸⁴.

[288] Но и Чедрагу не долго пришлось властвовать спокойно. Заняв место несчастного Славомира, он по необходимости вступал в те же политические отношения, какие обуславливали деятельность его недавнего совместника. С того дня, как саксы вошли в состав Франкской монархии и сделались на границе славянского Поморья представителями ее стремлений к преобладанию, союз бодричей с этою монархией, – нужный и естественный, пока их разделяли независимые и обоим одинаково враждебные саксы, – становился совершенно невозможным: ибо этот союз, по понятиям тогдашнего Запада, требовал подданства бодрицкого князя, как вассала, немецкому императору, а такое подчинение влекло за собой подчинение бодричей пограничным начальникам саксов, как наместникам императорским в этом крае. Понятно, что Чедраг тотчас же последовал примеру Славомира: он завел сношения с датчанами⁸⁵, чтобы найти опору против Германии. Донесли об его измене императору. Людовик решился низложить Чедрага и для этого велел отпустить Славомира на родину (821 г.). Но Славомир заболел дорогой в Саксонии; на смертном одре он принял – первый из бал-

⁸⁴ Эйнгард под 819 г. (M. G. I, 205): *Sclaomir, ... ob cuius perfidiam ulciscendam exercitus Saxonum et orientalium Francorum eodem anno trans Albiam missus fuerat, per praefectos Saxonici limitis et legatos imperatoris qui exercitui praeerat, Aquasguani adductus est. Quem cum primores populi sui, qui simul iussi venerant, multis criminibus accusarent, et ille rationabili defensione obiecta sibi refellere non valeret, exilio comdemnatus est, et regnum Ceadrago, Thrasconis filio datum.* – Vita Hludowici. Там же. II, 624.

⁸⁵ Эйнгард под 821 г. (M. G. I, 208).

тийских славян – крещение и скончался. Мы назвали Славомира первым христианином из балтийских славян, несмотря на известие, записанное одною германскою летописью, о крещении некоторых из них в 780 году. Но если даже это известие не выдумка, то крещение, принятое тогда некоторыми бодричами, союзниками Карла, не имело, очевидно, никакого действительного значения и было не более, как обрядом, которому они подчинились, чтобы угодить могущественному союзнику, нужному для них при тогдашних обстоятельствах. Сорок лет прошло с тех пор, и христианство решительно оставалось чуждым балтийским славянам. Если бы хоть несколько человек между ними исповедывали его, то Германия не преминула бы позаботиться об учреждении в их земле иерархической власти, содействие которой было бы ей так полезно для ее политического господства над этими племенами. Итак, повторяем, Славомир был первый балтийский славянин, уверовавший во Христа: его предсмертное обращение было, очевидно, не вынужденным, а добровольным делом.

Смерть Славомира избавила Чедрага от опасного соперника. Он остался правителем бодричей. Но, вероятно, опасения, которые он внушал немцам, дали повод к распространению их военной украины за Эльбой. Мы уже упомянули, что они южную часть этой украины подвинули в 822 году до реки *Delvenau*, впадающей в Эльбу у Лауенбурга, и выгнали славян из за[289]нятого края. Славяне эти принадлежали к бодрицкому племени. Войны не произошло; напротив, бодричи тогда же отправили к императору послов на сейм, который он созвал в конце года во Франкфурте. Кроме бодрицких послов приехали туда послы и от велетов и прочих пограничных славянских народов, так же как от обеих партий, оспаривавших друг у друга датский престол⁸⁶.

Послы бодричей и велетов явились к императору, вероятно, с обоюдными жалобами и просили его посредничества, как бывало при Карле Великом. Между обоими племенами произошла война, в это ли именно время, или несколько прежде – неизвестно. Летописец, по-видимому, указывает на то, что в ней участвовали преимущественно восточные ветви бодричей, непосредственные соседи велетов. Впрочем, об этой войне мы знаем только, что в ней погиб в битве великий князь велетский Люб. Этот Люб, по словам летописца, владел Велетскою землею вместе со своими братьями; но как он был старший, то верховная власть принадлежала ему. Он оставил двух сыновей, Милогостя и Целодрага. Народ велетский

⁸⁶ Эйнгарт под 822 г. (M. G. I, 209).

поставил великим князем или «королем» Милогостя, как старшего сына. Замечательно, что верховная власть не перешла, как бывало в древнее время у других славян, к старшему в роде, то есть к брату убитого князя: это избрание совершилось, по замечанию нашего летописца, согласно народному обычаю. Но затем велеты увидели, что Милогость был недостоин своего сана; тогда они низложили его и провозгласили великим князем младшего брата. Оба, и Милогость, и Целодраг, явились в мае месяце 823 года к императору, который в то время снова держал сейм во Франкфурте, и предложили свой спор на его решение. Таково было уже тогда нравственное влияние Западной монархии на мелкие и вечно разъединенные племена балтийских славян! Людовик велел узнать, на чьей стороне действительно воля велетского народа. Иначе он поступить не мог; решение, противное желанию народному, надобно бы было привести в исполнение войной, к которой император не имел охоты, а освящение, данное им народному выбору, составляло для Германии важное нравственное завоевание. Когда Людовик получил удостоверение, что народ велетский действительно стоит на стороне младшего брата, то он утвердил его великим князем, но отпуская обоих совместников, одарил также и отставленного князя, и заставил и того и другого дать присягу в верности и в дружбе между собой⁸⁷.

[290] На том же франкфуртском сейме возобновились обвинения против Чедрага, великого князя бодричей, вероятно, со стороны начальников саксонской украины. Опять стали твердить императору, что он неверен Германии, и подкрепляли подозрения в измене тем, что он долго, под разными предлогами не являлся ко двору императорскому. Людовик отправил к нему посольство (823 г.).

⁸⁷ Эйнгарт под 823 г. (M. G. I, 210): *inter caeteras barbarorum legationes, quae vel iussae vel sua sponte venerunt, duo fratres, reges videlicet Wiltzorum, controversiam inter se de regno habentes, ad praesentiam imperatoris venerunt, quorum nomina sunt Milegastus et Cealadragus. Erant idem filii Liubi regis Wiltzorum, qui licet cum fratribus suis regnum divisum teneret, tamen propterea quod maior natu erat, ad eum totius regni summa pertinebat. Qui cum, commisso cum orientalibus Abodritis praelio, interisset, populus Wiltzorum filium eius Milegastum, quia maior natu erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto, iuniori fratri regium honorem deferunt; quam ob causam ambo ad praesentiam imperatoris venerunt. Quos cum audisset et gentis voluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnovisset, statuit ut is delatam sibi a populo suo potestatem haberet, ambos tamen muneribus donatos et sacramento firmatos in patriam remisit.* — Vita Hludowici (M. G. II, 627).

Бодрицкий князь старался сохранить мирные отношения к немцам, и когда это посольство поехало обратно, он дал ему в спутники нескольких почетных людей из своего народа, которые его именем обещали императору, что он скоро явится к нему лично. Действительно, он еще в конце того же года в сопровождении некоторых старшин (*primores*, т. е. вероятно, князей и жупанов) земли Бодрицкой приехал во Францию, в Компьень, где император Людовик имел любимое свое пребывание. Западный государь признал уважительными извинения, какие он представил в своей долгой неявке; «в разных других отношениях, — прибавляет германский летописец, — Чедраг казался виновным (мы знаем, какого рода были вины его), но все это было ему прощено во внимание к заслугам его предков, и император щедро одарил его перед отъездом»⁸⁸. Германская империя, очевидно, уже не в состоянии была удерживать силой своего преобладания над славянским Поморьем. В это время по всей восточной границе Карловой державы племена славянские малопомалу свергали с себя немецкое иго. Первые показали пример восстания хорваты, к которым скоро присоединились и альпийские словенцы; чехи перестали быть данниками империи; лабские сербы уже в 816 году пытались освободиться от немцев. Наконец, у бодричей власть Германии стала теперь, очевидно, только номинальной, с тех пор как она *простила* бодрицкому князю его сношения с заклятыми врагами империи, норманнами, и удовольствовалась наружным выражением покорности со стороны Чедрага.

Великий князь бодричей продолжал свой прежний образ действия, враждебный Германии; но опять в самой земле бодричей возникли распри, и завистники Чедрага снова вызвали немцев на вмешательство в дела славян. Летом 826 года приехали к императору Людовику в Ингельгейм (во Франконии на Рейне) некоторые старшины (*primores*) бодричей с доносом на своего верховного князя. Они обвиняли его в неповиновении Германии. Император [291] велел объявить Чедрагу, чтобы он явился для ответа на общий имперский сейм, созванный в этот же город к октябрю месяцу; иначе его признают за изменника. Чедраг действительно приехал в Ингельгейм к назначенному сроку. Людовик был в недоумении, в чью пользу решить, за великого ли князя, сына многозаслуженного Дражка, или за его противников. Как и в недавнем споре между сыновьями велетского князя Люба, он боялся нарушить значение своего императорского сана приговором, который был бы отвергнут бодрицким народом. Поэтому он задержал Чедрага при своем дворе и от-

⁸⁸ Эйнгарт под 822 годом (M. G. I, 210, 211).

правил к бодричам посольство, чтобы узнать там настоящее расположение народа. Воротясь, послы донесли, что нашли у бодричей разногласие мнений касательно признания своего «короля», но что лучшие и знатнейшие люди между ними все желают возвращения Чедрага. Тогда император взял у него заложников и отпустил его, подтвердив его великокняжеское достоинство⁸⁹.

«Между бодричами существует разногласие мнений касательно признания своего короля». Эти слова немецких послов, приехавших из славянского Поморья в 826 году, служат как бы определением всей политической истории балтийских славян. Закоренелые язычники, удерживаемые своими верованиями в старинном племенном быте, они никак не могли возвыситься до понятия единства народного и государственного. Стоя на самой границе завоевательной империи, наследницы идей Древнего Рима, они ей противопоставляли свою племенную раздробленность, свои внутренние раздоры и свои станицы, как они называли священные знамена языческих богов своих. Другой пограничный с Западной империей славянский народ, чехи, рано осознал свое единство, рано променял племенной быт на государственный, рано принял христианское просвещение: но и чехам как трудно было устоять против Германии! Какая же судьба ожидала балтийских славян?

VIII

*Освобождение балтийских славян от империи Каролингов. –
Первая попытка христианской проповеди на балтийском Поморье.
826–839 гг.*

Десять лет слишком ничего не слышно о балтийских славянах. Западная империя была уже так слаба, так истощена раздорами, так изнурена нападениями норманнов, что ничего не хотела предпринимать против балтийских славян. А балтийские славяне, по недостатку единства и общей народной идеи, не пользовались распадением Германии. Вот почему западные ле[292]тописи в это время совершенно умалчивают о них, и мы, имея единственным источником западные летописи, не можем сказать ни слова об этой любопытной эпохе в жизни балтийских славян.

Мы догадываемся только по позднейшим событиям, что в эти десять лет не стало Чедрага, «короля» бодричей, и что с ним вместе

⁸⁹ Einh. a. 826 M. G. I, 214, 215.

исчезли в бодрицком народе и слабые зачатки единой державной власти, возникшие под влиянием Франкской монархии.

Бодричи и велеты были снова возбуждены к деятельности примером и влиянием скандинавов.

Держава Карла Великого была уже легкой добычей отважных «морских королей» норманнских; но сами норманны начинали испытывать на себе нравственное воздействие христианских народов. В 822 году сделана была первая попытка христианской проповеди между скандинавами реймским архиепископом Эббоном: он ездил в Данию и обратил там много народу⁹⁰. Император Людовик подарил ему в Нордалбингии поместье (Вельна или Вельнау, теперь Münsterdorf) близ крепости Эзесфельдобурга, для того чтобы он мог завести связи с залабскими народами и укрываться в этом поместье в случае преследований⁹¹. Датский король Гаральд, искавший, как мы знаем, покровительства Германии, склонился наконец на убеждения императора Людовика и в 826 году торжественно принял крещение в Майнце вместе со своими людьми. Вскоре обстоятельства устроились в Дании так, что Гаральд мог туда возвратиться, и император отправил с ним ревностного корбейского монаха Анскара, уроженца Фландрии⁹², чтобы наставлять в вере новообращенных датчан и распространять христианство между северными народами. Этот Анскар был необыкновенным явлением среди тогдашнего Запада, впавшего в полнейшее равнодушие к успехам христианства между язычниками; такое равнодушие, впрочем, весьма понятно при неурядице и страданиях самого Запада в то время; оно доходило до того, что Анскар, хотя богато снабженный благочестивым императором деньгами и всем нужным для его подвига, принужден был ехать в Данию с одним только товарищем-монахом и не мог найти себе других спутников и прислуги. Несмотря на такой недостаток поддержки в самих западных народах, Анскар не совсем бесплодно проповедовал. Он встретил сочувствие не столько в Дании, слишком враждебно расположенной к соседней Немецкой империи, сколько в Швеции^[31]. Там многие уверовали и приняли крещение. [293] В награду за свои подвиги тридцатилетний Анскар получил (831 г.) от императора и папы архиепископский жезл и сан

⁹⁰ Эйнгард под 822 г. (M. G. I, 208).

⁹¹ Rimberty vita Anskerii, 13, 14.

⁹² Он поступил сначала в старый Корбейский монастырь (Corbie на р. Сомме, близ Амиена, в северо-восточной Франции), а потом переведен был в основанный императором Людовиком Новокорбейский монастырь в земле саксов, на р. Везере.

митрополита всех северных народов. Местопребывание новому архиепископу назначено было, по предначертанию Карла, на немецкой земле, на границе Скандинавского мира и славянского Поморья, в Гамбурге. В папской булле (834 г.) архиепископу гамбургскому давалось полномочие для обращения «датчан, шведов, норвежцев, фарейцев, гренландцев, исландцев, финнов и славян»⁹³ (т. е. балтийских)⁹⁴; он назначался примасом всех северных и восточных народов. Дело замечательное и характеристическое, – в этом перечне северных народов, предназначаемых Западом к призванию в христианство, балтийские славяне занимали последнее место: ближайшие соседи Германии, они поставлены были после отдаленной и темной Исландии, Гренландии, после финнов. Анскар так и понял свою обязанность. Его внимание обращено было исключительно на скандинавские земли; к балтийским славянам он не ездил и даже, как видно из его жизнеописания, весьма подробного, не вошел с ними ни в какие сношения⁹⁵. Все, сделанное им для славян, состояло в том, что Анскар покупал иногда нескольких славянских мальчиков вместе с датскими, а других выкупал из плена и отдавал их для воспитания в христианском законе в монастырь Тургольт во Фландрии, дарованный Гамбургской митрополии для усиления ее доходов. Иных он оставлял при себе; но ему не удалось образовать ни одного проповедника Евангелия для славянского Поморья; а когда Тургольтский монастырь отошел от него, то тамошний аббат обратил некоторых из воспитанников в своих крепостных людей⁹⁶.

⁹³ Грамота папы Григория IV (по-видимому, от 835 года) об учреждении Гамбургского архиепископства (Cjdex Pomer diplom. 9): *Ipsūmque filium nostrum iam dictum Ansgarium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Noruehorum, Farrie, Gronlondan, Halsingalondan, Islandan, Scribevindun, Slauorum, nec non omnium septentrionalium et orientalium nationum, quocunque modo nominatorum, delegamus.* Имя *Scribevindun* относится к финнам, которых скандинавы называли *Scredefinni*, *Scredefenni* и т. п.

⁹⁴ Прочие пограничные с Германией славяне, лабские сербы, чехи, хорутане, хорваты и др., были уже распределены между другими немецкими епархиями.

⁹⁵ В жалованной грамоте императора Людовика Анскару, при его возведении в архиепископский сан (Cod. Pomer. 5), вовсе не упомянуто об обращении им славян.

⁹⁶ *Vita S. Anskarii* 15 (M. G. II. C. 700): (Anskarius) in diocesi sibi commissā et in partibus Danorum strenue suum implebat officium, et exemplo bonae conversationis multos ad fidei gratiam provocabat. Coepit quoque ex gente Danorum at-

Тем не менее нет сомнения, что учреждение немецкой митрополии в земле, недавно еще находившейся в руках балтийских славян, могло испугать этот народ, у которого славянское язычество достигло такой же, если [294] не большей степени развития и крепости, как германское у скандинавов. Балтийские славяне должны были почувствовать близость опасности, предстоявшей их богам, и вооружиться для ее отражения. Подобное явление представлял в то время и Скандинавский мир. Крещение Гаральда и проповедь Анскара в Дании и Швеции разожгли там повсюду страшный фанатизм язычников. Раздраженные опасностью, которая угрожала Одину и Валгалле, скандинавы с яростью людей отчаянных, обрекавших себя добровольно на смерть, стали бросаться на христианские земли и вымещали на них оскорбление своих богов⁹⁷. Надобно прочесть современные летописи и саги, чтобы иметь понятие об ужасах, которыми они наполняли в то время береговые страны Германии, Франции и Англии.

Против славян-язычников скандинавы не имели такой вражды, хотя воинственная удаля по-прежнему иногда увлекала их к нападениям на их богатые торговые пристани. Сохранилось известие⁹⁸, что один из королей, разделявших между собою Швецию, Амунд, прожив несколько времени изгнанником в Дании, собрал там дружину викингов, чтобы напасть на шведский торговый город Бирку, где стараниями св. Анскара насаждено было христианство и построена церковь. Снарядили 21 корабль; 11 кораблей принадлежали самому Амунду и товарищам его изгнания; остальные – датским

que Slavorum nonnullos emere pueros, aliquos etiam ex captivitate redimere, quos ad servitium Dei educaret (это записано наряду с событиями 835 и 836 гг.).

⁹⁷ Мне кажется, что историки, писавшие о деятельности норманнов в Европе в IX, X и XI веках, слишком мало обратили внимания на религиозное побуждение их походов. Обыкновенно говорят, что им стало тесно дома и что их влекла на чужбину жажда добычи и власти. Что им было тесно дома, кажется весьма сомнительным: отчего же вдруг перестало быть тесно, в продолжение многих столетий, со времени принятия христианской веры этими народами? Жаждою добычи и власти вовсе не объясняется *furor Normannorum*, направленный преимущественно против христианских церквей и священников, а еще менее яростью так называемых *берсеркеров*, искавших смерти во славу Одина. Но, разумеется, легкие успехи норманнов на берегах Германии, Англии, Франции и Испании тотчас же внушили им мысль об обогащении и завоеваниях, и они вскоре не стали разбирать, кто их враги, христиане или язычники, тем более, что самая их вера делала из воинственной отваги главную добродетель человеческую⁽¹¹⁶⁾.

⁹⁸ Rimberty vita Anskarii, 19.

удальцам, добровольно присоединившимся к предприятию. Переплыв Балтийское море, они явились под стенами Бирки; жители, призывая имя Христово, приготовились к упорной защите. Тогда дружина Амунда обратилась к языческим гаданиям, которые сказали ей, что тут не будет удачи и что следует направиться в какой-то отдаленный город в земле славян. Викинги разделились: датчане послушались жребия и поплыли прямо, куда им было указано; Амунд заключил договор со своими соотечественниками и остался в Швеции. Нежданно напали датчане на мирный славянский город, не помышлявший о военной тревоге, захватили там богатую добычу и возвратились домой⁹⁹. [295]Какой это был город, мы не знаем: если позволено сделать предположение, то мы назвали бы Волин (Wolin) устье Одры, столь известный впоследствии, как средоточие торговли славянского Поморья и как постоянная цель норманнских грабителей^[32]. Но систематической вражды скандинавские викинги против балтийских славян не имели в то время; это видно из тогдашних саг. Напротив, вследствие известных нам уже обстоятельств, между теми и другими образовалась дружба и согласие. Славяне перестали держать, как в недавнее время, сторону Германской империи против скандинавов. Им выгоднее казалось грабить вместе с норманнами немцев, заодно с ними отразить христианство, одинаково враждебное Одину и Святовиту, и с помощью их свергнуть с себя зависимость от западного императора⁽¹¹⁷⁾.

В 836 или 837 году бодричи и велеты отказались от послушания немцам. В первый раз эти два славянских племени, всегда противостоявшие друг другу, являются действующими вместе против общего врага, Германии. Император Людовик отправил против них войско¹⁰⁰. Освободившиеся славяне, как видно, прибегли тотчас к союзу и покровительству датчан-язычников. Датский король Эрик (Горих) отправил к Людовику посольство требовать, чтобы Германия отказалась от верховной власти над землей бодричей и передала ее Дании вместе с землей фризов, которая в то время почти завоевана

⁹⁹ Время этого предприятия не указано в житии Анскара; оно помещено там вслед за рассказом о разрушении Гамбурга и современном этому разрушению гонении на христиан в Швеции, т. е. после 841 года; но по другим данным, свидетельствующим о пребывании Амунда в Дании, скорее можно заключить, что это случилось в 837 или 838 году.

¹⁰⁰ Под начальством графов Адальгара и Эгилона. Ann. Bertiniani под 838 г. (M. G. I, 432). Adalgarius et Egilo comes ad Abodritos et Wilzos a fide deficientes dudum directi, reversi sunt, adductis secum obsidibus imperatori deinceps subditos fore nunciantes.

была скандинавскими *викингами*¹⁰¹. Людовик отверг это предложение, которое показалось ему верхом наглости со стороны норманнов, – и война немцев с балтийскими славянами продолжалась. Успех Людовикова войска был весьма сомнителен: правда, военачальники его возвратились к императорскому двору с заложниками и объявили, что славяне усмирены (838 г.); но на другой год те же славяне вместе с датскими викингами грабили немецкие пределы. Бодричи и велеты тут снова действовали заодно; глиняне, недавно еще и не раз отпадавшие от общего союза бодрицких племен, тоже участвовали в войне. К бодричам, глинянам, велетам приступили лабские сербы. Войска славян вторгались в *марки*, устроенные Карлом, и выжигали в них немецкие селения. Император послал против них в конце лета 839 года ополчение саксов, турингов и аустразийцев (жи[296]телей Лотарингии)¹⁰²; но германский летописец не упомянул об успехах их против славян: видно исход войны не был благоприятен для империи; только в земле лабских сербов немцы одержали победу.

IX

Действия балтийских славян в союзе с норманнами. 839. 858.

Нужен был пятидесятилетний опыт, чтобы убедить балтийских славян в том, что их природный и главный враг – Германия, что для отпора ей следовало забывать междоусобную неприязнь. Осуществившийся в 838 и 839 годах союз бодричей, глинян и велетов, для общих действий против немцев, представляет первый шаг, сделанный на славянском Поморье к образованию из раздробленных племен народа и государства; но дальше этого балтийские славяне, для своей гибели, не пошли. Союзы между ними оставались случайностью, которую вызывала иногда настоящая нужда самосохранения, раздробленность же племен и вследствие этого слабость, нерешительность и бессвязность действий продолжали составлять постоянную принадлежность исторической жизни у этих славян.

Они не пользовались полным бессилием Западной империи в последние годы царствования Людовика Благочестивого и при его

¹⁰¹ Там же. Missi Horich... piratarum in nostros fines dudum irruentium maximos a se ob imperatoris fidelitatem captos atque interfici iussos retulerunt, petentes insuper sibi dari Frisianos atque Abodritos. Cuius petitio, quanto imperatori indecens sive incongrua visa est, tanto vilius spreta et pro nihilo ducta est.

¹⁰² Там же. С. 435, 438.

сыновьях для того, чтобы обеспечить себя со стороны Германии и овладеть недавно потерянной ими Нордалбингией, которая стояла перед ними открытой.

Держава Карла Великого представляла около 840 года безотрадный хаос. Все многообразные стихии Западной Европы, собранной им воедино, находились в полном разложении. Вражда и мрак царили повсюду. Власть императора сделалась призраком; сыновья Людовика беспрестанно вооружались друг против друга и бились между собой; не оставалось никакого права, кроме кулачного; норманны безнаказанно разоряли и выжигали города, к которым только могли подъехать их плоскодонные ладьи⁽¹¹⁸⁾. После смерти императора Людовика (840 г.), между его сыновьями возгорелась упорная война. Старший из них, Лотар, разбитый наголову в кровопролитной битве двумя младшими братьями, прибегнул к отчаянному средству. Он призвал к оружию нижние сословия народа саксов, обещая им имущество благородных, [297] свободу возвратиться к язычеству и восстановление старого быта. Большими толпами стекались возмущившиеся саксы, которые приняли название *стеллингов*, под знамена старшего потомка Карла Великого; люди знатного сословия (эделинги) бежали или гибли; свободные земледельцы (фрилинги) и люди, жившие на чужой земле (лассы), сделались на время господами на их месте. Лотар пригласил на помощь и датчан, обещая им уступку какого-то края (вероятно, Нордалбингии); ожидали также, что славяне, которых связывали со *стеллингами* естественное сродство бытовых понятий и интересов, соединят с ними свои силы и помогут разрушить окончательно и завоевательную церковь, и завоевательный государственный порядок, наложенные рукой франков на соседние с ними немецкие земли. Опасность эта ясно сознавалась младшими сыновьями Людовика¹⁰³. Но славяне ничего не предприняли, а подобное стечение выгодных обстоятельств никогда уже не повторялось для них⁽¹¹⁹⁾.

Брат Лотара, Людовик, которому при разделении Карловой монархии предназначалась Германия, поспешил явиться в землю саксов, и ему удалось мало-помалу усмирить там восстание, тем более что Лотар ничего не делал для поддержки призванного им к оружию народа. Норманны продолжали нападать на немецкие земли; славяне иногда выступали вместе с ними в поход, но самостоятельно они не действовали. В то самое время, когда восстание саксов было в полном разгаре (841–842 гг.), морские разбойники вдруг явились под Гамбургом. Нападение было так внезапно, что жители окрест-

ных мест не успели собраться к защите; притом же военный начальник Нордалбингской марки, Бернар, был в отлучке. Архиепископ Анскар хотел выдержать осаду с одними горожанами и жителями подгородной слободы, называвшейся Гамвиком¹⁰⁴; но напор язычников был так силен, что противостоять им с этими малыми силами было невозможно. Анскар со своими священниками покинул ново-созданную митрополию Севера, унося с собой мощи святых; они бежали в разные стороны; неприятель был так близок, что архиепископ, по словам его жизнеописателя, не успел захватить своего плаща. Большая часть гамбургских жителей была умерщвлена. Язычники заняли город и слободу и принялись грабить; на другой день продолжалось разграбление Гамбурга; наконец, они зажгли город и удалились с добычей. Недавно выстроенная стараниями Анскара «дивной работы» церковь и принадлежавший к ней монастырь были истреблены огнем, так же как многие книги, собранные архиепископом¹⁰⁵.

[298] Кто были эти морские разбойники, уничтожившие ново-учрежденную христианскую митрополию в Залабье, не сказано писателем, который передал нам это известие. Другой современник, писавший во Франции, упоминает вскользь о разрушении Гамбурга норманнами¹⁰⁶. Нет никакого сомнения, что тут действовали и норманны¹⁰⁷; но все позднейшие легенды, изображающие с разными прикрасами нападение язычников на духовную столицу северной Европы, приписывают его славянам. Они называют виновником гонения, постигшего тогда христиан в Нордалбингии, какого-то славянского князя Борути⁽¹²⁰⁾, который владел страной у немецкой границы. Подробности этой легенды баснословны и спутаны с собы-

¹⁰⁴ Теперь предместье св. Николая.

¹⁰⁵ Rimberti vita S. Anskarii. 16. Adam Brem. I. C. 23. Житие Анскара, достовернейший источник для этих событий, не говорит, в какое время случилось нападение язычников на Гамбург; Адам Бременский приводит, «на основании истории франков и папских грамот», последний год царствования императора Людовика (840 г.); Нитгард упоминает вскользь о разрушении Гамвика (т.е. Гамбурга) между событиями 842 года. Последнее вероятнее, по соображению с другими хронологическими данными. См. Гизебрехта. Wend. Geschichten. I, 162.

¹⁰⁶ Nithardi historia (M. G. II, 669) под 842 годом: Per idem tempus Nortmanni Contwig depraedati sunt inibique mare traiecto *Hamwig* et Novdbumwig similiter depopulati sunt. Что Гамбург назывался вначале тоже Гамвиком (т.е. Гамским посадом), доказывается свидетельством Жития св. Анскара о городском селении, *викы*, существовавшем там у города, *бурга*.

¹⁰⁷ Адам Бременск. I, 23, называет норманнов виновниками этого бедствия.

тиями гораздо позднейшего времени¹⁰⁸; но участие славян в разрушении Гамбурга кажется вполне достоверным; так как они в то время вообще действовали заодно со скандинавами против ближайших немецких поселений.

Действия их не привели однако ни к чему, кроме временной независимости от немцев. Обеспечить эту независимость прочным утверждением на устье Эльбы они не сумели: они пропустили время замешательства, когда государственная власть почти перестала существовать в северной Германии; Нордалбингия осталась по-прежнему немецкой землей, хотя страшно разоренная и на время совершенно беззащитная. Славяне видели возле себя развалины военной линии, устроенной Карлом Великим, и дождались, пока другой государь немецкий принялся восстанавливать ее несравненно крепче, чем она была прежде.

В 844 году, когда мятеж саксов был усмирен, Людовик, король немецкий, решился пойти войной на балтийских славян, чтобы наказать их за все их нападения на Германию. Удар был направлен на бодричей, ближайших ее соседей. Старший князь их, Гостомысл, был убит⁽¹²¹⁾; другие князья и народ изъявили покорность немцам, по уверению западного летописца, но снова принялись за оружие, как скоро Людовик выступил из их земли¹⁰⁹. [299] В 845 году славя-

¹⁰⁸ См. *Legenda de S.S. martyribus interfectis in Hamburg: Leibnitz, scriptores rerum Brunsvicensium*. I, 184. Сравни также: *Lambecii, Origines Hamburgenses*. I, 13.

¹⁰⁹ *Annal. Fuldens.* (M. G. I, 364). *Hludowicus Abodritos defectionem moientes bello perdomuit, occio rege eorum Gotzomiuuzli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit.* *Annal. Bertin.* (там же, 441). *Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras aggressus, quosdam in deditionem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illorum partium regulos sibi aut vi gratia subegit.* *Annal. Xantens* (там же, II, 228). *Ludewicus rex perrexit in Winithos cum exercitu. Ibique unus ex regibus eorum interiit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem praebentes venerunt ad eum; quam illo absente statim mentientes.* К этому известию о походе против бодричей и гибели их князя Гостомысла позднее приплетено было сказание о том, будто бы король Людовик воевал против ран (славян, жителей острова Рюгена), убил тамошнего князя Гостомысла, принудил ран к принятию христианской веры и даровал их остров Корбейскому монастырю. Притязания Корбейского монастыря на владение островом Раной, являющимся уже в XI веке, возникли, кажется, из сходства имени ранского божества Святовита со святым Витом, покровителем Корбейского монастыря. Монахи корбейские, желая извлечь из этого выгоду, пустили в ход сказку, будто они по поручению Людовика водворили христианство в покоренном им славянском острове, но что славяне, возвра-

не опять нападали на немцев, вместе с датчанами. Шестьсот датских кораблей, снаряженных королем Эриком, вошли в устье Эльбы и снова разграбили Гамбург, где саксы успели уже восстановить укрепление. Славяне, как кажется, помогали им. Король Людовик с войском саксов пошел навстречу неприятелю и вступил в бой с норманнами; он одержал над ними победу. Датчане удалились, на обратном пути саксы напали на славян и взяли у них какой-то город (вероятно, близ нижней Эльбы)¹¹⁰.

Победа, одержанная немцами, а также другие обстоятельства склонили короля датского Эрика к миру с Германией. Он отправил посольство к Людовику в Падерборн, куда созван был немецкий сейм. Туда же явились и посланцы от славян, может быть, именно от тех прибалтийских племен, которые сражались вместе с датчанами. Мир, заключенный тогда (845 г.) между Германией и Данией, был вскоре скреплен сближением датского государя с христианским проповедником. Со времени разорения Гамбурга датчанами и славянами, архиепископ Анскар жил изгнанником на левом берегу Эльбы¹¹¹, посещая иногда Гамбург и Нордалбингию для поддержания там христианства. В Нордалбингии, кроме Гамбурга, находились [300] в то время только три приходские церкви¹¹², и то на западном краю ее, далеко от Славянской земли, которая, таким образом, оставалась вне христианского влияния. Король Людовик воспользовался первым удобным случаем, чтобы пристроить скитальца-

тившись потом в язычество, из христианского святого Вита сделали себе божество Святовита (см.: Гельмольда. I, 6); для подтверждения своих мнимых прав они не только извратили свидетельство современных Людовику летописей, но изготовили поддельную грамоту этого короля, в которой он говорит о своей войне с ранскими славянами, о смерти их короля «Gestimilus» и о даровании всего острова корбейскому монастырю (God. Pomer. 11). Странно, что между немецкими учеными некоторые, даже в новейшее время, могли колебаться в признании подложности этого акта и всех отношений Корбейского монастыря к острову Ран.

¹¹⁰ Annal. Fuldens. под 845 г. (M. G. I, 364). (Nortmanni) castellum etiam in Saxonia quod vocatur Hammaburg, populati, nec inulti reversi sunt. Ann. Bertin. Там же, 442: Normannorum rex Oricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Hludowicum dirigit, quibus Saxones occurrentes, commisso proelio, domini nostri Iesu Christi auxilio vectores efficiuntur: unde digressi Sclavorum quandam imperunt et capiunt civitatem. Cp. Annal. Xantens. Под тем же годом (M. G. H. 228).

¹¹¹ Преимущественно в подаренном ему одною благочестивою женщиною имении Ramesloh.

¹¹² В Мельдорне, Гейлигенштеттене и Шенефельде.

архиепископа. Восстановление гамбургской митрополии казалось невозможным, до такой степени власть Германии упала в этом крае, потому Людовик назначил Анскара епископом в Бремен, как скоро это место сделалось свободным¹¹³ (847 г.). Гамбургская митрополия была соединена таким образом с Бременской епархией; Гамбург продолжал именоваться главным городом, но епископ «Севера» жил с тех пор в Бремене: миссионерская деятельность Запада удалась еще больше от славянского Поморья и еще исключительнее устремлена была на скандинавов, с которыми Бремен имел морем постоянные сношения. Получив новую точку опоры и новые средства для своей деятельности, Анскар стал часто ездить в Данию с государственными поручениями от короля Людовика, приобрел благоволение короля Эрика, построил церковь в Шлезвиге и обратил многих датчан¹¹⁴. Затем он посетил также Швецию и восстановил там христианство, почти искорененное языческой реакцией в то самое время, когда разрушена была гамбургская митрополия. Но на славян он во все время своей деятельности в сане бременского епископа (847–865 гг.), точно так же как и преемник его Римберт (865–888 гг.), его ученик и жизнеописатель, не обращал никакого внимания. Христианство нисколько не проникало к ним. Мало того: язычество вкоренялось у них все более и более, так что они становились главными его представителями. Пример соседних славян, как немецкий государь писал папе в 850 году, потрясал христианскую веру в самих саксах, и многие саксы в то время (по всей вероятности преимущественно в Нордалбингии) возвращались к языческим богам¹¹⁵.

С тех пор, как Дания вошла в мирные сношения с Германией, и балтийские славяне стали покойны: в продолжение тринадцати лет (845–858 гг.) не слышно ни о каких столкновениях между ними и немцами. Этим подтверждаются наши слова, что балтийские славяне вследствие внутренних отношений своих не имели никаких самостоятельных политических замыслов и побуждаемы были в то время к деятельности только влиянием скандинавов. Бессильное государство Немецкое не помышляло тогда о нарушении их независимости; тем они и довольствовались. Но как они пользовались этим временем внешней безопасности, продолжали ли свои внутренние раздоры, мы решительно не знаем. Из последующих собы-

¹¹³ За смертью епископа Леудериха.

¹¹⁴ Vita Anskarii, 24. Adam. Brem. I, 27.

¹¹⁵ Письмо короля Людовика к папе Льву IV, помещенное в Translatio S. Alexandri (M. G. II).

тий видно только, что они оста[301]лись чуждыми того стремления к внутреннему единству и сосредоточению, которое именно в эту эпоху (во второй половине IX в.) проявлялось повсеместно у других славянских народов, под Карпатами, на Висле и на Ильмене. Балтийские славяне не тронулись из своего племенного быта.

Х

События на славянском Поморье до совершенного уничтожения власти Германии над северо-западными славянами. 858–877 гг. – Начальные проповеди Кирилла и Мефодия у северо-западных славян; ее пресечение

Несмотря на мир, заключенный между датским и немецким королями, норманнские *викинги* продолжали нападать на империю каролингов. Уделы двух старших братьев Людовика страдали от них ужасно. Особенно отличался своими подвигами Рорик, племянник датского короля Гаральда. С дружиной своих норманнов он еще в 850 году завоевал часть Фрисландии¹¹⁶, в области короля лотарингского Лотара II, который принужден был признать его владетелем этого края. В 857 году Рорик, сговорившись с королем Лотаром, снарядил свои корабли и поплыл в Данию, где получил от короля Эрика удел для поселения, между р. Эйдером и морским берегом, т. е., вероятно, западную часть нынешнего Шлезвига. Воинственный витязь норманнский водворился таким образом на самой границе Залабской *марки* и мог войти в сношения со своими близкими соседями, бодричами. Бодричи и глиняне стали нападать на Германию. По всей вероятности, подстрекнул их к тому Рорик¹³³, который служил орудием королю лотарингскому для противоборства Людовику Немецкому. Вся восточная граница Германии была в опасности. Несколько лет уже немцы вели постоянные войны с соседними славянами: сербы на Сале и верхней Эльбе беспрестанно восставали против устроенной Карлом Великим военной украины¹¹⁷; чехи и моравы, слагавшиеся уже в могущественное государство, наносили Германии тяжелые удары; словенцы и хорваты враждовали против нее, и даже болгаре приходили словенцам и хорватам

¹¹⁶ С городом Дармштадтом. – См. Annal. Fuld. M. G. I, 366. Annal. Bertin., там же, 445.

¹¹⁷ Восстания эти начали обращать на себя внимание западных летописцев с 851 года. См. Ann. Bertin.

на помощь по наущению Франции¹¹⁸. Вот наконец и славяне на нижней Эльбе и у Балтийского моря присоединяются к этому общему ополчению славянских народов против Германии, раздражившей их завоевательными попытками [302] Карла. В июле 858 года немецкий король Людвик принужден был отправить три войска против славян: одно против моравского князя Ростаслава, другое против лабских сербов, третье, наконец, весьма значительное, под предводительством своего меньшего сына Людовика против бодричей и глинян¹¹⁹. Сам король германский в то же время предпринял поход против брата своего Карла, короля французского. Пока он там воевал, норманны напали на землю саксов¹²⁰; должно полагать, что это была дружина Рорикова, вторгшаяся в Нордалбингию. Летописец говорит, что немцы отбили их; а про то, что сделано было против бодричей, вовсе не упоминает. Из этого мы заключаем, что результат похода был ничтожный, быть может, он и не состоялся, и войска, назначенные против балтийских славян, обращены были на защиту границы от норманнов и их союзников славян. На верхней же Эльбе вооружение сербов приняло такой угрожающий вид, что немецкий король бросил дела свои во Франции и поспешно воротился в Германию (в начале 859 г.)¹²¹.

Средневековые западные летописи, вообще столь скудные на слова, когда дело идет о славянах, а тем более о славянах-язычниках, становятся еще скуднее в эту мрачную на Западе эпоху. А как светла и радостна была она на всем пространстве Славянского мира: повсюду независимость, на севере и востоке заря жизни политической, начало государственной организации, на юге заря жизни духовной, начало просвещения народного! У балтийских славян эпоха эта прошла бесплодно, не оставила по себе никаких следов внутреннего развития⁽¹²²⁾.

Я упомянул о походе немцев в 858 году против бодричей и глинян. Затем на три года о балтийских славянах снова прекращаются известия. В 862 году Германия опять вооружается на них. Ведет войска в этот раз сам король Людовик; он идет ратью на бодрицкого князя Добомысла, о котором ничего другого мы, впрочем, не знаем. Летопись, составлявшаяся в немецком монастыре Фульде, повествует именно, что король, предприняв поход против бодричей, принудил их мятежного князя Добомысла покориться и дать ему, в чис-

¹¹⁸ Ann. Bertin. 854.

¹¹⁹ Ann. Fuld. Ann. Hildesheim. 858.

¹²⁰ Ann. Bertin. 858.

¹²¹ Ann. Fuld. 858, 859.

ле других заложников, своего собственного сына¹²². Но на этот раз мы можем судить о правдивости германского летописца, сравнив его свидетельство с рассказом Гинкмара, епископа реймского, который писал во Франции и не считал нужным льстить немецкому королю и превозносить успехи его оружия. Он говорит, что король Людовик, готовясь к походу против славян (бодричей) и их князя (Добомысла), про[303]сил содействия своего племянника Лотара, короля лотарингского; Лотар обещал, но потом не приехал. Немецкий король пошел, однако, войной на этих славян с одним из своих сыновей, Людовиком. Поход ему не посчастливилось: он потерял некоторых из знатнейших лиц своего войска, не имел никакого успеха и возвратился в Германию, удовольствовавшись тем, что ему дали каких-то заложников¹²³. Свидетельство французского епископа Гинкмара важно для нас как доказательство, до какой степени средневековые летописи, сочинявшиеся в Германии, искажали истину событий в отношении к «варварам», язычникам, славянам: мы видим, как под пером фульдского монаха война крайне неудачная преобразовалась в блистательный успех. К сожалению, случаи, в которых мы можем п[р]оверять немецкие источники летописцами других стран, менее враждебных к славянам, чрезвычайно редки, особенно когда дело идет о племени прибалтийских ляхов: это отдаленное языческое племя мало обращало на себя внимание Франции, Англии, Италии; оно беспокоило только Германию, и одна Германия писала о нем. Таким образом, принужденные восстанавливать его историческую жизнь почти единственно по сказаниям немецким, мы должны постоянно иметь в виду ту долю неправды, которая внесена нашими

¹²² Ann. Fuld. 862. Rex ducto in Abodritos exercitu, ducem eorum Tabomizlem rebellantem dicto obedire et filium suum cum aliis obsidibus dare cœgit.

¹²³ Ann. Bert. auct. Hincmaro Rem. a. 862 (M. G. I, 458). Hludowicus rex Germaniae Lotharium nepotem suum ad Moguntiam accersiens, petit ut cum eo contra Winidos qui appellantur... advertus eorum regulum... cum apparatu hostili perdat; qui se primum iturum promisit, post vero a promissione sua defecit. Hludowicus autem, relicto in patria filio suo Carolo Hludowicum filium suum secum ducens, aggreditur Winidos: unde amissis quibusdam primoribus et nihil prospere gestis, sub obtentu obsidum ad Francofurd revertitur. В рукописи Гинкмаровой летописи имена славянского племени и князя, против которых велась война, оставлены пробелом; видно, переписчик не мог разобрать их; но из сличения годов и событий оказывается несомненным, что это были бодричи и их князь Добомысл. То же событие записано вкратце и в Лотарингской (Ксантенской) летописи, но поставлено под 863 г. (M. G. II, 230): Ludewicus rex primum conventum habuit Wangiona et post hac Magontia, ibique venit ad eum Lotharius, hostem machinantes in Sclavos; quod et postea fecerunt; sed non profuit.

источниками во все сведения наши о четырехсотлетней борьбе этих славян с Германией. Конечно, общий смысл их истории от этого не изменяется: все-таки в этой четырехсотлетней борьбе немецкий народ остался победителем, и таким победителем, что он мог беспрепятственно истребить все племя балтийских ляхов; но победитель скрыл многие частные свои поражения и предал забвению многие доблестные подвиги своего несчастного противника.

После неудачного похода 862 года Германия пять лет не тревожила балтийских славян: по крайней мере, о них мы ничего в летописях не читаем. Против других славян устремляла тогда ослабевшая Германия все, что оставались у нее, силы. Славянская держава, которая возрастала на среднем Дунае и уже грозила баварским границам, была в то время опаснейшим [304]врагом немецкой земли. Но под 867 годом записано в летописях, что норманнский викинг Рорик⁽¹²³⁾, о котором у нас уже была речь, снова стал грозить нидерландским берегам и что против него должен был выступить лотарингский король; и в то же время король немецкий выслал своего сына, Людовика младшего, с ополчением саксов и турингов против бодричей, и велел остальным войскам Германии держаться наготове; он собирался вести их в случае нужды¹²⁴. Снова видна связь между враждебными действиями Рориковой дружины против Каролингской державы и движением балтийских славян, принудившим Германию вооружиться на них. Мы не знаем только, произошло ли в этот раз столкновение; летописец ничего больше не говорит об этом походе против бодричей.

Бодричи и все вообще славянское Поморье пользовалось уже полной независимостью и безопасностью со стороны Германии. Только с мелких пограничных племен, живших вдоль Эльбы на самой черте пограничных военных поселений немецких, как то: с глинян, соседей Саксонской марки, с суселцев, ветви лабских сербов, живших в углу между Салою и Эльбой, подле Турингской марки, и других тамошних племен, взималась или по крайней мере требовалась немцами дань. В 877 году племена эти отказались платить ее. Летописец рассказывает, что немецкий король Людовик (младший) послал к ним своих людей, которым удалось усмирить их без боя. Они взяли с них нескольких заложников и большие подарки и принесли своему государю известие, что эти славяне «возвратились в прежнее свое подданство»¹²⁵. Вероятно, о дани уже речи не было,

¹²⁴ Ann. Bertin. 867.

¹²⁵ Anl. Fuldens. 877: Sclavi qui vocantur Linones et Siusli eorumque vicini defectionem molientes solitum dare censum renuunt; quos Hludowicus rex, missis

и король удовлетворялся посланными ему подарками: ибо вслед затем мы видим уже эти мелкие пограничные с немцами племена в такой же полной независимости, какой пользовались уже почти сорок лет более сильные и отдаленные бодричи.

В 871 году Германия, все более и более распадавшаяся внутри, напрягла остаток своих сил для того, чтобы восстановить свое владычество над славянами юго-западными, над державой Велико-Моравской. Усилие это кончилось страшным поражением, которое дало юго-западной державе Славянской совершенно новое значение, дало ей первенство в Славянском мире, поставило ее в равновесие с целой Германией. А через шесть лет после великой победы славян под Велеградом Моравским, в 877 году, мы видели, что северо-западные племена славянские, на берегу Салы и Эльбы, довершили свое осво[305]бождение от немецкого владычества. Теперь оставалось только, чтобы они вступили в связь со средоточием славянской жизни, с державой славян прикарпатских. От Великой Моравии северо-западные племена славянские могли получить основания порядка государственного, начатки которого, приносимые из Германии, к ним не прививались (нам известно, как неудачны были попытки учредить у бодричей единодержавие под покровительством западных императоров). Что еще важнее, от Великой Моравии северо-западные племена славянские могли получить зародыши христианства, проповеданного народными просветителями Кириллом и Мефодием. Из этих рук балтийские славяне не стали бы отвергать учение новой веры, как они отвергали его, когда оно являлось к ним в сопровождении латинских молитв и политического подчинения Немецкому государству, немецкому народу.

Действительно, Велико-Моравская держава начала уже простираť свое связующее и просветительное влияние на северо-запад до Эльбы. Чехия добровольно подчинилась верховной власти славянского государя, царствовавшего в моравском Велеграде, славного до сих пор в народных поверьях Святополка: она добровольно приняла крещение из рук славянского апостола Мефодия (около 874 г.). Вслед за Чехией и лабские сербы, ближайшие соседи балтийских славян и их союзники в последних войнах с Германией, вошли в

quibusdam fidelibus suis, circa mediam quadragesimam, sine bello compressit, acceptisque obsidibus nonnullis et muneribus non paucis, eos sub pristinum subegit servitium. Соседи суселцев, о которых упоминает летописец, не исчисляя их имен, были, без сомнения, другие мелкие ветви сербов, жившие около их на западном берегу Эльбы, до р. Салы, именно: коледичи, нелетичи, нудичи и жирмунты.

состав нового Славянского государства; они, которые так недавно еще платили дань немецким королям, стали платить ее теперь Святополку Моравскому¹²⁶. До нас не дошло известий о том, как это произошло, хотя мы можем предполагать, что лабские сербы, находясь по самому положению своему в постоянной опасности от немцев, добровольно искали защиты и покровительства единоплеменного им, могущественного соперника Германии, государя моравского, по примеру чехов, своих соседей. Мы не знаем также, проникли ли к лабским сербам, вместе с политическим влиянием Моравии, проповедь Мефодия; но если позволено сделать предположение, при совершенном отсутствии современных данных, то мы готовы утверждать, что и к этому отдаленному племени принесены были, в краткую эпоху господства православной славянской проповеди в Моравии и Чехии, начатки христианского учения. Этим и объясняется для нас, что в следующее время христианство, даже как оно предлагалось немецкими властями, духовными и светскими, уже не встречало у лабских сербов особенного сопротивления; они сделались легко и охотно христианами; борьба их с немцами в течение пер[306]вой половины X столетия велась за независимость, но не имела в себе того ожесточенного фанатизма, с каким соседи сербов, балтийские славяне, защищали, вместе со свободой, языческих богов своих. Скорому и легкому принятию христианства лабские сербы преимущественно обязаны были тем, что они избегали полного истребления, какому подверглись племена прибалтийские, и что частица их края, некогда обширного, сохранила доныне славянский язык и славянскую народность.

Если бы дано было время восточному христианству, проповеданному народными просветителями славянскими укрепить в Моравии и Чехии и с тем вместе укорениться между лабскими сербами, то оно, без всякого сомнения, скоро подвинулось бы оттуда далее на север и овладело бы племенами балтийских ляхов, стодорянами, бодричами, велетами, поморянами, как оно начинало уже проникать к восточным ляхам у Вислы. История всех этих земель приняла бы другой оборот, южный берег Балтийского моря остался бы славянской землей. Общение между чехами и балтийскими ляхами суще-

¹²⁶ Титмар (VI, 60) говорит о крае, где он жил (в конце X и начале XI столетия) и где сделан был епископом и о котором преимущественно писал, — о так называвшейся Турингской марке, основанной в земле сербов между Салой и Эльбой: *Boemii, regnante Zuetepulco duce, quondam fuere principes nostri. Huic a nostris parentibus quotannis solvitur census et episcopus in sua regione Marierun* (немецкая форма имени Моравия) *dicta habuit.*

ствовало. Сын и преемник первого христианского князя чешского Боривоя Вратислав женился (в последних годах IX в.) на Драгомири, «родом из лютейшего народа лютицкого, из земли, называвшейся Стодорскою»¹²⁷. Она была матерью св. Вячеслава, знаменитого исповедника и мученика чешского, и Болеслава I, при котором Чешское государство достигло небывалого дотоле могущества. Правда, Драгомирь не изменила характеру своего племени, сама была тверже камня, по выражению летописца, в языческом упорстве; она погубила своего родного сына Вячеслава за его ревность к христианству. Но при других условиях, общение между чехами и балтийскими ляхами могло бы продолжаться и принесло бы, рано или поздно, свои плоды; влияние чехо-христиан преодолело бы фанатизм поклонников Святовита; образ свирепой Драгомири, вероятно, сменился бы вскоре светлым образом другой женщины, подобной той Дубравке, которая из чешской земли принесла христианство в Польшу.

Но вторжение венгров, уничтожение Велико-Моравской державы, истребление славянской народности и христианства в самом средоточии деятельности Кирилла и Мефодия, в одно мгновение заглушили главный источник просвещения для северо-западных славян. Племена прибалтийские не успели еще услышать слова христианской проповеди на родном языке, к ним не успела дойти страница Евангелия в славянском переводе, когда ученики Кирилла и Мефодия принуждены были удалиться за Дунай и сосредоточить свои действия исключительно между болгарами и сербами. Отделенные от южных славянских земель дикими язычниками мадьярами, чехи и надвислянские ляхи уже [307] не в состоянии были сохранить учение, переданное им первыми их просветителями; славянское богослужение уступило у них место латинскому, общение с православными землями Востока заменилось подчинением главенству папы и верховной власти Немецкой империи. Если предание Кирилла и Мефодия долго еще жило между чехами, то лишь в постоянном гонении, скрываясь от бдительности латинского духовенства, и действовать на другие славянские народы оно не было в состоянии. Еще легче и скорее заглушены были слабые начатки православного славянского христианства у лабских сербов, если действительно оно успело проникнуть к ним, как мы предполагаем. Снова сомкнулся, едва открывшись на несколько лет, тот круг, кото-

¹²⁷ Cosm. Prag. (Mencken, scr. rer. German I, 1987): Wratislaus... qui accepit uxorem nomine Dragomir de durissima gente Luticensi, et ipsam saxis duriorem ad redendum, ex provincia nomine Stodor.

рый отделял балтийских славян от всех источников свободного христианского просвещения и приковывал их к теократической империи Немецкой. Снова им представлялся единственный выбор: принять христианство от Германии и вместе с тем сделаться, в силу тогдашних понятий Романо-германской Европы, подданными Немецкого государства, или биться до последней капли крови за свободу и язычество, если чехи и поляки, вступая в Западную церковь, тем самым подчинялись Немецкому государству (у чехов это подчинение осталось; поляки освободились от него с течением времени), – то тем менее могли избежать этих притязаний Запада ближайшие племена балтийских ляхов, обладание которыми составляло для Германии существенную политическую выгоду. Для чехов вследствие их внутренней сосредоточенности и благоприятных условий местности, для поляков – вследствие их отдаленности, подчинение Западной державе не было особенно тягостно и, ограничиваясь вассальными отношениями их правителей к государям немецким, едва ощущалось самим народом. У балтийских ляхов, напротив, раздробленность и относительная слабость, близость к Германии и народная вражда с ней, все это должно было обратить подчинение Западной державе в непосредственное подданство, и в подданство не только главе государства, императору, но и проводникам его воли, пограничным саксонским начальникам и самому племени саксов, на которое падала обязанность держать императорский меч и римский крест над соседними *варварами*, славянами. Что же оставалось делать балтийским ляхам? Выбрать между неровной борьбой или тяжелой неволей. Выбор для них не мог быть сомнительным, и через сто лет после того, как над Западно-славянским миром промелькнула народная проповедь восточного христианства и, заглушенная в самом начале, погасла там, не коснувшись племен прибалтийских, для которых она была бы единственным выходом, единственным средством спасения, – через сто лет, говорю я, после этой эпохи историк саксов Видукин¹²⁸ мог уже ясно осознать роковые отношения балтийских славян к своему народу и написал эти [308]знаменательные и в его время еще пророческие слова: *Transeunt sane dies plurimi, his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus*: «Много дней проходит, что они борются с переменным счастьем, саксы для славы и обширного, пространного владычества, балтийские славяне, чтобы найти свободу или же крайнее рабство»¹²⁹.

¹²⁸ Он жил при Оттоне I (ум. 973) и, может быть, при Оттоне II (ум. 983).

¹²⁹ Widukindi res gestae Saxonicae (Mon. Germ. III). II, 20.

XI

Балтийские славяне во время полного упадка Германии в конце IX и начале X века; их вторжения и переселения в немецкие земли. 877–919 гг.

Не скоро еще, однако, могла Германия начать снова эту борьбу, завещанную ей Карлом Великим и всеми преданиями немецкого племени; и вот, в пору самого глубокого ее упадка, когда она казалась легкой добычей славян, напиравших на нее от Голштинии до Адриатического моря, судьба послала ей с дальнего востока, из-за Волги и Дона, на помощь степную орду: мадьяры, как мы сказали, задавили центр Западно-славянского мира; они раздробили Западно-славянский мир и приготовили будущее его падение перед немецким народом. Тяжело досталось на первых порах и самой Германии от этих дикарей. До Бремена, до Страсбурга и до Констанцкого озера, через все немецкие земли простирали мадьяры свои жестокие набеги, и вопли подымались со всех концов земли Немецкой против свирепой орды. Но Германия должна признать, что эта орда спасла ее от опасности бесконечно страшнейшей для нее: она ее предохранила от соединения и развития сил у соседних славян в то именно время, когда сам немецкий народ и весь запад Европы, переходя через хаотическое брожение в образовании органических народностей и государств, были безоружны перед юным племенем славянским, радостно ощутившим свое политическое бытие. Делом мадьяр было то, что этой хаотической Германии не противостояла какая-нибудь стройная, цельная держава славянская, которая обняла бы всю ширину средневропейского материка, что зародыш такой державы уничтожен был в самом зачатке и что затем подле Германии остались по-прежнему, как было при Карле Великом, бессвязные племена славянские, ждавшие спокойно, пока немецкий народ выйдет из своего хаотического брожения, установится, сосредоточится и бросится на них.

Вся история балтийских славян с того времени, как Германия, отказа[309]лась от владычества над ними, до той поры, когда она возобновила попытки покорить их, в продолжение сорока с лишком лет (877–919 гг.) не представляет ни одного блестящего, выдающегося факта. Славяне живут себе по-старому, пользуясь минутной независимостью, не помышляя о том, как бы упрочить ее в будущем. Германия не тревожит их, и этого с них довольно. Со своей стороны и они не тревожат Германию или тревожат так мало, что при боль-

шом протяжении границы, открытой их набегам, при слабости ее защиты и при множестве нанесенных им в прежнее время обид, эти нападения кажутся совершенно ничтожными; только изредка летописец упоминает о каком-нибудь частном набеге того или другого славянского племени на пограничные места Германии; а в то же время как часты, как обширны, как беспощадны были нападения на нее других, отдаленнейших от нее и несравненно слабейших народов, норманнов и мадьяр!

Связного исторического рассказа об этой эпохе в жизни балтийских славян мы не можем представить. Нам приходится здесь сохранить отрывочный способ повествования летописцев того времени.

В 880 году норманны устремились на Германию с особенной яростью и ударили на нее в двух места: на Шельде и на Эльбе. На Шельде, в Нидерландах, они были отбиты; но в земле саксов (вероятно, в Нордалбингии) удалцы севера одержали одну из самых славных своих побед (2 февраля). Поражение саксов было полное; несколько столетий жило о нем воспоминание. Оружие норманнов и неожиданно выступившая из берегов своих река (без сомнения, Эльба) уничтожили все войско саксов: тут погиб герцог саксонский Брун, дядя знаменитого впоследствии короля Генриха Птицелова; с ним погибли 11 графов Саксонской земли со своими полками и 18 служилых людей королевских (*satellites regis*) вместе с их дружинами; наконец, погибли два епископа, Тиотрих Минденский и Маркварт Гильдесгеймский, которые, по возникавшему в эту эпоху на западе обычаю, сражались в рядах войска. В этой великой победе участвовали и славяне – без сомнения, ближайшие к саксам и датчанам, бодричи и лютичи. Об епископе Маркварте летописец говорит именно, что он убит был славянами¹³⁰; но главную роль в битве играли норманны: славяне составляли, как видно, только вспомогательную рать, которую норманны вызвали идти на немцев. Оттого большая часть летописцев даже не упомянули об их участии в этой войне¹³¹.

Победа эта отозвалась далеко между славянами: она подвигнула лабских сербов и чехов к нападению на Турингию¹³². Тем более замечательно, [310] что ближайшие к норманнам и саксам прибалтийские племена, бодричи и лютичи, перед глазами которых произошло страшное поражение их непримиримых врагов, не воспользовались

¹³⁰ Chron. Hildesheim. (M. G. IX, 851): Marcquardus episcopus... occisus est a Sclavis.

¹³¹ Ann. Fuldens. 880. Widukind. I, 16. Thietmar. II, 15.

¹³² Ann. Fuldens. 880.

им и не устремились на землю саксов. Но после всего, что мы сказали о политическом характере этих племен, такое явление нам совершенно понятно. Балтийские славяне остались спокойными в своих границах, и девять лет о них не упоминают немецкие летописи.

Король немецкий Арнульф, который успел на несколько лет восстановить единство и силу Германии и вел непрестанную борьбу с велико-моравским королем Святополком, в 889 году, пользуясь кратким сроком мира с Великой Моравией, обратил свои взоры на славянское Поморье, заключив мир с норманнами и разными славянскими племенами, он созвал войско, чтобы идти на бодричей. Войско было весьма большое, говорит летописец, но поход кончился несчастливо, и Арнульф скоро возвратился и распустил свою рать¹³³. Разрыв с бодричами продолжался до 895 года, но, как видно, без особенно важных предприятий с той или другой стороны. Наконец в 895 году бодричи прислали к Арнульфу посольство с подарками и предложили ему мир, на все условия которого он охотно согласился¹³⁴.

Император Арнульф, кое-как сдерживавший еще Германию, умер в 899 году. «Со всех сторон, — пишет немецкий историк, — опасность и гибель окружила государство, а все-таки на престол возвели дитя, сделали его хранителем обуреваемой власти. Итак, настало то, что должно было случиться: Германия распалась и сделалась добычею внешних врагов. Наступило в землях немецких время глубочайшего позора и самого плачевного замешательства». Далее тот же историк приводит картину тогдашнего внутреннего состояния Германии, как ее рисует современник, констанцкий епископ Соломон: «Повсюду распри, между графами и между вассалами, междоусобия раздирают волости и племена, в городах свирепствует мятеж, закон попирается ногами и именно те, которые должны бы были защищать землю и народ, подают самый гибельный пример. Вельможи, отцы которых некогда подавляли восстания, теперь сами разжигают междоусобную войну. Хворое дитя, носящее имя короля, лишает нас возможности иметь настоящего властителя. Его юность неспособна к оружию, к суду и расправе. Его хилое тело, его бессилие и отсутствие мужественного духа делают его презренным для своих и внушают врагам такую смелость, что они отваживаются на все...»¹³⁵.

¹³³ Ann. Fuld. 889 (M. G. I, 406).

¹³⁴ Там же, 895 (M. G. I, 411). Legatos Obodritorum curte regia Salz munera secum deferentes, ad regem pacifica optantes pervenerunt, quos rex ut audivit, sine mora postulata annuens et abire permisit.

¹³⁵ Giesebrecht. Gexch. der deutschen Kaiserzeit. I, 169, 174.

[311] Между этими врагами появляются и балтийские славяне. В 902 году они опустошали Саксонию, но скудная летопись ничего не прибавляет к этим кратким словам: *Sclavi vastaverunt Saxoniam*¹³⁶. Самые страшные, самые разрушительные враги Германии были, однако, в то время венгры. Вторжения их в пределы Германского государства начались еще в 899 году. Но гораздо смелее, яростнее начали они терзать ее, когда окончили завоевание Славянской державы, бывшей между Карпатами и Дунаем, и тут себя обеспечили. На север от Карпат они, по-видимому, не хотели распространять своих завоеваний; потому тамошние славяне находили в них союзников, которые готовы были заодно с ними бросаться на Германию, как на свою добычу.

Между северо-западными славянами в это время особенно часто подымали оружие на немцев лабские сербы, гораздо чаще, нежели балтийские славяне; а из всех лабских сербов, кажется, особенно воинственны были гломачи (или далеминцы, как их называли немцы), жившие на левом берегу Эльбы между этой рекой и речкой Каменицей, теперь Chemnitz, в нынешнем Саксонском королевстве¹³⁷. Мы знаем, что они нападали на Турингию в 880 году. В 892 году погиб с целым своим войском в пределах соседнего с гломачами небольшого племени хутичей епископ вирицбургский Арнд, и это поражение, которое произвело глубокое впечатление в тогдашней Германии, едва ли обошлось без участия гломачей, сделавшихся, как видно, в то время главой союза соседних с ними мелких племен. Постоянно воевал с гломачами храбрый герцог саксонский Оттон. В 906 году он послал против них с войском своего сына Генриха, впоследствии знаменитого короля, восстановителя Германии: этот поход был его первым воинским опытом. Гломачи испугались сильного войска немецкого и призвали на помощь венгров. Магьярская рать, проведенная ими в землю саксов, опустошила ее ужасно и возвратилась к гломачам с громадной добычей. «Но тут, – прибавляет летописец, – эти венгры встретили другую рать венгерскую, которая грозила поднять оружие на их союзников, славян, за то, что они пренебрегли ее помощью, а тем указали путь к такой огромной добыче. Вследствие того Саксония подверглась вторичному нашествию венгров; а между тем первое войско, ожидая возвращения второго, стояло в земле гломачей, которая от этого, в свою очередь, доведена было до такой нищеты, что жители в тот год принуждены

¹³⁶ Ann. Hildesheim. 902 (M. G. III, 50).

¹³⁷ Thietm. I, 2, 3... provinciam quam nos teutonice Deleminci vocamus, Slavi autem Glomaci appellat.

были покинуть свою родину и идти зарабатывать хлеб у других народов»¹³⁸.

Таков рассказ саксонского летописца о первом вторжении венгров в се[312]верные края Германии. Мы имеем право сомневаться в точности этого рассказа, там где говорится о двух войсках венгерских, поочередно отправившихся грабить Саксонию, и из которых первое дожидалось возвращения второго, живя на счет лабских сербов. По всей вероятности, мы читаем тут у летописца народное предание саксов, смысл которого был тот, что вторжение венгров в их землю, хотя совершившееся с помощью славян, а может быть и вызванное ими, обошлось самим славянам почти так же дорого, как их врагам.

Как бы то ни было, нашествия венгров на самые отдаленные края северной Германии с тех пор не прекращались¹³⁹.

Вся Германия отдалась этим дикарям, как беспомощная жертва. Стоит прочесть современные летописи, чтобы понять тогдашнее оцепенение земли Немецкой. Прочитаем подряд все, что говорит об этом времени относительно подробная летопись германская, известная под именем продолжения Регинона:

«907. Баварцы, вступив в бой с венграми, поражены были с великим уроном, и в этой битве погиб герцог Лиутбальд, которому наследовал в герцогстве его сын Арнульф.

908. Венгры, снова перешедши границы, опустошали Саксонию и Турингию.

909. Венгры вступили в Аламанию (Швабию).

910. Франки (т. е. франконцы), вступив в бой с венграми на границе Баварии и Франции (т. е. Франконии), были частью побиты, частью обращены в бегство плачевным образом. В этой битве погиб граф Годеард, оставив двух малолетних сыновей, Удона и Гериманна, которые впоследствии сделались славными и знатными во Франции (т. е. Франконии).

911. Король Хлудовиг*, сын императора Арнульфа, умер; ему наследовал в королевстве Куонрад, сын убитого Адалбертом Куонрада.

912. Венгры снова, не встречая ни в ком сопротивления, разорили Францию (Франконию) и Турингию. Архиепископ Хатто умер, человек весьма сильный и мудрый, которому наследовал Геригер. Оттон, герцог саксов умер.

¹³⁸ Widuk. I, 17, 20.

¹³⁹ Adam Brem. I, 55. Ann. Quedlinb. 916 (M. G. III, 52). Cont. Reginonis. 915 (M. G. I, 614).

* Людовик IV Дитя (893–911), король В.-Фр. королевства с 900 г.

913. Весьма жестокая зима. Венгры опустошили часть Аламанныи (Швабии) и побиты были у реки Инна баварцами и аламаннами. В том же году Эйнгарт, епископ спирский, ослеплен был графами Бернгардом и Куонрадом.

914. Отберт, епископ страсбургский, убит. Епископ Соломон поношен.

915. Венгры опустошили всю Аламанию огнем и мечом, а равно прошли по всей Турингии и Саксонии и достигли до монастыря Фульды.

[313]916–917. Венгры чрез Аламанию проникали в Алзацию (Эльзас) и до пределов Лотарингского королевства. Эрхангер и Барахтольд казнены. Арнульф, герцог баварский, взбунтовался против короля»¹⁴⁰.

Мы видим, почти ничего не записано в тогдашней германской летописи кроме венгерских набегов, да внутренних беспорядков.

Германия дошла до того, что она казалась безжизненным трупом. В это время наконец и балтийские славяне покинули свое прежнее исключительно оборонительное положение и вышли вместе с другими народами на поживу, т. е. на разорение земли Немецкой. «В те дни, – говорит Адам Бременский, – ужаснейшая напасть обрушилась на землю саксов, ибо с одной стороны датчане и славяне, с другой чехи и венгры опустошали там церкви» (вместо чехов было бы правильнее и согласнее с другими известиями назвать лабских сербов, их соседей). «В то время, – продолжает тот же летописец, – Гамбургская епархия была опустошена славянами, Бременская – венграми»¹⁴¹. Разорение Бремена венграми случилось в 916 году. К этому же времени следует, по всей вероятности, отнести и разорение Гамбургской епархии или Нордалбингии славянами (т. е. конечно, ближайшим славянским племенем, бодричами).

Мы видели, как скудны известия тогдашних немецких летописцев, притом же летописи составлялись в то время еще только в средней и южной Германии, во Франконии, Швабии, Лотарингии и т. д. В земле саксов стали вести летописи только во второй половине X века, когда тяжелые для Германии события первых годов этого столетия частью изгладились из памяти, частью обратились в общие, неопределенные воспоминания. Вот почему до нас не дошло никаких подробностей о тогдашних нашествиях балтийских славян на Германию. Мы знаем только, что балтийские славяне вторгались в то время в немецкие земли, что они действовали там заодно с датчанами и, вероятно даже, как прежде, были ими побуждаемы к

¹⁴⁰ Cont. Reginonis M. G. I, 614.

¹⁴¹ Adam Brem. I, 54.

этим предприятиям, наконец, что они вместе с датчанами, разорив сперва Нордалбингию, стали потом переходить за Эльбу и, по словам летописца, «наполнили землю саксов великим ужасом»: обо всем этом сохранил нам воспоминание Адам Бременский¹⁴². Самое сильное нападение датчан на немецкие области, сопровождаемое, как видно, и вторжением славян за Эльбу, произошло в 919 году. А в это самое время король немецкий Конрад, слабый и беспомощный, на смертном одре завещал престол своему сопернику и врагу, герцогу саксонскому Генриху, и поручал его крепкой руке спасение Германии; и народ немецкий провозглашал своим королем этого [314]мужественного, настойчивого, могучего душой и телом саксонца. Началась новая эпоха, в которую немецкий народ сделался главным двигателем и решителем судеб Европы; началась новая эпоха и для балтийских славян, та эпоха, в которую Германия возобновила и стала приводить в исполнение неудавшееся предприятие Карла Великого – завоевание и порабощение славянских племен на южном берегу Балтийского моря. Племена же эти, как мы видели, в пору отдыха, которую судьба им послала, – в пору полной независимости и торжества над немцами, – ничего не сделали для того, чтобы обеспечить себя от возобновления и исполнения предприятия Карла Великого.

ХII

Дополнение к предыдущей главе: обзор поселений балтийских славян, образовавшихся преимущественно в конце IX и начале X века на западном берегу Эльбы

Один только результат имела, кажется, для балтийских славян пройденная нами эпоха; но этот результат был в политическом смысле ничтожный. Они воспользовались опустошением Саксонской земли и бессилием саксов, чтобы водвориться между ними, на левом берегу Эльбы, мирными колониями земледельцев. Таков был повсюду характер славянских народов: опустошительные набеги их на земли враждебных народов оставляли всегда после себя осадок трудолюбивых хлебопашцев. Вспомним нашествия славян на греческие земли в VI, VII и VIII веках, то же самое явление повторилось, хотя в гораздо меньших размерах, в северной Германии в конце IX и начале X века. В эпоху Каролингов мы не встречаем ни в современных из-

¹⁴² Adam Brem. I, 57.

вестиях, ни в местных названиях никакого намека на существование славянских поселений на левом, немецком берегу Эльбы (выше впадения в нее Салы): Эльба является во всех свидетельствах того времени резкой гранью между саксами и славянами. Напротив, в следующий затем период, т. е. при саксонских императорах, мы находим несомненные признаки поселений славянских, и даже довольно обширных, на левом, саксонском берегу этой реки. Потому мы и заключаем, что поселения эти образовались именно в конце IX и начале X века, в то время, когда славяне, по свидетельству летописцев, производили без сопротивления нашествия в землю саксов⁽¹²⁴⁾.

Читатель помнит о великой победе, одержанной в 880 году норманнами вместе со славянами, над войском саксонского герцога Бруна в низовьях Эльбы. Одна современная летопись прибавляет, что весть об этом пора[315]жении саксов побудила племена лабских сербов взяться за оружие. В союзе с чехами и, может быть, со стодорянами (жителями Бранденбургии) они вознамерились вторгнуться в Турингию, но встретили неожиданное сопротивление в ближайших к немцам сербских ветвях, которые жили около реки Салы: тамошние славяне остались верными Германии, и соплеменники их принялись жечь и губить их селения. Наконец подросел начальник (герцог) Сербо-Турингской *марки* Поппо, разбил на голову славян и истребил всю их рать¹⁴³. — Это известие открывает нам любопытное обстоятельство: отдаленнейшие к западу поселения славян около реки Салы не только не участвуют в войне против немцев, но даже стоят на их стороне в такое время, когда Германия казалась легкой добычей всем ее врагам. В этих поселениях, три года перед тем (877 г.), было, как мы уже сказали, возмущение против немцев, и его уладили не оружием, а кроткими мерами и подарками⁽¹²⁵⁾. Потребность народной независимости не сказывалась в этих отдаленных поколениях славян, в этих последних, слабых волнах славянского моря, которые захватили окраины немецкого материка:

¹⁴³ Ann. Fuld. 880 (M. G. I, 393). Sclavi qui vocantur Dalmatii (это те, которых западные источники обыкновенно называют далеминцами, и которые сами себя называли гломачами, — ветвь полабских сербов, жившая в средней части нынешнего королевства Саксонии на левом берегу Эльбы, в Мейсенском крае) et Behemi atque Sorabi (полабские сербы) caeterique circumcirca vicini, audientes stragem Saxonum a Nordmannis factam, pariter conglobati Thuringios invadere nituntur, et in Sclavis circa Salam fluvium Thuringiis fidelibus praedas et incendia exercent. Quibus Poppo comes et dux Sorabici limitis occurrit et Dei auxilio fretus ita eos prostravit, ut nullus de tanta multitudine remaneret.

тут славяне были только мирными и покорными земледельцами. В тех славянских поселениях, которые образовались на западной стороне р. Салы во Франконии, в окрестностях Фульды, Бамберга и Вирцбурга, даже и речи не могло быть о независимости от немцев. Ближайшие к Сале сербские ветви, мы видели, как мало дорожили ею. То же самое должно сказать и о тех выходцах со славянского Поморья, которые, как мы с достоверностью можем предполагать, в рассматриваемую нами эпоху двинулись на левый берег Эльбы и расселились по всей юго-восточной части земли саксов: они, подобно западным отраслям лабских сербов, раз признав немецкое владычество, уже не старались его свергнуть с себя. Вследствие этого Германия обошлась с этими славянскими колониями в ее собственных недрах милостивее, нежели с теми племенами, которые жили в ее соседстве, за Салой и Эльбой. Соседние племена после завоевания были преданы истреблению, тогда как в смиренных колониях на Немецкой земле позволено было славянской народности спокойно доживать свой век в деревенской глуши. Когда от крепких бойцов, от бодричей и лютичей, уже давно не оставалось следа, потомки древлян и глинян, поселившихся на западном берегу Эльбы, продолжали [316]еще говорить по-славянски. Славянская речь сохранилась у них до конца прошлого столетия, и до сих пор, даже после утраты языка своего, они отличают себя от окружающих немцев, сами себя еще сознают особым племенем, *вендами*. То же самое видим мы у сербов на р. Сале, хотя они раньше утратили свой язык, но и там, в Альтенбургском герцогстве сохранился уголок, где жители помнят о своем славянском происхождении и до сих пор не смешиваются с немецким населением (это так называемые *Altenburger Wenden*).

С этими славянскими поселениями в глубине земель немецких мы уже не будем иметь случая встречаться в продолжение нашего исторического рассказа: ибо исторической деятельности эти слабые, затерянные славянские поселения не могли иметь. Потому, чтобы не возвращаться более к ним, мы постараемся обозреть эти поселения, поскольку они принадлежат к племени балтийских ляхов. Точное определение славянской колонизации в Германии весьма возможно, даже при недостатке исторических сведений: между местными именами германского и славянского происхождения существует такое резкое различие, что можно почти безошибочно угадать, какие деревни, реки, ручьи получили свое название от славян и какие от немцев.

В исследовании такого рода необходимо, за неимением определенных исторических свидетельств, принять исходной точкой современность.

В настоящее время на левом издревле немецком берегу Эльбы *Вендландом*, землей Славянской, называется край, почти совпадающий границами с Люховским округом (Amt Lüchow), в восточном углу Ганноверского королевства. Городок Люхов (так он, вероятно, и назывался первоначально по-славянски)¹⁴⁴; в XVII столетии, когда речь залабских славян была уже [317]крайне испорчена, они звали его Ljauchi¹⁴⁵, – городок Люхов лежит почти в середине этого края. К *Вендланду* причисляются, на севере и востоке, ближайшие деревни ганноверских округов Данненбернского и Гартовского.

Небольшой уголок этот, в котором сохраняется доньше славянское предание, имеет свои твердые естественные пределы. На западе границей служит гряда каменистых и глинистых холмов, которые не слишком высоки, но довольно неудобны для перехода и до сих пор почти разобщают жителей одной стороны от другой. Гряда эта начинается у прусской границы у речки Дитте, близ дер. Darsekau (т. е. по-славянски Даржков¹⁴⁶), отделяя ганноверский приход Clenze (село это славяне называли Клонска)¹⁴⁷, причисляемый к нынешнему *Вендланду*, от прихода Bergen (по-славянски Горска)¹⁴⁸, теперь

¹⁴⁴ В Польше есть тоже Люхов. Польские местные названия служат вернейшим руководством для объяснения местных названий балтийских и залабских ляхов вследствие ближайшего сродства этих ляхов с польскими славянами. Большая часть местных названий славянских, какие мы встречаем в Померании, Мекленбургии, Бранденбургии и в колониях за Эльбой, повторяются в Польше. К сожалению, материал, которым мы в настоящее время могли пользоваться относительно польских местных названий, не полон, и касается только царства Польского (это изданная в 1827 г. в Варшаве правительственной комиссией внутренних дел и полиции *Tabella miast, wsi, osad Królestwa Polskiego*) и Польской части Галиции (*Skorowidz wszystkich miejscowosci Galicyi i Lodomeryi Lwów 1855*). Для Познани и польской части Силезии и Пруссии у нас не было под рукою подобных топографических указателей, а на картах и в географических словарях, нам доступных, тамошние местные названия так искажены немецким произношением и правописанием, что не годятся для нашей цели. Но и при таком недостаточном материале мы найдем поразительное сходство между местными названиями в Польше и в самых отдаленных к западу поселениях балтийских славян: новое доказательство утверждаемого нами тождества обоих народов, или, вернее сказать, обеих ветвей ляхского народа.

¹⁴⁵ Рукоп. словарь Геннинга: он пишет Ljauchi, Ljeuchi.

¹⁴⁶ В Польше Dzierzikow.

¹⁴⁷ Геннинг: Clonzca.

¹⁴⁸ Геннинг пишет Tjörkska, потому что в XVII в. ганноверские славяне постоянно перед гласными смягчали гортанные *г* и *к* в *дъ* и *тъ*. Мы не считаем нужным распространяться здесь о тех, довольно правильных изменениях,

уже не признаваемого *вендским*. Она идет на север и потом на северо-восток до дер. Wilzetze im Drawehn (т. е. Осеча¹⁴⁹) в древнянах. Отсюда граница *Вендской* земли идет на восток и потом на северо-восток и у деревень Пресеча (Pretzetze) и Лаз (Laase) упирается в Эльбу; по всей этой черте тянется, ограждая *Вендскую* землю, непрерывная полоса болот, которые в старину считались непроходимыми, и от которых теперь еще остаются, близ Эльбы, глубокие топи, занимающие несколько квадратных миль. Граница современного Вендланда только в одном означенном нами месте (между дер. Pretzetze и Laase) примыкает к Эльбе, которая тут течет тоже прямо с востока на запад; от этой точки граница спускается с северо-запада к юго-востоку, по широкой полосе лесов, отделяющей *вендскую* часть Гартовского округа от той, в которой имя *вендов* уже исчезло. За ганноверской деревней Prezelle (Преселье) восточная граница *Вендланда* упирается под прямым углом в границу Ганноверского королевства и принадлежащего Пруссии Зальцведельского округа. Южная граница *Вендланда*, по представлению самих ганноверских *вендов*, совпадает с прусской границей, которая проведена вдоль болотистых речек и через болотистые леса; в дей[318]ствительности, однако, сопредельные с Ганновером прусские деревни в этой стороне, на севере и северо-западе от г. Зальцведеля (который по-славянски назывался Лозди или Лоздей)¹⁵⁰ не только в старину заселены были славянами, но и доныне жители их носят имя *вендов*, хотя у них предание о славянском происхождении сохранилось гораздо слабее и менее ясно, нежели у их ганноверских соседей.

Ганноверский *Вендланд* составляет, таким образом, островок, резко отделенный от окружающей страны своими топями, лесами и холмами. Эти природные грани, без сомнения, помогли славянской народности удержаться тут долее, чем в окрестных местах. Притом

которым подверглась ляшская речь в говоре залабских древлян и глинян, как он нам известен из Геннингова словаря и разных записок XVII и XVIII веков. Изменения эти указаны нами в статье: «Памятники наречия залабских древлян и глинян», напечатанной в Прибавлениях к V тому «Известий» II Отделения императорской Академии наук. Там же приведены нами и те наиболее обыкновенные искажения, которые испытывали слова этого наречия от немецкого слуха и правописания.

¹⁴⁹ Польск. Osiecz, Osieczka. О правильности перехода названия Osieczka у залабских славян в Wisieca, которое немцами переделано в Witzetze, ср. сказанное в вышеупомянутой статье.

¹⁵⁰ Lodsy: см. Riedel, die Mark Brandenburg im Jahre 1250, I, 41. Не умею сказать, что значило это название, но оно есть и в Польше, именно село Lozdzieje, Августовской губернии Сейненского уезда (Археолог).

же, вероятно, славяне, когда двинулись за Эльбу в опустелые земли саксов, заняли этот уединенный и неприветливый край целиком, тогда как в других местах они расселились между немецкими жителями. В настоящее время, после девяти с лишком столетий немецкого владычества, мы находим в Ганноверском *Вендланде* только 17 или 18 селений с немецкими именами при огромном большинстве таких, которые получили названия свои от славян: это служит уже очевидным свидетельством, что этот уголок Саксонской земли некогда занят был бессовместно славянскими жителями.

При всей незначительности своего пространства (от 10 до 12 кв. миль с 25 000 жителей приблизительно; самое большое протяжение с запада на восток около 30 верст, с севера на юг около 20) Ганноверский *Вендланд* делится самим народом на три части, и деление это носит несомненные признаки глубокой древности. Западная, плодороднейшая часть Вендланда, по речке Еце или Ецель¹⁵¹, приток Эльбы, разделяющая Вендланд на две почти равные половины, называется теперь *der Drawehn*; в древних документах это имя пишется *Drevani*¹⁵². Это, очевидно, *древляне*, или, по произношению западных славян, *древяне*¹⁵³.

В восточной половине Вендланда только юго-восточный угол и северная [319]окраина имеют особенные названия. Первый именуется *der Lemgow*; это название есть искажение слова *Linegou*, как оно действительно пишется в древних актах¹⁵⁴, т. е. *волость* (немецкое *gau*) *линов*; а *лины* или *линоны* – немецкая переделка славянского имени глинян¹⁵⁵. Глинян мы часто встречали в борьбе с немцами

¹⁵¹ Залабские ляхи называли Ецель просто Рекою: словарь Геннинга: «grosse Jetze – wiltge reka» (чит. wiltja reka), «kleine Jetze – mola reka, faule Jetze, wo es morastig ist – ggnoala reza» (чит. gnoala reca, т. е. гнилоречье). Эльбу они называли Labi (у Геннинга – Laby), т. е. Лабье (имя среднего рода, как и чешская форма Labe, древнее Labie, лужицкая Lobjo).

¹⁵² Claniki (т. е. Clenze, по-слав. Клонска) in Drevani в грамоте Генриха II, 1004 г., см. Шафарика. Сл. Др. II, 3, 153.

¹⁵³ Волость эта, в свою очередь, делится на верхнюю и нижнюю: *der untere Drawehn* на севере, *der obere Drawehn* на юге. Местность на юге от села Bühnitz в верхних Древлянах называется теперь *der Gain*: это, вероятно, искаженное славянское название *гай*, т. е. роща; действительно, местность эта до сих пор особенно лесиста.

¹⁵⁴ См. Riedel, Mark Brandenb. I, 32.

¹⁵⁵ Это несомненно доказано Шафариком (Сл. др. II, 3, 150), и притом же подтверждается рукописями Эингарда, где вместо *Linones* пишется *Hilinones*. Заметим, кстати, что город Люнебург назывался залабскими ляхами Glejñ (Glien у Геннинга).

в эпоху Каролингов; они жили на восточном берегу Эльбы именно напротив теперешнего *Lemgow*. Мы видим тут очевидный след перехода части этого племени на немецкую сторону реки. Племенного названия своего, принятого от почвы, на которой они жили, глиняне-переселенцы не имели нужды менять, потому что юго-восточный угол Вендланда действительно отличается обилием глины, тогда как западная часть его, жилище древлян, до сих пор представляет следы лесистой местности.

Наконец, северо-восточная, покрытая топиями, часть Ганноверского Вендланда, называется теперь *die Lucie*. Этого имени мы в древних документах не встречаем; но имея перед собой древлян и глинян, прозванных, очевидно, по свойству местности, мы полагаем, что теперешнее *Lucie* есть остаток древнего славянского имени *Луки* или *Лучье*, т. е. дуга, болота¹⁵⁶, и что жители этой низменной части Вендланда назывались *лучанами*, как жители лесистой стороны – *древлянами*, жители глинистых полей – *глинянами*⁽¹²⁶⁾.

Таким образом, славяне, переселившиеся, как видно, около 900 года на левый берег Эльбы, найдя себе уголок, в котором могли сделаться полными хозяевами, устроились там мирными общинами¹⁵⁷, – как говорит [320] Нестор про их братьев на Руси, – *прозвашася имены своими, где седше на котором месте*.

¹⁵⁶ Единственное сомнение в этом объяснении возбуждает отсутствие носового звука, который требуется этимологией и характером языка балтийских ляхов в слове лук, лука; но, не говоря о том, что форма *Lucie* вместо *Lun-sie*, которой следовало бы ожидать, могла произойти от позднейшего немецкого искажения, – именно корень *лук* и *луг* теряет часто свой носовой звук в самом языке ляхского племени, вообще так твердо хранящего эти звуки. В Польше, даже в краях отдаленных от возможного влияния русской речи, мы находим множество местностей Луг, Луги, Лукава, Луком, Лукова и т. п.

¹⁵⁷ Я говорю об общинном характере славян-колонистов за Эльбой не по предвзятой теории. До сих пор, несмотря на господство немецких гражданских отношений, люди, коротко знакомые с бытом ганноверских *вендов*, замечают в них гораздо большую силу общинного элемента, нежели в германцах. Впрочем, самая наружность *вендских* селений свидетельствует об их общинном характере: они все построены кругом или, вернее сказать, в форме подковы, так что в деревню остается только один въезд; избы, одна подле другой, обращены все лицом на круглую площадь посреди деревни; среди площади почти везде возвышается старое, развесистое дерево, или несколько деревьев, под которыми народ (в силу теперешних законов, одни хозяева) собирается на совещание. В конце XVII века, по свидетельству записок одного уроженца Вендланда, среди деревенской площади почти везде стояла общественная изба (то же, что говорят жизнеописатели Оттона Бамбергско-

В Ганноверском Вендланде мы находим следующие местности со славянскими названиями¹⁵⁸:

1) Нижние древляне (*det untere Drawehn*):

В Даннебергском округе:

Iameln – польск. Iamielna.

Breselenz (село): (Брезя лжа, березовый луг).

Breustian – польск. Brześciany

го о городах поморян в начале XII столетия); эти общественные избы истреблены были в Ганноверском Вендланде около 1700 года. – Впрочем, мы предполагаем посвятить особую статью описания быта и преданий этого славянского уголка в Германии, лично осмотренного нами во всех подробностях.

¹⁵⁸ Мы предлагаем здесь, на основании местных названий, опыт топографии славянских поселений на западном берегу Эльбы. Для приблизительного определения славянских форм этих, искаженных немецким произношением, названий, мы прежде всего прибегаем к названиям местностей в Польше, заимствуя их из упомянутых выше «*Tabella miast, wsi, osad Królestwa Polskiego*» и «*Skorowidz wszystkich miejscowosci Galicyi i Lodomeryi*». Читатель увидит, что по крайней мере три четверти славянских названий, встречающихся за Эльбою, повторяются и в польских землях. При сравнении их надобно иметь в виду, кроме случайных искажений от немецкого влияния и те звуковые изменения, которым речь залабских ляхов подверглась с течением времени и на которые указано в упомянутой выше статье: «Памятники наречия залабских древлян и глинян»; надобно еще иметь в виду и то, что язык прибалтийских и залабских ляхов сохранил, с другой стороны, некоторые звуки от изменений, которым они подверглись у поляков в позднее время, т. е. после обособления польского языка от языка западных (теперь исчезнувших) ляхов; так балтийские и залабские ляхи не допустили превращения звуков *r*, *d* и *t* при смягчении в *rz*, *dz* и *c*, как это случилось в речи ляхов восточных (поляков). – Те названия, которым нет аналогии в доступных нам сборниках польских местных имен (к сожалению, повторяем, мы принуждены в этом отношении ограничиться царством Польским и западной Галицией), – мы большей частью встретим или в Чехии, или в земле лужичан. Наш материал в этом отношении: «*Popis Království Ceského*» Палацкого; «*Niederlausitzisch-wendisch – deutsches Handwörterbuch v. Zwahr*»; «*Serbski slownik od Dra Pfula*».

При всей недостаточности своей и ограниченности рассматриваемого пространства мы надеемся, что предлагаемый труд будет не бесполезен, не только в историческом отношении, чтобы показать распространение славянской колонизации на западном берегу Эльбы, но и как первый шаг к систематическому своду и объяснению того громадного количества топографических названий, которые остались памятником минувших поколений славянских в странах, отвоеванных у славян чужими народами.

[321]Sareitz – польск. Zarzycz, Zarzyce, Zarzecze.
Maddau (Медово).

В Люховском округе:

Grabow – польск. Grabów.

Boitau – польск. Bytów.

Carmitz – польск. Karnice.

Crummasel или Crumoisel (с) – Кромемышль, сравн. чешск. Кро-
мериж.

Saggrian – польск. Zagorzany.

Tüschau – польск. Tuszów.

Witzetze (im Drawehn) – польск. Osieczka.

Sallahn – польск. Zielone.

Witfeitzen – польск. Witowice.

Dommatzen – польск. Domanice, Domaszno.

Kröte, сравн. чешск. Кротив.

Waddenweit, сравн. чешск. Вадковице.

Dickfeitzen – чешск. Тыковице.

Gaddau – польск. Gadowo.

Zebbelin (с) – Czeppelin.

Marlin, сравн. польск. Mierzwin.

Tolstefanz – Толсто~~ж~~сы. чешск. Тлустовоусы.

Göttein, сравн. польск. Gut, Gutowo.

Belitz – польск. Bielice.

Reitze – польск. Rucze.

2) Верхние древляне (der obere Drawehn):

Lübeln – польск. Lublin.

Gühlitz – польск. Golice.

Satemin (с) – польск. Secemin.

Güstritz – польск. Ostrzyca.

Nauden – Нудно, сравн. чешск. Nauzow.

Luckau – польск. Łukowa.

Schreyahn, сравн. польск. Skrzany.

Łensian – польск. Łęzyn.

Ganse – польск. Gaśne.

Iabel – польск. Iablon'.

Serau (im Drawehn) – Жерава, ниж. луж. Жаров (Sorau), сравн.
польск. Żerań, Żerocin, Żeromin и др.

[322]Meuchefitz – Муховицы, сравн. польск. Muchnice.

Naulitz, сравн. верх. луж. Новослице (Nausslitz).

Süthen – польск. Sysyna.
 Küsten (с) – польск. Kościany.
 Schwiepke.
 Kremlin – польск. Krzemienin.
 Köhlen – польск. Kolno.
 Mamoiel (Мамышль).
 Bühlitz (с) – польск. Bielice.
 Beesem – польск. Biezeń, Biezun.
 Dalitz – польск. Dalowice.
 Cassau – польск. Kaszew.
 Brüchau – польск. Brochów.
 Iiggel, сравн. польск. Iigłówka.
 Starrel, сравн. польск. Starzynu.
 Bösen – польск. Bieseń.
 Mützen – польск. Moczuny.
 Clenze (местечко), по-слав. Клонска.
 Lefitz, сравн. польск. Lewiczyn.
 Corvin, польск. Korwin.
 Guhreiten, чешск. Горице.
 Sachau – польск. Sachów.
 Zeetze – польск. Sieceń.
 Bussau (с) – польск. Bosewo.
 Priesseck – польск. Przysieka.
 Reddereitz – польск. Radoryż.
 Bausen, чешск. Боуснице, Боусов.

3) Средняя часть Вендланда:

Lüsen – польск. Lyziny, Łuszn.
 Gollau – Голава, польск. Golawice.
 Plate (с) – польск. Plato.
 Lüchow (город), см. выше.
 Reetze – польск. Rycze.
 Ieetzel – польск. Iaśnia¹⁵⁹.
 [323]Neritz, сравн. польск. Nierawy.
 Klennow – польск. Kleniewo, Klonów.
 Dolgow – Долгово, сравн. польск. Długoiów.

¹⁵⁹ Деревня эта носит то же название, что река Ieetzel, которая в старинных памятниках именуется Iesna; очевидно, что теперешняя форма есть искажение славянского *Ясна*. Впрочем, как видно из словаря Геннинга (см. выше), речка эта в XVII в. называлась древлянами просто: Reka.

Wustrow (город) – польск. Ostrów.
Lübbau – польск. Lubów.
Bösel, сравн. выше Bösen.
Saasse.
Reddebeitz – Радовицы (у юж. слав.), польск. Radomice.
Tarmitz – Терницы, сравн. польск. Tarnów.
Breese – польск. Brzezia, Brzezcie.
Thurau – польск. Turowo.

В Гартовском округе:

Crautse – польск. Krusze.
Vasentien – польск. Osięciny.
Nemitz – польск. Niemiec.
Trebel (с) – польск. Trzebeń, Trzeblinka.
Clautze – польск. Klucze.
Lanze (с), сравн. польск. Łączna.
Prezell (с) – Преселье.

4) Так называемая Lucie

В Данненбергском округе:

Liepe – польск. Lipa, Lipie.
Soven – польск. Sowin, Sobiń.
Zadrau.
Siemen – польск. Zimna.
Pretzeeze – чешск. Přисече.
Laase – польск. Lazy.

В Гартовском округе:

Gedelitz – польск. Jedlica.

[324] *В Люховском округе:*

Serau (in der Lucie), см. выше.
Ranzau, сравн. польск. Ręczaje, Ręczno.
Pannecke – польск. Panki.
Liepe см. выше.

5) Глиняне, так называемый Lemgow:

В Люховском округе:

Puttball – Подвал или польск. Podbiel.

Schweskau.
 Trabuhn – польск. Trzebuń.
 Predohl (с) – чешск. Прьидоли.
 Criwitz – польск. Krywica.
 Prezier – польск. Przyorz.
 Witzeetze im Lemgow – польск. Osieczce.
 Simander.
 Schletau – польск. Slotowo.
 Schmarsau – польск. Smarzewo.

В Гартовском Округе:
 Lomitz (с) – польск. Lomnica.

* * *

Нынешний Ганноверский *Вендланд* есть только небольшой остаток бывших в старину славянских поселений в северной Германии, на левом берегу Эльбы. Еще в прошедшем столетии помнили о том, что весь Данненбергский, Гитцакерский и Гартовский округа были в прежнее время населены славянами, и часто распространяли имя Вендланда на весь край от большого заповедного леса *Göhrde* на юге до прусской границы и на западе до Эльбы, т. е. на весь треугольник, составляющий юго-восточную оконечность Ганноверского королевства.

[325] В эпоху Каролингов весь этот край принадлежал, судя по тогдашним памятникам, к земле (или волости)¹⁶⁰ бардов – *bardengawe* – северо-восточной части племени саксов-остфалов. В следующую за тем эпоху (X, XI и XII стол.) мы видим уже подразделение этой земли: большая, северная часть ее сохраняет свое немецкое название *Bardengowe*, а южная превратилась в две славянские волости, *Drevani* (древляне) и *Lunegou* (земля глинян). По всей вероятности, в эту эпоху края древлян и глинян занимали не то малое пространство, за которым имена их остались теперь; но мы не имеем достаточных сведений для точного определения их древних границ. Во всяком случае, славянская колонизация, которую мы застаем в X веке, не ограничивалась южной частью древней Бардской земли,

¹⁶⁰ За неимением лучшего, мы передаем немецкий термин *gau* словами волость или земля; *gau* (в средневековых латинских памятниках *pagus*) было подразделением *племени* и имело свою внутреннюю самостоятельность, управлялось своим графом: немецкому *gau* соответствовала у западных и южных славян *жуупа*.

получившей чисто славянский характер *жуны* древлянской и глинянской, а проникла и в северную ее часть, где немецкая стихия сохранила свое господство. Местные названия служат верным признаком объема славянской колонизации и ее относительной густоты. В иных местах встречается кое-где одинокое имя, напоминающее о славянах, среди множества имен немецких; в других славянские названия являются в большинстве, целыми группами, среди которых одиноко выглядывает имя немецкое.

Самый дальний на севере в этой стране, древнем Барденгау, след славянства есть так называемое *Schlauen-Lohnfeld* (т. е. наемное поле славян), местность на север от старинного торгового города Бардовика, недалеко от устья реки Ильменау⁽¹²⁷⁾, от впадения которой в Эльбу до Гамбурга считается с небольшим 2 мили. Река Ильменау течет с юго-востока на северо-запад, большей частью через так называемую *Lüneburger Heide* (Люнебургскую пустошь), на протяжении приблизительно 100 верст, и замечательно, что около нее сосредоточивается целая группа речек и ручьев, имена которых звучат почти все по-славянски. С левой стороны мы находим речки *Bühna*, *Hardau*, *Gerdau*, с притоком *Schwienu*, *Roddau* и, наконец, *Lopau*¹⁶¹ (приток *Luhe*, впадающей в Ильменау); с правой, речки *Esterau* (иначе *Steterau*), *Wipperau*, *Neetze*¹⁶² и, наконец, рукав самой Ильменау, который называется Пау. Между тем несколько далее на запад, реки и речки, принадлежавшие к другому водостоку, к системе Везера, имеют названия, по звукам чисто немецкие.

Имена Ильменовы, Лопавы и др. потому странны и загадочны, что их окружает масса сел и деревень с названиями немецкими. На западной сторо[326]не Ильменовы нет местностей со славянскими именами; только верстах в 25 от г. Люнебурга (в 10 верстах на север от г. *Uelzen*) мы находим названия, которые говорят о том, что тут некогда славянские поселения встречались с немецкими; именно тут друг подле друга лежат *Vinstedt*, *Taetendorf*, *Sasendorf*, т. е. очевидно, что *Wendstädt*, *Teutendorf*, *Sachsendorf* – вендское место, немецкая деревня, деревня саксов. Подобные названия, т. е. деревня такого-то или другого народа, могут существовать только там, где некогда сходились два племени, где народонаселение было смешанное. – На восточной стороне р. Ильменау является больше следов славянства, но тоже разбросанные среди сплошной массы немецких имен. Под самым Люнебургом, главным городом всей этой страны, есть дер. *Wenhausen* (т. е. славянское жилье), есть *Wendisch-Evern*

¹⁶¹ Сравн. Лопавы (Lupow) в восточной Померании.

¹⁶² Сравн. Netze, по-польски Notec, в Прусской Польше.

подле *Deutsch-Evern*. Если мы от города Лауенбурга поднимемся верст 12 вверх против течения Эльбы, то мы встретим там, насупротив края древних бытенцев и смольнян, первые на севере имена славянских селений в земле саксов: с. Radegast (т. е. Радигощ), с. Gartze (т. е. Гардец, Градец); тут же под городом *Bleckede* мы найдем славянскую деревню (*wendisch Bleckede*) и в двух верстах оттуда *Alt Wendischthum*¹⁶³. От города *Bleckede* поднявшись еще верст 10 на юго-восток вверх по Эльбе, начинаются славянские имена целыми группами, занимая восточный край Даленбургского и весь Гитцакерский, Данненбергский и далее на юг Гартовский округ и примыкая непосредственно к теперешнему Вендланду, к которому эта страна, как мы сказали, в старину причислялась.

В Даленбургском округе:

Catemin – Хотомин, сравн. польск. Chotomów.

Neu-Darchau¹⁶⁴ – польск. Drochów.

Tosterglope.

Ventschau – польск. Węzewo.

Nüdelitz (Новоделицы, ср. польск. Nowodzice).

Kovahl – польск. Kowal.

Neestahl, сравн. польск. Niestanice, Niestachow.

Tangsehl, сравн. польск. Tążowy.

Breese – польск. Brzezia и Brzezcie.

Lüben – польск. Lubno.

Pommoisel – чешск. Помышль.

Nieperfitz.

Dübberkold – Добры хлад (?).

[327] *В Гитцакерском округе; по Эльбе:*

Klien Kühren¹⁶⁵ – Курно, сравн. польск. Kurniki.

Schutschur.

Glienitz – польск. Glinice.

Tiessau – Тисова, польск. Cisowa.

Meudelfitz – польск. Mydlowice.

г. Hitzacker, называвшийся по-славянски в XVII стол. Лауцтив¹⁶⁶

искажением слова Лучков – польск. Łuczkowo.

Wussegele.

¹⁶³ *Neu Wendischthum* лежит на противоположном берегу Эльбы.

¹⁶⁴ Alt-Darchau находится на противоположном берегу Эльбы.

¹⁶⁵ Gross-Kühren лежит на правом берегу Эльбы.

¹⁶⁶ Геннинг пишет Lgautztgi.

Grabau – польск. Grabowa.
Strachau – польск. Strachów.
Penckefitz – польск. Pankowce.

Внутри страны, на севере и западе от большого леса *Göhrde*:

Darzau – чешск. Држов.
Sammatz – польск. Samowicze.
Wietzetze, см. выше.
Im Radelitz (урочище) – Радлицы, польск. Radliczyce.
Govellen.
Pussade – Посады, польск. Posadów, чешск. Посада.
Seerau, см. выше.
Kähmen – польск. Kamień.
Schmessau, сравн. чешск. Смечище, Смечно.
Schmardau – польск. Smardzów.
Wrechau – Ворехово, польск. Orzechowo.
Parpar – Прапор, сравн. чешск. Преперё.
Ribrau (с.) – Реброво, сравн. польск. Żebry.
Breese, см. выше.
Wedderin – Ведрино.
Pudripp – Подрип (сравн. Рип, древнее название горы у чехов).
Mehlfiel, сравн. ниже Mehlfien – Меловина.
Timmeitz – чешск. Темице.
Zernien – чешск. Чернин.
Bellahn – польск. Bielany.
[328]Fliessau.
Spranz.
Redemoissel – польск. Radomysl.
Middefeitz – Медовица.

В Данненбергском округе; по Эльбе:

Barnitz – Барницы, польск. Bronice.
Damnatz (с), польск. Domanice Domaniz.

Внутри страны:

Cacherien.
Splietau.
Breese, см. выше.
Sipnitz – Сыпница, сравн. польск. Sypniewo.
Predöhl – Придол, чешск. Придоли.
Streetz – польск. Strojec.
Lüggau – польск. Ługów.

г. Данненберг, называвшийся по-славянски в XVII стол. Weidörs, т. е. Выдерж, сравн. чешск. Выдржице¹⁶⁷.

Schmarsau, см. выше.

Bückau – польск. Buków, Bukowa, Bukowo.

Prisser – польск. Przyzorz.

Thunpadel – польск. Tupadły (вместо Tępadły).

Carwitz – польск. Karwice.

Lenzen – польск. Łęczno.

Nausen, сравн. чешск. Ноузов.

Dragahn – польск. Draganie.

Gamehlen – польск. Gomolin.

Wibbese (с).

Mehlfien – Меловина.

Volkfien – Волковина, сравн. польск. Wilkowizna.

Breese im Bruch (с) сравн. ниже.

В Гартовском округе (напротив земли древнего племени глинян); по Эльбе:

Pölitz, польск. Police.

Meetschow, сравн. польск. Miecze, Mieczyn, чешск. Мечов.

[329] Внутри страны:

Gummern, польск. Komarno.

Kapern.

г. Gartow, по-славянски в XVII в. Gorsty, искажение формы Гордско-польск. Grodzisko.

Wirl, польск. Orle

Gedelitz, см. выше.

г. Schnackenburg, по-славянски в XVII в. Godegard, искажение формы Гадий-гард, т. е. город гадов (змей), тоже, что значит и немецкое название.

Мы обозрели все славянские поселения на севере от теперешнего Ганноверского Вендланда... Селения эти, как мы видели, начинаются группами в трех с небольшим милях выше Лауенбурга и ограничиваются к западу чертою, которая была бы проведена отсюда прямо на юг к большому лесу *Göhrde*. Лес этот, который и теперь славится во всей стране своим пространством и густотою, а в древ-

¹⁶⁷ Это имя в каталоге чешских селений, изданном Палацким, написано Виджице, Виджице: и то и другое противно единственной возможной этимологии, требующей формы Выдржице.

ности был, конечно, несравненно значительнее, остановил, должно быть, движение славянской колонизации, шедшей за Эльбу на запад. Действительно, за этим лесом мы находим только два одиноких селения, напоминающие о славянах: Vindorf (Вендская деревня) и Boitze. А если мы продолжим от леса Gohrde прежнюю черту прямо на юг, до самой прусской границы, то и тут получим предел славянских поселений. Они простирались, таким образом, на запад и северо-запад от 1¹/₂ до 2 миль далее нынешнего *Вендланда*, занимая восточную часть округов Ольденштадтского и Бодентейхского:

В Ольденштадтском округе:

Boicke, сравн. польск. Boiska.

Schlankau – Слжково.

Zieritz, сравн. чешск. Жирец, Жиреч.

Stoitze – Стоицы.

Törwe – польск. Turowo.

Gross Malchau – польск. Małachów.

Glienitz – польск. Glinice.

Sellien – польск. Zieluń.

Reddien – польск. Radonia, Raduń.

Nievelitz – чешск. Неволице.

Schmölaw – польск. Smolewo.

Bankevitz – польск. Bańkowice.

Probien, сравн. чешск. Пробылов.

Schwemlitz – чешск. Свѣмыслице.

[330]Polau – Полево.

Katzien – польск. Kaczyn.

Prielip – Прилип (сербск.), чешск. Прилепы.

Klein Malchau, см. выше.

Iarlitz – польск. Iarnice.

Gansau – польск. Gąsowo.

Rassau – польск. Raszewo.

Schlieckau – чешск. Славиков.

В Бодентейхском округе:

Dallahn – Даляны, сравн. польск. Dalanowo.

Sattkau – польск. Sadków, Sadkowo.

Meussliessen – польск. Mysliszowice.

Grabau – польск. Grabów.

Nestau – сравн. польск. Nieszków.

Prezier, см. выше.

Növenthien – Новжтин.

Güstau, сравн. польск. Gostwica, Gostkowo, чешск. Гостовице.

Köhlau – польск. Kołowo.

Solkau – польск. Żolkiew.

Loitze – польск. Łoiowiec.

Lütenthien, сравн. польск. Lutocin.

Proitze.

Göhrde, см. выше.

Schnega (с) – Снегова, сравн. польск. Sniegula, чешск. Снегов.

Varbitz – польск. Wierzbica.

Kakau – польск. Kakawa.

Kattein – польск. Katuny.

Thielitz – польск. Cielce.

Сюда же принадлежит западная оконечность Люховского округа, а именно: местечко Bergen, по-слав. Tjörska¹⁶⁸, т. е. Горско.

Bantzau, сравн. польск. Bęczkòw, Bęczkowo.

Belau – польск. Bielawa.

Luskau (урочище), польск. Łuszków.

Kühlitz, сравн. польск. Kielce или Kolińce.

Gielau – польск. Gilów.

Если мы продолжим еще дальше на юг ту же черту, составлявшую западный предел славянских поселений за Эльбой, то черта эта будет совпадать [331] с границей, отделяющей ныне ганноверские владения от западной части Зальцведельского округа в Пруссии. На прусской стороне мы найдем тут множество славянских имен, на ганноверской все одни немецкие¹⁶⁹. Замечательно, что граница эта, образуемая почти на целом ее протяжении рекою Orhe, пролегла тут с самих древних времен: в X веке она отделяла две саксонские волости, *Witinga* (в тепер. Ганноверских владениях) и *Osterwaldi* (в тепер. Пруссии). Славянская колонизация наполнила вторую и почти не коснулась первой.

* * *

На юг от древнего *Bardengau* или Люнебургского края и от Ганноверского Вендланда лежит, примыкая непосредственно к послед-

¹⁶⁸ Геннинг; правильное было бы Djörska.

¹⁶⁹ За исключением нескольких селений у самой пограничной черты, как то: Lüben (польск. Łubno), Plastau (сравн. чешск. Пластовице), Behnitz (польск. Bieniec), Parsau (польск. Parszów) и одного несколько дальше: Oerrel (польск. Orzół, Orle, Orlo).

нему, страна, известная под именем *Altmark* (Старая Марка) и называемая так в противоположность Новой Марке бранденбургской, образовавшейся на покоренной немцами славянской земле по ту сторону Эльбы. Теперь страна эта присоединена официально к прусской провинции Саксонии (*Provinz Sachsen*), но в общежитии сохраняет свое наименование *Altmark*.

Она была колыбелью Прусского государства. Мы впоследствии увидим, как в этом крае образовалась сильная военная Украина и как отсюда пошло завоевательное движение Германии на правый берег Эльбы.

В состав Старой Марки вошли древние немецкие волости (*gaue*) *Osterwaldi*, *Belxa* (иначе *Balsamia*) и *Mosidi*. – Кроме того, тесно связаны с нею исторически две, лежащие на юг от предыдущих, волости *Nordthuringo* и *Nordsuevego*; последняя составляла южную окраину Саксонской земли и граничила с Турингией. Все эти края получили весьма сильную славянскую колонизацию и, по всем признакам, именно в ту же эпоху, как соседняя Люнебургская страна, т. е. в конце IX и начале X столетия. Получили они эту колонизацию, без сомнения, от ближайших славянских племен, обитавших на противоположном берегу Эльбы, и на которые распространялось общее название *брежан* и *стодорян*.

Волость *Osterwaldi* занимала северо-восточную часть нынешнего Остербургского округа с городами *Seehausen* и *Arendsee*, простираясь на протяжении нескольких миль к извилистому течению Эльбы, и простиралась далеко на запад и юго-запад, обнимая весь нынешний Зальцведельский и западную половину Гарделенгенского округа.

[332] В этой волости мы находим славянские местные имена в изобилии, а именно:

1) В северо-восточной части Остербургского округа, у Эльбы и близ Ганноверского *Lemgow*, насупротив края древних глинян и нелетичей.

Stresow – польск. *Strzeżów*.

Wanzer – польск. *Wążerów*.

Böhmenzien (вместо *Wöhmenzien*) – польск. *Omięcin*.

Drösedde – польск. *Drozdzy*.

Der Zeilit (поща) – польск. *Sielice*.

Aulosen – польск. *Ułęże*.

Pollitz – польск. *Police*.

Pretzier – польск. *Przyzorz*.

Gartz – Гардец, т. е. Градец.

Ieggel – польск. Ieglewo.
 Crüden, в стар. Kruysen – польск. Kruszyна.
 Beuster – польск. Bystro.
 Zehren – польск. Żeran, Żerzen.
 Leppin – польск. Lipiny.
 Genzin – польск. Gężyn.
 Gestien – польск. Gostynie.
 Ziessau в старину Szissow, чешск. Жижев.
 г. Seehausen, по-слав. Wungörjunty¹⁷⁰, т. е. Вжг-ржты, сравн.
 польск. Węgrzce, чешск. Угретице.

2) В юго-западной части Остербургского округа, между ганно-верской границей и р. Biese:

Drüsedau – польск. Drozdów.
 Polkern.
 Krevese¹⁷¹ – польск. Krzywice.
 Bretsch – Бреше, польск. Brzeszcze.
 Priemern – Премерно, сравн. польск. Przemirowo.
 [333]Dewitz – чешск. Девине.
 Kossebau – польск. Koziobudy (?).
 Gladigau – Гладихов, сравн. польск. Gladyszów.
 Kleinau – польск. Klinowo.
 Dessau, сравн. серб. Дежево.
 Lohne – польск. Lony.
 Kerkau или Karkow – польск. Karkowo.
 Velgau – польск. Wielkowo.
 Bukow – польск. Buków.
 Kallehne – польск. Kalino.
 Kassuhn – польск. Kaziń.
 Schernichau – польск. Czernichów.
 Kerkuhn, сравн. польск. Karkowo, Karkosy.
 Zühlen – польск. Sulina.
 Kladen – польск. Kłodna.
 Kraatz, сравн. польск. Kraczków.
 Mechau – польск. Miechów.

¹⁷⁰ У Геннинга Wungörjungty.

¹⁷¹ Ридель (die Mark Brandenb. I. С. 109) отождествляет эту деревню с древним Zerwest; но такой фонетический переход кажется невозможным. Древнее Zerwest есть, очевидно, *Сербище*, название, встречающееся и в других местах у северо-западных славян; с *Krevese*, т. е. Кривицы, Кривичи, оно едва ли может иметь что-нибудь общее. Древнее *Zerwest*, вероятно, исчезло.

Kaulitz (древн. Kovlitz) – польск. Kowalewice.
г. Arendsee, по-слав. Wlasdeîske¹⁷², т. е. Властейско или правиль-
нее Властеевско – чешск. Властейовско.

В этом же крае были исчезнувшие ныне деревни:

Noyden.

Szatun – польск. Szatunie.

Baudissin: Будышин у лужичан, польск. Budzieszyn.

Grindel, сравн. польск. Grędzice.

3) В Зальцведельском округе:

Rademien – польск. Radzymin.

Lübbars, сравн. польск. Lubierz.

Brunau – польск. Bronów.

Mehrin – польск. Mierzyn.

Vinau – польск. Winiawa.

Dolchau – польск. Dalechowy.

Molitz – польск. Malice.

Störpke – польск. Stropkowo.

[334]Thuritz – польск. Turzec, чешск. Турице.

Ieggeleben – польск. Jeglewo.

Zierau – польск. Siarzewo.

Mösenthien, сравн. чешск. Мужетице.

Cheinitz – чешск. Хынице, Хейнице.

Baars – польск. Barszcze.

Buchwitz – польск. Bukowice.

Liesten – Листно, польск. Lisno.

Gartz – Гардец, польск. Grodziec.

Deutsch-Predzier, см. выше.

Riebau – польск. Grzybów.

Chüden, сравн. чешск. Худенице.

Jahrsau – польск. Jasoszewo.

Jebel – польск. Jabłon.

Perwer – польск. Przywory.

Chüttlitz – польск. Kotlice.

г. Salzwedel, по-слав. Losdy, т. е. Лодзий, см. выше.

Brietz – польск. Brześć.

Cheine – чешск. Хынов, Хынице, Хынин.

Seeben, сравн. чешск. Жебнице.

Darsekau – польск. Dzierżków.

¹⁷² По словарю языка ганноверских славян Геннинга.

Wiebelitz – польск. Obelica.
 Kemnitz – польск. Kamienica.
 Ziethnitz – чешск. Житенице.
 Gieseritz – польск. Iezierzec.
 Sienaу, сравн. чешск. Жиняны, Жинице.
 Brewitz – чешск. Бревнице.
 Wöpel – польск. Opole.
 Valfitz – польск. Walewice.
 Gischau – польск. Jeżewo.
 Kaeckelitz, сравн. чешск. Каковице.
 Poppau – польск. Porów.
 Bandau, сравн. польск. Bądków, Bądyn.
 Peertz, сравн. польск. Piersk.
 Nesenitz – Неженица, сравн. чешск. Нежовице.
 Dönitz, сравн. чешск. Донин, Доньов.
 Köbbelitz – польск. Kobieliце.
 Ferchau – чешск. Врховê.
 Reppin – польск. Rzepin.
 Cunrau – польск. Konarzewo.
 Germenau – польск. Ierzmanowo.
 Mellin – польск. Melno.
 [335]Netgau.
 Jübar – польск. Jawór.

В северо-западной части этого округа, за рекою Dumme, на границе древнего края Witinga, следы славян малочисленнее; тут мы находим только:

Kleistau – польск. Chelstowo.
 Schmölau – польск. Smolewo.
 и Wendisch-Horst.

4) В западной части Гарделегенского округа:

Weteritz – польск. Wiatrowice.
 Wustrewe – польск. Ostrów.
 Brüchau – польск. Brochów.
 Iemmeritz – польск. Iamirzewice.
 Pansau – польск. Panoszew.
 Zichtau, сравн. польск. Żychciце.
 Schwiesau – польск. Swieżawy.
 Döllnitz – польск. Dolnica.
 Zartau – польск. Czartowo.
 Lupitz, сравн. польск. Łupki, Łupicha.

Ieggau, сравн. польск. Ieglewo.
 Tarnewitz – польск. Tarnowiec.
 Sichau – польск. Żychów.
 Solpke, Слупки, сравн. польск. Slupiec, Slupica.
 Pechwitz – чешск. Пековице.
 Rōwitz – польск. Rowce.
 Wernitz – польск. Wierznica.
 Sachow – польск. Zachowo.

Юго-западная часть этого округа, составлявшая южную оконечность края Osterwaldi, покрытая болотами и лесами и называвшаяся в древности *Thrimmining*, теперь *Drömling*, вовсе не получила славянской колонизации; все имена в этой местности немецкие.

Переходим к волости *Belxa*, имя которой пишется в древних памятниках также *Belinesheim* (может быть, это и коренная форма), *Belkesheim*, *Belesem*, *Balsamia*. Она граничила к северу и западу с волостью Osterwalde, к востоку с Эльбой, к югу с рекою *Orhe*, отделявшею ее от края *Nordthuringo*. Северо-восточная оконечность ее носила особое название – *Mintga*, южная часть – *Mosidi*. В обширном смысле, край *Belxa* обнимал юго-восточную часть нынешнего Остербургского, весь Стендальский, восточную часть Гарделегенского и северную (большую) половину Вольмириштедтского округа. [336] Он примыкал к славянским племенам нелетичам, лешичам и морачанам, жившим на противоположном берегу Эльбы и принадлежавшим к союзу стодорян.

Следы славянства в нем также многочисленны, как в волости Osterwalde:

1) В юго-восточной части Остербургского округа, в древности *Mintga*:

г. Werben, в древн. Wirbene, Wirbena – польск. Wierzbno; подле этого города дер. Wendenmark.
 Räbel – польск. Wtóbel.
 Käcklitz, сравн. польск. Kukle, Kuklin, Kuklowka.
 Görne – польск. Górna.
 Dalchau – польск. Dalechowy.
 Ferchlipp – Врехлицы.
 Dobbrun – польск. Dobryń.
 Polkritz.
 Berkau – польск. Bartków.
 Dusedau – Деждево, польск. Tszewo.
 Mockern – польск. Mokraný.

Polkau – польск. Polków.

Flessau.

Zedau – польск. Cadów.

Rossau, см. выше.

Schmersau, см. выше.

2) *В Стендальском округе:*

Beelitz – польск. Bielice.

Baaben – польск. Babin, Babino.

Iarchau – польск. Iarochów.

Storkau – чешск. Старков.

Rochau – польск. Rochów.

Schartau – польск. Czartowo.

Grassau – польск. Krasów, Kraszewo.

Grävenitz – польск. Grabienice.

Dobberkau – польск. Dobraków.

Dölnitz – польск. Dolnica.

Poritz – польск. Porzyca.

Karritz – польск. Karwice.

[337]Kremkau, сравн. польск. Krzemianka.

Berkau – польск. Barchów.

Garlipp – польск. Charlupia.

Bülitz – польск. Bielice.

Schäpliz – польск. Czaplice.

Kläden – польск. Kłodno.

Schernikau – польск. Czernichów.

Tornau – польск. Tarnawa, Tarnów.

Döbbeln – польск. Doblin.

Dahlen – польск. Dalanowo.

Hüselitz.

3) *В восточной части Гарделегенского округа:*

Börgitz, сравн. польск. Brogowo.

Seethen – польск. Sitno.

Kassiek – польск. Koziki.

Geskau – чешск. Ешков.

Pollwitz – Полевица.

Potzehne – Почин, Почины.

Clüden – польск. Kłodna.

Iävenitz, сравн. чешск. Еваны, Івно, Івовице.

Salchau – польск. Żelechów.

Zöbbenitz (пограничная с Пруссией брауншвейгская деревня),
чешск. Собенице.

4) На южном краю Стендальского округа, принадлежавшем к древней волости *Mosidi*:

Steglitz – чешск. Стегловице.

Köckle – польск. Kukle.

Ierchel.

Grieben – польск. Grzebień.

Bittkau – польск. Bitkowiec.

Briest – польск. Brzesć.

5) В северной половине Волльмиришtedтского округа (древняя волость *Mosidi*):

Cobbel – польск. Kobiel.

Wenddorf¹⁷³.

[338]Rogätz – польск. Rogaczów.

Döbritzer-see (озеро) – польск. Dobrzyce.

Zielitz – польск. Sielice.

Kolbitz – польск. Kobielice.

Lübberitz¹⁷⁴, сравн. польск. Lubierz.

Волость *Nordthuringo* простиралась по Эльбе, на юг от *Mosidi*, и лежала напротив славянского племени морачан. Она обнимала южную часть Волльмиришtedтского округа, округ города Магдебурга и почти весь Ванцлебенский округ; на западе в состав ее входила часть Нейгальденслебенского округа.

В северной части этого края до самого города Магдебурга так же, как в западной его части (нын. Нейгальденслебенском округе), мы не замечаем ни одного славянского местного названия. Тут как будто бы лежит полоса (впрочем весьма неширокая: от 2 до 3 миль в ширину), которой не тронула славянская колонизация. Можно предположить, что колонизация эта шла двумя потоками, один с севера, собственно от балтийских славян, другой – через среднюю Эльбу, от южных стодорян и полабских сербов, и что между этими двумя потоками остался, таким образом, промежуток. В таком случае славяне, расселившиеся в южной половине волости *Nordthuringo*, также как в *Suevego* и в Турингии, принадлежали к последним, поименованным нами, племенам.

В *Nordthuringo* славянские местные имена начинаются под самым городом Магдебургом: тут мы находим Вискау – польск. Ви-

¹⁷³ Возле находится дер. Angern, получившая название, вероятно, от ветви саксонского племени энгров.

¹⁷⁴ В северной окраине Нейгальденслебенского округа.

ków; далее на юг, между Магдебургом и рекою *Bude* (в средние века *Boda*), притоком Салы с левой стороны, составлявшим границу Nordthuringo и Suevego, мы находим:

Schleibnitz – чешск. Сливонице.
 Salbke – польск. Żłobek.
 Frose – польск. Wrzos.
 Glinde.
 Pömmelte – Помлаты.
 Zeitz – чешск. Житче.
 Tornitz – Терница.
 Werkleitz – польск. Wierzchlesie.
 Wendische Mark.
 Zens.
 Glöthe.
 Uelnitz – польск. Uleniec.
 Löbnitz – польск. Lubnica.

[339] *Suevego* (иначе *Nordsuavia*) составлял южную оконечность древней саксонской земли между Бодой, Салой и Турингией, а на западе граничил с Гарцской волостью (*Hardego*); теперь это южная оконечность прусской Магдебургской и северная оконечность Мерзебургской области, со включением разбросанных между ними кусочков разных ангальтских владений. На противоположном берегу Салы находились сербские *жуны* (волости) Сербшице, Жиромунты и Нудичи. Славянские имена в *Suevego*:

Waldau, на Сале, напротив г. Бернбурга, польск. Włodawa.
 г. Plötzkau – польск. Płocochowo.
 Zeitz – чешск. Житче.
 Gnölbzig – Конопельск.
 Nelben – Нелюбно, сравн. польск. Nielubańce.
 Zellewitz – чешск. Желевице.
 Zickeritz – чешск. Секейце.
 Ihlewitz – польск. Iłowiec.
 Lochewitz – чешск. Луховице.
 Reidewitz – Радовицы, польск. Radomice.
 Zabitz – польск. Żabiec.
 г. Güsten – польск. Gostynie.
 Börnicke – польск. Bronik.
 Frosa – польск. Wrzos.
 Tarthun, сравн. чешск. Тротень.

Hübitz – чешск. Губце¹⁷⁵.

Biskabern – Бископарня, сравн. чешск. Biskupionka.

Gorenzen – чешск. Горенице.

Все эти имена сосредоточены в восточной (бóльшей) половине Свевской волости. Славяне не проникли в отроги Гарца; только городом Гарцгероде мы находим «Славянское поле», *das Wendfeld*.

* * *

В настоящее время память о славянском населении в Старой Марке сохранилась только в северной ее части, на границе Ганноверского *Вендланда*. Но источники X, XI и XII века подтверждают свидетельство местных названий, указывающих на повсеместное почти распространение славянской колонизации в этом крае. Известия о славянском его населении являются тот[340]час после того времени, к которому мы отнесли славянскую колонизацию за Эльбою. Так, саксонский летописец Видукинд пишет под 938 годом, что какой-то славянин служил проводником венграм, вторгшимся в южную часть Саксонской земли, и завел их в непроходимые топи Тримининга (нынешнего *Drömling*, о котором см. выше)¹⁷⁶. В одной грамоте папы Бенедикта VII, писанной около 980 г., говорится о Славянском крае, принадлежавшем к городу Арнебургу в волости *Belxa*¹⁷⁷ и приводятся в нем, исчезнувшие теперь, деревни *Clenobie* (т. е. Кленове, польск. *Klonowo*), *Centonie* (вероятно, следует читать *Sventonie*, сравн. польск. *Swietne*), *Seuerowinful* (вероятно, следует читать *Severovingul*, т. е. северный угол): в этих именах, несмотря на то, что они так обезображены переписчиками, нельзя не узнать славянских звуков. В начале XI века, когда писал летописец Титмар, город Вольмирштедт (в волости *Mosidi*) носил, по его словам, два имени: немецкое *Walmerstidi* и славянское *Ustiure*, «потому, – прибавляет Титмар, – что здесь сливаются Ара (теперь *Orhe*) и Эльба»¹⁷⁸. Итак, это название было Усть-Юра, а река *Ohre*, делившая

¹⁷⁵ Здесь уже обнаруживается по признакам языка, что эти местности получили названия свои не от балтийских ляхов, а от полабских сербов, севернее эта же местность называлась бы теперь, по всей вероятности, не *Hübitz*, а *Gambitz* – польск. *Gębice*.

¹⁷⁶ *Widuk. II, 14.*

¹⁷⁷ *Riedel. Mark. Brandenb. I, 135: civitatis Arneburch et totius praedii ad ipsam respicientis dimidia parte, et addito totius proprietatis suae iure in locis Slavoniae Clenobie, Centonie, Seuerowingul nuncupatis, и проч.*

¹⁷⁸ *Thietm. VI, 33.*

волость *Belxa* от *Nordthuringo*, вероятно, именовалась славянами Ура или Юра. – В 1135 году подле монастыря *Hildesleue* (теперь Hillerleben) на этой реке *Orhe* упоминаются несуществующие уже деревни *Potgorizi* (Подгорицы) и *Bolizi* (сравн. польск. *Bolcie*), и подать, которая с них взымалась, именуется *wozop* (читай *woson*, древн. польск. *osep*, натуральная повинность зерном, от глагола *сыпать*)¹⁷⁹. Под 1161 годом мы читаем любопытное свидетельство о крае, где в настоящее время славянские местные названия так редки, что трудно бы было подозревать там значительный прилив славянских поселенцев, именно о северо-западной части Остервальдской волости (т. е. теперешнего Зальцведельского округа): свидетельство это показывает, что во время основания там Дисдорфского монастыря (в 1161 г.) восемь дарованных монастырю деревень, носившие немецкие имена, имели жителей славян¹⁸⁰. – Под 1184 г. деревни около озера *Arendsee* (в той же волости) были славянские и только деревня *Kaulitz*, [341] хотя и носившая славянское название, уже населена была в то время немцами¹⁸¹. – В 1247 г. маркграфы бранденбургские Иоанн I и Оттон III передали городу Новому Зальцведелю право суда над приходившими туда поселянами, *как немцами, так славянами* (*rustici theutonici sive slavi*)¹⁸². Мы могли бы умножить число этих показаний, но при неопровержимом свидетельстве местных названий это было бы излишним. В заключение приведем только слова Гельмольда, писавшего около 1170 года. Он говорит о победах маркграфа Альбрехта Медведя (умер 1170 г.) над славянами и рассказывает, что Альбрехт призвал из Голландии и Фландрии колонистов для водворения их в покоренной им земле Стодорской (Бранденбургии); «кроме того, – прибавляет Гельмольд, – также и южный берег Эльбы (т. е. левый берег: для Гельмольда, писавшего в

¹⁷⁹ Gerchen, Codex diplom. Brandenb. I, 6: ...contuli... fratribus eiusdem loci redditum annualem qui vocatur Wozop super duas villulas ipsis prope adiacentes quorum nomina sunt potgorizi et bolizi: грамота императора Лотара 1135 года.

¹⁸⁰ Buchholz, Gesch. der Churmark Brandenburg, IV, Anhang.7: грамота верденского епископа Германа: octo villas, videlicet Bergmere, Abbendorp, Verenthorp, Pychenusen, Ellenberke, Wadencoten, Budenstede, *quorum incolae adhuc Slavi erant*, eidem ecclesiae contradidimus. Эти деревни теперь называются Bergmoor, Abbendorf, Fahrendorf, Peckensen, Ellenberg, Waddekath (на самой границе древнего Witinga), Böddenstedt. Имя восьмой деревни пропущено.

¹⁸¹ Там же. С. 29: грамота Оттона I, маркграфа бранденбургского, 1184 г.: ad utilitatem... ecclesiae in Arnsee, villam teutonicam quae dicitur Kaulitz, *et slavicas villas eidem stagno adiacentes...* contradidi.

¹⁸² Riedel. Mark. Brandenb. I, 49.

Вагрии¹⁸³, он казался действительно южным берегом) стали заселять в то время пришельцы из Голландии, всю болотистую и полевою страну, начиная от Зальцведела, страну, которая называется *Balsemerlande* и *Marscinerlande*, с многочисленными городами и местечками, вплоть до Богемского леса: весь этот край заняли голландцы. Земли эти, как говорят, некогда населены были саксами, а именно во время (императоров) Оттонов, как видно из древних валов, насыпанных на берегу Эльбы, в болотистой земле Балзамской, но со временем превозмогли славяне, саксы были ими истреблены и страна эта находилась в их владении до наших времен. Ныне же, как Бог щедро даровал благополучие и победу нашему государю герцогу (Саксонскому, Генриху Льву) и прочим князьям, – славяне повсеместно поражены и изгнаны»¹⁸⁴ и проч.

Эти слова Гельмольда весьма любопытны и важны, но несколько неопределительны. Гельмольд прожил весь век в Голштинии и Вагрии, и не имел таких точных сведений о положении дел на средней Эльбе, какие он представляет о своем родном крае. Потому он, с одной стороны, неверно определил время переселения славян на левый берег Эльбы, а с другой – преувеличил как значение, приобретенное славянскую стихию в Старой Марке и Турингии, так и важность переворота, произведенного тут голланд[342]скими колонистами, которых призвал Альбрехт Медведь. В стране, где жил Гельмольд, еще памятна была в то время кровавая реакция, произведенная там славянами-язычниками против немецкого владычества в начале XI века, после смерти императора Оттона III. Потому Гельмольд к этой именно эпохе отнес и разлив славянской стихии на левом берегу Эльбы, «в земле Балзамской и Марскинской и до Богемского леса», как он выражается. Положение Балзамской земли нам уже известно: она составляла значительную часть Старой Марки. Под именем Марскинской или Маршинской земли Гельмольд, без сомнения, разумел прилегающий к Балзамской волости край *Mosidi*; оба эти названия одинаково значат «болотистая стра-

¹⁸³ Восточной части Голштинии.

¹⁸⁴ Helm. I, 88. Sed et australe litus Albae ipso tempore incolere coeperunt Hollandienses advenae, ab urde Soltuedeles omnem terram palustrem atque campestram, terram quae dicitur Balsemerlande et Marscinerlande, civitates et oppida multa valde, usque ad saltum Bojemicum possederunt Hollandri. Siquidem has terras Saxones olim inhabitasse feruntur, tempore scilicet Ottonum, ut videri potest in antiquis aggeribus, qui congesti fuerant super ripas Albiae in terra palustri Balsamorum, sed praevalentibus postmodum Slavis Saxones occisi, et terrae Slavis usque ad nostra tempora possessa, и пр.

на»¹⁸⁵. Наконец, распространя славянскую стихию на левом берегу Эльбы до «Богемского леса», т. е. до лесистых гор, ограничивающих Чехию, Гельмольд обозначил то, что славянская колонизация простиралась, сверх двух поименованных волостей, и на южную часть Старой Марки и на всю Турингию: что совершенно верно по крайней мере относительно всей ближайшей к Эльбе и Сале полосы. Но как мы имеем очевидные свидетельства о существовании в этих местах славянских поселений и в эпоху саксонских императоров, то мы должны, согласно доводам, представленным нами выше, отодвинуть назад на столетие эпоху образования этих колоний и отнести их не к той славянской реакции против Германии, которая наступила после смерти Оттона III, а к той, гораздо значительнейшей реакции славянской, какую мы видели при распадении державы Каролингов. Весьма важны слова Гельмольда о том, как славянское население вытеснило саксов с побережья Эльбы; но опять-таки нельзя принять его свидетельства без оговорки: он вообразил, что побережье это (мы говорим, разумеется, о левой, западной стороне Эльбы) получило сплошное, исключительное славянское население, какое было на правом берегу, и что нужна была совершенно новая немецкая колонизация, чтобы восстановить там германскую народность. Этому противоречат все, дошедшие до нас документы, которые между X и XIII веком постоянно свидетельствуют о совместном существовании там славянского и немецкого населения, причем, впрочем, на стороне первого было большинство (как видно из того, что там до сих пор во многих местностях гораздо больше славянских имен деревень и сел, чем немецких, хотя число первых с XIV [343] века доныне постоянно убывало, а последних прибавлялось; а кроме того мы знаем, что в Старой Марке жители некоторых деревень, носивших немецкие названия, были еще в XIII веке славяне). При этом же славяне на левом берегу Эльбы не только не имели никогда политической самостоятельности, но нет даже ни-

¹⁸⁵ Первое от немецкого слова *Marsch* (англо-сакс. *mersc*), второе от дневно-немецкого *mos*, нын. *Moor*, оба в значении «болото». Верзее и вслед за ним многие немецкие комментаторы, объясняя из корня *Marsch* Гельмольдовское «*Marscinerland*», относят это имя к небольшой болотистой местности в северном углу древней Балзамской волости, между городами Вербенон и Арнебургом, ныне называемой *die Vishe*. Но нам кажется невероятным, чтобы Гельмольд мог сопоставить с Балзамскою землею такой мало-важный и крошечный край, всегда к ней принадлежавший и который никогда не имел особенного значения, так что ни в каком памятнике нет о нем речи, как об отдельной волости.

какого признака, чтобы они когда-либо пытались приобрести ее, а это произошло бы неминуемо, если бы они были там сплошным населением, а не колонистами, расселившимися среди чуждого им туземного племени.

Наконец, чтобы покончить с критическим разбором приведенных нами слов Гельмольда, мы заметим, что колонизация западного побережья Эльбы голландцами и другими германскими пришельцами не была так значительна, как представлял ее себе наш летописец и как она действительно была в землях балтийских славян на правом берегу этой реки, в стране чисто славянской, где нужно было завоевателям создавать совершенно новое немецкое население¹⁸⁶.

Но при всем том слова Гельмольда весьма важны для нас, как свидетельство немца, жившего в XII столетии, который не только подтверждает все нами сказанное о славянской колонизации западного побережья Эльбы, но даже придает ей такие размеры, что мы должны признать их преувеличенными.

Если отстранить неточности и восстановить в словах Гельмольда смысл, вполне согласный с историческою истиною, то мы прочитаем их следующим образом... «Вся болотистая и полевая страна (на левом берегу Эльбы), начиная от Зальцвеледа, страна, которая называется Balsemerlande и Marscinerlande (т. е. Mosidi), – а также Osterwalde, Nordthuringo, Suevego и так далее, до границ Богемии, некогда заселена была саксами, а именно во время императоров Каролингов; ... но со временем превозмогли славяне, саксы были ими отчасти истреблены, отчасти вытеснены, и страна эта наполнилась славянскими поселениями, которые существовали там до конца XII века. А в это время, когда славяне были поражены и завоеваны на восточном берегу Эльбы, в своей коренной земле, то и здесь славянские поселения стали мало помалу исчезать, сливаясь с немецкою стихиею».

Много раз обращал на себя внимание тот факт, что немецкое племя образовало значительные государственные тела только на завоеванной земле и преимущественно на славянской: таковы Пруссия и Австрия, в противоположность всем другим мелким немецким владениям, на которые раздроблены коренные земли Германии. Этот факт получит еще большее значение, когда мы свяжем с ним результаты предыдущего нашего исследования [344] (результат, который вознаградит нас за всю утомительную мелочность данных,

¹⁸⁶ См. об этой колонизации все подробности в книге Берзебе: Über die Niederländischen Colonien welche im nördlichen Teutschlande im zwölften Jahrhundert gestiftet worden (2 тома). Hannover, 1815–1816.

подлежавших рассмотрению, именно, что самое зерно, из которого составилось с течением времени Бранденбургское государство и потом Прусская монархия, – так называемая Старая Марка в обширнейшем ее значении, – не была, как обыкновенно полагают, землею чисто немецкою, а более чем наполовину имела славянское население. Здесь, в среде смешанной из славян и немцев, образовалась та завоевательная и германизирующая сила, которой славнейшим представителем в древнее время был Альбрехт Медведь и которая, покорив и обнемечив значительную часть земли балтийских славян, потом стала тяготеть над самою Германиею и распространять в ней свое владычество. Доказано уже другими исследованиями, что и зерно Австрийского государства, Австрия в тесном смысле этого слова (так называвшаяся в старину Восточная Марка), была тоже не вполне немецкая земля, а имела весьма значительную долю славянского населения еще в то время, когда она также сильно служила интересам Германии на юго-востоке, как «Старая Марка», колыбель Бранденбургии, на северо-востоке. Очевидно, что такая аналогия не есть дело случая, а что тут господствовал общий физиологическо-исторический закон. Вдаться в обсуждение его было бы не совместным с предметом настоящего сочинения, и мы в заключение только повторим добытый нами факт: во время политического упадка Германии при последних Каролингах и до воцарения Саксонской династии (т. е. между 875 и 919 гг.) балтийские славяне переселились значительными колониями на левый берег Эльбы, от ее низовьев до Турингии, где полабские сербы, со своей стороны, образовали такие же колонии. Все западное побережье Эльбы в X, XI и XII веке представляет славянское население, смешанное с немецким и подвластное немецким правителям. В этой немецко-славянской полосе на западном побережье Эльбы находился и тот край, который сделался известным под именем Старой Марки (Altmark) и из которого развилось задвоевательное государство Бранденбургское. Следы славянского населения сохранились в живой памяти народа доньше, как в Старой Марке, так и в сопредельной с нею части Ганноверского королевства.

ИСТОРІЯ
БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН]

В то время, когда государство Карла Великого распадалось на части, когда общая неурядица охватила всю Германию, она была не в силах ни защищаться от набегов норманнов и венгров, ни удерживать наплыв славян на ее окраины, – народный быт в ней изменялся, общество перестраивалось. Так обыкновенно бывает, что в пору внутренней смуты и внешнего бессилия совершается перестановка или переворот в общественных отношениях; лучше сказать, сама неурядица и политическая немощность обуславливаются наступающей в стране переменой общественного порядка. Здесь, в Германии, общественная перестройка делалась на пользу аристократии. В эту сторону вело естественное течение германской жизни, в которой издревле преобладал аристократический дух, составлявший существенное отличие германского общества, с одной стороны, от общества римского, где все подчинялось служению государственному, и с другой стороны, от общества славянского, которое в эпоху, нас здесь занимающую, едва дорabатывалось до государственного быта, а начала аристократического не терпело, как смертоносной для него отравы⁽¹⁵⁴⁾. Между тем в Германии после Карла Великого государственная власть падала все более и более и дошла скоро до полного ничтожества, и в то же время уменьшалось и мало-помалу исчезало сословие мелких свободных собственников, обращаясь частью в крепостных, частью в служилых: вся общественная сила сосредоточивалась, с одной стороны, в духовенстве, вооруженном и богатым, с другой, в *графах*, родовитых старшинах волостей и в племенных старшинах *герцогах*, власть которых, упраздненная Карлом Великим, теперь все более и более возвышалась и заменяла собой, в пределах каждого племени¹, власть правительственную.

Это полное возобладание аристократии и феодального устройства довело до крайности противоположность быта немецкого с бытом соседних славянских племен за Эльбой, у которых господствовала община с ее патриархальным требованием единогласия для каждого решения и патриархальная власть князей.

* Отсюда печатание идет по черновой тетради, в которой первые листы еще несколько отделаны. – Изд. 1874 г.

¹ Франков, швабов, баварцев, турингов, фризов, саксов.

Новый порядок вещей в Германии вполне установился в бес- сильном царствовании Людовика Дитяти и Конрада I (900–918 гг.). Наконец, когда среди смут этого времени власть графов и герцогов возросла и упрочилась настолько, что им нечего было бояться со- перника, они вспомнили о бедствиях, которые терпело общее оте- чество от безначалия, и вручили верховную правительственную власть могущественнейшему и наиболее талантливому в своей [346]среде человеку, герцогу саксов Генриху (14 апреля 919 г.). Этот выбор имел для славян балтийских роковые последствия.

Генрих Птицелов происходил из древнего рода саксонских гра- фов Людольфингов. Его предок Эгберт, бывший деятельным сто- ронником Карла в его войнах с саксами, им отличенный и обогащен- ный, был тот, которому великий император поручил в 810 году по- строение крепости Эзесфельдсбург (в Голштинии), сделавшейся, как мы говорили, первым завоевательным постом Германии на пра- вом берегу Эльбы. Его сын² Людольф († 866 г.) был военачальником в восточной части Саксонской земли и владел обширными поместь- ями близ Эльбы. Хотя имя его не упоминается в тогдашних слиш- ком кратких летописных известиях о войнах Германской империи с пограничными племенами балтийских славян, однако по самому званию своему Людольф должен был иметь в этих войнах главное участие³. Его старший сын погиб в 880 г. в битве с норманнами и славянами⁴. Младший, Оттон, наследовал его поместья и власть, расширял их терпеливо, воздерживаясь от вмешательства в дела остальной Германии, но тем усерднее воюя со славянами. Ему неод- нократно приходилось защищать свое герцогство от их вторжений, а потом он перенес оружие в землю гломачей, ветви лабских сербов, живших на левом берегу Эльбы, в части нынешнего королевства Саксонии. Замечая (так говорит летописец) ум и великие способ- ности своего сына, юноши Генриха, Оттон поручил ему начальство над войском, и он после продолжительной войны⁵ возвратился по- бедителем из разоренной и выжженной страны славянской⁶. Этот

² Это мнение Гизебрехта и др. немецких историков; Вайц (Jahrbucher d.deutschen Reichs unter König Heinrich I, изд.1863 г.) думает, что Людольф был не сын, а родственник Эгберта.

³ Waitz. Там же, 9.

⁴ См. выше.

⁵ См. выше о подробностях этой войны, в которой приняли участие и венгры.

⁶ Widukind. I, 17. Pater autem videns prudentiam adolescentis et consili magnitudinem, reliquit et exercitum et militiam adversus Dalamantiam, contra

самый Генрих, наследник гордого рода, из поколения в поколение сражавшегося со славянами на Эльбе, сам стяжавший свою первую славу в битвах против славян, был, как мы видели, избран королем Германии. Легитимисты того времени французы, стоявшие за права законной династии Каролингов, толковали даже, что если Генриху вручена была королевская власть, и то собственно над одной Саксонией, то это было вынуждено «беззакониями» славян⁷. Борьба со славянами являлась, таким образом, как бы главным [347]призванием нового государя немецкого. И действительно, с воцарением Генриха Саксонского борьба эта со славянами получила такое значение, какого она прежде не имела.

При Карле Великом и его преемниках это была борьба собственно политическая. Правда, войска, действовавшие против бодричей, велетов, стодорян, сербов, набирались преимущественно в краях соседнего им немецкого племени саксов, которого исконная, домашняя, так сказать, вражда со славянами нам известна; но управляла действиями этих войск мысль чисто государственная, желание приобрести и упрочить для Германской империи, преемницы миродержавных преданий Рима, — верховную власть над соседними племенами и княжествами славян. Карл Великий и Каролинги довольствовались тем, что славяне признавали себя их вассалами и данниками, но не помышляли об их порабощении. Но когда главою Немецкого государства сделался племенной старшина саксов, он придал борьбе Германии со славянским народом за Эльбой тот характер, который она имела для его родного племени: характер национальной ненависти, он примешал к политическому интересу интерес частный, ибо каждый клочок покоренной славянской земли он мог присоединить к своей собственной вотчине, тут же в соседстве находившейся, или подарить отличившемуся воину, которого он этим привязывал к своей домашней дружине.

Война политическая перешла в национальную борьбу, завоевание славянского племени вело к его поголовному порабощению и разделу его земель между немцами. Уже древнейший летописец саксов, описавший нам дела Генриха и его сына Оттона, Видукинд, понял эти отношения в борьбе двух соседних народов и написал зна-

quos diu ipse militavit. Thietmar 1, 2. A parte suo in provinciam, quam nos teutonice Delemenci vocamus, Sclavi autem Glomaci appellant, cum magno exercitu missus, devastata eadem multum atque incensa, victor rediit.

⁷ Richer. II, 18: Cum ejus (Ottonis) pater Saxoniae solum propter Sclavorum improbitatem rex creatus sit, eo quod Karolus, cui rerum summa debebatur, adhuc in cunis vagiebat.

менательные слова: Проходит много дней, что они борются с переменным счастьем, одни (саксы) из-за славы и обширного владения, другие (славяне) из-за свободы или крайнего рабства. *Transiunt sane dies plurimi, his pro gloria ac pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus*⁸.

[348]

II

[Деятельность Генриха в борьбе с славянами]

Летописец говорит, что Генрих тотчас после вступления своего на престол «принял сильные меры для восстановления мира и подавления свирепства славян»⁹. В чем заключались эти меры, мы узнаем из других источников. Первой заботой Генриха была постройка укреплений в Саксонии и Турингии, где недостаток оборонительных пунктов облегчал набеги славян из-за Эльбы и даже отдаленных венгров, которых славяне призывали и направляли на немцев¹⁰. Он окружал укреплениями как местечки, обращая их в города, так и монастыри¹¹. Устроив наскоро дела со Швабией, Баварией, Лотарингией, где он довольствовался номинальным признанием его верховной власти, купив подарками и ежегодной данью у венгров перемирие на девять лет, Генрих сосредоточил все свои усилия на военной организации своих наследственных владений. Укрепление городов ему нужно было дополнить постоянной вооруженной силой. «Прежде всего, — говорит летописец, — он выбрал из земских ратников¹² по одному на каждые девять человек и заставил этих людей жить в городах, здесь обстроиться так, чтобы и прочие восемь товарищей могли иметь в городе убежище; им отдавалась и они обязаны были хранить в запасе третью часть всей жатвы; а прочие восемь должны были сеять и жать и сдавать хлеб девятому для обращения в запас в назначенных местах. Совещания, сходки и всякого рода собрания король велел держать в городах, для постройки которых люди работали днем и ночью, чтобы в мирное время наверстать то, что они должны были бы сделать, когда это было нужно для отпора врагам»¹³.

⁸ Wid. II, 20, под 939 годом.

⁹ Cont. Regin. под 921 г.

¹⁰ См. выше.

¹¹ Герсфельд, Кведлинбург.

¹² *Ex agrariis militibus*: все люди свободного состояния были обязаны, или, по тогдашним понятиям, имели право носить оружие.

Саксонский монах изложил, вероятно, не совсем точно подробности военных законов Генриха; но сущность дела ясна. Генрих дал своим владениям правильное военное устройство, рассчитанное для действия против внешних врагов: для отпора наездам мимолетного и отдаленного врага, венгров, и для отпора и наступления.

*Его деятельность, кроме внутреннего устройства Германии, почти вся состояла в войне с восточными врагами ее, венграми и славянами. Между [349]славянами балтийские ветви были спокойны и неопасны: потому Генрих на первое время их не трогал, а устремился на эльбских сербов, которые с тех пор, как Моравии не стало, наиболее тревожили немцев. Изменившиеся отношения славянских племен изменили и политику к ним Германии. При Карле и его наследниках действовали на балтийских славян с севера, близ устьев Эльбы, опираясь на Гамбург и на тамошнюю Украину: короли из Саксонского дома стали теснить их с юга, опираясь на Магдебург и Мерзебург и на Саксонскую Украину; передовое племя славянское при первых были бодричи, теперь стали стодоряне. Хотя уже при отце своем испытанный в бою с сербами, и воинственный, он не тотчас по вступлении на престол возобновил войну с ними¹⁴, а долго и постоянно готовился нанести разом сильный удар непредусмотрительным славянам. Сначала он заботился о внутреннем усмирении Германии, устроена была вновь Немецкая Украина на Эльбе, как точка опоры в войне с ними. На севере она опиралась¹⁵ на Магдебург, на юге на Мерзебург, на который Генрих наиболее обращал внимание. Пограничный в то время город Мерзебург имел сзади еще опору в Кведлинбурге, выстроенном и укрепленном при Генрихе, впереди он воздвигнул крепость Мышин (Meissen) в земле сербов, которая по своему положению на запад от Эльбы всегда первая доставалась немцам¹⁶. Все это пространство было устроено для войны со славянами оборонительной и наступательной (оно было раз-

¹³ Widukind. I, 35.

* Отсюда начинается совсем черновая рукопись. – *Изд.*

¹⁴ Annal. Saxo. 922 Heinricus rex stabiliende pax et reprimendis Sclavorum motibus acerrime insistebat.

¹⁵ ?

¹⁶ (Heinricus) montem unum juxta Albim positum et arborum densitate tunc occupatum excoluit, ibi et urbem faciens, de rivo quodam, qui in septentrionali parte ejusdem fluit, nomen eidem Misni imposuit; quam, ut hodie in usu habetur praesidiis et impositiонibus caeteris munit. Ex ea Milzenos suae subactos dicioni, censum persolvere coegit. Urbem quoque Liubusuan, de qua in posterum lacius disputaturus sum, diu possidens, urbanos ui municipiunculam infra eandem positam fugere et se dedicios fieri compulit. Ex eo die; qua haec tunc incendio juste periit,

делено на несколько марок, вверенных разным начальникам, и все назывались общим именем Турингской или Сербской марки)¹⁷. Около Мерзебурга он поселил особенный воинственный народ, набранный из разбойников; расстройство Германии перед его воцарением увеличило число людей, живших грабежом, и даже многие из знати занимались этим промыслом; всякого человека, провинившегося воровством или разбоем, если только он был здорового сложения и годен для войны, Генрих прощал и селил в окрестности Мерзебурга, давал им землю и оружие, под условием, что они будут своих щадить, а соседей [350] славян грабить, на сколько хватит смелости. Таких людей набралось довольно, чтобы выставять для похода целый полк¹⁸. Наконец, для обороны от славян, на случай, если бы они прорвали маркию, он велел строить новые города и укреплять старые, разделив это дело, как повинность, на все население¹⁹.

(NB. Устройство конницы)

Устроив себе такую опору в Германии и откупившись на первый раз от венгров ежегодной данью, Генрих приступил к последовательному покорению балтийских славян.

Неожиданно и быстро бросился он²⁰ на стодорян или гаволян и, утомив их многими сражениями, наконец, зимой, в жесточайший мороз подошел по льду к главному их городу Бранибору, на льду поставил стан и взял город голодом и силой. Вместе с Бранибором покорилась ему вся страна Стодорская, и оттуда он прямо пошел на залабских сербов и чехов, чтобы покорить и их, и отрезать от стодорян помощь с юга²¹.

usque ad nostra tempore habitatore caruit. Si quid in regno suimet ut multi dicunt is predatus sit, huic Deus clemens ignoscat Thietm. I, 9.

¹⁷ Leutsch, прим. 31.

¹⁸ Оттон 936 посылает против Болеслава, между прочим, Legionem Mesabusiurum (al. Mesabusiorum). Erat namque illa legio collecta ex Latronibus. Rex quippe Heinricus cum esset satis severus extraneis, in omnibus causis erat clemens civibus; unde quemcumque videbat furum aut latronum (Pertz cf. Cont. Reg. a. 920. Multi enim illis temporibus etiam nobiles latrocinis insudabant) manu fortem et bellis aptum, a debita poena ei parcebat, collocans in suburbano Mesaburch datis agris atque armis, jussit civibus quidem parcere, in barbaros autem, in quantum auderent, latrocinia exercere. Huiusmodi hominum collecta multitudo plenam in expeditionem produxit legionem. Ann. Saxo. a 936. Widuk. II, 3.

¹⁹ См.: 148 Waitz.

²⁰ 928.

²¹ Генрих после мира с венграми дает новое устройство своим владениям. (NB). Потом repente irruit super Slavos qui dicuntur Heveldi, et multis

Затем и прочие племена, ратары, велеты и бодричи, должны были обещаться вносить дань. И в этих странах, видно, Генрих возобновил маркии, учреждение Карла Великого. По крайней мере, мы знаем о марке, устроенной для обуздания ратарей. Но еще не крепка была здесь власть Германии. На другой же год ратары захотели совершенной независимости и, собравшись, бросились на город Валислево (Walsleben) на Эльбе, взяли его, зажгли и разрушили и пленили или убили всех жителей, великое множество [351] народу. Все славяне обрадовались этому, как общему успеху, и все восстали на немцев и перешли Эльбу. Генрих поручил войска графу Бернгарду, назначенному прежде начальником Ратарской марки, он и другой граф Титмар, граф северной Турингии, с войском, набранным не только в Саксонии, но и в прочих немецких областях²², перейдя на славянскую землю, осадили на правом берегу Эльбы город Лечин (Lunkini, Lensen). Славяне собрались большим войском и приблизились к городу, чтобы напасть на немцев. Сторожа немецкие узнали это и объявили, что, видно, славяне собираются ночью напасть на нас. Тогда немецкие воины сошлись около палатки начальника, и он велел тотчас же, по совету Титмара, снарядиться к бою и быть всю ночь наготове. День прошел спокойно: славяне не покушались напасть. Ночью спала на землю темнота необычайная, и пошел проливной дождь, и тем остановились славяне. Утром их положение было жалкое: земля до того намокла, что пехота их еле передвигала ноги по глубокой грязи, и только конные могли действовать свободнее; пехоты же было у славян, говорит летописец, бесчисленное множество, а конницы весьма мало. Этим немецкие вожди хорошо воспользовались. На заре объявили, что пойдут в сражение; войско причастилось, и каждый, причастившись, клятвенно обещал храбро стоять за начальников и товарищей. Взошло солнце, и погода прояснилась. Тотчас (5 сент.) войско немецкое стало выходить из стана; вперед пошел Бернгард и напал с небольшим отрядом на славян, но его отбила густая их пехота, несмотря на то, что движения ее были связаны, и он должен был воротиться. Тогда он повел в бой всё войско, которое с криком пошло на славян. Самый вид был для немцев

eos præliis fatigans, demum hieme asperrima castris super glaciem positus, cepit urbem qua dicitur Brennaburg, fame, ferro, frigore. Cumque illa urbe potitus omnem regionem, signa vertit contra Dalamantiam, adversus quam jam olim reliquit ei pater militiam; et obsidens urbem qua dicitur Ganæ. (*Jahna?*) vicesima tandem die cepit eam. Praeda urbis militibus tradita, puberes omnes interfecti, pueri ac puellæ captivitati servatae Post hæc Pragam adiit. Widuk. I, 35.

²² См. Wiatz, 92.

ободрительный: солнце начинало печь, и от промокших одежд славян подымался пар, а немецкие латы блестели и играли лучами. Славяне держались вместе, плотной массой, и как ни сильно было нападение, они устояли и славно отбивались. Только с боков кое-где прорывались немцы, рубя направо и налево, и убивали людей, которых удавалось отрезать от войска славянского. Так долго длилась битва, для славян благополучно; с обеих сторон падало много воинов. Наконец Титмар догадался и послал 50 всадников, одетых в латы, в обход славянскому войску. Они удачно напали на него сбоку и смешали ряды славянские. Тогда началось ужасное поражение. Немцы и спереди ворвались в середину славян; а те пустились бежать. Они, будучи везде на открытом поле настигаемы, бросились было к городу Лжину, думая там найти спасение, но Титмар пересек им дорогу и припер их к близлежащему озеру. Туда бросилось множество славян и потонуло в озере. Огромное число их было убито в бегстве; но грязь там мешала, что из пехоты никто почти не ушел, а только некоторые всадники; многие попались и в [352] плен. Немцы перестали преследовать, когда уже не было в виду неприятеля²³. Число павших славян было очень велико; рассказы, ходив-

²³ Widuk. I, 36. Cumque vicinae gentes a rege H. factæ essent tributariæ, Apodriti, Wilti, Hevelli, Dalamanci, Boemi, Redarii, et pax esset, Redarii defecerunt a fide et congregata multitudine, impetum fecerunt in urbem quæ dicitur Wallislevu (*Walsleben* prope Albiam), ceperuntque eam, captis et interfectis omnibus habitatoribus ejus, innumerabili videlicet multitudine. Quo facto omnes barbaræ nationis erectæ, iterum rebellare ausæ sunt. Ad quarum ferocitatem reprimendam traditur exercitus cum præsidio militari Bernhardo, cui ipsa Redariorum provincia erat sublegata, additurque legato collega Thiatmarus et jubentur urbem obsidere quæ dicitur Lunkini (*Lentsen?*). Quinto obsidionis die venire custodes, exercitum barbarorum non longe esse adnuntiantes, et quia nocte contigua impetum in castra facere decrevissent. Cumque plures eadem confirmarent populus fidem paribus dabat dictis; et cum conventus esset populi circa tentoria legati, eadem hora, collega dictante, præcepit, ut per totam noctem parati essent, ne qua forte irruptio barbarorum in castra fieret. Cum autem dimissa esset multitudo, in castris variavere moestitia pariter atque lætitia, aliis bellum formidantibus, aliis autem desiderantibus; et pro qualitate morum inter spem metumque versabantur bellatores. Interea dies transit, et nox solito tenebrosior cum ingenti pluvia adest nutu divino, quatinus consilium pessimum inpediretur barbarorum. Ut ergo jussum est, tota nocte illa armati erant Saxones, et primo diluculo dato signo sacramentoque accepto, primum ducibus, deinde unusquisque alteri operam suam sub juramento promittebat ad præsens bellum. Orto autem sole – nam post pluviam clara redit serenitas, – erectis signis procedebant castris; in prima quidem fronte legatus in barbaros impetum faciens. Sed cum pauci non prævalerent adversus innumerabiles, reversus est ad exercitum, referens, quia barbari non

шие по Гер[353]мании, довели его до ужасной гиперболы 200 000; в плен попало 800 человек²⁴.

На другой день они подошли к городу. Горожане тотчас сдались, под одним только условием, чтобы жизнь их пощадили. Свободных

plures haberent equites, peditum vero innumerabilem multitudinem, et nocturna pluvia in tantum inpeditam, ut six ab equitibus coacti ad pugnam procederent. Igitur sole cadente in humida vestimenta barbarorum, fumum ascendere fecit usque in coelum spem fiduciamque præstans Dei populo, cujus faciei claritas atque serenitas circumfulsit illos. Igitur dato signo et exhortante legiones legato, cum clamore valido inruunt in hostes. Cumque nimia densitate iter pertranseundi hostes non pateret, dextra lævaque ferro erumpentes, quoscumque a sociis secernebant, neci dabant. Cumque jam bellum gravaretur et multi hinc atque inde caderent et adhuc barbari ordines tenerent, legatus collegam, ut legionibus auxilio esset, expostulat. Ille vero præfectum cum 50 armatis lateri hostili inmisit et ordines conturbavit; ex hoc cædi fugaque tota die hostes patebant. Cum ergo per omnes agros cæderentur, ad urbem vicinam fugere temptabant. Collega autem hoc eis præcauente proximum mare (*prope Lenzen 2 quamvis* minores lacus sunt) ingressi sunt, et ita factum est ut omnis illa nimia multitudo aut gladio consumeretur aut iu mari mergeretur. Nec peditum ullus superfuit, equitum rarissimus, deponiturque bellum cum casu omnium adversariorum. Ingens interea oritur lætitia ex recenti victoria, dum omnes laudent duces, unusquisque vero militum prædicat alium, ignavum quoque, ut in tali fortuna solet fieri. Postera autem luce movent signa urbi pæfatæ, urbani vero arma deponunt, salutem tantummodo deposcunt ac merentur. Inermes igitur egredi urbe jussi; servilis autem conditio et omnis pecunia cum uxoribus et filie et omni supelectili barbarorum regis captivitatem subibant. Ceciderunt etiam ex nostris in illo proelio duo Liutharii (*de iis v. Thictm.*) et alii nobiles viri nonnulli. Igitur legatus cum collega et aliis principibus Saxoniam victores reversi, honorificæ a rege sunt suscepti satisque laudati, qui parvis copiis divina favente clementia, magnificam perpetraverint victoriam. Nam fuere qui dicerent, barbarorum ducenta milia cæsa. Captivi omnes postera die, ut promissum habebant, obtruncati.

929. (Henricus) has regiones sibi fecit tributarias, Boemiam, Delemince, Apodritos, Wilti, Hevellun et Redarios; qui statum rebelles aliosque ad hec concitantes, urbem Wallislevo oppugnant, destruunt et imendunt. Ad hoc vindicandum noster convenit exercitus et Lunnini civitatem obsidens, socios eorundem, eos defendere cupientes, invadit et paucis effugientibus, prostravit, urbem quoque pefatam acquisivit. Ex nostris autem duo abavi mei uno nomine, quod Liusteri sonat signati, milites optimi et genere clarissimi, decus et solamen patriæ, Nomas Sept cum multis aliis oppeciere. (Calend. Merseb. 930 Non. Sept. Liuthardus comes cum multis Lunnini obiit.) Thietm. I, 6.

²⁴ 929... 2 Non. Sept. feria 6. oriente sole facta est pugna valida juxta flumen quod vocatur Alpia contra Sclavos, in qua prostrati sunt de paganis 120 milia, captivi vero 800; de nostris vero duo duces Luitharii, quidam vero vulnerati, alii autem prostrati. Ann. Corb.

мужчин выпустили из города безоружными, но разлучили навсегда женщин, детей и рабов увели в Германию пленными.

Потери немцев были также значительны; пало несколько знатных вождей. Тотчас после этой блистательной победы Бернгард и Титмар с вождями войска отправились к Генриху, который принял их с честью и хвалой; на другой день после их приема пленные славяне были убиты, как им наперед объявили.

Что последовало за победой Ленчинской в земле балтийских славян, неизвестно. Летописцы уже не упоминают об их нападениях на немцев, и нет сомнения, что, потерпев такой урон, они долго жили в покое. Вероятно также, что ближайшие племена их, стодоряне и лютичи, согласились признать себя данниками Германского королевства²⁵. Позднейший писатель даже рассказывает, что из страха перед немцами после этой битвы они даже согласились принять христианскую веру²⁶. Но это сомнительно, потому что современные летописцы монахи непременно бы упомянули о событии таком для них близком; притом же если славяне захотели бы быть христианами, приняли бы какие-нибудь обряды для их крещения, учредили бы у них епископства²⁷, а ничего такого не было при Генрихе, который вообще не думал принуждать покоренных им славян к христианству²⁸.

Племена, жившие подальше от Саксонской марки, где сосредоточивалась деятельность Генриха, оставались независимыми и после Ленчинской битвы. Наконец, пользуясь общим спокойствием в своем государстве, он отправился с войском на север и наложил дань на бодричей²⁹ и на южную часть Ютландии³⁰.

[354]

[III]

[Оттон I; его войны со славянами, с вассалами и братьями]

Потом, одержав блистательную победу над венграми (933 г. при Мерзебурге) и окончательно избавив отечество свое от их набегов, и вторично победив датчан, теперь под славным гор. Гормом, он

²⁵ Ann. Saxo. 932.

²⁶ NB.

²⁷ Waitz. 95.

²⁸ Ad. I, 47. NB.

²⁹ Ann. Weissen. 931. H. r. Abotritos subegit.

³⁰ 931. Heinricus rex regem Abotridorum et regem Danorum efficit christianos. Ann. Einsidl.

опять бросился на славян (934 г.) и, не довольствуясь уже низложением пограничных племен, пошел на укрян – первая попытка немцев овладеть славянскими ветвями, границы которых не соприкасались с Эльбой; – поход был удачен: побежденные уkraine обещали дань³¹. При этом впервые немецкое оружие, может быть, со времен Атиллы, проникло до Одера: теперь она вся течет в немецкой земле. Таков был последний подвиг великого Птицелова на восточной стороне Германии. Никогда, я думаю, славяне не имели дела с таким храбрым, но вместе с тем благородным и бескорыстным противником. Его дело было правое: он сражался честно с неприятелем своего отечества, ограждая Германию как мог военными украинцами, крепостями, страхом; раз, правда, он поступил жестоко, велел избить военнопленных: но не обманом, и действуя в духе времени; но никогда не позволял он себе ужаснейшего зла и святотатства, которое погубило балтийских славян и обесчестило столько из немецких воителей и священников: не принуждал их принимать христианство, как знак рабства, и вообще щадил побежденных, собирая с них дань, но не обращая их в рабов. Он предоставлял позднему времени перенести к славянам христианство мирной проповедью. Его преемники в этом отступили от него; но он непричастен к их жестокости и осквернению святыни. Пускай же и те, которые желают и насильственной гибели балтийских славян, не смешивают чистого воина Генриха Птицелова с их губителями и помянут его добром. Не таков был Оттон – братоненавистник и честолубец. При нем война со славянами соединилась с внутренними междоусобиями с вассалами и братьями его и получила от того еще большее ожесточение. Он же поставил исполнителем своей воли против славян свирепого и коварного маркграфа Герона, который показал немцам пример того, как покорять славян не только честной войной, а приручать их всякими средствами: силой, обманом и насильно наложенною верой.

Самый воинственный из балтийско-славянских народов, ратаре, несмотря на недавнее поражение, первые опять тронулись и не захотели слушаться немцев. Сводный брат Оттона, Такмар³², которому, как кажется, поручено было наблюдение над восточными областями Германии, отправил к ним посольство, вероятно, для увещания жить мирно с Германией. Но те прогнали послов с насилием, хотя

³¹ Cont. Reg. 934. H. r. Ungaros multa coede prostravit... Eodem anno Sclavos qui Vucrani vocantur hostiliter invasit et vicit, sibi que tributarios facit. Chr. Quedlinb. 934. R. H. in Wucronia profectus est (al. cum ex fuit), subiciens eos sibi.

³² Сын Генр[иха] от др. жены.

знали, без сомнения, что при современном со[355]стоянии Германнии, за то подвергнутся тяжелой войне. Действительно, Генрих назначил поход против них, но умер во время приготовлений. Оттон тотчас по вступлении на престол и венчании на царство³³ отправился с войском к ратарям. 13 сентября он был в Кведлине, но, видно, не доверяя еще себе, назначил предводителем войска человека нового, незаслуженного, Германна Биллунга, знаменитого впоследствии герцога... Ратаря ожидали немцев на границе своей земли³⁴. Немецкое войско двинулось на них, и Германн, шедший с передовым отрядом, напал на них, смешал и победил. Затем войско королевское приблизилось к какому-то городу славянскому и расположилось станом. Оттон запретил выходить из ограды стана до общего нападения. Но какой-то храбрец Еккегард, сын Людольфа, недовольный назначением выскочки Германна и завидовавший его успеху, стал набирать в войске охотников между лучшими рыцарями, объявляя, что-либо перещеголяет Германна, либо погибнет. Нарушая королевское приказание, он вышел из стана³⁵ и, перейдя болото, разделявшее ратарей от немцев, напал на славянское войско, и окруженный ими и припертый к болоту, погиб со всеми сподвижниками: их было у него 18 человек, лучших во всем немецком стане. Но Оттон успел, однако же, заключить с ними мир, избив у них множество народу; ратаря согласились на дань; дальнейшие подробности похода неизвестны, — и благополучно воротился в Магдебург (где уже был 14 октября)³⁶. Между тем как после усмирения бодричей у славян

³³ 8 авг. 936, в Ахене.

³⁴ 936. Widuk. II, 3. Barbari ad novas res moliendas desæviunt.

³⁵ 25 сент.

³⁶ Wid. II, 4. Оттон, несмотря на войну в Чехии, divina virtute roboratus cum omni exercitu intrat terminos barbarorum (contra Redarios, cf. dipl. ap. Schannat hist. Fuld. Cod. probb. 143, что это были ратаря *Köpke*. 9) ad refrenandam illorum sævitiam. Datum quippe erat illis et antea a patre suo bellum, eo quod violassent legatos Thancmari filii sui, de quo in sequentibus plenius dicturos arbitramur. Placuit igitur novo regi novum principem militæ constituere; elegitque ad hoc officium virum nobilem et industrium satisque prudentem, nomine Herimannum. Quo honore non solum cæterorum principum sed et fratris sui Wichmanni offendit invidiam. Quapropter et simulata infirmitate, amovit se ab exercitu. Erat namque W. vir potens et fortis, magnanimus, bellignarus et tantæ scientiæ, ut a subjectis supra hominem plura nosse prædicaretur. Herimannus autem cum esset in prima acie, in introitu regionis in hostium pugnam incidit, easque fortiter vicit, et ob hoc majori invidia inimicos accendit, inter quos Ekkardus, f. Liudulfi, qui in tantum aegre passus est fortunam Herimanni, ut sese promitteret majora facturum, aut vivere nolle. Unde collectis ex omni exercitu

всё было спокойно, в самой Германии готовились раздоры, которые вскоре втянули и славян в междоусобные ее войны³⁷. Младший брат Оттона Генрих [356] мечтал о престоле и действовал против брата; назначение Германа³⁸ предводителем войска обидело не только Эккегарда, которого погубила зависть, но и родного брата Германа, Вихмана, опытного, храброго и великодушного воина и до того ученого, что подчиненным своим он казался обладающим знаниями свыше человеческих; наконец, и баварский герцог не хотел повиноваться Оттону, и брат его Такмар негодовал на него ужасно: его оскорбило назначение Герона, человека незнатного, но отличавшегося удивительным умом, деятельного и способного, начальником Саксонской марки, учрежденной против славян. Вскоре началась открытая война: Эбергард с Такмаром и Вихманом подняли оружие на Оттона³⁹; Такмар вскоре был убит⁴⁰, но война продолжалась, и в ней принял теперь участие брат короля Генрих. На этот раз балтийские славяне ловко воспользовались слабостью Германии.

В начале междоусобия они еще жили мирно и даже помогли немцам в нападении венгров, которые в 938 г. опять ворвались в Турингию и оттуда в Саксонию. Здесь они разделились: часть пошла на запад, но была истреблена у Стердербурга⁴¹; другой отряд понесся на север, но тут славянин (имя его неизвестно, по местности он был,

fortissimis viris, interdictum regis rupit et paludem quæ erat inter urbem hostium et castra regis, cum sociis transiit statimque hostes offendit et ab his circumfusus, cum omnibus suis periit. Erant autem qui cum eo acciderant, electorum ex omni exercitu virorum decem et octo. Rex autem cæsa hostium multitudine et cæteris tributariis factis, reversus est in Saxoniam. Acta sunt autem hæc 7 Kal. Oct.

³⁷ NB. Биллунг остался маркграфом у нижней Эльбы. Helm. I, 10.

³⁸ Ad. II, 8. (о Германне, которого Оттон назначил герцогом Саксонским). Vir iste, pauperibus ortus natalibus, primo ut ajunt, 7 mansis totidemque manentibus ex hereditate parentum fuit contentus. Deinde quod erat acris ingenii decorisque formæ cum promerito fidei et humilitatis quam dominis et paribus exhibuit, facile notus in palatio ad familiaritatem pervenit ipsius regis. Qui compta juvenis industria suscepit eum in numero ministrorum, deinde nutricium præcepit esse filiorum mox etiam succedentibus prosperis, commisit ei vices præfectorum. In quibus officiis strenue administratis dicitur manentes suos pro furto in judicium delatos, data sententia simul omnes dampnasse ad mortem. Cujus novitate facinoris et tunc carus in populo et clarissimus deinceps factus est in palatio. Postquam vero decatum Saxoniz meruit, judicio et justicia gubernavit provinciam, et in defensione ecclesiarum sanctarum studiosus permansit usque ad finem.

³⁹ 938.

⁴⁰ 939.

⁴¹ Близ Wolfenbüttel.

вероятно, из бодричей) помог немцам от них избавиться. Взявшись быть им проводником, он провел их в болотистую страну Триминг (Dromling у истоков Алеры и Оры), где их легко убили⁴².

[357]Но когда междоусобная война в Германии усилилась, Генрих стал во главе возмущившихся баронов, и Оттон занят был этими делами в западных областях, славяне не замедлили сделаться независимыми.

Первые бодричи, которые бросились невзначай на Гайку, немецкого вождя, поставленного на их границе, истребили всё его войско и самого его убили⁴³. Война разлилась по всей немецкой границе, и везде славяне, действуя теперь заодно, стали жечь, грабить и избивать народ. Были покушения и на жизнь Герона (939 г.)⁴⁴. Тогда Герон вот что сделал: пригласил к себе 30 князей славянских, вероятно, под предлогом мирных переговоров, угостил великолепным пирогом и, напоив нарочно до пьяна, ночью убил. Один только князь Браниборгский спасся и принес весть к своим⁴⁵. Можно себе представить негодование славян и жажду мести. Все славянские племена, прежде подвластные Генриху и его сыну, стали воевать с немцами жесточе прежнего. Первые отомстили бодричи...

В то же время и стодоряне и лютичи напрягли все силы свои и очистили весь правый берег Эльбы от немцев. Бранибор был взят, немцы были везде избиваемы или спасались бегством к себе, за Эльбу. Герона, при всей его деятельности и смелости, не хватало на

⁴² 938. Widuk. II, 14. Во время внутр. междоусобий в Германии, antiqui hostes nostri Ungarii subito irruunt in Saxoniam et castris super litus Badæ fluminis conlocatis, inde in omnem regionem diffuduntur. Dux autem missus a castris cum parte exercitus, eo die ad vesperam signa movit circa urbem quæ dicitur Stedieraburg (Stederburg prope Wolfenbüttel) Urbani autem videntes hostes et ex itinere et ex pluvia, quæ ingens erat segniores, audacter erumpunt portis, et clamore primum territantes, demum repente in adversarios irruentes, plurimis ex eis cæsis, et copiosa equorum multitudine cum aliquibus signis capta, cæteros fugere compulerunt. Urbes quas obvias habuere, illorum fugam animadvertentes, armis eos omnibus locis urgebant et maxima ex eis parte prostrata, ducem ipsum in quendam luti puteum cogentes obpresserunt. Altera autem pars exercitus ad aquilonem versus, et arte cujusdam Slavi in locum qui dicitur Thrimining (palustris regio Drömling in qua Aleræ et Oræ fontes), deductus, difficultate locorum ac manu circumfusus armatorum periit, timoremque nimium cæteris incussit. Dux autem illius ex. cum paucis elapsus, comprehenditur et ad regem deductus pretio magno redimitur. His auditis, castra hostium omnia turbata, fuga salutem quaesierunt, nec ultra per triginta annos in Saxonia apparuerunt.

⁴³ NB. Wit. II, 20. NB. Ann. S. 940.

⁴⁴ Портрет еро Көрке Exc. 12. Контраст с Бил[л]унгом.

⁴⁵ Kōpke 32.

отражение неприятеля, который нападал повсюду, от устьев Эльбы до границы Турингии⁴⁶. Несколько раз приходилось самому королю вести к нему на помощь войска и самому идти на славян. Война была самая ожесточенная. Не раз терпя поражения и всякие пагубы, сопряженные с войной, они все-таки не сдавались, не просили мира, не соглашались на рабство. Тут-то они впервые показали немцам, что они за стойкие люди. Никакие бедствия не могли заставить их отказаться от свободы, которой они дорожили более всего на свете. Телом они были крепки, сносили всякий труд, привычны были к самой малой пище; что саксам (а они были известны как самые храбрые и стойкие из немцев) было в тяготу, то они считали легким и сносным. Немцы вели войну эту за славу, пространственное владычество и безопасность своих пределов, славяне – за свою родину, видя в победе свою независимость, в поражении конечное рабство⁴⁷, и долго тянулась она, прекращаясь иногда на несколько лет от усталости славян, но им помогали и внешние обстоятельства[358]ства: внутри Германии горела междоусобная война, а с севера нападали датчане.

Оградив кое-как Саксонию от вторжений славян и поручив восточную границу Герону, Оттон отправился в Лотарингию и в скором времени успел восстановить спокойствие в своем королевстве (940 г.). Тогда счастье опять стало везти немцам. Они нашли верного и выгодного слугу в одном Тугомире, которому приходилось, по славянскому праву наследства, княжение над племенем стодорян. Он был взят в плен немцами, вероятно, в Лончинском сражении, но пощажен по приказанию Генриха I. Большими деньгами и еще большими обещаниями (посулами) подкупили его, и он обещался предать свое племя немцам. Выпущенный на волю, но рассказывая, что убежал тайком из плена, он пришел в Бранибор, и был узан народом; его провозгласили князем, отстранив его племянника, прежнего князя, который один пережил пир, заданный Героном знатнейшим славянам, и уж верно не любил немцев. Но уже вторично он от обмана не ушел, Тугомир пригласил его к себе ласково, предательски схватил и убил, и тогда, видно, обезоружив всякое сопротивление, передал Бранибор со всей землей Стодорской власти короля Германского⁴⁸. Когда сильное это племя им изменило, и прочие

⁴⁶ NB. Wit. II, 20.

⁴⁷ Köpke 32.

⁴⁸ 939. Widuk. II, 21. Fuit autem quidam Slavus a rege Heinricio relictus, qui jure gentis paterna successione dominus esset eorum qui dicuntur Heveldi, dictus Tugumir. His pecunia multa captus et maiori promissione persuasus, professus est

славяне между Эльбой и Одерой, т. е. все ветви бодричей и лютичей на время отказались от сопротивления и признали себя данниками Германии⁴⁹. Тугомир остался в Браниборе князем по самую смерть свою (ум. около 948 г.); он умер христианином, но неизвестно, когда он обратился, в плену ли, убежденный, или после своей измены, чтобы еще более сблизиться с немцами⁵⁰. Оттон весьма почтил его и, дав ему титул герцога Браниборского, поставил его наравне с первыми, после короля, членами немецкой аристократии и вместе с тем включил Стодорскую землю в число непосредственных областей немецких⁵¹.

[359] Но еще долго власть Оттона колебалась у балтийских славян; часто они отказывались от дани, и часто Герону приходилось вести свое постоянное войско то в одну сторону, то в другую, так что войско, утомляемое беспрестанными походами и получая малую плату (жалованье ему выдавалось из дани славян), однажды совершенно возмутилось против и даже захотело убить самого короля за то, что он поддерживал Герона. Но заговор был подавлен⁵², и мало-помалу все успокоилось, но на время только.

se prodere regionem. Unde quasi occulte elapsus, venit in urbem quæ dicitur Brennaburg, a populoque agnitus et ut dominus susceptus, in brevi quæ promisit implevit. Nam nepotem suum qui ex omnibus principibus gentis supererat ad se invitans dolo captum interfecit urbemque cum omni regione ditioni regiæ tradidit. Quo facto, omnes barbaræ nationes usque in Oderam fluvium simili modo tributis regalibus se subjugarunt.

⁴⁹ Дань, платимая бодричами и ваграми. Распр. власти нем. до Одера и Узноима. (Эти замечания показывают намерение автора дополнить здесь свой рассказ, причем указать страницы, но неизвестно из какой книги. — *Изд.* 1874 г.).

⁵⁰ Ad. Brem. II, 5 (ок. 950). Fertur etiam ipso tempore fortissimum Ottonem regem universos populos Sclavorum imperio subjecisse. Quos pater ejus uno grandi bello domuerat, ipse tanta virtute deinceps constrinxit, ut tributum et christianitatem pro vita simul et patria libenter offerent victori, baptisatusque est totus gentilium populus. Ecclesiæ in Sclavonia tunc primum coustructæ...

⁵¹ Gero 75.

⁵² 940. Widuk. II, 30–31. Eotempore barbarorum bellum fervebat. Etcum milites ad manum Geronis præsidis concepti crebra expeditione attenuarentur et donativis vel tributariis præmiis minus adjuvari possent, eo quod tributa passim negarentur, seditioso odio in Geronem exaununtur. Rex vero ad communes utilitates reip. Geroni sempter juxta erat. Unde factum est, ut nimis exacerbatî odia sua in ipsum quoque regem vertissent.

Этим пользуется Генрих, multis intercurrentibus legatis et munusculis invicem missis, omnes pene orientalium partium milites sibi colligavit: Заровор убить Оттона, открыт, многие казнены, Генрих бежит.

[IV]

[Основание немецких епископов на земле славянской]

Пользуясь этими годами спокойствия, Оттон принялся решительнее за утверждение над славянами немецкой власти. Он весьма расширил пределы, подвластные маркграфу Герону, лучшему исполнителю его воли против славян (946 г.), и потом возвел его в сан герцога (949 г.). Города в укрainaх, даже лежавшие в славянской земле, он населял немцами; число укрain он умножил, но подчинил все Герону и Германну⁵³; власти маркграфов, над ними поставленных, мало-помалу подчинялись соседние славянские земли⁵⁴. Прежде уже случилось это с землей сербов. Теперь (около 949 г.), когда умер Тугомир^{54а}, немецкий подданный, герцог стодорян, то преемника ему не назначили, а землю его присоединили к марке Герона. Может быть, он вместе с тем и получил упраздненный смертью Тугомира титул герцога: по крайней мере, только в это время он начал носить его. Непосредственно влияние немцев на славян упрочивалось тем, что маркграфы сами⁵⁵ (или, также вероятно, через воинов своих) собирали дань, на них наложенную⁵⁶; так же тем, что знатым немцам раздавали разные поместья в славянских землях⁵⁷.

Наконец, он увенчал все эти учреждения основанием у балтийских славян немецких епископов и поселением у них немецкого духовенства. Из всех действий Оттонова правления ничего не было постыднее и пагубнее, как способ, которым наложено было на славян христианство⁵⁸; он положил начало тому, что для них христианство стало смешиваться с понятием рабства и угнетения и что они, знакомясь с духовенством, к ним присланным, стали [360] всё более и более ненавидеть христианство. Хотя со времени Карла Великого христианство проповедовалось на севере и мало-помалу вводилось в Дании, но до балтийских славян оно еще не коснулось. Хотя иногда летописцы говорят, что побежденные славяне обещали принять христианскую веру, но это было минутное действие страха, никто не заботился крестить их, пользуясь этим расположением⁵⁹. Первый

⁵³ Gies. 147. NB. ⁵⁴ NB.

^{54а} Gero 75.

⁵⁵ NB. Gies. 947. Wid. II, 30.

⁵⁶ Widuk. III, 53.

⁵⁷ Köpke 43.

⁵⁸ NB. Но не на вагров. Изменить по след.

⁵⁹ Ad. II, 5. Adhuc posteris in memoria est, quendam Erp, diaconem pontificis

епископ Адальвард Верденский⁶⁰ попытался проповедовать славянам в то самое время (после 930 г.), как архиепископ Гамбургский Унни, собственный пастырь славян, ездил в Данию и Швецию для распространения христианства. Почтенна была попытка Адальварда; проповедь его вдохновлялась только ревностью, а не выгодой⁶¹, потому что славяне, которых он бы обратил, принадлежали бы не к его пастве, а к Гамбургской⁶². Вообще он был человек добродетельный, ученый и благонамеренный; рассказывали, что проповедь его подтверждалась разными чудесами. Действительно, его проповедь имела великий успех⁶³. Жители Старограда приняли христианство в весьма большом числе, так что Оттон счел за нужное назначить им епископа и выбрал для этого какого-то Маркона⁶⁴. Вся страна вагров и бодричей по реке Пену и город Дымин были причислены к его епархии, хотя нет известий, чтобы все они уже приняли христианство. Кроме того подчинили ему и город Шлезвиг (или Гейдибо) и всю страну между Шлеей и Егидорой. Во время Оттона, когда в этой стране несколько восстановилось спокойствие, земля Шлезвигская и принадлежащая к ней страна вагров, не менее опустевшая, стала мало-помалу заселяться, но неизвестно, славянскими или немецкими выходцами; начали засеивать поля, строить деревни и города и даже воздвигать монастыри. Но и долго еще потом оставались следы разрушения. Еще в XII столетии, когда этот край сравнительно процветал, видны были эти следы, особенно в лесу, который тянулся от города Лютикенбурга или Люциленбурга (что ныне Лютенбург) до самого Шлезвига, и где в местах непроходимых и пустынных между толстыми дубами виднелись старинные межи, свидетельницы прежней обработки, валы, обозначавшие разоренные города, и во многих речках остатки плотин, где некогда стояли мельницы⁶⁵.

Adaldagi, quia fideliter ei astiterit in profata contentione (с еп. Бременским) Ferdensi ab rege episcopatu donatum simul et alios fratrum, qui in predicatione Danorum et Sclavorum cum archiepiscopo studiosi fuerunt, pro labore suo majoribus assuerunt cathedris inthronizatos.

⁶⁰ Gies. 172.

⁶¹ Ad. II, 1. Adalgadus archiepiscopus (Hammab.)... quem ferunt etiam doctrino et miraculis celebrem, Sclavorum populos eo tempore predicasse, quo noster Unni ad Scythas (Шведов) legatus extitit.

⁶² Gies. 172.

⁶³ ? Ad. II, 5, 13.

⁶⁴ NB. Никто другой не проповедовал там: впрочем Helm. (1, 12) не называл его. Критически прочитать Helm. и доказать, что староградцы не из страха приняли христианство.

⁶⁵ Helm. I, 12. см. Gies. 183. NB.

[361] Марко несколько лет занимал епископский престол в Старограде и крестил многих людей между ваграми и бодричами. По смерти его отделили Шлезвиг и назначили туда особенного епископа; также было учреждено два епископства в Дании, одно в Рипене, другое в Аргузе⁶⁶. Эти три епископа еще зависели от германского, а не от датского короля – знак, что христианство считалось еще в Дании чужим исповеданием⁶⁷. Староградское епископство ограничено было землями Славянской, Вагрской и Бодрицкой; оно было подчинено кафедре Гамбургской⁶⁸. Преемник Маркона Эдвард был человек почтенный, говорит Гельмольд, и обратил многих славян к Богу.

Возрастало число верующих, и во все царствование Оттона не было никакой помехи новой церкви. И наполнилась вся земля вагров, бодричей и хижан церквами, священниками, монахами и девами, посвящавшими себя Богу. В Старограде воздвигнута была церковь в память св. Иоанна Крестителя, и пользовалась она почетом старшей соборной церкви. Также и в Мекленбурге построили церковь во имя *Principis apostolorum* Петра, и при ней девичий монастырь. Епископы староградские чрезвычайно *щедро и ласково*⁶⁹ обращались с туземными славянскими князьями, будучи щедротою великого государя Оттона обогащены избытком земных благ, так что они могли обильно одаривать тех, кого хотели, и тем приобретать расположение народа. Давалась же епископу от всей земли вагров и бодричей, вместо десятины, ежегодная дань, с каждого плуга (тягла) мера хлеба, 40 пучков льну и 12 монет чистого серебра, да 1 монета сборщику. Славянский же плуг составляет пара волов или одна лошадь. «О городах же и поместьях, и числе дворцов, принадлежавших епископу, – прибавляет летописец, – не наше дело распространяться, потому что старое забыто, и вот теперь опять все новое».

Это известие весьма замечательно⁷⁰. Видно, что Оттон уже в это время совершенно изменил политику отца своего относительно славян и, не довольствуясь их усмирением, стал заботиться об их

⁶⁶ Гельмольд говорит, что тут были саксы.

⁶⁷ Ad. II, 4. Anno archiep. factum est hoc XII (948) 5. Fertur etiam ipso tempore fortissimum Ottonem regem universos populos Sclavorum imperio subjecisse. Quos pater ejus uno grandi bello domuerat, ipse tanta virtute constrinxit, ut tributum et Christianitatem pro vita simul et patria libenter offerent victori, baptisatusque totus gentiliū populus. Ecclesiæ in Slavania tunc primum constructæ de quibus rebus circa finem ut gestæ sunt, opportunius aliquid sumus dicturi.

⁶⁸ NB. Почему они жили у вагров. Богатство епископа. Helm. I, 14.

⁶⁹ NB. Политика Оттонов вернее Карловой: они врезывались в самый центр.

⁷⁰ Honorabiles.

обращении, надеясь, что христианство скрепит их связь с Германией и их онемечит⁷¹. Потому-то он предоставил епископу дань, которую получал от славян, а не одну [362]только десятину, которую бы добровольно платила епископу его паства. Правда, нельзя быть уверенным в справедливости показания Гельмольда на счет количества дани, которое весьма значительно (а особенно, при тогдашней редкости драгоценных металлов, взнос 12 монет чистого серебра с каждого плуга кажется слишком тяжелым), и позволено предположить, что он, писавший через 200 лет и имея собственный интерес в количестве денег, которые платились Староградской церкви, к которой сам принадлежал, мог несколько преувеличить это количество; но во всяком случае вообще меры, принятые Оттоном при учреждении епископства у вагров и бодричей, были чрезвычайно важны и показывают, как понимал он обращение славян в христианство. Передавая дань свою епископу, он передал ему и светское право на весь народ бодричей и вагров, потому что дань взималась у них не с одних только христиан, а и с язычников. Таким образом, епископ получал прямую власть над язычниками своей епархии и тем терял свое священное христианское значение. Кроме того, взимая со славян дань, которую они обязались платить немецкому королю, когда он их победил и покорил, епископ из человека священного, служащего своей вере, а не какому-нибудь исключительно народу, превращался в глазах славян как бы в светского наместника немецкого короля и тем само собою делался для них ненавистным, как представитель чужой, насильно наложенной власти. Не менее пагубны были последствия этой меры и для самого распространения христианства. Если епископ был человек себялюбивый и не одушевленный истинною ревностю, то ничего уже не побуждало его к проповеди: он был чрезвычайно богат и мог довольствоваться своим положением; выгоды в распространении христианства он не имел, потому что брал одинаковые деньги и подати с христиан и язычников, тогда как, если бы он получал единственно десятину с христиан, как делалось в других землях, то и корыстный человек нашел бы выгоду в их умножении. Будь же епископ Староградский человек ревностный, то при его богатстве искушение было слишком велико: так легко ему было подарками и щедротами, а не убеждением, привлекать к себе людей. Что это делалось, говорит сам Гельмольд. А истинного преемника апостольского, который бы стал

⁷¹ Слова Адама, II, 24: *testis est rex Danorum, qui hodieque superest Suein; cum recitaret Sclavianiam in 18 pagos dispersitum esse, affirmavit nobis, absque tribus ad christianam fidem omnes fuisse converos*, доказ. его справ[едливость].

употреблять свои доходы разве для нищих и больных, а сам бы пошел с посохом проповедовать по деревням и селам народу славянскому, такого не нашлось между пастырями Старограда. Эти люди, какие бы они ни были, добрые или корыстные, неуклонно держались одного правила: чувствуя себя в покоренной земле и пользуясь доходами, проистекшими именно от ее покорения, они с самого начала и до позднейших времен, сознательно или бессознательно, принимали в духовенство, а тем более допускали на престол епископский, никого другого, как немцев. Балтийские славяне, как народ покоренный, решительно были исключены из духовенства своей земли. Эта же политика соблюдалась не только здесь, [363] но с такой же исключительностью и во всех других епархиях, вскоре учрежденных у балтийских славян. Вред ее был неисчислимым. Христианская церковь оставалась постоянно чуждой народу, который принимал ее, и едва ли можно было немецким священникам толковать славянам о христианском единении и братстве, когда они же вносили в церковь самую обидную из всех аристократий, аристократию народности⁷².

Сначала христианство шло хорошо в Староградской епархии, всё было мирно: славяне исправно платили немцам дань и малопомалу принимали христианскую веру⁷³. Но здание веры, основанное не на бескорыстной проповеди и убеждении, а на влиянии богатства и вещественных выгодах, хоть и скоро воздвигнулось, не было прочно. Через несколько лет обстоятельства переменились, и в 15 волостях, принявших христианство, вдруг не стало ни одного христианина.

Пока у славян был мир, и староградская церковь процветала, Оттон, видя, что это выгодно для Немецкой волости, учредил на подобном основании епископства и у других племен. В 946 году была основана епархия Гавельбергская над велетами и северную часть стодорян, которые, видно, не были подчинены браниборскому князю⁷⁴. Она обнимала⁷⁵ всю землю от... до границ бодричей, между Эльбой, Одерой и Балтийским морем, обнимая и остров Узнаим⁷⁶. Доказательство, что все племена вели вместе войну с Генрихом и Оттоном и все должны были покориться им⁷⁷.

⁷² *Выставить*. Вообще, при неимении лучшей, политика немецкая д.б. связью.

⁷³ Имена епископов старогр[адских] во 2-й пол. X в.: Марко, Эдвард, или Егвард, Вего, Эзико (Ezico).

⁷⁴ Ad. Br. II, 24. NB. ⁷⁵ NB.

⁷⁶ См.: Köpke, 114. ⁷⁷ NB.

⁷⁸Славяне жили смиренно, покоряясь новым учреждениям Оттона, пока их держала сильная рука. Но вскоре в самой Германии возобновились междоусобия и еще ужаснее прежних: уже не сражались герцоги против своего короля, а возмущившиеся сыновья против отца родного. Оттон в этой бесчеловечной и опасной войне должен был сосредоточить около себя силы для собственной защиты. Разумеется, военная стража на восточной границе ослабла. Сам Герон оставил на время свое герцогство и сопровождал императора в его походах и сеймах. Во время его отлучки (954 г.) украние, одно из племен, наиболее отдаленных от немецкой границы и потому менее придавленное, первые попытались освободиться. Герон, стоявший у Регенсбурга, тотчас отправился в свою область, и на помощь ему был послан герцог Конрад Франконский. Они [364]разбили украние, взяли у них огромную добычу и воротились победителями к великой радости саксов⁷⁹.

Но на другой год война возобновилась, и гораздо сильнее. Граф Вихман, пользуясь войной Оттона с сыном его Людольфом, стал действовать против Оттона, захотел отнять у верного приверженца его, у Германна Биллунга, Саксонское герцогство, на которое имел, по своему мнению, законные права. Его отдали под стражу, но он убежал из плена и, гонимый Германном, скрылся за Эльбой у бодрицких князей братьев Стоигнева и Накона, озлобленных на немцев (955 г. в начале великого поста). Те тотчас отказались от повиновения германской власти. Германн Биллунг повел войско и невзначай напал на город Светлустрану⁽¹²⁸⁾, где они находились, чуть-чуть он не взял города и не схватил их живьем, но кто-то закричал, и славяне бросились к оружию и оттиснули немцев. Впрочем 40 вооруженных людей с их стороны пало, и доспехи их остались в руках немцев. Сколько потерпело войско Германново, не говорит саксонский летописец, но, видно, потеря была не малая, потому что храб-

⁷⁸ Имена епископства и вопрос, как мог Оттон их получить? 949. Бра-ниборский епископ по смерти Титомира. Giess. 175, 176. Leutsch. 75.

⁷⁹ 954 Widuk. III, 42, Slavi. qui dicuntur Uchri a Gerone cum magna gloria devicti, cum ei praesidio esset dux Conradus a rege missus. Præda inde ingens ducta; Saxoniarum lætitia magna exorta. NB. Wid. III, 54. Gero denique olim licet multus gestis insigniis clarus haberetur, jam tamen magnus ac celebris ubique prædicabatur, eo quod Slavos qui dicuntur Uchri cum magna gloria cepisset.

рый герцог, ничего не предпринимая далее, отступил от Светлой страны и воротился в Саксонию.

Тогда сами славяне (после Святой, 15 апреля) вторглись в Саксонию, предводимые Вихманом. Герцог Германин пошел было им навстречу с войском своим⁸⁰, но раздумал, увидав, что неприятель был многочислен и силен, а его войско небольшое, и боясь притом важных предприятий при внутреннем расстройстве Германии. Огромное множество народу стеклось в город *Cocarescemiorum*⁸¹ ([нынешнее] имя этого города неизвестно), не надеясь на безопасность других мест. Германин велел им просить мира и выговорить его на каких бы то ни было условиях. Те послушались и заключили мир со славянами на том условии, что свободные люди с женами и детьми перелезут через городскую стену без оружия, а рабы, оружие и вся их собственность будет оставлена в городе победителям. Славянам открыли ворота, и они ворвались в город, чтобы смотреть за исполнением договора. Но тут один из них вдруг увидал прежнюю рабыню свою, теперь жену одного немецкого свободного простолюдина⁸², которую тот хотел вывести. Он схватил ее и хотел отнять у немца, но тот ударил его кулаком. Славянин кричит, что договор нарушен саксами, и все бросаются на них бешено – видно, [365]ожесточение со стороны славян было ужасное. Началась резня, и славяне перерезали всех взрослых. Одних жен и детей пощадили, но увели пленными к себе. Славяне воротились в свою землю. Германин не смел их преследовать.

Но вскоре император Оттон, который был в Баварии, занятой междоусобием с сыном своим и потом войной с венграми, одержав над последними великую победу близ Аугсбурга, немедля пошел в Саксонию для покорения славян. Славяне увидели, что сделали дело недоброе и послали к нему посольство с повинною. Они все вместе соглашались⁸³ опять платить дань королю, но с тем, чтобы им оставаться при своем устройстве и во владении своих земель. При таком условии они хотели жить в мире с немцами, иначе сложат головы свои за свободу. Император отвечал, что согласен на мир с ними, но ни в каком случае не простит им убиения своих подданных: пусть они дадут удовлетворение и накажут виновных. Не дождавшись, однако же, ответа, он повел свое войско в их землю и стал на пути все истреблять и жечь. Славяне также собрали большое войско

⁸⁰ Præsidio.

⁸¹ NB.

⁸² Libertus.

⁸³ NB.

из разных племен⁸⁴. Только руяне им не помогали, а, напротив, стали за немцев, и неизвестно почему; видно, другие славянские ветви как-нибудь оскорбили их, которые считались главою всех их и, может быть, требовали от других тягостного повиновения, и они, не имев еще никакого столкновения с Германской империей⁸⁵ и не предвидя от нее опасности, решились действовать заодно с немцами против своих соплеменников.

Теснимые и немцами, и руянами славяне засели в неприступном месте за р. Дошею за большим лесом и пространным болотом. Сюда подошли почти в одно время и Оттон с немецким войском, и руяне. Подойдя с болота, в котором протекала Доша, император попал в трудное и неловкое положение. Вдруг окружили его славяне. За ним сзади лежал лес, им пройденный, по которому отступить было нелегко, да притом славяне заняли его, зайдя ему в тыл, и стали рубить деревья и сваливать на дорогу и сами засели там, чтобы иметь дорогу в своей власти. Спереди немцы наткнулись на реку и на болото, да на огромное войско славян, которые не давали неприятелю времени строить гать и мост и пресекли ему все пути. Притом же немцы начали страдать голодом, и показывались у них болезни. Так прошло немало времени. Наконец император решился как-нибудь выпутаться из своего положения и послал к Стоигневу, князю бодричей, верного маркграфа Герона, человека смелого и хитрого, имевшего всю жизнь свою дело со славянами и, без сомнения, знавшего их во всей тонкости. Ему поручалось склонить Стоигнева на сторону императора и обещать ему выгоды от дружбы [366]с ним. Но Герон, подъехав, сколько можно было ближе к славянскому стану, крича через болото и реку, приветствовал бодричьего князя. Тот отвечал ему также вежливо. «Еще бы ты дрался с нашим братом, слугою моего государя короля: а то вздумал сражаться против самого государя. Что у тебя за войско, что за оружие, чтобы ты смел взяться за такое дело? Есть у вас сила? Есть искусство, есть отвага? Так покажите: дайте нам перейти на вашу сторону или сами переходите сюда, и на ровном месте посмотрим, кто кого храбрее». Стоигнев, скаля зубы, по славянскому обычаю (прибавляет летописец), и сильнейшим образом ругаясь, стал насмехаться над Героном и самим королем и надо всем войском немецким. Он знал, в какой они были беде. Герон, человек горячий, вспылil. «Завтрашний день, – говорит, – покажет, ты и народ твой каковы в бою: молодцы ли или трусы? Завтра сразимся наверное, во что бы то ни стало». С тем Герон

⁸⁴ По полож[ению р.] Доши.

⁸⁵ Грамота Корвея (Корвейского монастыря. – *Ред.*).

и воротился назад в стан к своим и рассказал все, как было. Император в ту же ночь поднял войско и велел стрелять в славян из луков и других орудий, чтобы вызвать их на битву, и при этом показывать вид, что хотят силою овладеть переправой через реку и болота. Славяне по угрозам Герона того и ожидали и также решились сразиться и напрягли все свои силы на защиту переправы (16 октября). А между тем Герон, приняв начальство над руянами, потихоньку вышел из стана и отойдя на несколько верст⁸⁶, незамеченный неприятелем, велел им соорудить три моста через болота и Дошу – вообще славяне для таких работ годились гораздо более, чем немцы, неповоротливые и тяжело вооруженные, – и подал весть императору. Все войско тронулось к переправе, и тогда только славяне заметили и бросились туда же: но им предстоял большой обход, и дорога была от них длиннее: притом они были почти все пешие, а у немцев было, без сомнения, как всегда, много конных. Войско Оттона было уже на той стороне, пока славяне добежали, усталые и запыхавшиеся. Они уже не могли устоять против немецких всадников⁸⁷, и, обратившись в бегство, были догоняемы и избиваемы. Стоигнев со слабой конницей славянской не смел вступить в бой и, стоя на возвышении, ждал, чем дело кончится. Увидев бегство своих союзников, он сам побежал также и скрылся в каком-то лесу с двумя спутниками. Тут нашел на него какой-то немецкий воин, по имени Гозед (Hosed). Они стали биться рукопашным боем; наконец Стоигнев ослаб, и тот обезоружил его и отсек ему голову. Одного из спутников Стоигнева он поймал живьем и представил его императору вместе с головой и доспехами князя. Этим подвигом прославился Гозед и получил от императора *donativum cum reditu 20 mansuum*⁸⁸. В самый день битвы немцы напали на стан славянский, и тут много погибло или попало им в руки [367]славян, и резали они их весь день до вечера, и с вечера до поздней ночи. На другой день принесли голову Стоигнева и поставили на поле, и вокруг нее отрубили головы семистам пленным, а у главного сподвижника и советника⁸⁹ Стоигнева выкололи глаза да отрезали язык и оставили его так, живого, но беспомощного, между трупами. Вихман и Эгберт, зачинщики этого восстания, спаслись: убежали во Францию к герцогу Гугону (Капету)?⁹⁰

⁸⁶ Milliarium – одну милю.

⁸⁷ Milites.

⁸⁸ NB.

⁸⁹ Cosiliarius.

⁹⁰ Igitur, ut supra retulimus, cum deficeret in ratione reddenda contra suum patrum Wichmannus, intra palatium custoditur. Cum vero rex in Baioariam pro-

ficisi vellet (loquitur de expeditione anni 954), simulata infirmitate ipse iter negavit; unde monitur ab imperatore, qua destitutus a patre et matre loco filiorum eum assumpserit liberaliterque educaverit, honore paterno promoverit, rogatque, ne ei molestiam inferret cum alia plura gravaretur. Ad hæc nichil utile audiens imp. discessit, commendato eo Iboni comiti. Aliquantis diebus cum eo degens, petit post hoc venandi gratia silvam ire liceret. Ibi abscondits socios secum sumens, perrexit in patriam et occupatis aliquibus urbibus, juncto sibi Ecberhto, arma sumit contra imperatorem. Industria autem ducis Herimanni facile eos oppressit trans Albiamque coegit. Illi cum se sensissent duci resistere non posse, sociaverunt sibi duos regulos barbarorum, Saxonibus jam olim infestos, Naconem et fratrem ejus. 51 Ductus exersitus a duce, reperti sunt in urbe quo dicitur Suithlescranne, et pene erat, ut cum urbe caperentur nisi clamore cujusdam citarentur et ad arma prosilirent; cæsis tamen ante portam urbis ad 40 armatis cæsorumque spoliis potitus dux Herimannus discedit. Erant autem qui eum adjuvarent Heinricus præses cum fratre Sifrido, viri eminentes et fortes, domi militiaque optimi. Facta sunt autem hæc initio quadragesimalis jejunii. 52 Barbari vero post proximum pascha, irruunt in regionem, ducem habetes. Wichmannum, ad facinus tantum, non ad imperium; nullam moram agens sed et ipse dux Herimannus cum præsidio militari adest vidensque exercitum hostium gravem, sibique parvas admodum belli copias affore, civili bello urgentes, arbitratus est consultius differre certamen in dubiis rebus constituis, multitudinique imperare, quæ maxima in unam urbem confluxerat, dum cæteris diffiderent, quoquo pacto possent, pacem exportularent. Quod tatem consilium milites ægre valde tulerunt et maxime Sifridus, qui erat bellator acerrimus. Faciunt tatem cives Cocarescemiorum, ut dux imperarat, pacemque eo pacto obtinent, quo liberi cum uxoribus et nati supra murum inermes ascenderent, conditione servili et omni suppellectili in medio urbis hostibus relicta. Cum intra urbem irreurent barbari quidam illorum suum mancipium agnoscit in cujusdam liberti uxore; quam cum rapere de manu viri niteretur, ictum pugni accipit irritumque pactum ex parte Saxonum proclamitat; unde fit ut omnes ad cædem verterentur nullumque relinquerent, sed omnes perfectæ ætatis neci darent, matres cum natis captivos ducerent 53 Quod scelus imp. ulcisci gestiens, victoria jam de Ungariis patrata, regiones barbarorum hostiliter intravit. Consultum de Saxonibus qui cum Slavis conspiraverant; judicatum est Wichmannum et Ecbertum pro hostibus publicis habere oportere, cæteris vero parcere, si quidem remeare vollenissent ad suos Aderat et legatio barbarorum, tributa socios ex more velle persolvere nuntians, *cæterum dominationem regionis velle tenere*; hoc pacto pacem velle, alioquin pro libertate armis certare. Imperator ad hæc respondit, pacem quidem eis nequam negare, sed omnimodis dare non posse, nisi injuriam perpetratam digno honore ac emendatione purgarent; omniaque vastando et incendendo per illas regiones duxit exercitum, donec tandem, castris positus super Raxam (*Rukenitz* in Meklemb.?) fluvium ad transmeandum paludibus difficillimum, ab hostibus circumfunditur. A tergo namque via arborum robore obstruitur, eademque armatorum manu vallatur; ex adverso fluvius fluvioque contigua palus, et cum ingenti exercitu Slavus, bellatores et ab opere et ab itinere prohibens. Vexatur autem alliis incommodis exercitus, morbo pariter ac fame. Dum talia agerentur per plures dies, mitti-

tur ad principem barbarorum qui dicebatur Stoinef, Gero comes, quatinus imperatri se dedat, amicum per id adepturum, non hostem experturum. 54 Erant quippe in Gerone multæ artes bonæ, bellandi peritias, in rebus civilibus bona consilia, satis eloquentiæ; multum scientiæ et qui prudentiam suam opere ostenderet quam ore; in acquirendo strenuitas, in dando largitas et quod optimum erat, ad cultum divinum bonum studium. Igitur præses super paludem et flumen, cui palus adjacens erat, barbarum salutabat. Cui Slavus æqualia respondit. Ad quem præses: Satis tibi esset, si bellum gereres contra unum nostrum de servis domini mei, et non etiam contra dominum meum regem. Quis tibi exercitus, quæ arma, ut talia præsumas? Si aliqua vobis virtus adsit, si artes, si audatia, date nobis locum ad vos transeundi, sive nos vobis huc veniendi, et æquato loco fortitudo appareat pugnatoris. Slavus barbarico more frendens, et multa convicia evomens, irrisit Geronem imperatoremque et omnem exercitum, sciens eum multis molestis aggravatum. Gero ad hæc commotus, ut erat animi ardentissimi: Crastinus, inquit, dies declarabit, tu et populus tuus fortes viribus sitis, an non; cras enim nos vobiscum congregientes procul dubio videbitis. Gero denique olim licet multis gestis inigniis clarus haberetur, jam tamen magnus ac celebris ubique prædicabatur, eo quod Slavos qui dicuntur Uchri cum magne gloria cepisset. Gero reversus in castra retulit quo audierat. Imperator vero de nocte consurgens, jubet sagittis et aliis machinis ad pugnam provocare et quasi vi flumen paludemque transcendere velle. Slavi autem hesternæ comminatione nichil aliud arbitrati, ad pugnam pariter conspiravere, iter totis viribus defendentes. At Gero cum amicis Ruanis miliario ferme uno a castris descendens, hoste ignorante, tres pontes construxit et misso nuntio ad imp. totum exercitum revocavit. Quo viso barbari et ipsi obviare legionibus contendunt. Pedites barbarorum dum longiorem viam currant et certamene ineunt, fatigatione dissoluti, militibus citius cedunt: nec mora dum fugæ præsidium quæerunt, obtruncatur. 55 Stoinef autem colle eminenti cum equitibus eventum rei expectabat; socios inire fugam cernens, fugit et ipse, lucoque quodam cum 2 satellitibus repertus, a viro militari, cujus vocabulum erat Hosed, certamine fatigatus armique nudatus, cæpite cæsus est. Satellitum alius vivus captus, imperatorique cum capite et spoliis reguli ab eodem militæ præsentatus est. Ex hoc Hosed clarus et insignis habitus; merces tam famosi gesti donativum imperiale cum reditu 20 mansuum. Eo die castra hostium invasa et multi mortales interfecti vel capti, cædesque in multam noctem protrahabatur. Postera luce caput subreguli in campo positum, circaque illud septingenti (al. septuaginta) captivorum capite cæsi, ejusque consiliarius, oculis erutis, lingua est privatus, in medioque cadaverum inutilis relictus. Wichmannus vero et Ecbertus scelerum conscii in Galliam profecti, ad Hugonem ducem fuga elapsi sunt. Widuk., III.

NB. 955. Ann. S. Gall. maj. Eodem anno Otto rex et filius ejus Liutolf en festivitate S. Galli pugnaverunt cum Abatarenis et Vulcis et Zcirizspanis et Tolonsenis et victoriam in eis sumsit, occiso duce illorum nomine Stoignavo, et fecit illos tributarius.

По Флодоарду 955 помогал ему король чешский Болеслав.

Эту битву сравн. совр. по значению великости с Аугсбургскою, но не совсем так: у Dönniges см. об Аугсб. *любот.* зародыш Австрии.

Thietm. II, 6. Dum hæc aguntur (война с Венгр.) ex parte Sclavorum bellum

Но в другой, Турингской, уkraine маркграф Дитрих, заступивший место Герона, сопровождавшего Оттона, продолжал войну с славянами, не дожидаясь помощи от короля, в то время, когда в Баварии бушевали венгры⁹¹. Ему, впрочем, не посчастливилось, он замыслил взять какой-то славянский город и уже дошел было до ворот, идя неприятелю в догон, овладел городом, зажег его, жителей перебил или полонил, и возвращался, когда город был весь выжжен. Как вдруг славяне, возвращаясь назад, чтобы идти на немцев, подцепили его, как войско его переходило болото, близкое оттуда, и половина уже прошла, а другая забилась в топь, вязла и погязала, и нельзя было ни взад, ни вперед, ни сражаться, ни бежать. В это время и напали славяне сзади, со стороны оставленного немцами города, который они было оставили, убили до 50 человек воинов, а прочих заставили бежать самым жалким образом⁹².

ingruīt horridum, horatu Wigmanni comitis et Ekberhti, ducatu autem Nacconis et Stoinnegui fratris ejus. Quos Herimannus dux superare diffidens, regis petivit auxilium. Hic ut erat impiger, milicia forti aquilonares invadit regiones, malum sepiissime ut scriptura docet, pandentes (Jer. 1, 14); ibique Stoingneum, luco absconditum, fugientibusque sociis captum, decollari precepit, confratres autem tanti scelleris auctores, Wigmannum materteræ regis fiiium et Ekberthum fugavit. Liudulfus, regis filius... Italiam perrexit... ibi obiit. De Tam miserabili fama rex in expeditione, qua fuit adversas Redarios, supra modum turbatus, planxit filium.

⁹¹ Рассказ. начало церкви и монастыря в Nuenburg. Во время Оттона I Hidda, сестра Герона, герцога и маркграфа и графа Сифрида, основала монастырь в castro ubi Sala et Boda сливаются, Northringen. Contigit inter haec castrum ipsum a Slavis Transalbinis capi, quod Dithmarus marchio (сын ея) multis quidem suorum perditis, recuperavit, qui occisi partim ibi repulsi sunt; qui etiam nostris temporibus crebro cum armis suis, ita ut nec calioribus carerent, reperti sunt.

⁹² 955 Widuk. III, 45. Во время войны с венграми в Баварии, varie pugnatum est a praeside (W. употр. praeses Markgraft) Thiadrico adversus barbaros. Cum capere nisus esset quandam urbem illorum, usque introitum portæ persecutus est adversarios, cogens illos intra murum, oppido potito et encenso, et omnibus qui foras murum erant captis vel interfectis. Cum jam incendium extincto reverteretur, et paludem, quae erat urbi adjacens, medietas militum transisset, Slavi videntes nostros in arto sitos propter difficultatem loci, nec copiam habere pugnandi nec locum adeo fugiendi, insequiebantur a tergo revertentes clamore magno. Peremerunt ex eis ad 50 viros, foeda fuga nostrorum facta.

Но ни поражение, ни казни еще не сломили славян. Ратаре продолжали войну и вынудили самого императора идти на них. Об успехе похода ничего не говорится (957 г.)⁹³. Но пока он занят был этой войной, и всё войско саксов находилось в земле славянской, старый противник его и мутитель славян⁹⁴ Вихман, тайком оставил Францию, безопасно пробрался в Саксонию, где жила жена его. Недолго побыл он у нее: поцеловал и отправился к славянам⁹⁵. Тотчас был опять отправлен против него Герон с войском, но Вихман помирился с ним и спокойно воротился домой, а славян без него побили. Но они еще не поддались, еще в 595 и 960 годах Оттон ходил на них войной: при первом походе был убит (маркграф?) Дитмар. Но подробности об этих походах неизвестны.

Настали для балтийских славян времена тяжелые. Все они почти подпали под немецкое владычество, которое после вторичного покорения должно было гнести [370] сильнее прежнего. Теперь даже самые отдаленные от Эльбы ветви их пришли в прямую зависимость от немцев, сделались не только данниками, а подданными их: укряне, речане, ратары, доленчане, черезпеняне, — все эти племена, жившие далеко от немецкой границы, у Одеры и на берегу моря, против Руси^{96, 1341}. С них взималась ежегодно подать деньгами, в землях их находились имения императора и некоторых сподвижников его. Вся землю балтийских славян разделили на 18 волостей (*pagi, gaue*), по немецкому обычаю, и, вероятно, каждую волость вручили, для главного управления и наблюдения за туземцами, немецкому графу, как делалось всегда. Христианство, распространяемое страхом и влиянием богатства и силы, распространялось необыкновенно быстро: из всех 18 волостей только 3 остались при язычестве; прочие 15 приняли крещение⁹⁷.

Трудно сказать, получили ли славяне то, чего просили у Оттона, т. е. независимости внутреннего распорядка под верховной властью Германии. Едва ли, по крайней мере, при нраве Оттона трудно вооб-

⁹³ Sept 6. 957. Wid. III, 58. Liudulfus, сын Оттона, род. в Италии; *litteræ autem obitus eius allatæ sunt imperatori, cum esset in militia, qua militavit contra Redarios.*

958. Widuk. III, 61 *Peracta cæde barbarorum.*

959. Cont. Reg. Rex iterum Sclavos invasit, ubi Thietmarus occiditur.

960. Cont. Reg. Rex iterum pergit in Sclavos.

⁹⁴ NB. Wid. см. Dönn.

⁹⁵ Dönniges. 61. NB. Wid, II, 59.

⁹⁶ Hasselb. 24. NB. Эти племена покорены позже.

⁹⁷ Ad. II, 24.

разить себе, чтобы он, победитель, дал разбитым славянам то, что они хотели во время минутной своей свободы. Действительно, к этому времени должна быть отнесена новая небывалая у славян мера, которая вводила к ним новое устройство на немецкий лад.

При учреждении волостей должна была уменьшиться или исчезнуть власть природных князей славянских, хотя их оставляли там, где они были. На севере, у бодричей, менее пострадавших от немцев, и вагров остались князья. Брат несчастного Стоигнева, наконец покорившись, был, видно, прощен Оттоном и княжил смирно у бодричей, платя исправно дань германской казне. Но дело другое было у славян ближе к Турингской Украине, к руке громителя Герона. Тут уже кончились природные князья. Немецкая власть, светская и духовная, правительствовала⁹⁸. Чтобы еще более усилить и развить действие немецкого духовенства между славянами, Оттон задумал основать архиепископскую кафедру на самой границе их земли, в Магдебурге⁹⁹, лежавшем против земли Стодорской, почти в середине между обеими славянскими украинами, северной (Саксонской) и южной (Турингской). Таким образом, на самом месте действия сосредоточивалась немецкая духовная власть над славянами, тогда как прежде духовенство за Эльбой зависело от далекой Майнцской митрополии, ничего не знавшей о тамошних отношениях. Мысль эта долго носилась в голове Оттона. В самом начале своего царствования основал он в Магдебурге большую церковь с монастырем во [371] имя св. Маврикия и мало-помалу расширял круг ее действия на славян: сначала дал ей десятину с продажи и заработка с соседних племен славянских: морачан, лешичей и гаволян¹⁰⁰; потом (955 г.) дал ей поместья у прилегающих к морачанам сербских ветвей нелетичей и нудичей; прибавил к тому десятую часть немецких доходов с отдаленных племен... и наконец...¹⁰¹

Несколько лет длились переговоры об основании нового архиепископства и, наконец, преодолев все препятствия, которые возбуждались завистью и корыстолюбием значительнейших духовных лиц Германии и поминутною в то время сменой пап, в 968 году исполнил давнишнее свое намерение и назначил в Магдебурге архиепископом всех славянских народов, за Эльбой и Салой живущих, обращенных или долженствовавших быть обращенными, Адальбер-

⁹⁸ Грам. (?)

⁹⁹ NB. Место искусно выбранное для централ. слав., но в чисто немецком городе.

¹⁰⁰ Boysen I, 76. Meibom I, 741. Boysen 91, 96, 97, 156.

¹⁰¹ NB. Gies. 195, Meib. 748. Gerch. VIII, 633. III, 35, 40. Boysen I, 155, 103.

та епископа, прежде определенного и посланного проповедником Руси^{102, [35]}. Ему подчинены были прежде основанные епископства, Гавельбергское и Браниборское, и вновь основаны, под его же ведением, 3 епископства в славянской земле, у предлабских сербов, давно уже поработенных, Мерзебургское и Житицкое, у залабских, покоренных или покоряемых, – Мышинское. В императорском повелении, установившем это дело, предписывалось новому архиепископу, епископам и графам, которые соберутся на сейм в том же году, изыскать средства, обеспечить новых епископов, чтобы они *не были бедны и похожи на простых людей*¹⁰³.

[372]

[VII]

[Мечислав Польский]

Так завершил Оттон В. свою деятельность для прикрепления славян к Германии посредством духовной власти. Ловко и умно выбрал он место для архиепископа балтийских славян: в Магдебурге, в самом близком их соседстве, в городе чрезвычайно важном и в военном, и в торговом отношении, самом крепком и деятельном поселении немцев на Эльбе. Он умел, таким образом, соединить и бли-

¹⁰² 968. Ad. II. 13. Adalbertus... primus, in Magdeburg ordinatus, 12 (собств. 13) annis strennue pontificatum administravit multosque Sclavorum populus prædicando... convertit.

¹⁰³ NB. Ges. 201. 968. Pertz leges II, 561. In nomine s. et individue Trinitatis. Otto divina farente clementia imp. augustus, omnibus fidelibus nostris, episcopis scilicet et comitibus ceterisque comprovincialibus, aeternam in Domino salutem et omne bonum.

Quoniam augmentum divini cultus salutem et statum esse regni vel ingerii nostri credimus, idcirco cunctis quibus posse suppetit modis hoc amplificare tendimus et desideramus. Igitur Magadaburgensi civitate, sicut omnium vestrorum novit caritas, archiepiscopalem sedem fieri desiderantes, oportunum etiam nunc temporis ad hoc peragendum tempus invenientes, consilio venerabilis archiepiscopi Hattonis et Hildewardi episcopi ceterarumque fidelium nostrorum, virum venerabilem Adalbertum episcopum Rugis olim prædicatorem destinatum et missum, archiepiscopum et metropolitanum totius ultra Albiam et Salam Sclavorum gentis, modo ad Deum conversæ vel convertendæ, fieri decrevimus pariter et elegimus, quem et Roman, pro pallio dommo papa suscipiendo direximus, Et ut hec nostra electio firmior et subnixior fiat, eum vestræ caritati dirigimus et ut a vobis omnibus et vobum acclavatione et manuum elevatione electus, suæ sedi inthronizetur, omnimodis desideramus. Ne vero hæc ejus electio vel inthronozatio futuris,

зость от паствы, и преобладание немецкого влияния, ибо Магдебург был, несмотря на соседство славян, искони чисто немецкий город, и в нем-то сосредоточил он всю духовную, христианскую жизнь всех балтийских славян от Эльбы до Одеры, от Пены до чехов.

Пока еще устраивалось дело о Магдебургской митрополии, в соседстве длилась борьба славян с немцами, и вмешалось в нее новое, славянское государство, но не в пользу своим собратьям, а к их вреду и гибели. Тут впервые показали поляки свою деятельность. Неизвестно по какому случаю они поссорились с соседними племенами балтийских славян: вероятно, польский князь Мечислав хотел присоединить их к своему государству. Где именно и как велась война, также неизвестно. Балтийские славяне воспользовались в ней приятелем своим Вихманом, который, находясь под надзором и порукою у Герона, опять начал шуметь, грабить на больших дорогах и бунтовать, и был за то им выгнан из Германии. Довольные, видно, его искусством славяне опять приняли его радушно (963 г.) и поставили своим предводителем. Очень удачно вел он их против поляков: с прибылью сразился с ними несколько раз, разбил два раза самого Мечислава, убил его брата и взял с людей его богатую добычу. Кончив дело с поляками, Вихман отправился в иное место искать счастья и тревоги: такой беспокойной головы редко находили на свете. Поприще представили ему бодричи и вагры, его старинные знакомые¹⁰⁴. Они в то время поссорились между собой из-за старинной от

quod absit temporibus aliquorum valeat invidia molestari, tres ab illo episcopos, unum Merseburgo, alterum Citicæ, tertium Misni in præsentia legatorum domini papæ et vestra volumus ordinari, ut hæc eadem præsentia vestra ante Deum et sanctos ejus intentionis nostræ sit testis futura. Et quia vir venerabilis Bonso multum jam in eadem Sclavorum gente ad Deum convertenda sudavit, inter Merseburgensem et Citicensem ecclesiam, quam velit electionem habeat. Altera vero secundum convenientiam nostram in dispositionem archiepiscopi nostri cedat. Vos autem marchiones nostros, Wigbertum scilicet, Wiggerum et Gunthericum fidelitate nobis debita obtestamus et admonemus, ne quid in hac ordinationi archiepiscopo nostro in vobis obnitat, sed secundum dispositionem nostram et suam, ut vobis dixeret, fiat. Et quæcumque ab illo audieritis (Cf. Sagittarius instit arch. Magdeburgensis) nos velle sciatis. Ne vero idem episcopi qui ordinandi erunt, pauperes et *villanis similis* æstimentur, volumus caveatis et consilio archiepiscopi et eorum qui cum illo in natale Domini erunt, episcoporum et comitum, qualiter sustententur inveniatis. Quicquid enim illis impenditur, pro nostra Deo salute, offertus, vestraque per hoc merces apud Deum non minorabitur. Super hæc domni episcopi Dudo (Havelberg) et Dondelinus (Brand.) in archiepiscopi nostri electione volumus ut subscribat et fidem subjectionemque illi promittant.

¹⁰⁴ NB. Выставить прямию.

родителей перешедшей вражды князей их, Местивоя Бодрицкого и Желибора Вагрского. Так как они находились под начальством Германа, герцога Саксонского, то они перед ним все обвинили друг друга и наконец дошло [373] дело до суда¹⁰⁵. Германн нашел Желибора виновным и присудил его к уплате 15 talenta серебра. Желибора это взорвало, и он отказался от повиновения немцу и приступил к войне. Но мало было у него войска¹⁰⁶, и он послал звать к себе Вихмана с его дружиною. Тому ничего не могло быть приятнее: потревожить и своего дядю, который, ему казалось, взял его наследство, было ему наслаждение. Тотчас поднялся он и вскоре явился к ваграм со своими людьми. Но едва только успел он войти в город вагров (вероятно, Староград), как подступили бодричи, а потом и Германн с немецким войском. Через несколько времени Вихман с немногими спутниками, по совету ли чьему, или так, вышел из города¹⁰⁷, как будто бы затем, чтобы добыть себе помощь у датчан. Немного времени спустя уже не хватало у осажденных хлеба и корма скоту, и томясь от голода и воня павших животных, вагры сдались. Дивились современники такому поступку, не хотели верить, чтобы человек, с детства привыкший к войне, каков был Желибор¹⁰⁸, мог так бестолково распорядиться и не принять каких-нибудь мер к обороне. Думали, что вся война была притворная и дело подведено было так саксонским герцогом, чтобы заманить Вихмана и схватить его: дядя, говорили, хотел поймать своего заблудшего племянника и отправить его в Германию для спасения души; а то он всё возился со славянами и чуть не позабыл совсем, что христианин.

Подкрепление всем этим догадкам видели в том, что, когда город сдавался и герцог стал говорить Желибору очень круто об его предательстве и мерзких поступках, он получил такой ответ: «За что ты меня бранишь, называешь предателем и изменником? Посмотри, по моей милости вот стоят без оружия люди, которых тебе ведь не удалось победить, ни самому государю твоему, императору». Герцог смолчал и, отняв у него власть, передал ее сыну его, бывшему прежде у него заложником. (Жителей вывел он из города), роздал своему войску найденную там добычу, выставил на посмеяние своим людям чугунный идол одного бога (Сатурна), разными способами наказал сопутников Вихмана и воротился домой. Услышав обо всем происшедшем, Вихман бросился на восток, к языческим племенам славянским, чтобы хлопотать о новом предприятии. Теперь он стал подстрекать волынцев и ратарей против Мечислава, польского князя, которого, видно, не возлюбил за дружбу его с императором. Дело,

должно быть, показалось Мечиславу немаловажным¹⁰⁹, потому что, узнав о затеянном походе, он послал просить помощи у *тестя*¹¹⁰, своего чешского короля Болеслава, и [374]получил от него два полка конницы. Вихман действительно повел на него славянское войско. Мечислав, когда они сошлись близко, послал против него свою пехоту и велел им, схватившись с Вихманом, понемногу все отступать и отманить его от стана, между тем пустил конницу в обход, чтобы она обрушилась на него с тылу. Попавшись между двумя неприятельскими строями, Вихман захотел было бежать, но окружившие его начали укорять его: «Тебе легко нас привести на битву, а там, как стало опасно – ускакать на коне, и оставить нас, пехоту». Пришлось ему слезть с коня и сражаться пешим, как его товарищи, и бился он храбро и отважно, спасаемый латами от ран. Наконец славяне были разбиты, и поляки остались победителями на поле битвы. Весь день и всю ночь провел он не евши и в латах; наконец, утром рано, утомленный тяжестью брони и совершенно отошав, завернул он с несколькими из своих на двор к одному поселянину. Но, к его несчастью, сюда же пришли и начальники польского войска, и по оружию его догадались, что то был знатный человек. Спросили, кто он такой, и он объявил, что Вихман. Поляки потребовали, чтобы он отдал свое оружие, и обещали, что представят его без обиды своему князю и испросят, чтобы он невредимо отправил его к императору. Но он, хотя и был в крайности, но гордясь старинной знатностью своего рода и собственным достоинством, счел для себя унижительным отдать им оружие и протянуть руку в знак верности, и попросил, чтобы доложили о нем Мечиславу и сказали, что пред ним он хочет положить оружие и ему протянуть руку. Но как они пошли к Мечиславу, ввалило на двор, где он был, множество простого народу из польского войска, и напали на несчастного Вихманна; он хоть и усталый, храбро дрался и многих убил; но, наконец, изнемогая, взял меч свой и отдал лучшему из неприятелей и сказал: «Возьми мой меч и отнеси к своему князю; пусть он примет его в знак победы и пошлет к императору, своему другу, чтобы знал император, что может либо посмеяться над убитым врагом, либо оплакать павшего родственника». Сказавши, оборотился на восток и, призывая Бога на родном языке, испустил дух (967 г. 22 сент.), и кончилась жизнь, вся исполненная горя, бед и волнений¹¹¹.

¹⁰⁹ NB. Сила их.

¹¹⁰ ?

¹¹¹ 963, Widuk. III, 66. Gero... comes non immemor juramenti, cum Wichmannum (958 В. покорился и клялся в верности Оттону) accusari vidisset rem-

que cognovisset, barbaris a quibus cum assumpsit, restituit. Ab eis libenter susceptus, *longius degentes barbaros* crebris proeliis contrivit. Misacam regem, cujus potestatis erant Slavi qui dicuntur Licicaviki, duabus vicibus superavit, fratemque ipsius interfecit, prædam magnam ab eo exorsit. 67. Eo quoque tempore Gero præses Slavos qui dicuntur Lusiki potentissime vicit et ad ultimam servitutem cœgit, non sine sui tatem gravi vulnere nepotisque optimi viri casu, cæterum quaque quam plurimorum nobiliem virorum. 68 Erant duo subreguli, Hermannu duci inimicitiae a patribus vicariae relictæ, alter vocabatur Selibur, alter Mistav. Selibur præerat Waaris, Mistav Abdritis. Dum invicem quam sæpe accusantur, victus tandem ratione Selibur, condemnatus est 15 talentis argenti a duce. Eam dampnationem graviter ferens, arma sumere contra ducem cogitavit. Sed cum ei belli copiae non sufficerent, missa legatione, postulat præsidium ab Wichmanno contra ducem. Ille nichil jocundius ducens, quam aliquam molestiam inferre posset patruo, cito cum siciis adest Slavo. Ut autem suscipitur in urbem Wichmannus, statim urbs obsidione vallatur ab inimico. Ductus quoque exercitus a duce urbem obsedit; interim, casu nescio an prudenti consilio, Wichmannus cum paucis urbem est egressus, quasi ad extrahenda sibi de Danis auxilia. Pauci dies intererant, dum victus bellatoribus et pabulum jumentis defecerat. Fuerunt etiam qui dicerent, Slavum speciem quidem belli gessisse, non verum bellum, incredibile omnimodis fore, hominem a puero bellis assuetum bellicas res tam male præparatas habuisse; sed id consilii machinatum ducem, ut quoquo pacto posset nepotem vinceret, ut saltem in patria salutem recuperaret, quam inter paganos penitus perdidisset. Fame itaque urbani ac foetore pecorum aggravati, urbe egredi sunt coacti. Dux Slavum austerius aloquens, de perfidia et nequam ejus actibus arguit, hocque ab eo responsi accepit. Quid me, inquit, de perfidia arguis? Ecce quos nec tu, nec dominus tuus imperator vincere potuistis, mea perfidia inermes assistunt. Ad hæc dux conticuit, cum suæ ditionis regione privans, filio ipsius, quem antea obsidem accepit, omni ipsius potestate tradita. Milites Wichmanni variis pœnis affixit, urbis prædam suis militibus donavit, simulacro Saturni (Saturnum glossæ Boëmicæ ab Hanka editæ Sytiwrat appellant) ex ære fuso, quod ibi inter alia urbis spolia repperit, magnum spectaculum populo præbuit, victorque in patriam remeavit. 69 Audiens autem Wichmannus urbem captam sociosque oppressos, ad orientem versus iterum se paganis immersit, egitque cum Slavi qui dicuntur Vuloini, quomodo Misacam amicū imperatoris, bello lacerarent; quod eum minime latuit. Qui misit ad Boliszlavum regem Boëmiorum, gener enim ipsius erat acceptique ab eo equitum acies duas. Cumque contra eum W. duxisset exercitum, pedites primū ei immisit, cumque ex jussu ducis paulatim coram Wichmanno fugerent, a castris longius protrahitur equitibus a tergo inmissis, signo fugientes adversionem hostium monet. Cum ex adverso et à post tergum premeretur W. fugam inire temptavit. A sociis igitur arguitur sceleris, quia ipse eos ad pugnam instigaverit, fidensque equo, cum necesse fuerit, fugam facile inierit. Coactus (21 Sept.) itaque equo cessit, pedestris cum sociis certamen iniit, eoque die viriliter pugnans armis defenditur, Jejunio autem et longiori via, qua per totam noctem armatus incessit, mane cum paucis admodum aream cujusdam jam fessus intravit. Optimates autem hostium cum eum reperissent, ex armis agnoscunt, quia vir eminens esset, interrogatusque ab eis quisnam

После смерти Вихмана заключен был мир между волынцами и рата[375]рями и немецкой стороной, к которой принадлежал и Мечислав Польский¹¹². Донесли Оттону в Италию обо всем бывшем. Он отвечал следующим письмом:

[376]Оттон, Божию милостию император Август. Германну и Дитриху герцогам и прочим властям нашего государства милость и приветствие (*omnia amabilia*)... Нам угодно, чтобы с ратарями, если они потерпели такое поражение, о каком мы слышали, – вы знаете, как часто они нарушали верность и сколько наносили обид – не было вам мира. Потому, обсудив все это с герцогом Германном, употребите все силы свои на то, чтобы положить делу конец их истреблением. Если будет нужно, то и мы сами пойдем на них. Писано в Кампании, близ Капуи, 18 января (968 г.)¹¹³.

esset, W. se fore professus est. At illi arma deponere exhortati sunt; fidem deinde spondent, saluum eum domino suo præsentari, hocque apud ipsum obtinere, quatinus incolumem imperatori restituat. Ille licet in ultima necessitate sit constitutus, non immemor pristinae nobilitatis ac virtutis, dedignatus est talibus manum dare; petit tamen, ut Misaco de eo adnuntient, illi velle arma deponere, illi manus dare. Dum ad Misacam ipsi pergunt, vulgus innumerabile eum circumdat, eumque acriter in pugnat. Ipse autem quamvis fessus, multis ex eis fuis, tandem gladium sumit et potiori hostium cum his verbis tradidit: Accipe, inquit, hunc gladium, et difer domino tuo, quo pro signo victoriae illum teneat, imperatorique amico transmittat, quo sciat aut hostem occisum inridere vel certe propinquum deflere. Et his dictis, conversus, ad orientem patria voce Dominum exoravit, animamque multis miseris et incommodis repletam... effudit (22 Sept.). Is finis Wichmanno talisque omnibus fere qui contra imperatorem arma sumpserunt. (NB. Характер ero).

¹¹² NB. Поляки на нем. стороне: зачем? 963. Thietm. II, 9. Gero orientalium marchio, Lusizi et Selpuli (pagus in tractu Lubben et Storcon urbes adiacentes juxta fluvium Spree) Miseconem quoque cum sibi subjectis imperiali subdidit dicioni. Herimannus dux Seliburem et Mistui cum suis imperatori tributarios fecit.

¹¹³ NB. Ратаре и волыны начин. теперь действовать. Война с II. Отличие их хар. от бодр.

968. Wid. III, 70. Письмо Оттона: Oddo divino nutu imperator augustus Herimanno et Thiadrico ducibus caeterisque publicae rei nostra praefectis omnia amabilia... Praeterea volumus, ut si Redares, sicut audivimus, tantam stragem passi sunt (об этом нет известий), – scitis enim quam saepe fidem frerint, quas injurias attulerint, nullam vobiscum pacem habeant. Unde haec cum Herimanno duce ventilantes, totis viribus instate ut in destructione eorum finem operi imponatis. Ipsi, si necesse fuerit, ad eos ibimus.

Scripta 15 Kal. Febr. in Campania, juxta Capuam.

His literis lectis in conventu populi, in loco qui dicitur Werla, coram principibus et frequentiam plebis, visum est, pacem jam datam Redariis oportere stare, eo quod tunc bellum adversus Danos urgeret et quia copiae minus sufficerent ad duo bella pariter conficienda.

Но еще пока не состоялось повеление Оттона В. истребить ратарей. Письмо его было прочтено в Верле перед собранием начальников, знати и множества простых людей, и было положено сохранить мир с ратарями, потому что предстояла война с датчанами и не было довольно войска для двух войн в одно время.

Действительно, ратарей не трогали, и мир между балтийскими славянами и немцами продолжался 15 лет (968–983 гг.).

[VIII]

[Положение славян балтийских в конце X в.]

Такая уж беда с историей балтийских славян. Прямых известий о них нет почти никаких, особенно в это время, а все говорят о них вскользь, когда другие народы имели с ними дело. Потому о внутреннем их состоянии и об изменениях, происходивших у них самих, можно только догадываться по некоторым соображениям.

В то время, когда Оттон Великий покорял их и налагал на них немецкое духовенство, состояние разных их племен было во многом несходно. Чем далее на север, тем оно было лучше, чем ближе к югу, к Турингской марке, тем тяжелее была их участь. Здесь ближайшие с немцами [377]ветви сербов были покорены еще Генрихом I и Героном приведены в совершенное рабство. Этим не было уже надежды приобрести когда-нибудь независимость. Та же участь постигла и лужичан, живших между Эльбой и Бобром. В 963 г. Герон огромным походом, где был ранен чуть не до смерти и потерял единственного своего сына, привел их, по выражению современника, в конечное рабство (*in ultimam servitudinem*). Несколько сноснее была немецкая власть у северных соседей сербов, у стодорян. Хоть у них уже не было своих князей и католическое духовенство получило у них огромные владения, но еще не успели учредить в самой земле их немецких военных поселений, как у сербов, еще далее на север, у бодричей и вагров, удержались природные князья, хотя в совершенной зависимости от саксонского герцога, но все еще управлявшие по-старому славянским народом. Притом отношения были здесь мягче, потому что христианство было принято ими более или менее добровольно. Но как оно еще мало господствовало и после... существования Староградского епископства видно из того, что при взятии вагрского города Германном, достался ему, между прочей добычей, чугунный идол какого-то бога. Наконец, еще далее от руки немцев, у лютицких ветвей, ратарей, волынцев и проч., вся зависимость от

немцев состояла в уплате известной дани, и язычество процветало без совместничества, и храм Радигостев возвышался по-прежнему, обогащаемый ежегодно жертвами и вкладами окрестных племен¹¹⁴. Ратары были во время самой великой силы императора Оттона (когда беспрекословно повиновались ему Германия, Италия, славяне от Балтийского моря до Венгрии и поляки признавали его своим верховным государем) так отважны, что ходили на польского Мечислава за то, что он был другом немцев, и так опасны для немецкой власти над славянами, что Оттон велел их истребить и тем положить конец обидам, которые они наносили Германии. Наконец, за лютичами Поморье и Руя были совершенно нетронуты немцами и пользовались по-старому полной свободой. Таким образом, у лютичей на Поморье и в прилегающих к нему островах сосредоточился старый быт балтийских славян¹¹⁵ и старая их независимость, которым уже не было места в соседстве Германской империи, и здесь готовилось противодействие немецкому завоеванию. Старое язычество стало собирать и сосредоточивать себе храбрых защитников, чтобы потом устремить их на истребление христианства, только что насажденного у балтийских славян, и дело их казалось им тем выше и священнее, что христианство принимали эти несчастные славяне никогда они не уверились в его истине, а когда приказывал пришелец-завоеватель. Так что к одному и тому же делу побуждала и изуверная преданность кумирам отцов своих, и любовь к родине, и ненависть к чужому насилию. Да и не [378] одни славяне поднимали знамя язычества против новой веры, распространяемой немцами. Они нашли себе крепких помощников и союзников в старых врагах и соперниках своих датчанах. И датчанам налагалось христианство, правда, без рабства, но также не без насилия и кровопролития, и с подчинением Дании верховной власти немецкого императора.

При Горме старом христианство проповедовалось в Дании беспрепятственно, и еще более покровительствовал ему сын его Гаральд (936–986 гг.), при котором воздвигнуты были в Дании три епископства под покровительством Оттона Великого¹¹⁶. Возвратясь

¹¹⁴ См. ниже.

¹¹⁵ NB. Разбойники из лютичей и ранов шадят своих.

¹¹⁶ Haraldus (Blaaland)... primus idolatriæ respuens spurcitas. Christi crucem adoravit Qui dum ex emitteret ad immanissimam petram protrahendam, quam matris (Thyrae, о которой много рассказов) tumulo ob memoriale insigne destinavit erigendam, intestina orta seditione tum propter novae religionis ritum, tum propter servitutis jugum intolerabile, popularis coepit effervere tumultus adeo ut ipsum regem plebs insana regno expelleret. Qui cursu celeri fugam

из Италии (965 г.) императором и чувствуя свою силу, Оттон не удовольствовался влиянием своим на датчан через духовенство и ежегодной данью, которую еще Генрих I наложил на датчан, но вздумал распоряжаться в Дании, как в собственном герцогстве, освобождая людей, живших на землях епископов в Дании от всяких повинностей светской власти и от всякого суда, кроме епископского и т. п. За то датчане ворвались в Залабскую марку и истребили все немецкие поселения в Шлезвиге. Но большой поход, который тогда Оттон предпринял в Данию, был так удачен, что Гаральд покорился, признал ленную зависимость Дании от Германии, крестился сам и обязался ввести в своих владениях христианскую веру. Что действительно исполнялось мало-помалу. Но между датчанами было множество удальцов, которым не нравилось ни единовластие Горма и его наследника, ни преобладание немцев и духовенства, ни изгнание язычества. Они жили памятью и жаждою воинственных подвигов, а с великими подвигами витязей, которых воспевало все скандинавское племя до Гренландии, была неразлучно связана их вера в Одина и Тора. Прежде эти люди находили бы житье на всех западных морях; но теперь было уже не то: берега Германии были крепко защищаемы, от Франции их отбивали их же братья из Нормандии; оставалась одна Англия, или далекое переселение в Исландию и Гренландию, или, всего ближе и вернее, Балтийское море. Здесь-то бушевали и гнездились датские витязи, короли морские, доставалось от них и прибрежным жителям самой Дании, христианам и подданным короля, и шведам¹¹⁷, и пруссам, и, разумеется, также славянам. Но славян они, кажется, более щадили и жили с ними в ладу. К тому побуждала одинаковая вражда к [379]немцам и одинаковая привязанность к язычникам, притом же славяне, которым иногда трудно было сражаться с большим и стройным войском немецких латников, были для датских витязей слишком опасны. Личной храбрости было у них не меньше, не меньше и искусства на море. Скорее приходило на мысль настоящим королям датским, имевшим большие средства, покорять прибрежных славян. Есть известие, что Горм подчинил многих своей власти и что при жизни его сыновья Гаральд и Канут воевали с ними счастливо¹¹⁸. Будучи королем, Гаральд возобновил войну с ними и, овладевши великим

arripiens pedibus enim timor addidit alas, ad Scleviam usque profugus commeavit ibique pace impetrata, primus urbem fundasse dicitur quae *Hynnisburg* nuncupatur. Cujus moenia ab archepraesule Absalone ego Sveno solo conspexi aequari.

¹¹⁷ NB.

¹¹⁸ S. 471.

торговым городом Волыном, принадлежавшим поморянам, выстроил тут крепость, названную, по скандинавскому имени Волына, Юмне или Йоме, Йомсбургом, и оставил в ней большую и храбрую стражу¹¹⁹. Но дело Гаральдово вышло для него же и его королевства гибельным, а для побежденных им славян выгодным.

Уже давно славяне стали соединяться дружбой с датскими морскими вителями и ходить с ними на промысел. На берегах Скании были у славян, морских разбойников, постоянные крепостцы для убежища, и они далеко ходили вместе с датскими своими собратьями, даже в Норвегию и до того растревожили Норвегию, что король норвежский Гакон Добрый (около 940 г.) наконец собрал корабли свои и поплыл в Балтийское море. Грабя и сам при этом верном случае Зеландию, он преследовал, как только мог, славянских и датских витезей, убивал их и разрушал их убежища в Скании. Но это был только минутный промежуток¹²⁰.

Разбой славян и датчан вскоре получили важное значение в истории. Сама Йомская крепость перешла на их сторону от короля датского, покровителя христианства, сделалась убежищем и сборным местом всех его противников и приверженцев язычества¹²¹, и воины, посаженные в Йомсбурге для покорения славян Датскому королевству, сделались их союзниками, которые всегда верно сражались вместе с ними, иногда чтобы отстоять свою независимость и поклонение старым кумирам, иногда – чтобы пограбить кого попало¹²².

Деятельность йомских витезей и подвиги их, и союзников их, славян, описаны подробно и прекрасно в древних скандинавских сказаниях, сохранных и записанных в Исландии. Много в них исторической были, много и поэтических прикрас и даже, может быть, вымыслов, и как об них почти не сохранилось никаких других известий, то невозможно проверить их точность и распределить, что истинно и что выдуманно. Потому надобно представить целиком, без особенного критического разбирательства мелочей, все эти сказания, которые все основаны на истинных событиях. Притом же [380]они так хороши и так ярко рисуют дух и нравы датских и славянских витезей, представителей гонимого язычества, что было бы грех их исказить рассуждениями. Они представляют и много исторических сведений и выводов.

¹¹⁹ S. 480. Время с точностью неизв.

¹²⁰ NB. G. S. 01. 18. Snorra S. Hakonas Goda 6–8.

¹²¹ NB. Место Саксона.

¹²² NB. Прочесть Бартольда.

[IX]

*Повесть о датских витязях в Йомсбурге и о великом витязе
Пальнатоки*

Гаральд сделался в Дании королем по отце своем Горме. Был он король сильный и воинственный, покорил землю саксов, Голштинию и также приобрел большую область в земле славянской. Здесь велел он построить Йомскую крепость (Йомсбург) ⁽¹²⁹⁾ и посадил в ней большую стражу, храбрых воинов йомских витязей. Он назначил им жалованье и льготы, а они подчинили страну его власти; летом ходили на разбой, зимою сидели дома ¹²³.

Начальником Зеландии был Гаральд, по прозвищу Маковчатый, потому что носил шляпу с огромною золотою маковкою, фунтов 5 весом, с 10 марк[ами] золота. У него и жены его Ингигерды родились два сына, Сигвальд и Торкел, и дочь Това. Сигвальд был высок и крепок, бледен, с орлиным носом; прекрасны были глаза его. Его еще перерос брат его Торкел, лицом прекрасный и не менее дюжий ¹²⁴. У обоих было много ума и хитрости. [z]

А в это время правил Бургундаргольмом ⁽¹³⁶⁾ Везети; у него и жены его Гильдегуны родилось два сына, Буй Толстый и Сигурд, и дочь Торунна. Буй был молчалив, лицом дурен, но сильнее всякого человека. Пылкий и мужественный, у него находилось способности на все. Сигурд, брат его, был прекрасен собою, жив и храбр, но крут нравом и несговорчив донельзя. [z]

Раз как-то ¹²⁵ Сигвальд и Торкел, брат его, снарядили два корабля и вздумали поехать в Йомсбург попытаться, не примут ли их в братство. Спросили совета у отца, и тот сказал, что хорошо, что там человек найдет себе и славу и честь; «Пора вам, братцы, показать, чего вы стоите». Они попросили у него денег и припасов, но он отказал наотрез: добудьте сами, а не то сидите дома. Все-таки отправились они, с 120 человек дружины, людьми искусными и опытными, без денег и припасов. [z]

Плывут и доплыли до Бургундаргольма. Здесь пристали к берегу и, нападши нечаянно, ограбили богатое поместье Везети и с обильным запасом прибыли в Йомсбург. Въехавши в гавань, они причалили у ворот крепости. Узнав о приезде чужих, Пальнатоки со многими из витязей своих вышел по обычаю на башню спро-

¹²³ Knytl. S. 1.

¹²⁴ Jom. 26. G. Ol. 84.

¹²⁵ Jom. 27.

[381]сить, кто такое и откуда? «Приехали, – говорит Сигвальд, – два брата, сыновья Гаральда Маковчатого, с дружиною. Меня зовут Сигвальдом, брата Торкелом. Хотим с теми из наших, которые вам покажутся годными, вступить в ваше общество». Пальнатоки отвечал ласково, но спросил у своей дружины, йомских витязей: принимать ли их? Дружина объявила, что как скажет Пальнатоки, так тому и быть. Тогда отворились ворота крепости и Сигвальд с Торкелом въехали в Йомсбург. Тут подвергли их разным испытаниям силы и храбрости, и Сигвальд с братом и 60 из товарищей были приняты в дружину, а прочих отослали.

За грабеж, сделанный Сигвальдом в Бургундаргольме, началась война между его отцом Гаральдом и Везети, но король Свен призвал обе стороны на суд и, помилив их, посватал за Сигурда, Везетиева сына, Тову, дочь Гаральдову, и сам был на свадьбе.

Побыв немного дома, Буй Толстый объявил, что хочет в Йомсбург, искать себе славы и чести. Сигурд, хотя ему и пришлось покинуть молодую жену, не отстал от брата. Они снарядили два корабля, собрали 120 человек дружины. Переплыв море, подъехали к пристани йомсбургской. Пальнатоки с Сигвальдом и Торкелом и многими из витязей вышел на башню спросить, кто такие и откуда? Переговоривши, отворили ворота, и Буй с братом и товарищами въехали; они и из людей 80 человек было оставлено, а прочие отосланы. И крепко подружились с прежними новые вожди. Что ни лето, выплыв из крепости, ходили они на разбой, то в одну сторону, то в другую, и добывали себе много богатства и славы. И хотя подвиги их не рассказываются в этой повести, однако всем известно и всеми признано, что едва ли были когда витязи и удалцы доблестнее йомских, и кажется, мало им нашлось и равных¹²⁶.

Торунна, дочь Везети, вышла за Аки, сына Пальнатокова. У них родился сын Вагн. Вагн, когда стал подрастать, сделался такого нрава и обхождения, что нельзя было с ним справиться ни силою, ни лаской. Был же он стройнее и прекраснее всех своих сверстников, и на всё горазд.

Десяти лет он уже убил двух человек, а двенадцати стал до того нестерпим, что отец и дед¹²⁷ снарядили ему каждый по кораблю и дали по 60 человек товарищей, все отборных людей, не моложе 18 лет и не старше 20, и отправили из дому. Отбив себе в Дании скота и всяких нужных припасов, они поплыли в Йомсбург, и он причалил к воротам.

¹²⁶ J. 25, 26.

¹²⁷ 31–32.

Беспрерывно пускались они, все смелее, на новые подвиги, их подстрекала и удаль, и богатая добыча; они брали со всех соседних народов, они стали так отважны и свирепы, что по всему северному океану (т. е. Балтийскому морю) [382] то и дело кипели битвы и гибли мореходцы. И эти подвиги йомских витязей более озабочивали Датское государство, чем все другие неприятели.

* * *

Токи жил в датской области Фионии^{128, [37]}. Жена его была Торвара. У них родилось три сына Аки, Пальнер и Фиольнер. Токи был очень стар и умер; умерла и Торвара. Аки и Пальнер разделили между собою наследство, а меньшому брату дали только третью часть денег, а ничего из имения не дали. Фиольнер взял деньги и сердитый отправился в Данию служить королю Гаральду. Он полюбился ему и сделался его советником. И стал он наговаривать, что пока Аки жив, королевская власть не будет полна, что его уважает народ не менее короля и что он один мешает Гаральдову единовластию. Гаральд и велел убить его исподтишка. Пальнер, узнав о смерти брата¹²⁹, стосковался так, что слег в постель: и с горя, и еще более с досады, что не хватало силы отомстить Гаральду. Для утешения и совета призвал он старого друга своего Сигурда, и тот сказал, что нет другого средства ему утешиться, как найти себе хорошую жену. «Кого же?» – спросил Пальнер. Сигурд указал на Ингиберу, дочь ярла Оттора в Готии. «Да, – сказал Пальнер, – верю, что с нею забудется мое горе, но пойдет ли она за меня?» Сигурд отправился сватом в Готию, и удалось ему не только устроить дело, но и склонить Оттора, по болезни Пальнеровой, самому приехать в Фионию с дочерью. В назначенный день была празднована великолепная свадьба. Новобрачная, оставленная одна с Пальнером, заснула, и видела сон и, проснувшись, рассказала: «Была я в этом же селе, где теперь с тобой, и был у меня ткацкий станок с основою серого, как бы седого, цвета; к основе было привязано несколько камней. Стояла я перед станком и ткала, и не много еще наработала, как случайно один из камней отвязался и упал. Нагибаясь, чтобы поднять камень, я увидела, что все камни были человеческие головы, и тот, который я подняла и держала в руке, был также человеческая голова и, присмотревшись, я даже узнала чья». – «Чья же?» – спросил Пальнер. – «Короля Гаральда, Гормова сына». И показалось счастливым Пальнеру то предзнаменование, и жене его также, и обрадовались Пальнер и Ингибера. Потом Оттор уехал домой, одаренный бога-

тыми дарами, оставив молодых супругов в добродушии и согласии, и крепкой любви. Не долго прожили они вместе, как родился у них сын Пальнатоки, уже с малолетия смысленный и милый. Немного времени спустя умер отец его Пальнер, и остался молодой Пальнатоки на попечении матери. Как только он взрос, стал он отправляться каждое лето на морские подвиги, и объездил много земель. Между про[383]чим был и в Британии, где нашел себе по сердцу жену Олаву, но не хотел там остаться, а привез ее в Фионию.

Однажды король Гаральд объезжал свои владения и везде был пышно угощаем, по обычаю, знатными людьми. Пальнатоки пригласил его к себе, но на дороге, ночью, такая разразилась буря, что король со спутниками должен был завернуть в избу поселянина Атли. Дочь его Аса, рослая и красивая, прислуживала Гаральду за ужином и так понравилась, что он призвал ее к себе. Но на другой день отправился он в путь и забыл о ней и более об ней не заботился. У нее родился сын, названный Свеном, и воспитывался в дедовской избе. Но на третий год Гаральд опять посетил Фионию и Пальнатоки принял его великолепно. В это время и Аса пришла в дом Пальнатоки и привела сына с собою. «Ступай смело к королю, – сказал Пальнатоки, – когда он будет сидеть за чашею, и покажи ему своего сына. Говори смелее; я поддержу тебя». Она подошла и сказала Гаральду, что Свен его сын. Гаральд рассердился ужасно и хотел прогнать ее как обманщицу. Но Пальнатоки вступился и сказал, что ручается за нее и будет воспитывать у себя Свена, как сына королевского. Гаральд ничего не отвечал, но вскоре уехал в гнев от Пальнатоки. Так и кончилась их дружба¹³⁰. Пальнатоки же, как сказал, принял к себе Асу и Свена и воспитал его.

Много было у Пальнатоки врагов, завидовавших его доблести. Однажды¹³¹ как-то он за столом, разгорячась, расхвастался, что нет лучше его стрелка и что он с первого удара попадет в любое яблоко, положенное на столбе. За эту похвальбу тотчас схватились его завистники, и вскоре услышал о ней сам король. Король велел положить яблоко на голову собственному сыну Пальнатокиеву и отцу стрелять в него. Пальнатоки не оробел, наказав сыну стоять смирно и не трогаясь при свисте стрелы и, повернув его лицом в другую сторону, вынул из колчана три стрелы; не дрогнула его рука, не шевельнулся и мальчик. Стрела попала в яблоко. Тогда король спросил у Пальнатоки: «Зачем вынул три стрелы, чтобы сделать один удар?» – «Затем, – отвечал стрелок, – что если бы первая попала несчастливо, вторая на тебе бы отомстила промах».

¹³⁰ 17.

¹³¹ NB. Прим. Saxo 486.

Но Гаральд был жесток¹³². Ему хотелось еще испытать своего не друга. Пальнатоки говорил также когда-то, что лучше короля умеет ходить на лыжах, как ходят финны по снегу, и Гаральд велел ему скатиться на лыжах с вершины Колленской скалы (на берегу Скании)¹³³. Пальнатоки смело пошел и, цепляясь руками, удерживался от падения; наконец лыжи его разлетелись в [384]щепки от острых камней и Пальнатоки стал твердо на ногах. Сбежавши до низу скалы, он нашел каких-то рыбаков и, принятый ими, прямо отправился в Фионию. Король же уверен был, что он попал с размаху в море.

В Фионии Пальнатоки преспокойно жил у себя дома и занимался воспитанием Свена и своего сына Аки¹³⁴.

Когда они подросли, Пальнатоки оставил дом свой и отправился с дружиною гулять по морю. Сначала он поехал в Англию, взяв жену с собою. Но Олава умерла¹³⁵, и ему уже не жилось в стране, где он впервые увидел ее. Тогда он стал грабить берега Шотландии и Ирландии, а потом, вернувшись домой и передав Фионию своему сыну¹³⁶, поплыл в Славянскую землю, вышел на берег. В то время королем Славянской земли был Борислав. Боясь Пальнатоки и зная по слухам, что никто не мог перед ним устоять, Борислав послал к нему своих людей сказать, что желает с ним мира и дружбы. Он дал ему начальство над Йомом¹³⁷ и поставил его предводителем йомских витязей¹³⁸; но с условием стоять за него во всякое время и защищать Славянскую землю. Пальнатоки и дружина его приняли это условие, и он тотчас занялся возведением огромных укреплений в Йомсбурге¹³⁹. Внутри укреплений устроил он такую гавань, что 360 длинных кораблей могли в ней помещаться. Вход в гавань был сделан необыкновенно искусно: его защищал огромный каменный свод с башнею, на которой стояли метательные орудия. Под сводом были железные ворота, открывавшиеся внутрь. Часть работ была воздвигнута в самом море. Чтобы еще более утвердить и упрочить Йомское поселение, Пальнатоки дал ему законы по советам мудрых людей. Не принимать в дружину никого старше 50-ти и не моложе 18 лет. Не держать в своем обществе человека, который уступил бы в бою с одинаковым оружием другому, равному в силе. Со вступаю-

¹³² Выдвинуть.

¹³³ NB.

¹³⁴ J. 23.

¹³⁵ NB. Снач[ала] походы Свена, путеш[ествие] II. в Брит[анию]. Смерть Гаральда. Втор[ой] поход. 12 лет в Шотл[андии] и Ирл[андии].

¹³⁶ J. 25.

¹³⁷ Provincia

¹³⁸ Ol. Tr. 84.

¹³⁹ Построением J., огромной крепости.

щего брать крепкую клятву, что он будет мстить за смерть товарища, как бы за совоспитанника (сожителя) или брата. Никому не сеять раздора в дружине, если кто узнает новость, под строжайшим опасением не сообщать никому, а прямо доносить предводителю: ему одному объявлять новости¹⁴⁰. Если кто нарушит какой-либо из законов, того тотчас исключать из дружины и изгонять. Если принятый вновь в обществе окажется убийцею брата или отца прежде вошедшего дружинника или вообще близкого к нему человека, то начальнику разобрать дело. Никому ни под каким видом не брать с собою [385]женщины в крепость. Без позволения начальника никому более трех ночей не проводить вне крепости. Всю добычу, какая бы она ни была, разделять поровну. Не выражать никогда страха, ни словом, ни звуком, ничего не бояться и на все идти. Всякое несогласие и всякое дело между товарищами решать начальнику. Никого не принимать в общество по родству или дружбе, мимо законного испытания. Установив все порядком, дружина пребывала в крепости и твердо исполняла свои законы.

Каждое лето выезжали они из Йомсбурга на кораблях своих то в одну, то в другую сторону, и грабили и набирали себе добычу. Великую славу стяжали они и признавались лучшими витязями, и не было в то время никого, кто бы мог с ними сравниться. И слыли они йомскими витязями.

Когда Свен возрос, Пальнатоки подстрекнул его отправиться к отцу своему и потребовать от него удела¹⁴¹. Тот отказал ему, потому что его ненавидел. Тогда Свен, получив от Пальнатоки кораблей и дружину, и умножив их еще сам, стал грабить Данию и другие земли. Рассерженный Гаральд повел на него свое войско, а Свену на помощь пришел Пальнатоки, его кормилец (предводитель йомских витязей)¹⁴². Они поплыли к Зеландии и вошли в Изофиорд, где стоял Гаральд со своими кораблями. Свен тотчас напал, и началась великая сеча¹⁴³. Но к Гаральду все *прибывало* такое множество войска, что Свен был отражен и обратился в бегство.

Пальнатоки же, приплыв в тот день как нарочно из Британии¹⁴⁴, обогнув мыс, вышел на берег один, с колчаном на плечах, с луком в руке. Была ночь и темнота. После битвы Гаральд с некоторыми спутниками вышли поблизости в лес, развели огонь и, сев рядом на повалившееся дерево, стали греться. Потом и Пальнатоки пришел в

¹⁴⁰ ?

¹⁴¹ Kn. S. 4. cp. Jomsv. 18 след. Snorro Ol. 37.

¹⁴² Sn.

¹⁴³ Jomsv. назнач. битву у Борн. и назыв. Гаральда нападателем.

¹⁴⁴ Jomsv. 21.

тот лес, но увидав людей, стал поодаль; и расслышал он голос короля да Фиольнера, своего дяди, и разглядел Гаральда, сидевшего на корточках перед огнем, и пустил стрелу, и ранил его смертельно.

И сбылось, что Ингибера видела во сне. Тогда Свен сделался королем датским.

* * *

Вышли к ним навстречу Пальнатоки и Сигвальд, Торкел, Буй и Сигурд, и спросили, кто такие и откуда? Вагн вместо ответа спросил, здесь ли Пальнатоки? Пальнатоки отвечал: «Я Пальнатоки, а ты что за смельчак?» [386]– «Я Вагн, сын Аки из Фионии, тебе сродни. Хочу вступить в ваше братство, потому что дома не был довольно смирен, не мог ужиться». – «Так как же ты хочешь, – сказал Пальнатоки, – вступить в наше братство, если и дома не мог ужиться?» Вагн отвечал: «Понапрасну, значит, тебя хвалят, ежели ты не сумеешь так властвовать над моим духом, чтобы я мог ужиться с храбрыми людьми». Пальнатоки спросил совета товарищей. Буй, который знал Вагна, и Сигвальд воспротивились. Тогда Пальнатоки спросил Вагна, сколько ему лет? «Двенадцать», – он отвечал. – «Как же ты хочешь, чтобы мы тебя приняли? у нас положено моложе 18 лет не принимать никакого». – «Не хочу я, – говорит Вагн, – нарушать вашего закона: но он будет соблюден, если я сравняюсь силою и храбростью с 18-летним или кем-нибудь еще постарше». И, ничего не слушая, вызвал он на бой Сигвальда с равным числом кораблей и дружины. «Вызываю на равный бой Сигвальда, ярлова сына, если он смеет, если он не трус, если сердце в нем мужа, а не дрянной женщины». – «Каково, – говорит Пальнатоки, – начинает мальчик. Приходится тебе, Сигвальд, принять вызов, чтобы не уронить своей чести». И велел он сражаться, но, если Вагн уступит, то его не преследовать и не бить: жаль ему было внука. Едва успел Сигвальд выехать с 2 кор. и 120 витязями навстречу Вагну, как Вагн с дружиною смяли их камнями, которые падали, точно дождь. Потом сразились копьями и саблями¹⁴⁵. Вагн все напирал на Сигвальда; но тот отступил и вышел на землю, достать камней. Вагн явился тут же. Началась сеча злее первой. Сигвальду пришлось плохо и должно бы ему опять войти в корабль, а сторона Вагнова приперла его к самым воротам. Стоявшие на башне над воротами уж ничего не могли видеть, что делалось внизу, и, боясь беды, изнутри отперли ворота, и бросилась в город смятая дружина Сигвальдова. Вагн ворвался за нею. Торжественно принят он был с товарищами в

дружину, и возрадовалось дедовское сердце. И стал Вагн смирен и послушлив, и лучше и храбрее его не было в братстве. И три года жили они по-прежнему, летом ходя на войну и побеждая, зимою сидя дома. И слава их разнеслась по многим странам земли.

На третий год, осенью, заболел Пальнатоки. Чувствуя, что смерть близка, велел он пригласить к себе короля Борислава, и когда Борислав пришел, сказал ему: «Чует душа, государь, что больше уж не придется мне болеть; да стар я стал. Я полагаю и советую, чтобы поставили на мое место начальника, который бы управлял крепостью и дружиною, и чтобы витязи йомские держались в крепости и защищали, как при мне, твое государство. Думаю, что Сигвальд наиболее способен заменить меня. Правда, я убежден, что речь моя тебе покажется слишком самохвальною, но все-таки я полагаю, хотя и не [387]уверен в том, что у всякого из них в сравнении со мною недостает чего-то». Король Борислав отвечал: «Твои советы были нам всегда пригодны, благодетельны, и прискорбно нам будет их более не слышать. Тем дороже нам твой последний совет. Потому повелеваю признавать законы, которые Пальнатоки дал Йомсбургу». И тут же Сигвальд принял власть от Пальнатоки и короля Борислава. Устроив это, Пальнатоки дал Вагну, своему внуку, половину своих имений в Англии и крепко-накрепко поручил его заботе и попечению йомской дружины, и тут показал, как он любил его. Вскоре потом умер Пальнатоки, и никогда не испытывали йомские витязи такой потери.

[X]

[Значение Йомбурга]

И тем кончается повесть об этом честном и храбром муже.

Вот народное сказание о начале и первых делах крепости, где «пришлось, – говорит северный певец¹⁴⁶, – поклонникам старых богов слышать много свисту копейного». – Если сблизить сказание привлекательное, но не надежное, с сухим и достоверным известием летописца, то много найдется в нем исторического смысла. «В последние годы архиепископства Адалдага († 985) наши дела у варварских народов пришли в упадок и христианство в Дании было возмущено, ибо в то время Свен¹⁴⁷, сын великого Гаральда, короля Дат-

¹⁴⁶ Encomium in piratas Jomenses, auctore Biornio episcopo (епископ Оркадских островов. ум. 1222).

¹⁴⁷ Отто.

ского, строил беспрестанно козни против отца своего, намереваясь лишить его, уже престарелого и ослабевшего, власти, совещаясь с теми, которых Гаральд против воли принудил принять христианство. Таким образом, датчане, сделав заговор, вдруг отреклись от христианства и начали войну с Гаральдом. Со своей стороны Гаральд, поручая себя Христу, принялся за оружие для своей защиты, как ни гнушался такой войны. В этой злодейской борьбе, хуже междоусобной, побеждена была сторона Гаральдова. Сам он бежал раненый из битвы и, сев в корабль, скрылся, как рассказывают, в славянский город Юмну (или Юлин) и, вопреки своего ожидания, был принят язычниками человеколюбиво и через несколько дней умер от своей раны, исповедуя Христа¹⁴⁸. Видно теперь значение Йомсбурга и Пальнатоки, воспитателя Свена, сына Гаральдова: Йомбург, как и говорит Бьорн¹⁴⁹, был пристанищем приверженцев язычества, недовольных Гаральдом за то, что он вводил новую веру; Пальнатоки воспитывал Свена в языческом духе, и подстрекал его против отца и христианина, и привел [388]ему на помощь кораблей дружину и сам ранил его смертельно¹⁵⁰. — Что же касается до того, что Гаральд, раненый, бежал в Йомсбург и был там принят, если это известие, которое и Адам представляет как слух, справедливо¹⁵¹, то оно не противоречит сказанному: ибо славянские и датские жители Волына могли естественно принять раненым и беспомощным беглецом того самого человека, которого ненавидели, когда он властвовал над Данией, и оказать ему гостеприимство, которое считалось у них самой священной обязанностью.

Итак, Йомсбург был сборным местом удальцов, которые не довольны были христианством и немецким влиянием и *единовластием* в Дании¹⁵². Здесь готовилось противодействие, которое при Свене восстановило в Дании язычество, в том же противодействии равномерно участвовали и славяне. Исландская сага, хотя и занимается единственно скандинавскими витязями, однако свидетельствует о союзе их с князем поморян Бориславом.

Что славянские витязи действовали заодно с датскими, жили с ними в Йомсбурге и ходили одинаково с ними по морю, и только не нашли певца, чтобы сохранилась их память, доказывается повествованием о том, что король Норвежский⁽¹³⁰⁾.....

¹⁴⁸ Ad. II, 25, 26.

¹⁴⁹ Иначе достоверный, потому что древнее всех саг.

¹⁵⁰ Рана у Саксона.

¹⁵¹ NB. Противоречие у Саксона.

¹⁵² NB.

[XI]

[Местивой князь Бодричей]

Еще более гласят о значении славянских витязей в Йомсбурге слова Саксона, что с йомскими витязями ходили славянские¹⁵³, а еще более сказания других скандинавских саг¹⁵⁴ и всех известий немецких летописцев, которые называли Йомсбург славянским городом, йомских витязей – славянскими.

Пока в Йомсбурге готовился исподволь переворот, который на время ниспровергнул в Дании христианство, у балтийских славян, покоренных немцами, происходило такое же противодействие против христианства, насильно наложенного, и немецкого владычества¹⁵⁵.

У бодричей и в это время был все еще Местивой, иначе Биллунг, имя принято в честь саксонского герцога Германна Биллунга¹⁵⁶. Местивой, как доказали прежние сношения его с герцогом Германном, был весьма предан и верно служил немецкой власти¹⁵⁷. Но как у датского короля Гаральда, возлюбившего христианскую веру, был неверный сын Свен, жестокий приверже[389]нец язычества, так и Местивоев сын Мечислав¹⁵⁸, хотя и принужденный наружно исповедовать христианство и скрывать свои склонности, питал сильную ненависть к вере, принесенной немцами, и крепко был предан старым богам. В это время (973 г.) умер и саксонский герцог Германин, человек сильный, но не жестокий... и наследник его Бенно стал мучить и грабить своих подчиненных, потому что, при всей своей храбрости, был ужасно корыстолюбив. Но еще не так скоро разразилась гроза, и еще хватало у славян терпения, которому дивились их современники. Сначала даже дела немцев шли в этой стране очень хорошо, и христианство необыкновенно процветало в первые годы епископа Староградского, Вагона, преемника Эдварда. У него была сестра, чудо-красавица, и влюбился в нее без памяти князь славянский Местивой. Не раз приходил он к епископу просить ее руки, но тот медлил, а окружающие его люди говорили, что было бы грех дать такую красавицу необразованному и грубому человеку. Местивой знал это, но скрыл огорчение, боясь разрыва с епископом

¹⁵³ 490.

¹⁵⁴ Historia Magni Boni, 28. О них после.

¹⁵⁵ Сны. Gies 264.

¹⁵⁶ Шаф.

¹⁵⁷ С этого начать.

¹⁵⁸ у Ад[ама] Бр[еменского] Мечидраг.

и жертвуя всем любви своей. Наконец епископ, чтобы не рассориться с человеком, который наиболее поддерживал христиан у славян, согласился и выдал за него сестру. Родилась у него дочь, которую называли немецким именем Годикой и которую дядя ее, епископ, отдал на обучение в монастырь и потом, еще малолетнею, поставил игуменьей девичьего монастыря в Мекленбурге.

Все это дело, приковывавшее князя бодричей к немецкому влиянию, весьма не нравилось Мечиславу. Он боялся, чтобы чужие нравы не изгнали совершенно славянского быта, и стал он наговаривать отцу, что безумие с его стороны придерживаться новых выдумок, ни к чему не ведущих и забывать старые, хорошие обычаи; что женившись на немке, а там еще отдавши дочь в немецкий монастырь, он совершенно забывал о законе отцов своих. И так говорил он не раз и не два, а беспрестанно, все более и более овладевая отцом своим. И так удалось ему поколебать душу Местивоя, что тот стал думать, как бы отослать жену свою и поставить все по-старому. Но он не смел еще вдруг перевернуть все дело, боясь и решительной меры (которой не знал последствий), и войны с саксами, врагом опасным: а война бы возгорелась непременно, лишь только Местивой прогнал бы сестру епископа и возвратился к язычеству. Потому Местивой и Мечислав, теперь уже единодушные, решились ждать и готовиться.

Случилось епископу приехать для посещения паствы в бодрицкий город Мекленбург¹⁵⁹. Ему навстречу явился Местивой со знатными людьми края и принял его с поддельным почтением. Однажды, как епископ занимался общественными делами, князь бодричей сказал ему громко и при всех: [390] «Много обязан я тебе, преподобный отец, и твоей благочестивой доброте, и сознаю, что никогда не буду в состоянии отплатить все, что я тебе должен. Не могу даже исчислить всех благодеяний, которые тобою оказаны мне лично: их столько, что долго пришлось бы говорить об них. Теперь только упомяну, что ты сделал для общего блага всей страны. Все видят и все признают, как велика твоя заботливость о построении церквей и спасении душ. Всем известно, как часто ты своим заступлением подавил неприятности с начальниками¹⁶⁰ и устроил, чтобы мы могли жить мирно и спокойно и в милости наших начальников. Потому, если нужно будет, за тебя положим смело и жизнь нашу, и все, что у нас есть. Но у нас до тебя маленькая просьба. Доверши свои благодеяния (не смущай нас отказом)¹⁶¹. На бодричей наложена подать

¹⁵⁹ Helm. I, 14.

¹⁶⁰ Немцами.

¹⁶¹ Helm.

епископу, взамен десятины, с каждого плуга мера хлеба, 40 пучков льна и 12 монет хорошей пробы, да 1 монета сборщику. Позволь мне собирать эту подать и посвящать этот доход твоей племяннице, моей дочери. Но чтобы эта уступка не уменьшила твоих средств и тебе не повредила, приобщаю к твоим поместьям у каждого города земли бодрицкой села по твоему собственному выбору, разумеется, за исключением тех, которые уже прежде императорскою властью отданы в ведение епископа». Обманутый и прельщенный этим предложением епископ согласился и состоялась мена: он получил несколько обширных сел, а подать уступил зятю для своей племянницы. Несколько времени побыл он у бодричей, роздал земли внаем хлебопашцам¹⁶² и, устроив все дела свои, возвратился в землю вагров. Но потом, занятый другими заботами, он стал уже весьма редко посещать бодричей. Пользуясь этим, Местивой Биллунг, с сыном своим Мечиславом через несколько времени начал тайными грабежами опустошать поместья епископа и подсылать своих людей, которые уводили лошадей у епископских наемников и крали у них, что могли, и дошло наконец до того, что он совершенно лишил епископа доходов с Бодрицкой земли. Напоследок епископ сам поехал туда и, разобрав дело на месте, открыл виновников всех этих грабежей и бесчинств. Он долго не мог верить и испугался ужасно, когда нашел, что те именно, на чью преданность он полагался, были ему злые враги. И тотчас стал он бояться за прочность христианства в новообращенном народе, и не знал, что делать. Наконец он решился прибегнуть к единственному средству, которое тогда ему предстояло, увидавшись с князем, стал всячески стараться смягчить его и убеждать, чтобы он положил конец грабительству церковных имений, напоминая ему при том об ответственности перед императором и опасности его гнева. Но тот начал хитрить и заверять, что никогда не имел и мысли вредить [391]своему господину и отцу, что всегда был ему душою предан, и что если и случились грабежи, то, без сомнения, виновниками были разбойники из лютичей или ранов, которые, видно, и своих не щадили. Что он будет всеми силами стараться прекратить их неистовства. Епископ, человек простого ума, легко поверил его рассказам и уверениям. Получив видимое удовлетворение, он возвратился к себе, а бодричи тотчас возобновили прежнее насилие и к тому еще стали жечь села, принадлежавшие епископу и принуждая его наемников, под угрозой смерти, оставлять его земли, довели вскоре его поместья до совершенного опустения. Наконец пришла всему делу развязка: Местивой про-

¹⁶² Prædia colonis exercenda distribuit.

гнал жену свою, сестру епископа, и узнав, что император Оттон был занят опасной войной в Италии, славяне стали ослушиваться немецкой власти. Но несколько времени еще не было совершенного разрыва. Саксонский герцог Бенно сохранял еще над бодричами и ваграми тень власти, и не было еще ни войны, ни явного отречения от христианства¹⁶³.

Толчок дали не бодричи, которые всегда действовали слабее, а непреклонные лютичи. Уже в 977 они перестали повиноваться христианскому духовенству и явно поклоняться кумирам¹⁶⁴. Пока дело обходилось без насилия. Но все более и более раздражал их маркграф Дитрих, который после смерти знаменитого Герона († 964)¹⁶⁵ получил северную половину его области и управление землей сторонян и лютичей¹⁶⁶...

Наконец лопнуло и их терпение. В 983 году, в тот самый бедственный для Германии год, когда Оттон II погибал в Италии¹⁶⁷... все

¹⁶³ NB. 970. Thietm. II, 23. Boso, епископ Мерзебургский ум., управлял год и 10 месяцев; воспитан в мон. в Регенсбурге: *beneficium... omne, quod ad aecclesias in Merstburg et in Imenvelo positas ac ad Thornburg et Kirberge pertinens fuit, antequam ordinaretur optinuit; et quia is in oriente innumeram Christo plebem* predicatione assidua et baptis mate vendicavit, imperatori placuit, electionemque de 3 constituendis episcopatibus ei dedit, Misnensis, Citicensis atque Merseburgensis. Pre hiis omnibus eo quod *pacifica* erat, Mersenburgensem ab augusto exposcens aecclesiam, quamdiu vixit studiose eandem rexit. Hic ut sibi commissos eo faciliu iustrueret slavonica scripserat verba, et eos kirieleison cantare rogavit, exponens eis hujus utilitatem. Qui vecordes hoc in malum irrisorie mutabant *Ukrivolsa* quod nostra lingua dicitur: Aeleri stat in frutectum; dicentes: Sic locutus est. Boso, cum ille aliter dixerit. Imperator huic paucas villas ad predictam urbem pertinentes et in pago Chutici positum quoddam castellum, quod *Medeburu* vocatur, – interpretatur autem hoc: mel prohibe; concessit quoque ei filius suimet et equivocus aecclesiam in Helpithi (*Helfte* in com. Mansfeldur) positam quam pater ejus in honore sanctae Radegundis constructam, Bernhardum ipse presens dedicare precepit antistitem. Бозону наслед. Gisilerus, moribus et natura nobilis (происхождение).

¹⁶⁴ NB. Sig. Gemb. NB. Gens Leuticiorum adida latrariam revolvitur. Деятельность магдебургских епископов. Упадок. Гизелер (Гизебрехт). Вообще прочесть Отто II.

¹⁶⁵ NB. Gies. 234 так ли?

¹⁶⁶ Не прежде ли восстание Свена? W. Gies. 98. NB. Thietm. III, 10...

¹⁶⁷ Brunonis V. S. Adalberti 10. Ea tempestate effrena gens Lutici pagani jugum christianitatis deponunt, et – cum quo errore adhuc laborant – post deos alienos erecto collo currunt et qui fugientes fugere nequeunt christiani multi gladio ceciderunt. Tunc peccato Ottonis multa mala surrexere, maxima ubique et miserrima emerserunt naufragia, res publica turpitudines passa de solio descendit,

[392]племена лютичей и стодорян сговорились¹⁶⁸ с севера на юг: 29 июня напали на Гавельберг, взяли город, избili немецкую стражу, которая там находилась, разрушили соборную церковь. Тотчас разнеслась весть о восстании: тотчас убежал из Брандесборга епископ Волькмер; что случилось с гавельбергским, неизвестно. На третий день после полуночи явилась толпа сговорившихся славян под Бранибором. Маркграф и герцог, главный начальник всей этой страны, Дитрих с воинством, занимавшим город, не думал сопротивляться и, оставив тотчас Бранибор, с великим трудом ушел от неприятеля, за что и был отставлен от должности¹⁶⁹. Все немецкое духовенство, бывшее в Браниборе, попало в плен. Славяне были до того разъярены на епископов, которые их насильно обращали¹⁷⁰, что выкопали из земли тело прежнего епископа Браниборского Додилона для поругания: «Найдя тело и священническое убранство еще целым, жадные псы, – говорит Титмар, – содрали с него одеяние и с презрением бросили труп в яму. Вся казна церковная была расхищена и много-много пролито крови самым плачевным образом»; видно, не щадили славяне доставшихся им в руки.

Вероятно, и бодричи были в заговоре с лютичами и стодорянами для истребления немецкой власти и теперь решительно восстали¹⁷¹. Местивой пришел к ним на помощь со своими бодричами и, перейдя Эльбу недалеко от Магдебурга, – уже прежде в этой стороне была сломлена власть немцев¹⁷² сильным нападением чешского князя Болеслава, – опустошил и сжег монастырь св. Лаврентия в городе Кальве (Калве, на Сале): «как быстро бегущих оленей, – пишет немецкий летописец¹⁷³, – преследовали они наших; наши преступления внушали нам страх, а в их духе возбуждали смелость и самоуверенность... Чуду, которое тут сотворил Христос, да внемлет благо-

christiana religio lacera iram Dei sensit. Actum est bellum cum Polonis. Dux eorum Mesico arte vicit; humiliata Thentorum magna anima terram lambit; Otto pugnax marchio (Wilh. Gis. 148, 149) laceris vexillis terga convertit...

¹⁶⁸ 185. Thietm. III, 14. In hoc anno Sclavi unanimiter resisterunt caesari et Thiedricho Marchioni.

Ad. II, 30.

Gentes praesumptione unanimi arma commoverant.

¹⁶⁹ Ann. Saxo 983. Pro destructione ecclesiarum in Brandeburch et Havelberga Theodericus dux et marchio qui partium illarum defensor extabat, dignitatem suam perdidit et Lotharius de Waldbike marcam ab imp. suscepit.

¹⁷⁰ NB. Рассказать прямо.

¹⁷¹ См.: Gies. Exc. XI.

¹⁷² Выставить прежде отдел.

¹⁷³ W. Gies. 160

чество всего христианства. С вышин небесных низошла десница с простертыми перстами прямо в пылающий огонь, и в виду всех поднялась сжатою. [393] Дивилось войско, оцепенел Местивой от ужаса, а рассказал мне Авиго, бывший в то время его капелланом, и потом сделавшийся моим духовным братом (по сожительству в монастыре). Рассуждая с ним об этом, я заключил, что мощи святых были, таким образом, божественно спасены и подняты в небо, и ужаснули врагов и обратили их в бегство. Вследствие этого Местивой впал в безумие, так что связали его узами; окунутый в святую воду, он вскричал: “св. Лаврентий жжет меня”, и умер несчастною смертью от этой болезни».

Замечательно в этом рассказе, что, и восставши против немцев, князь Бодрицкий еще не отвергал вполне христианства, между тем как лютичи совершенно возвратились к язычеству: у него был капеллан, когда он жег немецкий монастырь и бил немцев. [z]

Известие это вполне согласуется со многими другими сведениями о бодричах, которые, приняв христианство несколько более добровольно, чем другие балтийские славяне, более придерживались его и даже после разрыва с немцами оставались как-то полухристианами. Хотя очень может быть, что смерть Местивоя от раскаяния и сумасшествия принадлежала к выдумкам средневековых монахов, какими наполнены все тогдашние летописи и сказания, но нет причин и отвергать ее: страх гнева св. Лаврентия мог действительно потрясти душу суеверного полухристианина, который опустошил его монастырь.

Но, во всяком случае, этот страх подействовал не так скоро, и перед смертью¹⁷⁴ Местивой успел еще на возвратном пути подступить к Гамбургу и выжечь этот важный город.

Пока он действовал таким образом в Немецкой земле, сын его Мечислав довершил дома разрушение христианских учреждений. В Мекленбурге он уничтожил женский монастырь, там устроенный, Годику, сестру свою, отдал в замужество какому-то Болеславу, и прочих девиц, которых там нашел, либо выдал за своих воинов дружины, либо отправил к лютичам и ранам¹⁷⁵.

Так гибло у балтийских славян христианство, уничтожилась немецкая власть за Эльбой, даже немецкие города, Гамбург, Кальве и другие, достались неприятелю. Славяне победоносно дошли до

¹⁷⁴ NB. 984 жив еще.

¹⁷⁵ Th. III, 10. Vice Christi et piscatoris ejusdem venerabilis Petri varia demoniacæ heresis cultura deinceps veneratur, et febilis haec mutacio non solum a gentilibus, verum etiam a christianis extollitur (т. е. лютичами) Ср. Гиз. II, p. 50, — вздор.

реки Тонгеры... опустошая и сожигая все города и села, попадавшие навстречу¹⁷⁶. Славян собралось огромное множество: тридцать полков¹⁷⁷ пехоты и конницы их шло вместе: полные самоуверенности и упования на помощь богов своих, за которых [394]мстили немцам, и не ожидая более никакого сопротивления, они шли смело вперед, грабя и опустошая, а впереди шли трубачи.

Наконец, однако, собрались немцы. Совокупив наскоро войско, сошлись архиепископ Гизилер, маркграф Дитрих и многие епископы, графы и знатные люди, и в воскресенье, едва рассвело, отслушав обедню и причастившись, быстро напали на славян и рассеяли их, и стали рубить их. Часть славян бросилась на какой-то холм, и те только ночью ушли оттуда. Славян погибло великое множество. Хвастовство немцев дошло до того, что они уверяли, будто с их стороны пало 3 человека, а со славянской почти все войско¹⁷⁸.

Но немцы, довольствуясь отражением славян, разошлись по домам, не трогая славян в их земле за Эльбой.

Справедливо судит об этой победе один из новых историков¹⁷⁹. То было событие величайшей важности и может сравниться со знаменитыми победами Генриха и Оттона: как они спасли Германию от венгров, так эта битва спасла и от славян. Если бы саксонские предводители были поражены, и разъяренные полки славян проникли в самое сердце Германии, то кто мог исчислить последствия этого? Но как ни важна Тонгерская победа, потеря для Германской империи была неизмеримая. Столетия прошли, пока не восстановилась в Славянской земле сила и слава немецкого имени.

¹⁷⁶ W. Gies. 102. Выдвинуть партии в Германии.

¹⁷⁷ В др. месте Т. 30 000.

¹⁷⁸ 983 – Thietm. III, 11 прод. *deorum tunc devastare non dubitarent, tubicinis precedeutibus. Non latuit hoc nostros. Conveniunt episcopi Gisilerus et Hilliwardus cum marchione Thiodrico caeterisque comitibus Riedago, Hodone et Binizone, Fritherico, Dudone ac patre meo Sigifrido, aliisque compluribus, qui ut dies sabbati primo illuxit, missam omnes audiunt, corpus animamque cœlesti sacramento muniunt, hostesque obvios fiducialiter inrumpentes paucis in unum collem effugientibus, prosternunt.* (Ann. Saxo: in loco qui Belzem dicitur 983). *Laudatur a victoribus in cunctis Deus mirabilis operibus approbaturque veredicus Pauli doctoris sermo (Salomo, Prov. 21,30). Non est prudentia neque fortitudo nec consilium adversus Dominum. Derelicti sunt, qui prius Deum spernere presumpserunt idolaque manufacta et prorsus inania creatori suo stulti preposuerunt. Appropriante tunc nocte nostrisque a longe castrametantibus hii, quos supra memoravi furtim, pro dolori evasere. Omnes vero nostri, exceptis tribus, crastino gaudentes remeabant, applauduntibus cunctis quos obviam habuere vel domi invenere.* Битва при Belxem: Leutsch, 162.

¹⁷⁹ W. Gies. 104.

Молодой и пылкий император Оттон II не перенес поражения в Италии и Славянской земле. Он впал в уныние и болезнь, и умер в скором времени после падения немецкой власти в земле Славянской (7 дек. 983 г.). Тогда еще более смутилась Германия.

Герцог Баварский Генрих, назначенный опекуном малолетнего Оттона III, вместо того, чтобы заботиться о нем, сам принял королевскую корону. Этот раз славянские народы, чехи, поляки и балтийские славяне, действовали заодно, и поняв, какая выгода им была поддерживать в Германии раздор, все пристали к нему. В Кведлинбурге, где Генрих принял титул королевский, пришли к нему Местивой Бодрицкий, Мечислав Польский и Болеслав [395] Чешский со множеством народу и клятвенно обещали ему помощь, как своему верховному государю¹⁸⁰. На стороне же Оттона остались главные защитники Германии от славян: Бернгард, наследник Беннона, герцог Саксонский; Дитрих, маркграф бывшей... украины и многие другие.

Чехи тотчас воспользовались новым положением дел. В союзе с Генрихом они овладели Мышинской маркией¹⁸¹ и истребили там все учреждения Герона, но балтийские славяне и поляки опять потеряли удобное время и оставались в бездействии. Генрих также не умел действовать: не собрал у себя никакой значительной силы, и потому, как только герцоги Саксонский и Швабский соединились и пошли на него, он должен был тотчас отказаться от сопротивления (985 г.) и клялся в верности Оттону.

Мечислав, князь Польский, едва только узнал об этом, стал опять самым преданным слугой Оттона III, как прежде его отца и

¹⁸⁰ 984. Thietm. IV. 2. Heinricus... pascha Quidilingeburg... peregit... Hac in festivitate idem a suis rex appellatur laudibusque divinis attolitur. Huc Misico et Mistui et Bolizlovo deces cum cæteris ineffabilibus confluebant auxilium sibi deinceps ut regi et domino cum juramentis affirmantes.

¹⁸¹ 984. Thietm. IV. 4. ...Heinricus Bolislavum ducem Boemiorum, in cunctis suimet necessitatibus semper paratum cum suis adit honorificeque ab eo successus, cum exercitu ejusdem affinitus suis per Niseni et Deleminci pagos usque ad Mogelini ducitur. Deindeque cum nostris obviam sibi pergentibus ad Meduburun profiscitur. Wagio vero, miles Bolislavi ducis B. qui Heinricum cum exercitu comitatur cum ad Misni redeundo perveniret cum habitatoribus ejusdem pauca locuts, Frithericum, Ricdagi marchionis tunc in Merseburg commorantis amicum et satellitum ad aecclesiam extra urbem (S. Nicolai ad Trübische) positam venire ac cum eo loqui per internuntium postulat. Hic ut egreditur, porta post eum clauditur et Ricdagus ejusdem civitatis custos et inclitus miles, juxta fluvium qui Tribisa dicitur, ab hus dolose occiditur. Urbs autem predicta, Bolizlavi mox presidio munita, eundem cito dominum et habitorem succipit.

деда, и опять задумал, с помощью немцев, расширить свою власть насчет балтийских славян.

Он помогал немцам¹⁸² в походе против них, но самый поход был совершенно незначителен: опустошили земли, принадлежавшие славянам. В то же время и Болеслав Чешский, лишившись в Германии опоры Генриха, возвратил Мышинскую маркию, и, установившись в ней, немцы опять мало-помалу овладели Лужицами¹⁸³.

Так долго оставалось положение дел. Вся земля лужицких сербов была во власти Германии и духовенства; земля стодорян и лютичей совершенно независима и предана язычеству. Земля бодричей и вагров также независима, но еще в некоторой связи с Германией через христианство, которое не было в ней совершенно истреблено. Балтийские славяне достигли чего хотели: полной свободы от светской и духовной власти немцев, ибо слабая привязанность бодричей к христианству была совершенно добровольна. Далее не про-[396]стиралось их желание: ибо, когда установилось это положение, они при всей слабости Германии не думали переступать ее границы и распространяться далее.

Открывалось опять для славян поприще, не такое блистательное, как 100 лет тому назад, потому что много было и уже тронуто и испорчено, но тем не менее великое. Как при Мефодии и Святополке, они опять были близки к соединению и к бескорыстному и свободному обращению в христианскую веру, а теперь даже средоточие этой деятельности было не на юге, далее от балтийских племен, а в самом их соседстве, в Польше. Точно возобновителем дела Мефодиева явился Войтех и преемником Святополковым Болеслав Храбрый, король Польский.

[XII]

[Войтех (Адальберт)]

Св. Войтех, сын Славника и Стрежиславы, из знатного чешского рода, был первый славянин, достигший в Римско-католической церкви епископского сана. Много мог он принести пользы христианству и своему народу, но, к несчастью, подобный Мефодию ревностью и любовью, не походил он на него способностью обращать язычников и утверждать в вере новообращаемых и грубых людей. Наставленный

¹⁸² Ann. Hild. Queld. 985.

¹⁸³ NB. В конце каждого ст. удобное время для славян.

христианскому учению и благочестивой Стрежиславой, и потом архиепископом Магдебургским Адальбертом, он смолоду был настроен скорее к созерцательной, чем к практической жизни. Правда, когда умирал епископ Пражский Дитмар, Войтех слышал, как он пред смертью толковал и каялся, что не очистил чехов от языческих нравов и не утвердил их в истинном христианском житье, и ощутил в себе сильное потрясение и перемену духа, но, избранный на место Дитмара, не более его наставил чехов и не умел приобрести того влияния, которое должен иметь духовный наставник на новообращенную паству.

Чехи не поняли его высокой добродетели, и он не понял, как говорить с народом, еще в половину языческим. Потому, при первой возможности, оставил он Прагу и отправился в Рим, где пробыл года в монашеских подвигах (993 г.). Возвратясь потом опять к своей пастве, он не мог вытерпеть в Чехии, не зная, как справиться с буйством и жестокими обычаями народа, не могли спасти в монастыре виновную, но каящуюся жену от ярости мужа, хотевшего убить ее, он плача оставил свою родину (995 г.) и, прибыв в Рим, был избран настоятелем монастыря св. Алексия, где прежде трудился¹⁸⁴. До того полюбился он молодому имп. Оттону III, которого прекрасная душа была также грустна и созерцательна, как Войтехова, что тот избрал его своим духовником. Но как ни любил он спокойной жизни монастырской и как ни подружился с Оттоном, христианская ревность и пример апостолов и великих святителей и то расположение духа, которое так часто влекло мистиков к мученическому венцу, все это призывало Войтеха к деятель[397]ности. Папа побуждал его возвратиться на родину, и если бы чехи его не приняли, проповедовать Евангелие язычникам. Чехи его действительно не приняли. Тогда он пошел на апостольский подвиг. Но к кому идти? Много для будущих веков зависело от решения Войтехова. Он думал идти или к лютичам, или к пруссам.

К лютичам все его приглашало. Он мог бы проповедовать им на языке для них понятном: а сколько это значило! Славянский проповедник Мефодий, не пролив ни единой капли крови, обратил болгар, все огромное государство Моравское, Чехию, Краков. От чехов приняли христианство поляки, от болгар – Русь. А проповедники немецкие лили потоками кровь и не обратили, а истребили славяноязычников. Не только понимать Войтеха, лютичи могли бы его принять без страха и радушно. Немецких проповедников они опасались и как представителей народа, который хотел их покорить. С чехами же они искони были в постоянной дружбе и союзе и недавно еще

¹⁸⁴ Wilmans, 138.

(990 г.) возобновили этот союз, имея всегда дело с общими врагами, поляками и немцами. При таких обстоятельствах кто бы мог угадать успех проповеди чешского святителя и последствия этого успеха?

Но Войтех решил иначе и пошел к пруссам. Что его побудило, один Бог знает. (Некоторое влияние Болеслава, который старался, и отчасти удачно, покорить пруссов). Но все здесь было против него. Он говорил на языке, для пруссов непонятном, и мог только прибыть к ним из Польши, где принят был с необыкновенной честью с польскими спутниками и как представитель польского князя: а пруссы ненавидели поляков как злейших врагов.

Побыв несколько времени в Польше, он с братом Радимом, одним священником и 30 польскими воинами поплыл (997 г.) вдоль по Висле и, прибыв в Гданьск, крестил здесь множество народу, поляков или поморян: то была еще земля единокровная. Потом поворотил к Пруссии и вышел на берег. Но туземцы приняли его так враждебно, что Войтех подумал, не лучше ли бы возвратиться и пойти к лютичам.

Но нет. Лютичам не было суждено спасение. Войтех ступил случайно на землю, посвященную пруссами богам, и прилег на ней (23 апр[еля]). Прусы бросились на него яростно и убили как оскорнителя святыни¹⁸⁵.

¹⁸⁵ *Miracula S. Adalberti* (Pertz, VI, 613). *Prutenus quidam nobilis ex Pomeranis quorundam causa negotiorum venit in Sambiam terram, scilicet in Pruscie partibus specialem, in qua ab incolis. ...Adall. martyrium consumavit; ubi cum a dicentibus cognovisset, quod ignotus quidam cujus loquela ab eis non intelligebatur, apud ipsos fuerat interfectus, ex-proposito cognocendi defunctum... pervenit ad locum. Reperiens igitur caput sanctum audivit id... dicere sibi. Tolle me deferque in Poloniam in civitatem que Gnesen vocatur et si illuc usque munde te conservans me detuleris, reverenter gloria et divicis tu et posteris tui in perpetuum sublimabimini super omnes qui habitant in hüs terris. Si vero pollueris viam tuam, generacio tua ultima non proficiet in melius nec decrescet in deterius, sed mediocri modo conpares vestri similibus persistetis. Hiis stupefactus homo gentilis tulit illud reponensque in vase profectus est versus Poloniam.* Дорогою он захотел увидеть жену и 2 детей и, оставив голову в дупле, отправился к ним, и, воротившись, не нашел головы. До сих пор весь род его в одинаковом положении.

Brunonis Vita S. Adalberti V, 26. После первой неудачной проповеди у пруссов... *ad ferocium quidem Liutizorum vdola surda prædicationis equos flectere placuit, quorum linguam cognovit et quos necdum visus, mutata veste et habitu fallere potuit. Hæc tum hoc ingenio bono dolo cogitavit, aut imperatoris filio reperire novum populum aut longis desideriis ponere finem. Set, o venerabile caput, quid te fatigas implexis cogitationibus? Prope est quod quæris. Non necesse est iniciare longam viam; dabit tibi brevior via Deus, quod tanto tempore quaesisti, jecore fideli amore humili, recto ore, mundo corde et animo toto. Ecce juxta te*

[398]Так римско-католическая проповедь от славян кончилась ничем.

Только длилась пограничная война, в которой немцы действовали наступательно, стараясь, но все еще безуспешно, возвратить

pulcritudo tua, ecce in foribus cujus nescit homo precium felix et incomparabile martyrium, ut nostro etiam ævo angelis habeat similem bonus Virginis ille filius, quia insperato te faciet martyrem suum! O quam pulcre ridet coelum quando cum corona intrantem videt Sclavum?

Vita S. Adalberti, 27. Aduersus diram barbariem prophanosque idolatras gladium predicationis acuens et aptans, cum quibus primum, cum quibus postmodum dimicare oporteret, animo deliberare coepit; utrum Liuticenses, quos christianorum praeda miserorumque hominum dampna pascunt, an Prusorum fines adiret, quorum deus venter est et avaricia juncta cum morte. Tandem alternanti pocior sententia successit animo, ut quia hæc regio proxima et nota fuerat duci praedicto (Bolizlavo Polonorum) Prusziæ deos et idola iret debellaturus. Dux vero cognita voluntate eius dat ei navem et ipsam pro pace itineris terdeno milite armat. Ipse vero adiit primo urbem Gyddanycz quam ducis latisima regna dirimentem maris confinia tangunt, Ibi divina miscricordia adventum eius prosperante, baptizabantur hominum multæ catervæ.

Miracula S. Adalberti (Pertz, VI, 613). Возвращаясь пешком, в монашеской одежде Адальберт в какой-то деревне спрашивал дорогу в Гнезно; жители, не понимая его и дивясь его одежде, не отвечали, а стали над ним смеяться, он сделал их немыми. Тоже в другой деревне. В третьей ему отвечали вежливо и показали дорогу. Потом он возвратил тем слово.

5. Eciam legitur, quod volens... Adalb. transire ad terras alias paganorum socium laboris et itineris sui virum sanctum nomine Gaudnceium in Gnesen pro se archiepiscopum constituit, perductusque in Pomeraniam a duce terre honorifice exceptus. Eundem quippe principem jam pridem... in Polonia baptizaverat cum illuc advenisset pro filiâ duc, Polonie. ...Proinde convocat dux Pomeranie populum suum ut a s. episcopo audiant verbum dei. Audientes igitur Pomeranii quod predicaret, quia dū eorum quos colebant dū non essent, sed demones, nec aliquid prestare boni possent vehementer indignati sun, contra eum blasphemantes, conveniuntque in unum qui inter eos prudenciores reputabantur, eum super verbis suis redarguere attemptantes Sed. s. Adalberto verba vite plenius prosequente se in deceptione devictos confitentur, nec tamen a cultu consueto ac primis traditionibus se velle recedere pollicentur. Ammirantes igitur valde super prudencia et responsis ejus et venerabili persone ipsius reverencia illecti, ipsumque super communem statum hominum esse aliquit arbitrantes petebant ut cum aliis diis eorum ab ipsis se permetteret adorari. Quo audito vir Dei nimium constriatus ac tanto errore eorum condolens graviter ingemuit, lacrimas quoque ubertim profundens sic eis respondet: Heu miseri, quam ceci estis et quam perdit, quantumque plorandi gui non solum demonibus pessimis sed etiam homini mortali deitatem vultis ascribere; que nisi soli Deo inesse potest. qui cuncta creavit. 6. Inde Prusciam mare transiens adjunxit se cuidam Pruteno qui Polonicam linguam novit, quem ad fidem cito convertit, Qui hospicio beatum pontifice excipiens, ipsi reverenter sequebatur et de mandato ejus christianum se esse ad tempus ab aliis occultabat.

потерянные области за [399]Эльбою¹⁸⁶. В 986 году они взяли в поход самого 6-летнего императора, и навстречу к ним пришел князь Мечислав с большим польским войском. Им удалось опустошить и разрушить много славянских городов и укреплений, но решительной битвы не было.

В следующем 987 году был предпринят опять поход, и некоторые разрушенные славянами крепости по Эльбе были возобновлены. Летопись немецкая даже уверяет, что славяне покорились¹⁸⁷. Но менее хвастливый Титмар сообщает обо всех этих годах, что Оттон (т. е. его правительство) *старался победить* многочисленные западные племена славянские (т. е. балтийские), которые часто поднимали оружие и грабили много немецких земель¹⁸⁸. Но пока еще старание это, что ни говорит хвастливая летопись, не было весьма успешно, ибо во все следующее время и бодричи, и лютичи, и стодоряне оставались в совершенной независимости. Они даже казались Германии так страшны, что в это время (984–996 гг.) Гильдевард, епископ саксонского города Гальберштадта, писал к своему другу Адельберону, епископу Мецкому: «Да спасет Божественная благодать, которая некогда сохранила Мец от гуннов, и нас теперь, со всех сторон гнетомых славянами, и избавит нас от всякой опасности»¹⁸⁹.

[XIII]

[Ссора поляков с чехами; союз поляков с немцами. – Кицо, князь лютичей]

Война немцев со славянами продолжалась непрерывно¹⁹⁰. Бодричи, которые в прежние года оставались как-то в стороне, теперь подверглись сильному нападению саксов; саксы опустошили, по

¹⁸⁶ Wilmans, 38.

¹⁸⁷ 986. Ann. Hildesh. Quedl. Поход in Sclaviam: Misaeo покоряется. 987. Iterum Saxones sclaviam vastant; unde illi compulsi, regis ditioni se subdunt, et castella juxta Albiam restaurantur. (Et in proxima hyeme aquae nimium inundaerunt, et ventus ingens multa aedificia stravit).

¹⁸⁸ 986–990. Thietm. IV, 8. Multis bellorum asperitatibus Sclavos lacessere rex non desistet. Orientales quoque adversum se presumentes insurgere devicit. De occidentali parte quam plures arma sepius commoventes multosque depredantes, ui et arte is superare contendit. Puerilia non est opus numerare, longumque videtur, qua pro prudentibus is effecerit conciliatoribus, enarrare.

¹⁸⁹ Wilmans 39.

¹⁹⁰ NB. Wilmans 216.

обычаю, их землю и каким-то образом случалось, что многие и знатнейшие бодричи были убиты или потонули в реке, какой именно — неизвестно¹⁹¹.

Лютичи же в первый раз теперь, сколько мы знаем, воспользовались своей независимостью, чтобы расширить круг своего действия и вступить в [400]политические сношения с чехами¹⁹². Чехи почему-то поссорились с поляками. Польский князь Мечислав, продолжая свой старый образ действия, просил помощи от императрицы германской Феофании, которая ему послала архиепископа Гизилера и много графов с большим войском. Болеслав Чешский обратился к лютичам, всегдашним союзникам его и князей чешских, его предков. Обе стороны сошлись в волости Сельполе, между Спревой и Одерой, куда действительно надобно было идти чехам, чтобы встретить лютичей и поляков, чтобы соединиться с немцами, шедшими, без сомнения, через Лужицу. Извещенные перебежчиком о приближении чехов, немцы, которые было расположились у какого-то болота, приготовились к битве; на заре отслушали, кто стоя, кто верхом, обедню (13 июля) и при восходе солнца выступили против неприятеля. Чешский князь вышел навстречу. С обеих сторон пересылались гонцы для осмотра местности и неприятеля. Болеслав послал одного из своих, Злопана по имени, и когда тот вернулся, спросил, каково войско? можно ли сражаться или нет? «Числом-то не велико, — отвечал Злопан, — а крепко, и все из железа. Сражаться можешь, но если победишь, то с таким уроном, что непременно попадешься Мечиславу; а если будешь разбит, то конец тебе и твоему государству». Видя, что он действительно попался между немцами и поляками, Болеслав заключил с первыми мир, а потом, при посредничестве архиепископа Гизилера и некоторых немецких графов начал переговоры с Мечиславом, который стоял у Одера; прочие же немцы возвратились домой. Но Мечислав не согласился на мир, хотя и оставлен был союзниками. Тогда чешское войско стало опустошать его земли и взяло город Немцы в Силезии (Nimptsch), прежде им принадлежавший, но отнятый поляками. Жители сдались добровольно и выдали ему начальника их, вероятно, поляка, поставленного Мечиславом. Чешский князь вручил его лютичам, которые тотчас, перед городом, отрубили ему голову и принесли его в жертву своим богам. Тогда вступили в переговоры и все захотели

¹⁹¹ 990. Ann. Hildem. Saxones Abotritos bis grandi irruptione vastabant. Multi quoque illorum et penitus nominatissimi interempti sunt, alii in flumine necatis. Saxones... cum pace et victoria redierunt.

¹⁹² NB. Лютичи заменяют stodoryan. NB. Wilmans 216.

разойтись по домам. Гизилеру и немецким графам нечего уже было тут делать, и они первые собрались в путь. Но Болеслав знал, что лютичи никак не преминут, при таком удобном случае, выместить на таких знатных немцах свои обиды, и что они их не оставят живыми, едва только чехи перестанут их стеречь, и потому тайно отправил Гизилера и его спутников ночью и наказал им спешить как можно более. Как только узнали об этом лютичи, явилось между ними огромное множество охотников, удальцов пуститься за немцами в погоню. С трудом удержал их Болеслав и успокоил их. «Вы пришли, – сказал он, – мне на помощь. Так стойте уж до конца в дружбе со мною. Этих немцев, за которыми вы хотите гнаться, я принял их к себе на свою честь и отпустил с миром, и я говорю вам, что покуда [401] я жив, не потерплю, чтоб их обидели. Я знаю, правда, что велика вражда между вами и немцами. Так подождите же: настанут времена лучше этих, и будет вам когда выместить на немцах все ваши обиды». Несколько успокоил Болеслав своих лютичей и продержал их у себя тогда нарочно два дня. Утвержден был новыми уверениями старый союз и старая дружба между чехами и лютичами, и они поклонились друг другу, и лютичи отправились обратно. Но едва только они очутились вне надзора чехов, как выбрали 200 человек расторопных всадников (*milites*) и пустили их за немцами вдогон. Но каким-то случаем узнал об этом один из служителей графа Годоня и тотчас известил возвращавшихся спутников Гизилера, которые иначе, считая себя вне опасности и будучи малочисленны, сделали бы их жертвами. Те поскакали без остановки и благополучно прибыли в Магдебург¹⁹³.

[402] Кажется, ничего не может яснее этих подробностей доказывать совершенной независимости лютичей и опровергать слова летописца.

Но немцы никак не признавали этой независимости и все хотели опять завоевать себе правый берег Эльбы. К этому влекла теперь не только, как прежде, потребность защиты от славян, но и бесчисленные личные интересы, столь сильные в исторических делах. Изгнание немцев из Залабья, уничтожение всех учреждений Оттона В.

¹⁹³ NB. 990. Thietm. IV. 9. Miseco et Bolizlavus inter se dissonantes, multum sibi invicem nocueunt. B. Liuticios suis parentibus et sibi semper fideles in auxilium sui invitat; M. autem predictae imperatricis (мать Оттона) adiutorium postulat. Quæ cum tunc in Magadoburg fuisset, Gisilerum ejusdem archiep., comitesque hos, Ekkihardum, Ericonem, Binizonem, cum patre meo et eius equivoco (Sigifrido, comite stadensi), Brunone ac Udone cæteris que compluribus eo misit. Qui vix cum 4 proficiscentes legionibus ad pagum Selpuli dictum venerunt, ac jux-

ta unam paludem, supra quam pons longus porrigitur, consederunt. Et ecce, in noctis silentio unus ex sociis Willonis, qui pridie ad perspicendum suimet predium precedens a Boëmiis captus est, evadens periculum imminens Binisoni primo in-dixit comiti. Tunc nostri qui ammonitione celeriter surgentes, se preparant et in ipso jam venientis aurorae crepusculo missam audiunt, quidam stando et alii super equos sedendo; et in ortu solis exeunt e castris, solliciti de eventu futuri certaminis. Tunc Bolislavus cum suis venit turmatim 3 Idus Iulii, et utrimque nuncii mittuntur. Et ex parte Bolislavi quidam miles, Slopan nomine, ad perspicendum agmen nostrorum accessit, et reversus inde interrogatus a domino, qualis esset exercitus hic, si cum eodem potuisset pugnare, an non. Ortabantur enim hunc satellites sui, ut nullum de nostris vivum sineret abire. A quo sic ei redicunt: «Exercitus hic quantitate parvus, qualitate sua optimus et omnis est ferreus. Pugnare cum eo tibi potis est; sed si tibi hodie victoria evenit, sic prosterneris ut fugiendo Miseconem inimicum te continuo persequentem vix aut nequaquam evadas, et Saxones tibi hostem in perpetuum acquiras. Si autem victus fueris, finis est de temet ipso et de omni regno ad te pertinenti. Non enim remanet spes ulla resistendi inimico te undiquessecus vallanti». Talibus alloquitis furor illius sedatur, et pace facta principes nostros alloquitur, ut qui contra eum huc ventrent, cum eo ad Miseconem pergere et in restituendis suimet rebus se apud Miseconem adiuvari voluissent. Hoc laudabant (*geloben*) nostri, et Gisilerus archipresul cum Ekkihardo, Esicone et Binezone comitibus proficiscebatur cum eo cæteris omnibus domum cum pace revertentibus. Advesperascente iam die hiis omnibus arma sumuntur, et mox cum iuramento firmatis redduntur. Venit Bolislavus cum nostris ad Oderam; ad Miseconem nuncius mittitur, qui diceret, se in potestate sua auxiliores suos habere. Si regnum sibi ablatum redderet, hos incolomes abire permetteret; sin autem, omnes perderet. Sed Mizeco huic respondit: Si voluisset rex suos acquirere salvos aut ulcisci perditos faceret; et si hoc non fieret quod propter eos nil omnino perdere voluisset. Hoc Bol. ut accepit, salvis omnibus nostris, quaecumque potuit ex locis circumjacentibus predatur ac incendit. Inde reversus urbem unam. ... (По Косме праж. Nimptsch), nomine possedit et hanc cum domino eius, *urbanis nil repugnanti-bus*, acquisivit, eundemque Liuticis ad decoli landum dedit. Nec mora, diis fautoritus haec ostia ante urbem offertur, et de reversione ab omnibus tractatur. Tunc Bol., sciens nostros ex parte *Liuticiorum incolomes* non posse domum sine eo pervenire, crastino dimisit eos crepusculo, ut ammoniti fuerant multum properantes. Quod ut predicti hostes comperierunt, pone sequi maxima electorum multitudie mox nitebantur. Quos Bol. vix conpescuit talibus: «vos, qui in meum huc venistis auxilium, videte ut hoc perficatis bonum, quod incepistis, pro certo scientes, quod hos quos in fidem succepi meam et in bona pace dimisi, vita superstitute mea nullum hodie pacior perpeti malum. Non est nobis honor nec consilium, hactenus amicos familiares nos nunc effici manifestos hostes. *Scio magnam inter vos esse inimiciam*; et hanc ulcisci eveniunt vobis tempora hiis multo apciora. Hiis sedati eloquis Liutici, duos ab eo detenti ibidem dies, et tunc invicem salutantes antiquumque foedus renovantes discescerunt. Et tunc illi infideles, qui nostros insequerentur, quia pauci erant 200 milites eligerunt. Quod nostris mox a quodam Hodonis satellite comitis intimatum est. Unde in ipsa accelerantes hora, Deo gratias! ad Magadaburg incolomes pervenerunt, hostibus se in vanum sic laborantibus.

стольким немцам причинило огромные частные потери. Сколько графов осталось без земли и без власти, сколько епископов без доходов, сколько духовенства, прежде жившего богато и покойно, без куска хлеба. До того обеднела Магдебургская церковь, самая значительная в восточной половине Германии, что надобно было императору, чтобы поддержать ее, дать ей новые большие поместья и треть всех доходов германской казны с Чехии.

Таким образом, и властолюбие, и желание отомстить за уроны, и необходимость собственной защиты и выгоды множества знатнейших лиц, и светских, и духовных, все побуждало к непрерывной и упорной борьбе со славянами. Важнейшей точкой, от которой зависело, если не совершенное обладание, то, по крайней мере, прочная основа на правом берегу Эльбы, считался в то время Бранибор. Потому около него завязалась упорная борьба: немцы старались занять его, лютичи отстаивали.

В 991 г. князь польский Мечислав прибыл к германскому двору и встретил там Светлый праздник. Через несколько времени он опять оставил Польшу и с большим войском подступил под Бранибор на помощь немцам. С другой стороны сам Оттон пришел к Бранибору с войском, набранным в Саксонии, и началась осада. Бранибор был взят и занят немцами, а Оттон и Мечислав возвратились восвояси. Что побудило Мечислава к этой войне, которая принесла пользу одним немцам, трудно отгадать.

[403] Но в скором времени какой-то Кицо, отличный воин из Мерзебургской украины, недовольный маркграфом Дитрихом (II), ушел к лютичам и был ими принят с честью¹⁹⁴. Они вверились его начальству, и он повел их на Бранибор и смелым нападением взял его. Овладевши Бранибором, он сделался как бы предводителем этих славян и стал водить их за Эльбу, грабить и опустошать немецкие земли¹⁹⁵. Но однажды ему не посчастливилось, и он с трудом успел уйти к своим лютичам. На другой год (992 г.) опять был предпринят поход больше прежнего. Прежде ходили одни саксы с поляками, теперь же около короля собрались еще два великие его вассала, герцог Баварский и князь Чешский, несмотря на свою дружбу с лютичами. Но

¹⁹⁴ NB. Ср. Вихман.

¹⁹⁵ 991. Ann. Hildsh. Otto rex cum magno ex. Saxonum ac supplemento Misacon Brennanburg obsedit et vicit. Illo autem inde digrediente, Saxonibus quidam Kizo eandem urbem Liutizorum auxilio audacter satis contra regis imperium invasit atque praedictorum sclavorum pertinacia adversum jus fasque omne iniuste ditioni suae subegit; crebras Latrociniarum irruptiones in Saxoniam juxta Albiam flumen molitus est, a quibus Dei gratia non victor, sed veluti fugitivus predo, latitando aufugit.

поход кончился ничем. Лютичи обещали мир, и имперские князья, сопровождавшие императора, более всех, без сомнения, князь Чешский, заставили короля согласиться. Но едва только немцы удалились, как лютичи тотчас нарушили все условия и принялись за старую вражду¹⁹⁶.

В то же самое время шла война и с бодричами. Немцы сразились с ними два раза, и, видно, очень несчастливо, потому что летописец не говорит о победе, а только о падших. Он рассказывает, что в битве 18 июля пал верденский диакон Дитгар, знаменосец, и много других погибло, а в другой – 22 августа – убит был бременский священник Галегред, также знаменосец¹⁹⁷. Замечательно и важно это участие духовенства в битвах со славянами. Обычай духовенства носить оружие был весьма распространен в средние века, но нигде не мог он быть вреднее, как в борьбе немцев с балтийскими славянами, которые так упорно отталкивали христианство.

Немало, без сомнения, прибавлял он к отвращению их от веры, которую исповедовали немцы: могли ли они слушаться и уважать, как отца, [404]священного проповедника, человека, с которым дрались на войне, и видеть бескорыстного благовестителя истины в том, кто их бил и резал?

Побыв несколько времени у лютичей вроде князя, Кицо захотел примириться со своими. Начались тайные переговоры, и Кицо, прельщенный обещаниями немцев, вдруг впустил их в Бранибор и сам им поддался. Лютичей это раздражило до неистовства¹⁹⁸. Сколько у них ни было вооруженных людей, все это устремилось к Бранибору. Король был в то время в Магдебурге и тотчас отправил на выручку своим в Бранибор всех соседних маркграфов и графов. Но когда они перешли за Эльбу, лютичи успели удачным и сильным нападением вторгнуться в середину немцев и разорвать пополам их войско. Одна часть

¹⁹⁶ 992. Ann. Hildsh. Otto rex cum valida suorum manu iterum Brennanburg adiit venitque ad eum Heinricus dux Baiariorum et Bolizlao Boemanorum princeps, cum ingenti multitudine in auxilium regi. Bolizlav vero, Misachonis filius per seipsum ad d. regem venire nequaquam valens, – imminabat quippe illi grande contra Rusianos bellum, suos sibi satis fideliter milites in ministerium regis direxerat. Verum D. rex, bonis Sclavorum promissionibus confidens, suisque principibus resistere nolens, pacem illis iterum concessit, et inde in patriam remeavit. Sed illi more solito mentiti sunt per omnia.

¹⁹⁷ 992. Ann. Saxo. Bis a nostris hoc anno contra Slavos pugnatum est, primum 14 Kal. Julii, in quo prelio Thiethardus Fardensis ecclesie diaconus signifer cum multis occubuit aliud. II Kal. Septembris in quo Halegred signifer Bremensis presbiter occisus est. (NB.: свящ. и еписк. сраж. против славян: какое к ним уважение?)

¹⁹⁸ Такие выраж. не хороши.

пробралась в Бранибор, а другая, с уроном, была оттиснута назад. Лютичи осадили Бранибор и сильно теснили немцев, там засевших, как король, встревоженный отступлением своих, сам пришел к ним на выручку. Завидев его, лютичи сами отступили и расположились станом поодаль. Обрадовались немцы, и осажденные, и прибывшие к ним на помощь: увидев своих издали, осажденные запели: кирие елсеисон (Господи, помилуй), а вступавшие в город единогласно подхватили, и так они встретились. Оставив военную стражу в Браниборе, король возвратился в Германию. Кицо получил за это дело в награду, как прежде Тугомир, управление Бранибором: ему возвратили жену и дружинников. И Бранибор на несколько лет остался за немцами¹⁹⁹.

[405]В этом же году были предприняты саксами три других похода против славян, вероятно, бодричей, но они ничего не сделали, и не могли помешать славянам тревожить Немецкую землю беспре-
рывными нападениями и грабежами²⁰⁰.

¹⁹⁹ 993. Thietm. IV, 15. Sed quia superius destruccionem Brandeburgensis aecclesiae dixi, nunc qualiter ad tempus prefato subderetur regi, breviter explicabo. Fuit in nostra vicinitate quidam miles inclitus, Kiza (charta Ottonis II 977. Hofer I, 155) nomine, qui a marchione Thiedrico aliter quam sibi placeret habitus est. Ob hoc et quia facultas suae nequaquam impietati suppeteret ad hostes perrexit nostros; qui eundem in *omnibus sibi nimis fidelem* cognoscentes, supramemoratam urbem nobis sacius (NB) ad nocendum ei commiserunt. Hic postea nostris delinitus blanditiis, eam regiae potestati cum semet ipso tradidit. Unde Liutici nimio furore succensi, eum cum omnibus, quas habebant catervis ilico petebant. Interea rex in Magathaburg fuit; et cum hoc comperiret, quos ibi tunc habebat; celeriter eo misit, Ekkihardum marchionem (Misn.) et 3 avunculos meos (Heinricus, Udo, Sigefridus, comites Stadenses) cum Frithrico comite palatino et patruo meo (Lotharius marchio aquilonalis). Et hii omnes eo cum suis venientes, interrupti sunt ab hostibus se acriter irrumpentibus, et una pars ex nostris in urbem venit, alia vero quae remansit, cesis militibus nonnullis, rediit. Tunc rex, collectis undiquessecus sociis, illo properat, et hostes nostri magnam vim defensoribus urbis inferentes, cum ultimam legionis vidissent, cito amotis fugierunt castris. Nostri autem in ereptione interius gaudentes, Kirieleison canunt et advenientes unanimiter respondent. Munita urbe presidio rex abiit et eandem in sua potestate diu tenuit. Post haec Kizo ad Quidilingaburg cum veniret, civitatem suam cum uxore et satellitibus suis perdidit; quae omnia urbe excepta post recepit. Unus autem suimet miles Bolibut nomine, cuius consilio hoc totum, quamvis tunc absens esset, agebatur, ibidem dominabatur; et Kizo cum in his partibus post latenter nocere volluisset, optimus miles cum suis interfectus est.

993. Ann. Hildsh. Kizo, qui antea rebellis extiterat et refuga, fidem Sclavis jampridem promissam evacuans, seipsum cum suis et cum predicta urbe Brennanburg regis ditioni subdidit. Ges., 281.

²⁰⁰ Ann. Hildsh. Et eo anno Saxones 3 vicibus expeditionem paraverunt in Sclavos, et nihil perfecerunt; e contra Slavi crebris latrocinis Saxoniam fatigabant.

Во все это время (994 г.) норманнские витязи, а без сомнения, с ними и славянские, опять страшно нападали на немецкие берега^{201, (131)}.....

В то самое время, пользуясь разными бедствиями, которые обрушились на Саксонию, голодом и мором²⁰², все племена славянские по Эльбе (кроме сербов) взялись опять за оружие и стали нападать на все соседние немецкие области, и даже подступать под Гамбург. Следующий год был для саксов еще бедственнее²⁰³. Зима продолжалась необыкновенно долго, лето потом было такое сухое, что не только ручьи пересохли, через большие реки можно было везде переходить в брод, хлеба не родилось, скот попадал от жары, люди мерли от голода и мора. Славяне со всех сторон нападали, грабили, жгли по всей стране²⁰⁴. Они владели обоими берегами Эльбы и имели, без сомнения, в союзе с норманнами множество кораблей, на которых легко проникали в глубь немецких земель и уходили, когда приближалось сильное войско неприятельское. Набеги их доходили до самого Гильдесгейма и угрожали этому городу, одному из первых во всей Германии. Предоставленный своим средствам Бернвард, епископ Гильдесгеймский, должен был для защиты своей паствы выстроить почти на границе своего епископства, при слиянии Алеры и Одеры, крепость, из которой удалось их отразить. Но удерживаемые с этой стороны, они тем сильнее бросились на другие части епископства и в каком-то поле Вириногольт устроили себе удобное пристанище, откуда ходили во все стороны грабить. Но епископ отнял у них это место и устроил здесь для своих людей крепкое убе-

²⁰¹ Все по Гиз.

NB. Рассказать и выдвинуть после Йомб.

²⁰² 994. Ann. Quedlinb. Continuatio. Разные бедствия, зима до мая, засуха, голод, мор. (Опис.) *Sclavi insuper omnes, exeptis Sorabis, a Saxonibus defecerunt. 994. Thietm. IV, 14. Hiemps qua precesserat, asperitate et pestilentia nimioque frigore et vento ac insolita siccitate plena erat. In hac devicti sunt Sclavi.*

²⁰³ 995. Ann. Quedlinb. Cont. *Saxonibus peior annus priore exoritur... pestilentia. (Опис.) Fame insuper magna compressi, tum assidius Sclavorum incursionibus fatigabantur ut peccatis suis promerentibus juste de eis illud propheticum dictum videatur: Mittam super eos tria judicia pessima, pestem, gladium et famem. Rex quoque tertius Otto cum magno ex. Apodritos et quasdam Wlotaborum terras invadens et depredationibus plurimis vastavit licet motum eorum nullo modo compresserit.*

Ann. Hildsh. *Rex Abodritos vastavit urbes et opida disjecit, occursitque in auxilium Bolizlao filius Misaco cum magno ex. necnon Boemani cum filio alterius Bolizlau venerunt. Recepit que se rex in Saxoniam cum ex. incolumi.*

²⁰⁴ NB. Все это в союзе с норм.

[406]жище, выкопав рвы, выстроив укрепления и собрав вооруженных людей и припасы²⁰⁵.

Все эти нападения побудили Оттона к решительному походу против славян. Долго собирал он силы и в конце лета пошел на них. Войско его было великое. К нему присоединились Болеслав Польский и чешский отряд. Поход был направлен к устьям Эльбы, против бодричей, потому что в этой стороне происходили преимущественные нападения и славян, и норманнов. Король укрепил вновь Гамбург и посадил там для защиты архиепископа Гизилера, наказав ему держать город четыре недели: после этого срока будет ему смена. Сам он тогда вошел в землю бодричей. Он дошел до Мекленбурга (10 сентября) и занял его. На дороге разрушал города, крепости и села, но сдачи не было. Никогда еще не проникали немцы так далеко. Из Мекленбурга поворотил он на юг, в землю лютичей, и прошедши через волость доленчан, и заняв Гавельберг, он воротился в Саксонию невредимо.

Но этот блистательный поход, или лучше сказать, прогулка по земле Славянской не имела никаких последствий. Славяне несколько не были усмирены, и едва только разошлось Оттоново войско, продолжали нападать по-прежнему²⁰⁶.

Арнебург... чуть не достался в их власть. Они подступили к этому городу и пригласили архиепископа Гизилера на совещание о

²⁰⁵ Thangmari vita Bernwardi ep. Hildesheimensis. 7. (994–995) Saxonia... magna ex parte pyratorum cæterumque barbarorum feritate depopulata, continuis latrocinantium incursionibus sine intermissione patebat. Quam pestem reip. depellere magno sui suorumque periculo semper instabat, et nunc cum aliis, interduellum quoque cum suis solus super eos irruens, fortiter illos attriverat. Sed cum hujusmodi irruptiones sedari nullo modo posset, quippe cum barbari qui utrumque litus Albiæ et naves omnes sua ditione tenebant, navali evetione per omnem Saxoniam facillime se infunderent; vigilantissimus Dei pontifex (B.) curam sibi commissæ plebis agens, quomodo populum Dei de sævicia barbarorum eriperet animo fluctuabat. Furorem namque sui impetus pene Hildenesheim usque intentabant, et ipsum sanctum locum prædam sibi promittebant. Divino itaque incinctu in extremo fere sui episcopatus, ubi flumina Alera et Ovokare confluent, mini-tiunculum admodum munitam (Mundburg) exstruxit, in qua copiis militum dispositis barbarorum impetum repulit populumque Dei ab hostili feritate liberavit... Hac industria barbario tumultu in illis locis eliminato, acrius in circumscripta loca debachati sunt. Unde... in rure Wirinholt nuncupato, ubi tutissima illorum statio fuerat liber quoque latrocinii incursus, quoquumque suæ fraudis insidias intentarent, præsidium minitissimum instituit, fossisque aquarumque meatibus per rivum influentibus tutissimum reddidet, copiasque militum victv et armis caeterisque necessariis instructas habundantissime collocavit.

²⁰⁶ NB. Thietm. IV, 14. Wilm. 84. 995. Thietm. IV. 12. Rex Apodritos petit et Wiltios vastavit. 995. Ann. Hildsh., Sclavi frequenti irruptione Saxoniam vastant.

мире. Он послал вперед некоторых из своих воинов, других оставил в городе и сам поехал в телеге – неосторожно с небольшой дружиной. Дорогой один из спутников заметил, что славяне выходят из лесу и идут на них. Действительно, они бросились на немцев, и началась схватка. Гизилеру [407]удалось ускакать на своей телеге, а почти все его спутники тут пали: только немногие ушли (2 июля). Славяне же возвратились к своим с доспехами убитых немцев. Но Гизилер все-таки, хотя осталось у него весьма мало людей, удерживался в Арнебурге еще два дня до указанного срока, но тут, не дождавшись выручки и зная приближение маркграфа Лотара, передал ему крепость и сам уехал. Но еще не успел Лотар войти, как увидел столб дыма, подымавшийся из города. Тотчас послал он гонца к архиепископу, просить его вернуться. Но тот не хотел подвергаться новым опасностям и не пришел. В двух местах уже сильно горело (вероятно, подожгли славяне тотчас по удалении епископа), и Лотар, понапрасну попытавшись тушить огонь, возвратился назад и оставил ворота Арнебурга открытыми славянам²⁰⁷.

В это время Кицо, начальник браниборский, оставил зачем-то город и отправился в Кведлинбург. Его отлучкой воспользовался славянин Болибуд, прежде служивший Кицо, вероятно, из лютичей, и овладел Бранибором, и женой и людьми Кицо. Ему потом отдали жену и людей, но Бранибор остался в руках Болибуда и славян. Кицо старался отнять его разными хитростями, но был убит со своей дружиной. Таким образом, правый берег Эльбы опять был весь во

²⁰⁷ 995. Thietm. IV. 25. Revocemus ad memoriam, quod miserabiliter Gisilero archipresuli (Acta Sanct., I mens. Maj 433). incuria sui contigit damnum. Imperator ob defensionem patriæ Harnaburg civitatem opera muniens necessario, eam 4 ebdomadas ad tuendum huic commisit. Qui fraude ignota ad placitum a Sclavis vocatus, cum parva multitudine exiit. Alii namque precesserunt et quosdam in urbe reliquit. Ecce autem unus e consociis ejusdem a silva erumpere hostes prodidit. Congredientibus vero tunc ex utraque parte militibus, archiantistes qui curru venit, equo fugit alato, ex suis mortem evadentibus paucis. Slavi victores preda interfectorum 6 Nonas Julii sine periculo pocuntur (plurimi mortui adnotantur in Necrol Merseburg. Jul. 2) et archiepiscopum sic elabisse conqueruntur. Custodivit tatem, quamvis sic lugubriter mutilatus, urbem ad dictum deim Gisilerus, tristisque reversus, obviam habuit patrum meimet marchionem Luitharium, cujus curam civitas predicta tunc respiciebat; firmiterque ei eam committens abiit. Accessit autem comes et ut urbem vidit incendio fumigantem, archiepiscopum remeare per internuntium frustra petiit. Ipse autem ignem in duobus locis jam alte ascendentem extinguere temptans, cum nil omnino proficeret, portam hostibus patentem derelinquens, domum mestus revisit; et accusatus post apud imp., imputatam sacramento purgavit culpam.

власти славян. Наконец, даже Оттон (996 г.) отказался от него. Собираясь идти в Италию и желая оставить Германию спокойной, он заключил со славянами мир. Давно уже немцы не договаривались с балтийскими славянами как с независимым и равноправным народом, считая их возмущенными подданными, и как переменялось их положение в последние 30 лет: прежде Оттон I делал выговор своим герцогам и графам за то, что они согласились на мир и дань далекого племени ратарей и не приняли мер к их истреблению. Теперь немцы признавали за славянами полное владение всем правым берегом Эльбы и только заботились о том, чтобы они оставили их в покое. В то же самое [408] время происходило в Польше большое развитие сил и движение; балтийские славяне могли ожидать себе отсюда единства и спасения.

Политика великого Болеслава стремилась постоянно к тому, чтобы связать в одно целое еще разрозненные славянские племена; соединить Польшу и чехов в одно сильное государство, которое могло бы стать наравне с Германским королевством.

Великое дело его разбилось о внутреннюю слабость его народа, о преданность балтийских славян языческим верованиям и мелкой независимости и о неспособность его преемников; но сперва он имел успех удивительный. Первым делом его, от которого Польша могла получить неисчислимые выгоды и которое могло бы положить начало соединению балтийских славян под Польской державой, было приобретение Поморья между Одерой и Вислой и утверждение Польши на море. Подробностей этого события мы не знаем²⁰⁸, да и едва ли оно стоило больших трудов. Поморяне, особенно заодерские, которые еще не приходили в столкновение с чужими народами, вероятно, так же легко поддались польскому князю, как и другие ляхские ветви, из которых образовалось Польское государство. Уже в 997 году Гданьск, самый задний пограничный с пруссами город поморский, был во власти Болеслава, и у поляков была великолепная гавань. Открылись у них сношения с прибалтийскими народами²⁰⁹; Болеслав вступил в союз с сильным шведским королем Эрихом Победоносным, преследователем христианства, врагом Свена, короля датского, и союзником йомских витязей, который с помощью славян овладел датским престолом и владел обоими королевствами – Данией и Швецией – до смерти своей (около 1000 г.). Союз этот был скреплен браком Эриха с польской княжной, сестрой или дочерью Болеслава.

²⁰⁸ Длугош выдумал. Röppel, 107.

²⁰⁹ Ad. II, 34, сходя.

Вместе с польской властью и христианство начало мало-помалу распространяться в Поморье. Народ, сколько видно, принимал его добровольно, потому что Войтех, проезжая через Гданьск, крестил множество народу, приходившего к нему на встречу.

Успехи христианства в Поморье были так значительны, что через несколько лет, когда имп. Оттон III прибыл в Гнезно на поклонение мощам св. Войтеха (1000 г.) и учредил, по просьбе Болеслава, архиепископство и несколько епископств в Польше²¹⁰, было учреждено епископство и в Поморье: митрополией его был назначен большой и знаменитый своими соловарнями город Колобрег и епископом поставлен Рейнберн²¹¹.

[409]

[XIV]

[Болеслав Храбрый, Польский]

Итак, наконец, после двух столетий со времени Карла V. хотя одно племя между балтийскими славянами вступило в государственную жизнь: оно должно было, правда, отказаться от старинной, племенной независимости, но имело зато своего природного государя и свою церковь, независимую от немецкого короля и духовенства; ибо хотя епископ Рейнберн был немец, но он прямо подчинен был независимому архиепископу Польши, которым в то время был чех Радим, брат св. Войтеха.

Жаль, что Болеслав не продолжил дела, начатого в Поморье так легко и счастливо. Переступив в этой стороне за Одеру, он бы мог, не без некоторых войн и усилий, но с несомненным успехом присоединить к своему государству западное Поморье и мелкие ветви

²¹⁰ Краковское, Вратиславское и Познанское.

²¹¹ Barthold 343. Thietm. VII. 52 (rex Ruscorum Wlodimerus) tres habens filios, uni eorum Bolizlavi duci nostrique persecutoris filiam in matrimonium duxit, cum qua missus est a Polenis Reinbernus, presul Salsae Cholbergiensis. Ille in pago Hassegun dicto natus liberalique scientia a prudentibus magistris educatus, gradum episcopalem ascendit ut spero dignus. Quantum autem in cura sibi commissa laboraverit idem, non meae sufficit scientiae nec etiam facundiae. Fana idolorum destruens incendit et mare demonibus cultum, inmissis quatuor lapidibus sacro crismate perunctis et aqua purgans benedicta, novam Domino omnipotenti propaginem in infructuosa arbore, id est in populo nimis insulso, sanctae predicacionis plantacionem eduxit. Узнав, что Святополк по наущению Болеслава хочет ему противиться, Владимир посадил его с женою и Р. в тюрьму, где Р. и умер^[38].

лютичей и бодричей, которые не были бы в состоянии противиться его сильной воле и храброму войску; притом же немцы не стали бы защищать от христианского государя своих вековых врагов, залабских язычников. Здесь бы повторилось то, что произошло в самой Польше: разрозненные, но единокровные полякам ветви балтийских ляхов легко бы слились с ними в один народ и одно государство, приняли бы мало-помалу христианство, проповедуемое добродушно людьми, к ним благосклонными, и Болеслав, оставляя своим преемникам все Поморье от Вислы до Голштинии и от Буга до Эльбы, скрепленное в одно государство, достиг бы своей цели, создал бы такую Польшу, какую хотел: средоточие всех западных славян, равносильную и равноправную с Германией.

Жаль, но Болеслав ошибся и увлекся. Видно, так было угодно судьбе, чтобы и это дело кончилось ничем. Вместо того, чтобы вести медленным, но верным шагом развития Польское государство все далее по Балтийскому морю на запад, он предпочел блистательный, мгновенный, но неверный подвиг, решил соединить под одной властью государства Польское и Чешское и тотчас с их соединенными силами осилить немцев, отнять у них марки Лужицкую и Сербскую и сделаться тотчас обладателем правого берега Эльбы. Рассчитывая, вероятно, слишком много на расположение чехов к единоплеменным полякам, он не подумал, что чехи, уже давно утвердившиеся в государство и имевшие своих народных, независимых государей, неохотно снесут господство чужого; не подумал, что при первой вести о гибельном для них со[410]единении чехов с Польшей немцы устремятся на него всеми силами и что даже если удастся овладеть землями Лужицкой и Сербской, то обладание ими всегда будет неверно и опасно, потому что славяне были здесь уже так беспомощны и подавлены немцами, что не могли быть полезны полякам, и здесь именно находились самые крепкие и старинные крепости и военные поселения немцев.

Но Болеслав, видно, был пылок и охотник до блестящего и громкого и, узнав о смерти Оттона III (1002) и о распрях между немцами при избрании нового государя, тотчас вторгся в Лужицу, взял Будишин и Мышин и всю землю до Эльстры. Началась война, и Болеслав должен был уступить часть своих завоеваний, но удержал Лужицу и землю мильчан, т. е. пространство между Бобром и Эльбой. Последствия этого мира были важны в нравственном отношении как признание немцами независимости балтийских славян; но самый мир недолго соблюдался²¹². Немецкие летописи обвиняют славян в

²¹² 996. Ann. Quedl. compacta inter Saxones et Sclavos pace, Italiam perrexit.

его нарушении: они часто нападали на Саксонию и производили в ней грабежи. Потому император, лишь только вернулся из Италии в 997 году повел войска за Эльбу и вступил в Стодорскую землю и, произведши там обычные грабежи, возвратился благополучно в Магдебург. Но в то самое время, как саксонское войско было занято за Эльбой, лютичи перешли на немецкий берег и, вторгнувшись в Саксонскую волость Барден-гау, нанесли немцам много зла. Император оставил для защиты этой страны войско, набранное у западных саксов (вестфалов), сам же он повел на славян восточных (остфалов). Эти вестфалы выступили против славян, минденский епископ Раймвард с крестом в руке бросился вперед, за ним пошли знаменосцы и все войско устремилось за ним на славян (6 ноября). Славяне были побеждены, и потеря немцев не была так значительна: летописец упоминает между множества убитых о графе Гильдурфе, падшем в этот день. Славяне ушли за Эльбу, а император не думал их преследовать, потому что была поздняя осень²¹³.

[411] Ни поход императора в Стодорскую землю, ни вторжение славян в Саксонскую не изменили ни в чем положения дел. Пограничная война со славянами продолжалась, без сомнения, по-преж-

²¹³ 997. Thietm. IV, 20. Imp. autem a Romania discedens, nostras regiones invisit et accepta sclavorum rebellione, Stoderaniam, que Hevellun dicitur, armato petens milite, incendio et magna depredatione vastavit et victor Parthenopolim rediit. Ob hoc hostes nostri Bardingau turmatim aggressi, a nostris sunt devicti. In illo certamine Ramwardus Mindensis ep. fuit, qui socios arrepta in manibus cruce sua sequentibus signiferis precessit, et ad hæc facienda potenter consolidavit. In illo die Gardulfus comes cum paucis occubuit (8 Id. Nov.) ex hostibus autem maxima multitudo; caeteri relictæ præda fugierunt.

997. Ann. Quedl. contim. Sclavi innata sibi perfidia tacti, pacis fregerunt pactum. Terminosque saxonicos latrociniis corroserunt furtivis. Quos contra commotus imperator Ztodorianam, quam vulgo Heveldum vocant, egregiam inter sclavonicas terram, magno invasit exercitu, prædavit victorque in Magadeburch, præcipuam Saxoniae urbem, gloriose subintravit. Interim autem dum imp. ... Heveldum devastando percurrit, congregati Wlotabi Bardangao provinciam improvisi rapinis multis aggressi sunt et incendiis. Quod videntes Westfalai quos præfatus imp. in expeditionem pergens ad custodiendam reliquerat provinciam, celeriter Liuticos fortiter excipiunt, ipsique cum pauci essent, innumeram paganorum multitudinem tanta cede prosternunt tantamque ab iis prædam diripiunt, ut nec caedis illius nec prædae numerus ullo modo humano possit explicari sermone.

NB. Wilmans 94.

997. Ann. Saxo (Выпис. из Ann. Quedl.) imperator Heveldun vastando decurrit, prelium bis in Bardonga contra Slavos *una die* commissum est. Nam congregati Wlotabi Bardangao provinciam improvisi rapinis ingressi sunt et incendiis etc. NB. Переменить по этому.

нему, потому что император счел за нужное укрепить против них Арнебург (998 или 999 г.)²¹⁴. *Описание покорения Лужиц*²¹⁵.

[412]

[XIV]

[Переворот у бодричей]

Пока земля Лужицкая переходила опять во власть славянского племени и в ней начинала разыгрываться борьба между всеми силами Германии и Польши, на севере, у бодричей, происходил ужасный переворот: кровь лилась потоками, христианство истреблялось.

²¹⁴ 998. Ann. Corb. Bellum inter Saxones et Sclavos, sed Deo auxiliante Saxones victores effecti sunt.

999. Ann. Saxo. monasterium sanctimonialium in Hidesleve (Hildesleve? Hildersleben) ab Slavis est miserabiliter insensum et destructum, eductis inde sanctimonialibus, et eodem die ex christianis plurimi, pro dolor! a paganis interempti sunt.

²¹⁵ Thietm V. 6. Bolislavus, Miseconis f. patri longe inferior, de morte laetatur comitis Ekkyhardi; moxque collecto ex., omnem Geronis marcham comitis, citra Albim iacentem, deindeque premissis obsidibus Budusin civitatem cum omnibus appertinenciis comprehendens, statim Strielam urbem invasit, Misnenses pecunia corrumpere clam temptans. Qui novis semper gaudentes, in una dierum, cum presidii maximam multitudinem ab acquirendam equorum annonam exisse conperirent, portam quæ orientem respicit, in ea parte, qua satellites habitant dicti sclavonice Vethenici (wodnicy castellan), Cukesburgiensi Guncelino ad hoc duce irruunt, Bececionemque, Herimanni comitis satellitem, primo occidentes, ad caminatum eiusdem omnes armati conveniunt, fenestram lapidibus impugnant grandibus, dominum urbis, Ozerum nomine, sibi ab occidendum reddi vociferantes. Sed Thietmarus miles ex cubiculi sola, municioni: «Quare sic, inquit, agitis? quis furor vos ita seduxit, ut obliti beneficiorum comitis Ekkihardi spontaneæque invitationes sic assurgitis in perniciem filii? Si causam tanti facinoris seu publice seu clam cuiquam nostrum vultis aperire, commissi emendacionem vobis complacitam futurique timoris vestrimet securitatem ex mei senioris nostrorumque omnium parte firmiter, qualitercumque vultis, promitto. Hunc quem in mortem vobis dari inclementer exposcitis, nobis viventibus non accipitis. Pauci sumus; aut communiter mori aut incolumes urbe hac nos exire pro certo sciatis». Tunc illi, auditis sermonibus, his colloquuntur, abeundique licentiam hiis praestantes, ducem Bolizlavum per internuncios invitant, portisque eundem suscipiunt apertis, complenturque quod scriptum est: Letantur cum male fecerint ac exultant in rebus pessimis, et iterum: Sunt principia eorum ut mel, et novissima quasi absinthium. Hac elatus prosperitate Bolizlavus, omnes regionis illius terminos usque ad Elstram fl. preoccupavit, presidiiisque suimet munit. Congregantibus se tunc unanimiter ad haec prohibenda nostris, dolosus ille legatum obviam misit, qui se protestaretur cum gratia Heinrici ducis ac licentia haec incepisse; in nullo se incolis noci-

У них в последние годы княжили Местивой (не тот самый, который жил при Оттоне I, а, может быть, внук его, сын Мечислава) и Мечидраг (может быть, князь вагров). Они состояли в некоторой зависимости от немецких саксонского герцога и графов и от духовенства. Зато и герцог саксонский Беннон обращался с ними весьма хорошо и ласково и, следуя примеру своего отца Германна, не позволял себе никогда их раздражать. Но новый саксонский герцог Бернгард, наследник Беннона, начал их страшно угнетать²¹⁶. Из корыстолюбия принимал он самые жестокие меры, чтобы увеличить свой доход, и подчиненные ему немецкие чиновники²¹⁷ стали также мучить и обижать славян. Восстание готовилось, ему способствовало и расстройство в самой Саксонии, потому что Бернгард не щадил и церкви и был в постоянной вражде с духовенством.

О поводе к решительному восстанию славян летописцы рассказывают: Местивой, князь бодричей, христианин, влюбился в племянницу герцога Бернгарда и просил ее руки: странно, как бодричские князья были влюбчивы в немок. Бернгард согласился²¹⁸, и

turum et si quando is in regno vigeret voluntati ejusdem in omnibus assensurum; sin autem, quod his tum placeret libenter facturum. Hoc animadvertentes nostri, verbis credere phaleratis, et inhoneste, quasi ad dominum, ad eundem profecti honorem innatum supplicatione et injusta servitute mutabant. Quam inique comparandi sunt antecessores nostri et contemporales. Vivente egregio Hodone, pater istius Miseco domum qua eum esse sciebat, crusinatus intrare vel eo assurgente numquam presumpsit sedere. Deus indulgeat imperatori, quod tributarium faciens dominum, ad hoc umquam elevavit, ut oblita sui genitoris regula, semper sibi prepositos auderet in subiectionem paulatim detrahere vilisimoque pecunie transeuntis inescatos amo, in servitutis libertatisque detrimentum capere. 10. Избрание Гейнриха... Bolislaus autem Misnensem urbem tantummodo innumerabilii pecunia acquirere satagebat, et quia opportunitas regni non erat, apud regem optinere non valebat, vix impetrans, ut haec fratri suo Guncelino daretur, redditus sibi Liudizi et Miltizieni regionibus. Восстание немец. вооруженных людей против воли короля. B... hoc factum esse dolo mali consilii autumans, gravi merore consumitur regi quod non promeruit imputando... patriam celeriter revisit. Cumque pervenisset ad Strelam urbem, protinus eam incendens, magnam multitudinem comprovincialium secum abduxit, nuncios quoque quosdam remittens, quosque potuit regi avertere contendit. Quod mox ad aures regis postquam pervenit suos familiares caritative rogavit, ut archanas Sclavi insidias perquirerent, et si fieri posset exploratores ejus capere temptarent. 1002. Thietm. V, 5. Ekkihardus, comes, (vir domi militiaeque laudabilis)... Milzientos a libertate inolata servitutis jugo constrinxit. Thietm., IV, 32 monasterium in Hilleslevo a Sclavis combustum est, eductis sanctimonialibus, et eodem die multi ex nostris sunt interfecti.

²¹⁶ Ad. II, 40. и след. Helm. I, 16.

²¹⁷ NB. Christiani judices. NB. Как утверд. опять нем. власть после 983?

²¹⁸ Dux Slaviae petit filio suo.

Местивой, чтобы еще более заслужить расположение немцев, отправился с 1000 славянских всадников на помощь императору и вместе с ним пошел в Италию (вероятно, в бедственный для Оттона III поход 100¹/₂ года, в котором и сам он умер, и большая часть немцев погибла). Но почти все бодричи были убиты в Италии, и сам он с *немногими* вернулся на родину. Вернувшись, он стал [413] требовать от Бернгарда обещанной награды, но маркграф Дитрих, тот самый, который прежде своей жестокостью принудил лютичей к войне, помешал свадьбе, говоря, что не следует благородную девицу герцогского рода отдавать собаке. Местивой, услышав это, удалился в ужасном негодовании. Вскоре затем сам герцог Бернгард, поразмыслив дело вновь, послал к нему сказать, что согласен на брак и просит его возвратиться, а Местивой вот что велел отвечать ему: «Знатную родственницу такого великого господина следует выдать за человека знатнейшего, а не за собаку. Спасибо вам за одолжение считать нас не людьми, а собаками: но хорошая собака кусается». И сказавши это, поехал он в Славянскую землю, прямо к лютичам в Радигощ²¹⁹. Здесь созвал он собор от всех славянских народов²²⁰, живущих по Балтийскому морю, кроме бодричей и вагров, бессовестных, которых, видно, он не смел еще пригласить в город языческий и враждебный немцам и рассказал, какую ему нанесли обиду и что саксы называют славян собаками. «Поделом тебе, – так ему те отвечали, – поделом за то, что отстал от своих людей, славян, и служишь саксам, народу бессовестному и жадному. Клянись, что ты их бросишь, и мы за тебя». И Местивой поклялся.

Тогда Местивой и Мечидраг подняли знамя против немцев и христианства. Сначала они устремились на соседнюю немецкую страну Нордальбингию и всю ее разорили огнем и мечом. Потом возвратились они к себе и стали ходить из города в город, сжигая церкви и разрушая до основания, замучивая до смерти священников и церковных служителей и истребляя за Эльбой христианство до последнего следа (1002 г.). В набеге на Нордальбингию они овладели Гамбургом и вывели оттуда в плен множество священников и горожан, многих также убили как христиан. Король датский Свен, который передал много известий летописцу Адаму и имел в памяти (так говорит Адам) все дела варварских (т. е. славянских и скандинавских) народов, как будто писанные, рассказывал ему, что в это гонение нашлось наиболее христиан из славянских народов в Старограде у вагров²²¹. Всех прочих священников они убили, как ско-

²¹⁹ NB.

²²⁰ Convocatisque omnibus.

тин каких, а шестьдесят человек сберегли там для поругания, между прочими и Оддара протоиерея (*loci praepositus*), родственного датскому королевскому дому. Всех их замучили ужасным истязанием: вырезали на голове, в черепе, крест, так чтобы открыть мозг, и, связав руки назад, потащили по Славянской земле из города в город, а иных били до смерти или замучивали другими способами. «Много подобного, – говорит Адам, – происходило тогда по разным волостям славянским, [414] но по недостатку писателей не записано, и теперь считается за басни; и когда я еще хотел расспрашивать короля обо всем этом, он сказал мне: “Перестань, сын мой: столько у нас мучеников в Дании и Славянской земле, что не упишешь в одну книгу”».

Таким образом, христианство и немецкая власть были истреблены у вагров и бодричей дотла.

В этом восстании помогали бодричам и ваграм ратаре²²² и, без сомнения, также другие северные ветви лютичей. Но южные лютичи или стодоряне оставались совершенно в стороне. У них в Браниборе все еще княжил Болибуд. И он преследовал у себя христианство. Дочь маркграфа Дитриха, прежде бывшая в монашестве, неизвестно каким образом, добровольно ли или нет, вышла за какого-то славянина Прибыслава. Болибуд же схватил ее и заточил, и держал под такой строгой стражей, что она не могла ни праздновать Рождества Христова и других праздников, ни соблюдать установленных постов. В заключении родила она сына и воспитала его в нужде и печали. Но впоследствии она была освобождена и получила даже, хотя, по словам, и не была достойна, игуменство монастыря в Магдебурге. Прибыслав же, муж ее, уже давно был убит двоюродными братьями ее Угионом и Уффиконом, а брат Прибыслава, прежде бывший священником и носивший немецкое имя Людольфа, сбросил с себя рясу и, взявшись за оружие, чтобы мстить за убитого, нанес немцам много вреда, пока наконец не был схвачен ими и по приказанию императора опять принят в духовенство²²³.

²²¹ NB.

²²² NB. В Юлине христ. не терпимо.

²²³ Около 1000. Thietm. IV, 42. In diebus illis nupsit Mahtild sanctimonialis filia Thiederici marchionis cuidam Sclavo nomine Prebizlavo. Quae post a Brenneburgensis injusto provisorio civitatis Bolibuto capta, in tantum constricta est, ut neque dominicam nativitatem nec aliam sollempnitatem vel jejunio congruenti prevenire vel festivis celebrare gaudiis potuisset. Ubi quendam puerum genuit, quem lugubriter educavit, posteaque tante solutionem miseriae et abbaciam in Magadaburg indigna persepit. Cujus vir antea a confratribus geminis Ugione ac Ufficone 5 Kal. Ianuaris occubuit. Hujus frater Liudulfus nomine, deposito cleri-

К этому же времени, вероятно, относится и рассказ, представленный²²⁴ в полумифическом виде жизнеописанием Вигперта ... графа, об отце его Волке. Этот Волк, имевший брата Святибора, родился в Браниборской земле, жил в Поморье, достиг там княжеской власти, но был потом изгнан оттуда и ушел к датскому королю (историк Гизебрехт справедливо, кажется, предполагает, что под этим датским королем разумеется предводитель датской дружины в Йомсбурге). Он принял благосклонно крепкого молодого человека, дал ему место между своими приближенными и [415] даже выдал за него свою дочь. Но братья ее напали на него и заставили бежать. Потом он возвратился, убил их и наследовал власть своего тестя. Будучи королем, т. е., без сомнения, начальником йомской дружины, он распространил свою власть далеко, так что крепость Поздоволк (на р. Укрице, в западном Поморье, теперь Posewolk) ему принадлежала, и «даже, – говорил сказатель, – была названа по нем, ибо Поздоволк – значит город Волка»²²⁵. Потом он покорил волость Бальксам на западном берегу Лабы. Когда он умер и тело его было принесено славянами к храму богов и похоронено по языческому обычаю, его сыновья разошлись, и младший Вигперт должен был удалиться в волость Бальксам, которую оставил ему отец в наследство. Но помня обиды, нанесенные ему при изгнании, он часто нападал на славянские земли, а в особенности на город Поздоволк.

Хотя в этом сказании много вымышленного, но оно опирается (не говоря уже о самом Вигперте, который есть историческое лицо) на занятия славянами Бальсемской земли, на западном берегу Лабы...

Во время Оттонов мы находим ее во власти немцев, но после она является славянской и продолжает быть славянской до половины XII века²²⁶.

catu arma sumens ultricia, multum nocuit nostris, captus autem a cesare, iterum restitutus est gradui pristino.

²²⁴ Bart. 362.

²²⁵ NB. Vita Wigperti y Mensena.

²²⁶ Adalberti Vita Heinrichi II. 3. Unctus in regem (Heinricus)... .. summam diligentiam in amplificando cultu religionis adhibuit... Sedes autem episcopales, Hiltesheim, ubi a puera enutritus et litteras edoctus fuit, Magdeburh, Argentinam, Misenam et Merseburg, quæ barbarica immanitate adjacentium Sclavorum vastatae fuerant restauravit. ...Merseburgensis. ...aecclesiae... tempore Magni Ottonis (I)... assiduis incursionibus et hostili vastatione Sclavorum ad nichilum redacta est. Et quia violentiis vicinarum nationum non poterat resistere, in possessionibus, in religione et in omnibus quæ ad pontificalem dignitatem pertinebant penitus coepit deficere. (981) Мерзеб. епископ сделан арх. Мард... Factum est autem, ut Merseburgensis episcopatus penitus destrueretur et quæ potiora erant

[416]

[XVI]

[Война Генриха II с Болеславом]

Итак, в первые два года XI века все немецкое было истреблено за Лабой, и даже славяне начинали переходить ее и селиться в немецких землях. Теперь им уже немцы не были так страшны, не могущие отстоять ничего из дела Генриха I и Оттона В[еликого]. Более боялись славяне восточного соседа, Болеслава, который угрожал им государственной жизнью, которой они так боялись, потому что пришлось бы отказать князьям и знати от своей власти²²⁷, жрецам – от своего значения, всему народу – от своей независимости и богов своих. Потому на другой же год после восстания бодричей и покорения поляками Лужиц ратаре и лютичи прислали в Кведлинбург посольство к королю немецкому и, отложив прежнюю вражду и приняв подарки и разные обещания, заключили с немцами союз и дружбу²²⁸. Может ли что ярче выразить страх лютичей к польской

illius aecclesiæ... transferentur. ...Quod... usque ad tempus... Heinrici immutatum permansit. Cum autem isdem rex convocatis principibus regni sui Chutelingeburch curiam celebrasset, universis in id ipsum convenientibus, Poloniam et Boemiam caeterasque sclavorum adjacentes regiones quæ fines regni sui vastabant, debellare disposuit.

4. Congregato itaque exercitu contra praedictas nationes aciem direxit. Et faciens transsitus per locum qui Walbech dicitur, gladium sancti Adriani martiris qui pro religiosis multo tempore ibi servabatur, accepit. ...Inde progressus, castra metatus est in campo, ubi Merseburgensis æcclesia sita est, et videns locum desolatum (но сперва было восстан. Th. VI, 4). ...ingemuit et ait: Beate Laurenti, martir Christi, si tuo interventu has barbaras nationes, ad quos pergo, Romano imperio et christianae religioni subiugavero, hunc locum desolatum tuo nomine consecratum. ...in pristinae dignitatis statum reformabo. Ut vero principes Poloniæ et Boemiæ caeterarumque Sclavicarum gentium primates, Romanum imp. ...advenire cognoverunt, innumerabili multitudo barbarorum collecta. ...ei obviam processerunt. Quod regi... innotuit et sicut in omnibus angustiis suis solebat ad orationis arma confugit. Invocatoque super se nomine Domini, beato Laurentio et. Georgio et b. Adriano martiribus se suumque ex. protegentum... commisit. Причастившись, они пришли на поле битвы. Король, подняв глаза, увидел, что эти святые cum angelo percutiente впереди его войска гонят варваров, которые обратились в бегство без кровопролития. Victis... et... firmissima pactione stabilitis... rediit.

²²⁷ NB.

²²⁸ 1003. Thietm. V. 19. Rex... nuncios quoque Rederaiorum et horum qui Liutici dicuntur, misericorditer suscepit, hactenusque rebelles nunerum duludine promissionumque jocunditate sedavit et de inimicis familiarissimos effecit.

власти, чем такой переворот в расположении народа, который за несколько лет непременно хотел убить Гизилера и его спутников, шедших с ним под одним знаменем только за то, что они были немцы.

Следствия этого союза сказались в скором времени²²⁹. Власть Болеслава росла быстро и огромно. В то же самое время, как лютичи совещались с Генрихом в Кведлинбурге (1003 г.), он пошел к чехам, овладел Прагой и всей страной и назначил Прагу второй столицей Польского государства. Король Генрих был в то время до того слаб перед ним, занятый усобицами в самой Германии, что послал к нему посольство с предложением дружбы и утверждения за ним достоинства чешского герцога. Но Болеслав предпочел вступить в союз с немецкими князьями, сражавшимися против Генриха, и велел полякам опустошать совершенно цветущую волость гломачей, издавна подавшейся немцам²³⁰. Но Генриху удалось усмирить своих

²²⁹ NB. Geis 12, 13, 14, 15.

²³⁰ 1003. Thietm. V, 22. Bolislavus (Heinricum) in aliquo lædere sumopere nisus, clam exercitum colligit et per nuntios suimet Guncilinum fratrem ortatur, ut memor firmæ promissionis urbem Misnensem suæ redderet dicioni amicitiamque renovaret pristinam. Ille autem sciens, istius ingressu a gratia regis et a demonio tali se penitus exclusum fuisse, mandatis talibus respondit: Omnia quæ præter hæc a me expetis, frater, libenter impendo, et si umquam hæc faciendi oportunitas accidit non recuso. Sunt mecum senioris mei satellites qui talia non paciuntur, et si hoc publicatur vita mea cum omnibus quæ possideo, periclitatur. Hac legatione accepta, B. internuncios custodiri et legionem ad Albim properare jussit. Hic qualitatem vadorum secreto perquirens, mane facto ipse subsequitur et ad Strelam civitatem, quia suæ dos erat filiæ (Requilindis, nupsit Hirimonno comiti, filio Ekkihardi marchionis Misniæ) mandat, ut nec sibi quicquam timerent, neque cum clamore illato convicinos de hac re certos efficerent. Nec mora, ex jussu ducis in 4 dividitur et ad Cirin (Zehren) castellum vespere conveniri precipitur. Duæ autem phalanges premissæ, ne sui aliquam a marchione molestiam paterentur, providere studebant. Totus hic pagus qui Zlomez dicitur, optime tunc excultus in una hac die igne, gladio et habitatoris edictione flebiliter desolatur. Sed qualiter is qui omnes crebro fallere solebat, a quibusdam qui in Mogilina urbe sedebant deluderetur, memorare libet. Hii cum a legione ad eos missa impugnantur: Cur sic facitis? inquiunt. Vestrum seniore optimum scimus et hunc nostro preponere volumus. Tantum precedite et nos cum familiis et possessionibus universis subsecuturos non dubitate. Talia orantes non amplius vexabant hostes, et seniori suo hos adventare pro certo nunciabant. Sed cum commilitones ad condictum sero confluere locum, hosque domi sedere dux cerneret, multum irascitur et mendacibus sociis poenas minatur. Postera luce, orto jam sole, preda innumeralis premittitur, et magna pars hostium Albi immergitur. Caeteri domum redeuntes inlesi, dividunt predam, seniori suo optima quoque assignantes. Non fuit minor captivorum numerus quam 3000, et ut presentes affirmabant, multo amplius.

[417]внутренних врагов и в 1004 году он пошел на Болеслава войной. После многих неудачных действий ему удалось обмануть польского князя и заставить его сосредоточить свои силы в Лужицах, а сам бросился в Богемию. Чехи принимали изгнанных Болеславом князей своих Яромира и Олдриха и немцев как освободителей, врасплох избили поляков, занимавших Прагу, и освободили от них всю страну. Ошибка Болеслава сказалась на деле: для покорения чехов он употребил огромные средства и не мог удержать их более году. С тех пор чехи стали верными союзниками немцев во всех их войнах с Болеславом. Оставалась за Польшей, однако, Лужицкая земля, врезывавшаяся клином между враждебными им чехами, немцами и лютичами. Трудно было держать ее, и на ее-то бесплодном охранении Болеслав убил лучшие молодые силы своего государства.

На другой год в августе Генрих опять, собрав свое войско в Леске (Liezca, теперь Leiskau, близ Магдебурга), повел его против поляков. В Лужице, у Добролуга, пришел к нему на помощь Яромир с чехами. После многих и трудных переходов достигло немецкое войско Одеры и стало напротив большого польского войска, расположившегося в Кросне, при слиянии Одеры с Бобром. Накануне их прихода к Одере присоединились к немцам лютичи, новые их друзья и союзники, неся впереди богов своих. Семь дней пытались без успеха построить мост через Одеру; на восьмой посчастливилось немцам найти брод и перейти благополучно. Узнав об этом, Болеслав стал быстро отступать. Немецкий передовой отряд уверял, что можно было бы даже захватить его врасплох, если бы не нужно было дожидаться лютичей, которые почему-то замешкались. Побыв несколько в польском монастыре Междуречье... Генрих пошел прямо на Познань. Болеслав, видя немцев в коренной земле своей, просил мира и, без сомнения, должен был отдать завоеванную им землю у Лабы²³¹. Но ненадолго от[418]казался от них Болеслав. Собирая у

231/в тексте 221 1005. Thietm. VI, 14. NB. Jussit (rex) in palatio et in omnibus regni suimet comitatibus expeditionem ad Poleniam conventumque ad Liezca (Leiskau inter Maguburg et Zerst) per bannum fieri. Convenit ex. statuta hora, i.e. 17 kal. Sept. conducto loco. Et rex S. Dei genitricis assumptiorem Magadaburch celebrans, in ipso die post misam et caritatem expletam comitante regina Albiam transnavigans proficiscitur.

16. Ordinatis legionibus rex inde progreditur et regina... reversa. ...Ex. autem nostrum cum prosperitate ad locum qui Dobraluh (Dobrilugk in Lusatio inf) dicitur in pago Luzici venientem, Heinricus et Jarimirus duces ad supplementum ejusdem cum suis properantes, laetificant majoraque consilii et fortitudinis spe roborant. Hic ducibus corruptus et sua defendere cupientibus per solitudines palu-

себя новые силы, он начал подсылать к лютичам, лужичанам и чехам и возбуждать их против немцев: без сомнения, он хотел, чтобы все эти славяне вступили с ним в союз и вручили ему начальство в

desque circumductus, admodum gravatur et ne cito ad hostem ledendum perveniret, invida eorum malignitate tardatur. Inde provinciam Nice vocatam itinere attingentes, juxta Sprewam fl. castra metatus est. Hunc cum hostem ex latere abdito nocentem Thiebernus, miles egregius, comperirit, ob laudem sibi specialiter usurpandam optimos e consociis clanculum eligendo convocans, eum dolo intercipere temptat. Qui satis providus, ut sic melius sequentes lederet, inter lignorum condensitatem jacentium fugit et sagittis quibus maxime defenduntur, more solito remissis primum hunc, posteaque Bernhardum, Isin et Bennonem, Arnulfi presulis inclitos satellites, cum aliis commilitonibus multis 8 Id. Sept. incautos prostravit et despoliavit. Ob hoc rex cum omni suimet comitatu dolore concutitur, et ab hoc Bolizlavus doluisse a nonnullis veracibus perhibetur. Post hæc Liuzici nostris pridie quam ad Oderam fluvium venirent sotiantur, *deos suimet precedentes subsequuti*.

1005. 19. Inde mox imparibus ducibus inequales turmæ usque ad Oderam fl. pervenientes, fixerunt tentoria juxta amnem, qui Pober dicitur sclavonice, Castor latine. Quos Bolizlavus, munitis littoribus prefati fluminis, cum ex. grandi in Crosno (Crossen) sedens, ullo modo transire prohibuit. Sed cum rex 7 dies ibidem moratus, naves atque pontes pararet, divinus respectus missis speculatoribus suis vadum ostendit optimum. Quem 6 legiones in ipso diei crepusculo jussu regis intrantes, incolumes eo fruuntur. Quod eminus agnoscentes Bolizlavi custodes, triste nuncium ac incredibile seniori suimet celeriter detulerunt. Hic tandem per 3 vel amplius legatos certus effectus, amotis propere castris ipse cum suis, plurimis ibidem relictis rebus, fugit. Id rex cum suis caute considerans, Christo laudes cum clero et omni populo alta voce cecinit et cum securitate flumen pertransiit. Hic autem qui precesserunt, ni Liuticios diu tardantes exspectarent, hostes in tentoriis improvisos opprimerent. Quos nostri alacriter insequuti, veluti fugaces cervos persequi cum non valerent, ad consocios revertuntur. 20. Profectus est inde rex et usque ad abbaticum que Mezerice (Meserits juxta Ogram) dicitur, perveniens, annualem ibi Thebaidæ legionis festivitatem qua maxima tunc vene ratione potuit, complere studuit, et ne monasterium hoc ac absentium mansiones monachorum aliquam a suis pateretur molestiam, studuit prohibere. Доходит почти до Познани; отдельные фуражиры часто погибают. Мир с Б.

21. Post hæc rex in nostris partibus, erutis tocius nequicæ auctoribus optatæ securitatis prospera solidare sumopere nititur, et Bruncionem inclitum satellitem in Merzeburch e Sclavis autem optimos Borisen et Nezemuiscen cum cæteris fautoribus (Болеслава NB) in Weleereslevo laqueo suspendi precepit. Sepe cum Sclavi in Wiribeni juxta Albim positam conventionem habita, nolentibus seu volentibus hiis, necessaria regni suimet tractavit atque potenter finivit. Arnaburch prius devastatam ob defensionem patriæ renovavit queque diu hinc injuste ablata erant, restituit. Sinodali judicio injustas fieri nuptias christianosque gentilibus venundari, presens ipse canonica et auctoritate apostolica prohibuit. Deique justiciam spernentes spirituali mucrone interfici percepiti.

войне против общего врага, Германии²³². Люди Болеславы не щадили для этого ни обещаний, ни даже денег. Но [419] те все добровольно послали к королю немецкому в Регенсбург посольство и известили его о происках и подкупах польского князя. Генрих через посольство требовал от Болеслава исполнения мирных договоров, но он тотчас перешел немецкую границу и быстрым походом достиг волости морачан, напротив Магдебурга, опустошил ее, взял город Сербище (Zerbst) и увел жителей в плен²³³. Генриху некогда было самому вести войско, и предводитель немцев, архиепископ Магдебургский Тагино, вел дело вяло: дошел до Ютробога, но тотчас

^{232/222} NB.

^{233/223} 1007. Thietm. VI, 24. ...Regi pascha Ratisbone celebranti de Liuticiis et ab hiis qui a civitate magna Liuilni (al. Luvirm) dicta missi fuerant et a Jaremiro duce, Bolizlavum multa sibi contraria molyri cupientem asserebant, seque ad hæc perficienda verbis ac pecunia ab eodem introduci affirmabant. Intimabant quoque ei, si hunc amplius in pace et gratia suimet haberet, ut servitutem eorum firmiter non teneret. Hæc rex cum suis principibus caute considerans... generum suimet Hirimannum (tunc marchio Milzenorums. Budissinensis, ex anno 1010 Misnensi) illo mittens conducta pacis fædera interdiceret. Quam legationem ab internuntiis Bolizlavus comperiens prefatum comitem quamvis ad se prius invitatum, non bene suscipit et percepta ab eo narrations in multis se excusat. Sciat, inquiens testis omnium Christus, quicquid deinceps facturum sum, id invitum implebo. Post hæc collecto ex, pagum qui Morezini (inter Albim, Stremmam, Havelum et Nutham) dicitur, juxta Magadaburch jacentem populatur et fraternitatem quam in Christo cum Parthenopolitanis prius coniunxerat, hostili asperitate dirupit. Inde ad urbem que Zirwisti dicitur veniens, urbanos terrore gravi et hortatu devictos secum vehebat. Hoc totum nostri comperientes tardo veniebant ac morosius eos insequabantur. Horum primicerius fuit Tagino archiep.; et hæc omnia prius sciens, non hene providebat. Fui hic equidem cum illo, et cum nos omnes ad locum qui Iutriboc appellabatur, venissemus, visum est sapientissimis, non esse consilium, hostes tam parva multitudine persequendos, et reversi sumus. B. autem Luzici, Zara (pag. in Lus.inf. et Silesia cum civ. Soraw) et Selpuli denuo occupat et non longe post Buduscin civitatem presidio Hirimanni comitis munitam socer invidus possedit. Mittens autem nuncios suimet, urbanos postulat, ut urbem hanc sine utrorumque labore sibi redderent et nullam a seniore suo ereptionem sperarent. Fit pax mutua ad 7 dies. Iste parat impugnationes, hii per legatum suimet a domino et a principibus regnissuppliciter auxilium poscunt, se alios 7 dies hosti resistere promittentes. Venit machio Hirimannus ad Magadaburg, Walterdum tunc prepositum interpellans, omnesque specialiter per legatos evocat primates, quos multum hic tunc tardasse vehementer queritur, et tamen milites suos per internuncios solatur. Qui cum assidua B-i impugnationi laborarent, viriliterque diu resisterent, videntes nonnullos ex sociis eorum nutare, dominumque se ad liberandos non venisse: licentiam hinc exeundi cum omnibus, quæ habebant, apud ducem prefatum impetrantes, urbem ei reddiderunt tristesque patriam repedabant.

вернулся назад, не смея напасть на поляков. Болеслав же занял Будишин, забрал все немецкие города и укрепления в Лужицкой земле и остался в ее полном владении. Но довольный этим приобретением и, может быть, занятый другими делами, он видно не угрожал западным своим соседям лютичам, и те мало-помалу стали с ним сближаться. По крайней мере, они перестали помогать немцам против поляков и даже стали, напротив, подушать его против немцев; это открылось, когда Генрих возобновил войну с Болеславом (1010 г.) и в походе своем в Лужицы занял город Ярину²³⁴. Нашлось там два брата из Бранибора, [420]которые прибыли к Болеславу нарочно с этой целью. Много их допрашивали, но они ни в чем не сознавались; впрочем, были повешены рядом на одном холме. Но в Ярине заболел король, и немцы пошли назад; война продолжалась мягко, и в 1013 году опять был заключен мир. Болеслав признал верховную власть немецкого короля: прибыл ко двору его в Мерзбург, клялся ему в верности, понес перед ним меч его при торжественном шествии в церковь, а за то получил в ленное владение земли, которых добивался, т. е. Лужицы.

Между тем Генрих старался мирными путями восстановить немецкую власть или, по крайней мере, немецкое влияние у славян²³⁵. Часто съезжался с ними в пограничных городах на Лабе и тут прекращал ссоры их с немцами²³⁶. Так, в 1012 году осенью он из Мерзбурга поплыл вдоль по Лабе в Арнебург для переговоров со славянами. Много их собралось сюда к нему, рассудили всякие дела и утвердили мир, который, видно, прежде был нарушен. Главное старание Генриха было ввести опять к славянам христианство. Церковь все от них не отказывалась, и ставились постоянно епископы Гавельбергу и Бранибору, хотя и не имели паствы, и жили в Магдебурге и других

^{234/224} NB. Thietm. VI, 38. ...ad Luzici pagum, in cuius fronte urbs quædam Jarina (Garhren) stat, a Gerone dicta marchione qui magnus fuit et sic nuncupabatur.

^{235/225} 1007. Kal. Nov. Adalb. Vita Heinrici во Франкфурте собор епископов, dum... rex... secum voveret in quo potissimum opere Dei misericordiam sibi facilius conciliaret et episcopatum Babenbergensem... ex rebus hereditariis construeret ut et paganismus Sclavorum ibi destrueretur et christiani nominis memoria perpetualiter ibi celebris haberetur.

B *Notitia* de hac synodo (Eccard. II, 60) ut et paganismus Sclavorum destrueretur et christiani nominis memoria perpetualiter inibi celebris haberetur. 1004. Thietm. VI, 1. Возобновление Мерзб. En.

^{236/226} 1012. (Nov.) Thietm. VI, 51. Rex a Merseburg discedens, navigio ad Harneburg venit. Ibi cum Sclavis confluentibus plurima discutiens, pace vero ibi firmata rediit et omnium festa sanctorum in Helmanstidi celebravit; deindeque occidentales perperat invisere regiones.

немецких городах²³⁷. Впрочем, была в это время попытка, хотя совершенно незначительная и бесплодная, проповеди между лютичами. Один молодой человек из Турингии, знатный родом, Гунтер по имени, раскаялся в грехах своих, отдал монастырю свое имущество и сделался монахом, а потом пустынником в (Böhmer Wald). Побыв там долгое время, он отправился проповедовать к лютичам, но не имел никакого успеха и возвратился невредимо в Германию (1017).

Но как ни упорны были лютичи в язычестве и преданы своим кумирам, а от постоянного столкновения с христианами мало-помалу подверглись влиянию христианства. Но, к несчастью, оно не распространялось у них в чистом виде, а безобразно примешивалось к языческим их верованиям: дело пагубное, потому что низводило христианство с его высоты и ставило как бы в ряд с другими верованиями и тем, разумеется, еще [421] более затрудняло его распространение. Так, лютичи иногда на войне брали с собою крест и несли его впереди вместе с изображениями богов своих, думая, что христианский Бог и их боги вместе будут им помогать²³⁸.

Переговоры Генриха в Арнебурге принесли ему пользу. Лютичи опять стали на его сторону против Болеслава; Болеслав вовсе не имел, кажется, намерения соблюдать мир с немцами. Видно, зависимость от Нем[ецкого] государства ему не нравилась. Когда Генрих отправился в Италию с войском получать императорскую корону, он не дал ему помощи, как следовало вассалу, а, напротив, подсылал своих людей в Ломбардию, подговаривал против немецкого короля кого только мог. Возвратившись домой, Генрих потребовал от него оправдания, и после разных переговоров началась война. Генрих пошел по прежнему пути, через Лужице к Одере у Кросна, чехи с баварцами заняли пограничные с Богемией польские области, а с севера пришел на помощь Бернгард – маркграф северной марки с епископами, графами и лютичами-язычниками. Но им не удалось соединиться с имп[ераторским] войском. Император перешел Одера при Кросне и заставил поляков быстро отступить. А севернее Бернгард с лютичами наткнулись на крепко охраняемый берег Одера (значит, поморяне стали за Болеслава) и должны были возвратиться. Также и Генрих побоялся слишком далеко уходить в Польшу и повернул назад. Тогда поляки бросились на отступавших немцев и причинили им много зла. Болеслав удержал за собой Лужицкую землю

^{237/227} См.: Raumer: потому сомнит. Гиз. 15.

^{238/228} Thietm. VII, 44. Ex parte gentili crucem. s. erigebant ejustem auxilio hos (поляков) vinci sperabant.

до Лабы²³⁹. После года, проведенного мирно, но, без сомнения, в приготовлениях [422]к войне, в 1017 году возобновилась жестокая война против Болеслава. Генрих уже направил все свои силы и собрал все средства, чтобы сломить великого предводителя поляков. Не только призвал он к себе на помощь всегдашних своих сподвижников против Польши, лютичей и чехов, он заключил союз с русским князем Ярославом, которого Болеслав вы[423]гнал из Киева, при-

239/229 1015. Thietm. VII, II. Imp. от Магдебурга... ad locum qui Sc lancisvordi vocatur, cum ex glomerato perrexit et magnum com provincialibus et marchioni eorum Geroni intulit damnum. 8 Id. Julii fit nostra congregatio et pro defensione debita habitatoribus hiis predatio magna. Postquam nostri Albim transierunt, imperatrix et ego cum illa ad Mersburg pergentes, cesaris adventum in hiis partibus expectavimus. Nostri autem ut ad pagum Lusici dictum venerunt, a presidio ex Ciani (Zinnitz in Lusatia inf.) urbe egresso temptantur; quod agnoscentes, magnam ex eo multitudinem occidunt, et Hericum, qui dicebatur superbus, et qui ex nostra regione ob omicidium illo fugit, captum in vinculis cesari presentabant. Inde usque ad Oderam imp. profectus, ad locum qui Crosna dicitur, optimos ab exercitu ad Miseconem ibi turmatim sedentem misit, ut eum de promissa sibi fide ammonerent et ne propter eum ab imperatore sua perderent bona, cum dedicione sua preoccupare voluisset, unanimiter rogarent, Quibus is talibus respondit: Agnosco me gratia cesaris ab inimici potestate ereptum ac vobis fidem promississe; et eam libenter in omnis bus adimplerem, si liber existerem. Nunc autem, ut ipsi scitis, sum mei patris dominio subditus, et quia ille hoc prohibet et sui milites hic modo presentes talia fieri non paciuntur, invitus omitto. Patriam, quam queritis, meam, si possum, defendere usque ad adventum mei patris volo, et tunc eum ad gratiam cesaris et ad amorem vestrum inclinare cupio. Hoc nostri audientes regressi sunt et huc imperatori responsa detulerunt. Interim Bernhardus dux cum suis fautoribus, episcopis et comitibus, et profanorum turba *Liuticiorum*, ob aquilone Bolislavum peccit, et hunc presentem, munita undiquessecus Odera habuit.

12. Cesar autem in inventione Christi protomartiris (Aug. 3.) Oderam transiens, reluctantem Poleniorum multitudinem admodum prostavit et nemo ex nostris nisi Hodo inclitus juvenis cum Ekkrico et alio Guncelini comitis satellite cecidit. (Caledn. Merseb. Aug. 3. Hodo et Ekkriaes cum multis interfecti sunt). Hic cum Sigifrido, Hodonis filio marchionis, ab imp. accusatus, eo quod Bolezlavo nimis familiaris actenus fuisset, eodem die virilliter se expurgant et a suis Hodo longo digressus cum hostes solus fugientes insequeretur, sagitta per caput immisa primo oculum et post vitam perdidit istam. Sed cum Miseco ejusdem corpus cognosceret, quia ejus apud nos fuerat custos et sodalis, multum flevit et id bene procuratum ad exercitum misit. Eorum autem qui ex parte hostili oppecierunt, non minor erat numerus quam 600, predam relinquentes nostris ineffabilem. Hoc B. ubi tunc mansit ab internuntiis festinantibus mox rescivit, et quamvis eo libenter pergere voluisset, tamen presentibus inimicis introitum patescere ausus non est. Quoquunque nostri in navibus declinabant, illuc ipse cum suis equo sequebatur alato. Ad ultimum vero erectis celeriter velis, nostri per omnem unam navigabant

diem, et inimicis eos tunc comitari non valentibus, litus optatum securi comprehendunt et proxima incendunt loca. Quod cum eminus dux prefatus agnosceret, more solito fugit et nostris fiduciam et locum nocendi invitus concessit. Dux vero Bernhardus cum suis imperatori ad auxilium, sicut ei prius jussum est, venire cum nequivisset, per pedites clam missos ei eventum rei et necessitatem inobedientiae indicens, vastalis circumquaque jacentibus locis, domum rediit. Othelricus quoque, qui cum Bawariis ad cesarem venire debuit, ob multas causurum qualitates dimisit. Et quamvis hii imperatorem non comitarentur, tatem fidele servitium sua vicinitate ostendunt. Namque Othelricus quamdam urbem magnam, Businc dictam, petit et in ea non minus quam mille viros absque mulieribus et liberis capiens, incendit eandem, et victor remeavit. Heinricus autem, orientalium marchio cum Bawariis, comperiens, Bolizlavi milites juxta se predam fecisse, protinus insequitur et ex hiis fortiter resistentibus octingentos occidit, predamque omnem resolvit.

13. ...Cesar... multum sollicitus, quamvis parvo uteretur exercitu, tatem postestative, quamdiu voluit, in hiis partibus fuit (в Магдеб.?), et tunc reversus ad pagum, qui Diadesisi dicitur, venit in angusto, pro dolor! castrametatus loco, ubi nullus, expecto apum magistro, qui ibidem tunc interfectus est, sedit. Bolizlavus autem audiens, Imperatorem aliam quam intrarect viam hinc exiturum, juxta Oderum omnimodis sua firmavit. Sed cum hunc jam abisse comperiret magnam peditum multitudinem ad locum, ubi noster consedit exercitus, premisit, precipiens eis si aliqua oportunitas sibi accidisset, hujus saltem aliquam partem ledere temptaret. Insuper abbatem suum, Tuni nomine simulata pace ad caesarem misit, qui protinus ab eo explorator esse cognoscitur, et ibidem, quousque omnis pene exercitus, factis in precedenti nocte pontibus paludem transcenderet prejacentem, detinetur. Tunc ille, monachus habitu, sed dolosa vulpis in actu, et ab hoc amatus a domino, rediit; et imp. Geroni archiepiscopo et Geroni inclito marchioni, ac Burchardo comiti palatino, residuos committens, progreditur, et ut se solito cautius circumspicerent, ortatur. Post hoc ab hostibus prope in silva latentibus magnus clamor ternis mugutibus attollitur, et mox nostrum agmen, sagittariis intermixtim currentibus, ab hiis appertitur. Quibus primo confictu secundoque fortiter resistunt, et ex eis multus palantes occidunt. Set fugientibus quibusdam ex nostris, confortati hostes glomerantur, et nostros iterum incurrentes dissipant et separatos sagittis falentibus perdunt. Gero autem archiep. et Burhardus comes vulneratus vix evadentes, cesari hoc referebant. Liudulfus autem juvenis cum paucis capitur et Gero ac Folcmarus comites cum 200 militibus optimis occise, spoliati sunt.

Имп. хочет сам ехать на поле битвы, но удержал multorum consilio, посылает Aidum, кот. отпевает и хоронит убитых с позволением Болеслава.

15. Interim cesar cum suis ad Strelam urbem pervenit; et Miseconem cum ex. subsequi sciens, Herimannum marchionem ad Mysnensis defensionem civitatis properare jubet. Ipse vero ad Merseburg recto tetendit itinere. Miseco qutem a patre nefario instructus, ut primo nostros abisse divisos nullamque post se custodiam esse relictam sensit, Id. Sept. (13) Albim juxta urbem predictam cum 7 legionibus in ipsa transcendit aurora, quosdam circumquaque jacentia vastare, alios vero urbem precipiens impugnare. Quod Weneinici conspicientes seque tueri posse desperantes, superpositae civitatis municionem, relictis pene omnibus suis, as-

шедши помогать брату его Святополку²⁴⁰. На стороне же Болеслава стояли моравские бодричи, сделавшиеся в это время гонителями немцев. Князь их Мстислав помогал ему; на Руси за него был Святополк. Замечательно, как усиление Польши вдруг сосредоточило интересы народов, которые прежде никогда не встречались: немцев, руси и лютичей. Первые, т. е. немцы и руси, действительно, должны были опасаться чрезмерного расширения Польши и стараться преградить его. Но лютичами руководствовала только привязанность к их мелкой племенной независимости, тогда как только соединение с единоплеменными поляками могло их спасти от унижения немцами. Но как случается иногда, что люди, хотя и самые великие, бьются как бы предназначены к гибели и тогда не видят, куда идут и что делают, и прежде прозорливые, теперь точно ослеплены, так и народы: если судьба им погибнуть, то сами они готовят гибель, стремятся к ней добровольно и как бы бросаются в руки врагу.

В июле²⁴¹ император выступил из Магдебурга и, соединившись с огромным войском лютичей и чехов, пошел в Силезию на город Глогов, [424] где находился Болеслав, и отрядил значительную часть своего войска осаждать силезский город Немцы (Nimptsch), «названный, – говорит Титмар, – потому, что в старину был построен нашими». Потом сам имп[ератор] с остальным войском подошел туда и начал осаду. Осада была самая упорная с обеих сторон. «Ни-

cendunt. Ob hoc hostes admodum gavisī suburbium intrant relictum, et hoc ablatis rebus inventis incendunt, et superius castellum in duobus locis accensum infatigabiliter aggrediuntur. Hirimannus autem comes videns auxiliores suos admodum paucos jam defecisse, Christi pietatem et eius incliti martyris Donati intercessionem sanctam prostratus postulans, mulieres ad succurendum hortatur. Quae propugnacula attingentes, lapidivus viros adjuvant, ignem impositum, quia defecit aqua, medone extinguunt et Deo graticis! Inimici furorem et audaciam minuunt. Hoc totum Miseco de monte juxta posito cernens, socios adventantes expectat. Qui depopulantes, et ubi ignis inveniebatur omnia usque ad Ganam (Jahne fl. parv. ad Riesam opp.) fluvium concremant, sero lassī reventuntur equis et ibi cum seniore suo cras ad urbem pugnaturi pernoctarent, ni Albim crescere viderent. Propter hoc ex nimis defatigatus cum securitate inopinata remeavit et ducis sui cor anxium hac prosperitate relevavit. Imp. autem haec ut audivit, quoscumque tunc colligere potuit, ad succurendum suo marchioni propere mittit, et suburbium non longe post reintegrare precepit. Ad hujus operis supplementum et custodiam Gero archiep. et Arnulfus presul 8 Id. Oct. (8 Oct.) cum comitibus caeterisque compluribus conveniebant. Hiis omnibus ego longe inferior interfui. In 14 diebus incepta ad unguem nos perducetes, abivimus, committentes urbem Fritherico comiti ad 4 ebdomadus.

^{240/230} Th. VII, 48.

^{241/231} Th. VII, 42.

когда, — говорит летописец, — не слышал я, чтобы осажденные защищались терпеливее и умнее. Между тем война велась и в других местах; моравцы, союзники Болеслава, напали на чехов и овладели каким-то чешским городом. Польский отряд проник до самой Лабы и долго осаждал город Белогорье (Belgern), но без успеха. С немецкой же стороны часть лютичей, которые, не участвуя в главном походе, позднее вышли в поле и бросились на город, принадлежавший Болеславу, но были отбиты с уроном 100 человек. Они отступили в унынии, и потом все опустошали польские земли».

Между тем Генрих, простояв у города немцев три недели, приказал идти на приступ, но все осадные орудия, им выстроенные с большим трудом, как только поднесли их к стенам, были зажжены поляками. Потом полез и князь Олдрих с чехами, но также без успеха. Потом лютичи, но и те были отбиты. Убедившись в невозможности взять этот город, Генрих решился отступить и поворотить на Чехию. Лютичей же отпустил домой. Они пошли назад, разгневанные на немцев за обиду, нанесенную их богине. Она была изображена на знаменах их. Ее пронзил камнем какой-то немецкий воин из дружины маркграфа Германна. Жрецы ее пришли к императору жаловаться, и он, при всей своей христианской ревности, должен был заплатить 12 (talenta), чтобы исправить обиду лютицкой богини²⁴². Но неудовольствие лютичей не прошло: на обратном переходе, при Вурцене, через разлившуюся Мильду, они потеряли другую богиню с 50 избранными воинами, ее спутниками. Возвратясь домой с таким дурным предзнаменованием, они хотели было, побуждаемые врагами немцев²⁴³, расторгнуть союз с императором, но потом собрались на общую сходку и раздумали; знатные старшины уговорили их стоять за немцев.

Сам же император пошел через Чехию. Путь его был ужасно труден и пагубен для его войска. Выход из Чехии был еще труднее, чем вход, и Болеслав, который во время осады города немцев сидел во Вратиславе и ждал, а после отступления императора бросился опустошать земли между Лабой и Мильдой, остался победителем, не одержав победы. В 1018 году заключен был мир в Будишине, и Лужицкая земля осталась за Польшей²⁴⁴.

^{242/232} Замечат. исправление.

^{243/233} NB.

^{244/234} 1017. Thietm. VII, 44. NB. Miseco, Bolizlavi f., Boemiam absencia Othelrici ducis sui minus solito repugnatem cum 10 legionibus invadens, duos dies predatur eandem, et cum innumerabili captivorum multitudine reversus, patrem gaudiis replevit inmensis. Cesar vero cum ex. suo et Boemiorum atque Liuticiorum

comitatu inmenso obvia quoque devastans, 5 Id. Augusti ad urbem Gloriam, ubi Bolizlavus cum suis eos prestolatur, sollicitus venit et provocantem inter sagittarios latitantes hostem nostros persequi prohibuit. Inde electas ab ex valido 12 legiones ad urbem Nemzi, eo quod a nostris olim sit condita dictam premisit, que habitatoribus hiis venturum preoccuparent auxilium. Quibus castra metatis hostes adventare rumor indixit; et in nocte tenebrosa ac in magna inbrium effusione hos ledere nequaquam valentes, quosdam effugarunt nonnullosque civitatem intrare inviti paciebantur. Posita est autem haec in pago Silensi, vocabulo hoc a quodam monte nimis excelso et grandi olim sibi indito (mons Zlenz, hodie Zobtenberg); et hic ob qualitatem suam et quantitatem cum execranda gentilitas ibi veneretur, ab incolis omnibus nimis honorabatur. Imp. autem post tres dies ad eandem cum ex valido veniens, castris eandem undiquessecus circumdari jubet, sperans sic omnem hosti suo claudere accessum. Sapiens ejusdem consilium et in omnibus bona voluntas multum ibi prodesset si in efficiendis rebus auxiliantur sibi affectus hunc adjubaret. Nunc autem per omnes custodias presidium urbi in noctis silentio advenerat magnum. Tunc omnigenorum species instrumentorum a nostris parari jubentur, et mox ex parte contraria hiis admodum similia videntur. Nunquam audiavi aliquos qui meliori patientia ac prudentiori consilio se umquam defendere niterentur. Ex parte gentili crucem sanctam erigebant, ejusdemque auxilio hos vinci sperabant. Si quid hiis prosperi accidit, numquam exclamabant, nec adversitatem aliquo gemitu ingravescente aperiebant. Interim Mararenses Boemiam ingressi, urbem quandam expugnant et cum preda ingenti incolumes exhibant. Quod cum marchio Henricus hos petere cum ex. conatus audiret, festinus insequitur; et occisis ex eorum numero plus quam mille viris, fugientibusque cæteris, captivitatem hanc omnem solutam domum remisit. Neque tacendum est, quod alii milites Bolizlavi urbem Belegori dictam 18 kal. sept. aggressi, et bello eam impugnantibus diutino, Deo gratia! Nil proficiebant. Liuticiorum autem magna multitudo, quæ domi fuerant, quandam civitatem prefati ducis petierunt. Ibisque plusquam 100 socios perdentes, cum ingenti tristitia remeabant, posteaque ejusdem bona multum vastabant.

46. Interea perfectis omnibus instrumentis, cum jam ibi 3 sederet ebdomadas cesar, ad urbem pugnare jussit, et haec omnia injecto a propugnaculis igne celeriter ardere vidit. Post hoc Othelricus cum suis urbem ascendere temptans nil profecit. Tunc Liutici similia aggressi deiciuntur. Cesar autem videns exercitum infirmitate depressum, in urbe capienda in vanum laborare; iter suum nimis arduum in Boemiam dixerit; ibique ab ejusdem provincia injusto duce Othelrico susceptus, decenti munere honoratur...

47. Bolizlavus vero in Wortizlava civitate eventum rei sollicitus expectans, cum imperatorem abisse urbemque suam incolomem stare audiret, laetatur in Domino militibusque congruadet in seculo. Pedites autem illius plus quam 600 Boemiam clanculun petentes, predamque sibi more solito inde sperantes, quem hostibus laqueum extendere, paucis excedentibus, incurrere. Sed Liutici redeuntes irati, dedecus *deæ* suimet illatum queruntur. Nam haec, in vexillis formata a quodam Herimanni marchionis socio lapide uno trajecta est; et dum hoc *ministri ejus* imperatori dolenter retulissent, ad emendationem 12 talenta perceperunt. Et cum

[425] Но Болеслав истратил в этой бесполезной борьбе лучшие силы свои и уже отказался от распространения на запад. Пренебрегая выгодами, которые могли бы проистечь из союза бодричей и в особенности той стороны, которая между ними еще благоприятствовала христианству, он предоставил [426] их судьбе их²⁴⁵. Лютичи, негодуя на Мстислава старшего, князя Бодрицкого, пошли походом на него и, опустошая²⁴⁶ большую часть его княжества, заставили его с женой, снохой и дружиной запереться в городе Зверине. Потом они в союзе с теми бодричами, которые ненавидели христианскую веру и Мстислава, выгнали его вовсе из земли. Тогда бодричи уничтожили последние остатки христианства и заключили дружбу с лютичами. Епископ Староградский Бернгард (вероятно, тот самый, которого Адам Бр[еменский] называет Бенном) послал тотчас к императору просить его помощи, но Генрих был еще занят другими делами и не мог прийти²⁴⁷.

juxta Vurcin civitatem Mildam nimis effusam transire volluissent, deam cum egreio 50 militum comitatu alteram perdidere. Tam malo omine residui domum venientes, a servicio cesaris se malorum instinctu abalienare nituntur, sed habito post *communi suimet placito a prioribus* suis convertuntur. Laborem istius itineris et commune detrimentum quis umquam valet explicare? Inexsupirabilis Boemia regione introitus, sed multo deterior ejusdem fuit exitus. Facta est haec expedicio ad perniciem hostis; sed crimine nostro multum lesit victoribus nostris. Defleam quoque, quod Bolizlavi satellites inter Albim et Mildam facinus perpetrabant. Namque hii jussu senioris sui velociter egressi, 13. Kal. Oct. plus quam mille mancipia in hii partibus sumpserunt, plurimaque incendie late comsumentes prospero itinere revertuntur.

^{245/235} NB. Из рассказа Титм. многое прежде.

^{246/236} NB. More Liuticio.

^{247/237} 1018. Thietm. VIII, 4. NB. Liutici in malo semper unanimes, Mistizlavum seniore, sibi in priori anno ad expeditionem imperatoriam nil auxiliantem, turmatim petunt, plurimamque *regni suimet* partem devastantes, uxorem suam et nulum effugare ac semet ipsum untra Zuarinae civitatis municionem cum militibus electis colligere cogunt. Deindeque malesuasa suimet calliditate, per indegenas, Christo seniorique suo rebelles, a paterna hereditate vix evadere hunc compellunt. Haec abominalis presumptio fit mense Februario, qui gentilibus lustratione et muneris debiti exhibicione venerandus ab infernali deo Plutone, qui Februus dicitur hoc nomen accepit (V. Macrol. Saturn. I, 13). Tunc omnes aeclesiae ad honorem et famulatum *Christi in hii partibus erectae, incendiis et destruccionibus alliis cecidere et quod miserabillimum fuit, imago Crucifixi truncata est, cultusque idolorum Deo prepositus erigitur et menspopuliistius qui Abactrici et Warivocant, ut ut cor Faraonis ad hoc induratur, Libertatem sibi more Liuticio nota fraude vendicabant, sed cervicem suam suavi jugo Christi excussam, oneroso diabolicae dominacionis ponderi sua sponte subdiderant...* Bernhardus, confrater

Здесь мало-помалу опять начало восстанавливаться христианство, несмотря на недавнее гонение: видно было между бодричами и ваграми много людей, которые ему благоприятствовали. Много в этом отношении сделал добра новый гамбургский архиепископ Унван, преемник Либенция, человек весьма умный, знатный и богатый. Ему удалось сбить спесь с саксонского гер[427]цога Бернгарда, который прежде всего старался вредить духовенству, и даже вздумал поднять оружие против Генриха II. Унван сделал его покорным сыном церкви и слугой короля. Теперь он с помощью Унвана (окт[ябрь] 1018 г.), частью посредством мирных переговоров²⁴⁸, частью силой, привел опять соседних славян в зависимость от немцев. Нордальбингия и Гамбург опять увидели, но ненадолго, мирные дни. Унван начал опять отстраивать Гамбург, разоренный славянами, воздвиг новую крепость и церковь – все из дерева, и вытребовал из разных подведомственных ему монастырей 12 священников, которых поставил при Гамбургской церкви канониками или отправлял к славянам проповедовать христианство. [з]

Мало-помалу Гамбург наполнялся жителями и духовенством, и часто архиепископ и герцог жила там по несколько месяцев сряду, имея свидания со славянскими князьями. Князья эти были Прибыгнев, с немецким именем Уто, сын Местивоя, у бодричей и Седерих, вероятно, у вагров. В это время и Бернгард или Беннон, назначенный епископом староградским, мог опять жить между славянами. И стал он разыскивать об имуществе и доходах прежней

Parthenopolitanus, et apostatae istius gentis tunc episcopus, *id ut primo comperit*, non *secularis suimet dampni* sud pocius spiritualis immenso dolore commotus, imperatoris nostro id nunciare non desistit. Hac legacione audita, cesar graviter suspirat, sed de talibus respondere ad pasca differt, ut cum prudenti consilio hoc anulletur, quod infausta conspiracione conglutinator. Hoc votum et salutare secretum Deus omnipotens secundet. Nullius fidelis cor ob hanc infelicitatem in aliquam desperationem veniat, vel diem iudicii appropinquare dicat, quia secundum veridici ammonicionem Pauli (2 Thest 2, 1) ante dissensionem et Antichristi execrabilem adventum non debet e talibus aliquis oriri sermo, nec inter christicolos subita venire commocio, cum eorundem unanimitas essi debeat in summis stabilitas. Nutet in quantum velit, mortalis diversitas et morum ejusdem multiformis inequalitas. Omnis homo... debet a matre ecclesia pruis renasci in innocentium salvatoris Christi... Et... simus solliciti et pervigiles, cum non valeamus esse certi de futuris...

Староградской церкви, до ее разрушения, о том что даровал ей Оттон В[еликий] и чем овладели славяне, когда гнали христианство. Он пожаловался герцогу Бернгарду, что вагры и бодричи и прочие славяне не хотят платить должной дани. Князья их были приглашены на съезд, и когда их спросили, почему удерживают они епископу законные его доходы, отвечали разными отговорками, что²⁴⁹ и так поборы с них до того велики, что они скорее оставят землю свою, чем возьмут на себя еще дань. Герцог убедился, что прав церкви нельзя будет восстановить, как они были при Оттоне, и стал упрашивать князей, и еле уговорил с каждого дома по всей Бодрицкой земле, бедного или богатого, давать по 2 гроша (*pumti*) на содержание епископа. В земле же Вагрской возвратили епископу два больших (*curtes*) села Босов и Неценну (*Nesenna*) для отдачи земли внаем (*incolendae*). А прежних епископских поместий в отдаленнейшей части Славянской земли: села Деричево, Мотица, Кушин (*Cusin*), никак не мог епископ получить обратно, как ни хлопотал о том через герцога. [z]

Однажды прибыл имп[ератор] Генрих и собрал там обычный сейм, в крепость Вербоно, на Лабу, чтобы испытать умы славян, и все князья славянские пришли к нему, обещая мир и подданство. И явился также староградский епископ с вечной жалобой на умаление церковных имений. Император расспросил князей славянских о владениях, принадлежавших епископу, и они должны были сознаться, что села, о которых говорил епископ, с их землями, действительно принадлежали церкви; кроме того вагры, бодричи, полабцы и кичане, и прочие племена славянские, жившие в пределах Старо[428]градской епархии, обещали платить епископу всю подать, которую установил Оттон В[еликий] взамен десятины. Но обещание их было сказано на ветер. Едва только Генрих распустил собрание и уехал, они забыли обо всем, что обещали епископу. Притом герцог Бернгард, человек храбрый, но весь проникнутый корыстолюбием и жадностью, стал до того угнетать славян налогами, что они и не помышляли брать на себя еще содержание епископа и духовенства староградского, и ненависть к немецкой власти совершенно уничтожила возможность христианской проповеди и успехов церкви. Наконец, бедный епископ, убедившись, что все его труды напрасны и огорченный в душе неудачами, и не имея в пастве своей, где преклонить голову, пошел к Бернварду, епископу Гильдесгеймскому, человеку доброму и святому, который принял его радушно, дал из своих доходов ему содержание и средства посещать свою

паству, от которой он возвращался к нему на отдых. Здесь он и умер. Между великого множества немецких священников, назначаемых блюсти славян, Бернгард должен занять одно из почетнейших мест. Ревность в нем была пылкая; неудача не от него зависела. Несчастье было то, что он был причастен общего зла всего средневекового р[имско]-к[атолического] духовенства: главное приобрести для церкви между язычниками светскую власть и богатство, а второстепенное – обращать народ проповедью. Оттого-то Бернгард более заботился о церковных имениях Староградской епархии²⁵⁰, нежели о проповеди, и отчаялся, когда не мог достать имений. Но и люди самые добродетельные и ревностные, даже Оттон Бамбергский, все так делали, желали церкви богатства и светской власти. Не будем же слишком порицать Бернгарда за общий порок его времени и помянем его как человека, желавшего добра балтийским славянам (1023 г.).

Таким образом, и эта попытка установить у балтийских славян церковь кончилась ничем. Преемник Бернгарда Рейнолд также находился при гильдестеймском епископе, и, несмотря на старания нового архиепископа Гамбургского Либенция, дело не изменилось и при Рейнгере, поставленном после Рейнолда, христи[анство] не шло между славянами; из всех князей их только один Прибыгнев, иначе Уто, сын Местивоя, был христианин – и то дурной и еще полуязычник, а все прочие явно служили кумирам (1020–1035 гг.). Впрочем, мир с немцами продолжался. Славяне платили дань Саксонскому герцогу и пока еще терпели его жадность.

Лютичи также жили в ладу с немцами (1024 г.). Есть известие, что при избрании короля немецкого по смерти Генриха II присутствовали и славяне, соседи саксов, вероятно, бодричи и лютичи²⁵¹. Избранный Конрад Франконский вскоре [429]посетил Саксонию, вступил тут в переговоры с славянами и получил от них положенную дань (1025 г.).

Мир стоял между славянами и немцами, твердый и ненарушимый, с последнего восстания бодричей ... лет⁽¹³²⁾. Славяне точно отдыхали, собираясь с силами на новую брань и новые подвиги. А пока во все это время бушевали и работали все те же йомские витязи, оставаясь со времени великого восстания славян до смерти Оттона II вне дел их с немцами, прикасаясь только к поморянам и скандинавским народам.

Надобно опять рассказать кое-что об них.

^{249/239} Helm., 618.

^{250/240} Съезд в Верб. 1022.

Как умер Пальнатоки, Сигвальд стал владеть над йомскими витязями. В скором времени пошатнулись законы Пальнатокиевы²⁵², женщины ночевали в Йомсбурге, витязи надолго отлучались без спросу, бывали ссоры и смертельные драки. Однажды Сигвальд отправился к королю славянскому Бориславу: было у Борислава 3 дочери, Астрида, красавица и умница, Гуннильда и Яра (Geirga). Сигвальд сказал королю, что «хочет взять себе Астриду женою, а не то – оставит Йомсбург». Король сказал: «Я думал ее дать человеку познатнее, но и не хочу, чтобы ты оставил Йомсбурга: мы поговорим об этом». Король посоветовался с Астридой; Астрида говорила отцу: «Правду сказать, я не имею особенного желания выйти за Сигвальда. Но ему прямо отказать нельзя, иначе он со своими витязями нас покинет; а пусть он прежде исполнит условие: освободить нас от дани, которую мы платим до сих пор королю датскому, и приведет самого короля Свена к тебе пленником. Иначе мне не бывать его женою». Сигвальд согласился на это условие, так ему хотелось жениться на Астриде²⁵³.

Он вернулся в Йомсбург и с тремя кораблями поплыл к Зеландии, где пировал в ту пору король; пристал у мыса, недалеко от того места, где был король; поставил корабли носами к открытому морю и послал королю сказать, что он приехал по самому важному делу, но так заболел, что не может идти к нему. Король пришел с большой дружиной, но йомские витязи пустили на корабли свои только 30 человек: «иначе, говорили, перевесятся судна»; и они сняли переходную доску. Король ступил на ко[430]рабль Сигвальдов и подсел к нему. «Нагнись ко мне поближе, – сказал ему С[игвальд], – я еле говорю; а то ты не расслышишь». Король нагнулся, и Сигвальд схватил его сзади за руки и повалил, и витязям крикнул: «Грянь», и те налегли на весла и поплыли быстро, и так осталась на берегу дружина королевская 700 человек, изумленная и беспомощная. Король спросил: «Что это такое?». С[игвальд] отвечал: «Мы не хотим тебе зла, но надобно ехать с нами в Йомсб[ург]. Сколько будет сил наших, мы почтим тебя всею должною честью. Когда ты приедешь к

^{251/241} Wippo vita Churn. 463.

^{252/242} Th. VII, 26. Свен пойман норманами. Ad. II, 27 (Svein) cum bellum susciperet contra Sclavos, bis captus et in Sclavaniam ductus, a Danis ingentis pondere auri redemptus est.

нам, на наш пир, то узнаешь все». Прибыв в Йомсб[ург], Сигвальд преклонился перед королем, как подданный пред своим государем, и йомские витязи угостили его роскошно. И сказал Свену: «Я потому привез тебя сюда, что посватал за тебя дочь короля Борислава, деву красавицу и лучшую из всех. Из дружбы к тебе я это сделал: не хотел, чтобы ты оставался холостым». Король спросил, как ее зовут? – «Гуннильдою. Я сам помолвлен на сестре ее Астриде. Но твоя невеста, как и следует, лучше моей. Побудь здесь, государь, несколько, пируя, а я отправлюсь к королю Б[ориславу] устроить дело». Сигвальд пришел со 120 товар[ищами] и сказал Б[ориславу] и А[стриде], что условие исполнено, король в их власти. «Я советую тебе, государь, выдать за Свена вторую дочь твою Гуннильду и принять его с честью; он же вместо вена отдаст простую тебе дань, которую вы должны ему платить». Так они и положили, и Астрида стала теперь к Сигвальду благосклонна. Сигвальд возвратился и сказал Свену, что все от него зависит. «Как так?» – «Да Б[орислав] дает тебе дочь свою, если ты откажешься от дани, которую он тебе должен платить. Это тебе и следует сделать: ведь когда он умрет, ты наследуешь его королевство: притом тебе же мало было бы чести взять дочь данника». Так он и уладил, и назначил день для обеих свадеб, и поплыли все йомские витязи со Св[еном] и Сигв[альдом] к Б[ориславу] на свадьбу. Свадьба была великолепная, и не запомнят в Слав[янской] земле такого пира. Весь день тот и вечер, во время пира, молодые не подымали покрывала своего с лица. Но на другое утро они были очень веселы, смеялись и лица не закрывали.

Тогда Свен, увидав двух сестер вместе, взгляделся в них пристально, и показалась ему жена Сигвальдова лучше Гуннильды. И догадался он, что С[игвальд] провел его, но помирился с тем обманом, потому что все дело кончилось к его чести и третья часть земли Сл[авянской] была ему назначена в наследство. И взял он с собой жену свою Гуннильду и 30 кораблей, и множество спутников, и дорогие подарки и поплыл в Данию. А С[игвальд] взял с собою жену свою Астриду и вернулся в Йомсбург.

Через несколько времени умер Гаральд Маковчатый, отец²⁵⁴ Сигвальда и Торкела, бывших в Йомсбурге. Сам король Свен взялся за устройство по[431]гребального пира, великолепного, как следует, и послал звать Сигвальда и Торкела. Те побаивались его мести, но нечего было делать, надобно было ехать поминать отца. Другие витязи не хотели пустить их одних, и поехало их множество. Начался богатейший пир. Йомские витязи пили много и к вечеру были

навеселе. Но и все гости расходились: шумели, смеялись, себя не помня. Тут сказал Свен, король датский: «На светлых пирах, знаменитых собраниях обычай храбрых людей произносить обеты, себе на честь и славу. Вам, йомским витязям, более других людей следует искать себе славы, и так уже вы прославились выше всех народов севера: берегитесь же не уронить своего имени. Я первый даю обет: прежде 3 зим убью или выгоню Адальрада, английского короля, и возьму его королевство. Теперь твоя очередь, Сигвальда, смотри, не урони себя пустым обетом, ни вы, йомские витязи». И раззадорила речь королевская йомских витязей: хотелось им еще более прославиться. Подняв чашу в память отца-покойника, Сигвальд сказал: «Мой обет – прежде 3 зим пойти в Норвегию, выгнать либо убить Гакона ярла (незаконно там владевшего и отпавшего от датского короля) или самому лечь на земле Норвежской». И брат его Торкел, и витязи Буй и Сигурд сказали, что будут с ним заодно в этом подвиге. Вагн приложил еще от себя тот обет, что не сделает шагу из Норвегии, пока не овладеет Ингибергой, дочерью Торкела Лейры, викийского ярла, против воли ее отца и родных.

Затем они разошлись спать и уснули крепко. Сигвальд спал, а всю ночь не спала жена его Астрида. На другое утро она его разбудила и спросила, помнит ли он свой вчерашний обет. «Не помню», – отвечал он. – «Дело к несчастью, едва ли обойдется без последнего, – сказала она, – но ты будь осторожен». И она ему советовала, как поступить, и он сделал, как она говорила. На другой день, когда возобновился пир, смеялся и шутил, как ни в чем не бывало, король напомнил о вчерашних обетах. Сигвальд сказал: «Иное дело пьяный, иное трезвый. Будь я трезв, я не дал бы такого безрассудного обета». И стал он торговаться с королем, и выторговал у него 60 больших кораблей себе на помощь. Астрида сказала: «Вы ничего не сделаете, если дадите время Гакону проведать о вашем походе и снарядиться. Надобно спешить». Ее послушались и тотчас собрались в путь. Това, дочь Гаральда Маковчатого, сказала Сигурду, своему мужу: «Ты едешь. Прошу тебя беречь брата твоего Буи. Я же буду ожидать тебя и сохраняю тебе верность. Вот, Буй, два спутника, которых я даю тебе, Гавард и Ангар. Я даю их тебе, потому что люблю тебя, и не боюсь сказать, что охотнее была бы твоею женою, нежели Сигурдовой. Но делать нечего». Буй поблагодарил ее, и они все поехали.

Приплывши в Винию (в Норвегии), взяли и разграбили город Тунсберг. Тогда только Гакон узнал о походе их: тотчас велел он послать стрелы по всему своему государству, вооружаться и собираться всем, знатному и простому, по всем областям и островам

Норвегии, друзьям своим и не[432]другам, примиряясь и забывая обиды. Много собралось силы, 360 кораблей, в Сунмэрии, у острова Гадды (Hadda), и стали они в Гиорунгском заливе. А йомские витязи овладели всем югом Норвегии. И приблизились они к кораблям норвежским, и, приготовившись к битве, въехали в залив, весь покрытый кораблями Гакона. Залив же этот состоит из двух частей, как бы из двух соединенных заливов: во внутреннем возвышается одна скала, во внешнем три скалы, Гиорунги. У входа в залив два острова. Тут стали строиться витязи: в середине Сигвальд с Торкелом, сбоку Буй и Сигурд, с другого боку Вагн и дядька его Биорн Британский. Против них, йомских витязей, строятся норвежцы, по три корабля против одного корабля, по три витязя против одного витязя, а сам Гакон со своим кораблем не взял себе определенного места, а ездил по всему строю, распоряжаясь. У него в войске были 4 исландца. Один из них Эйнар, певец (скальд), сказал, что перейдет к Сигвальду, потому что у Гакона мало чести и прибыли.

«Неудачно слагал я песни о подвигах мужей, прилежал к этому делу, когда другие бойцы почивали. Не туда я поехал, не там мне жить, где деньгам честь великая, певцу же чести мало. Кому из вас золотое милее славы? Я же иду к Сигвальду». – И хотел он плыть к Сигвальду и обратился к нему речь:

«Пойдем к ярлу, который смеет мечом давать корм волкам; поставим круглые щиты подле корабля Сигвалдова. Он меня не отгонит. Пойдем, со щитом в руке, в корабли, лыжи морского бога».

Но Гакон воротил его, дал ему дорогие подарки и удержал у себя.

Настала битва великая. Гакон на все смотрел и видел, что храбро бились йомские витязи, нигде не уступая. И начал Буй напирать, и его противники пятиться. А там и с другой стороны начал Вагн напирать и его противники пятиться. В середине же Сигвальд крепко держал свое место. И была битва свирепая. Погода была прекрасная, небо чистое и жаркое, и многие витязи сняли с себя платья и сражались в одном оружии. Храбро сражался Аслак подле Вагна: плешивый не хотел он надеть шлема, с голой головой бросался на врагов. И били его по голове саблями и секирами, но сталь не брала плешивого черепа; только искры сыпались. Ничего не помогало против него, пока Вигфус, Вигаглумов сын, не взял с корабля тяжелую²⁵⁵ наковальню и ударил ею Аслака по голове. Аслак упал мертвый. Пуще Аслака махал Вагн мечом направо и налево и свирепо убивал людей. И ударил его Торлейф по голове дубовой булавой; шлем разлетелся, Вагн только пошатнулся, оперся о борт корабля,

и пошел махать по-прежнему. И в скором времени увидели передовые бойцы норвежские, что Гакон прича[433]лил к берегу, и они отступили, и битва отдохнула. – Собрались норвежцы около Гакона и стали думать. «Нам плохо, – сказал Гакон. – И прежде я знал, что трудно будет с ними сладить, а теперь выходит еще хуже. Никому с ними не совладать. Надобно поразмыслить, что делать; вы постойте у кораблей и будьте настороже, а я выйду на берег, посмотрю, в чем дело». Он отправился с немногими спутниками на остров Примсигду, поросший огромным лесом, и вышел на поляну; тут он стал на колени и начал молиться, оборотясь к северу, и призывать в молитве свою богиню-покровительницу Торгерду – великую волшебницу. Но гневная Торгерда не слушала его молитв. И стал он ей обещать в жертву разные вещи, но та не слушала. И стал он обещать человеческие жертвы, но та не внимала. И, наконец, обещал он ей в жертву своего собственного сына, семилетнего Ерлинга, прекрасного мальчика: жертва была принята. И возрадовался Гакон, что умилилась Торгерда и, взяв мальчика, передал его Скоптию, своему слуге, который убил его так, как привык²⁵⁶ Гакон и как он ему приказал. Совершив жертву, Гакон пришел к войску и сказал: «Теперь нам победа верная. Ступайте биться. Я призвал на помощь сестер Торгерду и Ирпу». И пошел сам он прямо на Сигвальда. А гроза собиралась с севера, туча поднялась с моря и надвигалась на небо. И заволокла она солнце, и разыгрались молнии, и дождь полил потоками прямо в глаза йомским витязям. Буря была такая, что еле держались люди на ногах²⁵⁷, в кораблях своих йомские витязи не робели. Гавард, товарищ Буи, первый увидел Торгерду в рядах Гаконных, и многие видели ее, не одни только имевшие рысье зрение, но и простое. С каждого пальца метала она стрелы, и каждая стрела попадала. Буря стала стихать. И сказал Сигвальд: «Не равен бой. Приходится сражаться и с людьми, и с исполинами. Но надобно стоять. Люди мои, стойте крепко». Гакон же, видя, что буря стихает, опять воззвал к Торгерде с упреком и молитвой. Буря поднялась опять пуще первой, и уж не одна Торгерда, а и сестра ее Ирпа вступила в бой, и сказал Сигвальд своим людям: «Надобно спастись: не устоишь против двух исполинок. Срама нам нет: не люди победили нас». И стал он кричать, чтобы все уходили. Вагн сказал ему: «Уходи, трус». А в это время Торкел Мидланг (норвежский) вскочил в корабль Буи; и ударив его мечом по лицу, разрубил ему губы и бороду. Буй сказал: «Неохотно поцелует нас датская девица», и раз-

255/245 ?

256/246 ?

махнулся на Торкела, а тот, прячась от удара, поскользнулся на корабле, скользком от крови, и упал. Буй перерубил его надвое, да тут же и корабль. И схватил он в руки свои два ящика с золотом и закричал: «В море, воины Биевы, в море». Но тут подскочил Сигмунд и отрубил ему обе руки. Поднял кверху Буй [434]обрубленные руки по кисти и бросился за ящиками в море. Сигвальд поворотил свой корабль и уехал, а Вагн бросил ему копье вослед, да не попал. Сигвальд с Торкелом и Сигурдом благополучно прибыли в Данию. Была уже ночь, Вагн с дядькой Биорном остались; Вагн сказал: «Нам либо стоять здесь до утра, да тогда нас живьем возьмут, либо уходить на берег и там воевать с неприятелем»; и решили идти на берег, но в темноте пристали не к берегу, а к скале. Сюда они и вышли; 10 человек умерло в ту ночь от ран и истомления, прочие 70 переночевали с Вагном. На другое утро они уже не защищались, так устали, так озябли, так было их мало перед бесчисленным войском Гаконовым: всех взяли живьем. Их привели к Гакону связанных. Гакон велел Торкелу Лейре их всех убить, но прежде хотел испытать их. «Так ли вы мужественны, йомские витязи, – спросили норвежцы, – как вы славитесь?». Йомские витязи ничего не отвечали. Рабы стали развязывать каждого поодиночке и, наложив венок, свитый из прутьев, приводить к Торкелу на казнь. А Торкел спрашивал у каждого что-нибудь, чтобы испытать, не боится ли смерти. Один сказал: «Разве я забыл законы Йомских витязей, чтобы бояться?» Другой сказал: «Я рад умирать честно, а ты будешь жить век в своем бесчестии». Третий сказал: «Бей скорее; я держу в руке нож: у нас, йомских витязей, не раз была речь о том, чувствует ли человек, когда ему с размаху отрубят голову; если буду чувствовать, подыму нож кверху; не то выроню». Размахнулся Торкел, голова отлетела и нож упал на землю. Так убито было десять человек. Но тогда Гакон велел развязывать и убивать их скорее; развязали руки Вагну, но был он все-таки привязан за ногу. Он сказал: «Я с радостью умру, если исполню свой обет». – «Какой обет?» – спросил Эрик, сын Гакон. – «Против воли отца и родных взять Ингибергу, Торкелову дочь». Торкел бросился на него в ярости, не дождавшись, чтобы его подвели, и размахнулся. Биорн, стоявший сзади, так сильно толкнул Вагна ногой, что тот повалился, и удар Торкелов перерубил веревку у ноги его, и сам Торкел упал с размаху. Вагн вскочил, выхватил у него саблю, убил его, и сказал: «Пол-обета исполнено». Тогда Эрик упросил отца своего, чтобы принять Вагна в норвежскую дружину на место Торкелово; Вагн согласился служить Гакону и Эрику, если пощадят прочих его товарищей. Так и сделали. Эрик принял Вагна в число своих собственных дружинников и позволил ему

тотчас же ехать в Вансио и самому посвататься к Ингиберге: и в тот же вечер она была в руках его.

Потом Вагн поехал в Фионию с женою и там жил долго. Сигвальд жил в Зеландии с Астридой, а потом воротился в Йомсбург. Сигурд жил в Бургундаргольме с Товой, и у всех родилось большое и храброе потомство. Только ярл Гакон не долго царствовал в Норвегии: пришел славный король Олав и погубил его. В прежние годы норвежский король Гакон Добрый дал большой удел своему племяннику, храброму Тригье. Но другие племян[435]ники не хотели покориться дяде и убили его. Потом убили и Тригье. Жена его Астрида убежала беременная, со своим дядькой Торольфом, и скрылась в глуши на маленьком острове, среди Рандского озера. Здесь она родила сына Олава и жила в чаще леса все лето и осень, кормила его грудью, под охранением верных людей. Когда настали длинные и холодные ночи, они отправились, скрываясь днем и путешествуя в темноте, в Швецию и нашли там верное убежище.

В то время царствовал в Гардарикии (Руси) король по имени Владимир. У него была жена Алогия, умная и добрая, хотя язычница, и мать-старушка, едва державшаяся в креслах, но вещунья прозорливая^[39]. В большой годовой праздник ее вносили на креслах в гридницу, где сидел король с дружиной, и она предсказывала, что будет в наступающем году. Однажды ее внесли в такое собрание, и она сказала: «Не вижу в этом году ни войн, ни бедствий для твоей страны, но вижу великое событие: там, на севере, в Норвегии, родился королевич, который воспитается здесь, на Руси, и сделается великим государем, твоей земле будет защитником и миротворцем, и прославит твое имя, в цвете лет получит свое королевство и засияет ярким сиянием, многим народам северных стран будет полезен, но не долго царствовать будет. Довольно, унесите меня».

Многие молодые люди, храбрые витязи, знатного рода, изгнанные из Норвегии по смерти Гакона Доброго, либо ходили по морям за добычей, либо искали счастья службы у чужих государей. Брат Астриды Сигурд служил Владимиру, и сестра его однажды захотела с ним повидаться и поехала в Русь с тремя сыновьями. Но их ограбили, взяли в плен эстонцы, морские разбойники, и Олав шесть лет жил пленником в Эстонии. Однажды Сигурд с многими спутниками и великой пышностью был послан в Эстонию собирать на эстонцах дань для Владимира. Увидав мальчика, не похожего на тамошний народ, он спросил кто такой, узнал, что он сын Астриды, и взял его с собой в Голмгардию (Новгород). Раз, идя по рынку новгородскому, Олав узнал того самого эстонца, который взял их корабль; было ему лет десять. Он подошел к нему сзади и маленьким

топором своим ударил его в затылок и убил на месте. Сигурд отдал его под защиту Алогии, жене Владимировой, и сам Владимир, узнав, что он королевского рода, принял его к себе на воспитание.

В это время было в Новгороде много волхвов, которые предсказывали, что прибыл в их землю иностранец молодой, которому судьба такая, какой никогда не видали, и они сами не знают, кто он и откуда, но знают, что свет, который над ним засияет, осветит всю Русь и многие восточные страны. Княгиня Алогия, мудрейшая из женщин, как только увидела Олава, догадалась, что о нем было сказано то пророчество. И она, и князь держали его в великой чести; Владимир любил его, как сына, и научил искусству владеть оружием, верховой езде и всем упражнениям и знаниям, достойным царствен[436]ного юноши. И быстро перенимал Олав все наставления князя: одного только не перенял – поклонения кумирам. Всякий раз сопровождал он князя, как тот шел в храм, но никогда не входил он с ним, а дожидался у дверей, пока князь приносил жертвы кумирам. Часто увещал его Владимир и упрасивал не раздражать богов, не накликать их мести. Олав отвечал: «Твоих богов я не боюсь, и потому могу судить об них, что твое величие, кормилец, и твое лицо всегда ясно и приветливо, а только сурово и грозно, когда идешь в храм или выходишь после жертвы, потому и боги, которым ты кланяешься, – боги темные, и я не хочу им жертвовать».

Когда Олав возрос, он попросил себе у Владимира кораблей и дружины и спросил, нет ли городов или областей, прежде принадлежавших русскому князю, которые теперь ему не повинуются. Владимир сказал, что есть большие земли, принадлежавшие Новгороду, которыми завладели пришельцы. Олав с малой, но отборной дружиной поехал туда, изгнал или убил пришельцев и возвратил те земли власти Владимира, а на следующую осень вернулся в Новгород. Так прожил Олав несколько лет; летом ходил на войну храбро защищать Русскую землю от морских витязей и покорял под Владимира много народов и стран по Балтийскому морю, зимой же, оставаясь в Новгороде в чести у князя, в любви у княгини. На деньги, которые давал ему Владимир, он содержал свою дружину. И стали ему завидовать люди княжие и княгинины, что у княгини Владимировой было не менее дружины, чем у самого князя; наговаривали на него Владимиру. И Владимир стал к нему менее прежнего ласков. Тогда Олав сказал, что хочет ехать на север, к себе на родину, и, с честью отпущенный, поехал из Новгорода с дружиной в море.

В Борнгольме, взяв богатую добычу, он прибыл в Славянскую землю^[40], и пристал близ одного города, которым владела Яра, дочь славянского короля Борислава, вдова прежнего князя. Олав вышел

на Славянскую землю с миром, называл себя купцом, Олием Русским. Яра пригласила его с товарищами в свой город на зимовку, и они так понравились друг другу, что соединились браком; Олав разделил с женой княжескую власть, покорил Яре много городов и земель, и ходил войной в разные стороны.

В то время император немецкий Оттон собрал большое войско из Саксонии, Франконии, Фризии и Слав[янской] земли и повел его против Дании. За ним шел король Борислав с большим войском. Услышав о походе имп[ератора] и своего тестя, Олав поехал к Шлее им на помощь. И так помог он имп[ератору] в этой войне, что тот пригласил его к себе, обещая большую область. Но Олав не согласился оставить Слав[янскую] землю. Через 3 года умерла Яра, и Олав тосковал так, что тотчас уехал, сначала в Данию, а потом в Русь. На датский берег вышел он с немногими спутниками и угнал, по обычаю морских витязей, несколько человек и скота. Но жители тайно следили за ними и вдруг окружили их в великом множестве. Тогда Олав сказал [437] твердо своим товарищам: «Я знаю, что велик Небесный Бог. Я слышал, что есть победоносное знамя его, крест, на котором он пострадал. Помолимся же смиренно, чтобы он защитил нас крестом, своим знаменем; падем ниц и поднимем над собою вот эти две ветки в виде креста». Так они и сделали, и неприятель их не тронул. Прибыв оттуда в Русь, он был принят с честью, и прожил всю зиму в Новгороде. Тут он однажды видел сон: приснилась ему огромная башня, высокая, а по ней все кругом лестница. Он поднялся на башню и стал выше облаков, и почувствовал запах, такое благоухание, какого никогда не слыхивал; поглядел вокруг и со всех сторон увидел цветущие, зеленые, прекрасные места, и повсюду виделись люди светлые, в белых одеждах, покрытые сиянием и славой, полные радости. И послышался голос: «Олав, человек доброй надежды! Твои благие дела умножатся и преуспеют на славу Божию и тебе на честь в нынешнее время и будущее: ибо никогда не кланялся ты кумирам проклятым; и имя твое прославится по всей земле. Но еще ты не совершенный служитель Божьего слова, не вполне поставленный и не очищенный крещением». Тогда Олав сильно испугался и спросил: «Кто тот, кому мне верить?». Голос отвечал: «Иди в Грецию, там ты узнаешь имя твоего Бога. Если ты уверуешь, то и многих других наставишь на путь истины, ибо Бог тебя избрал обратить к нему многие народы и стяжать себе спасение и славу». Услышав это, Олав стал спускаться и увидел под собой места ужасные, исполненные огненных мук, и услышал вой и отчаянье несчастных душ, и узнал между ними много князей и своих знакомых и увидел мучения, уготованные Владимиру и Алогии. Этим видом он был так

поражен и так опечален, что проснулся весь в слезах. Тотчас поехал он с дружиной в Грецию и там нашел многих святителей знаменитых и благоверных²⁵⁸, которые наставили познанию имени Христова. Он принял благословение крестным знаменем и стал упрашивать епископа Павла идти в Русь проповедовать слово Божие. Еп. Павел был великий служитель Божий и сказал, что пойдет, если только Олав сперва приготовит князя его принять. Олав возвратился в Русь и стал беседовать с князем и княгиней о христианстве. Владимир сначала противился, княгиня же принимала его слова и наконец уговорила князя созвать для суждения великое собрание. Когда собрались бояре и множество народу, Олав встал и обратился с речью ко Владимиру, представляя ему величие небесного Бога, которому поклоняются христиане, и мерзость бессмысленных истуканов. Владимир сказал: «Я из твоих речей вижу, что хороша Хр[истова] вера, но я не смею, по одному своему разуму, переменить веру, которой держались наши отцы и деды. Сперва хочу услышать мнение княгини, которая гораздо меня умнее, и всех наших бояр и советников». Княгиня начала [438]речь и говорила так хорошо, так мудро, что и Владимир, и все собрание обещали принять христианскую веру. Вскоре пришел и епископ Павел из Греции, надеясь на Олава, и окрестил князя Влад[имира] и княгиню Алогию и весь народ их^[41]. Тогда Олав поехал из Руси в Данию и Англию и стал там жить морским витезем: был и в Шотландии, и на о. Мэне, и в Ирландии; в Англии он принял крещение от одного святого монаха, и женившись на Гиде, получил в приданое целую область²⁵⁹. И слава его разнеслась далеко, и дошла до Гакона ярла, незаконного и ненавистного народу государя Норвегии; и, боясь Олава, он послал Торера, витезя, своего друга, убить его. Т[орера] приехал в Англию, прикинулся поборником Олава и сказал ему, что в Норв[егии] его примут как избавителя. О[лаву] давно хотелось побывать на родине, и он тотчас собрался и поехал. По приезде в Норвению Торер устроил засаду, чтобы убить его, но два родственника О[лава] открыли заговор и спасли его. Крестьяне норв[ежские] стали за Олава; Гакон убежал и спрятался, но был убит служителем своим Каркуром; Каркур принес его голову Олаву, который велел и ему отрубить голову: выставили рядом обе головы на виселице, и народ бросал в них камнями. Олав

257/247 ?

258/248 Odd. — 10.

259/249 G. S. Ol. Tr. 145. Rögvaldus (a meridie Stadi habitans)... duos fabros (плотников) genere Vendlandos summos artifices optima data conditione conducit строить род павильона для пиров.

поставлен был королем в общем собрании всего норвежского народа. И стал царствовать справедливо, строго и ласково и, объезжая всю Норв[егию], убеждал народ принимать Хр[истову] веру; а где противились, там принуждая силой и казня строптивых жестоко. Вся южная Норвегия приняла новую веру; на севере упорствовали поклонники старых идолов. Транды (жит[ели] Dronthemí) назначили к зиме праздник с великими жертвоприношениями богам. Олав отправился туда и созвал народ на собрание. Народу сошлось множество, все в оружии, как водится, и как только О[лав] стал говорить о Хр[исте], приступили к нему с требованием: либо молчать об этом, либо быть убиту. О[лав] успокоил их и сказал, что принуждать не хочет и будет зимой при жертвоприношении. Зимой он опять пришел туда с дружиной верных витязей, все христиан[е], по большей части удалцов, бывавших в Исл[андии]. Олав с немногими людьми вошли без оружия в великий храм Тора, знаменитый по всей стране; только у короля была в руке небольшая секира, украшенная золотом. Сильным размахом он бросил ее в огромный, разукрашенный истукан Тора, который рухнул и развалился, а в ту же минуту его витязи убили на дворе Скегги, знатнейшего из тамошних жителей и главного поборника язычества. Олав предложил собранному народу дронтгеймскому: либо сразиться с ним, либо отречься от идолов. Народ покорился и принял крещение. Тогда О[лав] созвал родственников убитого Скегги и для примирения предложил жениться [439] на Гудруне, его единственной дочери. Отпраздновали свадьбу и О[лава] с Гудруной спустили на брачное ложе. Олав засыпал, и вдруг Гудруна достает нож и хочет его зарезать. Олав заметил, схватил ее, вырвал нож из рук и встал позвать кого-нибудь, а пока Г[удруна] взяла свою одежду и убежала, и О[лав] ее более не видел. И продолжал он объезжать Норвегию, водворяя христианство и порядок, посылая священников и мирян для обращения народа в далекие страны: Оркады, Фарэи, Исландию, Гренландию.

Он послал просить руки Сигриды Гордой, шведской королевны, вдовы, и та согласилась. Свадьба была назначена, и О[лав] просил только Сигриду сделаться христианкой. Она и слышать не хотела; король вспылил и сказал, что не намерен иметь женою поганую собаку, да ударил ее перчаткой по щеке. «За этот удар поплатишься ты жизнью», – был ответ Сигриды, а она воротилась в Швецию и вышла вскоре за Свена, короля датского.

У Свена была сестра Тора. За нее сватался Борислав, король славянский²⁶¹, и она была ему давно обещана. Но Тора не хотела выйти

за язычника, да к тому же старого. Борислав послал в Данию Сигвальда, йомского вождя, и он ловко убедил датского короля в выгоде этого брака²⁶². По приказанию Свена сестра его Тора была приведена к Бор[иславу] против воли, в слезах. Отпраздновали свадьбу, но только 7 дней пробыла Тора у Борислава, а на 8-й – бежала со своим дядькой Озуром и, скрываясь от брата, пришла в Норвегию к Олаву. Она понравилась ему, и он на ней женился.

Это еще более оскорбило короля датского, которого и так Сигрида все подушала. Сигвальд также возненавидел Олава, и своими стараниями устроил союз между Свеном, шв[едским] кор[олем] Олавом св. и Эриком, сыном Гакона, прежнего властителя Норвегии, около которого собралась сильная дружина норвежцев, враждебных Олаву и христианству, и который прославился как великий воитель: ходил в Слав[янскую] землю, и в гавани Стаурине (Stören), победил сл[авянских] витязей; ходил и в Русь и после злой сечи разрушил Ладогу; а в то время проживал у шведов. Устроив их союз, Сигв[альд] пришел к Ол[аву], прикидываясь его другом, и потом воротился в Йомсбург, приглашая его туда же. Олаву давно хотелось в Славянскую землю. Тора упрашивала его отправиться туда и занять земли, ей уступленные, но его дружина противилась. Однажды, в начале весны, Олав пошел рано утром гулять, встретил человека, несшего множество фиалок, взял у него пучок и понес к Торе. Он застал ее в слезах: плачущей, что у нее пропали все имения. Тогда он решительно собрался и отправился в Славянскую землю: у него было 60 кораблей, да собственный его корабль, дотоле невиданный «Великий Змей»²⁶³, высокий необык[440]новенно, длиною... локтя, с 36 веслами по каждую сторону, нос и корма позолоченные²⁶⁴.

Олав приехал в Йомсбург, пробыл несколько времени в Сл[авянской] з[емле], где нашел много старых приятелей. А Свен и союзники условились с Сигвальдом, что будут ждать его в засаде за о. Свольдром²⁶⁵. По всей Сл[авянской] земле разнеслась молва о большом походе Свена и дошла до Норв[егии]. Но Сигвальд, который принимал О[лава] как великого друга, разуверил его и, чтобы его успокоить, привел к нему на помощь йомских витязей, 10 кораблей своих и 1 корабль жены своей Астриды со слав[ной] дружиной²⁶⁶. Наконец, Олав собрался в обратный путь. Накануне его отплытия, но-

261/251 G. 195. Нет в Jomsv.

262/252 NB. Олав в Йомб. Thietm. VII, 28. Свен развод. с Гун[нильда].

263/253 Ormr hinis langi.

264/254 NB. Сигвальд. Олаву-Пальнатоки.

265/255 Ad. 82. Gun. C. 285, 298.

чью, пришла к нему Астрида и предостерегла его о близости датчан и шведов. Но Олав не хотел верить и поплыл, не предвидя никакой опасности и положась на Сигвальда. Сигвальд взялся ехать впереди, чтобы провести корабли через известные ему мели и проходы²⁶⁷. Он держал корабль Олава ближе к берегу, а почти все прочие корабли норвежские уже вышли в открытое море. Враги Олава сидели в засаде давно, измученные ожиданием, и вот они видят, к радости, выплывает вдали огромный корабль. Свен и кор[оль] шведский Олав вскрикнули в один голос: «Какой корабль! Вот В[еликий] Змей!» – Эрик сказал: «Нет, это не В[еликий] Змей, В[еликий] Змей гораздо больше и лучше». И в самом деле: то был корабль Стиркора. Выплывает другой корабль, лучше первого. «Вот В[еликий] З[мей]!» – «Нет, – сказал Олав, – это не В[еликий] Змей; я его хорошо знаю». И правда, то был корабль Торка. Выплывает третий корабль, еще больше. «Вот В[еликий] З[мей], – сказал король, – но видно Олав испугался, не выставил змеиной головы». – «Нет, – отвечал Э[рик], – я знаю В[еликий] Змей; у него парус полосатый, разноцветный». И наконец они увидели и узнали Олавов корабль, и нельзя было ошибиться.

Подводя Олава к неприятелю, Сигвальд с йомскими витязями вдруг спустили паруса и на веслах пошли к берегу, где стали поодаль от битвы.

С Олавом было только 11 кораблей, когда он увидел себя перед неприятелем. Еще можно было бежать, и ему так советовал старый и опытный воин Торни, но Олав сказал громко: «Сцепить корабли, готовиться к бою, нашим не думать о бегстве». Пока обе стороны пристраивались, вдруг норвежцы увидели, что славянская ладья-сороходка, которая весь день плыла у них в виду у берега, с необыкновенной быстротой подъехала к высокой корме Олавова «Змея»; какой-то человек встал и сказал что-то на непонятном языке; Олав отвечал ему на том же языке, и никто из норвежцев не мог понять его. Недолго они говорили, и ладья на веслах отъ[441]ехала к берегу и там стала на якор. Спросили Олава, что за люди с ним говорили. Олав отвечал: «Славяне; я был с ними знаком».

Началась битва. Сперва Олаву посчастливилось, и он славно отбил шведов и датчан с великим успехом, но Эрик перевернул битву, с огромными силами напал на крайний с правой стороны корабль Олава, перерезал его защитников и выбил его из строя. С другой стороны датчане и шведы также напали на крайний корабль, и наконец все суда норвежские были взяты поодиночке. Оставался один «Ве-

ликий Змей» среди стольких неприятелей. Но его не легко было взять; кто подходил к нему, тот получал немало ударов саблями, копьями и секирами. Эрик подъехал было, но отъехал. Только стрелы летали на норвежский корабль градом, и трудно было от них укрыться. А на датской земле стоял знаменитый Эйнар, родом финн. Он пустил в Эрика две стрелы, которые прожужжали мимо так близко, что чуть его не тронули. «Кто это так стреляет?» – спросил Эрик. Эйнар наложил третью стрелу, натянул лук, прицелился; лук лопнул. «Что такое сломалось?» – спросил Олав. – «В твоей руке Норвежская держава» – сказал Эйнар. «Бог правит моею державою, а не твой лук», – сказал Олав, и дал ему свой. Но лук был слаб: Эйнар его бросил и взял щит и меч. Битва продолжалась крепкая. На Олавов корабль так и лезли, но всех отпихивали. Король заметил, что его люди стали неловко ударять саблями и рубить не сразу. «Что такое?» – он спросил. «Сабли притупились», – был ответ. Олав сошел под палубу, вынес новые, острые сабли и роздал своим. Мало осталось у него воителей, да и мало стало на другой стороне охотников до битвы. Эрик опять пошел на приступ и влез сам на «Змея»; бились свирепо, Эрика погнали, и он бежал; Олав обернулся и спросил у своих, ушел ли Эрик. «Да», – отвечали ему. «Хорошо, – сказал Олав, – да я это знал... Эрик не победит нас, покуда у него Тор на корабельном носу». Это сказал он громко; все слышали, слышал и Эрик. Эрик и все союзники стали у берега. Битва отдохнула. Норвежцы начали опять упрашивать Олава уехать. Он не хотел уйти перед неприятелем. «Да и едва ли они возьмут мой корабль», – сказал он. Тут опять подъехала к нему славянская ладья-сороходка. Люди с нее хотели перейти на его корабль, за него сражаться. «Помощь мне будет небольшая, – сказал Олав, – а скорее будет мне польза, если вы станете, где были прежде». Они отъехали и опять стали у берега.

Эрик приготовился к новой битве и уговорил датское и шведское войско напасть решительно на этот один неприступный корабль.

Он произнес обет, если победит, сделаться христианином. Он взял с собой огромные бревна. Подъехав к Олаву и завязав битву, велел их положить на «В[еликий] Змей» с одной стороны; «В[еликий] Змей» покосился набок, и Эрик легко влез на него со своими людьми. Увидав его на своем корабле, Олав бросил в него 3 тяжелые железные палицы; никогда не бывали напрасны его [442]удары, а тут он промахнулся 3 раза. «Счастье Эрику! – сказал он, – видно, Богу угодно дать ему Норвегию»; и тут он взглянул и сказал своим: «Моя правда: вот крест на корабле Эриковом».

Все более наполнялся «В[еликий] Змей» врагами, и гибли норвежские витязи. Олава приперли к корме. Он бросился в море и исчез.

По всему войску разнесся клик радости, корабли йомских витязей распустили паруса и приплыли на дележ добычи. Потом союзники отправились в Норвегию, овладеть Олавым царством, а йомские витязи воротились домой.

Олав пропал без вести. Рассказывают про него, будто он доплыл до славянской ладьи, которая стояла у берега, и спасся, постригся в монахи и жил отшельником в Греции или Сирии. Тора стосковалась и умерла.

Таковы эти поэтические сказания о делах йомских витязей под Сигв[альдовым] начальством и о подвигах знаменитого Олава, бессмертного короля норвежского, бессмертного и в том смысле, что норвежский народ не хотел знать о его смерти.

Все содержание этих сказаний – историческая быль. Вступив на датский престол, Свен, видно, хотел восстановить власть Дании над йомским населением и славянскими и датскими витязями, которые там гнездились, и поссорился с ними. Достоверный Адам Бременский подтверждает сказание саги, что он попался им в руки, и говорит даже больше саги, что два раза взяли его в плен славяне, увели в свою землю и отпустили за огромное количество золота. Саксон тоже рассказывает, что жители йомские, грабя Данию, взяли его в плен и пустили его за вес его тела золотом и двойной вес серебром²⁶⁸. Потом Свен опять примирился с ними и отправил их против Гакона Норвежского: была великая битва; буря разбила йомские корабли, и они сами большей частью погибли²⁶⁹. Ни один историк не сообщил известия о первых делах Олава, о его скитании по разным землям и морям и о том, как он достиг норвежского престола. Потому здесь исландские саги одни нами руководят. Адам Бременский и Саксон говорят о нем, когда он уже сделался норвежским королем (вступил на престол в 995 г.) и рассказывают, как саги, что он хотел жениться на Сигриде, шведской королеве, но что у него отбил ее Свен, что он женился на Торе, гордой королеве датской²⁷⁰, которая побудила его к войне, что произошло большое-большое сражение, в котором погиб Олав (5 сент. 1000 г.), и что Тора уморила себя голодом.

Повесть об Олаве, Тригвовом сыне, не относится прямо к настоящей истории и не должна бы была войти в нее. Только первые его подвиги на балтийском Поморье и последние походы в связи

^{267/257} Odd. 62.

^{268/258} Поход на Юлин. Saxo. 493.

^{269/259} Saxo 483 назыв[ает] не Свена, а Гар[альда], несправ[едливо], ибо Гакон отказ[ался] платить дань не Гар[альду], а Св[ену]. Th. VII, 28 дочь Мечислава, сестра Болеслава за Свеном.

Но были [443]причины допустить ее: она указывает несколько на совершенно неизвестную в истории, но важную, без сомнения, и для нас любопытную сторону в деятельности балтийских славян: на сношения их с Русью. Не может быть сомнения, чтобы балтийские славяне, народ отважный и любивший странствовать по морю, не заходили в Русь и не имели сношений с восточными своими соплеменниками. История молчит об этом, но по крайней мере, сага на это указывает: Олав, прошедший всю молодость свою в Руси и набравший там дружину, прямо приезжает к балтийским славянам, получает там руку княжеской дочери и волость в управление; потом он опять посещает Русь. Обыкновенно посредниками этих сношений были, как и в этом случае, варяги; но могли быть и прямые сношения. В то время Русь, владевшая Финским заливом, была через Балтийское море в частых сношениях даже с отдаленными народами запада: стоит вспомнить о

[XIX]

[Утверждение власти датской и немецкой на балтийском Поморье]

Из таких родственных связей замечательна для нас одна, о которой упоминает Адам Бременский: «Шведский король Олав (тот самый, который сражался с Олавом Тригвесом), великий поборник христианства, женился на славянке из племени бодричей, Эстриде и родил с нею сына Якова и дочь Ингарду, которую взял женою святой король Ярослав Русский». Итак, по крайней мере, один раз дочь балтийской славянки вышла за русского князя²⁷¹.

Другая причина та, что эти сказания выставляют характер йомских витязей²⁷². Как в прежнее время, при Пальнатоки, так и теперь, этот притон удальцов в земле Славянской был убежищем и защитником упадающего язычества. Представитель и поборник христианства в Норвегии, человек, посвятивший этому свою деятельность, был Олав, король норвежский; шведы и датчане были ему враждебны, но главным его губителем, его предателем является Сигвальд, начальник йомской дружины. Йомское поселение не изменило своего начала: оно произошло от союза датчан и славян, стоявших за старых богов, против христианства и немецкого влияния.

^{270/260} Saxo 502 след. Ad. Br.

^{271/261} II, 47.

Наконец, приведенные сказания замечательны как свидетельство о частых сношениях и родственных связях балтийских славян со скандинавскими народами. Эти сношения и связи теперь все более и более развиваются, и вскоре достигают важного значения в истории²⁷³.

А пока их теснили с разных сторон. Давно уже они не видали опасности от датчан, а теперь датчане возобновили свой напор на них, и все более и более напирали и усиливали свое влияние, так что в скором вре[444]мени датские отношения сделались для них главными, важнее даже немецких. Датским королем сделался в 1014 году Канут, сын Свена и, по сказаниям исландцев, Гуннильды, дочери Борислава^{274, [42]}. Удачно воспользовавшись тем, что подготовил его отец, он овладел и Английским королевством²⁷⁵.

Таким образом, датчане установили власть свою над поморскими славянами. Власть была, без сомнения, легкая, вероятно, выражалась только в некоторой дани; едва ли она была основана на собственном покорении, а скорее на добровольном подчинении поморских князей сильному королю датскому, их родственнику по Гуннильде. Но Канут, хотя и занят был английскими делами, не пренебрегал и властью над балтийскими славянами и старался ее упрочить²⁷⁶.

Таким образом, в первой четверти XI века балтийские славяне, никем не покоренные, все более и более поддались чужой власти: поморяне – датской²⁷⁷, бодричи – немецкой; одни лютичи оставались еще независимыми, но при своем быте не могли помочь своим соплеменникам. Да и сами они подверглись новым опасностям. Власть польская все еще господствовала над Лужицей и угрожала лютичам. Но уже великого Болеслава не было. Он истощил силы своего народа, не совершив великого подвига, не соединив ляхские ветви под одной христианской и славянской властью. С его смертью исчезла вся надежда балтийским славянам спасения с этой стороны. При его слабом преемнике Мечиславе II все стало рушиться и падать. Пока венгры, а потом чехи отбирали у Польши завоеванные Болеславом земли Словацкую и Моравскую, Мечислав без особенной причины бросился в безрассудное и опасное предприятие, которое не могло обещать ему, без огромных усилий, продолжитель-

^{272/262} Олав Христ[ианин] – Свен его враг = Годискалку. Конец их.

^{273/263} NB. Все это и сказание гораздо прежде.

^{274/264} Ad. 36, 37. NB. Barth. 360.

^{275/265} NB. В Англии йомские витязи. Gies. 52, 53.

^{276/266} Поход. NB. Gies. 53.

ного успеха и накликало на него сильного врага: перешел немецкие границы и предал ужасному опустошению пограничные Лужицкие земли (1028 г.). Лютичи опять испугались, как прежде при завоеваниях Болеслава, и послали к немецкому императору Конраду посольство, прося у него помощи против Мечислава и обещая ему покорность. Неизвестно, участвовали ли они в походе, который император предпринял на другой же год против поляков (1029 г.) и который кончился ничем, после неудачной осады Будишина. Летописец говорит глухо, что лютичи обманули Конрада, но в чем, не определяет: тем ли, что не помогли ему в этой войне, или тем, что не хотели вообще ему повиноваться. В 1030 году Мечислав, пользуясь отступлением немцев, опять ворвался в их землю и свирепствовал в ней пуще прежнего²⁷⁸. Между Лабой и [445]Салой он сжег более 100 сел, увел в плен множество народу: тысяч 9 мужчин и женщин. Кто не мог идти за войском, того убивали. Многих беременных женщин, из жестокости рубили саблями и пронзали копьями. Даже святыни не щадили польское войско, хотя и христианское; между прочим, увели пленником Ливицона, епископа, носившего пустой титул Бранденбургского (*in partibus infidelium*). Но то был последний подвиг угасающей державы, воздвигнутой Болеславом (1031 г.). По удалении Мечислава сам Конрад подвинул на него свое войско, и в то же время изгнанный брат его Безприм, бывший в Венгрии, в союзе с Конрадом возвратился в Польшу, и Мечислав сначала должен был, чтобы задобрить немецкого императора, уступить ему Лужицкую землю, купленную отцом его ценою столькой крови, а потом и сам бежал к чехам. Безприм был убит в скором времени (1032 г.), и Мечислав опять получил польский престол. Но силы Польши были разбиты, и Мечислав, не думая о возвращении потерянных земель, с покорностью явился в Мерзебург к императору (7 июля 1032 г.), признал его своим верховным государем и оставил в его власти

^{277/267} Estrid.

^{278/268} 1028. Aun. Hildesh. Misako, qui jam per aliquot annos regnum Sclavorum tyrannice contra imperialem usurpabat maiestatem, orientales partes Saxoniae cum valido suorum exercitu violenter invasit et incendiis ac depredationibus peractis, viros quosque trucidavit, mulieres plurimas captivavit, innumerabilem prorsus multitudinem miserabilis inauditaque mortificatione cruentavit et per semetipsum suosque, immo diaboli satellites nimiam crudelitatis sevitiā in christianorum finibus Deo inspiciente exercuit.

1029. Legati Liniziorum Palithi (Pólde) ad venientes ejus juvamen contra Misakonem tirranum petierunt, seque ei fideliter servituros promiserunt. Et mentita est iniquitas sibi.

Лужицкую землю²⁷⁹. Таким образом, поляки были отбиты от Лабы, и южная граница балтийских славян, Сербская укрaina, опять была в руках немцев.

Теперь-то они опять могли смелее действовать против врагов своих лютичей, которые не воспользовались годами свободы, чтобы себя укрепить и обезопасить, и смело приступили к их вторичному покорению²⁸⁰. Уже давно происходили между лютичами и соседними им немцами частые споры и стычки, к которым, без сомнения, побуждал воинственный дух обоих народов и взаимная ненависть. Бывали с обеих сторон смертоубийства, зажигательства и грабежи: видно, не давали друг другу спуска. Конрад должен был приезжать в пограничную крепость Вербно для разбора и примирения (1032 г.). Но это не помогло: в 1033 году лютичи под Вербном убили графа Людгера и 42 немецких воина. Сын Конрада, молодой Генрих, впоследствии знаменитый император Генрих III, повел против них саксонское войско, но настоящей войны еще не было (1033 г.). Сам император летом прибыл в Вербно и вступил в переговоры с лютичами. Он спросил, как дело было. Лютичи говорили, что не они, а немцы были зачинщиками и требовали для доказательства суда Божьего поединка (замечательное свид[идетельство]²⁸¹). [446]Саксы также не отказывались от единоборства. По совету начальников нем[ецкого] войска император согласился принять это испытание, и тотчас были выбраны с обеих сторон два бойца²⁸². Славянскому бойцу была удача: он ранил немца так, что тот упал. Лютичи до того возгордились победой, что готовы были тут же броситься на немецкое войско, но страх перед императором удержал их (1034 г.). Конрад пока оставил их в покое, но готовился к сильному действию против них и, чтобы иметь опору против них и обуздать их набеги, вновь укрепил Вербно, поставил там военную стражу и вождей саксонских; обязав их присягой единодушно стоять против славян.

Разумеется, эта мера лютичам не понравилась, и на другой же год весной они овладели хитростью и предательством ненавистную крепость, схватили немецкую стражу, которая там стояла, кого убили, кого увели в плен. Император был тогда в Бамберге. Тотчас он приступил, строго и деятельно, к созванию войска и пошел к Лабе. Лютичи не давали ему перейти, но ему удалось отыскать брод и про-

^{279/269} NB. Поморье Röppel. 172.

^{280/270} Raumer 93. Gies. 73.

^{281/271} NB. Wippo op. Pistor; ср. с Raum. 93.

^{282/272} Wippo. NB.

гнать их, и, вступив в их землю, он опустошил ее далеко и жестоко, во всех открытых местах, и только не мог взять укреплений²⁸³. Лютичи должны были обещать ему дань больше той, которую платили в прежние времена немецким государям²⁸⁴. На другой год летом он опять пошел войной в их землю, принудил их к покорности и воротился, взяв с них множество денег и ведя с собой множество заложников (1036 г.).

Итак, немецкая власть опять легла на лютичей. Но она была еще легка и сносна: немцы довольствовались данью и, может быть, обязательством помощи в войнах, но в прочем оставляли их в покое, не подчинили их своим графам, даже не заняли Бранибора. Трудно объяснить себе такую умеренность, тем более, что она долго ими руководствовала относительно лютичей: боялись ли они раздражить их слишком тяжелой властью, или хотели подчинить их себе мало-помалу миролюбивым общением.

Во всяком случае, значение лютичей упало. Столько было для них выгодных обстоятельств: слабость Германии при Генрихе II, жестокие войны ее с Болеславом, восстание их ближайших соседей бодричей, а ничем они не воспользовались и так легко признали себя опять ее данниками. Конечно, из всех племен балтийских славян лютичи были храбрейшие и сильнейшие, но храбрость и сила их расходовалась мелочно, без единства и проку. В этом отношении бодричи стояли выше их, хотя и были слабее и испорченнее чужим влиянием. Они подчинились ему более лютичей, и оно и сгубило [447]их наконец. Но пока оно принесло им пользу, временную, конечно²⁸⁵. Знакомство с христианской иерархией и с властью германского императора возбудило в них стремление к государственному единству, к строгому монархическому порядку, которого дотоле не знали балтийские славяне. К их несчастью, это было стремление чужое, немецкое, и потому оно не могло к ним привиться. Не весь народ хотел покориться государственному порядку; было много сильных и знатных людей, поборников старого, раздельного быта, противников немецких нововведений. От того произошло у них внутреннее бореие, и истратились силы, которые нужны были для отпора врагам, напиравшим отовсюду. Так и не установилось крепкое единство даже у бодричей, и они изнемогли и угасли в этом бореии немецкого государственного и славянского раздельного начала, а там немцы с датчанами без труда их доби́ли.

^{283/273} См.: Gies. 74. Wippo. 479.

^{284/274} NB. Значения они не были данными перед этим.

[XX]

История Годескалка, Прибыгневова сына, короля славянского

После великого восстания был мир в земле бодричей и вагров. Герцог Саксонский Бернгард и датский король Канут, который заключил дружбу и союз с немецким императором Конрадом и получил от него Шлезвигскую Украину на севере от Эгидоры и который часто приезжал в Гамбург для свидания и совещаний с арх[иепископом] Унваном и герцогом Бернгардом, держал их в повиновении. Были у них кое-какие воспоминания о христианстве, но корыстолюбие и дурное обращение герцога Бернгарда и сакских властей мешали успехам церкви. Князья их, Олодраг и Гнев (вероятно, сыновья Седерика и князя вагров), явно придерживались язычества, третий же князь, владевший бодричами, Прибыгнев, носящий немецкое имя Уто, был наружно христианином²⁸⁶. Он даже отдал сына своего на воспитание в монастырь в Люнебурге, и настоятель монастыря, Годескалк, носивший титул готского епископа, заботился об обучении его словесным наукам. В честь него, без сомнения, и молодой князь славянский назван был Годескалком. В это время, будучи в монастыре, Годескалк получил известие о смерти своего отца Прибыгнева – убил его какой-то перебежчик из саксов. Немцы говорили, что к убийству побудила жестокость бодрицкого князя, но славяне, без сомнения, думали, что, убив князя, немцы хотели овладеть и землей бодричей. Годескалк тотчас же бросил книги, отрекся от христианства, бежал из монастыря и, переехав Лабу, присоединился к славянам-язычникам, которые, видно, были наготове напасть на христиан и немцев. Он шел мстить за своего отца и тотчас же бросился с ними [448] на саксов: он убил их несколько тысяч, разорил всю Нордалбингию. Во всей земле голзатов, стурмаров и дитмарсов ничего не ушло от его мести, кроме крепостей Ezho и Vokeldeburg, куда стеклись, кто только мог, мужчины, жены, дети с имуществом, какое могли спасти. Рассказывали, что однажды, бродя с дружиной по полям и болотам²⁸⁷ Нордалбингии, он был поражен своим собственным делом, развалинами и безлюдством страны, так недавно еще населенной и обстроенной церквями, и в глубоком раздумье решился действовать иначе. Он поехал один в сторону от своих и неожиданно встретил шедшего куда-то немца. Увидав изда-

^{285/275} Helm. 1. 19.^{286/276} Ad. 3, 68.^{287/277} Scr. r. Angl. Gale. Savile. Helm. Ad. Saxo. 557.

ли вооруженного человека, тот пустился было бежать, но Годескалк крикнул ему, чтобы он постоял, обещая его не тронуть. Немец остановился, и, подъехав к нему, Годескалк спросил, кто он такой и что у них говорят. Тот сказал, что он бедный человек, родом из Голштинии, и что каждый день приходят недобрые слухи о князе славянском Годескалке, что он много зла делает их земле и народу и хочет пролить их кровь. «Время, – говорит, – всемогущему Богу отомстить ему за наши страдания», Годескалк отвечал: «Страшно укоряешь ты этого человека, Годескалка, славянского князя. Но в самом деле жестоко наказал он ваш народ и вашу землю, великолепно отомстил за смерть своего отца. Я этот человек, на которого ты произнес обиду, и я пришел поговорить с тобой. Я жалею, что так оскорбил Бога и христианский народ и хочу примириться с теми, кого обидел. Слушай же, что я тебе говорю; пойдй к своим и скажи им, чтобы они туда-то прислали верных людей: я переговорю с ними тайно о мире и передам им эту дружину разбойников, которые меня окружают и над которыми я не властен, а скорее она надо мною». И он назначил ему место и время. Немец пришел в крепость, где засели в великом страхе остатки нордалбингов, и объявил старшинам слова Годескалковы, умоляя их исполнить требования князя. Но те не послушались, боясь засады.

Через несколько дней пришел на выручку саксонский герцог Бернгард, и сам Годескалк попался ему в плен. Он сковал его цепями, как вождя разбойников, но, рассудив, что такой храбрый и деятельный человек был бы ему полезен, заключил с ним договор и, подарив его подарками, отпустил с честью. Какие условия он наложил на Годескалка, неизвестно; но Годескалк не пошел на родину, а отправился к датскому королю Кануту и остался в его службе несколько лет. Он принял участие во многих походах его, в Англии и Норвегии, стяжал себе великую славу своими подвигами²⁸⁸.

Предание о внезапной перемене Годескалка, может быть в подробно[449]стях и не вполне верно исторически, но по внутреннему смыслу удивительно метко и важно. Годескалк, человек в высокой степени способный и умный, воспитываясь в немецком монастыре, не мог не подвергнуться влиянию тогдашнего римского взгляда, так сильно господствовавшего в духовенстве, о государственном устройстве, об иерархии и высоком значении сосредоточенной власти. Нельзя не поверить, чтобы он не принял этих мыслей, не сознал превосходство государственной жизни перед разъединенным бытом языческих славян и, чувствуя в себе силу, не вздумал, получив

^{288/278} NB. Saxo. 523, 525.

отцовское наследие, преобразовать бодричей на римский лад. Вдруг этот человек попадает в колею, что должен идти наперекор своим убеждениям. Мстя за отца, он должен губить немцев и христиан, представителей государственного начала, должен сделаться предводителем языческой стороны у бодричей, той самой, которая держалась старого быта, и попадает в руки дружины язычников, которые идут за ним, когда он ведет их на немцев, но не слушаются его, как государя. Понятно, что пылкая душа, увлеченная страстью губить то, что прежде любила, стоять за одно с тем, что ненавидела, вдруг перевернулась в глубине своей, и что Годескалк, не видя, чтобы его деятельность могла основать что-нибудь, вдруг раскаялся и примирился с немцами и христианством. Но тогда ему уже не было места в его отечестве, в котором он же сам восстановил язычество, и он должен был удалиться в Данию и ждать там своей поры.

Долгая служба в Дании не могла на него не подействовать. Не было в то время на западе государя сильнее Канута Великого, короля датского, английского и норвежского. Его крепкая власть, его постоянное войско, которое содержалось в Англии, не могло не усилить в Годескалке мысли о превосходстве западного государственного устройства, связанного с христианской иерархией, которой Канут был сам великим покровителем.

Годескалк, дожидаясь в Дании своей поры, без сомнения, учился у великого Канута²⁸⁹. Когда Канут умер (1035 г.), тридцати пяти лет от роду, он все оставался в Дании; когда умерли сыновья Канутовы (1042 г.) и датским королем сделался по договору Магнус Норв[ежский], он перешел на сторону его противника²⁹⁰ Свена Эстритсона и женился на дочери его Сигриде; но Свен вскоре должен был оставить Данию, и Годескалк также, вероятно, не хотел долее там остаться. Обстоятельства так переменились, что он мог возвратиться на родину.

Поводом были, как часто такое случается, йомские витязи²⁹¹. В начале царствования Канута²⁹² [450]они покорились власти датского короля и получили на некоторое время начальником Свена, сына Канутова; но потом отец призвал его опять в Данию для других дел, и неизвестно, кому он поручил йомскую крепость²⁹³. При нем

289/279 NB. Князем Бодр[ицким] был Ратибор.

290/280 Ad 2. 76.

291/281 NB. Упадок.

292/282 Sn. S. of Ol. helg. 251. Sveirn son Knuts Kongs oc Alfifo dottur Alfrinis Jarl hann hafthi verit settur sil rikis a Vidlandi oc Jomsborg.

293/283 Sn. S. Magnusa Kongs 24, s.

витязи оставались смиренны, боясь его строгости. Но когда он умер, витязи и соседние славяне, подчиненные Канутом, перестали повиноваться ослабевшему Датскому государству. Сначала славяне стали беспокоить Данию²⁹⁴, а потом восстали и йомские витязи. Дело было, видно, опасное, потому что семнадцатилетний Магнус (1042 г.) заключил союз с герцогом Саксонским Бернгардом, всегдашним врагом славян, и выдал сестру свою за его сына. Как только узнал об их восстании, тотчас же приготовился к походу. Он взял с собой сильное войско и поплыл к славянскому берегу. Современные скальды воспели этот поход. «Надобно восхвалить, – пел Арнур, – поход потомка королей против земли Славянской. Счастливо поплыл ты по морю; пенились волны под кораблями, гнал их попутный ветер. Никогда не было больше кораблей на пути в Славянскую землю... с огнем поехал ты к злодейскому народу; смерти были обречены мореходцы. Губитель разбойников, ты сжег сильную крепость Йомскую. Не смели язычники защищать свои храмины за широкими стенами; сердца их оробели при свете пожара»²⁹⁵. В другой песне он пел, что Магнус сжег в Йомсбурге много трупов разбойничьих, что жадные волки вытаскивали тела из угольев и пожирали, и что на некрещенные головы пал свирепый огонь.

В самом деле, приплыв с большими силами датскими и норвежскими к Йомсбургу, он взял крепость, убил в ней много народу, сжег укрепления и опустошил окрестные места. Была большая битва, с обеих сторон пало множество воинов²⁹⁶, часть тамошних славян покорились ему, часть бежала²⁹⁷. При возвращении он встретил корабли йомских витязей, стоявших у берега, и напал на них; он победил их и возвратился в Данию²⁹⁸.

Видно, поход на Йомсбург был направлен вообще на балтийских славян, и, разрушая притон их витязей, Магнус думал обезопасить от них славян. Тотчас же славяне взялись мстить датчанам. Ратибор, князь бодричей²⁹⁹, христианин, имевший обширную власть, веро-

^{294/284} Ad. 2, 75. Slavi... post mortem Chnut Daniam infestabant.

^{295/285} Sag. M. 28.

^{296/286} Ad. Sch.

^{297/287} Cf. Ad. 44 sch. и 144. NB. S. Magn. 28.

^{298/288} S. Magn. 24 Quibus gestis exercitum in Daniam reduxit. Cum vero Reum in Vestlandia (occid. Vindlandiae pars) praeternavigarent, naves piraticas quae complures ad terram stabant adorti, proelium commiserunt eo exitu, ut rex Magnus victor discederet. Qua de re hic versus agunt: Nex certandi cupidus durum piratae conventum ni Reo egit et ante latam Vindlandiam gladios virorum rubefecit.

^{299/289} Ad. 2, 75. NB.

ятно, пришел к сво[451]им на выручку. Он был убит датчанами. Было у него 8 сыновей, княживших над славянами³⁰⁰. Они собрались мстить за отца, созвали огромное войско и пошли на датчан. Но теперь дело шло уже не об освобождении Йомсбурга, а о прямом нападении на Данию (1043 г.). Магнус был тогда в Норвегии, славяне разлились с ужасной быстротой по всей южной Дании и, истребляя все перед собой, дошли до Рипена. Отсюда они стали возвращаться и дошли уже по восточному берегу Ютландии почти до Шлеи. Тогда король Магнус приехал из Норвегии, быстро собрал войско и на перерыв шли к нему вооруженные люди из всей Ютландии, и на помощь против старого врага пришло к нему сильное немецкое войско, которое вел Ордульф (у иных Оттон), сын Бернгарда, герцога Саксонского, зять Магнусов³⁰¹. Предводители датские хотели идти на неприятеля и не дать ему грабить страну безнаказанно, и король повел их на равнину Шлезвигскую и стал станом у речки Скотборгары, на юг от Шлезвига. Славяне в огромном множестве приближались к Шлезвигу. Лазутчики донесли, что их столько, что и счесть нельзя, и что нужно уходить от них. Король хотел сраженья, но спросил совета своего войска. Датчане все единогласно говорили, что войско славянское не может быть побеждено и требовали удаления; саксонский же герцог советовал биться со славянами. По его совету Магнус велел подать знак к бою и вооружаться. Всю ночь провели они под щитами, потому что славяне были близко. Магнус находился с сильным волнении, боясь беды и стыда бегства, не спал всю ночь, молился Богу. К утру, заснувши, он увидел во сне своего отца, св. Олава, который спросил его, зачем он боится славянского войска. Хотя их много, но они не страшны; он сам будет с ним сражаться, и когда он подаст знак, то идти в бой. Король проснулся и рассказал свой сон. Уже начинало светать, и вдруг пронесся по воздуху темный гул колокола. Норвежцы, бывшие в войске Магнуса, узнали, им казалось, звук большого колокола в Нидаросе (Дронтейме), который сам св. Олав дал церкви св. Климента. Услышав знак, поданный святым королем, Магнус велел трубить к бою, а в то самое время приближалось славянское войско с южной стороны реки (28 сент. 1043 г.)³⁰². Тотчас сразились они. Магнус снял с себя латы и, покрытый шелковым пестрым плащом, бросился вперед на неприятелей, держа в обеих руках секиру своего отца, называвшуюся Гель. За ним устремилось его войско.

^{300/290} Записать.

^{301/291} Snor. S. Magn. 27.

^{302/292} S. Magn. 31 сл.

Передовые ряды славян сражались храбро, и множество их пало, но задние тронулись и побежали³⁰³. Тогда началось бедственное бегство. Бегущих славян, рассказывает повествователь, били как скотину, и далеко пресле[452]довал их король. Рассказывали, что в их войске был человек по имени Регбус, огромного роста и исполинской силы, который от колдовства был невредим для копий и стрел. С копьем в каждой руке пошел впереди своих и первый напал на датчан, и убил их множество. Смело вдавшись в их ряды, он спросил, где король Норвежский и подошел к нему. Был у него шлем на голове и короткие латы. Воин, стоявший подле Магнуса, нанес ему тяжелый удар наискось по голове. Он не пробил шлема, но славянин пошатнулся и погнулся на бок так, что одно мгновение бедро у него раскрылось под латами, и тут-то ударил его Магнус тяжелой секирой и разрубил его почти надвое. Тогда он бросился вперед на славян.

На продолжение версты лежали их тела так густо, что некуда было ступить, и по берегу речки лежали груды трупов. Добравшись до речки Скотборгары, славяне попытались было дать опять отпор, но когда устремилось на них все войско Магнусово, они бросились в реку и побежали. И тут их погибло множество. Рассказывали, что трупами запрудило речку и что по ним можно было перейти ее посуху. Славяне рассеялись. Говорили Адаму Бременскому, что их пало 15 000³⁰⁴; битва была действительно ужасная, и громко пронеслась ее слава по всем окружающим христианским землям. С тех пор, как христианство распространилось на севере, говорят скандинавские саги, не бывало там такой битвы. Магнус и саксы довольны были победой, и на другой же день разошлись по домам, оставляя пораженных славян в покое.

В Скотборгарской битве пали все 8 сыновей Ратиборовых³⁰⁵. Годескалк мог уже воротиться на родину. Бодрицких князей не стало, язычники были страшно поражены христианами. И Годескалк воротился на родину уже не так, как прежде, ненавистником христиан, а новым человеком, учеником люнебургского монаха, подвижником великого Канута, римского пилигрима. С ним была вооруженная сила, и пришлось ему сражаться с поборниками язычества и мечом добыть отнятое наследство его отца, которым, вероятно, овладела сторона Ратиборова³⁰⁶. Везде ему удавалось, везде он побеждал: воротил отнятые имения, нагнал на язычников великий страх и сделался князем.

^{303/293} NB.

^{304/294} 2, 75.

^{305/295} Cf. Saxo.

Чтобы исполнить свои великие замыслы, повести балтийских славян к новой жизни, к государственному строю, Годескалк позаботился о том, чтобы быть в ладу с теми, на которых он мог в этом деле опираться³⁰⁷. Он жил в согласии с саксонским герцогом и платил ему дань; несмотря на ужасное корыстолюбие и требовательность Бернгарда, он умел [453]избегать с ним неприятностей. Трудно сказать, помнил ли Бернгард старинный свой союз с Годескалком; но, во всяком случае, он не мог не благоприютствовать ему, потому что он вводил у славян порядок и спасал его от вечной с ними борьбы. Правда, немцам не было расчета, чтобы в их соседстве между Лабой и Балтийским морем возросла сильная славянская держава, и выгоднее им было иметь дело с отдельными толпами грабителей, чем с войском крепкого государства: но разве люди смотрят далеко вперед и спокойствию в настоящем предпочитают безопасность в будущем?

Несмотря на давнишнюю вражду саксонского герцога с гамб[ургскими] архиепископами, Годескалк умел поладить и с другой *устроительной* силой, церковью. Он сам был очень набожен и богобоязлив; он лично подружился с Адальбертом, гамбургским архиепископом, и, по выражению летописца, чтит митрополию Гамбург, как мать, часто приезжал туда сам для совершения священных обетов и защищал митрополию так, что она при нем процветала, как никогда еще, и наслаждалась миром и тишиною.

Быстро строилась и росла новая держава славянская. Признанный князем у бодричей, он подчинил своей власти все соседние племена, вагров, полабцев, глинян, варнов. Везде, где досягала власть его, вводилось новое государственное устройство. Он был не таким князем, как прежние князья у балтийских славян, старшины, уважаемые по знатности и богатству. Он властвовал над ними, как государь над подданными; его чтили, говорит западный летописец, как короля; ему платили подать³⁰⁸.

Для скрепления этих племен, которые возрождались к новой жизни посредством государственного единства, Годескалк с несравненной ревностью заботился о распространении христианства. Был ли он в душе предан ему и покаялся искренне в своем отступничестве, или постиг умом и рассчитал, что с языческим бытом нечего было делать, что христ[ианство] одно могло связать разрозненных

^{306/296} Helm. 1, 20 Ad. 2, 75.

^{307/297} Helm. 1, 25.

^{308/298} Сравнение с Русью и Польшей. Несчастье то, что это основано на поражении, на изнеможении.

людей? – один Бог знает; но ревность его была велика и умна, и какая была ему удача!³⁰⁹

Тогда впервые, дело для них неслыханное, славяне балтийские услышали христианскую проповедь понятную, на своем языке. Правда, не нашлось в духовенстве немецком проповедника, который говорил бы по-славянски, но сам Годескалк принял на себя дело духовного наставника, славянского проповедника. «Князь возгорелся, – говорит о нем правдивый летописец³¹⁰, – такую ревностью к вере, что, забывая свой сан, часто в церкви сам обра[454]щал к народу проповедное слово, стараясь объяснить на славянском языке то, что епископы или священники говорили непонятно. И бесчисленно было множество тех, которые ежедневно обращались в христианскую веру и стекались для принятия благодати крещения. Нужно было посылать во все области (Германии) за священниками».

Действительно, невероятен был успех, как только славянская проповедь коснулась закоренелых язычников. Все племена, признавшие власть Годескалкову, беспрекословно приняли христианство и крестились. Всюду строились церкви или возобновлялись прежние, разрушенные; везде принимались священники и, прежде нетерпимые народом, они могли теперь свободно проповедовать и совершать богослужение. Архиепископ Гамбургский выбирал в своей пастве благоразумных людей, епископов и священников, и посылал их к Годескалку для крещения и наставления новых христиан. Прежде с трудом перебивался во всей земле балтийских славян один епископ, и тот должен был оставить паству, которая его не признавала. Через несколько лет правления и проповеди Годескалка не только восстановилось епископство Староградское, но могли быть основаны два новых епископства, одно в главном городе, Мекленбурге, другое в Ратиборе у полабцев. Первым епископом Мекленбургским был поставлен человек прекраснейший, достойный наставник новой христианской паствы, Иоанн; родом из Шотландии, побуждаемый ревностью к странствию и проповеди, оставил он свою родину и наконец прибыл в Саксонию; побыв здесь не долго, он был послан к Годескалку, сделался мекленбургским епископом и крестил несколько тысяч славян. Все более и более росло и утверждалось христианство. По разным городам славянским учреждались канонические братства, основывались монастыри мужские и девичьи: в Любице, Старограде, Лончике, Ратиборе и др.; а в Мекленбурге было три таких общины.

^{309/299} NB. У бодричей князь, потому что они в опасности, у стодорян нет князя со вр. преоблад. лютичей.

^{310/300} Ad. 3, 19. Helm. 1, 20.

Таким образом, все племена бодрицкие приняли христианство и поддались государственной власти Годескалка. Без сомнения, было между ними много потаенных врагов христианства и князя, которого новая власть стала тяжелее и требовательнее прежней.

В самой семье Годескалка было сопротивление: зять его Плусо потом выступил главным поборником язычества и старого быта, и теперь уже, может быть, он начинал действовать против своего шурина. Не так еще недовольны были распространением христианской веры, как тягостью податей.

Разумеется, новое устройство, вводимое Годескалком, требовало учреждения казны и податей³¹¹; построение церквей, содержание духовенства, основание епископских престолов также не могло обойтись без значительных издержек, [455]наконец, саксонскому герцогу, жадному Бернгарду, платилась дань, потому что Годескалк еще не считал свою власть и христианскую веру довольно твердыми у славян, чтобы позволить себе разрыв с немцами.

Но пока еще его сильная рука подавляла сопротивление, и все шло ладно. Не в его государстве, а у соседей его лютичей держалось и крепилось язычество. В старом храме Радигостя у четырех коренных племен лютицких, хижан, черзпенян, доленчан и раторей, был притон язычества и милого славянам разъединения. При всей своей смелости Годескалк не предпринимал ничего против общей святыни славянского язычества: видно, было опасно. Но на что он не отваживался со всей своей силой и властью, на то покусились два темных монаха из родственного и дружественного лютичам племени чешского. Они пришли в самый Радигощ и в самом сердце язычества начали проповедовать слово Божие. Но славяне на вече схватили их, стали мучить разными муками и, наконец, отрубили им головы. Мы не знаем, к несчастью, имен этих ревностных чехов, которые пошли для проповеди родному племени на верную смерть. Можно повторить слова летописи: «Их имена неизвестны людям, но мы верим воистину, что на небесах они записаны».

Скоро, однако, сломился и этот оплот язычества, и делу Годескалкову открылось новое поприще, шире прежнего, и христианство могло разлиться по всей земле Славянской.

Эти четыре племени, имевшие общую святыню Радигостя, носившие по преимуществу, по храбрости своей, имя велетов и лютичей и признававшиеся первыми между балтийскими славянами, поссорились между собой³¹². Дело шло между ними о первенстве:

^{311/301} Ad. 3, 22.

^{312/302} NB. Свобода этих славян.

ратаре и доленчане хотели быть признаны первыми за то, что им принадлежал древний город Радигощ и знаменитый храм его, и что от всех племен славянских приходили туда гадать и приносить жертвы. Черезпеняне и хижане не хотели подчиниться их первенству и взялись за оружие. Началась война жестокая³¹³. Произошла битва: сторона черезпенян, хотя слабейшая, победила; сразились вторично, черезпеняне победили; сразились и в третий раз, и в третий раз ратаре были разбиты. Не хотелось ратарям и доленчанам, зачинщикам, искавшим первенства, покоряться своим соплеменникам, и они призвали к себе на помощь Годескалка, Бернгарда, герцога Саксонского и датского короля Свена Эстритсона, Годескалкова тестя³¹⁴. Они пришли все в назначенное время с войском, и ратаре с доленчанами должны были кормить и содержать на свой счет в продолжение 7 недель многочисленные войска 3 королей. Черезпеняне сража[456]лись храбро и теперь, против таких непомерных сил, и в этой войне пало с обеих сторон несколько тысяч славян, и множество было угнано в плен. Наконец черезпенянам и хижанам стало невмogu: потеряв множество народу, со всех сторон теснимые, они просили мира и заплатили 15 000 марок, которые союзные короли разделили между собой и разошлись восвояси. Немецкие летописцы жалуются, что союзные государи не воспользовались этими обстоятельствами, чтобы наложить на лютичей христианство, и довольствовались одной добычей и прибылью. Жалоба на этот раз не совсем основательная: не налагаясь на славян насильно, христианство одержало в этом походе великую победу: самые закоренелые язычники, владельцы храма Радигостева, должны были умолять христиан о помощи и, без сомнения, утратили этим, по крайней мере на время, свое жестокое изуверство; побежденные же черезпеняне и хижане поддались государству Годескалка и как прочие славяне, ему подвластные, приняли христианскую веру. Таким образом, граница нового государства Славянского простиралась теперь по самую Пену.

Годескалк торжествовал: создалось на балтийском Поморье славянское государство обширное, больше чешского, внутри совершенно независимое, только еще наружно, платежом некоторой дани, зависевшее от Германии, но зависевшее не более, как Чехия и Польша, добровольно и мирно принявшее христианскую веру. «Никогда, — говорит современный летописец, — не восстал в славянской

^{313/303} Helm. 1, 21. Ad. Рассказ, что хижане были за ратарей и доленцов, и выход, что черезпеняне требовали первенства.

^{314/304} Три короля у Адама.

земле человек, сильнее Годескалка, никогда не имела в ней вера Христова большего проповедника и ревнителя». Чего не устроил один человек для своей родины: измученных долгими войнами и восстаниями, подавленных немцами, пораженных наголову датчанами бодричей, он в несколько лет поставил народом независимым и сильным и сосредоточил около них соплеменные ветви, искони отдельные; всегдашних врагов государственного порядка он соединил их в цельное государство; вечных гонителей христианства, беспредельно преданных старым истуканам, он мирно и тихо перевел их в христианство, ввел в семью просвещенных народов всей Европы³¹⁵.

Никогда не видали балтийские славяне таких дней, как дни Годескалковы. Все им благоприятствовало, все обещало им великую и просвещенную будущность.

Главная беда, подавившая и сковавшая у западных славян самобытное просвещение и развитие, – была религиозная их зависимость от мира латинского и немецкого. Итак, Римско-католическая церковь, сосредоточивая всю духовную власть в чужом, далеком городе и не допуская в церковь языка народного, мешала самобытному, народному просвещению, особенно в средние века, [457] когда в церкви содержалась вся умственная деятельность людей. А еще более тяготела эта власть Римской церкви, враждебная всему народному, у славян, которые имели сношения с Римом только через посредство Германии, необразованной и враждебной, и которыми духовенство немецкое старалось распоряжаться для своей выгоды. В этом отношении преимущество Руси, имевшей свою народную церковь, перед западными славянами неопределимо, и к приобретению такого же преимущества приближались славяне балтийские при великом государе своем Годескалке.

[XXI]

[Адальберт, архиепископ гамбургский и его планы]

Архиепископом Гамбургским был друг его Адальберт, человек необыкновенный. Потомок королевского саксонского рода, прекрасный собой, богатый, умный, красноречивый, отличный воздержанием, чистотой нравов, необыкновенной ревностью для церкви, он скоро поставил себя выше всего современного духовенства в Герма-

нии³¹⁶. Он был в высшей степени честолюбив, высокомерен и горд. Необыкновенно заботился он об успехе христиан в Славянской земле, посылал туда лучших из своего духовенства, был личным другом Годескалка и часто видался с ним в Гамбурге, приглашая его к себе на свидание, поощряя его совершить до конца дело, начатое во славу Христову: он предвещал ему победу и преуспевание во всем, и указывал на вечные награды, если подвергнется гонению во имя Христово, ибо много венцов небесных уготовано за изведение и одной души из тьмы.

Власть гамбургского архиепископа быстро распространялась: в Славянской земле воздвиглось у него три епископства; вся Дания обращена была и требовала умножения духовных властей; Норвегия и Швеция были также уже почти вполне обращены. Значение Адальберта возросло до того, что иностранные венценосцы, Генрих I, король французский, Константин Мономах, император цареградский, вступали с ним в сношения и, посылая в Германию посольства, писали ему, поздравляли его с мудрым правлением и с успехами в распространении христианства³¹⁷. Особенно дорого было для Адальберта слово восточного императора. Отвечая ему также письмом, он, между прочим, выставял, что в жилах его течет кровь греческих царей, что он происходит от греческой царевны Феофании и императора Оттона II, что он поэтому естественно возлюбил греков и следует их нравам и жизни. В самом деле он старался во всем приближаться к грекам, и не только в образе жизни, но и в том, что существенно отличало греков от Западной Европы, в религии. Заботясь всеми силами о великолепии божественной службы, собирая в Гамбург на большие праздники священников из всех городов своей паствы и в особенности призывая тех, чьи голоса могли [458]производить на народ впечатление, он совершал все обряды богослужения с величайшей торжественностью³¹⁸. И он довел любовь к пышности в богослужении до того, говорит летописец, что не довольствуясь совершать таинства церковные по латинскому обряду, ввел у себя в церковные службы много такого, что казалось в то время необыкновенным и новым, но не иначе, как на основании Писания св. отцов, во всем искал он величия. Во всей пышности, во всем торжестве ликовал он в благовонии фимиама, блеске возожженных свеч и громе согласного пения. Но при всем предпочтении к греческой жизни и к великолепию обрядов вос-

^{316/306} Ad. 3, 1.

^{317/307} Ad. 3, 31.

^{318/308} Ad. 3, 26.

точной церкви он еще сначала не думал разрывать связи с папским престолом. Стремясь всеми силами увеличить значение и власть своего престола, он старался, напротив, иметь на своей стороне папу и императора. Много помогали ему внешние обстоятельства: папа Лев IX (1049–1054 гг.) и император Генрих III были в дружбе, и папа смотрел благоприятно на архиепископа, которому покровительствовал Генрих III; а Генрих III должен был, естественно, сблизиться с Адальбертом, потому что у обоих был общий, обоим одинаково опасный враг, герцог Саксонский. С тех пор, как франконские герцоги сделались королями немецкими и римскими императорами, герцоги саксонские, которым прежде принадлежал престол, беспрерывно враждовали с ними, всегда тайно, а очень часто и открыто³¹⁹. С другой стороны, они всегда старались вредить Гамбургскому архиепископу, который располагал в их же земле огромной властью и вечно возбуждал в них опасения. Эти отношения сблизили и тесно сдружили Адальберта с Генрихом III, а с саксонским герцогом Бернгардом честолюбивый Адальберт, разумеется, уживался еще хуже своих предшественников. Вражда между ними была открытая. Первым делом Адальберта было поставить гамбургскую церковь и епископство в полную независимость от светской власти Бернгарда и подчиненных ему графов и чиновников. Это одно стоило ему большого труда и обошлось, говорит Адам, не без гнева. Бернгард, который опасался Адальберта в особенности, как такого знатного и умного человека, часто говаривал, что Адальберт поставлен в Саксонию шпионом от императора и иностранцев (т. е., без сомнения, Годескалка), и что пока он или один из сыновей его будет в живых, архиепископу не видать на своем престоле спокойного дня³²⁰. Это слово запало Адальберту в сердце глубже, нежели кто мог подумать. И с тех пор, тревожимый гневом и страхом, он только и думал, подводил и устраивал, чтобы всячески повредить герцогу и его приверженцам. На несколько времени скрывая свое огорчение, он весь предался двору императора, не щадя ни себя, ни своих подчиненных, ни даже самых средств своей [459] церкви, чтобы склонить на свою сторону императора и его придворных и выхлопотать независимость своей церкви. Он столько приложил старания, чтобы понравиться императору, участвовал добровольно со своими людьми в стольких походах его: в Венгрию, Славянскую землю (вероятно, поход 1045 г. против лютичей), Италию и Фландрию, что император не мог надивиться его ревности и во всех делах

319/309 NB. Значение Франк. дома относ. Слав.

320/310 Ad. 35.

обращался к нему, как главному своему советнику. Владения его церкви были умножены, но желание Адальберта было велико: он думал основать около Гамбурга независимое духовное владение, которое служило бы вещественным основанием независимости и значения Гамбургской митрополии³²¹. Ему император даже давал надежду, что он получит графства, аббатства и имения в его епархии, но это пока не исполнялось. Однако все более и более возрастало значение Адальберта. Папа Лев IX, его старый личный друг и друг императора, приехал в Германию и честил его выше всего духовенства немецкого (1049 г.).

Значение Адальберта в Германии и уважение к нему в других странах возросло до того, что он уже не довольствовался своим положением архиепископа, зависимого от папы и императора, а думал об основании независимой северной церкви, которой он был бы патриархом. Поводом к тому было распространение христианства в Дании, где король Свен Эстритсон нашел нужным поставить архиепископа. Папа и император согласились, дело остановилось за согласием Гамбургского архиепископа, от которого зависела датская церковь. И тут-то он впервые выразил мысль о патриаршестве, чтобы сохранить власть над севером, наполнявшимся христианами. Он думал таким образом сделаться главой независимой церкви, которая обнимала бы северную Германию, землю славян балтийских по р. Пене, т. е. государство Годескалково, Данию, Швецию, Норвегию, Исландию, Оркады и Гренландию. Разумеется, для этого нужно было отторгнуться от Рима, потому что учение римской церкви допускало одного только патриарха, римского папу, от которого зависели все прочие архиепископы и епископы (титул патриарха, который в гораздо позднейшее время получили некоторые епископы, как-то Лиссабонский и Аквилейский, не имел того значения, какого искал Адальберт: они не имели власти выше архиепископской, и титул их был почетный).

Велика была мысль Адальбертова не по времени. Честолюбием ли увлеченный, или глубокой проницательностью ума, он сознал, что северные страны германского племени и прикасающаяся к ним земля Славянская не могут зависеть от церкви римской, духовного средоточия латинских народов: истину его мысли доказал через 5 столетий Лютер, который отделил от римского престола именно те самые земли, которые Адальберт думал соеди[460]нить около независимого Гамбургского патриархата³²². Мысль Адальбертова была для балтийских славян благодетельна. Может быть, он бы и не поку-

^{321/311} 3, 25.

^{322/312} ? NB. Предпочтение греческой церкви как независимой.

сился совершенно присоединиться к восточной церкви, но он им обещал церковь независимую, единственное для них спасение от онемечения и гибели. И везде, а еще более в деле духовном, начало, или, как говорят, принцип — дело великое: Адальберт отважился отторгнуть северную, германо-славянскую церковь от южной, латинской; по тому же самому началу другой кто-нибудь при развитии христианства между балтийскими славянами отторгнул бы славянскую церковь от германской и поставил бы ее независимой. Кто знает, что бы было тогда для духовной самобытности славян? Не соединилось ли бы стремление Адальбертово к восточной церкви и к независимости от Рима с предпочтением языческих славян, жителей великого торгового города Волини к православной церкви³²³, которое побуждало их в это самое время давать у себя равные права и свободу веры православным, а немцев-католиков принимать к себе только под условием отречения от христианской веры? Не соединилось ли бы оно далее с современным стремлением других западных славян, чехов и моравов, у которых еще существовало и крепко поддерживалось преемство Мефодиево в знаменитом мон[астыре] Сазавском^{324, [43]}? И вместо того, чтобы быть прикованным к миру латинскому и германскому, не вступили ли бы западные славяне в связь с восточными, и вместо того, чтобы тратить и терять свою народную жизнь, не устремились ли бы к ее стройному развитию и укреплению?

Надежды пустые, но основательные, ибо первая дума Адальбертова о независимости его церкви повлекла за собой для балтийских славян великое приобретение. В своем нетерпении и жажде к деятельности он одно время думал сам объездить для христианской проповеди Данию, Швецию, Норвегию и, наконец, посетить Исландию, считавшуюся концом земли³²⁵, и, если нужно, кончить в этом подвиге жизнь свою, и уже гласно готовился к этому странствию; но король датский умной речью присоветовал ему другое. Он представил ему, что для обращения языческих народов нужны люди, говорящие их языком и живущие их жизнью; что иностранец, которого они не понимают и который чуждается их нравов, ничего у них не сделает; и потому он просил Адальберта самому не предпринимать проповеди, успех которой был бы сомнителен, а поощрять и поддерживать своими щедротами, радушием и наставлениями тех, которые захотели бы проповедовать своим языческим соотечественникам.

323/313 NB.

324/314 NB. Новиков.

325/315 Ad. 3, 70.

Адальберт послушал его и стал выбирать для обращения языческих народов туземных священников или епископов [461] и всячески им покровительствовал. Он приглашал их, держал у себя и отпускал так радушно, что все, забывая о папе, только и желали иметь его духовным отцом всех северных народов и приносили ему огромные дары, взамен его благословения. И действительно, при разумном выборе проповедников, христианство распространялось с удивительной быстротой на почве, уже подготовленной, так что со всех сторон приходили к Адальберту просить священников, и он мог с радостной гордостью говорить: «жатва велика, а жнецов мало; молитесь же Господина той жатвы послать жнецов на свою жатву»³²⁶.

Но не было суждено исполниться делу Адальбертову, ни балтийским славянам найти церковь и духовенство самобытные.

Папа Лев IX (друг Адальбертов) умер; вслед за тем умер и Генрих III, главная опора честолюбивого архиепископа.

[XXII]

[Падение власти польской на Поморье]

Из всех завоеваний Болеславовых одно только заодерское (восточное) Поморье оставалось во власти Польши, да и то стремилось отторгнуться от созданного им государства. В конце Мечиславова царствования (1032 г.) поморяне взялись за оружие, и Мечислав должен был вести на них войско³²⁷. В этом походе приняли участие 3 князя из венгерского королевского дома, Бела, Андрей и Леванта, изгнанные Стефаном из Венгрии. Рассказывали, что поморяне предложили кончить войну единоборством; слабый Мечислав и его сыновья побоялись принять вызов, и Бела вышел, победил поморского супротивника и тем решил участь войны. Мечислав дал ему в награду руку своей дочери и всю дань, которую заплатило Поморье. Вскоре умер Мечислав, оставив вдову немку с малолетними детьми. Вдова (Рихеца или Рикеса) была выгнана с ее немецким двором, и по всей Польше начались страшные смуты. Простой народ восстал против военной знати, учрежденной Болеславом, которой платилась определенная подать и в которую он принял множество иностранцев³²⁸, и против духовенства, также по большей части ино-

^{326/316} Mate. 9, 37.

^{327/317} Röpp. 171.

^{328/318} Röp. 156.

странного, взимавшего тягостные десятины; тайные приверженцы язычества сбросили с себя наружное уважение к христианству и стали его жестоко преследовать. Вся Мазовия восстала. Прежний кравчий Мечислава, Моислав, сделался предводителем мазовшан против власти польского князя, *поборником* их старого язычества и старой племенной свободы. Поморяне также сделались независимыми и в союзе с мазовшанами грабили области, [462] которые еще оставались верными христианству и дому Болеславу³²⁹. Наконец, молодой сын Мечислава, Казимир, воротился (1039 г.) в Польшу и коренные польские земли его приняли. Он женился на Доброгневе, сестре Ярослава Владимировича (1043 г.), и взялся тогда, с помощью шурина, за воссоединение своего государства. Сам Ярослав пришел к нему на помощь против Моислава, который призвал к себе не только поморян, но и пруссов и литву (1047 г.)³³⁰. В кровопролитной битве Моислав был поражен наголову и погиб, и мазовшане покорились Казимиру. Тотчас польский князь повел свое, немногочисленное, но испытанное войско против поморян, которые шли на помощь мазовшанам, и также победил их. Мартин Галл, летописец, рассказавший эти события, не упоминает о том, покорились ли они по-прежнему власти Польского государства; но это, вероятно, потому, что он говорит вслед за тем, что сын Казимира, Болеслав Смелый, владел Польшею и Поморьем (1058 г.). Но в Поморье оставались еще природные князья, без сомнения, подчиненные польскому князю как верховному: одна немецкая летопись³³¹ упоминает о том, что в 1046 году Казимир, князь польский, и Семysl, князь поморский, явились в Мерзебург ко двору немецкого короля Генриха III, принесли ему подарки и дань и поехали за ним на сейм в Мышин, где он разобрал и примирил их споры⁽¹³³⁾...

^{329/319} NB. По следующему.

^{330/320} Gall. 1, 19.

^{331/321} Gies. II, 79.

ИСТОРІЯ
БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В.В.Фомин

КОММЕНТАРИИ

- [11] Венеды изначально не были славянами (это имя затем перейдет на них в ходе ассимиляционных процессов). По сообщению Клавдия Птолемея (II в. н. э.), венеды живут «по всему Венедскому заливу». Но славяне выйдут к Балтийскому морю значительно позже – в VI в. н. э. Название Балтийского моря «Венедским» говорит о том, что когда-то венеды заселяли значительную часть его побережья и господствовали на нем. Позже название «Венедское» закрепится за Рижским заливом, т. е. «опять-таки за областью, куда славяне не доходили». «Венетским» эту часть моря называют и авторы XVI в. О. Магнус и С. Герберштейн¹ (см. примеч. [19]).
- [12] То есть Повести временных лет.
- [13] Иордан, готский историк VI века.
- [14] «Младшая Эдда», написанная в 20-х гг. XIII в. Снорри Стурлусоном и уходящая своими преданиями вглубь веков, выводит норманнов из-под Трои. Их родоначальником предстает Трор, или Тор, который в 12 лет убил своего воспитателя, фракийского герцога Лорикуса и завладел Фракией. В двадцатом поколении Тора родился Один, которому было предсказано, что он прославится на севере, куда он и отправился, собрав «множество людей». После того, как ему подчинились Саксония, Вестфалия, земля франков, Ютландия, Один прибыл в Швецию. Шведский конунг Гюльви, узнав, что пришли из Азии люди, которых называют асами, предложил ему властвовать над своей землей. В «Младшей Эдде», на что обращает внимание А.Г. Кузьмин, заметно отличается облик скандинавов от германцев, а язык предков и потомков Одина далек от языка континентальных германцев. В «Саге о Скульдунгах» и «Саге об Инглингах» того же автора часть Восточной Европы предстает как «Svitjóð hin stora» (вариант «Svitjóð hin mikla») – «Великая Свитьод» (ошибочно трактуемая как «Великая Швеция») или «Godheimr» – «Жили-

¹ Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. – М., 2004. С. 13, 25.

ше, обиталище богов». Эту «Великую Свитьод» саги располагают по обеим сторонам от Танаиса (Дона), и она включает в себя землю асов – Асаланд (на востоке от Дона) – с главным городом Асгардом.

Их вождь Один с большим числом асов идет на север, затем на запад через Гардарики (область от Верхней Волги до Восточной Прибалтики), после чего повернул на юг в Саксонию (по мнению Кузьмина, это описание следования Одина довольно точно передает маршрут Волго-Балтийского пути). В конечном итоге Один поселяется в Скандинавии, где в те легендарные времена еще не было свеев-шведов (часть их переселяется с континента на полуостров в VI в. после развала государства Аттилы, в ходе Великого переселения народов, дав название Швеции), в Старой Сигтуне у озера Меларен, и эта область будет именоваться «Svitjóð» («Малая Свитьод») или «Mannheimr» – «Жилище, обиталище людей». После своей смерти Один возвращается в Асгард, забрав с собой воинов, павших в боях. Кузьмин подчеркивал, во-первых, что в генеалогиях норманнов нет ничего германского (имена их предков – не германские), во-вторых, что основной массив скандинавской топонимики сближается не с германской, а с кельтической (или «кельто-скифской»), как это показали швед Г. Йохансон и американец шведского происхождения К.Х. Сихольм, в-третьих, что «асами» («ясами») называли алан Подонья и Северного Кавказа, в-четвертых, что в Швеции аланы могли прибыть «около начала нашей эры» (Анналист Саксон называет 166 г. н. э. как точную дату прихода «норманнов» с Дона в Северную Францию)².

- [5] Имеется в виду одна из пяти балтийских Русий, расположенных на южном и юго-восточном берегах Поморья.
- [6] Знаменитую Бравальскую битву или, как еще принято ее именовать, «битву народов» Северной Европы, серьезно изменив-

² Джаксон Т.Н. Еще раз о «Великой Швеции» // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. – Тарту, 1982. С. 151–153; *ее же*. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). (тексты, перевод, комментарий). – М., 1993. С. 52–53, 224, примеч. 8 на с. 57, примеч. 20 на с. 60, примеч. 35 на с. 64, примеч. 36 на с. 65; Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. – М., 2003. С. 44, 50–52, 98–99; *его же*. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. – М., 2003. С. 98, 105–107; Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. Кн. 1. – М., 1986. С. 689, примеч. к с. 536.

щую расстановку сил в ее пределах, в середине XIX в. было принято датировать первой половиной VIII века. В зарубежных работах 70-х – 80-х гг. минувшего столетия ее относили к рубежу V–VI вв., концу VI – началу VII в., к VII в., что встретило аргументированное возражение со стороны наших ученых³. В отечественной науке Бравалльскую битву определяют обычно рамками 770–786 гг., при этом больше склоняясь к 786 году.

- [7] Наименование Штетина «матерью городов поморских», т. е. старейшим городом славянского балтийского Поморья, своего рода его столицей, абсолютно перекликается со словами князя Олега, сказавшего в 882 г., сев в Киеве, что он «буди мати градом русским», и что дополнительно указывает на южнобалтийское происхождение летописных варягов и руси.
- [8] Разнообразие могильных обрядов Бирки привело немецкого археолога Й. Херрманна в 1982 г. к выводу, что здесь оседали фризы, финны и «славяне с низовьев Одера». В самых ранних ее могилах (IX в.), подчеркивает он, обнаружены остатки женских рубаш и платьев «славянского покроя»⁴.
- [9] По справедливому замечанию А.Г. Кузьмина, «кончанская система Новгорода близка аналогичному территориальному делению Штеттина»⁵.
- [10] Мосты славян имели длину более 2 км. Одни из них – простой конструкции – проходили по неглубоким местам. Другие, деревянные конструкции которых наращивались, перекидывались «через водоемы глубиной до 18 м, а иногда и большей глубины»⁶.
- [11] Никаких колоний скандинавских дружин в землях южнобалтийских славян не существовало. Единственное исключение – это Йомсборг, крепость, основанная датским королем Гаральдом (936–986 гг.) в районе Волина, вскоре перешедшая на сторону славян, и в которой пребывали и датчане, и славяне (о ней подробно повествует А.Ф. Гильфердинг в третьей части книги).

³ Шапошников В.Н., Кузнецов Е.В. Битва при Бравалле и этническая карта Северной Европы VIII в. // Проблемы английской истории и историографии. – Горький, 1989. С. 97, примеч. 6.

⁴ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. – М., 1986. С. 29, 64 примеч. 39 на с. 368, примеч. 119 на с. 374.

⁵ Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г. Кузьмина. Кн. 2. – М., 1986. С. 28.

⁶ Германн И. История и культура северо-западных славян // Наука стран социализма. Семидесятые годы. – М., 1980. С. 380.

- [12] Перкун – это южнобалтийский славянский Перун. Как констатировал Е.В. Аничков, «имя Перуна засвидетельствовано в литовской форме *Percunās...*»⁷. Это «бог-громовик», именем которого обозначается и сам гром⁸.
- [13] Прокопий Кесарийский отметил принципиальное отличие представлений славян и западноевропейцев: первые не знали рока (фатума), которому вторые придавали исключительное значение в своей жизни, и признавали лишь судьбу-фортуна, все же благосклонную к ним. В конечном итоге это различие, указывал А.Г. Кузьмин, «разделит также католичество и православие. Показательно, что на Руси не привилась астрология, построенная на признании именно рока-фатума»⁹.
- [14] В договоре Игоря с греками (945 г.) крещенная русь клялась Богу, т. е. Христу, а языческая русь – Перуну.
- [15] «Краледворская рукопись» является подделкой чешского филолога Вацлава Ганки, одного из самых видных деятелей чешского национального возрождения, пытавшегося в условиях австрийского владычества обратить внимание на чешскую национальную культуру. Он объявил, что в церкви городка Краледворе в 1817 г. обнаружил рукопись чешских народных песен из цикла, посвященного борьбе с польскими, монгольскими и немецкими завоевателями. Умело сфабрикованная подделка, изданная ее автором в 1819 г. на чешском и немецком языках, ввела в заблуждение очень многих специалистов-славистов Западной Европы и России (включая именитых, например, И.И. Срезневского), датировавших текст песен XIII–XIV вв. и широко пользовавшихся ее материалом. Мистификация была раскрыта лишь в начале XX века. Поддельной оказалась и рукопись «Любушин суд» (или «Зеленогорская рукопись») ¹⁰, на которую также ссылается А.Ф. Гильфердинг.
- [16] Пидьблянин (от Пидьбы, притока Волхова) – житель местности под Новгородом.
- [17] Подлинность Иоакимовской летописи ныне у большинства ученых не вызывает сомнения. А ее свидетельство о крещении Новгорода именно «огнемъ и мечемъ» подтверждено археологически¹¹.

⁷ Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. – СПб., 1914. С. 322.

⁸ Фаминцын А.С. Божества древних славян. – СПб., 1995. С. 105–108.

⁹ Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 692, примеч. к с. 565.

¹⁰ Черепнин Л.В. Русская палеография. – М., 1956. С. 15–16.

¹¹ Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. – СПб., 2007. С. 6–34.

[18] Среди южнобалтийских племен действительно были племена, которые поклонялись (например, в земле лютичей) Водану-Одину, Тору и Фрейе, богам кельтского пантеона, заимствованного германцами. Изначально – это кельтские (или германские) народы, ассимилированные славянами. Данным фактом хорошо объясняется наличие в русских древностях якобы «норманских» предметов, прежде всего так называемых гривен с «молоточками Тора» (Тор, сын Одина имел, как бог грома, громовой молот Миольнир), которым норманисты безосновательно придают исключительное значение. Дополнительную привязку к южнобалтийским славянам молоточков на гривнах дает весьма почитаемый ими бог Радигость (Радигаст), имя которого сохранилось в многочисленных названиях местностей. В примечании 697 (часть 1) А.Ф. Гильфердинг приводит описание его истукана: в руке «у него молот, на голове птица». Вполне, поэтому, понятно, почему одна из таких гривен обнаружена при раскопе ладожской постройки, которую археологи сближают со святилищем южнобалтийских славян (в свою очередь, общий вид их храма, обнаруженного под Шверином, и его детали находят, указывается в литературе, очень близкие «анalogии в соответствующих сооружениях кельтов»)¹².

Важно отметить, что в Скандинавии железные гривны с молоточками найдены только в Центральной и Восточной Швеции и на Аландских островах (они полностью отсутствуют на остальной территории Швеции, в Норвегии и Дании¹³; хронологические рамки их бытования в Скандинавии IX–X в., наибольшее распространение они получили в конце IX – начале X века¹⁴). То есть найдены они именно в тех районах, через которые тогда шли в Восточную Европу под давлением германцев переселенцы с берегов Южной Балтики (и исчезают с прекращением этого

¹² *Германн И.* Указ. соч. С. 380–381; *Кузьмин А.Г.* Истоки культовых особенностей западнославянских языческих храмов // «Вопросы истории» (ВИ), 1980, № 4. С. 165; *Седов В.В.* Первый международный симпозиум по славянскому язычеству // Краткие сообщения Института археологии Академии наук. Вып. 164. М., 1981. С. 123; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. – М., 2005. С. 457–460.

¹³ *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. – М., 1999. С. 34.

¹⁴ *Новикова Г.Л.* Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). – М., 1991. С. 178.

переселенческого потока). В 1979–1980 гг. С.В. Белецкий связал появление керамики южнобалтийского типа в Изборске с его основанием (рубеж VIII–IX вв.), а в конце IX в. в Пскове – со временем кратковременного затухания Изборска. В новой группе населения в Пскове (вторая половина X в.) ученый также видит южнобалтийских славян. В 1988 г. Е.Н. Носов, констатируя прибытие в VIII в. в центральное Приильменье новой группы славян с развитым земледельческим укладом хозяйства, значительно стимулировавшей социально-экономическую жизнь региона, предположил, что переселенцы могли прийти с территории современного Польского Поморья. В 1990 г. Белецкий подчеркнул, что на Труворовом городище «в VIII–IX вв. находился ремесленно-торговый протогородской центр, основанный славянскими переселенцами с территории м е ж д у р е ч ь я (разрядка автора. – В.Ф.) нижней Эльбы и Одера...»¹⁵.

А.Г. Кузьмин отмечал, что колонизационный поток, идущий из пределов Южной Балтики, где проживали славяне и славяноязычные народы, захватил Скандинавию, «где долго сохранялись славянские поселения». Саму причину вытеснения в Швеции местного термина «*fal*» славянским «*to rg*» он видел в наличии на полуострове большого числа славян. В городах Скандинавии, писал ученый, даже в XIV–XV вв. была весьма заметна традиция славянских имен. В переселенческий поток, добавлял он, «неизбежно вовлекались и собственно скандинавы, не говоря уже о вооружении и предметах быта, которые можно было и купить, и выменять, и отнять силой на любом берегу Балтийского моря»¹⁶. О пребывании славян в Скандинавии свидетельст-

¹⁵ Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тысячелетия н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф... дис... канд. наук. – М., 1979. С. 9, 11–13; *его же*. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии Академии наук. Вып. 160. М., 1980. С. 7–8, 12, 15–16; *его же*. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: истоки и становление (материалы научной конференции). – Торопец, 1990. С. 9; Носов Е.Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Вып. 1. Л., 1988. С. 38.

¹⁶ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 48; *его же*. История... С. 91, 159–160; *его же*. Начало Руси. С. 302, 305–306, 332; *его же*. Облик современного норманизма // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 8 (156). Антинорманизм. – М., 2003.

ует и археологический материал. Так, Й. Херрман констатирует, что южнобалтийская керамика в большом количестве известна «на северных берегах Балтийского моря вплоть до Средней Швеции», причем речь он ведет, а эти мысли, следует указать, давно уже высказывали шведские археологи (М. Стенбергер, Т. Ольссон), о возможности ее местного производства¹⁷. По данным шведской исследовательницы Д. Селлинг (1955 г.), в Бирке 13% керамики «славянская, или возникшая под славянским влиянием» (по ее мнению, она проникла от славян, живших на южном берегу Балтийского моря). Какая-то часть ее действительно могла быть импортом, но другая часть и часть весьма значительная была изготовлена, как показали минералогические исследования, на месте (в этом плане показательна очень небольшая доля западноевропейской и западнофинской керамики Бирки: в общей сложности всего лишь 7%)¹⁸. С.Д. Ковалевский уточнял в 1977 г., что в X в. славянская керамика преобладала в Бирке, но редка в других местах Швеции¹⁹ (см. примеч. [8]).

Появление именно на территории Швеции гривен с молоточками можно объяснить двумя причинами. Согласно первой, южнобалтийским славянам, оказавшимся в ходе движения на восток в чужой и враждебной им среде Скандинавии, потребовался дополнительный оберег, коим и явились эти гривны с молоточками (тем более, что силу этих молоточков очень хорошо себе представляли скандинавы, также поклонявшиеся Тору). Согласно второй, славяне столкнулись в Средней Швеции (область вокруг озера Меларен, включая города Упсала, Бирка, Сигтуна и район будущего Стокгольма) со свевами, во главе которых стояли Инглинги – династия верховных жрецов и племенных вождей (конунгов), ведущая свое начало от богов Одина, Ньёрда, Фрейра (или Ингви, по имени которого династия получила

С. 249; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 28; Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. – М., 1998. С. 428, примеч. 254.

¹⁷ Херрман Й. Указ. соч. С. 26, 32, 119, примеч. 39 на с. 368.

¹⁸ Арциховский А.В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. – М., 1966. С. 38; Лецевич Л. Балтийские славяне и Северная Русь в раннем средневековье. Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. I. М., 1993. С. 148.

¹⁹ Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. – М., 1977. С. 39, 42; Фомин В.В. Начальная история Руси. – М., 2008. С. 204.

свое название), и из которой избирали королей Свеаланда («Земля свеев»). И в землях свеев в результате пересечения двух традиций – скандинавской и южнобалтийской, в которых присутствовал один и тот же Тор со своим чудесным молотом (а в последней еще Радигость и также с молотом, и вместе с тем знаменитый Перун, которому, как отмечает А.Ф. Гильфердинг, поклонялись на всем славянском Поморье²⁰, и оружием которого были молнии-топорики), родились гривны с молоточками (топориками), в равной степени защищавшие и славян, и свеев²¹. Важно в данном случае подчеркнуть, во-первых, что громовой молот Тора носит славянское название Миольнир (Мьёлльнир), т. е. Молния, и, во-вторых, что в Старой Ладогe совсем недавно найдена литейная форма для отливки так называемых «молоточков Тора». Как отмечал в 2008 г. руководитель Староладожской археологической экспедиции А.Н. Кирпичников, эта «вещь уникальная, даже в Скандинавии ее пока не обнаружили»²².

- [19] Культ коня указывает, говорил А.Г. Кузьмин, на степь. У малоазиатских хеттов, развивал он далее свою мысль, «существовал культ лошади, связанный с богом Регуа, который переплетался с культом камня, обожествленным в названии скалы Регупа». И это хеттское божество «самым непосредственным образом созвучно аналогичному божеству славян-венедов (Перун) и балто-литовцев (Перкун)». Вместе с тем ученый указывал на давно уже отмеченные в литературе ономастические совпадения на территориях северо-западной области Малой Азии, Балкан, Адриатики и Юго-Восточной Прибалтики. И, как он подытоживает, падение Трои (около 1260 г. до н. э.) и падение Хеттской державы (около 1200 г. до н. э.) вызвали отток индоевропейского населения в Адриатику, а затем – в XII в. до н. э. – в балтийское Поморье, что совпадает с легендами о переселении венетов после падения Трои в Европу.

Юлий Цезарь, считая себя потомком троянца Энея, освободил Илион, преемник Трои, от даней. Получили определенные льготы и адриатические венеты, ведущие себя от союзника Энея Палемона. Вместе с тем «известны устойчивые предания о родстве некоторых народов Прибалтики с древними римлянами» и

²⁰ Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // *Его же. Собрание сочинений*. Т. 4. – СПб., 1874. С. 172, 189–190.

²¹ Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 204–206.

²² Кирпичников А.Н. Ладожская жемчужина в балтийском мире // «Родина», 2008, № 9. С. 40.

их связи с Юлием Цезарем. Между Адриатикой и балтийским Поморьем существовали интенсивные контакты, например, посольские в правление Августа и Нерона. Так, во времена правления последнего (54–68 гг.) римское посольство с почетом было встречено венетами восточного побережья Балтики: подаренного ими так ценимого в Средиземноморье янтаря хватило на оформление римского театра гладиаторов. Адриатических и балтийских венетов, столь отдаленных друг от друга, связывает прежде всего почитание коня. Причем, по твердому убеждению Кузьмина, «славяне этот венетский культ унаследовали, очевидно, в процессе ассимиляции дославянского населения» (так, с этим культом связан распространенный в Прибалтике обряд погребения с конем)²³.

[20] См. примеч. ^[19].

[21] Примечательно, что варяго-русская дружина киевских князей клянется именно Перуном, указывая тем самым на южнобалтийское происхождение варягов руси.

[22] «...Необычайно важную роль архиепископа Новгорода, – правомерно отметил в 1986 г. А.Г. Кузьмин, – мы поймем лишь в сравнении с той ролью, которую играли жрецы в жизни балтийских славян, по крайней мере, некоторых из них»²⁴.

[23] В науке существует несколько версий крещения Руси – византийская (в Повести временных лет читается «корсунская легенда» крещения Руси, созданная в последней четверти XI в.), болгарская, римская и западнославянская, на которую впервые указал историк Н.К. Никольский и в пользу которой говорит значительный исторический и археологический материал, систематизированный А.Г. Кузьминым²⁵.

[24] * отмечены примечания издателя 1874 года.

[25] Государственность у южнобалтийских славян все же была. Как заметил в 1876 г. И.А. Лебедев, «новгородская республика в ма-

²³ Кузьмин А.Г. От моря до моря // «Мир истории». М., 2002. № 4/5. С. 43–44; *его же*. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сб. РИО. Т. 8 (156). С. 207; *его же*. История... С. 36, 43–44, 55–56, 60; *его же*. Начало Руси. С. 69, 71, 91–97; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 19–20, 476–478; там же. Кн. 2. С. 12.

²⁴ Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 28.

²⁵ Кузьмин А.Г. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). – М., 1988; *его же*. История... С. 170–202; *его же*. Начало Руси. С. 342–353; «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Авт. вступ. ст. А.Г. Кузьмин; сост., авт. примеч. и указат. А.Г. Кузьмин, В.И. Вышегородцев, В.В. Фомин. – М., 1988. С. 3–56.

лом виде без князя и посадника, управляемая боярами – вот подобие лютицкого союза». По мнению Я.П. Зинчука, Волин, Штеттин, Колобрег, будучи крупными экономическими центрами, в XI в. превратились в феодальные республики. А.Г. Кузьмин полагал, что у балтийских славян государственность сложилась в виде городов-полисов. Поэтому, говорил он, варяги, прибыв на Русь из пределов Южной Балтики, привнесли сюда свой тип социально-политического устройства, «что-то вроде афинского полиса. Древнейшие города севера, включая Поволжье, управлялись примерно так же, как и города балтийских славян». По его заключению, «это в конечном счете тот же славянский... основанный полностью на территориальном принципе, на вечевых традициях и совершенно не предусматривающий возможность централизации». Именно для этого типа, подчеркивал Кузьмин, характерна большая роль городов и торгово-ремесленного сословия, в связи с чем на Севере была создана полисная система²⁶.

[26] Примечательно, что жалованье, выплачиваемое государством русскому духовенству по XVI в. включительно (преимущественно хлебом), называлось «руга» (существовали приходы, в которых сами прихожане назначали церковным причтам ежегодную ругу хлебом или деньгами). Возможно, что это название связано с именем ругов-русов, богу Святовиту которых все южнобалтийские народы поставляли ежегодную дань.

[27] В крушении Западно-Римской империи принимали участие многие народы, в том числе славяне (на этот факт впервые указал М.В. Ломоносов)²⁷. Следует добавить, что в 476 г. Одоакр сверг последнего императора империи и в течение тринадцати лет владел Северной Италией (в 493 г. был убит вождем остготов Теодорихом). Готский историк VI в. Иордан причисляет Одоакра к ругам-русам («genere Rogus»), а средневековые западнославянские исторические сказания именуют его либо «славянским» князем, либо, что чаще всего, «русским» (польский историк XV в. Я. Длугош называл Одоакра «русином») или

²⁶ Лебедев И.А. Последняя борьба балтийских славян против онемечения. Ч. 1. – М., 1876. С. 5; Зинчук Я.П. Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X–XII вв. Автореф... дис... канд. наук. – М., 1955. С. 6, 8–9; Кузьмин А.Г. История... С. 135–137; Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 171–179; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 28–29.

²⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. – М.–Л., 1952. С. 176.

«ругским» князем, герулом с о. Рюген, известного по источникам как Русия (Russia), Ругия (Rugia), Рутения (Ruthenia), Руйяна (Rojna)²⁸. Со временем имя руги почти повсюду постепенно вытеснится названием русы. Готский историк VI в. Иордан, противопоставляя готов и ругов, не считает последних германцами.

- [28] Сторонники учения священника Ария (256–336 гг.) из г. Александрия не принимали положение официальной церкви о единосущности Бога-Отца и Бога-Сына (Христа) и возвышали Бога-Отца над Богом-Сыном (по их мысли, Христос как творение Бога-Отца – существо, ниже его стоящее, но выше Святого Духа). Арианство как ересь осуждено вселенскими соборами 325 (Арий и группа его приверженцев были высланы в Иллирию, ставшей затем на много столетий одним из главных центров арианства в Западной Европе) и 381 гг. (на этом соборе был утвержден Никео-Цареградский Символ веры, согласно которому Троица признается «единосущной», но при этом подчеркивается, что Дух Святой может исходить только от Бога-Отца. Позднее пункт об исхождении Духа Святого станет главным догматическим расхождением между православной и католической церковью, в 1006 г. признавшей, что Дух Святой исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына).

Арианство очень скоро распространилось среди варварских племен, обрушившихся на Римскую империю: готов, вандалов, аланов, ругов, лангобардов и других. Долгое время удерживалось у готов, у дунайских ругов (в Ругиланде-Норике на Верхнем Дунае, именуемом римлянами «Отечеством ругов») и славян. Арианский Символ веры, надлежит сказать, читается в Повести временных лет: «Отець, Бог Отець, присно сый пребываетъ во отчѣствѣ, нерожен, безначален, начало и вина всем, едином нероженем старей сый Сыну и Духови, от негоже рождается Сын прежде всех век, исходить же Дух Святыи без време и бес тела... Сын подобесущен Отцю, роженем точью, разньствуя Отцю и Духу. Дух есть пресвятыи, Отцю и Сыну подобносущен и присносущен». Показательно, что просветителя славян Мефодия как при жизни, так и долго после смерти обвиняли именно в арианстве,

²⁸ Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических очерков и статей. Кн. 1. – М., 1987. С. 113, 128–129; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 546, 665, 693; «Крещение Руси» в трудах... С. 48; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 427–428; его же. Ломоносов. Гений русской истории. – М., 2006. С. 300.

а в Хорватии, отмечал А.Г. Кузьмин, «в период с 925 по 1248 год славянское богослужение запрещалось как арианское»²⁹.

[29] Согласно преданиям Южной Балтики и немецким генеалогиям, князь вендов и ободритов Годолуб (Годлиб) – отец Рюрика, варяго-русского князя, положившего начало династии Рюриковичей на Руси.

[30] Появление Шлезвига – яркий пример того, что города у скандинавских народов (датчан, затем шведов) возникали под влиянием южнобалтийских славян и их градостроительных традиций³⁰.

[31] «Апостол севера» Ансгарий был в Швеции в 829–831 гг. (вторая его поездка в Бирку датируется 852–853 гг.³¹).

[32] В отношении города, расположенного, согласно Житию св. Ансгария (написано между 865 и 876 гг.), абсолютно неопределенно «далеко... в пределах славян»³² и разграбленного датчанами в 852 г., у зарубежных и отечественных ученых, естественно, нет единства: в нем видят Волин, Ладогу, Новгород, какой-то город в землях литвы³³.

[33] В отношении Рорика (Рерика) Фрисландского (Датского, Ютландского) в нашей историографии существует богатая литература³⁴. Норманисты, отстаивая, в связи с отсутствием имени Рюрик в Швеции, версию, что Рорик Фрисландский – это и есть летописный Рюрик, не замечают, что она полностью разрушает утверждения о выходе варягов из Швеции и связывает их с Южной Балтикой (а именно на этот район как на родину варягов и варяжской руси указывают, начиная с М.В. Ломоносова, анти-норманисты). Анти-норманист С.А. Гедеонов в 60–70х гг. XIX в. справедливо констатировал, что выводом Рюрика из Дании «подрывается все учение знаменитейших корифеев скандинавизма». В 1997 г. лингвист академик О.Н. Трубачев, принимая тождество Рорика Фрисландского и нашего Рюрика и видя в

²⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1897. С. 109–110; *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. С. 81–88, 95–122, 176–229; *его же.* История... С. 173–174, 178–180; *его же.* Начало Руси. С. 342–353.

³⁰ См. также стр. 186 и 206 (примеч. 537) настоящего издания.

³¹ *Римберт.* Житие святого Ансгария (перевод, предисловие и комментарии В.В. Рыбакова) // Швеция и шведы в средневековых источниках. – М., 2007. С. 59, коммент. 128.

³² Там же. С. 11, 45.

³³ См. об этом подробнее: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 240.

³⁴ Там же. С. 236–240, 298, 300, 304–306.

варягах норманнов, вместе с тем сказал: «Курьезно то, что датчанин Рёрик не имел ничего общего как раз со Швецией... Так что *датчанство* Рёрика-Рюрика сильно колеблет весь *шведский* (выделено автором. – В.Ф.) комплекс вопроса о Руси...»³⁵.

[34] То есть о. Рюгена-Руси.

[35] Только в западноевропейских источниках X–XI вв., например, в «Продолжателе Регинона Прюмского» – доведен составителем до 906 г., продолжен до 967 г., как считает большинство исследователей, Адальбертом, первым магдебургским архиепископом (968–981 гг.)³⁶, – говорится о посольстве русской княгини Ольги в 959 г. к германскому королю Оттону I («пришли к королю... послы Елены, королевы ругов...»), просившей прислать «епископа и священника», о пребывании на Руси в 961–962 гг. самого Адальберта, поставленного «в епископы к ругам», и о его изгнании из русских пределов. Ученые не сомневаются в истинности этих известий и расходятся лишь в трактовке причин, как приведших Адальберта на Русь, так и благодаря которым его миссия завершилась провалом³⁷.

[36] Бургундаргольм – о. Борнхольм.

[37] Фиония (ныне Фюн) – один из больших островов Датского архипелага (между проливами Большим и Малым Бельтами).

[38] Титмар Мерзебургский (ум. 1018 г.) в своей «Хронике» сообщает, не называя даты, что вместе с дочерью польского короля Болеслава Храброго, на которой женился Святополк, сын Ярополка Святославича и племянник великого киевского князя Владимира, в Киев прибыл ее духовник колобрегский епископ Рейнберн³⁸. Далее хронист говорит, что Святополк, его жена и

³⁵ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментарии, биографического очерка В.В.Фомин. – М., 2004. С. 173; Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М., 1997. С. 242.

³⁶ Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. – М., 1980. С. 261; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков (тексты, перевод, комментарий). – М., 1993. С. 101–104.

³⁷ Вернадский Г.В. Киевская Русь. – Тверь–Москва, 2000. С. 70; Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 265–268, 293–298; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. Изд. 2-е. – М., 1993. С. 371; Назаренко А.В. Указ. соч. С. 107–108; Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1998. С. 172; Кузьмин А.Г. История... С. 181; его же. Начало Руси. С. 345; «Крещение Руси» в трудах... С. 25, 299–300.

³⁸ Колобрег (ныне Колобжег в Польше) – одно из трех епископств, образованных в Польше в 1000 г. при учреждении самостоятельной польской

епископ были брошены Владимиром в заточение, где Рейнберн умер. Титмар называет причину такого поступка Владимира: он узнал, что Святополк «подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать против него...»³⁹. Существует мнение, что епископ стремился навязать Руси планы папской курии и, видимо, польского короля, сделав при этом ставку на Святополка⁴⁰. В свете уникальных известий Никоновской летописи под 979, 988, 991, 994, 999 и 1000 гг. о прибытии на Русь многочисленных посольств «из Рима»⁴¹, данное предположение выглядит вполне реальным.

- [39] Аллогией саги именуют в основном не жену, а бабушку Владимира, великую княгиню Ольгу. И тот факт, что саги называют ее не «Helga», как того следовало бы ожидать согласно логике норманистов, а «Allogia», говорит об отсутствии тождества между именами Ольга и «Helga», следовательно, об отсутствии связи как имени, так и самой Ольги со Скандинавией (имя Ольга – Olga, Woliiha – существовало у чехов, среди которых норманнов никогда не было)⁴². В данном случае уместно сказать, что сагам не известен никто из предшественников Владимира (Ольгу-Аллогию они знают лишь по припоминаниям самих русских). В них, что также показательно, совершенно отсутствует информация о хазарах, разгромленных отцом Владимира Святославом, согласно Повести временных лет, в 965 году. Саги не знают

архиепископии в Гнезне. Рейнберн был изгнан из своей поморской епархии в результате языческого восстания и был безместным (Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / М.В. Бибиков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др. – М., 1999. С. 322, примеч. 20 на с. 318, примеч. 1 на с. 319).

³⁹ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 135–136, 140–141; Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 книгах. – М., 2005. С. 162–163 (брак Святополка и Болеславны в литературе датируют 1003–1013 годами. См. об этом подробнее: Назаренко А.В. Указ. соч. С. 167, примеч. 52. Немецкий ученый В. Трильмих называет 1000 год. Титмар Мерзебургский. Указ. соч. С. 234, примеч. 261).

⁴⁰ Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV вв. – М.–Л., 1959. С. 23–52.

⁴¹ Полное собрание русских летописей. Т. 9. – М., 1965. С. 39, 42, 57, 64, 65, 68.

⁴² Геденов С.А. Указ. соч. С. 182–183; Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // ВИ. 1974. № 11. С. 70–81; его же. Падение Перуна. С. 139–140; Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма // Сб. РИО. Т. 8 (156). С. 102; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 670–671; там же. Кн. 2. С. 642, 651, 654, 692, примеч. к с. 619; Славяне и Русь. С. 473–474, примеч. 62 на с. 414.

и никого из византийских императоров ранее Иоанна Цимисхия (ум. 976 г.), причем знают его также по устным припоминаниям. Из приведенного материала следует только один вывод: скандинавы в своей массе стали посещать Русь лишь в годы правления князя Владимира, т. е. лишь с конца X в. они включились в движение на восток, уже несколько столетий идущее с берегов Южной Балтики. А.Г. Кузьмин акцентировал внимание на том факте, что во времена Владимира герои саг «действуют в Прибалтике, на побережье прежде всего Эстонии», и далее Эстонии их действия «не простираются». И только при Ярославе Мудром, в связи с его женитьбой на дочери шведского короля Ингигерде (1019 г.), в варяжскую «дружину включаются шведы, в результате чего постепенно размывается и ее состав, и содержание этнонима». С этого же времени, заключает Кузьмин, норманны проникают и в Византию, где приблизительно в 1030 г. вступают в дружину варангов (варягов)⁴³.

[40] Олав Трюггвасон (в будущем – в 995–1000 гг. – норвежский король, условные годы жизни: 968–1000 гг.) шел из Руси в Южную Балтику давно существовавшим морским путем, связывающим эти земли. В.М. Потин, ссылаясь на нумизматические свидетельства, отмечает, что пролегал этот путь через острова Борнхольм и Готланд, «минуя Скандинавский полуостров...» (клады на данных островах, уточняет исследователь, «носят следы западнославянского влияния...»)⁴⁴. В пользу давних торговых связей Руси и Южной Балтики говорит тот факт, что Олав, прибыв в пределы последней, «называл себя купцом Олием Русским». А такой поступок норвежца был вполне логичным: для Южной Балтики главное значение имела торговля именно с Восточной Европой. И свое первенствующее значение она сохраняла очень долго. Так, в 1157 г. датчане пограбили в Шлезви-

⁴³ Кузьмин А.Г. Падение Перуна. С. 49, 157, 166–167, 175; *его же*. Кто в Прибалтике «коренной»? – М., 1993. С. 5; *его же*. История... С. 90, 92, 161; *его же*. Начало Руси. С. 215, 221, 225–226, 242, 332; *его же*. Облик современного норманизма. С. 242, 244, 246, 248; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 584–586, 654; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 376–379; *его же*. Ломоносов. С. 73–74.

⁴⁴ Потин В.М. Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным // Вестник истории мировой культуры. – Л., 1961. № 4. С. 75–76; *его же*. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. – Л., 1968. С. 64; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 445–447.

ге русский флот, в связи с чем русские купцы перестали приходить в этот город. И Шлезвиг сразу же пришел в упадок⁴⁵.

Немецкий хронист Гельмольд (XII в.) сообщает, что саксонский герцог Генрих Лев в 50-х гг. XII в. отправил «послов в города и северные государства – Данию, Швецию, Норвегию и Русь, предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку»⁴⁶. Эта грамота не сохранилась, но ее нормы повторил в 1187 г. император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса: «*ruteni, gothi, normanni et ceteri gentes orientales, absque theloneo et, absque hansa, ad civitatem sepius dictam veniant et recedant*», т.е. русские, готландцы, норманны и «другие восточные народы» получали право свободно приходить и покидать город «без налога и пошлины»⁴⁷. «Любекский таможенный устав» подтвердил в 1220-х гг. установление императора: «В Любеке не платит пошлины никто из граждан Шверина, а также никто из русских, норвежцев, шведов... ни готландец, ни ливонец, равно как и никто из восточных народов»⁴⁸. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в последних документах русские названы первыми среди народов, участников балтийской торговли (так, видимо, значилось и в грамоте Генриха Льва, которую они повторяют, но перечисление стран которой было дано Гельмольдом, жителем Вагрии, начиная с ближайшей от нее земли – Дании).

- [41] В римской версии крещения Руси, вытекающей из норманской теории происхождения Древнерусского государства, важное место занимало сообщение саги об Олаве Трюггвасоне о его совете крестить Русь, якобы данным им великому киевскому князю Владимиру (создание этого мотива принадлежит монаху Одлу Сноррасону, ум. 1200 г.). В 1930–1940-х гг. Н. Баумгартен и М. Таубе приняли, хотя и с оговорками, версию саги и признали участие Олава в крещении Владимира. Эта точка зрения единодушно была отвергнута зарубежными и отечественными учеными (А.Стендер-Петерсен, Х.Пашкевич, Ф.Дворник, Б.Я.Рамм, И.П.Шаскольский)⁴⁹.

⁴⁵ Лебедев И.А. Указ. соч. С. 175.

⁴⁶ Гельмольд. Славянская хроника. – М., 1963. С. 195.

⁴⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. III. – СПб., 1818.

Примеч. 243; Каченовский М.Т. Из рассуждения о Русской Правде // Ученые записки Московского университета. Ч. 3. № 9. М., 1835. С. 354.

⁴⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 386.

⁴⁹ Stender-Retersen A. Varangica. Aarhus, 1953. P. 144–145; Рамм Б.Я. Указ.

[42] Канут (Кнут) Великий (ум. 1035 г.), король Англии с 1016, Дании с 1019, Норвегии с 1028. По материнской линии – славянин, потомок бодричских (ободритских) князей. По этой причине в Дании нашел себе приют будущий князь бодричей (с 1043 г.) Готшалк (или Годескалк у А.Ф.Гильфердинга), последующим браком еще более усиливший родственные связи с Канутом. Выше Гильфердинг указывает, что шведка Ингигерда по матери – внучка бодричского князя, что, видимо, и предопределило выбор русского князя Ярослава Мудрого, взявшего ее в жены.

[43] В Чехии еще в XI в. шла борьба между латинским и славянским богослужением. И центром славянского богослужения был Сазавский монастырь, основанный последователями Кирилла и Мефодия, и у которого с Русью существовали устойчивые связи. Так, из Сазавского монастыря на Русь пришел культ чешских святых Людмилы и Вацлава (Вячеслава), а в самом монастыре почитались русские святые Борис и Глеб (там даже имелись их мощи). Чешский князь Бржетислав (1037–1055 гг.) оказывал покровительство славянской церкви, хотя из Рима неоднократно призывали прекратить славянское богослужение. Преемник Бржетислава Спитигнев II прислушался к этим призывам, и в 1061 г. настоятель и монахи монастыря были обвинены в том, что якобы «благодаря славянской письменности они были вовлечены в секту еретиков и, бесспорно, обращены в нее». В 1097 г. Сазавский монастырь был ликвидирован окончательно. Православные обряды, подчеркивал А.Г.Кузьмин, долго сохранялись в Чехии. Так, в XII в. здесь не соблюдался целибат, установление которого настойчиво требовал Рим. Позднее чешские гуситы требовали восстановления причастия для мирян под обоими видами (т. е. хлебом и вином; «чаша для мирян»), уничтоженное католическим духовенством в 1215 году⁵⁰.

соч. С. 41–42; *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. – М.–Л., 1965. С. 45; *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. С. 37; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). (тексты, перевод, комментарий). – М., 1993. С. 207–208; «Крещение Руси» в трудах... С. 26, 215.

⁵⁰ *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. С. 55, 118.

С. В. Цветков

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к I части

- (1) Сербы (или сорбы), упоминаются впервые Вибием Секвестром (VI в.), который говорит о сербском округе, который располагался на правом берегу Эльбы между Магдебургом и Лужицами (*Нидерле Л.* Славянские древности. Изд. 2-е. – М., 2001. С. 108).
- (2) Суковско-дзедзицкую археологическую культуру, характерную для балтийских славян связывают с лехитской диалектальной группой праславянского языка, характеризующейся фонетическими особенностями, и которая заметно выделяется среди других праславянских диалектных групп (Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. С. 227 и карта IV). Говоры этой группы славян стали основой развития становления великопольского диалекта польского языка, кашубского языка в Поморье и полабского (или древяно-полабского) в бассейне нижней Эльбы и смежных территориях. Полабский язык на сегодняшний день принадлежит к мертвым наречиям (*Супрун А.Е.* Полабский язык. – Минск, 1987). Лингвисты считают, что этот язык был распространен на большой территории вплоть до нижнего Одера. Полабский язык обычно подразделяют на древанскую, ободритскую и велетскую диалектальные группы, хотя надежных материалов для такого членения в распоряжении лингвистов нет (*Седов В.В.* Славяне. – М., 2002. С. 348). По оценке А.С. Мыльниковой, на сегодняшний день насчитывается 50–60 тысяч лужицких сербов в районах Котбуса и Баутцена (Будышина) (*Мыльников А.С.* Об этнической дилаборации и постэтничности в связи с некоторыми итогами полевых наблюдений в Северной Германии // Музей традиции этничность XX–XXI вв. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея. – СПб.–Кишинев, 2002. С. 177).
- (3) Выдающийся лингвист О. Н. Трубачев, указывая на раннее употребление в названиях племен земледельческой терминологии, сравнивая этнонимы *pol'ane – *ledjane, «первый из которых

был самоназванием части западных славян (восточнославянское употребление здесь опускаем), а второй – прозвищем, которое древним полякам дали соседи. Оба названия производны от понятий, связанных с землей: **roľane* – «жители полей», а **le-djane* – «жители целинных земель» (от **ledo*, **leda* «целина, необработанная земля»). Трубачев производит от этого слова и название «ляхи» (*Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М., 1991. С. 213–214).

- (4) Этноним венеты (венеды, энеты) известен со времен глубокой древности и был очень широко распространен на территории Европы и Малой Азии и вместе с тем, никогда не был самоназванием славян. Он встречается в бассейне реки По (память о нем сохранилась в названии Венеции), в Иллирии и Эпире на севере Балканского полуострова, в северо-западной Франции (особенно в Бретани), Британии, Пафлагонии. Топонимы, образованные от этого этнонима, есть на территории современной Южной Германии (*Цветков С.В.* Кельты и славяне. – СПб., 2005. С. 21). Венетов античные авторы традиционно связывали с поставками янтаря. В раннегреческих представлениях о строении ойкумены большую роль играла мифическая река Эридан, которая якобы соединяла Северный океан со Средиземным морем, по которой поступал янтарь. Многие современные исследователи отождествляют Эридан с рекой По, в устье которой в древнейшие времена располагался центр торговли янтарем. Греки были уверены, что По соединяется с Северным океаном там где родится янтарь (Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 1 / Сост. А.Г.Кузьмин. – М., 1986. С. 476–478; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. – М., 2003. С. 89–103; Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1619 г. / Под ред. А.Г.Кузьмина, С.В.Перевезенцева. – М., 2004. С. 13–14, 22). Наиболее вероятной видится версия, что речь идет о славянских племенах, входивших в многоэтничный конгломерат кельтской цивилизации, которые во многом благодаря кельтской экспансии оказались на периферии (западном – Бретань, северно-восточным – Балтийский регион, и южном – бассейн реки По) кельтского мира эпохи латен (*Цветков С.В.* Указ. соч. С. 27). До сих пор финны именуют русских венетами.
- (5) Относительно времени появления венетов на балтийском Поморье много спорного. В.Хенсель, проанализировав связь венетов с населением Северной Италии и Польши, констатировал: «...В Польше передвижение праславян на запад после 1000 г. до н. э. вплоть до Одры привело к тому, что часть живших здесь

венетских племен подверглось процессу славянизации». Он так же считает, что западная часть территории лужицкой археологической культуры от Лабы (Эльбы) до Вислы могла находиться во владениях венетов, на территории которой Хенсель считает венетскими наименования таких рек как Одра, Драва, Дрвенца, Опава, Нотец, Неца и Вежица» (*Хенсель В.* Венеты и их связь с населением Северной Италии и Польши // *Древности славян и Руси.* – М., 1988. С.158–159). По мнению А.А. Шахматова, славяне и германцы некогда были разделены племенами венетов. Название говорит о принадлежности этого племени кельтам. Именно в Прибалтике, по мнению ученого, кельты подчинили себе славян, что способствовало распространению имени венедов на славян. Племенное название венетов (венедов) А.А. Шахматов производит от кельтского *uenos* – «друг», «союзник» (*Шахматов А.А.* К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. – Казань, 1912. С. 12–13). Сейчас большинство исследователей объясняет происхождение этого племенного названия от кельтского *vindos* – «белый», «хороший», «прекрасный», «счастливый». Известно также большое количество имен скорнями *ven*, *vend*, *vind*, *vin* по всему ареалу кельтского расселения. Как отмечает А.Г. Кузьмин: «Широкое совпадение топонимики Иллирии и Прибалтики – факт прочно установленный. Но многие топонимы, которые германисты стремятся связать с иллирийцами – “венетами”, оказываются обычными для всей обширной области кельтского расселения. Не составляет исключения и этноним “венеты” (венеды). Кроме побережья Адриатики, Прикарпатья и Прибалтики, он известен также в северной Франции, а именно с этим кельтским морским племенем Юлию Цезарю пришлось выдержать трудную борьбу» (*Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов // *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь В 2-х ч. 2-е изд. – М., 2004. С. 585–587). По предположению историка часть венетов Арморики, после их разгрома римскими войсками, могла мигрировать на Балтику к своим сородичам. Эта версия видится убедительной еще и потому, что на грани эр в Балтийском регионе появляются корабли с клинкерной обшивкой, а арморийские венеты были умелыми и не имеющих соперников в те времена мореходами и кораблестроителями и это новшество могло иметь к ним непосредственное отношение.

Археологический материал о славяно-кельтских связях обобщен крупнейшим археологом В.В. Седовым, в том числе и данные о их появлении в верхнем течении Вислы среди проживав-

шего здесь славянского населения, представленного культурой подклешевых погребений. Произошло это во II в. до н. э. – констатирует Седов: «Так начался период активного кельто-славянского взаимодействия, оставившего заметный след в истории, культуре и языке славян» (Седов В.В. Указ. соч. С. 79–80).

Он же подчеркнул, что: «Наиболее мощное кельтское воздействие на культуры подклешевых погребений приходится на II в. до н. э. Постепенно оно активизируется, и к концу этого столетия культура трансформируется в новую, получившую наименование пшеворской. Постепенно пшеворская культура распространилась по всему ареалу культуры подклешевых погребений, а затем и вышла за ее пределы. На западе в территорию этой культуры вошли области по течению Одера, где прежде проживали кельты, а в последнем столетии до н. э. и в верхнем течении Вислы. К концу II в. до н. э. перестают функционировать собственно кельтские поселения и могильники в Силезии, в конце I в. до н. э. и на остальной части Польши. Таким образом, кельты, расселившиеся в землях севернее Карпат, были полностью ассимилированы славянами. В Малопольше известен целый ряд кельтско-пшеворских памятников, отражающих этап ассимиляции кельтского населения» (там же. С. 88).

Необходимо отметить, что пшеворская археологическая культура Повисленья которая идентифицируется большинством исследователей с прибалтийскими венедами античной традиции, оказала впоследствии огромное влияние на всю Северную и Восточную Европу. Кельты научили славян этого региона ремесленному производству и последним достижениям в области металлургии. Здесь были открыты и исследованы крупнейшие металлургические центры: в районе Свентокшицких гор, в окрестностях Новой Гуты–Кракова, в округах Тархалиц и Грошовиц и около Варшавы. В самом крупном из них – Свентокшицком – выявлено 95 металлургических комплексов, где было обнаружено более 4000 сыродутных горнов. Польский археолог К. Беленин считает, что в данном металлургическом центре количество комплексов достигало 4000, с общим числом железоплавильных печей до 300 тысяч. «Объем их продукции составлял около четырех тысяч тонн железа рыночного качества» (там же. С. 103). В III–IV вв., перед самой эпохой Великого переселения народов, изготовление железных изделий здесь достигло небывалого производственного размаха, что позволило снабжать этой продукцией не только пшеворское (венедское) население, но и многие римские провинции. Торговля металличе-

кими и другими ремесленными изделиями приносила доход, о чем свидетельствуют многочисленные клады с тысячами римских монет (там же. С. 104).

- (6) Родство вандалов и венетов-славян сейчас практически не подлежит сомнению. И те, и другие входили в ареал пшеворской культуры и были согласно античным источникам, ближайшими соседями. Еще в 30-х годах прошлого века польский археолог Р.Ямка, предполагая присутствие в пшеворском ареале вандалов и славян, разделял их по погребальному обряду: относил к первым урновые захоронения с инвентарем, содержащим предметы вооружения, ко вторым безурновые (ямные) малоинвентарные погребения (там же. С. 114). Седов, подводя итоги исследований пшеворских древностей и сопоставив данные археологии со свидетельствами античных источников, пришел к выводу, что основным этносом пшеворского ареала были славяне, потомки кельтизированного населения культуры подклешевых погребений. «На их территорию, — говорил он, — особенно в западные земли, неоднократно вторгались различные племена германцев. Их проживание фиксируется не только археологическими материалами, но отмечено и античными авторами. Пришлому населению, которое в большей степени, чем аборигены, было военизированным, в ряде местностей удалось подчинить своей власти местных землепашцев. И все население таких регионов римскими авторами, очевидно именовалось этнонимами господствующего племени, то есть бургундами, вандалами и другими, поскольку сведения о ситуации за пределами Империи поступали в Рим от германских информаторов» (там же. С. 124). Таким образом племенные союзы славян и германцев неоднократно зафиксированы античными авторами под именем германских или кельтских племен.

- (7) То что Гильфердинг считает происхождение названия союза племен, известных под именем лугиев, от славянского слова «луг», вряд ли возможно. Вероятно, что этот союз, скорее всего если и германских, то сильно кельтизированных племен может иметь происхождение своего названия от кельтского бога Луга. Все племена, входившие в этот союз: гарнии, гелизии, гельвеконы, манимы, наганарвалы, проживали к северу от Карпат между Одером и Вислой, не только являясь ближайшими соседями венетов во времена Римской империи, но и входили в ареал пшеворской культуры. Похоже, что «германство» этих племен сильно преувеличено, как и многих других, описанных Тацитом. Лугии, ругии, руяне, раны, рутены, русы, росы все это разные на-

писания одних и тех же скорее всего кельтско-славянских племен Прибалтики (*Цветков С.В.* Указ. соч. С. 111).

- (8) В случае с варнами Гильфердинг слишком увлекается славянскими созвучиями. Еще И.Первоульф обратил внимание, что у славян Поморья сохранились этнические названия предшествующей исторической поры: варины и варны, мугилоны и могиляне, лугии и лужане, ракауты и ракоусы, ругии и руяне и др. (*Первоульф И.* Варяги–Русь и балтийские славяне // ЖМНП. 1877. Ч. 192. С. 38–39). А.Г.Кузьмин подчеркивает, что: «Слово *var* в санскрите означает “вода”. По всем областям кельтского расселения этот корень встречается при обозначении названия рек. Таковы река “Вар” и ряд производных от этого наименования названий ее притоков в Южной Франции (в департаменте Вар), рек в Британии и Шотландии, а также в других районах кельтского расселения. Выше уже отмечалось, что море в некоторых диалектах кельтских языков называлось *vor*. Известен также вариант *var*. В кельтских языках буквы m, b, v, f взаимозаменяемы. В донегальском диалекте ирландского языка море обозначается как *farraige*. Иными словами, названия народов и племен, имеющие в основе корень «вар», в кельтских языках естественно увязываются с водой, морем. Так, северогалльское племя «морины» и прибалтийские «варины» (позднее «варны»), жившие на морском побережье, своими названиями просто фиксируют этот факт» (*Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 599). Поэтому предположение Гильфердинга, что тацитовские варны были германской дружиной вряд ли может быть истинным. А вот кельтское происхождение названий большинства славянских племен можно считать вполне доказанным, как и огромное воздействие кельтов на многие стороны жизни славян.
- (9) Необходимо отметить еще раз, что далеко не все племена, которых Тацит считал германскими были ими на самом деле. Римская традиция считала, что к востоку от Рейна начинается Германия. Немецкий исследователь С.Файст в 1927 г. показал, что многие этнические группы, описанные древними авторами даже на территории позднейшей Германии, являются в действительности кельтами. К кельтам он отнес прикарпатское племя бастарнов, а также всю группу тацитовских «ингевонгов»: кимбров, тевтонов, фризов, амбронов. А.Г.Кузьмин, в свою очередь констатирует: «Судя по новейшим антропологическим данным, германцы вообще не “нордическая” раса. Они продвигались с юга. Вместе с тем на значительных территориях последующие германцы практически не отличаются от предшествующего кельто-

романского населения. Очевидно, германизации подвергалось прежде всего именно кельтское (или кельтоязычное) население. Разумеется, германцы воспринимали при этом немало элементов кельтской культуры. Поэтому очень трудно во многих случаях даже размежевать германцев и кельтов, несмотря на значительные расхождения их языков. Методически же, очевидно, при анализе ономастики территории Германии, по справедливому замечанию Г. Балова, кельтским элементам как несомненно более древним должен быть предоставлен определенный приоритет» (там же. С. 587).

Необходимо отметить, что кельтская цивилизация была полиэтнической (*Цветков С.В.* Указ соч. С. 45). В ареал кельтской цивилизации судя по всему входило немало как германских, так и славянских племен – отсюда эта бесконечная путаница с определением их принадлежности к той или иной нации, не избежал которой и Гильфердинг.

- (10) В I–II вв. н. э. готы (готы) локализуются в нижнем течении Вислы по соседству с венедами. Рядом с готонами проживали гепиды – первоначально одно из готских племен. На берегах Балтийского моря западнее готов жили лемовии и ругии (ульмеруги Птолемея) (*Седов В.В.* Указ. соч. С. 122).

В. В. Седов указывает, что: «Появление готов в Польском Поморье отчетливо фиксируется археологическими памятниками первой половины I в. н. э. В это время в восточных регионах оксывской культуры, распространенной со II в. до н. э. в междуречье нижних течений Вислы и Одера, островками появляются неизвестные здесь ранее каменные погребальные сооружения – так называемые курганы типа Одры–Венсеры. Это – каменные круги со стелами, которые имеют прямые аналоги в Скандинавии. Не подлежит сомнению, что эти древности принадлежат переселенцам из-за моря, в которых можно видеть только готов Иордана. В отличие от аборигенного населения, хоронившего умерших в бескурганных могильниках по обряду трупосожжения, пришельцы хоронили умерших в курганах по обряду ингумации. О появлении в Польском Поморье новых групп населения отчетливо свидетельствуют и керамические материалы, и некоторые металлические изделия». Взаимоотношение готов с местным населением было различным – в пустовавших районах они основывали собственные поселения (в Кабушско-Крайненском регионе), в других – подселялись к аборигенам, где начался процесс образования новой смешанной археологической культуры – вельбарской, которая в начале II в. н. э. охватывала про-

странство от рек Дравы и Реги на западе до реки Пасленки и окрестностей Олштына на востоке. Местные племена господствовали в этом симбиозе, поскольку главным погребальным обрядом становится трупосожжение, но население скорее всего именовалось готами (там же. С. 144–145). В последние десятилетия II в. н. э. готы, видимо, покидают ряд регионов Польского Поморья, зато памятники вербальной культуры появляются в Мазовии, Подлясье и Западной Волыни. По мере продвижения готы оседали на правобережье Вислы и далее широкой полосой по Западному Бугу. В ряде регионов вербальские переселенцы жили чересполосно с пшеворским населением, в других – сразу смешивались с переселенцами – оставление пшеворцами-венетами своих поселений, по данным археологии, крайне редки. Готы проживали в этих регионах в течение двух столетий. По предположению В.В.Седова и других исследователей, эта территория и была «желанной землей», именуемая на языке готов Ойум (там же. С. 146–147).

- (11) Кельтов и германцев постоянно путали античные авторы. «Дион Кассий утверждает, что тенкеры были кельтским племенем... Согласно Тациту..., тревирь или треверы хвастались, что они германцы, а неметы были ими определены. Взамен он сообщает, что готоны не были германцами, несмотря на то, что они говорили по-галльски» (*Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности.* – СПб., 2000. С. 136).

Сообщение Тацита о готовах, живших в районе впадения Вислы в Балтийское море особенно важно, тем более, что их соседи эстии тоже, по словам Тацита, говорили на языке, близком британскому. Тацитовские венеды, как показывают данные археологии, было смешанным кельтско-славянским племенем. Получается, что прибрежное население, по крайней мере южной Балтики, говорило по-кельтски и было вовлечено в ареал кельтской культуры, а значит уже тогда существовала морская торговая связь арморийских венетов с прибалтийскими племенами.

- (12) Еще Шафарик предполагал, что летописные волохи – это кельты. Эту версию приводит и О.Н.Трубачев (*Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 41*). Обоснованным видится предположение этого и других ученых о происхождении слово волхв (славянский языческий жрец) от волохов, как наследников кельтской друидической традиции (*Эрлих С.Е. Логика «основного мифа» (трансформация пантеона как истории противоборства светской и «сакральной» ветвей власти древних славян) // Ладога и религиозное сознание.* – СПб., 1997 С. 14; *Цветков С.В. Указ. соч. С. 53, 57;*

о волохах см. так же: *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. – М., 1988. С. 102–103; *его же.* Начало Руси. – М., 2003. С.113–119).

(13) Гильфердинг, скорее всего, имел в виду «Слово о полку Игореве», где говорится о «тroyановых веках».

(14) Теория «дунайской» прародины славян имела немало сторонников (Трубачев, Рыбаков). Другие исследователи прародиной считают регион Повисленья, как место, где сложилась в 400–100 гг. до н. э. достоверно славянская подклешевая археологическая культура, которую сменила смешанная славяно-кельтская пшеворская культура (*Седов В.В.* Указ. соч. С. 70–74, 86–89). Сегодня можно с уверенностью говорить, что именно пшеворская культура стала доминирующей при формировании впоследствии славянского этноса на других территориях.

(15) Велеты – племя изначально кельтское, но впоследствии ослабяившееся, как и другие кельтские племена Балтийского региона. В.И. Кулаков, проанализировав археологический материал и сопоставивший его с источниками, пришел к выводу, что: «Перемены в этнической ситуации, происшедшие благодаря распространявшемуся по Янтарному пути кельтскому влиянию в интересующем нас регионе, фиксируются письменными источниками. Если для первой половине I в. н. э. Тацит помещает эстиев, западнобалтийская принадлежность которых пока не вызывает сомнений, на Самбии и к востоку от нее..., то для периода между 50–170 гг. согласно Птолемею, земли между реками Ouistulas (Висла), Kronos (Свежая и ли Преголя), Roudon и Tourountos (Гильге и Неман?) заселялись венедами и вельтами (велиты или кельты), эстии передвинулись в северо-восточном направлении от Самбии... Таким образом, происшедшая в результате миссии Атилия Прима стабилизация Янтарного пути открыла янтароносную Самбию для этно-культурного импульса с юга, в том числе – из бывшего кельтского ареала. Яркими показателями этого импульса являются находки по Янтарному пути и на Самбии конских бронзовых оголовий и сопутствующего инвентаря кельтского облика» (*Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 года. – М., 2003. С. 82–83). Необходимо заметить, что уже в эпоху раннего средневековья мы встречаем воинственное славянское племя велетов на юго-западном побережье Балтийского моря. А сами балты называли велетами великанов и богатырей, как, впрочем и древние славяне, культура которых и язык наиболее близки именно балтам.

(16) Предположение Гильфердинга о том, что племена населявшие о. Сканзу и перечисленные Иорданом могли населять побере-

жье Балтийского моря и иметь славянское происхождение, заслуживает самого пристального внимания. Не исключено, что, учитывая наличие на полуострове памятников пшеворской культуры, славянские племена могли проживать и в каких то районах Скандинавии.

- (17) Это смелое предположение Гильфердинга, к сожалению, не получило дальнейшего развития. Несмотря на то, что племенные названия «поляне» и «древляне» известны по Повести временных лет, нельзя исключать того факта, что они были известны во времена Иордана и входили в антский племенной союз.
- (18) Властвование Германариха (Эрманарика) над чудью, мерью, мордвой, а уж тем более над Новгородом, которого в те времена просто не существовало (археология дает только конец IX в.), представляется сомнительным. Вместе с тем стоит вспомнить, что на территории Ленинградской области есть находки поздне-римского времени, в том числе и оружия, а также о существовании славянской культуры в Поволжье со II в. н. э. (Седов В.В.), миграция представителей которой во многом была вызвана готской экспансией. Однако перечисление этих племен Иорданом говорит не только о том, что они были ему известны, но и как свидетельство существования речных путей по Волге и Днепру из Балтийского моря в его время (*Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Комментарий. С. 266*). Упоминание же племени «нового» (Novego) Иорданом, которое Гильфердинг принял за Новгород, может быть связано с населением южного Приладожья называвшегося по древнему названию Ладожского озера – Нево, перешедшему потом на р. Неву.
- (19) Во времена Германариха наблюдается отток пшеворского населения (венетов) в более восточные регионы, что было вызвано резким ухудшением климатических условий. В.В.Седов считает, что Германарих воевал с антами, политическое образование которых, в конечном итоге, стало подвластно ему (*Седов В.В. Указ. соч. С. 194*).
- (20) Деятельность Атиллы в освобождении славянских племен Прибалтики от германского владычества, мягко говоря, завышена Гильфердингом. Знаменитый гуннский вождь Атила в 445–455 гг. создал мощную державу, в состав которой входили территории Центральной и Восточной Европы. По словам В.В.Седова: «подвластными Атилле стали и земли славян, проживавших в верхних течениях Вислы и Одера. Пшеворская культура с активно функционировавшими крупными ремесленными центрами перестала развиваться и постепенно прекратила сущест-

вание» (там же. С. 201). Следует подчеркнуть, что именно гунны, а также резко изменившиеся природные условия дали толчок великой славянской миграции, которая привела к широкому расселению славян в течении очень короткого времени. Вместе с тем с самими гуннами и их появлением в Европе не все однозначно. Интересную версию предлагает, например, А. Г. Кузьмин: «“Гуннские” имена готов – это как раз те имена, которыми обычно обосновывается германоязычие ряда прибалтийских племен, передвинувшихся в первые века н. э. в Центральную Европу и вошедших в гуннский союз: ругов, гепидов, герулов и др. Речь идет о многочисленных именах на “мар” (мир, мер) и “риг” (рих): Валамер, Видемир, Теодорих и т. д. Разумеется, в этих именах нет ничего (или почти ничего) тюркского. Тем не менее “гуннский” язык назван Иорданом не случайно, и этот язык не был “домашним” гуннским средством общения. Приск Панийский (V в.) сообщает, что “гуннский” язык отличается от собственного “варварского” языка гуннов, причем если в последнем языке можно предполагать тюркскую систему, то “гуннский” язык относился к индоевропейской группе. Судя по всему, это был язык общения разноплеменного коренного населения Центральной Европы, на территории которой сложилось гуннское государственное объединение.

Уход части племен с берегов Балтики во многом был вызван и климатическими изменениями. В конце IV в. в Европе наступает резкое похолодание. Наиболее холодным был V в. Это был период максимального похолодания за последние 2000 лет. «Резко повышается увлажненность почвы, что связано с увеличением выпадения осадков и трансгрессией Балтийского моря. Повышаются уровни рек и озер, поднимаются грунтовые воды, сильно разрастаются болота. Очевидно, что многие поселения римского времени оказались затопленными или подтопленными, а значительные участки пашен – непригодными для сельскохозяйственной деятельности. Поймы рек, прежде дававшие обильные урожаи, покрываются водой или аллювиальными отложениями и исключаются из хозяйственного землепользования» (Седов В. В. Указ. соч. С. 194). Известно, что подобные изменения климата, вызвавшие сильные наводнения в Ютландии и соседних землях Германии, вынудили тех же тевтонов целиком переселиться на другие территории и вызвали миграцию саксов. Данные археологии показывают, что многие поселения Северной Германии были брошены жителями в V в., а саксы и англы мигрировали в Британию. Возможно, в ее завоевании принимали

участие и славянские племена (*Цветков С.В.* Указ. соч. С. 110). Аналогичные изменения наблюдались в этот период и на севере Галлии, где происходило наступления ледников в горных районах Гаскони и океана, затопившего значительную часть суши (там же. С. 112). Беспрецедентное в историческое время изменение климата еще недостаточно учтено при оценке миграционных процессов, которые приобрели в названное время небывалый размах. Великая славянская миграция была также во многом вызвана климатическим фактором.

- (21) Гипотеза Гильфердинга, что видиварии – это поморяне, не находит подтверждения в археологическом материале. В.И. Кулаков, проанализировав ситуацию на побережье Висленского залива, обнаружил находки, связанные с видивариями, в частности звериноголовые фибулы. «Как показывают древности Юго-Восточной Балтии, – говорит ученый, – подобные ранние формы звериноголовых фибул возникают в третьей четверти V в. именно в микрорегионе Халибо. Являясь аксессуаром женского убора, фибулы этого типа совмещают признаки древностей фриз, саксов и жителей Среднего Подунавья, являясь в Балтии маркером археологического горизонта видивариев... Собранные из различных племен»... они принесли с собой на Янтарный берег не только черты обрядности, но и специфические черты декоративного искусства постгуннской поры» (*Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 года. – М., 2003. С. 103).

Этним «видиварии» переводится с готского как «люди Видьи». Под именем «Видья» в древнегерманском эпосе выступает вождь, известный в прусских легендах как «Видевут». Микрорегион с сакрализованным участком у совр. пос. Млотечно был одной из первых точек в Юго-Восточной Балтии, где в середине V в. начала складываться прусская культура, ареал которой получил впоследствии название «Витланд», что означало «Страна мудрых» (там же. С. 113). Вместе с тем возможна и другая версия племенного названия «видиварии». «Види» можно трактовать как «ведать», то есть «знать», что соответствует многим индоевропейским языкам, а корень «вар» в тех же языках, в частности кельтском означает воду. Учитывая, что видиварии согласно Иордану, жили на острове в дельте Вислы, а острова у кельтов играли сакральную роль, то видиварии – это «ведающие водой» или «знающие воду», то есть, мореплаватели. Учитывая большое количество золотых римских монет V в., найденных в этом регионе, можно предположить, что видиварии занимались традиционной для этого региона янтарной торговлей.

(22) Гильфердинг ссылается здесь на Феофилакта Симокатту, византийского историка начала VII в. Свидетельство настолько интересное, что мы приведем его полностью: «На следующий день телохранителями императора были захвачены три человека, не имевшие при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары, и ничего другого они не несли. Император принялся расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях. Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган (речь идет об аварском кагане. – С.Ц.) отправил послов вплоть до тамошних племен, чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных императором, с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев. А хаган, забыв о законе, (защищаящем) послов, начал-де чинить им препятствия к возвращению. Они же, наслышанные, что племя ромеев, если дозволено так сказать, очень славится богатством и человеколюбием, ушли во Фракию, обманув в подходящий момент (хагана). А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружие; ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб. Ведь тем, кто о войне и не слыхивал, естественно, как они говорили, заниматься безыскусными мусическими упражнениями. Автократор, (услышав) все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. – М., 1995. С. 15–17).

Этот необычайно интересный и информативный пассаж, несмотря на всю идилличность повествования, несет в себе бесценные сведения. И его, конечно же, нельзя рассматривать в отрыве от тогдашней исторической обстановки.

Дату этой встречи исследователи относят и к 591, и к 592, и к 596 году. Причем этой встрече предшествует начавшаяся война с аварами и славянами, переправившимися через Дунай на знаменитых моносилах. О том, что послами были именно балтийские славяне, свидетельствует тот факт, что они живут у оконечности Западного океана (так называли византийские источники Атлантический океан), с которым связано Балтийское море. Скорее всего, они прибыли из освоенного в середине VI в. сла-

вянами региона между устьями Эльбы и Одера. То, что к балтийским славянам прибыли послы от аваров, лишний раз подтверждает не только их военную, но и политическую активность – с конца VI – нач. VII вв. они посылали послов и к франкам и к лангобардам, что привело к заключению с ними союза в 601 г. В это же время прибывает и франкское посольство в Византию (Свод древнейших письменных известий о славянах Т. 1. С. 48–49).

Сразу встает вопрос – а какова цель прибытия послов к императору Византии Маврикию? Неужели только препятствия, чинимые аварским хаганом? Как мне видится, нельзя исключать и торговые интересы славян, тем более что посольство носит подчеркнуто мирный характер, у послов нет ни только оружия, но даже железных изделий. Славяне Южной Балтики, надо заметить, в это время хорошо владели искусством добычи железа и изготовления из него изделий. Вместе с тем известны многочисленные клады византийских монет этой эпохи, найденные в низовьях Одера (там же. С. 48). Того же времени существуют и клады во Фризии. Не есть ли это свидетельство вновь зарождающейся торговли с Византией северным морским путем?

(23) Здесь нельзя не согласиться с Гильфердингом. Жрецы вполне могли выполнять дипломатические и торговые функции, о чем говорит и сам автор о жрецах балтийских славян.

(24) Интересная теория о происхождении и миграции герулов связана с находками самых ранних рунических надписей. Большое количество рунических надписей найденных, в на территории Шлезвига, Ютландского полуострова, островов Фюн, Зеландия, Лолланд, относящихся к II – началу III в. н. э., позволило датскому рунологу Э. Мольтке выдвинуть гипотезу о происхождении рунического письма на основе латинского алфавита в северо-германском-датском регионе. Он считал, что именно купцы из этого ареала, не входившего в римский лимес, больше всего нуждались в удобном средстве коммуникации как во время торговых поездок, так и находясь дома. В связи с этой гипотезой существует вполне обоснованная версия, что изобрели руны герулы, племя населявшее о. Зеландию и Ютландский полуостров до II в. н. э. Около 250 г. герулы были вытеснены на юг племенами данов; одна их часть ушла в низовья Рейна, другая – в Северное Причерноморье. Е. А. Мельникова не сомневается, что: «Главным основанием для “герульской” теории служит совпадение их племенного названия со словом *erilaz*, родственным др.-исл. *jarl* и др.-англ. *eord*, оба – социальные термины, обозначающие лиц высокого социального статуса... Оно встречается не

менее чем в 9 надписях. В древнейших из них (IV в.) оно образует устойчивую формулу: *ek erilaz* + имя собственное в притяжательной форме: “Я, эрил такого-то”, за чем следует магическое заклинание... В более поздних “*ek eṛial* сделал (написал, раскрасил) руны”... После середины VI в. эти формулы, равно как и само слово *erilaz*, выходят из употребления. Предполагается, что *erilaz* старшерунических надписей является племенным названием, ставшим обозначением жрецов или группы людей, владеющих знанием письма и потому занимавших в обществе высокое социальное положение» (Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. – М., 2001. С. 12). Хотя, вероятнее всего, это слово обозначало социальный жреческий статус. Тем более, как уже говорилось выше, в данное время на Ютландском полуострове проживали племена скорее кельтской культуры, чем германской. Интересно, что в славянских языках князь и ксенз (то есть священник) имеет одинаковое происхождение (так же как ярл изначально мог быть названием языческого жреца). Интересна также схожесть звучания этого слова с именем славянского бога Ярилы. Уход жрецов-друидов герулов совпал со временем организации среди скандинавских, славянских и балтских племен, живших в регионе Балтики с главенствующим положением дружинного сословия, которое все более набирало силу, и с возникновением первых торгово-ремесленных поселений. Совпал с началом вендельской эпохи, принесшей Скандинавию, помимо культурных импульсов, главенство воинского сословия, переросшей впоследствии в эпоху викингов. А ушли герулы, возможно, не только на юг и юго-восток, но и на территорию Самбии, в благословенный и наверняка сакральный Янтарный край, где как раз в это время появляются, предположительно с территории Ютландии, вожди пруссов Витовит и Брутен, принеся туда верховенство жреческой власти над воинской, как, впрочем, и многие другие атрибуты кельтской культуры. И звали этого наследственного жреца Криве-Кривайте. Напрашивается аналогия как с одноглазым Одином, так и с кельтским Балором. Тогда же появляются на Псковской земле и славяне-кривичи, носители культуры длинных курганов. В это время наблюдается наиболее интенсивное переселение жителей Уэльса и Корнуэла в теперешнюю Бретань, вытеснение пиктов ирландцами с территории современной Шотландии, англо-саксонское завоевание Британии, заселение Ютландии собственно племенами данов. И это при том (а, может быть, и благодаря), что климат по всей Европе резко ухудшился и началось резкое похолодание, усу-

губленное наступлением моря на сушу. Начинается, пусть не Великое, но Малое переселение морских народов, происходит интенсивное развитие балтийской субкультуры, племена которой объединены великим наследием кельтской цивилизации. Балтика на многие века становится ее последним языческим оплотом. Именно эта культура, объединившая скандинавов, славян, балтов и остатки кельтских прибалтийских племен, в так называемые «темные века», создала уникальную культурную и экономическую инфраструктуру, получившую впоследствии название как путь «из варяг в греки» и Великий Волжский путь, связав на много веков Запад и Восток раннесредневекового мира.

- (25) Современные археологические данные показывают следующую картину расселения балтийских славян: «Славянское население северных территорий пшеворской культуры в эпоху переселения народов разделилась, – как говорит В.В.Седов, – на две части. В западных регионах земледельческое население в основной массе оставалось на прежних местах проживания, пережив существенный упадок экономики и культуры. Теперь это население не получало изделий провинциально-римского ремесла. В результате многие орудия труда и предметы быта, широко распространенные в пшеворской культуре, вышли из употребления. Число изделий из железа и бронзы резко сокращается, теперь они изготавливались непрофессионально, и качество их стало заметно низким. Вместо гончарной керамики с широким ассортиментом сосудов земледельцы стали лепить примитивные глиняные горшки и миски ручным способом из менее качественного теста. Постепенно в северо-западной части раннесредневекового славянского мира складывается новая культура, названная суковско-дзедзицкой» (Седов В.В. Указ. соч. С. 324).

Из ареала становления этой культуры славяне уже в VI в. стали активно осваивать западные районы Польского Поморья и междуречья нижних течений Одера и Эльбы. Результаты пыльцевых анализов с поселений, расположенных в данном регионе, свидетельствуют, что эти обширные области, плотно заселенные в позднеримское время германским населением, были полностью оставлены в период переселения народов и заросли лесами. «Славяне, осваивая эти земли, вынуждены были расчищать участки для пахотных угодий. Расселялись славяне здесь небольшими группами, их ранние поселения имели малые размеры» (там же. С. 330–331).

- (26) Остановимся немного подробнее на самом северо-западном славянском племени вагры, тем более, что ряд исследователей

именно в них видит варягов, которые, согласно Повести временных лет, были призваны на Русь.

В силу своего географического положения именно ваграм приходилось вести непрерывные пограничные войны с германцами и датчанами. А. Ф. Гильфердинг считал (см. с. 89–90), что до конца VIII в. вагры, прославившиеся как отважные мореходы и морские пираты, и были первыми среди своих соплеменников, которые им подчинялись. Племенным центром вагров был Старград. Вполне возможно, что именно они основали русский Новгород. Старый город, недалеко от которого располагался другой, носящий к тому же еще и имя легендарного варяга Рерик (или Рарог, на славянский манер, что в переводе означало сокол), на территории Древней Руси стал новым городом, то есть Новгородом.

- (27) Исследователи неоднократно обращали внимание на торговлю, как одно из приоритетных занятий балтийских славян. По мнению Котляревского, «торговая и промышленная деятельность, морские и сухопутные разбои и войны составляли главные источники обогащения народонаселения». Эти источники были столь обильны, что в стране, по свидетельству средневековых источников, почти не было бедных людей. Когда епископ Бернгард явился в 1122 г. для проповеди христианства в Волин, то жители, видя его разутым и в нищенской одежде, не поверили, что он есть посланник истинного бога, «полного славы и богатства». Успех проповеди Оттона Бамбергского во многом заключался именно в том, что поморяне увидели в нем богатого человека (*Фомин В.В.* Комментарии к книге С.А. Гедеонова // *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. С. 520).

Началом торговой деятельности балтийских славян следует считать VII в., а не VIII в. Конечно, ее активизация не могла не повыситься после того, как арабы захватили Испанию и перекрыли Гибралтар своим флотом, хотя и не этот фактор был главным. На пути из варяг в арабы лежала главная сырьевая база для торговли с арабским миром – меха!

- (28) «Балтийских славян и датчан связывало многое: и соседство проживания, соперничество (в том числе боевое), и дружба, и что-то еще. Датчане, например, не чурались обращаться за помощью к богам южнобалтийских славян. Так, Саксон Грамматик, говоря о боге Святовите, который пользовался особенным почетом у славянского населения Балтики (его храм находился в Арконе, на острове Рюане-Рюгене), подчеркивает, что «даже соседние государи посылали ему подарки с благоговением: между

прочими, король датский Свенон, для умилоствления его, принес в дар чашу искуснейшей отделки...» (*Фомин В.В.* Комментарии. С. 493). Здесь важно отметить, что четырехглавый Святовит, имевший кельтское происхождение, мог быть знаком датчанам еще до знакомства со славянами.

- (29) Трактовка славянских племенных названий Гильфердинга во многом правильна. Однако название бодричей (ныне их в литературе чаще именуют ободритами) логичнее всего объясняется О. Н. Трубачевым от славянского глагола «ободрать, ограбить» (*Трубачев О.Н.* Указ. соч. С. 130).

- (30) Парадоксально на первый взгляд, но глава скандинавского пантеона богов Один ведет себя как настоящий друид, несмотря на то, что обладает всеми атрибутами великого воина. Он владеет сверхъестественными возможностями и способностью к колдовству, он мог менять внешность и перемещать свой дух в тело животного. «В этом случае тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны по своим делам или по делам других людей (сразу вспоминаем ирландского Финтана с его переселением в других животных. – *С.Ц.*). Он мог также словом потушить огонь, или утешить море, или повернуть ветер в любую сторону, если хотел (типично друидическое поведение. – *С.Ц.*)... Один брал с собой голову Мимира (отрубленная голова – традиционный кельтский магический атрибут. – *С.Ц.*), и она рассказывала ему многие вести из других миров, а иногда он вызывал мертвецов из земли или сидел под повешенными. Поэтому его называли владыкой мертвецов и владыкой повешенных. У него было два ворона, которых он научил говорить. Они летали над всеми странами и о многом рассказывали ему. Поэтому он был очень мудр. Всем этим искусствам он учил рунами и песнями, которые называются заклинаниями. Поэтому асов называют мастерами заклинаний. Один владел и тем искусством, которое всего могущественнее. Оно называется колдовство. С его помощью он мог узнавать судьбы людей и еще не случившееся, а также причинять людям болезнь, несчастье или смерть, а также отнимать у людей ум или силу и передавать их другим (обычная друидическая практика. – *С.Ц.*). Мужам считалось зазорным заниматься этим колдовством, так что ему обучались жрицы (а вот это уже чисто германский момент – ведь у них не было развитого жреческого сословия, хотя в случае с Одином и асами тут противоречие, поскольку они, будучи мужчинами, колдовством все-таки владели. – *С.Ц.*). Одина было из-

вестно о всех кладах, спрятанных в земле, и он знал заклинания, от которых открывались земля, скалы, камни и курганы, и он словом отнимал силу у тех, кто в них жил, входил и брал, что хотел (то есть спокойно входил в сиды и спокойно распоряжался имуществом жителей иного мира. – С.Ц.)» (*Снорри Стурлусон. Сага об Инглингах. Круг земной.* – М., 1905. С. 97).

Вместе с тем, несмотря на явно друидическую окраску его деятельности, при которой он выполняет практически все жреческие функции, которые у друидов имели специализацию, с ним связана активизация воинской деятельности у скандинавов, но опять-таки больше с преминением колдовских друидических действий. «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки» (там же. С. 6).

Сразу вспоминается описанная у Тацита встреча римского войска с британским, впереди которого находились друиды и колдовали: «На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары» (*Тацит К. Сочинения: В 2-х т. СПб., 1993. Т. 1. С. 253*).

Анализируя действия этого скандинавского бога, Хлевов пишет: «Одину приписывалось, в частности, и изменение погребальной обрядности, в культуре архаических обществ преобладавшей главнейшее и первостепенное значение. Именно с его установлениями связывалось распространение обычая кремации с последующим погребением пепла в земле или в море. Согласно его завету, человек продолжал пользоваться на том свете тем, что он собственно закопал в землю еще при жизни. Именно в этом представлении лежали корни обычая, массово распространенного в архаическую эпоху, в вендельское время и в эпоху викингов, когда владельцами богатств зарывались сотни и тысячи кладов, – отнюдь не как средств накопления, но исключительно как меры богатства и удачи в земной жизни» (*Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв.* – СПб., 2002. С. 52–53). Необходимо отметить, что галлы совершенно

аналогично поступали, точно так же снабжая покойника всем необходимым, и даже договаривались о возвращении долгов на том свете. И эта традиция имеет корни в кельтском мире. Совершенно очевидно, что если существовал исторический Один, то он имел прекрасное друидическое «образование».

Собственное жертвоприношение Одина на Мировом дереве – типичная бескровная жреческая жертва друидов. Именно таким способом друиды совершали человеческие жертвоприношения Езусу. А глаз Одина, вымененный им на «мед поэзии», сделал его близким по облику главе ирландских фоморов Балору. Между прочим, в более поздний период ирландцы именно в скандинавских викингх видели фоморов. Скорее всего в лице Одина мы видим историческую память народа, сохраненную мифом, память о боге-герое, который многому научил скандинавов, причем его учение имело чисто кельтские корни.

Сочетание в Одине друидических и воинских функций совершенно типично для становления дружинного сословия и расслоения родового общества. И у скандинавов, и у славян, как когда-то в более архаичное гальштатское время и у кельтов, князь или конунг объединял в одном лице жреца и правителя, колдуна и воина. [...]

- (31) Гельгон (Хельге) многими исследователями считается реально существующим датским конунгом, жившим в начале VI в. и который упоминается в «Беовульфе». Славяне в это время были ближайшими соседями данов и описанная Саксоном Грамматиком война Хельге со Скалком, славянским князем (возможно вагром или велетом), вполне могла иметь место.

- (32) Все завоевательные походы Фрото (Фроде), описанные Саксоном Грамматиком, касались в основном балтийских славян, пруссов, эстонцев и русов, территории которых он якобы завоевал и создал королевство от берегов Рейна до Киева. Что касается вражды отдельных славянских племен друг с другом, то этот факт находит археологическое подтверждение. Территория между областью проживания ободритов и нижнем течением Одера была занята велетами-лютичами. На рубеже VI–VII вв. здесь появляются новые группы славянского населения с иными культурными традициями, которое стало строить довольно крупные, укрепленные городища с населением от 600 до тысячи человек, племена так называемой фельдбергской культуры. «Во время расселения носителей фельдбергской культуры, – констатирует В.В. Седов, – зафиксированы случаи разрушения суковско-дзедзицких селений» (Седов В.В. Указ. соч. С. 336–337).

- (33) Гипотеза Гильфердинга, что Рейдготия это – Радигощ (или Радогость) заслуживает самого серьезного внимания. Помимо данных, приведенных ученым, следует обратить внимание на Сагу об Инглингах, в которой конунг Даг (имя, похоже, кельтское) отправляется с флотом в Рейдготаланд, чтобы отомстить за убийство волшебного воробья. «В те времена правитель, который совершал набеги, звался лютым, а его воины – лютыми. И шел Даг путем восточным» (*Снорри Стурлусон*. Указ. соч. С. 19–20). А ведь Радигощ был племенным центром лютичей и находился соответственно на восток от Дании.
- (34) Участие славянок в боевых действиях наравне с воинами зафиксирован, помимо Саксона Грамматика, рядом источников. Это отмечают и византийские источники, а так же русские былины, в частности былина о Дунае. Подобная традиция участия женщин в боевых действиях отмечена и у кельтов.
- (35) Маленькие круглые щиты и длинные (кельтского происхождения) мечи знакомы по знаменитым фигуркам из Велестино (*Цветков С.В.* Указ. соч. С. 29). Традиция сражаться обнаженными у славян зафиксирована и византийскими источниками. Вот что пишет по этому поводу Прокопий Кесарийский: «Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панцыря же на себя никогда не надевают; некоторые же не имеют на себе ни хитона, ни грубого плаща, но приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). – М., 1994. С. 185). Необходимо отметить, что подобным же образом поступали и кельты. Диодор свидетельствует: «Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасности обнаженными, в одном только поясе» (*Диллон М., Чедвик Н.К.* Кельтские королевства. – СПб., 2002. С. 21). Свидетельство Саксона Грамматика тем более удивительно, что подобное бесстрашие в бою хорошо известно среди скандинавских викингов. Знаменитые скандинавские берсеркеры наводили ужас не только на врагов, но и на соплеменников. В скандинавской традиции – это особые воины. Видимо, массовый характер славянского «берсеркерства» поразил даже датчан.
- (36) Образование государства Само заслуживает более подробного освещения, поскольку не исключена связь с балтийскими славянами. В начале VII в. возникло первое, исторически засвидетельствованное славянское государство, главой которого стал некий Само. Интересна история появления этого человека сре-

ди славян и история его воцарения, описанная в так называемой Хронике Фредегара, созданной в VII в. во Франкском государстве. «В год 40-й царствования Хлотаря (то есть между 623 и 624 гг. – С.Ц.) человек по имени Само, по рождению франк, из округа Сансского, увлек с собой многих купцов и отправился торговать к славянам, прозываемым винидами. Славяне уже начали восставать против аваров...» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 367). За этим коротким сообщением скрывается необыкновенно важная информация.

Во-первых, имя Само кельтское и округ Саннский находился на севере Франции (там же. С. 374). То есть, скорее всего Само был бретонцем – эта территория нынешней Франции к тому времени интенсивно осваивалась жителями Уэльса, которые, в свою очередь, происходили от венетов, разбитых войсками Юлия Цезаря. Интересно, что в раннесредневековой житийной литературе Бретани бретонцы называют себя венетами. Так в первом житии св. Гильды, написанного монахом из Рюи, говорится о Венетской области в Бретани (*Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды.* – СПб., 2003. С. 397). Из этого же жития мы узнаем и о графе венетов Вероке (конец VI в.) (там же. С. 390). И это неудивительно, поскольку в большинстве своем бретонцы были выходцами из уэльского королевства Гвинедд. Так что венедек-кельт Само пришел к венедам-славянам.

Во-вторых, Само пришел не один, а с большой группой бретонских купцов. А в это лихое время купцы, как правило, следовали в сопровождении наемной дружины, да и сами были зачастую неплохими воинами. Безмен и меч в те времена висели на одном поясе. К тому же ряд исследователей считает, что Само, видимо, был не простым купцом, а торговцем оружия, а значит, он мог наладить его поставки славянам из родной Бретани.

В-третьих, он явился к славянам, которых называли винидами, а это название племени ему было хорошо знакомо, поскольку он сам был потомком венетов времен Цезаря.

В-четвертых, молодая Бретань, формально существующая на землях государства франков, была заинтересована в морских торговых путях, уже находившихся под контролем славян, носившим столь родное для бретонцев имя венетов, и которые, к тому же, могли быть их естественными союзниками в борьбе с франками, на протяжении последующих столетий пытавшихся подчинить Бретань себе.

Далее в Хронике Фредегара говорится: «Когда виниды пошли походом против гуннов, купец Само, о котором я рассказал вы-

ше, отправился с ними в поход; и там столь большая доблесть проявилась в нем против гуннов, что было удивительно, и огромное множество их было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем; там он и царствовал благополучно 30 и 5 лет. Во многие битвы вступали против гуннов виниды в его царствование, благодаря его совету и доблести виниды всегда одерживали над гуннами верх. Было у Само 12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 367). Таким образом кельтский купец из Бретани стал первым славянским королем! Понятно, что славяне вряд ли бы при том родоплеменном устройстве общества выбрали бы королем какого-то чужака. Видимо, у Само помимо доблести были еще какие-то аргументы в пользу этого избрания.

Не есть ли все вышесказанное следствием появления кельта Само во главе одного из первых славянских государств в Центральной Европе? Появления явно не случайного и говорящего еще о том, что славяне Центральной Европы, виниды германских хроник, воспринимали современных им бретонцев своими старшими родичами, несмотря на то, что говорили на разных языках. Хотя существуют многочисленные свидетельства, что часть славянских племен (может быть, реликты кельтских народов) говорили не по-славянски. Такая же история, кстати сказать, и с русами Поволжья, которые, по данным арабских информаторов, имели язык отличный от славянского. Из этого можно сделать вывод, что кельты, скорее всего, стали у западных славян правящей верхушкой, тем более, что подобные отношения уже могли существовать еще у смешанного кельтско-славянского пшеворского населения Повисленья. Так что язык кельта Само славянам мог быть хорошо знаком.

Победив гуннов, молодая славянская держава Само на этом не остановилась. «В тот год (631 или 632. – С.Ц.) славяне, именуемые винидами, в королевстве Само в большом множестве убили франкских купцов и разграбили их добро (славянам теперь не нужны были конкуренты в торговле между востоком и западом. – С.Ц.); это было начало распри между Дагобертом и Само, королем славян. И направил Дагоберт посла Сихария к Само, добиваясь, чтобы тот приказал дать справедливое возмещение за торговцев, которых его люди убили или у которых они незаконно отняли имущество. Само не захотел видеть Сихария и не позволил, чтобы тот к нему явился, тогда Сихарий, одевшись как славянин, предстал вместе со своими людьми перед взором

Само и передал ему все, что ему было поручено. Но, как свойственно язычеству и гордыне порочных, ничего из того, что совершили его люди, Само не поправил, пожелав лишь устроить разбирательство, дабы в отношении этих и других раздоров, возникших между сторонами, была осуществлена взаимная справедливость. Сихарий, как неразумный посол, произнес слова осуждения, которые ему было поручено говорить, и угрозы против Само, ибо Само и народ его королевства должны де служить Дагоберту. Отвечая, Само, уже уязвленный, сказал: «И земля, которой владеем, Дагобертова, и сами мы его люди, если только он решит сохранить с нами дружбу». Сихарий сказал: «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами». Само же возразил: «Если вы Богу рабы, а мы Богу псы, то, пока вы беспрестанно действуете против Него, позволено нам терзать вас укусами». И выгнан был Сихарий с глаз Само» (там же. С. 369).

Анализируя этот отрывок, нетрудно заметить униженное положение посла, несмотря на угрозы, звучащие в устах посланника могущественного короля франков. Само, будучи купцом и прекрасно понимая преимущества славян, захвативших многие водные, в первую очередь, торговые пути, был заинтересован в контроле за евроазиатской торговлей. Показательно, что Само совершенно не задело сравнение его с псом, поскольку у кельтов было культовое отношение к этому животному – достаточно вспомнить, что одного из главных героев ирландских героических саг звали Кухулином, то есть псом Кулана. Так что быть псом Бога для кельта весьма почетное дело.

Этот инцидент закончился полным разгромом славянами посланного к ним войска австразийцев и вторжением воинов Само в различные области Франкского королевства. Вскоре к Само присоединился Держан, князь сорбов (там же. С. 371). Война Само с франкским королем Дагобертом происходила как раз в тот период, когда франки пытались установить контроль над приморскими торговыми городами фризов и славян.

Приведенная информация отражает стремление франков занять главенствующее положение в международной торговле, которая в то время находилась в руках западных славян и фризов. «Хотя около 630 года через послов-посредников Дагоберт связал себя обещанием «вечного мира», данным византийскому императору Гераклию, королевские взоры все чаще и чаще обращались в области европейского севера и северо-востока. Интерес к этим областям обуславливался австразийским опытом Дагоберта.

Восстанавливая связи различного рода, эти края все больше и больше открывались франкскому западу. Об этом свидетельствовали события, развертывавшиеся на германо-славянских рубежах. Их начинали посещать купцы с запада...» (*Лебек С.* Происхождение франков. V–IX вв. Новая история средневековой Франции. Т. I. – М., 1993. С. 145).

Франки неоднократно пытались разгромить державу Само. После возвращения опозоренных послов Дагоберта «тот надменно приказал собранное со всего королевства австразийцев войско двинуть против Само и винидов; тогда тремя отрядами войско напало на винидов, также и лангобарды, за плату от Дагоберта, выступили в то же время как неприятели против славян. Славяне, со своей стороны, в этом и других местах приготовились; войско алеманнов с герцогом Хродобертом в (той) стороне, где оно вторглось, одержало победу. Лангобарды также одержали победу и большое количество пленных из страны славян увезли с собой алеманны и лангобарды. Когда же австразийцы окружили крепость Вогастисбург, где заперся внутри стен многочисленный отряд стойких винидов, и три дня сражались, то многие из войска Дагоберта были там же уничтожены мечом и оттуда бегом, оставив все палатки и вещи, какие имели, возвратились в свои жилища. Много раз после этого виниды вторгались в Тюрингию и другие области ради разорения Франкского королевства. Также и Дерван, князь народа сорбов, которые были из рода славян и уже издавна относились к Франкскому королевству, предался со своими людьми королевству Само» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 369–371).

В данном отрывке примечательно и первое упоминание славянского города Вогастибурка, относительно названия которого существует несколько славянских этимологий. Наиболее признанная: *castrum Wogastisburc* – германизированная форма славянского топонима *Uogast grad*. Это был укрепленный город, на торговое значение которого указывает само его название, ведь «гость» по-славянски – купец. Нахождение этого одного из первых укрепленных купеческих городов до сих пор вызывает споры – его локализовали и в Северо-Западной Чехии на р. Огрже и в верховьях Майна, и в черте современного города Форхгейм-на-Регнитце (там же. С. 390). Не вдаваясь в споры о его местонахождение, важно осознать другое – франки пытались захватить именно торговый город винидов, который был прекрасно укреплен и, видимо, был пограничным.

Интересна и этимология имени сорбского князя Дervана, кото-

рую обычно расшифровывают либо как «старый», «старший», либо производят от слова «дерево», «лес» (там же. С. 391). Но возможно и кельтское объяснение. У кельтов лес еще обозначал и знание. Поскольку кельтское влияние на западных славян неоспоримо, так же как и то, что у последних жрец зачастую стоял выше князя, возможно, что Дерван был языческим славянским жрецом-волхвом.

За свое длительное царствование Само сумел создать мощную славянскую империю практически «от моря до моря», контролируя торговые пути, связывающие в те времена Северное и Балтийское море со Средиземным и Черным морями. Данные археологии подтверждают, что держава Само могла занимать территории Южной Моравии, Нижней Австрии, Карантании, Силезии (там же. С. 377–379.). Естественными союзниками этого государства были славянские племена Балтики. И в его призвании нет ничего удивительного или противоестественного. Славяне в эпоху Великого переселения народов, заселяя Центральную Европу, не могли не застать там островки прошлого, в основном кельтского населения, которое было более высокоразвитым. К тому же славяне еще не успели забыть те времена, когда кельты не только были их учителями, но и занимали, видимо, главенствующую роль в кельтско-славянском симбиозе Повисленья. Средневековые хроники, свидетельствующие о двуязычии балтийских славян, особенно на о. Руяна (Рюген), показывают таким образом скорее всего присутствие кельтов в славянской среде.

- (37) На самом деле гораздо раньше. Собственно пшеворское население оставалось в области среднего течения Одера с бассейном Варты до V в. (*Седов В.В.* Указ. соч. С. 328–329). Однако несмотря на видимую деградацию материальной культуры, славяне этого ареала достаточно рано стали строить большое количество укрепленных городищ. В VI– начале VII в. такие городища возникают в бассейне Хавеля–Шпрее в Бранденбурге, Копенике, Шпандау, Бланкенберге. В северных районах нынешней Германии обнаружены городища близ Наумена, Альтфресака, Бамме и другие. В первой половине VII в. возводятся славянами первые укрепления в Ольденбурге, Бозау и Фархау (там же. С. 327). Строительство городищ было вызвано, скорее всего, двумя причинами: противостоянием германским племенам и развитием торговли. Следует напомнить, что прежнее пшеворское население Повисленья жило в основном ремесленным производством железных изделий, в частности оружия, и той же торговлей.

В начале VI в. славяне начали активно осваивать районы Польского Поморья и междуречья нижних течений Одера и Эльбы. В землях западнее Одера славяне появляются с середины VI в. с последующим массовым заселением этих земель со второй половины VI – начале VII в. Низовья Эльбы и смежные приморские области были освоены славянами на рубеже VI–VII в., в том числе остров Рюген (там же. С. 338).

Племя собственно ободритов (бодричей) проживало по побережью Балтийского моря от Любекского залива до Ратиборского озера, с княжеской резиденцией в Велиграде. С ними соседствовали варны, проживающие вдоль берегов Варны с центром в городище Пархим. В восточном Гольштейне между Балтийским морем и р. Травной обитали вагры с княжеской резиденцией в Старгарде (ныне Ольденбург).

Несколько южнее, вдоль правого берега Эльбы (Лабы) жили полабы с центром в Ратиборе (нынешний Рацисбург), а выше по течению – линияне. Все эти славянские города были построены в VII–VIII, и они не только являлись центрами политической власти, но и постепенно трансформировались в ремесленно-торговые пункты, которые охотно посещали иноземные купцы. Наиболее крупными центрами были административные центры вагров и ободритов – Старгард и Велиград. Велиград, который датчане называли Рериком, был ими разрушен в 808 году, а купцы были переселены в Хедебю (там же. С. 334). Видимо, торговля шла настолько успешно, что не давала покоя датчанам, которые к этому времени были еще озабочены походами на Британские острова. Вскоре этот славянский город был отстроен ободритами заново.

(38) Начиная со второй половины VI в. славяне пражско-корчаковской археологической группы широко расселяются в бассейнах верхнего и среднего течения Эльбы и Заале. «В этом регионе открыто и частично исследовано множество селищ и грунтовых могильников с захоронениями по обряду трупосожжения, датированных второй половиной VI – VII вв.». Исключением является поселение Лютьенбург-1, возникновение которого, по археологическим и дендрологическим данным, относится к началу VI в. Возможно и в этом случае речь идет о заселении этих земель лютичами (там же. С. 344).

(39) К сообщению Гильфердинга о славянских поселениях в древней Фризии следует отнестись с самым пристальным вниманием, учитывая торговую активность балтийских славян и их торговые связи с фризами в раннем средневековье, тем более, что

фризы, после покорения их франками, массово переселялись к балтийским славянам.

(40) По свидетельству Беды Достопочтенного, вместе с англами и саксами прибыли также руги, славянская (или кельтославянская) принадлежность которых сегодня уже не вызывает сомнений. Не исключено, что вместе с ругами приплыли и велеты.

(41) «Начиная с VII в. из междуречья Эльбы и Заале, – пишет В.В.Седов, – славяне относительно небольшими группами мирно расселялись на запад, оседаая в Тюрингии среди немецкого населения. Здесь известны находки пражско-корчаковской и рюсенской культур. Проживание славян в Тюрингии сравнительно хорошо документировано археологическими материалами начиная с IX в. О широком расселении славян в этой земле говорят письменные документы IX–XIII вв. В XII в. в отдельных местностях удельный вес славянских жителей достигал 37%. Славян оставили и мощный пласт в топонимике этого края» (там же. С. 469–470).

(42) Рарог очень детально изучен археологами. «Недалеко от Висмара находится крупное городище, именуемое Мекленбургским, которое отождествляется с Велиградом – резиденцией князей ободритского племенного союза, а в более позднее время – мекленбургских князей. Городище устроено на всхолмлении, имеет овальные очертания размером 180 на 140 м и по периметру обнесено валом высотой до 8,6 м. Нижний горизонт культурного слоя, в котором доминирует суковско-дзедзицкая керамика, датирован на основании материалов раскопок 620–680 гг. Изучение валов выявило 7 строительных периодов. Древнейший вал с внутренними деревянными конструкциями имел высоту до 7 м и ширину основания 12,75 м. Его возведение автор раскопок П.Донат определяет первой четвертью VII в., разрушен был в 680 г. (дендрологическая дата). В последующие столетия Велиград-Мекленбург стал крупным ремесленно-торговым поселением раннего средневековья и играл заметную роль в истории региона до XIII в.» (там же. С. 334).

Интересно, что дата его основания совпадает приблизительно со временем появления государство Само и началом торговой активности франков со славянами.

(43) Волын (Волин) довольно основательно исследован археологами. «В Польском Поморье интересным протогородом, переросшим в раннесредневековый город, был Волин. В VIII – первой половине IX в. это было неукрепленное торгово-ремесленное поселение, основанное на острове при р. Дзивне, центр волинян,

входивших в племенное образование поморян. Во второй половине IX в. были сооружены оборонительные валы, и поселение получило регулярную застройку²⁰. Похоже, что эти оборонительные сооружения были возведены для защиты от викингов, которые именно в этот период активизируют свои нашествия на торговые города славян, британцев и франков.

Описание Волина, сделанное ниже Адамом Бременским, как нельзя лучше описывает атмосферу типичного славянского портового города, которых уже с VII века было немало как на Балтике, так и на восточнославянских землях. Интересно, что около Волина сосредоточена примерно третья часть всех кладов Поморья (*Фомин В.В.* Комментарий... С. 549).

Этот факт подтверждает главенствующее торговое значение Волина в этом регионе Балтийского моря, а также всего Поморья в целом.

- (44) В Поморье находилось два племенных княжения – одно с центром в Щецине, другое – в Гданьске. Раннесредневековое селение в первом было основано в VIII веке. В первой половине IX в. это уже был укрепленный город с подгородьем, где концентрировались торгово-ремесленные постройки со своими обитателями. В XI–XII в. город разросся и его население достигало 10.000 человек (*Седов В.В.* Указ. соч. С. 438).

- (45) Наиболее интересный кельтский реликт содержится в названии знаменитого сакрального города Арконы на острове Рюгене. «В слове Аркона первый слог «ар» означает предлог, равнозначный французскому *sur* или немецкому *auf*, то есть по-русски «на, у, при». В таком значении предлог сохраняется и в современных кельтских языках... С другой стороны, в литературе указывался ряд аналогичных бретонских топонимов, в частности *Argol*, *Argol*, *Argoad*, *Arvjɔr*-*Armor* и т.д. Во всех случаях справедливо усматривается сложение кельтского предлога *ar* и существительного (кустарник – *col*, лес – *koad*, море – *vor* или *mor*)... Что же касается оставшихся без объяснений топонимов *Arguenon* или *Arhon*, то это, видимо, варианты все той же Арконы, означающей буквально «на высоте». Рюгенская Аркона, как известно, расположена именно на высоком берегу моря.

В данном случае разъяснение названия Аркона важно не само по себе, а как определитель этнической принадлежности какой-то части населения Прибалтики. Очевидно, название относится к древнему населению Рюгена (или прибрежных районов, если допустить, что названию городу дали соседи), а это неизбежно порождает сомнение в обоснованности мнения о германоязычии

проживавших здесь еще в римское время ругов» (*Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов. С. 592-593*).

Аркону действительно можно считать самым «кельтским» местом славянской Прибалтики, если вспомнить, что именно в этом городе находился общеславянский культ Святовита, четырехголовость которого указывает на явно кельтские корни, как впрочем и планировка Арконского храма. Возможна и другая интерпретация слова Аркона. Дело в том, что славянское слово конь, видимо происходит от кельтского *kankos*–*konkos* (скакун) (*Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 43*). У обоих народов конь был священным животным (белый священный конь Святовита содержался при арконском храме). Тогда и название Аркона можно интерпретировать как «при коне» или «на коне», что вполне созвучно религиозным представлениям как кельтов, так и славян.

- (46) Город Бирка был основан в 700-х годах, впервые же он упомянут в связи с миссией св. Ансгария около 830 г. Только в 900-е годы город был окружен со стороны суши полукруглым валом. Также как и в Хедебю, в конце X в. жители покидают Бирку (*Розендалль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. – СПб., 2001. С. 112–113*). «Ее расположение могло позволить ей стать центром внутренней торговли, где встречались бы многие купцы из окружавших ее богатых земель, и многие из товаров, попадавших в Бирку с востока и из Западной Европы, действительно были обнаружены в могилах Упланда. Не все найденные предметы тем не менее можно с уверенностью отнести к торговой деятельности Бирки, так как достичь средней Швеции из Балтики можно было и другими путями» (*Арбман Х. Викинги. – СПб., 2003. С. 79–80*).

Ведущая роль скандинавов в международной торговле завышена. «Безусловно, скандинавы перевозили некоторые западноевропейские товары, например, предметы роскоши на север Восточной Европы, а часть товаров привозили оттуда. В частности, на территорию Киевской Руси, а также в Западную Европу они везли пушнину. Но едва ли речь может идти о масштабной транзитной торговле, поскольку существовали прямые связи между Востоком и Западом, например, через Европу, из Майнца в Киев. Так что скорее всего предметы роскоши, поступавшие в Скандинавию из Восточной Европы, Востока и Западной Европы, предназначались для внутреннего потребления», и далее «В настоящее время считается общепризнанным, что скандинавы сами играли важную роль у себя дома и весьма существенную роль – на территории других регионов. Когда то главенствующая роль

в торговле отводилась фризам. Но наряду с фризами в Скандинавию прибывали и другие заморские купцы – саксонские, славянские и восточноевропейские. Это проявилось, в частности, в ритуалах погребения на обширных могильниках Хедебю и Бирки» (*Арбман Х.* Указ. соч. С. 73).

Надо сказать, что Эльсе Роэсдадь отразила довольно распространенную точку зрения о роли скандинавов в международной торговле – не нужно только забывать, что, возможно они сами этой торговлей попросту не занимались – ибо менталитет воина-викинга, который мог попасть в Вальхаллу только с мечом в руке (а никак не с весами), чужд занятию торговлей. Существующая точка зрения, что и Бирка, и Хедебю были не скандинавскими, а фризскими торговыми колониями (*Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. – М., 1986. С. 29, 64, прим. 39 на с. 368, прим. 119 на с. 374), вполне обоснована. Предметы импорта в Скандинавии скорее всего итог не торговой, а военной деятельности, а вот свою военную добычу они вполне могли сбывать иностранным торговцам (как это делали германские племена во времена Юлия Цезаря) как в Бирке, так и в Хедебю. Не будем при этом забывать, что сами фризы, племя больше кельтское, чем германское. К тому же именно в разгар эпохи викингов и Бирка, и Хедебю были разрушены и, естественно, утратили свое торговое значение. Не исключено, что эти международные торговые поселения, разрушили сами викинги.

- (47) Труссо существовал примерно с 700 по 850–880 гг. и включал в состав своего населения пруссов, жителей Скандинавии (островов), западных и восточных славян. Клады восточного серебра здесь появляются с конца VIII в. Полиэтническим населением отличается и аналогичное Труссо поселение Кауп, возникший в земле пруссов в начале IX в. (*Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 года. С. 133.).

Труссо и Кауп, ориентированные на янтарную торговлю, являются первыми в восточнобалтийском регионе протогородскими центрами, в которых аккумулировались результаты транзитной торговли с востоком. «Торговые контакты прусских купцов с востоком минимум с начала VIII в. контролировались интернациональной дружиной Янтарного берега. В сложении этого неперемennого компонента будущего движения викингов Юго-Восточная Балтия на два века опередила Скандинавию, ибо начало формирования прусской дружины относится к середине V в... Обладавшая глубокими многовековыми связями с насе-

лением Восточной Европы торгово-дружинная группировка Янтарного берега начала контакты по Восточному пути не позднее VII в., задолго до кровавой зари битв норманнов на западе» (там же. С. 134). Балтийские славяне и пруссы постепенно превратили берега Балтики в регион мирной торговли, и, продвигаясь все дальше и дальше на восток, основывали на этом пути интернациональные торговые поселения. При этом они всегда были готовы отстаивать свои земли и свое добро.

В 1929–1930 гг. во время раскопок, производимых шведским археологом Биргером Нерманом около города Гробина в западной Латвии, был вскрыт древний комплекс из земляной стены, окружавшей поселение, трех близлежащих погребальных комплексов. Одно из кладбищ было грунтовым могильником, который содержал мужские и женские захоронения и вещевые находки готландского происхождения, датируемые 650–850 годами. Два других кладбища состояли из курганов, причем содержали в преобладающем большинстве мужские захоронения и типичные для центральной Швеции вещи 650–800 годов. Объединив результаты раскопок, Б. Нерман пришел к выводу, что колонию основали воины-свеи в середине VII в. и купцы из Готланда, которые прибыли сюда со своими семьями. Похожие захоронения были найдены еще в нескольких местах Восточной Прибалтики в Латвии, Эстонии и Литве, что говорит об организации здесь совместных колоний шведов и готландцев (*Нуннан Т.С.* Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // *Американская русистика: веки историографии последних лет. Период киевской и московской Руси.* – Самара, 2001. С. 29–31).

Эстония, по мнению ряда исследователей, была завоевана викингами до их появления на Руси. Обратимся опять к нумизматике. «По состоянию на 1968 г. на территории Эстонии обнаружено 75 находок с 1645 английскими денариями, на территории Латвии – 22 находки со 176 монетами, на территории Древнерусского государства – 89 находок с 3350 монетами, причем, эстонские находки, по сравнению с латвийскими и русскими, характеризуются более высоким процентом этих денариев. Наибольшее количество найденных в Восточной Европе монет чеканено в правление Этельреда II (979–1016) и Канута (1016–1039). В эстонских находках преобладают монеты первого (в том числе подражания им скандинавского происхождения), в русских второго правителя (в том числе датские им подражания). Исходя из чего В.М.Потин заключает, что, во-первых, существовали прямые русско-датские контакты, и во-вторых, «для Древнерусско-

го государства экономические контакты со странами Скандинавского полуострова не имели столь важного значения, как для Эстонии». Он также отмечает, что в русских кладах второй четверти XI в., по сравнению с предыдущей четвертью, число английских денариев «во много раз возрастает и по своей абсолютной величине значительно превосходит количество английских монет в находках Эстонии». Вместе с тем ученый подчеркивает, что по количеству собственно датских монет Русь занимает одно из первых мест в средневековой Европе. И начинают они появляться в кладах второй четверти XI в., резко возрастая в находках 1051–1100 годов. Но при этом монеты Свена Твескега (985–1014) в них абсолютно отсутствуют, что и позволило Потину начать наиболее тесных контактов Руси с Данией отнести ко времени правления Канута. Датские монеты попали в Восточную Европу все тем же торговым путем, идущим из славянского Поморья на Русь через Готланд.

Данные, приведенные В. М. Потиним в отношении распределения английских денариев в эстонских и русских кладах, преобладание в первых монет Этельреда II и их скандинавских подражаний, его вывод об экономических связях конца X начала XI в. Скандинавии с Эстонией, но не с Русью, абсолютно согласуются с важными наблюдениями А. Г. Кузьмина. Историк, говоря о появлении в среде варягов-наемников шведов лишь при Ярославе Мудром, акцентирует внимание на том факте, что во времена Владимира герои саг «действуют в Прибалтике, на побережье прежде всего Эстонии», и далее Эстонии их действия «не простираются». Таким образом, нумизматический материал и показания саг совпадают полностью и точно датируют появление шведов в Восточной Прибалтике лишь концом X в. О времени их проникновения на Русь также говорит нумизматика: датские, шведские и норвежские монеты начинают оседать в русских кладах не ранее второй четверти XI в., хотя их регулярная чеканка началась в 90-х гг. предшествующего столетия. Нет сомнения, что первыми из скандинавов в пределы Древнерусского государства прибыли датчане. И лишь затем, в связи с установлением более тесных контактов Руси со Швецией, к ним присоединились шведы (*Фомин В. В.* Комментарий. С. 490–491). Важное значение в этом плане имеет свидетельство Титмара Мерзебургского. Он сообщает со слов участников взятия польским князем Болеславом Храбрым в 1018 г. Киева о наличии в нем «стремительных данов». Присутствие в столице Руси именно датчан объясняется традиционными и широкими связями

Руси с Южной Балтикой, откуда они могли бы прибыть совместно с давними торговыми и политическими партнерами восточных славян – с их южнобалтийскими сородичами» (там же. С. 492).

- (48) Хедебю (Слиенсторп) был самым южным городом Дании. Он находился у восточной оконечности Ютландии (к югу от Шлезвиг), близ старой границы с фризами, саксами и славянами, и тесно примыкал к большому пограничному валу Даневирке. Здесь пролегал самый короткий сухопутный путь через Ютландию, поскольку от долины продолговатого, узкого Слиен-фьорда было всего несколько километров до небольших речушек, связанных с рекой Эйдер и Северным морем. Рядом с Хедебю шла на юг важная дорожная артерия Ютландии, позднее известная под названием Войсковой тракт и Воловий тракт. Город имел все предпосылки стать центром международной торговли. Самое древнее поселение, располагавшееся южнее будущего Полукруглого вала, относится к 700-м годам. Большинство из обнаруженных здесь построек – это небольшие, наполовину углубленные в грунт землянки. Здесь были найдены следы деятельности ремесленников. Год 804 фиксируется как год возникновения Хедебю. Франкские анналы сообщают, что датский король Готфред явился сюда с войском. В тех же анналах говорится, что четыре года спустя Готфред разрушил славянское торговое поселение Рерик и захватил богатую добычу. После этого он переселил купцов в Хедебю и решил укрепить свою южную границу защитным валом (*Росдаль Э.* Указ. соч. С. 109). Таким образом, один из первых скандинавских торговых городов, во первых, возник гораздо позже славянского Рерика, а во вторых, не имея собственных купцов, датский король насильно переселил их из Рерика в только что отстроенный Хедебю. Эти факты свидетельствуют, какое значение придавали датчане международной торговле и предпринимали военные действия против балтийских славян именно с целью захвата не только военной добычи, но и ключевых баз на североευропейских торговых путях. В середине 1000-х годов Хедебю несколько раз был разрушен и население покинуло его.

Интересное описание этого города в конце X в. дал арабский историк Ай-Тартуши. «Перед ним предстал, – как он сообщает, – большой, грязный и бедный город, жители которого питаются исключительно рыбой, поют, будто воют подобно собакам, и поклоняются Сириусу» (*Арбман Х.* Указ. соч. С. 64). Необходимо отметить, что сравнение этого описания с описаниями городов

славян, сделанных как арабскими, так и европейскими хронистами, явно не в пользу Хедебю. Вместе с тем в этом торговом городе отсутствуют импортные товары (!) (там же. С. 70), так что если он и занимался торговлей, то скорее всего местного значения, или, в лучшем случае, импортные товары шли транзитом.

- (49) Цепь городов вдоль основных речных магистралей севера Центральной Европы Одера, Эльбы, Вислы, по побережью Балтики и археологические находки западноевропейских и восточных изделий позволяют говорить о главенствующей роли славян в осуществлении торговли между Востоком и Западом на протяжении по крайней мере 200 лет до начала эпохи викингов.

К этому времени уже исторически сложились торговые пути, главный из которых шел через Магдебург, к сербам и лютичам, затем через Эрфурт и в Чехию (в Прагу). Третий важный путь шел от Ржезна по Дунаю в Венгрию до устья Савы. Все эти пути разветвлялись по славянским землям в разных направлениях и всегда вели к большим торговым центрам, которыми являлись на севере крупные прибрежные города славянских племен ободритов, лютичей и поморян, где проживало множество чужеземных купцов, как, например, в Любице (Любеке) или в Волине, а в южной западно-славянской полосе – в Праге и Кракове, где большие рынки известны по сообщениям арабских источников X в. Затем у Дуная, который для Центральной Европы был главным торговым путем, древние римские пути ответвлялись на юг до Альп, к Саве и на север через карпатские перевалы, такие как Дукельский, Ужоцкий, Верецкий и Яблонецкий, в Польшу и Галицию. Здесь они, с одной стороны, присоединялись у Сана и Вислы к северным путям, ведущим к Балтийскому морю, и к путям, идущим с запада, и, с другой стороны, к Днестровскому пути, ведущему к Черному морю. Связь полабских и поморских славян с Русью осуществлялась по разным маршрутам, но одним из главных путей был путь из Мазовии на Люблин, Холм и Владимир-Волынский и затем на верхнюю Припять, где был волок у истоков Пины (*Нидерле Л.* Указ. соч. С. 391–392).

- (50) Чтобы понять историю и начало развития славяно-германской торговли, нужно вернуться в эпоху Меровингов. Уже в VI в. франки, практически уже завоевавшие всю Галлию, стали понимать, что будущее международной торговли связано с севером. Переориентация этой торговли была связана прежде всего с тем, что с конца VI – начала VII в. стал оживляться большой торговый путь вдоль берегов Северного моря. По словам историка С. Лебека «Он шел и дальше – по Балтике и по судоходным рус-

ским рекам, благодаря чему стал перехватывать часть торговли восточными товарами. Для Северной Галлии открылись особые возможности – в обмен на изделия своих ремесленников и на излишки своего развивающегося сельского хозяйства получать кожи и меха, шерсть и сукна, янтарь и слоновую кость, камни и металлы, а в особенности серебро, которое скоро произведет переворот в истории западноевропейского монетного дела» (*Лебек С.* Указ. соч. С. 164–165).

О влиянии арабского серебра на североευропейскую торговлю будет сказано ниже, пока же важно отметить, что этот путь завоевал себе популярность европейских купцов не потому, что путь в Средиземное море вокруг Испании стал осложнен благодаря действиям там арабского флота, но в первую очередь по экономическим соображениям. Сырьевые, производственные, не говоря уже о денежных, ресурсы севера Европы были не столь высоки, чтобы наладить серьезный товарооборот с богатыми и развитыми странами Средиземноморья и арабским Востоком. Вместе с тем путь через Балтику и дальше вниз на юг по рекам позволял получать в обмен на свои товары и, видимо, в первую очередь на оружие, на знаменитые франкские мечи, центр производства которых традиционно находился на Рейне, получать по дороге ценнейшее и востребованное византийцами и арабами сырье – драгоценные северные меха. Не гнушались северяне и работорговлей.

Основное число исследователей считает, что Волжский путь начал действовать не ранее VIII в., а путь «из варяг в греки» еще позже. Во многом это мнение сформировалось благодаря находкам арабских дирхемов, ставшего репером этих путей и главной денежным средством в Восточной и Центральной Европе, которые появляются как раз в начале VIII в. Но нельзя забывать о том, что этой монеты раньше VIII в. и быть не могло (до этого она не чеканилась), и товарооборот осуществлялся в основном натурой, которая археологически трудноуловима. Вместе с тем как на городищах антов Поволжья, так и в Старой Ладогe среди находок есть и сасанидские монеты, а на территории Ленинградской области немало находок позднеримского времени, так что движение товаров происходило до VIII в. по знаменитым впоследствии торговым путям Восточной Европы.

Невозможно себе представить, что караваны торговых судов, идя, скажем, от Нанта и следуя вдоль берегов Северного моря, где были порты франков и фризов, шли дальше до Киева, нигде не приставая. Тем более, что для движения по рекам Северной

Руси нужны были уже не морские суда, а легкие речные, способные легко преодолевать волоки, а значит, нужны были базы для перегрузки товаров и ремонта судов, а также для пополнения продовольствия.

Конец VI – начало VII в., когда на северо-западе Европы происходит переориентация торговых путей на северо-восточное направление, во многом является определяющим для всего славянского мира. Это время становления первых городищ у западных и балтийских славян, происходящее на фоне затухания городов Западной Европы. Как констатировали А.Р.Корсунский и Р.Гюнтер: «Новые топографические работы, относящиеся к городам Северной Галлии с VI по IX вв. свидетельствуют об их упадке и крушении, и лишь в ряде случаев о незначительных признаках возрождения городской жизни» (*Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.).* – М., 1984. С. 151). Это время создания поселений вендельской культуры с явной кельтской окраской в Южной Швеции, на Готланде, в Восточной Пруссии, Латвии и Эстонии. Это время создания первых городищ на Северо-Западе Руси, таких как Псков и другие, выходцами из западно-славянских земель, время, когда уже существовал Киев и многочисленные городища антов на Средней Волге. Время, когда начинался расцвет североевропейской морской торговли по направлению Запад–Восток, когда устанавливались теснейшие торговые связи всех народов этих регионов.

Активность городов-портов времен Римской империи не утихла в Бретани и в раннее средневековье, тем более, что они превращались в важные центры общин, такие как Нант, ориентированный на Ирландию, или Руан, ориентированный на Уессекс. На рубеже V–VI вв. на берегах Северной Галлии, как и на всем побережье Северного моря, получили развитие порты нового типа. Возникали они зачастую спонтанно, представляя из себя ряды деревянных строений, вытянувшихся вдоль набережных, в поселениях, расположенных в эстуариях и дельтах рек и жили они исключительно торговлей, в том числе и международной (*Лебек С. Указ. соч. С. 165*).

Франки никогда не были особо мореходным народом, поэтому на северо-западе они пользовались услугами бретонцев, унаследовавших морские традиции арморийских венетов, а на северо-востоке международную торговлю развивал другой народ кельтского происхождения – фризы.

«Об этом свидетельствует и клад монет, найденный в 1897 году в Эсхаране, где в момент захоронения этого клада около 600 года устанавливались контакты между франками и фризами. Клад содержал шестьдесят шесть монет – су или треть золотого су. Это означает, что в северных окраинах франкского королевства исключительным денежным эталоном еще оставалось су Константина, причем монета сохранялась в неизменном виде (под названием «безан», что означает – византийский) восточными наследниками этого императора» (там же. С. 98). Кстати сказать, сами фризы, так же как и франки, делали достаточно профессиональные имитации этих монет (там же. С. 99). Возникает вопрос, каким путем эти монеты попали сюда, при посредстве франков или через Восточную Европу? Вполне возможно второе, тем более, как это будет ясно из дальнейшего, клад византийских монет того же времени были обнаружены и в районе устья Одера, к тому времени заселенного славянами.

- (51) Тема торговых связей балтийских славян требует сегодня отдельного исследования, тем более, что современные историки все больше приходят к мнению, что организация первых торгово-ремесленных поселений на территории Северной Руси – это дело рук выходцев с западнославянских территорий, в частности балтийских славян, которые основывали свои городища в этих землях исходя исключительно из своих торговых интересов. Одно из самых ранних славянских городищ на Волхове, контролировавшим путь из «варяг в греки», согласно последним археологическим открытиям, сделанным экспедицией под руководством Рябина, это городище, построенное на мысу, образованном впадением реки Любши в Волхов, которое датируется концом VII – началом VIII в. Это городище было основано славянами на месте финского деревоземляного укрепления. Новоприсельцы создали уникальную для Восточной и Северной Европы каменно-земляную крепость в традициях, характерных для славян Центральной Европы – жителей Подунавья, Великой Моравии и Польши. «Именно выходцы с этих территорий и построили крепость. Любша как ключевой укрепленный пункт на протяжении около двухсот лет держала под контролем стратегический перекресток международных водных магистралей эпохи раннего средневековья: Великий Волжский путь из Балтики в Каспийское море и летописный путь “из Варяг в Греки”, соединявший Север с Черным и Средиземным морями» (Рябин Е.А. У истоков Северной Руси. – СПб., 2003 С. 16–17). Интересно, что устройство любшанской крепости почти в точ-

ности соответствует описанию галльских крепостей, сделанному Юлием Цезарем: «Все галльские стены обыкновенно бывают такого устройства. На землю кладут во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в два фута; они связываются внутри (поперечными балками) и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них кладут сверху другой ряд с соблюдением того же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходится одно на другое, но каждое из них в пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так, рядами, выводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежащей высоты. Это сооружение имеет в общем довольно приятный и разнообразный вид вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана – деревянная кладка, которую нельзя ни пробить, ни вытащить, ибо она состоит из цельных бревен – обыкновенно в сорок футов длиной – и внутри надлежащим образом связана» (*Цезарь Ю.* Указ. соч. С. 141). Сравним это описание с описанием конструкции любшанской крепости, сделанное археологом Рябининым: «Внутренняя часть ее вала была сооружена из каркасных деревянных конструкций, засыпанных глиной и утрамбованных. На валах стояли внушительные деревянные сооружения. С наружной стороны вал был обнесен подпорной стенкой из колотой известняковой плиты» (*Рябинин Е.А.* Указ. соч. С. 17). Необходимо отметить, что на русском северо-западе практически все древние крепостные сооружения имели такую же, восходящую к кельтским народам, традицию. Казалось бы, не слишком ли большая территория, с которой шла миграция в маленькую Любшу? Если учитывать ее необыкновенно важное, стратегическое значение, то нет. Изначальная ориентация этого городища на международную торговлю говорит о том, что, во-первых, путь этот на восток был известен славянам достаточно давно, а во-вторых, славянский мир к этому времени еще не был столь разобщенным. [...] Одним из интереснейших укрепленных ремесленно-торговых центров нашего севера является Изборск. По словам В.В. Седова: «Раскопки в Изборске впервые в восточнославянской археологии дали полные материалы для конкретных суждений о становлении первых городов на Руси. Полевыми исследованиями установлено, что поселение было основано кривичами на высо-

ком мысу с крутыми склонами (44–45 м над уровнем воды в озере) при впадении ручья в озеро, называемое ныне Городищенским. Оно системой вод связано с Псковским озером, а через него с Балтийским морем. Поселение с самого начала было укрепленным, оно защищено двумя валами – высокими дугообразными с напольной стороны, сложенными из плотной глины и плитнякового камня, и небольшим в мысовой части. В срединной части городища (ближе к мысу) основателями Изборска была устроена площадь диаметром около 20 м, для которой был использован природный выступ плитнякового материка, благодаря чему она оказалась приподнятой над застроенной частью поселения на 20–30 см. Следует полагать, что площадь предназначалась для племенных (вечевых) собраний, культовых (языческих) празднеств и гаданий. В этой связи можно полагать, что городище было основано как племенной центр одной из крупных групп кривичей» (*Седов В.В.* Изборск и проблема становления Древнерусского города // Изборск и его округа. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.), Псков, 2002. С. 15–16).

Изборск, основанный в конце VII – начале VIII в., видимо, к середине IX в. имел важное стратегическое значение – иначе зачем Рюрик послал бы туда своего брата Трувора с дружиной? Треугольник, образованный Ладогой, Изборском и Белозером, играл тогда главную стратегическую роль в торговых путях в Византию и арабский Восток.

С первых дней существования Изборск не был аграрным поселением, о чем свидетельствуют находки, связанные с бронзолитейным делом, железоделательным производством, косторезным искусством. Находки в нижнем слое Изборского (Труворова) городища говорят о довольно широкой торговле, которую вели местные купцы. Наиболее ранние торговые связи фиксируются с побережьем восточной части Балтийского моря – с областями земгалов, Курляндии и Южной Финляндии (там же. С. 17).

В начале IX в. купцы Изборска налаживают торговые связи с южными областями восточного славянства и через их посредство с Северным Кавказом и арабским Востоком. В нижнем слое городища найдено несколько монет, из которых наиболее ранними являются два куфических диргема африканской чеканки 792 и 723 гг. (один из Тугды, другой из ал-Аббаси). Три из найденных монет чеканены в первых десятилетиях IX в., одна – в закавказской провинции Халифата в 805 г., две – в Самарканде

в 811 и 812 гг. В слое IX в. Изборского городища обнаружены стеклянные шарообразные бусины черного цвета с выпуклыми фиолетовыми глазками в виде круглого ядра, заключенного в белые концентрические круги, связанные с Кавказским регионом; желтая боченкообразная бусина с синими овальными глазками и обводкой их черной линией, происходящая из Средиземноморья; многочастные пронизки с серебристой поверхностью происходящие из Александрии и Сирии; из Великой Моравии происходят найденные в нижнем слое городища цилиндрические бусы голубого прозрачного стекла, дутая овальная стеклянная бусина стального цвета с синеватым оттенком и пуговица из золотистой бронзы; несколько бусин попало в Изборск из Северной Европы (там же. С. 17–19).

Немало интересных международных связей показывают и находки оружия. Из Северной и Центральной Европы происходят некоторые изборские наконечники копий. Ланцевидные втульчатые наконечники, слегка суживающиеся у шейки и плавно переходящие во втулку, появились в Центральной и Северной Европе в VI–VIII вв. и получили наибольшее распространение в IX–X вв. В нижних слоях Изборского городища найдены также очень интересные удила с довольно крупными, дугообразно изогнутыми роговыми псалиями. Похожие удила с псалиями встречены в знаменитых княжеско-дружинных курганах X в. Чернигова (Черная могила и Гульбище) и в Гнездовском могильнике. Псалии подобных удилищ обычно украшались нарезной орнаментацией – растительными и геометрическими узорами. Одни из изборских псалий имеют поперечные нарезки с циркульным орнаментом, другие богато украшены плетеночными узорами (там же. С. 19). Эти плетеночные узоры ближе всего кельтскому орнаментальному искусству Ирландии.

И что особенно важно – ни в домостроительстве, ни в культовых особенностях, ни среди вещевых материалов Изборска не обнаружено элементов, указывающих на проживание выходцев из Скандинавии. «Достаточно очевидно, что в основном торговые операции осуществлялись кривическими купцами при участии купцов – русов» (там же. С. 19–20). Получается, что основой экономического и социального развития Изборска, как и Любши, была международная торговля.

Одним из самых древних городищ не только Северо-Запада но и всей Древней Руси является Псковское городище. Скорее всего Плесков-Псков был основан кривичами в VI в. и является ровесником первоначальных поселений, основанных на месте

Киева. Интересно, что в южной части Крома, за пределами предполагаемой линии укреплений городища, культурный слой начинается с рубежа IX–X вв.; то есть Псков VI–IX вв. не имел посада (*Плоткин К.М.* Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. – Псков, 1992. С. 28).

Вместе с тем само поселение на месте Крома еще древнее – совокупность археологических находок дает возможность предположить, что здесь существовало поселение эпохи раннего металла, возникшее на рубеже н. э. (там же. С. 24).

Первые найденные на территории Крома строения, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия имеют аналоги постройкам этого типа в славянских памятниках междуречья Вислы и Эльбы (там же. С. 26).

Период VIII–IX вв. характеризуется развитием и усложнением хозяйственного уклада и культуры населения, заметными изменениями жизни Псковского городища, возникновением укрепленного городища Камно в 8 км от Пскова, появлением новых типов могильников, в частности наряду с длинными курганами кривичей, появляются сопки ильменских словен. Следует обратить внимание, что для Псковского городища более характерны находки связанные с железоделательным производством, тогда как на Камно шире представлены орудия труда ювелиров и литейщиков, что говорит о уже разной производственной ориентации соседних городищ (там же. С. 34–36). Видимо, разная ориентация производств этих городищ так же ориентированная на международную торговлю, была связана с пиком этой торговли. Необходимо отметить, что на Псковском посаде керамика южнобалтийского типа составляет более 81% (*Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь. С. 452).

В это время (VIII–IX вв.) Псковское городище становится самым крупным центром поселения в бассейне нижнего течения р. Великой. Помимо наличия укреплений, его отличает большая площадь (3 га) и плотная застройка по периметру мысовой площадки. Центральная, незастроенная часть служила скорее всего для общественных собраний и отправлению языческих культов. В составе населения выделялась ремесленная прослойка кузнецов-литейщиков (*Плоткин К.М.* Указ. соч. С. 38).

Необходимо так же отметить, что при раскопках псковского курганного кладбища было открыто языческое святилище X в. в виде круглой площадки диаметром около 9 м, окруженной ровиком, с перемычкой – входом с юго-западной стороны. В ровике обнаружены следы костра, а в центре площадки – две стол-

бовые ямы, в одной из которых нашли основание дубового ствола. В нескольких метрах от культовой площадки в древности протекал ручей (*Лабутина И.К.* Открытие псковского некрополя // Археологи рассказывают о древнем Пскове. С. 76). Подобное круглое святилище Перуна было обнаружено недалеко от Новгорода, известны они и в западно-славянском мире, характерны также для культовых площадок кельтов.

В.Л.Янин еще в 1956 г. пришел к выводу, что торговые связи между восточными и южнобалтийскими славянами осуществлялись непосредственно и являлись «по существу внутриславянскими связями, развивавшимися без заметного участия скандинавов» (*Фомин В.В.* Комментарии. С. 471).

Фомин также утверждает «что к балтийской торговле скандинавы имели либо опосредованное, либо самое незначительное отношение. Возникнув как чисто славянское явление, объединяющее балтийских и восточных сородичей, она лишь со временем втянула в свою орбиту какую то часть скандинавов, преимущественно жителей островов Борнхольма и Готланда. В.М.Потин, ссылаясь на нумизматические свидетельства, отмечает, что путь из Южной Балтике на Русь пролегал именно через эти острова, «минуя, – констатирует ученый, – Скандинавский полуостров...». Клады на этих островах, добавляет он, «носят следы западнославянского влияния...» (там же. С. 472). То есть как раз те острова оказались в русле международной торговли, где еще в вендельское время существовали кельтские поселения, основанные именно для этих целей.

Эти выводы подтверждает и недавнее сенсационное по своей сути открытие каменной крепости на мысу, образованном впадением реки Любши в Волхов, расположенной недалеко от Старой Ладogi, сделанное археологом Е.А.Рябининым. Любанское городище судя по всему было тоже основано выходцами с западнославянских земель, на что указывает и сама конструкция крепости и ряд археологических находок. Огромный интерес вызывает роль этой крепости, основанной, видимо, в начале VIII в., именно в торговой деятельности. «Представляет интерес занятие древних любшанцев обслуживанием судоходного пути, который в это время только начал свое функционирование на Великом Волжском пути из Балтики в Восточноевропейскую равнину и далее на Кавказ, Закавказье и Арабский Восток. При раскопках найдена многочисленная серия (около 50 экз.) железных корабельных заклепок и их заготовок. Значимость их обнаружения заключается в том, что такие детали в корабельной тех-

нике использовались для соединения деталей крупных морских судов. Далее выходцы из Балтики должны были оставлять свои корабли в удобной гавани и плыть затем на мелких речных судах» (Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. – СПб., 2002. С. 202–203.). Т.е. найдено не только одно из самых древних на Северо-Западе Руси укрепленное торгово-ремесленных поселений, основанное выходцами скорее всего с берегов Балтийского моря, которое выполняло важнейшую функцию промежуточного морского и речного порта, где товар перегружался с судов морского типа на речные суда. Одно это свидетельствует о необыкновенно развитой уже в те времена торговле, да еще с применением столь высоких технологических приемов. К тому же этот факт свидетельствует о мирном характере торговли и ее довольно сильной монополизации славянами. То, что товар в Любше, а впоследствии и в Старой Ладоге перегружался из морских судов в речные, говорит прежде всего не только об особой стратегической важности этих городов для всей международной торговли, но и о факте монополизации этой торговли славянами и русами. Ведь простой военный захват этих городов практически ничего не давал завоевателям. Дальше, вниз по Волхову, где уже скоро начинались первые пороги, морским судам было двигаться тяжело, к тому же надо было не просто знать сложную систему волоков, которая также охранялась укрепленными городищами, но и иметь соответствующее оборудование. Может быть, благодаря этому мы практически ничего не знаем о водных сражениях русских с захватчиками, поскольку применение ими морского флота было обречено на неудачу. Морское нападение было возможно только на Любшу и Старую Ладогу, невозможно на Псков, Изборск, Белозеро и другие города Древней Руси, в отличие от городов балтийских славян, нападения на которые с моря засвидетельствовано многочисленными источниками. Именно поэтому северную часть «пути из варяг в греки» и «из грек в арабы» было труднее всего захватить.

Но, судя по всему, древние любшанцы не только обслуживали прибывающих западнославянских купцов (на территории этого городища совсем нет скандинавских находок), но и активно занимались торговлей сами, возможно, используя для этого собственные ювелирные изделия, о чем свидетельствуют находки «литейно-ювелирного характера» причем в очень большом количестве. «Такая концентрация находок, связанных с литейно-

ювелирным производством, пожалуй, не имеет аналогий на остальных раннесредневековых памятниках Восточной Европы» (там же. С. 200). Хорошо было организовано и железоделательное и железообрабатывающее производство с применением уже хорошо известных по кельтскому миру технологий обработки железа и стали, и производство стеклянных бус.

Любшанское городище, являвшееся по тем временам достаточно мощным фортификационным сооружением, возникло по крайней мере на 50 лет раньше Ладоги и было чисто славянским поселением. Вместе с тем именно с момента своего основания очень скоро Ладога стала играть ведущее значение. «Новые наблюдения, – констатирует А. Н. Кирпичников, – обрисовывают доминирующее положение Ладоги в сфере северо-европейской серебряной и пушной торговли. На территории раннесредневековых ладожских поселений (Княжино, Ладожская каменная крепость, Ладожское земляное городище, Новые Дубовики) найдены клад и отдельные диргеми, соответственно чеканенные в 749–786, 738–739, 773 и 778, 746–747 гг., а одна монета 688–700 гг. ...Эти находки – одни из древнейших в Восточной Европе и свидетельствуют о начале международной торговле серебром в 70–80-е гг. VIII в. В свете ладожских находок эта дата может быть удревнена и будет охватывать примерно 60-е гг. VIII в. (если не несколько раньше)» (*Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований)* // *Средневековая Ладога Новые археологические открытия и исследования.* – Л., 1985. С. 21–22).

На примере Ладоги удастся проследить развитие торгово-ремесленного поселения этого региона. Видимо, в конце VII – начале VIII в. славяне достигают нижнего Поволжья и заселяют приречные земли, располагая поселения у порогов, переправ, т.е. на ключевых местах водного пути. «С самого начала эти поселения приобрели торгово-ремесленное значение, образовав в юго-восточном Приладожье зону зону межплеменной торговли. Создаются предпосылки возникновения территориально особой Ладожской земли. Возможности земледельческого возделывания данного региона были ограничены природными условиями. Материальная культура первых поселенцев, с одной стороны, унаследовала изделия их родины и районов странствия (вещи знакомые по длинным курганам, височные кольца со спиральным завитком), с другой – включала образцы общеевропейских и прибалтийско-финских форм (кузнечные инструменты, мечи, копья, гребни, некоторые типы украшений, литейные формоч-

ки)» (там же. С. 24). И если в первоначальный период существования Ладоги там не наблюдаются иносранные поселенцы, то в 800–850-е годы Ладога формируется в достаточно крупное торгово-ремесленное поселение. Ко второй половине этого периода здесь фиксируется проживание жителей Балтики, скандинавов, фризов, поморских славян и чуди. «С развитием евразийской серебряной и пушной торговли внешнеторговое значение Ладоги резко возрастает. В середине IX в. она становится крупнейшим портом и транзитным пунктом Восточной Европы и Западной Балтики. Ее торговые представители возможно селятся в поволжских и прибалтийских городах. В Ладоге обосновываются мастерские, перешедшие к работе на вывоз, и международного характера рынок. Возрастает контрольно-пропускная роль речных станций Ладожского околорадья» (там же. С. 25).

Одну из ранних старолadoжских «больших построек» ученые сближают со святилищами балтийских славян в Гросс-Радене (под Шверино, VII–VIII вв.) и в Арконе., что сразу же объясняет, почему в русском язычестве отсутствуют скандинавские божества, но присутствует Перун, бог варяго-русской дружины и чей культ был широко распространен среди южнобалтийских славян. Генетическая близость населения Северо-Западной Руси и Южной Балтики находит себе подтверждение также в характере металлических, деревянных и костяных изделий, в характере домостроительства и в конструктивных особенностях (решетчатая деревянная конструкция) оборонительного вала, распространенных в конце I тысячелетия н.э. только в указанных регионах. На юге Восточной Европы аналогичные типы домостроительства и фортификационных сооружений появляются позже» (Фомин В.В. Комментарии. С. 529–530).

- (52) С этим тезисом автора нельзя согласиться, тем более, что далее он показывает каким непрекращаемым уважением пользуется князь ран. Учитывая явную структурированность общества балтийских славян в соответствии с индоевропейскими и кельтскими традициями, у славян явно выделяется слой (или каста) жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников. Гильфердинг также обоснованно утверждает что у балтийских славян существовал особый класс торговцев. Родовая наследственная аристократия (в европейском понимании) у славян существовала вне всякого сомнения, причем с кельтской системой наследования – старший в роду, а не старший сын. Важно отметить, славянское общество предстает более структурированным чем германское, где не было класса жрецов и класса производителей материальных

ценностей (земледельцев или ремесленников). Те германские племена, которые по Тациту имеют сильную королевскую власть, жрецов, свои города – это либо кельтские племена, либо сильно кельтизированные германские.

- (53) Это типично кельтские отношения, при которых в той же древней Ирландии был *верховный* король со столицей в сакральной Таре, которому формально подчинялись более мелкие короли. То, что у кельтов и славян существовала выборность короля или князя, не означало, что королем или князем мог стать любой – даже выборный властитель должен был принадлежать королевскому или княжескому роду.
- (54) Все, в общем правильные рассуждения автора об отношениях князя, знати и горожан показывают насколько похожими на кельтские были принципы управления у славян. И тем и другим мешали построить собственную государственность, с одной стороны главенство духовной власти над светской (и у кельтов и у балтийских славян друид или жрец стоял выше светского властителя), с другой, излишняя сакрализованность королевской или княжеской власти (власти, но не личности) при которой он был легко заменяем с помощью выборов, с третьей – во многом определяющая роль народных собраний (вече), которая тоже мешала централизации власти. Трехчастность индоевропейского общества, одним из последних проявлений которого был южнобалтийский славянский мир, привела его к краху. Германцам, при отсутствии четкой структуризации общества, в котором в кровнородственной общине власть имело воинское сословие, в эпоху средневековья помогло занять в итоге главенствующее положение в Европе, которые нашли к тому же прекрасный компромисс с католичеством.
- (55) Все источники, говорящие о княжеской (или царской) власти на о. Руяне указывают опосредовано на ее кельтское происхождение. Ряд современных исследователей считает, что на острове к моменту прихода славян еще проживало кельтское (или кельтско-славянское) население, которое сохранило свое главенствующее положение в среде славян. Нельзя забывать о том, что еще в глубокой древности кельты-венеты контролировали знаменитый Янтарный путь, начинавшийся с берегов Балтики и заканчивавшимся в устье реки По. Именно в Прибалтике образовалась смешанная кельто-славянская пшеворская культура, распространившаяся затем на восток Европы. Именно торговая и ремесленная деятельность пшеворцев заложила основы будущей североευропейской торговли.

И этот кельтский след долго сохранялся среди племен Балтики. Кельтское влияние на племена балтийского региона блестяще показал А. Г. Кузьмин.

«Кельтическая» примесь прослеживается в Прибалтике специалистами и на основе антропологических данных. Известный советский этнограф Н. Н. Чебоксаров, анализируя становление германского антропологического типа, установил, что в VIII–X вв. как славянское, так и германское население северной Германии было весьма неоднородно. Преобладали местные антропологические типы, сходные с теми, которые отмечают для данной эпохи у фризов и саксов. Но наряду с этим у полабов и ободритов Мекленбурга, а также в отдельных районах Померании и Западной Пруссии нередко представлены формы, «очень близкие к типу латенских кельтов» (Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов. С. 590). Скорее всего именно среди славян Прибалтики могли сохраниться островки кельтского населения, которое не слилось со славянским. Мы знаем многочисленные примеры того, что кельты, находясь в иноязычной и инокультурной среде (например, галаты в Малой Азии) на протяжении столетий, сохраняли свою культуру и язык, тем более, что в среде славян они занимали явно главенствующее положение. В связи с этим нельзя не согласиться с выводами Кузьмина.

Теперь о двуязычии населения Рюгена (Руяны). «На Рюгене во второй половине I тысячелетия бесспорно происходила смена языка, но нет никаких оснований думать, что это было достигнуто за счет смены населения. Указание Г. Меркатора на двуязычие рюгенских «рутен» свидетельствует о процессе естественной ассимиляции коренного населения славянами. «Виндальский» язык, в самом названии которого (как и в этнониме «венеды») также явственно проступает кельтское начало, и был, по всей вероятности, первоначальным языком населения Ругии, а разные названия острова могут обозначать одно и то же население или даже передавать одно и то же качество, лежащее в основе имени» (там же. С. 593). Как тут не вспомнить тацитовских эстиев, которые говорили на языке, близком британскому и готонам, говорящих по-галльски. Более того, «виндальский» язык в те времена мог оставаться сакральным жреческим языком, языком тайного друидического знания, языком жреческой верхушки, которая в те времена, согласно опять таки кельтским традициям, по которым друиды стояли выше короля, управляла этим сакральным островом, где помимо Арконы, было еще несколько религиозных языческих центров.

- (56) Подобная система напоминает институт посадничества в Древней Руси, получивший наиболее яркое проявление в Новгороде. «Система посадничества, – как пишет В.Л.Янин, – является системой организации административного централизма. Это тот механизм, работой которого обеспечивалось подчинение центральной власти многочисленных местных центров. Понятие “посадник” включает в себя идею подчиненности носителя этого титула тому, кто его “посадил”» (Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М., 2003. С. 75).
- (57) Гильфердинг, говорящий в очередной раз о германском происхождении родовых отношений славянской знати, скорее всего ошибается, т.к. как параллели напрашиваются именно кельтские.
- (58) Высокое положение женщины, особенно знатной, у балтийских славян так же указывает на кельтское происхождение ряда обычаев. Подобный высокий статус женщина имела в кельтском, но никак не в германском обществе. В Ирландии «женщины пользовались почти всеми теми гражданскими правами, что и мужчины, и активно участвовали во всех мужских делах, даже в войне. Примером такой воительницы может служить властная и жестокая королева Медб... Все это не исключало и известного неравенства. В то время как для воина завести наложницу было обычным делом, измена жены мужу каралась жестоко, вплоть до сожжения на костре» (Смирнов А.А. Древнеирландский эпос // Исландские саги. Ирландский эпос. – М., 1973. С. 555).
- (59) Интересно, насколько практически все гражданские институты балтийских славян похожи не на германские, а на кельтские, (в частности ирландские) показывает анализ ирландских саг, сделанный А.А.Смирновым: «В основе всех общественных группировок лежало древнее понятие кровного родства. Самые мелкие социальные ячейки, семьи, объединялись в роды, роды – в кланы, кланы – в племена. Долгое время еще поддерживалась фикция, будто целые племена объединены происхождением от общего предка. Это не мешало принимать в состав родов или кланов лиц совершенно посторонних путем обряда усыновления. Род еще сохранял институт круговой поруки: он отвечал коллективно за преступления каждого своего члена, платил его долги и т.п. Каждая из перечисленных групп управлялась авторитетом своих руководителей-старейшин. Если племя занимало достаточно обширную территорию, ее глава носил титул короля или «подкороля», иначе говоря – князя; само же племя именовалось в таком случае народом. Одно

время в Ирландии было 184 таких «народа», но не все они имели «подкоролей». Последние были подчинены королям областей (или королевств), которых в начале было пять...». И далее: «Позже в центре страны была выделена шестая область – Миде. Она была наделом верховного короля Ирландии, который жил в Темре (в новом произношении – Тара) и которому были подчинены короли других областей. Получалась сложная, многоярусная структура власти, кое-чем напоминающая нашу удельно-вечевую систему и сводившаяся к многочисленным даням и повинностям...» (*Смирнов А.А. Указ. соч. С. 553*). Все это в полной мере относится и к общественной структуре балтийских славян столь подробно описанной Гильфердингом.

Население у древних ирландцев, как и у славян распадалось на три класса: 1) «благородные»; 2) «свободные», которые подразделялись на обладавших и не обладавших собственностью и 3) рабы. Свободные имели политические права. «Именно: в определенные сроки, обычно раз в год, в главных центрах всех пяти королевств происходили общие народные собрания, чаще всего связанные с ярмарками. Одно из таких собраний описано в начале саги «Болезнь Кухулина». Здесь, наряду с играми, состязаниями и другими увеселениями, обсуждались важнейшие дела и утверждались новые законы» (там же. С. 554).

(60) Города балтийских славян были двух типов – города убежища, которые действительно не имели постоянного населения, и где собирался народ из ближайших селений в случае опасности, и города, служившие административными и религиозными центрами, где располагалась резиденция князя. Такие города, как показывают данные археологии, имели постоянное население. Такой же принцип существовал и на севере Древней Руси, где было немало городов-убежищ, что, кстати, характерно и для кельтов.

(61) Города балтийских славян, как уже говорилось, являлись, прежде всего торгово-ремесленными поселениями. Такими предстают Старград и Велеград (*Седов В.В. Указ. соч. С. 334*). Грады фельдбергской культуры (область проживания велетов-лютичей) насчитывали от 600 до 1000 человек (там же. С. 337), Ральсвик и Волин соответственно на о. Рюген и в стране поморян (там же. С. 344) характеризуются высокоразвитой ремесленной деятельностью, присущей практически каждому торговому городу балтийских славян.

(62) Судопроизводство у балтийских славян также походило на кельтское. Диодор Сицилийский отмечал, что «друидов считают

справедливейшими из людей и вследствие этого им вверяется рассмотрение, как частных, так и общественных споров. Поэтому в прежние времена они улаживали военные столкновения и заставляли примириться противников, когда те уже собирались сразиться друг с другом, дела об убийствах преимущественно отдавались на их решение». А.Афанасьев констатировал: «Суд в эпоху языческую имел значение религиозное и совершался в священных местах, суд водою и огнем... был суд божий» (*Афанасьев А. Происхождение мифа. – М., 1996. С. 56*). В дальнейшем право на суд отошло князьям и их представителям.

- (63) Права на собственность у балтийских славян и кельтов очень похожи. У ирландцев, в частности, как и у славян, собственность на землю была общинной. И у тех, и у других практиковалась опись имущества в счет долга. Ирландский удельный правитель, как славянский князь не обладал собственностью на землю. Так же как у славян основной денежной единицей был скот (*Диллон М., Чедвик Н.К. Кельтские королевства. С. 126–133*).
- (64) Право наследования у кельтов и славян совпадает.
- (65) Крепостное строительство балтийских славян весьма напоминает кельтское. Классический пример – древний (основанный в начале VII в.) Велиград, вал которого имел внутренние деревянные конструкции, характерные как для кельтских, так и для древнерусских крепостей. Необходимо отметить, что на русском северо-западе практически все древние крепостные сооружения имели такую же, восходящую к кельтским народам, традицию, как и на Южной Балтике.
- (66) Гильфердинг достаточно серьезно принижает значение дружины и дружинного сословия у балтийских славян. Скорее всего ее роль была велика. Так как одним из основных занятий славян этого региона была международная торговля, то именно здесь возник особый тип воина-торговца, сословия достаточно многочисленного, чтобы в случае военной опасности соединить свои усилия для защиты или нападения (в том числе пиратского). Такие временные военные соединения могли выглядеть всенародным ополчением, хотя и состояли из профессиональных воинов-купцов.
- (67) Совершенно кельтская военная традиция. Ряд воткнутых копий вокруг войска имел еще и мистическую охранительную силу, как и любая ограда.
- (68) Пограничные оборонительные линии также имели не только военное, но и религиозное охранительное значение. Так же укрепляли свои границы и славяне Древней Руси.

(69) Как известно, решение «варяжского» вопроса есть и решение вопроса происхождения Руси. Дело в том, что варяги, то есть наемные дружинники в армии византийского императора изначально были кельтского происхождения, потом в их среде появились славяне и только в начале 20-х годов XI века, на что указывают исландские саги, в варяжский (варангский) корпус вошли первые скандинавы (*Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Славяне и Русь: проблемы и идеи.* – М., 2001. С. 276–284). «В 1056 году... произошло восстание со стороны одного вельможи...», «воины, содержавшие стражу во дворце, греки и варанги, вооружились...». У византийского писателя, который рассказывает все это, прибавлено совершенно неожиданно объяснение к слову варанги. «Варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков...» (там же. С. 284).

А. Г. Кузьмин, замечает: «Сообщение Скилицы и Кедрина трудно переоценить: оно указывает на происхождение если не всех, то каких-то конкретных “варангов”. Кельтское присутствие в Прибалтике неизменно отмечалось еще в прошлом столетии. А после раскопок 70-х годов археологов ГДР и публикации, хотя бы упомянутой статьи Й. Херрмана, спорить можно лишь о том, как и когда кельты появились в Южной Прибалтике» (там же. С. 288). Вполне возможно, что их вторичное появление в этом регионе могло быть связано с миграцией на континент, вызванной нашествием англо-саксов. Жители уэльского королевства Гвинедд могли переселяться не только в Бретань, но и на берега Балтийского моря, основывая свои колонии в том числе на о. Рюген и о. Готланд, на побережье Южной Швеции и современной Прибалтики, оставляя характерные следы своего пребывания – художественный стиль эпохи вендель.

Необходимо отметить, что приглашать кельтов в качестве гвардейцев на службу византийскому императору традиция очень давняя. Еще в V–VI вв. это элитное воинское подразделение набиралось в том числе и из галатов-кельтов, поселившихся в Малой Азии еще в III в. до н. э. и не утративших к этому времени своего языка и национальной самобытности.

Если этноним «Русь» мы встречаем и на севере, и на юге, то название «варяги» известно только северу, но не скандинавскому. Если же говорить о попытках привязать эту общину именно к Скандинавии, то следует иметь в виду и факт, установленный В. Г. Васильевским: «варяжская дружина существовала в Византии задолго до того, как в нее начали вливаться собственно нор-

манны» (*Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов. С. 598–599). Этот блестящий анализ, сделанный А.Г.Кузьминым, можно дополнить только одним выводом: «варяги» – возможно и есть обозначение славяно-кельтских морских дружин, принцип организации которой скопировали впоследствии норманны, заменив термин «варяги» термином «викинги». Еще, это слово напоминает необыкновенно архаичное, имеющее индоевропейские корни, славянское божество Сварог (скорее даже верховное божество, одной из ипостасей которого мог быть арконский Святovit). Здесь тоже возможна какая-то связь, учитывая необыкновенный мистический настрой как кельтов, так и славян. Саксон Грамматик описывает храмовую дружину Святовита, состоящую из 300 воинов, единственным занятием которой была война с целью захвата добычи для храма Святовита. Эти своеобразные языческие «рыцари Храма» и могли быть первыми варягами, находившимися под покровительством бога Сварога, который всегда был с варягами. Кстати сказать исландские саги знают неких «детей Сваранга», но кто они, этнически определить очень трудно.

В свете вышесказанного становится понятно почему так много кельтских имен среди послов и купцов в договорах Руси с Византией. «Тексты договоров записывались на славянском и греческом языках, но транскрипция имен практически полностью соответствует латинскому написанию их в трехтомной «Старой кельтской лексике» А.Хольдера и других подобных изданиях (в частности, о иллирийских и венетских именах). В большинстве, это именно кельтские и иллиро-венетские имена, широко распространенные в эпоху Великого переселения народов, когда, по замечанию Иордана, племена охотно перенимали имена друг у друга. Часть их до сих пор употребительна в кельтском именослове» (*Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Русский каганат и остров русов // Славяне и Русь. С. 473) «Так имя посла Игоря – Ивор, широко распространенное в Прибалтике, восходит к кельтским языкам, где оно означает «господин». Кельтским является имя из договора Игоря – Моны. Значение его – «благородный и изящный». Веремуду из договора Олега находится параллель в галльском топониме Veremundiacus, где проявляется традиционное кельтское сложение личного имени (в дательном падеже) и суффикса «ас». Имена с окончанием на «уд» или «ид» (Стемид, например) могут являться и результатом сложения какого-то слова с кельтским udd – «господин»... Точно также имена на «бид» (Турбид, например) имеют вторым компонентом кельт-

ское bith, byd – «мир»... Имени из договора Акун и широко распространенному в Новгородской земле Якун соответствует кельтское имя Aconiūs... В кельтском именослове есть параллели для имен Стир, Куци, Боричь... Имя Аминод (или Аминд) находит соответствие в имени Аминта, неоднократно повторяющемся в династии галатских вождей... В кельтском именослове отыскиваются параллели для распространенных древнерусских имен Тудор и Лют».

А. Г. Кузьмин в своей статье «Об этнической природе варягов», а так же в других работах дал во многом исчерпывающий анализ имен как послов, встречающихся в договорах с Византией, а также многих летописных древнерусских имен. «Выделение иранизмов в древнерусском именослове затрудняется тем, что ряд имен, находящихся прямое соответствие в иранской антропониимии, могут объясняться и из других языков. Если же учесть, что скифы в языковом отношении стоят между иранцами и кельтами, причем те и другие, по всей вероятности, взаимодействовали в рамках черняховского союза, такое ограничение становится особенно затруднительным. Так, имя Тур широко распространено у иранцев, иллирийцев и в области кельтского расселения. Имя из договора Игоря – Стир – может быть объяснено из иранского как «великий» (афганский, осетинский), но имеется и прямая аналогия ему и в кельтских областях. Имя Кары из договора Игоря может быть объяснено от иранского кари, обозначающего «старательный», «усердный», «энергичный», «боевой». Оно может быть принято также в тюркском осмыслении (от «кара» – черный или «кари» – старый. Но соответствие ему имеется и в кельтском именослове – Carius. Если учесть, что имя это встречается в Скандинавии, предпочтение должно быть отдано кельтскому объяснению. Кельтское звучание иранского слова прямо проявляется в имени Алдан. Речь идет о племенном названии Аллан, занесенном племенем алан на европейский северо-запад. Но у кельтов удвоение сонорных часто порождало (или было следствием) сочетания сонорного с «d» (Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 607). А ведь эти имена считают однозначно скандинавскими, как впрочем и многие другие, хотя они имеют иранские параллели.

Долговременное пребывание в Причерноморье и в Среднем Поднепровье скифов и других иранских народов, несомненный факт участия этих групп в сложении древнерусской цивилизации и даже антропологического типа славянорусов побуждают воздержаться от зачисления в «варяжские» всех имен послов и

купцов, упомянутых в договорах Руси с греками 911 и 945 годов. В договоре Игоря специалисты уже назвали ряд имен иранского происхождения: Сфанъдр, Истр, Прастен, Фроутан (там же. С. 605). К иранским обоснованно относит Кузьмин и имена Кий и Олег (там же. С. 606). Хотя последнее многие исследователи считали однозначно скандинавским, как впрочем и имена Ольга, Игорь, Дир и Аскольд. Имена Iger, Inger, Ingar упоминаются в числе бретонских святых. Слово «dir» во всех кельтских языках означает «знатный», «сильный», «верный», «крепкий» и так далее. В имени Аскольд произошло смешение двух разных корней кельтского происхождения (там же. С. 612–613).

Вопреки широко распространенному мнению, «варяжский» именослов не указывает на наличие сколько-нибудь заметной германской прослойки в социальной верхушке древнерусского государства. Некоторые имена, известные по договорам Руси с греками (Веремуд, Кары, Кол, Бруни), были распространены и в Скандинавии. Но это как раз те имена, которые «на скандинавском языке не имеют... никакого знаменования, а у кельтов встречаются гораздо ранее» (там же. С. 612–613). Следует отметить, что в эпоху викингов сами скандинавы нередко брали ирландские имена.

Теперь самое время вспомнить о знаменитом Рюрике, призванном во главе варяжской дружины в Северную Русь, чье происхождение многие исследователи считают шведским, хотя это имя отсутствует в шведском именослове этого периода (*Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь. С. 235). Вместе с тем имя «Рюрик» было известно в Галлии с первых веков н. э., где жило племя «руриков». Руриками называли также выходцев с реки Рур в раннее средневековье. В древних Ирландии и Шотландии было очень популярно имя Рори (Rory), что в переводе означает «красный король». Необходимо отметить, что у ирландцев, так же как и у русских, слово красный было синонимом слову пре-красный и этот цвет был одинаково любим обоими народами.

(70) Гибель балтийских славян во многом была вызвана крестовыми походами, организованными против них, и дальнейшим насильственным крещением и онемечиванием. Все это происходило в период, когда они уже не могли спасти свою зарождающуюся государственность.

(71) Здесь Гильфердинг допускает ошибку, приписывая влияние германской мифологии на славянскую, тогда как та и другая были подвержены влиянию кельтской мифологии и кельтской друидической традиции.

(72) Приведенная Гильфердингом цитата из Тацита лишней раз показывает, что лугии не были германцами, по крайней мере, по языческому мировоззрению. Описание священной рощи и жреца, одетого в женское платье, соответствует кельтским традициям.

(73) Описание святилища на острове и священной колесницы очень напоминает подобные кельтские островные святилища. Подобная колесница, принесенная в жертву, была найдена в Дании. В болотах Ютландии было найдено большое количество частей повозок (колесниц) в основном колес. «Помимо этих простых массивных колес были найдены остатки двух добротных и элегантных экипажей, принадлежащих к периоду перед самым Рождеством Христовым. Без сомнения, они были изготовлены самыми искусными каретниками того времени – кельтами. Кельтские ремесленники изготавливали повозки различных типов – как с двумя, так и с четырьмя колесами. Немаловажно то, что римляне воспроизводили некоторые их конструкции, заимствуя при этом их древнекельтские названия.

Два экипажа были найдены в болоте в Дейбьерге (Западная Ютландия). Борта и дышла были покрыты ажурной бронзовой оковкой – модным в то время сверкающим украшением. Каждый экипаж был украшен еще и человеческими масками, расположенными под оригинальными вертикальными столбами, возвышавшимися над бортами. На них есть несколько куполообразных выступов с треугольными и решетчатыми украшениями, типичными для этого периода.

Колеса отличаются прочной конструкцией и укреплены железными колесными бандажами; ступицы, обточенные на токарном станке, усилены литыми бронзовыми кольцами V-образного сечения. Между ступицей и осью располагается оригинальное приспособление, служащее той же цели, что и современные шарикоподшипники; оно состоит из круглых прочных штифтов, которые легко вращаются внутри ступицы, что обеспечивает свободное вращение колеса.

Лошади припрягались к дышлу, прикрепленному к раме повозки. Поскольку к крестовинам рамы над ступицами крепились две стойки, повозка была не особенно маневренной. Для того, чтобы повернуть ее, нужно было поднять боковые детали, иначе стойки ударили бы по ним. Имеются некоторые сведения о том, что это было предусмотрено в конструкции, поскольку различные крюки и следы износа предполагают, что борта были подвешены на кожаных ремнях» (*Книдт-Йенсен О.* Дания до викин-

гов. – СПб., 2003. С. 140–141). Искусство кельтских каретников не имело себе равных в Европе, и многие изобретения мастеров эпохи латена использовались впоследствии. Эти шикарные экипажи, принадлежащие явно привилегированным классам, и немалое число деталей повозок попроще, а также остатки многочисленных, в том числе мощеных дорог – свидетельство достаточно серьезных транспортных (и торговых) потоков на этой территории. Изделия кельтских ремесленников, найденные на территории Дании, указывают на Богемию, которая в это время стала центром торговли и культуры. С севера реки Висла, Одер, Эльба, Везер, Некар и Липпе служили главными торговыми путями на юг. Самое большое значение для купцов Ютландии имела Эльба, впадающая в море к югу от полуострова. Связи эти стремительно развивались, на что указывает обилие кельтских и римских изделий на данной территории (там же. С. 161–162). Эти торговые связи, получившие развитие в римское время, продолжали функционировать и в более позднее время, когда геополитическая карта Европы сильно изменилась.

- (74) Литовская мифология очень тесно переплетается с мифологией славянской и обе они имеют в своем истоке мифологию кельтскую. Коротко остановимся на религиозных представлениях жителей Янтарного края, поскольку они также указывают все на ту же «духовную» родину – кельтский мир. Начнем с того, что более теократического общества, каким перед нами предстает население Самбии, Европа не знала со времени уничтожения друидов. Это связано скорее всего с тем, что друидическая идеология, основанная на главенстве духовной власти над светской, могла сохраниться только на периферии кельтского мира, мало затронутой романизацией, поскольку на территории Римской империи друиды были физически уничтожены по указу императора Тиберия.

Идеология пруссов выражена в 17 заповедях, данных одним из легендарных вождей пруссов Вайдевутом (или Видивутом) скорее всего в V–VI вв. «Семнадцать заповедей Вайдевута предпринял с помощью своего брата, Криво в Бальге... Дабы сохранить народ в единстве, возвестили Вайдевут и Брутене собравшимся на Бальге людям семнадцать заповедей:

Во-первых: Никто, кроме Криве Кривайте, не может обращаться (с просьбой) к богам. Никто не должен приносить в страну бога из чужих краев. Верховными богами должны быть: Потримпос, Перкунос и Пиколос. Ибо они вручили нам эту страну и дадут нам (еще) больше.

Во-вторых: Ради них должны мы признать (=почитать) нашего Криве Кривайте и ради наших высших владык почитать (=оберегать) его, а также его преемника, которого дадут нам милостивые боги и выберут в Рикойто вайделоты» (*Кулаков В.И.* Указ. соч. С. 209–210).

Хорошо видно, какая огромная роль придавалась в прусском обществе жрецам, а также брачным отношениям, которым посвящена практически треть текста.

Власть верховного жреца Криво-Кривайте была огромной даже в позднее средневековье. В «Хронике земли Прусской» так описывается сила власти Криве: «Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам... язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда» (*Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. – М., 1997. С. 51).

Нельзя не согласиться с выводами Кулакова, который пишет: «По степени жесткой культовой регламентации жизни и значительной роли жречества в общественной деятельности культ пруссов наиболее близок традициям кельтских друидов конца I тысячелетия до н. э.» (*Кулаков В.И.* Указ. соч. С. 199).

Сбор дани, происходивший у пруссов так же, как у кельтов и славян в форме полюдья, судя по данным Петра из Дусбурга, производился верховным жрецом, который осуществлял ритуальный объезд своей «паствы», и, вместе с тем совершал жертвоприношения, которые должны были принести плодородие земле, животным и людям, что превращало сбор дани (то есть первичных налогов) в общественное жертвоприношение богам, которое использовалось в дальнейшем и для содержания не менее сакральной дружины и для торговых целей. Таким образом, излишек этих жертвоприношений, используемый для целей торговли тоже становился сакральным, как сакральной становилась торговля. И сакральность торговли для язычников – та идеологическая основа, на которой зиждилась вся экономика Балтийского региона, в отличии от экономики христианского феодального Запада, где основой экономики была земля, количество которой определяло богатство ее владельца.

Власть жреца Криве-Кривайте и его персона обожествлялись, и он воспринимался во всех землях и селениях Пруссии как высшая инстанция, превосходящая уровень родовых князей. Одной из его прерогатив было взимание для жертвоприношений третьи части добычи своих соплеменников, в первую очередь – серебра,

считавшегося в этих местах, благодаря своему цвету, священным металлом. Белую лошадь, подобно кельтам Британии, пруссы приносили в жертву своим главным богам. Белыми ж были одеяния и самого верховного жреца (там же. С. 212). В белое одевались и друиды и русские волхвы. Интересно, что само имя Криве, говорит о его одноглазости, а это свидетельствует о его связи с иным миром. Здесь напрашивается ассоциация с одноглазым Балором и с фоморами ирландских саг. Интересно также, что славяне-кривичи, племя, одно из первых славянских племен, появившихся на севере Руси, носит имя верховного жреца пруссов. Согласно легенде Видевут и Брутен, первые дружинные вожди пруссов пришли из Кимбрии, то есть с территории полуострова Ютландия, что подтверждается и археологическими данными. Вместе с тем имя Брутен напоминает имя легендарного Брута (или Брита), прародителя бриттов. Имя Британ хорошо известно и по ирландским сагам.

«В кельтском именослове находят параллели и многие литовские имена, не объясняемые из самих литовских языков. Так, литовскому «Витень» соответствует кельтское *Vitinus*, самбийскому «Мато» кельтские *Mattius*, *Matto(n)*, литовскому «Гедемин» – кельтское *Gedemon*... Сами названия «Литва» и «Латвия» имеют четкие параллели в вариантах кимврского (уэльского) названия Бретани: *Litau*, *Latio*. Значение этого названия – «земля». Здесь либо отражение прямой связи «венетов» севера Галлии и «венетов» Прибалтики, либо однотипное происхождение имени в этнически однородной среде; для жителей Британских островов Бретань была «землей», «материком». В таком положении находилось по отношению к балтийским островам (например, в отношении того же Рюгена) побережье Литвы и Латвии» (*Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов. С. 616, прим. 189*). Напрашивается более прямая связь Янтарного края непосредственно с Британией, чем даже с Ютландским полуостровом.

- (75) Сварога многие исследователи считают богом огня (Славянская мифология. – М., 1995. С. 348). Гальковский полагал, что Сварог олицетворяет собой Солнце и небо, «небесный свод, украшенный теплотворным солнцем и опирающийся на землю – горизонт» (*Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. – Харьков, 1916. С. 17–19*). Возможно Сварог был верховным божеством славянского языческого пантеона «богом богов».

- (76) Волос (Велес) был богом царства мертвых и богом богатства (скот – синоним богатства у славян и кельтов).

(77) Славянские и кельтские языческие представления удивительно близки.

(78) Славяне, входившие в ареал кельтской цивилизации, имели с ними и общие мифологические представления. Скандинавская мифология во многом также имела кельтские истоки.

В более поздний период скандинавы начали строить храмы. «В Упсале в 1926 г. под романской церковью были обнаружены остатки языческого храма. От него сохранились столбовые ямы, ограничивающие два вписанных один в другой квадрат с периметрами 8 и 25 м. Сделано восемь реконструкций этого храма, существенно отличающиеся друг от друга: это или постройка с двойными стенами и возвышающееся средней башней, заканчивающейся двускатной крышей с резными изображениями, или маленький дом также с двускатной крышей, окруженный оградой... По своей планировке, он собственно такой же, как храмы кельтов и подражающие им храмы в Исландии» (*Русанова И.П.* Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Черновцы, 2002. С. 67). Кстати сказать, Упсала находится рядом с Венделем, где и были найдены археологами первые поселения вендельской эпохи. Необходимо отметить, что упсальский храм похож и на современные ему славянские языческие храмы, в частности на храм Святовита в Арконе.

Видимо, этот храм в Упсале описан Адамом Бременским (около 1070 г.) «Это святилище все украшено золотом и в нем народ молится перед изображением трех богов; Тор, могущественнейший из них, возвышается на своем троне посреди храма, по обеим сторонам его – Водан (Один) и Фрикко (Фрейр). Отличительные черты этих богов следующие: Тор, как говорят, является властелином воздуха. Он управляет громом и молнией, бурей и дождем, и хорошей погодой для урожая. Один (что означает ярость) – бог войны. Он наделяет мужчин храбростью в бою с врагами. Фрейр посылает людям мир и сладострастие. Один выступает вооруженным, как у нас Марс, а Тор со своим скипетром похож на Юпитера. Каждый из этих богов имеет своих жрецов, которые принимают от народа жертвы. Когда угрожает болезнь и голод – приносят жертвы богу Тору, если угрожает война – Одину, перед празднованием свадьбы – Фрейру. Каждые девять лет в упсальском храме обычно устраивается один общий для всей Швеции торжественный праздник в честь трех богов, и никто не может быть освобожден от участия в этом празднике. Все, начиная от короля и кончая самым простым и бедным крес-

тьянином, посылают в этот день дары в Упсалу, а те, кто уже принял христианство, должен посылать выкуп за освобождение от упсальской церемонии» (там же. С. 66–67). Кстати, триады богов очень распространены были в кельтском мире. Одной из главных особенностей вообще германского язычества можно считать сильное воздействие кельтской религии, проявившееся, например, «в распространении в V–VI вв. круговых рвов на могильниках, хотя внутри них не было святилища с богом, а совершались жертвоприношения, и вход на площадку был открыт. С кельтским влиянием можно связывать круговые рвы около наиболее выдающихся погребений – особенность появившаяся и на других землях и сохранившаяся у славян до христианских времен. Хотя какую-то, вероятно значительную роль в жизни общества играли жрецы, их организация не идет ни в какое сравнение с обществом друидов. Не было у германцев и солидных каменных идолов, были распространены лишь примитивные деревянные фигурки высотой около 1 м. Не было в континентальной Германии и храмов. Они появились не раньше VII в. в Скандинавии и тоже явно под влиянием более южных традиций, повторяя планировку кельтских сооружений» (там же. С. 69). То есть храмы, похожие на кельтские в Скандинавии, появляются именно в вендельское время, то есть тогда, когда они появляются и у славян.

Одновременность появления языческих храмов у скандинавов и у славян позволяет сделать вывод о кельтской культурной и, возможно, этнической экспансии на берега Балтийского моря по обе его стороны, что связано, во первых с развитием торговли, во вторых с продвижением кельтской языческой религии на северо-восток. Вероятно, это было вызвано ранней христианизацией кельтских королевств, при которой часть населения, отверженная древним богам, могла переселиться на эти, языческие в те времена земли. Можно с уверенностью сказать, что побережье Балтики хотя и населяли разноэтнические племена, но все они были вовлечены в процесс кельтского возрождения происходившего на этой территории наиболее интенсивно.

- (79) Русский князь Владимир, причисленный впоследствии к лику святых, за время своего правления дважды проводил религиозные реформы, причем первая, языческая, произошла вскоре после занятия им киевского престола около 980 г. не без участия его дяди по матери Добрыни. «Описанная летописцем установка идолов в Киеве не являлась обычным делом или только обновлением старых святилищ. Официальных культов, судя по дого-

ворам с греками, было два: культ Перуна и культ Волоса. Теперь Перун стал во главе целого пантеона из шести богов, а Волос, почитание которого было повсеместным, в пантеон не попал.

Новые идолы поставлены не в отдалении «на холме», как стоял Перун во времена Игоря, а непосредственно рядом с княжеским дворцовым комплексом, но не внутри его, что замыкало бы богослужение в узком придворном кругу, а «вне двора теремного», в самом центре киевской крепости» (*Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси.* – М., 1987. С. 413).

Необходимо отметить, что главенство Перуна перед Волосом (Велесом) символизирует первенство княжеской власти (в чем, собственно, и заключалась суть реформы) относительно власти духовной – жреческой, которая была характерна для севера Руси, где главным культом был культ Волоса (Велеса). Противопоставление севера и юга Древней Руси было вызвано, с одной стороны, разным этническим происхождением (северяне были связаны с балтийскими славянами общим венетским происхождением, тогда как южане относились к антской группе), и, как следствие этого, имели разных богов-прародителей: новгородцы – Велеса, а киевляне Дажьбога, что отмечено в «Слове о полку Игореве». И если Киев тяготел к самодержавной княжеской власти, то Новгород к республиканской – жреческой. И клялись в договорах не двумя богами, а каждый народ – своим: новгородцы Велесом, а киевляне Перуном.

Ряд исследователей, в частности А. Г. Кузьмин, предполагает, что статуи языческих богов были сделаны по подобию князем Владимиром в землях балтийских славян, тем более, что и пантеоны обеих народов весьма схожи. Особенно интересен в этом отношении Перун, имеющий не только общеславянское значение, но и общеиндоевропейское.

Культ Перуна восходит к культу бога грозы (грома) в индоевропейской мифологии и имеет много общих черт с Перкунасом балтской мифологии. «Бог грозы уже в индоевропейской традиции связывался с военной функцией и соответственно считался покровителем военной дружины и ее предводителя (у славян – князя), особенно на Руси». Главным оружием Перуна были камни и стрелы, а также топоры. В славянской традиции Перун на коне или на колеснице поражает змеевидного врага Волоса (Велеса), который последовательно прячется от него в дереве, в камне, в человеке, животных, в воде. После победы Перуна над Велесом освобождаются воды и проливается дождь. Характерной чертой, связанной с мифами и ритуалами об этом

боге-громовержце, является их соотнесение с дубами и дубовыми рощами и с возвышенностями, на которые в древности ставили идол Перуна, что восходит к индоевропейскому периоду. В балтийской и славянской мифологиях Перун приурочивается к четырем сторонам света (*Иванов В.В., Топоров В.Н.* Перун // Мифы народов мира. Т. II. – М., 1994 С. 306–307). Что касается человеческих жертвоприношений в Древней Руси, то они существовали до Владимира, о чем свидетельствуют и археологические данные и документальные свидетельства византийских авторов и русских летописцев. Достаточно вспомнить принесение в жертву древлянских послов бабушкой Владимира княгиней Ольгой.

(80) Здесь Гильфердинг прав, говоря о неприятии новгородцами культа Перуна, насажденного в этих землях насильственно. Словене ильменские почитали Велеса и вели свое происхождение от этого бога подземного царства и бога богатства.

(81) Среди проповедников христианства среди славян большую роль сыграли опять же кельты.

«В зальцбургском трактате «Обращения баваров и карантанцев», составленном в 870–871 гг., рассказывается о князе Прибине, в состав владений которого входила Нитра. Сообщается, что в этом граде Прибины был построен христианский храм, который был освящен зальцбургским архиепископом Адальмаром (824–836 гг.). В 30-х гг. IX в. Прибина был изгнан из своих владений Моймиром – «князем морован над Дунаем». При этом многие укрепления, воздвигнутые при Прибине были разрушены» (*Седов В.В.* Указ. соч. С. 460).

Здесь необходимо отметить, что зальцбургское архиепископство, сыгравшее огромную роль в крещении западных славян, было основано ирландскими монахами. Именно отсюда монах Овидий, которого многие исследователи считают создателем первого славянского алфавита глаголицы, нес проповедь христианства славянам (и не только он один). Я думаю, что большую роль в принятии христианства славянами, которые уже давно были восприимчивыми кельтской культуры, сыграло это обстоятельство, что проповедниками были именно кельты, в чем, возможно и заключался главный успех раннего принятия западными славянами христианства.

Известно, что святой Колумбан, знаменитый кельтский проповедник хотел посетить «венетиев», но он до них не дошел, однако его дело продолжил другой подвижник кельтского христианства (и ученик Колумбана) св. Аманд, совершивший первую,

документально засвидетельствованную попытку крестить альпийских славян (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 406–407). К этому его могло подвинуть известие о создании славянского королевства Само, тем более, оба они родились на севере Франции.

Уже в 745 г. хорутанский (карантийский) князь Борут за помощь, оказанную ему в борьбе с аварами, подчинился баварскому господству, которое было закреплено подавлением восстания славян в 772 г., а в 788 г. на этой территории установилось владычество империи франков. Тогда же хорутанские славяне стали активно принимать христианство, главным образом благодаря деятельности Вергилия и Арна, зальцбургских епископов, которым эти области были подчинены в церковном отношении. (Нидерле Л. Указ. соч. С. 70)

В 845 г. 14 старейшин племен Богемии в Регенсбурге приняли христианство (Седов В.В. Указ. соч. С. 455). Чехи, вобравшие достаточно сильный этнический кельтский компонент, приняли христианство, видимо, из рук ирландских монахов, поскольку в этом городе находился монастырь, ими основанный, и регенсбургский епископ (позднее, архиепископ) традиционно выбирался из их среды.

Ирландские монахи, известные своей энергичностью и миссионерской деятельностью по всей Европе, действовали и в Киеве. Так, до разорения этого города татаро-монголами, там существовал ирландский монастырь (Диллон М., Чедвик Н.К. Указ. соч. С. 408). Известен также факт посещения этого монастыря группой ирландских монахов из из подобного монастыря в Вене в 1179 году (Moody T.W., Martin F.H. Course of Irish history. – Dublin, 2001. P. 400). Здесь следует вспомнить, что в Киево-Печерской лавре хранятся несколько десятков голов первых святых. Закономерно напрашивается аналогия с кульгом головы, столь распространенном именно в кельтском мире. Следует отметить, что в сроки, близкие к визиту ирландских монахов в Киев, в 1186–1189 гг. в Новгороде строится «немецкая» (в смысле иностранная) церковь св. Петра. Может быть, это результат все той же миссии ирландских монахов, которые путешествуя в Киев путем «из варяг в греки» не могли миновать Новгорода. Тогда, скорее всего, новгородская немецкая церковь была ирландской. Кстати сказать, строительство этой церкви происходит после еще одного знаменательного события в жизни Новгорода – в 1155 г. новгородцы добиваются независимости своей церкви от киевской митрополии, и отныне новгородский епископ выби-

рается вече, народным собранием. (Об этой церкви см. подробнее: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 359–361).

Выше говорилось, что при сопоставлении кельтского христианства, долгое время не признаваемого Римом, и раннего русского православия обнаруживается ряд схожих черт. «При сосуществовании, – констатирует А. Г. Кузьмин, – существенно различавшихся христианских общин заметно преобладание кирилло-мефодиевских традиций с ирландской и арианской окраской. Достаточно сказать, что в Повести временных лет сохранился арианский символ веры, а церковь в первые полвека была организована на манер арианской (выборные общинами епископы) и ирландской (аббат монастыря или собора выше епископа)» (*Кузьмин А.Г.* Руги и русы на Дунае // *Славяне и Русь.* С. 448). Кузьмин считает так же, что самый ранний славянский алфавит глаголица был создан ирландским монахом Вергилием (ум. 784 г.), который в течении нескольких десятилетий просвещал западных славян, распространяя христианство в Моравии и Паннонии (там же. С. 173). А ведь именно западные славяне осваивали территории будущей Северной Руси.

- (82) Славяне и кельты поклонялись силам природы и обожествляли родники, камни, деревья имели священные рощи. Святилища и храмы славян, особенно западных имеют явно кельтские корни. «Храмы балтийских славян, выстроенные из дерева и великолепно оформленные, до недавнего времени были известны по описаниям XI–XII вв. Теперь некоторые из них открыты и изучены археологами. Один из них исследован в Гросс Радене недалеко от г. Штернбергер в округе Шверина. Здесь на полуострове озера Биннензее находится городище с высоким кольцевым валом и рядом поселение IX–X вв., где и открыто было культовое здание второй половины IX в... Стены его сооружены из вертикально поставленных бревен, которые с наружной стороны были облицованы уплощенными брусками. Последние сверху завершались схематически вырезанными изображениями голов. Над входом висел череп зубра – символ силы и благополучия. Длина храма 12,5 м, ширина 7 м. Остатки подобной культовой постройки, несколько худшей сохранности, раскопаны в Фельдберге.

Анализ этих храмов при учете данных исторического описания выявляет ближайшие аналогии им в культовом строительстве кельтов. В этой связи достаточно обоснованной представляется мысль Й. Хермана о том, что культовые здания балтийских славян восходят к кельтским храмовым сооружениям. Их начало,

по-видимому, относится к последним столетиям I тыс. до н.э., когда часть славян впитала в себя кельтский субстрат. В земли балтийских славян кельтское наследие было перенесено, скорее всего, из Силезии носителями фельдбергских древностей» (*Седов В.В.* Указ. соч. С. 342–343). Подобный храм был обнаружен и при раскопках на Варяжской улице в Старой Ладоге.

С кельтским влиянием связаны и круглые культовые площадки с ровиками, которые были распространены на всех славянских землях (Микульчицы в Чехии, Бродовин и Зааринген в Германии, Ходосовичи в Белоруссии, Перынь и Псков в России). «У славян такие сооружения являлись первыми капищами – местами, где стояли идолы. В дальнейшем капища другой конструкции сохраняли такую же круглую форму, единую на всех славянских святилищах» (*Русанова И.П.* Указ. соч. С. 91). Русанова с кельтами связывает круглые святилища с ровиками и саму идею божьего дома-храма (там же С. 98)

Каменные и деревянные идолы кельтов и славян также имеют множество сходных черт – от многоголовости до совпадения в положении рук и в различных атрибутов (наличие в руке рога или меча) (*Цветков С.В.* Указ. соч. С. 137).

(83) Идея единобожия была свойственна и кельтскому язычеству.

(84) В переводе этого текста Фаминцыным, бороды четырех голов Святовита не выбриты, а подстрижены (*Фаминцын А.С.* Божества древних славян. – СПб., 1884. С. 127).

(85) Налицо связь славянского Святовита с кельтским «Меркурием». Кельты были торговым народом. Юлий Цезарь называет главным богом галлов Меркурия. Помимо других функций, приписываемых этому богу галлы «думают также что он очень содействует наживе денег и торговым делам». Цезарь также говорит, что этот бог «имеет больше, чем все другие боги, изображений» (*Цезарь Ю.* Записки о галльской войне. – М., 2001. С. 117). Мы знаем многочисленные изображения Меркурия, иногда с четырьмя головами и кошельком в руке который выступает в качестве «указывателя дорог и проводника в путешествиях».

Часто галльский Меркурий изображался вместе с богиней по имени Росмерта, что означает «Поставщица (какой-либо продукции)». Иногда Меркурий помещался вместе с галльской Минервой, которая, согласно свидетельству Цезаря, хранила секреты искусств и ремесел и обучала их практическому применению. Иногда Меркурий имел прозвища, символизирующие священных животных кельтов. Так прозвища Artaus и Moccus вводят Меркурия в круг символизма медведя и вепря, а прозвища Vella-

pus и Adsmarius означают «Благосклонный» и «Поставщик (какой-либо продукции)» (*Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. – СПб. 2000. С. 261). Все это говорит о склонности к занятию торговлей и ремеслом у кельтов, наводнивших в латенскую эпоху своей продукцией практически всю Европу. Интересно, что одно из прозвищ Меркурия Vellanus напоминает имя славянского бога со схожими Меркурию функциями Велеса, а другое – Моссус, близко имени славянской богини Мокоши, функции которой похожи на функции галльской Минервы.

В кельтском языческом пантеоне, как это часто бывает, функции богов очень часто совпадали. Бернские схолии в одном месте сообщают, что один из галльских богов по имени Езус – это Марс, а в другом месте – что Меркурий, и его почитают торговцы (*Широкова Н.С.* Указ. соч. С. 285). В совмещении военной и торговой функции нет ничего удивительного и противоречивого. И в античные времена и в эпоху средневековья война и торговля шли бок и бок и купец должен был быть и хорошим воином, дабы уметь постоять за себя и свой товар. Античные источники показывают, что очень часто купцы следовали вместе с войском и располагались вместе со своими товарами в военных лагерях, в которых осуществлялись торговые операции.

Один из главных богов кельтского пантеона Луг, которого большинство исследователей считает кельтским Меркурием, согласно ирландской саге «Битва при Маг Туиред», смог войти в сакральный центр ирландцев Тару только после того, как сумел доказать, что он сведущ во всех ремеслах и искусствах: и в плотничестве, и в кузнечном деле, и в военном искусстве, и в игре на арфе, и в чародействе, и в искусстве врачевания и будучи искусным медником. В Тару, надлежит отметить, не мог войти человек не знающий ремесла (Похищение быка из Куальнге. – М., 1985. С. 861–863). Это лишний раз подтверждает, насколько большое значение, причем значение сакральное, придавали кельты ремеслу и торговле. Отсюда становится понятно, почему именно Меркурий, проводник людей в царство мертвых, отвечал и за торговлю. Юлий Цезарь говорит о том, что галлы часто брали деньги в долг, обещая расплатиться на том свете. Накопление богатства имело большое значение еще и потому, что им можно было воспользоваться в загробном мире. Поэтому находка археологами большого количества кладов на землях кельтов и славян, языческие верования которых были схожими, не свидетельство войн и опасностей, как это часто трактуют

исследователи, а естественное желание обеспечить себе безбедное существование в ином мире.

Галлы вкладывали деньги в различные торговые предприятия. «К деньгам, которые муж получает за женой, он прибавляет такую же сумму из своего имущества на основании произведенной оценки. Этому соединенному капиталу ведется общий счет, и доходы с него откладываются. Кто из супругов переживет другого, к тому переходят обе половины капитала вместе с выросшими за все время процентами» (*Цезарь Ю.* Указ. соч. С. 113).

Имя Луга носили многие города, которые и в эпоху средневековья сохранили свое торговое и производственное значение. «Среди них: Лаон, Сент-Лизье в Галлии, Лейден в Голландии, Карлайл в римское время назывался Лугувалмом... Важно отметить, что тоже самое название «Лугдунум» носил город, ставший самой блестящей из римских колоний в Галлии, которую Август сделал столицей Трех Галлий – современный Лион. Город был застроен роскошными зданиями. В частности там был построен великолепный, величественный алтарь, посвященный Риму и Августу, который был торжественно открыт в 12 г. до н. э. Вблизи от города, на горе Фурвьер, с которой открывался прекрасный вид на альпийскую горную цепь, уже в кельтское время было святилище бога Луга. Лугдунум и означает «холм бога Луга» или «посвященный Лугу, высокий укрепленный город».

То, что городу, который Август возвысил до центра Галлии, было оставлено его кельтское имя, символично. В этом можно видеть косвенное доказательство того, что Луг – это галльский Меркурий Цезаря. Известно, что Август питал личное пристрастие к Меркурию, и в Галлии его времени имя императора часто присоединялось к имени Меркурия. В данном случае личные вкусы и политика императора счастливо совпадали: бог главного города Галлии был любимым богом императора Меркурием. Слияние с императорским культом привело к тому, что его главный праздник в Лугдунуме приходился на 1 августа. Однако в тот же день в Ирландии справлялся праздник бога Луга» (*Широкова Н.С.* Указ. соч. С. 270–271). Небезынтересно, что Луг, или Ллеу в валлийском варианте (как тут не вспомнить славянского Леля) по-галльски означает «сияющий» (*Шкунаев С.В.* Луг // *Мифы народов мира.* – М., 1994. Т. II. С. 75). Святovit обозначает в переводе «святой свет», что еще раз подтверждает близость этих богов. Необходимо отметить, что соседями венедов Повисленья была группа племен, носящих имя лугии, которых исследователи все чаще связывают со славянским этносом.

(86) Отождествление Гильфердингом Триглава и Святовита вызывает сомнение. Белый цвет коня Святовита, скорее, указывает на солярное происхождение, тогда как черный конь Триглава на его хтонические функции. На золотой пластинке кельтского происхождения, найденной в Дании, изображены солнце, звезды, рыбы, коровы, кабаны. В центре фигура трехголового мужчины, в правой руке которого топор, а левой он держит на привязи козла – животное явно хтонического круга. Сюжет этой пластины явно показывает трехчастность мира – небо, землю и подземный мир (*Русанова И.П.* Указ. соч. Рис. 52).

(87) Здесь Гильфердинг несколько противоречит, показывая на самом деле различие Триглава и Святовита. Если Триглав управляет тремя традиционными для индоевропейской мифологии царствами, небесным, земным и преисподней, то четырехголовый Святовит управляет скорее всего земным миром – не зря его головы ориентированы по четырем сторонам света.

Интересно, что в южнославянской и восточнославянской традициях трехглавый персонаж – Троян. В сербской сказке одна из голов Трояна пожирает людей, другая – скот, третья – рыбу, что олицетворяет три царства. Путешествует Троян ночью, так как боится дневного света (*Мифы народов мира. Т. II. С. 525*).

(88) Версия Гильфердинга о тождестве Сварожича и Святовита убедительна. Вместе с тем несостоятельным выглядит отождествление многими исследователями Сварога и Сварожича (*В. Иванов, В. Топоров*), тем более Сварожич – это отчество, т. е. Сварожичь – это скорее всего сын Сварога, который у балтийских славян именовался Радигастом. А вот тождество Святовита (Свентовита) и Дажьбога (по многочисленным источникам, Дажьбог сын Сварога) солнечного бога в этом случае более вероятно.

(89) Имя Святовит или Свентовит от славянского слова *svetъ* – «святой, священный» (*Иванов В.В., Топоров В.Н.* Свентовит // *Мифы народов мира. Т. II. С. 420*).

(90) Сварожич, Хорс и Дажьбог.

Сварожич в славянской мифологии являлся богом огня, в отличие от Сварога, который был богом неба.

Хорс, как убедительно показал Рыбаков, наряду с Дажьбогом – солнечное божество, и если Хорс является богом солнца как небесного светила, то Дажьбог бог света как такового. Само слово Хорс означает «круглый». «По всей вероятности, очень древнее божество, представления о котором предшествовали идее светоносного небесного бога вроде Аллполона».

Дажьбог переводится как бог – податель благ (*Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. С. 434*).

- (91) Вполне вероятно, что Белобог и Чернобог это эпитеты богов двух миров.

Збручский идол и изображения на его гранях были тщательно проанализированы Рыбаковым, ключом к расшифровке для которого послужило древнее представление о делении Вселенной на три зоны: небо, землю и подземный мир.

«Верхняя зона 1. Богиня плодородия (Макошь) с рогом изобилия в руке. (небесные боги) На лицевой грани идола.

2. Богиня с кольцом (Лада). По правую руку богиня с рогом.

3. Бог войны (Перун) с мечом и конем. По левую руку богини с рогом.

4. Безымянный бог без атрибутов. На тыльной грани идола.

Средняя зона Хоровод из двух мужчин и двух женщин, держащихся за (земля, люди) руки. Пол соответствует полу божества в верхнем ярусе.

У плеча женщины на лицевой грани (там, где богиня с рогом) изображена фигурка ребенка, подчеркивающая идею плодородия.

Нижняя зона Бог, стоящий на коленях и поддерживающий своими (подземный мир) руками плоскость земли с людьми на ней (Велес?).

Скульптор изобразил этого бога не только на лицевой грани, но и на двух боковых, дав туловище в профиль, а голову в фас, благодаря чему получились как бы три бога или (“триглав”)> (там же. С. 462–463).

- (92) Жива – богиня жизни, имя которой находит аналогии в крито-микенской письменности, что указывает на ее архаичность. Эта богиня жизни, видимо, имела отношение к индоевропейскому периоду (там же. С. 374).

- (93) Радигост (или Радгост) и Яровит противопоставлены Гельмольдом. Вместе с тем нельзя забывать, что главными атрибутами Радигоста были конь и копыя (как у Святовита), а также огромный вепрь, согласно легенде, выходивший из моря (Мифы народов мира. Т. II. С. 420). Т.е. Радигост имеет вполне воинственные функции, тем более, что кабан еще и символ гражданской власти – кельты сравнивали короля с кабаном, идущим за желудями. В.В. Фомин считает, что Радигост (Радегаст) был богом торговли (*Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 440*). Эта

версия так же вполне обоснована. Возможно сочетание воинской и торговой функций в Радигосте, поскольку торговля в те времена находилась в руках воинов.

С другой стороны Яровит (Геровит), бог войны балтийских славян, которого сравнивают с Марсом, одновременно несет функции вполне мирные – Яровиту был посвящен весенний праздник плодородия. В одном из источников приводится речь жреца Яровита, согласно которой этот бог властвует над зеленью и плодами земли, что сближает его с восточнославянским Ярилой (Славянская мифология. С. 399).

Ярило не только персонаж, связанный с идеей плодородия, но и весенней сексуальной мощью. Имя этого бога производится от корня «яр», «С которым соотносятся представление о яри как высшем проявлении производительных сил, обеспечивающем максимум плодородия, прибытка, урожая». Очень интересно описание белорусского ритуала (середина XIX века), приурочивавшегося к 27 апреля, центральной фигурой которого был Ярило. «Его изображала женщина, наряженная молодым красивым босоногим мужчиной в белой рубашке; в правой руке она держала человеческую голову (совершенно кельтский обычай – у этого народа голова – средоточие жизненных сил. – С.Ц.), в левой – ржаные колосья, на голове был венок из полевых цветов. Девушку, изображавшую Ярило, сажали на белого коня, привязанного к столбу. Вокруг нее девицы в венках водили хоровод (иногда по засеянной ниве) и пели песни. Сохранилось начало одной из них: «Волочился Ярило по всему свету, полю жито родил, людям детей плодил. А где он ногою, там жито копою, а куда он взглянет, там колос зацветает» (Иванов В.В., Топоров В.Н. Ярила // Славянская мифология. – М., 1995. С. 397–398).

Впрочем сочетание воинских и плодородных функций – дело обычное в индоевропейской мифологии.

- (94) Отождествление Радигоста с Меркурием возможно, если учесть перевод этого имени, где «рад» означает радость, а «гост» – гостя, то есть купца. Учитывая торговые наклонности балтийских славян это отождествление вполне логично.
- (95) Сближение Гильфердингом Хорса со Святовитом предстает малоубедительным, скорее, речь может идти об отождествлении последнего с Дажьбогом.
- (96) Обилие богов балтийских славян и их привязанность к определенному роду, или жупе, свидетельство того, что изначальный предок рода, скорее всего, обожествлялся и ему уже поклонялись как богу, посвящая ему храм и воздвигая идола.

- (97) Троица богов из Кореницы – Руевит, Поревит и Поренут представляет огромный интерес в системе мифологии балтийских славян. Известно, что триады богов распространены в индоевропейской традиции, в том числе и кельтской (как и многоголовость богов). Триада Руевит, Поревит и Поренут может означать традиционную трехчастность Вселенной: небо, землю и подземный мир. Вместе с тем трио богов может означать три основных вида деятельности балтийских славян – войну, земледелие и торговлю. Если сложить количество ликов Руевита и Поревита, то мы получаем число 13, то есть количество лунных месяцев в году. Пятиголовие безоружного Поревита может указывать на пять мирных месяцев сельскохозяйственных работ с мая по сентябрь, а семиликость воинственного Руевита – на семь месяцев, посвященных войне и грабегам. Тогда не случайно именно семь сундуков с деньгами, найденных в Коренице и посвященных богам (или богу Поревиту). Тогда как другие находки в храмах этого города (шелк, ткани, ювелирные изделия) могут быть предназначены Поренуту. Четырехголовый, как и Святовит, но безоружный в отличие от него Поренут может отвечать за торговлю, требующую смекалки (левой рукой он касался лба), а также мужества и воли (правой рукой Поренут касался подбородка – символа воли). Интересно, что по-древнеславянски *pora* – «изобилие, плодородие» (Славянская мифология. С. 326). Триада богов может отражать так же еще и трехчленность славянского общества (жрецы, воины и земледельцы).
- (98) Черноглава, по мнению Иванова и Топорова, можно идентифицировать с Чернобогом и также связать с Триглавом (Славянская мифология. С. 391). Указание на то, что Черноглава брали с собой в походы, показывает, что славяне относились к войне, как к делу далеко не святому – Черноглав-Чернобог должен, видимо, был помогать во время битвы не в качестве бога воинской доблести, а способствовать победе колдовством.
- (99) Иванов и Топоров предполагают возможное тождество Подаги с польским *Pogoda*, упоминаемому у Я. Длугоша (XV в.) как одно из имен божеств сезонного типа и не сближают это божество с Дажьбогом (Славянская мифология. С. 315). Существование у мореходного народа божества погоды видится вполне логичным. Вместе с тем корень «даг» может иметь отношение к кельтскому богу Дагде. Дагда в переводе «хороший, добрый бог». Наделялся властью над природными явлениями и урожаем. (Мифы народов мира. Т. I. С. 346).

⁽¹⁰⁰⁾ Прове (или Проне), по мнению Иванова и Топорова, сопоставляется с именем бога Поревита и с *Porvata*, отождествляемой с Прозерпиной в списке польских богов у Я. Длугоша. По гипотезе В. Пизани, имя Прове – один из эпитетов Перуна – «правый, справедливый» (Славянская мифология. С. 326). Его связь со священными дубами и рощами с одной стороны может говорить о его связи с громовержцем Перуном, чье священное дерево – дуб, с другой, может иметь отношение к святилищу пруссов, чья торговая колония могла находиться в Старгарде (сравните со святилищем пруссов в Ромове).

⁽¹⁰¹⁾ До конца VIII в. на территории суковско-дзедзицкой культуры, областью становления которой с V в. были земли среднего течения Одера с бассейном Варты, прежде входившие (до середины V в.) в пшеворский ареал, бытовал погребальный обряд плохо фиксируемый археологически, – остатки кремации умерших, собранные с погребальных костров разбрасывались на могильниках прямо на поверхности (*Седов В.В.* Славяне. С. 328–329). Все ранние курганные некрополи в землях балтийских славян (самые ранние в Ральсвике – конец IX в.) расположены при торговых поселениях, в которых проживало разноэтничное население. В.В. Седов будучи норманистом, считает, что курганная обрядность была занесена норманнами, которую в течение IX–XI вв. восприняло местное население, но в отличие от скандинавов по обряду трупосожжения (там же. С. 346–347). Вместе с тем курганные некрополи с захоронениями по обряду трупосожжения характерны в первую очередь для кельтов.

⁽¹⁰²⁾ Сегодняшние археологические данные показывают следующее. Наиболее крупное культурно-историческое образование индоевропейцев на протяжении нескольких столетий существовало в центральной части Европы. В среднем бронзовом веке это были культура курганных могил и сменившая ее средневропейская культура полей погребальных урн. Все эти древности имеют прямое отношение к рождению славянского этноса.

«Культура курганных могил, датируемая от 1500 до 1250/1200 до н. э., занимала территорию от бассейна верхнего и среднего течения Рейна на западе до Тисы на востоке. Свое название эта культура получила от характерного погребального обряда – захоронения умерших совершались под курганными насыпями, которые окружались венцом из камней. В курганах обычно устраивались различные каменные или деревянные сооружения. Умершие хоронились в основаниях насыпей или в грунтовых ямах под ними по обряду ингумации с сопровождающим веще-

вым инвентарем (чаще всего это были украшения и предметы вооружения). Встречаются и трупосожжения, в отдельных районах они были даже преобладающими. Остатки кремации умерших помещались в курганах в глиняных урнах и цистах» (там же. С. 42).

В западной части ареала этой культуры, которая нас интересует различаются нижнерейнская, вюртембергская, хагенауская или эльзасская, среднерейнская, гессенская и люнебургская (или ильменауская), группы (там же. С. 43).

«На позднем этапе эволюции рассматриваемой культуры получают все более широкое распространение бескурганные захоронения по обряду трупосожжения. Это был постепенный процесс, завершившийся во второй половине XIII в. до н. э. полным вымиранием сооружать курганы и обряда трупоположения. Новая обрядность – захоронение останков кремации в урнах на бескурганных могильниках («полях погребений») – дала название новому крупному образованию – средневропейской культурно-исторической общности полей погребальных урн, датируемой XIII–VIII/VII вв. до н. э.» Эти могильники часто весьма обширны и насчитывают по несколько сотен могил, а наиболее крупные и свыше 1000 и функционировали большой период времени. Кремация покойников совершалась на стороне, затем собранные с погребальных костров останки и пепел помещали в глиняные урны или прямо в ямы, на дне которых иногда ставили ритуальные сосуды. Урны в ряде случаев прикрывались камнями. Бронзовые изделия в могилах крайне редки. По керамике и иным культурным элементам в составе полей погребальных урн выделяется несколько культур. Наиболее крупная из них – лужицкая – занимала северо-восточные территории, то есть бассейны Вислы, Одера и часть правобережья Эльбы (там же. С. 44–45).

Изыскания в области лингвистики и археологии показывают, что во II тыс. до н. э. существовала отдельная ветвь индоевропейцев с общим языком, из которой позднее вышли кельты, италики, иллирийцы, венеты, германцы, балты и славяне, ранние древности которых восходят к этой общности (там же. С. 47–48).

Самой древней достоверно германской культурой современными археологами признается ястрфская (от 600 до 300 г. до н. э.), начиная с которой прослеживается преемственность в культурном развитии вплоть до исторических германцев, и ареал которой охватывает Ютландию и материковые области Северной

Европы от Везера до Одера, включая и среднее течение Эльбы. Седов считает, что становление этой культуры, для которой характерны грунтовые могильники с трупосожжением, стало результатом консолидации неоднородных местных племен периода поздней бронзы в условиях широкой инфильтрации населения полей погребальных урн (там же. С. 57–58).

Но вернемся к лужицкой культуре, могильники которой насчитывают по несколько сот захоронений и функционировали столетиями. «Выделяются три основные разновидности погребений: 1) помещение остатков кремации в глиняных сосудах-урнах, обсыпанных остатками погребальных костров; 2) безурновые захоронения, в которых кальцинированные кости перемешаны с золой и углями; 3) помещение остатков кремации без урн и без остатков погребального костра». Иногда могилы обставлялись камнями, а погребальные урны иногда покрывались мисками. Изредка находили так называемые подклешевые захоронения, урны которых накрывались большим сосудом, опрокинутым вверх дном. В некоторых погребениях встречается довольно много вещей: глиняные сосуды разнообразных форм и орнаментации, металлические украшения, бусы из стекловидной массы, хозяйственные предметы (там же. С. 60).

В позднем бронзовом веке южнобалтийские земли, заселяли племена лужицкой культуры, где выделяются две ее группы – поморская и вармийско-мазурская, разделяемые нижним течением Вислы. В самом начале железного века в юго-восточной Прибалтике произошел значительный прилив лужицкого населения, который охватил Мазурское поозерье и западные области Литвы и Латвии, результатом чего стало возникновение культуры западнобалтских (или восточнопрусских) курганов, в находках которой отчетливо проявляется лужицкое влияние. С этого момента началось формирование западнобалтской этнической общности. В то же время западнее нижней Вислы, на Кашубской возвышенности складывается поморская культура, этнос которой надежно не определен, хотя Седов склоняется к ее балтской атрибуции, поскольку древности обеих культур близки и имеет ряд общих элементов в погребениях (устройство курганов с широким использованием камня и погребальных каменных ящиков, обкладка погребений камнями, наличие коллективных захоронений, многие виды керамики и украшений, орудий труда) (там же. С. 63–65).

«Около 550 г. до н.э. начинается миграция племен поморской культуры на территорию лужицкой культуры. В течение полуто-

ра столетий переселенцы из Польского Поморья расселились на значительной части бассейна средней и верхней Вислы и в смежных районах бассейна Одера. Миграция населения поморской культуры на юг была обусловлена вторжением в их земли носителей культуры лицевых урн. Последние представляют собой специально изготовленные для погребений грушевидные глиняные сосуды с натуралистическими или схематическими изображениями человеческого лица. Туловища их украшались геометрическими узорами или различными изображениями (коня, всадника, повозки, сцен охоты и др.). Поверхность урн черная, прочерченные орнаменты заполнялись белой пастой. Крышки имели вид шапки с небольшими полями.

Такие лицевые урны получили распространение наряду с Польским Поморьем в Ютландии, южных регионах Скандинавии и в бассейне Эльбы. Более ранние находки подобных урн широко представлены в Этрурии (Италия). В Северную Европу лицевые урны были явно привнесены переселенцами, этнос которых определить не представляется возможным» (там же. С. 69).

Вместе с тем подобное переселение, явно происходившее с территории Этрурии, не могло не дать мощного культурного импульса, поскольку переселенцы с юга находились на более высоком этапе развития.

Переселенцы из Польского Поморья постепенно смешивались с лужицким населением. В могильниках постепенно исчезает обычай сооружать каменные ящики, уменьшается количество коллективных захоронений, свойственных поморской культуре, зато широко распространяется типично лужицкая особенность – захоронение в грунтовых ямах в глиняных урнах или без них. В погребальной обрядности все большее распространение получает обычай накрывать остатки кремации крупным колоколовидным сосудом – клешем (от польского *klosz*). В результате такого взаимодействия двух культур, возникла новая культура подклешевых (подклошевых) погребений, датируемая 400–100 гг. до н. э. (там же. С. 70).

«Имеются все основания относить население культуры подклешевых погребений к славянскому этносу. Начиная с этой культуры прослеживается преемственность в эволюционном развитии древностей вплоть до достоверно славянских раннего средневековья. Таким образом, период формирования и развития рассматриваемой культуры был этапом становления славянского этноса. Древнеевропейское население Висло-Одерского бассейна в это время в условиях внутрирегионального взаимодей-

ствия с племенами поморской культуры становилось славянским» (там же. С. 74–75).

Во II в. до н. э. группа кельтского населения преодолела Карпаты и разделилась на две части. Одна часть продвинулась в Силезию, другая группа их расселилась в верхнем течении Вислы, среди проживавшего здесь славянского населения. «Так начался период активного кельто-славянского взаимодействия, оставившего заметный след в истории, культуре и языке славян» (там же. С. 79–80).

С этого периода наблюдается мощное кельтское воздействие на культуру подклешевых погребений в результате чего к концу II в. до н. э. эта культура трансформируется в новую, получившую название пшеворской. Постепенно эта новая славяно-кельтская культура распространяется по всей территории подклешевых погребений, а затем вышла за ее пределы. На западе в территорию этой культуры вошли области по течению Одера, где прежде проживали кельты, а в I в. до н. э. и верхнее течение Вислы. В результате в этих регионах кельты были ассимилированы славянами, при этом кельты сменили обряд труположения, свойственный им, на славянский – кремацию покойников. Пшеворские могильники бескурганные и остатки трупосожжений или ссыпались непосредственно в могильные ямы, или помещались в ямы в глиняных урнах. Вместе с тем с кельтским ритуалом оказался связанный наблюдаемый в пшеворской культуре обычай сгибания загробных даров, и прежде всего мечей и другого оружия (там же. С. 88–91).

Ямные (безурновые) погребения в большинстве своем безинвентарные, в урновых захоронениях, кроме сосуда с остатками кремации нередко сопровождающие сосуды (миски, кружки, кубки). Это говорит о том, что их ставили в могилы с ритуальной пищей и водой. В таких погребениях обычно обнаруживают много бытовых предметов, украшений и погнутого или сломанного оружия (там же. С. 105).

Пшеворское население было полиэтничным и состояло из подверженных сильному кельтскому влиянию славянских (венеды) и кельтизированных германских племен. Славянское население северных территорий пшеворской культуры в эпоху переселения народов разделилось на две части. На западе оно в основной массе оставалось на прежних местах проживания, пережив значительный упадок экономики и культуры, в результате которого в северо-западной части славянского мира складывается новая культура, названная суковско-дзедзицкой (см. прим. 99).

- ⁽¹⁰³⁾ Не смена сожжения погребением, а параллельное существование двух типов похоронных обрядов известно во многих славянских землях, в том числе и на территории Древней Руси. Об этом говорят две первые мести княгини Ольги за смерть Игоря: погребение древлянских послов заживо и сожжение их в бане. Богатые воинские захоронения в курганах по обряду ингумации в камерах многие исследователи связывают с древностями русов. Больше всего такие захоронения напоминают кельтские эпохи гальштата. Подобные захоронения в землях балтийских славян – свидетельство того, что и здесь жили русы – народ, имевший кельтское происхождение, и более того, что именно с берегов Балтики древние русы пришли в Поволховье и в Поволжье.
- ⁽¹⁰⁴⁾ Без сомнения, именно у балтийских славян жреческая власть достигла своего высшего развития, но она существовала и в языческой Руси, особенно на ее севере, где власть волхвов, наследников кельтской друидической традиции, была достаточно сильной. Эта традиция не изменилась и в христианские времена. В Новгородской феодальной республике – архиепископ – глава правительства.
- ⁽¹⁰⁵⁾ Все, сказанное Гильфердингом о жрецах балтийских славян, в той же мере относится и к друидам – обе традиции практически совпадают.
- ⁽¹⁰⁶⁾ Из-за теократического правления и разобщенности племен были в короткий срок завоеваны Галлия и Британия. То же произошло и с балтийскими славянами.
- ⁽¹⁰⁷⁾ Первыми крестителями славян выступили кельтские монахи и не в Паннонии, а в Альпах.
- ⁽¹⁰⁸⁾ Бруно, по мнению А. Г. Кузьмина, имя кельтское.

Комментарии ко II части

- ⁽¹⁰⁹⁾ Более всего на религию и мифологию славян повлияли кельты. О регионе Балтийского моря мы можем смело говорить как о последнем оплоте кельтской языческой цивилизации, в ареал которой входили и славяне, и скандинавы, и балтские племена, имевшие одного общего врага – христианскую Германскую империю.
- ⁽¹¹⁰⁾ Хлодвиг (481–511), король франков, возможно исповедовал арианство до принятия крещения по католическому обряду в 498 г. (*Лебек С.* Указ. соч. С. 53–54).
- ⁽¹¹¹⁾ Кельтская (ирландская) церковь, уходящая своими истоками в православие, активно занималась миссионерской деятельностью по всей Европе. На протяжении VI–VIII вв. в Европе было

создано по крайней мере пятьдесят монастырских центров, где доминировало ирландское влияние (*Диллон М., Чедвик Н.К.* Указ. соч. С. 405).

- (112) Раннее христианство в Галлии имело православные истоки: «В самой Галлии самой выдающейся церковной силой и протагонистом в арианском споре был св. Иларий, ставший епископом Пуатье вскоре после 350 г. Его блестящие писания явились главным вкладом Галлии в вопросы, разрывавшие в то время церковь, и вместе с произведениями св. Афанасия заложили основу православия западной церкви» (там же. С. 198). М. Диллон и Н.К. Чедвик отмечают далее, что: «Демократическая система, всегда преобладавшая в монашеских общинах, была совершенно чужда церковной иерархии, основанная на системе римской гражданской администрации. Растущая вражда между епископами и монахами в Галлии стала особенно очевидной в начале V в...». С 428 г. римский папа Целестин начал активную борьбу с галльским православием (там же. С. 203).
- (113) Уступка бодричам (ободритам) западной Голштинии была вызвана еще и торговыми интересами франков, поскольку саксы и датчане затрудняли доступ в Балтийское море им и их союзникам, а славяне – выход в Северное море. Союз со славянами (ободритами) был выгоден Карлу Великому, поскольку в их руках находилась торговля и торговые пути, связывающие Северную Европу с Византией и арабским Востоком. Однако достаточно скоро Карл понял, что эти торговые выгоды лучше иметь самому, и отобрал эти территории, издав при этом ряд актов, регламентирующих торговлю со славянами.
- (114) Разрушение датчанами Рарога (Рерика), а главное, переселение купцов в будущий Шлезвиг лишний раз показывает, какое большое желание установить контроль именно над международной торговлей вызывали успехи славян в этой сфере, тем более что северный морской путь был единственным торговым путем, связывающий европейский Запад с Востоком. Не будем забывать, что Гибралтарский пролив был в руках арабов, которые хозяйничали тогда в Средиземном море. В связи с чем торговля через Балтийское море приобретала все более важное значение для империи Карла Великого.
- (115) Годофрид (Готфрид) далеко не первый представитель норманнской деятельности в Европе. Самая ранняя запись о набеге викингов на Англию датируется 787 г. (*Kanper Д.П.* *Викинги Британии.* – СПб., 2003. С. 268). Но набеги на континентальную Европу действительно начал Готфрид.

- (116) Гильфердинг абсолютно прав, говоря, что историки очень мало внимания уделяют религиозным побуждениям походам викингов. Расцвет язычества во всем Балтийском регионе в этот период и борьба против христианства позволяли объединять усилия славян, балтов и скандинавов, религиозные представления которых были близки и имели кельтские корни. Вместе с тем, если славяне преследовали больше торговые интересы, то викинги стремились получить контроль над этой торговлей, в первую очередь в Западной Европе.
- (117) Во многом действия норманнов и славян были вызваны торговыми интересами. В 834 г., а затем подряд в 835, 836 и 837 гг. был разграблен Дорестада, находившийся на берегу одного из рукавов Рейна, крупнейший западноевропейский центр международной торговли (*Роедсаль Э. Указ. соч. С. 174*) Необходимо отметить, что активность викингов вовсе не случайно совпала с активизацией торговой деятельности балтийских славян и русов, что подтверждает и нумизматический материал. Фризы были главными соперниками славян в международной торговле, что и объясняет столь активные набеги на их торговый центр Дорестада был.
- (118) В 841 г. разграбили Руан. Через год они напали на Квентович, центр торговли с Англией, а в 843 г. взяли приступом Нант. В 845 г. были разграблены районы Сены и даже Париж. Вот как описывает монах Эрментариус из Нормондье кровавые деяния викингов: «Число кораблей растет. Бесконечный поток викингских полчищ не иссякает. Повсеместно христиане становятся жертвами убийц, повсюду пожары и грабежи. Викинги сокрушают все на своем пути. Никто не в силах остановить их. Они захватили Бордо, Периге, Лимож, Ангулем и Тулузу. Анже, Тур и Орлеан они сравнивали с землей. Бесчисленная их флотилия плывет вверх по Сене, по всей стране вершится зло. Руан разрушен, разграблен и сожжен. Захвачен Париж, Бове и Мийо, крепость Мелен сравнена с землей, осажден Шартр, Эвре и Байе разграблены. Все города осаждены» (там же. С. 175–176).
- (119) Славяне воспользовались этими обстоятельствами для развития международной торговли, поскольку набегами викингов была уничтожена западноевропейская торговля.
- (120) Имя Борут имеет явно кельтское происхождение, что нередко в среде балтийских славян. Нападение славян и норманнов на Гамбург вполне закономерно, поскольку этот край был сначала подарен славянам Карлом Великим, а потом отобран.
- (121) Здесь интересно совпадение имен князя ободритов Гостомысла

с Гостомыслом русских летописей, доваряжского правителя ильменских словен. Может быть, это не просто совпадение, и речь идет об одном и том же человеке – ведь не исключено, что торговые поселения балтийских славян на севере Руси просто управлялись ободрицким Гостомыслом, а после его смерти управление было ослаблено и летописный союз племен (кривичи, словене, чудь, меря, весь) потребовали у «метрополии» себе уже своего князя, коим явился Рюрик.

(122) Как раз в это время происходит бурное строительство новых и расцвет старых торговых городов не только у балтийских славян, но и у их сородичей на севере Руси, а также новый взлет торговли с арабским Востоком по Великому Волжскому пути, что нашло отражение в данных нумизматики.

(123) Этот эпизод 867 г. лишнее подтверждение что Рорик Ютландский и наш Рюрик – разные лица. Вряд ли только утвердившись на Руси Рюрик отправился бы в столь дальний поход из Ладоги во Фрисландию. Вместе с тем не исключено и их родство, поскольку датские конунги и князья балтийских славян нередко состояли в родстве. Интересно так же, что последние сведения о нем датируются 873 г. (там же. С. 178).

(124) Междуречье Эльбы и Заале (Салы) в VI в. было заселено славянами пражско-корчаковской группы. В самом начале VII в. в этом районе появляются новые массы переселенцев, по своему культурному облику заметно отличающиеся от местных славян, как видами керамики (рюсенская керамика), так и поселениями нового типа – городищами с оборонительными стенами, сложенными насухо из камня и имеющие сверху деревянные сооружения в виде полисадов, решетчатых или ящичных конструкций. Найдены и защитные стены, сложенные из кирпича. Распространяется и обряд трупоположения. Рюсенская группа славян надежно идентифицируется с сорбами, пришедшими из более южных, западнодунайских земель (*Седов В.В.* Славяне. С. 468–469).

Начиная с VII в. из междуречья Эльбы и Заале славяне начинают мирно расселяться на запад, оседая в Тюрингии среди немецкого населения, что хорошо задокументировано археологическими материалами, начиная с IX в. В XII в. в отдельных районах Тюрингии удельный вес славян среди жителей достигал 37%. Только в XIII в. началась их культурная и этноязыковая ассимиляция (там же. С. 470–471).

(125) Взаимоотношения славян с местным населением Тюрингии было мирным, и они жили зачастую в общих или соседних деревнях с

германцами и с VIII в. уже были подданными франков (там же. С. 471), в связи с чем они и не поддерживало вторжения своих сородичей на эту территорию.

(126) Возможна и другая трактовка этого племенного названия – луги, названных по имени кельтского бога Луга.

(127) Любопытно совпадение названия этой реки (Ильменау) с названием озера Ильмень на севере Руси, что лишний раз указывает на факт переселения южнобалтийских славян в пределы Северо-Западной Руси.

Комментарии к III части

(128) Город с таким названием более нигде не встречается. Может быть, речь идет не о городе, а о некоем районе, который славяне называли Светлой страной.

(129) Йомсбург и его витязи (йомсвикинги исландских саг), а так же их взаимоотношения с балтийскими славянами описаны в саге об Олаве сыне Трюгви.

(130) Фраза не была дописана Гильфердингом, но можно догадаться, что речь идет о короле Норвегии Олафе, внуке Борислава и сыне Сигвальда – главы йомских витязей.

(131) Между 990 и 994 гг. викинги совершают нападения на Фрисландию и Северную Германию.

(132) С последнего восстания бодричей прошло, скорее всего, 14 лет. В 1010 г. король Генрих возобновил войну с князем Болеславом.

(133) На этом рукопись Гильфердинга обрывается. После Болеслава Храброго (992–1025) и бодрицкого князя Готшалка (1043–1066) была попытка создания государства руянским князем Крутом (1066–1105), а также сыном Готшалка Генрихом (ум. в 1119 г.). Около 1127 г. пала Ретра, а в 1168 – знаменитая Аркона, сакральный центр балтийских славян; в 1177 г. был сожжен Волин, а со второй половины XII в. балтийские славяне находятся уже в немецком подданстве, что привело к усиленной германизации этих славянских племен (*Нидерле Л. С. 126*).

И. А. Настенко

Вместо послесловия

«История балтийских славян» Александра Федоровича Гильфердинга стала важной вехой в деле изучения истории славянства. Ее появление подтолкнуло целый ряд исследований на эту тему. Известны книги коллег и последователей Гильфердинга: Ф. Я. Фортинского, А. И. Павинского, И. А. Лебедева, А. А. Котляревского, И. И. Первольфа и мн. др.¹ Позже появились работы А. Г. Фаминцына, Н. Н. Филиппова, А. С. Будиловича, М. В. Бречкевича, Д. Н. Егорова, О. А. Добиаш-Рожественской². По сравнению с этим обилием, можно без натяжки сказать, что в советское время в России эта тема почти не разрабатывалась или разрабатывалась крайне мало³.

В отечественной историографии «История балтийских славян» А. Ф. Гильфердинга не утратила своего значения до наших дней. И переиздания этой книги можно было бы только приветствовать. Однако в 1994 г. был издан репринт 1-го издания (1855 г.), включающего первую часть его «Истории балтийских славян» (не очень понятна идея такого издания, при том что был доступен 4-й том

¹ См., например, перечни таких работ и работ более поздних периодов в прим. 56–63 в статье В. В. Фомина на с. 47–50 настоящего издания.

² Из неназванных по прим. 1 добавим: *Первольф И. И.* Славяне. Их взаимные отношения и связи. – СПб., 1876; *Фаминцын А. Г.* Божества древних славян. – СПб., 1884; *Филиппов Н. Н.* Очерк тысячелетней борьбы балтийско-полабского славянства с немцами до возрождения сербо-лужицкого племени. – СПб., 1897; *Будилович А. С.* О причинах гибели балтийского славянства // Сб. учено-литовского об-ва Юрьевского унив-та. Т. 1. – Юрьев, 1898; *Добиаш-Рожественская О. А.* Новый труд в области славяно-германских отношений в средние века // ЖМНП, 1915.

³ Например, то же нельзя сказать о Германии, где археологические находки и активное издание источников во 2-й половине XIX и в XX в. привели к появлению ряда работ немецких авторов по истории западных славян. Важной обобщающей работой стала вышедшая в 1970 г. монография Й. Херрманна (*Herrmann, Joachim.* Die Slawen in Deutschland, последнее издание в 1985 г.). Несомненно актуальной остается необходимость издания полного перевода всей этой книги на русский язык (частично издавалась: *Херрман, Йоахим.* Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. – М.: «Прогресс», 1986).

Собрания сочинений А. Ф. Гильфердинга (1874 г.), в котором первая часть издана с исправлениями и дополнениями, и в котором также присутствуют вторая и незавершенная третья части исследования). В 2010 г. издательствами «Эксмо» и «Алгоритм» опубликован «облегченный» вариант книги Гильфердинга под странным названием «Когда Европа была нашей» (чьей? России как государства в тот период не существовало). Для «облегчения» текста были сокращены все примечания самого А. Ф. Гильфердинга, первые главы даются в вольном пересказе, а последующие – с произвольными сокращениями, сокращению подверглась и 3-я часть целиком. (Подобным образом изданы вышеназванными издательствами и более десятка книг в серии «Подлинная история» с публикациями исторических произведений таких авторов, как В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, С. А. Гедеонов, Д. И. Иловайский, А. С. Пушкин, А. Ф. Вельтман, Н. С. Трубецкой и др. На наш взгляд, более чем спорен сам подход к популяризации исторических знаний, когда книги сокращаются и подаются в виде, «адаптированном для популярного чтения».)

Об истории подготовки настоящего издания

В наших беседах замечательный русский историк Аполлон Григорьевич Кузьмин неоднократно обращал мое внимание как издателя (как когда-то профессор Олег Михайлович Рапов на книгу С. А. Гедеонова) на необходимость и важность переиздания знаменитой книги А. Ф. Гильфердинга и тем самым ее возвращения в научный оборот. В 2007 г. при встрече с моим другом, писателем и издателем, ныне уже покойным Сергеем Васильевичем Цветковым (он умер в апреле 2012 г.), я узнал, что в издательстве «Блиц» уже начата работа по подготовке к изданию «Истории балтийских славян» А. Ф. Гильфердинга; тогда же Сергей Васильевич попросил меня привлечь к работе над комментариями одного из лучших специалистов по «варяжскому вопросу» и постоянного автора издательства «Русская панорама» профессора Вячеслава Васильевича Фомина. Сам С. В. Цветков с давних пор увлекался историей кельтов, собирал специальную литературу, изучал влияние кельтов на славянство, а также прорабатывал отдельные вопросы взаимовлияния и проникновения культур (в 2005 г. вышла его книга «Кельты и славяне», а затем им было опубликовано несколько книг в одноименной серии). Он многократно бывал в местах обитания современных потомков кельтов – Ирландии, Шотландии, Уэльсе, Корнуолле, Бретани, поддерживал переписку с современными зарубежными исследователями культуры кельтов. Он собирал многочисленные факты славяно-кельтских схождений, возникших в ходе

почти тысячелетнего совместного проживания этих народов на просторах Европы. Во многих фактах, приведенных на страницах книги А. Ф. Гильфердинга, Сергей Васильевич видел подтверждение своих гипотез о влиянии кельтской культуры на обычаи, уклад и верования славян.

В 2010 г. нами с С. В. Цветковым было принято решение о совместном издании книги, и дальнейшая подготовка велась уже в издательстве «Русская панорама». В процессе работы начатые как совместные (В. В. Фомина и С. В. Цветкова) комментарии пришлось разделить – они явно группировались по двум различным направлениям. Некоторые из отмеченных в тексте и намеченных С. В. Цветковым комментариев он уже не успел написать. К сожалению, многие вопросы уточнить у него было уже нельзя. (Мы перенумеровали комментарии С. В. Цветкова, проверили, где возможно, цитирования и ссылки, текст комментариев был незначительно сокращен и отредактирован.) В одной из наших бесед Сергей Васильевич говорил мне: «В XIX в. у французов, немцев стали в моде кельты. Как найдут кельтский след – начинают увлеченно исследовать. И тут же рядом находят следы славян. И тут их интерес угасает, и они свои исследования бросают, а находки (было и такое!) обратно закапывают...». Возможно, какие-то из намеченных С. В. Цветковым вопросов славяно-кельтской проблематики привлекут кого-либо из нового поколения исследователей-историков.

О некоторых принципах издания

Как и во многих других изданиях серии «Возвращенное наследие», для возможности работать со ссылками на оригинал мы в тексте переиздания в прямых квадратных скобках воспроизводим пагинацию оригинала (издания 1874 г.), отмечая тем самым начала страниц. Восстановленные сокращения также помещаются в квадратных скобках. Примечания оригинального издания в тексте нумеруются верхними индексными цифрами и воспроизводятся в нижней части страницы. Комментарии В. В. Фомина в тексте нумеруются верхними индексами в квадратных скобках, С. В. Цветкова – верхними индексами в круглых скобках, собранные в отдельные блоки тексты обоих комментаторов публикуются в Приложениях.

Во многих своих примечаниях А. Ф. Гильфердинг цитирует латинские или немецкие источники на языке оригинала. Здесь заметим, что почти все источники, использованные А. Ф. Гильфердингом (их полный список занял бы более двух страниц, хотя все они содержатся в MGH SS (исторические памятники), MGH LL (законодательные памятники) и *Scriptores rerum Danicarum medii aevi*), за

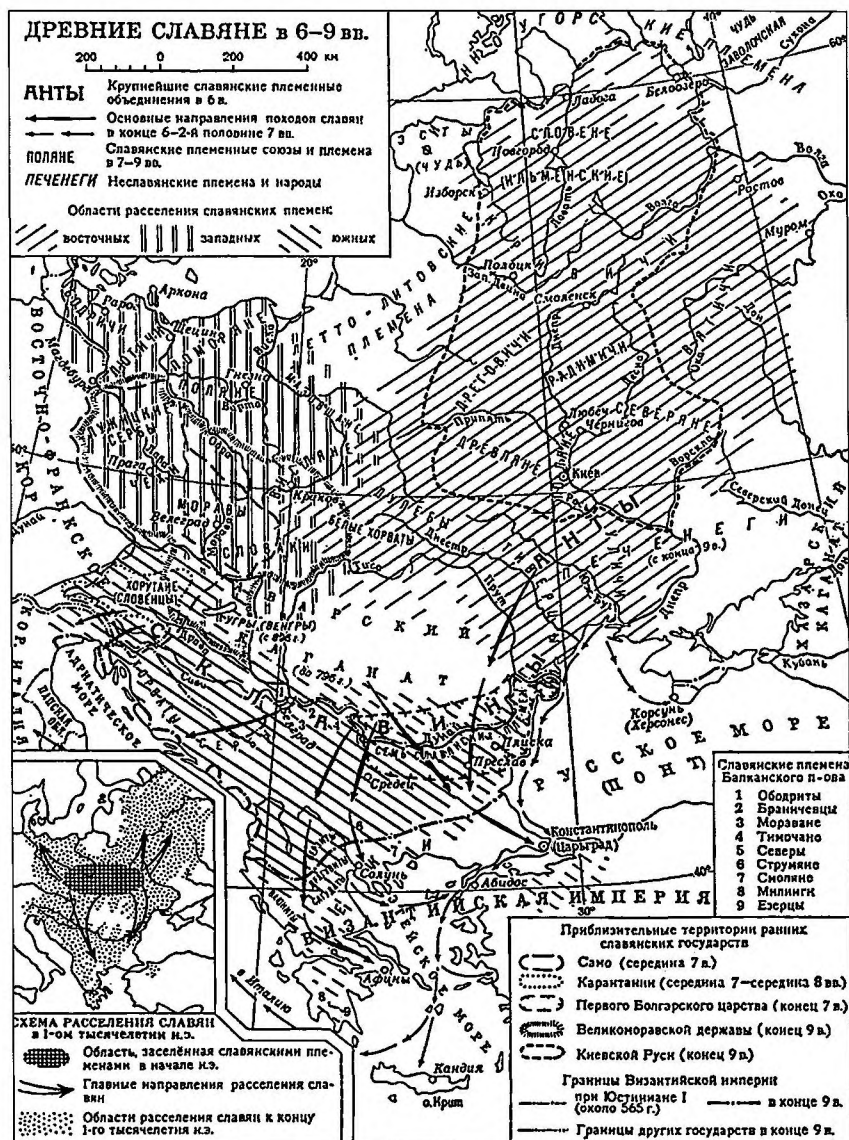
исключением «Деяний данов» Саксона Грамматика (публикация перевода которого на русском языке ожидается в ближайшее время), переведены на русский язык и опубликованы в разное время (отметим, что многие из них впервые полностью переведены на русский язык и опубликованы в серии «Медиевалия», выпускаемой нашим издательством). Более того, все они размещены в интернете (например, переводы на русский язык всех источников или их фрагменты можно найти на сайте «Восточная литература» – www.vostlit.info). Поэтому мы не стали создавать дополнительные примечания с переводами и воспроизводить их в настоящем издании.

Именной указатель сделан для всех имен собственных, включая тексты предисловия и приложений; географический указатель, включая этнонимы, сделан только для оригинального текста «Истории балтийских славян» и примечаний самого А. Ф. Гильфердинга.

Предлагая в качестве иллюстраций к настоящему изданию картографический материал, мы учитывали то, что читателями «Истории балтийских славян» А. Ф. Гильфердинга, станут и читатели «Начальной истории Руси» В. В. Фомина и «Рюрика» С. В. Цветкова, а также собиратели серии «Медиевалия», в которой мы публикуем источники, так или иначе связанных с историей средневековой Руси и в которых присутствует тот же картографический материал (например, в «Славянских хрониках» или в «Хронике» Саксона Анналиста). Издавать здесь карту из «Германии» Тацита по 5-му разу, наверное, многие наши читатели сочли бы дурным тоном. Поэтому подборка карт в этом издании минимизирована, а предлагаемые карты в качестве иллюстративного материала достаточны для нового читателя, знакомящегося с темой и незнакомого с нашими предыдущими изданиями.

Логическим продолжением настоящей книги и серии в целом могли бы стать должным образом подготовленные, комментированные переиздания книг, продолжающие тему истории балтийских славян: А. И. Павинского «Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII–XII вв.», И. И. Первольфа «Германизация балтийских славян», И. А. Лебедева «Последняя борьба балтийских славян против онемечивания». Ни одна из этих книг не переиздавалась за последние почти 150 лет. Удастся ли нам это осуществить, покажет время.

КАРТЫ

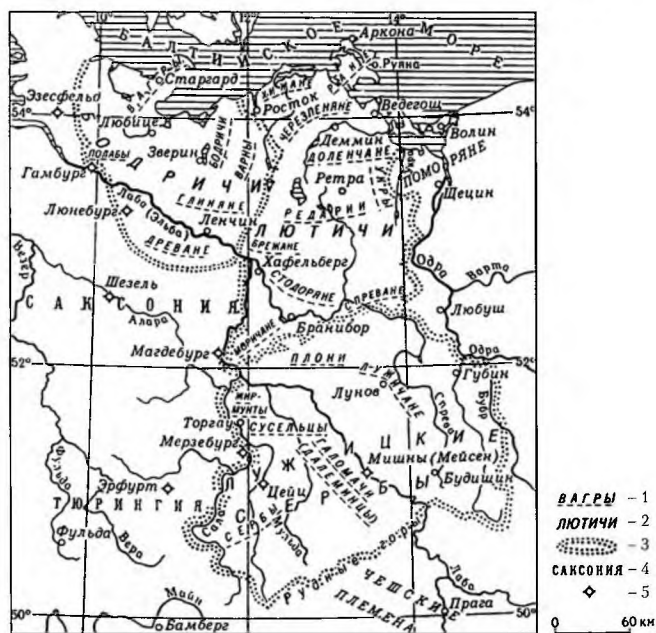

Расселение славян в Центральной и Восточной Европе в VI-IX вв.
(карта из БСЭ)

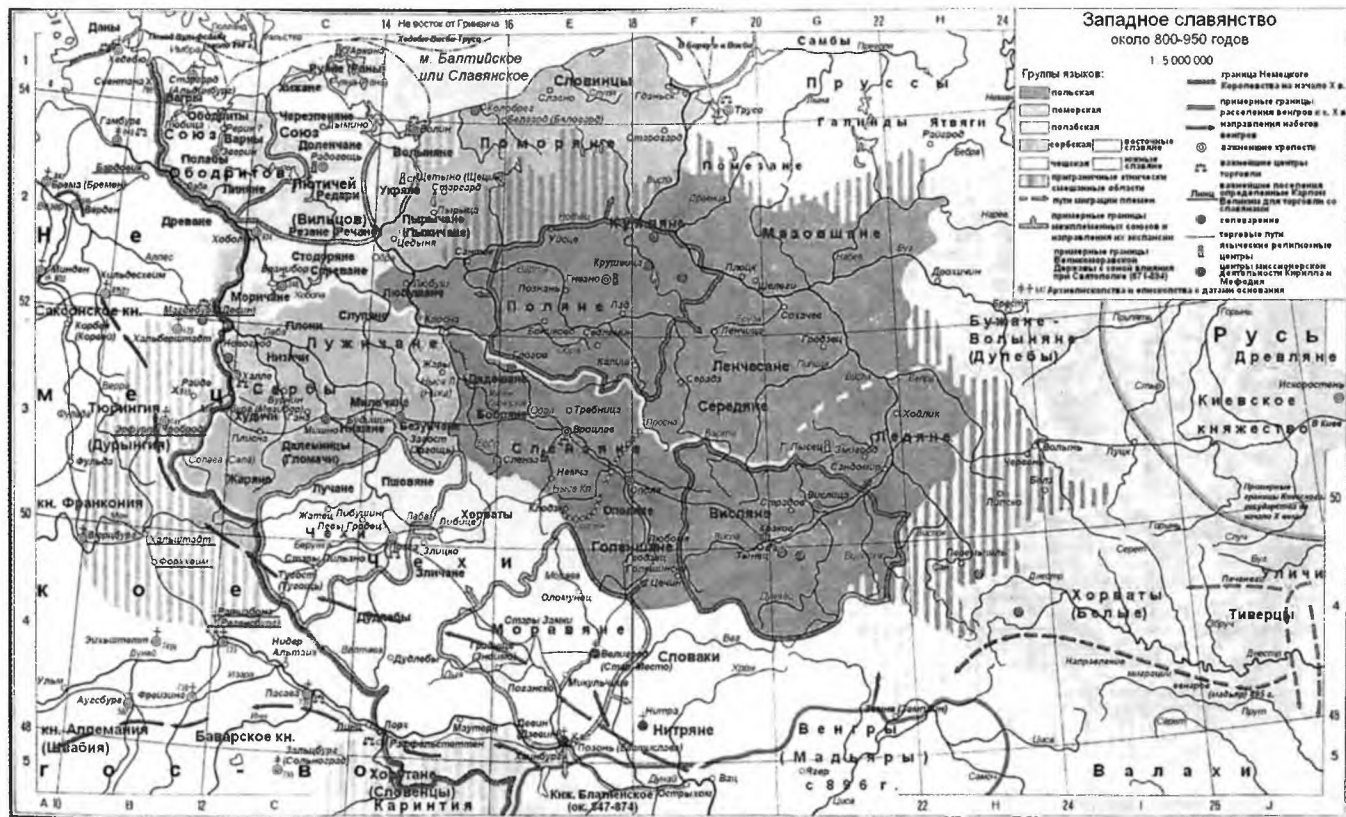
Походы Карла Великого в земли саксов и полабских славян

1 – 772–780 гг.; 2 – 783–785 гг.; 3 – 792–799 гг.; 4 – 802–804 гг.; 5 – в земли славян;
6 – места сражений (по кн: Левандовский А.П. Карл Великий. – М., 1999)

Полабские славяне в VIII–X вв.

1 – племена полабских славян; 2 – племенные союзы; 3 – приблизительные территории племенных союзов; 4 – германские области; 5 – опорные пункты германской агрессии (карта из БСЭ)

Экспансия Священной Римской империи германской нации в X–XIII вв.
(карта из Большой Советской Энциклопедии)

УКАЗАТЕЛИ

I.

Имена личные

А

- Аббасиды 131
Абсалон, архиеп. дат. 167, 263, 313
Август, римск. имп. 469, 576, 652
Авиго, капелан 488
Ад-Димашки 52
Адалбер, монах 261
Адальберт [Бабенберг] 399
Адальберт, архиеп. гамбургский 556, 557, 560–565
Адальберт, архиеп. магдебургский 463, 492, 494, 580
Адальвард, еп. верденский 451
Адальгар, гр. 380
Адальдаг, архиеп. гамбургский 481
Адальмар, архиеп. зальцбургский 647
Адальрад (Этельред), англ. кор. 532
Адам Бременский, хронст. 18, 54, 55, 62–65, 86, 87, 90, 101, 106, 123, 124, 129, 178, 242, 243, 258, 259, 288–290, 293, 294, 299, 315–318, 354, 358, 364–367, 383, 386, 399–401, 449, 453, 482, 483, 511, 512, 526, 544, 545, 555, 559, 562, 613, 644
Аделунг Ф.П. 26, 50
Адельберон, еп. мецкий 495
Адельгот, еп. магдебургский 55
Азбелев С.Н. 571
Ай-Тартуши, арабский историк 618
Акашев Ю.Д. 51
Аки, сын Пальнатоки 475, 476, 478, 480
Александров А.В. 28
Алексеева Т.И. 53
Алексей, св. 492
Алкис, божество 225
Алогия, жена Владимира Святого 536, 537, 538, 539, 581
Альбрехт Медведь, маркгр. бренденбургский 314, 428, 429, 432
Альфден, дат. кор. 369
Аманд, св. 647
Амунд, король Швеции 379, 380
Ангантир, владелец меча Тирвинга 112
Ангар 532
Андрей 190, 191, 205, 211, 217, 240, 290, 302, 305
Андрей, венг. кн. 565
Аничков Е.В. 571
Ангарий (Анскар), «апостол Севера», св. 377–380, 383, 385, 386, 579, 614
Антон К.Г. 25
Апполон 653
Арбман Х. 614, 615, 618
Арендт 255
Арий, свящ., создатель арианства 578
Арн, еп. зальцбургский 648
Арнд, еп. вирцбургский 398
Арнольд, хронист из Любека 264, 317
Арнульф, грц. баварский 400
Арнульф Каринтийский, имп. Запа-да 397, 399
Арнур, скальд 553
Арциховский А.В. 574
Аса, поселянка 477
Аслак 533
Астрида, дочь Борислава 530–532, 536, 541, 542
Атилиий Прим 593
Атли, поселянин 477
Аттила 81–84, 115, 345, 347, 444, 569, 594
Афанасий, св. 663
Афанасьев А. 635

Б

- Байер Г.З. 18, 21, 22
 Балдер, сын Одинов 108
 Балдрик, легат 370
 Балов Г. 591
 Балор 599, 604, 643
 Барахтольд 400
 Бартольд Ф.В. 27, 126, 184, 269, 473, 506
 Баумгартен Н. 583
 Беда Преподобный 116, 117, 612
 Безприм 547
 Бела, венг. кн. 565
 Белбог 251–253, 256, 257, 267, 332, 654
 Беленин К. 588
 Белецкий В.Д. 53
 Белецкий С.В. 53, 573
 Бенедикт VII, римск. папа 427
 Бенно, грц. саксонский 483, 486, 490, 510
 Беннон, еп. мейсенский, св. 246
 Бернар, нордалбингский маркгр. 383
 Бернард, еп. 101, 102
 Бернвард, еп. гильдесгеймский 502, 528
 Бернгард, граф 400, 440, 443
 Бернгард, грц. саксонский 490, 510, 511, 527–529, 550, 551, 553, 554, 556, 558, 559, 562
 Бернгард, еп. староградский 526, 527
 Бернгард, еп.-миссионер 265, 601
 Бернгард, маркгр. 520
 Берно, еп. шверинский 264
 Бестужев-Рюмин К.Н. 11, 14, 28, 31, 33, 38, 39, 42
 Бибииков М.В. 581
 Билов 195, 196, 200, 201
 Бинкевич Е.Р. 48
 Биорн Британский 533, 535
 Бир М.И. 20
 Богослав, кн. поморян 157, 192
 Бодец 154
 Бодянский О.М. 14, 24, 31, 62, 118
 Бозо, еп. мерзбургский 311, 312
 Болеслав (III), польский князь 145, 149, 496, 497, 503
 Болеслав (неизвестный) 488
 Болеслав I, князь чешский 393, 460, 467, 487, 490, 491, 496
 Болеслав I Храбрый, польск. кор. 16, 37, 131, 309, 491, 493, 505–507, 514–521, 523, 524, 526, 544, 546, 547, 549, 565, 566, 580, 581, 617
 Болеслав II Смелый, польск. кн. 213, 566
 Болибуд, славянин 504, 512
 Бонифаций св. 95, 96, 117, 119, 220, 269, 270, 321, 324
 Бопп Ф. 26, 43
 Боровой, чешский кн. 393
 Борис, св. 584
 Борислав 666
 Борислав, слав. кор. 478, 481, 482, 530, 531, 537, 538, 540, 541, 546
 Боричевский И. 22, 23
 Борр 249
 Борут, слав. кн. 383, 648, 664
 Бото, летописец 254, 255, 259, 267
 Бречкевич М.В. 47, 667
 Бржетислав, чешский кн. 584
 Брокгауз Ф.А. 39, 50
 Брун, грц. саксонский 396, 402
 Брун(о), свящ. старградский 312–315, 662
 Брут (Брит), прародитель бриттов 643
 Брутен, вождь пруссов 643
 Будилович А.С. 667
 Будовой 154, 155
 Буй Толстый 474, 475, 480, 532, 533, 534, 535
 Булгарин Ф.В. 28
 Бурвидо 106
 Бури 249
 Бутков В.П. 34
 Бутков П.Г. 28
 Бухгольц С. 20, 21
 Бьорн 482
 Бэр М.И. 20

В

- Вагн, витязь 475, 480, 481, 532–536
 Вагон, еп. старградский 483

- Вайдевут (Видивут, Видья), вождь пруссов 596, 641, 643
 Вайц Г. 27, 435, 439, 440
 Валамер 595
 Валце (Вильце) 110
 Вальдемар I Великий, дат. кор. 127, 206
 Васильевский В.Г. 636
 Вацерад 257, 276
 Вацлав (Вячеслав), св. 584
 Вего, еп. старградский 454
 Везети 474, 475
 Велес 646, 647, 651, 654 *См. также* Волос (Велес), слав. божество
 Вельтман А.Ф. 28, 668
 Венелин Ю.И. 14, 24, 53
 Вергилий, еп. зальцбургский 648, 649
 Вергилий Марон 247, 293
 Верзебе 431
 Вернадский Г.В. 580
 Вернер, еп. мерзебургский 312
 Верок, гр. венетов 606
 Весмир? (Исмар), слав. король 114
 Весна, божество 227
 Вестфален 203
 Вибий Секвестр 585
 Вигаглум 533
 Виггер Ф. 21
 Вигперт, гр. 513
 Вигфус, Вигаглумов сын 533
 Видекинди Ю. 20
 Видемир 595
 Видикунд, предводитель саксов 351
 Видукин, сакс. историк 18, 58, 59, 94, 169, 175, 206, 209, 269, 275, 276, 357, 366, 394, 399, 427, 435–441, 445, 447–450, 455, 460–462, 467, 469
 Викентий, сын Доброгостя 155
 Вилинбахов В.Б. 49, 50, 56
 Виллиброрд, св. 116, 117, 352
 Вилчан, кн. бодричей 345, 348
 Вилы, слав. нимфы 227
 Вильгельм, еп. магдебургский 147
 Вин (Винд), славянин 110
 Висна, дева 113
 Вит Святой 384, 385
 Витислав (Витслав), кор. рутенов и ободритов 20, 21
 Витолуб 239. *См.* Святовит
 Вихман, гр. 446, 455, 456, 458, 462, 465, 466, 467, 469, 499
 Вичак (Вирчак) 154, 163
 Владимир Святославич Святой, вел. кн. 37, 230–232, 331, 506, 536–539, 580–583, 617, 645–647
 Власлав 228
 Водан (Один), сканд. божество 234, 248, 572, 644 *См. также* Один
 Воймир 228, 229
 Войтех, проповедник 303, 491–493, 506
 Волк, отец гр. Вигперта 513
 Волос (Велес), слав. божество 227, 230, 643, 646
 Волькмер, еп. 487
 Востоков А.Х. 245
 Вратислав, кн. поморян 96, 149, 154
 Вратислав, сын Боривоя, кн. чешский 393
 Вулкан 245
 Вышегородцев В.И. 50, 576
 Вышеслав, кн. ранский 202
 Вышеслав, сын Яромира 320, 321
 Вячеслав, св. мученик 393
- ## Г
- Гавард 532, 534
 Гагенов (фон) 270, 272, 273
 Гай Юлий Цезарь 70, 73, 74, 135, 265, 575, 576
 Гайка, нем. вождь 447
 Гакон Добрый, норв. кор. 473, 532, 533, 534, 535, 536, 539, 541, 544
 Галегред, свящ. бремениский 313, 500
 Галкина Е.С. 637
 Гальковский Н.М. 643
 Гамсфорт, хронист 354
 Ганка В. 571
 Гаральд Гильдетанд, дат. кор. 110–114, 369–371, 377, 379, 387, 471–483, 544, 570
 Гаральд Маковчатый 474, 475, 531, 532
 Гводен 234

- Гегель Г.В.Ф. 29, 30
Гедеонов С.А. 50, 579, 580, 581, 587, 601, 668
Гейдрек, сын Гервары 112
Гельгон, дат. морской кор. 108, 604
Гельмольд 17, 18, 23, 54, 56, 63, 64, 86–93, 95, 97–103, 105, 106, 123, 127, 130, 134, 143, 146, 147, 151–153, 166, 171–175, 178, 179, 182, 185, 187, 188, 194, 196–198, 205–213, 219, 220, 233–235, 237, 239, 240, 242, 244, 246, 253, 254, 259, 261, 262, 264, 266–269, 275–277, 279–290, 292, 295–300, 303, 307, 312, 314, 316–318, 354, 366, 385, 428–431, 446, 451–453, 484, 510, 529, 550, 556, 557, 559, 583, 654
Гемминг, дат. кор. 362, 369
Генгист, предводитель англов 118
Геннинг 404, 405, 410, 414, 418, 420, 421
Генрих I Птицелов 59, 317, 396, 398, 401, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 443, 444, 445, 447, 448, 449, 454, 470, 472, 489, 490, 491, 514
Генрих I, фр. кор. 561
Генрих II Святой, нем. король, имп. Св. РИ 406, 514–516, 518–521, 524, 526–529, 549, 666
Генрих III, нем. кор., имп. Св. РИ 14, 548, 562, 565, 566
Генрих, брат Оттона I 446, 447
Генрих Лев, грц. саксонский 98, 173, 219, 429, 435, 436, 583
Генрих, сын Готшалка 666
Георгий Кедрин, виз. историк 636
Гераклий, виз. имп. 608
Герберт, еп. бранденбургский 261
Герберштейн С. 17, 18, 20, 21, 50, 51, 568
Гервара, дева 112
Геригер, архиеп. Майнца 399
Геридаг, свящ. 358
Гериманн, сын гр. Годearда 399
Геркулес 110
Германарих 594
Германн Биллунг, сакс. грц. 445–447, 450, 455, 456, 466, 469, 470, 483, 510, 524
Германн И. 570, 572
Герольд, еп. 318, 319
Герон, маркгр. Саксонии 168, 444, 446–450, 455, 457, 458, 461–463, 465, 470, 486, 490
Герье В.И. 19
Гида 539
Гизебрехт Л., историк 27, 122, 131, 181, 216, 217, 237, 335, 338, 369, 383, 435, 486, 502, 513, 520
Гизилер, архиеп. 489, 496, 497, 503, 504, 515
Гилдурф, гр. 509
Гильда Премудрый, св. 606
Гильда, св. 606
Гильдевард, еп. саксонский 495
Гильдегуна, жена Везети 474
Гильдурф, гр. 508
Гильфердинг А.Ф. 11–15, 17, 18, 27–47, 54, 56, 58–60, 62, 570–572, 575, 584, 589, 590, 593, 594, 596–598, 601, 602, 605, 611, 630, 633–635, 640, 647, 653, 655, 662, 664, 666–670
Гильфердинг В.Ф., супр. А.Ф. Гильфердинга 39
Гильфердинг Ф.И. 30, 31
Гинкмар, еп. реймский 389
Глазырина Г.В. 581
Глеб, св. 584
Гнев, кн. 550
Гневомир Чарниковский 215
Годearд, гр. в Франконии 399
Годегард, св. 150, 264, 265
Годелайв (Годелайб) См. Годлиб, кн.
Годескалк, еп. готский 550
Годескалк Прибыславович 147, 305, 550
Годескалк, свящ. из Бардевика 288
Годескалк, слав. кн. 550–552, 555–563, 584 См. Готшалк, кн.
Годескалк, сын Дазонов 95
Годика, дочь Местивоя, сестра Мечислава, кн. бодр. 484, 488
Годлиб, кн. бодричей 18, 20, 21, 51, 355, 579

Годонь, граф 497
 Годофрид, дат. кор. 351, 354, 355, 359, 360, 362, 368, 369, 663
 Годраг (Гонодраг), божество 264
 Гозед, воин 458
 Гомер 228
 Гончарова Н.Н. 53
 Горм Старый, дат. кор. 471, 472, 474, 476
 Горса, предводитель англов 118
 Горюнова В.М. 53
 Гостислав, жупан 155
 Гостомysl, кн. бодричей 384, 664, 665
 Готер, дат. кор. 108
 Готфред, дат. кор. 618
 Готшалк, кн. бодричей 584, 666
 Грановский Т.Н. 28
 Графф 353
 Грацианский Н.П. 48, 56
 Гремислав Гнезота 155
 Гремислав, кн. поморян 199
 Григорий I Великий, римск. папа, св. 337
 Григорий IV, римск. папа 378
 Григорий IX, римск. папа 202, 204
 Григорий, св. 229
 Григорович В.И. 31
 Григорьев С.Г. 48
 Гримм, писатель 234, 248
 Грифо, брат Пипина Короткого 325
 Грот Л.П. 51
 Гуго Капет, грц. Франции 458
 Гудруна, жена кор. Олава 540
 Гуннильда, дочь Борислава 530, 531, 541, 546
 Гунтер 520
 Гуревич А.Я. 54
 Гус, Ян 16
 Гюльви, шв. конунг 568
 Гюнтер Р. 621

Д

Даг, конунг 605
 Дагда, кельтское божество 656
 Дагоберт, кор. франков 117, 607–609
 Дажьбог, слав. божество 227, 230, 245, 248, 259, 264, 646, 653–656

Далик, десятник 203
 Даль, слав. кн. 111
 Дворник Ф. 583
 Демидов П.Н. 39
 Дерван, кн. сорбов 608, 609
 Державин Н.С. 48, 49
 Держко, жупан 154, 155
 Джаксон Т.Н. 569, 581, 584
 Диллон М. 605, 635, 648, 663
 Диодор Сицилийский 605, 634
 Дион Кассий 592
 Дитгар, дьякон верденский 500
 Дитмар, еп. пражский 492
 Дитмар, маркгр. 462
 Дитрих, герцог 317, 469
 Дитрих, маркгр. турингский 461, 486–490, 499, 511, 512
 Длугош Ян, польск. историк 505, 577, 656, 657
 Добиаш-Рождественская О.А. 667
 Добнер 276
 Добомысл, кн. бодричей 388, 389
 Доброгнева, сестра Ярослава Владимировича 566
 Доброгость 155
 Добрыня, дядя Владимира Святославича 331, 645
 Додилон, еп. браниборский 487
 Домослав, вельможа 154, 155
 Драговит, кн. велетов 345–347
 Драгомир, жена кн. Вратислава 393
 Дражко, кн. бодричей 348–350, 354, 356, 359, 360, 362, 370, 372, 375
 Дубашинский А.В. 628
 Дубов И.В. 57
 Дубравка 393
 Дук, слав. кн. 111
 Душан Сильный, кор. сербов 16
 Дюканж III. 171

Е

Егоров Д.Н. 47, 667
 Езуз, кельтское божество 604, 651
 Еккегард, сын Людольфа 445
 Еремия, египетский царь 245
 Ерлинг, сын кор. Гакона 534
 Ефрон И.А. 39, 50

Ж

Желибор, кн. вагров 466
Жива, слав. божество 234, 250, 254–258, 260, 277, 300, 332, 654
Жижка, Ян 16

З

Забелин И.Е. 52, 56, 59
Забой 228
Зализняк А.А. 53
Захария, римск. папа 324
Зевс 228, 247
Зеленин Д.К. 53
Зинчук Я.П. 48, 56, 57, 577
Злопан, чех 496
Зороастр 250

И

Иванов В.В. 647, 653, 655–657
Ивор 637
Игнарович В.В. 28
Игорь Рюрикович, вел. кн. 227, 571, 637–639, 646, 662
Игорь Святославич, кн. 593
Иларию, еп. Пуатье, св. 663
Иловайский Д.И. 668
Илья Муромец 110
Имир, великан 248, 249
Ингви. См. Фрейр, сканд. божество
Ингиберга, дочь Оттора 476, 480
Ингиберга, дочь Торкела 532, 535, 536
Ингигерда (Ингарда), дочь Олава, супр. вел. кн. Ярослава Вл. 545, 584
Ингигерда, жена Гаральда 474, 582
Инглинги 568, 574, 603, 605
Иннокентий, св. 170
Иоаким, архиеп. 231, 571
Иоанн I, маркгр. бранденбургский 428
Иоанн, еп. мекленбургский 557
Иоанн Креститель 452
Иоанн Скилица, виз. хронист 636
Иоанн Цимисхий, виз. имп. 582
Иорнанд (Иордан), готский историк 77–80, 82, 128, 132, 568, 577, 578, 591, 593–596, 637
Ирпа 534

Й

Йохансон Г. 569

К

Кёпке 445, 447, 448, 450, 454
Кавелин К.Д. 25
Кадлубек, польск. хронист 114
Казимир I, польск. кн. 566
Казимир III Великий, польск. кор. 16
Казимир IV Ягеллон, польск. кор. 194
Казимир, кн. поморян 210
Калачев Н.В. 14
Канут (Кнут) Великий, англ., дат. и норв. кор. 114, 473, 546, 550–553, 555, 584, 616, 617
Канут, сын Горма Старого 472
Капитолин Юлий 80
Каппер Д.П. 663
Карамзин Н.М. 22, 23, 24, 583
Каркур, слуга Гакона 539
Карл II Лысый, фр. кор. 388
Карл Великий 48, 72, 130, 139, 140, 141, 146, 239, 268, 308, 322, 323, 324, 325, 326, 338, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 371, 373, 375, 377, 378, 381, 382, 384, 387, 388, 395, 401, 434, 435, 436, 438, 440, 450, 452, 506, 663, 664
Карл, сын имп. Карла Великого 349, 355, 356
Каролинги (Карловинги) 43, 308, 324, 336, 337, 376, 387, 390, 401, 407, 412, 430, 431, 432, 436
Каси, дочь Крока 138
Кастор 225
Каченовский М.Т. 17, 24, 28, 31, 583
Квандт 216
Квинт Метелл Целер 69
Кий, кн. 133, 138, 639
Кирилл, св. 13, 307, 308, 309, 387, 391, 393, 584
Кирпичников А.Н. 57, 575, 629
Кицо, воин 499, 500, 501, 504
Климент, св. 554
Клювер Г.Г. 20

- Книдт-Йенсен О. 640
 Ковалевский С.Д. 574
 Колумбан, св. 647
 Конрад I Франконский, нем. кор. 401, 435
 Конрад II, нем. кор., имп. Св. РИ 547, 548, 550
 Конрад III Гогенштауфен, нем. кор. и имп. Св. РИ 174
 Конрад, гр. 399, 400
 Конрад, грц. франконский 399, 455, 529
 Конрад, еп. 157
 Константин I Великий, виз. имп. 622
 Константин IX Мономах, виз. имп. 561
 Королук В.Д. 44, 48
 Корсунский А.Р. 621
 Косма Пражский 137, 138, 255, 256, 498
 Котляревский А.А. 47, 56, 57, 601, 667
 Котомир, брат Мирогграда 155
 Криве Кривайте, верх. жрец 599, 641, 642, 643
 Крок, чех 137, 138
 Крук, кн. бодричей 97, 147
 Крут, князь руян 666
 Крът, Кръс, Хорс, слав. божество 259
 Кузнецов Е.В. 570
 Кузьмин А.Г. 17, 18, 21, 27, 30, 49, 50, 54, 56, 57, 568–582, 584, 586, 587, 590, 593, 595, 614, 617, 632, 636–639, 643, 646, 649, 662, 668
 Кулаков В.И. 593, 596, 615, 642
 Кулан 608
 Кун А. 26
 Куник А.А. 17, 27, 28, 36, 39, 42, 43, 46
 Кустодиев К.Л. 39
 Кухулин 608, 634
- Л**
- Лабутина И.К. 627
 Лаврентий, св. 487, 488
 Лавров П.А. 32, 34, 37, 39, 42, 45
 Лада 654
 Лангбек 110, 114, 116, 146, 164, 354
 Лаптева Л.П. 24, 25, 32, 33, 39, 45, 46, 48, 58
 Латвакангас А. 19
 Латом Б. 18, 21
 Лебедев Г.С. 57
 Лебедев И.А. 28, 29, 47, 56, 576, 577, 583, 667, 670
 Лебек С. 609, 619, 662
 Лев IV, римск. папа 386
 Лев IX, римск. папа 562, 563, 565
 Леванда И. 26
 Леванта, венг. кн. 565
 Левек П.Х. 26
 Ледебур 344
 Лейбниц Г.В. 19, 255, 267, 297
 Лель 652
 Леудерих, еп. бременский 386
 Лещевич Л. 574
 Лешко, польск. кн. 346
 Либенций, архиеп. гамбургский 529
 Ливицон, еп. бранденбургский 547
 Лиутбальд, грц. баварский 399
 Лиш Г.Х. 27, 176, 178, 179, 200, 207, 209, 265, 272–274
 Ллеу 652
 Ломоносов М.В. 21–23, 50, 53, 577, 578, 579, 668
 Лорикус, грц. фракийский 568
 Лотарь, маркграф 504
 Лотарь I, имп. Запада, сын Людовика Благочестивого 382
 Лотарь II, кор. Лотарингии 387, 389
 Луг, кельтское божество 651, 652, 666
 Люб (Любый), кн. велетов 139, 373, 375
 Любуша, дочь Крока 138, 228
 Людгер, гр. 548
 Людгер, еп. мюнстерский, св. 369
 Людмила, св. 584
 Людовик I Благочестивый, имп. Запада 140, 141, 146, 364, 367, 369–372, 374, 375, 377, 378, 380–383
 Людовик II, нем. кор. 382, 384–390, 455
 Людовик IV Дитя, нем. кор. 399, 435
 Людольф, сын гр. Эгберта 435
 Людольфинги 435
 Людольф, брат Прибыслава 512
 Лютер М., богослов 563

М

Маврикий, виз. имп. 83, 598
 Маврикий, св. 170, 463
 Мавродин В.В. 49
 Магнус, норв. кор. 552–555
 Магнус О. 568
 Мажко 154
 Макаров М.Н. 28
 Макошь 654
 Максимович М.А. 24
 Марескалк Турий 254, 255, 267
 Мария, св. 150
 Марквард, свящ. 157
 Маркварт, еп. гильдесгеймский 396
 Марко(н), еп. старградский 451, 452, 454
 Мармье К. 51
 Марс 228, 260, 263, 644, 651, 655
 Мартин, брат Гремислава Гнезоты 155
 Мартин Галл, летописец 92, 128, 131, 138, 148, 149, 185, 189, 207, 208, 210, 213, 215–217, 566
 Мартин Ф.Х. (Martin F.H.) 648
 Маурик 135, 138
 Мацевский В.А. 27, 34
 Машь 255
 Медб, ирл. королева 633
 Мейе А. 32
 Мельникова Е.А. 57, 598, 599
 Меркатор Г., географ 632
 Меркулов В.И. 20, 21
 Меркурий 259, 650–652, 655
 Меровинги 619
 Местивой, внук Оттона I 510
 Местивой, кн. бодричей 146, 466, 483–485, 487, 488, 490, 510, 511, 527, 529
 Местром, египетский царь 245
 Мефодий, св. 13, 307–309, 387, 391–393, 491, 492, 564, 578, 584
 Мечидраг, кн. бодричей 510, 511
 Мечислав (Мешко) II, польск. кн. 464–467, 469, 471, 490, 495, 496, 499, 510, 544, 546, 547, 565, 566
 Мечислав, сын Местивоя, кн. бодричей 483, 484, 488

Миклошич Ф. 26
 Микуцкий С.П. 25, 104, 105, 168, 259
 Миличевич М. 32
 Миллер Г.Ф. 21, 22, 23
 Милогость, сын кн. Любаго 139, 373, 374
 Миллодух, кн. сербов 353
 Милютин Н.А. 35, 36, 41
 Мимир 602
 Минерва 650, 651
 Мирोगрад, кн. сербов 155
 Михаэлис С. 175
 Мицкевич А. 34
 Моислав, кравчий кн. Мечислава 566
 Моислав, поморянин 99, 154
 Моймир, кн. мораван 647
 Мокошь, слав. божество 230, 651
 Мольтке Э. 598
 Моник, брат Мирогграда 155
 Морошкин Ф.Л. 24, 28
 Моряна, слав. божество 227
 Мстислав, кн. бодричей 523, 526
 Муди Т.В. (Moody T.W.) 648
 Мунк 154
 Мыльников А.С. 19, 48, 585
 Мюнстер С. 17, 18, 20, 50, 51

Н

Назаренко А.В. 580, 581
 Након, кн. бодричей 455
 Настенко И.А. 667
 Небо, божество 277
 Невар, десятник 203
 Недамир 154
 Неклот 176
 Непот, Корнелий, римск. историк 69
 Нептун 242
 Нерман Б. 616
 Нерон 576
 Нерта, божество 225, 232
 Нестор, летописец 52, 59, 63, 67, 76, 77, 133, 138, 230, 231, 407
 Нидерле Л. 57, 585, 619, 648, 666
 Николай, св. 383
 Николай, сын Доброгостя 155
 Никольский Н.К. 576
 Ниорду, божество 225

Нитгард 383
Новиков 564
Новикова Г.Л. 572
Носов Е.Н. 573
Нуннан Т.С. 616
Ньерд, божество 574

О

Овидий, ирл. монах 647
Огонь, божество, сын Сварогов 227
Одд Сноррасон 583
Оддар, протоиерей 512
Один, сканд. божество 108, 247–249,
368, 369, 379, 380, 472, 568, 569, 572,
574, 599, 602, 603, 604, 644
Одоакр 577, 578
Озур 541
Олав, сын Годофрида, дат. правитель
369, 371, 536
Олав Трюггвасон, норв. кор. 536–545,
554, 582, 583
Олав Шетконунг, шв. кор. 541, 542,
545
Олава, жена Пальнатоки 477, 478
Олаф, норв. кор. 666
Олдрих, кн. чехов 516, 524
Олег Вещий, варяг, кн. 230, 570, 637,
639
Олий Русский 538 *См. также* Олав,
сын Тригье, норв. кор.
Олодраг, кн. 550
Ольга, вел. кн., св. 580, 581, 639, 647,
662
Ольссон Т. 574
Омиады 131
Ордерик Виталий, хронист 234
Ордульф (Оттон), сын сакс. грц.
Бернгарда. 554
Оромазд 252
Отберг, еп. страсбургский 400
Оттон I Великий 86, 87, 147, 168, 171,
181, 187, 308, 317, 394, 436, 439,
443–458, 461–464, 469–472, 486,
489, 497, 505, 510, 513, 514, 528, 538,
580
Оттон I, маркгр. бранденбургский
428

Оттон II, имп. Св. РИ 87, 394, 486,
490, 501, 529, 561
Оттон III, имп. Св. РИ 429, 430, 490,
492, 495, 499, 503, 505–507, 511
Оттон III, маркгр. бранденбургский
428
Оттон Бамбергский, еп., св. 18, 47, 55,
56, 95–97, 99, 126, 127, 156–165,
169–171, 181, 182, 189, 195, 198,
202, 211, 217, 219, 239–241, 243,
249, 265, 270, 276, 277, 279–281,
290, 300, 302, 305, 306, 310, 312, 407,
529, 601
Оттон, внук Эгберта 435
Оттон, грц. саксонский 398, 399
Оттоны 429, 436, 513
Оттор Готский 476

П

Павел, еп. 539
Павинский А.И. 29, 47, 667, 670
Палацкий Ф. 133, 416
Палемон 575
Пальнатоки, витязь 474, 475, 477–
482, 530, 541, 545
Пальнер, сын Токи 476, 477
Паплонский И.И. 31
Паскевич И.Ф., гр. 30
Пашкевич Х. 583
Первольф И.И. 18, 47, 56, 57, 590, 667,
670
Перевезенцев С.В. 56, 568, 586
Перемышлевский М. 24
Перкун (Перкунас), балтское божес-
тво 226, 251, 571, 575, 641, 646 *См.*
также Перун
Пертц Г.Х. 63, 92, 94, 97, 101, 119, 121,
128, 130, 139, 179, 182, 184, 244, 270,
276, 279, 302, 313, 323, 325, 341, 464,
493, 494
Перун, слав. божество 227, 229–231,
247, 248, 250, 257, 262, 267, 268, 277,
279, 300, 331, 332, 571, 575, 576, 579,
581, 630, 646, 647, 654, 657
Петр I Великий 19
Петр, апостол, св. 337, 648
Петр из Дусбурга 642

Петрей П. 20
 Петровский Н.М. 53
 Петрухин В.Я. 19, 20
 Печимира, божество 264
 Пизани В. 657
 Пиколос, божество пруссов 641
 Пикул, бог 226, 251
 Пипин Геристальский 117
 Пипин Короткий 324, 325, 337, 338, 341, 342
 Пипин Майордом 116
 Пичета В.И. 44
 Плиний 69, 70, 71, 72
 Плоткин К.М. 53, 626
 Плусо, зять кн. Годескалка 558
 Совет 155
 Погодин А.Л. 39
 Погодин М.П. 22, 23, 28, 59
 Подага, слав. божество 256, 261, 264, 276, 656
 Полевой Н.А. 28
 Поллукс 225
 Попел, князь 138
 Поппо, маркгр. 402
 Порвата 276
 Поревит, слав. божество 263, 656, 657
 Поренут, Поренуций, слав. божество 263, 656,
 Потин В.М. 56, 582, 616, 617, 627
 Потоцкий 255
 Потримп(ос), божество пруссов 226, 251, 641
 Прав(о), слав. божество 266
 Премысл, кн. чехов 138
 Преторий М. 18, 19
 Прибина, кн. 647
 Прибыгнев (Уто), слав. кн. 527, 529, 550
 Прибыслав, кн. бодричей 102, 318, 319
 Прибыслав, неизв. славянин 512
 Прибыслава, супр. кн. поморян Ратибора 150
 Приск Паннийский 595
 Прове (Проне), слав. божество 657
 Продолжатель Регинона 399, 580
 Прозерпина 657

Прокопий Кесарийский 84, 86, 134, 164, 227, 228, 229, 232, 571, 605
 Птолемей, Клавдий, ант. географ 77–79, 568, 591
 Пушкин А.С. 668
 Пыпин А.Н. 34, 38
 Пяст, польск. кн. 138

Р

Рагнар Лодброк, дат. кор. 114
 Радигость (Радигасть), слав. божество 239, 250, 254, 256, 257, 258, 259, 260, 276, 277, 294, 296, 297, 299, 300, 332, 558, 559, 572, 575, 653, 654, 655
 Радим, брат св. Войтеха 493, 506
 Радослав 154
 Раевский М.Ф. 39
 Раймвард, еп. минденский 508
 Рамм Б.Я. 581, 583
 Рапов О.М. 49, 50, 580, 668
 Ратибор, кн. бодричей 552, 553, 555
 Ратибор, кн. поморян 150
 Раумер 172
 Регбус 555
 Регинальд, плем. кор. Годофрида 355
 Рейнберн, еп. 506, 580, 581
 Рейнгер, еп. 529
 Рейнолд, еп. 529
 Рёрик, датчанин 580
 Римберт 579
 Римберт, еп. бременский 386
 Рихеца (Рикеса) 565
 Рогинский В.В. 50
 Ронин В.К. 18, 48
 Рорик, дат. кор. 108, 109
 Рорик Фрисландский, плем. дат. кор. Гаральда 387, 388, 390, 579, 665
 Рорик Ютландский См. Рорик Фрисландский
 Росмерта, божество 650
 Ростаслав, кн. моравов 388
 Роэсдаль Э. 614, 615, 618, 664
 Руевит (Рановит), слав. божество 262, 263, 656
 Русанова И.П. 644, 650, 653
 Рыбаков Б.А. 56, 580, 593, 646, 653, 654

Рыбаков В.В. 579
 Рыбников П.Н. 38
 Рыськин Б. 48
 Рюрик, варяг, кн. 18–22, 51, 53, 138, 579, 624, 639, 665, 670
 Рюриковичи 18, 49, 51, 579
 Рябинин Е.А. 622, 623, 627, 628

С

Савельев-Ростиславич Н.В. 14, 24, 28, 52
 Савчук В.С. 48
 Саксон Анналист 172, 178, 224, 313, 354, 438, 439, 443, 487, 489, 500, 508, 509, 569, 670
 Саксон Грамматик 18, 23, 26, 91, 97, 108–110, 113–116, 126, 127, 149, 151–154, 159, 166, 167, 180, 182, 185, 186, 189, 191, 198, 205–212, 217, 218, 220, 233, 236–240, 242, 246, 247, 254, 257, 259, 261–264, 276, 279–287, 291, 292, 299, 341, 354, 473, 482, 483, 544, 545, 601, 604, 605, 637, 670
 Саливон А.Н. 48
 Сам, кн. чехов 138
 Само, слав. кн. 115, 324, 605–610, 648
 Самуил 15
 Санчук Г.Э. 48
 Сатурн 275, 466
 Сахаров А.Н. 580
 Сваранг 637
 Сварог, слав. божество 227, 245, 332, 637, 643, 653
 Сварожич 243–246, 248, 249, 258, 259, 264, 294, 332, 653
 Сварожичи 248
 Свен, дат. кор. 164, 283, 475, 477–483, 486, 505, 511, 530–532, 540–542, 544, 546, 552
 Свен Твескег 617
 Свен Эстритсон, дат. кор. 552, 559, 563
 Свенон, дат. кор. 602
 Свентовит 653. См. Святовит
 Святибор 513
 Святобог 239. См. Святовит

Святовид 246, 300
 Святовит 127, 151, 166, 197, 205, 234–254, 256–264, 269, 275–277, 281–292, 294–296, 304, 332–334, 380, 384, 385, 393, 577, 601, 602, 614, 637, 644, 650, 652–656
 Святополк, кн. поморян 251
 Святополк, кн. русский 523
 Святополк, моравск. кн. 16, 391, 392, 397, 491, 506
 Святополк Ярополчич, кн. 580, 581
 Святослав Игоревич, вел. кн. 581
 Седерих, кн. вагров 527, 550
 Седов В.В. 594
 Седов В.В. 26, 53, 572, 585, 587, 588, 591–595, 600, 604, 610, 612, 613, 623, 624, 634, 648, 650, 657, 659, 665
 Селлинг Д. 574
 Семевский М.И. 34, 35, 39, 41, 42, 60
 Семовит (Земовит), польск. кн., сын Пяста 138
 Семысл, кн. поморян 566
 Сефрид 91, 93–99, 103, 124–126, 128, 130, 131, 148, 149, 153–156, 158–166, 185, 188–192, 198, 202, 205, 206, 210–212, 214, 215, 220, 233, 237, 240, 241, 243, 260, 265, 266, 268, 276, 279, 281, 301, 304, 306, 307, 311, 312
 Сивар Победоносный 51
 Сивард, дат. кор. 114
 Сигвальд, сын Гаральда 474, 475, 480, 481, 530–532, 533–536, 541, 542, 544, 545, 666
 Сигмунд 535
 Сигрида Гордая, шв. королева 540, 541, 544
 Сигрида, дочь Свена Эстритсона 552
 Сигурд, сын Везети 474–476, 480, 532, 533, 535–537
 Сигфрид, дат. кор. 351
 Симарогл, бог 230
 Симеон, болг. кн. 11, 12, 15
 Синав (Синао) См. Синеус
 Синеус, брат Рюрика 19, 20, 21
 Сифрид, гр. 461
 Сифрид, еп. 157

- Сихарий 607, 608
 Сихольм К.Х. 569
 Скаврлам, внук Одинов 112
 Скалк, слав. кн. 108, 604
 Скворцов 252
 Скегги 540
 Скоптий, слуга кор. Гакона 534
 Скьёльдунги 568
 Славина, жена кн. Крука 97
 Славник 491
 Славой 228
 Славомир, кн. бодричей 362, 369, 370, 371, 372, 373
 Смирнов А.А. 633, 634
 Смирнова Г.П. 53
 Смолер Я.А. 37
 Снорри Стурлусон 568, 603, 605
 Солнце, сын Сварога 245
 Солнышкова А. 39
 Соломон, еп. констанский 397, 400
 Сосети Ф. 26
 Спитигнев II, чешск. кн. 584
 Спол 154
 Срезневский И.И. 25, 32, 33, 38, 39, 43, 227, 238, 251, 257, 276, 571
 Старктер, сканд. витязь 110, 113
 Стенбергер М. 574
 Стендер-Петерсен А. 49, 583
 Стефан, венг. кор. 565
 Стиркор 542
 Стоигнев, кн. бодричей 455, 457, 458, 463
 Страбон 71
 Страчец 276
 Стрежислава 491, 492
 Стрибог, слав. божество 227, 230
 Струнико, слав. кн. 109
 Стурми, нем. проповедник 321, 323
 Сугорский И.Н. 52
 Супрун А.Е. 585
 Сытиврат, слав. божество 275, 276
- Т**
- Тагино, архиеп. магдебургский 518
 Такмар, брат Оттона I 444, 446
 Тагишев В.Н. 668
 Таубе М. 583
 Тацит Корнелий 70–75, 77, 78, 84, 134–136, 165, 224, 225, 231, 274, 589, 590, 592, 593, 603, 631, 640, 670
 Теодорих 577, 578, 595
 Тетислав, царь ранов 167
 Тешимир, вагр 99
 Тиберий, римск. имп. 641
 Тиотрих, еп. минденский 396
 Титгард, дьякон 313
 Титмар, граф 440, 441, 443
 Титмар, еп. мерзбургский 18, 47, 65, 101, 128, 131, 142–145, 147, 164, 171, 185, 188, 210, 212, 242–244, 246, 252, 257–261, 264, 268, 269, 276, 279–281, 292–297, 303, 311, 317, 363, 392, 398, 427, 439, 442, 461, 469, 486–490, 495, 497, 501–504, 506, 508–510, 512, 514–516, 518–521, 523, 524, 526, 530, 541, 544, 580, 581, 617
 Титомир 455
 Това, дочь Гаральда 474, 475, 532, 536
 Токи 476
 Томас Ф. 19, 20
 Томислав, сын Доброгостя 155
 Томсен В. 22
 Топоров В.Н. 647, 653, 655–657
 Тор, сканд. божество 228, 234, 368, 472, 540, 543, 568, 572, 574, 575, 644
 Тора, сестра Свена 540, 541, 544
 Торвара, жена Токи 476
 Торгерда, волшебница 534
 Торер, витязь 539
 Торк 542
 Торкел, Лейра 532, 535
 Торкел Мидланг 534, 535
 Торкел, сын Гаральда 474, 475, 480, 531–533, 535
 Торлейф 533
 Торни, воин 542
 Торольф 536
 Торунна, дочь Везети 474, 475
 Тразик, сын Витислава 21
 Траян 76, 77
 Тредиаковский В.К. 23
 Трибут Бакарович 94
 Триглав, слав. божество 149, 158, 163,

239, 240, 241, 245, 253, 256, 257, 264,
277, 281, 300, 301, 332, 653, 656
Тригге, плем. Гакона Доброго 536
Трильмих В. 581
Троян 653
Трубачев О.Н. 32, 579, 580, 585, 586,
592, 593, 602, 614
Трубецкой Н.С. 668
Трувор, брат Рюрика 19–21, 51, 624
Трухачев Н.С. 50, 51
Тряс, божество 227
Тугомир, грц. бренденбургский 448–
450, 501
Тур 234, 638

У

Уббо 109
Уваров С.С., гр. 28, 37
Угион 512
Удон, сын гр. Годearда 399
Унван, архиеп. гамбургский 527, 550
Унни, архиеп. гамбургский 451
Уран 275
Устрялов Н.Г. 28
Уто. См. Прибыгнев
Уффикон 512

Ф

Фабрициус 154, 177, 182, 200, 201,
217, 218, 220, 267, 269
Файст С. 590
Фальк Г.С. 55
Фаминцын А.Г. 667
Фаминцын А.С. 571, 650
Фемида, богиня 228
Феост, египетский царь 245
Феофания, герм. императрица 496
Феофания, греч. царевна 561
Феофиласт Симокатта, виз. историк
597
Филиппов Н.Н. 667
Финтан 602
Фиольнер, сын Токи 476, 480
Фихте И.Г. 29
Флодоард 460
Флоря Б.Н. 48
Фомин А.В. 57

Фомин В.В. 11, 17, 19–22, 24, 50–53,
62, 568, 572, 574–582, 601, 602, 613,
617, 626, 627, 630, 639, 649, 654,
667–670

Фортинский Ф.Я. 17, 47, 667

Фредегар, хронист 606

Фрейр, сканд. божество 574, 644

Фрея, сканд. божество 234, 572

Фридрих I Барбаросса 246, 583

Фрикко См. Фрейр, сканд. божество

Фрото (Фроде) 604

Фрото III, дат. кор. 109

Х

Хатто, архиеп. Майнца 399

Хельге 604

Хемниц Ф. 18, 21

Хенсель В. 586, 587

Херрман Й. 570, 574, 615, 636, 649, 667

Хидда, сестра Герона 461

Хлезов А.А. 603

Хлипа 276

Хлодовиг, кор. франков 336, 337, 662

Хлотарь, кор. франков 606

Хлудовиг См. Людовик IV Дитя, кор.
Восточно-Франкского кор-ва

Хольдер А. 637

Хомяков А.С. 31, 80, 310

Хорив 133

Хорс, слав. божество 227, 230, 248,
259, 653, 655

Хрисанф, архим. 40

Христос 373, 487, 571, 578, 640

Хродоберт, грц. алеманнов 609

Хьюбнер И. 19

Ц

Цветков С.В. 62, 586, 590–592, 596,
605, 650, 668–670

Цезарь, Гай Юлий 587, 606, 615, 623,
650, 651, 652

Целестин, римск. папа 663

Целодраг, сын Любаго 139, 373, 374

Церера, римск. богиня 255

Ч

Чебоксаров Н.Н. 632

Чедвик Н.К. 605, 635, 648, 663
 Чедраг, сын кор. Дражка, кн. 140, 362,
 369, 370, 372–376
 Черепнин Л.В. 571
 Черниловский З.М. 48
 Чернобог, слав. божество 247, 250–
 254, 260, 332, 654, 656
 Черноглав, слав. божество 264, 656
 Чернышевский Н.Г. 43, 44
 Чертков А.Д. 28
 Честмир 228, 229
 Чоппе Г.А. 25

Ш

Шапошников В.Н. 570
 Шаскольский И.П. 583, 584
 Шафарик П.Й. 14, 26, 27, 37, 62, 63,
 69, 72, 78, 80, 82, 93, 96, 110, 118,
 119, 312, 324, 345, 354, 363, 406, 483,
 592
 Шахматов А.А. 587
 Шевырев С.П. 229
 Широкова Н.С. 592, 651, 652
 Шкунаев С.В. 652
 Шлейхер А. 26, 32
 Шлецер А.Л. 23, 59
 Шрёдер 363
 Штенцель Г.А. 25
 Штибер Г.Ф. 19

Щ

Щек 133

Э

Эббо 91, 96–99, 101, 103, 124, 125, 131,
 149, 153–155, 158–163, 165, 186,
 188, 190, 205, 207, 240–242, 254,
 260, 265, 266, 277, 280, 281, 301, 302,
 306, 307
 Эббон, архиеп. реймский 377
 Эбервин, полководец 349
 Эбергарт 446
 Эгберт, гр., родоначальник Людоль-
 фингов 360, 364, 435, 458
 Эгилон, граф 380
 Эдвард (Егвард), еп. старградский
 452, 454, 483

Эдуард Исповедник, англ. король 52
 Эзико (Ехисо), еп. старградский 454
 Эйнар, певец 533
 Эйнар, финн 543
 Эйнгарт, еп. спирский 400
 Эйнгарт, летописец 63, 139, 269, 325,
 342–346, 348–350, 354–358, 361,
 362, 365–368, 370–375, 377
 Эккегарт 446, 510
 Эмзер 246
 Эней, троянец 575
 Эрик, дат. кор. 128, 369, 371, 380, 385–
 387
 Эрик, сын Гакона 535, 541–543
 Эрих Победоносный, шв. кор. 505
 Эрлих С.Е. 592
 Эрманарик 80, 81. *См. также* Герма-
 нарих
 Эрментариус, монах 664
 Эрхангер 400
 Эстрида, славянка, супр. шв. кор.
 Олава Шетконунга 545
 Этельред II, англ. кор. 616, 617

Ю

Юлий Капитолин 335
 Юпитер 247, 248, 257, 644

Я

Ягич И.В. 31, 32, 34, 39, 42
 Яков, сын шв. короля Олава 545
 Ямка Р. 589
 Янин В.Л. 53, 572, 627, 633
 Янссон И. 572
 Яра, дочь Борислава 530, 537, 538
 Ярило (Ярила), слав. божество 655
 Ярмерик, сын Сиварда 114
 Яровит (Геровит), слав. божество 234,
 250, 254, 258, 260, 263, 264, 332, 654,
 655
 Ярогнев 154
 Яромир, кн. ранов 152, 204, 212, 320
 Яромир, кн. чехов 516
 Ярополк Святославич, вел. кн. 580
 Ярослав Владимирович Мудрый, вел.
 кн. киевский 521, 545, 566, 582,
 584, 617

Список сокращений:

англ. – английский;	маркгр. – маркграф;
ант. – античный;	неизв. – неизвестный;
архиеп. – архиепископ;	нем. – немецкий;
архим. – архимандрит;	норв. – норвежский;
вел. – великий;	плем. – племянник;
венг. – венгерский;	польск. – польский;
верг. – верховный;	римск. – римский;
виз. – византийский;	сакс. – саксонский;
герм. – германский;	св. – святой;
греч. – греческий;	свящ. – священник;
гр. – граф;	Св. РИ. – Священная Римская
грц. – герцог;	империя герм. нации;
дат. – датский;	сканд. – скандинавский;
еп. – епископ;	слав. – славянский;
имп. – император;	супр. – супруга;
ирл. – ирландский;	фр. – французский;
кн. – князь;	чешск. – чешский;
кор. – король;	шв. – шведский;

II.

Имена племенные и местные

А

Авары 83, 115, 340, 343, 597, 598, 606
Aviones, ветвь прибалтийских германцев 225

Австрия, Австрийское гос-во 55, 431, 432, 460

Австрия Нижняя 610

Агримесвидель, оз. 106

Азиатский народ 43, 131

Аламанния, Швабия 399, 400

Алеманны, аламанны 72, 325, 609

Алера, р. 447, 502

Альденбург, Староград 88, 120, 121, 123, 199, 214, 216, 266–268, 276, 314, 451, 452, 453, 454, 466, 511

Алзация, Эльзас 400

Альзен, остр. 370

Altmark, Старая марка 357, 419, 427, 429, 430, 432

Angli 225

Англия 16, 52, 90, 115, 116, 118, 119, 322, 337, 329, 352, 379, 389, 472, 478, 481, 539, 546, 551, 552

Англосаксонское племя, англосаксы 234, 337

Англы 52, 78, 84, 85, 87, 118, 328, 595

Ангриварии 72

Анты 80

Ара, Ohre, Ора, р. 341, 418, 427, 428, 447

Аргуз 452

Arendsee, г. 419, 421

Arendsee, оз. 428

Аркона, г. 127, 151, 186, 205, 206, 208, 220, 235–237, 240–245, 261, 275, 276, 281–283, 285–287, 289–292, 295, 296, 298, 299, 320, 333, 601

Арнебург 427, 503, 504, 509, 519, 520

Архангельская губерния 68

Ассирийцы 232

Асы 108, 249

Аусбург 456

Аустразийцы 381

Африка 73, 233, 335, 624

Ахен 372, 355, 368, 445

Б

Бавария, Баварское кор-во 119, 399, 456, 461

Баварцы 72, 325, 399, 400, 520

Балзамская (Бальсемская) земля, вол., Balsemelande 429, 430, 513

Балтийская страна 77, 80, 83, 86

Балтийская гавань 88

Балтийское море 62–64, 67, 69, 71, 78–80, 82, 84, 85, 86, 88, 110, 120, 181, 365, 367 и др.

Балтийское Поморье 69, 71–81, 84, 93, 101, 106, 111, 120, 122, 172

Бамберг 119, 190, 195, 403, 548

Бани, деревня 169

Бардевик 130, 288, 347, 348, 352, 412

Барденгау, Саксонская вол. 413

Бардская земля, вол. 347, 412

Барды, Bardengawe 412

Барт 182, 183, 217, 267

Белбог, креп. 218, 251

Белград, креп. 131, 148, 151, 216, 218

Белина, р. 328, 366, 367

Белогорье, (Belgrern), г. 524

Белоградская жупа 184

Бельт Малый 113

Belxa, Balxamia, немецкая вол. 419, 423, 427

Bergen, Горска 404

Берлин 62

Biese р. 420

Бирка, гавань 129

Бирка, г. 379

Bleckede, г. 414

Бобер, р. 66, 470, 507, 516

Бобряне, польское племя 66

- Богемия 71, 72, 77, 84, 137, 431, 516, 520
 Богемский лес 429, 430, 520
 Бодентейхский окр. 417
 Бодричи, рогоги 63, 65–68, 84, 90–94, 96, 98, 102, 104–107, 110, 116, 120, 121, 130, 140, 141, 143, 146–148, 153, 164, 168, 170, 172–177, 183, 186, 197, 203, 212, 218, 219, 221, 268, 277, 297, 300, 303, 318, 320, 325–326, 328, 329, 341–345, 347–357, 359–362, 364, 367–377, 380, 381, 384, 387–392, 396, 397, 400, 436, 438, 440, 443, 445, 447, 449, 451–455, 463, 465, 466, 470, 483–488, 491, 395, 496, 500, 501, 503, 507, 509–512, 514, 523, 526–529, 546, 549, 550, 552, 553, 556
 Бодрицкая земля 172, 173, 221, 297, 300, 351, 354–356, 359, 370, 375, 452, 485, 528
 Boitze, селение 417
 Bojovarii 82
 Bokeldeburg, креп. 550
 Бокница, р. 174
 Болгария, Болгарская земля 16, 308
 Болгаре 308, 387
 Боллелонки, Blunk 106, 366
 Bolizi, дер. 428
 Борзник, Борозница, Birznig, Bissenitz 366
 Борнгольм, Bergio 79, 537
 Bornhövde, местечко в Голштинии 349
 Босов, село 528
 Браваль, Bravalla 113, 114
 Брандесбор 487
 Бранденбургия (земля Стодорская) 167, 169, 183, 428, 432
 Бранденбург, Сгорелец 62, 65, 144, 170, 209, 357
 Бранибор, город 439, 447, 448, 449, 487, 499, 500, 501, 504, 512, 519, 549
 Браниборская земля 513
 Брегница 65
 Брежане 65, 171, 419
 Бремен 386, 395, 400
 Бристольский канал 118
 Британия 118, 273, 477, 479
 Бродский мон. 192
 Буг, р. 507
 Bude, Voda, Бода 426
 Будишин, Bautzen 251, 519, 524, 547
 Buckau, Bukow 425
 Буково, креп. 174
 Bühna 413
 Бургундаргольм, Боргундаргольм 474, 475, 536
 Бург 170
 Бутоны 72
 Бытенцы, Bethenz, Bethenici 362, 363
- ## В
- Вагрия 86, 429
 Вагрская земля, страна, жупа 23, 93, 99, 102, 120, 174, 209, 214, 266–268, 279, 452, 470, 528
 Вагры 17, 19–21, 50, 52, 54, 62, 79, 86, 88, 89, 94, 98, 99, 102, 104–107, 116, 120, 123, 130, 143, 173, 197, 214, 219, 266, 275, 278, 287, 290, 297, 300, 302, 314, 318, 328, 329, 332, 340, 341, 351, 451–453, 463, 465, 466, 470, 485, 486, 491, 510–512, 527, 538, 550, 556
 Валгала, жилище сканд. богов 379
 Валахи, волохи 76
 Валлисливо (Walsleben) 440
 Walmerstid, г. 427
 Вандалы, Вандилы 71, 73, 74, 76, 80, 81, 116
 Вансио 536
 Ванцлебенский окр. 425
 Ванцлавская жупа 181
 Ванцлавская обл. 150, 183
 Ванцславский о. 218
 Варины (Varini) 52, 71, 78
 Варта, р. 215
 Варнова, р. 63, 71, 105, 175, 178
 Варны 63, 71, 72, 84, 85, 87, 105, 175, 341, 556
 Варяги 111, 222, 228, 230, 231, 545
 Везер, р. 119, 220, 342, 348
 Велеград Моравский 391
 Велетская земля 345, 346, 359, 373

- Велетский народ 373
Велеты, лютичи 63, 78, 79, 91, 92, 105, 117, 119, 139–144, 168, 297, 328, 329, 341, 343–345, 347, 349–351, 354–356, 359, 362, 364, 367, 373, 377, 380, 381, 392, 436, 440, 454, 558
Вельна, Munster 377
Венгрия 77, 309, 310, 471, 547, 562
Венгры 76, 308, 393, 398–400, 427, 434, 437, 439, 443, 446, 461, 489, 546
Wendfeld 427
Вендланд 404–408, 412–414, 416, 418, 427
Waendlefolkhaeret, вол. 116
Waendsysel, селение 116
Вендская земля 405
Венды, винды 69, 71, 73, 74, 76, 79, 82, 116, 403, 405
Венедский залив 78
Венедское море 69
Венеды, венеты 69, 70, 78–80, 120
Венеция 123
Вербно, креп. 528, 548
Верден на Везере 362
Верле (Werle), замок 175
Вершикрайцы, дер. 169
Весмир, Висмар, г. 121
Весмирский залив 121, 175, 329, 355
Вестготы 81
Westerwandal, г. 116
Вестфалы 508
Видиварии 81, 82, 132
Византия 339
Wilzetze im Drawehn (Осеча), дер. 405
Вильта 118
Вильтбург, креп. 116, 119
Вильтон, г. 118
Вильцы, велеты, вальцы 110, 117, 118
Виндилы, вандалы, вандалики 71
Виндландия 11, 112
Виндо-велеты 79
Vindorf, селение 417
Виндская земля 71, 82
Winaebioerghaeret, вол. 116
Winaebiorg, Виндский г. 116
Виниды 119
Виния 532
Vinstedt, селение 413
Вирингольт, поле 502
Wippergau, р. 413
Вирибург 119, 403
Висла, р. 62, 64–67, 69–71, 76, 78, 82, 84, 120, 128, 148, 184, 216, 221, 322, 367, 387, 392, 493, 505, 507
Виспирк, Везенберг, на Травне 366
Витов, п/остр. 282
Волга, р. 77
Волегош (Wolgast), г. 182, 183, 218, 243, 260, 276, 281
Волегош (Wolgast), креп. 91, 260
Волегошане 260
Волльмирштедтский окр. 422, 424, 425
Волльмирштедт (Walmerstedt), Ustige, г. 427
Волохи, валахи, волхи 76
Волхов, р. 230, 231
Вольнская жупа 183
Волынцы 64, 68, 101, 102, 124, 125, 127, 164, 265, 277, 305, 466, 469, 470
Волынь (Wollin) 64, 101, 102, 120, 122–126, 129, 130, 132, 154, 159, 161, 164, 206, 210, 216–218, 239, 241, 242, 265, 269, 276, 277, 301, 303, 305, 306, 329, 380, 473, 482, 564
Ворленская жупа 175
Восток 393
Востров 179
Вратиславль 524
Вурцен 524
Высок, г. 169
- ## Г
- Гавельбергская еп. 169, 170, 454, 464
Гавельберг 130, 169, 171, 172, 260, 303, 487, 503, 519
Гавола, р. 65, 66, 130, 171, 172, 178, 328
Гаволяне, стодоряне 65, 68, 170, 171, 260, 297, 439, 463
Гадда, остр. 533
Галла, Halle на р. Сале 130, 353
Галлия 69, 73, 81, 324, 335–337
Галльский океан 368
Галлы 116
Гальберштадт, г. 495

- Гамбург, г. 85, 120, 122, 130, 352, 353, 358, 361, 364, 366, 378, 382, 383, 384, 385, 386, 413, 438, 488, 502, 503, 511, 527, 550, 556, 561, 562
- Гамбургская еп. 400, 562
- Гамвик, слобода 383
- Ганзейские города 123
- Ганновер 405
- Ганноверское кор-во 352, 357, 404–405, 412, 416, 418, 427, 432
- Гардарика (Русь) 536
- Hardau, р. 413
- Гарделенгенский окр. 419, 423, 424
- Гард, креп. 217
- Гардише, креп. 217
- Гардчин, креп. 217
- Gardze, Гардец, Градец 414
- Gartow 357
- Гартовский окр. 404, 411, 412, 414, 416
- Гарц 427
- Гарцгероде 427
- Гарцкая вол. (Hardego) 426
- Гданьск 126, 128, 184, 218, 493, 505, 506
- Гельдрия 116
- Гепиды 73, 81, 82
- Gerdau, р. 413
- Германия 69, 70, 73, 75–77, 86, 88, 92, 111, 114, 115, 117–119, 121, 125, 128, 129, 145, 146, 154–157, 166, 172, 174, 212, 214, 221, 287, 308–310, 320, 322–326, 335–338, 341–343, 346, 347, 350, 352–356, 358–362, 364, 369–382, 384–392, 394, 385, 397–403, 412, 419, 430–432, 434–436, 438–440, 443–449, 453, 455, 456, 462–466, 471, 472, 486, 489–491, 495, 499, 501, 502, 505, 507, 509, 515, 518, 520, 549, 557, 559, 560, 561, 563
- Германская империя 309, 310, 334, 339, 352, 354, 357, 375, 380, 435, 436, 457, 471, 489
- Германская земля 92
- Германский народ, племя, кор-во 69, 71, 74, 75, 78, 89, 93, 120, 314, 340, 505
- Германцы 68, 70, 71, 73, 75, 77, 81–84, 86, 87, 91, 94, 100, 117, 133–136, 165, 183, 210, 221, 224, 226, 231–233, 248, 249, 297, 316, 320, 329, 331, 335, 336, 340
- Гермундуры 71
- Герулы 84–87
- Гильдесгейм 502
- Hildesleue, Hillersleben 428
- Гиорунгский залив 533
- Гитцакерский окр. 412, 414
- Глинская вол. 170
- Глиняне 62, 65, 171, 175, 214, 341, 354, 356, 357, 360, 362, 381, 387–390, 403, 406, 411–413, 416, 419, 556
- Глогов 131, 523
- Гломачи, далеминцы 66, 398, 435, 515
- Глюкштадт 461
- Гнезно 506
- Голзаты, голштинцы 87, 550
- Голландия 79, 115–117, 119, 322, 428
- Голландцы 429, 431
- Голмгардия, Новгород, г. 536
- Голштиния 62, 84, 85, 115, 221, 297, 322, 328, 340, 347, 348, 350, 351, 355, 357, 361, 362, 429, 435, 474, 507, 551
- Гонтимиры 170
- Gohrde, большой лес 412, 417
- Горм, кор-во 443
- Горный мыс 269
- Гостков 154, 182, 183, 276, 304
- Готия, Готская земля 112, 476
- Готское царство 80
- Готы 71, 73–81, 111, 226
- Hochbuoki, креп. 357, 362
- HohenVicheln, дер. 175
- Грабово 170
- Градище, креп. 215
- Грейсфальд, креп. 217, 218
- Греки 83, 129, 230, 303, 307, 338, 561
- Гренландия 378, 472, 540, 563
- Гренландцы 378
- Греция, Греческая земля 123, 339, 538, 539, 544
- Гробницкий мон. 150
- Гробно 150
- Грозвино 181

Грютунги 80
Гунны 81, 84, 111, 112, 335, 495
Гутин, креп. 217
Гутоны, герм. племя 71, 72

Д

Дакия 76, 77, 81, 83
Дамбьягора, дер. 150
Дания 86, 90, 91, 93, 98, 99, 106, 111, 112, 121, 129, 206, 210, 308, 310, 348, 351, 354, 355, 361, 362, 368, 369, 370, 377, 379, 380, 385–387, 450–452, 471, 472, 474–46, 479, 481–483, 505, 512, 531, 535, 538, 539, 541, 544, 552–554, 561, 563, 564
Данненбергский окр. 404, 408, 411, 412, 414–416
Даномалхийские, Даномаркские, Датские о-ва 114
Данциг 62
Даргунь 174, 180, 214
Darsekau, Даржков, дер. 404
Датская земля 543
Датский материк 88; берег 88, 90–92; остр. 98, 111, 114
Датский народ 129
Датское гос-во 111, 476
Датчане, даны 66, 79, 85, 86, 88–93, 98–101, 105, 107–115, 121–124, 127, 132, 167, 183, 205, 206, 208, 210, 217, 219, 220, 291, 319, 321, 322, 328, 329, 344, 351, 352, 354–356, 359, 361, 362, 364, 369–372, 378, 380, 382, 385, 386, 443, 448, 466, 470–473, 482, 542, 545, 546, 549, 553–555, 560
Delvunda, Steknitz, p. 366, 367, 373
Деричев, г. 173
Деричево, село 528
Дерлово, креп. 184, 218
Deutsch-Evern, дер. 414
Дивенова, р. 125, 269
Дисдорфский мон. 428
Дитмарсы 87, 550
Дитте, р. 404
Днепр, р. 66, 70, 80, 231
Днепровские пороги 67

Добино, креп. 175, 209
Добинская жупа 175
Добролуг 516
Добрянский, Доберанский мон. 203
Доленица, р. 64, 178, 182, 293
Доленчане 64, 105, 143, 178, 180, 183, 292, 297–299, 462, 503, 558, 559
Dömitz, г. 360
Дон, р. 395
Донауверт 119
Доша, р. 457
Дошане 171
Drausen, оз. 129
Drawehn, Drevani, часть Вентланда 406, 408, 409
Древане (древяне) 68, 405, 406
Древляне 80, 403, 406–409, 412
Дрогавица, дер. 169
Drömling, Trimminging 423
Дронтгейм 554
Дронтгеймский народ 540
Дунай, р. 66, 70, 72, 73, 76, 77, 85, 335, 357, 367, 390, 393, 398
Дунайская страна 76, 83
Дунайские славяне 164
Дымин 122, 125, 126, 130, 154, 158, 181, 183, 451
Дедошане, польское племя 66

Е

Европа 71, 81, 84, 94, 105, 111, 117, 122, 130, 219, 234, 284, 286, 291, 307, 322, 324, 338, 350, 352, 368, 369, 382, 383, 394, 395, 401, 560, 561
Европейский народ 94
Египет 245
Египтяне 245
Ezho, креп. 550
Езераы, г. 170
Elbing 129
Esterau, Steterau, p. 413
Eudoses, ветвь балт. германцев 225
Еще, Ецель, р. 406

Ж

Жиромунты, жупа 426
Житицкое епископство 464

З

Залабская марка 387, 472
Залабье 383, 497
Зальцведель 405, 428, 431
Зальцведельский окр. 405, 418, 419, 421
Западная империя 376, 381, 394
Запад 377, 378, 386, 388, 394
Зверин 209, 526
Зверинская жупа 175
Зверинское оз. 175
Зеландия 114, 473, 474, 479, 530, 536
Земчицы 72
Земчичи, обл. 169–171
Зумы 72

И

Изофиорд 479
Иллирия 84
Илово, урочище 175
Иловская жупа 175
Ильменау, р. 413
Ильмень, оз. 387
Ингельгейм (во Франконии на Рейне) 375
Индия 69, 250, индийские воды 69
Инды, индийцы 69
Инн, р. 400
Ираклия 83
Ирландия, остр., страна 478, 539
Исландия, остр., страна 378, 472, 473, 540, 563, 564
Исландцы 122, 262, 378, 546
Испания 73, 335, 336
Италия 129, 146, 324, 335, 336, 370, 389, 469, 471, 472, 486, 490, 505, 508, 511, 520, 562
Итальянцы 76, 92

Й

Йомсбург 473–475, 478, 479, 481–483, 513, 530, 531, 536, 541, 553, 554
Йом, провинция 478

К

Кавказ 106
Кальве 487, 488

Каменица, Chemnitz 398
Каменская жупа 184
Камень 118, 122, 125, 126, 150, 155, 217, 218
Кампания 469
Cantvarii, жители Кента 82
Капуа, г. 469
Карвоны 78
Кареоты, куроны, корей 78
Карины, германское племя 71
Карпатские горы, Карпаты 67, 77, 81, 387, 398
Карфаген, г. 123
Kaulitz, дер. 428
Кведлин 445
Кведлинбург, г. 438, 490, 504, 514, 515
Кельн, г. 344
Кельты 337
Кильский залив 366, 367
Киргизы 73
Кицин 178
Кичане 63, 105, 106, 143, 178, 180, 183, 276, 297, 328, 528
Киев, г. 123, 230, 521
Clenobie, Klonowo 427
Clenze, Клонска 404, 410
Клодно 125, 126
Книтлинги 263, 264
Кобылица, Мариенбург, креп. 169
Cocarescemii 456
Колдуи 72
Коледичи, ветвь лабских сербов 72
Колленская скала (на берегу Скании) 478
Колобрег 126, 128, 150, 217, 218, 269, 506
Колобрежская жупа 184
Колобрежцы 128
Компъень 371, 375
Соппобург, Конёв 359, 360
Констанцкое оз. 395
Кореница 206, 208, 220, 262, 276, 303, 333
Корино, дер. 150
Корсь 108, 110
Кослин 218
Котины, дер. 169

Кашубы 65
Краков, г. 137, 138, 308, 492
Кремпина, р. 89
Крепениц, поток 150
Крестово 217
Кривичи 222
Кросно 131, 516, 520
Курляндия 78
Кутинская жупа 175
Кушин, Cusin 528

Л

Лаба, р. 73, 84–86, 92, 118, 130, 171, 172, 214, 221, 261, 320, 322, 323, 326, 371, 513, 514, 516, 519, 521, 524, 528, 547, 548, 550, 556
Ладога 541
Лаз, дер. 405
Ламаншский пролив 368
Лангобарды 78, 81, 84
Ланкосарги 71
Лауенбург, г. 62, 373, 414, 416
Лауенбургский край 363
Лауенбургское герц-во 62
Леба, р. 218
Лебусь, г. 65
Lemgow, Linegou, вол. 406, 411, 412, 419
Лемовии 75
Ленцен 362
Лешане 182, 218
Литва 65, 68, 78, 92, 225, 226, 251, 269, 566
Литовское племя, поколение 66, 78, 82, 226, 251
Лозди, Лоздей, Зальведель 405
Лозица, дер. 221
Ломбардия 520
Лончин, Lenzen 214, 357, 557
Лорау, р. 413
Лотарингия, Лотарингское кор-во 400, 437, 448
Лошица, г. 182, 183
Луара 81
Luhe 413
Лугии 71–73, 76–78
Лужица 496, 507, 516, 546, 547

Лужицы 491, 509, 514, 516, 519, 520
Лужичане 66, 470
Лужицкая земля 507, 509, 516, 519, 520, 524, 547, 548
Лужицкая марка 507
Лузация 66
Любек 318, 366
Любин 218
Любица, Любек, селение 174, 318, 557
Людины, дер. 169
Люнебург 347, 550
Lüneburger Heide 413
Люнебургский край 68, 418
Люттикенбург, Люциленбург, Лютенбург 87, 115, 214, 451
Лютичи, велеты 63–65, 67, 78, 79, 90–94, 98, 104, 105, 107, 110, 111, 115, 116, 130, 131, 136, 139, 141–146, 148, 152, 153, 164, 167, 177, 178, 180–183, 197, 200, 209, 211, 217, 218, 221, 243, 244, 257, 295, 296, 297–299, 302, 303, 320, 325, 328, 329, 333, 341, 344, 396, 403, 443, 447, 449, 471, 485, 486–488, 491–493, 495–497, 499–501, 503, 504, 507, 508, 511, 512, 514–517, 519–521, 523, 524, 526, 529, 546–549, 558, 559, 562. См. также велеты
Люттицкая земля, жупа 174, 177, 182, 221
Люттицкий народ 393
Люхов 404
Люховский окр. 404, 409, 411, 418
Lucie, часть Вендланда 407, 411
Леск, Liezsa, Leiseau, близ Магдебурга 516
Лешичи 169, 170, 171, 423, 463
Ляхи 67, 68, 71, 76, 77, 110, 114, 115, 328, 368, 389, 390, 392–394, 403, 507
Ляшская земля 77
Ляшское племя 66, 114, 145; ляшские ветви 505, 546
Лечин, Lunkini, Lensen 440

М

Магдебургская обл., жупа 426
Магдебург 66, 130, 170, 172, 342, 352,

353, 425, 426, 438, 445, 463–465, 487,
497, 500, 508, 512, 516, 518, 519, 523
Магдебургская митрополия, церковь
172, 465, 499
Мадьяры 393, 395, 306, 398
Мазовия 566
Мазовшане 67, 76, 566
Майн, р. 119, 220
Майнцкая митрополия 463
Малахово, Malchom 175, 209, 276
Малаховская жупа 175
Маленская земля 169
Малицы, дер. 169
Мариенбург, Кобылица 169
Марка Старая 357, 419, 427, 429; Но-
вая 419
Маркоманны, Свевская отрасль 71
Марскинская земля 429
Междуречье, Мезенречье 181, 365,
516
Мейсенская земля 246
Мекленбург 98, 452, 484, 488, 503, 557
Мекленбург-Стрелицкое герц. 64,
178
Мекленбург-Шверинское герц. 63, 64
Мекленбургия 62, 64, 341, 343, 356,
360, 363
Мелкуны, дер. 169
Мерзебург 443, 519, 547, 566
Мерзебургская вол., укрaina, жупа
426, 499
Мерзебургская епархия, церковь 101,
268, 297, 312, 464
Меря 80
Мец 495
Микилинбург, Рарог 121
Мильда 524
Мильчане 66, 507
Mintga, часть волости Belxa 423
Мисния 66
Могильна, г. 72
Мокряница 170
Монастырь Новый 95
Моравия 391, 392, 397; Моравская
державa, земля 308, 391, 393, 492
Моравцы 168, 233, 387, 524, 564
Мордва 80

Морец, оз. 64
Морачанская жупа 172
Моричане, морачане 64, 68, 130, 170–
172, 183, 261, 297, 353, 423, 425, 463
Моричи 169
Mosidi, вол. 423, 425, 427, 429, 431
Мотица, село 528
Муганы 72
Мышин, Meissen, креп. 438, 507, 566
Мышинская марка 490
Мышинское епископство 464
Мюрицкое оз. 178
Мэн, остр. 539

Н

Нагарвалы, ветвь лугиев 224
Накло, креп. 131, 216
Нарва, г. 361
Нейбург 175
Нейгальдентлебенский окр. 425
Некурины 169
Нелетичи, обл. 169–172, 419, 423, 463
Неман 22, 53
Немецкая империя, земля 72, 73, 85,
161, 367, 377, 393, 394, 399, 400, 403,
444, 499, 501, 514
Немецкая обл., укрaina 438, 440, 449,
502
Немецкий народ 84, 335, 341, 347, 391,
395, 401
Немецкое море 69, 84, 86, 129, 328,
350, 352, 365
Немецкое гос-во, племя 73, 81, 85,
394, 395, 436
Немцы 66, 70–73, 76, 80, 82, 85–94,
96, 98, 100–102, 106, 107, 110, 115,
119, 120, 122, 123, 125, 127, 130–
132, 141, 145–147, 158, 173, 174,
183, 186, 192, 198, 214, 218, 219, 221,
224, 240, 266, 287, 290, 292, 302, 307,
309, 310, 314, 315, 317, 318, 320–
322, 328, 331, 332, 335, 337, 341, 345,
347, 351–353, 359–362, 364, 366,
367, 369–373, 375, 380, 381, 384–
392, 396, 398, 401–403, 406, 419,
428, 431, 432, 436–438, 440, 441,
443–450, 454–458, 461–466, 470–

472, 483, 487–489, 491, 493–497,
499–501, 503–505, 507, 508, 511–
520, 523, 524, 527, 529, 547–550,
552, 556, 558, 560, 564

Немцы, г. 496, 523

Neetze, р. 413

Neukloster, Кутин, г. 175

Неценна, село 528

Нидарос, Дронтгейм 554

Нидерланды 116, 329, 396

Низов, Nizem 169, 172

Новая марка 419

Новгород 67, 80, 111, 231, 536–538

Норвегия 85, 114, 129, 310, 368, 473,
532, 533, 536, 539–541, 543–545,
551, 554, 561, 563, 564

Норвежский народ, норвежцы 113,
129, 378, 534, 535, 540–544, 554

Нордалбингия 85–88, 98, 105–107,
300, 340, 348–350, 354, 358–362,
364, 365, 371, 377, 382, 383, 385, 386,
396, 400, 401, 511, 527, 550

Нордалбинги, нордлюды 87, 347, 348,
551

Нордалбингская марка 358, 383

Нордсаввы, нордшвабы 325

Nordsuevego, вол. 419

Nordthuringo, вол. 419, 423, 425, 426,
428, 431

Норманны 368, 369, 375–377, 380–
383, 385, 387, 388, 396, 397, 402, 434,
435, 502, 503

Нотечь, р. 148, 215, 216

Нудичи, жупа 426, 463

Nuithones, ветвь балт германцев 225

Нюрнберг, г. 119

О

Одерский лиман 128, 219

Одра, Одера, р. 63–66, 84, 101, 102,
120, 122, 124, 148, 150, 185, 209, 215,
216, 328, 368, 444, 449, 454, 462, 465,
496, 502, 505, 506, 516, 520

Океан, Балтийское море 86, 225; оке-
ан Западный 83

Ольденштадтский окр. 417

Ора, Ohre, р. 342, 418, 423, 427, 428,

447. См. также Ара

Оркады 540, 563

Осии, литовское племя 78

Остербургский окр. 419, 420, 423

Остервальде 431

Остервальдская вол. 428

Остер-Вандель, г. 116, 418, 419, 423

Острогард 123

Острожна, Поморская обл. 152, 182,
218

Отинги (юты) 79

П

Падерборн 370, 385

Паннония 81, 307

Париж, г. 370

Пархимская жупа 175

Певки 70

Пеласги 232

Персанта 128, 131, 148, 151, 184

Персы 250

Плавское оз. 175

Плони, обл. 170, 171

Плун, г. 130, 209, 214, 275, 276

Плунское оз. 86, 106, 349

Поблоте, дер. 150

Пове́т 155

Подгорицы, дер. 428

Podesal, дер. 169

Поздоволк, на р. Укрице 513

Познань 131, 516

Полабская украйна, марка 363, 364

Полабцы 62, 68, 130, 173, 174, 175,
214, 254, 277, 297, 300, 341, 357, 363,
528, 556, 557

Польская земля, гос-во 110, 505, 507,
515, 520, 524, 566

Польский народ 57, 328

Польша 102, 128, 131, 144, 149, 210,
214–216, 233, 306, 308–310, 312,
393, 491, 493, 499, 505–507, 509,
516, 520–524, 546, 547, 559, 565, 566

Поляки 66–68, 92, 98, 114, 115, 128,
138, 145, 161, 168, 184, 210, 213–
216, 220, 394, 465, 467, 471, 490, 492,
493, 495, 496, 499, 505, 507, 514–
516, 519–521, 523, 524, 547, 548

Поляне 67, 68, 76, 78, 138, 231
 Померания 62, 64, 343
 Поморская земля 125, 128, 183
 Поморский народ 124; поморские славяне 156
 Поморье 69, 71–84, 91, 93, 96, 98, 99, 101, 102, 104, 106, 111, 115, 120, 122–126, 128, 131, 132, 139, 143, 146–157, 159–161, 164–166, 168, 172, 180, 183, 184, 186, 189, 190, 192, 197, 202, 208, 210, 211, 214–217, 219–221, 224, 225, 239, 244, 248, 251, 261, 264, 267–269, 271, 275, 276, 282, 286–292, 295–299, 302, 304–306, 315, 322, 323, 326, 329, 333–335, 340–343, 345–347, 350, 352, 355, 357, 359–361, 364, 372, 375, 376, 378, 380, 381, 386, 387, 390, 397, 403, 471, 505–507, 513, 544, 545, 559, 565, 566
 Поморяне 64, 67, 68, 76, 82, 91–93, 96, 98–103, 120, 140, 148, 150, 151, 154–160, 163–166, 176, 186, 192, 198, 210, 213–217, 220, 221, 223, 239, 241, 270, 300–303, 306, 312, 314, 320, 322, 392, 473, 482, 493, 505, 520, 529, 546, 566
 Похлустины, г. 169
 Прага, г. 492, 515, 516
 Преселье, дер. 405
 Пресечь, Pretzetz, дер. 405
 Придунайская земля 76
 Прилбица, Prillwitz 179
 Примсигда, остр. 534
 Priseri, г. 170
 Прон, дер. 257
 Процепины, Преципины (Priecipini) 169
 Пруссия 64, 129, 405, 418, 424, 431, 493
 Прусская земля, монархия (Старая марка) 226, 432
 Прусское гос-во 419
 Прусы 65–67, 82, 92, 110, 120, 122, 129, 216, 224, 225, 251, 303, 331, 332, 492, 493, 505, 566
 Преслава, г. 172
 Пустихова, дер. 150

Пырица, креп. 160, 161, 164, 216
 Пырицкая жупа 184
 Пена, р. 559, 563
 Пехово, г. 170

Р

Рабуны, дер. 169
 Раданица, р. 119
 Радигош, Radegast 111, 143, 179, 183, 209, 243, 244, 258, 268, 276, 281, 292–294, 296–300, 329, 332, 333, 414, 511, 558, 559
 Радова, р. 151
 Раконицы 137
 Рана, остр. 89, 90, 97, 126, 148, 152–155, 166, 167, 177, 197, 206, 218, 220, 221, 225, 235, 262–264, 266, 267, 269, 281, 282, 284, 285, 287, 288, 298, 303, 313
 Рандское оз. 536
 Ране 64, 68, 90–93, 98, 102, 103, 124, 126, 127, 148, 151, 152, 159, 164, 167, 177, 185, 203, 235–238, 243, 263, 268, 282–285, 287–291, 298, 299, 301–303, 320, 321, 333, 334, 467, 482, 485, 488, 535
 Ранская земля 239, 253
 Ранское племя 262, 263
 Рароги, бодричи 63, 104, 105, 121, 341
 Рарог, г. 121, 129, 329, 354, 355, 360
 Ратаре, радгошане 64, 104, 105, 143, 178–180, 183, 245, 258, 292, 293, 295–299, 333, 440, 444, 445, 455, 462, 466, 469–471, 505, 512, 514, 559
 Ратарская марка 351
 Ратибор (Ratzeburg), г. 209, 214, 254, 557
 Ревель 361
 Рега, р. 126
 Регенсбург 455, 518
 Рейдготское кор-во, Рейдготия 110–112, 114, 329
 Reudigni, ветвь балтийских германцев 225
 Рейн, р. 70, 72, 73, 77, 117, 335–37, 344, 358, 375
 Рейнфельденский мон. 221

- Ретра, Радигош 292, 293
 Римляне 69, 71, 73, 76, 77, 81, 228, 307, 336, 338
 Римская империя 80, 81, 84, 86, 308, 335, 336, 350
 Рим 101, 304, 309, 337–340, 350, 368, 376, 436, 492, 560, 563, 564
 Рипа, гавань 129
 Рипен 452, 554
 Roddau, р. 413
 Розмок, дер. 169
 Рокитница 63
 Романская земля 315
 Ромовское поле 226, 303
 Росток, г. 178, 205, 276
 Руги 73, 75–77, 79, 81
 Русская земля 123, 131, 231, 537
 Русские 80, 106, 122, 123, 129, 285
 Русские славяне 68, 77, 222, 227, 229–231
 Русское гос-во 80, Русь 77, 81, 107, 112, 129, 131, 138, 168, 222, 230, 306, 308, 462, 464, 492, 523, 536–538, 539, 541, 545, 560
 Руян, Ругия, Рюген, остр. 64, 74, 119, 220, 268, 333, 471
 Руяне 64, 122, 457, 458.
 Rügenwalde 184
 Речане 64, 462
 Речница 178, 181, 182
- С**
 Сазавский мон. 564
 Саксония 344, 370, 372, 398–400, 419, 435–437, 440, 446, 448, 456, 462, 499, 502, 503, 508, 510, 529, 538, 557, 562
 Саксонская земля 370, 396, 401–403, 406, 419, 426, 427, 508
 Саксонская украина, марка 374, 390, 438, 443, 446, 463
 Саксонское кор-во, герц-во 398, 455
 Саксы 72, 85–88, 90, 91, 93, 101, 105–107, 116–118, 122–124, 130, 147, 209, 248, 303, 308, 314–316, 319, 320, 322, 324–326, 328, 338, 340–344, 347–352, 354–359, 361, 362, 367, 368, 371, 372, 381, 382, 384–386, 388, 390, 394, 386–403, 406, 413, 414, 429–431, 435–437, 448, 455, 456, 462, 474, 484, 495, 499, 501, 502, 508, 511, 529, 548, 550, 555
 Сала, Салаява, р. 66, 84, 130, 353, 387, 390, 402, 403, 426, 430, 463, 487, 547
 Сарматия 78
 Сарматы 69, 71, 73
 Свантагора, Swantow, дер. 269
 Svategard, урочище 269
 Svantust, дер. 269
 Suardones, ветвь прибалтийских германцев 425, 426, 431
 Свевская вол. 427
 Свевы 70–72, 76, 135
 Свелюбе, дер. 150
 Свентана 349
 Свентина, р. 366, 367
 Sventonie (Centonie), дер. 427
 Свина, р. 208
 Светла Страна 455
 Свята 118
 Святой остров 269
 Сгорелец, Брааденбург 144, 171, 209, 241, 276
 Severovinful, Severovingul 427
 Седмиградия 76
 Seehausen, г. 419
 Сельполь, вол. 496
 Сембы, пруссы 110
 Семландия 122
 Семноны 72
 Сербище, жупа 518
 Сербо-лужицкое племя 66
 Сербо-туригская марка 402
 Сербская земля, украина, марка 439, 507, 548
 Сербы 66, 72, 84, 168, 220, 233, 308, 312, 324, 325, 353, 357, 367, 375, 381, 387–393, 403, 425, 432, 436, 438–450, 464, 470, 491, 502
 Сербы дунайские 66
 Сербы лужицкие 98, 251, 491
 Сербы полабские 66, 119, 131, 268, 312, 324, 343, 344, 353, 357, 375, 381, 388, 390–393, 396, 398–400, 402,

- 403, 425, 432, 435; залабские 464;
предлабские 464; эльбские 438
- Сибины 72
- Силезия 66, 131, 221, 496, 523
- Синландия, южная часть Ютландии 370
- Сирбины 72
- Сирия 544
- Скагеррак 116
- Скандинавия 73, 76, 79, 85, 108, 230
- Скандинавский народ, гос-во, племя 105, 111, 472, 511, 529, 546
- Скандинавы 82, 110, 111, 113, 115, 132, 217, 218, 224, 249, 322, 331, 332, 352, 358, 368, 369, 377, 379, 380, 384, 386
- Скандия 226
- Скания 89, 473, 478
- Скифия 77, 80
- Славенбург, Vlaerdingen 117
- Славия 88
- Славно, креп. 184, 218
- Славоборица, дер. 150
- Славония фризская 117
- Славяне русские 68, 77, 222, 227, 229, 230, 231; дунайские 164
- Славяне волынские 123; голландские 117; польские, ляхские 64; поморские 82, 83, 87, 95, 546; залабские 404; стодорские 171
- Славянская земля 71, 76, 81, 82, 88, 106, 108, 119, 291, 292, 503, 511–513, 537, 541, 545, 553, 559–563
- Славянская держава, вол. 512, 556
- Славянский народ 76, 78, 78, 81, 85, 88, 90, 99, 101, 102, 122
- Славянское племя 77, 78, 81, 86, 106, 112, 115, 502
- Славянское гос-во 559
- Славянское Поле (das Wendfeld) 427
- Славянское Поморье 83, 97, 98, 115, 123, 126, 128
- Словаки 168
- Словацкая земля 546
- Словенцы 343, 387; альпийские 343, 375
- Смольняне 62, 341, 354, 356, 357, 359, 360, 362, 363, 414
- Спрева, р. 65, 496
- Спревлянская обл. 171
- Спревяне 65, 68, 170
- Старая марка 357, 427, 429, 430, 432.
См. также Altmark
- Старград, креп. 184
- Староградская страна, земля 167, 168, 170, 171, 209, 214, 221, 268, 277, 304, 393; роца 281, 300
- Староградская епархия 452, 454, 528
- Старыгарт, Альденбург 88, 120, 121, 199, 214, 216, 266–268, 276, 314, 451–454, 557; Старый град 466, 511
- Стаурин, Ноген, гавань 541
- Стедербург 446
- Стекница, р. 366, 367
- Стендальский окр. 423–425
- Стибенский окр. 137
- Стодорская земля, страна 353, 393, 448, 463, 508
- Стодоряне 65–67, 72, 84, 92, 119, 130, 131, 140, 141, 143, 144, 187, 303, 320, 325, 326, 328, 341, 342, 392, 402, 419, 423, 425, 436, 438, 439, 443, 447, 448, 450, 454, 470, 486, 487, 491, 495, 512
- Стодоряния 131
- Столл, Слуп, креп. 184, 218
- Скотборгара, р. 554, 555
- Страсбург 395
- Стрелиц 62
- Стрелицкое герц-во 293
- Стрела, остр. 268
- Стурмары 87, 550
- Стырь, Stor, р. 371
- Сусельская жупа 174
- Сунмэрия 533
- Сусельцы, ветвь лабских сербов 390
- Сусле, креп. 174, 214
- Северное море 70
- Север 386
- Т**
- Текменица, р. 150
- Тервинги 80
- Taetendorf, селение 413
- Толлензское оз. 179
- Тонгера, р. 489

Травна, р. 63, 86, 318, 366, 367
 Trajectum, Утрехт, креп. 116
 Транды, Drontheim 540
 Требела, р. 182
 Требетов, Treptow, креп. 218
 Требочец, Tribsees 182, 183
 Thrimming, Drömling 423
 Трусо, гавань 129
 Туле, остр. 85
 Тунсберг, г. 532
 Тургольт, мон. во Фландрии 378
 Туринги 325, 381, 390
 Турингия 322, 323, 325, 349, 396, 398–400, 402, 419, 425, 426, 429, 430, 432, 437, 440, 446, 448, 520
 Турингская укрaina, марка 390, 439, 461, 463, 470

У

Угорская земля 76
 Uelzen, г. 413
 Узноим, креп. 125, 150, 161–163, 165, 183, 449
 Укра, р. 64; Укрица 513
 Укряне 64, 68, 143, 181, 183, 297, 444, 455, 462
 Улмеруги 74
 Упсала, г. 129, 230
 Устье (Uscz), г. 216
 Утинская жупа 174
 Утин, г. 214
 Утрехт, Trejectum, креп. 116, 117

Ф

Фарэи 540
 Фареицы 378
 Фемборские вары 90
 Фембра (Фемерне), остр. 62, 89, 90
 Финикия 129
 Финский зал. 77, 362, 545
 Финны 70, 76, 79, 378, 478
 Фиония 113, 476–478, 480, 536
 Фландрия 358, 377, 378, 428, 562
 Фракия, Фракийский п/остр. 83, 307
 Франки 84, 115, 139, 324, 325, 336–338, 340–342, 344, 346–348, 351, 352, 355, 356, 359, 382, 399

Франкония 372, 375, 399, 400, 403, 538
 Франконцы (франки) 399
 Франкфурт-на-Одере 62, 373, 374
 Франкская монархия, держава, империя 342, 377, 349, 351, 372, 377
 Франция 117, 350, 360, 375, 379, 383, 388, 389, 399, 458, 462, 472
 Фризия 538
 Фризы 72, 116, 117, 130, 325, 368, 380
 Фрисландия 387, 360
 Фульда, р. 119, 323
 Фульда, мон. 388, 400, 403

Х

Хавки, хамавы, северные немцы 72
 Хатты, Хессы 72
 Хижане 452, 558, 559
 Хорваты 168, 239, 343, 375, 387
 Хоругане 119, 233
 Хостне, Koss, остр. 217
 Хотьков, Гостьков 182, 304
 Хутичи 398

Ч

Чарников 216
 Чедно, креп. 215
 Челехова, дер. 150
 Черезпеняне 64, 68, 105, 143, 178–180, 189, 297, 462, 558, 559
 Черное море 70, 77, 79, 82
 Чертово, г. 170
 Чехия 66, 137, 310, 357, 391, 392, 430, 492, 499, 524, 559
 Чехи 66, 84, 92, 98, 107, 115, 119, 137, 138, 143, 168, 220, 227–229, 232, 233, 308, 309, 312, 324, 325, 343, 367, 375, 376, 387, 392–394, 396, 400, 402, 415, 439, 465, 490, 492, 495–497, 505–507, 515–517, 520, 521, 523, 524, 546, 547, 558, 564
 Чешская земля 66, 393
 Чешское гос-во 507, 559
 Чудь 67, 80, 222

Ш

Швабия 399, 400, 437
 Швабы 72, 434

Шван на реке Варнов, г. 175
 Шведы, шведский 20, 45, 54, 57, 79,
 108, 113, 128, 378, 379, 472, 505,
 540–545, 568
 Шверин 62, 209, 572, 583, 630, 649
 Шверинское озеро 209
 Швеция 19, 20, 54, 55, 89, 128, 129,
 320, 368, 377, 379, 380, 386, 451, 505,
 536, 540, 561, 563, 564, 568, 569, 572,
 574, 579, 580, 583, 614, 616, 617, 621
 Schwienu, р. 413
 Шезель, г. 130, 352
 Шельда, р. 309
 Schlauen-Lohnfeld 325
 Шлезвигская земля, страна, украина
 52, 85–87, 114
 Шлезвиг, Шлесторн, Гедиби 123, 129,
 130, 351, 386, 387, 451, 452, 472, 550,
 554, 579, 582, 583, 598, 618, 619, 663
 Шлейский лиман 86
 Шлея, р. 86, 554, 356, 451, 538
 Шотландия 478, 539, 557, 590, 599,
 639
 Шотландские горы 273
 Штетин, г. 62, 570, 576
 Штральзунд (Стральзунд) 62, 217,
 268

Щ
 Щетинская жупа 184, 215
 Щетинская креп. 217
 Щетинцы 124, 242
 Щетин, г. 122, 124–126, 130, 149, 150,
 154, 158, 161–165
 Щитно, г. 124, 182

Щитненская обл. 124, 150

Э
 Эвагеры, вагры 79
 Эгдора, Эгидора, Eider, р. 86, 365, 328,
 367, 370, 550
 Эзеское поле 361
 Эзесфельдобург, Itzenho, креп. 361,
 371, 377, 435
 Эльба 18, 30, 33, 62, 65–67, 71, 72, 77,
 122, 322, 335, 340–342, 344, 345,
 347–363, 365–367, 370, 371, 373,
 384, 385, 387, 388, 390, 391, 366, 398,
 401–408, 412–419, 423, 425, 427–
 432, 434–438, 440, 444, 446–449,
 454, 455, 462–465, 470, 487–489,
 495, 497, 499, 500, 502–505, 507,
 508, 511, 573, 585, 587, 598, 600, 611,
 612, 619, 626, 641, 658–660, 665
 Эрулы 80
 Эстония 536, 582, 616, 617, 621
 Эсты 82, 92; эстонцы 536, 604

Ю
 Юлин, Юмне, Волын, г. 122, 123, 265,
 329, 466, 469, 470, 482
 Юра, Ура, р. 342, 428
 Ютландия, п/остр. 79, 85, 111–116,
 322, 329, 370, 443, 554
 Ютробог 518
 Юты, отинги 79

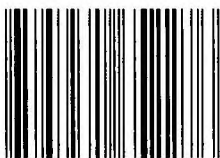
Я
 Ярина, г. 519
 Ясмунд, п/остр. 264

Список сокращений:

вол. – волость;	креп. – крепость;
г. – город;	мон. – монастырь;
герц-во – герцогство;	обл. – область;
гос-во – государство;	оз. – озеро;
дер. – деревня;	окр. – округ;
еп. – епархия, епископия;	остр. – остров;
зал. – залив;	п/остр. – полуостров;
кор-во – королевство;	р. – река

«РУССКАЯ ПАНОРАМА»

*Возвращенное
наследие:
памятники
исторической
мысли*

Научное издание

ГИЛЬФЕРДИНГ Александр Федорович

ИСТОРИЯ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН

*Редакционная коллегия проекта
«Возвращенное наследие»:*

В.В.Дегоев, В.А.Захаров, И.А.Настенко,
Ю.В.Яшнев

Художественное оформление: И.А.Настенко.
Набор и техн.редактирование: О.Е.Пугачева.
Корректоры: О.Е.Пугачева, Е.А.Скочигорова.
Выпускающий редактор: И.А.Настенко.

НП ИД «Русская панорама». 109028, Моск-
ва, Серебряническая наб., 27, оф. 103. Тел.:
(495) 9175983; 9177094. E-mail: in@rus-pan.ru

РБИЦ «Блиц». 191024, Санкт-Петербург, ул.
Полтавская, д. 14. Тел.: (812) 717 4355. E-mail:
blitz@blitz.spb.ru; web: www.blitz-store.ru

Подписано в печать 24.02.2013.

Формат 60 х 90/16. Бумага офсетная. Гарни-
тура Peterburg. Печать офсетная. 44 п/л. Пе-
реплет № 7. Тираж 1500 экз. Заказ № С-577.

Отпечатано в полном соответствии с качест-
вом предоставленного электронного ориги-
нал-макета в типографии филиала ОАО
«ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-пресс».
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

